

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXXIX.

1885.

МАЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1885.





СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ **Л. Майковъ**.

(Вышла 1-го мая).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

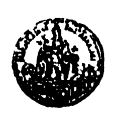
ЧАСТЬ CCXXXIX.

1885.

МАЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

 Типографія В. С. Балашева Наб. Екатерининскаго кан. № 78. 

1885.



Екатерининскій кан., д. № 78.
2629

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (12-го февраля 1885 года). **Объ увеличеніи оклада содержанія законоучителя Варшавской 1-й мужской гимназіи.**

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ увеличеніи оклада содержанія законоучителя Варшавской 1-й мужской гимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи оклада содержанія законоучителя Варшавской 1-й мужской гимназіи, мнѣніемъ положилъ: на содержаніе законоучителю Варшавской 1-й мужской гимназіи и настоятелю гимназической церкви отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1885 г., вмѣсто 800 руб., по одной тысячи пятисотъ руб., ежегодно, съ тѣмъ, чтобы въ счетъ сей суммы отчислялись съ того же времени пособіемъ государственному казначейству изъ сбора за ученіе въ означенной гимназіи по четыреста руб. въ годъ, со внесеніемъ обѣихъ сихъ суммъ, съ будущаго 1886 г., въ подлежащія подраздѣленія финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія; потребный же въ текущемъ году на изъясненную надоб-

ность дополнительный расходъ обратить на имѣющіе образоваться остатки отъ смѣтныхъ назначеній по вѣдомству народнаго просвѣщенія на 1885 г., предоставивъ сему вѣдомству о тѣхъ смѣтныхъ подраздѣленіяхъ, на счетъ кредитовъ коихъ будетъ удовлетворенъ разрѣшаемый нынѣ расходъ, сообщить своевременно министерству финансовъ и государственному контролю.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

2. (25-го февраля 1885 года). О присвоеніи мундировъ почетнымъ членамъ и членамъ соревнователямъ Коммисаровскаго техническаго училища.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о присвоеніи мундировъ почетнымъ членамъ и членамъ соревнователямъ Коммисаровскаго техническаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить,

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о присвоеніи мундировъ почетнымъ членамъ и членамъ соревнователямъ Коммисаровскаго техническаго училища, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить слѣдующее правило: почетнымъ членамъ и членамъ соревнователямъ Коммисаровскаго техническаго училища въ Москвѣ, не пользующимся правами государственной службы, присвоиваются мундиры: первымъ—VI, а вторымъ—VII разряда вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателями и членами.

3. (5-го марта 1885 года). Объ открытіи новыхъ и преобразованіи существующихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ

открытіи новыхъ и преобразованіи существующихъ среднихъ учебныхъ заведеній, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи новыхъ и преобразованіи существующихъ среднихъ учебныхъ заведеній, мнѣніемъ положилъ:

I. Преобразовать, съ 1-го іюля 1885 г., Златопольскую и Елисаветградскую шестиклассныя и Владикавказскую четырехклассную мужскія прогимназіи въ полныя гимназіи, а Ржевскую четырехклассную прогимназію—въ шестиклассный составъ.

II. Учредить, съ 1-го іюля 1885 г., въ предмѣстьѣ гор. Варшавы—Прагѣ, полную восьмиклассную мужскую гимназію и въ гор. Тифлисѣ—четырехклассную мужскую прогимназію, образовавъ, съ того же срока, первое изъ сихъ учебныхъ заведеній въ составѣ приготовительнаго и первыхъ четырехъ классовъ, а второе—въ составѣ двухъ классовъ, съ дальнѣйшимъ затѣмъ ежегоднымъ прибавленіемъ въ нихъ по одному классу.

III. Содержаніе приготовительнаго и первыхъ четырехъ классовъ Прагской гимназіи въ 1885 г. отнести на средства гор. Варшавы, а содержаніе въ томъ году V класса Владикавказской гимназіи—на спеціальныя средства оной.

IV. Отпустить на содержаніе въ 1885 г. гимназій: Тифлисской—11628 р., Златопольской—227 р. 50 к,. Елисаветградской—912 р. 50 к. и Ржевской прогимназіи—2612 р. 50 к., а всего пятнадцать тысячъ триста восемьдесятъ руб. пятьдесятъ коп.

V. Потребныя на содержаніе упомянутыхъ выше (п. I и II) учебныхъ заведеній суммы вносить, съ 1886 г., въ мѣрѣ дѣйствительной надобности, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія, показывая, съ того же срока, по доходной смѣтѣ названнаго министерства, пособіемъ государственному казначейству, жертвуемые изъ мѣстныхъ источниковъ на содержаніе Прагской гимназіи 11430 р., Златопольской—1660 р., Ржевской прогимназіи—2000 р. и отчисляемые изъ суммы сбора за ученіе на содержаніе Елисаветградской гимназіи 2250 р. и Златопольской—300



р., а всего по семнадцати тысячъ шестисотъ сорока руб. въ годъ.

VI. Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Прагской, Златопольской и Елисаветградской гимназій и Ржевской прогимназіи остатки раздѣлять на двѣ части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую, причитающуюся на долю мѣстныхъ обществъ или на спеціальныя средства—оставлять, по принадлежности, въ распоряженіи сихъ обществъ, или возвращать въ спеціальныя средства, для употребленія на нужды учебныхъ заведеній.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

28-го февраля 1885 года (№ 4). Производится: бывшій библіотекарь С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, коллежскій совѣтникъ Николай Казанскій—въ статскіе совѣтники.

Утверждаются на три года: дѣйствительный статскій совѣтникъ Акинфовъ и отставной гвардіи ротмистръ Беръ—почетными попечителями гимназій: первый—Владимірской и послѣдній—Пензенской.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Устиновъ и титулярный совѣтникъ Горбуновъ—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Саратовскаго и послѣдній—Великолуцкаго.

Командируются съ ученою цѣлію: а) въ Россіи и за границу: директоръ Кавказскаго музея и Тифлисской публичной библіотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Радде—на шесть мѣсяцевъ.

Лекторъ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ Веске—на два года.

и б) за границу: учитель Кіевскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Мурашко и кандидатъ Императорскаго Казанскаго университета Остроумовъ—на три мѣсяца.

Кандидатъ Императорскаго университета св. Владиміра Мерингъ—на одинъ годъ.

Сверхштатный лаборантъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ Бѣляевъ и кандидатъ сего университета Станкевичъ—на два года.

Магистръ Качановскій—на три года.

Увольняется согласно прошенію: сенаторъ, тайный совѣтникъ Фришъ—отъ должности постояннаго члена отъ правительства при управленіи главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ.

18-го марта 1885 года (№ 5). Перемѣщается: попечитель Оренбургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сольскій—попечителемъ Одесскаго учебнаго округа.

Назначаются: помощникъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михайловъ—попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа и окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Лаврентьевъ—помощникомъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Утверждаются: членъ консультаціи при министерствѣ юстиціи учрежденной, дѣйствительный статскій совѣтникъ Туръ—постояннымъ членомъ отъ правительства при управленіи главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ нынѣ должности.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Смирнитскій—почетнымъ попечителемъ Самарскаго реальнаго училища на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: сверхштатному астроному Николаевской главной астрономической обсерваторіи магистру Струве по 1-е октября 1885 г. и лаборанту Императорскаго Новороссійскаго университета Вернеру—на одинъ годъ.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: исправляющій должность архитектора Императорскаго Дерптскаго университета Гулеке—на два мѣсяца.

Ординарные профессоры Императорскаго университета Св. Владиміра Рахманиновъ, Алексѣевъ, Бунге, Баранецкій и Шиллеръ, директоръ Варшавскаго ветеринарнаго училища Сѣнцовъ и преподаватель сего училища Журавскій—на лѣтнее вакаціонное время 1885 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Рельманъ—съ 4-го мая по 10-е августа 1885 г.

Ординарные профессоры Императорскаго университета Св. Владиміра Ѳеофилактовъ, Паульсонъ и Хандриковъ—на лѣтнее вакаціонное время 1885 г. и двадцать восемь дней.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Смирновъ—съ 4-го мая по 20-е августа 1885 г.

Помощникъ прозектора Императорскаго Московскаго университета лѣкарь Губаревъ—съ 1-го мая по 20-е августа 1885 г.

Помощникъ библіотекаря Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ Базинеръ—на полгода.

Прозекторъ Дерптскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ Кундзинъ—съ 1-го мая 1885 г. по 1-е февраля 1886 года.

Увольняются въ отпускъ: попечитель Варшавскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Апухтинъ—на двадцать восемь дней, въ Орловскую губернію (Высочайшее повелѣніе 7-го марта 1885 г.), и профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, коллежскій совѣтникъ Крупскій—на четыре мѣсяца и лѣтнее вакаціонное время 1885 г., по болѣзни, за границу (Высочайшее повелѣніе 11-го марта 1885 г.),

Увольняются согласно прошеніямъ: попечитель Одесскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Лавровскій—отъ службы и почётный попечитель Самарскаго реальнаго училища, самарскій 1-й гильдіи купецъ Субботинъ—отъ сей должности.

24-го марта 1885 года (№ 6). Производятся: попечитель Коммиссаровскаго техническаго училища въ Москвѣ, дѣйствительнный статскій совѣтникъ Петръ Губонинъ—въ тайные совѣтники и почетный попечитель Ананьевской гимназіи, неимѣющій чина Антонъ Корбе—въ надворные совѣтники; оба за отличіе. Исправляющіе должность помощниковъ дѣлопроизводителей департамента народнаго просвѣщенія Александръ Ивановъ и Евгеній Янковскій—въ коллежскіе регистраторы.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (8-го марта 1885 года). Правила для стипендіи Александры Дорофеевны Котовой.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На пожертвованный потомственною почетною гражданкою Александрою Дорофеевною Котовою капиталъ заключающійся въ облигаціи восточнаго займа 2-го выпуска въ одну тысячу рублей учреж-

дается при С.-Петербургскомъ университетѣ стипендія Александры Дорофеевны Котовой.

§ 2. Пожертвованный капиталъ хранится вѣчно неприкосновеннымъ, а проценты съ него получаемые по полугодно употребляются на взносъ платы за слушаніе лекцій стипендіатомъ.

§ 3. Пользованіе стипендіею предоставляется нуждающимся студентамъ православнаго исповѣданія, прослушавшимъ съ успѣхомъ лекціи въ теченіе двухъ полугодій.

§ 4. Назначеніе стипендіи предоставляется правленію С.-Петербургскаго университета, съ увѣдомленіемъ потомственнаго почетнаго гражданина Константина Евграфовича Котова объ избранномъ стипендіатѣ.

2. (22-го марта 1885 года). **Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича при Архангельской мужской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 18-й день марта 1885 года, учреждается на проценты съ капитала въ пятьсотъ рублей, пожертвованнаго архангельскимъ 2-й гильдіи купцомъ Егоромъ Осиповичемъ Поповымъ, при Архангельской гимназіи одна стипендія въ ознаменованіе празднованія дня совершеннолѣтія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

§ 2. Означенный капиталъ заключается въ государственныхъ 5% билетахъ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ этой суммы каждогодно употребляются на взносъ платы за ученіе и на учебныя пособія бѣднаго хорошаго ученика, происходящаго преимущественно изъ дѣтей нижняго воинскаго званія, а при недостаткѣ таковыхъ — изъ другихъ сословій, но въ обоихъ случаяхъ—родившихся въ Архангельской губерніи.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназіи изъ числа пробывшихъ не менѣе года въ гимназіи бѣднѣйшихъ и способныхъ учениковъ, оказывающихъ, при отличномъ поведеніи, хорошіе успѣхи въ наукахъ при соблюденіи условій, высказанныхъ въ предыдущемъ §.



§ 5. Стипендіату, оставшемуся на второй годъ, въ томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена только въ виду особо уважительныхъ причинъ, признанныхъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ либо другимъ причинамъ остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (31-го марта 1885 года). Правила для стипендіи умершей жительницы г. Варшавы Маріанны Ивановны Велюнской.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ руб., пожертвованнаго по духовному завѣщанію умершей жительницы г. Варшавы Маріанны Ивановны Велюнской, учреждается при С.-Петербургскомъ университетѣ стипендія имени Маріанны Ивановны Велюнской.

§ 2. Означенная стипендія въ 250 руб. ежегодно назначается одному изъ недостаточныхъ студентовъ С.-Петербургскаго университета уроженцевъ Царства Польскаго безъ различія факультетовъ, которому зачтены уже два полугодія.

§ 3. Назначеніе студенту стипендіи производится на основаніи общихъ установленныхъ для сего правилъ.

§ 4. Для полученія и сохраненія стипендіи необходимо имѣть при контрольныхъ и состязательныхъ испытаніяхъ въ среднемъ выводѣ не менѣе четырехъ и не менѣе трехъ балловъ изъ каждаго предмета.

§ 5. Свободные остатки, могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи, предоставляется употреблять на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

4. (31-го марта 1885 года). Положеніе о стипендіи отставнаго поручика Петра Ивановича Щукина при Новгородской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ триста рублей, пожертвованные отставнымъ поручикомъ Петромъ Ивановичемъ Щукинымъ, учреждается при новгородской гимназіи одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключается въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала выдаются стипендіату на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и другія его нужды.

§ 4. Стипендіею могутъ пользоваться исключительно обучающіяся въ гимназіи дѣти крестьянъ Валдайскаго уѣзда, преимущественно Яжелбицкой волости деревень Усихи, Быково и Петрово, при непремѣнномъ условіи прилежанія и безукоризненнаго поведенія.

§ 5. Избраніе стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Въ случаѣ ненахожденія въ гимназіи лицъ, могущихъ воспользоваться стипендіею поручика Щукина, проценты со стипендіальнаго капитала помѣщаются въ мѣстную сберегательную кассу государственнаго банка и, по мѣрѣ накопленія, обращаются въ государственныя процентныя бумаги для увеличенія числа стипендій. Тоже назначеніе получаютъ и могущіе быть остатки отъ стипендій.

§ 7. Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса, но можетъ быть лишенъ ея, по опредѣленію педагогическаго совѣта, за безуспѣшность или неодобрительное поведеніе.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (2-го апрѣля 1885 года). Правила для стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ильи Федуловича Громова.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ сто рублей, пожертвованнаго по духовному завѣщанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника и коммерціи совѣтника Ильи Федуловича Громова, учреждается при с.-петербургскомъ университетѣ стипендія имени Ильи Федуловича Громова.

§ 2. Означенная стипендія въ 305 руб. ежегодно назначается одному изъ недостаточныхъ студентовъ с.-петербургскаго университета преимущественно изъ обѣднѣвшихъ купцовъ и мѣщанъ г. С.-Петербурга.

§ 3. Назначеніе стипендіи, согласно волѣ завѣщателя, предостав-

ляется наслѣднику И. Ф. Громова дѣйствительному статскому совѣтнику Владиміру Александровичу Ратькову-Ражнову, а послѣ смерти его правленію университета.

§ 4. Для полученія и сохраненія стипендіи необходимо имѣть при контрольныхъ или состязательныхъ испытаніяхъ въ среднемъ выводѣ не менѣе четырехъ съ половиною и не менѣе трехъ балловъ изъ каждаго предмета.

§ 5. Свободные остатки, могущіе образоваться отъ незамѣщенія сей стипендіи, должны быть присоединяемы къ основному капиталу стипендіи для увеличенія ея размѣра.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(15-го февраля 1885 года). Утверждены: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Цѣхановецкій—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 26-го ноября 1884 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фолькъ—деканомъ богословскаго факультета сего университета, съ 1-го января 1885 г.; ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лицея, докторъ уголовнаго права, статскій совѣтникъ Сокольскій—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по каѳедрѣ государственнаго права, съ 29-го января 1885 г.; доценты Императорскаго С.-Петербургскаго университета, доктора: Глазенапъ, Гоби и Воейковъ и магистръ Будаевъ—экстраординарными профессорами сего университета по каѳедрамъ: Глазенапъ—астрономіи и геодезіи, Гоби—ботаники, Воейковъ—физики и Будаевъ—чистой математики, съ 1-го января 1885 г.; доценты Императорскаго Казанскаго университета, доктора медицины Сколозубовъ и Котовщиковъ—экстраординарными профессорами сего университета, первый—по каѳедрѣ нервныхъ болѣзней и второй—по каѳедрѣ врачебной діагностики, съ 1-го января 1885 г.; доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, магистръ Куплевасскій—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ государственнаго права, съ 1-го января 1885 г., доценты Императорскаго Новороссійскаго университета, магистры: Рейнгардъ и Чижовъ—экстраординарными профессорами сего университета, первый—по каѳедрѣ ботаники и послѣдній—по каѳедрѣ энциклопедіи права и

исторіи философіи права, съ 1-го января 1885 г.; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея Суворовъ—ординарнымъ профессоромъ сего лицея по каноническому праву, съ 1-го декабря 1884 г.; преподаватель русскаго языка и словесности гимназіи историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, статскій совѣтникъ Михайловскій—наставникомъ сего института, съ 7-го февраля 1885 года; поручикъ Бологовскій—помощникомъ почетнаго попечителя Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, на три года; коллежскій совѣтникъ Корвинъ-Круковскій — вновь членомъ по хозяйственной части Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, на три года; директоръ Варшавской ветеринарной школы, преобразованной въ Варшавское ветеринарное училище, статскій совѣтникъ Сѣнцовъ — директоромъ сего училища, съ 4-го декабря 1884 г.; елисаветградскій городской голова, потомственный почетный гражданинъ Пашутинъ — почетнымъ попечителемъ Елисаветградской мужской прогимназіи, на три года; заслуженный преподаватель Орловской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Вараксевичъ, старшій нотаріусъ Орловскаго окружнаго суда, губернскій секретарь Кочетовъ, отставной прапорщикъ Римскій-Корсаковъ, частный повѣренный по судебнымъ дѣламъ Померанцевъ и орловскій купецъ Кашкинъ—членами попечительства Орловскаго Александровскаго реальнаго училища, на три года; статскій совѣтникъ Риттихъ, коллежскій ассессоръ Григоровичъ, поручикъ Шереметьевъ, коллежскій регистраторъ Башкатовъ; потомственные почетные граждане: Адамовъ и Холинъ; купцы: Я. Аксеновъ, Засѣдателевъ, Фроловъ и Г. Аксеновъ—членами попечительства Ливенскаго реальнаго училища, на три года; коллежскій совѣтникъ Круликовскій, коллежскій ассессоръ Кульвецъ, сарапульскіе купцы: Барановъ и Осиповъ—членами попечительства Сарапульскаго реальнаго училища, на три года; надворный совѣтникъ Бурхановскій, коллежскій ассессоръ Галичъ, штабсъ-капитанъ Малама и верхнеднѣпровскій 2-й гильдіи купецъ Покровскій—членами попечительства Екатеринославскаго реальнаго училища, на три года; статскій совѣтникъ Поповъ — почетнымъ попечителемъ Вольской учительской семинаріи, на три года; коллежскій секретарь Ралли—вновь почетнымъ попечителемъ Байрамчской учительской семинаріи, на три года.

Назначены: инспекторъ студентовъ Императорскаго Варшавскаго

университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ—начальникомъ Варшавской учебной дирекціи, съ 1-го февраля 1885 г.; орловскій губернскій предводитель дворянства, церемоніймейстеръ Высочайшаго двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ржевскій, предсѣдатель Орловскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ князь Сонцовъ-Засѣкинъ, предсѣдатель Орловской губернской земской управы, коллежскій секретарь Шеншинъ и управляющій Орловско-Витебскою желѣзною дорогою, инженеръ, надворный совѣтникъ Хлуденовъ—членами попечительства Орловскаго Александровскаго реальнаго училища, на три года.

Опредѣлены: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Помяловскій — членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ настоящей должности, съ 1-го декабря 1884 г.; дѣлопроизводители VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ Дебольскій и титулярные совѣтники: Ленцъ, Гусаковскій и Таскинъ—дѣлопроизводителями VII класса сего департамента, съ 27-го января 1885 г.; сынъ отставнаго маіора Николай Шалацкій—на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, помощникомъ дѣлопроизводителя сего департамента, съ 20-го января 1885 года.

Перемѣщены: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Шерцль — ординарнымъ профессоромъ въ Императорскій Новороссійскій университетъ, на каѳедру сравнительнаго языкознанія, съ 1-го января 1885 г.; директоры реальныхъ училищъ: Орловскаго Александровскаго, статскій совѣтникъ Леоновичъ и Скопинскаго, коллежскій совѣтникъ Бердниковъ — директорами реальныхъ училищъ: первый — Смоленскаго Александровскаго и послѣдній — Орловскаго Александровскаго, съ 19-го января 1885 г.; начальникъ Сѣдлецкой учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Барановъ — начальникомъ Калишской учебной дирекціи, съ 1-го февраля 1885 года.

Переведены на службу, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: старшій врачъ 12-го стрѣлковаго баталіона, докторъ медицины, коллежскій ассессоръ Ястребовъ—съ утвержденіемъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по каѳедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней съ клиникою, съ 27-го января 1885 г., и съ зачисленіемъ въ запасъ чиновниковъ военно-медицинскаго вѣдомства; консультантъ

С.-Петербургскаго Николаевскаго военнаго госпиталя, докторъ медицины, статскій совѣтникъ Лешъ — съ назначеніемъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго университета св. Владиміра по каѳедрѣ врачебной діагностики съ пропедевтическою клиникою, съ 1-го февраля 1885 года.

Оставлены на службѣ, на три года: директоръ Могилевской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Ставровичъ, съ 27-го декабря 1884 г.; на пять лѣтъ: директоръ Кишиневской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ, съ 12-го октября 1884 года; завѣдывающій гимназіею Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, наставникъ-руководитель сей гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нейлисовъ, съ 21-го октября 1884 года; директоръ Олонецкой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Елецкій, съ 19-го ноября 1884 года.

Уволены въ отпускъ: въ Россіи: на двадцать восемь дней: директоръ Демидовскаго юридическаго лицея, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кремловъ, въ Москву и С.-Петербургъ, и директоръ Красноуфимскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Соковнинъ, въ разныя губерніи, послѣдній по болѣзни; за границу: на три недѣли, почетный попечитель С.-Петербургской седьмой гимназіи Русановъ; на одинъ мѣсяцъ, сверхштатный ординаторъ Императорскаго Московскаго университета, лѣкарь Варнекъ; на два мѣсяца, архитекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, коллежскій секретерь Іосса: съ 20-го мая по 15-е августа 1885 года, учитель Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища Корде, по болѣзни; на три мѣсяца: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шренкъ и почетный смотритель Рогачевскаго городскаго училища, коллежскій секретарь фонъ-Верманъ, оба по болѣзни; на четыре мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера, князь Гедройцъ и преподаватель гимназіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, коллежскій ассессоръ Ивановскій, послѣдній по болѣзни.

Отчисленъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ сему министерству, надворный совѣтникъ Траутфеттеръ, съ 12-го декабря 1884 г., по случаю причисленія его къ департаменту неокладныхъ сборовъ министерства финансовъ.



Уволены: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Сухомлиновъ и ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Митгофъ — отъ настоящихъ должностей, согласно прошеніямъ, первый съ 30-го декабря 1884 г. и послѣдній съ 1-го января 1885 г.; лифляндскій ландратъ, въ званіи камергера, статскій совѣтникъ фонъ-Рихтеръ, согласно прошенію, отъ должности предсѣдателя училищной коллегіи гимназіи Императора Александра II, въ м. Биркенруэ, Лифляндской губерніи; директоръ Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чемолосовъ—отъ службы, согласно прошенію, съ 17-го декабря 1884 г., съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный; директоръ Кременчугскаго Александровскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Самусь—отъ службы, за выслугою срока, съ 31-го января 1885 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: преподавательницамъ Смоленской Маріинской женской гимназіи: Аѳонасьевой, Бороздиной и Козловской—за отлично-усердную и ревностную ихъ службу; совѣту главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, начальнику адмиралтейскихъ ижорскихъ заводовъ, контръ-адмиралу Гадду; управляющему нижне-тагильскими заводами Демидова князя Санъ-Донато, горному инженеру, статскому совѣтнику Грамматчикову; управляющему газовымъ заводомъ общества освѣщенія газомъ С.-Петербурга, въ 1835 году учрежденнаго, надворному совѣтнику Кульбергу; директору рельсоваго и механическаго завода общества путиловскихъ заводовъ, отставному гвардіи поручику Фойгту; директору правленія Высочайше утвержденнаго товарищества картонно-тольнаго производства А. Науманъ и К°, дворянину Задлеру; владѣльцу кожевеннаго завода въ С.-Петербургѣ, коммерціи совѣтнику Брусницыну; владѣльцу писчебумажной фабрики въ Красномъ-Селѣ, инженеръ-технологу, потомственному почетному гражданину Печаткину; владѣльцу невской писчебумажной фабрики въ С.-Петербургѣ, потомственному почетному гражданину Варгунину; владѣльцу маслобойнаго завода въ С.-Петербургѣ, потомственному почетному гражданину Жукову; владѣльцу крупчато-пшенично-вальцовой мельницы, рыльскому купцу Рыловникову; главному уполномоченному общества франко-русскихъ заводовъ (бывшихъ Берда),

инженеру Дю-Бюи и управляющему газовымъ заводомъ высочайше утвержденнаго общества столичнаго освѣщенія, прусскому подданному Гейнце—за просвѣщенное ихъ содѣйствіе успѣхамъ учебнаго дѣла въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ; члену Духовщинскаго училищнаго совѣта, Смоленской губерніи, состоящему нынѣ ельнинскимъ уѣзднымъ исправникомъ Орлу—за ревностные и полезные труды для поддержанія и развитія народнаго образованія въ Духовщинскомъ уѣздѣ; попечительницѣ Псковскаго городскаго женскаго приходскаго одноклассного св. Ольги училища Гросманъ—за заслуги на пользу дѣла народнаго образованія; вязниковскому городскому головѣ и почетному смотрителю Вязниковскаго городскаго училища Елизарову—за усердные труды въ дѣлѣ матеріальнаго обезпеченія означеннаго училища; горному инженеру, статскому совѣтнику Носову—за пожертвованіе имъ для Изюмскаго реальнаго училища учебныхъ пособій; вдовѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Дервизъ и сыну ея Сергѣю фонъ-Дервизъ—за пожертвованіе въ пользу бѣднѣйшихъ учениковъ Гатчинской учительской семинаріи; попечителю Маныческо-Балабинскаго народнаго училища, Черкасскаго округа, Донской области, уряднику Еремѣеву за пожертвованіе дома въ пользу сего училища; почетному блюстителю Братушанскаго, Ясскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, одноклассного начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія Кузьминскому—за пожертвованіе въ пользу сего училища.

Исключены изъ списковъ умершіе: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, горный инженеръ, генералъ-лейтенантъ Гельмерсенъ; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ Кистяковскій; начальникъ Калишской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тернавскій и директоръ Оренбургскаго учительскаго института, надворный совѣтникъ Поповъ.

(22-го марта 1885 года). Утверждены: ординарные профессоры Императорскаго Московскаго университета: тайный совѣтникъ Захарьинъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Новацкій — въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 1-го февраля 1885 г.; ординарные профессоры Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительные статскіе совѣтники: Романовичъ-Славатинскій, Демченко, Ренненкампфъ и Ромеръ — въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 23-го августа 1884 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный

статскій совѣтникъ Драгендорфъ—вновь проректоромъ сего университета, на три года, съ 4-го марта 1885 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эрдманъ—деканомъ юридическаго факультета сего университета на три года, съ 4-го марта 1885 г.; доценты Императорскаго Харьковскаго университета: докторъ медицины, статскій совѣтникъ Дудукаловъ и магистръ Ярошъ — экстраординарными профессорами сего университета по каѳедрамъ: первый—оперативной хирургіи и послѣдній—энциклопедіи права и исторіи философіи права, оба съ 1-го февраля 1885 г.; доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, магистръ, коллежскій ассессоръ Армашевскій — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ минералогіи и геологіи, съ 1-го февраля 1885 г.; доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ Блокъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ государственнаго права, съ 28-го февраля 1885 г.; инспекторъ Самарской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Пятницкій—директоромъ новочеркасской гимназіи, съ 7-го марта 1885 г.; инспекторъ Кишиневской прогимназіи, преобразованной въ Кишиневскую вторую гимназію, состоящій въ VI классѣ Сигъ—директоромъ сей гимназіи, съ 17-го февраля 1885 г.; лифляндскій ландратъ баронъ Тизенгаузенъ—предсѣдателемъ училищной коллегіи гимназіи Императора Александра II въ м. Биркенруэ, Лифляндской губерніи, съ 15-го февраля 1885 г.; магистръ химіи Императорскаго Московскаго университета Сарандинаки—директоромъ Петровскаго Ростовскаго-на-Дону реальнаго училища, съ 14-го февраля 1885 г.; учитель Тамбовскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Заринскій—директоромъ сего училища, съ 14-го марта 1885 г.; тайный совѣтникъ Батюшковъ—вновь почетнымъ попечителемъ Устюженской мужской прогимназіи, на три года; суражскій уѣздный предводитель дворянства, корнетъ Кулябко-Корецкій—почетнымъ попечителемъ Суражской прогимназіи, на три года; надворный совѣтникъ Баулинъ, коллежскій секретарь Сапожниковъ, кандидатъ правъ Савельевъ и нижегородскій 1-й гильдіи купеческій сынъ Башкировъ—членами попечительства Нижегородскаго реальнаго училища, на три года; врачъ Невядомскій, кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Грязновъ, почетный гражданинъ Полушинъ, ковровскій купеческій сынъ Дербеневъ, купеческій сынъ Витовъ, купцы: Новиковъ, А. Гамбуринъ, Н. Бурылинъ, Д. Бурылинъ и Н. Гандуринъ — чле-

нами попечительства Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища, на три года; учитель ровенскаго реальнаго училища Калабановскій—инспекторомъ народныхъ училищъ, состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, съ 8-го марта 1885 г.; бѣлозерскій землевладѣлецъ, надворный совѣтникъ Афанасьевъ—почетнымъ попечителемъ Череповской учительской семинаріи, на три года.

Назначены: членъ археографической коммисіи министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Майковъ—правителемъ дѣлъ сей коммисіи, съ 1-го февраля 1885 года; настоятель церкви при миссіи нашей въ Стокгольмѣ, протоіерей Павелъ Образцовъ—профессоромъ православнаго богословія въ Императорскій Дерптскій университетъ, съ 1-го февраля 1885 года; преподаватель практическихъ занятій по турецко-татарскому языку при спеціальныхъ классахъ лазаревскаго института восточныхъ языковъ, коллежскій совѣтникъ Саковъ—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора сего языка въ этомъ институтѣ, съ 28-го февраля 1885 года.

Опредѣлены: ученый секретарь главной физической обсерваторіи, надворный совѣтникъ Штеллингъ, и инспекторъ метеорологическихъ станцій, надворный совѣтникъ Абельсъ—директорами магнитно-метеорологическихъ обсерваторій: первый—въ городѣ Иркутскѣ, съ 1-го февраля 1885 г. и послѣдній — въ городѣ Екатеринбургѣ, съ 1-го января 1885 г., съ прикомандированіемъ Штеллинга по 1-е іюля 1885 г., а Абельса до 1-го мая 1885 г., къ главной физической обсерваторіи.

Опредѣлены на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному: кандидатъ Императорскаго, Московскаго университета Иванъ Кристи, съ 7-го марта 1885 г.; окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента Николай Мазаровичъ, съ 28-го февраля 1885 г., съ откомандированіемъ для занятій въ Императорскую публичную библіотеку.

Командированъ съ ученою цѣлью внутрь Имперіи, экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Богдановъ — на шесть съ половиною мѣсяцевъ.

Оставлены на службѣ: по 5-е марта 1888 г., инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и

Волынской, статскій совѣтникъ Коленко; на пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гойеръ, съ 19-го сентября 1884 г.; директоръ народныхъ училищъ Кутаисской губерніи, статскій совѣтникъ Левитскій, съ 6-го января 1885 г.; ординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фохтъ, съ 9-го января 1885 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шмидтъ, съ 3-го февраля 1885 г.; директоръ ейскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Чечелевъ, съ 12-го февраля 1885 г.; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вецъ, со дня выслуги 25 лѣтняго срока по учебной части.

Уволены въ отпускъ: въ Россіи: на десять дней, директоръ Витебской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Масловскій, въ С.-Петербургъ, по болѣзни; на одиннадцать дней: директоръ Шавельской гимназіи, статскій совѣтникъ Шолковичъ, въ С.-Петербургъ, по болѣзни; на четырнадцать дней, директоръ Варшавской второй мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Троицкій, въ Москву; на семнадцать дней, окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ, въ С.-Петербургъ; на двадцать восемь дней, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ефремовъ, во внутреннія губерніи; на мѣсяцъ, окружный инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Великановъ, въ разныя губерніи; на полтора мѣсяца, почетный попечитель С.-Петербургской седьмой гимназіи Русановъ, въ Архангельскую, Олонецкую и Вологодскую губерніи; на четыре мѣсяца, чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Янкевичъ, въ разныя губерніи, по болѣзни; въ Россіи и за границу: на праздники св. Пасхи: директоръ Влоцлавскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Головачевскій; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и пятнадцать дней, директоръ Острожской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богатиновъ, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и двадцать девять дней; директоры гимназій: Императорской Казанской первой, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крел-

ленбергъ и Владимірской — статскій совѣтникъ Сыроѣчковскій, оба по болѣзни; за границу: на праздники св. Пасхи: исправляющій должность инспектора Калишской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Царевскій и учитель Глуховской прогимназіи Сормиличъ, первый по болѣзни; на четырнадцать дней, учитель Грубешовской прогимназіи Поскривицкій; на двадцать восемь дней: почетный попечитель Тульской гимназіи, титулярный совѣтникъ Селезневъ и учитель танцевъ Императорскаго Дерптскаго университета Эбергардтъ, первый по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вериго; директоръ Старобѣльской Александровской гимназіи, статскій совѣтникъ Гаекъ; инспекторъ Орловской гимназіи, статскій совѣтникъ Долежелъ; учители гимназій: Московской шестой—Шнейдевиндъ; Костромской—статскій совѣтникъ Колянковскій; Корочанской Александровской—Валькеръ; Тифлисской первой—статскій совѣтникъ Гуммель и коллежскій совѣтникъ Шосте и Эриванской: Боголюбскій, Шпигановичъ и Шушковскій; инспекторъ Уманской прогимназіи, статскій совѣтникъ Ронталеръ; учители сей прогимназіи: Верещагинъ, Бенкгаузенъ, фонъ-Герсдорфъ и Пелеховичъ и учитель приготовительнаго класса Эриванской учительской семинаріи, губернскій секретарь Іоакимовъ, — изъ нихъ Гаекъ и Валькеръ, по болѣзни; съ 1-го іюня по 16-е августа 1885 года, учитель Костромской гимназіи Дотцауеръ; на два мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія: коллежскій ассессоръ, въ званіи камеръ-юнкера Иваненко и коллежскій секретарь князь Абамелекъ-Лазаревъ и исправляющій должность учителя Уральской войсковой мужской гимназіи Фюреръ; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и двадцать восемь дней, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ Крушевскій, по болѣзни; съ 25-го мая по 25-е августа 1885 года, учитель С.-Петербургской седьмой гимназіи, статскій совѣтникъ Леференцъ, по болѣзни.

Уволены согласно прошеніямъ: членъ археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія, правитель дѣлъ оной, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тимоѳеевъ — отъ должности правителя дѣлъ, съ 1-го февраля 1885 года; директоры гимназій: Новочеркасской — статскій совѣтникъ Щегловъ и мужской Императора Александра II въ м. Биркенруэ, докторъ Кохъ—отъ сихъ долж-

ностей, первый съ 7-го марта и послѣдній съ 7-го февраля 1885 года; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петровъ—отъ службы, съ 17-го марта 1885 года.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: законоучителямъ уѣздныхъ училищъ: Лидскаго, протоіерею Іосифу Кояловичу и Дисненскаго, священнику Александру Грязнову, и священникамъ, законоучителямъ училищъ: Гродненскихъ, 1 и 2 приходскихъ — Григорію Кудрицкому; народныхъ: Хорошевичскаго — Петру Преображенскому; Олтушскаго — Платону Тыминскому; Хотиславскаго — Ѳедору Ситкевичу; Домачевскаго — Александру Дружиловскому; Красностокскаго — Герману Тыминскому; Велико-Берестовицкаго — Антонію Будзиловичу и Вольскаго — Іоанну Врублевскому, за усердные и полезные труды въ означенныхъ училищахъ; дѣйствительному статскому совѣтнику Арсеньеву и г-жѣ Пекиной — за заслуги на пользу дѣла народнаго образованія; почетному блюстителю Рождественскаго одноклассснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Царскосельскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, коллежскому совѣтнику Рукавишникову и почетному блюстителю Хотиловскаго двухклассснаго начальнаго народнаго училища сего министерства, Валдайскаго уѣзда, Новгородской губерніи, купеческому сыну Болотину — за пожертвованія въ пользу названныхъ училищъ; лужскому городскому головѣ Александрову—за пожертвованіе имъ учебныхъ пособій по физикѣ и естественной исторіи для Лужскаго городскаго училища.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Краткій синтаксисъ греческаго языка Линднера. Перевелъ П. Пехачекъ, преподаватель Московской 5-й гимназіи. Москва. 1885. Цѣна 50 коп."—одобрить какъ руководство по греческому языку для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: 1) „Греческая грамматика гимназическаго курса Э. Чернаго. Часть I; Этимологія по учебнику Э. Коха. Изданіе 4-е, исправленное. Москва. 1885. Цѣна 1 руб."—2) „Книга упражненій въ греческой этимологіи по руководству И. Визенера, съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ и съ прибавленіемъ начальныхъ правилъ греческаго синтаксиса. Составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Изданіе 4-е, дополненное. Москва. 1885. Цѣна 1 руб. 25 коп."—3) „Метафразы для обратнаго перевода съ русскаго языка на греческій первыхъ книгъ Анабазиса Ксенофонта, съ прибавленіемъ главнѣйшихъ синтаксическихъ правилъ объ употребленіи греческихъ наклоненій. Для IV и V классовъ гимназій. Составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1885. Цѣна 50 коп."—одобрить первую изъ нихъ („Этимологію") въ качествѣ руководства по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія; вторую („Книгу упражненій")—какъ учебное пособіе по греческому языку въ особенности для IV, V и VI классовъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія; третію (Метафразы") — въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку для IV и V классовъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Руководство къ методическому обученію неорганической химіи д-ра Ф. Вилбранда. Перевелъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Д. Елисафовъ, преподаватель химіи и химической технологіи Петровскаго Ростовскаго на Дону — реальнаго училища. Съ 58 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1884. Цѣна 1 руб. 50 коп."—допустить какъ учебное пособіе при преподаваніи химіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Элементарная нѣмецкая грамматика. Составилъ К. Крафтъ. Кіевъ. 1884. Часть I. Этимологія. Цѣна 50 коп.—Часть II. Синтаксисъ. Цѣна 40 коп."—допустить какъ учебное пособіе въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Полный русско-англійскій словарь, составленный А. Александровымъ. Часть I, А—Н.; часть II, О—Ѵ (Complete russian-english dictionary. Part I, A—H; part II, O — V). С.-Пб. 1883—1885." — одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи англійскаго языка въ реальныхъ училищахъ и въ тѣхъ учебныхъ

заведеніяхъ, въ которыхъ преподается англійскій языкъ, а также и для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій.

— Книгу: „Общедоступное руководство къ земледѣлію П. Костычева. С.-Пб. 1884, въ 8 д. л., стр. 220, съ политипажами въ текстѣ. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—допустить къ употребленію для библіотекъ сельскихъ школъ и учительскихъ семинарій.

— Брошюру; „Кавказскій плѣнникъ. Разказъ графа Л. Н. Толстаго. Изданіе „Народной Библіотеки“. Москва 1883. Цѣна 5 коп.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Сельское огородничество“. Составилъ В. Н. Маракуевъ. Изданіе 2-е. Москва, 1883. Цѣна 10 коп. Изданіе „Народной Библіотеки“—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Его личность и поэзія (изъ публичныхъ чтеній въ пользу Общества вспомоществованія нуждающимся ученицамъ С.-Петербургской Маріинской женской гимназіи). Составилъ М. А. Орловъ. С.-Пб. 1883. Цѣна 50 коп“.—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: изданныя А. Суворинымъ подъ общимъ заглавіемъ „Дешевая библіотека“: 1) „Письма русскаго путешественника Н. М. Карамзина, съ портретомъ автора и рисунками. Томы 1 и 2. Цѣна за оба тома 1 руб.“—2) „Великій князь Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Соч. Н. М. Карамзина. Цѣна 10 коп. (съ однимъ рисункомъ)“ — 3) „Царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Соч. Н. М. Карамзина. Цѣна 15 коп.“—4) „Ябеда. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. В. В. Капниста, съ портретомъ и біографіей автора. Цѣна 15 коп.“—5) „Полное собраніе стихотвореній Веневитинова, съ біографіей и портретомъ его. Цѣна 10 коп.“—6) „Полное собраніе басенъ и сказокъ И. И. Хемницера, съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 15 коп.“—одобрить, вопервыхъ, какъ учебное пособіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, и вовторыхъ, для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ.

— Книги: 1) „Замѣтки о практическомъ преподаваніи русскаго языка. П. Басистова. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1878. Цѣна 40 коп.“ — 2) „Несторова лѣтопись и Поученіе Владиміра Мономаха. Изданіе для учащихся. Съ примѣчаніями и словаремъ, состав-

ленными П. Басистовымъ. Изданіе 2-е, исправленное. М. 1874. Цѣна 60 коп."—3) „Для чтенія и разказа. Хрестоматія для употребленія при преподаваніи русскаго языка. Курсъ первый. Составлена П. Басистовымъ. Изданіе 16-е. М. 1883. Цѣна 75 коп."—4) „Для разбора и письменныхъ упражненій. Хрестоматія для употребленія при преподаваніи русскаго языка. Курсъ второй. Составлена П. Басистовымъ. М. 1885. Цѣна 75 коп." — одобрить: первую для библіотекъ гимназій (мужскихъ и женскихъ), реальныхъ и городскихъ училищъ; вторую къ употребленію въ гимназіяхъ (мужскихъ и женскихъ) въ видѣ учебнаго пособія; третію какъ учебное пособіе въ I и II классахъ гимназій (мужскихъ и женскихъ), реальныхъ и городскихъ училищъ; четвертую какъ учебное пособіе въ III, IV и V классахъ гимназій (мужскихъ и женскихъ) и реальныхъ училищъ, а также для учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книги: 1) „Дюгамель. Методика ариѳметики и алгебры или различные способы рѣшенія задачъ и изложеніе пріемовъ преподаванія низшей ариѳметики и элементарной алгебры. Переводъ съ французскаго. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1885. Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 руб."—2) „Дюгамель. Методика геометріи или различные пріемы рѣшенія геометрическихъ задачъ и изложеніе способовъ измѣренія геометрическихъ величинъ. Переводъ съ французскаго. Изданіе 2-е С.-Пб. 1885. Цѣна 70 коп., съ пересылкою 1 руб." — признать полезнымъ пріобрѣтеніемъ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Основанія педагогики А. Мальцева. С.-Пб. 1885. Цѣна 75 коп." — допустить въ фундаментальныя библіотеки городскихъ учительскихъ институтовъ и въ библіотеки при женскихъ гимназіяхъ съ педагогическими курсами.

— Книгу: „Уроки по закону Божію, способствующіе усвоенію пространнаго христіанскаго катихизиса православной церкви. Соч. Арсенія Царевскаго доцента Кіевской духовной академіи. Выпускъ первый. Изданіе 2-е. Кіевъ. 1884". — На основаніи утвержденнаго святѣйшимъ синодомъ заключенія учебнаго комитета одобрить для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи катихизиса.

— Книгу: „Собраніе поученій, избранныхъ изъ твореній святаго

отца нашего Іоанна Златоустаго, архіепископа Константинопольскаго, изданное Стефаномъ Дерябинымъ. Томъ I. Москва. 1881.— Томъ II. Москва. 1882". — на основаніи заключенія учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, утвержденнаго г. оберъ-прокурора святѣйшаго синода, признать полезнымъ для чтенія воспитанниковъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и вообще для чтенія народа.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ и его товарищемъ постановлено:

— Брошюры изданія С.-Петербургскаго комитета грамотности: 1) „Кавказскій Плѣнникъ, быль графа Л. Н. Толстаго. С.-Пб. 1884. Цѣна 10 коп. стр. 40 въ 8-ку"; 2) Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. Разказъ графа Л. Н. Толстаго. С.-Пб. 1885. Цѣна 5 коп. стр. 16 въ 8-ку"—одобрить для всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданную С.-Петербургскимъ комитетомъ грамотности брошюру: „Мужикъ Марей. Столѣтняя". Ѳ. М. Достоевскаго. С.-Пб. 1885. Стр. 32. Цѣна 15 коп."—одобрить для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ народныя школы.

— Брошюру: „Кавказскій плѣнникъ. Разказъ графа Л. Н. Толстаго. Изданіе „Народной Библіотеки". Москва. 1883. Цѣна 5 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Сельское огородничество. Составилъ В. И. Маракуевъ. Изданіе 2-е. Москва. 1883 г. Цѣна 10 коп. Изданіе „Народной Библіотеки" — допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Полное собраніе сочиненій Ю. В. Жадовской. Томъ III-й. С.-Пб. 1885." — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

Послѣдовало открытіе слѣдующихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія: двухклассного женскаго начальнаго народнаго училища въ Сергіевскомъ Посадѣ, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, при 130 учащихся; одноклассного начальнаго народнаго училища въ с. Чепчуговѣ, Вяземскаго уѣзда, Смоленской губерніи, при 43 учащихся, и инородческаго, для татаръ, начальнаго народнаго училища въ дер. Тери, Ѳеодосійскаго уѣзда, Таврической губерніи, при 24 учащихся.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Въ ознаменованіе исполнившагося 300-лѣтія города Архангельска, Архангельскій губернскій статистическій комитетъ объявляетъ конкурсъ на составленіе исторіи гор. Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи, при чемъ премія за лучшее сочиненіе назначена въ 1,200 рублей, изъ коихъ 200 руб. ассигнованы Архангельскимъ статистическимъ комитетомъ, а 1,000 руб. пожертвованы почетнымъ членомъ его, Михаиломъ Константиновичемъ Сидоровымъ. Подробныя правила и програму конкурса Архангельскій статистическій комитетъ высылаетъ по первому требованію.

СПРЕНГТПОРТЕНЪ,

ШВЕДСКІЙ ЭМИГРАНТЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II [1]).

V.

Царствованіе Карла XII стоило народу такихъ великихъ жертвъ, что послѣ его смерти въ Швеціи уже не могла существовать неограниченная монархія: неудовольствіе, возбужденное его деспотизмомъ, произвело непреодолимую реакцію. Въ націи, исторія которой, по извѣстному замѣчанію, была исторіей его королей, монархъ утратилъ почти всякое значеніе; въ немъ уже видѣли не главнаго представителя націи, а скорѣе врага, котораго надо было бояться болѣе вся-

---

[1]) Печатая продолженіе статьи, помѣщенной въ первой книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за нынѣшній годъ, нужнымъ считаю напомнить читателямъ, что этотъ трудъ составляетъ частью извлеченіе, частью переводъ изслѣдованія, напечатаннаго на шведскомъ языкѣ финляндскимъ ученымъ К. К. Тигерстедтомъ въ учено-литературномъ журналѣ *Finsk Tidskrift*. Предлагаемые нынѣ отдѣлы заимствованы изъ 5-го и 6-го томовъ этого журнала, изданныхъ въ 1879 году. Трудъ г. Тигерстедта заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія и довѣрія, что авторъ, не довольствуясь одними шведскими и финскими источниками, пользовался и матеріалами, имѣющимися въ русской литературѣ, особенно Дневникомъ Храповицкаго, Записками Гарновскаго, письмами Екатерины II къ Потемкину, а также и „Архивомъ Государственнаго Совѣта". Само собою разумѣется, что всѣ ссылки на русскіе источники были мною провѣрены, и выписки приведены у меня изъ подлинниковъ. Нѣкоторыя прибавлены мною при переводѣ. Кромѣ того, благодаря обязательной помощи профессора Гельсингфорсскаго университета, доктора Лагуса, я могъ представить въ старинномъ русскомъ переводѣ проектъ манифеста, составленный Спренгтпортеномъ и хранящійся на трехъ языкахъ въ библіотекѣ этого университета.

каго другого; „благородная свобода" была отдана подъ покровительство иностранныхъ державъ, вмѣшательство которыхъ въ дѣла отечества не считалось постыднымъ. Но это вмѣшательство имѣло свои неудобства для самихъ покровителей. Оспаривая другъ у друга вліяніе, они для пріобрѣтенія или удержанія его должны были и съ своей стороны приносить жертвы. Самымъ обыкновеннымъ средствомъ въ рукахъ ихъ были деньги. Мало по малу общественная нравственность въ Швеціи упала чрезвычайно низко. Представители шведскаго народа привыкли безъ зазрѣнія совѣсти соглашать свои мнѣнія съ волею того, кто имъ щедрѣе платилъ. Подкупность овладѣла особенно дворянствомъ и сопровождалась сильною борьбою партій. Швеція погибла бы, еслибы Густавъ III не спасъ ее внезапнымъ переворотомъ 1772 года [1]).

Его правленіе послѣ побѣды, одержанной надъ государственными чинами, доказывало, что онъ во всѣхъ дѣйствіяхъ выше всего ставилъ благо и честь государства. Это и сознавалось большинствомъ шведскаго народа. Даже введенное тогда казенное винокуреніе и всѣ связанныя съ нимъ инквизиціонныя мѣры были не въ силахъ подавить любовь народа къ королю; въ городахъ, вслѣдствіе финансовой реформы и либеральныхъ законовъ, оживилась торговля и промышленность, духовенство было такъ монархически настроено, что оппозиція хотѣла совершенно отнять у него право представительства; только дворянство сохраняло большею частью свою прежнюю непримиримую вражду. Не понимая истинной пользы отечества, живя традиціями „періода вольности", отчасти даже сожалѣя о прекращеніи подкупа, какъ одного изъ средствъ обогащенія, оно смотрѣло на короля съ недовѣріемъ, всегда подозрѣвало его въ стремленіи къ уве-

---

Подлинный, на французскомъ языкѣ писанный, отвѣтъ императрицы Екатерины офицерамъ финской арміи, вступившимъ въ тайные съ нею переговоры, извлеченъ мною изъ довольно рѣдкой шведской книги: „Hemliga Handlingar, hörande till Sveriges Historia efter konung Gustaf III's anträde till regeringen" (то-есть, секретные документы, относящіеся къ исторіи Швеціи послѣ вступленія на престолъ Густава III). Stockholm. Ч. I. 1821, стр. 135.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю упомянуть, что настоящіе отдѣлы, хотя и носящіе въ заглавіи имя Спренгтпортена, гораздо менѣе относятся къ его лицу, чѣмъ вообще къ началу шведской войны, составляющей одну изъ наименѣе разработанныхъ эпохъ царствованія Екатерины II.

Я. Г.

[1]) См. въ 1-й статьѣ примѣчаніе на стр. 15.

личенію власти, превратно толковало всѣ его слова и поступки и даже называло его тираномъ, тогда какъ онъ въ сущности былъ однимъ изъ лучшихъ представителей блестящаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и заблужденіяхъ, XVIII столѣтія. Недовольные вообразили, что они одни любятъ отечество, и потому называли себя „патріотами". Но ихъ патріотизмъ часто ограничивался тѣмъ, что они выдумывали и распространяли о королѣ самыя черныя клеветы и позорные слухи, не щадя даже его частной жизни и домашнихъ отношеній.

И все это низкое злорѣчіе прикрывалось священнымъ именемъ свободы. Говорили, что онъ убилъ свободу; ее хотѣли возстановить, для нея считали всѣ средства дозволенными. Естественно, что русскіе посланники въ Стокгольмѣ сдѣлались приверженцами и союзниками этихъ друзей свободы; недовольные сходились у Симолина, у Моркова, у Разумовскаго и вели бесѣды, въ которыхъ не остался безъ участія и замѣчательнѣйшій дѣятель періода вольности, Ферзенъ [1]). Старанія Густава III сблизиться съ Екатериною II въ началѣ его царствованія были безуспѣшны, и съ 1784 года ему стало совершенно ясно, что онъ долженъ готоваться къ борьбѣ съ Россіей: иначе неминуемо рушится важнѣйшее его дѣло — государственное преобразованіе 1772 года. Но не одно это,—и самая независимость Швеціи была въ опасности, пока Россія, ссылаясь на Нейштадтскій и Абоскій трактаты, имѣла право требовать возстановленія государственной организаціи періода вольности и руководительства внѣшнею политикой шведскаго королевства. Дорожа славой и значеніемъ Швеціи, Густавъ съ самаго своего воцаренія считалъ первою своею обязанностью къ народу и къ самому себѣ положить конецъ притязаніямъ Россіи; когда же императрица отвергла его попытки снискать ея дружбу, то онъ твердо рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ добыть своему государству полную политическую самостоятельность. Къ несчастію своему, Густавъ, при возстановленіи королевской власти, сдѣлалъ одну важную ошибку: такъ какъ Данія, Пруссія и Россія въ 1769 г. заключили между собою договоръ о раздѣлѣ Швеціи, если въ образѣ правленія 1720 года послѣдуетъ какая-либо существенная перемѣна, то Густавъ, вѣроятно, желая отвратить столкно-

[1]) Въ русскомъ императорскомъ совѣтѣ 9-го іюня 1788 г. прочитана была „депеша Разумовскаго изъ Стокгольма отъ 25-го мая (1788) о дѣлаемыхъ въ Швеціи разныхъ воинскихъ приуготовленіяхъ; о изъясненіяхъ, которыя по сему обстоятельству имѣлъ онъ, графъ Разумовскій, съ сенаторомъ графомъ Ферзеномъ" и т. д. (Архивъ Госуд. Совѣта. т. I, ч. 1, стр. 566).

веніе съ этими державами, включилъ въ постановленіе 1772 г. статью (48-ю), запрещавшую королю начинать войну безъ согласія сейма. Можетъ быть, въ 1786 году представители шведскаго народа созваны были именно для отмѣны этой статьи; но оппозиція, за которою Густавъ видѣлъ сокровенную руку Россіи, была на сей разъ такъ сильна, что онъ даже и не затронулъ этого вопроса. Однакожь, онъ не отказался отъ своихъ плановъ противъ восточнаго сосѣда и, чтобы остаться вѣрнымъ духу вновь установленной формы правленія, не побоялся отступить отъ ея буквы. Конечно, при этомъ отъ него не укрылась предстоявшая опасность: онъ вполнѣ понималъ, какое рискованное дѣло вести противъ непріятеля армію, въ которой большинство офицеровъ относилось недружелюбно къ его царствованію; можетъ быть, онъ помнилъ и слова, сказанныя его славнымъ дядей (Фридрихомъ II) вскорѣ послѣ переворота 1772 года въ письмѣ къ сестрѣ (Ловизѣ-Ульрикѣ, матери Густава III): „Если будетъ война, кто поручится, что часть шведскаго войска не перейдетъ на сторону русскихъ и что столь деморализованная нація не выдастъ имъ своего короля?“ Слова, доказывающія удивительную проницательность, еще усиленную злобой, и заключающія въ себѣ самую язвительную критику „періода вольности“. Но Густавъ вѣрилъ въ свой народъ; онъ былъ убѣжденъ, что чувство чести остановитъ всякій порывъ неудовольствія въ виду непріятеля. Онъ никакъ не ожидалъ ослушанія и измѣны.

Въ сентябрѣ 1787 года вспыхнула война между Россіей и Турціей, и Густаву показалось, что настало время привести въ дѣйствіе давнишній замыселъ. Пока русская армія была занята на югѣ, онъ рѣшился напасть на Петербургъ сухопутными и морскими силами, и такимъ образомъ вынудить у императрицы согласіе на условія, которыя считалъ нужными для безопасности Швеціи. Онъ распустилъ слухъ, что Россія вооружается противъ него, отправился въ Копенгагенъ, чтобы побудить кронпринца Фридриха, управлявшаго Даніей отъ имени своего отца, если не къ заключенію союза, то, по крайней мѣрѣ, къ соблюденію нейтралитета, велъ переговоры съ Англіей, Пруссіей и Турціей о союзахъ или субсидіяхъ и энергически готовился къ войнѣ.

29-го мая [1]) 1788 г. главный флотъ вышелъ изъ Карлскроны

---

[1]) Всѣ числа мѣсяцевъ приводятся здѣсь по старому стилю.

Я. Г.



подъ начальствомъ герцога Карла и прибылъ въ Гангеуддъ 17-го іюня. Самъ король отплылъ 12-го іюня съ эскадрою армейскаго флота изъ Стокгольма въ Финляндію. На обоихъ флотахъ вмѣстѣ было 14,000 солдатъ и отъ 7-и до 9,000 матросовъ. 21-го іюня король прибылъ въ Гельсингфорсъ. Еще прежде финское войско, составлявшее около 1,800 человѣкъ, было распредѣлено по разнымъ мѣстностямъ — при Гельсингфорсѣ, въ Рандасальми, Санктъ-Михелѣ и у юго-восточной границы. По двумъ причинамъ король не хотѣлъ имѣть видъ нападающаго: вопервыхъ, онъ боялся усилить раздраженіе оппозиціи, еслибъ нарушилъ помянутый выше законъ, а вовторыхъ, онъ зналъ, что Данія, заключеннымъ съ Россіей въ 1773 г. трактатомъ, обѣщала ей свою помощь въ случаѣ нападенія со стороны Швеціи. Поэтому король съ нетерпѣніемъ выжидалъ какого-нибудь обстоятельства, которое дало бы возможность приписать Россіи нарушеніе мира. „Если русскіе сожгутъ въ шведской Финляндіи хоть одинъ клокъ сѣна", писалъ Густавъ 24-го мая къ Г. М. Армфельту [1],— „то императрица окажется нападающею, и Данія не будетъ считать себя связанною трактатомъ. Если вашъ дядя расположитъ посты вдоль границы на спорной землѣ, нуженъ будетъ только одинъ задорный русскій офицеръ, который затѣялъ бы драку; тогда шведскій постъ отступитъ, а русскіе перейдутъ границу, вступятъ въ шведскую Финляндію, и первая запылавшая изба будетъ знакомъ объявленія ими войны, чтò получитъ большую важность для Даніи". Черезъ недѣлю Густавъ писалъ опять: „Теперь пора начать войну, то-есть, заставить русскихъ подраться на границѣ".

Только въ Гельсингфорсѣ король получилъ чрезъ бригаднаго начальника Хастфера (Hastfehr) извѣстіе, что въ ночь съ 16-го на 17-е іюня 1788 г. отрядъ русскихъ казаковъ и егерей сдѣлалъ нападеніе при Вуоденсальни въ приходѣ Пумала, при чемъ русскіе и шведская пограничная стража обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами. Обрадовавшись этому извѣстію, король объявилъ, что русскіе нарушили миръ, приказалъ герцогу отыскать непріятельскій флотъ, а собранной въ Финляндіи арміи велѣлъ итти къ русской границѣ. 18-го іюня Хастферъ двинулся и, занявъ 21-го числа городъ Ней-

---

[1]) Густавъ Маурицъ Армфельтъ, впослѣдствіи извѣстный эмигрантъ, былъ смолоду любимцемъ короля Густава III и не долженъ быть смѣшиваетъ съ дядей своимъ Карломъ Густавомъ Армфельтомъ, главнокомандующимъ финской арміи.

Я. Г.

флотъ, началъ блокаду крѣпости, такъ какъ, по неимѣнію артиллеріи, не могъ предпринять осады. 30-го іюня ночью полковникъ Нюландскаго пѣхотнаго полка Густавъ Маурицъ Армфельтъ перешелъ границу и остановился при Суммѣ въ 7-ми верстахъ отъ Фридрихсгама; дядя его, генералъ баронъ Карлъ Густавъ Армфельтъ, назначенный главнокомандующимъ надъ пограничною арміей, перешелъ 17-го іюля при Аньялѣ рѣку Кюмень, а за нимъ на другой день перешелъ ее и самъ король. Черезъ Йікалу генералъ Армфельтъ 9-го іюля прибылъ въ Хўсулу, деревню, лежащую верстахъ въ 4—5 отъ Фридрихсгама, который положено было атаковать со всѣхъ сторонъ. Съ моря приближался шведскій галерный флотъ съ 7,000 (или около того) десантнаго войска подъ начальствомъ генерала Сигрота. Численность войска генерала Армфельта не превышала 3,600 человѣкъ, а корпусъ его племянника состоялъ изъ 2,000.

На флотъ Густавъ возлагалъ главныя свои надежды. Но сраженіе при Гохландѣ, данное 6-го іюля, было хотя и славно для шведскаго оружія, но не рѣшительно, и потому равнялось пораженію: герцогъ не только не могъ плыть къ Петербургу, но долженъ былъ укрыться въ Свеаборгъ. Тѣмъ не менѣе эту битву праздновали во всей Швеціи какъ побѣду, и всѣмъ, сколько-нибудь отличившимся въ гохландскомъ дѣлѣ, щедро раздавались награды. Королю было однакожъ очень больно, что флотъ, бывшій предметомъ особенной его заботливости, не оправдалъ его ожиданій.

Описаннымъ здѣсь военнымъ дѣйствіямъ не было предпослано никакого извѣщенія. Правда, Густавъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Стокгольма приказалъ Разумовскому, черезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Оксенштерну, удалиться изъ Швеціи, такъ какъ король уже не могъ признавать его офиціальнаго значенія, и 1-го іюля велѣлъ доставить Русской императрицѣ ноту, въ которой для сохраненія мира предъявилъ совершенно неисполнимыя требованія [1]), но только 28-го того же мѣсяца королевскій совѣтъ издалъ формальное объявленіе войны.

---

[1]) Они состояли въ слѣдующемъ: Уступленныя Россіи по Нейштадтскому и Абоскому договорамъ части Финляндіи должны быть возвращены; Разумовскій за свое вмѣшательство въ дѣла Швеціи будетъ строго наказанъ; Россія приметъ посредничество Швеціи для заключенія мира съ Турціей и откажется отъ Крыма, а затѣмъ отзоветъ свои корабли, отправленные въ Балтійское море, разснаститъ свой флотъ, заставитъ свое войско отступить отъ границы, короля же допуститъ оставаться вооруженнымъ, пока не состоится миръ между Россіей и Портой (проф. *Рейнъ*. Krigeti Finland 1788—1790, стр. 82).

Императрица долго не хотѣла вѣрить разрыву съ Швеціей. Послѣ того какъ началась турецкая война, Екатерина тщательно избѣгала всякаго повода къ раздраженію западнаго своего сосѣда. 25-го октября 1787 г. въ ея совѣтѣ доложена была депеша графа Разумовскаго о томъ, что „нѣкоторые люди, привязанные къ прежнему образу правленія въ Швеціи, открыли ему намѣреніе свое соглашаться о средствахъ къ ограниченію самовластія королевскаго, надѣяся въ томъ на пособіе здѣшнее. Совѣтъ единогласно находилъ за нужно подписать оному министру, что какъ въ разсужденіи настоящей войны неудобно намъ подкрѣпить оное предпріятіе какимъ-либо сильнымъ пособіемъ, то чтобъ ласковостію и обнадеживаніями старался онъ въ означенныхъ людяхъ питать оказываемое ими расположеніе, отклоняя однакожъ самое исполненіе намѣренія ихъ до другого способнѣйшаго для насъ времени" [1]).

Иногда однакожъ Екатерину тревожила мысль о возможности столкновенія съ Швеціей, и въ одну изъ такихъ минутъ, 11-го января 1788 г., она писала Потемкину, занятому на югѣ военными дѣйствіями противъ турокъ: „Я во флотъ Михельсона не пошлю;— Михельсонъ въ подагрѣ, да онъ же и здѣсь нуженъ, буде шведы зашалили" [2]). Не прежде какъ въ мартѣ 1788 г. слухъ о вооруженіяхъ Швеціи дошелъ до императрицы, и она по этому поводу замѣтила Храповицкому, что „императрица Анна Іоанновна въ подобномъ случаѣ велѣла сказать, что въ самомъ Стокгольмѣ камня на камнѣ не оставить. Сія твердость тогда подѣйствовала, а теперь Россія вдвое сильнѣе" [3]). Въ теченіе мая мѣсяца приходили какъ изъ Стокгольма, такъ изъ Даніи, новыя извѣстія о вооруженіяхъ Швеціи. Говорили, что король отъ кого-то получилъ субсидіи; Екатерина подозрѣвала въ этомъ то Англію, то Турцію, но все еще отклоняла отъ себя мысль о войнѣ съ Густавомъ. 28-го мая она сказала: „Я шведа не атакую; онъ же выйдетъ смѣшонъ". Присутствовавшій при этомъ Спренгтпортенъ замѣтилъ: „Je crois qu'il veut se défaire de la Finlande" [4]). Однакожъ Екатерина не переставала думать о Шведскомъ королѣ и его планахъ. Она стала волноваться; ее видѣли опечаленною и даже въ слезахъ [5]); она не

---

[1]) Арх. Гос. Совѣта I, 1, 488.

[2]) *Русская Старина*, 1876 г. іюль, стр. 446.

[3]) Дневникъ Хр., стр. 70.

[4]) Тамъ же, стр. 86.

[5]) *Русская Старина*, 1876 г. май, стр. 22.

разъ повторяла, что сама не начнетъ войны: „Мы шведа не задеремъ, а буде онъ начнетъ, то можно его проучить" [1]). 4-го іюня она спросила Храповицкаго: „Croyez-vous que ce fou m' attaquera"? и въ тотъ же день писала Потемкину, что шведы, по видимому, „останутся при демонстраціяхъ". „Остается рѣшить", прибавила она — „лишь единой вопросъ, терпѣть ли демонстраціи? Еслибъ ты былъ здѣсь, я бъ рѣшилась въ пять минутъ что́ дѣлать, переговоря съ тобою. Еслибъ слѣдовать моей склонности, я бъ флоту Грейга да эскадрѣ Чичагова приказала разбить въ прахъ демонстрацію; въ сорокъ лѣтъ шведы паки не построили бы кораблей; но сдѣлавъ такое дѣло, будемъ имѣть двѣ войны, а не одну.—Начать намъ и потому никакъ не должно, что естьли онъ насъ задеретъ, то отъ шведской націи не будетъ имѣть, по ихъ конституціямъ, никакой помощи; а буде мы задеремъ, то они дать должны, и такъ полагаю, чтобъ ему дать свободное время дурить, денегъ истратить и хлѣба съѣсть" [2]). Потемкинъ отвѣчалъ императрицѣ, что хорошо было бы, еслибъ „у васъ завелась прямо съ королемъ переписка, тутъ бы всему конецъ былъ: пусть онъ отъ Порты возьметъ, сколько хочетъ, то для васъ это еще выгодно, да лишь бы сидѣлъ смирно.—О, коли бы нашелся способъ намъ примириться здѣсь скорѣй, тогда бы путнымъ образомъ и стремительно можно было проучить шведскаго короля, но сіе должно остаться весьма тайно" [3]). Но совѣтъ этотъ опоздалъ и не могъ быть исполненъ. Еще и послѣ прекращенія дипломатическихъ сношеній между Россіей и Швеціей Екатерина не вовсе потеряла надежду на сохраненіе мира. 21-го іюня она сказала: „Мы гостилите не начнемъ" и съ досадой прибавила: „Надобно быть Фабіемъ, а руки чешутся, чтобъ побить шведа" [4]). Однакожь пришлось наконецъ убѣдиться въ невозможности мирнаго исхода, когда получено было извѣстіе о взятіи Шведами Нейшлота. 30-го іюня Екатерина торжественно объявила, что Шведскій король цѣлымъ рядомъ оскорбительныхъ поступковъ вынуждаетъ императрицу прибѣгнуть къ единственному остающемуся ей средству для обузданія его—отразить силу силою.

Извѣстно, какъ недружелюбно Екатерина уже и прежде относилась къ Густаву; теперь, въ отмщеніе за причиненное ей безпо-

---

[1]) Дневникъ Хр., 88.

[2]) *Русск. Ст.*, 1876 г. іюль, стр. 468.

[3]) Тамъ же, стр. 470.

[4]) Дневникъ Хр., 33.

койство, она въ письмахъ и разговорахъ своихъ не скупилась на презрительные о немъ отзывы и даже написала на него комическую оперу Горе-богатырь, которая нѣсколько разъ давалась на придворномъ театрѣ, пока Потемкинъ не остановилъ этихъ представленій замѣчаніемъ, что они могутъ вызвать такія же оскорбительныя выходки на счетъ императрицы [1]).

Изливая такимъ образомъ свой женскій гнѣвъ на Густава, Екатерина въ то же время дѣятельно готовилась къ отпору. Еще въ концѣ іюня 1788 года въ Финляндіи почти совершенно не было войска; только по крѣпостямъ былъ расположенъ немногочисленный гарнизонъ. Въ Нейшлотѣ сидѣли двѣ роты егерей, а въ Фридрихсгамѣ, которому всего болѣе угрожало нападеніе шведовъ, находилось 2,400 человѣкъ. Командовавшій ими генералъ Левашевъ считалъ свое положеніе столь опаснымъ, что просилъ у Екатерины позволенія отступить, оставивъ крѣпость на произволъ судьбы; по его мнѣнію, не было другаго средства спасти солдатъ, такъ какъ всѣ домá въ городѣ были деревянные и легко могли быть разрушены осадною артиллеріей шведовъ. На это государыня отвѣчала, что онъ „и для спасенія войскъ и для цѣлаго города долженъ въ ономъ остаться“ [2]). Но шведы, къ удивленію русскихъ, подвигались такъ медленно, что давали намъ время оправляться. Уже въ началѣ іюля численность войска въ Выборгской губерніи простиралась, по показанію Гарновскаго, до 8000 человѣкъ, а во второй половинѣ того же мѣсяца въ русской Финляндіи находилась 25-ти-тысячная армія [3]). Итакъ, Петербургу, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ, нечего было опасаться. Въ Кронштадтѣ также были усилены средства защиты вслѣдствіе замѣчанія Спренгтпортена, что „Шведскій король можетъ вздумать атаковать“ эту крѣпость, „ибо“—сказано у Храповицкаго—„надобно сообразоваться съ его безуміемъ, чтобъ предузнать его намѣренія: пришлось (по замѣчанію императрицы) обдумывать и дурачества, дабы во всякомъ пунктѣ онъ разбилъ себѣ лобъ“ [4]). Главноначальствующимъ въ войнѣ со шведами назначенъ былъ графъ Вал. Пл. Мусинъ-Пушкинъ, возвысившійся собственно придворною службой. Онъ былъ пло-

---

[1]) Екатерина и Густавъ III, *Я. Грота*, стр. 72.

[2]) *Русск. Ст.* 1876, май, стр. 28. Зап. Гарновскаго.

[3]) Тамъ же, стр. 23 и 28.

[4]) Дневн. Хр. стр. 92—93.

хой полководецъ и скоро навлекъ на себя неудовольствіе императрицы [1]).

Но Екатерина въ предстоявшей борьбѣ ожидала успѣха не отъ однихъ только военныхъ дѣйствій: она надѣялась возбудить въ Швеціи внутреннія волненія, которыя охладятъ воинственный пылъ короля, и для этого снабдила Разумовскаго надлежащими наставленіями [2]). Особенно обращала она взоры на Финляндію, гдѣ, по настойчивымъ увѣреніямъ Спренгтпортена, броженіе умовъ было сильнѣе, нежели въ самой Швеціи. Поэтому Спренгтпортенъ сдѣлался пріятнымъ для императрицы человѣкомъ; онъ могъ помочь ей въ исполненіи ея плановъ, а чрезъ то онъ надѣялся способствовать къ осуществленію своихъ собственныхъ замысловъ.

Густаву они были хорошо извѣстны; онъ зналъ также, какую ненависть Спренгтпортенъ питалъ къ Швеціи, и понималъ всю опасность, которая угрожала бы цѣлости королевства, еслибъ этотъ человѣкъ вторгнулся въ Финляндію во главѣ русскаго войска. Поэтому король, черезъ шесть дней по прибытіи въ Гельсингфорсъ, просилъ своего посланника въ Петербургѣ барона Нолькена напомнить Спренгтпортену, „что̀ шведскіе законы сулятъ тому, кто подыметъ оружіе противъ своего отечества; пусть же онъ отправится къ своей бригадѣ, не думая о возвращеніи въ Швецію, что̀ ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть допущено“ [3]). Возвратиться въ Швецію въ то время, конечно, и не входило въ намѣренія Спренгтпортена; не болѣе помышлялъ онъ отправиться къ своей бригадѣ, которая, по видимому, участвовала въ турецкомъ походѣ; еще менѣе дѣла было ему до шведскаго закона объ измѣнникахъ: вѣдь онъ вступилъ въ русскую службу только для того, чтобы нанести своему прежнему отечеству какъ можно болѣе вреда. Не обративъ никакого вниманія на совѣтъ короля, Спренгтпортенъ напротивъ того выпросилъ себѣ начальство надъ отрядомъ, который изъ Олонца долженъ былъ ворваться въ шведскую Карелію, взволновать этотъ край и оттуда, вѣроятно,

---

[1]) Массонъ разказываетъ, что Мусинъ-Пушкинъ, командуя въ Финляндіи, не предпринималъ ни одного движенія, не пославъ напередъ курьера къ женѣ, остававшейся въ Петербургѣ, и не дождавшись отъ нея отвѣта (Mémoires secrets sur la Russie. Londres. 1802. II, 110).

К. К. Т.

[2]) Архивъ Госуд. Совѣта I, 1, 550.

[3]) Konung Gustaf III-s Skrifter V, 38.

проникнуть въ Саволаксъ, гдѣ Спренгтпортенъ предполагалъ найдти наиболѣе сочувствія какъ въ народѣ, такъ и въ арміи. Кажется, Екатерина много ожидала отъ этого предпріятія. „Есть еще", писала она Потемкину 17-го іюля 1788 г.,—„маленькая штучка, которую изготовляю на сѣверѣ королю шведскому, о которой еще говорить не смѣю, но быть можетъ, что она дѣйствительнѣе будетъ многаго иного" [1]).

Спренгтпортенъ отправился въ Олонецъ въ серединѣ іюля мѣсяца 1788 г. Пока собирался корпусъ, который долженъ былъ поступить подъ его начальство, онъ составилъ въ Сердоболѣ проектъ манифеста, предназначавшагося къ обнародованію при вступленіи русскаго войска въ Финляндію. Сообщаю этотъ любопытный документъ цѣликомъ въ русскомъ переводѣ, который сохранился въ библіотекѣ Гельсингфорсскаго университета вмѣстѣ съ шведскимъ подлинникомъ и переводомъ на финскій языкъ.

Проектъ манифеста.

Довольно извѣстно, сколько ея императорское величество наша всемилостивѣйшая государыня старалась сохранять миръ и согласіе съ королемъ Шведскимъ, ея сосѣдомъ и братомъ. Ея величество при всякомъ случаѣ оказывала опыты такого образа мыслей. Безъ всякихъ намѣреній ея величество употребила всѣ средства оказывать народу дружество и уваженіе столько, что когда сей король насильнымъ образомъ распространилъ свою власть сверхъ предѣловъ, которые ея императорское величество какъ поручительница защищать была обязана, то ея императорское величество оставила оное единственно изъ снисхожденія къ народу, котораго спокойствія ея величество нарушить не желала; словомъ, ея величество столь мало представляла возможнымъ нарушеніе мира, что не помышляла охранять собственныхъ своихъ границъ, на которыя напасть было тѣмъ легче, что ея величество всегда уповала, что святость договора есть безопаснѣйшая оборона. Но когда сей вѣроломный государь столь неожидаемымъ, столь неслыханнымъ между христіанскими державами образомъ обнаружилъ непристойный свой поступокъ, равно какъ и честолюбивыя намѣренія, не осталось нынѣ другаго средства, какъ силу силою отражать. Чего для я нижеподписавшійся ея императорскаго величества моей всемилостивѣйшей государыни учрежден-

[1]) *Русск. Стар.*, 1876 авг., 576.



ный генералъ-маіоръ, ковалеръ и командующій карельскимъ войскомъ, получилъ повелѣніе занять землю, непріятеля искать, уничтожить его распоряженія, дабы чрезъ то освободить вольный народъ отъ похищенной власти толь безпокойнаго сосѣда. Ея императорское величество не намѣрена причинить обывателямъ ни малѣйшаго вреда или насилія, а напротивъ того велѣно мнѣ наисильнѣйше защищать всѣхъ и каждаго, который съ достодолжнымъ упованіемъ предастъ себя всемилостивѣйшему покровительству ея императорскаго величества. Я же надѣюсь, что никто лично никакого отнюдь не учинитъ препятствія сему ея императорскаго величества великодушному намѣренію къ вольному народу, котораго вольности и права ея императорское величество тщательно сохранить съ удовольствіемъ желаетъ. Но есть ли со всѣмъ тѣмъ кто столь безразсуденъ будетъ, что самъ какъ непріятель поступитъ противъ императорскихъ войскъ, такой недоброжелательный согражданинъ долженъ самъ себя винить, что онъ того своимъ поступкомъ заслуживаетъ. Сіе-то ея императорское величество моя всемилостивѣйшая государыня повелѣла мнѣ симъ манифестомъ обнародовать, дабы всѣ и каждый по тому поступалъ, и совокупными силами способствовалъ возстановить тишину и миръ. И для того увѣщеваю васъ, други и искренные, пребыть спокойными и миролюбивыми въ вашихъ селеніяхъ и жилищахъ, при которыхъ вы будете безопасно защищаемы отъ всякаго притѣсненія малѣйшей части вашего имѣнія, пока Всевышній и Преблагій Богъ посредствомъ нашего побѣдоноснаго оружія въ семъ дѣлѣ споспѣшитъ такъ, что мы въ разсужденіи нашего вѣроломнаго врага можемъ воспользоваться желаемымъ и благополучнымъ миромъ".

Этотъ манифестъ во многихъ отношеніяхъ любопытенъ. Хотя Спренгпортенъ безпрестанно толковалъ и устно и письменно о гнетѣ, претерпѣваемомъ финнами, хотя самъ всегда выставлялъ себя борцомъ за освобожденіе ихъ отъ шведскаго ига, но въ манифестѣ своемъ онъ не затрогиваетъ ни того, ни другаго, потому ли что Екатерина не позволила ему говорить объ этомъ, или самъ онъ чувствовалъ, что его вліяніе на финновъ не на столько сильно, чтобы они послушались его внушеній отложиться отъ шведскаго владычества. Вмѣсто того онъ, не называя ни финновъ, ни шведовъ, обращается къ господствующимъ, по его мнѣнію, чувствамъ негодованія и неудовольствія противъ Шведскаго короля: онъ возвѣщаетъ, что является по волѣ императрицы какъ другъ, „дабы освободить вольный народъ отъ похищенной власти толь безпокойнаго сосѣда"; онъ

убѣждаетъ жителей, подъ страхомъ наказанія, „пребыть спокойными и не препятствовать противоположнымъ поведеніемъ великодушному расположенію императрицы къ вольному народу, котораго вольности и права ея величество тщательно сохранить съ удовольствіемъ желаетъ“ [1]). Цѣль войны поставляется въ томъ, чтобы „принудить короля къ миролюбію и лучшему настроенію“ [2]) и достигнуть „желаемаго и благополучнаго мира“. Но прежде нежели Спренгтпортенъ во главѣ своего корпуса успѣлъ тронуться съ мѣста и обнародовать свой манифестъ, онъ получилъ отъ императрицы повелѣніе немедленно возвратиться въ Петербургъ, а это сопровождалось неожиданнымъ извѣстіемъ о прибытіи туда единомышленника его, маіора Егергорна.

VI.

Война съ Россіей тревожила и пугала существовавшую въ Швеціи оппозицію: въ случаѣ успѣха королевская власть должна была еще усилиться; послѣдствіемъ же неудачи могла быть потеря части или и цѣлой Финляндіи. Патріоты не желали ни того, ни другаго. Неудовольствіе росло по мѣрѣ того, какъ выяснялось, что война начата была безъ видимаго повода; особенно роптало военное начальство, состоявшее почти исключительно изъ дворянъ и хорошо помнившее традиціи послѣдней финляндской войны и похода въ Померанію. Дворяне не признавали себя обязанными къ военной дисциплинѣ и послушанію: каждый изъ нихъ воображалъ, что онъ естественный представитель націи, который въ военное время долженъ зорко слѣдить за всѣми поступками короля и защищать права народа. Это настроеніе стало обнаруживаться только что шведское войско перевезено было въ Гельсингфорсъ: начальники арміи начали громко разсуждать, какъ бы заставить короля отказаться отъ противозаконной наступательной войны, которая вовлечетъ государство въ неисчислимыя бѣдствія. Когда же всѣ представленія оказывались безуспѣшными, то задумывали прибѣгнуть къ открытому возмущенію: по види-

---

[1]) Въ шведскомъ подлинникѣ сказано иначе: «hvars privilegier H. K. M. med nöje pominner sig jemte dess glorieuse företrädare hava garanterat att sorgfälligt bibeholla», т. е. «коего привилегіи, какъ государыня съ удовольствіемъ памятуетъ, ея императорское величество, вмѣстѣ съ достославною предшественницею своею, поручилась тщательно сохранять». *Я. Г.*

[2]) Эта фраза, слѣдующая въ подлинникѣ послѣ словъ: «силу силою отразить», также пропущена въ тогдашнемъ русскомъ переводѣ. *Я. Г.*

мому, предположено было овладѣть особою короля, отвести его въ крѣпость и вынудить у него согласіе на прекращеніе войны. „Къ счастію", говоритъ одинъ современникъ,—„не нашлось такого рѣшительнаго человѣка, который бы принялъ на себя исполненіе этого плана: солдаты конечно не захотѣли бы участвовать въ замыслѣ противъ короля, и подобная попытка неминуемо привела бы къ рѣзнѣ и кровопролитію. Финскіе полки были бы конечно на сторонѣ короля". Однакожь черезъ нѣсколько времени и финляндскіе офицеры заразились духомъ своихъ шведскихъ собратьевъ. Но вскорѣ шведское войско было отдѣлено отъ финскаго, посланнаго къ восточной границѣ. Шведскіе полки оставались въ Гельсингфорсѣ, пока имъ не было приказано сѣсть на суда гребнаго флота и подъ начальствомъ генерала Сигрота отплыть въ Фридрихсгамъ.

Вслѣдъ за этимъ явилось небывалое въ исторіи народовъ зрѣлище. Офицеры, одинъ за другимъ, просились въ отставку, заявляя, что они не могутъ участвовать въ войнѣ, предпринятой безъ согласія государственныхъ чиновъ. При первой такой просьбѣ король не рѣшился, какъ совѣтовалъ генералъ Толль, въ виду всей арміи разжаловать офицера, захотѣвшаго измѣнить своему долгу, и согласился на его увольненіе. Число послѣдовавшихъ его примѣру дошло по меньшей мѣрѣ до 50-ти; многихъ съ трудомъ можно было удержать отъ того же шага. Офицеры, такимъ образомъ уклонявшіеся отъ службы, возвращались въ Швецію, гдѣ, къ удивленію патріотовъ, видъ ихъ возбуждалъ негодованіе въ низшихъ классахъ народа и скоро послужилъ поводомъ къ переходу общаго настроенія въ пользу короля.

Въ той части финской арміи, которая стояла въ Хусулѣ подъ командой генерала К. Г. Армфельта, неудовольствіе стало выражаться еще рѣшительнѣе, чѣмъ въ шведскомъ войскѣ. Армфельтъ пользовался во всей Финляндіи большимъ уваженіемъ, былъ искренно преданъ королю и всегда дѣйствовалъ благородно, когда слѣдовалъ своимъ собственнымъ побужденіямъ; но, по слабости характера, онъ легко поддавался вліянію другихъ и часто дѣлалъ то, въ чемъ послѣ самъ горько раскаявался. Война была предпринята отчасти по его совѣту, но онъ считалъ ее возможною только въ такомъ случаѣ, если Пруссія и Польша также пойдутъ противъ Россіи, а Англія и Турція обѣщаютъ субсидіи на два или на три похода. Король съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ его совѣтъ и поручилъ ему команду надъ тѣмъ войскомъ, которое должно было прежде всего перейдти границу. Армфельтъ самъ чувствовалъ свою неспособность

оправдать такое довѣріе, но племянникъ уговорилъ его не отказываться отъ предложеннаго ему званія главнокомандующаго. Вслѣдъ затѣмъ однакожь имъ овладѣло сомнѣніе въ благополучномъ исходѣ войны, и ему стало страшно за судьбу своего роднаго края—Финляндіи. Родившись въ 1724 году, Армфельтъ выросъ среди свѣжихъ еще воспоминаній объ ужасахъ великой сѣверной борьбы; онъ участвовалъ лично въ войнѣ 1742 года, и на его глазахъ Финляндія сдѣлалась добычею непріятеля; онъ боялся теперь, что третья война навлечетъ на его родину еще бóльшія бѣдствія и, пожалуй, приведетъ даже къ отторженію ея отъ Швеціи. Вслѣдствіе того ему стало казаться предпочтительнѣе сохраненіе мира, тѣмъ болѣе что, по его мнѣнію, король дѣйствовалъ не такъ, какъ слѣдовало. Поэтому 29-го іюля 1788 года, черезъ нѣсколько дней послѣ выхода арміи изъ Гельсингфорса, Армфельтъ предостерегалъ короля противъ сопряженныхъ съ войною несчастій и угрожающаго арміи недостатка въ продовольствіи. Когда же Густавъ возразилъ, что война уже началась, то Армфельтъ совѣтовалъ дѣйствовать какъ можно поспѣшнѣе, пока непріятель еще не усилился. Остальные военачальники были однакожь другого мнѣнія. По мѣрѣ приближенія къ русской границѣ, неудовольствіе офицеровъ все возрастало; но присутствіе короля заставляло ихъ молчать, даже и послѣ перехода границы и движенія къ Хýсулѣ. Только по отъѣздѣ Густава въ Гельсингфорсъ 8-го іюля, вслѣдствіе сраженія при Гохландѣ, непокорность офицеровъ стала выражаться открыто и громко, тѣмъ болѣе что Армфельтъ оставался въ совершенномъ бездѣйствіи. Преувеличивали недостатокъ въ деньгахъ, въ съѣстныхъ и военныхъ припасахъ, выставляли въ яркихъ краскахъ перевѣсъ силъ на сторонѣ Россіи и особенно жаловались на противозаконность войны.

Изъ всѣхъ, требовавшихъ мира и сейма и желавшихъ возстановленія порядковъ 1720 года, наибольшею настойчивостью отличался полковникъ Абоскаго полка Іоаннъ Генрихъ Хестескó. Не будучи одаренъ особенными способностями, не имѣя ни большихъ свѣдѣній, ни твердаго и рѣшительнаго характера, онъ былъ снѣдаемъ непомѣрнымъ честолюбіемъ и хотѣлъ прославиться.

Его примѣромъ увлеченъ былъ полковникъ Бьёрнеборгскаго полка баронъ Себастьянъ фонъ-Оттеръ, человѣкъ честныхъ правилъ, желавшій добра отечеству, но также довольно безхарактерный. Совсѣмъ другого рода личность представлялъ полковникъ нюландскихъ драгуновъ Робертъ Монгóммери, когда-то принадлежавшій къ партіи шапокъ. Съ энергіей и смѣлостью соединяя высокомѣріе и горячность,

онъ не умѣлъ снискать довѣрія арміи. Король не любилъ его; въ глазахъ приверженцевъ Спренгтпортена онъ могъ только повредить дѣлу, за которое взялся.

Эти-то начальники дѣйствовали всѣхъ усерднѣе противъ короля въ арміи, собранной при Хусулѣ. Они рѣшили, что сами не только не пойдутъ далѣе, но принудятъ короля возвратить армію на шведскую территорію и заставить его исполнить требованія аристократической партіи, въ числѣ которыхъ главнымъ было созваніе сейма, чтобы дать ходъ дальнѣйшимъ предположеніямъ.

17-го іюля король вернулся съ Хусулу для принятія приготовительныхъ мѣръ къ нападенію на Фридрихсгамъ, какъ скоро генералъ Сигротъ прибудетъ съ флотомъ. Черезъ три дня, 20-го числа, въ палатку короля явились Оттеръ и Хестеско и стали увѣрять его, что для веденія войны оказывается недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ, что неудовольствіе въ войскѣ растетъ, и никто не надѣется на благополучный исходъ: войны нельзя продолжать, не созвавъ сейма. Когда же король не обратилъ вниманія на эти завѣренія, то полковники представили ему, что солдаты тяготятся войною и хотятъ разойдтись по домамъ. Возмущенный такою угрозой, король объявилъ, что на слѣдующій день самъ удостовѣрится въ настроеніи войска.

Тогда въ лагерѣ Абоскаго полка началась агитація особаго рода. 21-го іюля Хестеско пригласилъ къ себѣ многихъ офицеровъ и, передавъ имъ разговоръ съ королемъ, просилъ внушить солдатамъ, что въ случаѣ разспросовъ короля, они должны заявить о нежеланіи идти далѣе, жалуясь на недостатокъ продовольствія, одежды и обуви. Хестеско добавилъ, что русскіе приближаются съ арміей, значительно сильнѣйшею, и даже рѣшился сказать, что король уже позволилъ ему отступить въ шведскую Финляндію.

Офицеры поспѣшили исполнить порученіе своего начальника; не разбирая средствъ для достиженія цѣли, они въ своихъ наущеніяхъ позволяли себѣ преувеличеніе, ложь и клевету насчетъ короля. При этомъ они въ помощь себѣ брали даже настроенныхъ ими въ томъ же духѣ унтеръ-офицеровъ. Такія же попытки къ возбужденію солдатъ противъ короля сдѣланы были одновременно въ Бьёрнеборгскомъ полку. Но не смотря на всѣ старанія, офицерамъ не удалось склонить солдатъ къ ослушанію.

Въ тотъ же день полковники Хестеско и Маннергеймъ были приглашены къ королевскому столу; послѣ обѣда явились также Монт-

гоммери и баронъ Оттеръ съ новыми настояніями о необходимости вступить съ императрицею въ переговоры о мирѣ, при чемъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, они въ пылу объясненій выходили изъ предѣловъ должной почтительности; Хестескó даже схватилъ короля за руку. Густавъ, сперва озабоченный и разгнѣванный, обнаружилъ потомъ упадокъ духа и сознался, что былъ обманутъ людьми, которымъ было поручено снарядить армію къ походу, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что честь и достоинство не позволяютъ ему пойдти назадъ въ предпринятомъ дѣлѣ. Часовъ въ шесть по полудни король, назначивъ смотръ Абоскому и Бьёрнеборгскому полкамъ, выѣхалъ къ нимъ верхомъ и обратился къ солдатамъ съ слѣдующими словами:

„Храбрые финны! Вы всегда доказывали на дѣлѣ свою вѣрность; ваши предки сражались подъ предводительствомъ моихъ предковъ. Вы, достойные потомки, конечно, не оставите короля, происходящаго отъ вашихъ любимыхъ королей; у меня 5,000 войска, которое высадилось по ту сторону Фридрихсгама; хотите ли идти за мною на побѣду или на смерть, сражаясь подъ моими знаменами? я иду съ вами и съ ними, и мы сегодня же возьмемъ Фридрихсгамъ. Если согласны, отвѣчайте!"

Когда майоръ К. Г. Кремеръ повторилъ эти слова по фински, солдаты отвѣчали: „Побѣдимъ или умремъ за короля!"

Затѣмъ Густавъ вынулъ шпагу и продолжалъ:

„Эту шпагу я подымаю на защиту отечества, въ отмщеніе за нанесенныя намъ обиды; если вы мнѣ вѣрны, то поклянитесь именемъ Бога, видящаго правоту моего дѣла, что вы не покинете меня, пока я ношу этотъ мечъ для борьбы съ непріятелемъ".

Солдаты въ одинъ голосъ прокричали: „Да, клянемся!" Король радостно воскликнулъ: „Развѣ я не зналъ этого?" и, обратясь къ Оттеру и Хестескó, прибавилъ: „Вы слышите, какъ преданы мнѣ солдаты. Если они не исполнятъ своего долга, то виноваты будете вы".

Еще не кончились знаменательныя явленія этого дня; вечеромъ повторилось зрѣлище, происходившее по утру. Многіе офицеры досадовали на солдатъ за ихъ вѣрность присягѣ и мстили имъ ругательствами и враждебными выходками противъ короля. Одинъ изъ нихъ грозилъ перебить всѣхъ, кого пощадятъ русскіе.

Противный вѣтеръ не позволилъ Сигроту высадить свое войско ранѣе 23-го іюля. Но король приказалъ ему сѣсть опять на суда и отплыть за черту русской Финляндіи, если онъ не будетъ въ состоя-

ніи въ 24 часа овладѣть крѣпостью. Причиною такого страннаго распоряженія было, вѣроятно, опасеніе короля, что офицеры стоявшей въ Хусулѣ арміи окажутъ неповиновеніе, хотя онъ и могъ положиться на солдатъ.

Тотчасъ по полученіи извѣстія о приказаніи отступать, младшій Армфельтъ поспѣшилъ въ Хусулу и убѣдилъ короля собрать военный совѣтъ. По настоянію Армфельта рѣшено было 24-го іюля сдѣлать нападеніе на Фридрихсгамъ, въ чемъ и самъ онъ долженъ былъ принять участіе, но въ ночь на это число онъ опять получилъ приказаніе отступить. Причиною такой неожиданной перемѣны плана, по его же объясненію, было то, что тотчасъ по окончаніи совѣта всѣ стали уговаривать короля измѣнить свое рѣшеніе и отступить за рѣку Кюмень. Нѣкоторые начальники этимъ не удовольствовались. Есть извѣстіе, что Хестеско, ссылаясь на трудность предпріятія, отказался отъ нападенія, которое потребуетъ безполезныхъ жертвъ; другіе офицеры также объявили, что не намѣрены сражаться. На это намекаютъ и слова короля въ письмѣ къ Армфельту: „не скажу вамъ ничего о моемъ горѣ и отчаяніи", и замѣчаніе его, что Хестеско исторгнулъ изъ рукъ его побѣду. Какъ бы то ни было, мысль о нападеніи на Фридрихсгамъ была оставлена. Армія изъ Хусулы должна была воротиться въ Ликалу, гдѣ она 25-го іюля и расположилась лагеремъ; молодой Армфельтъ присоединился къ королю, перенесшему свою главную квартиру въ Кюименегордъ.

Между тѣмъ, Густавъ не унывалъ и, распорядясь заготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ въ Аньялѣ, думалъ идти съ оставшеюся ему вѣрной частью войска на Вильманстрандъ и преградить путь генералу Михельсону. „Если будемъ побѣждены" писалъ онъ къ Армфельту,— „то все кончено, но мы спасемъ свою честь; если же побѣдимъ, то я могу предложить миръ и безъ стыда явиться въ Стокгольмъ". Скоро онъ придумалъ средство вывѣдать косвеннымъ путемъ, какъ Екатерина смотритъ на эту войну. 26-го іюля король приказалъ Армфельту обратиться съ письмомъ (посланнымъ къ нему вчернѣ) къ бригадиру князю Лобанову-Ростовскому, находившемуся въ Фридрихсгамѣ [1]), пред-

[1]) Командовавшему, по словамъ Храповицкаго, Псковскимъ полкомъ. Армфельтъ, между прочимъ, писалъ ему: «Pour moi, mon prince, je serais infiniment heureux, si, choisi par mon maître de porter le premier les paroles de conciliation, je puisse dater de ce jour le rétablissement d'une union et d'une harmonie qui a fait de tout temps l'objet de mes voeux et que j'ai vu avec tant de regrets rompre



ложить ему обмѣняться плѣнными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, намекнуть отъ себя, какъ было бы желательно возстановить мирныя отношенія между королемъ и императрицей. Армфельтъ на другой же день исполнилъ приказаніе. Лобановъ отправилъ полученное письмо къ Екатеринѣ, но она не обратила на него никакого вниманія, потому что ожидала внутреннихъ замѣшательствъ въ Швеціи и притомъ не хотѣла остановить вооруженій Даніи противъ Швеціи. Вслѣдъ затѣмъ ей были сдѣланы другаго рода предложенія, утвердившія въ ней надежду на скорое и полное отмщеніе ненавистному врагу.

По особенной случайности, въ арміи, предводительствуемой генераломъ Армфельтомъ и стоявшей въ это время при Лйкалѣ, находилось нѣсколько самыхъ усердныхъ приверженцевъ Спренгтпортена, имѣвшихъ постоянный доступъ къ главнокомандующему. Таковы были адъютанты: Егерхорнъ, Кликъ и фонъ-Тэрне, двоюродный братъ Армфельта. Хотя въ эту пору между ними и Спренгтпортеномъ не происходило никакихъ сношеній, однакожъ послѣ неудачи при Фридрихсгамѣ они подняли голову, въ ожиданіи, что запутанныя обстоятельства будутъ благопріятны исполненію ихъ плановъ. Всѣхъ дѣятельнѣе между ними являлся Егерхорнъ.

Пользуясь общимъ неудовольствіемъ, онъ задумалъ отправить къ императрицѣ депутацію, которая объяснила бы ей миролюбивое настроеніе арміи и удостовѣрилась бы въ собственныхъ чувствахъ государыни. Склонивъ въ пользу этого плана и честолюбиваго Хестеско́, надѣявшагося такимъ образомъ легче добиться созванія сейма, Егерхорнъ былъ увѣренъ, что Армфельтъ и другіе его сослуживцы согласятся на его предложеніе, и потому, какъ кажется, уже заранѣе извѣстилъ начальство русской арміи о готовившейся депутаціи. Хестеско́ привлекъ на свою сторону Оттера, который условіемъ своего присоединенія къ плану поставилъ участіе въ немъ генерала К. Г. Армфельта. Неожиданнаго союзника друзья мира пріобрѣли въ подполковникѣ Бьёрнеборгскаго полка баронѣ Оттонѣ Клингспорѣ, который, по общему мнѣнію, пользовался особенною милостью короля и имѣлъ большія связи при дворѣ; но онъ былъ честолюбивъ, склоненъ къ интригѣ и хотѣлъ во что бы то ни стало возвыситься; приставъ къ замыслу Егерхорна, онъ доказалъ, что считалъ положеніе Густава отчаяннымъ.

---

plus peut-être par des malentendus et de mauvais esprits que par la volonté de deux souverains unis par le lien du sang et si faits tous les deux pour s'aimer. (Дневникъ Хр. стр. 119—120).



Армфельтъ нѣсколько дней не соглашался на усиленныя просьбы Егерхорна и его товарищей принять участіе въ отправленіи къ императрицѣ письма или, какъ они выражались, ноты; но когда 27-го іюля Армфельтъ испросилъ себѣ увольненіе отъ должности главнокомандующаго (такъ какъ король былъ недоволенъ его распоряженіями въ Хусулѣ), и когда его зять, даровитый Кликъ, сталъ убѣждать его не отказывать въ просьбѣ офицеровъ, то Армфельтъ, наконецъ, далъ свое согласіе на задуманное ими неслыханное дѣло: верстахъ въ 50-ти отъ своего короля и верховнаго вождя, безъ его вѣдома, нѣсколько подданныхъ его вступили въ мирные переговоры съ непріятелемъ. Армфельта увѣрили, что онъ угодитъ Густаву, въ тогдашнемъ его положеніи, сношеніями о мирѣ безъ прямаго его участія; старику казалось, что онъ этимъ шагомъ спасетъ родную Финляндію отъ непріятельскаго вторженія и грабежа, отвратитъ угрожавшую арміи опасность быть отрѣзанною отъ Швеціи и погибнуть отъ голода. Впрочемъ, сговорившимся нужна была только подпись Армфельта; получивъ его согласіе, они оставили его въ покоѣ. Егерхорнъ дѣйствовалъ съ удивительною поспѣшностью, какъ будто опасаясь, чтобъ Армфельтъ не одумался, или чтобъ не случилось что-нибудь такого, что̀ могло бы вдругъ помѣшать исполненію плана.

28-го іюля въ палаткѣ Армфельта собрались Хестеско́, Оттеръ, Клингспоръ и нѣсколько другихъ, приглашенныхъ Егерхорномъ офицеровъ. Егерхорнъ заранѣе приготовилъ проектъ ноты, предназначавшейся для Русской императрицы. Но такъ какъ въ этомъ проектѣ многія выраженія не могли быть одобрены, то тутъ же продиктована была Армфельтомъ, при участіи остальныхъ, другая редакція, а для окончательнаго исправленія ея послали за Кликомъ. Послѣ того собравшіеся разошлись съ тѣмъ, чтобы снова сойтись въ 6 часовъ слѣдующаго утра. Егерхорнъ поспѣшилъ послать въ Фридрисгамъ увѣдомленіе о предстоявшемъ. Всѣ участвовавшіе въ прежнемъ совѣщаніи были приглашены къ Армфельту въ полночь съ 28-го на 29-е іюля. Передѣланная Кликомъ нота была переписана начисто, прочитана и поспѣшно подписана присутствовавшими. Это были: генералъ-майоръ баронъ Карлъ Густавъ Армфельтъ, полковники Іоаннъ Генрихъ Хестеско́ и баронъ Себастіанъ фонъ-Оттеръ, подполковники Перъ Энейэльмъ и баронъ Отто Клингспоръ, майоры Карлъ Генрихъ Кликъ и баронъ Густавъ фонъ-Котенъ. Въ 3 часа утра 29-го іюля 1788 г. все было готово.

Такъ какъ ноту предполагалось доставить въ собственныя руки импе-

ратрицы, то естественно было бы позаботиться, чтобъ эта бумага была написана на языкѣ, понятномъ для государыни. До сихъ поръ и полагали, что она составлена была по французски. Оказывается однакожъ, что ее написали по шведски. Есть два изданія ея, представляющія довольно существенныя различія въ выраженіяхъ. Такъ какъ одно изъ нихъ сдѣлано по копіи, которую генералъ К. Г. Армфельтъ, черезъ три дня послѣ отправленія ноты, именно 1-го (12-го) августа, препроводилъ къ королю, то мы и беремъ текстъ этой редакціи въ основаніе для перевода ноты на русскій языкъ.

„Нижеподписавшіеся, главнокомандующій и начальники находящихся здѣсь финскихъ полковъ и корпусовъ собрались для защиты предѣловъ государства отъ угрожавшаго непріятельскаго вторженія, а затѣмъ имъ было повелѣно перейдти границу для занятія позицій, добровольно оставленныхъ войсками вашего императорскаго величества. Но намъ не была въ точности извѣстна цѣль этихъ распоряженій; подъ стѣнами же Фридрисгама мы удостовѣрились, что предпринятое дѣло противно правамъ націи, которыя мы какъ граждане столько же считаемъ своимъ долгомъ охранять, сколько и исполнять военныя обязанности.

„Это затруднительное положеніе поставило насъ въ крайнее недоумѣніе, какъ намъ исполнить обязанности честныхъ патріотовъ, не нарушая долга, лежащаго на насъ по званію офицеровъ. Думаемъ однако, что мы нашли средство выйдти изъ такого затрудненія, рѣшившись предъ вашимъ императорскимъ величествомъ всеподданнѣйше заявить общее искреннее желаніе всей націи, чтобы между обоими сосѣдними государствами остался ненарушимымъ вѣчный миръ, который къ нашему прискорбію въ послѣднее время былъ прерванъ замыслами нѣсколькихъ безпокойныхъ головъ, подъ видомъ стремленія къ общему благу скрывающихъ корыстныя намѣренія. Имъ было тѣмъ легче вовлечь малосвѣдущихъ людей въ минутное заблужденіе, что всѣмъ еще памятенъ тотъ недавній миръ (Абоскій, 1743 г.) съ Россіей, который, закончивъ злополучную для насъ войну, раздробилъ наши владѣнія. Посему мы осмѣливаемся повергнуть на милостивѣйшее воззрѣніе вашего императорскаго величества, не было ли бы вѣрнѣйшимъ залогомъ столь же прочнаго, какъ и полезнаго для обоихъ государствъ мира, еслибъ нашей странѣ возвращены были тѣ границы, какія она имѣла пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тогда люди неблагонамѣренные не имѣли бы уже повода нарушать спокойствіе обѣихъ державъ, и еслибъ ваше императорское величе-

ство даровали націи такое доказательство своего благоволенія и искренняго забвенія прошлаго, то мы смѣемъ думать, что ваше императорское величество воздвигли бы себѣ прекраснѣйшій памятникъ въ сердцахъ благодарныхъ сосѣдей и преданныхъ союзниковъ.

„Чтобъ узнать милостивѣйшее мнѣніе вашего императорскаго величества, могутъ ли быть открыты въ надлежащемъ порядкѣ переговоры съ представителями финской націи, мы отправляемъ къ вамъ майора Егерхорна и будемъ не безъ тревожнаго чувства ожидать его возвращенія, такъ какъ отвѣтъ, который онъ привезетъ намъ, долженъ рѣшить, можемъ ли мы положить оружіе и возвратиться къ счастливому для государства спокойствію, или должны будемъ ополчиться во имя чести и достоинства націи, какъ подобаетъ честнымъ шведскимъ воинамъ, когда имъ извѣстно, что они для блага отечества презираютъ опасности и самую смерть".

Эта составленная въ Лйкалѣ нота должна считаться однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ въ исторіи документовъ: она доказываетъ, какъ низко упало нравственное чувство среди борьбы партій въ такъ-называемый періодъ вольности (1721—1771 гг.). Въ ней высказалось озлобленіе аристократіи за усиленіе королевской власти, въ ней отразился тотъ духъ, который на минуту былъ подавленъ переворотомъ 1772 года, но снова ожилъ на сеймѣ 1786 г., а теперь открыто, подобострастно призывалъ иностранное правительство на защиту правъ шведской націи отъ монарха. Было одною случайностью, что только финскіе офицеры участвовали въ отправленіи ноты. Но такъ какъ они, усердствуя какъ можно скорѣе сокрушить власть короля, добиться мира и созванія сейма, чтобъ однимъ себѣ присвоить лавры патріотической доблести, и такъ какъ они напередъ не снеслись съ начальниками шведской арміи, откуда собственно исходили всѣ жалобы, то это породило недовѣріе къ намѣреніямъ финновъ, и шведы начали подозрѣвать, что обращеніе къ императрицѣ имѣло цѣлью доставить Финляндіи независимость подъ покровительствомъ Россіи. Но такое подозрѣніе было совершенно несправедливо.

Для партіи сепаратистовъ или, вѣрнѣе, для Егерхорна, который почти одинъ являлся ея представителемъ, содержаніе ноты было въ сущности безразлично; все дѣло состояло въ томъ, чтобъ было письмо къ императрицѣ и чтобъ Егерхорну досталась честь отвезти его. Поэтому, возбудивъ вопросъ о депутаціи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ свои услуги для осуществленія этой мысли, и его предложеніе приняли охотно, потому что порученіе было трудное и щекотливое.

Егерхорнъ же не разъ бывалъ въ Петербургѣ и зналъ тамошніе ходы и выходы. Но Хестескó впослѣдствіи сознавался, что избраніе Егерхорна въ депутаты было большою ошибкою, такъ какъ оно вызвало недовѣріе къ цѣлямъ финской арміи: политическіе взгляды Егерхорна были всѣмъ извѣстны.

Въ три часа утра 29-го іюля окончилось, какъ было упомянуто, совѣщаніе у Армфельта; къ четыремъ часамъ Егерхорнъ былъ уже готовъ къ отъѣзду. Онъ отправился изъ лагеря съ Клингспоромъ, какъ будто къ шведскимъ форпостамъ; но, миновавъ ихъ, Клингспоръ остановился, а Егерхорнъ продолжалъ путь далѣе. Скоро раздались два пистолетные выстрѣла; это по условію значило, что Егерхорнъ благополучно достигъ русскаго отряда, высланнаго къ нему на встрѣчу изъ Фридрихсгама. Клингспоръ воротился одинъ къ пограничной стражѣ, представился крайне озабоченнымъ и, выразивъ опасеніе, какъ бы Егерхорнъ не былъ захваченъ казаками, послалъ верхомъ нѣсколько драгуновъ провѣдать его. Воротясь, они заявили только, что видѣли по дорогѣ слѣды конскихъ копытъ. Затѣмъ по всему лагерю былъ пущенъ слухъ, что Егерхорнъ взятъ въ плѣнъ. Даже старикъ Армфельтъ притворился, будто онъ очень встревоженъ; ломалъ себѣ руки и далъ на этотъ день пароль: „прискорбный случай".

Между тѣмъ Егерхорнъ благополучно прибылъ въ Фридрихсгамъ и пробылъ тамъ нѣсколько часовъ, пославъ крестьянина въ Лайкалу за вещами, которыя забылъ взять съ собой. Въ Петербургъ Егерхорнъ пріѣхалъ 31-го іюля днемъ и отправился прямо къ главноначальствовавшему въ столицѣ графу Брюсу, но не засталъ его дома.

VII.

26-го іюля 1778 года, передъ полуднемъ, Екатерина была взволнована донесеніемъ, что Фридрихсгамъ окруженъ непріятелемъ, и что генералъ Левашевъ сжегъ предмѣстье. Тѣмъ болѣе порадовало ее полученное того же числа послѣ обѣда отъ графа Мусина-Пушкина извѣстіе о поспѣшномъ отступленіи шведовъ къ своей границѣ. Въ Петербургѣ приписали это сначала опасенію, чтобы генералъ Боуръ не атаковалъ ихъ съ тылу, но уже на другой день выборгскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Гинцель донесъ слышанное имъ отъ фридрихсгамскаго исправника объясненіе, что финская армія отступила по нежеланію продолжать военныя дѣйствія, объявивъ, что она готова защищать границы своего государства, но отказывается отъ веденія наступательной войны.

Итакъ, надежды императрицы исполнились: таившееся противъ Густава неудовольствіе обнаружилось на дѣлѣ. Съ большимъ нетерпѣніемъ стала она ожидать дальнѣйшихъ извѣстій о ходѣ дѣлъ въ Финляндіи, и когда въ сообщеніи ихъ происходила остановка, то случалось, что это дѣйствовало на ея здоровье [1]). По поводу упомянутаго выше письма Г. М. Армфельта къ Лобанову-Ростовскому она писала Потемкину: „Переговоры твердые, съ вѣроломцемъ постановить трудно, а когда Финляндія откажется отъ его подданства, да шведы соберутъ сеймъ, тогда можно будетъ Фуфлыгѣ-богатырю подстричь крылья, чтобъ впредь леталъ пониже" [2]).

31-го іюля Егерхорнъ прибылъ въ Петербургъ. Такъ какъ графа Брюса не было дома, то императрица, къ крайнему ея неудовольствію, лишь нѣсколько позднѣе получила бумагу финскихъ офицеровъ, привезенную какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ, сдѣланномъ въ Фридрихсгамѣ по распоряженію графа Мусина-Пушкина [3]).

Екатерина тотчасъ же повелѣла тогдашнему фавориту А. М. Мамонову призвать Егерхорна и разспросить его о цѣли его пріѣзда. Такъ какъ Мамоновъ своимъ возвышеніемъ обязанъ былъ Потемкину, то онъ предложилъ повѣренному послѣдняго, полковнику Гарновскому, присутствовать при совѣщаніи, назначенномъ въ 11 часовъ вечера. Гарновскій явился прежде Егерхорна и помѣстился за перегородкой, чтобы, оставаясь не замѣченнымъ, слушать разговоръ и записать все, что сообщитъ Егерхорнъ болѣе замѣчательнаго. Это, говоритъ Гарновскій [4]), состояло въ слѣдующемъ:

„Сколько король Шведскій, наружными видами обольщенный, къ войнѣ ни склоненъ, но финны и шведы никогда не помышляли объ оной, тѣмъ менѣе вести брань съ такимъ сильнымъ народомъ, какова есть Россія, и тѣмъ паче что война, съ какими бы успѣхами для

---

[1]) Дневн. Храп., 122.

[2]) *Русск. Стар.* 1786, августъ, стр. 579.

[3]) 1-го іюля Храповицкій записалъ: «Сказывали камердинеры, что крѣпко мыли голову графу Брюсу за то, что, не заѣзжая домой съ утра, не видалъ курьера, его ожидавшаго и присланнаго отъ графа Мусина-Пушкина, а потому самому оставался и пакетъ ея величеству не поданнымъ». Подъ именемъ курьера здѣсь и слѣдуетъ разумѣть Егерхорна. *Я. Г.*

[4]) Записки Гарновскаго въ *Р. Старинѣ*, 1876, іюнь, стр. 206—209.

короны шведской ведена ни была, не только никогда не можетъ быть для шведской Финляндіи, яко театра войны, полезною, но оставитъ по себѣ въ той части земли на многія лѣта весьма пагубные слѣды. Король, зная таковыя подданныхъ своихъ мысли, иначе не могъ склонить народъ свой, а особливо финновъ, къ поднятію противъ Россіи оружія, какъ сильными убѣжденіями, что не онъ, но Россія начинаетъ съ ними войну. Въ такомъ случаѣ и шведскіе, и финскіе полки собрались къ защищенію границъ своихъ. Когда же примѣтили, что всѣ королевскія распоряженія клонились отнюдь не къ защитѣ собственныхъ земель своихъ, но къ нападенію на чужія, какъ то сіе сдѣлалось явнымъ при нападеніи на Фридрихсгамъ, то не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что не Россія, но ихъ король виновникъ настоящей войны и вслѣдствіе сего всѣ финскіе полки объявили королю, что земли свои защищать готовы, но на чужія нападать не станутъ. Финны, возвратясь послѣ сего въ свои границы, опредѣлили отправить меня съ слѣдующимъ къ ея императорскому величеству прошеніемъ:

„1) О возстановленіи съ короною шведскою, а особливо съ финнами мира.

„2) О приведенія шведскаго правленія въ такое положеніе, въ какомъ оно находилось до произведенной въ государствѣ нынѣшнимъ королемъ, по вступленіи имъ на престолъ, революціи; то-есть, чтобы народъ имѣлъ право собирать сеймы, распоряжать доходами, раздавать какъ воинскіе, такъ и гражданскіе чины и мѣста посредствомъ выбираемыхъ отъ народа сенаторовъ и другихъ государственныхъ чиновъ, отъ коихъ бы и королевская власть зависѣла.

„3) Чтобъ со временемъ финновъ, отдѣливъ отъ шведскаго правленія, сдѣлать независимымъ народомъ, собственное свое правленіе имѣющимъ, чего теперь на первый случай сдѣлать нельзя, дабы шведы, поступающіе при теперешнихъ обстоятельствахъ съ финнами заедино, не возревновали къ финнамъ.

„4) Чтобъ для переговоръ употребить г. Шпренгтпортена.

„5) Чтобъ уступить финнамъ нѣкоторыя изъ завоеванныхъ нами крѣпости и мѣста, которыми финны владѣли по Нейштадтскому трактату и о коихъ они, прося еще прежде быть независимыми, всегда здѣшній дворъ просили, дабы, сколько они теперь, пользуясь милостями Екатерины, отъ нападенія ни безопасны, были таковыми и въ будущія, въ разсужденіи наслѣдниковъ русскаго престола, и въ неизвѣстныя времена.

„6) Что на сіе шведское войско, стоящее по ту сторону рѣки Кюмени, ожидало отвѣта.

„Къ сему присовокупилъ г. майоръ еще примѣчаніе, что король ихъ имѣлъ бы, можетъ быть, до сихъ поръ успѣхи, еслибъ финны политически ему въ томъ не препятствовали".

При отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Егерхорнъ отъ своихъ довѣрителей получилъ одно только порученіе—передать ноту. Но изъ рѣчей его у Мамонова видно, какъ произвольно онъ дѣйствовалъ. Онъ, конечно, не могъ не упомянуть о причинахъ, вызвавшихъ его отправленіе, и о надеждахъ, какія возлагались на помощь императрицы, чтобы добиться мира и ограничить королевскую власть, но онъ выставлялъ особенно свою собственную цѣль—отторженіе Финляндіи отъ Швеціи, и старался обезпечить себѣ содѣйствіе русскаго правительства къ достиженію этой цѣли. Вотъ почему онъ не усомнился представить дѣла Финляндіи и тамошнее настроеніе въ такомъ свѣтѣ, какой наиболѣе отвѣчалъ его собственнымъ видамъ, и не останавливаясь передъ опасеніемъ повредить своимъ довѣрителямъ; напротивъ того, онъ надѣялся этимъ самымъ поставить ихъ въ необходимость способствовать исполненію его плановъ. Свою бесѣду съ Мамоновымъ онъ кончилъ обѣщаніемъ письменно изложить желанія финновъ.

Мамоновъ не замедлилъ донести императрицѣ о свиданіи съ Егерхорномъ; Екатерина не могла скрыть своего удовольствія, замѣтивъ Храповицкому: „Какая разница между 1-мъ августа (днемъ объясненія съ Егергорномъ) и 1-мъ іюля" (когда Густавомъ предложены были постыдныя для Россіи условія мира).

Когда Егерхорнъ представилъ новую записку, Екатерина пожелала узнать предварительно мнѣніе своего совѣта, которому и передана была эта записка вмѣстѣ съ нотою финскихъ офицеровъ. Та и другая разсматривались въ совѣтѣ 3-го августа.

Относительно предложеннаго въ нотѣ вопроса, не могутъ ли быть начаты переговоры съ представителями финской націи, совѣтъ находилъ, что сколь ни желательно скорѣйшее возстановленіе мира, и сколь ни полезно для насъ превращеніе шведской Финляндіи въ область независимую, однако неудобно и неприлично было бы принять предложеніе о переговорахъ съ шведскими и финскими чинами совмѣстно, ибо честь и достоинство короны, послѣ столь оскорбительныхъ поступковъ Шведскаго короля, не позволяютъ входить съ нимъ теперь въ какія-либо сношенія. Да и съ самою Швеціей,

еслибъ оттуда получено было предложеніе о переговорахъ, нельзя было бы податься на то, развѣ бы нація, созвавъ свой особый сеймъ, отреклась на немъ отъ войны, начатой королемъ, но которой мы должны добиться удовлетворенія. И такъ какъ соединеніе Финляндіи со Швеціей теперь да и никогда не можетъ быть намъ полезно, то главнымъ и первымъ требованіемъ въ предстоящихъ переговорахъ должно быть поставлено отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи, тѣмъ болѣе что предлагаемый общій сеймъ обоихъ народовъ представилъ бы неизбѣжное затрудненіе и не могъ бы состояться вскорѣ, такъ какъ исключаемый изъ него король сталъ бы всѣми средствами ему противодѣйствовать. Поэтому слѣдуетъ отвѣчать финскому депутату, что отвращеніе отъ войны его единоземцевъ, обнаруженная ими въ этомъ случаѣ откровенность и оказанная государынѣ справедливая довѣренность не могутъ быть непріятны ея величеству; что, оставаясь неизмѣнно въ этомъ настроеніи, они могутъ быть увѣрены въ ея благоволеніи и покровительствѣ; что если они дѣйствительно желаютъ скорѣе прекратить бѣдствія войны и воспользоваться миромъ и независимостью, то должны внушеніями или другими способами побудить шведскія войска оставить Финляндію и немедленно созвать въ ней свой особый сеймъ, объявить себя на немъ независимыми и тутъ же постановить правила, которыя сами финляндскіе чины признаютъ наилучшими къ общему благу своего отечества въ предполагаемомъ новомъ образѣ правленія, ни отъ кого, кромѣ единаго Бога независимомъ; что эти принятыя ими постановленія ея величество утвердитъ навѣки своимъ торжественнымъ ручательствомъ, и что наконецъ, если къ достиженію независимаго состоянія Финляндіи встрѣтятъ со стороны короля и шведской арміи такія препятствія, которыхъ сами финляндцы преодолѣть не могутъ, то ея величество повелитъ своимъ войскамъ подкрѣплять дѣйствіе благонамѣренныхъ сыновъ отечества. Что касается выраженной въ нотѣ просьбы возвратить уступленную Русскимъ по Абоскому миру часть Финляндіи, то удовлетворить этому желанію совѣтъ считаетъ тѣмъ менѣе удобнымъ, что такимъ образомъ граница Финляндіи еще болѣе приблизилась бы къ столицѣ имперіи. Находящіяся въ этомъ участкѣ крѣпости служатъ намъ защитою отъ шведовъ, но были бы безполезны финляндцамъ, когда Россія, доставляя имъ независимость, обязуется на вѣчныя времена охранять эту самостоятельность, и слѣдовательно свою безопасность будутъ находить не въ укрѣпленіи границъ отъ

Россіи, а въ могуществѣ Россійской имперіи. Въ такомъ положеніи дѣла эти крѣпости для независимой Финляндіи совсѣмъ не нужны, а для насъ напротивъ могутъ быть весьма полезны въ случаѣ еслибъ Швеціи удалось когда нибудь возмутить Финляндію противъ Россіи. Но такъ какъ однакожь сказанный возвратъ земли предлагается съ цѣлію укрѣпить довѣренность къ намъ финляндцевъ, то можно бы эту уступку замѣнить опредѣленіемъ какой-либо ежегодной вспомогательной суммы или доставленіемъ хлѣба, или же соглашеніемъ держать тамъ русскія войска.

Главнокомандующему, графу Мусину-Пушкину, сочтено нужнымъ предписать, чтобъ онъ, какъ сказано въ протоколѣ совѣта, „до дальнѣйшаго повелѣнія воздержался ставить твердую ногу въ шведской Финляндіи; финляндцамъ наши войска должны оказывать всякую ласковость и пощаду къ имѣнію, дабы такимъ образомъ и на дѣлѣ уже доказать ближе къ нимъ наше расположеніе". Въ заключеніе совѣтъ выразилъ желаніе, чтобъ императрица соизволила лично принять депутата Егерхорна и, обнадеживъ его своею милостію, объявила бы ему, что онъ получитъ офиціальный отвѣтъ отъ министерства ея величества.

Императрица охотно согласилась исполнить это предположеніе: на другой же день, 4-го августа, Егерхорнъ былъ представленъ ей Мамоновымъ и принятъ очень милостиво. Государыня ему сказала, что финляндцы могутъ надѣяться на ея помощь во всемъ, что согласно съ пользами Россіи, и повелѣла переговорить съ вице-канцлеромъ Остерманомъ. Точнѣе Екатерина не хотѣла до времени высказаться, замѣтивъ, что рѣчи Егерхорна во многомъ расходились съ содержаніемъ привезенной имъ ноты. Поэтому она считала необходимымъ напередъ убѣдиться въ достовѣрности его заявленій. Въ этомъ всѣхъ болѣе могъ ей помочь Спренгтпортенъ, почему она и повелѣла немедленно отозвать его изъ Олонецкой губерніи, куда онъ былъ посланъ для подготовленія военныхъ дѣйствій и съ этой стороны.

Егерхорнъ также съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ свиданія съ Спренгтпортеномъ. Отправляясь въ Петербургъ, онъ надѣялся найти тамъ этого столь близкаго ему человѣка; обманувшись же въ своемъ ожиданіи, написалъ къ нему письмо, съ просьбою поспѣшить пріѣздомъ, извѣщая его, едва ли бывъ на то уполномоченъ, что финская армія желаетъ стать подъ его начальство. Это письмо вполнѣ

согласовалось съ собственными мечтами и вожделѣніями Спренгтпортена. Не теряя времени, онъ возвратился въ Петербургъ и, послѣ свиданія съ Егерхорномъ, удостоился (8-го августа) продолжительной аудіенціи у императрицы, которая при этомъ, по видимому, вполнѣ убѣдилась въ вѣрности показаній Егерхорна. Послѣ пріема Спренгтпортена она, по свидѣтельству Храповицкаго, замѣтила: „Deux têtes chaudes s'entendent; dans uu quart d'heure nous avons beaucoup fini". Еще прежде Остерманъ передалъ ей записку о своемъ разговорѣ съ Егерхорномъ, и теперь составилъ проектъ отвѣта финскимъ офицерамъ, который, по волѣ государыни, опять переданъ былъ на разсмотрѣніе совѣта при собственноручной ея запискѣ. Тщательно обдуманный такимъ образомъ отвѣтъ былъ написанъ по французски отъ имени императрицы, но безъ всякой подписи: Екатерина не хотѣла уронить своего достоинства открытымъ признаніемъ сношеній съ заговорщиками; а Остерманъ боялся, чтобы этотъ отвѣтъ „какимъ-нибудь недоброхотомъ" не былъ доставленъ Шведскому королю. 9-го августа онъ былъ врученъ Егерхорну. Вотъ подлинный текстъ его:

„Les intentions pacifiques del'Impératrice à l'égard de la Suède ne peuvent être méconnues ni ignorées d'aucun suédois eclairé et impartial. La Finlande surtout, comme la voisine la plus immédiate de la Russie, a éprouvé les effets de ses dispositions favorables, lorsqu'en 1785, dans les besoins de la disette, S. M. I. lui fit ouvrir ses magasins préparés pour la subsistance de ses propres sujets. A présent même que la guerre la plus injuste et la plus destituée de tout fondement légitime lui est suscitée par le Roi de Suède, l'Impératrice a parfaitement su distinguer les mouvementes du Prince d'avec ceux de ses sujets. Elle est bien éloignée de les confondre dans le ressentiment que ce procédé doit naturellement exciter dans son âme. Elle n'a donc pu apprendre qu'avec satisfaction les sentiments qui animent l'armée finnoise, et la résolution qu'elle vient de prendre et d'exécuter, de se soustraire à la séduction qu'on a employée pour l'entrainer à une invasion dans les frontières de la Russie. Mais quelque conforme que soit ce pas aux principes d'humanité et de générosité qui guident S. M. I., il lui reste à désirer que le voeu de la nation finnoise pour le rétablissement de l'ancien bon voisinage et de l'ancienne bonne harmonie soit manifesté par la réunion d'un plus grand nombre de citoyens et revêtu de la forme représentative qui puisse lui donner une sanction légale et authentique. Pour cet effet et en considérant

la délicatesse de la position actuelle des affaires, tous ceux qui participent aux intentions salutaires énoncées dans le mémoire présenté à S. M. I. par le major Iägerhorn ne doivent pas différer de se concerter ensemble et de se former en un corps représentant qui puisse traiter légitimement les intérêts de la patrie et les régler definitivement de la manière le plus analogue à son bien être présent et à venir. Le général, comte de Moussine-Pouchkine, commandant en chef des troupes de l'Impératrice en Finlande, sera autorisé non seulement de protéger cette mesure préalable, mais lorsqu'elle sera une fois exécutée, d'écouter les députés finnois qui lui seront envoyés de la part de ce corps, et d'administrer tous les secours nécessaires pour conduire à une bonne fin cette entreprise patriotique. Ce n'est qu'à cette époque que S. M. I. pourra faire éclater avec plus d'étendue tous les sentiments magnanimes et bienveillants dont elle est animée envers la nation finnoise. Mais avant tout les troupes finnoises proprement dites doivent évacuer les frontières de la Russie.

„Il n'est pas à espérer que le Roi de Suède à la tête des siennes se détermine de bonne grâce au même parti.

„Dans ce cas la dignité de S. M. I., ainsi que le bien-être de ses sujets exigent qu'elles en soient non seulement délogées de vive force, mais même poursuivies dans leur retraite, et alors l'entrée des troupes russes en Finlande pourrait devenir nécessaire. Mais après les sentiments que quelques-uns des chefs et des officiers de l'armée finnoise viennent de témoigner, et lorsque ces mêmes sentiments se seront communiqués aux autres citoyens du grand duché de Finlande, l'entrée des troupes russes et leur séjour dans le pays, bien loin de servir à l'oppression ou au préjudice des habitants, concourront au contraire à établir et à consolider parmi eux une existence politique et civile, telle que tous les bons patriotes et les bons esprits désirent ou doivent désirer pour parvenir à un bien-être réel et imperturbable".

„St. Pétersbourg, ce 9 août 1788".

---

[1]) Переводъ: „Миролюбивыя намѣренія императрицы не могутъ не быть извѣстны въ ихъ настоящемъ смыслѣ всякому образованному и безпристрастному шведу. Особенно Финляндія, какъ ближайшая сосѣдка Россіи, испытала на себѣ ея доброе расположеніе, когда въ неурожайный 1785 годъ государыня открыла финнамъ хлѣбные магазины, приготовленные для собственныхъ ея подданныхъ. Такъ и теперь, когда противъ ея императорскаго величества король Шведскій



При разсмотрѣніи этой записки, совѣтъ императрицы находилъ, что, кромѣ письменнаго отвѣта, майору Егерхорну необходимо объяснить на словахъ, какъ несообразно требованіе финнами территоріальной уступки: такъ какъ не Россія нарушила святость договоровъ,

затѣялъ самую несправедливую и лишенную всякаго законнаго основанія войну, императрица ясно видитъ различіе между побужденіями короля и чувствами его подданныхъ. Она никакъ не распространяетъ на послѣднихъ того негодованія, которое такой образъ дѣйствій естественно возбуждаетъ въ душѣ ея. Поэтому ея величество не безъ удовольствія узнала о настроеніи финскаго войска, равно какъ о принятомъ и исполненномъ имъ рѣшеніи освободиться отъ обольщеній, пущенныхъ въ ходъ, чтобы склонить его къ вторженію въ предѣлы Россіи. Но какъ ни соотвѣтствуетъ поступокъ финновъ соблюдаемымъ императрицею правиламъ человѣколюбія и великодушія, ея величеству остается желать, чтобы стремленіе финской націи къ возстановленію по старинѣ добраго сосѣдства и согласія заявлено было болѣе многочисленнымъ собраніемъ гражданъ и облечено въ форму представительства, которая дала бы оному законное и неоспоримое значеніе. На сей конецъ и въ виду трудности настоящаго положенія дѣлъ, пусть всѣ раздѣляющіе благія намѣренія, выраженныя въ представленной ея величеству майоромъ Егерхорномъ нотѣ, безъ замедленія объяснятся между собой и составятъ представительное собраніе, которое могло-бы законно совѣщаться объ интересахъ отечества и придти къ заключенію, наиболѣе отвѣчающему его пользамъ какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Главнокомандующему войсками императрицы въ Финляндіи графу Мусину-Пушкину будетъ повелѣно не только споспѣшествовать этой предварительной мѣрѣ, но и по приведеніи ея въ дѣйствіе выслушать финляндскихъ депутатовъ, которые будутъ посланы къ нему этимъ собраніемъ, и оказывать всякое содѣйствіе къ успѣшному окончанію сего патріотическаго дѣла. Тогда только ея императорскому величеству возможно будетъ рѣшительнѣе обнаружить тѣ чувства благоволенія и великодушія, какія государыня питаетъ къ финской націи. Но прежде всего собственно финское войско должно очистить русскіе предѣлы. Нельзя конечно надѣяться, чтобы и король шведскій въ главѣ своей арміи добровольно на то согласился. Въ такомъ случаѣ достоинство ея императорскаго величества и благо ея подданныхъ потребуютъ не только вытѣснить силою, но и преслѣдовать по пятамъ эту армію, и тогда вступленіе русскихъ войскъ въ Финляндію можетъ сдѣлаться неизбѣжнымъ. Но послѣ выраженныхъ нѣкоторыми военачальниками и офицерами финской арміи чувствъ, которыми безъ сомнѣнія проникнуты и другіе граждане великаго княжества Финляндскаго, пребываніе русскихъ войскъ въ этомъ краю отнюдь не послужитъ къ угнетенію или ко вреду жителей, а напротивъ того будетъ содѣйствовать ко введенію и установленію между ними такого политическаго и гражданскаго быта, какого должны желать всѣ добрые патріоты и благомыслящіе люди для достиженія истиннаго и прочнаго благосостоянія".

С.-Петербургъ, 9 августа, 1788.

а король шведскій нагло и вѣроломно попираетъ ихъ, то напротивъ Россія имѣетъ право требовать вознагражденія. „Ея величество"— записано между прочимъ въ журналѣ совѣта,—„соединяя великодушіе ко всѣмъ народамъ съ обязанностію въ разсужденіи пользы и безопасности ввѣреннаго ей отъ Бога государства, вмѣсто всякаго въ настоящей войнѣ противъ короля шведскаго завоеванія, предлагаетъ сосѣднему ей великому княжеству Финляндскому отдѣлить себя навсегда отъ шведской зависимости, слѣдовательно только избавить себя и отъ тѣхъ бѣдственныхъ событій, коимъ шведская политика подвергнуть ихъ можетъ, и возставя себя областію вольною, начертать форму правленія и коренныя установленія, сходныя ихъ положенію, обѣщая въ достиженіи того способствовать имъ оружіемъ и другими средствами и таковую ихъ независимость обезпечить своимъ ручательствомъ" [1]).

Въ знакъ своего благоволенія императрица пожаловала Егерхорну перстень и 500 червонцевъ. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ онъ жилъ у графа Брюса, который оказывалъ ему большую предупредительность. Въ домахъ, куда Егерхорнъ былъ вхожъ, онъ жаловался на короля и высказывался за независимость Финляндіи, но относительно будущаго управленія этой страны выражалъ двоякое мнѣніе: то онъ хотѣлъ обратить ее въ республику, то просилъ назначить правителемъ ея девятилѣтняго внука императрицы Константина Павловича въ качествѣ великаго князя Финляндскаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ современныя извѣстія.

Въ самый день полученія отвѣта русскаго правительства 9-го августа, Егерхорнъ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ Спренгтпортеномъ, которому поручено было вести отъ имени императрицы переговоры съ финскими офицерами и склонить ихъ въ пользу его плановъ, одобренныхъ государыней. На другой день они проѣхали черезъ Выборгъ, гдѣ къ нимъ присоединился Мусинъ-Пушкинъ. Въ Фридрихсгамѣ Спренгтпортенъ остановился, а Егерхорнъ продолжалъ путь съ надворнымъ совѣтникомъ Клэхильсомъ, у котораго онъ останавливался, когда ѣхалъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ отрядъ генерала К. Г. Армфельта 29-го іюля, въ тотъ день, когда Егерхорнъ пустился въ путь изъ лагеря, по по-

---

[1]) Арх. Госуд. Совѣта, I, 1, стр. 395.

велѣнію короля перешелъ черезъ Кюмень обратно въ шведскую Финляндію и расположился лагеремъ въ Аньялѣ, чѣмъ и начинается второй актъ драмы, происходившей до тѣхъ поръ въ Ликалѣ.

Такъ кончаетъ г. Тигерстедтъ первый рядъ своихъ статей, озаглавленныхъ именемъ Спренгтпортена. Вторая ихъ серія имѣетъ предметомъ Аньяльскую конфедерацію [1]).

Я. Гротъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Извѣстно, что эта попытка финскихъ и шведскихъ офицеровъ прекратить войну не привела къ желанной цѣли. Хотя во время отсутствія Егерхорна заговоръ принялъ обширнѣйшіе размѣры, и королю подана была декларація, въ которой приняли участіе 113 офицеровъ; хотя Густавъ, вслѣдствіе того, возвратился въ Швецію; но война подъ главнымъ начальствомъ его брата, герцога Карла, продолжалась еще два года, и виновные въ измѣнѣ офицеры понесли заслуженную кару: зачинщикъ заговора полковникъ Хестеско былъ казненъ смертію, а соучастники его, не успѣвшіе покинуть Швецію, поплатились ссылкою или тюрьмою. Егерхорнъ искалъ убѣжища въ Россіи; по заключеніи же мира удалился въ Лондонъ, гдѣ, принятый за французскаго шпіона, заключенъ былъ въ Тоуэръ; по присоединеніи Финляндіи къ Россіи онъ возвратился на родину и умеръ въ Борго въ 1825 году.

ХРОНОГРАФЫ ЮЖНО-РУССКОЙ РЕДАКЦІИ.

Несомнѣнно, однимъ изъ любимыхъ научныхъ занятій нашихъ предковъ въ древней Руси были занятія исторіей, отразившіяся въ существованіи многихъ списковъ лѣтописей, которыя, конечно, удовлетворяли потребности времени—знать судьбу своего прошлаго. Но очевидно, нашихъ предковъ интересовала судьба не только своего прошлаго, но и другихъ народовъ, и потребность въ этомъ послѣднемъ удовлетворялась, какъ извѣстно, особыми историческими произведеніями литературы нашей, носившими названіе **хронографовъ**. Когда же и по какимъ источникамъ были у насъ составлены эти хронографы? „Нѣкоторые ученые", говоритъ А. Лазаревскій [1],—„думали видѣть въ нашемъ хронографѣ не болѣе какъ переводъ съ византійскаго оригинала, распространенный со временемъ русскими переписчиками; но подробное разсмотрѣніе состава этого памятника должно отвергнуть такое мнѣніе и показать напротивъ. что онъ составленъ въ Россіи въ началѣ XVI в. по разнымъ источникамъ". Дѣйствительно, хронографами первоначально назывались переводы греческихъ лѣтописей Георгія Амартола, Іоанна Малалы, Іоанна Зонары и Константина Манассія, которыми, въ видѣ вставокъ, пользовались и наши древніе лѣтописцы; сверхъ того, въ XV вѣкѣ уже извѣстенъ былъ въ Россіи памятникъ, близкій къ хронографамъ—„Еллинскій и Римскій лѣтописецъ", составляющій сводъ греческихъ лѣтописей Малалы и Амартола.

Впослѣдствіи, особенно въ XVII вѣкѣ, стали составляться компиляціи по всеобщей исторіи, на основаніи разныхъ источниковъ—

[1] *Извѣст. Импер. Акад. Наукъ по II-му отд.* т. VIII, вып. 5: «Записка о русскомъ хронографѣ» (стр. 384—390).

греческихъ, южно-славянскихъ и западныхъ, пришедшихъ къ намъ изъ Польши. Наиболѣе разнообразія представляютъ хронографы, составленные въ XVII вѣкѣ, гдѣ, между прочимъ, помѣщены какъ отдѣльныя статьи по русской исторіи, такъ и бѣглыя замѣтки современниковъ по поводу разныхъ событій русской жизни. Хронографы эти, какъ сказано, были любимою книгой для чтенія, что доказывается громаднымъ количествомъ списковъ, найденныхъ до сихъ поръ. Извѣстный изслѣдователь ихъ, покойный А. Н. Поповъ, указываетъ, что еще въ 1828 году П. М. Строевъ въ запискѣ, читанной въ Московскомъ обществѣ исторіи насчиталъ ихъ до 50 списковъ; „въ настоящее время", говоритъ авторъ,—„извѣстно ихъ больше по однимъ каталогамъ Публичной библіотеки" [1]). Такое большое количество списковъ хронографовъ дало возможность Попову составить обстоятельное изслѣдованіе ихъ съ подраздѣленіемъ на главныя три группы, имечуемыя тремя редакціями. Первая изъ нихъ, сложенная въ 1512 году, передаетъ разказы изъ всемірной исторіи, начиная отъ сотворенія міра и заканчивая 1453 годомъ, то-есть, взятіемъ Константинополя турками. Эту редакцію, составленную по византійскимъ источникамъ, библейскимъ книгамъ и южно-славянскимъ и русскимъ лѣтописямъ, можно назвать основною редакціей, которая безъ особенныхъ измѣненій переписывалась въ теченіе всего XVI столѣтія. Затѣмъ, въ 1617 году первоначальная редакція подверглась крупнымъ передѣлкамъ, состоявшимъ въ томъ, что многія статьи были сокращены, опущены и замѣнены новыми, преимущественно изъ польской всемірной хроники Мартина Бѣльскаго (Kronik wszystkyego swiata). Эти двѣ редакціи указаны были и г. Лазаревскимъ въ вышеупомянутой его статьѣ; но Поповъ, сверхъ того, отличаетъ еще третью редакцію, составленную между 1620 и 1646 годами и отличающуюся отъ второй передѣлкою по новымъ источникамъ русскихъ статей отъ царствованія Θеодора Ивановича до воцаренія Михаила Θеодоровича.

Все сказанное до сихъ поръ о хронографахъ относится къ хронографамъ великорусской редакціи, такъ какъ даже самое существованіе особой южно-русской, малорусской редакціи до сихъ поръ не опредѣлено точно. Поповъ въ концѣ своего изслѣдованія говоритъ,

---

[1]) *Андрей Поповъ*, Обзоръ хронографовъ русской редакціи. Москва, 1866. Вып. 1-й, стр. III.

что „хронографъ вообще, какъ видно изъ самаго состава его различныхъ редакцій и видоизмѣненій, былъ по преимуществу памятникомъ письменности великороссійской“. „Неужели“, говоритъ авторъ далѣе,—„въ югозападной и западной Руси, гдѣ было въ XVII вѣкѣ болѣе средствъ къ образованію, не было своего хронографа, или по крайней мѣрѣ не былъ извѣстенъ хронографъ великорусскій?“ [1]) Что великорусскіе хронографы въ южной Руси переписывались и даже отчасти передѣлывались, объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Поповъ. „Одинъ изъ списковъ хронографа 1-й редакціи XVI в.“, говоритъ онъ,—„принадлежалъ нѣкогда Кіевскому Златоверхо-Михайловскому монастырю, но тамъ ли онъ писанъ, остается неизвѣстнымъ. Но другой списокъ 1656 года той же первой редакціи хронографа (въ Императорской Публичной Библіотекѣ. F. IV, № 247, изъ собранія Фролова) несомнѣнно уже писанъ гдѣ-либо въ юго-западной Руси, вѣроятнѣе всего—на Волыни. Текстъ хронографа 1-й редакціи, въ объемѣ 208 главъ, передается въ этомъ спискѣ, къ сожалѣнію, безъ всякихъ дополненій, коихъ можно бы ждать въ русскихъ статьяхъ. Приложена только въ началѣ виньетка, па четырехъ углахъ которой изображены Европа, Азія, Африка и Америка, а внизу подпись:

рок ҂ахнз йца ное дна

О марности свѣта сего:
Спомни, гордый роскошнику, якимъ зостанешъ,
Гды оному робатцтву въ гробѣ достанешъ.
Лобъ сухый, кости нагіе, попираючіе ногами,
Брухо и все тѣло твое расточено будетъ робаками.
Або вѣмъ, яко трава за косою упадаетъ, такъ молодость и краса каждаго изгиблетъ.
И съ кораблемъ потопляетъ бурливаго вѣка, не одного онъ обрадилъ человѣка, трудно предъ нымъ шіи умкнути,
О смерти, трудно
Предъ тобою увилнути.

Сверхъ этой подписи сдѣланы еще къ лѣтописцу вкратцѣ незначительныя добавленія, которыхъ нѣтъ въ русской редакціи, а именно: „поляцы приняли вѣру в Риму року 918. Синодъ Флоренскій року 1438. Магометъ 2-й Турецкій царъ Цариградъ взялъ при Костентинѣ, цесари грецкомъ, року отъ Р. Х. 1452, а отъ сотворенія свѣта 6961-го. Року 1608 февраля 13 дня въ суботу Феодорову пред-

[1]) Тамъ же, вып. 2-й, стр. 271—272.

ставися благочестивый ҡ Константинъ Василій Острозскій, жилъ лѣтъ 81. Той былъ великій милостникъ набожества грецкаго. Положенъ въ церкви соборной Острозской. За его вѣку были два синоды въ Берестю Литовскомъ всѣхъ епископовъ и митрополитъ. Первый былъ року 1590, а второй—року 1596" [1]).

Конечно, если бы только этими незначительными добавленіями ограничивались южно-русскіе хронографы, то ихъ нельзя было бы признать особою редакціей, и равнодушіе югозападно-русскихъ ученыхъ XVII вѣка къ составленію самостоятельныхъ историческихъ хроникъ, на подобіе великорусскихъ и польскихъ, все-таки казалось бы страннымъ, особенно если принять во вниманіе, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ все болѣе замѣчается здѣсь стремленіе создать письменность на мѣстномъ языкѣ; такъ, въ концѣ XV или началѣ XVI вѣка появляется южно-русскій переводъ „Пѣсни Пѣсней", въ половинѣ XVI вѣка знаменитое Пересопницкое Евангеліе, переведенное „для лѣпшого вырозумленія люду христіанского посполитого", въ концѣ XVI в. печатается Евангеліе на славянскомъ и малороссійскомъ языкѣ, въ XVII в. появляется малорусская Псалтирь и пр. Итакъ, повторяемъ, въ виду всего этого, отсутствіе своей редакціи хронографовъ въ южной Руси было бы очень страннымъ. Но мы видимъ, что хотя извѣстно до сихъ поръ и незначительное число списковъ хронографовъ южно-русской редакціи, однако они существуютъ, и можетъ быть, при болѣе настойчивомъ розысканіи южныхъ рукописей, ихъ окажется гораздо больше.

I.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору рукописей южно-русской редакціи хронографовъ, нужно опредѣлить, при какихъ условіяхъ извѣстную рукопись нужно считать особою редакціей.

Конечно, южно-русскій языкъ, которымъ написана рукопись, является уже достаточнымъ основаніемъ для признанія особой южнорусской редакціи, хотя это далеко не полное основаніе, такъ какъ можетъ явиться только переводъ на южно-русскій языкъ великорусской редакціи, что̀ и видно въ указанномъ Поповымъ спискѣ изъ собранія Петра Фролова, который, какъ было указано, ничѣмъ не отличается (кромѣ незначительныхъ прибавокъ) отъ 1-й редакціи

[1]) Тамъ же, вып. 2-й, стр. 273—274.

велико-русскаго хронографа. Несомнѣнно же самый существенный признакъ особой южно-русской редакціи долженъ сказаться въ болѣе или менѣе своеобразномъ содержаніи хронографа, указывающемъ на самостоятельный пріемъ изложенія и самостоятельное пользованіе разными источниками. Принимая во вниманіе эти два положенія, мы и просмотримъ извѣстныя до сихъ поръ рукописи хронографовъ, писанныя на югѣ Россіи.

Не считая вышеупомянутаго списка (изъ собранія Петра Фролова), отличающагося только языкомъ, Поповъ въ своемъ изслѣдованіи указалъ два хронографа южной редакціи, изъ которыхъ одинъ извѣстенъ подъ именемъ Хроники іеромонаха Леонтія Боболинскаго, описанной кратко въ приложеніи къ лѣтописи Григорія Грабянки, изданной Кіевскою временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ въ 1854 году, а другой, отысканный въ Нижнемъ-Новгородѣ самимъ авторомъ изслѣдованія, представляется въ неполномъ видѣ, такъ какъ вторая часть его не найдена. О первомъ изъ нихъ Поповъ говоритъ: „Не видавъ лично сочиненія Боболинскаго, не можемъ сказать, въ какомъ отношеніи стоитъ оно къ хронографу. Сколько можно судить изъ описанія и высказаннаго мнѣнія о компиляторскомъ характерѣ всего сочиненія, едва-ли впадемъ въ ошибку, предположивъ, что въ обще-исторической части труда Боболинскаго въ основаніе былъ положенъ хронографъ“ [1]). Также нерѣшительно называетъ хронографомъ эту рукопись и г. Пыпинъ въ своей „Исторіи славянскихъ литературъ“: „Это нѣчто въ родѣ хронографа, съ сотворенія міра до начала XVIII столѣтія, собраннаго изъ Библіи, латинскихъ, греческихъ и польскихъ историковъ, литовскихъ хроникъ, Нестора, Четьи-Минеи и проч.“ [2]).

Кромѣ этихъ двухъ списковъ хронографовъ, мы можемъ указать еще три. Изъ однихъ объ одномъ упоминается въ книгѣ Н. А. Иванова: „Краткій обзоръ русскихъ временниковъ, находящихся въ библіотекахъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ“ (Казань 1843 г.). Тутъ о немъ сказано только: „Толстовскій VI, лѣтописный сборникъ въ листъ, полууставомъ XVIII в. Писанъ въ Бѣлоруссіи или Малороссіи. На концѣ короткія хроники Польши и Литвы“ (стр. 25). Не имѣя о немъ никакихъ свѣдѣній, мы ограничиваемся только указаніемъ на него, предполагая, на основаніи словъ автора, что онъ писанъ въ

[1]) Обзоръ, вып. 2-й, стр. 276.

[2]) *Пыпинъ*, Ист. слав. лит., т. I, стр. 343

Бѣлоруссіи или Малороссіи, и допуская на основаніи добавочныхъ хроникъ Польши и Литвы, что это хронографъ южно-русской редакціи.

О другомъ хронографѣ неоднократно упоминаетъ М. Максимовичъ въ своей статьѣ „Письма о князьяхъ Острожскихъ“. Заглавіе его—„Лѣтописецъ, то-есть хроника, съ разныхъ многихъ а досвѣдчоныхъ авторовъ и историковъ діалектомъ русскимъ есть сложеный“. Хронографъ этотъ въ подробностяхъ также не описанъ, и не извѣстно теперь, гдѣ онъ находится.

Недавно намъ удалось пріобрѣсти въ одной частной библіотекѣ еще одинъ списокъ хронографа, носящій заглавіе: „Кройніка, то-есть Лѣтописецъ изъ розныхъ многи͠х кройнікарѡ҃ діалектомъ рускимъ написана“. Къ сожалѣнію, и этотъ хронографъ оказывается неполнымъ, такъ какъ въ немъ не достаетъ многихъ листовъ.

II.

Чтобы опредѣлить редакцію этого послѣдняго списка и удостовѣриться въ томъ, не есть ли онъ копія съ какого-нибудь изъ выше названныхъ уже хронографовъ южнорусскихъ, мы прежде всего постараемся, хоть по нѣкоторымъ даннымъ, сдѣлать сличеніе всѣхъ этихъ списковъ, кромѣ, конечно, Толстовскаго, о которомъ, какъ было сказано, не имѣется въ печати никакихъ данныхъ для такого сличенія.

Прежде всего остановимся на спискѣ, найденномъ въ Нижнемъ-Новгородѣ Поповымъ и описанномъ имъ въ своемъ изслѣдованіи [1]). Рукопись эта, писанная, по словамъ Попова, полууставомъ конца XVII в. на 509 листахъ, носитъ заглавіе: „Книга глаголемая кроникъ, сирѣчь собраніе отъ многихъ лѣтописецъ, отъ многа мала, отъ Бытіи о сотвореніи міра, и отъ прочихъ книгъ Моисеовыхъ, и отъ Іисуса Наввина, и отъ судей Іудейскихъ, и четырехъ царствъ, и царствъ Ассирійскихъ. Такъ-же о Александрѣ Великомъ, о Римскихъ, о Еллинскихъ благочестивыхъ и правовѣрныхъ царѣхъ, о Россійскихъ и Литовскихъ господарствахъ. Такъ-же и о Польскихъ панствахъ потроце“. Уже одна разница въ заглавіяхъ этого списка и моего (см. выше) можетъ отчасти свидѣтельствовать о томъ, что эти двѣ рукописи не вполнѣ одно и то же; но болѣе всего убѣждаетъ въ этомъ обзоръ самаго содержанія ихъ.

---

[1]) Обзоръ хронографовъ, вып. 2-й, стр. 276—277.

Не вдаваясь въ подробности сличенія содержанія, отмѣтимъ только нѣкоторыя мѣста съ цѣлью установить, что хронографъ, описанный Поповымъ, не составляетъ вполнѣ однороднаго списка съ имѣющимися у насъ, хотя, конечно, въ общемъ встрѣчается много сходнаго, какъ и вообще во всѣхъ хронографахъ разныхъ редакцій.

Самое начало этихъ двухъ списковъ представляетъ уже разницу. Списокъ нашъ начинается словами:

„Во первыхъ: о сотвореніи отъ Бога о днехъ шестихъ"; въ спискѣ Попова: „На первѣй за помочью Божіею о шести дняхъ починаемъ, въ который створилъ Господь все створенье. Яко тѣжь и пророкъ Давидъ мовитъ: словомъ Господнимъ небеса утвердишася, а духомъ устъ его всѣ моцы ихъ". Вслѣдъ за этимъ въ спискѣ Попова сейчасъ же слѣдуетъ: „О дни первомъ, въ который Богъ сотворилъ небо"; въ моемъ спискѣ предшествуетъ этому небольшая статья о предвѣчности Бога и о всемогуществѣ и неисчерпаемой „добротливости" Его, сказавшихся въ томъ, что „изъ ничего, без начала, без матеріи, без помоги и работы будовничой той свѣтъ станулъ"; затѣмъ идетъ рѣчь о томъ, что есть нѣсколько небесъ, о хорахъ ангельскихъ и о томъ, что „ангелы всѣми елементами справуютъ". Чтобы видѣть разницу въ изложеніи этихъ двухъ списковъ хронографа, приведемъ нѣкоторыя параллельныя выписки, при чемъ рукопись Попова обозначаемъ № 1, а нашу № 2.

О первомъ днѣ творенія.

№ 1.	№ 2.
На початку створилъ Господь Богъ небо и землю; небо не сіе, которое есть видимо, бо сіе во вторый день створено, але выжшое и звѣздъ не маючее, а сіяючое промеными обличья Божего, котораго красота и вдячность не прировнана есть до жадной рѣчи, бо есть безмѣрна, о которой и Давидъ пророкъ припоминаетъ, мовечи: Небо небесъ Господеви, землю тежъ даде сыномъ человѣчимъ. Всяко-же земля была невидома и неукрашена и тма вѣрху бѣздны, тeды не бѣ ино, кромѣ тмы, яжь именуемо хаосъ, яжь есть сліяніе, зане тѣды бѣша четыре составы вмѣстѣ сліяны, живы хаосъ убо	Въ началѣ (яко-же глаголетъ писаніе святое) сотворилъ Богъ небо и землю. Небо не тое, которое всегда видимо; но вѣмъ тое втораго дне есть сотворенное и вышшее, которое ни солнца, ни мѣсяца, ни звѣздъ никогда не потребуетъ, но само лучами лица Божественнаго освѣщается и неизреченно сіяетъ, котораго сіянія и оздобы до жадной рѣчи прировняти не подобна. О которомъ Давидъ царь глаголетъ: небо небесъ Господеви. А земля еще не была видима: понеже на ней вода стояла, и не была украшенна цвѣтами, садами, овощіями, зѣліями, а ни жадными ужитками.

протолкуется жива глубина, или яма или сліяніе вещей, сирѣчь, или въ немъ-же вся быша сліяна и смѣшна, и отъ того но глаголанію або пропасть зовется для множества водъ. И Духъ Божій обнашался надъ водами. То о вѣтру, а не о Святомъ Духу описуе: бо створенье створители преподобляеть не есть «слушно. И рекль Богъ: нехай станетъ свѣтлость, и стала. И узрѣлъ Богъ свѣтлость, же была добра, и предѣлилъ свѣтлость отъ темности и назвалъ свѣтлость день, а темность ночь" (Поповъ, Обзоръ Хроногр., вып. 2-й, стр. 277).

Отдѣливши Богъ свѣтъ отъ тмы, свѣтъ нарече день, тму нарече нощь» (Листъ 1 об.).

Приведенная глава въ обоихъ спискахъ близка къ 1-й редакціи великорусскихъ хронографовъ, въ которой разказъ этотъ взятъ изъ стихотворнаго хронографа Манассіи (болгарскій списокъ 1345 года) [1]; однако изъ сличенія съ этою 1-ю редакціей видно, что списокъ № 1 гораздо ближе къ редакціи великорусской и многоглаголивѣе, нежели № 2. Это многоглаголивость въ немъ, доходящая иногда до темноты, подтверждается еще и тѣмъ, что вслѣдъ за приведенною выше статьей помѣщенъ опять разказъ о первомъ днѣ творенія, но уже по Епифанію Кипрскому, что встрѣчается въ такъ-называемомъ „Еллинскомъ Лѣтописцѣ" (XV в.) и повторяется во многихъ спискахъ великорусскихъ хронографовъ.

Пересказъ о четвертомъ днѣ творенія въ спискѣ Попова добавленъ двумя статьями, которыхъ въ нашемъ спискѣ нѣтъ, а именно:

До практыкаровъ. Не на тыи то знаки учинилъ Богъ свѣтила, абы з нихъ практикаре и вѣщковѣ звѣздныи оповядали, хто што укралъ, або пришлыи пригоды счастья и несчастья людскіи што маетъ кого поткати: або коли часъ добрый, або недобрый, бо такихъ вѣщшия звѣздъ самъ Господь Богъ гонитъ въ письмѣ своемъ: Я естемъ, мовитъ, чиня растегаючи небеса, самъ становячи землю, а нихто зо мною: вниввечь оборагаючи знамена практыкаровъ, а вѣщки въ шаленство оборачаючи, которіи оборочаю мудрыхъ вспакъ, а умѣетность ихъ глупою чиню. Стань-же теперя съ чаровники твоими и з множествомъ чаровъ твоихъ, которыхъ естесъ ся з молодости научила, если што тобѣ помочи могутъ. Реклъ Богъ: ведлугъ дорогъ поганскихъ не учитеся, а знаменъ небескихъ не боитеся, которыхъ

---

[1] *Поповъ*. Обзоръ, вып. 1-й, стр. 99.



ся боять поганыи. Не вѣдаетъ человѣкъ, што уже минуло, а што по немъ буде, хто ему ознаймить може". (Поповъ, вып. 2-й, стр. 277).

Статья эта, кажется, составлена авторомъ южнорусскаго хронографа, такъ какъ, на сколько намъ извѣстно, она не встрѣчается ни въ одномъ изъ списковъ великорусскихъ хронографовъ. Такою же самостоятельною вставкой является и вторая небольшая статья:

Съ чого сотворено солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Дня теды перваго учинилъ Господь Богъ одной бытности свѣтлость, якó такую матерію, а теперь дня четвертаго зъ оной-же свѣтлости створилъ свѣтила, то-есть солнце мѣсяцъ и звѣзды, и украсилъ и приоздобилъ ими небо, яко тежъ дни третьяго з одностайной воды учинилъ моря, рѣки и озера и украсилъ ними звѣзды".

Вслѣдъ за этими двумя статьями въ спискѣ Попова слѣдуетъ глава о Сатанаилѣ, которая есть и въ нашемъ спискѣ. Приводимъ параллельно выписки изъ обоихъ списковъ, чтобы показать, что статья эта, составленная по Палеѣ и потому очень сходная въ обоихъ спискахъ, все-таки отличается нѣсколько изложеніемъ, чтò опять подтверждаетъ предположеніе о различныхъ редакціяхъ этихъ двухъ рукописей.

№ 1.	№ 2.
Сатана сверженъ на землю.	О Сатанаилу, десятомъ хору ангеловъ, и о упадку ихъ.
Одны ангеловѣ чинъ десятый въ день четвертый отпали отъ Бога, надъ которыми былъ головою денница, або свѣтоносецъ, который ся въ ныхъ поднесши почалъ о собѣ гордо: поставлю, мовитъ, на оболокахъ столицу мою и буду ровнымъ вышнему, зъ которымъ теды и всѣ ангеловѣ его въ пыхъ вдалися, на самыхъ себѣ и дары данныи смотрячи, а до Творцы своего отъ которыхъ взяли оныхъ не оборочаючи. Злѣ ужили волности своей, хотѣли быти Богу ровны, покоры жадной ему и поклоны не отдаючи. (Поповъ. Обзоръ, вып. 2, стр. 279).	Ангелы единъ хоръ десятый въ день четвертый отпали отъ Бога, надъ которыми былъ главою денница; или свѣтоносецъ, который поднялся въ пыху и почалъ себѣ гордо, глаголя: поставлю на облацѣхъ престолъ мой и буду равенъ вышнему, зъ которымъ тогды и всѣмъ ангеламъ его пыха впала въ нихъ, смотрячи на себе самыхъ и дары себѣ данныи. А до Творца своего, отъ которого взяли оныхъ не оборочаючи, ужали злѣ волности своей, хотѣли быти Богу равные, покоры жадной ему и поклона не отдаючи. (Листъ 2-ой).

Совершенно то же можно видѣть изъ сличенія слѣдующей статьи, „о раѣ":

№ 1.	№ 2.
О высокости раю. А повѣдають нѣкоторіи, ижъ рай, которого насадилъ	Рай, котораго насадилъ Богъ на востоцѣ, тылко третію часть отъ земли

Богъ на востоцѣхъ, одно третію часть отъ земли до небесъ высокость свою маетъ. Где тежъ въ тыхъ земляхъ, которія суть неподалеку рая, людіе таковыхъ птаховъ видають, которіи отъ пояса до верху особѣ струсюю мають, а зъ половицы на долъ невѣсты станъ, а Сиринами ихъ называють, которыхъ именують райскими (Поповъ. Обзоръ, вып. 2, стр. 280).

до неба свою высокость имѣетъ (о чемъ много святыхъ пишуть). Гдѣ тежъ въ тыхъ земляхъ, которые неподалеку рая мешкали, въ тыхъ тежъ земляхъ неподалеку отъ рая и птахи суть сличныи, меж которыми различныи, одны отъ пояса до верху особу струсюю мають, а половица на долъ стану невѣстего, называють сиренами, которыхъ именують райскими (Листъ 3).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи означенныхъ списковъ оказывается перестановка и даже пропускъ нѣкоторыхъ главъ, такъ напримѣръ: въ спискѣ Попова, послѣ статьи „о деревѣ вѣдомости", идетъ разказъ о четырехъ рѣкахъ райскихъ, о пяти моряхъ великихъ, а затѣмъ—о созданіи жены изъ ребра Адамова; въ нашемъ же спискѣ, послѣ статьи „о древѣ зломъ и добромъ", слѣдують главы: „Адамъ впроваженъ до раю", „сотворилъ Богъ жену Адамови", „рѣка райская дѣлится на четыре рѣки"; о пяти-же моряхъ великихъ совсѣмъ нѣтъ ничего. Вообще нужно сказать, что, на сколько можно судить по описанію Попова, въ дальнѣйшемъ замѣчается все бо́льшая разница въ содержаніи этихъ двухъ рукописей, потому что, напримѣръ, въ нашемъ спискѣ, послѣ перечисленія дивныхъ народовъ, пошедшихъ послѣ потопа, идетъ цѣлая глава о королевствѣ Египетскомъ, каковой главы въ спискѣ Попова нѣтъ. Приводимая ниже характерная замѣтка о Мандрагорѣ, опять указываетъ на то, въ какой мѣрѣ разнится въ изложеніи одна рукопись отъ другой. Эта вставка о Мандрагорѣ приведена по поводу разказа, заимствованнаго изъ Библіи, о томъ, какъ Рувимъ, сынъ Ліи, принесъ однажды матери своей мандрагоровы яблоки, и какъ Рахиль, прельстившись этими яблоками, уступила изъ-за нихъ Ліи право на любовь мужа.

№ 1.

Што жидове зовутъ дуданмъ то грекове мандрагорасъ, у насъ то нѣкоторія зовутъ покрикомъ, о которомъ много з людій повѣдають: же то есть якись корень, маючи зуполное выраженье человѣка, и коли его выкопають, кричать, але не вѣмъ, если такъ есть. Есть тежъ гнилій корень иншій; маючій штось подобнаго до человѣка, а на томъ ся родятъ яблока оздобныи, яко

№ 2.

Только коротенькая замѣтка въ скобкахъ:

На томъ мандрагору родятся яблочка оздобные, великіе такъ, якъ орѣхъ лѣсковый, и того корене докторове уживають на лекарство; у насъ тые ягоды зовутъ покриками (Листъ 21).

орѣхъ ласковый (лѣсковый?), и того корени лѣкари уживають на нѣкоторія хоробы невѣстін, и того ту кореня тутъ зовутъ мандрагоры, который маетъ свою моцъ прирожоную, яко тежъ и иншіи зелья (Поповъ. Обзоръ, вып. 2, стр. 282).

Откуда взято это толкованіе яблокъ мандрагора, опредѣлить трудно, но только, кажется, не изъ великорусскихъ хронографовъ, такъ какъ, на сколько намъ извѣстно, тамъ этого толкованія не встрѣчается.

Но прослѣдимъ далѣе разницу въ статьяхъ обоихъ списковъ.

Въ спискѣ Попова, послѣ главы объ уничтоженіи всѣхъ идоловъ Іаковомъ, слѣдуетъ „книги объ Іевѣ справедливомъ и о терпѣливости его отъ діавола", и только черезъ 5 листовъ разказывается „о забитью Исава"; въ нашемъ же спискѣ глава объ Іовѣ помѣщена значительно позже, и потому разказъ „о забитью Исава" находится на слѣдующемъ же листѣ. Но болѣе всего разница въ редакціяхъ этихъ двухъ списковъ сказывается при сличеніи книгъ Библіи, которыя въ спискѣ Попова помѣщены почти сполна подъ рядъ, а въ нашемъ спискѣ онѣ разбиты разными вставочными статьями и очевидно сокращеннѣе, такъ какъ тѣхъ мѣстъ, которыя приведены въ описаніи Попова, тутъ нѣтъ совсѣмъ; вообще, какъ говоритъ Поповъ, въ его спискѣ явилась почти полная Библейская книга на языкѣ южнорусскомъ; напримѣръ, въ спискѣ Попова книга Второзаконія начинается слѣдующими словами, которыхъ въ нашей рукописи нѣтъ:

„Книги 5 Моисея Вторый Законъ, а по грецку Девтороміумъ называютъ, а то есть вторый, або повтороный законъ. Четыредесятого року 11 мѣсяца 1 дня мовилъ Моисей до сыновъ Израилевыхъ и навспоминалъ ихъ мовечи: слухайте приказанья Господнего, а што справедливо есть, судите: хочь бы обыватель былъ, хотя гость, розность жадная особь не будетъ, такъ малаго на судѣ выслухайте, яко и великаго, и не будете имѣть взгляду на особу жадного, поневажь судъ Божій есть". И такъ далѣе (Поповъ, Обзоръ вып. 2, стр. 283). Равнымъ образомъ, книга Іисуса Наввина въ пересказѣ этихъ двухъ списковъ, судя по началу, приведенному Поповымъ, тоже значительно разнится, а именно:

№ 1.	№ 2.
Стало се по смерти Моисея, слуги Господнего, ижъ мовилъ Господь до	По смерти Моисеовой, Іисусъ Наввинъ людъ Израильскій взялъ въ спра-

Ісуса Наввина, служебника Моисеового, и рекъ ему: Мойсей, слуга мой, умерлъ; встань, а переправся презъ тотъ Іорданъ ты и весь людъ зъ тобою до земли, которую я дамъ сыномъ Израилевымъ. Всякое мѣстце, по которомъ топтать будетъ вога стопы вашой, дамъ вамъ, яко Моисеови реклъ: отъ пущи и до Ливану, ажъ до рѣки великой Еуфрата и ажъ до моря великого на заходъ солнца будетъ граница ваша и т. д. (Поповъ. Обзоръ, вып. 2, стр. 284).

вованье свое, которому Господь Богъ мовилъ, яко з Моусеомъ былемъ, такъ буду и съ тобою; ты раздѣлишь краины люду своему, тылко стережи закону, а невыкрочай (?) противо мнѣ. А заразъ пославъ Іисусъ двохъ шпѣговъ до Ерихону мѣста и т. д. (Листъ 62).

Послѣ изложенія книги Іисуса Наввина, въ нашемъ спискѣ, раньше книги Судей Израильскихъ, находится глава „о писму грецкомъ", которой въ спискѣ Попова нѣтъ, по крайней мѣрѣ она не приведена въ его описаніи. Глава эта (см. ее дальше) заимствована изъ хроники Мартина Бѣльскаго и помѣщается также въ великорусскихъ хронографахъ 2-й редакціи подъ заглавіемъ „О Европіи и о Тирѣ град" [1]).

Далѣе существеннымъ различіемъ этихъ двухъ списковъ служитъ исторія о Троѣ, которая въ спискѣ Попова, вопервыхъ, помѣщена значительно дальше, нежели въ нашемъ, а именно—послѣ Александріи, то-есть, тамъ, гдѣ помѣщена она въ великорусскихъ хронографахъ 1-й редакціи, а вовторыхъ, самый разказъ составляетъ, по мнѣнію Попова, переложеніе на южно-русскій языкъ изъ хронографовъ этой 1-й редакціи. Между тѣмъ въ нашемъ спискѣ она помѣщена сейчасъ же за книгою Руѳи, то-есть, такъ, какъ въ архивномъ спискѣ Малалы XV в. [2]), и какъ помѣщена она въ великорусскихъ хронографахъ 2-й редакціи; но при этомъ въ содержаніи оказывается значительное отступленіе отъ этой 2-й редакціи, гдѣ разказъ о Троѣ составляетъ переложеніе изъ хроники Мартина Бѣльскаго. О разницѣ этой свидѣтельствуетъ частное заглавіе статей, вошедшихъ въ составъ этой повѣсти, а именно: въ хронографахъ 2-й редакціи: а) о златомъ рунѣ волшебнаго овна, б) о восхищеніи златаго руна и о градѣ Мидіѣ, в) о брани Трояномъ съ Греки и о раззореніи ея,

[1]) *Поповъ*, Обзоръ, вып. 2, стр. 100.

[2]) *Пыпинъ*. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ (*Учен. Зап. Ак. Наукъ по II-му отд.*, кн. IV, стр. 53).

г) о царѣ Пріамѣ Троянскомъ и о сынѣ Александрѣ Парисѣ [1]). Въ нашемъ спискѣ, послѣ общаго заглавія „Історія о золотомъ рунѣ и о войнѣ троянской съ греки", идетъ вступленіе: „Року отъ сотворенія свѣта д҃з҃і (4016), гды былъ судіею надъ жидами Аидонъ, сынъ Елесховъ, третего року роскавована (?) его надъ жидами, была война великая троянская съ греками, о которыхъ много историковъ писало, даючи розмаитые причины, межи тыми тежъ и тая одна была"; и далѣе разказывается о происхожденіи Язона, о Фризѣ и Еленѣ и о золотомъ рунѣ („а такъ о немъ першей напишу ведлугъ Теодоруса"—источника этого не можемъ опредѣлить), Язонѣ и Лаомедонтѣ (по разнымъ разказамъ, а именно: о золотомъ рунѣ—начинается: „Дарій Фигіусъ пишетъ"—конечно, Даретъ Фригійскій, главный авторъ Троянскихъ сказаній; о томъ же рунѣ иначей—начинается: „тыи речи нѣкоторыи суть вымыслныи отъ поетовъ грецкихъ"); наконецъ, о поражцѣ Геркулеса надъ кролемъ Фригійскимъ. Эта послѣдняя часть, безъ частныхъ заглавій, разказываетъ исторію Троянской войны на 11 листахъ.

(Для образца приведемъ дальше отрывокъ изъ исторіи о Троѣ по нашему списку).

Не будемъ останавливаться болѣе на указаніи отличій въ этихъ двухъ спискахъ; повторимъ только, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе замѣчается разница, какъ, напримѣръ, въ нашемъ спискѣ послѣ разказовъ по книгамъ Царствъ слѣдуетъ: „о заложеню Риму, также о Рому и Ромоилю повѣсть", „о поражцѣ римлянъ надъ сабинами" и пр. Отдѣлъ этотъ въ спискѣ Попова слѣдуетъ за повѣстью о Троѣ, какъ въ великорусскихъ хронографахъ 1-й редакціи, и, судя по количеству листовъ, гораздо меньше, нежели въ спискѣ нашемъ (у насъ на 12-ти листахъ —отъ 137 до 149, въ спискѣ Попова на 7 листахъ—отъ 500 до 507).

Что же касается „Александріи", составляющей неотъемлемую принадлежность всѣхъ хронографовъ, то оказывается, что въ спискѣ Попова, по его заявленію, помѣщенъ полный текстъ ея (на 80 листахъ); въ нашемъ же спискѣ она значительно сокращена (всего на 14-ти листахъ).

Итакъ, изъ сравненія этихъ двухъ рукописей видно, что каждая изъ нихъ составляетъ иную редакцію, при чемъ начало ихъ имѣетъ

---

[1]) *Поповъ*. Обзоръ, вып. 2-й, стр. 101.

болѣе сходства, нежели послѣдующее изложеніе. Къ сожалѣнію, рукопись Попова, какъ было уже сказано, сохранилась только отчасти, а именно первая часть ея — до Рождества Христова, и потому дальнѣйшее сравненіе не возможно; но достаточно сличенія уцѣлѣвшей части съ нашею рукописью, чтобы прійдти къ выводу о существованіи по крайней мѣрѣ двухъ редакцій южно-русскихъ хронографовъ, изъ которыхъ одна (по списку Попова) близка къ великорусскимъ хронографамъ 1-й редакціи, а другая (по списку нашему)— ко 2-й редакціи.

III.

Переходимъ теперь къ сличенію, на сколько возможно, нашего списка съ хронографомъ, о которомъ упоминаетъ Максимовичъ.

Рукопись, принадлежавшая Максимовичу, упоминается имъ въ статьѣ „Письма о князьяхъ Острожскихъ“ и носитъ заглавіе: „Лѣтописецъ, то-есть хроника, съ разныхъ, многихъ, а досвѣдчоныхъ авторовъ и историковъ, диалектомъ русскимъ есть сложены“ [1]). Заглавіе это, какъ видно, очень близко къ заглавію нашего списка (Кройніка, то-есть, лѣтописецъ из разныхъ многихъ кройнікаровъ діалектомъ русскимъ написана“), хотя и не вполнѣ тожественно. Къ сожалѣнію, можемъ сличить только два мѣста, которыя приведены въ статьѣ Максимовича, да и то касающіяся прибавочной, а не основной части хронографа [2]). Вотъ эти мѣста: (списокъ нашъ обозначаемъ № 2, а Максимовича — № 3).

Говоря о происхожденіи фамиліи князей Острожскихъ, Максимовичъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ своей рукописи:

№ 3.

«Романъ Даниловичъ, родной братъ князя Льва, оставилъ сына Василія, князя Острожскаго; тотъ Василій оставилъ по себѣ сына Даніила, — князя на Острогѣ; отъ того Даніила остался сынъ Θеодоръ (Сочин. Максимовича, т. I, стр. 165).

№ 2.

«Фамилія княжатъ Остроскихъ.

Романъ Даниловичъ, о которомъ Кромеръ чинитъ взмѣнку въ книгахъ своихъ девятыхъ, зоставилъ по собѣ сына Василія, князя Остроского, той Василій зоставилъ по собѣ сына Даниила, княжа на Острогу, по Данилѣ зосталъ сынъ его Θеодоръ на Острогу» (листъ 473).

---

[1]) Сочин. *Максимовича*, т. I, стр. 186.

[2]) Основной частью хронографа я считаю всю первую половину отъ начала до 1453 года, то-есть, до взятія Константинополя турками; остальныя статьи составляютъ добавочныя части.

Хотя это мѣсто и представляетъ нѣкоторую разницу въ изложеніи, по вопервыхъ, разница эта слишкомъ несущественна, а вовторыхъ, можно предполагать, что Максимовичъ не точно цитировалъ рукопись, больше заботясь о содержаніи, нежели о точности въ словахъ. Другое же мѣсто, процитированное Максимовичемъ точно, указываетъ значительно больше на то, что эти рукописи не суть копіи, списанныя одна съ другой, а составлены болѣе или менѣе самостоятельно.

№ 3.

Року 1432. Θедоръ, княжа Острожское, мужъ великои дѣлности и валечный, держачи сторону Швидригайлову, добылъ Смотричъ, Браславль и Скалу, замки подъ Ляхами, а потомъ и все Подолье на Швидригайла до Руси вырвалъ у Поляковъ. Прето король Якгело, до Львова вытягнувши, пославъ войско коронное на Подоле, которое князь Θедоръ, уставичне зъ своимъ, войско лядское губилъ и наежчалъ; а коли уже Ляхи, для близкои зимы, до дому ся вертали, заразъ князь Острожскій Θедоръ таемна за ними тягнулъ, часу, мѣстца и пригоды, гдебы на нихъ ударить, смотрѣлъ; и есть Мурахва рѣка, которая до Днестра впадаетъ, болотна и широко выливаючая, черезъ лѣсы идучи; а уже была трохи примерзла; черезъ которую князь Θедоръ, иншою дорогою первей пребывши, засадился на другомъ берегу зъ войскомъ своимъ въ лѣсѣ, тамъ же нагле и безъ вѣсти, зъ великимъ и гвалтовнымъ окрикомъ на Ляхи ударилъ; а Ляхи, будучи стривожены пригодою новою и несподѣванною, одни вплавь ледъ ломать, а другіе возы свои въ гати покинувши и поперевертавши, учинили битву; але князь Острожской войскомъ перевышалъ. Ляховъ помешанныхъ, изъ реки выѣзджаючихъ, Русь отсѣль назрѣвали, били, топили и имали. Лечь Волоховъ, которые были на лупезствѣ, побито

№ 2.

Θеодоръ князь Островскій валечный.

Року аѵлг. Θеодоръ князь Островскій, мужъ валечный, добылъ замковъ подъ поляками, Смотрячу, Браславъ и Скалы, а потомъ и все Подоле взялъ на князя Швидригайла. Прето кроль Ягейліо, пришедши до Львова з войскомъ своимъ, послалъ войско коронное на Подоле, которое завше Θеодоръ, князь Островскій, губилъ и наѣжджалъ. А такъ поляци съ королемъ на зиму вернулися до дому, ничого не справивши, а Θеодоръ за ними въ тропы зъ войскомъ тягнулъ, часу, мѣстца угльдуючи, гдебъ на нихъ ударити мѣлъ. Есть рѣка Мурахва, которая до Днепра впадаетъ, болотная вельми и широко выливаючая черезъ лѣсы идучи, и уже было трохи примерзло, чрезъ которую князь Θеодоръ первѣй иншою дорогою перебывши зъ войскомъ, засадился на другомъ берегу въ лѣсѣ зъ войскомъ своимъ. А гды пришло ляхомъ перебывати сѣ и уже были мало на другую сторону не перешли, жолнѣре кони въ рукахъ ведучи, заламовалися, а Θеодоръ зъ великимъ крикомъ нагле, несподѣвано на поляки ударилъ. Поляки, будучи новою пригодою несподѣванною стривожоны, едны вплавъ ледъ ломячи, а другіе, возы всѣ въ чатѣ покидавши и поперевертавши, дали битву, лечь Θеодоръ натиралъ на нихъ

отъ Ляховъ и погинуло ихъ много. (Сочин. Максимовича, т. I, стр. 169).	зъ Русью своею добре на помѣшанныхъ и выѣжджаючихъ зъ реки Русь отвсюль нагрѣвала, биючи, топячи, имаючи поляковъ; тылко Волоховъ, которые пали на лупѣзствѣ лядскомъ, много поляки побили (листъ 476).

Хотя приведенная параллельно выписка и свидѣтельствуетъ о томъ, что эти двѣ рукописи не суть вполнѣ копіи, снятыя одна съ другой, но все-таки близость ихъ такъ рѣзко бросается въ глаза, что можно, кажется, признать ихъ вышедшими изъ одной редакціи, только съ маленькими передѣлками переписчика (въ иныхъ мѣстахъ даже съ искаженіями, напримѣръ: въ моемъ спискѣ **Днепра** вм. **Днестра**). При томъ оказывается, что выписанное мѣсто представляетъ не столько пересказъ, сколько переводъ изъ хроники Стрыйковскаго, и особенно въ спискѣ Максимовича. Въ доказательство привожу параллельно нѣкоторыя мѣста изъ Стрыйковскаго [1]) и списковъ нашего и Максимовичева.

Stryikowski	№ 3	№ 2
Mąż wielkiey dzielnosci y waleczny, trzymaiąc stronę Swidrygayłowe, dobył Smotrycy... zamkow pod Polaki...	Мужъ великои дѣлности и валечный державчи, сторону Швидригайлову, добылъ Смотричъ... замки подъ Ляхами.	Мужъ валечный добылъ замковъ подъ Поляками, Смотричу...
A gdy iuż Polacy dla bliskiey zimy do domy się wracali, wnet kniaz Ostroski Fiedko, maiąc na pomoc więcey Tatorow, Wołochow y Bessarabow, taiemnie za nimi ciągnął, czasu, mieysca y pogody gdzieby na nich uderzyć patrząc.	А коли уже ляхи, для близкои зимы, до дому ся вертали, заразъ князь Острожскій Ѳедоръ таемне за ними тагнулъ, часу, мѣстца и пригоды, гдебы на нихъ ударить, смотрѣлъ.	А такъ Поляцы съ королемъ на зиму вернулся до дому, ничого не справивши, а Ѳедоръ за ними въ тропы зъ войскомъ тягнулъ, часу, мѣстца углядуючи, гдебъ ударити мѣлъ.

Весьма возможно, что составители обоихъ списковъ одинаково пользовались Стрыйковскимъ, и потому явилась такая близость обоихъ ихъ, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ спискѣ довольно часто встрѣчаются ссылки на Стрыйковскаго; но можетъ быть, конечно, и такъ, что редакція была одна и та же, и только переписчики допускали

[1]) Zboir Dzieiopisou Polskich. T. 2-й. Warszawa 1766, стр. 545.

нѣкоторыя уклоненія отъ оригинала. Во всякомъ случаѣ, на основаніи этихъ ничтожныхъ данныхъ, нельзя сдѣлать опредѣленнаго вывода, да притомъ статьи изъ добавочной части хронографа на столько въ этомъ случаѣ не характерны, что лучше всего удержаться отъ всякаго вывода о большей или меньшей близости этихъ двухъ рукописей.

IV.

Обратимся теперь къ послѣдней изъ извѣстныхъ рукописей хронографа, именуемаго хроникой Боболинскаго.

Какъ кажется, первое извѣстіе объ этой хроникѣ встрѣчается въ Дневникѣ А. В. Храповицкаго. Онъ, какъ статсъ-секретарь Екатерины II, хорошо зналъ о тѣхъ занятіяхъ исторіей, которыя она вела въ послѣдніе годы своей жизни. И вотъ, очевидно, до слуха ея дошло, что въ Черниговской семинаріи хранится рукопись Боболинскаго, и потому, какъ передаетъ авторъ дневника подъ 9-мъ декабря 1791 г.,—„приказали написать къ Черниговскому епископу, чтобъ, списавъ вѣрно изъ библіотеки тамошней семинаріи лѣтописецъ, въ 1699 году Боболинскимъ сочиненный, присылалъ сюда черезъ почту по тетрадямъ“ [1]). Болѣе подробныя свѣдѣнія въ первый разъ даны были Самчевскимъ, издавшимъ въ 1854 году лѣтопись Грабянки и въ приложеніи къ ней помѣстившимъ краткое описаніе хроники Боболинскаго, а также нѣкоторыя статьи изъ нея [2]).

Въ предисловіи Самчевскій сообщаетъ о ней слѣдующія данныя: рукопись писана самимъ авторомъ въ концѣ XVII столѣтія на обыкновенной бумагѣ въ листъ, почеркомъ мелкимъ, но четкимъ, весьма тщательнымъ и отъ начала до конца одинаковымъ. Она содержитъ въ себѣ 636 полулистовъ и составляетъ большую, толстую книгу въ кожаномъ переплетѣ. На заглавномъ листѣ ея вокругъ заглавія находятся украшенія, сдѣланныя чернилами и желтою краскою. Года и страницы вездѣ означены славянскими буквами. Изъ надписи внизу на поляхъ рукописи видно, что, по завѣщанію самого Боболинскаго, она въ 1717 году изъ Новгородъ-Сѣверскаго Спасскаго монастыря была

---

[1]) Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изд. *Н. П. Барсукова*, стр. 385. Изъ примѣчаній къ этому изданію дневника Храповицкаго видно, что въ іюнѣ 1792 епископъ Черниговскій Іероеей препроводилъ лѣтописецъ Боболинскаго къ императрицѣ (Дневникъ, стр. 450).

[2]) Лѣтопись Григорія Грабянки. Кіевъ, 1854 г., въ концѣ книги стр. I—X и 272—327.

передана въ Черниговъ „до книгохранительницы каѳедральной" архіепископу Антонію Стаховскому, который и надписалъ ее, „дабы она не была отдалена подъ анаѳему отъ помянутой библіотеки, а кто дерзнетъ ее отдалити, дастъ отвѣтъ Богу, Судіи праведному".

Самое описаніе хроники на столько кратко, что на основаніи его не было никакой возможности сдѣлать сличенія ея съ нашею рукописью, хотя многія мѣста ясно указывали на близость ихъ. Такъ, напримѣръ, начало въ обоихъ спискахъ почти тожественное; въ краткомъ указаніи содержанія хроники Боболинскаго мы встрѣтили полное сходство съ нашею рукописью, и наконецъ сличеніе съ помѣщенными у Самчевскаго статьями изъ хроники (впрочемъ, сличить мы могли только одну статью „О первомъ бѣсурманскомъ приходѣ подъ Чигиринъ", такъ какъ остальныя три статьи извлечены изъ той части рукописи, которой у насъ, какъ было сказано, не достаетъ),—могло привести къ заключенію, что одна рукопись составляетъ копію другой. Однако же, такъ какъ сличенная нами статья не есть трудъ Боболинскаго, а заимствована имъ изъ Кіевскаго Синопсиса, что было указано Максимовичемъ въ его замѣткѣ объ изданіи лѣтописи Грабянки [1]), то еще пришлось все-таки оставаться въ сомнѣніи, до какой степени эти двѣ рукописи близки одна къ другой. Поэтому мы обратились къ другому источнику, къ книгѣ г. Лилеева (бывшаго библіотекаремъ въ Черниговской духовной семинаріи): „Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Черниговской духовной семинаріи" (С.-Петербургъ, 1880), но къ сожалѣнію, изъ этой книги узнали только, что кто-то, не взирая на „анаѳему", которою угрожалъ архіепископъ Стаховскій, вырвалъ нѣкоторыя части изъ хроники, при чемъ авторъ книги высказываетъ предположеніе, что вырванное хранится въ центральномъ архивѣ при Кіевскомъ университетѣ [2]). Что же касается самого описанія г. Лилеева, то, по непонятной небрежности, въ немъ не указано даже, что именно уцѣлѣло, да и вообще описаніе это не даетъ ничего новаго, такъ какъ повторяетъ только сказанное Самчевскимъ, даже, какъ оказалось впослѣдствіи, со всѣми его ошибками. Чтобъ окончательно удостовѣриться въ степени близости этихъ двухъ рукописей, намъ пришлось попытаться лично увидать Черниговскую рукопись и, благодаря любезности нѣкоторыхъ преподавателей Черниговской духовной се-

[1]) Сочиненія *Максимовича*, т. I, стр. 229.
[2]) *Лилеевъ*, Опис. рукоп. Черниг. семин., стр. 71.

минаріи, довелось имѣть въ рукахъ хронику Боболинскаго въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, въ которые мы совершенно разъяснили себѣ, на сколько близки эти рукописи одна къ другой. Оказалось при этомъ, что извѣстіе г. Лилеева о хищеніи нѣкоторыхъ частей ея вполнѣ подтвердилось, и даже въ большей степени, нежели можно было предполагать: не только не хватаетъ тѣхъ статей, которыя изданы въ приложеніи къ лѣтописи Грабянки, но вся вторая половина, отъ 391-го листа до конца, то-есть, до 636-го листа, оторвана, причемъ, въ соотвѣтствіе вырванной части, не достаетъ и 7 послѣднихъ листовъ (изъ 16) оглавленія, помѣщеннаго въ началѣ хроники... Чтобъ исхищеніе это было меньше замѣтно, боковой корешокъ переплета обрѣзанъ въ уровень съ остающеюся частью, а задній корешокъ приложенъ къ книгѣ и, какъ говорятъ, былъ даже сначала приклеенъ.

Въ сохранившейся рукописи помѣщается основная часть хронографа, отъ сотворенія міра до взятія Цареграда турками, то-есть, до 1453 года, и одна только статья, начинающая собою добавочную часть—„Панство краевъ заходнихъ цесаровъ", начиная отъ Карла Великаго до 1542 года (на 9 листахъ). Какъ видно изъ переносныхъ словъ на послѣдней сохранившейся страницѣ, далѣе шла статья „О панствахъ турецкихъ".

Сравненіе этой уцѣлѣвшей части съ нашею рукописью показало, что отъ начала до конца обѣ рукописи совершенно сходны въ содержаніи и изложеніи, то-есть, несомнѣннымъ является фактъ, что одна рукопись есть копія съ другой, если даже не обѣ онѣ есть копіи съ какой-нибудь третьей. Свѣрить отъ слова дослова время позволило намъ только первые 30 листовъ, а остальное пришлось просмотрѣть бѣгло, но во всѣхъ свѣренныхъ мѣстахъ на выдержку изложеніе оказалось почти дословно одинаковое.

Вотъ нѣкоторыя мѣста, отличающія одну рукопись отъ другой:

1) Послѣ переплета первый листъ въ рукописи Боболинскаго чистый, а въ нашей на немъ написано старымъ почеркомъ краснымъ чернилομъ заглавіе:

Кроника
си есть
Лѣтописецъ
из многихъ кроникаровъ
діалектомъ рускимъ написана.
До 1656 лѣта
чрезъ много лѣтъ дописана.

Тутъ-же внизу, кажется печатью, красною краской выбито „Сулакадзевъ 1771 г.“—вѣроятно, имя прежняго владѣльца рукописи, при чемъ слово Сулакадзевъ совсѣмъ стерто, и возстановляемъ мы его потому, что въ другомъ мѣстѣ рукописи, въ заглавномъ мѣстѣ „О русскихъ панствахъ“, печать эта повторяется совершенно отчетливо.

2) Въ нашей рукописи слѣдующій затѣмъ листъ чистый, а въ рукописи Боболинскаго находится заглавіе въ виньеткѣ, не особенно искусно разрисованной чернилами и желтою краской. Въ этой виньеткѣ: вверху — крестъ въ сіяніи, съ боковъ надпись «ц͠аръ славы» внизу—«Лѣтописецъ сй ёстъ кройника зъ розныхъ авторовъ й гисторыковъ многихъ диалекто͠м рускимъ [1]) естъ написана в монастыру С͠то Троецкомъ Илинскомъ Чернѣговско͠м Іеромонахомъ Леѡнтиемъ Боболинскимъ законнико͠м монастыра выдубицкого Кіевского року ѿ рождества Хр͠сова ахчф Мсца Апрыля дня кг». На оборотѣ этого листа написаны изреченія изъ псалмовъ, напримѣръ: «Словомъ Г͠днимъ н͠бса утвердишися и д͠хомъ устъ его вся сила ихъ».

3) Рукопись Боболинскаго начинается статьей: „Слово къ любимому читателю всякому“ (напечатана въ приложеніи къ лѣтописи Грабянки), написанною чистымъ славянскимъ языкомъ. Въ нашей рукописи никакого предисловія нѣтъ.

4) Затѣмъ идетъ „оглавленіе рѣчей, которые в сей книзе обрѣтаются“. Оглавленіе это сходится слово въ слово въ обѣихъ рукописяхъ. Разница только въ томъ, что въ рукописи Боболинскаго при оглавленіи указаны страницы текста, такъ что по оглавленію сейчасъ же можно отыскать всякое мѣсто; въ нашей же рукописи страницы не обозначены. Одно слово въ оглавленіи нашей рукописи (на листѣ 1-мъ) невѣрно написано: „о створенню Адама въ рай“, между тѣмъ какъ у Боболинскаго: „о впьроваженю Адама в рай“; ясно, что въ нашей рукописи ошибка, такъ какъ въ текстѣ говорится о водвореніи Адама въ рай. Замѣтимъ мимоходомъ, что у Боболинскаго слово впьроваженю написано очень неразборчиво.

5) За оглавленіемъ идетъ въ началѣ текста заглавіе, въ обѣихъ рукописяхъ почти тожественное. Приводимъ его параллельно.

Боболинскаго.	Наша
Лѣтописецъ то естъ кройника з розны͠х многи͠х кройникаровъ діалекто͠м рускимъ написана.	Кройніка то есть лѣтописецъ из розныхъ многи͠х кройнікарѡ͠в діалектѡмъ рѹскимъ написана.

[1]) Въ описаніи Сявчевскаго слово *рускимъ* пропущено.

При этомъ замѣтимъ, что какъ заглавіе, такъ и весь текстъ нашей рукописи написанъ гораздо красивѣе; особенно изящно выведены во многихъ мѣстахъ начальныя буквы красною краской.

6) Внизу текста рукописи Боболинскаго слѣдующая надпись на 31 листѣ (а не на 30, какъ сказано у Самчевскаго и повторено г. Лилеевымъ): «Сию книгу. глемую Хроника или лѣтопись по смерти Іеромонаха Леωнтия Боболинскаго по завѣту его и ωстатнеи воли привезъ зъ Новгородского Спаского (а не Спасоваго, какъ у Самчевскаго и повторено г. Лилеевымъ) Мптра Сѣверскаго Архімандрита тогда ωбители Сто Спаско Новгородско Геннадй Стефановичъ въ Чернѣговъ въ домъ Архіерейскй (а не архіепископскій, какъ сказано у Самчевскаго и повторено г. Лилеевымъ) и отдалъ ея саморучно до книгохранитѣницы Каѳедралнои року Бжія 1717 Мсца Маія правяцу тогда престолъ Архіепіи Чернѣговской недостойнойму мнѣ Архіеппу Чернѣговскому и Новгородка Сѣверскаго Антонію Стаховскому иже и подъписахъ книгу сию дабы ωна не была ѿдалена подъ анаѳема помянутои Библіоѳеки а кто дерзнетъ ея ѿдалити дас ѿвѣтъ Бгу Судіи првдному. Аминь». Въ нашей рукописи тоже есть надпись внизу на 28 листахъ, но очевидно подчищенная, новымъ почеркомъ наведенная и вполнѣ безсмысленная. А именно: «Сія книга лѣтописецъ надана въ 1597 (?) году отъ тысечника Іанкаря Шумы Кіевского на нево во валаамъ а отъ валаамского Тімолая Тербацкого бывого воеводы Кіевскаго и Галицкаго въ Малыя Рωссіи Ертоулнаго пълъку Столника Далмата вечевника правыя руки». Изъ всей этой подписи только можно сдѣлать предположеніе, что рукопись, вѣроятно, связана какъ-то съ Тимоѳеемъ Щербацкимъ [1]), митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, который переименованъ въ этой подписи до полнаго искаженія.

7) Въ рукописи Боболинскаго встрѣчаются наклеенные кусочки бумаги, на которыхъ написано въ замѣнъ тѣхъ описокъ, которыя онъ дѣлалъ при письмѣ; во всѣхъ этихъ случаяхъ (конечно, только тѣхъ, которые намъ удалось замѣтить, такъ какъ, повторяемъ, всей рукописи мы свѣрить не могли) въ нашей рукописи написано правильно, безъ всякихъ подчистокъ.

8) Въ нашей рукописи встрѣчается цѣлый рядъ ошибокъ въ текстѣ, и большею частію въ тѣхъ случаяхъ, когда у Боболинскаго

[1]) Тимоѳей Щербацкій былъ митрополитомъ Кіевскимъ въ 1748 — 1757 гг.

написано неразборчиво. Напримѣръ: а) на листѣ 2-мъ заглавіе на поляхъ въ нашей рукописи ошибочно: Агг҃лы всѣми елелунтами справуютъ; у Боболинскаго—елементами, при чемъ написано очень неразборчиво; б) на листѣ 5-мъ заглавіе на поляхъ въ нашей рукописи безсмысленно: рай ямъ торжею; у Боболинскаго — рай за съторожею; в) на томъ же листѣ на оборотѣ: Сіѳъ первый мудрецъ— пропущено письма, какъ стоитъ у Боболинскаго; г) на листѣ 7-мъ въ заглавіи ошибочно стоитъ скватливыми, вмѣсто сквапливыми, какъ у Воболинскаго; д) на листѣ 8-мъ заглавіе въ нашей рукописи безсмысленно: мысли человѣчіи прудки ихъ до злого; у Боболинскаго — прудки суть до злого.

9) Но самымъ существеннымъ отличіемъ одной рукописи отъ другой является желаніе переписчика нашего списка приблизиться къ славянскому языку и удалиться отъ того мѣстнаго, южно-русскаго языка, на которомъ первоначально былъ составленъ хронографъ. Это сказывается съ первыхъ же словъ, а именно: въ нашей рукописи—во первыхъ, о сотвореніи, ничего, что, разумъ, имѣетъ—вмѣсто: найпервѣй, о створеню, ничого, що, розумъ, маетъ — у Воболинскаго. Подобныя измѣненія въ дальнѣйшемъ изложеніи становятся еще замѣтнѣе, напримѣръ: не едно — не едино, тамъ — тамо, окром — кромѣ, котрое — которое, нехотячи — нехотя, еѣ ожидали — ее ожидали, дожчами — дождями, морозами— мразами, осеню — есенію, блискавицами — молніями.

Чтобы видѣть, какъ это отражается на самомъ изложеніи, привожу параллельно тѣ два мѣста, которыя мы успѣли списать изъ рукописи Воболинскаго (рукопись Воболинскаго обозначаемъ № 4, а нашу — № 2):

№ 4.

Начало. А нӑ первѣз ѡ створеню ѿ Бг҃а о днеⷯ шестих. Ничого было Гд҃у Бг҃у по тоⷨ створеноⷨ нб҃у и агглаⷯ и по тоⷨ всеⷨ що е̂ и що ся рушаеⷮ и що живеⷮ и разум маеⷮ. Бо ѡнъ былъ без того въ трохъ персонахъ, ѿтцъ и сн҃ъ и Дх҃ъ Ст҃ыи пре̂ вѣки саⷨ в собѣ, нес̓твореныи, славный, великии, непотребуючи̋ ничого; але

№ 2.

Начало. Во первыхъ ѡ сотвореніи ѿ Бг҃а ѡ днехъ шестихъ. Ничего было Гд҃у Бг҃у по томъ сотворенниѡмъ нб҃у и Агг҃ла и по томъ всемъ что есть и что ся рꙋшаетъ и что живетъ и разꙋмъ имѣетъ. Ибо Онь былъ бе̂ того въ трехъ персонахъ: Оц҃ъ и сн҃ъ и Дх҃ъ Ст҃ый пред вѣки самъ в себѣ: несотворенный, славный,

добротливо̂ его, же е̂ з натуры узычаючаяся, яко истно̂ богацва своего на сн҃ѣ рождение̂, и на Дс҃ѣ Ст҃о дхнене̂ без податку и предвѣки зезволилъ з̕ внутръ вылити, такъ тежъ извѣрхне вреча̂ початыі и створоныі узычливыі ся показалъ быти, досконалства своего створеню удѣляючи, абы не бывши было, трвало, рушало и жило, а кождое частку якую колвекъ и ѡдробину с̕ щастя Бж҃ественнаго ведлугъ натуры, потребы и понятя своего мѣло, жебы в̕створеню створите̂ показалъ свою не̕змѣрную моцъ, несказанную мудро̂, неис̕черпаемую добротьливо̂. Для того за силою его з̕ ничого без начиня, без матерыи, без помочи и работы будовничои то̂ с̕вѣтъ сътанулъ. Дивное дѣло и пала̂ (?) вс̕его свѣта, що е̂ нбо и земля.

великій, непотребꙋющій ничего Але добротливость егѡ, же есть знатꙋры узычаючаяся. Ꙗко истость богацтва своего: на сн҃ѣ рожденіемъ и на дс҃ѣ ст҃омъ дохновеніемъ без початкꙋ и пред вѣки зезволилъ звнꙋтрь вылити, такъ тежъ извѣдхне (sic) в рѣчахъ початыі котвороныхъ (sic) узычливымся показалъ быти, досконалства своего сотворенію удѣляючи, абы не бывши былъ (sic), трвало, рꙋшало и жило. А каждое часткꙋ якꙋю кольвекъ и ѡдробхнꙋ (sic) счастя Бж҃твеннаго ведлꙋгъ натꙋры, потребы и понятія своего имѣло, иже бы въ сотвореніи сотворитель показалъ свою неизмѣримꙋю силу, несказанную ярость, неизчерпаемꙋю добротливость. Для того за силою егѡ из ничего бе̂ начала, бе̂ матеріи, бе̂ помочи и работы бꙋдовничой той свѣтъ станулъ. Дивное дѣло и пала̂ всего свѣта, что есть нбо и земля.

Если въ этомъ отрывкѣ во многихъ случаяхъ сказывается искаженіе языка, то слѣдующій отрывокъ еще болѣе характеренъ въ этомъ отношеніи; тутъ цѣлыя слова и выраженія подверглись измѣненію на церковный ладъ.

№ 1.

Небо найвышшее [1]). На початку (яко мовитъ писмо святое) сотворилъ Богъ небо и землю. Небо не тое, которое завше видимо, або вѣмъ тое второго дня есть створеное, але вышшое, которое ни солнца, нѣ мѣсяца, ани звѣздъ нигды не потребуетъ,

№ 2.

Небо вышшее. Въ началѣ (яко-же глаголетъ писаніе святое) сотворилъ Богъ небо и землю. Небо не тое, которое всегда видимо; но вѣмъ тое втораго дне есть сотворенное и вышшее: которое ни солнца, ни мѣсяца, ни звѣздъ никогда не потребуетъ, но

[1]) Печатается безъ надстрочныхъ знаковъ.

бо само промени облича Божественнаго освѣчается и невымовне сияетъ, котораго сиянія и оздобы до жадной рѣчи приривнати не подобна, о которомъ Давидъ царь мовитъ: небо небесъ Господеви, а земля еще не была видима, бо на ней вода стояла и не была украшенна цвѣтами, садами, овоцами, зіолами, а ни жадными ужитками; отдѣливши Богъ отъ темности, свѣтлость назвалъ день, а темность—ночь.	само лучами лица Божественнаго освѣщается и неизреченно сіяетъ, которого сіянія и оздобы до жадной рѣчи приривняти неподобна, о которомъ Давидъ царь глаголетъ: небо небесъ Господеви, а земля еще не была видима: понеже на ней вода стояла, и не была украшенна цвѣтами, садами, овощіями, зѣліями, а ни жадными ужитками. Отдѣливши Богъ свѣтъ отъ темы, свѣтъ нарече день, тму нарече нощь.

Такимъ образомъ, всѣ данныя приводятъ къ заключенію, что редакція этихъ двухъ рукописей одна и та же, только съ ощутительною порчей мѣстнаго языка въ нашемъ спискѣ. Кромѣ того, многія мѣста наводятъ на мысль, что наша рукопись переписана именно съ рукописи Боболинскаго, потому что почти всѣ ошибочно написанныя слова очень неразборчиво написаны Боболинскимъ, такъ что съ перваго взгляда ихъ можно прочесть и такъ, какъ написалъ переписчикъ.

Итакъ, слѣдовательно, можно разсматривать рукопись хронографа, принадлежащую намъ, какъ копію хроники Боболинскаго, и поэтому, если не найдется исчезнувшая вторая половина этой послѣдней, то наша рукопись можетъ служить дополненіемъ къ рукописи Черниговской духовной семинаріи, хотя, вопервыхъ, можетъ быть нѣсколько въ искаженномъ видѣ относительно языка, а вовторыхъ, всетаки не вполнѣ возстановляющей подлинникъ по содержанію, такъ какъ нѣкоторыя части въ ней утрачены.

V.

Не задаваясь цѣлью на этотъ разъ сдѣлать полный обзоръ содержанія нашего списка хронографа, ограничиваемся только указаніями самыхъ главныхъ частей его, особенно въ виду того, что хроника Боболинскаго, какъ мы уже сказали, слишкомъ слабо описана и Самчевскимъ, и г. Лилеевымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для характеристики изложенія и языка этой редакціи, приводимъ нѣкоторыя болѣе выдающіяся статьи въ ихъ подлинномъ видѣ.

Всѣхъ сохранившихся листовъ рукописи 483, за которыми, судя по оглавленію, слѣдовало еще довольно много листовъ, обнимающихъ хроники Литовскую и Польскую. Объ этихъ хроникахъ Самчевскій

говоритъ, что первая изъ нихъ „есть ничто иное, какъ Литовская хроника, принадлежащая неизвѣстному писателю XVI или начала XVII столѣтія, напечатанная Ѳ. Нарбутомъ въ 1846 г. въ Вильнѣ въ его „Pomniki do dziejou litewskich“ подъ заглавіемъ „Kronika litewska“. Боболинскій внесъ ее въ свой лѣтописецъ съ небольшими дополненіями, измѣнивъ нѣсколько ея языкъ. Столь же мало новыхъ свѣдѣній заключается и въ хроникѣ Польской“ [1]). Изъ указанныхъ 483 листовъ не достаетъ въ срединѣ 16 листовъ (отъ 403—418); что именно въ нихъ заключалось, уяснится нѣсколько далѣе. По характеру письма и почерку вся рукопись раздѣляется на три части: съ 1-го до 238-го листа идетъ замѣчательно красивый уставной почеркъ съ украшеніями многихъ заглавныхъ буквъ изящною разрисовкой красною краской; нумерація страницъ этой части славянская; съ 239-го до 402-го листа почеркъ совсѣмъ другой, тоже очень четкій, но менѣе красивый, нежели первый; наконецъ, съ 419-го листа до конца идетъ почеркъ еще менѣе красивый и разборчивый.

Все содержаніе сохранившейся рукописи мы раздѣляемъ на слѣдующія части: 1) основная часть хронографа, или собственно хронографъ — отъ сотворенія міра до взятія Константинополя турками (листы 1—380); 2) въ добавочной части къ хронографу находятся статьи: а) „панство краевъ заходнихъ цесаровъ Старого Рима“ (листы 380 об.—380), б) „о панствахъ турецкихъ, отколь повстало и яко размножилося и зайшли в тіе всходніи краиня“ (листы 390—395), в) „Кроника славяно-русская о панствахъ русскихъ, полскихъ и литовскихъ“ (листы 395—402; конца нѣтъ), и начинается далѣе, г) „Кіевская кроника“ (листы 403—483; начала нѣтъ).

Первая часть. Такъ-сказать, канву основной части или собственно хронографа, не раздѣленнаго на главы, составляютъ разказы изъ исторіи ветхаго и новаго завѣта, перемѣшанные вставками о разныхъ другихъ народахъ и государствахъ, а также отдѣльными сказаніями и повѣстями. Отдѣлы здѣсь можно отмѣтить слѣдующіе.

1) Въ началѣ идетъ разказъ о сотвореніи міра и человѣка, о грѣхопаденіи, о Каинѣ и Авелѣ, о Ноѣ и потопѣ, о сыновьяхъ Ноя и ихъ потомкахъ и заканчивается этотъ отдѣлъ статьей о дивныхъ народахъ (листы 1—10). Для характеристики разказа и языка, приводимъ двѣ статьи: о бесѣдѣ Господа съ Адамомъ и Евою послѣ грѣ-

---

[1]) Лѣтопись Грабянки; въ приложеніи см. предисловіе, стр. VII.

хопаденія—для того, чтобы видѣть, какъ передается библейскій текстъ,—и о дивныхъ народахъ,—статью, вѣроятно, заимствованную изъ какой-нибудь космографіи, а можетъ быть, изъ хроники Мартина Бѣльскаго, во всякомъ случаѣ—не изъ великорусскихъ хронографовъ, въ которые эта статья тоже вошла изъ хроники Бѣльскаго, но въ сокращеніяхъ, такъ какъ въ нашемъ спискѣ перечисляется больше этихъ дивныхъ народовъ, а иные названы иначе, напримѣръ, въ великорусскомъ хронографѣ нѣтъ целенофаковъ, камбалесовъ, а циклiопесы названы катаинами.

Бесѣда Господа съ Адамомъ и Евою [1]). Потомъ пріиде до нихъ въ рай Гдь Бгъ о полудни, и почалъ ихъ на судъ призывати, страшнымъ голосомъ, Адаме, Адаме, гдѣ еси; чему гдѣ индѣ естесъ, а не тамъ гдѣ постановлемъ тебе; А Адамъ крылся, несмѣючи выйти, а такъ застрашоный, збледнѣлый, и на поли живый, очи спущеныи, тварь смутную, сердце струхлѣлое маючи вышолъ до Бга и мовить: Гди злякемся голосу твоего, и скрылемся, же естемъ нагія, реклъ ему Бгъ: кто тя обнажилъ; тылко грѣхъ твой позналесъ що естесъ, гдѣ ласку мою утратилесъ не заховавши моего приказанія, смѣлесъ ясти заказаный овощъ. И почалъ Адамъ повѣдати, яко тое преступленіе сталося: Пане жена, которую мнѣ за товарыщи далесъ, тая урвала и ела, а потомъ и мнѣ дала и елемъ, (тутъ по части Адамъ вымовляется зле, же на невѣсту складаетъ, будучи ей самъ головою). А Гдь Бгъ до покуты ихъ привести хотѣлъ онымъ пытаніемъ своимъ, имѣлъ волю той грѣхъ ихъ имъ отпустити, и для того бѣса албо ужа не пытаетъ, чомусто учинилъ, жесь звелъ невѣсту, але его заразъ проклинаетъ, проклятъ еси межи всѣми звѣрми, и бестіами земными, на персѣхъ ходити будешъ и ясти землю, з невѣстою, которуюсь звелъ, и ее потомкамъ валчити будешъ, але той потомокъ зотретъ главу твою и моцъ твою всю сокрушитъ, а ты чигати будешъ на его пяту (листъ 4-й).

О дивныхъ народахъ. Дивные народы по потопѣ отъ людей нѣкоторыхъ народилися.

Сатіры люди лѣсные живутъ въ горахъ и лѣсахъ великихъ, такъ суть быстрыи, же его жадная рѣчь не доженетъ, ходятъ наго, живутъ с звѣрми, не говорятъ, толко яко малпы крычатъ.

Андрагини суть люди въ Африцѣ, с женами посполу мѣшкаютъ, маютъ правые перси мужескіе, а лѣвые женскіе.

Аримаспы въ краинахъ татарскихъ родятся, тые маютъ око одно, а завше волчатъ с грифами о злато и перло.

Астроми живутъ въ Індіи, не имѣютъ устъ, не ядятъ, не піютъ, токмо запахами живутъ, а з хросту маютъ закрытіе.

Целенофаки суть въ Карманіи: тые толко ядятъ черепахи, а з рыбіихъ скуръ маютъ закрытіе.

---

[1]) Знаки препинанія удерживаемъ подлинника.

Танефы надъ моремъ полночнымъ живутъ, тые маютъ уши такъ великіе, же (в горячость солнца) весь ими закрыется.

Гипподесъ надъ океаномъ моремъ татаръ великихъ живутъ, тые маютъ головы человѣчіе, а ноги заднія и переднія конскіе, и ходятъ на всѣхъ четырехъ ногахъ.

Неудылы, або Ненуры знайдуются в татарскихъ краинахъ далнихъ, тые люди умѣютъ на часъ в вола и в волка перемѣнятися, хвалятъ моря за Бога, а шабли и наметы за образы посвячаютъ, а людей офѣруютъ на тое.

Пимен, суть люди въ Індіи, возрастомъ на локоть, азбо полтора, недолго живутъ, жены ихъ родятъ пятаго году, а осмаго старѣютъ, и умираютъ, волчатъ о живность съ журавлями, на баранахъ и козлахъ ездятъ, из луковъ стрѣляютъ на журавли.

Циклiопессы: албо гиганты, тые живутъ въ Стикиліи, под горою Етною, тые люди маютъ въ тѣлѣ своемъ око едино.

Секрети, албо Щиритове за землею татарскою живутъ люди без ушей, толко скважни вмѣсто ушей маютъ.

Трокліодиты въ Африцѣ, тые живутъ в скалахъ, а ужовъ ядятъ.

Камбалессы, тіи ядятъ людей, живутъ в Індіи.

Мантікоры въ Індіи, маютъ три ряды зубовъ, тварь человѣчую, а тѣло лвово.

Монокулы люди с великими ногами, же вгорячость слнца весь заслонится стопою единою.

Много иншихъ людей есть на свѣтѣ дивныхъ, звлаща въ Африцѣ, Індіи, въ Сиріи, що нѣкоторые яко то.

А Потомія, ходятъ на ногахъ, и на рукахъ, маютъ бороды долгіе без волосья, половина человѣка, а половина коня, у женъ ихъ волосья на головахъ немашъ, живутъ в водѣ, и на земли, и иншихъ людей много есть, нѣкоторыи с головами песіими, иные без головъ, маючи въ персяхъ губы и зубы, а на раменахъ очи, иншіи о двухъ облигахъ, иншіи с двома рогами, иншіи с рогами четырмя, шестьми: А тіи люди по столпотвореніи, и размѣшеніи языкъ, а умноженіе грѣховъ, не токмо языками, но и образами измѣнишася (листы 10 об. и 11).

2) Прежде чѣмъ говорить объ Авраамѣ, составитель хронографа вноситъ статью о королевствѣ Египетскомъ и царствѣ Ассирійскомъ, при чемъ подробнѣе останавливается на Семирамидѣ, а затѣмъ передаетъ исторію Авраама, Лота; заговоривши же о Мельхиседекѣ, вноситъ цѣлую главу о немъ по Аѳанасію Александрійскому, и далѣе продолжаетъ разказъ объ Исаакѣ, Исавѣ и Іаковѣ, а исторію Іосифа разказываетъ по Епифанію Кипрскому; заканчивается же этотъ отдѣлъ двумя статьями: „О народѣ Іакова, съ которымъ вшолъ до Египту" и „О родѣ идучомъ до Хрта" (листы 11—33).

Приводимъ изъ этого отдѣла выдержку о Семирамидѣ.

Семирамисъ, жена Нінусова, видячи сына своего молодого и неспособнаго до справованія панства, взявши на себе одежду его, таемнѣ справовала

кролевство, а сына въ свой уборъ убрала, мѣсто себе, дабы познана не была, казала и дворяномъ своимъ въ еднакихъ ходити шатахъ яко и сама, бо варовалася, абы для молодости сына ея краины отъ панстве ея не отступовали, такъ же и для справы (панства) женской, справовала тою монархіею такъ добрѣ и счастливе, же жадный иншій кроль (кромѣ Александра Великаго) не вшелъ такъ далеко на восходъ с҃лнца до великой Індіи, яко она. Однакожъ была отъ краля Індійскаго за неосторожностію поражена и ранена стрѣлою. Мѣсто Вавилонъ распространила и мурами оточила, великимъ коштомъ: и много иншихъ мѣстъ, такъ въ Азіи, яко въ Африкѣ побудовала; была невѣста віенквая, барзо смѣлая, хитрая, прудная (?). Часу едного когда чесалася, пришла до ней новина, же Вавилонъ отъ ней отступилъ, порвалася прудко несховавши волосовъ своихъ до половины, ехала тамъ с войскомъ, и такъ долго оныхъ волосовъ несховала и отъ мѣста не отступила, ажъ его добыла. Не могла еднакъ быти безъ того, абы своей кревности прирожоной молчкомъ и терпливостію знесла, явне и безъ стыда тое чинила, наложники свои з любви стинала, такъ же и тыхъ, которые ся ей з того вымовляли. А когда сынъ ея дорослъ, просила его дабы отъ него сына почала, и установила право всюды, абы ся поймовали близшіе кровные, хотя тѣмъ правомъ сына своего потягнути до себе, але сынъ збридился тѣмъ, убилъ ю (листъ 12-й).

3) Далѣе, какъ бы въ видѣ вставки, идетъ очень характерная статья „О богахъ поганскихъ еллинскихъ и о ихъ блудахъ, забобонахъ и о невыповѣдимомъ шаленствѣ еллинскомъ"; въ ней передаются разные греческіе миѳы о Сатурнусѣ, Юпитерѣ, Минервѣ, о золотомъ яблокѣ, о лакомствѣ Мидаса кроля, о мѣстѣ Родисъ, о мѣстѣ Аѳины. Статья эта заимствована изъ хроники Мартина Бѣльскаго и помѣщена также въ великорусскихъ хронографахъ 2-й редакціи, подъ заглавіемъ: „о родствѣ и о житіи поганскихъ боговъ" [1]) (листы 34 и 35).

Приводимъ начало этой статьи, служащее какъ бы извиненіемъ составителя хронографа въ томъ, что онъ говоритъ о такихъ матеріяхъ, а также миѳъ о происхожденіи Аѳинъ.

Начало. Ачь колвекъ неслушная речь письмо святое мѣшати межи спросное писаніе забобоновъ поганскихъ, которыхъ на онъ часъ было досыть по всѣмъ свѣтѣ, але абыся досыть стало титуловыхъ тыхъ книгъ дѣевъ размаитыхъ отъ початку свѣта, мусимъ придати и написати способъ шаленства людей поганскихъ, которые мижи собою на овъ часъ въ вѣрахъ своихъ заховывали (листъ 33 об.).

Аѳины мѣсто. Аѳины мѣсто албо кралевство, любо то предъ тымъ было заложено, еднакъ же Текронисъ, пришедши з Египту, опустивши Аркацарумъ кролевство, охандожилъ его, прибралъ въ обычаѣ хандогость и достатокъ, было то предъ взятемъ Трои за лѣтъ т҃ое (375). Пановалъ грекомъ

[1]) *Поповъ*, Обзоръ, вып. 2-й, стр. 100.



лѣтъ к҃ (20) и такъ отъ него потомъ греки кролемъ своимъ лѣта писали; былъ речоны Пекроппсъ Діфесъ, ижъ былъ мужъ уроды великой ростропный, умѣлъ языкъ Египетскій и Грецкій, а гды мыслилъ, яко бы з бозской обѣтницы мѣсту и кролевству нашолъ имя, и гды оправлялъ мѣсто, обачилъ великость дерева оливнаго, и заразъ воды пустилися з землѣ; пытали боговъ: що то значитъ? Отповидѣли имъ: же оліва значитъ Минервусъ (бо Минерва всѣ олѣи яко робити знашла способъ и научила людей), а вода значитъ Нептуна, бога морскаго; и такъ почали радитися, на которое бы имя з тыхъ двохъ назвати мѣсто. Вотовали мущизны, вотовали Нептуна, бога морскаго, а невѣсты вотовали Минерву, то-есть Аттаны; а гды не могли згодитися, урадили: кто лѣпшій знакъ з землѣ прозъ удареое выведетъ. И такъ мужъ единъ ударилъ в землю Нептуновымъ сцептромъ, заразъ зъ земли вышелъ конь, то знакъ войны, ударила техъ една невѣста в землю шефелиномъ, которого носила Минерва, заразъ выросла олива, то-есть, знакъ покою и вшелякой обфитости. И такъ зыскали невѣсты, и прозвали невѣстимъименемъ Аттіны.

Розгнѣвавшися Нептунусъ помелъ водою всю землю и крапму Аттенскую, для чого мущизны, хотячи ублагати Нептуна, карали трояко женскій народъ:

Першое каране: абы жадная невѣста о речи посполитой не радила.

Другое: абы жаденъ мущизна не бралъ себе жены материнскаго имени.

Третіе: абы жаденъ з дочокъ своихъ не звалъ именемъ тымъ Аттеною.

Тамъ и по сесъ день тое трое людей держатъ право (листъ 35).

4) Слѣдующій отдѣлъ почти весь состоитъ изъ библейскихъ разказовъ объ Іовѣ, о Моисеѣ и Ааронѣ, о казняхъ Египетскихъ, объ исходѣ евреевъ изъ Египта, „о личбѣ народу жидовскаго, якъ многолюду ихъ было до бою", „о Назареохъ людехъ посвященныхъ, якося они заковали", и тутъ же разказъ о Валаамѣ, „тестаментъ Моисеовъ жидомъ", объ Іисусѣ Наввинѣ, о судьяхъ израильскихъ, „о спросности въ народѣ Веніаминовомъ", „исторія о Руфѣ, женѣ Вооза" (листы 36—72). Въ срединѣ между этими статьями находятся двѣ вставки: „о писму грецкомъ"—сейчасъ же послѣ книги 1-й объ Іисусѣ Наввинѣ (хотя заглавіе это, какъ увидимъ, мало отвѣчаетъ содержанію),—и „писмо латинское вымыслила невѣста" — послѣ статьи о Евѳаѣ, восьмомъ судьѣ. Статьи эти, какъ было уже сказано, заимствованы изъ хроники Мартина Бѣльскаго и помѣщены также въ великорусскихъ хронографахъ 2-й редакціи подъ заглавіемъ „о Европіи и о Тирѣ града" и „о грамотѣ латинской" [1]). Приводимъ обѣ эти статьи.

---

[1]) *Поповъ*. Обзоръ, вып. 2-й, стр. 100..



О писму грецкомъ. Кадмусъ кроль феницкій, сынъ Егенора, который у Туру и Сидону пановалъ. Той Кадмусъ посланымъ былъ отъ отца своего Егенора шукати сестры Европы, которую Юпитеръ, премѣнившися в вола, унеслъ и занесъ на выспу Креты, а гды еѣ не могъ знайти, не смѣлъ вернутися до отца своего и засталъ близко горы Парнозусъ и тамъ заложилъ мѣсто Фебу, а крайну тую прозвалъ Боета, отъ вола, которую первѣй Аопія звано. Тамъ товаришовъ его ужъ, названый Гидра, поморылъ; Кадмусъ того ужа забилъ, потомъ гды усѣлъ надъ рѣкою Оппокронъ в Греціи, вынайшолъ литеры грецкіе до писаня и читаня; потомъ того Кадмуса Амфіонъ, сынъ Меркуріушовъ, з Фебы мѣста выгналъ и муромъ обмуровалъ. Пишутъ поетове, же гды Амфіонъ на арфѣ игралъ, то само камѣне до ваппы скакало на муръ. Потомъ тое мѣсто зопсовалъ Александръ великій, которое и теперь в турцехъ занизацо есть. Европа кролевна, сестра Кадмусова, была барзо уроды піенкной и сподобалася Юпитерови, а гды съ неи не могъ пріити, послалъ Меркуріуша з выспы Крепы до Феницѣи, абы ся премѣнилъ в вола и панну по водѣ до него принеслъ, который пойшовши знайшолъ еѣ з паннами играючую на брезѣ, гдѣ пасено быдло. Тамъ Меркуріушъ заразъ премѣнился в вола піенкного, покорнаго, веселого, тихого и ходилъ помежъ паннами. Видячи его ласкового, тая панна Европа гладила его, а потомъ всѣла на него, а онъ возяти еѣ то сюда, то туда, а далѣй вскочилъ з нею въ воду и приплынулъ з нею ажъ до Креты, которую Юпитеръ миле принялъ, а на памятку еѣ прозвалъ часть третюю свѣта Европа. Феникъ, братъ Кадмусовъ, пустился былъ презъ море червоное до Сиріи, потомъ заложилъ мѣсто Сиподъ отъ рыбы, бо тамъ такъ пазываютъ рыбу, а будучи тамъ часъ немалый, назвалъ тую крайну Феницією отъ своего имени. Вымыслилъ тежъ до писаня характеры и научилъ людъ посполитый того-жъ. Крайна то есть барзо рожайная, прилеглая крайнѣ жидовской. В той Феницін есть гора зацная, названая Ливанъ, на которой растутъ кедры ливанскіи барзо пахнучія (листъ 65).

Року предъ Ржтвомъ Хртовымъ а҃р҃ писмо латінское вымыслила невѣста. Никострата албо Карметисъ, кролевая Аркадійская, будучи науки в писмѣ грецкомъ велми бѣглая, сщого была названа вѣщкою, або пророкинею. А гды сынъ еѣ Евандисъ з пригоды забилъ отца своего, опустивши кролевство Аркадійское, пустилася до влохъ з сыномъ своимъ Евандомъ и множествомъ люду своего. А пришедши надъ рѣку Тиберъ близко моря, заложила мѣстечко, гдѣ теперь Римъ. А тамъ на горѣ осѣла, называемой Монсъ, давши людови кролемъ сына, вступила в малженство з Фанкусомъ Лагретанскимъ кролемъ. Видячи тамъ людъ грубіянскій простый, вынайшла имъ писмо латінское, потомъ ведлугъ литеръ грецкихъ научила ихъ читати. За тое добродѣйство збудовали ей римляне пирамидъ оздобный, на памятку еѣ и каплицу збудовали, которую назвали капитоліумъ, яко богинѣ едной, и отдавали ей честь великую (листъ 68 об.).

5) Тоже въ видѣ вставки въ этотъ отдѣлъ разказа по книгамъ судей внесена далѣе исторія Трои, о которой было уже сказано при сравненіи нашего списка съ спискомъ г. Попова; сюда же нужно отнести также статьи: „о кролехъ земли влоской и латинской“, „о Бри-

таніи: которое то панство пошло отъ Брута княжаты" и „о Геркулесѣ и его звитязствахъ" (листы 72—86). Эти три послѣднія статьи— изъ хроники Мартина Бѣльскаго.

Приводимъ отрывокъ изъ исторіи Трои.

Бійка и забобоны Еллиновъ. Язонъ, которого выжей мѣновалъ, хтивый славы доброй, умыслилъ тамъ поѣхоти з товариствомъ и достати того золотого руна, призвалъ до себе Аргуса, теслю мистерного, и росказалъ ему удовати окрутъ великій, якій бы могъ наймоцнѣйшій и безпечнѣйшій быти; и разбилъ Аргусъ окрутъ такъ великій, же его на той часъ свѣтъ не мѣлъ такого, и писали его поетове, мѣсто очей Аргусъ маетъ сто розумовъ. И першій окрутъ учинилъ и наклалъ въ него живности и чого треба, взялъ теже з собою мужевъ шляхетныхъ выборныхъ НГД, кромъ иныхъ посполитыхъ, межи которыми были знаменитшіи: Касперъ, Полюксъ, Геркулесъ, Талямонъ, Орфеусъ, Акаяктесъ и много иныхъ, и преложилъ надъ ними вожемъ Геркулеса, мужа великой силы и разума. А самъ Язонъ былъ жеглеромъ; и пустилися на море, а гды приплынули до Фригіи, станули у порту Симоентусъ и вышли з окруту на берегъ в кролевствѣ Ляомедонтовомъ; такъже на березѣ знашли сличную панну, дорку кролевскую звязанную, именемъ Гессіону, которая тамъ была для того положена, же гды разгнѣвался Нептунусъ на кроловство Ляомедонтово о незбудоване себѣ костела, якъ былъ кроль обѣцалъ, гды безпечне кроль море переѣхалъ, а такъ выпустилъ Нептунусъ, богъ морскій веліорыба з воды на землю, который людей пожиралъ и заражалъ парею моровою з зубы своей; пытали о томъ бога Апполина, отказалъ имъ: же тоесть гнѣвъ Нептуновъ о невыполнене обѣтницы, и такъ тое трвати долго будетъ, поки ему не дадутъ которого дитяти кролевского на пожерте, на которое дитя припадесъ ліосъ. Боячися тогда кроль и всѣ люди тоей окрутности, пущали ліосы, и палъ ліосъ на Гессіону кролевну, которая была велми великой піенкности панна. А такъ связали еѣ и положили на берегу морскомъ на пожарте веліорыбови, которую то панну надъѣхалъ Язонъ з своими товарищами, розвязали панну, а Геркулесъ забилъ веліорыба, и ѣхали до кроля Ляомедонта з панною его доркою, и сказали ему, що ся имъ придало, яко веліорыба забили и панну отъ пожартя его выбавили, за що кроль, дякуючи имъ, обѣцалъ Геркулесови дати коня неизвитяжоные (sic) и Гессіону панну дочку свою за жену. А Геркулесъ всѣ тые дары зоставилъ у кроля до своего повороту отъ золотого руна з Колхисъ, и тогда мѣлъ въ него все тое взяти (листъ 73).

6) Далѣе опять продолжается Библейская исторія. Выписываемъ заглавія статей:

О судіяхъ жидовскихъ и о священникахъ ихъ; о скараню филистиновъ през кіотъ Гднь, то есть скрыню; о звитязствѣ жидовскомъ надъ филистинами, о помазаніи Сауловомъ на царство; выкладъ о Самоимъ; о Амалехитахъ, которые зрабовали Давида, але помстился добре надъ ними Давидъ; о поражцѣ Филистиновъ надъ Ізраилтяны где забито царя Саула и сыновъ его; о Вирсавіи, женѣ Уріевой; о старости Давида царя, же его загрѣвяла панна; о смерти царя Давида; о царю Соломону; о Ровоамѣ, Авіи, Ассѣ, Іосафатѣ; о поражцѣ

Агава надъ царемъ Сирійскимъ и иными; о забитю Навуоея чрезъ Езавель о Срійчикахъ, которыи хотѣли Елиссея поймать и забити; царство Іорама надъ Іудеею (и о прочихъ царяхъ); о Валтасарѣ, царѣ Вавилонскомъ; о пророцехъ: Іонѣ, Амосѣ, Іосіи и т. д; о кіотѣ, або скринѣ Господней, которую заховалъ Іеремія пророкъ; о справедливомъ и святомъ мужи Товіи; о вызволеню жидовъ з неволи Вавилонской; о еретикахъ жидахъ (листъ 87—137).

Въ видѣ вставочныхъ статей явились тутъ слѣдующія:

а) О Агезилаю, кролю Лакедемонскомъ Грецкомъ. Того часу Агезиляусъ кроль Лицедемонскій шестый пановалъ в Греціи, линіею рожаю отъ Геркулеса; былъ кроль розумный и хвалы годный, речи посполитой много доброго учинилъ. Часу едного спытанымъ былъ, що есть лѣпшого-моцъ чили справедливость; отповидѣлъ: не треба бы моцы, гды бы на свѣтѣ справедливость была. А гды предъ нимъ часу едного хвалено посла единого, же мовою кроткою великое справевалъ поселство, повидѣлъ: я того шевца не хвалю, що на малую ногу великій учинитъ черевикъ. Часу едного упоминался у него единъ человѣкъ обѣтниды, мовячи: обѣцалесъ, дай же; отказалъ, если слушне обѣцалемъ, а если неслушне, то не обѣцалемъ. Около обмовокъ людскихъ повидѣлъ, не тылко тыхъ, которые мовятъ, але и тыхъ, о которыхъ мовятъ, обычай значитъ. А гды его Өиссы за добродѣйство хотѣли мѣти за бога, повидѣлъ имъ: перше поробѣте сами боги; если то можете учинити, тогда я вамъ буду вѣрити (листъ 97).

Помѣщена эта статья сейчасъ же послѣ разказа о смерти Саула.

б) О царѣхъ греческихъ и о заложеню мѣста Картагены презъ невѣсту велми хитро в Афріцѣ. Кодрусъ остатечный царь Аттицкій былъ за часу Самоила пророка, пановалъ въ Аттикѣ лѣтъ к҃, а гды мѣлъ войну съ пеліопоненчиками, облегли его въ Аттенахъ, и довѣдался, же непріятели его мѣли звѣщене отъ своихъ боговъ, же поки Кодрусъ, царь Аттицкій, живъ будетъ, поты васъ не подужаютъ Аттене, а по смерти его будетъ подъ послушенствомъ Аттенчиковъ. А такъ Кодрусъ заразъ опустивши кролевство для речи посполитя, абы подданыи свои вызволилъ отъ облеженя, убрался въ шаты простые, мужацкіе, взявши на себе тлувочокъ и пошолъ до войска непріятелского, гое его жаденъ не познаиъ, бо никому былъ незнаемый. А ходячи мижи ними, далъ едному рыцерови тлумочкомъ своимъ мижи очи, ажъ рыцеръ упалъ о землю, а вставши зъ великого гнѣву добылъ меча и пробилъ его на выліотъ, и заразъ Кодрусъ сконалъ. А потомъ обачили, же былъ царь Кодрусъ, злякшися пречь уступили отъ мѣста. Потомъ Аттенчикове царя мѣти не хотѣли, тылко рада, албо маистратъ речью посполитою радили, и пеліопоненчикамъ росказовали, ажъ до Соломона (?) который былъ ихъ княжатемъ. И было отъ Цекропса першого ихъ царя до Кодруса лѣтъ у҃пз.

О Дідонѣ невѣстѣ въ Греціи. Сихіусъ за часу Давида царя былъ попа поганского Філістена Геркуліуша, который по отцу мѣлъ великіе скарбы, и самъ еще болшій не былъ, гды ему отецъ по себѣ попоиство зоставилъ, для чего Пигмалеонъ, кролевскій пріятель, далъ ему сестру свою Дидиму (Дидону) дорку кроля Фенициого за жону, и были зъ собою въ пріязнѣ великой, яко

почтивымъ належитъ. Пигмалеонъ, будучи на скарбы лакомый, забилъ потаемно Сухіуса, зятя своего. Дидвма, будучи велми жалосна помужи своемъ, хотѣла килка кротъ забитися сама, але еѣ въ томъ стережено, лечь презъ сонъ была напомнена, абы съ того краю ѣхала прочь; и учинила такъ. Взявши великіе скарбы своя, которые была предъ братомъ заховала, набрала тежъ зъ собою много товариства и слугъ и пустилася водою до Афріки. А будучи въ Африцѣ, сторговала у обывателевъ землѣ пляцъ таковый що можетъ скура воловая обняти, а гды то ей продано, казала краяти шкуру вколо що нойтоншей, и скраяно на ремень долгій, же вколо обнялъ на милю. А на томъ мѣстцу заложила мѣсто и замокъ, которое прозвано отъ скуры Бирсамъ, бо по фінпцку скура—бурсамъ. А потомъ названо Картагенъ, которое было славно всему свѣту. И вели войну римляне съ Картагенчиками лѣтъ Ї зъ великою шкодою своею, о чомъ бидетъ нижей. Пишутъ нѣкоторые історикове, же пять мѣстъ было, которыхъ звано Картагены, але тое было найславнѣйшее отъ всѣхъ (листъ 106 об.).

Помѣщена эта статья сейчасъ же послѣ разказа о смерти царя Давида.

Откуда заимствованы вышеприведенныя статьи, опредѣлить не можемъ; по крайней мѣрѣ, въ великорусскихъ хронографахъ ихъ, кажется, нѣтъ; не знаемъ также, помѣщены ли онѣ въ хроникѣ Вѣльскаго [1]).

7) Слѣдующій отдѣлъ составляетъ римская исторія, входящая въ составъ и великорусскихъ хронографовъ [2]). Статьи, входящія въ составъ этого отдѣла, слѣдующія: о заложеню Рима, также о Рому и Ромоилю повѣсть, о поражцѣ Римлянъ надъ Сабинами; римскій кроль Нума по Ромулюсѣ; панство Тылли въ Римѣ; Анкусъ—четвертый римскій кроль; Утинкусъ Тарквиніусъ, пятый кроль римскій; Сервіусъ, кроль римскій шестый; о Луціушу, кролю римскомъ седмомъ; кроля выгнано зъ Риму; о забитю сыновъ отъ Брутуса; о взбуреню слугъ посполства римского противко сенаторовъ; о невѣстахъ римскихъ (листы 137—148). Нѣкоторыя изъ этихъ статей, какъ видно изъ „Обзора" Попова, заимствованы изъ хроники Мартина Вѣльскаго. Для образца выписываемъ послѣднюю статью этого отдѣла.

О невѣстахъ римскихъ. Былъ въ Римѣ райца, именемъ Папирусъ, мужъ бѣглый въ рыцарствѣ. Приводомъ его Римляне поразили Самнитовъ которые были непріятели Римляномъ найтяжшіе. Той Папирусъ Александру великому востановился зъ войскомъ и отперлъ его, гды до Влохъ тягнулъ.

---

[1]) „Kronika wszystkyego swiata" Мартина Вѣльскаго на столько рѣдкая книга, что пользоваться ею мы не имѣли возможности.

[2]) См. *Поповъ*, вып. 1, стр. 126 и вып. 2, стр. 102.

Пишетъ Макробіусъ: же гды Папирусъ былъ хлопятемъ, пшолъ за отцемъ до сенаторской рады, а сховавшися здесь за обице, чулъ, о чомъ радилъ сенатъ, чого никому не повѣдалъ. Спытала его матка, где (бы) былъ; отказалъ, же въ радѣ сенаторской. И пытала его, о чомъ тамъ радили панове; не хотѣлъ ей сказати. А она его подарками разными зневолила, просячи, абы ей сказалъ. И гды не моглъ еѣ збыти, змыслилъ себѣ речь и просилъ матки, абы никому не повѣдала, що онъ ей повѣсть. Матка рекла, же не повѣмъ. И такъ сказалъ ей, же въ радѣ нѣкоторые панове вотовали, абы кождый мужъ мѣлъ по двѣ женѣ. А иншіе мовили, абы кождая жена, а и ле (?) сенаторка, мѣла двохъ мужовъ. Учувши тое, матка обослала заразъ всѣхъ паней, просячи до себе на пораду. А гды всѣ пришли до ней, оповидѣла имъ то, що сказалъ сынъ ей. А такъ на завтрее, зышедшися всѣ, ишли до сенату и волали, що хочете чинити набачныи (необачныи) сенаторове, урадилисте, абы кождый мужъ мѣлъ двѣ жонѣ, лѣпше будетъ, гды кождая жона будетъ мѣти двохъ мужовъ. Дивовалися сенаторове таковому слову и пытали ихъ, отколь то маете вѣдомость таковую, и отколь вамъ тая хтивость пришла? Выступило зъ боязню хлопя Папирусъ, а боячися сказало сенаторомъ всю причину, же то онъ сказалъ матци, не могучи прозбы еѣ збыти. А такъ похвалено его за тое и установлено, абы жадное хлопя не ходило до рады сенаторской, окромъ Папируса. А бѣлыхъ головъ сфукавши отслали ихъ, абы ишли домовъ (листъ 147).

8) Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ о Персидскихъ царяхъ въ связи съ разказами о Даніилѣ пророкѣ, о Крезѣ, Семирамидѣ, о Юдифи и Олофернѣ, о Мардохеѣ, и заканчивается разказами о Ксерксѣ и Артаксерксѣ. Сюда же надо отнести вставочныя статьи: „о внутреннихъ войнахъ грецкихъ", и „о французахъ, отколь почалися", которую и помѣщаемъ цѣликомъ (листы 148—159).

О Французахъ, отколь почалися. Санамбри, албо французове, отъ мѣста Сонамбріи, которое заложили были найпервѣй въ Азіи, пришедши до нѣмемъ (нѣмецъ), приняли ихъ нѣмцы вдячне, а то для того, же они имъ помагали противъ римляномъ, и отъ того часу побраталися и названи Германы, яко бы рожоная братія. И такъ того часу, гды Артаксерксъ кролевалъ въ Персіи, пришла на Римъ найпершая пригода, гдѣ тыи французове з германи притягнули до Риму, облегли его и запалили предмѣсте Камилюсъ. Единъ трібутъ римскій, крторый былъ выгнанымъ зъ Риму невинне, запомнѣвши кривды своей, забралъ людъ околичный и ударилъ на нихъ, и погромивши непріятеля, вызволилъ людъ, замокъ и мѣсто отъ непріятеля. Названи тежъ Галли отъ Галлаціи, ижъ гды были приведены до Греціи за гроши нанятыи воевать, заложили мѣсто Галлату въ Греціи, и отъ Галлаты Галли названы, такъ найдуется зъ нѣкоторыхъ історій. Было то предъ Рж҃ствомъ Хр҃товымъ лѣтъ четыре ста (листъ 159).

9) Александрія, о которой было уже упомянуто, помѣщена сейчасъ же за этимъ отдѣломъ подъ заглавіемъ „о Александрѣ, Македонскомъ кролю". Какъ уже сказано, Александрія въ этомъ спискѣ

значительно сокращена; подробнѣе остального изложены главы о рахманахъ и о перепискѣ Александра съ Дандаліемъ, царемъ рахманскимъ. Вотъ краткій перечень статей Александріи въ нашемъ спискѣ: о происхожденіи Александра въ связи съ исторіей о Нектонавѣ; о Діогенѣ; о войнѣ Александра съ Даріемъ; о кролевой амазонской; о Порѣ, царѣ индійскомъ; о Буцефали мѣстѣ; о ранѣ, полученной Александромъ; о морскомъ разбойникѣ Діомедѣ; о гимнософистахъ; о перцѣ въ землѣ Адвасаидской; о драгоцѣнныхъ каминяхъ; о рахманехъ, людехъ нагихъ; о Саламандрѣ; о Василиску Смродливомъ; о пойманю Александра презъ невѣсту; письмо къ Александру отъ матери; смерть Александра. Сюда же прибавлена статья „о Аристотелю и о иншихъ философахъ" (листы 159—174). Для образца изложенія Александріи, приводимъ статью:

О нагихъ людехъ, Гимнософістахъ названныхъ. Рушился оттоля (отъ разбойника морскагоо Діомедеса) Александръ зъ войскомъ до Гимнософістовъ. Гимнософістъ заправды люди суть, въ которыхъ жадная пыха не пануетъ, не воюютъ а ни видятся ни съ кимъ, а ни зъ собою, а нагіи ходятъ, мѣстъ жадныхъ не маютъ, тылко въ яскиняхъ и скалахъ при горахъ мешкаютъ. Царь того люду, услышавши о пристю Александровомъ, послалъ листъ таковый до него: смертельныи Гимнософісты человѣкови Александрови пишемъ: слышимъ, же на насъ зъ войною ѣдешъ, дивуемося барзо, бо ничого отъ насъ не можешь взяти, мы ничого не маемъ, що жъ возмешь, если въ нами хочешъ воевать, простоты нашой жаднымъ способомъ не опустисмо (sic). Прочитавши Александръ листъ, ѣхалъ заразъ самъ до нихъ приглядоватися имъ, а они наго ходятъ, мешкаючи въ скрытости и въ яскиняхъ, дѣти ихъ особно съ женами живутъ. И пыталъ ихъ: що хочете мѣти дамъ вамъ; а они рекли: дай намъ несмертелность, ничого иншого отъ тебе не жадаемъ. Отповидѣлъ Александръ: и я естемъ смертелный, несмертелности вамъ дати не могу. А они ему рекли: о неидяный! для чого жъ ся и туды и сюды туляешъ, такъ великіе злости исполняючи, бо то все тылко отъ найвышшой мудрости есть споражено лѣта и времена. Александръ отповидѣлъ такъ имъ: не вѣдаете, же море жаднымъ обычаемъ не порушается, тылко отъ вѣтровъ навалныхъ бываетъ порушено; хотѣлъ быхъ и я правдиво въ покою трвати, але маю такого въ себѣ духа, который змыслови моему такъ моцно пануетъ, же жаднымъ способомъ спокойнымъ мене быти не допущаетъ. А рекши то, отпустилъ ихъ въ покою (листъ 166 об.).

10) Далѣе идетъ небольшой отдѣлъ о короляхъ сирійскихъ и египетскихъ, о Беретинѣ, царицѣ египетской; о Птоломею Филопатру, который поддался римлянамъ; о злупеню Іерусалима презъ Антіоха; о Птоломею Філоделфу, который книги жидовскіе на языкъ грецкій превелъ (листы 174—175).

11) О римлянахъ и иныхъ заходныхъ панствахъ. Отдѣлъ этотъ

заканчивается статьями о Пречистой Дѣвѣ Маріи, объ Іоаннѣ Предтечѣ, а въ видѣ вставки между ними находится статья о Сибиллахъ (листы 175—182).

Вслѣдъ затѣмъ идетъ разказъ о событіяхъ послѣ Рождества Христова. Не перечисляя въ подробности статей этой части хронографа, укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе ея и остановимся на русскихъ статьяхъ, попадающихся изрѣдка въ концѣ этой части.

Послѣ вводной статьи о пришествіи Спасителя и о четырехъ царствахъ на свѣтѣ (Вавилонское, Перское и Медское, Еллинское, Римское), идетъ разказъ „о сектахъ жидовскихъ и еретицкихъ", а затѣмъ, въ довольно разбросанномъ видѣ о разныхъ событіяхъ священной и римской исторіи (листы 183 — 196). Далѣе слѣдуетъ обширная „Історія Іосифа Жидовина, сына Горіонового, о войнѣ жидовской зъ римлянами". Статья эта, составленная по Іосифу Флавію (De bello Judaico), состоитъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ на главы; между этими частями находится маленькая вставка: „пророцства Самаго Гда Ншего Іиса Хрта на Іерлимъ (листы 197—250). Затѣмъ, начиная отъ Веспасіана и до конца основной части хронографа, заключающейся статьей о взятіи Константинополя турками, идетъ безпрерывно погодный разказъ о событіяхъ Римской и Византійской имперій, при чемъ къ концу, начиная съ половины IX вѣка встрѣчаются краткія извѣстія о русскомъ народѣ (листы 251—380). Нужно замѣтить, что въ великорусскихъ хронографахъ извѣстій этихъ значительно больше, и вообще русскія статьи здѣсь служатъ самымъ характернымъ отличіемъ южно-русской редакціи отъ великорусской. Приводимъ всѣ тѣ извѣстія о русскихъ, которыя помѣщены въ этой части хронографа.

1) «За того Михаила цесара Русь з войскомъ своимъ часто кротъ на граници его поморскіе надъ Чорнымъ моремъ выпадала и шкоды великіе чинили. Былъ то народъ, якъ Татаре або Скити; грубій, дикій и часто бывалъ для нихъ городъ царскій в великомъ небезпеченствѣ. Потомъ той же народъ, яко вси кройникаре описуютъ, посли свои до цесара Михаила выправили, просячи крещенія, в чомъ есть нижей в панствахъ руских написанно» (листъ 365 об.).

2) «Пишетъ Куроплатъ, же Василій цесаръ, учинивши з Руссю примире, абы крещеніе стое приняли, послалъ имъ Епкпа, которому, хотячи чудъ якій видѣти, оніи люде Русь, будучи поганами, мовили: просимъ тебе, вкинь Евангеліе свое в огонь, если не згоритъ, будемъ хртіянами. Епкпъ, взываючи до Гда Бга, Евангеліе вкинулъ в огонь великій, а в килко годинъ, гдя уже той огонь загаслъ, цѣлое Стое Евангеліе без жадной шкоды вынялъ, и тимъ чудомъ взрушенни, охотне до крещенія Стго приступили» (листъ 367).

Статья эта помѣщена и въ хронографахъ великорусскихъ подъ заглавіемъ „о князѣ рустѣмъ", но въ значительно большемъ объемѣ, при чемъ отличается эта статья въ великорусской редакціи концомъ, гдѣ сказано: „сіа же видѣвше, Руси дивишася чюдяще симъ Хртвѣ; но еще не у время бѣ прославитися в нихъ имени Гдню" [1]). Въ лѣтописи же Никоновской читаемъ также, какъ и въ приведенной выше южно-русской редакціи: „сіе видѣвше, Руси удивишася чюдяще силѣ Христовѣ и вси крестившася" [2]).

3) «Року отъ сотворенія свѣта 6414, а отъ Хрта 907, Константинъ Философъ и братъ его Меѳодій преложили стіе книги з греческаго на словенскій языкъ, о чемъ естъ ширеи в панствѣ рускомъ. Тое ся дѣяло за цесарства Лва Премудрого».

На поляхъ заглавіе: „О приложенню письма з грецкаго на руский" (листъ 367 об.).

Статья эта помѣщена въ великорусскихъ хронографахъ въ болѣе пространномъ видѣ; къ сожалѣнію, нельзя сравнить ее съ такою же пространною редакціей южно-русскою, такъ какъ, не смотря на обѣщаніе составителя хронографа сказать „ширей въ панствѣ русскомъ", тамъ ничего не сказано объ этомъ.

4) «Року 941 Константинъ и Романъ, цесарове грецкіе, руское водное войско поразили, бо великіе шкоды и мордерства Грекомъ Русь чинила. Цара руского званно Іоръ» (листъ 368 об.).

5) «Року 971 Русь, змовивтися з Болгарами и прилучивши до себе Скити и Турки, и было всего войска три кротъ сто тысячей и тридцатъ тысячей, наихали на цесарство Грецкое. Іоанъ цесаръ, Гпду Бгу поручаючися, взялъ собѣ за патроновъ Стго Георгія и Стго Ѳеодора мучениковъ и много битвъ з ними вйгравалъ, а наконецъ всѣхъ непріятелей и войска ихъ поконалъ, столечное мѣсто Попереяславлъ (sic) царства оного взялъ, которое потомъ Янополемъ назвалъ. Бориса, цара Болгарского, з женою и дѣтми въ день Стго Мученика Георгія поймалъ, а съ Скитами албо Татарами долгую мѣлъ войну и побидилъ ихъ. Царпгородѣ Іоаннови, цесареви своему, учинили триумфъ: всадили его на возъ триумфалній, а передъ нимъ Бориса, царя Болгарскаго, в коронѣ золотой и шатахъ дорогихъ царскихъ проваженно з жоною и дѣтми его, а потомъ корону з голови его знявши и шати цесарскіе Гпду Бгу оферовалъ, а самого Бориса чиномъ властелинства поставилъ» (листъ 369).

Здѣсь, какъ видимъ, только мимоходомъ сказано о Руси, а въ великорусскихъ редакціяхъ Русь въ этомъ случаѣ совсѣмъ не упоми-

---

[1]) *Поповъ*, Обзоръ, вып. 1-й, стр. 170.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. IX, стр. 13.

нается. Такъ, въ Погодинскомъ спискѣ 1-й редакціи (№ 1440) читаемъ: „Побѣди (Іоаннъ Цимнахій) и Болгары и первый градъ ихъ взя Переславъ и восхити вся црьскія бѣлеги и самого цря Бориса отведъ въ Царьградъ и красоту блещанна црскаго сверже съ главы его, вѣнець и отъ висса и порфиры црьския обнажи его, великимъ саномъ почти его магистра сотвори Грекомъ" [1]).

6) «Року 1420 Манонлъ цесаръ грецкій взялъ собѣ за жону Анну, дочку царя и великого князя роского Василія Димитровича с которою сплодилъ сыновъ шесть, Калуана, Андроника, Θеодора, Константина, Димитрія и Θому. Пановалъ Манонлъ 33 лѣта и умеръ въ старости доброй. За того великого князя Василія Димитровича и Маноила, цесара грецкого, Стефанъ, Епкпъ Пермскій, до вѣри хртіянской всю землю Пер(м)скую навернулъ и окрестилъ, которіе предъ тимъ звѣремъ, деревамъ, водѣ, огню и золотой бабѣ кланялися, маючи то собѣ за бги. Тая земля Пермская и теперь голдуетъ Москвѣ» (листъ 375).

Извѣстіе это въ великорусскихъ редакціяхъ встрѣчается только въ одномъ спискѣ Толстовскомъ (1-й редакціи № 172) въ слѣдующемъ видѣ: „Потомъ же црь Мануилъ присла к великому князю Василію Дмитріевичу, прося за себя дщерь его Анну. Ен-же отпусти князь великіи со многою честию. Црь Мануилъ сътвори бракъ любочестенъ и всенароденъ въ црствующемъ градѣ на многы дни и своимъ посланнымъ пиршество велико толстотны трапезы и гостъбу велику и посланныхъ отпущаетъ с многими дари и поминькы и роди Мануилъ отъ Анны црицы ѕ сновъ. Калуана, Андроника, Θеодора, Константина, Дмитрея, Θому" [2]).

7) «О Флоренскомъ соборѣ, отколь вышла унѣя. Року 1439. За панованья того вышьменого цесаря Грецкого (Колуяна), а потомъ Іоанна Палеолога, а за цесаря заходнихъ панствъ Олбрита (Альбрехта) з дому княжатъ Ракускихъ, за короля Полского Владислава Ягейловича, за князя Литовскаго Жигимонта, того року стался синодъ духовній в Фераріи албо Флоренціи. На которомъ то синодѣ былъ самъ той Іоанъ Палеологъ и патріарха Цариградскій Іосифъ. На томъ синодѣ Марко Ефескій Римляниинъ предиспутовалъ, але они его хотѣли забити, ажъ мусѣлъ утекти. Тамже и патріарха Цариградскій Іосифъ умерлъ. И такъ вернулися грецкіе духовніе нищимъ, где хто моглъ, а цесаръ, вернувшися до Греціи, на дорозѣ умерлъ. И такъ унѣю митрополитъ Кіевскій принялъ и папежови поклонился, о чомъ обширней в руских панствахъ естъ описанно» (листъ 375).

---

[1]) *Поповъ*, Обзоръ, вып. 1-й, стр. 177.

[2]) *Поповъ*, Обзоръ, вып. I, стр. 207.

Этого извѣстія нѣтъ ни въ одномъ изъ списковъ хронографовъ великорусской редакціи, что вполнѣ естественно, такъ какъ хронографы эти, послѣ пересказа событій въ древней Руси, останавливаются исключительно на событіяхъ въ сѣверо-восточной Руси. Что же касается обѣщанія автора южно-русскаго хронографа обширнѣе сказать о Флорентійскомъ соборѣ въ „русскихъ панствахъ“, то хотя обѣщаніе это и выполнено, но не совсѣмъ, такъ какъ тамъ мы встрѣчаемъ только очень небольшую замѣтку, касающуюся больше оцѣнки самого факта, а именно:

«Року а҃ѹлѳ. За панованя цесаря Грецкаго Иоанна Палеолога, а за цесаря заходнихъ панствъ Албрихта, з дому княжатъ Равускихъ, за короля Полского Владислава Ягейля, за князя великого Литовскаго Жигимонта, былъ соборъ ве Флоренціи, на которомъ то соборѣ заходніи ксендзы унѣю албо згоду Руси и Грекомъ з костеломъ Римскимъ учинити хотѣли, чого не доказали, а тая ихъ унѣя и по сей день ростирки межи правовѣрными въ цркви Бж҃ой чинитъ, але згинутъ они з унѣею своею, а црковь Бж҃ая славится, маючи в себѣ преданная ст҃ыхъ оц҃ъ ненарушими во вѣки вѣкомъ» (листъ 476).

Этими семью извѣстіями о русскихъ событіяхъ и ограничивается основная часть хронографа южно-русскаго, оставляя болѣе подробный перечень ихъ для второй, добавочной части, къ которой мы теперь и перейдемъ.

VI.

Вторая часть. Вслѣдъ за основною частью хронографа, во многомъ сходной съ великорусскими хронографами, идутъ добавочные отдѣлы, представляющіе вполнѣ самостоятельную, по сравненію съ великорусскою редакціей, часть хронографа. Въ нашемъ спискѣ (и вѣроятно, и въ рукописи Боболинскаго) находятся слѣдующіе три добавочные отдѣла.

1) „Панство красвъ заходнихъ цесаровъ стараго Рима“, (листы 380 об. — 389). Статья эта передаетъ сравнительно очень краткія извѣстія о жизни западныхъ государствъ, начиная отъ Карла Великаго до 1542 года. Между прочимъ довольно мѣста удѣлено исторіи крестовыхъ походовъ, также путешествію Колумба и разказу о дивныхъ народахъ, которыхъ онъ нашелъ, при чемъ сказано, что объ этомъ подробнѣе „пишется в книгахъ, которіе зовутся Новусъ Орбусъ“. Здѣсь можно встрѣтить извѣстія и въ родѣ слѣдующаго: „Тогожъ 1533 року. Невѣста в Колнѣ уродила разомъ чотирохъ синовъ,

с которихъ единъ умерлъ, а три зостали живими, и то большій чудъ, же нигди тая невѣста не уродила едной дитини, тилко албо двое, албо трое, албо четверо дѣтей урожала, а то все з тимъ же мужемъ своимъ, а жила на свѣтѣ долго" (листъ 389 об.). Или: „Року 1522 уродилося в Колнѣ двое дѣтей, которіе ся зросли з собою боками, о двохъ головахъ и бокахъ двохъ, колѣнъ чотири мѣли" (листъ 389).

2) „О панствахъ турецкихъ, отколь повстало и яко размножилося и зайшли в тіе всходніи краини" (листы 390—395) Здѣсь идетъ рѣчь о появленіи турокъ въ Азіи изъ-за моря Каспійскаго съ горъ Кавказскихъ въ 1259 году, и затѣмъ ведется разказъ объ образованіи турецкаго панства въ 1300 году и объ исторіи его при 11 царяхъ (послѣдній — Сулиманъ, начавшій царствовать въ 1520 году). Въ заключеніе приведена довольно обширная глава „О набоженствѣ турецкомъ плюгавомъ" и другихъ бытовыхъ особенностяхъ.

3) „Хроника словяно-руская о панствахъ рускихъ, полскихъ и литовскихъ" (листы 395 об.—до конца). Начинается эта славяно-русская хроника слѣдующимъ вступленіемъ:

„Было много философъ и поэтовъ поганскихъ на томъ свѣтѣ, которіе твердили, яко бы свѣтъ и всякое створенье быти мѣло безъ початку и вѣчно будуть трвати, въ чомъ барзо блудили. Предто ми невнѣйшаго, грунтовнѣйшаго и доводнѣйшаго фундаменту, выводу и початку исторіи нашей з великою працею, пилнимъ стараніемъ пред себе взятое (чителнику) заложити и показати не можемъ, тилко з писма Свтго онъ (?) Бгу, которій естъ створителемъ и початкомъ всѣхъ речей. А такъ насъ писмо Дха Стго предъ Мойсея учитъ и тими слови починаемъ гисторію, ижъ на початку сотворилъ Бгъ небо и землю, солнце, мѣсяцъ, звѣзды и иншое все створенье на повѣтру, в мору и на земля" (листъ 395 об.).

Затѣмъ слѣдуетъ краткій разказъ по библейскому тексту о твореніи человѣка, о грѣхопаденіи и т. д., а послѣ разказа о потопѣ и сыновьяхъ Ноя помѣщена глава „о раздѣленю языковъ при будованю вежи Вавель и о размноженю розмаитихъ народовъ отъ трохъ сыновъ Ноевихъ", и между прочимъ, говоря „о посполитствѣ Афетовомъ", составитель хроники помѣщаетъ главу „О Мосоху, предку нашомъ словенскомъ и русскомъ". На главѣ о народахъ нѣмецкихъ прерывается рукопись (листъ 402) и начинается опять съ 419 листа, уже говоря „о рускихъ панствахъ". Ясно, что введеніе это къ славяно-русской хроникѣ въ не уцѣлѣвшей части раздѣлило изложеніе событій на три отдѣла: 1) хроника русская (собственно кіевская), 2) хроника

литовская, и 3) хроника польская; послѣднія двѣ, какъ было сказано, въ нашемъ спискѣ не сохранились.

Что касается собственно хроники русской, то она, какъ очевидно изъ уцѣлѣвшей заглавной наклейки, носила названіе „Кроника Киевская". И дѣйствительно, въ ней говорится, начиная отъ похода Аскольда и Дира на грековъ (начала хроники нѣтъ), все о событіяхъ, касающихся Кіева, до 1654 г., то-есть, до присоединенія Малороссіи къ Московскому государству (листы 419—477); а въ видѣ добавочныхъ статей къ хроникѣ помѣщены: „О возвращеніи па первое паки царственное бытіе Богоспасаемаго града Кіева", „О первомъ Бѣсурманскомъ приходѣ подъ Чегиринъ"; „О второмъ Бѣсурманскомъ приходѣ подъ Чегиринъ"; „О пришествіи подъ Чегиринъ войскъ православныхъ"; „О возвращеніи войскъ христіанскихъ отъ Чегирина и о бѣгшихъ туркахъ и татарахъ отъ войскъ православныхъ"; „О приходѣ множественныхъ силъ царскихъ и войскъ Запорозскихъ ко Кіеву"; „По его жъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества указу и Малороссійскіи многочисленніи войска къ Кіеву придоша"; „Пересторога", чѣмъ и заканчивается рукопись (листы 477—483). Всѣ только что перечисленныя статьи, кромѣ заключительной „Перестороги", помѣщены слово въ слово въ „Кіевскомъ Синопсисѣ", какъ говоритъ Максимовичъ, въ изданіи 1680 г. (то-есть, въ третьемъ).

Не вдаваясь въ подробности изложенія содержанія этой Кіевской хроники (такъ какъ, можетъ быть, впослѣдствіи она будетъ напечатана вполнѣ), мы укажемъ только въ нѣсколькихъ словахъ главные отдѣлы ея и приведемъ для образца нѣсколько мѣстъ изъ нея.

Не уцѣлѣвшее начало хроники возстановляемъ по оглавленію, помѣщенному въ началѣ хронографа, а именно: „О преславномъ столечномъ всего народу руского головномъ мѣстѣ Кіевѣ и якого року по Хр҃тѣ и отъ кого заложенъ. Кіевъ другій надъ Дунаемъ. Смертъ Кія, Щека и Хорева. О заложеню Новгорода Великого в Москвѣ. О Ворогахъ що суть и где мешкаютъ. Море Варажское где есть. Русь доброволне Вараговъ за панна собѣ берутъ". Далѣе, начиная съ похода Аскольда и Дира на грековъ, какъ было сказано, идетъ сохранившійся текстъ хроники, въ которомъ событія до XIV вѣка передаются съ бо́льшими подробностями, а къ концу, особенно съ 1480 года, то-есть, начиная съ воеводы кіевскаго Ходкевича, помѣщены почти бѣглыя замѣтки, очень сходныя съ замѣтками кіевскаго Синопсиса, хотя нѣсколько подробнѣе. Заканчиваются онѣ извѣстіемъ

о присоединеніи Малороссіи къ Россіи, при чемъ годъ поставленъ ошибочно 1653, и эта ошибка повторяется далѣе и въ заключительной „Пересторогѣ", что также ошибочно было и въ хроникѣ Боболинскаго (см. описаніе Самчевскаго).

Для характеристики изложенія приводимъ слѣдующіе отрывки:

«О приѣханю сватовъ отъ князя Деревянского до Олги. Потомъ Деревяне, взгордѣвши волностю и насмѣваючися Кияномъ, же ихъ пана забили, послали до Олги к҃ особъ зацныхъ, намовляючи еѣ ласкаво, а потомъ грозячи, абы за ихъ князя Деревянского Низкину пошла в малженскій станъ. Олга, выслухавши ихъ поселства, казала долъ глубокий в дворѣ своемъ выкопатъ и всѣхъ оныхъ пословъ в той ровъ живыхъ повкидаетъ, потомъ сама, нахилившися надъ яму, пытала ихъ, як ся там маете панове сватове, и заразъ казала ихъ живыхъ землею засыпати. Справивши то, гонца своего заразъ выправуетъ до Деревянъ, дякуючи имъ за тое, же они, яко о вдовѣ осиротѣлой стараются, мовячи, же я уже мужа своего з мертвыхъ воскресити не могу, будучи молодая вашему княжати в станъ малженскій не збороняюся, тылко по мене, ведлугъ моего стану, пришлѣте людий зацныхъ и в болшомъ почтѣ, не якъ первшихъ. Деревяне, то учувши, з радостію великою выправили старшихъ н҃ до Олги з шляхты пановъ радныхъ, пребраныхъ которые гды до Киева приѣхали в лодьяхъ и в начиню водномъ розмантомъ Днѣпромъ. Олга казала для нихъ лазню наготовити великую и послала до нихъ, просячи, абы ся в лазни з етакого труду и далекой дороги обмыли, а потомъ з поселствомъ абы до неѣ пришли. Они будучи того вдячными, з радостию шли до лазни и почали ся вѣниками хвостати, мовячи: вох, вох, вох!" (листъ 420 об.).

Мѣсто это представляетъ почти дословный переводъ изъ Стрыйковскаго, да и вообще многія мѣста Кіевской хроники заимствованы оттуда, хотя, конечно, встрѣчаются статьи, составленныя и не по Стрыйковскому [1]). Ясно послѣ того, что приведенный отрывокъ изъ хроники представляетъ переводъ изъ Стрыйковскаго на малорусскій языкъ, а въ Кіевскомъ Синопсисѣ мы видимъ такой же переводъ, нѣсколько болѣе отдаленный, на славянскій языкъ [2]); но далѣе идущая глава, какъ и многія послѣдующія, являются уже не переводами изъ Стрыйковскаго на малорусскій языкъ, а почти дословною выпиской изъ Синопсиса, и конечно, на славянскомъ языкѣ. Вотъ нѣсколько строкъ для образца:

«О второмъ походѣ Олгиномъ къ Древляномъ. Року 945. Потомъ паки великая княгиня Олга съ великою силою поиде на Деревляны со сыномъ своимъ Свѣтославомъ, наставляя его ко отмщенію смерти отече-

---

[1]) Zbior Dzieiopisow Polskich. T. 2-й. Warszawa. 1766, стр. 117,

[2]) См. Синопсисъ. С.-Пб. 1774, стр. 30—31.



скія и порази велику силу Древлянскую на бою, а бѣжащихъ отъ побоища гнаше даже до главнаго ихъ града Коростеня, идеже Древляны затворишася, а Олга доставаше ихъ, весь годъ стоя подъ градомъ неотступно" [1]) (листъ 421).

Все отличіе здѣсь отъ Синопсиса въ нѣсколькихъ выраженіяхъ, которыя (особенно въ послѣдующихъ главахъ) еще болѣе построены на славянскій ладъ, нежели въ Синопсисѣ. Но иногда вдругъ разказъ, сходный съ Синопсисомъ, прерывается вставкою изъ другаго источника. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ о войнѣ Владиміра съ греками находится вставка „о женахъ новгородскихъ", составленная по Герберштейну и тоже написанная славянскимъ языкомъ.

„Написалъ Гербестенъ кройникаръ в книгахъ своихъ в главѣ ҃бе, ижъ Новгорожане русаки, будучи на войнѣ той з Владиміромъ лѣтъ ҃з въ Греческой землѣ замедлѣли; жоны ихъ взяша отъ слугъ и неволниковъ своихъ себѣ в мужи, живяху с ними, мняще, яко уже мужие ихъ погибоша на брани той. Посемъ егда Новгорожане з Владиміромъ придоша здравы во своя, слуги ихъ, иже со женами ихъ живяху совокупишеся, сопротивишася имъ велми и не даяху имъ входа во градъ. Егда же бишася с ними панове ихъ, взяша гору над ними слуги ихъ и смѣяхуся з пановъ своихъ, ругающеся имъ. По совѣту же единаго мужа стара повергоша панове ихъ отъ себе мечи, стрѣлы, копия и стрелбу всякую рицерскую, взяша же кіи, бичи, вервия, яко неволники и слуги своя. Егда же сия узрѣша слуги, убояшася пановъ своихъ, спомнѣша иже ихъ первѣе панове ихъ кийми, бичами и вервми биша, а не мечами, и тако оставяше вся, начаша бѣгати из града на едино блатное мѣсто над Волгою рѣкою, лежащее отъ Углича миль двѣ и тамо окопаша и замокъ создаша себѣ" (листъ 428).

По всей вѣроятности, разказъ этотъ, взятый изъ Герберштейна [2]), внесенъ составителемъ изъ какой-нибудь другой рукописи (напримѣръ, изъ какой-нибудь Космографіи), такъ какъ трудно предположить, чтобы, самостоятельно пользуясь Герберштейномъ, авторъ составилъ разказъ по славянски, написавъ всю самостоятельно составленную часть хроники по южно-русски. Доказательствомъ этого предположенія можетъ служить также и тотъ фактъ, что сейчасъ же за вышеприведенною вставкой идетъ фраза, несомнѣнно принадлежащая самому составителю хроники, и въ этой фразѣ нельзя не замѣтить всѣхъ элементовъ малорусскаго говора. Вотъ эта фраза: „посемъ же поворочаю до речи першой моей о Владимиру". Чтобы начать теперь перерванный разказъ по Синопсису о Владимірѣ, авторъ

---

[1] Ср. Синопсисъ, стр. 31.

[2]) См. Записки о Московіи. Перев. *Анонимова*. С.-Пб. 1866, стр. 117.

начало предложенія долженъ былъ составить самъ, и потому оно явилось вотъ въ какомъ видѣ: „Владимиръ же вземши Херсонь и всю Таврику себѣ зголдовавши“, а главное предложеніе идетъ слово въ слово сходно съ Синопсисомъ: „абие посла къ греческимъ цесаремъ“ и т. д. Ясно послѣ этого, что составитель Кіевской хроники, если имѣлъ подъ руками источникъ не на иностранномъ языкѣ, пользовался имъ, прямо переписывая его и только кое-гдѣ измѣняя отдѣльныя слова; если же ему приходилось пользоваться источниками иностранными, то онъ переводилъ ихъ на южно-русскій языкъ (напримѣръ, Стрыйковскаго).

Особенно характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто. Написавъ 11 листовъ своей хроники, главнымъ образомъ руководствуясь Синопсисомъ, далѣе составитель въ статьѣ „о преставленіи Владиміровомъ“ въ началѣ ея тоже пользуется готовымъ разказомъ по Синопсису, но въ концѣ беретъ другой источникъ, что̀ сразу обнаруживается въ характерѣ рѣчи. А именно:

Начало статьи: „Великій князь Владиміръ, всея Россія самодержецъ, просвѣтивши всю землю россійскую святымъ крещеніемъ, вѣру православную крѣпко утвердивши, по толикихъ добродѣтеляхъ своихъ въ мирѣ Гд҃у Бг҃у в руцѣ предаде духъ свой....“ Конецъ статьи, котораго нѣтъ въ Синопсисѣ: „Борисъ теды не вѣдаючи о смерти отцевской, звелъ битву з Ярославомъ братомъ и поразилъ Ярослава на голову, а за печенѣгами гонячися далѣй, поразилъ ихъ мало не всѣхъ“ (листъ 431—432). Но вполнѣ южно-русскій языкъ видѣнъ опять въ статьѣ, слѣдующей за вышеприведенною выпиской,— „о забитию Бориса“. Начало ея: „Змовившися Святополкъ з Вышегородянами убити брата Бориса, а Борисъ, яко старшаго брата за отца его маючи, шановалъ“ и т. д.

Начиная съ 432-го листа и почти до конца, ведется разказъ на южно-русскомъ языкѣ, не вполнѣ сходный по изложенію съ Синопсисомъ, и только нѣкоторыя главы являются цѣликомъ заимствованными оттуда, напримѣръ, на листѣ 468-мъ глава: „О лѣтехъ в нихъ же Киевское бѣдное княжение и всея Россіи самодержавства под татарскимъ игомъ пребысть“ [1]).

Не вдаваясь болѣе въ описаніе этой Кіевской хроники и въ опредѣленіе источниковъ, по которымъ она составлена (что̀ должно составить предметъ особаго изслѣдованія), думаемъ, въ заключеніе можно

---

[1]) Ср. Синопсисъ. С.-Пб. 1774, стр. 120.

смѣло сказать, что эта компиляторски, по разнымъ источникамъ составленная хроника, какъ добавочный отдѣлъ къ хронографу, составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей этой южно-русской редакціи хронографовъ.

VII.

Итакъ, обзоръ содержанія данной рукописи, который вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ можно думать, есть и обзоръ содержанія рукописи, именуемой хроникою Боболинскаго,—убѣждаетъ насъ въ томъ, что рукопись эта есть не что иное, какъ хронографъ южно-русской редакціи, имѣющій много такихъ отличительныхъ признаковъ, которыхъ нѣтъ въ редакціяхъ великорусскихъ хронографовъ. Остается, впрочемъ, еще точно опредѣлить источники, по которымъ онъ составленъ, и тогда вполнѣ уяснится, въ какой мѣрѣ онъ близокъ къ редакціи великорусской, и на сколько онъ самостоятельно составленъ; но это составитъ уже предметъ особаго изслѣдованія.

Если признать теперь, что хронографъ этотъ составленъ Леонтіемъ Боболинскимъ, то мы можемъ указать и годъ составленія этой редакціи—1699. Но является вопросъ:—былъ ли Леонтій Боболинскій составителемъ его, или онъ былъ только переписчикомъ?

Опредѣленное указаніе на то, что Боболинскій былъ составителемъ этой хроники, имѣется только, какъ было указано, въ дневникѣ Храповицкаго („въ 1699 году Боболинскимъ сочиненный“); но конечно, легко могло быть, что имя переписчика, спустя почти сто лѣтъ, было принято за имя составителя. Въ самомъ же заглавіи сказано только, что „лѣтописецъ сий есть кройника зъ розныхъ авторовъ и историковъ многихъ диалектомъ рускимъ есть написана іеромонахомъ Леонтіемъ Боболинскимъ“. Равнымъ образомъ, во вкладной записи ничего не говорится о томъ, что Боболинскій былъ составителемъ хроники, а сказано только, что „по смерти іеромонаха Леонтія Боболинскаго, по завѣту его и остатней воли, привезъ“... Наконецъ, и изъ самаго предисловія къ читателю рѣшительно не видно, чтобы Боболинскій былъ авторомъ хроники; такъ, послѣ размышленій о необходимости прилежно заниматься науками, Боболинскій говоритъ: „И тако, со великимъ разсмотреніемъ и прилежнымъ чтеніемъ сію книгу.... еже нарицается лѣтописецъ или просто рещи кроника бытія, царства и владѣнія своего, черезъ многія времена,—ея-же, любимыя читателю, чти со всякимъ прилежаніемъ и разсужденіемъ.... чти здравъ, уже и мене, писателя, споминай. Не лай, аще

обрящеши въ ней нѣкое погрѣшеніе, но моли о мнѣ Господа Бога, да и ты и я молитвами твоими спасенъ буду"..., [1])—то-есть, оканчивается такъ, какъ очень часто въ старину оканчивали переписчики свои предисловія или послѣсловія.

Конечно, на основаніи этихъ данныхъ нельзя сдѣлать никакого опредѣленнаго вывода. А между тѣмъ нѣкоторыя другія данныя наводятъ на мысль, что Боболинскій былъ только переписчикомъ, а не составителемъ. Еще въ 1866 году Максимовичъ рѣшительно заявилъ объ этомъ: „У меня подъ рукою теперь"—говоритъ онъ—„другой списокъ, нѣсколько старѣе и безъ тѣхъ прибавленій, какія сдѣланы Боболинскимъ, даже изъ печатнаго Кіевскаго Синопсиса; онъ кончается сказаніемъ о гетманѣ Подковѣ" [2]). Къ этому выводу Максимовича мы вполнѣ присоединяемся, имѣя въ виду еще и слѣдующее основаніе:

Составитель хроники, очевидно, поставилъ своею задачей изложить ее языкомъ малорусскимъ, что̀ онъ и выдерживаетъ почти вездѣ, кромѣ указанныхъ статей, прямо переписанныхъ изъ другихъ источниковъ; но и въ этихъ случаяхъ приписки на поляхъ заглавій, самостоятельно придуманныхъ составителемъ хронографа, указываютъ на то, что у автора было стремленіе перейдти къ мѣстному языку. Такъ, напримѣръ, при статьяхъ „о бѣсурманскомъ приходѣ подъ Чигіринъ", заимствованныхъ изъ Синопсиса и написанныхъ почти чисто по славянски, на поляхъ стоятъ заглавія въ родѣ слѣдующихъ: „мостъ першій разъ подъ Кіевомъ на Днѣпръ якій"; „валъ коло Кіева зробили служилые люди". Затѣмъ, помѣстивъ эти статьи о приходѣ подъ Чигиринъ, составитель хроники, въ видѣ объяснительнаго послѣсловія, даетъ „Пересторогу", написанную вполнѣ книжнымъ малорусскимъ языкомъ того времени. Вотъ начало ея: „Не дивися сему, чителнику ласкавый, же тые походы подъ Чигиринъ турковъ нечестивыхъ положилемъ в концу руской кройники и дѣевъ старовѣчныхъ, стало то за подовомъ державы Гд҃ря Ц҃ря и великого князя Алексѣя Михайловича, гдѣ принялъ Кіевъ въ свою ц҃рскую область"... Равнымъ образомъ, предисловіе къ хроникѣ славянорусской (отрывокъ изъ него см. выше), тоже несомнѣнно принадлежащее составителю хронографа, написано языкомъ малорусскимъ. Однимъ словомъ, повто-

[1]) Лѣтопись Грабянки. Приложеніе, стр. 274—275.
[2]) *Максимовичъ*. Сочиненія, т. I, стр. 167.

ряемъ, составитель хроники языкъ мѣстный поставилъ своею цѣлью и почти вездѣ проводилъ ее настойчиво. Если же обратить вниманіе на языкъ начальнаго предисловія къ хронографу, написаннаго несомнѣнно самимъ Боболинскимъ („слово ко любимому читателю всякому") [1]), то увидимъ, что это языкъ церковно-славянскій, почти безъ примѣси мѣстнаго элемента. Трудно допустить, чтобы Боболинскій (еслибъ онъ былъ составителемъ хроники), задавшись цѣлью изложить на мѣстномъ языкѣ и вездѣ послѣдовательно проведя это, первое вступительное предисловіе къ читателю написалъ по церковно-славянски. Такимъ образомъ, нужно, кажется, признать, что хроника эта составлена не Боболинскимъ и, слѣдовательно, раньше 1699 года, когда переписана была имъ, но и не раньше 1679 или 1680 года, такъ какъ Чигиринскіе походы вошли въ нее. Впрочемъ, этотъ выводъ можно сдѣлать, только принимая во вниманіе данную хронику въ цѣльномъ ея видѣ, то-есть, со всѣми добавочными частями; но очень можетъ быть, что составитель ея былъ компиляторомъ, и притомъ такъ, что онъ, взявъ основную часть хронографа (до 1453 г.), которая могла существовать раньше, какъ отдѣльное сочиненіе, прибавилъ къ ней вышеуказанныя добавочныя статьи. Догадка эта возможна уже по тому одному, что одна изъ добавочныхъ статей (хроника Литовская), по опредѣленію Самчевскаго, есть не что иное, какъ хроника, составленная въ XVI или XVII столѣтіи неизвѣстнымъ писателемъ, о чемъ было сказано раньше. Слѣдовательно, весьма возможно, что онъ и въ остальныхъ частяхъ своего труда пользовался готовыми уже статьями.

Итакъ, дѣлая заключительный выводъ о хронографахъ южно-русской редакціи, мы можемъ пока сказать слѣдующее:

1) Изъ извѣстныхъ пяти списковъ ихъ (Толстовскій, Попова, Максимовича, рукопись Боболинскаго и нашъ списокъ) оказывается существенною для южно-русской редакціи прибавка къ основной части хроникъ Литвы и Польши.

2) Въ этихъ же пяти спискахъ обнаруживается, по крайней мѣрѣ, двѣ редакціи, довольно рѣзко различающіяся одна отъ другой въ основной части хронографа; изъ нихъ образецъ одной редакціи дается рукописью г. Попова, а образецъ другой видѣнъ въ рукописи, именуемой хроникой Боболинскаго, а также въ рукописи, принадлежащей намъ.

---

[1]) См. Лѣтопись Грабянки, Приложеніе, стр. 273—275.

3) Южно-русская редакція хронографовъ отличается отъ великорусской не только языкомъ, но и нѣсколько своеобразнымъ содержаніемъ и изложеніемъ, и можетъ быть, и источниками, что подлежитъ еще изслѣдованію.

Слѣдовательно, мы имѣемъ право теперь снять тотъ упрекъ съ юго-западно-русскихъ ученыхъ XVIII вѣка, который могъ быть сдѣланъ имъ въ равнодушіи къ составленію своихъ хронографовъ. Чѣмъ же объяснить однако, что въ то время какъ въ Великоруссіи насчитывается болѣе ста рукописей хронографовъ, въ Малороссіи ихъ едва можно насчитать пять, а въ полномъ видѣ, собственно говоря—ни одного (не принимаемъ въ разчетъ Толстовскаго списка, о которомъ судимъ только по заглавію)?

Единственнымъ объясненіемъ этого, кажется, можетъ служить фактъ немилосерднаго истребленія рукописей въ южной Руси. Кромѣ пожаровъ, кромѣ невѣжества, истребившихъ массы, можетъ быть, очень драгоцѣнныхъ памятниковъ старины, въ юго-западной Руси былъ еще одинъ истребитель, и едва ли не самый ужасный, — это іезуиты и ихъ послѣдователи, безпощадно уничтожавшіе всякія книги и рукописи подъ предлогомъ защиты и охраны правой вѣры отъ всякихъ ересей. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ этого истребленія можетъ служить книга Ярошевича „Obraz Litwy pod wzgliedem jej cywilizacyi„ Wilno 1844 г. Стоитъ прочесть только стр. 107 и 108 3-й части его труда, чтобъ увидѣть, какая масса книгъ и, конечно, и рукописей, разновременно сожжена была на кострахъ въ Варшавѣ и Вильнѣ въ XVII в. Тутъ же можно прочесть и имена прославившихся въ этомъ отношеніи дѣятелей: „W tej przysłudze odznaczyli się w Polsce Bernard Maciejowski, synowiec sławnego Samuela, co mu nawet do kardynalskiego kapelusza ułatwilo drogę; po nim Szyszkowski, Koscielecki z niszczenia drukarn'slawny.... Niemniej czynnymi w tej mierze okazali się i Litwini, szczególniej zas' kardinal Jerzy Radziwiłł, przy pomocy brata swego Mikołaja Krzysztofa Sierotki. Pierwszy wychowaniec Kollegium jezuickiego w Rzymie, objąwszy w 24 roku życia rządy diecezjji po Szuszkowskim (który także palił książki) przetrząsać bibliotecі, podejrzane pisma i dzieła wyszukiwać, a znalezione w popioł obracać kazał; drugi, wyłożywszy tyleż prawie na wykupowanie, ile jego ojciec na wydanie Biblji brzeskiej, zebrane exemplarze również płomieniom oddawał".

Не диво послѣ этого, если мы такъ сравнительно мало имѣемъ

вообще древнихъ рукописей южно-русскихъ а въ томъ числѣ и хронографовъ; конечно однако, при болѣе настойчивомъ разысканіи въ частныхъ библіотекахъ, вѣроятно, окажется еще не мало интереснаго, и очень можетъ быть, что и теперешнее ничтожное количество южно-русскихъ хронографовъ значительно еще пополнится.

В. Науменко.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ IV. Тифлисъ 1884.

Представляя краткій отчетъ о 4-мъ выпускѣ этого кавказскаго изданія, мы съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что благая мысль управленія Кавказскаго учебнаго округа—издавать повременные сборники этнографическихъ и географическихъ матеріаловъ—нашла себѣ сотрудниковъ въ самыхъ различныхъ уголкахъ Кавказа. Каждый новый выпускъ приноситъ много цѣннаго и добросовѣстно собраннаго матеріала, и изданіе постепенно выигрываетъ въ интересѣ и разнообразіи содержанія.

Новый выпускъ открывается обширнымъ трудомъ г. К. Гана: „Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ", содержащимъ въ себѣ, въ русскомъ переводѣ, выдержки болѣе чѣмъ изъ ста древнихъ писателей, сообщающихъ какія бы то ни было географическія, этнографическія и историческія свѣдѣнія о Кавказѣ. Трудъ обнимаетъ въ хронологическомъ порядкѣ приблизительно пятнадцать столѣтій, начиная съ Гомера и кончая писателями V вѣка по Р. Х. Обѣщанная г. Ганомъ вторая часть этого труда будетъ заключать въ себѣ, главнымъ образомъ, византійскихъ писателей. Упоминая о томъ, какъ Шлиманнъ, руководясь Гомеромъ, открылъ остатки древней Трои, и какъ открытіе Серапеума было сдѣлано Маріеттъ-беемъ по указаніямъ Страбона, переводчикъ справедливо замѣчаетъ, „что разборъ свѣдѣній древнихъ писателей о Кавказѣ можетъ навести и насъ на то или другое открытіе, важное въ археологическомъ или этнографическомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ

писателей были въ здѣшнемъ краѣ и писали о томъ, что̀ сами видѣли и слышали отъ туземцевъ. Кромѣ того, можно ожидать, что на извѣстныя уже древнія развалины и на другіе добытые археологическими раскопками памятники тѣ или другія мѣста у древнихъ писателей могутъ бросить новый свѣтъ".

Предоставляя спеціалистамъ высказаться касательно точности переводовъ и полноты выдержекъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ г. Гана, считаемъ нелишнимъ отмѣтить здѣсь нѣкоторыя любопытныя черты быта, нравовъ и обычаевъ Кавказа, упоминаемыя классическими писателями, чтобы на этомъ показать, какой интересъ представляетъ для современнаго изслѣдователя Кавказа знакомство со свѣдѣніями, сообщаемыми о немъ классиками. Въ этихъ свѣдѣніяхъ найдетъ для себѣ много интереснаго и археологъ, и антропологъ, и этнографъ, и даже иногда естествоиспытатель.

Начнемъ съ извѣстнаго свидѣтельства Гиппократа о кавказскихъ Макрокефалахъ, которые, по Скилаксу Каріанденскому, жили гдѣ-то за Бехейрами близъ гавани Псоронъ и Трапезонда (стр. 11), по Плинію, близъ гавани Хордуле и города Керасунта (Cerasus) (стр. 103), по Стефану Византійскому, — по сосѣдству съ Колхами (стр. 202). Про нихъ Гиппократъ говоритъ, что нѣтъ другаго народа, который имѣлъ бы подобную форму головы. Въ началѣ удлиненіе головы было дѣломъ обычая, теперь же природа содѣйствуетъ этой привычкѣ, основанной на томъ предположеніи, что самые благородные— тѣ, у которыхъ голова самая длинная. Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ обычай, продолжаетъ Гиппократъ: какъ только ребенокъ родится, пока еще тѣло его гибко, и головка еще не отвердѣла, ее выправляютъ руками, придаютъ ей удлиненную форму посредствомъ разныхъ бандажей и другихъ приспособленій, вслѣдствіе чего она утрачиваетъ свою сферическую форму и растетъ въ длину.... Теперь такая форма головы болѣе не существуетъ у этого народа, потому что обычай этотъ изчезъ вслѣдствіе сношеній съ другими народами". Нѣтъ основанія не вѣрить такому категорическому утвержденію Гиппократа о народѣ Макрокефалахъ. Но раскопки и даже современныя наблюденія показываютъ, что обычай, уже прекратившійся у одного изъ прикавказскихъ народовъ еще до Гиппократа (470—376 до Р. Х.), продолжалъ существовать у нѣкоторыхъ другихъ кавказскихъ народовъ. Не говоря уже о деформированныхъ черепахъ въ самтаврскомъ могильникѣ близъ Мцхета, раскопанномъ г. Байерномъ въ 1872 и 1877 годахъ, деформація достигаетъ ужасныхъ размѣровъ на

черепахъ, найденныхъ нами въ 1883 г. въ могильникѣ близъ аула Озрокова на рѣкѣ Баксанѣ, слѣдовательно, по сю сторону Кавказа. Притомъ культура этихъ могилъ сравнительно довольно поздняя, такъ какъ въ нихъ находимы были монеты послѣднихъ Сассанидовъ и предметы изъ золота несомнѣнно византійской работы. Но слабыя степени деформаціи, по словамъ Д. Н. Анучина [1]), встрѣчаются и теперь у кавказскихъ народовъ, изъ коихъ многіе имѣютъ обычай крѣпко перевязывать головы младенцевъ. Такой обычай, какъ показываютъ данныя, собранныя докторомъ Е. А. Покровскимъ, существуетъ въ Тифлисскомъ, Ахалцыхскомъ, Сигнахскомъ и Душетскомъ уѣздахъ, въ Рачинскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи, у грековъ на Цалкѣ, въ Эриванскомъ уѣздѣ и другихъ мѣстностяхъ, а по свѣдѣніямъ, собраннымъ Д. Н. Анучинымъ, — и въ многихъ мѣстностяхъ Дагестана. Результатъ нѣкогда существовавшаго у предковъ обычая можно еще доселѣ видѣть на головахъ кабардинцевъ, которыя представляются часто значительно удлиненными вверхъ. Мы припоминаемъ, что когда туземцы осматривали вырытые нами деформированные черепа на Баксанѣ, они высказывали предположеніе, что это, вѣроятно, черепа кабардинцевъ. Какъ survival моды на высокіе лбы, можно указать и на обычай абхазцевъ, у которыхъ для увеличенія лба у дѣвушекъ сбриваютъ волосы на одинъ вершокъ отъ верхней части лба и къ бритому мѣсту (чтобъ оно не заростало) прикладываютъ еще не остывшее мясо только что убитой черной вороны [2]). Такимъ образомъ обычай, засвидѣтельствованный классическою древностью, до нѣкоторой степени сохраняется и теперь и оставилъ весьма яркіе слѣды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа.

У древнихъ тибареновъ, кажется, извѣстныхъ еще ассирійцамъ и евреямъ подъ именемъ Тубаль, Аполлоній Родосскій (250—200 гг. до Р. Х.) засвидѣтельствовалъ существованіе любопытнаго обычая, извѣстнаго этнологамъ подъ французскимъ названіемъ la couvade. „У этого народа мужья, когда жены имъ рождаютъ дѣтей, ложатся въ постель и стонутъ съ завязанными головами, а жены ихъ въ то время хорошо кормятъ ихъ и устраиваютъ для нихъ купанье, назначенное послѣ родовъ“. Этотъ обычай, основанный на стремленіи нагляднымъ образомъ показать физическую связь между ребен-

[1]) См. его статью: «Доисторическая археологія Кавказа»—*Ж. М. Н. Пр.*, часть CCXXXI, отд. 2, стр. 236.

[2]) См. статью г. *Мачаверіани* въ разсматриваемомъ Сборникѣ, отд. II, стр. 55.



комъ и его отцомъ, оказывается однимъ изъ широко распространенныхъ и въ древнія времена, и еще въ наши дни. Страбонъ (3,165) указываетъ его у испанскихъ иберовъ, и еще досëлѣ у басковъ, которые считаются обыкновенно потомками этого племени; въ нѣкоторыхъ долинахъ Бискайи и Гвипузкоа немедленно послѣ родовъ роженица оставляетъ постель и смѣняется на ней мужемъ, который долженъ faire la couvade. Тотъ же обычай указываютъ на западномъ берегу Африки, въ Индіи на Малабарскомъ берегу, въ Мадрасѣ, на Молукскомъ архипелагѣ, въ южной Америкѣ и у др., а писатели древніе отмѣтили его на островѣ Корсикѣ (Діодоръ 5, 14) и Кипрѣ (Плутархъ, Thes. 20) [1]). Въ виду того, что couvade несомнѣнно нѣкогда существовала въ Закавказьѣ, интересно было бы знать, не сохранилось ли въ современныхъ обрядахъ, соблюдаемыхъ при родинахъ, какого-нибудь отголоска, который можно было бы пріурочить къ этому обычаю.

Между похоронными обрядами древняго Кавказа интересенъ обычай колховъ, упоминаемый Аполлоніемъ Родосскимъ. „И теперь еще", говоритъ этотъ писатель (стр. 49),—„считается у колховъ за преступленіе жечь трупы мужчинъ или даже зарывать ихъ въ землю и засыпать курганами; ихъ кладутъ въ не обдѣланныя бычьи кожи и далеко за городомъ вѣшаютъ на деревья, но и земля получаетъ свое, какъ и воздухъ, ибо ей предаются трупы женщинъ". Несомнѣнно, что этотъ обычай находится въ связи съ религіозными вѣрованіями этого сравнительно культурнаго народа; но о вѣрованіяхъ колховъ намъ извѣстно крайне мало. Есть глухое указаніе на то, что колхи почитали больше всего небо и землю (Нимфодоръ Сиракузскій). Можно далѣе заключить, что у нихъ существовалъ культъ солнца, такъ какъ царь Айэтъ былъ сыномъ Геліоса (Діодоръ Сицилійскій). Но въ какой связи съ этими культами былъ обычай вѣшать трупы, притомъ только мужскіе, на деревья? Здѣсь возможны лишь догадки, которымъ едва ли будетъ суждено перейдти на степень достовѣрности. Обращая вниманіе на слова Аполлонія, что жечь или хоронить трупъ считалось у колховъ грѣхомъ, нужно думать, что они прибѣгали къ вѣшанію труповъ во избѣжаніе оскверненія земли (чрезъ погребеніе) и огня (чрезъ сожженіе). Слѣдовательно, земля и огонь

---

[1]) См. объ этомъ обычаѣ: *Giraud Teulon*, La Mère, p. 37; Les Origines de la famille, p. 197 и слѣд.; *Tylor*, Early History of Mankind, p. 294; *Bastian* въ *Zeit. für Völkerpsych.*, V, p. 156—160.



считались у нихъ чистыми стихіями, какъ у послѣдователей Заратустры, а трупы—нечистыми. Этимъ же объясняется, что ихъ вѣшали высоко на деревьяхъ и притомъ далеко за городомъ, чтобы близость трупа не могла осквернить людей. Еще до сихъ поръ современные парсы въ Бомбеѣ строятъ дахмы (башни для труповъ) за городомъ на возвышенныхъ мѣстахъ среди лѣса. Но трупъ можетъ осквернить и воздухъ, также чистую стихію; во избѣжаніе этого трупъ зашивали въ бычью шкуру, такъ что не было непосредственнаго соприкосновенія его съ воздухомъ. Противъ такого объясненія, можно конечно, возразить, что въ обычаѣ колховъ нѣтъ послѣдовательности, ибо они же хоронили трупы женщинъ, не боясь осквернить землю. Но такого же рода кажущаяся непослѣдовательность существуетъ и въ религіи Заратустры. Въ ней, какъ извѣстно, трупъ правовѣрнаго—маздаяснійца—считается нечистымъ и оскверняющимъ природу, а трупъ язычника—не маздаяснійца—нисколько не оскверняетъ природы. Это противорѣчіе объясняется дуалистическимъ взглядомъ на міръ, какъ на арену борьбы добра и зла, Ормузда и Аримана. Смерть правовѣрнаго и всякаго чистаго существа есть побѣда Аримана, и потому сейчасъ же по смерти въ трупъ входитъ одинъ изъ демоновъ Аримана друджь Насушъ и оскверняетъ его. Смерть же иновѣрца, какъ и всякаго нечистаго существа, есть побѣда Ормузда, и потому такой трупъ не оскверняетъ природы. Прилагая подобное же заключеніе къ обычаямъ колховъ, нужно думать, что у нихъ существовалъ взглядъ на женщину, какъ на существо нечистое, несравненно болѣе низкое, чѣмъ мужчина, и потому женскіе трупы не могли осквернять земли. Можно было бы найдти и у другихъ народовъ аналогіи подобному взгляду на женщинъ, но мы боимся уклониться въ сторону отъ отчета о разсматриваемомъ сборникѣ.

Подобный же взглядъ на трупъ, какъ на оскверняющій землю, существовалъ, по видимому, и у другаго народа Кавказа, у древнихъ каспіевъ, которыхъ обычаи были впрочемъ гораздо грубѣе колхидскихъ. Страбонъ (стр. 78) сообщаетъ, что каспіи „морятъ стариковъ выше 70 лѣтъ голодомъ и потомъ выбрасываютъ ихъ въ пустыню; за ними наблюдаютъ издали и, если увидятъ, что птицы стаскиваютъ трупы ихъ съ мѣста, считаютъ ихъ блаженными, менѣе же блаженными считаютъ тѣхъ, которыхъ растаскиваютъ звѣри или собаки; если же не случится ни того, ни другаго, то такихъ считаютъ несчастными“. У другаго прикаспійскаго народа—массагетовъ—обычаи были еще страннѣе: стариковъ не только убивали, но и съѣдали

(Страбонъ). Значитъ, каспійцы, уже не съѣдавшіе стариковъ, а предоставлявшіе ихъ на съѣденіе птицамъ, сдѣлали шагъ впередъ. Однако, какъ ни грубъ обычай массагетовъ, можно ли объяснить этотъ каннибализмъ взглядомъ на человѣка, какъ на животное, годное въ пищу? Едва ли. Еслибъ у нихъ дѣйствительно было людоѣдство то, конечно, оно не укрылось бы отъ тѣхъ же писателей, которые отмѣтили эти исключительные случаи людоѣдства, какъ обряда. У настоящихъ людоѣдовъ, именно старики, какъ невкусное мясо, болѣе другихъ гарантированы отъ съѣденія. Очевидно, что, убивая и съѣдая своихъ престарѣлыхъ отцовъ, массагеты дѣйствовали согласно съ своими религіозными воззрѣніями, исполняли долгъ pietatis erga parentes, и такой же нравственный долгъ исполняли каспійцы, моря отцовъ голодомъ и затѣмъ считая ихъ блаженными, если птицы въ пустыни растащатъ ихъ трупы по кускамъ. Въ послѣдней чертѣ не трудно видѣть родство съ вѣрованіями послѣдователей Заратустры, которые и доселѣ предоставляютъ трупы въ дахмахъ на растерзаніе хищнымъ птицамъ. И у каспіевъ, какъ, вѣроятно, у массагетовъ, на естественную смерть смотрѣли, какъ на побѣду злаго духа, вселяющагося въ человѣка и причиняющаго недугъ и смерть. Слѣдовательно, чтобы предотвратить это нападеніе злаго духа и оскверненіе человѣка, послѣдняго слѣдовало убить своимъ же присными... Отмѣтимъ, что сдѣланныя г. Цилосани раскопки кургановъ близъ Дербента, кажется, подтверждаютъ существованіе обряда аналогическаго съ Маздаяснійскимъ въ этихъ мѣстахъ [1]). И по видимому, обычай предоставлять трупъ птицамъ существовалъ на восточномъ Кавказѣ еще въ сравнительно позднее время. По крайней мѣрѣ арабскій писатель Абу-Хамидъ сообщаетъ про кубачинцевъ слѣдующее извѣстіе: „Если кто умираетъ, именно мужчина, то они отдаютъ его трупъ людямъ въ землянкахъ (домахъ подъ землею), которые расчленяютъ его и очищаютъ кости отъ мяса. Мясо складывается вмѣстѣ и отдается на съѣденіе вöронамъ, причемъ люди стоятъ по близости съ луками и наблюдаютъ, чтобъ мясо не было растащено другими птицами... Очищенныя кости кладутся въ мѣшки, у богатыхъ—изъ вышитой золотомъ или греческой шелковой ткани, а у рабочихъ—изъ невыбѣленнаго холста. Они развѣшиваютъ эти мѣшки въ домахъ и на каждомъ мѣшкѣ обозначаютъ имя того, кому принадлежали

---

[1]) См. *Л. Н. Майкова*, Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ, стр. 14.

кости" [1]). Здѣсь детали обычая представляютъ еще бóльшую близость съ парсійскими. Парсы также различаютъ мясо отъ костей и прикрѣпляютъ трупъ въ дахмѣ такимъ образомъ, чтобы птицы могли растащить только мясо и не разнести костей. Кости же, выбѣленныя солнцемъ, уже не оскверняютъ, по ихъ понятіямъ, природы и остаются въ колодцѣ дахмы, то-есть, соприкасаются съ землею. „Пережитокъ" подобнаго же вѣрованія случалось намъ лично видѣть въ осетинскихъ, сложенныхъ изъ камней, ингэнахъ, небольшихъ избообразныхъ постройкахъ съ окномъ въ ширину человѣка. Осетины, въ былое время, клали трупъ на доску, вдвигали ее въ окно погребальной камеры и оставляли такимъ образомъ покойника на произволъ природы. Когда трупъ сгнивалъ, то вывѣтрившіяся кости уже сбрасывали съ доски внизъ на землю. Поэтому полы старыхъ ингэновъ усѣяны человѣческими костями. Такимъ образомъ, припоминая нѣкоторыя черты похоронныхъ обрядовъ, существовавшихъ на Кавказѣ — у колховъ, каспіевъ, кубачинцевъ, осетинъ, можно прийти къ заключенію, что въ нѣкоторыхъ частяхъ этой области нѣкогда существовали вѣрованія подобныя тѣмъ, которыя выразились въ похоронномъ обычаѣ парсовъ.

Изъ фактовъ, относящихся къ области народнаго эпоса, отмѣтимъ преданіе о рожденіи Діорфа, сообщаемое псевдо-Плутархомъ (стр. 157). „Миөрасъ (Μίθρας) хотѣлъ имѣть сына; но такъ какъ онъ ненавидѣлъ женскій полъ, то пустилъ свое сѣмя на скалу, которая родила ему сына, по имени Діорфа. Въ цвѣтѣ молодости этотъ Діорфъ былъ убитъ Марсомъ, котораго онъ вызвалъ на состязаніе, послѣ чего былъ по предопредѣленію боговъ превращенъ въ гору носящую его имя" (у рѣки Аракса). Упоминаемое здѣсь имя Миөрасъ свидѣтельствуетъ о культѣ бога Миөры въ Закавказьѣ, въ Арменіи, о чемъ сохранились показанія армянскихъ историковъ [2]). То, что здѣсь приписывается сыну Миөры Діорфу, приписывается въ нѣкоторыхъ древнихъ сказаніяхъ ему самому: онъ самъ рожденъ скалою (Iustin. dial. c. Tryph., 70), вслѣдствіе чего называется Πετρογενής (Iohann. Lydus de Mens., III, p. 43, ed. Bonn.). Но для насъ интересно, что черты рожденія Діорфа или Миөры до сихъ поръ существуютъ въ кавказскихъ нартскихъ

---

[1]) Отчетъ о поѣздкѣ въ Дагестанъ лѣтомъ 1882 г. *Д. Н. Анучина*, стр. 47 и слѣд.

[2]) Эгишэ, Стеөана Таронскаго, см. *Langlois*, Collection d' hist. Armen. I, 168; Стеөанъ Таронскій, переводъ г. *Эмина*, стр. 272.



(богатырскихъ) сказаніяхъ. Такое же рожденіе изъ скалы приписывается у осетинъ нарту Батразу или Созрыко. О первомъ разсказывается, что нѣкій пастухъ Тельвесъ, соблазнившись красою недосягаемой для него Сатаны, стоявшей на противоположномъ берегу, пустилъ сѣмя на камень, внутри котораго затѣмъ развился зародышъ [1]). О второмъ, говорится, что отцомъ его былъ богъ Уастырджи, совершившій тотъ же актъ и съ такимъ же результатомъ, какъ Миѳрасъ [2]). Судьба Діорфа, въ цвѣтѣ лѣтъ убитаго Марсомъ, вызваннымъ юношей на состязаніе, также напоминаетъ смерть Батраза: онъ вызвалъ на бой небесныхъ духовъ и былъ убитъ по соизволенію бога, который затѣмъ его оплакиваетъ [3]). Эти аналогіи между Миѳрой, Діорфомъ, Батразомъ и Созрыко показываютъ, въ какую сѣдую старину восходятъ нѣкоторыя черты кавказскаго эпоса.

Интересующіеся вещественною археологіей Кавказа найдутъ въ сборникѣ г. Гана цѣлый рядъ любопытныхъ указаній. Сюда относятся, напримѣръ, указанія на древніе храмы, статуи, города (см. стр. 56, 57, 65, 71, 97 и друг.) и на торговыя сношенія припонтійскихъ городовъ съ кавказскими народами. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ свидѣтельствъ объясняютъ намъ нахожденіе въ кавказскихъ могилахъ не только греческихъ и римскихъ, но даже египетскихъ предметовъ, заходившихъ путемъ торговли въ захолустья кавказскихъ ущелій, напримѣръ, на рѣкахъ Чегемѣ и Баксанѣ. Нѣсколько любопытныхъ указаній на древнюю кавказскую фауну и флору найдется въ сборникѣ и для естествоиспытателя. Отмѣтимъ одно, которое, можетъ быть, пригодится для палеонтологовъ. „Ѳеопомпъ изъ Синопы говоритъ въ своей книгѣ „о землетрясеніяхъ", что во время одного внезапнаго землетрясенія въ Киммерійскомъ Босфорѣ одинъ холмъ лопнулъ и извергъ кости необыкновенныхъ размѣровъ, и что весь скелетъ достигалъ величины 25 локтей. Живущіе въ окрестностяхъ варвары бросили эти кости въ Мэотійское озеро" (стр. 212). Вѣроятно, этотъ скелетъ принадлежалъ какому-нибудь крупному представителю допотопной фауны. Кости слона были найдены не такъ далеко отъ этихъ мѣстъ на рѣкѣ Малкѣ [4]).

Этимъ мы закончимъ наши экскурсы по поводу сборника г. Гана. Не касаясь достоинствъ и недостатковъ самаго перевода

---

[1]) См. Сбор. свѣд. о Кавказѣ, I, 172.

[2]) См. наши Осет. Этюды, т. I. стр. 29.

[3]) См. Осет. Этюды I, стр. 10, 25.

[4]) Одна изъ нихъ хранится въ г. Нальчикѣ въ горской школѣ.

замѣтимъ только, что передача греческихъ мѣръ русскими представляетъ значительное неудобство. Напримѣръ, въ описаніи халибовъ (изъ Ксенофонта) мы читаемъ съ удивленіемъ, что „копья ихъ были длиною въ 15 греческихъ аршинъ" и недоумѣваемъ, какъ халибы могли дѣйствовать этими 5-ти-саженными инструментами. Положимъ, что въ переводѣ аршины названы греческими, но естественно является мысль, что, вѣроятно, переводчикъ передаетъ греческимъ аршиномъ какую-нибудь греческую мѣру, все же приближающуюся къ нашему аршину. Между тѣмъ въ греческомъ подлинникѣ стоитъ слово Πῆχυς, которое обычно и наиболѣе правильно передается словомъ локоть, то-есть, разстояніе отъ локтя до оконечности средняго пальца. Почему же понадобился другой переводъ?..

За трудомъ г. Гана слѣдуетъ програмное описаніе города Темрюка, составленное г. Арканниковымъ, и болѣе подробная статья г. Эйвазова подъ заглавіемъ: Нѣкоторыя свѣдѣнія о селѣ Койласарѣ и объ Айсорахъ. Село Койласаръ находится въ Гарнибасарскомъ участкѣ Эриванскаго уѣзда. До русско-персидской войны 1827 г. въ немъ жили татары, затѣмъ въ немъ поселились несторіанскіе христіане айсоры, оставившіе навсегда Персію вслѣдствіе испытанныхъ притѣсненій. Въ настоящее время айсоры (числомъ 444 души) присоединены къ православію. Они сами называютъ себя сиро-халдеями, а сосѣдніе народы называютъ ихъ айсорами или асорами, персы же—назранами. Послѣднее названіе дано айсорамъ въ первое время принятія ими ученія Іисуса Назарея. Еще до сихъ поръ койласарскіе айсоры сохранили свой древній сиро-халдейскій діалектъ, въ сношеніяхъ же съ другими національностями пользуются татарскимъ языкомъ, который здѣсь знаютъ всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины. Айсоры сохраняютъ и свои старыя богослужебныя книги, написанныя на древнемъ сиро-халдейскомъ языкѣ, который значительно различается отъ разговорнаго. Къ статьѣ г. Эйвазова приложена айсорская (сиро-халдейская) азбука съ названіями буквъ и образчиками письма. Замѣтимъ, что для семитологовъ еще большее значеніе, чѣмъ древніе богослужебные тексты, сохранившіеся у айсоровъ, имѣло бы изученіе разговорнаго, обиходнаго нарѣчія айсоровъ, и что г. Эйвазовъ оказалъ бы несомнѣнную услугу семитологамъ, еслибы записалъ нѣсколько образчиковъ этого нарѣчія, но не айсорскою азбукой, не вполнѣ удовлетворительною для передачи всѣхъ звуковъ языка, а какою-нибудь транскрипціей, съ точнымъ

обозначеніемъ произношенія каждой буквы. Для этой цѣли пригоденъ и русскій, и латинскій алфавитъ, съ нѣкоторыми дополненіями и приспособленіями. Что касается устной словесности айсоровъ, то, по словамъ г. Эйвазова, она очень бѣдна: „Переселившись изъ Персіи и размѣстившись между татарами и армянами, айсоры въ значительной степени забыли свою старину, свои прежніе обычаи, легенды, миѳы, пословицы, поговорки, сказки, даже свои національныя пѣсни, а въ замѣнъ ихъ усвоили татарскія пѣсни, легенды, сказки и преданія". Такимъ образомъ, съ этой стороны, отъ нихъ нельзя ожидать большой поживы для науки, и тѣмъ болѣе желательно было бы изученіе ихъ со стороны лингвистической. Впрочемъ въ трудѣ г. Эйвазова сообщаются нѣкоторыя айсорскія пословицы, загадки, нѣкоторыя любопытныя суевѣрія, напримѣръ, праздникъ въ честь царя змѣй Маріймаму (6-го іюля) и въ честь ословъ (3-го августа), вѣрованія въ злыхъ духовъ женскаго пола, живущихъ въ хлѣвахъ, а также описаніе обрядовъ, сопровождающихъ свадьбу, рожденіе дѣтей, похороны, поминки и т. п.

Нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ аварскихъ преданіяхъ и обрядахъ сообщаетъ слѣдующая статья, г. Барсова, объ аулѣ Чохъ. Подъ тонкимъ слоемъ мусульманства, здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Кавказа, еще сохранились языческіе вѣрованія и обряды, какъ, напримѣръ, купаніе муллы въ водѣ для испрошенія дождя, обвѣшиваніе деревьевъ лоскутами матеріи, обсыпаніе муллы землею съ цѣлью произвесть урожай пшеницы и т. п. Изъ приложенныхъ къ статьѣ пѣсенъ одна — Герги и Папусъ — особенно ярко характеризуетъ героическіе нравы горцевъ недавняго прошлаго. Мать ждетъ сына, отправившагося на похожденія. „Я входила въ домъ и выходила, пока погасъ день; вечеромъ, вышедши на встрѣчу, вижу — никогда не гнувшій колѣнъ молодецъ идетъ, вмѣсто шашки, на палку опираясь; на немъ андійская бурка, пріобрѣтенная за корову; на подолѣ ея висятъ кровяныя капли. Чтобъ узнать, что такое, я на грудь посмотрѣла: змѣиныя дыры на серебряной груди Герги. „Не говорила ли, Герги, я тебѣ, чтобы ты къ стаду не ходилъ, что тамъ ты засаду найдешь?" „Не упрекай меня, мать, иди дорогой: пусть Богъ меня судитъ". Мать пошла впередъ, Герги сталъ отставать. „Постели, мать, постель, чтобы лечь умереть. И вотъ мое завѣщаніе: одежду своего Герги надѣнь, навѣсь оружіе; въ моемъ хурасанѣ (шапкѣ) на крышу взойди и протанцуй, чтобъ враги не радовались, говоря: Герги умеръ". Взошла, вижу: толпятся враги, убившіе сына, и между ними

Панусъ. „На головѣ хурасанъ, ей Богу, Гергіевъ (говоритъ Панусъ), но подъ нимъ лицо матернно; сверху одѣто серебряное оружіе, ей Богу, Гергіево; а подъ нимъ тѣло матери. Эй, Герги, если ты вылѣчишься отъ этой раны, то дамъ тебѣ коня, въ жены тебѣ дочку дамъ и усыновлю тебя“. Когда съ крыши я сошла, твои глаза, наводившіе страхъ, закрылись: насталъ день смерти. Твои камышевые пальцы, отворявшіе даже желѣзные запоры, сжались, когда изъ тѣла взяли душу“.

За нѣсколькими дагестанскими преданіями (сообщенными г. Дебировымъ), слѣдуетъ описаніе взятія Эривани, сдѣланное по разказамъ старожиловъ г. Шульгинымъ. Не останавливаясь на разказѣ, представляющемъ нѣкоторыя интересныя подробности, отмѣтимъ, что, по словамъ г. Шульгина, въ народной памяти отъ этой эпохи уцѣлѣло имя абрега Агаси, который, изъ мести персидскому сардару, взявшему въ свой гаремъ его невѣсту, указалъ Паскевичу слабо укрѣпленныя мѣста Эривани. Узнавъ объ этомъ, сардаръ посадилъ въ тюрьму остававшагося въ Эривани отца Агаси и отдалъ приказъ часовымъ убить и сына и отца, если только одинъ попытается освободить узника, а другой—бѣжать. Вмѣстѣ съ первыми русскими солдатами перескочилъ Агаси черезъ стѣну и, конечно, тотчасъ бросился къ тюрьмѣ. Часовые, не покинувшіе еще своихъ мѣстъ, успѣли исполнить приказаніе сардара: они убили Агаси и его отца. Г. Шульгинъ говоритъ, что объ Агаси сложились народныя пѣсни, имѣющія **много общаго съ юнацкими пѣснями Сербовъ**, что отъ этой поэтической личности вѣетъ тою же изящною простотой, которая служитъ отличительнымъ свойствомъ народнаго эпоса. Остается пожалѣть, что г. Шульгинъ не представилъ пѣсни объ этомъ героѣ въ русскомъ переводѣ или хоть въ изложеніи [1]).

---

[1]) Въ концѣ статьи, упоминая о томъ, что послѣ взятія крѣпости въ зеркальномъ залѣ сардарскаго дворца русскіе офицеры въ 1828 году разыграли, между прочимъ, «Горе отъ ума», г. Шульгинъ прибавляетъ въ видѣ предположенія: «*Быть можетъ*, авторъ присутствовалъ на спектаклѣ, такъ какъ въ это время онъ состоялъ, какъ знатокъ обычаевъ персіянъ, при Паскевичѣ». Что Грибоѣдовъ присутствовалъ при исполненіи въ Эривани своей комедіи, это не предположеніе, а фактъ вполнѣ засвидѣтельствованный. Спектакли были устраиваемы начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи Аѳанас. Ив. Красовскимъ. Въ проѣздѣ изъ Тавриза чрезъ Эривань Грибоѣдова просили посѣтить спектакль и высказаться обо всемъ, что замѣтитъ онъ удачнаго и неудачнаго въ исполненіи своей комедіи. См. *Русскій Архивъ*, 1874, стр. 1565.



Слѣдующая статья—о положеніи женщины въ Абхазіи, написана г. К. Мачаваріани, представляетъ значительный этнографическій интересъ и отличается прекраснымъ изложеніемъ. Авторъ въ живомъ разказѣ представляетъ намъ жизнь абхазскихъ женщинъ привилегированнаго и простаго званія, и слѣдитъ за этою исторіей женской жизни отъ колыбели до могилы, при чемъ знакомитъ насъ съ разными сторонами абхазскаго быта. Всюду въ изложеніи сказывается въ авторѣ отличный наблюдатель и знатокъ абхазской народности: это не случайно набранныя этнографическія черты, а свѣдѣнія, пріобрѣтенныя долгимъ пребываніемъ среди народа. Передъ нами проходитъ рядъ картинъ изъ абхазской жизни: поведеніе беременной княгини, рожденіе княжны, отдача на воспитаніе въ чужой аулъ, отношеніе кормилицы и ея родственниковъ къ ребенку, воспитаніе княжны и обученіе ея всѣмъ правиламъ абхазскаго этикета, возвращеніе воспитанницы въ родительскій домъ, абхазскія празднества, на которыхъ присутствуютъ и дѣвушки, выходъ замужъ съ умыканіемъ, жизнь въ семьѣ мужа и т. д. При этомъ постоянно мы знакомимся съ абхазскими понятіями, взглядомъ на женщину, обычаями, обрядами, суевѣріями, со всѣмъ складомъ этой средневѣковой жизни. Характерно благословеніе, которое произноситъ мать, отдавая сыну первое вооруженіе: „Дай, Господи, тебѣ здоровья и успѣха во всѣхъ воровствахъ. Старайся заслужить уваженіе односельцевъ и не забывай ни меня, ни твоихъ родныхъ въ случаѣ благопріятнаго исхода дѣла во время твоихъ ночныхъ похожденій“. Давая такое благословеніе, абхазская мать повторяетъ лишь тѣ уроки, которые сама видѣла вокругъ себя въ дѣтствѣ. Ея воспитательница старалась выработать въ ней рѣшительный и энергичный характеръ, искусство говорить красно, находчивость. Она сама училась владѣть холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ—умѣнье совершенно необходимое въ виду того, что абхазцы, отправляясь на грабежъ и разбой, часто оставляютъ свои семьи на продолжительное время, и женщины должны умѣть защищаться въ случаѣ какого нибудь нападенія; иногда-же женщины сопровождаютъ и сами мужей въ ихъ ночныхъ похожденіяхъ. Умѣнье красно говорить пригодится ей въ томъ случаѣ, когда ей на сходкѣ придется защищать свои интересы или интересы отсутствующаго мужа, а иногда, въ случаѣ разрыва съ мужемъ, отстаивать свои права. И она сумѣетъ постоять за себя. По словамъ г. Мачаваріани, на сходкѣ ее встрѣчаютъ съ уваженіемъ. „Выпрямившись во весь ростъ, княгиня старается наэлектризировать публику и судей и ос-

торожно разсыпаетъ похвалы направо и налѣво. Когда она замѣчаетъ въ народѣ сочувствіе къ себѣ, и судьи не смотрятъ на землю, что было-бы дурнымъ для нея предзнаменованіемъ, то княгиня переходитъ къ своему дѣлу, давая возможность говорить и противной сторонѣ. Она представляетъ разныя доказательства, доводы и ссылается на свидѣтелей. Она знаетъ, какъ говорить и не забываетъ ни одной мельчайшей подробности въ защиту своего интереса". Не имѣя возможности остановиться дольше на прекрасномъ очеркѣ г. Мачаваріани, отмѣтимъ одинъ фактъ крайне любопытный для изслѣдователей воспитанія дѣтей у разныхъ народовъ (напримѣръ, Плоса, д-ра Покровскаго и друг.). Ребенокъ кормится молокомъ кормилицы до трехъ, пяти и даже до семи лѣтъ! Есть, по словамъ автора, воспитанники въ Сухумской горской школѣ, которые хорошо помнятъ, когда они сосали грудь кормилицы! Интересно было бы знать взглядъ медиковъ-спеціалистовъ на этотъ обычай и его послѣдствія.

Пѣсни станицы Новоминской, Ейскаго уѣзда Кубанской области, собранныя г. Кирилловымъ, только по административному дѣленію принадлежатъ Кавказскому краю. Въ дѣйствительности населеніе этой станицы, вышедшее изъ Малороссіи, принесло съ собою въ новыя мѣста старыя пѣсни—историческія, чумацкія, казацкія-военныя и т. п. и продолжаетъ на Кавказѣ поминать Сичь (Сѣчь), Донъ, Запорізске військо, Дунай, чумаковъ, явір, калиноньку и т. п. атрибуты малорусскихъ пѣсенъ. Нѣкоторыя представляютъ варіанты пѣсенъ уже изданныхъ.

Послѣдняя статья 4-го выпуска „Матеріаловъ" представляетъ литературный разборъ знаменитой грузинской поэмы „Барсова кожа". Авторъ, г. Гулакъ, говоритъ о времени написанія этой поэмы, о ея авторѣ Шота Руставели, о судьбѣ текста, искаженіяхъ и исправленіяхъ, о внѣшней формѣ поэмы, о стихосложеніи, даетъ характеристику дѣйствующихъ лицъ и т. д. Хотя, по заявленію самого Руставели, сюжетъ его поэмы взятъ изъ персидскаго, и онъ переложилъ его стихами, „не сокращая и не умаляя рѣчи", однако до сихъ поръ не найденъ въ персидской литературѣ прототипъ ея; авторъ раздѣляетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что слова поэта только уловка, сдѣланная имъ съ цѣлью отвести глаза современникамъ, такъ какъ главною его цѣлью было прославленіе обожаемой имъ царицы Тамары. По характеру произведенія, г. Гулакъ ставитъ его въ разрядъ искусственныхъ поэмъ или романтическихъ эпопей въ духѣ поэмъ Аріоста. Первый толчекъ къ ея написанію дала царица Та-

мара, которая, по словамъ поэта, „приказала ему ее прославлять сладкими стихами, восхвалять ея брови, рѣсницы, кудри, уста рубины и зубы-жемчужины". Главное содержаніе поэмы — любовныя похожденія, романтическія приключенія, битвы, скитанія по разнымъ полу-фантастическимъ странамъ и т. п. Что касается характеристикъ дѣйствующихъ лицъ, то въ статьѣ г. Гулака онѣ не отличаются достаточною детальностью. Трудно составить себѣ понятіе и о художественномъ достоинствѣ поэмы, которое авторъ ставитъ такъ высоко. Въ виду того, что статья г. Гулака имѣетъ цѣлью познакомить съ великимъ произведеніемъ грузинской литературы русское общество, имѣющее о немъ самое смутное представленіе, напрасно онъ поскупился на выдержки нѣкоторыхъ лучшихъ мѣстъ поэмы. Желательно было бы также освѣтить поэму съ исторической стороны, показать ея связь съ грузинскою жизнью, бытомъ, нравами, историческими событіями XII вѣка. Но во всякомъ случаѣ статья г. Гулака даетъ нѣкоторое понятіе о поэмѣ и, представляя, кажется, первую попытку къ рѣшенію нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ, являющихся при изученіи Шота Руставели, заслуживаетъ всякаго вниманія.

Всев. Миллеръ.

Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. Собралъ и перевелъ съ подлинниковъ *К. Ганъ*. Часть I: отъ Гомера до VI стол. по Р. Хр. Тифлисъ 1884.

„Весьма было бы желательно, чтобы одно изъ русскихъ ученыхъ обществъ предприняло издать собраніе всѣхъ мѣстъ древнихъ писателей, относящихся къ исторіи и древностямъ сѣвернаго берега Чернаго моря, въ родѣ Стриттеровыхъ Memoriae populorum. Къ этому собранію было бы полезно приложить и копіи съ надписей, найденныхъ въ этихъ странахъ, и присовокупить къ тѣмъ и другимъ вѣрный русскій переводъ и замѣчанія, необходимо нужныя для того, чтобы содержаніе текста было понятно людямъ, не занимавшимся спеціальнымъ изученіемъ классической древности. Тогда бы всѣ любознательные обитатели края, и незнакомые съ греческимъ языкомъ и греческою литературою, могли бы сличать показанія древнихъ съ мѣстностями, которыя всегда будутъ извѣстнѣе туземнымъ жителямъ, нежели заѣзжимъ путешественникамъ, какъ бы ни была велика ревность послѣднихъ". Такъ писалъ покойный П. М. Леонтьевъ еще

35 лѣтъ тому назадъ [1]), но его словамъ до сихъ поръ суждено было оставаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Между тѣмъ необходимость такого рода трудовъ у насъ въ Россіи очевидна уже изъ того, что за исключеніемъ значительныхъ умственныхъ центровъ (какъ напримѣръ, городовъ университетскихъ) врядъ ли гдѣ найдутся столь богатыя общественныя или частныя историко-филологическія библіотеки, въ которыхъ были бы собраны въ подлинникахъ всѣ сочиненія древнихъ авторовъ, а не имѣя всѣхъ ихъ подъ рукою, не возможно заниматься изученіемъ ни древней исторіи, ни географіи, ни этнографіи припонтійскихъ, да частію и другихъ областей, входящихъ нынѣ въ составъ Россійской имперіи. Что необходимость для каждаго историка, филолога или археолога имѣть подъ рукою такіе сборники, въ которыхъ были бы сгруппированы всѣ извѣстія древнихъ объ этихъ странахъ, въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо признается неотложною, это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что въ программѣ недавно бывшаго въ Одессѣ археологическаго съѣзда въ двухъ или трехъ разныхъ редакціяхъ поставлено одно и то же desideratum: «составить сводъ всѣхъ извѣстій древнихъ о сѣверномъ и восточномъ побережьѣ Чернаго моря и о южной Россіи вообще, въ переводѣ и съ поясненіями» [2]). Безъ сомнѣнія, подобныя же desiderata относительно Кавказа выставлялись и на V археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ 1881 г. въ Тифлисѣ: по крайней мѣрѣ составитель сборника, о которомъ мы намѣрены здѣсь говорить, въ началѣ предисловія къ нему заявляетъ, что именно этотъ съѣздъ подалъ ему поводъ къ составленію его труда. Такимъ образомъ мы должны привѣтствовать г. Гана, какъ перваго дѣятеля на такомъ поприщѣ, на которомъ давно уже слѣдовало бы работать русскимъ филологамъ, но къ сожалѣнію, на сколько мы знаемъ, до сихъ поръ ничего еще не было сдѣлано, кромѣ переводовъ нѣсколькихъ мѣстъ отдѣльныхъ авторовъ [3]). Подобно большинству первыхъ попытокъ, трудъ г. Гана не свободенъ отъ недостатковъ; но строго осуждать ихъ нельзя уже потому, что составитель, по его собственному заявленію въ предисловіи, работалъ

---

[1]) Пропилеи, т. I, отд. 2, стр. 86.

[2]) См. Приложеніе къ программѣ VI археол. съѣзда въ Одессѣ, стр. 5 и 9. Считаю себя въ правѣ замѣтить здѣсь, что предварительныя работы для изданія, которое удовлетворило бы этой потребности, уже начаты.

[3]) Такіе переводы, впрочемъ не всегда удовлетворительные, встрѣчаются въ нѣсколькихъ томахъ *Записокъ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей.*

въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ вслѣдствіе неимѣнія въ Тифлисѣ хорошей филологической библіотеки; по этой же причинѣ ему, по видимому, остались неизвѣстны существующіе въ западной ученой литературѣ сборники, однородные съ его трудомъ по характеру и цѣлямъ и потому могшіе служить ему въ большей или меньшей степени образчиками при выборѣ и распредѣленіи матеріала[1]), равно какъ и пособія, которыя могли бы облегчить самое его собираніе. Въ виду того, что всѣ промахи и недостатки труда г. Гана легко устранимы путемъ тщательной его переработки, послѣ которой онъ дѣйствительно можетъ принести не малую пользу всѣмъ интересующимся древнею исторіей, географіей и этнографіей Кавказа, мы и позволяемъ себѣ высказать здѣсь о нихъ нѣсколько замѣчаній, при чемъ однако не намѣрены слишкомъ вдаваться въ частности именно потому, что частныхъ замѣчаній чрезвычайно разнообразнаго характера можно было бы сдѣлать весьма много, и наша статья вслѣдствіе того разрослась бы до чрезчуръ широкихъ размѣровъ; мы предпочитаемъ отмѣтить здѣсь только наиболѣе выдающіеся промахи труда г. Гана, иллюстрируя каждый изъ нихъ нѣсколькими примѣрами, число которыхъ безъ всякаго труда могло быть значительно увеличено.

Важнѣйшимъ изъ всѣхъ недостатковъ книги г. Гана кажется намъ отсутствіе въ ней подлинныхъ текстовъ авторовъ. Онъ былъ бы еще отчасти извинителенъ, еслибы составитель не могъ прибавить текстовъ по независящимъ отъ него причинамъ, напримѣръ, по типографскимъ условіямъ (хотя и въ такомъ случаѣ лучше было бы напечатать книгу въ другомъ городѣ, нежели отказываться отъ текстовъ); но кажется, что составитель исключилъ ихъ совершенно сознательно. Онъ говоритъ въ предисловіи: „Такъ какъ произведенія древнихъ писателей въ подлинникѣ недоступны большинству нашей образованной публики, и часть ихъ вообще трудно достать, а интересъ къ археологіи у насъ несомнѣнно существуетъ, то представляется необходимость оказать этой публикѣ услугу собираніемъ и переводомъ матеріаловъ изъ древнихъ писателей“. Намъ кажется, что составитель невѣрно судитъ здѣсь о томъ, кто будетъ составлять главный контингентъ читателей его книги: „образованная публика“

[1]) Изъ такихъ трудовъ укажемъ напримѣръ: Quellenbuch zur Schweizergeschichte, eine Sammlung aller auf die heutige Schweiz bezüglichen Stellen der Griech. und Röm. Autoren etc., bearb. von Dr. *Wilh. Gisi* (Bern. 1869).



едва ли станетъ читать „извѣстія древнихъ писателей о Кавказѣ" ради своего удовольствія, хотя бы даже въ болѣе изящномъ переводѣ, чѣмъ тотъ, какой предложилъ г. Ганъ; къ своду этихъ извѣстій стали бы обращаться главнымъ образомъ лица, почему-либо спеціально интересующіяся тою или другою стороной свѣдѣній древнихъ о Кавказѣ, а стало быть, въ большинствѣ случаевъ причастныя къ исторіи, филологіи или археологіи; такія лица, безъ сомнѣнія, сказали бы большое спасибо составителю за удобство всегда имѣть подъ рукой въ одномъ томикѣ всѣ извѣстія древнихъ о Кавказѣ и за избавленіе ихъ, такимъ образомъ, отъ необходимости тратить время на отыскиваніе въ полныхъ изданіяхъ авторовъ иной разъ какой-нибудь коротенькой и маловажной цитаты или на пріискиваніе самихъ извѣстій, относящихся къ Кавказу, въ трудахъ нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ и мало читаемыхъ писателей, изданія которыхъ, въ добавокъ, иногда на столько рѣдки или дороги, что далеко не всякій спеціалистъ можетъ имѣть ихъ въ своей частной библіотекѣ. Но такія лица, развѣ за немногими исключеніями, навѣрное на столько знакомы съ древними языками, что въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія не сочтутъ для себя возможнымъ iurare in verba г. Гана и обратятся къ подлиннику для провѣрки его перевода; а стало быть, книжка г. Гана можетъ оказать имъ услугу только указаніями, у какого автора и въ какомъ мѣстѣ говорится о томъ или другомъ предметѣ. Прибавимъ еще, что въ вышеприведенныхъ словахъ П. М. Леонтьева и въ программѣ Одесскаго съѣзда переводъ текстовъ представляется дѣломъ второстепеннымъ, хотя и необходимымъ. Намъ скажутъ, быть можетъ, что съ прибавленіемъ текстовъ увеличился бы вдвое объемъ книги, а стало быть, и цѣна ея; но всякій историкъ, филологъ или археологъ, конечно, предпочелъ бы заплатить 3 р. за удобство имѣть всегда подъ рукою всѣ (или по крайней мѣрѣ главнѣйшія) извѣстія древнихъ о Кавказѣ, чѣмъ 1 р. 25 коп. за книгу, которая можетъ оказать ему ничтожную сравнительно, услугу и не избавляетъ его отъ необходимости обращаться къ изданіямъ подлинниковъ. Поэтому мы позволяемъ себѣ настоятельно совѣтовать г. Гану, какъ при могущемъ понадобиться второмъ изданіи этой первой части, такъ и при выпускѣ въ свѣтъ обѣщанной имъ второй части, непремѣнно дать и подлинные тексты. Во 2-й части, которая, по словамъ составителя, будетъ заключать въ себѣ главнымъ образомъ византійскихъ писателей, это еще болѣе необходимо, такъ какъ изданія византійцевъ навѣрное не считаются насущною необходимостью даже хорошихъ частныхъ библіотекъ.

Само собою разумѣется, что тексты должны быть приводимы по лучшимъ критическимъ изданіямъ, и притомъ съ указаніемъ важнѣйшихъ разночтеній рукописей и поправокъ новыхъ ученыхъ[1]).

Овербекъ въ предисловіи къ своему собранію источниковъ для исторіи искусствъ у грековъ совершенно справедливо говоритъ, что самыя главныя требованія, которыя могутъ быть предъявлены къ подобному труду—полнота и исправность. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ трудъ г. Гана не вполнѣ удовлетворителенъ. Съ одной стороны, онъ даетъ слишкомъ много, съ другой—читатель не находитъ въ немъ кое-чего такого, что считаетъ себя вправѣ искать въ подобномъ трудѣ. Этотъ недостатокъ главнымъ образомъ, кажется, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что г. Ганъ не составилъ себѣ предварительно яснаго и опредѣленнаго плана для своего труда и потому не сумѣлъ разобраться какъ слѣдуетъ въ своемъ матеріалѣ, отдѣлить нужное отъ излишняго, отчасти же и тѣмъ, что нѣкоторыхъ авторовъ у него совершенно не было подъ рукой, а можетъ быть не было и хорошаго атласа. Кажется, что только этому послѣднему обстоятельству можно приписать то, что составитель нерѣдко выходитъ за тѣ достаточно широкія границы, которыя онъ самъ себѣ назначилъ. Онъ говоритъ въ предисловіи: „Въ географическомъ отношеніи замѣтки [?] эти касаются не только территоріи настоящаго Кавказа, но и сосѣднихъ земель, такъ какъ у древнихъ писателей довольно шатко обозначеніе границъ между кавказскими и сосѣдними съ ними народами; затѣмъ, мнѣ кажется, что мѣстами лучше дать лишнее, чѣмъ дѣлать сокращенія. Наконецъ, само собою разумѣется, что при описаніи одного народа должно брать во вниманіе и тѣ сосѣдніе народы, съ которыми тотъ соприкасался, велъ торговлю или войну. Объемъ пространства, занимаемаго этими народами, приблизительно слѣдующій: перешеекъ между Каспійскимъ и Чернымъ морями, ограниченный съ сѣвера прямой линіей, начиная съ устьевъ рѣки Дона до устьевъ рѣки Волги, а съ юга отъ устьевъ рѣки Икилъ-

---

[1]) Составитель нигдѣ, кромѣ приложенія (о которомъ см. ниже), не указываетъ, по какимъ изданіямъ переводилъ онъ того или другого автора, а дѣлать объ этомъ розыски посредствомъ сличенія переводовъ г. Гана съ разными изданіями, мы, конечно, не давали себѣ труда. Однако относительно Страбона можно сразу замѣтить, что составитель пользовался какимъ-нибудь старымъ и плохимъ изданіемъ: напримѣръ, въ XI, 2, 11 (стр. 61) у г. Гана вмѣсто 'Ασπουργιανοί являются 'Ασπουγγιτανοί, ibid. 15 (стр. 63) вмѣсто Σχυδίσης—Σκοιδίσης и т. п.



Ирмака (Казальмака) до города Решта". Границы эти на столько широки, что можно бы смѣло держаться внутри ихъ (юго-западная граница, по нашему мнѣнію, даже слишкомъ далеко взята), и извѣстія о народахъ, жившихъ внѣ отмѣченныхъ предѣловъ, кажутся намъ излишними, даже извѣстія географическія и этнографическія, не говоря уже о миѳологическихъ и историческихъ. А ихъ можно указать не мало. Такъ напримѣръ, на стр. 12 и 14 переводится кое-что изъ Геродота о походѣ Кира на массагетовъ, которые, по прямому показанію отца исторіи, жили къ востоку отъ Каспійскаго моря. На стр. 15 приводится изъ Геродота же перечисленіе народовъ, входившихъ въ составъ 11-й, 15-й и 18-й сатрапій Персидскаго государства, тогда какъ первыя двѣ находились также къ востоку отъ Каспія, а матіены жили въ Ассиріи. Эксцерпты изъ Ксенофонтова 'Ανάβασις (стр. 26—41) обнимаютъ собою весьма значительное протяженіе пути грековъ— отъ вступленія ихъ въ землю кардуховъ до прибытія въ Котіоры. Собственно говоря, на Кавказѣ-то Кировцы вовсе не были; но если даже понимать его въ такомъ широкомъ смыслѣ, какъ г. Ганъ, то все-таки можно было бы начать отъ вступленія ихъ въ Арменію (IV, 4, 1) или даже въ землю таоховъ (IV, 7, 1), но за то дѣлать меньше пропусковъ, чтобы читатели могли яснѣе представить себѣ походъ грековъ со всѣми его приключеніями и невзгодами. Совершенно излишнимъ кажется намъ и включеніе разказовъ Діодора и Плутарха (Діод. XVII 75 сл., у г. Гана на стр. 92 сл.; Плут. біогр. Алекс. 44 сл., на стр. 126 сл.) о походѣ Александра въ Гирканію, до которой вѣдь Кавказскія земли уже никакъ не простирались. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ включеніе извѣстій древнихъ можно объяснить только тѣмъ, что составитель смѣшивалъ нашъ Кавказъ (Скиѳскій) съ Индійскимъ; такъ напримѣръ, при извлеченіяхъ изъ Курція Руфа (стр. 145), Солина (стр. 181) и другихъ. Изъ этихъ примѣровъ (число которыхъ можно было бы значительно увеличить) уже видно, что авторъ не разъ переступаетъ начертанныя имъ самимъ южныя границы Кавказскихъ земель; но то же самое можно сказать и о сѣверныхъ; такъ напримѣръ, на стр. 17 сл. приводится цѣликомъ извѣстный длинный разказъ Геродота (IV, 110—117) о борьбѣ скиѳовъ съ амазонками и о происхожденіи савроматовъ. Неужели и онъ относится къ Кавказу? Вѣдь Геродотъ прямо говоритъ, что борьба происходила къ сѣверу отъ Мэотиды, въ окрестностяхъ Кремновъ, а послѣ нея скиѳы, женившіеся на амазонкахъ, перейдя рѣку Танаидъ, „пошли къ востоку, на три дня пути отъ Танаида и на три дня пути

отъ Мэотиды къ сѣверу". Укажемъ еще на стр. 188 сл., гдѣ приводятся изъ Амміана Марцеллина извѣстія о народахъ, населявшихъ всю нынѣшнюю южную Россію: савроматахъ, неврахъ, гелонахъ, агаѳирсахъ, меланхлэнахъ, аланахъ и другихъ. Остается только спросить составителя: почему же онъ не привелъ извѣстій объ этихъ народахъ и изъ Геродота и другихъ авторовъ? Особенно много лишняго нашли мы въ разказахъ объ амазонкахъ. Составитель, по видимому, питаетъ къ нимъ особенное пристрастіе и перѣдко приводитъ такія извѣстія, которыя къ Кавказу не имѣютъ ровно никакого отношенія. Тутъ прежде всего надо замѣтить, что самое мѣсто поселенія, обыкновенно отводимое амазонкамъ авторами (въ Ѳемискирѣ у рѣки Ѳермодонта), находилось уже не на Кавказѣ; поэтому составитель имѣлъ бы полное право ограничиться только приведеніемъ извѣстій о приписываемыхъ имъ экспедиціяхъ на Кавказъ и чрезъ Кавказъ въ Скиѳію, такъ какъ его трудъ есть сводъ извѣстій о Кавказѣ, а не объ амазонкахъ; между тѣмъ, не говоря уже о множествѣ подробностей объ образѣ жизни амазонокъ у Ѳермодонта, мы находимъ въ книгѣ г. Гана извѣстія и о походѣ ихъ подъ Трою на помощь Пріаму, и о борьбѣ съ ними Ѳесея, и о слѣдахъ ихъ пребыванія въ Аттикѣ (Павсаній, стр. 128 сл.), и объ экспедиціи на островъ Левку, нынѣшній Змѣиный (Филостратъ, стр. 176 сл.), и объ основаніи ими городовъ въ Малой Азіи, и много-много другихъ разказовъ, такъ что именемъ амазонокъ испещрены чуть не всѣ страницы книги. Между множествомъ лишняго о нихъ есть напримѣръ на стр. 95 слѣдующая картинка изъ Проперція: ...„Толпа воинственныхъ амазонокъ съ обнаженными грудями купается въ волнахъ Ѳермодонта". Рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ она попала въ книгу г. Гана. Во всякомъ случаѣ къ Кавказу она не имѣетъ никакого отношенія, ничего новаго объ амазонкахъ не сообщаетъ, да и у самого-то Проперція прибавлена лишь ради сравненія съ амазонками спартанокъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ данной элегіи. Приводя объ амазонкахъ такъ много разказовъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ предмету его книги, составитель тѣмъ самымъ даетъ читателямъ право ожидать, что они найдутъ у него полный сводъ извѣстій древнихъ объ этихъ миѳическихъ воительницахъ; но подобныя ожиданія оказываются напрасными: раскройте любое сочиненіе по греческой миѳологіи, хотя бы, напримѣръ, Преллера или новый миѳологическій словарь Рошера, и вы увидите тамъ не мало ссылокъ на такихъ авторовъ, которыхъ напрасно будете искать въ книгѣ

г. Гана. Въ видѣ примѣра укажемъ, что о помощи, оказанной амазонками троянцамъ, и о судьбѣ Пенѳесилеи г. Ганъ привелъ извѣстія Виргилія (стр. 84), Діодора (стр. 87), Павсанія (стр. 129 сл.), Клавдія Клавдіана (стр. 194). Неужели это и все? А гдѣ же Квинтъ Смирнскій, Ноннъ, Евстаѳій и другіе схоліасты, Овидій, Проперцій? Составитель нигдѣ (за исключеніемъ одного случая, который сейчасъ будетъ указанъ) не говоритъ ни слова о причинахъ включенія однихъ извѣстій и опущенія другихъ, и читатель совершенно напрасно сталъ бы ломать себѣ голову, пріискивая хоть какое-нибудь объясненіе этихъ причинъ. То же самое можно сказать и относительно преданій о походѣ Аргонавтовъ и о мученіи Промеѳея: если смотрѣть на приводимыя г. Ганомъ извѣстія съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ Кавказу, то найдется много лишняго, а если искать въ его книгѣ всего, что̀ оставила намъ древность объ этихъ миѳахъ, то многаго не окажется [1]). Если мы оставимъ область миѳологіи и обратимся къ извѣстіямъ чисто историческаго или географическаго характера, то и тутъ найдемъ не меньше странностей: изъ однихъ авторовъ г. Ганъ вноситъ извѣстія, не имѣющія отношенія къ Кавказу, или ничего не значащія упоминанія о немъ [2]), изъ другихъ—

[1]) На стр. 7 составитель дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «Преданіе о Прометеѣ у Гезіода... и у Эсхила..., не помѣщено тутъ, потому что эти писатели указываютъ то мѣсто, гдѣ былъ прикованъ Прометей, не на Кавказѣ, а называютъ какую-то скалу въ степяхъ Скиѳіи. Одно мѣсто у Эсхила (стр. 718) прямо даже не допускаетъ и предположенія, что Прометей былъ прикованъ къ Кавказу". Однако впослѣдствіи г. Ганъ какъ бы забылъ эту оговорку и приводитъ такія преданія о Промеѳеѣ, въ которыхъ вовсе не упоминается о Кавказѣ (ср. стр. 42, 206, 207). Настоящимъ курьезомъ въ этомъ отношеніи является на стр. 55 цитата изъ Цицер. Tuscul. II, 10: тамъ, какъ извѣстно, Цицеронъ даетъ стихотворный переводъ длинной тирады (28 стиховъ) Промеѳея изъ Эсхила. Составитель привелъ изъ нея 4 заключительные стиха слѣдующаго содержанія: „И это горестное страданіе, накопившееся въ продолженіе ужасныхъ вѣковъ, терзаетъ мое тѣло, изъ котораго, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, сочатся растаявшія капли и падаютъ постоянно на Кавказскія горы". На сколько важны эти слова Промеѳея для цѣлей составителя, предоставляемъ судить читателямъ, равно какъ и о литературномъ достоинствѣ перевода, приведеннаго нами дословно. Отмѣтимъ только, что эта цитата стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ приведеннымъ объясненіемъ составителя.

[2]) Желательно было бы узнать, напримѣръ, зачѣмъ составителю понадобилось внести (стр. 84) упоминаніе о Кавказѣ у Овидія въ перечисленіи горъ, пострадавшихъ при міровомъ пожарѣ, произведенномъ Фаетонтомъ,—упоминаніе, состоящее всего изъ двухъ словъ „Caucasus ardet"? Чѣмъ оно интересно? Развѣ



опускаетъ то, что̀ прямо относится къ его области; даже одни и тѣ же извѣстія онъ изъ однихъ авторовъ приводитъ, изъ другихъ опускаетъ. Г. Ганъ, правда, можетъ сослаться на одно изъ своихъ замѣчаній въ предисловіи, именно слѣдующее: „Въ иныхъ мѣстахъ мы дѣлали самыя короткія выписки, чтобы только показать, въ какое время и у какого писателя впервые упоминается названіе того или другого народа, города и т. п.; въ другихъ же мѣстахъ мы довольствовались выпискою однихъ только характерныхъ эпитетовъ". Мы однако душевно желали бы совсѣмъ не читать этого замѣчанія, такъ какъ оно является лишь удобною лазейкою для того, чтобъ ускользнуть отъ любаго справедливаго требованія, и можетъ оправдать самый широкій произволъ. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы прежде всего какъ можно тщательнѣе выдѣлить въ древней литературѣ все то, что̀ имѣетъ прямое отношеніе къ Кавказу, но затѣмъ уже въ этомъ избранномъ матеріалѣ не позволять себѣ никакихъ пропусковъ и сокращеній, даже и тогда, когда разные авторы говорятъ одно и тоже о томъ или другомъ предметѣ: только въ такомъ случаѣ книга могла бы быть названа полнымъ сводомъ извѣстій древнихъ о Кавказѣ и имѣла бы цѣну и значеніе. Между тѣмъ составитель, какъ мы уже замѣтили, не разъ выпускаетъ такія извѣстія у одного автора, которыя приводитъ изъ другихъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. На стр. 25 встрѣчаемъ мы цитату изъ Лисія or. funebr. § 4 объ образѣ жизни амазонокъ; по нашему мнѣнію, она совершено излишня; но если составитель счелъ нужнымъ дать ее, то почему же, спрашивается, опустилъ онъ слѣдующій параграфъ— о нападеніи амазонокъ на Аттику, извѣстія о которомъ изъ другихъ авторовъ онъ приводитъ? Или другой примѣръ: исторію Воспорскаго царства составитель исключилъ изъ своей книги, по видимому, намѣренно даже въ тѣхъ случаяхъ, когда театромъ тѣхъ или другихъ событій, относящихся къ этой исторіи, являются мѣстности на восточномъ берегу Мэотиды и Понта Евксинскаго (есть, правда, и исключенія): между тѣмъ на стр. 26 вдругъ является выписка изъ Демосѳена объ отношеніяхъ къ аѳинянамъ Левкона Воспорскаго, самое имя котораго встрѣчается тутъ единственный разъ во всей

только какъ доказательство того, что Овидій зналъ о Кавказѣ; но вѣдь въ этомъ никто не сомнѣвается; или г. Ганъ вѣритъ въ дѣйствительность Фаэтонтова пожара и считаетъ два слова Овидія важнымъ свидѣтельствомъ о какомъ-нибудь вулканическомъ переворотѣ на Кавказѣ?

книгѣ. При этомъ составитель забылъ даже отмѣтить, изъ какой рѣчи Демосѳена взята приведенная фраза; она находится въ § 31 рѣчи противъ Лептина, но этимъ параграфомъ вовсе не ограничиваются упоминанія Демосѳена о царяхъ Воспорскихъ; является невольный вопросъ: чѣмъ же приведенная фраза такъ заинтересовала составителя, и чѣмъ объясняется исключеніе другихъ цитатъ, которыя могли бы быть приведены изъ Демосѳена?—На стр. 54 составитель приводитъ изъ стихотворнаго землеописанія, приписываемаго Скимну Хіосскому, только переводъ стиховъ 874—889 (считая по изданію въ Geographi Graeci minores К. Мюллера, т. I), тогда какъ слѣдовало бы начать со стиха 865 и довести по крайней мѣрѣ до ст. 899 или даже до ст. 916, если принять во вниманіе, что изъ другихъ авторовъ приводятся свѣдѣнія и о мосинѣкахъ и тибаренахъ, хотя эти народы жили уже не на Кавказѣ. На стр. 60, въ переводѣ извѣстій Страбона, замѣчается большой пропускъ о Танаидѣ и прибрежныхъ мѣстностяхъ Мэотиды до Короcондамы (XI. 2, 2—8), пропускъ трудно объяснимый, такъ какъ извѣстія другихъ писателей объ этихъ мѣстностяхъ у г. Гана попадаются нерѣдко, и ужъ во всякомъ случаѣ положительныя извѣстія Страбона гораздо больше заслуживаютъ вниманія, чѣмъ, напримѣръ, сказки псевдо-Плутарха о Танаидѣ, цѣликомъ приведенныя г. Ганомъ на стр. 155. Изъ Помпонія Мелы на стр. 97 вообще заимствовано слишкомъ мало; такъ изъ I, 2 взята только фраза: „Надъ Каспійскимъ заливомъ живутъ хамары, массагеты, каджіи [опечатка вм. кадусіи], гирканы, иберы...“; между тѣмъ въ подлинникѣ непосредственно за этою фразой названы излюбленныя г. Ганомъ амазонки и такіе народы, которые жили на самомъ Кавказѣ, какъ напримѣръ, геніохи, горгиппіи, а далѣе мосхи, матіаны, тибарены и др., которые нерѣдко попадаются въ книгѣ г. Гана въ цитатахъ изъ другихъ писателей; является поэтому естественное недоумѣніе, почему перечисленіе ихъ у Мелы показалось составителю недостойнымъ вниманія. Цитата изъ 19-й гл. I-й книги того же Мелы начинается слѣдующею безсмыслицей: „Керасунтъ и Трапезондъ [sic!]—самые знаменитые города“. Спрашивается, знаменитые почему? и знаменитые гдѣ? Безсмыслица произошла отъ того только, что составитель началъ цитату съ запятой, такъ какъ фраза Мелы въ полномъ видѣ вполнѣ понятна: „Dein minus feri, verum et hi inconditis moribus, Macrocephali, Becheri, Buzeri: rarae urbes; Cerasus et Trapezus maxime illustres“. Впрочемъ, еслибы составитель хотѣлъ быть послѣ-

довательнымъ, то долженъ былъ бы начать и не съ этой фразы, а нѣсколькими строками выше, такъ какъ изъ другихъ авторовъ онъ приводитъ показанія и объ амазонкахъ, халибахъ и моссинахъ или мосинёкахъ; не думаемъ, чтобъ онъ исключилъ описаніе жизни моссиновъ по причинѣ нѣкоторыхъ щекотливыхъ подробностей, такъ какъ такія подробности и о другихъ народахъ и о самихъ моссинахъ въ другихъ мѣстахъ приводятся составителемъ безъ стѣсненія en toutes lettres. И закончить выдержку изъ этой главы слѣдовало бы ниже, такъ какъ за синдонами слѣдуетъ описаніе прибрежья Мэотиды, которое входитъ въ начертанные составителемъ (см. выше) предѣлы его труда. Къ землеописанію Діонисія періегета (изъ котораго тоже заимствовано далеко не все, что̀ слѣдовало) прибавлены только комментаріи Евстаѳія, а о перифразахъ, даже Авіена и Присціана, не упомянуто ни однимъ словомъ (стр. 132 сл.). Изъ перипла Безыменнаго почему-то переведенъ только § 92 (разстояніе отъ Амиса до Мэотиды), тогда какъ слѣдовало бы перевести по крайней мѣрѣ §§ 43—48, заключающіе въ себѣ описаніе прибрежья Мэотиды. Для всѣхъ подобныхъ пропусковъ—а ихъ въ книгѣ г. Гана не мало—врядъ ли могутъ быть найдены уважительныя причины. Можно было бы также пріискать значительное количество относящихся къ Кавказу извѣстій, почему-то совсѣмъ не включенныхъ г. Ганомъ въ сборникъ, но вопервыхъ, мы не считаемъ обязанностью рецензента такое облегченіе труда составителя, а вовторыхъ, читатели, вѣроятно, уже успѣли составить себѣ достаточно ясное понятіе о недостаткахъ разсматриваемаго труда со стороны полноты.

Въ трудахъ, подобныхъ изданному г. Ганомъ, кромѣ возможной полноты матеріала, весьма важную роль играетъ наиболѣе удобное для читателей и цѣлесообразное его распредѣленіе. Принятое составителемъ распредѣленіе чисто хронологическое, по времени жизни писателей, представляется намъ во многихъ отношеніяхъ непригоднымъ: 1) въ такомъ случаѣ оказывается затруднительнымъ размѣщеніе такихъ писателей, которые жили одновременно или о времени жизни которыхъ у насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній; 2) что̀ гораздо важнѣе, читателю не представляется возможности сосредоточить свое вниманіе на одномъ какомъ-либо предметѣ или одной сторонѣ извѣстій древнихъ, такъ какъ цитаты самаго разнороднаго содержанія проходятъ предъ его глазами, какъ въ калейдоскопѣ. Раскройте, напримѣръ, хотя бы стр. 26: тутъ прочтете сначала о каспійскихъ козахъ и верблюдахъ, затѣмъ о томъ, что Левконъ освободилъ отъ пошлины суда,

отправлявшіяся въ Аѳины, наконецъ, что кардухи при приближеніи 10,000 грековъ покинули свои жилища, въ которыхъ было много мѣдной посуды, и бѣжали въ горы; на стр. 94 сл. найдете сначала разказъ о встрѣчѣ Александра Великаго съ Ѳалестріей, потомъ кое что о Миѳридатѣ, о кавказскихъ деревьяхъ и о купаньѣ амазонокъ въ Ѳермодонтѣ; на стр. 180 еще больше пестроты: тутъ и иберійскія собаки, и основаніе Діоскуріады, и истоки Аракса и Фасида, и Помпей Великій, и трагелафы, и отроги Тавра. Понятно, что при такомъ расположеніи матеріала нѣтъ никакой возможности читать книгу послѣдовательно, страницу за страницей, если читатель пожелаетъ спасти свою голову отъ невообразимаго сумбура; если же ему захочется познакомиться въ болѣе связномъ видѣ съ какимъ-либо однимъ отдѣломъ извѣстій, то придется поминутно заглядывать въ указатель и потомъ перелистывать всю книгу. Намъ казалось бы наиболѣе цѣлесообразнымъ раздѣленіе всей массы извѣстій на нѣсколько большихъ отдѣловъ по содержанію и затѣмъ уже соблюденіе хронологическаго порядка внутри каждаго отдѣла. Главные отдѣлы могли бы быть слѣдующіе: а) извѣстія географическія, этнографическія и естественно-историческія [1]), б) миѳологическія и в) историческія. При этомъ, конечно, пришлось бы иногда раздѣлять извѣстія одного и того же писателя и помѣщать ихъ въ разныхъ мѣстахъ книги, но что же въ этомъ за бѣда? Еслибъ издатель хотѣлъ быть вполнѣ внимательнымъ къ удобствамъ читателей, то прибавилъ бы страничку указателя, — и дѣло облегчено: Геродота см. на страницѣ такой-то и такой-то, Діодора тамъ-то и тамъ-то. Вѣдь подобный указатель есть и при книгѣ г. Гана. Извѣстія нѣкоторыхъ писателей вовсе даже не пришлось бы разъединять такимъ образомъ, такъ какъ они цѣликомъ подходятъ подъ ту или другую рубрику; а въ такихъ случаяхъ, когда въ массѣ извѣстій, положимъ, географическаго содержанія оказалась бы какая-нибудь замѣтка историческая (какъ напримѣръ, у Страбона) или на оборотъ, и выдѣленіе ея было бы по тѣмъ или другимъ причинамъ не возможно или не желательно,— на нее можно бы просто сдѣлать ссылку въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ того отдѣла, къ которому она относится по своему содержанію. При такой группировкѣ извѣстій по содержанію выяснилось бы,

---

[1]) Подраздѣленіе ихъ на болѣе мелкія группы не представляется возможнымъ, такъ какъ у большинства авторовъ они тѣсно связаны и перепутаны между собою.



кажется намъ, гораздо лучше и то, какія цитаты слѣдовало помѣстить цѣликомъ, какія — въ извлеченіи, какія совсѣмъ выкинуть. Интересно, напримѣръ, куда бы отнесъ тогда составитель цитату изъ Овидія о горѣніи Кавказа? Строгости и тщательности выбора извѣстій, особенно географическихъ и этнографическихъ, много способствовала бы также карта древнихъ поселеній на Кавказѣ, приложеніе которой къ подобному труду представляется намъ настоятельною необходимостью.

Говоря о расположеніи матеріала, нельзя не упомянуть объ одной странности въ трудѣ г. Гана, не поддающейся правдоподобному объясненію: почему отрывки изъ потерянныхъ сочиненій греческихъ историковъ, заимствованные изъ Fragmenta hist. Gr. Мюллера (кромѣ нѣсколькихъ фрагментовъ изъ Николая Дамасскаго, приведенныхъ по Вестерманову изданію парадоксографовъ), выдѣлены въ особое „приложеніе"? Составитель, безъ сомнѣнія, прекрасно знаетъ, что̀ помѣщается обыкновенно въ приложеніяхъ. Между тѣмъ цитаты изъ историковъ, заимствованныя изъ изданія Мюллера, не отличаются отъ прочихъ, помѣщенныхъ не въ „приложеніи", ни по характеру своего содержанія, ни по важности: между ними есть и миѳологическія извѣстія, и историческія, и географическія, и этнографическія; нѣкоторыя изъ нихъ представляются весьма интересными и касающимися Кавказа гораздо ближе, чѣмъ многія изъ помѣщенныхъ не въ „приложеніи". Наконецъ, можно предложить составителю и такой вопросъ: развѣ раньше онъ не помѣщалъ отрывковъ? развѣ сочиненія, напримѣръ, Гекатэя, Гелланика, Ктесія, Ефора, Ферекида, Ѳеопомпа, Мемнона и др. дошли до насъ въ цѣлости? и развѣ составитель не заимствовалъ отрывки нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей изъ того же изданія Мюллера? А если да, то чѣмъ же онъ руководствовался, помѣщая однѣ цитаты въ приложеніи, другія раньше его? Повторяемъ, что это „приложеніе" кажется намъ необъяснимою странностью.

Взглянемъ теперь на трудъ г. Гана съ точки зрѣнія втораго главнаго требованія Овербека, требованія исправности. Прежде всего и въ наибольшей степени оно можетъ быть примѣнено къ самимъ переводамъ автора, особенно въ виду того, что вслѣдствіе отсутствія въ книгѣ подлинныхъ текстовъ читатель лишенъ возможности немедленно и безъ труда провѣрить каждую фразу, точность перевода которой покажется ему подозрительною. Къ сожалѣнію, на сколько мы можемъ судить по нѣсколькимъ сдѣланнымъ нами сличе-

ніямъ, переводы г. Гана не могутъ быть признаны удовлетворяющими всѣмъ требованіямъ даже не особенно строгой критики, какъ со стороны точности, такъ и со стороны литературной обработки: нерѣдко можно встрѣтить какъ отдѣльныя выраженія, такъ и цѣлыя фразы, невѣрно или не вполнѣ передающія мысль автора, ослабляющія ее или усиливающія; нерѣдко также переводы оказываются вялыми, слишкомъ блѣдными или многословными; послѣднему впечатлѣнію много способствуетъ то обстоятельство, что составитель иногда вставляетъ въ текстъ перевода цѣлыя фразы объяснительныя, соединительныя и т. п., которыхъ нѣтъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ подлинника, не отмѣчая ихъ при этомъ скобками или другими знаками; вредитъ достоинству перевода также и то, что иногда составитель вноситъ прямо въ текстъ переводъ греческихъ или римскихъ мѣръ и вѣсовъ на русскія. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, читать, напримѣръ, въ переводѣ изъ Діодора такого рода фразу (стр. 92): „Говорятъ, что каждая лоза даетъ тамъ [то-есть, въ Гирканіи] большое количество вина (около 3 ведеръ), фиговое дерево приноситъ всегда не менѣе 10 четвериковъ плодовъ, и зерна хлѣба, падающіе [sic] на землю или остающіеся на землѣ послѣ жатвы, замѣняютъ посѣвъ и даютъ столь же обильную жатву, какъ и предыдущая“ [1]). Относительно перевода мѣръ и вѣсовъ, кстати сказать, замѣчается вообще большая непослѣдовательность: составитель то переводитъ ихъ на русскія прямо въ текстѣ, то ставитъ послѣднія рядомъ съ греческими или римскими въ скобкахъ, то выноситъ въ подстрочныя примѣчанія. Послѣдній способъ кажется намъ наиболѣе пригоднымъ изъ этихъ трехъ; но еще лучше было бы дать одинъ общій сравнительный указатель въ началѣ или въ концѣ книги, а затѣмъ уже въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ удерживать тѣ названія, которыя стоятъ у автора. Въ подстрочныхъ же примѣчаніяхъ, или по крайней мѣрѣ въ скобкахъ, должны бы быть поставлены и всѣ вышеупомянутыя объяснительныя или соединительныя фразы, что̀, впрочемъ, иногда составитель и дѣ-

---

[1]) Вотъ соотвѣтствующій текстъ Діодора (XVII, 75, изд. *Л. Диндорфа*): τῶν μὲν γὰρ ἀμπέλων φασὶν ἑκάστην μετρητὴν φέρειν οἴνου, τῶν δὲ συκίνων δένδρων ἔνια καρποφορεῖν ἰσχάδων ξηρῶν μεδίμνους δέκα· τὸν δ' ἐν τῷ θερισμῷ παραλειφθέντα σῖτον ἐπὶ τὴν γῆν πεσόντα βλαστάνειν ἄσπορον ὄντα καὶ πρὸς τὸ τέλος ἄγειν δαψιλῆ καρπόν. Предоставляя читателямъ самимъ судить о степени точности перевода г. Гана, замѣтимъ только, что метритъ немного больше 3-хъ ведеръ, а медимнъ почти вдвое больше четверика.



лаетъ [1]). Было бы очень долго и скучно подтверждать примѣрами наше мнѣніе относительно переводовъ г. Гана, тѣмъ болѣе, что такихъ примѣровъ на 211 страницахъ можно было бы набрать огромное количество, и изъ нихъ трудно было бы выбрать нѣсколько наиболѣе рельефныхъ; однако, не желая подвергнуться со стороны читателей или самого составителя упреку въ голословности нашего отзыва, считаемъ нелишнимъ выбрать на удачу два-три образчика переводовъ г. Гана и сопоставить ихъ en regard съ подлинникомъ, отмѣчая при этомъ разрѣженнымъ шрифтомъ мѣста, переведенныя особенно неточно или неудачно и т. п. Чтобы не далеко ходить, беремъ нѣсколько цитатъ изъ Геродота на стр. 12 и слѣд.:

I, 104. Ἔστι δὲ ἀπὸ τῆς λίμνης τῆς Μαιήτιδος ἐπὶ Φᾶσιν ποταμὸν καὶ ἐς Κόλχους τριήκοντα ἡμερέων εὐζώνῳ ὁδός, ἐκ δὲ τῆς Κολχίδος οὐ πολλὸν ὑπερβῆναι ἐς τὴν Μηδικήν, ἀλλὰ ἓν τὸ διὰ μέσου ἔθνος αὐτῶν ἐστί, Σάσπειρες, τοῦτο δὲ παραμειβομένοισι εἶναι ἐν τῇ Μηδικῇ· οὐ μέντοι οἵ γε Σκύθαι ταύτῃ ἐσέβαλον, ἀλλὰ τὴν κατύπερθε ὁδὸν πολλῷ μακροτέρην ἐκτραπόμενοι, ἐν δεξιῇ ἔχοντες τὸ Καυκάσιον οὖρος· ἐνθαῦτα οἱ μὲν Μῆδοι συμβαλόντες τοῖσι Σκύθῃσι καὶ ἑσσωθέντες τῇ μάχῃ τῆς ἀρχῆς κατελύθησαν, οἱ δὲ Σκύθαι τὴν Ἀσίην πᾶσαν ἐπέσχον.

Считаютъ отъ Меотійскаго болота (Азовскаго моря) до Фазиса и Колховъ тридцать дней пути для проворнаго пѣшехода. Изъ Колхиды же до Мидіи небольшое разстояніе. Въ з е м л ѣ, к о т о р а я и х ъ р а з д ѣ л я е т ъ, только одинъ народъ саспейры [2]); пройдя ихъ землю, сейчасъ будешь въ Мидіи. Скиѳы сдѣлали вторженіе не по этой дорогѣ, но, м и н о в а в ъ е е, в о с п о л ь з о в а л и с ь другой, которая была гораздо д а л ь ш е и л е ж а л а б о л ѣ е к ъ в о с т о к у, причемъ Кавказскія горы оставались у нихъ съ правой стороны. Мидяне, сражаясь съ скиѳами, потерпѣли пораженіе и владычество ихъ было низвергнуто; скиѳы же овладѣли всей Греціей [3]).

I, 202. Ἡ δὲ Κασπίη θάλασσά ἐστι ἐπ' ἑωυτῆς, οὐ συμμίσγουσα τῇ ἑτέρῃ θαλάσσῃ· τὴν μὲν γὰρ Ἕλληνες ναυτίλλονται πᾶσαν, καὶ ἡ ἔξω στηλέων θάλασσα ἡ Ἀτλαντὶς καλεομένη καὶ ἡ Ἐρυθρὴ μία τυγχάνει ἐοῦσα.

Это море стоитъ само по себѣ и не имѣетъ сообщенія съ другими морями, между тѣмъ какъ т ѣ, п о к о т о р ы м ъ плаваютъ Греки, такъ-называемое Атлантическое [2]), за Геркулесовыми столбами, и Красное море [3]) и м ѣ ю т ъ с о о б щ е н і е и составляютъ одно цѣлое.

---

[1]) Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что накопленіе такихъ скобокъ дѣйствуетъ непріятно на читателя, какъ напримѣръ, въ слѣдующей фразѣ изъ комментаріевъ Евстаѳія къ Діонисію періегету на стр. 139: «Эвдоксъ (125 г. до Р. Хр.) утверждаетъ (у Стеѳана Византійскаго) въ своемъ соч. «Періодосъ» (то-есть, «Поѣздка вокругъ земли»), что аріяне—фригійскаго происхожденія» и т. д.

[2]) Здѣсь я опускаю греческія названія, поставленныя у г. Гана въ скобкахъ.

[3]) Эта опечатка или описка составителемъ не исправлена.

II, 104. Φαίνονται μὲν γὰρ ἐόντες οἱ Κόλχοι Αἰγύπτιοι· νώσας δὲ πρότερον αὐτὸς ἢ ἀκούσας ἄλλων λέγω· ὡς δέ μοι ἐν φροντίδι ἐγένετο, εἰρόμην ἀμφοτέρους, καὶ μᾶλλον οἱ Κόλχοι ἐμεμνέατο τῶν Αἰγυπτίων ἢ οἱ Αἰγύπτιοι τῶν Κόλχων· νομίζειν δ' ἔφασαν Αἰγύπτιοι τῆς Σεσώστριος στρατιῆς εἶναι τοὺς Κόλχους· αὐτὸς δ' εἴκασα τῇδε, καὶ ὅτι μελάγχροές εἰσι καὶ οὐλότριχες· καὶ τοῦτο μὲν ἐς οὐδὲν ἀνήκει· εἰσὶ γὰρ καὶ ἄλλοι τοιοῦτοι· ἀλλὰ τοισίδε καὶ μᾶλλον, ὅτι μοῦνοι πάντων ἀνθρώπων Κόλχοι καὶ Αἰγύπτιοι καὶ Αἰθίοπες περιτάμνονται ἀπ' ἀρχῆς τὰ αἰδοῖα.

Жители Колхиды, кажется, — египтяне. Я здѣсь высказываю свое собственное мнѣніе,—не то, что я отъ другихъ слышалъ. И такъ какъ это мнѣ пришло въ голову, то я наводилъ справки у тѣхъ и другихъ. Жители Колхиды сохранили больше воспоминаній о египтянахъ, чѣмъ послѣдніе о первыхъ. Египтяне говорятъ, что, по ихъ мнѣнію, жители Колхиды — остатки войска Сезостриса. Свое мнѣніе я составилъ на томъ основаніи, что у колховъ темный цвѣтъ кожи и волоса курчавые; хотя эта причина имѣетъ мало значенія, такъ какъ есть и другіе народы, схожіе между собою въ этихъ двухъ отношеніяхъ, но я утвердилъ свое мнѣніе на болѣе важномъ фактѣ: колхи, египтяне и эѳіопы—единственные народы, которые постоянно придерживаются обряда обрѣзанія.

IV, 12. Καὶ νῦν ἔστι μὲν ἐν τῇ Σκυθικῇ Κιμμέρια τείχεα, ἔστι δὲ πορθμήια Κιμμέρια, ἔστι δὲ καὶ χώρη οὔνομα Κιμμερίη, ἔστι δὲ Βόσπορος Κιμμέριος καλεόμενος.

Существуютъ до сихъ поръ еще въ Скиѳіи Киммерійскія стѣны и Киммерійскій городъ Поремеіа [1]), страна Киммерія и проливъ, называемый Киммерійскимъ [2]).

Но довольно. Уже изъ этихъ выдержекъ очевидно, что многорѣчіемъ г. Ганъ перещеголялъ самого отца исторіи, но что точность перевода отъ этого не выиграла. Врядъ ли удачнѣе, вообще говоря, справляется онъ и съ другими авторами, но указать здѣсь всѣ мѣста, которыя показались намъ переведенными неточно, понятное дѣло, нѣтъ никакой возможности. Попадаются также, хотя изрѣдка, фразы, обличающія не русское происхожденіе переводчика.

Далѣе необходимо замѣтить, что при провѣркѣ цитатъ намъ неоднократно попадались указанія (на книги, главы и т. п.) или неполныя или не вполнѣ точныя и такимъ образомъ затрудняющія возможность немедленной провѣрки перевода автора. Доказательствъ приводить, полагаемъ, не нужно; одно, впрочемъ, уже отмѣчено нами

[2]) Ниже на той же стр. 16 г. Ганъ еще разъ называетъ Βόσπορος Κιμμέριος «Киммерійскимъ проливомъ», а въ другихъ мѣстахъ вездѣ «Киммерійскимъ Восѳоромъ» [sic]. Спрашивается, на чемъ основывается эта разница?



выше, именно полное отсутствіе указанія, изъ какой рѣчи Демосѳена заимствована тирада на стр. 26. Еще одну странность отмѣтимъ на стр. 172; здѣсь приведены изъ Юстина два отрывка, изъ которыхъ первый, обозначенный цифрами „24, 2“, оканчивается словами „привѣтствовали солдатъ Помпея, какъ братьевъ“, и затѣмъ съ красной строки начинается другой, предъ которымъ поставлены цифры „42, 3...“. Цифры эти, конечно, всякій пойметъ такъ, что первый отрывокъ взятъ изъ 2-й главы 24-й книги, а второй—изъ 3-й главы 42-й книги, и притомъ не съ начала главы, а послѣ пропуска нѣсколькихъ словъ или фразъ. Между тѣмъ на дѣлѣ оказывается, что оба отрывка заимствованы изъ 2-й и 3-й главъ 42-й книги и составляютъ одно цѣлое, такъ какъ между ними не пропущено ни одного слова, ни одной буквы. Зачѣмъ составителю понадобилось вводить такимъ образомъ въ заблужденіе своихъ читателей, рѣшительно не понимаемъ.

Кстати относительно пропусковъ. Намъ не одинъ разъ приходилось констатировать, что г. Ганъ ставитъ въ своемъ переводѣ многоточія, обозначающія пропуски, тамъ, гдѣ таковыхъ вовсе нѣтъ, и на оборотъ, не отмѣчаетъ иногда дѣйствительно сдѣланные пропуски. При сличеніи переводовъ съ подлинниками эти неточныя обозначенія, конечно, сразу обнаруживаются, но читателю, не желающему тратить время на сличенія, могутъ дать невѣрное понятіе о связи и послѣдовательности разказа того или другаго автора. И здѣсь ограничимся для краткости двумя-тремя примѣрами. На стр. 14 въ переводѣ изъ Геродота I, 104 читаемъ между прочимъ: ... „Киръ хотѣлъ отправиться въ походъ. Киръ подступилъ къ Араксу“ и т. д. Здѣсь послѣ слова „походъ“ пропущено 10 строкъ и слѣдующая фраза взята уже изъ главы 105-й. На стр. 15 не отмѣченъ пропускъ 12 строкъ въ концѣ 104-й гл. II кн. Геродота. На оборотъ въ переводѣ изъ III, 97 на стр. 16 вверху поставлено многоточіе тамъ, гдѣ въ переводѣ не пропущено ни одного слова, точно также на стр. 28 въ переводѣ изъ Ксен. Анаб. IV, 3, 1, на стр. 33—въ переводѣ изъ Анаб. IV, 7, 14 и т. д.; такихъ случаевъ можно было бы указать не одинъ десятокъ

Обращаемся къ русской транскрипціи греческихъ и латинскихъ собственныхъ именъ и другихъ словъ. Она составляетъ, какъ извѣстно, одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ русской историко-филологической литературы, и о необходимости введенія болѣе однообразной и раціональной транскрипціи нерѣдко раздаются въ ней голоса. Немного есть такихъ именъ, которыя пользуются, такъ-сказать, полнымъ пра-

вомъ гражданства въ той или другой транскрипціи, хотя иногда и неправильной; большинство же именъ менѣе извѣстныхъ или рѣже встрѣчающихся пишетъ всякій по своему. Здѣсь не мѣсто, конечно, разсуждать о преимуществахъ той или другой транскрипціи [1]); но во всякомъ отдѣльномъ сочиненіи, какого бы способа передачи именъ ни придерживался его авторъ, однообразіе и послѣдовательность въ этомъ отношеніи являются настоятельно необходимыми; въ такихъ трудахъ, гдѣ приходится придавать русскую форму многимъ именамъ и греческимъ, и латинскимъ, наиболѣе удобнымъ способомъ соблюсти необходимую послѣдовательность представляется намъ транскрипція латинской, а не греческой формы именъ [2]). Однако самая мысль о соблюденіи послѣдовательности транскрипціи, какъ кажется, и въ голову не приходила г. Гану, и слѣдствіемъ этого явилась удивительная пестрота въ формахъ собственныхъ именъ. Передача ихъ на русскій языкъ, очевидно, сильно затрудняла его, и поэтому онъ въ большинствѣ случаевъ при русской формѣ имени ставилъ и греческую или латинскую, но именно эти-то сопоставленія очень наглядно изобличаютъ отсутствіе у составителя опредѣленныхъ воззрѣній относительно передачи по русски тѣхъ или другихъ звуковъ. Такъ напримѣръ, греч. θ составитель въ большинствѣ случаевъ передаетъ чрезъ *ѳ* (иногда и лат. th, напримѣръ, Ѳаллы, Сеѳеріесъ и пр. изъ Плинія на стр. 105), но нерѣдко также и чрезъ *т* (напримѣръ, Техесъ=Θήχης, Тезей, Тимоситей, Прометей, антропофаги, фтирофаги и пр.) и даже чрезъ *ф* (Фракія, фракійцы въ указателѣ). Греч. κ передается иногда чрезъ *ц* (напримѣръ, Цирцея, Буцефалъ и др.; это, конечно, можно объяснить желаніемъ составителя сохранить обычную у насъ неправильную транскрипцію этихъ именъ; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же составитель на стр. 52 удержалъ „Кирку"?) и даже чрезъ *з* (напримѣръ, Фарна*з*есъ стр. 61, Фарна*з*ея стр. 103; это уже врядъ ли можно чѣмъ-нибудь извинить). Звукъ σ или s между двумя гласными передается то чрезъ *с*, то чрезъ *з* совершенно безразлично, даже въ однихъ и тѣхъ же именахъ; напримѣръ, Ка*з*ій на стр. 109 и Ке*с*ій (та же рѣка) на стр. 169, Коми*с*ена и Сака*с*ена на стр. 78, но

---

[1]) Ср. объ этомъ замѣчанія *И. В. Помяловскаго* въ рецензіи русскихъ переводовъ словаря Любкера въ *Журн. М. Н. Пр.* мартъ 1884, стр. 133.

[2]) Въ этихъ видахъ самъ рецензентъ отступилъ на этотъ разъ отъ транскрипціи по Рейхлину, которой онъ обыкновенно придерживается.

тамъ же Камбизена и вообще имена странъ на-σηνή передаются то въ формѣ -зена, то -сена, то наконецъ, -зене или -сене. Буквы *е* и *э* употребляются безразлично, иной разъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ, напримѣръ, Эврисѳей на стр. 87, 91 и др. и Еврисѳей на стр. 206 (издатель счелъ нужнымъ поставить обѣ формы даже въ указателѣ!). Относительно передачи дифтонговъ господствуетъ, смѣемъ сказать, полнѣйшій произволъ. Напримѣръ, αι обыкновенно передается чрезъ *е* или *э* безразлично (лакедемоняне, ахеи, Эгиніосъ, Кесій и мн. др.), но также и чрезъ *ай* (Айэтъ, Аіа, Телайба, Палайфатъ и др.); дифтонгъ ει обыкновенно=*ей* (бехейры, Одейніосъ, саспейры), но иногда=*е* (Стаменея, Энанѳея и т. под.); для передачи дифтонга οι обыкновенно употребляется *е* или *э* (моссинэки, Энанѳея и т. под.), однако иногда и *ой* (Хойрадесъ, Бойбеисъ и др.); лат. *oe* обыкновенно передается, конечно, чрезъ *е*, но на стр. 105 встрѣчается удивительная форма Круное=Crunoe; неудобство одинаковой передачи дифтонговъ αι и οι особенно рельефно выразилось въ формѣ хамекеты=Χαμαικοῖται (стр. 76). Неменьшій произволъ замѣчается и въ передачѣ греческихъ и латинскихъ окончаній. Такъ, имена женскаго рода на -η или лат. -е являются то съ окончаніемъ -*а*, то съ -*е*, иногда даже одни и тѣже (напримѣръ Колика на стр. 11 и Колике на стр. 104 и 202); въ именахъ на -ας и -ης окончаніе то отбрасывается, то удерживается (Гибристъ, Фарасманъ, Радамистъ, Мадій = Μαδύης, Камбизъ и др., но рядомъ Фарназесъ, Техесъ, Сеѳеріесъ и др.; одни и тѣже имена и здѣсь встрѣчаются въ обѣихъ формахъ, напримѣръ, Генетесъ на стр. 12 и Генетъ на стр. 82), равно какъ и окончанія -ος, -ον и лат. -us, -um. Сохраненіе этихъ окончаній вообще несвойственно нашему языку; но особенно непріятно рѣжутъ ухо эти *асы*, *есы* и *усы* тамъ, гдѣ стоятъ рядомъ въ значительномъ количествѣ; маленькій образчикъ беру на стр. 102: „Въ началѣ онъ [то-есть, Тавръ] называется Имаусъ, потомъ Эмодусъ, Перопамизусъ, Цирцій, Хамбадесъ, Паріадресъ, Хоатрасъ, Орегесъ, Ороандесъ, Нифатесъ, Тавръ, а тамъ, гдѣ онъ имѣетъ наибольшую высоту, называется Кавказомъ". Имена на -ίς,-ίδος и -άς,-άδος г. Ганъ обыкновенно транскрибируетъ въ формѣ греческаго именительнаго падежа (Гимніасъ, Бойбеисъ, Бехейріасъ и т. под.) вмѣсто употребительныхъ формъ съ окончаніями -ида или -ада, но иногда придаетъ имъ окончаніе -ія (напримѣръ Діоскурія вмѣсто Діоскуріада, Διοσκουριάς). Изъ трехъ именъ на -οῦς,-οῦντος, чаще всего встрѣчающихся въ книгѣ, каждое передается въ особой формѣ: Трапе*зондъ*, Керас*унтъ* и Пи-

тіусъ (на стр. 105 даже Питій!); для четвертаго имени явилась и четвертая форма: Анеемонтъ на стр. 105. Смѣемъ думать, что приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобъ убѣдиться въ удивительномъ разнообразіи транскрипціи и въ томъ, что составитель не придерживался никакихъ общихъ правилъ, а писалъ каждое отдѣльное названіе, не давая себѣ труда справляться, въ какой формѣ было имъ написано раньше то же самое или одинаково склоняющееся имя; удивительно только, какъ его самого не поразило это разнообразіе при окончательномъ приготовленіи переводовъ къ печати. Чтобы покончить съ транскрипціей, замѣтимъ еще, что нѣкоторыя, чисто нарицательныя, названія народовъ и мѣстностей, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы прямо переводить на русскій языкъ, тѣмъ болѣе, что греческія ихъ формы обыкновенно поставлены составителемъ рядомъ въ скобкахъ, а нѣкоторыя изъ нихъ объяснены самими авторами; такъ напримѣръ, макропогоновъ мы прямо назвали бы длиннобородыми, макрокефаловъ — длинноголовыми, фѳирофаговъ—вшеѣдами, λῃστῶν ποταμός— Разбойничьею рѣкой и т. под.; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, составитель прибавилъ русскій переводъ въ скобкахъ.

При имени каждаго писателя, изъ котораго приведены эксцерпты, г. Ганъ поставилъ въ скобкахъ данныя о времени его жизни. О необходимости этихъ данныхъ для читателей - неспеціалистовъ нечего, конечно, и говорить, и остается только поблагодарить составителя, что онъ не упустилъ ихъ изъ виду. Но если внимательно всмотрѣться въ сообщаемыя г. Ганомъ хронологическія данныя, то онѣ далеко не вездѣ окажутся свободными отъ недостатковъ. Прежде всего необходимо замѣтить, что если при имени лица стоятъ безъ всякихъ поясненій двѣ цифры, соединенныя посредствомъ тире, то ихъ обыкновенно принимаютъ за годы рожденія и смерти этого лица (врядъ ли нужно прибавлять оговорку о значеніи такихъ цифръ при именахъ царственныхъ особъ), а одну—за приблизительное обозначеніе времени наибольшаго развитія его дѣятельности или таланта, то-есть, того, что̀ по латыни обозначается глаголомъ „floruit“; но къ цифрамъ, поставленнымъ въ книгѣ г. Гана, такое толкованіе не вездѣ приложимо; такъ напримѣръ, объяснять такимъ образомъ цифры 630—600, стоящія при имени Мимнерма, не возможно въ виду серьезныхъ данныхъ въ пользу того, что онъ дожилъ до старости [1]); нельзя также

[1]) См. напримѣръ *Bergk*, Griech. Litteraturgeschichte, II, стр. 258 сл.

полагать, что Гекатэй Милетскій „floruit" около 550 г., такъ какъ изъ Геродота извѣстно, что онъ жилъ еще во время восстанія малоазіатскихъ грековъ [1]). Показанія г. Гана о времени жизни многихъ писателей, особенно болѣе древнихъ, отличаются большою (кажущеюся) точностью, которая однако всякому читателю, мало-мальски знакомому съ исторіей греческой и латинской литературы, сразу же кажется подозрительною: напримѣръ, какъ только раскроешь книгу, невольно рождается вопросъ, откуда г. Ганъ могъ узнать *навѣрное*, что Гомеръ жилъ за 900, а Гезіодъ—за 800 л. до Р. Х.?—а у г. Гана именно такъ и поставлено: „Гомеръ (900 г. до Р. Х.)".—„Гезіодъ (800 г. до Р. Х.)". Если же прибавить еще, что нѣкоторыя изъ quasi-точныхъ цифръ г. Гана при первомъ же взглядѣ оказались невѣрными, то этимъ вполнѣ объяснится родившееся въ насъ желаніе навести кое-какія справки съ цѣлью опредѣлить по возможности источники свѣдѣній составителя о времени жизни древнихъ писателей. Долго разыскивать не пришлось: во многихъ случаяхъ оказалось возможнымъ положительно констатировать, въ другихъ — предположить съ большею или меньшею степенью вѣроятности, что этимъ источникомъ былъ извѣстный реальный словарь Любкера, но что при этомъ вина въ неточности показаній падаетъ не на это почтенное пособіе, а на оригинальный способъ передачи г. Ганомъ почерпнутыхъ изъ него свѣдѣній: г. Ганъ нерѣдко просто отбрасывалъ слова „um", „etwa" или „wahrscheinlich", поставленныя у Любкера для обозначенія того, что время жизни того или другаго писателя можетъ быть опредѣлено только приблизительно, и такимъ образомъ сообщалъ своимъ читателямъ яко бы вполнѣ опредѣленные годы рожденія, смерти или времени литературной дѣятельности авторовъ. Такъ, напримѣръ, вышеупомянутое показаніе о времени жизни Мимнерма основано, мнѣ кажется, на фразѣ Любкера „zwischen Ol. 37—45 (630—600 v. Chr.) blühend", а о жизни Гекатэя — на показаніи „geb[oren] wahrscheinlich 549". Для вящей наглядности приведемъ еще нѣсколько сопоставленій:

Г. Ганъ:	Любкеръ:
Эфоръ (405—330 г. до Р. Х.)	„etwa zwischen 405 и 330 v. Chr."
Ѳеопомпъ (род. въ 380 г. до Р. Х.)	„geb. um 380 v. Chr."
Плутархъ (50—120 г. по Р. Х.)	„Er war geb. in der Mitte des 1 Jahrh. v. Chr.—Er starb... um 120 n. Chr."

---

[1]) Герод. V, 36 и 125.

Светоній (75—160 г. по Р. Х.)	„zur Zeit des Dom., Trajan und Hadr. (etwa von 75—160 n. Chr.)“
Гераклидъ Понтійскій (въ 340 г. до Р. Х.)	„blühte um 340 v. Chr.“
Метродоръ Скепсій (жилъ въ 140 г. до Р. Х.)	„Er lebte um 140 v. Chr.“

Количество такихъ совпаденій, которыя врядъ ли могутъ быть чисто случайными, довольно велико въ книгѣ г. Гана; но мы отмѣтимъ еще только одно, которое можетъ быть причислено прямо къ курьезамъ: на стр. 10 стоитъ: „Скилаксъ Каріанденскій (521—485 г. до Р. Хр.)“; мы, понятно, не могли не заинтересоваться вопросомъ, откуда г. Ганъ узналъ съ такою точностью годы рожденія и смерти Скилакса [1]), и почему данныя имъ цифры вполнѣ совпадаютъ съ годами начала и конца царствованія Дарія I? Раскрывъ Любкера, мы сразу нашли готовые отвѣты на эти вопросы въ слѣдующей фразѣ: „Skylax... einer der Seefahrer, welche Dareios Hystaspis (521—485 v. Chr.) ausschickte...“.

Нѣкоторыя хронологическія данныя, впрочемъ, заимствованы г. Ганомъ и не изъ Любкера, и объ этомъ иногда приходится только пожалѣть, такъ какъ пользуясь имъ, г. Ганъ не сдѣлалъ бы тѣхъ серьезныхъ промаховъ, которые теперь замѣчаются въ его книгѣ. Мы не будемъ больше говорить о тѣхъ случаяхъ, гдѣ годы рожденія или смерти писателей показаны съ ошибкою на нѣсколько лѣтъ или даны, какъ достовѣрно извѣстные, когда они на самомъ дѣлѣ неизвѣстны (такія мелкія, сравнительно, погрѣшности есть въ показаніяхъ относительно Геродота, Гелланика, Лисія, Полибія, Ливія, Проперція, Помпонія Мелы, Плинія, Тацита и мн. др.), и отмѣтимъ только болѣе важные промахи. Первое мѣсто между ними занимаетъ грубая ошибка относительно Демосѳена: время жизни знаменитаго оратора опредѣлено годами 450—413, то-есть, безъ малаго на 100 лѣтъ раньше дѣйствительнаго! Второй важный промахъ касается Сенеки, автора трагедій; по показанію г. Гана, онъ жилъ отъ 54 г. до Р. Хр. по 39 г. послѣ Р. Хр., тогда какъ извѣстно изъ Tac. Ann. XIV, 56, что онъ погибъ въ 65 г. вслѣдствіе обвиненія въ заговорѣ противъ Нерона. Справка въ Любкерѣ опять объясняетъ дѣло: подъ сл. Seneca въ самомъ началѣ дѣйстви-

[1]) Г. Ганъ, замѣтимъ кстати, ни слова не говоритъ о томъ, что принадлежность Скилаксу сохранившагося перипла болѣе чѣмъ сомнительна.



тельно сказано, что Сенека-риторъ жилъ „etwa zwischen 54 v. Chr. bis 39 n. Chr.“, а г. Ганъ не потрудился прочитать этой статьи до конца и потому не узналъ, что трагедіи писалъ не этотъ Сенека, а сынъ его, знаменитый философъ. Далѣе, Павсаній, по показанію г. Гана, также жилъ чуть ли не сотнею лѣтъ раньше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ („70 г. по Р. Хр.“), а scriptores historiae Augustae—въ тотъ самый періодъ времени, который описанъ въ ихъ трудахъ; вѣдь во всякомъ случаѣ его обозначеніе „писатели исторіи Римскихъ императоровъ, 117—284 г. по Р. Х.“ гораздо скорѣе можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что въ указанный промежутокъ времени жили эти писатели, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ другихъ случаяхъ хронологическія данныя у г. Гана относятся исключительно къ жизни писателей, а не къ тому періоду времени, который описывается въ трудахъ того или другаго изъ нихъ. Наконецъ, укажемъ еще на невѣрное обозначеніе времени жизни Александра Полигистора, „около 160 г. до Р. Х.“ Странно, что составитель, заимствуя отрывки этого писателя изъ III-го тома Fr. hist. Gr. Мюллера, не обратилъ вниманія на предпосланную отрывкамъ біографическую замѣтку, изъ которой могъ бы познакомиться съ противорѣчащими его опредѣленію показаніями Свиды, Сервія и Светонія, а въ заключеніи прочелъ бы слѣдующее résumé самого Мюллера: „Secundum haec Alexander libertus Romae floruerit inter an. 82—60. Quando natus, quando captus, quando mortuus sit, in medio debet relinqui“.

Еще замѣтимъ, что читатели-неспеціалисты, для которыхъ г. Ганъ главнымъ образомъ предназначалъ свой трудъ, безъ сомнѣнія, были бы очень рады видѣть въ немъ хотя коротенькія объяснительныя примѣчанія, которыя позволили бы имъ оріентироваться въ массѣ мелкихъ географическихъ, этнографическихъ и историческихъ подробностей, сообщаемыхъ авторами. Прибавленныя кое-гдѣ составителемъ объяснительныя фразы оказываются далеко недостаточными. Карта кавказскихъ земель также, повторяемъ, кажется намъ необходимою принадлежностью подобнаго изданія.

Въ заключеніе скажемъ еще разъ, что нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ намѣренію г. Гана потрудиться для русской науки въ избранномъ имъ направленіи, но что первый плодъ его трудовъ не особенно удаченъ. Но такъ какъ всѣ промахи и недостатки разсмотрѣнной нами книги могутъ быть исправлены безъ особеннаго труда, то мы вполнѣ надѣемся, что при обработкѣ ея для слѣдующаго

изданія г. Ганъ сумѣетъ придать ей тотъ видъ, въ которомъ она дѣйствительно можетъ сдѣлаться настольною книгою всѣхъ интересующихся исторіей, археологіей, географіей и этнографіей Кавказа и сослужить имъ немалую службу.

В. Латышевъ.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Его личность и поэзія. (Изъ публичныхъ чтеній въ пользу Общества вспомоществованія нуждающимся ученицамъ С.-Петербургской Маріинской женской гимназіи). Составилъ *М. А. Орловъ*. С.-Пб. 1883.

Въ первыхъ двухъ главахъ своего труда (всѣхъ шесть) авторъ знакомитъ читателей съ характеристическими чертами личности Лермонтова и указываетъ вліянія, подъ которыми развивался его поэтическій талантъ. Въ числѣ этихъ вліяній, конечно, важное мѣсто занимаютъ природныя свойства поэта. Если историки и въ судьбахъ народа отмѣчаютъ дѣйствіе его физіологическихъ данныхъ, то нельзя не признавать того же дѣйствія и въ судьбѣ отдѣльнаго человѣка. Затѣмъ слѣдуютъ обстоятельства, въ которыя, по волѣ судьбы или по собственному хотѣнію, поставленъ былъ человѣкъ, и та или другая качественность среды, въ которой онъ наиболѣе пребывалъ. При обсужденіи изчисленныхъ вліяній біографъ или критикъ подвергается опасности впасть въ ошибки, если онъ не станетъ различать человѣка отъ поэта, если въ крупномъ талантѣ непремѣнно захочетъ видѣть прекрасную личность. Онъ не избѣгнетъ противорѣчія съ самимъ собою или вынужденъ будетъ допускать натяжки, вопреки истинѣ. Авторъ разсматриваемой книги, по нашему мнѣнію, не прошелъ безвредно между этими подводными камнями. Вотъ что̀ говоритъ онъ на стр. 23 и 24: „Слишкомъ раннее и притомъ чрезвычайно бурное пробужденіе чувства, не нашедшее въ окружавшей поэта обстановкѣ законнаго исхода и удовлетворенія, разрѣшилось скрытностью и охлажденіемъ къ жизни. Постоянно сосредоточенный въ себѣ самомъ, оскорбляемый въ лучшихъ своихъ привязанностяхъ и священныхъ чувствахъ, онъ рано привыкъ носить маску, подъ которою тщательно скрывалъ волновавшія его чувства и стремленія, невольно привыкалъ недовѣрчиво, критически, а потомъ и прямо враждебно, отрицательно относиться къ окружающей его жизни... Жизнь, постоянно наносившая тяжелые удары его гордому самолюбію, безжалостно разбивавшая его идеальныя стремленія и мечты,

еще болѣе ожесточила его. Бурный, порывистый, съ стремленіемъ ко всему прекрасному и высокому, съ гордымъ сознаніемъ своихъ могучихъ силъ, съ презрѣніемъ ко всему посредственному, пустому и пошлому, онъ случайно, по неволѣ, попалъ въ пустую, чуждую умственныхъ интересовъ и идеальныхъ стремленій, среду и принужденъ былъ геройствовать и даже мальчишествовать, чтобы только не затеряться въ ней, не сдѣлаться жалкою посредственностью... Двукратная ссылка на Кавказъ... должна была усилить въ Лермонтовѣ отчужденіе отъ общества, презрѣніе къ нему. Такимъ образомъ въ байроновскомъ мрачномъ эгоизмѣ и гордомъ презрѣніи къ обществу Лермонтовъ нашелъ естественный исходъ для волновавшихъ его думъ и стремленій, законный протестъ противъ общества. Поэзія Лермонтова—это протестъ личности противъ непригладной дѣйствительности и условій, заключающихся въ болѣзненномъ развитіи самой личности". По прочтеніи этихъ строкъ, невольно думается, что у автора не было подъ руками достаточнаго біографическаго матеріала. Изъ разныхъ отзывовъ лицъ, знавшихъ Лермонтова, да и изъ его собственныхъ писемъ открывается, что по своему нраву и душевному строю онъ вовсе не принадлежалъ къ субъектамъ приглядньмъ. На стр. 2 хотя и говорится, что „натура Лермонтова была нѣжная, симпатичная", но тутъ же рядомъ читаемъ, что „съ самаго ранняго дѣтства и до послѣдняго дня своей жизни онъ больше всего старался являться не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ". Что жь тутъ симпатичнаго? Желаніе быть не самимъ собою, а прикидываться другимъ, постоянно носить маску, понятное, напримѣръ, въ Суворовѣ, имѣвшемъ на то свои резоны и цѣли, не понятно въ дитяти и юношѣ: это — своего рода лицемѣріе, двойственность, крайне непріятная и отталкивающая, корень которой скрывается въ уродливыхъ наклонностяхъ природы. Не заявлялась ли, съ другой стороны, симпатичность Лермонтова тѣмъ, что онъ еще мальчикомъ „былъ малоразговорчивъ, необщителенъ, постоянно смотрѣлъ въ землю, мечталъ, и по временамъ язвительная улыбка являлась на лицѣ его внѣшнимъ отраженіемъ его внутренняго настроенія" (стр. 8), или тѣмъ, что онъ старался быть веселымъ (стр. 9), что онъ имѣлъ грубый, дерзкій, заносчивый характеръ, смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на окружающихъ его, считалъ ихъ всѣхъ ниже себя, что взглядъ его отличался непривѣтливостью (стр. 11)? Подобныя качества обыкновенно приписываются такъ-называемымъ демоническимъ натурамъ, но чтобы получить патентъ на званіе такого интереснаго

существа, надобно имѣть по крайней мѣрѣ двадцать-пять лѣтъ, которыхъ въ то время Лермонтовъ еще не достигъ. Поэтому непривѣтливость его взгляда объясняется, по нашему мнѣнію, гораздо проще: она была знакомъ его недобраго отношенія къ ближнимъ. Это отсутствіе душевнаго благорасположенія осталось при немъ навсегда. Въ 1839 году Баратынскій пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ. Сообщая женѣ своей о визитѣ князю В. Ѳ. Одоевскому, онъ, между прочимъ, пишетъ: „Познакомился съ Лермонтовымъ, который прочелъ новую, прекрасную пьесу; человѣкъ безъ сомнѣнія съ большимъ талантомъ, но мнѣ морально не понравился: что-то нерадушное“ [1]). Что же мѣшало Лермонтову отнестись привѣтливо даже къ собрату по ремеслу? Передъ нимъ стоялъ не дюжинный человѣкъ: передъ нимъ стоялъ другъ Пушкина, одна изъ звѣздъ его плеяды. Хотя онъ уступалъ Лермонтову въ силѣ поэтическаго творчества, но превосходилъ его образованіемъ и серьезностію мысли. Это нерадушное отношеніе такъ и осталось за поэтомъ до самой его смерти. Въ письмѣ къ Мартынову, стрѣлявшемуся съ Лермонтовымъ [2]), князь Долгоруковъ, общій товарищъ дуэлистовъ, утѣшаетъ оставшагося въ живыхъ такимъ разсужденіемъ, что если бы не онъ, то кто-нибудь другой положилъ бы его (то-есть, Лермонтова) на мѣстѣ: до того невыносимъ былъ онъ въ своемъ нравѣ и обращеніи. Поэтому страннымъ кажется, отчего воображенію біографа представляется мрачный образъ убійцы Лермонтова (стр. 19). Ужели онъ обязанъ былъ переносить невыносимое? Каждому человѣку дорога его собственная личность. Несправедливо требовать, чтобъ онъ неприкосновенность этой личности приносилъ въ жертву какой-нибудь персонѣ потому только, что эта персона есть высокій поэтическій талантъ.

И въ другихъ отношеніяхъ—кромѣ нелюбезности къ ближнимъ—Лермонтовъ не возбуждаетъ къ себѣ сочувствія. Онъ и самъ съ собою поступалъ непозволительно. Онъ выходитъ изъ Московскаго университета по причинамъ, которыя ни подъ какимъ видомъ не заслуживаютъ названія уважительныхъ. Онъ не захотѣлъ поступить въ Петербургскій университетъ потому, что въ то время къ трехлѣтнему курсу былъ прибавленъ четвертый. Подобное нехотѣніе нельзя объяснить стремленіемъ къ высшему образованію, и вотъ—волею или не-

---

[1]) Сочиненія Баратынскаго, изд. 1869 г., стр. 423.

[2]) *Русскій Архивъ* 1885 г., выпускъ 3, стр. 462.



волею—надобно объяснить его любовью къ свободѣ. Лермонтовъ, видите ли, не былъ любознателенъ, но за то былъ свободолюбивъ. „Какой тяжелый ударъ его самолюбію и юношескимъ честолюбивымъ мечтамъ!“ замѣчаетъ біографъ. Замѣчаніе, кажется намъ, напрасное, показывающее, что біографъ предполагалъ въ Лермонтовѣ то, чего на самомъ дѣлѣ не имѣлось. Легко быть самолюбивымъ тому, кому отъ природы дано самолюбіе. Другое дѣло—трудъ, господство надъ природой, сдержка и выдержка. О нихъ поэтъ и не думалъ. Удара для него, въ сущности, никакого не было, а если и былъ, то пораженный очень скоро отъ него избавился, выбравъ дорогу, которая, среди аристократической молодежи, считалась самою популярною, ближе и скорѣе приводившею къ цѣли, именно—въ званіи лейбъ-гусарскаго юнкера поступилъ онъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (стр. 10 и 11). Съ своимъ внутреннимъ состояніемъ на служебномъ поприщѣ онъ знакомитъ нась въ слѣдующей исповѣди: „До сихъ поръ я только и дѣлалъ, что сбивался съ колеи; теперь я смѣюсь надъ собою и другими. Я отцвѣлъ для наслажденій, и они мнѣ надоѣли, хоть я и не пользовался ими... Я слишкомъ осязательно ощущаю всю суть жизни, всю ея увлекательную пустоту и никогда не буду въ состояніи оторваться отъ нея на столько, чтобы презирать ее искренно“ (стр. 13). И дѣйствительно, слова эти перешли въ дѣло: „По выходѣ изъ школы корнетомъ, Лермонтовъ вступилъ въ свѣтъ и повелъ разсѣянную жизнь свѣтской петербургской молодежи, раздѣляя время между удовольствіями моднаго свѣта и разгульными гусарскими пирушками. Но такая жизнь не могла заглушить въ немъ внутренняго разлада... Его постоянно грызла докучливая мысль о пустотѣ и грязи всего этого; онъ чувствовалъ недовольство, разочарованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не старался выбиться изъ колеи свѣтской порчи“ (стр. 14) Отчего же не старался? Отъ недостаточнаго ли старанія, или отъ слабоволія, или оттого, что ему самому нравилась выбранная колея? Мы утверждаемъ послѣднее. Вѣдь никто же, въ самомъ дѣлѣ, не тянулъ его туда и не приневоливалъ. Онъ легко могъ выйти въ отставку, избрать иное для себя общество, удобно заняться иными дѣлами, при своемъ обезпеченномъ состояніи. Но поступить такъ онъ былъ не въ силахъ. Вѣдь занятія, дѣло — тоже посредственность; и онъ стремился возвыситься надъ нею болѣе легкими, но за то видными средствами — какимъ-то геройствомъ и мальчишествомъ, какъ сказано выше.

Мы остановились на личности поэта потому, что въ трудѣ г. Орлова и въ другихъ однородныхъ тому трудахъ замѣтна тенденція выгораживать ее изъ тѣхъ бѣдъ, которыя произошли отъ собственнаго ея произволенія и при полномъ сознаніи. Выгораживается же она, вѣроятно, на томъ основаніи, что демоническія натуры не могутъ быть виноватыми: для нихъ-де законъ не писанъ, онѣ сами себѣ законъ. Поэтому-то онѣ постоянно не находятъ въ окружающей средѣ ни законнаго исхода и удовлетворенія своимъ неразгаданнымъ чувствамъ, ни законной дѣятельности по плечу своему величію. Виновата у нихъ непремѣнно среда, общество, въ которомъ онѣ вращаются. Общество, съ своей стороны, не беретъ на себя вины, а сваливаетъ ее на такъ-называемую переходную эпоху, въ которую ему, по волѣ судьбы, приходилось жить и развиваться. Все это не только несправедливо, но даже очень странно и смѣшно.

Отъ личности поэта г. Орловъ переходитъ къ характеристикѣ его поэзіи. Во введеніи, занимающемъ первыя двѣ страницы, выражается мысль, что въ поэзіи Лермонтова есть еще много не выясненнаго, загадочнаго, состоящаго въ томъ, что ея направленіе рѣзко противорѣчило общему состоянію умовъ, господствовавшему образу мыслей. „Въ сороковыхъ годахъ“, говоритъ авторъ,—„когда Россія, спасительница Европы отъ погромовъ и деспотизма Наполеона I, находилась на верху политическаго могущества, когда торжественный побѣдный гимнъ славнаго Екатерининскаго царствованія: Громъ побѣды, раздавайся; веселися, храбрый россъ! смѣнился еще болѣе громкимъ и восторженнымъ: Наша матушка—Россія всему свѣту голова! и криками: Европу шапками закидаемъ; когда московскіе славянофилы самыми мрачными красками рисовали ложную цивилизацію и полное разложеніе гнилаго запада Европы и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчиво толковали о богатомъ запасѣ силъ русскаго народа, о его историческомъ призваніи, о новомъ, благотворномъ потокѣ, который этотъ великій народъ призванъ влить въ обветшавшую жизнь человѣчества,—Лермонтовъ начинаетъ рисовать русское общество самыми мрачными и сильно сгущенными красками... Среди всеобщей глубокой тишины, полнаго, самодовольнаго спокойствія его поэзія звучнымъ желѣзнымъ стихомъ, какъ набатомъ колокола, неожиданно всполошила современниковъ, разразилась страшною громовою тучею и мгновенно сокрылась, оставивъ послѣ себя мрачные, безотрадные образы, полные бѣшеной энергіи, противообщественнаго раздора, презрѣнія къ жизни“.

Значеніе этой тирады не ясно; мысль, ею выражаемая, не имѣетъ надлежащей опредѣленности. Что̀ разумѣетъ авторъ подъ словами: самодовольство, спокойствіе, тишина? Въ чемъ онъ усматриваетъ ихъ? Конечно, въ литературѣ, такъ какъ рѣчь идетъ о Лермонтовѣ, который дѣйствовалъ перомъ. Но вѣдь и многіе другіе дѣйствовали тѣмъ же орудіемъ. И вотъ что̀ представляютъ намъ въ этомъ отношеніи сороковые годы: Гоголь былъ во всей зрѣлости своего таланта; онъ написалъ уже „Ревизора" и „Мертвыя души", въ которыхъ раскрыта мерзость запустѣнія разныхъ сферъ русской жизни: такое раскрытіе вовсе не доказываетъ самодовольства. Славянофилы негодовали на большинство образованнаго русскаго общества за его противоестественное развитіе, за его отчужденіе отъ коренной народной стихіи, за его подражаніе чужеземнымъ обычаямъ: сочиненія Кирѣевскаго, Хомякова, К. Аксакова служатъ свидѣтельствомъ, что эти лица стояли далеко отъ довольства современнымъ бытомъ такъ-называемаго интеллигентнаго класса, что они не одобряли и сильно развившагося бюрократизма, почему и сторонились отъ оффиціальной службы. Преимущество ихъ передъ Лермонтовымъ заключается въ томъ, что они имѣли въ виду болѣзненное, анормальное положеніе дѣйствительно русскихъ людей, тогда какъ знаменитая „Дума" Лермонтова (Печально я гляжу на наше поколѣнье) относится скорѣе къ болѣе развитымъ обществамъ другихъ странъ Европы, чѣмъ къ нашему. И противники славянофиловъ, такъ-называвшіеся западники, расходившіеся съ ними не столько въ цѣляхъ, сколько въ средствахъ къ достиженію цѣлей, тоже отрицательно относились къ современности, потому что не находили въ ней удовлетворенія своимъ желаніямъ, въ числѣ которыхъ стояли на первомъ планѣ: уничтоженіе крѣпостнаго права, заведеніе школъ для простаго народа, поднятіе уровня образованности въ среднемъ и высшемъ классахъ. Органомъ ихъ мнѣній служили нѣкоторые, очень извѣстные въ свое время журналы. Короче, обличительное направленіе нашей литературы начато не Лермонтовымъ, хотя произведенія его и противополагаются произведеніямъ Пушкина, какъ такія, въ которыхъ явна тенденція, чуждая его геніальному предшественнику и состоящая въ отрицательномъ отношеніи къ дѣйствительности.

Слѣдующія главы (3-я, 4-я и 5-я) посвящены разбору лирическихъ и эпическихъ произведеній Лермонтова (драматическія остались безъ оцѣнки). Разборъ состоитъ большею частію въ пересказѣ ихъ содержанія, нужномъ или для опредѣленія чувствъ самаго поэта, какъ лирика,

или для характеристики лицъ, выведенныхъ имъ въ романѣ и поэмахъ. Новаго здѣсь нѣтъ. Критикъ приходитъ къ извѣстному заключенію (глава 6-я), что поэзія Лермонтова является главнымъ образомъ поэзіей скорби, безнадежности и какого-то озлобленія (стр. 77). Кромѣ того, Лермонтову ставится въ заслугу слѣдующее: „Своимъ оригинальнымъ взглядомъ на высокое призваніе поэта и его служеніе обществу онъ разрушилъ установленный художникомъ-Пушкинымъ разладъ между поэтомъ, „сыномъ небесъ, рожденнымъ для звуковъ сладкихъ и молитвъ", и „не посвященнымъ, безсмысленнымъ народомъ, поденщикомъ, рабомъ нужды, заботъ" (стр. 79). Что разумѣется здѣсь подъ словомъ народъ? Конечно, не простонародье, которое не читало Пушкина и потому не могло имѣть съ нимъ ни лада, ни разлада. Разумѣлась чернь (какъ и озаглавлено всѣмъ извѣстное стихотвореніе), то-есть, мало-образованные люди, смотрѣвшіе на искусство съ утилитарной точки зрѣнія, какъ на какое-то ремесло, и требовавшіе отъ него непосредственнаго приложенія къ житейскимъ нуждамъ. Могъ ли Пушкинъ ладить съ тѣми, которые требуетъ, чтобы поэтъ былъ непремѣнно или сатирикъ, или дидактикъ?

С. Ѳ—нъ.

Ѳ. А. Волеговъ, какъ историкъ Строгановыхъ. Спорные вопросы въ древней исторіи рода Строгановыхъ. Изслѣдованіе *А. А. Дмитріева*. Пермь. 1884.

Небольшая брошюра г. Дмитріева (отдѣльный оттискъ изъ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1884 г.) заключаетъ въ себѣ любопытныя свѣдѣнія объ одномъ провинціальномъ литераторѣ первой половины нынѣшняго вѣка.

Ѳедотъ Алексѣевичъ Волеговъ, умершій въ 1856 году, занимался исторіей Пермскаго края вообще и исторіей рода Строгановыхъ въ частности. Въ бумагахъ Волегова остались многочисленныя рукописи, содержаніе которыхъ, по свидѣтельству г. Дмитріева, обнимаетъ изучаемый предметъ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Къ сожалѣнію, рукописи Волегова испытали печальную судьбу: часть ихъ попала въ руки людей, не понимающихъ значенія подобныхъ предметовъ, и только немногія бережливо сохраняются однимъ лицомъ. Съ этою частью рукописей г. Дмитріевъ ознакомился; остальныя же рукописи нужно еще отыскать, если только онѣ совсѣмъ не затерялись.

Въ трудахъ Волегова, извѣстныхъ г. Дмитріеву, заключаются

статистическіе матеріалы по вопросу о движеніи народонаселенія и о развитіи горнозаводскаго дѣла въ Пермскомъ краѣ, разные географическіе и этнографическіе наброски, указанія особенностей народнаго говора въ Пермской губерніи, словарь пермяцкаго языка, выписки о Пермскомъ краѣ изъ разныхъ повременныхъ изданій русскихъ и иностранныхъ, разнообразныя замѣтки о народныхъ обычаяхъ, суевѣріяхъ, праздникахъ и т. д.

Г. Дмитріевъ говоритъ, что главный преобладающій элементъ во всѣхъ этихъ ученыхъ трудахъ Волегова—историческій. Одну часть историческихъ трудовъ Волегова составляютъ сырые матеріалы къ исторіи Пермскаго края, тщательно собиравшіеся Волеговымъ отовсюду: сюда относятся списки со всевозможныхъ грамотъ, челобитныхъ, старинныхъ архивныхъ дѣлъ, мѣстныхъ лѣтописей и т. п. Другую категорію составляютъ самостоятельные труды Волегова по исторіи Пермскаго края. Самымъ цѣннымъ, но далеко не законченнымъ оригинальнымъ трудомъ Волегова, по свидѣтельству г. Дмитріева, надо признать „Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ", написанныя въ 1827 году и дополненныя въ 1839 году, какъ замѣчаетъ самъ Волеговъ въ черновомъ спискѣ этого труда. Исторія рода Строгановыхъ доведена въ этомъ сочиненіи до времени дарованія имъ Петромъ Великимъ баронскаго титула въ 1722 году. Означенное сочиненіе напечатано въ *Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1876 и 1877 годовъ. Другіе историческіе труды Волегова не имѣютъ монографической формы, а представляютъ небольшіе трактаты, написанные безъ всякой претензіи на литературныя достоинства, но обличающіе того же сильнаго знатока своего дѣла.

Авторъ небольшой, но тщательно составленной монографіи о Волеговѣ даетъ очеркъ ученой дѣятельности его, какъ историка рода Строгановыхъ по преимуществу, и въ то же время указываетъ то мѣсто, какое Волеговъ занимаетъ въ ряду другихъ ученыхъ, занимавшихся исторіей рода Строгановыхъ и „Сибирскаго взятія". Съ этою цѣлію г. Дмитріевъ сопоставляетъ мнѣнія Волегова съ мнѣніями другихъ ученыхъ, касавшихся этихъ предметовъ въ своихъ трудахъ.

Должно однако сказать, что приводимыя г. Дмитріевымъ свѣдѣнія о томъ, какихъ учено-историческихъ воззрѣній держался Волеговъ въ наиболѣе спорныхъ вопросахъ въ исторіи рода Строгановыхъ, представляютъ, правда, новую, но второстепенную часть монографіи г. Дмитріева. Это происходитъ отъ того, что извѣстные ему

ученые труды Волегова остались въ не оконченномъ видѣ, въ формѣ замѣтокъ, черновыхъ набросковъ, и кромѣ того, эти труды по своимъ выводамъ, за небольшими исключеніями, сходятся съ результатами изслѣдованій, написанныхъ и изданныхъ разными учеными по тѣмъ же вопросамъ. Монографія г. Дмитріева интересна собственно тѣмъ, что авторомъ ея тщательно сгруппированы мнѣнія многихъ ученыхъ, останавливавшихся на спорныхъ вопросахъ въ исторіи рода Строгановыхъ и отчасти въ исторіи похода Ермака въ Сибирь.

Спорные вопросы въ исторіи рода Строгановыхъ, то-есть, вопросы, которыми занимался Волеговъ, и по которымъ г. Дмитріевымъ приводятся различныя мнѣнія ученыхъ и свѣдѣнія источниковъ, суть слѣдующіе: 1) вопросъ о происхожденіи рода Строгановыхъ; 2) что̀ означало званіе „именитыхъ людей"? 3) вопросъ объ участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ выкупа изъ плѣна Василія II Темнаго; 4) историческая роль Строгановыхъ въ дѣлѣ покоренія Сибири въ связи съ вопросомъ о поземельныхъ правахъ ихъ; 5) сообщенія Волегова по разнымъ другимъ вопросамъ въ исторіи рода Строгановыхъ.

Вопросъ о происхожденіи фамиліи Строгановыхъ, по словамъ г. Дмитріева, сильно занималъ Волегова. Въ прошломъ столѣтіи въ русской исторической литературѣ преобладало мнѣніе, будто родъ Строгановыхъ происходилъ отъ одного знатнаго мурзы Золотой Орды. По одному преданію, знатный татаринъ, предокъ Строгановыхъ, отрекшись отъ своей національности и религіи, поступилъ на службу къ Русскому великому князю, принялъ православную вѣру и женился на русской княжнѣ. Затѣмъ, во время одного похода противъ татаръ, этотъ новокрещенецъ былъ захваченъ въ плѣнъ своими прежними земляками-татарами, которые его, какъ ренегата, казнили самымъ жестокимъ образомъ: сострогали съ него все тѣло до самыхъ костей. Оставшійся сынъ казненнаго получилъ послѣ такой смерти отца прозваніе Строганова. Отъ послѣдняго, по преданію, и пошла фамилія Строгановыхъ, поселившихся въ Великомъ Новгородѣ. Такого мнѣнія о происхожденіи Строгановыхъ держались, между прочемъ, Миллеръ и Фишеръ. Карамзинъ отнесся скептически къ этому преданію, а Устряловъ уже думаетъ, что „гораздо вѣроятнѣе другое преданіе, сохранившееся въ одномъ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря о происхожденіи Строгановыхъ изъ дома Добрыниныхъ отъ стародавней фамиліи новгородской" (Именитые люди Строгановы, стр. 2). Къ сожалѣнію, Устряловъ не обозначилъ точно, откуда онъ заимствовалъ это извѣстіе, которое, поэтому, критически провѣрено быть не можетъ.

Волеговъ, не соглашаясь ни съ однимъ изъ высказанныхъ до него мнѣній о происхожденіи Строгановыхъ, говоритъ, что „Строгановы суть выходцы изъ Новгорода во времена великаго князя Іоанна Васильевича III, около 1470 года, а можетъ быть и раньше, выходцы подъ своею фамиліей, а не подъ именемъ Добрынинныхъ". Миллеръ, по словамъ Волегова, дѣлаетъ, между прочимъ, основательное предположеніе, которое и подтверждается „Сольвычегодскимъ лѣтописцемъ", что Строгановы пришли въ Сольвычегодскъ изъ Великаго Новгорода при Іоаннѣ III Васильевичѣ. Новгородское происхожденіе Строгановыхъ Волеговъ принимаетъ также и на томъ основаніи, что солевареніе пермское установленное Строгановыми, напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ старо-русское солеваренное производство, съ которымъ предки Строгановыхъ, очень естественно, могли ознакомиться, живя въ Великомъ Новгородѣ, и которое могли завести на новомъ мѣстѣ жительства, въ Пермскомъ краѣ. „Извѣстно и то", говоритъ далѣе Волеговъ,—„что въ возстаніи Новгородцевъ за свою вольность противъ великаго князя Московскаго Іоанна Васильевича III въ 1471 году Строгановы не участвовали, уклонясь мирно въ Устюжскій уѣздъ, пребыли вѣрными великому московскому князу, который, по усмиреніи Новгорода, отобралъ всѣ частныя солеваренныя заведенія въ казну" (приводя эти свѣдѣнія, Волеговъ ссылается на сочиненіе Воскресенскаго: „Старая Руса", 1839 г.). „Сообразя всѣ приведенныя обстоятельства и свѣдѣнія", продолжаетъ Волеговъ,—„кажется, безошибочно сказать можно, что именитые люди Строгановы происходятъ просто изъ богатыхъ гражданъ бывшаго Великаго Новгорода, не принимавшихъ участія въ борьбѣ съ Московскимъ государемъ за вольность новгородскую, и что родоначальникомъ сей знаменитой фамиліи былъ почетный и богатый гражданинъ Великаго Новгорода Спиридонъ Строгановъ, жившій во времена великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго и въ родословной табели, составленной по архивнымъ документамъ въ 1722 году, по повелѣнію Петра Великаго, показанный подъ 6903 (1395) годомъ".

Въ вопросѣ о значеніи званія „именитыхъ людей", принадлежавшаго Строгановымъ, Волеговъ, согласно съ Устряловымъ, держится того воззрѣнія, что Строгановы, происходившіе изъ Новгорода, изъ купеческаго сословія, за особенныя услуги государству получили званіе именитыхъ людей, которое было выше званія гостей. Такимъ образомъ они составляли особенное почетное сословіе, для другихъ недоступное, почему и были внесены особенною статьею въ уложе-

ніе Царя Алексѣя Михайловича. Другіе историки, какъ напримѣръ, Погодинъ, не находили въ званіи именитыхъ людей ничего особеннаго, утверждая, что оно давалось въ прежнія времена самымъ богатымъ купцамъ преимущественно за значительныя пожертвованія въ пользу государства. По мнѣнію Погодина, Строгановы были просто купцы и не составляли особеннаго сословія именитыхъ людей.

Разбирая вопросъ объ участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ выкупа Василія II Темнаго изъ татарскаго плѣна, одни историки (Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ) приписывали имъ только нѣкоторую долю участія въ выкупѣ, а Устряловъ и Волеговъ признавали весь выкупъ дѣломъ однихъ Строгановыхъ. Г. Дмитріевъ приводитъ (на стр. 33 и слѣд.) изъ одной рукописи Волегова извлеченіе, которое ясно показываетъ, какого воззрѣнія онъ держался въ этомъ вопросѣ: „Какой же чести удостоились Строгановы за искупленіе великаго князя, мы положительно не знаемъ—говоритъ Устряловъ на 6-й стр. А мнѣ кажется,—поясняетъ Ѳ. А. Волеговъ—незнаніе сіе разрѣшаетъ именно грамота, жалованная Максиму Яковлевичу и Никитѣ Григорьевичу Строгановымъ 24-го марта 7118—1610 года, въ которой, между прочимъ, говорится: „Попомните, въ прежнихъ временахъ великаго князя Василія Васильевича окупили изъ полону: какой великой чести сподоблены. А вы только насъ ссудите немалыми деньгами, и вашею дачею служилыхъ людей пожалуемъ, и мы васъ тако жъ чести и повышенья можемъ воздати". „По моему разумѣнію—говоритъ Волеговъ,—эта великая честь заключается въ одномъ томъ, что подданный частный человѣкъ искупилъ своего государя изъ плѣна. Выраженіе сіе помѣщено въ царской грамотѣ, конечно, не безъ основанія; и потому, вопреки Карамзину, я думаю, что великаго князя Василія Васильевича Темнаго изъ плѣна татарскаго выкупили одни Строгановы. Они могли употребить на это и 200,000 рублей. Мы видимъ изъ жалованныхъ имъ грамотъ, что во время московскаго разоренія и въ смоленскую войну они пожертвовали 841,762 руб. 27 к. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Строгановы одни могли выкупить государя, имѣя ежегоднаго дохода, по показанію англичанина Флетчера, до 300,000 рублей, на каковое свидѣтельство ссылается самъ же Карамзинъ въ X томѣ своей „Исторіи государства Россійскаго", на стр. 270. И потому, вѣря больше царской грамотѣ, я не согласенъ съ Карамзинымъ, будто бы Строгановы только участвовали въ выкупѣ, который, по его словамъ, дорого стоилъ всему Московскому государству".

Обращаясь къ вопросу объ исторической роли Строгановыхъ въ дѣлѣ покоренія Сибири, г. Дмитріевъ очень обстоятельно группируетъ мнѣнія разныхъ ученыхъ объ этомъ предметѣ. Воззрѣнія по данному вопросу могутъ быть распредѣлены на три группы. Вопервыхъ, одни, какъ Миллеръ, Фишеръ, Щербатовъ, на основаніи Ремезовской лѣтописи принимали, что казаки, скрываясь отъ царскаго гнѣва, пришли на Каму къ Максиму Строганову, насильно съ угрозами взяли у него всѣ необходимыя средства для похода въ Сибирь и затѣмъ отправились въ дальнѣйшій путь за Уралъ. Ученые второй группы (Погодинъ, Небольсинъ) основываютъ свое мнѣніе на лѣтописи Саввы Есипова [1]) и утверждаютъ, что казаки совершили походъ въ Сибирь по своей иниціативѣ, вполнѣ самостоятельно, такъ что Строгановы не принимали тутъ никакого участія, ни вольнаго, ни невольнаго. Наконецъ, втретьихъ, есть ученые, которые, слѣдуя главнымъ образомъ показаніямъ Строгановской лѣтописи, признаютъ, что иниціаторами похода въ Сибирь были Строгановы, призвавшіе, по своему собственному рѣшенію, Ермака съ казаками и снабдившіе послѣднихъ всѣми средствами для похода въ Сибирь. Такого рода воззрѣніе было высказано Карамзинымъ, Устряловымъ, Соловьевымъ. Волеговъ, по словамъ г. Дмитріева, присоединяется къ этому послѣднему мнѣнію.

По вопросу о поземельныхъ правахъ Строгановыхъ, г. Небольсинымъ, въ его сочиненіи „Покореніе Сибири", было высказано мнѣніе, что земли, данныя Строгановымъ, были даны имъ не въ вотчину, а въ поссессію, во временное владѣніе. Но Соловьевъ, принимая во вниманіе жалованныя грамоты и ссылаясь вообще на характеръ древнихъ поземельныхъ отношеній, рѣшительно утверждаетъ, что земли въ Пермскомъ краѣ даны были Строгановымъ въ полное владѣніе. Волеговъ въ своихъ воззрѣніяхъ на поземельныя права

---

[1]) На стр. 40 г. Дмитріевъ говоритъ: «Во время лѣтней археологической экскурсіи 1882 года я имѣлъ счастливый случай найдти новый списокъ Есиповской лѣтописи въ рукописи первой половины XVII вѣка (къ сожалѣнію, безъ первыхъ шести главъ), съ просьбою о напечатаніи котораго я и думаю обратиться въ одно изъ нашихъ историческихъ обществъ». На это можемъ сказать, что едва ли стоитъ издавать найденный списокъ Есиповской лѣтописи (притомъ же безъ первыхъ шести главъ), если принять во вниманіе, что археографическая коммиссія, между прочимъ, готовитъ изданіе означенной лѣтописи по разнымъ спискамъ, имѣющимся, кажется, въ количествѣ до двухъ десятковъ.

Строгановыхъ можетъ быть отнесенъ къ одной категоріи съ Соловьевымъ. Впрочемъ, онъ выступаетъ уже крайнимъ защитникомъ вотчинныхъ поземельныхъ правъ Строгановыхъ; онъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующую мысль: „О томъ, что Строгановы призвали Ермака и чрезъ него завоевали Сибирь; что пожалованныя имъ по грамотѣ 1574 года на Тоболѣ, на Иртышѣ и на Оби земли составляютъ ихъ выслуженную собственность — до сихъ поръ много уже было говорено и писано; но только все не въ прокъ: на долю покорителей Сибири за ихъ великія жертвы ничего не досталось изъ Сибири, кромѣ исторической славы и листа бумаги — грамоты“ (Дмитріевъ, стр. 65).

Въ послѣднемъ отдѣлѣ своей монографіи г. Дмитріевъ указываетъ на нѣкоторыя новыя сообщенія Волегова по разнымъ другимъ вопросамъ въ исторіи рода Строгановыхъ. Такъ, на счетъ взиманія государственныхъ податей и налоговъ съ имѣній Строгановыхъ, Волеговъ, между прочимъ, говоритъ: „Налоги и сборы опредѣлялись и производились купцами только съ промысловъ и пожитковъ Строгановыхъ, какъ это видно изъ грамоты 1692 года; но подати на вотчинныя ихъ имѣнія и угодья налагались особыми окладчиками, извѣстными подъ именемъ писцовъ („писцовыя книги“), отъ времени до времени посылаемыми отъ правительства: купцы или общество ихъ въ этомъ распоряженіи нисколько уже не участвовали. А съ 1684 года рѣшительно воспрещено купцамъ окладывать Григорія Дмитріевича Строганова...“. Волеговъ, по замѣчанію г. Дмитріева, большое значеніе придавалъ писцовымъ книгамъ, какъ историческимъ источникамъ; много статистическихъ данныхъ изъ такихъ книгъ приводится Волеговымъ въ его „Историческихъ свѣдѣніяхъ о гг. Строгановыхъ“.

Въ своей (также оставшейся не изданною) рецензіи на книгу Устрялова: „Именитые люди Строгановы“ Волеговъ приводитъ нѣкоторыя поправки и дополненія къ этому труду. Такъ, Волеговъ исправляетъ нѣкоторыя хронологическія и генеалогическія данныя, показанныя Устряловымъ въ родословной Строгановыхъ. Затѣмъ, въ разказѣ Устрялова объ участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ усмиренія черемисскаго бунта въ 1572 году Волеговъ дѣлаетъ поправку на основаніи Строгановской лѣтописи и другихъ документовъ, относительно числа убитыхъ бунтовщиками, (именно убитыхъ во время бунта было не 77, а 87 человѣкъ). При этомъ онъ добавляетъ то, что̀ не досказано Устряловымъ: Строгановы выслали вооруженныхъ людей для усмире-

нія черемисъ по царскому повелѣнію, въ силу грамоты отъ 6-го августа 1572 года, а не по одной своей ревности къ защитѣ края. По поводу приводимаго у Устрялова извѣстія о вотчинномъ раздѣлѣ Строгановыхъ въ 1584 году Волеговъ, основываясь на показаніи раздѣльнаго акта, замѣчаетъ, что раздѣлъ состоялся не между тремя лицами, а только двумя. Затѣмъ, онъ дѣлаетъ поправки въ обозначеніи границъ земельныхъ участковъ членовъ фамиліи Строгановыхъ. Наконецъ, Волеговъ возражаетъ Устрялову, что не Никита Григорьевичъ Строгановъ принималъ участіе въ снаряженіи Ермака въ Сибирскій походъ, а предпріятіе это было совершено Семеномъ Аникіевичемъ и Максимомъ Яковлевичемъ. За небольшими вышеприведенными исключеніями, Волеговъ соглашается съ результатами изслѣдованія Устрялова о родѣ Строгановыхъ.

Таковы были полезные труды мѣстнаго пермскаго изслѣдователя: онъ сдѣлалъ все, что̀ могъ при своихъ ограниченныхъ средствахъ и пособіяхъ, и можно пожалѣть, что работы его не были напечатаны въ свое время. Теперь же это было бы, кажется, и не особенно нужно послѣ обстоятельнаго обзора ихъ, сдѣланнаго г. Дмитріевымъ.

М. Аксеновъ.

Великое Зерцало. Изъ исторіи русской переводной литературы XVII вѣка. Изслѣдованіе *П. В. Владимірова*. Москва. 1884.

Взаимное отношеніе между отдѣльными литературами и воздѣйствіе, оказываемое ими одна на другую, собственно говоря, лишь съ недавняго времени вошли въ число задачъ всеобщей исторіи литературы. Каждое новое изслѣдованіе въ этой мало еще разработанной области должно быть признано отраднымъ явленіемъ, и притомъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ содержательнѣе оно окажется по заключающемуся въ немъ или, по крайней мѣрѣ, по затронутому имъ сырому матеріалу, чѣмъ основательнѣе по взгляду автора на поставленныя имъ себѣ цѣли и, наконецъ, чѣмъ богаче по достигнутымъ научнымъ выводамъ, служащимъ вмѣстѣ свидѣтельствомъ о правильности метода, которымъ пользовался изслѣдователь.

Книга г. Владимірова имѣетъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что предметомъ ея служитъ памятникъ старинной русской письменности, происхожденіе и литературная судьба котораго оставались до сихъ поръ весьма недостаточно разъясненными; къ этому присоеди-

няется то важное обстоятельство, что трудъ свой г. Владиміровъ составилъ на основаніи непосредственнаго ознакомленія съ многочисленными списками „Великаго Зерцала", не пропустивъ, конечно, и ни одного изъ существующихъ описаній по чему-либо оставшихся ему недоступными экземпляровъ названнаго памятника.

Авторъ разсматриваемаго нами сочиненія не ограничился главною своею задачей, состоящею въ изслѣдованіи исторіи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, одного изъ переводныхъ произведеній древне-русской литературы, то-есть, въ изслѣдованіи вопросовъ о мѣстѣ, времени и виновникѣ его происхожденія, равно какъ и с мѣстѣ, принадлежащемъ „Великому Зерцалу" среди остальныхъ литературныхъ памятниковъ Руси XVI—XVII столѣтій; онъ обратилъ также вниманіе и на значеніе „Великаго Зерцала" по отношенію къ собственно народной русской словесности, а это, разумѣется, способно только возвысить достоинство ученаго труда г. Владимірова. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о вліяніи произведеній письменной литературы на созданія устнаго народнаго творчества имѣетъ особенную важность именно въ нашей литературѣ, такъ какъ, по самой силѣ вещей, нигдѣ кажущееся разстояніе между ученою, книжною литературой и народною словесностью не было до такой степени значительно, какъ въ древней Руси, а между тѣмъ вліяніе это, съ болѣе внимательнымъ изученіемъ памятниковъ той и другой, становится все несомнѣннѣе. Въ особенности, весьма разностороннія изслѣдованія въ этомъ направленіи, предпринятыя въ послѣдніе годы академикомъ А. Н. Веселовскимъ, обѣщаютъ привести ко многимъ столько же важнымъ и любопытнымъ, сколько и неожиданнымъ выводамъ. Г. Владиміровъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ въ началѣ своей книги, что „изученіе книжныхъ элементовъ народной словесности составляетъ задачу настоящаго времени".

Книга г. Владимірова состоитъ изъ введенія, трехъ главъ, заключающихъ въ себѣ собственно спеціальное изслѣдованіе, и трехъ приложеній. Введеніе своимъ содержаніемъ свидѣтельствуетъ о широтѣ взгляда автора на явленія литературы: авторъ не ограничивается обслѣдованіемъ и установкой, по возможности, точныхъ данныхъ лишь въ отношеніи къ избранному имъ для изученія литературному памятнику, но старается уяснить себѣ и ту культурную среду, въ которой этотъ памятникъ появился, то-есть, въ данномъ случаѣ, состояніе духовной жизни и просвѣщенія на Руси въ XVI—XVII

вѣкахъ съ тѣми ихъ сторонами, которыя могли, съ одной стороны, благопріятствовать введенію „Великаго Зерцала" въ кругъ древне-русской литературы, а, съ другой—оказывать на него болѣе или менѣе модифицирующее воздѣйствіе. Но и въ смыслѣ болѣе спеціальной своей задачи, то-есть, съ точки зрѣнія исторіи древне-русской переводной литературы авторъ не удовлетворяется чисто формальною стороной дѣла, а считаетъ необходимымъ имѣть въ виду и могущія получиться при ея изслѣдованіи „любопытныя данныя для характеристики международныхъ и общественныхъ, литературныхъ и культурныхъ отношеній". Что же касается трехъ главъ самого изслѣдованія, то въ первой изъ нихъ говорится о происхожденіи „Великаго Зерцала" въ западной латинской литературѣ и объ его отношеніи къ средневѣковымъ сборникамъ, о переводѣ его на польскій языкъ и о заимствованныхъ изъ него повѣстяхъ въ южно-русской литературѣ; во второй—изслѣдуются вопросы о русскихъ спискахъ „Великаго Зерцала", его первоначальномъ переводѣ и передѣлкахъ этого послѣдняго, и въ третьей—разсматриваются отношенія „Великаго Зерцала" къ древне-русской литературѣ, народной словесности и переводной литературѣ XVII—XVIII столѣтій. Наконецъ, приложенія содержатъ въ себѣ оглавленія содержанія „Великаго Зерцала" по важнѣйшимъ его спискамъ.

Констатируя въ разсматриваемомъ сочиненіи, какъ несомнѣнное его достоинство, широкое пониманіе его авторомъ своей задачи, мы должны однакожь сказать, что самое ея исполненіе не вполнѣ удовлетворительно. Прежде всего насъ поражаетъ, что при кажущейся систематичности въ разработкѣ предмета, авторъ по нѣскольку разъ берется за одно и то же, вмѣсто того, чтобъ исчерпать данный вопросъ въ одномъ мѣстѣ, наиболѣе соотвѣтственномъ со всѣмъ ходомъ изслѣдованія; кромѣ того, онъ иногда распространяется о предметахъ, которыхъ онъ могъ бы вовсе не касаться, или если ужь ему казалось необходимымъ говорить о нихъ, то слѣдовало это сдѣлать съ большею основательностью. Вовторыхъ, изложеніе автора отличается языкомъ неяснымъ и сбивчивымъ. Къ именамъ иностранныхъ авторовъ, заглавіямъ ихъ сочиненій и цитатамъ изъ нихъ авторъ относится съ странною для ученаго изслѣдователя легкостью, вызывая иногда у читателя улыбку. Наконецъ, задавшись мыслью воспользоваться сравнительнымъ методомъ въ историко-литературной части своего труда, авторъ, очевидно, не уяснилъ себѣ его пріемовъ, такъ какъ ему случается сближать явленія совершенно несоизмѣримыя, вслѣд-

ствіе чего онъ и приходитъ къ выводамъ, въ сущности ничѣмъ не оправдываемымъ. Въ концѣ концовъ получается тотъ фактъ, что заключенія автора оказываются въ значительной степени позади его намѣреній, и въ общемъ изслѣдованіе г. Владимірова даетъ гораздо меньше положительныхъ результатовъ, чѣмъ сколько ихъ ожидаешь въ виду, въ сущности, вполнѣ добросовѣстнаго и внимательнаго отношенія со стороны уважаемаго автора къ избранному имъ для изученія памятнику.

Вторая глава разбираемой нами книги составляетъ, несомнѣнно, ея существеннѣйшую часть, такъ какъ она представляетъ собою результатъ вполнѣ самостоятельной работы автора по части сличенія различныхъ списковъ „В. Зерцала", въ русскомъ переводѣ, и опредѣленія ихъ относительнаго значенія. Методъ, которымъ пользуется при этомъ авторъ, вполнѣ правиленъ: при указываемой имъ (стр. 37) своеобразности почти каждаго изъ дошедшихъ до насъ, исключительно бѣловыхъ списковъ „В. Зерцала", дѣйствительно, прежде всего, требовалось подробное сличеніе ихъ съ цѣлью отысканія первоначальной формы перевода и дальнѣйшихъ ея передѣлокъ. Правда, при этомъ незамѣнимую услугу оказалъ автору при его розысканіяхъ польскій переводъ „Зерцала" [1]), послуживъ ему прочною опорною

[1]) Авторъ пользовался имъ въ изданіи 1633 г. (Краковъ). По поводу этого послѣдняго у него на стр. 30 сказано: „Вотъ подробности о польскомъ переводѣ, сообщенныя въ заглавіи: „Speculum exemplorum" *переведенъ Jan'омъ Major'омъ* „a na ostatek przez X. Symona Wysockiego societatis Jesu kapłana na polskie znowu przełożone: a teraz świeżo po trzeci raz przez X. Jana Zesiowskiego Soc. Jesu z przyczynieniem wiele przykladów y z poprawa wielu omylek sporzadzone". *Итакъ, переводъ 1663 г. былъ третьимъ*. Къ сожалѣнію *мы не знаемъ ничего объ этомъ* (?!) *первомъ переводѣ*". Напечатанное въ этой выпискѣ курсивомъ представляетъ собою нѣчто весьма странное. Вопервыхъ, что̀ значатъ слова „переведенъ Jan'омъ Major'омъ" по отношенію къ польскому переводу? Самъ же г. Владиміровъ (стр. 6) подробно толкуетъ о томъ, что Jan Major былъ бельгійскій іезуитъ, передѣлавшій „Speculum exemplorum" анонимнаго автора въ „Speculum Magnum" и, слѣдовательно, не имѣющій ничего общаго съ переводомъ этого произведенія на польскій языкъ. Затѣмъ, столь же ошибочно заключеніе нашего автора о „*третьемъ* польскомъ переводѣ" „Вел. Зерцала". Еслибъ онъ внимательнѣе вчитался въ дѣйствительно нѣсколько запутанное заглавіе бывшаго у него подъ руками польскаго перевода и сравнилъ его съ заглавіемъ латинскаго „Magnum Speculum", то онъ избѣжалъ бы указанной ошибки относительно Яна Major'а и не задалъ бы вопроса объ „*этомъ* первомъ переводѣ", (почему-то не интересуясь, столь же неизвѣстнымъ для него и для другихъ,



точкой; вмѣстѣ съ тѣмъ и первоначальная версія русскаго перевода становится уже не въ такой мѣрѣ неизвѣстною искомою величиной, и самый процессъ установленія ея, на основаніи имѣющихся списковъ, является работой скорѣе провѣрочною; тѣмъ не менѣе, за нашимъ авторомъ остается безспорная заслуга съ кропотливымъ вниманіемъ исполненнаго сличенія различныхъ текстовъ „Вел. Зерцала", доказательства чего встрѣчаются на многихъ страницахъ его изслѣдованія.

„этимъ" *вторымъ* переводомъ „В. Зерцала" на польскій языкъ). Сопоставимъ оба заглавія — латинское и польское:

Speculum Magnum exemplorum ex plus quam LX authoribus pietate, doctrina et antiquitate venerandis, variisque tractatibus excerptum ab Anonimo quodam, qui circiter A. D. 1480 vixisse deprehentitur. *Nunc per* (quendam patrem e Soc. J. = въ слѣдующемъ изданіи) *Joann. Major* ab innumeris mendis et fastidiosis breviationibus vindicatum, variis notis auctorumque citationibus illustratum et appendice locupletatum. Duaci 1605. ap. Joan. Bellerum, in 4°.

Wielkie Zwierciadło przykładów, więcej niźli z osmiudziesiąt Pisarzów, pobożnoscią, nauką i starowiecznoscią, przezacnych: także z rozmaitych historyj i traktatów kościelnych wyięte przez iednego niemianowanego który żył około roku 1480, *potym przez X. Jana Maiora S. J. dowodém samych Autorów* obiaśnioné, tudzież więcéj niźli dwiema tysiącami przykladow rozmaitych szeroko rozwiedzione, potym przez X. Antoniégo Dauronciusa S. J., ktory wielce znamenitą xięgę *Flores exemplorum* (wydal?), szérzéj napisané; a na ostatek przez X. *Szymona Wisockiego* S. J. na polskie znowu przelożoné, a teraz swieżo po trzeci raz przez X. *Jana Lesiowskiégo S. J.* z przyczynieniém wielu przykładow y poprawą wielu omylek sporządzone. W Krakowie. W druk. Ant. Wosińskiego. 1633. fol. 1467 str.

Изъ приведеннаго польскаго заглавія видно: вопервыхъ, что за измѣненіями латинскаго текста „Велик. Зерцала", исполненными 1) Яномъ Майоромъ и 2) Давронтіусомъ, послѣдовалъ „новый" (znowu, а не въ смыслѣ „снова, или вторично") переводъ Высоцкаго на польскій языкъ, съ котораго „Вел. Зерцало" и переведено было на русскій языкъ, какъ это прямо указывается въ заглавіи синод. списка № 100, заглавіи исключительномъ по своей обширности и по указанію на время происхожденія русскаго перевода, — см. у *Владимірова*, стр. 38—39; и вовторыхъ, что рѣшительно нѣтъ основанія заключать изъ этого самого предисловія о существованіи *трехъ* польскихъ переводовъ (замѣтимъ мимоходомъ, что такое предположеніе тѣмъ болѣе странно, что на стр. III введенія въ своей книгѣ самъ же г. Владиміровъ говоритъ, что въ короткое время

Главное положеніе или выводъ, развиваемые г. Владиміровымъ во 2-й главѣ, заключаются въ томъ, что всѣ русскія версіи „Вел. Зерцала", по его мнѣнію, могутъ быть подведены подъ два типа, изъ которыхъ первый типъ оказывается болѣе близкимъ къ польскому оригиналу, а второй типъ, къ которому принадлежитъ гораздо большее число списковъ (авторъ указываетъ 21 полныхъ списковъ, 5 неполныхъ и 3 извѣстныхъ ему только по описаніямъ рукописей), обнимаетъ сводныя редакціи „Вел. Зерцала", представляющія ясные признаки передѣлокъ и слѣды особаго перевода этого произведенія (стр 38.). Нельзя не пожалѣть, что при распредѣленіи отдѣльныхъ списковъ на соотвѣтственныя съ сказаннымъ группы, авторъ не потрудился дать графическую схему: это придало бы его аргументаціи большую ясность и опредѣленность, особенно въ виду вышеупомянутой весьма значительной запутанности его изложенія вообще.

Представителемъ списковъ перваго типа (г. Владиміровымъ ихъ указано пять) авторъ признаетъ списокъ Московской синодальной библіотеки № 100, писанный скорописью XVII вѣка: онъ важенъ, сверхъ особенной близости заключающагося въ немъ перевода къ польскому оригиналу, еще тѣмъ, что содержитъ въ своемъ заглавіи опредѣленное указаніе, что переводъ „Вел. Зерцала" на русскій языкъ былъ исполненъ по желанію царя Алексѣя Михайловича въ 1677 г. За-

„польскій переводъ „В. Зерцала" выдержалъ три изданія", при чемъ онъ ссылается на Іохера, у котораго приведено подробно какъ разъ заглавіе польскаго изданія „В. Зерцала", *бывшаго въ рукахъ* у нашего автора, — такъ что въ одномъ случаѣ онъ изъ него дѣлаетъ выводъ только о трехъ изданіяхъ, въ другомъ же—о трехъ разныхъ переводахъ: разница не малая). Дѣло въ томъ, что г. Владимірова на его, по нашему мнѣнію, ложное заключеніе навели, по видимому, слова вышеприведеннаго польскаго заглавія: „a teraz swieżo *po trzeci raz* przez X. Jana Lesiowskiego etc"; но Лесевскимъ „Вел. Зерцало", какъ сказано въ предисловіи, было не переведено, а „приведено въ лучшій порядокъ" (sporządzone), и въ этомъ смыслѣ онъ, дѣйствительно, является, послѣ Jan'a Major'a и Daurontius'a, третьимъ. Такимъ образомъ, на основаніи этого польскаго заглавія, не можетъ быть и рѣчи о трехъ переводахъ „Вел. Зерцала" на польскій языкъ, а было три изданія его, изъ которыхъ первое, 1621 года, указываемое Іохеромъ (II, 348 стр.), составляетъ чрезвычайную рѣдкость, третье же, 1690 г., не можетъ представлять особеннаго интереса при изслѣдованіи русскаго „Вел. Зерцала", переведеннаго уже на тринадцать лѣтъ раньше. Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ на значеніе, которое можетъ имѣть вопросъ о числѣ польскихъ переводовъ „Вел. Зерцала" по отношенію къ переводу этого памятника католико-аскетической литературы на русскій языкъ.



мѣтимъ здѣсь, кстати, что почтенный авторъ, говоря о спискахъ перваго типа, впадаетъ въ странное противорѣчіе съ самимъ собою: указывая на отличающее списки перваго типа отъ ихъ польскаго оригинала опущеніе характеризующаго этотъ послѣдній ученаго школьнаго элемента въ родѣ ссылокъ на источники и авторовъ, или латинскихъ виршей и т. п., — г. Владиміровъ изъ подобнаго опущенія заключаетъ (стр. 42), что „переводъ „Вел. Зерцала“ не могъ выйдти изъ среды Заиконоспасской школы, въ которой развивался вкусъ къ виршамъ подъ вліяніемъ сочиненій польскихъ, южно-русскихъ и примѣра Симеона Полоцкаго“. Между тѣмъ во введеніи (стр. III) авторъ говоритъ, что „въ этихъ школахъ (Чудовскаго и Заиконоспасскаго монастырей), подъ руководствомъ южно-русскихъ ученыхъ возникаетъ переводческая дѣятельность, и рядомъ съ переводами чисто-религіозныхъ произведеній изъ этихъ школъ выходятъ переводы латинскихъ и польскихъ книгъ“, такъ что при этой, признаваемой авторомъ одинаковости господствовавшихъ въ обѣихъ названныхъ школахъ вліяній упомянутый отрицательный выводъ автора въ данномъ случаѣ относительно Заиконоспасской школы долженъ быть приложенъ и къ Чудовской школѣ, — но тогда какъ же примирить это съ мнѣніемъ самого же г. Владимірова (стр. IV—V), что эти-то двѣ школы и были именно тою „первоначальной средой“, въ которой только и могъ появиться русскій переводъ „Вел. Зерцала“?...

Списки втораго типа, какъ уже было замѣчено,—сводные. Важнѣйшимъ изъ нихъ можно признать Погодинскій № 1380, XVII вѣка, отличающійся особенною полнотой, и списки гг. Буслаева и Хлудова, оба съ предисловіями, которымъ авторъ придаетъ особенное значеніе. Крайнюю степень развитія „свода“, естественно, представляютъ позднѣйшіе списки, уже пользующіеся для своего состава разными посторонними источниками, какъ напримѣръ, Барсовскій списокъ XVIII столѣтія. Что же касается сказанныхъ предисловій, то, какъ намъ кажется, ихъ взаимное отношеніе понимается авторомъ не совсѣмъ правильно. Вотъ что̀ говорится на стр. 54 его книги:

„Великое зерцало въ томъ и другомъ предисловіи уподобляется „зерцалу естественному, показывающему черность или бѣлость (вреды) лица“. Но по этому сходству нельзя заключать объ отношеніи (взаимоотношеніи?) обоихъ предисловій, потому что уподобленіе это принадлежитъ къ пріемамъ школьной реторики: еще въ предисловіи къ латинскому изданію „Зерцала“ (1481 г.) говорится

между прочимъ: tanquam in purissimo Speculo aut decorem suum poterit aut deformitatem conspicere. [Слѣдуетъ еще примѣръ изъ южнорусскаго „Зерцала отъ Писанія Божественнаго", 1705 г.]. Такимъ образомъ два (оба ?) приведенныя предисловія принадлежатъ двумъ разнымъ лицамъ".

Отсюда видно, что авторъ не допускаетъ взаимной зависимости между означенными предисловіями, не смотря на весьма сходныя, почти тожественныя мѣста въ томъ и другомъ, которыя являются въ нихъ только не въ одинаковомъ порядкѣ (въ одномъ говорится сначала объ отраженіи человѣческаго лица въ зеркалѣ, а потомъ о вертоградѣ, въ другомъ же—на оборотъ, стр. 51—52 и 53). Между тѣмъ гораздо вѣрнѣе было бы сказать, что оба эти предисловія не только стоятъ въ тѣсной связи между собою, но и составляютъ не болѣе какъ амплификацію того „обращенія къ читателю", которое имѣется, напримѣръ, въ синодальномъ спискѣ № 100 (=Do czytelnika, въ польскомъ оригиналѣ) [1]), гдѣ говорится и о вертоградѣ, и о невѣстѣ Христовой, что находимъ и въ предисловіяхъ Буслаевскаго и Хлудовскаго списковъ. Признавая эти предисловія за самостоятельныя, авторъ считаетъ ихъ въ то же время главнымъ признакомъ для отличія принимаемыхъ имъ, сверхъ особыхъ „редакцій" русскаго „Великаго Зерцала", еще и „видовъ" его, развившихся на русской почвѣ. „Отличая виды отъ редакцій"—сказано на стр. 50,—„мы желаемъ обозначить ту особенность списковъ „Великаго Зерцала", которая проявляется, съ одной стороны, въ измѣненіи вида сборника безъ отношенія къ существеннымъ измѣненіямъ въ составѣ, и съ другой,— въ этихъ послѣднихъ измѣненіяхъ въ составѣ. Послѣднія измѣненія въ большей или меньшей степени проникаютъ всѣ списки втораго типа, поэтому имѣютъ значеніе для характеристики втораго типа вообще, между тѣмъ какъ предисловія составляютъ принадлежность только нѣкоторыхъ списковъ". Такое различіе, на нашъ взглядъ, черезчуръ тонко и тѣмъ болѣе излишне, что, какъ мы сейчасъ указали, между самыми предисловіями, долженствующими служить мѣриломъ для него, нѣтъ никакой существенной разницы. Кстати замѣтимъ, что приведенное нами мѣсто изъ книги г. Владимірова можетъ служить примѣромъ его слога, не блещущаго особенною опредѣленностью.

---

[1]) См. у *Владимірова*, стр. 40.



Сводные списки втораго типа состоятъ изъ двухъ частей изъ которыхъ часть, обозначенная у автора буквою В, хотя и представляетъ извѣстныя отличія въ составѣ сравнительно со списками перваго типа, но не составляетъ особой редакціи, тогда какъ часть А является самостоятельною и, по мнѣнію автора, имѣетъ особое происхожденіе. Характеръ же свода въ сказанныхъ спискахъ особенно рѣзко выражается повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же повѣстей (стр. 56). Части А свойственъ особый порядокъ главъ, встрѣчающійся во всѣхъ ея спискахъ, и въ общемъ онъ не представляетъ связи ни съ польскимъ оригиналомъ, ни со списками перваго типа (а слѣдовательно, и части В), хотя въ размѣщеніи отдѣльныхъ главъ замѣчается отношеніе къ тѣмъ или другимъ рубрикамъ польскаго оригинала. Этотъ распорядокъ главъ какъ будто указываетъ на то, что главы части А произошли посредствомъ выбора изъ разныхъ рубрикъ польскаго оригинала, иногда такихъ, которыя не попали въ списки перваго типа. Выводъ автора относительно самостоятельности части А (служащей въ то же время, по его убѣжденію (стр. 57—58), свидѣтельствомъ, что существовалъ еще другой переводъ „Великаго Зерцала" на русскій языкъ, кромѣ того, который легъ въ основу списковъ перваго типа) составляетъ наиболѣе самобытную, оригинальную часть его изслѣдованія, и здѣсь онъ расходится съ своими предшественниками (А. Н. Пыпинымъ, Очеркъ ист. стар. повѣстей, стр. 198 ; А. Н. Веселовскимъ, въ Исторіи русской литературы Галахова, 2-е изд., стр. 438), предполагавшими, что всѣ отличія, наблюдаемыя между отдѣльными списками „Великаго Зерцала", возникли путемъ многочисленныхъ переписокъ съ первоначальнаго перевода 1677 года.

Для вящшаго подтвержденія своего положенія объ особомъ переводѣ „Великаго Зерцала", остатки котораго и представляетъ часть А списковъ втораго типа, г. Владиміровъ, сверхъ вытекающей изъ его точки зрѣнія аргументаціи, дѣлаетъ на стр. 58—63 еще сопоставленіе отдѣльныхъ частей текста „Великаго Зерцала" по спискамъ перваго и втораго типа (части А), съ одной стороны, и польскаго оригинала—съ другой. Желаніе автора отстоять правильность своего самостоятельнаго вывода весьма законно и вполнѣ понятно. Тѣмъ не менѣе, даже по его собственному замѣчанію, оказывается, что „большая часть повѣстей, входящихъ въ составъ части А, по сравненію со списками перваго типа представляетъ какъ бы варіанты къ нимъ съ измѣненными заглавіями, съ сокращеніями въ однѣхъ повѣстяхъ и съ распространеніями — съ лишними подробностями въ другихъ"

(стр. 58). Но если это только „варіанты", то необходимо ли для объясненія ихъ происхожденія непремѣнно предполагать особый переводъ? Убѣжденіе же свое въ независимости части А отъ части В авторъ опираетъ преимущественно на языкъ первой изъ нихъ. Дѣйствительно, нельзя не признать довольно важнаго значенія за слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ повѣстяхъ части А многія выраженія, переведенныя или замѣненныя въ спискахъ перваго типа, остаются въ своей польской формѣ; подробности, пропущенныя списками перваго типа, оказываются одинаково, какъ въ варіантахъ части А, такъ и въ польскомъ оригиналѣ [1]); наконецъ, списки перваго типа и часть А въ спискахъ втораго типа значительно разнятся между собою и относительно общаго характера и языка и литературнаго изложенія. Значеніе послѣдняго пункта, однако, очевидно, преувеличено, такъ какъ самъ авторъ пріурочиваетъ предполагаемый имъ особый переводъ (часть А) почти къ одному времени съ переводомъ, заключающимся въ спискахъ перваго типа (стр. 58),—откуда же могла явиться особенная разница между ними въ отношеніи языка? Подтвержденіе своего предположенія о второмъ переводѣ „Великаго Зерцала" авторъ готовъ видѣть и въ словѣ „новопроведены", встрѣчающемся въ заглавіи части А (какъ напримѣръ, въ спискѣ Ундольскаго № 532); такъ на стр. 57—58 сказано: „Кромѣ прикладовъ (то-есть, вмѣсто „прилоги" списковъ перваго типа) въ этомъ заглавіи заслуживаетъ вниманія указаніе на новый переводъ". Но слово „новопреведены" есть только воспроизведеніе польскаго „znowu przełożone", которое, какъ мы показали въ примѣчаніи, вовсе не обозначаетъ повторенія польскаго перевода, а просто значитъ „новый переводъ" (ср. франц. „nouvellement traduit"). На стр. 64—65 авторъ вторично указываетъ особенности, отличающія часть А отъ списковъ перваго типа (или, что̀ то же, отъ части В). Но тутъ же рядомъ авторъ замѣчаетъ, что какъ въ спискахъ перваго типа переводъ не былъ дословнымъ, и текстъ подвергался измѣненіямъ вслѣдствіе стремленія видоизмѣнить слишкомъ католическій характеръ отдѣльныхъ повѣстей сборника въ духѣ, приближающемъ ихъ къ Прологу и Патерикамъ, такъ то же самое замѣчается и въ части А, такъ что и тутъ не представляется различія между А и В. Что же касается до

[1]) Но все это отнюдь не въ столь значительной степени, какъ можно убѣдиться изъ сравненія приведенныхъ авторомъ текстовъ.



упомянутыхъ особенностей, будто бы свойственныхъ каждой изъ двухъ частей сводныхъ списковъ „Великаго Зерцала", то онѣ, какъ мы уже говорили, вовсе не столь характеристичны; такъ напримѣръ, указываемый авторомъ (стр. 65) „народный складъ рѣчи", отличающій, по его словамъ, часть А (впрочемъ, судя по приведеннымъ примѣрамъ, не въ особенно сильной мѣрѣ) могъ явиться и чрезъ послѣдовательное переписываніе переводнаго текста части А, вовсе не обязывая насъ видѣть въ послѣдней какъ бы фрагментъ отдѣльнаго перевода, и приводимые нашимъ авторомъ добавки въ духѣ „народной рѣчи", въ видѣ цѣлыхъ фразъ (стр. 65: „пьяница, прищелкнувъ языкомъ") скорѣе говорятъ за простую прибавку отъ переписчика или, можетъ быть, правильнѣе сказать—новаго редактора русскаго текста „Великаго Зерцала". То же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ передачѣ польскаго слова „chłopieta"—въ одномъ случаѣ чрезъ „дѣти", въ другомъ чрезъ „раби" (стр. 64). Другое бы дѣло, еслибы въ части А находились разказы (прилоги, приклады), которые соотвѣтствуя повѣстямъ польскаго оригинала, не встрѣчались бы въ списках перваго типа (=части В): это сильно говорило бы за происхожденіе части А путемъ независимаго перевода, но ни чего подобнаго авторъ. сличившій столь большое количество списковъ „Великаго Зерцала" обоихъ типовъ, не указываетъ, если не считать за такое указаніе слѣдующую, крайне неясно составленную фразу: „Если судить по этому порядку (въ части А), то можно думать (?), что главы части А составлены по выбору изъ разныхъ рубрикъ, иногда такихъ, которыя не попали въ списки перваго типа" (стр. 57; ср. также стр. 41); но рубрики не одно и то же, что̀ самые разказы. Вообще, по нашему мнѣнію, если уже авторъ непремѣнно хотѣлъ видѣть въ части А особый переводъ сравнительно съ переводомъ въ спискахъ перваго типа, сдѣланнымъ съ польскаго перевода Высоцкаго, какъ это прямо указывается въ синодальномъ спискѣ № 100, который, за его особенную близость къ польскому тексту, авторъ не прочь признать за первую копію съ черноваго перевода (стр. 65), то не естественнѣе ли было бы предположить, что подлинникомъ для части А служилъ не переводъ Высоцкаго, а другой какой-либо переводъ „Великаго Зерцала" на польскій языкъ? Въ такомъ случаѣ автору надлежало направить свои розысканія прежде всего на поиски этого другаго польскаго перевода; между тѣмъ онъ ограничился справкой у Іохера, на основаніи котораго, но весьма не основательно, онъ высказываетъ (стр. 30) голословное предположеніе даже

о трехъ польскихъ переводахъ (см. выше, примѣчаніе). Теперь же, какъ видно изъ высказанныхъ нами соображеній, вопросъ о происхожденіи части А списковъ втораго типа русскаго „Великаго Зерцала" путемъ самостоятельнаго перевода остается открытымъ, и самое существованіе этого послѣдняго представляется вполнѣ гадательнымъ. Нашъ разборъ важнѣйшей по своему самостоятельному характеру главы въ изслѣдованіи г. Владимірова, надѣемся, достаточно убѣждаетъ, на сколько она не совершенна въ методологическомъ отношеніи; поэтому и не удивительно, что ея заключительные выводы (стр. 65—66) или состоятъ изъ повтореній того, что̀ было высказано въ ней авторомъ раньше въ видѣ отдѣльныхъ замѣчаній, или же не отличаются особенною значительностью.

Обращаясь къ содержанію введенія и первой и третьей главъ разсматриваемой нами книги, ограничиваемся по возможности немногими словами.

Введенія къ книгѣ г. Владимірова мы уже касались, а именно въ нашихъ замѣчаніяхъ по поводу высказаннаго въ немъ авторомъ взгляда на отношеніе русскаго перевода „Великаго Зерцала" къ дѣятельности Чудовской и Заиконоспасской школъ. Сверхъ того, по нашему мнѣнію, нельзя не упрекнуть автора за то, что онъ отнесъ къ введенію то, что̀, по справедливости, должно бы найдти себѣ мѣсто въ III-й главѣ его изслѣдованія, посвященной вообще вопросу о значеніи „Великаго Зерцала" въ старо-русской словесности и о его отношеніи къ прочимъ явленіямъ этой послѣдней. Мы разумѣемъ, въ особенности, находящееся на стр. XI—XII введенія чрезвычайно важное и любопытное указаніе, что изданные въ I-мъ выпускѣ „Памятниковъ старинной русской литературы", въ числѣ прочихъ, девять разказовъ цѣликомъ взяты изъ „Великаго Зерцала" (авторъ приводитъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ интересныя параллели), такъ что теперь заключенія, дѣлаемыя издателемъ означеннаго выпуска упомянутаго сборника относительно значенія этихъ разказовъ, какъ народно-русскихъ литературныхъ памятниковъ, якобы отражающихъ въ себѣ условія древне-русской жизни, утрачиваютъ свой смыслъ: поучительный примѣръ излишней поспѣшности въ выводахъ при изученіи произведеній нашей старинной письменности.

Въ слѣдующей за введеніемъ 1-й главѣ разсматриваемаго сочиненія авторъ выясняетъ такъ сказать культурное значеніе „Великаго Зерцала" на западѣ: возникнувъ въ концѣ XV вѣка, въ ту переходную эпоху, когда новыя идеи все открытѣе и смѣлѣе выступали на

борьбу съ авторитетомъ церкви, „Великое Зерцало" предназначалось служить орудіемъ въ рукахъ реакціонно-церковной партіи съ цѣлію противодѣйствія новому направленію гуманистовъ и укрѣпленія вѣры въ обществѣ, являясь такимъ образомъ продолженіемъ средневѣковой проповѣди, а также безчисленныхъ средневѣковыхъ сборниковъ, содержавшихъ въ себѣ всякаго рода религіозныя легенды, и обширныхъ энциклопедій, съ прибавленіемъ явно враждебнаго взгляда на мірскую науку. Автору, несомнѣнно, слѣдовало констатировать эту связь „Великаго Зерцала" съ предшествовавшими ему однородными литературными явленіями на Западѣ; но какъ намъ кажется, онъ напрасно посвятилъ столько страницъ своего труда передачѣ историко-литературныхъ данныхъ о каждомъ изъ наиболѣе извѣстныхъ западныхъ сборниковъ, какъ-то: Legenda aurea, Speculum Majus Винцентія изъ Бовэ, Disciplina clericalis, Gesta Romanorum. Изслѣдованіе г. Владимірова, по самому своему содержанію, не говоря уже о слогѣ, тяжеломъ и неточномъ, конечно, не предназначается для чтенія большой публики, для которой, впрочемъ, сообщенныя авторомъ свѣдѣнія о названныхъ памятникахъ (стр. 14—29) были бы слишкомъ сухи, для настоящихъ же его читателей, то-есть, спеціалистовъ, представленныя въ книгѣ данныя объ упомянутыхъ сборникахъ или не заключаютъ ничего новаго, или далеко недостаточны: такъ авторъ лишь въ двухъ словахъ касается отношенія между „Speculum Majus" и „Speculum vel Imago Mundi" Гильома de Conches, не обнаруживая притомъ должнаго знакомства съ литературой предмета: напримѣръ, онъ вовсе не упоминаетъ о прекрасной работѣ Бутарика, столь важной для вопроса объ источникахъ Винцентіева „Зерцала", вопроса, затрогиваемаго однакожь, и г. Владиміровымъ [1]). Цѣлесообразнѣе было бы ограничиться указаніемъ параллелей, представляемыхъ отдѣльными главами каждаго изъ этихъ сборниковъ, съ одной стороны, и „Великимъ Зерцаломъ"—съ другой, но за то указаніемъ болѣе обстоятельнымъ, чѣмъ это сдѣлано въ книгѣ г. Владимірова теперь: напримѣръ, передавъ вкратцѣ содержаніе разказанной у Винцентія и въ „Великомъ Зерцалѣ", легенды „о волшебницѣ, извлеченной демонами изъ гроба", авторъ замѣчаетъ: „кто не найдетъ въ этой легендѣ интересную параллель, а

---

[1]) *E. Boutaric,* Vincent de Beauvais et la connaissance de l'antiquité classique au XIII siècle—въ *Revue des questions historiques* 1875 г.

можетъ быть, и источникъ къ извѣстной повѣсти Гоголя „Вій", возникшей изъ подобныхъ же южно-русскихъ народныхъ пересказовъ?"— и только, безъ всякой дальнѣйшей попытки фактически подкрѣпить основательность своей гипотезы. Вообще должно сказать, что и дѣлаемый авторомъ перечень сказаній, перешедшихъ изъ разныхъ сборниковъ въ „Великомъ Зерцалѣ", отличается какою-то отрывочностью и отсутствіемъ связующаго принципа. Кромѣ того, къ явному ущербу стройности изложенія, авторъ вмѣсто того, чтобы разъ исчерпать вопросъ объ источникахъ „Великаго Зерцала", вовсе не касается его византійскихъ источниковъ въ этой главѣ своего сочиненія, а отлагаетъ это до III-й, послѣдней, главы.

Третья глава въ книгѣ г. Владимірова могла бы быть особенно цѣнною въ историко-литературномъ отношеніи, еслибъ она, подобно остальнымъ частямъ разбираемаго изслѣдованія, не представляла недостатковъ съ методологической точки зрѣнія. Прежде всего укажемъ на странность слѣдующаго дробленія при опредѣленіи значенія „Вел. Зерцала" для древне-русской письменности: сначала авторъ старается „прослѣдить отношеніе В. Зерцала къ древне-русской литературѣ", а потомъ „переходитъ къ разсмотрѣнію вліянія В. Зерцала на древне-русскую литературу" (стр. 80); неудивительно, что вслѣдствіе этого получается какая-то непріятная отрывочность, мѣшающая читателю получить отъ прочитаннаго одно цѣльное впечатлѣніе. Мало того, разбирая, напримѣръ, вліяніе Великаго Зерцала на синодики, авторъ придерживается какого-то схоластическаго пріема: сначала говорится о вліяніи на текстъ, потомъ о вліяніи на характеръ, затѣмъ о вліяніи на содержаніе, и все это относительно памятниковъ одного и того же рода (стр. 89—95). Далѣе, литературная исторія синодиковъ, излагаемая на нѣсколькихъ страницахъ, заключая въ себѣ нѣкоторыя небезынтересныя данныя, но все же не исчерпывая предмета, является вставкой, нарушающею послѣдовательное развитіе излагаемаго авторомъ въ этой главѣ. Что же касается вопроса о самомъ вліяніи „Великаго Зерцала" на синодики, то авторъ не достаточно выяснилъ себѣ, что̀ собственно слѣдуетъ разумѣть подъ такимъ вліяніемъ: какъ на примѣръ таковаго, онъ между прочимъ указываетъ на повѣсти „Великаго Зерцала" о спасительномъ дѣйствіи тридцати заупокойныхъ обѣденъ, перешедшія въ синодики; но это было не столько вліяніе, сколько притягиваніе однороднаго матеріала синодиками, встрѣтившими въ „Великомъ Зерцалѣ" разказы на тему, составлявшую главное содержаніе ихъ самихъ, при чемъ эти разказы даже

подгонялись къ общему тону, господствовавшему въ нашихъ синодикахъ. Указанія автора на соотвѣтствіе между разказами „Великаго Зерцала" и разными старинно-русскими повѣстями содержать въ себѣ много интереснаго и полезнаго для дальнѣйшихъ изслѣдованій по вопросу о воздѣйствіи западной литературы на древне-русскую; но къ сожалѣнію, и здѣсь преобладаетъ отрывочность и безсистемность, соединенныя съ какою-то боязливою уклончивостью автора отъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ выводовъ. При этомъ авторъ также пробуетъ сближать факты, въ сущности не соединенные между собою никакою генетическою связью. Напримѣръ, на стр. 76 онъ говоритъ: „замѣчательнѣе сходство повѣстей „Великаго Зерцала" съ сѣверно-русскими житіями", но затѣмъ самъ же замѣчаетъ, что „сходство здѣсь будетъ только по соотвѣтствію монастырскаго быта", и дѣйствительно, между повѣстями „Великаго Зерцала" и приведеннымъ у г. Владимірова эпизодомъ изъ житія Зосимы и Савватія нѣтъ ничего общаго, кромѣ здѣсь и тамъ передаваемаго голаго факта, да и то не тожественнаго. Какимъ же образомъ можно столь отдаленное и вполнѣ случайное совпаденіе двухъ фактовъ, встрѣчающихся въ повѣствованіяхъ, которыя стоятъ внѣ всякой историко-литературной связи, называть сходствомъ, да еще особенно замѣчательнымъ? Нѣкоторыя изъ дѣлаемыхъ авторомъ замѣчаній, впрочемъ, отличаются справедливостью, напримѣръ, его указаніе на то, что „Великое Зерцало" внесло въ обиходъ русской письменности XVII вѣка много новаго по отношенію къ сказаніямъ о Богородицѣ и чудотворныхъ мощахъ. Не менѣе вѣрно и его замѣчаніе (стр. 101) объ отношеніи народной поэзіи къ книжнымъ источникамъ по поводу сдѣланнаго на предыдущихъ страницахъ сравненія разказа „Великаго Зерцала" о грѣшной матери съ русскимъ духовнымъ стихомъ такого же содержанія; именно г. Владиміровъ говоритъ: „стихъ, схватывая общее содержаніе разказа, опускаетъ много подробностей (напримѣръ, значеніе покаянія, что̀ составляетъ главную мысль повѣсти Великаго Зерцала) и дополняетъ представленіями, сложившимися подъ вліяніемъ другихъ духовныхъ стиховъ и ихъ источниковъ", съ примѣсью особенностей русскаго народнаго быта.

Укажемъ въ заключеніе, на нѣкоторые мелкіе недосмотры и неточности, встрѣтившіеся намъ въ книгѣ г. Владимірова. Не разъ упоминаемый авторомъ церковный писатель „Климакъ" у насъ обозначается обыкновенно именемъ „Іоаннъ Лѣствичникъ" (такъ уже въ переводѣ, изданномъ въ концѣ XVII столѣтія), а на западѣ онъ,

дѣйствительно, зовется Climacus, Il Climaco и такъ далѣе. Vincentius Bellovacensis у г. Владимірова неточно называется „Винцентъ", тогда какъ слѣдовало бы писать либо Винцентій, либо Викентій. Вмѣсто „Мерлантъ" (стр. 3) должно читать „Марлантъ". Упоминая на стр. 7 о легендахъ о Дѣвѣ Маріи, авторъ указываетъ какъ на собраніе ихъ на одинъ изъ томовъ „Gesamtabenteur" фонъ-деръ Гагена, между тѣмъ какъ теперь существуютъ болѣе полные и критичные сборники, въ родѣ Гортманова и другихъ. Кстати, на стр. 19 употреблено неудобопонятное и совсѣмъ не русское выраженіе: „Дѣва Марія является обыкновенно въ прекрасной зарѣ"...(?!). Забавны описки въ латинскихъ падежныхъ окончаніяхъ: sententii (стр. 20) и philosophis et doctoris (стр. 21). Изъ записи одного списка „Великаго Зерцала", приводимой на стр. 46, едва ли можно заключать, какъ это дѣлаетъ авторъ, о времени написанія рукописи: въ ней указывается только время передачи списка въ обитель митрополитомъ Иларіономъ, а рукопись могла быть написана и прежде.

Закончимъ нашъ разборъ сочиненія г. Владимірова о „Великомъ Зерцалѣ" выраженіемъ надежды, что авторъ, сдѣлавшій своимъ настоящимъ трудомъ, не смотря на нѣкоторую его необработанность, цѣнный вкладъ въ науку о древне-русской письменности, еще разъ вернется къ своему предмету для болѣе полнаго и, главное, болѣе методическаго его изслѣдованія: никто у насъ, какъ онъ, не располагаетъ въ такой степени требуемымъ матеріаломъ, такъ что ему стоитъ только распорядиться имъ съ болѣе строгими научными пріемами, чтобы дать вполнѣ капитальный ученый трудъ, который могъ бы лечь въ основу цѣлаго ряда изслѣдованій по переводной русской литературѣ XVII вѣка.

Н. Болдаковъ.

Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса [1]).

Sécrets d'état de Venise. Par *Vl. Lamansky*. St.-Pétérsbourg. 1884.

XV [1]).

Гораздо менѣе находимъ мы въ сборникѣ В. И. Ламанскаго свѣдѣній объ остальныхъ западныхъ факторахъ восточнаго вопроса, напримѣръ, о Франціи, Испаніи, Германіи, Угріи. Да это и понятно:

[1]) *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

ихъ роль въ этомъ вопросѣ была уже болѣе второстепенная въ сравненіи съ ролью Венеціи, вся сила которой заключалась въ грекославянскихъ ея владѣніяхъ, или папскаго Рима, долго служившаго главною квартирою въ походѣ Запада на Востокъ. Къ тому же и венеціанскіе архивы бѣднѣе, конечно, матеріалами для исторіи французской, испанской, германской, угорской и т. д., чѣмъ для италіанской.

Тѣмъ не менѣе профессору Ламанскому удалось освѣтить не одну темную страницу и французской, испанской, германской, угорской исторіи, въ ея отношеніяхъ къ восточному вопросу. Такъ, напримѣръ, мы узнаемъ изъ документовъ нашего Сборника, что Франція, упорно лелѣявшая мысль о возведеніи своего короля въ санъ императора всѣхъ христіанъ (455), въ своихъ распряхъ за Италію и вообще за политическое преобладаніе въ западной Европѣ, нерѣдко прибѣгала, подобно Венеціи и Риму, и къ политическимъ убійствамъ, и къ содѣйствію султана. Выше приведены уже указанія на участіе Франціи въ покушеніяхъ на жизнь Бенедикта XI, Юлія II и Льва X. Затѣмъ въ 1637 г. въ Прагѣ былъ схваченъ преступникъ, показавшій подъ пыткою, что онъ подосланъ французскимъ посломъ въ Венеціи, съ вѣдома венеціанскаго правительства, для убіенія императора Фердинанда III (518). Вѣроятно, въ возмездіе за то составленъ былъ въ слѣдующемъ 1638 г., съ разрѣшенія Фердинанда III и его католическихъ министровъ, заговоръ на жизнь кардинала Ришелье (519). Напомнимъ здѣсь, что и раньше католическія державы нерѣдко посягали на жизнь не только французскихъ министровъ, но и самихъ „христіаннѣйшихъ" королей. Карлъ VIII, Генрихъ III и Генрихъ IV погибли то отъ яда, то отъ кинжала католиковъ, и именно монаховъ (ср. 300 сл., 479 сл.).

Не удивительно, что Французскіе короли пришли къ мысли о преимуществѣ союза турецкаго передъ испанскимъ, германскимъ и другими христіанскими. Съ 1536 г. начались дружественныя сношенія Французскихъ королей съ султанами, продолжавшіяся съ небольшими перерывами три вѣка и составляющія очень характерное явленіе ново-европейской исторіи.

Въ 1583 г. французскій посолъ въ Венеціи публично просилъ правительство республики направить турокъ на Испанію, чтобы предупредить захватъ ею торговли индійскими пряностями (483). Года два спустя тотъ же посолъ доказывалъ въ Венеціи, что она должна гораздо больше опасаться испанцевъ, чѣмъ турокъ, ибо съ послѣд-

ними еще можно де кое-какъ сладить, тогда какъ съ первыми нѣтъ ни дружбы, ни соглашенія (468). Въ 1593 г. французскій посолъ въ Венеціи въ письмѣ къ своему королю Генриху IV отъ 11 декабря 1593 г. совѣтовалъ перевезти изъ Алжира оружіе и вспомогательный турецкій отрядъ въ Валенсію, Аррагонію и Мурсію на помощь мѣстнымъ маврамъ, которые въ числѣ 70,000 человѣкъ сохранили до той поры свой языкъ, а въ тайнѣ и исламъ, вмѣстѣ съ воинственнымъ духомъ предковъ (480). Эта мысль принята была къ свѣдѣнію и въ 1597 г. венеціанскому послу при Генрихѣ IV было заявлено, что Франція въ крайнемъ случаѣ вынуждена будетъ навести турокъ на Испанію (482).

Что для предположеній этихъ существовала мѣстная подкладка, это видно между прочимъ изъ сообщенія совѣта X венеціанскому послу въ Испаніи въ 1569 г. о переговорахъ одного гранадскаго потурченца съ пашами, относительно захвата ими какой-либо крѣпости въ Апуліи и похода въ Испанію на помощь испанскимъ бунтовщикамъ (маврамъ? 483). И Португальскій король Антоній, лишенный испанцами престола, искалъ себѣ въ 1590 г. помощи у турокъ (483 сл.). Года черезъ три испанскій посолъ въ Венеціи просилъ ея правительство арестовать двухъ мавровъ, прибывшихъ изъ Испаніи для переговоровъ съ турками относительно высадки ихъ отряда на берегахъ Валенсіи для освобожденія мѣстныхъ мавровъ, которые хотя и приняли формально христіанство еще въ 1492 г., но въ тайнѣ оставались мусульманами и не разъ измѣняли своему королю, вслѣдствіе чего въ Валенсіи и Аррагоніи у жителей отобрано было оружіе (484). Года два спустя (1595 г.) мы опять читаемъ о двухъ знатныхъ испанцахъ изъ Аррагоніи и Валенсіи, которые, по донесенію венеціанскаго баила, предложили туркамъ свои услуги по передачѣ имъ двухъ портовъ на испанскихъ берегахъ (Ib.).

Ненависть западной Европы того времени къ испанцамъ объясняется, вѣроятно, ихъ жестокимъ управленіемъ въ завоеванныхъ областяхъ, а равно ихъ шаткою политическою моралью. Доказательствомъ послѣдняго можетъ служить и участіе испанцевъ въ покушеніяхъ на жизнь папъ Павла IV (+1559), Сикста V (+1590) и Климента VIII (+1605 г.), а также Французскаго короля Генриха IV въ 1602 г. (516) и др.

И въ Германіи XV—XVI вѣковъ политическая мораль стояла не выше, чѣмъ въ прочихъ западно-европейскихъ странахъ. При всей своей грубости, бывшей предметомъ вѣчныхъ насмѣшекъ въ Италіи, особенно

въ Венеція (420), нѣмцы той эпохи могли поспорить съ италіанцами въ утонченности злодѣйствъ. Въ доказательство этой мысли профессоръ Ламанскій ссылается на дѣянія франковъ подъ меровингами, лонгобардовъ въ Италіи, вандаловъ въ Испаніи и Африкѣ; на героевъ и героинь Эдды и Нибелунговъ; на жестокости Карла Великаго въ войнахъ съ саксами; на звѣрства Фридриха I въ 1160 г. въ Миланской области, гдѣ онъ вырубилъ всѣ плодовыя деревья и отослалъ въ Миланъ множество плѣнныхъ съ выколотыми глазами и разодранными ноздрями; на безчеловѣчіе Фридриха II, сожигавшаго женщинъ и отрѣзывавшаго члены у своихъ италіанскихъ плѣнниковъ; на умерщвленіе нѣмцами своихъ королей Филиппа въ 1208 г. и Альберта въ 1308; на насильственную смерть не менѣе пятидесяти высшихъ нѣмецкихъ прелатовъ IX--XV вѣковъ; на варварства нѣмецкихъ рыцарей въ прибалтійскихъ областяхъ—славянскихъ, литовскихъ, эстонскихъ, а также во время италіанскихъ походовъ и преслѣдованія жидовъ; на грубые нравы средневѣковыхъ нѣмецкихъ бароновъ, гнетъ крестьянъ, развитіе пытки, жестокіе способы казни; на участіе императора Максимиліана I въ поджогѣ венеціанскаго арсенала въ 1509 г.; на жестокости Габсбурговъ, напримѣръ, въ дѣлѣ Валенштейна, архіепископа Мартинуцци и другихъ; на двусмысленную политику Австріи въ отношеніи къ Ускокамъ, которымъ она покровительствовала во вредъ Венеціи (492—493, ср. 797); на шайки католическихъ поджигателей и отравителей въ Германіи, направляемыя католическими нѣмецкими государями на земли лютеранъ (424—428), и т. д.

Не удивительно, что и въ западной Европѣ многіе предпочитали тогда турокъ нѣмцамъ. Такъ нерѣдко думали и дѣйствовали правительства венеціанское, французское, угорское и другія.

Для характеристики Угріи въ XVI вѣкѣ довольно обстоятельныя свѣдѣнія мы находимъ въ донесеніи Массаро (Massaro) въ 1523 г., слѣдовательно, за нѣсколько лѣтъ до Могачской битвы.

„Угрія", говоритъ онъ,—„есть прекрасное и богатое царство, изобилующее всѣми благами міра, легкою и тяжелою кавалеріей, несчетною пѣхотою. Въ послѣднемъ отношеніи она имѣетъ преимущество и передъ Франціей, принужденною нанимать въ Испаніи пѣхотинцевъ, и передъ Испаніей, которая на оборотъ сильна пѣхотою, но слабѣе кавалеріей. Угрія изобилуетъ зерновымъ хлѣбомъ, виномъ, скотомъ, птицами, рыбами, золотомъ, серебромъ, мѣдью, свинцомъ, оловомъ. Въ Трансильваніи есть золотоносныя рѣки. Имѣется тутъ множество и бѣлѣйшей соли. Въ Трансильваніи и Валахія въ изобиліи асфальтъ,

годный на освѣщеніе. Въ Трансильваніи есть ключъ, въ которомъ вода похожа на вино по виду и вкусу. Нѣтъ въ этой странѣ только порядка да денегъ. Сомнительно, чтобъ Угрія дала рѣшительный отпоръ туркамъ... Угры мерзѣйшій народъ въ мірѣ. Они не любятъ ни другихъ, ни себя, а грабятъ другъ друга. Не смотря на ежедневныя пирушки, они вѣчно раздѣлены. Напрасно искать у нихъ справедливости: за деньги можно выиграть любой искъ. Всему этому виною угорская знать: 43,000 дворянъ, захвативъ въ свои руки власть, хитрятъ, плутуютъ и идутъ въ разбродъ. Словомъ, угры— это подонки міра, и не будь у нихъ добраго и невиннаго короля, Провидѣніе не замедлило бы стереть. ихъ съ лица земли (774—775). Къ несчастію, нѣмцы забрали въ свои руки и короля Людовика, развращая его и жену, съ цѣлью довести до безплодія и обезпечить своему Фердинанду наслѣдство Угріи" (776).

Положимъ, это отзывъ свидѣтеля не безпристрастнаго, но нѣкоторыя изъ взводимыхъ имъ на угровъ обвиненій мы можемъ подтвердить и документами нашего сборника. Что въ Угріи того времени уже распространилась вмѣстѣ съ латинствомъ шаткая мораль его послѣдователей, это видно изъ политическихъ въ ней убійствъ и деморализаціи высшихъ сановниковъ. Такъ у Длугоша мы встрѣчаемъ довольно правдоподобное извѣстіе, что самъ Матвѣй Корвинъ подсылалъ убійцъ на короля Владислава Чешскаго и Казиміра Польскаго (762). Въ 1528 г., по сообщенію одного венеціанскаго агента, во время войны австрійскаго эрцгерцога Фердинанда съ Іоанномъ Запольей 6000 нѣмецкихъ солдатъ умерли отъ винограда, отправленнаго уграми (408).

Доступность угорскихъ сановниковъ подкупу или взяткамъ видна изъ предложенія венеціанскаго посла въ Угріи Пасквалиго въ 1510 г. послать какой-нибудь подарокъ въ 100—300 червонцевъ угорскому палатину, въ знакъ особаго къ нему уваженія (435). Есть основанія подозрѣвать, что на венеціанской службѣ состоялъ и Остригомскій архіепископъ, примасъ Угріи, Ѳома Бакачъ, заклятый врагъ угорскихъ магнатовъ и едва ли не устроитель крестьянскаго противъ нихъ бунта въ 1514 г. Очень вѣроятно, что этимъ путемъ Бакачъ расчитывалъ добиться, при помощи Венеціи, папской тіары (431). Такимъ образомъ, значительная часть угорской знати была уже тогда насквозь пронизана деморализующимъ вліяніемъ запада, особенно нѣмцевъ; но вліяніе это не распространялось на народныя массы, какъ видно изъ постояннаго присутствія и силы въ Угріи

антинѣмецкой партіи (312). Въ критическую минуту она предпочла даже господство турецкое австрійскому (777, 798). Очень важно въ этомъ отношеніи донесеніе венеціанскаго посла при Германскомъ императорѣ Контарини изъ Праги въ 1594 г. Онъ говоритъ между прочимъ, что при императорскомъ дворѣ есть люди испанской партіи, которые полагаютъ, что дѣла французскія для христіанства гораздо важнѣе угорскихъ; они утверждаютъ-де, что удайся даже императору отнять отъ турокъ всѣ угорскія земли, мало бы отъ того было пользы католической вѣрѣ, ибо всѣ угры испорчены сектами и различными ересями, и все добытое здѣсь досталось бы собственно еретикамъ, а не католикамъ (485). Между этими сектами и ересями едва ли не разумѣлось главнѣйше православіе, уцѣлѣвшее еще тогда отъ древнѣйшихъ временъ во многихъ частяхъ Угріи.

Замѣчательно, что въ войскахъ семиградскаго воеводы Іоанна Запольи около 1528 г. находились не только угры, турки и татары, но и москали, по сообщенію венеціанскаго агента изъ Угріи (408). По всей вѣроятности, подъ ними разумѣлись червонорусcы смежныхъ съ Семиградомъ частей Угріи, Галичины и Буковины или южноруссы Молдавіи и Запорожья.

Такимъ образомъ, въ Угріи, какъ и въ республикѣ святаго Марка, населеніе распадалось на два культурныхъ слоя и типа: а) верхній— латинскій и б) нижній—грекославянскій. Угрія была, слѣдовательно, своего рода мостомъ отъ Запада къ Востоку. Изъ собственно же восточныхъ факторовъ великаго восточнаго вопроса заслуживаютъ особаго упоминанія и обозрѣнія слѣдующіе: 1) Турція XV—XVI вѣковъ, 2) греки, албанцы и славяне въ Венеціанской республикѣ и 3) Москва Къ нимъ мы теперь перейдемъ.

XVI.

Для правильной оцѣнки исторической роли Турціи и объясненія ея поразительныхъ успѣховъ въ XV—XVI вѣкахъ очень важно донесеніе Миланскому герцогу его посла въ Венеціи въ 1479 г. Въ донесеніи этомъ посолъ сообщаетъ, со словъ бѣжавшаго изъ Турціи плѣнника Іоанна Антона Кальдора (Caldora), сначала о доходахъ султана (до 5 мил. дук.) и его расходахъ на армію (до 3 мил. дук.), говоритъ о силѣ турецкаго флота (болѣе 300 галеръ, не считая множества фустъ и др. меньшихъ судовъ), а затѣмъ прибавляетъ: „Удивительныя вещи разказываетъ онъ, Кальдора, о величайшей справедливости и чудес-

номъ управленіи (султана) по всѣмъ вѣдомствамъ. Между прочимъ онъ сообщаетъ, что султанъ не имѣетъ и не терпитъ въ своихъ владѣніяхъ ни одного человѣка, который имѣлъ бы юрисдикцію надъ своими людьми, такъ что между всѣми турецкими пашами и прочими подданными нѣтъ ни одного, который имѣлъ бы юрисдикцію хотя бы надъ самымъ малымъ своимъ замкомъ, что конечно заслуживаетъ величайшаго удивленія... Молю Бога", заключаетъ посолъ,—„чтобъ онъ держалъ турокъ подальше отъ этой злосчастной Италіи" (165).

Итакъ, всего удивительнѣе и опаснѣе для Европы въ Турціи была не армія или флотъ, а совершенно отличный отъ западноевропейскаго соціальный строй, отсутствіе феодализма, барства, крѣпостнаго права, а вдобавокъ еще прекрасная юстиція и администрація.

Столь же характерны въ этомъ отношеніи слова, сказанныя въ 1529 г. венеціанскому послу въ Константинополѣ Ибрагимомъ-пашею, по случаю примиренія Венеціи съ Карломъ V: „Слова христіанъ пишутся де на снѣгѣ, султана же—на мраморѣ" (791).

Не удивительно, что сила и авторитетъ султана стояли въ то время такъ высоко, что и „цѣна его крови" (500 червонцевъ) втрое превышала цѣну за Испанскаго короля (150 черв.) и впятеро за папу (100 черв.), по характерной оцѣнкѣ фратра Іоан. Рагузинскаго въ 1518 г. (412).

Положеніе турецкой райи въ ту эпоху было значительно лучше тогдашняго положенія западно-европейскихъ крестьянъ, почему низшіе слои населеній и Архипелага, и Балканскаго полуострова, и Угріи очень часто принимали сторону турокъ противъ своихъ христіанскихъ государей и господъ. Нерѣдко такъ думали, впрочемъ, не одни крестьяне, но и правительства. Южные италіанцы, напримѣръ, предпочитали турокъ испанцамъ (792). Венеція въ 1479 г., по донесенію миланскаго посла, готова была, въ случаѣ образованія лиги изъ Флоренціи, Милана и Неаполя, соединить 70 своихъ галеръ и 5 кораблей съ турецкимъ флотомъ и напасть на Апулію, пропустивъ вдобавокъ 15—20.000 турокъ черезъ Фріуль въ Ломбардію (165). Усердно помогала она туркамъ и совѣтами, и шпіонствомъ и въ 1495 г., противъ Карла VIII, когда онъ утвердился въ Неаполѣ и предполагалъ перевезти свой отрядъ изъ Отранто въ Валону, съ тѣмъ чтобъ отрядъ этотъ, усиленный повстанцами греческими, албанскими, славянскими, двинулся на Константинополь (292 — 293), какъ нѣкогда норманны и другіе крестоносные франки.

И неаполитанцы въ свою очередь помогали своими совѣтами тур-

камъ въ войнахъ съ Венеціею. Такъ въ 1478 году Неаполитанскій король Фердинандъ I подущалъ Египетскаго султана къ войнѣ съ нею за островъ Кипръ (164); въ 1614 же году вице-король неаполитанскій герцогъ д'Оссуна совѣтовалъ туркамъ отнять отъ венеціанцевъ островъ Кандію (803), что̀ и случилось нѣсколько позже.

Не удивительно, что турки расчитывали было уже учредить свою секундогенитуру въ южной Италіи или на островѣ Сициліи (796).

Бывали случаи, что самъ папа, какъ мы видѣли уже, уговаривалъ Францію дозволить туркамъ потрепать нѣсколько Венецію за ея грѣшки (324). Французы не нуждались однако въ такихъ совѣтахъ, ибо они и безъ нихъ всегда держались союза съ Турціей въ своемъ соперничествѣ съ австро-испанскимъ домомъ.

Продолжительныя и частыя сношенія турокъ съ западомъ, особенно съ его столь деморализованными представителями, какъ Венеція и курія, не могли не подѣйствовать наконецъ разлагающимъ образомъ и на соціальный ихъ строй, и на политическую мораль.

Золото постепенно и въ Турціи становилось всесильнымъ кумиромъ и орудіемъ. Въ 1576 г. въ совѣтѣ X было даже формулировано положеніе, что въ Турціи бо̀льшаго можно добиться подарками, чѣмъ доводами (800). Съ этого приблизительно времени все бо̀льшую силу получаютъ при султанскомъ дворѣ греческіе, армянскіе и еврейскіе банкиры, которые забираютъ на откупъ цѣлыя провинціи и отдѣльныя оброчныя статьи, высасывая соки изъ населенія. Но по этому второму періоду турецкой исторіи было бы несправедливо заключать и о первомъ, о которомъ собственно и идетъ рѣчь въ Сборникѣ.

Для характеристики Турціи конца XV вѣка, въ ея отношеніяхъ къ западной Европѣ, въ высшей степени любопытны и важны многочисленные документы, собранные и изданные В. И. Ламанскимъ, о судьбѣ султана Джема, которому посвящено до 90 стр. (201—292) его сборника. Остановимся и мы на этомъ матеріалѣ и прослѣдимъ— въ хронологической послѣдовательности и строго придерживаясь документовъ — отдѣльные эпизоды тринадцатилѣтнихъ скитаній злополучнаго султана по областямъ Европы, съ дополнительными свѣдѣніями изъ Гаммера (Hammer, Histoire de l'Empire Ottomane 1836 г. III т.) и Цинкейзена (Zinkeisen, Gesch. der Osmanischen Reiches in Europa 1855 г. II и III т.).

Султанъ Джемъ былъ второй сынъ Магомета II Завоевателя. По свѣдѣніямъ въ сборникѣ профессора Ламанскаго, онъ родился около

1455 г. (263), по другимъ же источникамъ—въ 1459 г. (Гаммеръ III, 449, 456; Цинкейзенъ II, 493). Въ годъ смерти отца (3-го мая 1481 г.) Джемъ имѣлъ, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ 22 года, тогда какъ старшій братъ, Баязетъ, имѣлъ тогда лѣтъ 35.

Первое по времени извѣстіе о Джемѣ въ сборникѣ г. Ламанскаго занимаетъ сохраненное Марино Санудо письмо Джема къ Баязету въ 1481 г., въ которомъ призывается на султана месть покойнаго отца и выражается сожалѣніе, что послѣдній при жизни не казнилъ такого преступнаго сына (260). Вѣроятно, письмо это было написано во время похода Джема изъ его прежней караманской резиденціи Иконіи подъ Бруссу, въ маѣ 1481 г. [1]). Марино Санудо сообщаетъ вкратцѣ объ этомъ походѣ и двухъ сраженіяхъ подъ Бруссою (26-го мая и 16-го іюня [2]), изъ коихъ первое было выиграно, а второе потеряно Джемомъ, послѣ чего онъ принужденъ былъ съ 2000 оставшимися (изъ 7000) солдатами бѣжать въ Караманію (261). Въ Караманіи онъ встрѣтилъ-де свою мать, которая привела ему на помощь 10000 отрядъ, но уже поздно, такъ что Джемъ прослѣдовалъ чрезъ Иконію въ Алеппо съ 2000 всадниковъ, а оттуда въ Каиръ, куда прибылъ 10-го августа 1481 г. (261).

О пребываніи Джема въ Каирѣ, его поѣздкѣ въ Мекку и Медину, а равно о второмъ, тоже неудачномъ походѣ черезъ Сирію въ Малую Азію, для завоеванія хотя азіатскихъ частей имперіи, о чемъ подробно разказываетъ Гаммеръ (III, 351—354) и вкратцѣ—Цинкейзенъ (II, 478 сл.), мы ничего не находимъ въ сборникѣ профессора Ламанскаго. За то мы читаемъ у него довольно обстоятельный разказъ о посольствѣ Джема (изъ Каликіи, въ Малой Азіи) къ магистру родосскихъ рыцарей Петру Добюссону, съ просьбой объ убѣжищѣ, а также о согласіи на то магистра и высылкѣ за Джемомъ Родосской флотиліи изъ пяти большихъ и многихъ меньшихъ кораблей, затѣмъ о прибытіи султана съ 37 турками на островъ Родосъ 29-го іюля 1482 г. [3]), о торжественной ихъ встрѣчѣ магистромъ и поселеніи Джема во французскомъ альберго. При этомъ разказывается у Марино Санудо, что Джемъ имѣлъ тогда 26 (22?) лѣтъ отъ роду, былъ высокаго роста, съ орлинымъ носомъ, близорукъ на лѣвый глазъ и казался человѣкомъ скромнымъ и мужественнымъ (363). Характе-

---

[1]) У Марино Санудо тутъ ошибочно поставленъ 1480 г. (стр. 261. Ср. *Гаммера* III, 343, 345, 450; *Цинкейзена* II, 477 сл.).

[2]) У *Цинкейзена* II, 477: 20 іюня.

[3]) По *Гаммеру* III, 355—24-го іюля; по *Цинкейзену* II, 1480—23-го іюля.



ристика эта согласна въ общихъ чертахъ съ приводимою Гаммеромъ изъ Каурсина (III, 449 сл.).

Далѣе въ сборникѣ профессора Ламанскаго опять слѣдуетъ большой пробѣлъ объ одномѣсячномъ пребываніи Джема на островѣ Родосѣ, съ 29-го іюля по 31-го августа 1482 г., о его договорѣ съ Родосцами 20-го августа на случай возстановленія въ султанствѣ (Цинк. II, 481), а равно и о шестинедѣльномъ плаваніи чрезъ островъ Косъ и Мессину въ городъ Ниццу (Гамм. III, 356 — 359). Но за то мы находимъ въ сборникѣ не менѣе 25 документовъ о шестилѣтнемъ пребываніи Джема во Франціи, а именно: въ Ниццѣ съ октября 1482 по февраль 1483 г., потомъ въ Шамбери, Руссильонѣ, Ла-Пюи, Сассенажѣ, Бургнефѣ и наконецъ въ семиэтажномъ приморскомъ замкѣ Бокалини, близъ Марсели, гдѣ онъ оставался до 9-го ноября 1488 г. (Гаммеръ, III, 360—363, 366).

Бѣдный султанъ сталъ предметомъ постыднаго торга христіанскихъ государей, при чемъ болѣе или менѣе важную роль играли: 1) родосскій магистръ Добюссонъ, который, забывъ о договорѣ съ Джемомъ, разсматривалъ его какъ плѣнника, за содержаніе котораго онъ можетъ получать отъ 40 до 45000 дук. ежегодно отъ Баязета (Цин. II, 482 — 483), да еще пособія отъ султанши-матери изъ Египта, въ случаѣ же продажи—разныя льготы и преимущества, въ томъ числѣ и кардинальскую шапку; 2) папа, сначала одобрившій заключеніе Джема во Франціи (Систъ IV, см. Цинкейз. II, 481), потомъ же рѣшившійся во что бы то ни стало переманить его въ свои руки (Иннокентій VIII), чтобъ утилизировать для своихъ политическихъ и финансовыхъ цѣлей; 3) Венеція, которая пользовалась Джемомъ то для запугиванія Баязета, то для оказанія ему шпіонскихъ услугъ, то для другихъ тонкихъ соображеній и дѣлишекъ; 4) Карлъ VIII, наложившій и свою руку на узника родосцевъ и колебавшійся долгое время между Угріей, Баязетомъ и папою относительно выдачи Джема; 5) Фердинандъ, король Неаполитанскій, хлопотавшій о плѣнномъ султанѣ въ видахъ, кажется, перепродать его Баязету за богатый выкупъ; 6) Матвѣй Карвинъ, надѣявшійся при помощи Джема отвоевать отъ туровъ три королевства: Боснійское, Сербское и Болгарское (Цинк. II, 483); 7) Египетскій султанъ, принимавшій сторону Джема въ его борьбѣ съ Баязетомъ по политическимъ соображеніямъ или родственнымъ отношеніямъ къ жившей при его дворѣ матери Джема; 8) Баязетъ, желавшій во что бы то ни стало обезпечить себя

отъ претендента либо заключеніемъ въ мѣстности по возможности удаленной отъ Турціи, какъ Франція, либо умерщвленіемъ брата.

Прослѣдимъ теперь вкратцѣ содержаніе вошедшихъ въ сборникъ В. И. Ламанскаго документовъ о Джемѣ за періодъ времени: а) съ октября 1482 г. по 9-е ноября 1488 г. и б) съ послѣдняго до 1495 года.

22-го мая 1483 г. въ совѣтѣ X обсуждалось предложеніе Баязета переманить Джема въ руки венеціанцевъ, при чемъ совѣтъ рѣшилъ отклонить это предложеніе подъ предлогомъ невозможности добыть Джема изъ дальнихъ краевъ (Савойи) и чужихъ рукъ (202), на дѣлѣ же по болѣе эгоистическимъ соображеніямъ: въ плѣнномъ султанѣ совѣтъ видѣлъ палку, которою каждый можетъ бить Баязета: cum questo baston ognuno ha modo batterlo (204). Впрочемъ, венеціанскому послу въ Константинополѣ предписано было на всякій случай навѣдаться, какую сумму готовы турки дать за переводъ Джема изъ Франціи въ венеціанскія владѣнія (202), такъ какъ по слухамъ Баязетъ не прочь былъ отдать за эту услугу Морею (204). Мѣсяца черезъ два, 18-го іюня 1483 г., совѣтъ X, со включеніемъ двадцати ad hoc избранныхъ нобилей, обсуждалъ предложеніе Савойскаго герцога о передачѣ Венеціи Джема и рѣшилъ отложить ее до болѣе удобнаго и не очень де отдаленнаго времени (205—207). Совѣту, очевидно, „и хотѣлось, и кололось....“ По тѣмъ же мотивамъ отклонилъ совѣтъ X 17-го августа 1484 г. и предложеніе Джема перебѣжать изъ Савойи въ венеціанскія владѣнія (207), но вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ, въ знакъ сочувствія плѣннику, выпустить на волю арестованнаго въ Медонѣ посланца, посредничавшаго между Джемомъ и его матерью въ Каирѣ (ib). Отрицательно отвѣтилъ совѣтъ X 4-го декабря 1484 г. и на предложеніе родосскаго магистра передать Венеціи Джема: это признано было единогласно и опаснымъ, и преждевременнымъ (208—209). Очевидно, Венеція боялась Баязета, для угожденія которому предписано было 17-го мая 1485 г. венеціанскому послу въ Константинополѣ Даріо (Dario) сообщить султану о пребываніи его брата во Франціи, въ родосскомъ замкѣ Борго Каламитъ (Calamith, 209), а вмѣстѣ съ тѣмъ 14-го октября 1485 г. на того же посла возложено передать Баязету перехваченныя венеціанцами письма Джема къ его матери (210).

Но вотъ выступаетъ новый серьезный претендентъ на личность Джема, папа Иннокентій VIII. Уже въ первый годъ своего папства (1485) онъ потребовалъ отъ родосцевъ Джема, для употребленія его

при крестовомъ походѣ на турокъ, какъ это явствуетъ изъ письма папы къ герцогу Бурбонскому 7-го декабря 1585 г. (Цинк. II, 484). Переговоры вскорѣ привели къ заключенію контракта о передачѣ Джема магистромъ Добюссономъ папѣ Иннокентію VIII на слѣдующихъ условіяхъ: султанъ-претендентъ будетъ жить въ Маркѣ Анконской, гдѣ въ его распоряженіе отдано будетъ нѣсколько городовъ, замковъ и мѣстностей; онъ будетъ по прежнему находиться подъ охраною родосскихъ рыцарей, по выбору магистра, подъ главнымъ наблюденіемъ своего „протектора", кардинала Андагавскаго (Andagavensis); послѣдній даетъ клятву, что никому не передастъ Джема безъ обоюднаго согласія папы и ордена; равнымъ образомъ и приставленная къ султану стража принесетъ клятву въ томъ, что никому его не выдастъ и не дозволитъ бѣжать; на содержаніе Джема папа назначитъ по 12,000 червонцевъ въ годъ, да на переѣздъ изъ Франціи 2,000 червонцевъ, заимствуя эту сумму изъ получаемыхъ ежегодно на Джема отъ турокъ 40,000 дукатовъ, изъ нихъ 10,000 будутъ поступать въ казну родосскую, а 30,000 въ распоряженіе папы; въ случаѣ новой осады острова Родоса турками папа позаботится о доставленіи ему помощи; магистръ Добюссонъ получитъ кардинальскую шляпу, а родоссцамъ подчинены будутъ ордены Гроба Господня, Виѳлеемскій, Назаретскій и св. Лазаря, а съ тѣмъ вмѣстѣ имъ разрѣшено будетъ торговать съ невѣрными въ Сиріи и Египтѣ (263 сл.; ср. Цинк. II, 485).

Не скоро, однако, договоръ этотъ приведенъ былъ въ исполненіе, благодаря главнѣйше затрудненіямъ со стороны Французскаго короля. И венеціанское правительство, не смотря на вооруженія султана, о которыхъ писалъ Добюссонъ папѣ 23-го января 1487 г. (271), первое время было противъ передачи Джема Иннокентію VIII, считая Францію лучшимъ убѣжищемъ (211); но съ апрѣля 1487 года оно рѣшительно переходитъ на сторону папы, утверждаетъ его въ рѣшимости пріобрѣсти Джема (216) и выражаетъ мысль, что это прямо относится къ званію папы, какъ общаго отца и главы всего христіанскаго міра: specta proprio al officio suo pastorale... come padre universale et capo de tutta la christianità (215). Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ X придумалъ и практическій способъ для убѣжденія въ этомъ французовъ, именно „раздачу бенефицій", то-есть, особаго рода подкупъ вліятельныхъ духовныхъ лицъ при французскомъ дворѣ, предложивъ и съ своей стороны денежное пособіе для той же цѣли, чтобы затѣмъ имѣть въ рукахъ чудесное средство для обузданія Бая-

зета (215). Въ виду всего изложеннаго венеціанскому послу во Франціи предписано было 9-го апрѣля 1487 г. всячески помогать въ этомъ дѣлѣ легату, ни въ какомъ случаѣ не допуская передачи Джема Матвѣю Корвину, который воспользуется де претендентомъ единственно для своихъ спеціальныхъ цѣлей и удобствъ (217). Папа послушался совѣта венеціанцевъ и отправилъ вслѣдъ затѣмъ новаго легата съ обширными полномочіями обѣщать деньги и бенефиціи (cum ampla et omnimoda potestae promittendi pecunias et beneficia, 219), чтобы не допустить перехода Джема въ руки угорскаго короля (ib). А между тѣмъ и положеніе Французскаго короля было довольно затруднительно. Баязетъ предлагалъ ему за удержаніе Джема во Франціи „всѣ реликвіи, найденныя въ 1453 г. въ Константинопольскомъ дворцѣ, а также св. Гробъ и обѣщаніе никогда не воевать съ христіанами"; съ другой же стороны, Матвѣй Корвинъ представлялся Карлу VIII единственнымъ государемъ, который могъ тогда предпринять серьезную войну съ турками и, слѣдовательно, утилизировать Джема (275).

Благодаря соединеннымъ усиліямъ папы и Венеціи, при чемъ, конечно, и „раздача бенефицій" не осталась безъ вліянія, Карлъ VIII былъ, наконецъ, доведенъ до рѣшимости передать Джема на извѣстныхъ условіяхъ папѣ, какъ видно изъ его инструкціи отправленнымъ для этой цѣли въ Римъ посламъ 10-го апрѣля 1488 г. (287 сл.). Угорскій король, не успѣвъ во Франціи, обратился къ магистру Добюссону съ просьбою передать ему Джема (276): но что̀ могъ онъ посулить магистру равносильнаго кардинальской шляпѣ, обѣщанной ему папою? Столь же безуспѣшна была попытка султана таврическаго (soldanus Taurorum) выторговать себѣ у родосцевъ Джема (276).

4-го іюля 1488 г. была заключена, а 5-го октября того же года ратификована конвенція Французскаго короля съ папою, по которой Джему разрѣшено было переѣхать въ Марку Анконскую, какъ болѣе близкую къ христіанскимъ областямъ Турціи, въ видахъ обезпеченія Италіи, а въ особенности Папской области, отъ военныхъ приготовленій Баязета (281—284).

Хотя турецкія войска направлены были вслѣдъ затѣмъ не на Италію, а на Египетскаго султана, и потерпѣли 15-го августа 1488 г. пораженіе у города Адена (279), однако Карлъ VIII выдалъ 13-го октября 1488 г. Джему и его 400 спутникамъ охранную грамоту для переѣзда въ папскія владѣнія (288), о чемъ немедленно увѣдомилъ Баязета венеціанскій посолъ „тайкомъ и въ соотвѣтственно важныхъ

выраженіяхъ" (camunicar debiate secretamente cum li signori Bassà cum quella forma graue de paroli, che... la materia recerca, 224).

7-го ноября 1488 г. папа потребовалъ отъ венеціанцевъ возмѣщенія, согласно обѣщанію, части расходовъ на выкупъ Джема изъ Франціи (224), на что̀ ему данъ былъ отвѣтъ очень уклончивый, подъ тѣмъ предлогомъ, что Джемъ не переведенъ еще въ Папскую область (226). Въ самомъ дѣлѣ, лишь 9-го ноября 1488 г. послѣдовалъ отъѣздъ Джема со свитой и стражей изъ Франціи и не ранѣе 13-го марта 1489 г. онъ былъ доставленъ въ Римъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ одномъ изъ папскихъ замковъ (Гаммеръ III, 366, Цинк. II, 485).

Теперь начинается новый періодъ шестилѣтняго томленія Джема въ рукахъ папы, при постоянныхъ усиліяхъ: плѣнника спастись въ Египетъ или хоть въ Венецію; Баязета заполучить брата живымъ или мертвымъ; Венеціи протянуть по возможности время эксплоатаціи семейной распри Османидовъ и, наконецъ, папы утилизировать претендента для политическихъ или финансовыхъ спекуляцій. Для этого періода въ сборникѣ профессора Ламанскаго имѣется до 30 документовъ.

Изъ инструкціи венеціанскаго правительства его послу въ Римѣ, отъ 10-го февраля 1489 г., мы узнаемъ, что неаполитанскій король Фердинандъ желалъ тогда переманить къ себѣ Джема изъ Франціи либо изъ Папской области, при содѣйствіи родосскаго рыцаря фратра Марино (227). Вторымъ агентомъ Фердинанда въ этомъ дѣлѣ былъ, по свѣдѣніямъ венеціанскаго правительства, папскій постельничій Бернардинъ (228). Тогда же предостерегала Венеція папу отъ покушеній на Джема со стороны агентовъ Баязета, совѣтуя не пускать къ плѣннику даже тѣхъ турокъ, которые выдаютъ себя за посланцовъ его матери, и не допускать отъ нихъ подарковъ Джему въ видѣ рубахъ, поясовъ, платья и т. п. (229). Замѣтимъ здѣсь кстати, что, подъ шумокъ этихъ тревожныхъ для Баязета отношеній и переговоровъ, Венеція присоединила къ своимъ владѣніямъ въ 1489 г. Кипръ, безъ возраженій со стороны султана (Hopf y Ersch u. Gruber Encyclopedie, 86 т., 167).

19-го января 1490 г. венеціанскому послу въ Константинополѣ предписано было сообщить турецкому правительству о задержаніи въ Венеціи человѣка, который выдалъ себя папскому легату за турецкаго агента, подосланнаго съ двумя пузырьками яда для отравленія колодца, откуда черпаютъ воду для папы и Джема, при чемъ однако Венеціанцы считаютъ де этотъ разказъ его выдуманнымъ, для прида-

нія себѣ пущей важности (230). Объ аналогичномъ фактѣ упоминаютъ Гаммеръ (III, 368) и Цинкейзенъ (II, 487). Послѣдній сообщаетъ еще подъ 1490 г., что Баязетъ выплатилъ тогда папѣ 120,000 дук. за содержаніе Джема на три года (II, 486), и что Египетскій султанъ предлагалъ Иннокентію VIII за выдачу Джема 400,000 дук. да въ добавокъ передачу христіанамъ Іерусалима, Константинополя и всей Европейской Турціи, въ случаѣ пораженія Баязета (II, 486 сл.). По всей вѣроятности, послѣднее предложеніе сдѣлано было папѣ тѣми восемью посланцами изъ Александріи въ Римъ, о прибытіи коихъ въ Венецію упоминается въ инструкціи венеціанскаго правительства баилу въ Константинополѣ 19-го января 1490 г. (231).

30-го апрѣля 1490 г. венеціанское правительство извѣстило папу о подозрительныхъ сношеніяхъ съ Баязетомъ генуэзца Жуана Баптиста[1]) Зентиль, вѣроятно де въ видахъ убіенія Джема (232). Изъ другого письма въ Римъ же, 3-го іюня 1490 г., мы узнаемъ, что въ этомъ заговорѣ принимали участіе, сверхъ Жуана, еще доминиканецъ Леонардъ и нѣкоторыя другія лица, прибывшія де уже въ Римъ съ тайными агентами султана. Венеціанское правительство предписало при этомъ своему послу внушить папѣ, что онъ долженъ пуще глаза беречь этотъ „драгоцѣннѣйшій залогъ церкви, въ которомъ заключена и полная безопасность всѣхъ христіанскихъ государствъ, и вѣчная слава его святѣйшества: preciosissimum depositum ecclesiae dei, in quo consistit summa securitas totius status christiani et perpetua gloria nominis sanctitatis suae (233). Всѣ эти сообщенія его святѣйшество долженъ былъ „хранить въ тайникахъ своего сердца“ (ib.), конечно—изъ опасенія, чтобы Баязетъ не провѣдалъ о такой двуличности Венеціи. Очень обезпокоена была республика въ августѣ 1490 г. слухами о болѣзни папы, опасаясь въ смутахъ междуцарствія утратить Джема, этотъ „драгоцѣннѣйшій кладъ церкви и спасительнѣйшій даръ христіанства“ (234); но на этотъ разъ тревога оказалась напрасною.

23-го сентября 1490 г. венеціанскому послу въ Римѣ предписано было предостеречь папу противъ подозрительной близости съ Джемомъ султанова (египетскаго?) посла, который ежедневно посѣщаетъ плѣнника, съ нимъ ѣстъ, пьетъ и спитъ, а равно противъ Баязетова

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что и Иннокентій VIII былъ генуэзецъ и назывался Жуанъ Баптистъ Цибо.

посла Мустафы-бея, который ѣдетъ де въ Римъ для убіенія Джема, снабженный большимъ количествомъ денегъ и иныхъ драгоцѣнностей. Венеціанскому послу предписано было предупредить о томъ и родосскаго рыцаря Туркополіеро, завѣдывавшаго охраной Джема, но не заикаясь передъ нимъ о деньгахъ Мустафы-бея (236). Послѣдняя оговорка очень характерна и для Венеціи, и для римскихъ опекуновъ турецкаго царевича.

6-го ноября 1490 г. совѣтъ X обсуждалъ какое-то важное и тайное предложеніе Арльскаго архіепископа относительно Джема (238). Вѣроятно, дѣло шло о переселеніи его въ венеціанскія владѣнія, на что совѣтъ и тогда не могъ рѣшиться страха ради турецкаго.

24-го сентября 1491 г, совѣтъ X возложилъ на своего посла въ Римѣ сообщить папѣ, что существуетъ заговоръ на жизнь Джема, и что умерщвленіе его въ рукахъ папы было бы поводомъ очень неблаговидныхъ для послѣдняго комментаріевъ, тѣмъ болѣе, что жизнь претендента приводитъ въ ужасъ султана и составляетъ „драгоцѣннѣйшій кладъ церкви“ (238). Подобное же предупрежденіе вторично было послано въ Римъ 12-го декабря 1491 г., при чемъ названо и лицо, нанятое турками для умерщвленія Джема, именно доминиканецъ Леонардъ, о которомъ упомянуто и въ сообщеніи 30-го апрѣля 1490 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ посолъ долженъ былъ поставить папѣ на видъ, что убіеніе Джема было бы вѣчнымъ и несмываемымъ пятномъ на его имени (241): очевидно, что Венеція считала и Иннокентія VIII однимъ изъ участниковъ заговора! Основательность этого подозрѣнія доказывается и открытіями, сдѣланными Венеціей въ началѣ слѣдующаго 1492 г. Изъ Албаніи она получила очень компрометирующее папу извѣстіе, по всей вѣроятности, объ отправленіи имъ къ Баязету посланца для переговоровъ о Джемѣ, какъ это видно изъ сличенія инструкцій совѣта X его послу въ Римѣ отъ 8-го и 27-го февраля 1492 г. (244). Правда, папа признавалъ этого посланца обманщикомъ (ib.), но трудно повѣрить ему въ томъ на слово. Впрочемъ, Иннокентію VIII не удалось продать Джема Баязету, ибо вскорѣ онъ заболѣлъ (245), а недолго спустя и умеръ, очистивъ папскій престолъ знаменитому своими злодѣяніями Александру VI Борджіа (въ августѣ 1492 г.). Перемѣна на папскомъ престолѣ не только не улучшила положенія Джема, но еще ухудшила его, чѣмъ и объясняются усиленныя попытки ватиканскаго плѣнника вырваться на волю.

Уже изъ предписанія венеціанскаго правительства его послу въ

Римѣ 13-го октября 1492 г. мы узнаемъ о предположеніи Джема бѣжать въ венеціанскія владѣнія, которое было отклонено подъ предлогомъ нежеланія оскорбить папу, Французскаго короля, родосскихъ рыцарей и наконецъ самого Джема, который нигдѣ не можетъ-де найдти лучшаго убѣжища, какъ у главы церкви. Посреднику Джема въ этомъ предложеніи, Клавдію, приказано было Совѣтомъ X не затѣвать бѣгства подъ страхомъ потерять „жизнь и бороду" (247 сл.; ср. тоже на стр. 252 сл.). Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ обратилъ вниманіе папы на недовольство Джема своимъ положеніемъ и на его усилія бѣжать, заручившись лишь надежнымъ убѣжищемъ (246). Представленія Совѣта мало помогали Джему, и 21-го ноября 1492 г. венеціанскому послу вновь предписано было обратить вниманіе Александра VI на крайнее недовольство Джема своимъ положеніемъ и его готовность бѣжать изъ Рима, какъ скоро онъ раздобудетъ какую-нибудь лодку на Тигрѣ, въ чемъ ему можетъ де пособить г. Малиссе (Malissie). Необходимо-де разъяснить Джему, что всѣ предосторожности стражи направлены единственно къ охранѣ его отъ козней Баязета (251). Въ дѣйствительности Александръ VI смотрѣлъ гораздо практичнѣе на своего плѣнника. Онъ вступилъ, кажется, уже въ началѣ 1493 г., въ сношенія съ Баязетомъ о продажѣ ему „драгоцѣннаго залога церкви", по фразеологіи Совѣта X. Первымъ посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ папы съ султаномъ былъ Неаполитанскій король Фердинандъ, какъ о томъ можно догадываться изъ предписанія Совѣта X своему секретарю Даріо (Dario) 1-го апрѣля 1493 г. внушить турецкому посланцу, что Фердинандъ вовсе не распоряжается судьбой Джема и не состоитъ въ столь интимныхъ отношеніяхъ къ папѣ, какъ онъ увѣряетъ турокъ (253).

Въ апрѣлѣ 1493 г. въ Римъ дѣйствительно прибыли агенты Баязета, имѣвшіе аудіенцію у папы, при которой отказался присутствовать посолъ венеціанскій, изъ вниманія-де къ султану (254). Едва ли не съ вѣдома папы ѣздилъ тогда же въ Константинополь нѣкій Лактанцій Венціо, лицо близкое къ двумъ кардиналамъ и очень подозрительное въ глазахъ Совѣта X, который разослалъ за нимъ гончіе листы (255). Въ іюлѣ 1493 г. венеціанское правительство вновь выслѣдило какія то греческія письма о Джемѣ Михаила Христопуло, на шашни котораго обращено было вниманіе папы (256 сл.). 12-го марта 1494 г. еще разъ Совѣтъ X предостерегалъ папу противъ покушеній на жизнь Джема, этого „спасительнаго залога церкви

(257). Но вслѣдъ затѣмъ 19-го марта венеціанскому послу предписано было предъявить папѣ: а) два перехваченныхъ папскихъ бреве, едва ли не фальсифицированныхъ (?); б) копію письма арестованнаго венеціанскими властями фратра Александра Сервіано къ епископу (латинскому, конечно) Занте и Кефалоніи, писаннаго во дворцѣ паши 6-го ноября 1493 г., и в) найденную при этомъ фратрѣ вѣрительную грамоту Баязета къ Фердинанду. Хотя братъ Александръ и подъ пыткою не выдалъ-де цѣли своего посольства къ королю Неаполитанскому, однако онъ, какъ человѣкъ злобный, коварный и опасный, навѣрное преслѣдовалъ де при этомъ цѣли, противныя интересамъ христіанства, почему Совѣтъ X и опредѣлилъ держать его въ заключеніи впредь до рѣшенія папы (258).

Паша, въ домѣ котораго писано было означенное компрометирующее письмо фратра Александра, былъ, вѣроятно, Мустафа, еще при Иннокентіѣ VIII ѣздившій въ Римъ съ какимъ-то дипломатическимъ порученіемъ отъ Баязета, а затѣмъ поселившійся близъ г. Драча въ Албаніи, съ цѣлью руководить дѣйствіями, направленными противъ личности Джема. Объ этомъ Мустафѣ-пашѣ упоминаетъ магистръ Добюссонъ въ письмѣ къ Александру VI 26-го апрѣля 1494 г., называя его человѣкомъ обширнаго и тонкаго ума, пользующимся особымъ расположеніемъ и довѣріемъ султана (290).

Послѣдніе мѣсяцы жизни Джема мало освѣщены сборникомъ профессора Ламанскаго. Мы находимъ въ немъ еще только разрѣшеніе Совѣта X доложить Сенату донесенія венеціанскихъ пословъ въ Неаполѣ 19-го, 22-го и 27-го февраля 1495 г., извѣщающихъ о смерти Джема, при чемъ Совѣтъ потребовалъ однако опущенія имени медика магистра Тодора, а равно нѣкоего Іо. Якова де Тріультіисъ (magnificus dominus Joh. Iac. de Triultiis) и прочихъ военачальниковъ (ductores armorum), поименованныхъ въ письмѣ 27-го февраля 259). Изъ этого умолчанія можно бы сдѣлать заключеніе о какомъ-то соучастіи поименованныхъ лицъ въ смерти Джема, компрометирующемъ Совѣтъ X или его союзниковъ, почему и не признано было возможнымъ давать этой подробности огласку черезъ Сенатъ.

Кто же былъ непосредственнымъ виновникомъ смерти Джема?

На стр. 292 В. И. Ламанскій упоминаетъ объ инструкціи, данной папою Александромъ VI его нунцію, посланному къ Баязету, а равно о письмахъ послѣдняго къ папѣ: очевидно, они находились въ то время въ дѣятельныхъ сношеніяхъ. Изъ мемуаровъ Филиппа

Комина (Comines, Memoires, Paris 1649) мы также узнаемъ, что по современнымъ слухамъ Александръ VI передалъ Джема Карлу VIII уже отравленнымъ (292 — 293); венеціанцы же, узнавъ о смерти претендента, рѣшили де немедленно сообщить о томъ Баязету съ такой поспѣшностію, чтобы никто не могъ предупредить ихъ въ этомъ (293). Такимъ образомъ, главнымъ виновникомъ отравленія Джема является, по этимъ свѣдѣніямъ, Александръ VI, быть можетъ при нѣкоторомъ соучастіи Венеціи.

Гаммеръ и Цинкейзенъ также разказываютъ о предоставленіи папою султану 26-го іюня 1494 г. на выборъ: либо содержать Джема въ Римѣ за 40,000 дук. въ годъ, либо умертвить его за 400,000 дукатовъ разовыхъ (Гамм. III, 369; Цинк. II, 489, 491). Баязетъ, нѣсколько напуганный еще планами Карла VIII въ пересказѣ папы, предпочелъ кажется послѣднее. Цинкейзенъ сообщаетъ письмо его къ Александру VI отъ 15-го сентября 1494 года, въ которомъ султанъ соглашается выплатить папѣ 300,000 дукатовъ за умерщвленіе Джема и вдобавокъ обязуется до смерти хранить миръ съ христіанами и не притѣснять ихъ въ Турціи (II, 490 сл.). Папскій посолъ Георгій Буччіардо, кажется, получилъ уже и задатокъ отъ султана, въ количествѣ 80,000 дук.; но деньги эти были отъ него отобраны синигальскимъ префектомъ Іоанномъ де-Ровере (Rovere, см. Гам. III, 371; Цинк. II, 492). А между тѣмъ въ это самое время Карлъ VIII перешелъ во главѣ значительной арміи въ Италію (18-го сентября 1494 г.), занялъ Римъ (31-го декабря) и по миру съ папою 11-го янв. 1495 г. принудилъ послѣдняго выдать ему на шесть мѣсяцевъ Джема, котораго дѣйствительно получилъ 28-го января и увелъ съ собою въ Неаполь (Гам. III 369 сл., Цинк. II. 492 сл.). Но выпуская изъ своихъ рукъ жертву, Александръ VI изъ зависти ли къ Карлу VIII, или—что̀ вѣроятнѣе—изъ желанія получить отъ Баязета условленную „цѣну крови", велѣлъ поднести Джему медленнаго яда, по однимъ источникамъ—въ видѣ сахарнаго порошка, по другимъ же при содѣйствіи отравленной бритвы брадобрея Мустафы, такъ что, прибывъ 22-го февраля 1495 г. съ Карломъ VIII въ Неаполь, Джемъ на столько уже ослабѣлъ, что не могъ ни читать, ни понимать письма отъ матери изъ Египта и умеръ 24-го февраля 1495 года (Гам. III, 371 сл., Цинк. II, 493). Его трупъ, по распоряженію Баязета, былъ перевезенъ въ Бруссу и похороненъ въ гробницѣ Мурада II (Гам. III, 375).

Въ заключеніе этой печальной повѣсти о злополучномъ турец-

комъ царевичѣ въ рукахъ коварныхъ франковъ упомянемъ, что Джемъ оставилъ по себѣ нѣкоторый литературный слѣдъ, какъ турецкій поэтъ, и что онъ по крови былъ полу-славянинъ: его мать происходила, по свидѣтельству Каурсина, отъ сербскаго королевскаго рода: habuit matrem, inclyta regum Serbiae familia natam (Hammer III, 450).

А. Будиловичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ.

Разказъ и путешествіе по Святымъ Мѣстамъ Даніила митрополита Эфесскаго, изданные, переведенные и объясненные *Г. Дестунисомъ* (Православный Палестинскій Сборникъ, изданіе Православнаго Палестинскаго Общества вып. 8-й). С.-Пб. 1884.

Хожденіе архимандрита Гретенія во Святую Землю, изд. *Я. И. Гороженскій* (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1884 г., № 4, 1885, № 1.).

Митрополитъ Эфесскій Даніилъ, посѣтившій святыя мѣста Египта и Палестины между 1493 и 1499 годами, обѣщаетъ въ началѣ своего хожденія разказать намъ о томъ, что лично видѣлъ и о чемъ слышалъ; письменными источниками онъ пользовался, по видимому, мало, и самъ является намъ въ качествѣ первоисточника (стр. XII). Тѣмъ страннѣе поражаютъ въ очевидцѣ географическія неточности и неясность представленія, отмѣченная и издателемъ. „Переправившись въ Пендаполь Египетскій“, говоритъ Даніилъ,—„я по рѣкѣ Нилу на ладьѣ поднялся до Египта, отстоящаго отъ сего моря на триста слишкомъ миль“ (стр. 27). Подъ Египтомъ здѣсь разумѣется Каиръ, замѣчаетъ профессоръ Дестунисъ,—но „триста миль для лѣваго рукава Нила, если это, какъ мы думаемъ, мили римскія, цифра больше чѣмъ двойная въ сравненіи съ дѣйствительностью“. Старый и новый Египетъ „находятся на лѣво отъ рѣки Нила“, продолжаетъ паломникъ (l. c.); это невѣрно при обычномъ опредѣленіи праваго и лѣваго берега по теченію рѣки, и пріемъ Даніила былъ бы исключительный даже при толкованіи издателя, который пытается стать на точку зрѣнія автора, „пріѣхавшаго съ сѣвера и стоящаго лицомъ къ верховьямъ Нила“ (стр. 26 прим. 5). Очевидно, и здѣсь есть чему изумиться, какъ и при заявленіи путешественника, что Нилъ пред-

ставился ему какъ бы южною стѣною для стараго и новаго Египта=Каира.

Объясняя новый Египетъ Каиромъ г. Дестунисъ (стр. 26 прим. 3), могъ опереться на словоупотребленіе Василія гостя, Коробейникова, Гогары и Арсенія Суханова. Въ сербской Александріи и ея греческомъ источникѣ Египетъ также является обозначеніемъ для города: „оумрѣ (Александръ) въ земли нарицаеме Герсемѣ (=Гесемѣ), въ странѣ Халдѣисцѣи, близоу Египта, вь земли Мѣгюрѣціи Сирсціи на рѣцѣ Нилѣ, на мѣсте идѣже Іосіфѣ прькрасніи .з. житниць Фараону царю сьтвориль бѣше" (см. мою статью: Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, сентябрь, стр. 78). Сл. у Даніила, l. c., стр. 28: „А по ту сторону рѣки Нила, напротивъ такъ называемаго стараго Египта,... миль на семь къ югу, стоятъ и такъ называемыя пирамиды, то-есть житницы древняго Іосифа, сына Іакова; но онѣ, какъ я думаю, построены были сначала не для той потребы, чтобы служить житницами, но были большими и дорого стоющими гробницами". Дѣло идетъ здѣсь не о новомъ Египтѣ=Каирѣ, а о старомъ—о Вавилонѣ, персидской крѣпостцѣ Камбиза, получившей особое развитіе со временъ Римскихъ императоровъ и лежавшей въ столь близкомъ сосѣдствѣ къ Каиру, что Фрескобальди (ed. Gargiolli, p. 37) считаетъ ихъ за одинъ городъ: giugnemmo al Cairo e a Babilonia, che è quasi una medesima città. Таково и представленіе Даніила (стр. 26—7): „Упомянутые города, если ихъ мысленно соединить, окажутся величиною гораздо меньше Константинополя, за то они теперь населеннѣе его". „Свѣдѣнія Фабера и Тухера, слышанныя отъ мѣстныхъ драгомановъ, о числѣ жителей Каира, баснословны", замѣчаетъ издатель (стр. 27 прим. 1); еще лишнее доказательство того, что „пустынный Вавилонъ" средневѣковыхъ нѣмецкихъ эпиковъ—не Каиръ, какъ обыкновенно полагаютъ издатели, повторяющіе другъ друга (см., еще недавно, Bahder), а древній азіатскій Вавилонъ (см. мою статью: Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ, Слав. Сборн. т. II, 1876 г. стр. 154 слѣд. и Archiv f. slav. Philol. VIII, p. 326—330).

Интересно отношеніе Даніила къ пирамидамъ: въ началѣ онѣ были построены въ цѣляхъ погребенія, говоритъ онъ, тѣмъ не менѣе, отожествляя ихъ съ житницами Іосифа, то-есть, повторяя старый взглядъ, сближавшій пирамиды, о которыхъ не говорится въ Библіи, и которыхъ евреи Гесема могли дѣйствительно не видѣть, съ укрѣпленными житницами Библіи, развалины которыхъ недавно были най-

дены на мѣстѣ древняго Pithom (2 Mos. I, 11), нынѣ Tell el-Maschuta. Пирамиды=житницы Іосифа встрѣчаются уже въ одной редензіи космографіи Юлія Гонорія (V—VI в.), которымъ пользовался Дикуилъ: „inde pyramides quae „horrea Joseph" dicuntur et palatium regis Thetharcis, id est Pharaonis" (Riese, Geographi latini minores, p. 51); см. Diculli Liber de mensura orbis terrae, ed. Parthey, p. 26: „deinde in Nilo longe navigando septem horrea secundum numerum annorum habundantiae, quae sanctus Joseph fecerat, de longinquo admirantes, tamquam montes viderunt, quattuor in uno loco ac tria in altero". У Епифанія (Allatii Σύμμικτα, l. I, p. 55) путь лежитъ: на югъ отъ Александріи къ монастырю св. Макарія, откуда, въ четырехъ дняхъ пути, εἰσὶν αἱ ἀποθῆκαι τοῦ Ἰωσὴφ αἱ τριάκοντα ἕξ. καὶ ἐκ τῶν ἐκεῖσε περνᾷς τὸν ποταμὸν τὸν Φισὼν εἰς γέφυραν βασταζομένην ὑπὸ ὀγδοήκοντα καράβων καὶ ἐκεῖθεν εἰσέρχεται τὴν μεγάλην Βαβυλῶνα εἰς τὸ βασίλειον τοῦ Φαραώ. Отожествленіе пирамидъ съ житницами Іосифа характерно для средневѣковыхъ паломниковъ: ихъ точкой отправленія были библейскія, или евангельскія, воспоминанія, и они нерѣдко осуществляли ихъ, перенося прочитанное на видѣнное, и на-оборотъ.

Къ мѣстности стараго Египта—Вавилона относитъ Даніилъ (стр. 27—28) разказъ о пребыванія Богородицы „съ Іосифомъ и рожденнымъ ею предвѣчнымъ Сыномъ" и эпизодъ съ кумирами, павшими при входѣ Спасителя въ храмъ. Эпизодъ этотъ пріурочивается иначе къ Гермополю, въ Ѳиваидѣ. Какое пріуроченіе древнѣе? Въ легендѣ у Епифанія (Къ вопросу объ источн. сербск. Александріи, ст. II, стр. 22) чудо съ кумирами напророчено Іереміей. Къ египетскимъ памятямъ о немъ, собраннымъ мною, присоединю теперь и слѣдующую: Серапей, съ храмомъ Тота—Гермія, возвышавшійся у Мемфиса и служившій въ языческую пору обителью отшельниковъ-созерцателей, обратился впослѣдствіи въ монастырь св. Іереміи, Abu-Hermas, который развивается на счетъ разрушающагося Мемфиса и существованіе котораго можно прослѣдить до VIII вѣка. Какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, Гермій—Тотъ смѣнился Іереміей; по связи Гермія—Іереміи съ Александромъ въ Александріи сербскаго извода интересно, что кончину завоевателя она пріурочиваетъ, какъ мы видѣли, къ мѣстности у Стараго Египта, то-есть, вѣроятно, къ египетскому Вавилону, тенденціозно смѣнившему Вавилонъ Азіатскій.

На пути изъ Египта въ Палестину Даніилъ посѣтилъ синайскія святыни и, между прочимъ, Хоривъ, подъ коимъ (стр. 34—5)

„есть тотъ отсѣченный камень (ἀχρότομος πέτρα), изъ котораго, послѣ того, какъ Моисей поразилъ его жезломъ своимъ, вышли источники водные и народъ пилъ. И до сихъ поръ видны водные проходы: это одинадцать отверстій. Камень же этотъ имѣетъ видъ большаго четыреугольника (куба), не укорененнаго ни въ землѣ, ни въ близкихъ стремнинахъ; но онъ былъ отсѣченъ отъ горы, такъ что часть его спустилась туда, точно такимъ-же образомъ, какъ и много другихъ камней спустились и тамъ и въ другихъ мѣстахъ; потому-то, какъ я полагаю, онъ и называется отсѣченнымъ, что будучи отсѣченъ отъ горы, онъ спустился по стремнинѣ". По мнѣнію издателя (стр. 34, прим. 3), Даніилъ имѣлъ въ виду Псал. 113, 8: τοῦ στρέψαντος τὴν πέτραν εἰς λίμνας ὑδάτων καὶ την ἀχρότομον εἰς πηγὰς ὑδάτων. О томъ же чудѣ и въ томъ же мѣстѣ упоминаютъ нижнерейнскій паломникъ XV вѣка и Фабри, тогда какъ Епифаній относитъ его къ Раиѳѣ. Важенъ здѣсь не столько вопросъ о хоривской локализаціи, сколько образъ камня, о которомъ говорится, что онъ „οὐκ ἐρριζωμένη δὲ οὔτε ἐν τῇ γῇ, οὔτε τοῖς σύνεγγυς οὖσι κρημνοῖς (стр. 7). Я предполагаю здѣсь сліяніе двухъ легендъ: о камнѣ, изъ котораго Моисей источилъ воду, и о другомъ, спеціально синайскомъ, о которомъ говоритъ между прочимъ Коробейниковъ и Грековъ: „Егда Богъ сниде къ Моисею на святый верхъ, и ста Моисей при томъ камени, и камень Моисея пустилъ къ себѣ и покры главу его, и подъ тѣмъ каменіемъ глагола Моисей съ Богомъ". Сиголи прибавляетъ, что камень этотъ еще до его времени оставался въ томъ же висячемъ положеніи (e ancora si sta cosi), то-есть, не укрѣпленнымъ ни въ землѣ, ни въ стремнинахъ (см. мои Разысканія, гл. III, стр. 20 и прим. 1, стр. 46) [1].

---

[1]) По легендѣ этотъ камень былъ перенесенъ впослѣдствіи на Сіонъ, сл. l. c. стр. 8, 10—11, 13, 17. Собранныя мною указанія позволяютъ предложить слѣдующее исправленіе въ текстѣ слова «о мѣстахъ святыхъ иже въ Іерусалимѣ» Пам. древней письменности, XIV, 1881 (Бдинскій сборникъ 1360 г. изд. о. *Мартыновымъ*), стр. 22: «на немже (то-есть, Сіонѣ) прѣстависе Мати Божія, тоу камень горы Сішньскык (чит. Синайскія), егоже ангель принесе на прѣставленіе Богородици». То же смѣшеніе въ Хожденіи архимандрита Грееенья (l. c. 1885, № 1), стр. 13—14: на Сіонѣ «предъ церковью два камени поставлены червлены въ армарі, яко можетъ человѣкъ понесьти единъ, ихже ангелъ принесе къ Пречистѣй на поклоненіе отъ Синая (рукопись: Сіона). Въсхотѣ Пречистая ити въ гору Синаіскую на поклоненіе, и прииде къ Ней архангелъ благовѣсти за три дни отхожения ея отъ мира и принесе благословение отъ горы Синаіския».



Палестинскія впечатлѣнія Даніила могли бы вызвать нѣсколько замѣчаній въ дополненіе къ тѣмъ, которыми профессоръ Дестунисъ старательно обставилъ изданный имъ текстъ. Мы ограничимся немногими.

Выше Силоама, говоритъ Даніилъ (l. c, стр. 47—48),—какъ бы на выстрѣлъ изъ лука, созданъ былъ возлѣ стѣны города, но внутри его, „оный прославленный іудейскій храмъ. Тамъ было и крыло названнаго святилища, обращенное къ потоку и къ горѣ Элеонской, съ котораго іудеи свергли Іакова брата Господня.... Во дворѣ древняго храма стоятъ и тѣ сѣверныя врата, насупротивъ дома, какъ говоритъ пророкъ. И эти врата принадлежали городу Іерусалиму; снаружи были они желѣзныя и до сихъ поръ сохраняются затворенными". Недоумѣніе издателя относительно „вратъ" отчасти разрѣшается хожденіемъ Грееенья, которое способно породить — новое сомнѣніе: Грееcompleteній видѣлъ врата „въ стенѣ града Іерусалима, прямо горѣ Елеоньстѣй двоя желѣзны" и о нихъ же пророкъ рече: будутъ затворена, имиже никто же не имать проити сквозѣ ихъ, яко Господь Богъ Израилевъ проиде, и будуть затворена до скончанья". Разумѣются „золотыя врата", построенныя Иродомъ, въ которыя въѣхалъ Христосъ и которыя мусульмане заложили въ виду преданія, что ими вступитъ въ Іерусалимъ христіанскій побѣдитель (l. c. 1885, № 1, стр. 17—18 и прим.).

Названіе Иверской обители Креста (въ которой Breitenbach 1483 г. помѣщаетъ Kriechesch münich von sant Paulus glauben, сл. l. c. стр. 50, прим. 1. Павликіане называли себя христіанами апостола Павла, см. Разысканія, VI, стр. 39—40) Даніилъ объясняетъ легендой о крестномъ древѣ Лота, представляющей нѣкоторыя отличія отъ собранныхъ мною (Разысканія X, стр. 370 слѣд.): „Подъ святою трапезою храма находится какъ бы мраморный пупъ; говорятъ, въ этомъ мѣстѣ Лотъ, по согрѣшеніи, по наставленію якобы Авраама и преимущественно онаго іерея Мельхиседека, посадилъ три сухія головни, которыя, разросшись и соединившись, образовали одно широкое и вѣтвистое дерево; но послѣ того дерево это порублено было Соломономъ и найдено при построеніи имъ храма; а позже того изъ этого обрубка сдѣланъ былъ Крестъ Христовъ". Ни одинъ изъ сообщенныхъ мною пересказовъ легенды не знаетъ Мельхиседека, что̀ замѣчено и издателемъ (стр. XI, прим. 2), и я полагаю, принимая въ разчетъ контекстъ Даніила („Авраама и преимущественно... Мельхиседека"), что имя Мельхиседека внесено было имъ по памяти, по знакомству съ его ролью въ крестной

символикѣ вообще (см. Разысканія X, стр, 406—7) и не стояло въ его оригиналѣ. О происхожденіи древа изъ Иверской обители Креста говоритъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ. Къ указаніямъ г. Дестуниса (стр. 50, прим. 2) можно присоединить Хожденіе архимандрита Грееенья [1]) и Проскинитарій Арсенія Каллуды, въ переложеніи чудовскаго монаха Евфимія (1686 г.): „Во святомъ олтари подъ святою трапезою есть скважня кругла и есть мѣсто, идѣже посадися и возрасте жизнодательный садъ, всесвятое древо честнаго креста, еже прежде царь Соломонъ вложи во единъ мостъ, да преходятъ человѣци"... (Памятники Древней Письменности, 1883: Проскинитарій и т. д. стр. 60). Мостъ этотъ положенъ черезъ „потокъ Кедрскій" (l. с. стр. 40), какъ въ западныхъ легендахъ о крестѣ (Опыты по исторіи развитія христіанской легенды въ Журн. М. Н. Пр., 1876, Февраль, стр. 245; Разысканія, X, стр. 403—4), не знающихъ, впрочемъ, спеціально Лотова древа.

Говоря выше объ „оригиналѣ" Даніила я, разумѣется, имѣлъ въ виду не заимствованіе изъ какого-нибудь письменнаго источника, а тѣ условія, въ которыхъ находился всякій средневѣковой паломникъ, прошедшій извѣстную школу грамотности и назидательнаго чтенія. Къ тому, что̀ онъ слышалъ на мѣстѣ отъ словоохотливыхъ вожаковъ или набожныхъ монаховъ, его издавна приготовило чтеніе въ области легендъ, апокрифическихъ разказовъ и древнихъ хожденій. Читанное и усвоенное смѣшивалось въ немъ съ слышаннымъ и видѣннымъ на мѣстѣ, такъ что трудно бываетъ выдѣлить одно изъ другого. На берегу Чермнаго моря (на стр. 35, по ошибкѣ: Мертваго) Даніилъ увидѣлъ „подземный прокопъ, начатый Александромъ Македонскимъ, желавшимъ соединить оба моря между собою, Чермное и Сѣверное,

---

[1]) *Р. Ф. В.*, 1885, № I, стр. 27—28: «Отъ Иерусалима на пути съ двѣ верьстѣ есть келіа среди пути камена, развалена. Глаголютъ-же, въ томъ мѣстѣ спалъ Авемелехъ лѣтъ 62. И ту есть монастырь Иверскы на правѣ, съ два перестрѣла великіи, и церковь, въ ней-же подъ святою трапезою утлина на 4 грані: ту усечено честно древо животворяща Креста Господня, прѣходятъ вѣрніи и поклоняются». Къ сказаніямъ о святомъ древѣ Иверской обители, собраннымъ мною и Г. С. Дестунисомъ, сл. примѣчанія г. *Горожанскаго*, l. с., стр. 27, прим. 4. Къ легендѣ объ Авимелехѣ см. мою статью: Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи, *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1884, сентябрь, стр. 16—17, прим.; болѣе древній текстъ апокрифа—въ хлудовскомъ торжественникѣ XIV вѣка. *А. Поповъ*, Описаніе рукописей и т. д. А. И. Хлудова, 40стр. 6 и слѣд.



такъ какъ разстояніе между ними близкое, дня на 3; но онъ не довершилъ этого дѣла и тѣмъ не обратилъ Египта какъ бы въ островъ, какъ онъ этого желалъ: не знаю, что ему помѣшало". Издатель (стр. X—XI) замѣчаетъ, что эта сказка, вѣроятно, досталась Даніилу „отъ разкащиковъ-періигитовъ его времени, повторявшихъ, быть можетъ, какой-нибудь отрывокъ изъ апокрифической исторіи объ Александрѣ Македонскомъ". Г. Дестунисъ, можетъ быть, имѣетъ въ виду извѣстный эпизодъ объ испытаніи Александромъ морской глубины, странно пріуроченный.

Впрочемъ, всѣ эти отрывки житій и фантастическихъ повѣстей, которыя паломникъ могъ приносить съ собою, терялись и расплывались въ томъ широкомъ поэтическомъ синтезѣ легенды, который одинаково охватилъ и святыя мѣста Палестины, и Синай, и христіанскій Египетъ. Этотъ синтезъ слагался постепенно: отъ Бордосскаго странника, напримѣръ, до Фабри поэтическія воспоминанія, не оставившія не тронутою ни одной пяди Святой Земли, ростутъ, накопляются, циклизуются. Какими путями и при какомъ взаимодѣйствіи своего и чужаго складывалась эта собирательная поэзія, ощутить которую легче, впрочемъ, прочтя нѣсколько главъ, напримѣръ, Синайская Патерика, чѣмъ десятки хожденій? Сл. напримѣръ, въ житіи Маріи Египетской разказъ о томъ, какъ палестинскіе иноки справляютъ великій постъ передъ Пасхой, перебравшись на ту сторону Іордана и тамъ расходясь по одиночкѣ, чтобы проводить время во славословіи и молитвѣ (Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи, Ж. М. Н. Пр., іюль, стр. 163). Или повѣсть о нѣкоемъ Іоаннѣ, инокѣ въ монастырѣ аввы Евсторгія, котораго Іерусалимскій архіепископъ Илія хотѣлъ поставить игуменомъ, а тотъ не желалъ того, намѣреваясь отправиться на Синай, „молитвъ дѣля". И онъ отправился вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ, но едва перешелъ за рѣку на разстояніе одного поприща, какъ его бросило въ жаръ (начя старьць грозитися огнемь), и они принуждены были провести три дня въ небольшой пещерѣ. Ночью старцу было видѣніе: кто-то предсталъ ему и спросилъ: „повѣжь, старьче, камо хощеши ити? Глагола ему: Въ Синайкую гору. Глагола ему: Молю тя, не ходи".—На другую ночь то-же видѣніе повторилось: „что хощеши, калоугере, троудитися? послоушай мене, не иди никаможе. Рече же емоу старьць: Ты кто еси? Отвѣща емоу явивыйся: Азъ есмь Іоанъ креститель, и сего ради ти глаголю не ити никаможе, врьтепъ бо сь малъ а болии Синаискыя горы есть: многажьды бо сьде Господь нашь Іисусъ

Христосъ вниде присѣщаяй мене. Дажь же ми слово яко сьде живеши, и азъ ти съдравіе подамь". Старецъ даетъ обѣщаніе, исцѣляется отъ недуга, а въ вертепѣ устроилъ церковь, къ которой собралась и братія: „есть же мѣсто то нарицаемое Сапсасъ" (Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, № LXXXII, стр. 53). Ту пещеру видѣли и паломники, между прочимъ нашъ Даніилъ (стр. 52): „Мили на двѣ отъ Ермоніима находится въ потокѣ та пещера, въ которой, говорятъ, и Іоаннъ Предтеча провелъ столь много времени до того, что пришелъ крестить. Говорятъ, даже и Христосъ много разъ туда приходилъ, такъ какъ эта пещера находится въ пустыни Іорданской; а близъ Іордана стоитъ и обитель Іоанна, окруженная крѣпостью". Сл. у Грееенья: „И ту пониже горка, аки стогъ, съ нейже взятъ бысть Илья пророкъ колесницами и кони огненимѣ, зовома Ермонъ. За Іорданомъ-же видити, сказують, пещера святаго Іоана Предтеча" (Р. Ф. В. 1885, № I, стр. 33). Живая легенда уступила мѣсто топографической замѣткѣ. Таково часто впечатлѣніе всѣхъ этихъ хожденій: чудесныя молитвы забыты за четками, по которымъ ихъ отчитываютъ, и мы ощущаемъ поэзію мѣстной саги лишь подъ условіемъ и воздѣйствіемъ своихъ личныхъ, литературныхъ или благочестивыхъ воспоминаній. Эта точка зрѣнія можетъ пролить свѣтъ на сложеніе палестинскихъ легендъ: ихъ поэзія коллективная, въ основѣ ихъ могли находиться древнія мѣстныя памяти, указывавшія на тотъ или другой эпизодъ евангельской повѣсти, а каждый изъ этихъ эпизодовъ входилъ въ свою очередь въ связь съ другими, связь лично-біографическую или излюбленную—прообразовательную, усматривавшую въ фактахъ, по видимому, не стоящихъ другъ съ другомъ ни въ какихъ отношеніяхъ, выраженіе одной и той же, послѣдовательно выяснявшейся идеи. Предположиже теперь поколѣнія паломниковъ, воспитанныхъ въ этомъ символическомъ міровоззрѣніи: одна мѣстная память Палестины вызоветъ въ нихъ цѣлый рядъ другихъ, которыя невольно подскажутся сами, по привычкѣ и дѣйствію безсознательной аналогіи. Изъ одного воспоминанія выростетъ вереница воспоминаній, которыми вдохновится, которыя повторитъ авторъ болѣе поздняго хожденія. Такъ образовался, быть можетъ, изъ небольшой группы дѣйствительно мѣстныхъ преданій легендарный циклъ, пріуроченный къ Сіону (см. мои Разысканія гл. III), какъ, съ другой стороны, необходимо предположить лишь слабое участіе мѣстнаго элемента (см. напримѣръ, сказаніе о

древѣ Лота) въ циклической повѣсти о крестномъ древѣ, обнимающей прообразовательно всю исторію человѣчества (сл. Разысканія гл. X).

То же отношеніе между своимъ и чужимъ, пришлымъ и привнесеннымъ, окажется при разборѣ источниковъ извѣстнаго преданія о Вѣчномъ жидѣ, которое могло быть въ основѣ палестинскимъ [1]). Я разумѣю не поздній популярный типъ странствующаго жида, не знающаго ни покоя, ни устали, ни надежды, а такъ-сказать—типъ стаціонарный и, вѣроятно, болѣе архаическій. Въ XIII в. Матвѣй Парисъ разказалъ о нѣкоемъ Картафилѣ, бывшемъ привратникомъ преторіи Пилата во время суда надъ Христомъ. Когда евреи влекли осужденнаго ими Спасителя мимо вратъ преторіи, Картафилъ ударилъ его въ спину и сказалъ съ презрительной усмѣшкой: „Иди же скорѣе, Іисусъ! что ты такъ медлишь?“ Христосъ посмотрѣлъ на него строго: „Я иду“, возразилъ онъ, „а ты будешь ждать моего возвращенія“. И Картафилъ ждетъ до сихъ поръ пришествія Христова; ему было около тридцати лѣтъ при смерти Спасителя; всякій разъ, какъ ему минетъ сто лѣтъ, на него нападаетъ немощь, кажущаяся неизлечимою, онъ впадаетъ въ какое-то наступленіе, но затѣмъ снова становится здоровъ и молодъ, какимъ былъ въ пору крестной смерти. Его крестилъ Ананія, и въ крещеніи онъ нареченъ Іосифомъ. Обыкновенное его пребываніе въ двухъ Арменіяхъ и въ другихъ странахъ Востока; онъ живетъ въ сообществѣ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ, ведетъ святую жизнь, говоритъ мало и обдуманно и лишь отвѣчая на вопросы: тогда онъ разказываетъ о быломъ, объ обстоятельствахъ смерти Спасителя, разказываетъ серьезно и проливая слезы.—Вся его надежда на то, что согрѣшилъ онъ по невѣдѣнію.

Имя Картафила я пытался объяснить въ связи съ показаніемъ Матвѣя Париса, что онъ былъ привратникомъ преторіи Пилата, и съ византійскими κορταλῖνοι, κορτελῖνοι = θυρωροὶ τοῦ πραιτωρίου; можетъ быть — κορτοφύλαξ? Къ этому вело меня еще слѣдующее соображеніе: Въ цѣломъ рядѣ легендъ, разказывающихся въ Италіи (Венеціи, Неаполѣ, Сициліи и т. д.), Вѣчный жидъ, Малхъ или Маркъ по имени, является въ такой обстановкѣ: онъ былъ изъ числа тѣхъ, что̀ бичевали Христа; когда Христа вели въ домъ Пи-

---

[1]) См. мои: Легенды о Вѣчномъ жидѣ и объ императорѣ Троянѣ, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880 г., іюнь, стр. 85—90, *Archiv f. slav. Philologie*, V, Der ewige Jude, стр. 398—401; VIII, стр. 331—333.

лата, онъ ударилъ Спасителя по ланитѣ желѣзной рукавицей. За то онъ осужденъ пребывать въ подземномъ склепѣ и вѣчно, безъ устали, ходить вокругъ столба. Говорятъ, что отъ непрестаннаго хожденія полъ такъ осѣлся, что столбъ кажется выше прежняго; а ходитъ Малхъ безостановочно съ той поры, какъ пострадалъ Спаситель, и будетъ ходить до страшнаго суда, и бьется головой о стѣну и топчетъ ногами и жалуется, а умереть не можетъ.

Я указалъ, если не ошибаюсь, впервые, на связь этихъ преданій съ мѣстными палестинскими, пріуроченными именно къ преторіи, либо къ сосѣднему дому Анны, который легко могъ быть съ нею смѣшанъ [1]). По сообщеніямъ Alcarotti (1588), Troilo (1666—1668) и Legrenzi (1673) о мѣстности преторіи ходили въ ихъ время различные суевѣрные разказы: будто у одного портала слышались удары бича, а въ самомъ домѣ видѣли того самаго Малха, который ударилъ Христа въ ланиту. Одному паломнику изъ Виченцы его вожакъ-турокъ, когда-то бывшій его рабомъ, посулилъ показать чудо, какого никто еще не видѣлъ: ночью онъ свелъ его по крутой лѣстницѣ въ склепъ, глубоко подъ преторію; здѣсь путникъ увидѣлъ человѣка, страшнаго видомъ, съ длинными ярко-рыжими волосами, отросшими ногтями и глазами словно метавшими огонь. Точно помѣшанный вращался онъ въ покоѣ взадъ и впередъ, неистово топая о полъ и все время сохраняя безмолвіе. Вожакъ шепнулъ на ухо паломнику, что тотъ человѣкъ—Малхъ.

Италіанская легенда, недавно сообщенная по рукописи XVII вѣка профессоромъ Реніеромъ [2]) и неизвѣстная мнѣ во время написанія моей первой замѣтки въ Архивѣ г. Ягича, является нѣкоторымъ образомъ дублетомъ къ разказанной выше: вмѣсто паломника изъ Виченцы названъ какой-то именитый венеціанецъ, Carlo Renzo; его вожакъ—такой же бѣглый турецкій невольникъ [3]); въ подземномъ покоѣ пут-

---

[1]) См. Даніилъ l. c. p. 49: «А близь этого *преторія* (=домъ Пилата) въ серединѣ города стоятъ дома тѣхъ мерзкихъ Анны и Каіафы, одинъ насупротивъ другого, разоренные: изъ нихъ только нѣсколько комнатъ подъ сводами стоятъ, какъ знаменія, въ обличеніе ихъ именъ». Сл. l. c. прим. 1: Норовъ увѣряетъ, что нынѣшніе правители страшатся обитать въ этомъ мѣстѣ нечестія, то-есть, въ бывшемъ дворцѣ Пилата.

[2]) *Renier*, Contributo alla storia dell' Ebreo errante in Italia, въ *Giornale storico d. letteratura Italiana*, fasc. 8, p. 236—240.

[3]) Маньенъ сообщаетъ изъ одного анонимнаго старопечатнаго нѣмецкаго изданія XVII вѣка, что по словамъ одного австрійскаго барона въ 1641 и одного



нику показали какого-то воина въ латахъ, съ сѣкирой (? ronca) на плечахъ и мечемъ при бедрѣ, средняго роста, темноволосаго сухощаваго, съ впалыми глазами и признаками бороды. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, постоянно размахивая правою рукою, которую никто не въ силахъ былъ удержать. Турокъ объяснилъ, что это тотъ самый человѣкъ (имени нѣтъ), который въ этомъ мѣстѣ, въ присутствіи Анны, ударилъ Христа и за то осужденъ томиться здѣсь до судняго дня. Позднѣе, проходя мимо бывшаго дворца Пилата, Ренцо слышалъ собственными ушами звяканье какъ бы отъ цѣпей и удары бича; старуха, спрошенная имъ, отвѣчала, что это явленіе ей давно извѣстно: въ этомъ мѣстѣ, по преданію, Христа бичевали у столба.

Имя Малха снова встрѣчается въ двухъ французскихъ версіяхъ нашей легенды, представляющей нѣсколько частныхъ отклоненій отъ сообщенныхъ выше. Первая, восходящая къ XV вѣку, но сохранившаяся въ рукописи XVII в., напечатана была въ приложеніи къ Voyage à Jérusalem de Philippe de Voisins, seigneur de Montaut, ed. Ph. Tamizey de Larroque (Paris, 1883: „Malchus en vie enseprely jusques au nombril"); вторую воспроизвелъ въ Revue critique 1884 г., 17-го марта, Эмиль Пикó по рѣдкому старопечатному изданію XVII вѣка: Recit véritable et miraculeux de ce qui a esté veu en Hierusalem par un religieux de l'Ordre de St. François et autres personnes de qualité (A Paris, 1623). Авторъ послѣдняго разказа, Dominique Auberton, говоритъ, что въ 1500 году какой-то французскій ренегатъ показалъ ему въ Іерусалимѣ, въ подземельи Пилатова дома, человѣка, по имени Малха, „auquel St. Pierre coupра l'oreille dextre, qui frappa Jesus-Christ de sa main en la maison d' Anne, luy disant: Sic respondis pontifici? Ce Malchus est un homme rousseau, le visage long et barbe longue, aagé comme il semble de trente cinq à quarante ans, vestu de drap blanc, d'une robbe faite á l'esguille, et est dans la terre jusques au nombril...Il nous demanda quand le jour du jugement seroit... Le dit Malchus bat et frappe incessamment sa poitrine et ne regard point ceux pui parlent a luy; lequel spectacle est des plus hideux et espouvantables qui se voyent en Hierusalem".

Въ заключеніе обращу еще разъ вниманіе на редакцію этого преданія у Фабри (1480 и 1483 г.), на которую я уже указывалъ

врача, бывавшаго въ Палестинѣ въ 1643 году, какой-то турецкій капитанъ показалъ венеціанцу Bianchi Вѣчнаго жида Іосифа. Напомнимъ христіанское имя Картафила—Іосифъ.



однажды. Мѣсто дѣйствія у дома Анны, по смѣшенію его съ преторіей. Авторъ ратуетъ противъ „falsitas mendosa illorum, qui dicunt, quod Dominus Jesus suum percussorem puniverit statim in eodem loco, dicens ei: hic stabis usque in diem extremi judicii; et tunc salvus eris. Ab illa ergo hora stat ille ibi vivitque, nec tamen comedit, nec bibit, nec dormit, sed magno desiderio exspectat mundi finem, ut liberetur, et peregrinos advenientes interrogat, an foeminae adhuc masculos pariant? dicens: quod fine mundi appropinquante cessabunt mulieres mares parere; et ita stat ibi interrogans et ad interrogata respondens". Все это—нелѣпые разказы бродягъ, увѣряющихъ, что они сами бесѣдовали съ тѣмъ человѣкомъ, и что не всѣмъ удается его увидѣть, замѣчаетъ Фабри. „Ego dum essem in domo Annae jocose a quodam fratre minore ductore nostro quaesivi, ubi vir ille stat, qui alapam Domino Jesu dedit? Frater autem ille ad latus ecclesiae ab extra me duxit et unam olivam ibi stantem ostendit, dicens: ecce ille vir de quo dicunt, quod ungues digitorum ejus creverunt in terram, et barba ejus oblonge dependeat: notans radices et ramos arboris. Verum tamen incolae domus et christiani orientales omnes venerantur hanc arborem, dicentes, quod antiquissimi libri eorum habeant, quod Dominus Jesus stetit ligatus ad illam arborem, interim quod ministri comedebant et bibebant.

Пересказанныя выше преданія представляютъ, при нѣкоторомъ разнообразіи, и общія черты, которыя полезно отмѣтить. Какъ Картафилъ у Матвѣя Париса названъ привратникомъ преторіи Пилата, такъ большинство іерусалимскихъ легендъ, нами разобранныхъ, пріурочены именно къ дворцу, къ дому Пилата. На поводъ къ локализаціи у дома Анны уже было указано; Auberton удерживающій преторій, какъ мѣсто наказанія, открываетъ намъ, быть можетъ, и другую причину смѣшенія: Малхъ ударилъ Христа въ присутствіи Анны, со словами: sic respondis pontifici. Наказаніе состоитъ въ вѣчномъ, безостановочномъ хожденіи въ подземельи; народный италіанскій разказъ говоритъ, что отъ того полъ осѣлся подъ Малхомъ; у Фабри „ungues digitorum ejus creverunt in terram"; во французской рецензіи, въ обоихъ варіантахъ, Малхъ по поясъ погрязъ въ землю: несомнѣнно—это разновидности одного и того же образа. Только у Матвея Париса кара, постигшая невольнаго грѣшника, ограничена роковымъ безсмертіемъ, и особо стоитъ черта, что черезъ каждыя сто лѣтъ онъ впадаетъ въ немощь и изступленіе, а за тѣмъ здоровѣетъ и молодѣетъ снова. Замѣтимъ еще подробность, сближающую Auberton

съ Фабри: тамъ и здѣсь грѣшникъ спрашиваетъ: когда будетъ судный день, или: родятся ли еще дѣти мужскаго пола? Во всѣхъ пересказахъ, кромѣ Фабри и отдѣльно стоящаго Матвѣя Париса, дѣйствующее лицо названо Малхомъ. Я полагаю теперь вѣроятнымъ, что это имя вторглось въ посторонній ему разказъ изъ извѣстнаго эпизода Евангелія отъ Іоанна (XVIII, 10, 11). Древне-русскіе Вопросы и Отвѣты отличаютъ Малха отъ ударившаго Христа въ ланиту, но съ другой стороны, представляютъ другія смѣшенія, объяснить которыя мы рѣшимся лишь гипотетически.

1) Въ Пам. старинной русск. лит. III стр. 172 читаемъ:

Вопросъ: Како имя тому человѣку, ему-же Петръ апостолъ урѣза ухо десное?—Отвѣтъ: Имя ему Малхъ, рабъ архіереовъ.

Вопросъ: Како имя тому человѣку, иже прободе Господа на крестѣ?—Отвѣтъ: Логинъ воинъ [а иніи глаголютъ Фаласъ] Логинова же ста. См. далѣе № 3.

Вопросъ: Како имя тому человѣку, иже удари Господа по ланитѣ?—Отвѣтъ: Рабъ Каияѳинъ, именемъ Ѳалсатъ.

2) Въ неизданномъ спискѣ Вопросовъ и Отвѣтовъ, на который я ссылался въ моей замѣткѣ въ Архивѣ г. Ягича, на вопросъ: „Кто трижды днемъ смерть вкушаетъ?" дается такое толкованіе: „Фанасъ іли Фаласъ или Калюсъ, рабъ Каиаѳинъ, иже зауши Господа в предани, и повеле его Господь снѣдати лютому звѣрю трижды днемъ, і по снѣденіи паки живъ бываетъ. А николижъ муцѣ той конца не будетъ, но во вѣки вѣковъ ему мученіе".

3) „Ребра прободе Логгинъ, а иніи глаголютъ Фаласъ, воинъ отъ Логгиновой сотни, родомъ Фрязинъ.—Оударивый за ланиту Господа нашего Іисуса Христа Фалсатъ, рабъ Каіафинъ, родомъ латининъ (Карповъ, Азбуковники, стр. 41—2). Сюда-же, вѣроятно, относится отвѣтъ на вопросъ: „кто трижды днемѣ умиралъ и паки оживалъ"—„Ѳеофилактъ латининъ зауши брата (sic., вм. Господа) своего на преданіе Іудеемъ, повеле (Господь) зверемъ снедати его трижди днемъ, и паки оживалъ" (Пам. древней письменности, вып, I, стр. 89).

Въ слѣдующихъ далѣе текстахъ ударившій Христа въ ланиту не кто иное какъ разслабленный (прокаженный), исцѣленный Спасителемъ. Въ одной, какъ кажется, не изданной топографіи христіанскаго Іерусалима, на Сіонѣ указывали, въ числѣ другихъ примѣчательностей и мѣсто, гдѣ „ἔδωκεν ὁ λεπρὸς τοῦ Χριστοῦ ῥάπισμα". Сл. Anonymus у Алляція (Σύμμικτα, lib. I p. 84), въ очевидно испорченномъ

текстѣ: αὐτοῦ εἰς τὴν ἁγίαν Σιὼν ἔναι ἑτέρα φυλακὴ τοῦ Χριστοῦ. Αὐτοῦ ἔναι [ὁ τόπος, ὅπου ἔδωκεν?] ὁ παράλυτος ῥάπισμα τοῦ Χριστοῦ".

Согласно съ этимъ наши Вопросы и Отвѣты:

4) Василій рече: Кто трижды днемъ смерть вкуси?—Іоаннъ рече: Ему же (повелѣ) Господь одръ взяти, тоиже зауши Господа на преданіи; и повелѣ Господь его снѣсти лютому звѣрю трижды днемъ (Пам. старинн. русск. лит. III, 170). Сл. Тихонравова Пам. отр. русск. лит. II 434 и Карповъ l. c. стр. 132: „Когда Господь разслабленнаго исцѣлилъ, и тотъ разслабленный по исцѣленіи, на распятіи, Господа по ланитѣ ударилъ, и за то ему далъ Господь муку, по трижды велѣлъ его на день звѣрю снѣдати; и звѣрь его снѣдаетъ, а онъ опять оживетъ, и онъ на день оживаетъ трижды, а звѣрь его снѣдаетъ трижды". То же въ Вопросахъ и Отвѣтахъ, напечатанныхъ въ Памятн. древней письменности, вып. I, стр. 101.

Руководящею нитью въ этихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ можетъ служить чередованіе въ №№ 1 и 3 разказовъ о Фаласѣ, воинѣ Лонгиновой сотни, прободшемъ Спасителя на Крестѣ, и Каяфиномъ рабѣ Фалсатѣ, заушившемъ Христа; чередованіе, поведшее въ № 3 къ замѣнѣ имени Фальсата—Фаласомъ. Лонгиномъ называли то центуріона у Матѳ. 24, 54, увѣровавшаго въ Распятаго, то воина, пронзившаго бокъ Христа; извѣстенъ разказъ о чудѣ, совершившемся надъ послѣднимъ у подножія креста, когда капли Христовой крови, попавшія въ его больные глаза, излѣчили ихъ. Яковъ de Voragine c. 47 говоритъ, что это чудо побудило его покинуть военную службу; окрещенный апостолами, онъ въ теченіе 28 лѣтъ проводилъ въ Кесаріи Каппадокійской монашеское житіе, подобно тому, какъ Картафила мы находимъ въ Арменіи, преданнаго благочестію и покаяннымъ мыслямъ. У сирійскихъ писателей (Assemani, Bibl. Orientalis III, 317) встрѣчается еще одно свѣдѣніе о Лонгинѣ: онъ былъ тотъ самый, который подвергъ Христа оплеванію и заушенію, а передъ тѣмъ былъ больнымъ въ теченіи 38 лѣтъ [1]) что относитъ насъ къ

---

[1]) См. Евангеліе отъ Іоанна V, 2 и слѣд. Въ греч. Евангеліи Никодима, гл. VI, этотъ *разслабленный*, пролежавшій 38 лѣтъ и исцѣленный Іисусомъ Христомъ, свидѣтельствуетъ о немъ предъ лицемъ Пилата. Далѣе выступаетъ съ такимъ же разказомъ о чудѣ, надъ нимъ совершенномъ, *слѣпой*. Одна рукопись латинскихъ Gesta Pilati, c. VIII, выводитъ, въ числѣ прочихъ свидѣтелей, и *центуріона*, у котораго Спаситель исцѣлилъ разслабленнаго раба. Этотъ Centurio, сближенный съ центуріономъ Лонгиномъ, могъ повлечь перенесеніе на послѣдняго—эпизода о разслабленномъ.



разслабленному или прокаженному приведенныхъ выше греческаго и русскихъ текстовъ. Какъ этотъ разслабленный, въ возмездіе за свой проступокъ, трижды снѣдаемъ въ день и трижды воскресаетъ, такъ болѣетъ каждые сто лѣтъ Картафилъ, для того чтобы снова помолодѣть и обновиться. Замѣтимъ кстати созвучіе: Cartaphilus, Фаласъ, и въ одномъ текстѣ вопросовъ: Өеофилактъ.

Если удержать предложенное нами сближеніе: Лонгина-Картафила, и припомнить, что Картафилъ былъ привратникомъ римской преторіи, а Фаласъ-Өеофилактъ названъ фрязиномъ, латыниномъ,— то легенда о „Вѣчномъ жидѣ" въ началѣ могла имѣть въ виду вовсе не еврея. Исцѣленный Христомъ (Лонгинъ, разслабленный, прокаженный) и охваченный впослѣдствіи чувствомъ раскаянія, онъ живетъ гдѣ-то далеко, для него одного, ожидая втораго пришествія Христова. Съ XV вѣка мы встрѣчаемъ эту легенду локализованною въ Іерусалимѣ: очевидно, это тотъ же стражъ преторіи; въ разказѣ Ренцо онъ и одѣтъ воиномъ; онъ томится въ подземельи подъ преторіей, но поэтическій моментъ безконечнаго раскаянія замѣненъ болѣе реальнымъ моментомъ безконечнаго мученія (неустанное блужденіе по темницѣ, вростаніе въ землю, пожираніе звѣремъ). На этой степени пріуроченія и при такомъ освѣщеніи легенды раскаянный латынянинъ могъ быть замѣненъ не раскаяннымъ евреемъ: Фаласъ и т. п.—рабомъ Каіаөы, Фалсатомъ — либо Малхомъ, какъ въ малорусскомъ разказѣ не воины Пилата стояли на стражѣ у гроба Господня (по римскому мартирологу между ними былъ и Лонгинъ), а жиды: они стоятъ тамъ и до сихъ поръ, перерождаясь съ каждой луною и на вопросы проходящихъ: когда ты родился? отвѣчаютъ: вчера; когда умрешь?— завтра. Это то же томительное ожиданіе конца, какъ въ вопросахъ Картафила и безъименнаго грѣшника у Фабри.

Уже къ этой новой метаморфозѣ легенды, то-есть, когда фрязинъ сталъ евреемъ, привязывается то особое развитіе саги о Вѣчномъ жидѣ, какое она получила въ началѣ XVII вѣка въ Германіи, саги, ставшей типическою и для личной поэзіи, нерѣдко искавшей въ ней сюжета. И теперь еще Агасверъ странствуетъ безъ устали по бѣлу свѣту, какъ его древній предшественникъ въ Палестинѣ въ подземной темницѣ преторіи.

Весь вопросъ въ томъ, когда онъ попалъ туда? Источники, сохранившіе этотъ видъ легенды, восходятъ лишь къ XV вѣку. Какова доля мѣстнаго іерусалимскаго преданія въ томъ, что разказывали паломникамъ бѣглые турецкіе рабы-драгоманы и французскіе

ренегаты, и не шли ли они на встрѣчу естественному желанію благочестиваго или и просто любопытствовавшаго странника — узнать, нѣтъ ли въ памятяхъ Іерусалима вещественныхъ слѣдовъ грѣшника, проступившагося предъ Спасителемъ? Это, какъ мы видѣли, замѣчаніе, приложимое и къ цѣлому ряду другихъ мѣстныхъ сказаній, поминаемыхъ средневѣковыми хожденіями. Отвѣты могли быть разнообразные: грѣшникъ томится въ склепѣ подъ преторіей; либо онъ находится—подъ мѣстностью Гроба Господня. Такъ въ разказѣ архимандрита Грееенья (l. c. 1885, № 1, стр. 9): „на лѣвой же странѣ Гроба Господня, въ другомъ сводѣ, мѣсто кругло бѣла мрамора, и среди его утлина мала: на томъ мисти стоялъ Христосъ по воскресении, явися преже пречистии своей Матері Богородици и Святыи Марьи Магдалины. Друзи жъ глаголють лжу, рекше: кузнець подъ тѣмь мистомъ и донынѣ бѣеть млатомъ, и приничющи слушають, иже гвозды ковалъ на Христа". Это—тоже вѣчный жидъ, но особаго типа. Въ объясненіи его напомню греческія пѣсни о Богородицѣ и кузнецѣ, которыя я уже имѣлъ случай привести по другому поводу.

Пресвятая сидѣла одна одинешенька и молитву творила о своемъ единородномъ. Вотъ слышитъ вопли и тревогу и великое смущеніе. Выходитъ за ворота, выходитъ за околицу; видитъ: небо потускло, звѣзды померкли, а свѣтлый мѣсяцъ облитъ слезами. Святой Іоаннъ идетъ заплаканный, убитый; спрашиваетъ его Богородица: не видалъ-ли онъ ея сына; онъ отвѣчаетъ: „Видишь-ли ту гору, высокую, огромную? Тамъ связали его по рукамъ евреи, какъ вора схватили, какъ убійцу ведутъ". Богородица идетъ искать его вмѣстѣ съ Мароой, Маріей и Елисаветой; по дорогѣ видитъ: цыганъ куетъ свои гвозди. „Охъ ты, цыганъ, что ты это дѣлаешь?" „Будутъ одного человѣка распинать, такъ я кую для него гвозди; заказано только три, а кую я пять: два къ двумъ колѣнамъ, два къ двумъ рукамъ, а пятый, ядовитый, подъ самое подъ сердце". „Ахъ ты цыганъ, чтобы тебѣ никогда золы не добыть, а ужь коли добудешь золы, пусть её вѣтромъ разнесетъ (Passow, Carm. popul., № CCCX a). Та же пѣсня у Legrand, Reccueil de chansons pop. grecques (Paris 1873), № 91: Богородица проклинаетъ ковача: чтобъ ему золы не добыть, не было бъ у него рубашки на тѣлѣ, хлѣба въ дому, и никогда бы онъ не насытился. (См. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды 1876, августъ, стр. 197—198, прим. 4). Легенда усилила слѣдствія проклятія: тому ковачу никогда не добыть золы, и вотъ онъ всё еще куетъ, и такъ—во вѣки.

Архимандритъ Грееѳній, сохранившій намъ это мѣстное сказаніе, остается по прежнему загадочною личностью, не смотря на попытки издателя пріурочить его къ извѣстному времени и даже отожествить его съ Епифаніемъ Премудрымъ, списателемъ житія преп. Сергія. Поводомъ къ отожествленію послужило ему извѣстіе о путешествіи Епифанія Премудраго по святымъ мѣстамъ востока и сходство находящагося въ рукописи дорожника монаха Епифанія съ маршрутомъ архимандрита Грееѳенья. Само по себѣ это сходство ничего не рѣшаетъ въ указанномъ смыслѣ; на оборотъ, спутанность въ показаніяхъ послѣдняго итинерарія можетъ повести къ предположенію, что его авторъ пользовался дорожникомъ Епифанія рядомъ съ какими-нибудь другими, и плохо помирилъ между собою ихъ разнорѣчивыя показанія. Сообщаемъ, по копіи, у насъ имѣющейся, „Сказание Епифанія мниха о пути ко Иеросалиму" рядомъ съ соотвѣтствующимъ отрывкомъ Грееѳенья, въ которомъ мы поставили въ скобки мѣста, не находящіеся у Епифанія.

„Ѡтъ великаго Новаграда до великихъ Лукъ верстъ .т҃. Отъ Лукъ до Полоцка .рп҃. верстъ. Отъ Полоцка до Менска .с҃. Отъ Менска до Случьска Малого .ч҃. Отъ Случьска Малаго до Великаго Случьска .сн҃. Отъ великаго Случьска до Бѣлаграда .ф҃. Отъ Белаграда до Царяграда .ф҃. Отъ Царяграда Еузенскимъ моремъ до Ираклия .ѯ҃. верстъ. Отъ Ираклия до Мрамора .м҃. Отъ Мрамора до Калиполя .ѯ҃. Отъ Калиполя до устья м҃. Отъ устья до Лимна .ѯ҃. Отъ Лимна до Кончана града и до святыя Горы .р҃. верстъ. Отъ Лимна-жъ на востокъ до Митилилитинъ (sic) .р҃. Отъ Митилилитинъ до Стихия .р҃. Отъ Стихия до Родоса .т҃. (Недостаетъ: отъ Родоса до Кипра...). Отъ Кипра до Афы пристанища .т҃. Отъ Афы до Рамля села сухомъ .і҃. Отъ Рамля до Иеросалима .і҃. И всего отъ великаго Новагорода до Царяграда ҂вк҃ верстъ, а отъ Царяграда до Иеросалима ҂ау҃ и всего ҂гук҃ верстъ.

Сл. Хожденіе архим. Грееѳенья (l. c. 1885, № 1, стр. 1—4): „Есть же путь отъ земли роускыя западныя отъ Москвы и отъ Тфери. До Смоленска 400. Отъ Смоленьска до Меньска полъ 4-ста. Отъ Великаго-же Новагорода до Лукь 300 версть. Отъ Лукъ до Вѣтепьска полъ 3-ста. Отъ Вѣтепьска до Дрютскагo полъ 3-ста. Отъ Дрютьска до Слуцка 90. Отъ Слуцка до Бѣлагорода 500. Отъ Бѣлагорода до Царяграда море 500. Отъ Царяграда до Араклия 60 верстъ. Отъ Араклия до Мрамора 40. Отъ Мрамоpя до Калиполя 60. Отъ Калиполя до оустья 40. Отъ устья до

Лимна 60. Отъ Лимна... Отъ Колина 100 до Святыя (Горы)... Отъ Лимна до Митилина 100 на востокъ. Отъ Митилина до Стихия 100. [Въ томъ острови ражается мастикая, а прамежи Митилина и Стихья на восточныи страны, на брегу, зовется Фотья: ту варятъ стипси, а по нашему квасы]. Отъ Стихья до Родоса 300. [На ливой же руци, на брезѣ, Ефесъ. Отъ Ефеса до Полатья, а отъ Полатья Латарьская гора. За Лаятрасомъ Мелась, оттуда есть Претья; до доспѣваютъ темьякъ черный; оттуду Мирыйскыя; оттуду Антолиная градъ; оттуду Алагья; оттуду Коурикъ; оттуду Тарсокиликійскій (градъ), далѣе Октихія, и тоу обидохомъ на пути осьтровъ Патсмь, въ немъ же писа святый Іоаннъ Богословъ Евангеліе. Отъ Родоса до Кипра 300. Въ Кипри островѣ крестъ благоразумнаго разбойника, а тоу ражается много сахара, и тоу переплыхомъ пучину Киликійскую и Панфилиисьскую]. Отъ Кипра до Яфы 60. Отъ Яфы до Рамля 7 верьсть. Отъ Рамля до Іерусалима донь (ходу)". Слѣдуетъ такое-же краткое вычисленіе пути: отъ Іерусалима до Газы, оттуда до Египта, отъ Египта до Александріи и Синайской горы и отъ Газы до Синая. Затѣмъ мы возвращаемся къ прежнему маршруту: „Отъ Яфы до Рамля 10 верстъ по суху ровно"; говорится о Рамлѣ, о трехъ путяхъ оттуда къ Іерусалиму, — и еще помѣтка: „Также отъ Рамля къ Іерусалиму ровно есть 5 верстъ". Стало быть: отъ Яфы до Рамлы: семь и—десять верстъ; отъ Рамлы до Іерусалима день ходу—и всего 5 верстъ. — Очевидно—это не серьезный дорожникъ, а неумѣлый сводъ; выдѣливъ изъ него ненужное и пришлое, мы получимъ приблизительно маршрутъ Епифанія мниха.

Это можетъ послужить къ характеристикѣ Греѳеньева Хожденія, которое, вѣроятно, обратитъ на себя вниманіе ученыхъ дѣятелей нашего Палестинскаго общества.

Александръ Веселовскій.



О КЛАССНОЙ СИСТЕМѢ ОБУЧЕНІЯ ВЪ ГОРОДСКИХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

Классная система обученія введена у насъ съ 1872 года. На основаніи положенія о городскихъ училищахъ, существующихъ по положенію 31-го мая 1872 г. (ст. 15), при каждомъ училищѣ назначаются: законоучитель и столько штатныхъ учителей, сколько классовъ въ училищѣ. „На этомъ основаніи", замѣчено въ объяснительной запискѣ министерства народнаго просвѣщенія, представленной при внесеніи означеннаго положенія на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, — въ новыхъ городскихъ училищахъ будутъ не предметные, а классные учители, какъ принято во всѣхъ правильно устроенныхъ элементарныхъ училищахъ. Этою мѣрою, кромѣ значительной экономіи въ числѣ учителей, достигается еще большая сосредоточенность въ преподаваніи и въ нравственномъ вліяніи на дѣтей, что весьма важно въ педагогическомъ отношеніи и прямо ведетъ къ болѣе успѣшному ходу всего элементарнаго ученія" [1]). Съ своей стороны, особое присутствіе государственнаго совѣта отнеслось къ классной системѣ обученія вполнѣ сочувственно; въ журналѣ особаго присутствія замѣчено по этому поводу: „Предполагаемое преобразованіе ихъ (городскихъ училищъ) по системѣ такъ-называемаго классного обученія, нельзя не признать весьма удобнымъ, ибо система эта, допуская, при одинаковомъ курсѣ училищъ, устройство ихъ въ составѣ большаго или меньшаго числа классовъ, даетъ тѣмъ самымъ возможность сообразовать издержки на начальныя учебныя

[1]) Сборн. пост. по мин. нар. просв. т. V, стр. 1246.

заведенія съ числомъ учащихся въ извѣстной мѣстности и, вслѣдствіе того, можетъ имѣть одинаковое примѣненіе во всѣхъ городахъ имперіи, не смотря на существующее между ними различіе по числу населенія" [1]).

Но въ нашей литературѣ давно уже ведется агитація противъ классной системы обученія. Между тѣмъ голосовъ за классную систему намъ читать не доводилось. Вотъ почему мы рѣшились напечатать наши соображенія по этому вопросу.

Не входя въ разсмотрѣніе соображеній о томъ, найдется ли у государства, или у городскихъ обществъ, достаточно средствъ, чтобы во всякомъ городкѣ открыть училище съ пятью и шестью учителями, считаемъ долгомъ замѣтить, что городскія училища нельзя разсматривать какъ такія, которыя должны на всегда остаться принадлежностію однихъ городовъ; напротивъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что они составляютъ общеустановившійся типъ элементарныхъ училищъ, какъ для городовъ, такъ и для селъ; слѣдовательно, въ случаѣ введенія въ нихъ предметнаго преподаванія потребуется приготовить средства содержанія не только для городскихъ училищъ, но и для многихъ сельскихъ. Между тѣмъ городскія общества, сравнительно съ сельскими, поставлены въ довольно благопріятныя условія, и въ настоящее время расходъ по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на городскія низшія училища далеко превосходитъ расходъ на сельскія, даже не принимая въ разчетъ количества городскаго и сельскаго населенія. Едва ли будетъ справедливо увеличивать еще болѣе это преимущество городовъ, когда мы знаемъ, что наши уѣздные города, по числу населенія и даже по значенію въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, часто стоятъ ниже нѣкоторыхъ селеній, входящихъ въ составъ ихъ же уѣздовъ.

Въ сельскихъ училищахъ, не только одноклассныхъ, но и двухклассныхъ, у насъ господствуетъ классная система обученія. Положеніе о городскихъ училищахъ приравниваетъ городскія низшія училища къ сельскимъ, устанавливая такимъ образомъ одну образцовую систему элементарныхъ училищъ. Введеніемъ вновь системы предметной въ городскихъ училищахъ мы вырыли бы пропасть между тѣми и другими училищами; у насъ опять будетъ не одна, а двѣ системы обученія—предметная и классная—для одного рода учи-

---

[1]) Тамъ же, стр. 1108.

лищъ, элементарныхъ. Такимъ образомъ единство системы элементарнаго образованія опять останется у насъ въ области мечтаній. Попытка министерства народнаго просвѣщенія устроить такую школу, которая служила бы „основаніемъ всего дальнѣйшаго образованія“, останется только памятникомъ высокаго и широкаго полета мысли.

Переходя за симъ къ оцѣнкѣ классной системы обученія съ точки зрѣнія педагогической, считаемъ долгомъ прежде всего остановиться на томъ обвиненіи городскихъ училищъ, что классная ихъ система заимствована съ иностранныхъ образцовъ и составляетъ плодъ кабинетной работы, а не продуктъ жизни.

Хотя городскія училища дѣйствительно устроены по образцу общеустановившагося типа элементарныхъ училищъ въ Европѣ, но необходимо имѣть въ виду, что и тѣ училища, на мѣсто которыхъ они открываются, то-есть, уѣздныя училища по уставу 1828 г., а равно и уѣздныя училища по уставу 1804 года были созданы также по иностранному образцу. Слѣдовательно, и послѣдняя реформа не имѣетъ въ себѣ чего-либо особеннаго, выдающагося изъ ряда прежнихъ. Она продолжаетъ дѣло въ томъ же направленіи, въ которомъ оно велось почти уже сто лѣтъ (начиная съ устава 1786 года). Не за то же порицать ее, что она беретъ за образецъ училища послѣдней формаціи, вновь установившагося типа: странно было бы намъ сохранять и поддерживать то, что̀ въ остальной Европѣ давно потеряло свой кредитъ. Но собственно классную систему обученія нельзя считать совершенно заимствованіемъ. Классная система обученія установилась у насъ раньше изданія положенія о городскихъ училищахъ, въ сельскихъ училищахъ, какъ одноклассныхъ, такъ и двухклассныхъ. Въ сельскихъ училищахъ классная система установилась на столько прочно, что никакихъ возраженій о примѣнимости ея тамъ не высказывается. По нашему мнѣнію, такое всеобщее сознаніе полезности классной системы въ сельскихъ училищахъ объясняется не тѣмъ, что курсъ ихъ очень низокъ (такъ какъ курсъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ не многимъ уступаетъ курсу городскихъ), а тѣмъ, что классная система, примѣнительно къ этимъ училищамъ, дружно разработывалась всѣми—и литературой, и практическими дѣятелями, и учительскими семинаріями. Во всякомъ случаѣ классная система обученія не была уже для насъ совершенною новинкою въ то время, когда составлялось положеніе объ училищахъ городскихъ. Самымъ жаркимъ защитникомъ классной системы обученія въ элементарныхъ училищахъ былъ у насъ извѣст-

ный педагогъ Ушинскій. Съ изданіемъ его книгъ, классная система обученія начала у насъ устанавливаться въ сельскихъ и городскихъ начальныхъ школахъ; съ учрежденіемъ же должностей инспекторовъ народныхъ училищъ въ 1869 г. и съ открытіемъ учительскихъ семинарій эта система положительно распространилась и утвердилась въ нихъ. Дѣлаемъ эту справку къ тому, чтобы показать, что классная система обученія у насъ вовсе не была кабинетнымъ измышленіемъ.

Къ сожалѣнію, какъ мы уже сказали,съ учрежденіемъ городскихъ училищъ, почти всѣ отнеслись отрицательно къ предположенной въ нихъ классной системѣ обученія. Даже нѣкоторые учительскіе институты смотрѣли на нее свысока, какъ это можно судить по печатнымъ статьямъ преподавателей сихъ институтовъ. Практической же разработки о примѣненіи этой системы къ городскимъ училищамъ мы почти не видимъ. Городскія училища не имѣли своихъ истолкователей, а напротивъ, встрѣтили много хулителей. Даже составители учебниковъ и руководствъ, прямо назначаемыхъ для городскихъ училищъ, часто проявляли непониманіе сущности ихъ учрежденія. По крайней мѣрѣ на обертkахъ большинства этихъ учебниковъ мы читаемъ: „для городскихъ училищъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній". Какой разработки предмета, примѣнительно къ классной системѣ обученія, ждать отъ подобныхъ руководствъ, когда не полагается даже разницы между элементарнымъ училищемъ и средними учебными заведеніями!

Недостатки классной системы обученія въ городскихъ училищахъ, на которые указываютъ противники этой системы, болѣе отчетливо сгруппированы въ журналѣ Русскій Начальный Учитель (№ 2, 1881 г., стр. 84). Не отвергая того, что только такой преподаватель, который имѣетъ очень большое число уроковъ въ классѣ, можетъ хорошо знать своихъ учениковъ и принорониться къ ихъ силамъ, можетъ согласовать занатія по одному предмету съ занятіями по другимъ, создать изъ нихъ курсъ соразмѣрный въ своихъ частяхъ и составляющій одно стройное цѣлое, авторъ упомянутой статьи тѣмъ не менѣе признаетъ классную систему обученія не выполнимою на практикѣ, такъ какъ нѣтъ людей, которые могли бы хорошо учить всѣмъ предметамъ. Въ доказательство этой мысли, авторъ выставилъ два положенія: 1) никто не можетъ хорошо знать всѣ предметы; 2) никто не можетъ одинаково любить всѣ предметы.

1) Говоря о невозможности знать хорошо всѣ предметы, авторъ,

очевидно, забываетъ, что объемъ знанія, который требуется отъ преподавателя элементарнаго училища, не заключаетъ въ себѣ никакихъ особенныхъ подробностей, ничего спеціальнаго. Отъ учителя городскаго училища требуется хорошее знаніе предметовъ только въ объемѣ общеобразовательномъ, обязательномъ для всякаго нѣсколько образованнаго человѣка. Странно даже и думать, что учитель городскаго училища можетъ не знать хорошо русской грамматики, или ариѳметики, а это главные и существенные предметы обученія. Знаніе остальныхъ предметовъ также требуется не спеціально, напримѣръ, естествознанія, исторіи, географіи. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допускать, чтобъ учитель городскаго училища не зналъ хорошо исторіи и географіи своего отечества, или элементарной физики. Такимъ образомъ объемъ знанія предметовъ, требующійся отъ учителей городскихъ училищъ, таковъ, что они не только могутъ, но и должны знать хорошо всѣ предметы, если мы не хотимъ видѣть, чтобъ учителями у насъ были люди прямо уже невѣжественные или способные преподавать только одинъ предметъ.

Чтобы рѣзче выставить несообразность классной системы обученія, нѣкоторые изъ ея противниковъ прибѣгаютъ прямо къ извращенію фактовъ. Такъ г. Н. П—ловъ, въ статьѣ, помѣщенной въ Вѣстникѣ Европы говоритъ, что на учителя 3-го класса городскаго училища „возлагается не ничтожный трудъ по 12 предметамъ" [1]). Всякому извѣстно, что въ городскихъ училищахъ преподается всего 10 предметовъ, считая въ томъ числѣ законъ Божій, пѣніе и гимнастику; а такъ какъ законъ Божій преподается особымъ законоучителемъ, пѣніе и гимнастика могутъ быть преподаваемы особыми лицами, по найму, то очевидно, что собственно предметовъ обученія въ городскомъ училищѣ только 7. Да и изъ нихъ для 3-го класса слѣдуетъ исключить чтеніе и письмо, какъ не имѣющіе въ этомъ классѣ отдѣльныхъ уроковъ. Такимъ образомъ въ 3-мъ классѣ всего 6 предметовъ. При этомъ интересенъ способъ счисленія предметовъ, которому, какъ думается, слѣдовалъ авторъ. Такъ въ положеніи говорится, что въ училищахъ городскихъ преподается (по желанію) „свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики". Авторъ же начинаетъ считать: минералогія, зоологія, ботаника, анатомія, физіологія и физика, итого 6 предметовъ. Такимъ образомъ

---

[1]) Январь 1881 г., стр. 364.

изъ весьма скромнаго требованія положенія образовалось 6 отдѣльныхъ наукъ. Такъ какъ подобнымъ образомъ естествовѣдѣніе не разсматривается даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то ясно, что авторъ руководствуется здѣсь тѣмъ дѣленіемъ этого предмета по преподавателямъ, которое допускается только въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, перенося эту точку воззрѣнія на элементарное училище. При такомъ пріемѣ исчисленія, можно въ городскихъ училищахъ насчитать болѣе 20 предметовъ.

Самый объемъ предметовъ, преподаваемыхъ въ городскихъ училищахъ, весьма не обширенъ, а потому не требуетъ никакихъ спеціальныхъ познаній. Дѣло только въ томъ, что учителю городскаго училища требуется знаніе этихъ предметовъ не большое, но основательное. Въ этомъ и должны имъ пособить учительскіе институты, курсъ которыхъ именно такъ и разчитанъ. Въ институтахъ преподаются почти только тѣ же предметы, что̀ и въ городскихъ училищахъ. Не бѣда, если преподаваніе этихъ предметовъ, по объему, будетъ не много шире городскихъ училищъ; но все вниманіе преподавателей должно быть сосредоточено на томъ, чтобъ этотъ учебный матеріалъ былъ проработанъ основательно, чтобы свѣдѣнія учащихся были ясны и вполнѣ осмыслены. При такой постановкѣ учебнаго дѣла въ институтахъ, выходящіе оттуда преподаватели будутъ вполнѣ подготовлены къ преподаванію классному.

Нельзя еще не прибавить къ этому, что намъ пока не доводилось встрѣчать преподавателей городскихъ училищъ, которые страдали бы недостаткомъ знанія предметовъ, преподаваемыхъ въ училищахъ. Не доводилось также и читать, чтобы директоры народныхъ училищъ жаловались на подобный недостатокъ. Правда, между преподавателями городскихъ училищъ встрѣчаются болѣе и менѣе опытные, болѣе и менѣе талантливые, но чтобы были недостаточно свѣдующіе въ томъ или другомъ предметѣ, этого встрѣчать не доводилось. И замѣчательно, что даровитый преподаватель всегда ведетъ хорошо дѣло обученія по всѣмъ предметамъ. Такимъ образомъ здѣсь повторяется то же явленіе, что̀ и въ начальныхъ школахъ, что̀ и въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ. Слѣдовательно, на успѣшность и вообще на удовлетворительность преподаванія оказываетъ вліяніе личность учителя, классная же система обученія не приноситъ никакого вреда. Это тѣмъ болѣе важно, что, напримѣръ, въ уѣздныхъ училищахъ, гдѣ преподаваніе предметное, обученіе ведется нисколько не лучше,

чѣмъ въ городскихъ. Думается, что съ этимъ согласятся всѣ директоры народныхъ училищъ.

Неудобство классной системы обученія видятъ особенно въ томъ, что тотъ же учитель обязанъ преподавать черченіе и рисованіе, для чего требуются спеціальныя свѣдѣнія, требуется техническая подготовка. „Преподаваніе искусствъ (черченія и рисованія), говорятъ, не слѣдуетъ дѣлать обязательнымъ для городскихъ учителей. Искусству можетъ научить только тотъ, кто самъ охотно имъ занимается" [1]). Въ доказательство этого указываютъ на то, что „трехлѣтняго курса учительскихъ институтовъ едва хватаетъ на то, чтобы пройдти научные предметы. Поступаютъ же въ институтъ сплошь и рядомъ буквально не умѣющіе нарисовать или начертить нѣсколько прямыхъ линій" [2]). Къ сожалѣнію, въ этомъ замѣчаніи есть доля правды. Въ ст. 31 положенія объ учительскихъ институтахъ перечислены предметы, по которымъ должно производиться испытаніе при пріемѣ поступающихъ въ институтъ, но между ними нѣтъ черченія и рисованія. Поэтому весьма возможно, что часто поступаютъ въ институты ничего не понимающіе въ этомъ дѣлѣ. Это недосмотръ, который слѣдовало бы исправить. Въ Германіи, какъ извѣстно, при поступленіи въ учительскія семинаріи требуется знаніе нотъ, нѣкоторое умѣнье пѣть и даже играть на скрипкѣ или органѣ. Пѣніе у насъ въ городскихъ училищахъ не обязательно для классныхъ учителей; но черченіе и рисованіе обязательны; ясно, что слѣдовало бы требовать извѣстнаго умѣнья чертить и рисовать отъ поступающихъ въ институтъ. Иначе институты дѣйствительно лишены возможности подготовлять учителей, способныхъ къ преподаванію этихъ предметовъ. Что же касается вообще до возможности вести преподаваніе сихъ предметовъ класснымъ преподавателямъ, то по этому вопросу приведемъ мнѣніе Оскара Пельхау, директора ремесленнаго училища и учителя рисованія въ городскомъ реальномъ училищѣ въ Ригѣ. „Чтобы поставить преподаваніе рисованія въ элементарныхъ и уѣздныхъ училищахъ", говоритъ онъ,—„на высшую степень, опредѣленіе на мѣста учителей-спеціалистовъ не безусловно необходимо, не говоря уже о томъ, что, по незначительности числа уроковъ рисованія въ этихъ училищахъ, пріисканіе спеціалистовъ было бы не возможно. Съ другой стороны, даже желательно, чтобы рисованіе въ

---

[1]) *Р. Н. Уч.* 1881 г. № 2. стр. 164.

[2]) *Вѣстн. Евр.* 1881 г. № 1. стр. 374.

нихъ преподавалось самими служащими уже при нихъ учителями научныхъ предметовъ. Ихъ педагогическая подготовка подаетъ имъ легкую возможность вполнѣ усвоить себѣ предположенный ходъ преподаванія, при которомъ важно не столько техническое умѣнье учителя хорошо рисовать, сколько его искусство методическаго преподаванія" [1]). Замѣчаніе, что для элементарныхъ училищъ трудно было бы пріискивать учителей-спеціалистовъ по рисованію и черченію—особенно важно для насъ, такъ какъ и реальныя училища, гдѣ положеніе этихъ учителей несравненно лучше, часто остаются безъ преподавателей. Если же будутъ открываться училища промышленныя, въ такомъ случаѣ и то небольшое количество спеціалистовъ, которымъ мы могли бы располагать для городскихъ училищъ, откажется въ нихъ служить и предпочтетъ ремесленныя. Къ этому необходимо прибавить, что для городскихъ училищъ требуются не столько спеціалисты по рисованію и черченію, сколько достаточно образованные люди, такъ какъ съ преподаваніемъ этихъ предметовъ имъ прійдется соединить преподаваніе геометріи и чистописанія.

Такимъ образомъ есть основаніе настаивать, чтобы черченіе и рисованіе преподавались также классными учителями, при чемъ слѣдуетъ только измѣнить условія пріемныхъ испытаній въ институтахъ и вообще поставить этотъ предметъ въ одинаковое положеніе съ другими учебными предметами. Можетъ быть, было бы лучше даже прибавить одинъ годъ ученія въ институтахъ, или открыть при нихъ приготовительные классы, чѣмъ ломать всю систему въ городскихъ училищахъ, такъ какъ легче реформировать пять-шесть учебныхъ заведеній, чѣмъ четыреста. Во всякомъ случаѣ, окончательное слово въ этомъ вопросѣ должно принадлежать учительскимъ институтамъ: если они положительно не могутъ приготовлять учителей, способныхъ преподавать черченіе и рисованіе, тогда, конечно, лучше выдѣлить эти предметы и поручить ихъ особымъ спеціалистамъ, то-есть, поставить эти предметы также, какъ теперь поставленъ законъ Божій въ училищахъ. Само собою понятно, что тогда прійдется озаботиться подготовкою подобныхъ учителей-спеціалистовъ.

2) Противники классной системы особенно любятъ распространяться о любви къ предмету, находя это особенно важнымъ. Такое заявленіе принадлежитъ къ тѣмъ фразамъ, которыя очень часто произносятся, не разбирая точнаго значенія ихъ; въ силу же частаго

---

[1]) Препод. рисов. въ нач. и уѣздн. учил. *Оск. Пельхау*. Рига. 1882, стр. 12.

повторенія, фраза эта является уже какъ бы доказанною, становится для большинства аксіомою. Между тѣмъ высказанное положеніе должно быть принимаемо съ большими ограниченіями. Есть люди, которые по природѣ, такъ-сказать, имѣютъ влеченіе къ извѣстнаго рода дѣятельности, къ извѣстной области вѣдѣнія; не смотря на всѣ внѣшнія препятствія, такіе люди прокладываютъ себѣ путь именно къ этой области. Но всякому извѣстно, что это люди исключительные. Большинство же обыкновенныхъ смертныхъ пріобрѣтаютъ такъ-называемую любовь къ предмету только постояннымъ занятіемъ имъ. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ, любовь къ предмету не есть какая-либо прирожденная душевная способность, не есть какое-либо неотразимое душевное стремленіе, но есть продуктъ упражненій и дѣятельности, весьма часто зависящихъ отъ практическихъ требованій жизни. Весьма часто самъ спеціалистъ не скажетъ прямо, на сколько въ избраніи имъ той или другой спеціальности дѣйствовало душевное влеченіе, и на сколько— другія, чисто внѣшнія побужденія. Поэтому думается, что класть въ основаніе цѣлой педагогической системы такое шаткое основаніе неудобно.

Еще страннѣе класть это начало въ основаніе педагогической системы учебныхъ заведеній, имѣющихъ общеобразовательный элементарный курсъ, каковы городскія училища. Предметы преподаются здѣсь въ такомъ объемѣ, въ какомъ они извѣстны всякому образованному человѣку; для хорошаго преподаванія ихъ никакихъ спеціальныхъ познаній не требуется. Какъ-то даже странно говорить о любви къ элементарной русской грамматикѣ, ариѳметикѣ и т. п. Но что еще страннѣе, такъ это то, что противники классной системы допускаютъ ее для первыхъ двухъ лѣтъ ученія въ городскихъ училищахъ, а также въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ. Такимъ образомъ оказывается, что для преподаванія, напримѣръ, ариѳметики въ двухклассномъ сельскомъ училищѣ никакой особенной любви къ ней не требуется, а для преподаванія въ городскомъ училищѣ любовь необходима; о простомъ предложеніи можно преподавать и безъ любви, а для преподаванія о придаточныхъ требуется любовь; оказывается, что когда учитель знакомитъ учениковъ со звуками русскаго языка, то онъ можетъ въ то же время съ любовію изучать съ учениками и составъ чиселъ до 100, а какъ только начнетъ толковать о склоненіяхъ и спряженіяхъ, то онъ не можетъ уже съ любовію заниматься

разсматриваніемъ состава чиселъ отъ 100—1000. Къ такимъ страннымъ выводамъ приводитъ это положеніе!

Несомнѣнно, что учитель элементарнаго училища долженъ коечто любить, чтобы не быть простымъ наемникомъ, но это коечто не имѣетъ никакого отношенія къ предметной системѣ обученія. Онъ долженъ любить дѣло обученія и воспитанія дѣтей, долженъ любить науку о воспитаніи, въ особенности долженъ любить дѣтей. Науку же о воспитаніи можно полюбить только тогда, когда учебно-воспитательное дѣло представляется человѣку вполнѣ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, со всѣми его радостями и невзгодами. А къ такому полному и всестороннему знакомству съ дѣломъ обученія и воспитанія ведетъ только классная система, такъ какъ, при предметной системѣ, дѣло всегда представляется яснымъ только съ которой-либо одной стороны. Не только дѣло воспитанія, но и самъ ученикъ заслоняется отъ взоровъ учителя любовію къ предмету: между учителемъ и ученикомъ становится предметъ учебный, чаще же просто учебникъ. Послѣднее въ элементарныхъ училищахъ всего скорѣе и дѣлается. Занимаясь исключительно однимъ предметомъ, учитель элементарнаго училища не можетъ заниматься научною разработкой этого предмета, а потому быстро останавливается въ своемъ развитіи. Этимъ и объясняется, что спеціалисты элементарныхъ училищъ весьма скоро обращаются, какъ справедливо замѣтилъ директоръ С.-Петербургскаго учительскаго института на совѣщаніи учителей городскихъ училищъ [1]), „въ преподавателя-спеціалиста низшаго разряда, вмѣсто того, чтобы быть педагогомъ". Подобнаго рода спеціалисты чрезвычайно быстро тупѣютъ и обращаются въ самыхъ ограниченныхъ педантовъ.

Элементарное обученіе является дѣломъ живымъ, умственно и нравственно возвышающимъ и облагораживающимъ всякаго, занимающагося этимъ дѣломъ, въ особенности учителя; но такое благотворное вліяніе оно обнаруживаетъ только тогда, когда учитель имѣетъ въ виду главнымъ образомъ живую человѣческую личность, умственно, нравственно и физически развивающуюся. Изученіе живой личности, наблюденіе за ея постепеннымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и доставляетъ неизсякаемое наслажденіе для мыслящаго человѣка. Но все это возможно въ полной мѣрѣ только тогда, когда,

---

[1]) *Р. Н. Уч.* 1882 г. № 3. стр. 205.

говоря словами Ушинскаго, „полезное и даже необходимое разнообразіе предметовъ первоначальнаго обученія“ сливается „въ одно разумное воздѣйствіе взрослаго лица, дающаго пищу дѣятельности дѣтей и направляющаго всю эту разнообразную дѣятельность къ одной разумной цѣли: ко всестороннему развитію тѣлеснаго и душевнаго организма дитяти и приготовленію его къ тому изученію отдѣльныхъ предметовъ, которое ожидаетъ его впереди“ [1]). При такой постановкѣ дѣла обученія, очевидно, учебные предметы являются только орудіями воспитанія и обученія, а не цѣлью; слѣдовательно, и предметомъ любви будетъ живая человѣческая личность (ученикъ), а не грамматика, ариѳметика и т. д., которыя въ сознаніи мыслящаго педагога сами по себѣ равны и имѣютъ для него значеніе лишь на столько, на сколько служатъ къ достиженію „одной разумной цѣли“. Только этою любовью и можетъ согрѣваться сердце преподавателя элементарнаго училища въ его скромной дѣятельности, а не какою-то любовію къ грамматикѣ, ариѳметикѣ и т. п.

Такимъ образомъ оказываются несостоятельными оба положенія, выставленныя въ доказательство несостоятельности классной системы. Автору разбираемой статьи они кажутся убѣдительными только потому, что онъ измѣнилъ то основное воззрѣніе на городскія училища, которое проводится въ законѣ. Вмѣсто элементарнаго общеобразовательнаго училища, у него является среднее учебное заведеніе „съ уменьшеннымъ курсомъ“ [2]). Понятно, что ему хочется перенести на городскія училища систему, принятую въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: если уже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподавателями состоятъ лица, окончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, признается необходимою система предметная, то тѣмъ болѣе въ городскихъ училищахъ... Такимъ представляется логическій ходъ мысли противниковъ классной системы. Но какъ только мы отбросимъ этотъ ложный взглядъ на городскія училища, какъ только станемъ на строгую точку закона, придавшаго означеннымъ училищамъ элементарный характеръ, то и будетъ ясно, что они должны примыкать къ начальнымъ одноклассным и двухклассным училищамъ, а потому и система обученія въ нихъ должна быть та же, то-есть, классная.

Къ изложеннымъ соображеніямъ о неудобствахъ классной системы преподаванія присоединяютъ еще необходимость для учителя слѣ-

---

[1]) Родное Слово, книга для учащихъ, стр. 12.

[2]) *Русск. Нач. Учит.* 1881 г. № 2. стр. 85.

дить за развитіемъ науки. Такъ авторъ статьи „Классная система преподаванія въ городскихъ училищахъ" [1]) говоритъ: „Учителю необходимо слѣдить за литературою своего предмета, а между тѣмъ имѣетъ ли возможность классный учитель сдѣлать это?" [2]) Подробнѣе ту же мысль развиваетъ г. Н. П—ловъ [3]). „Едва ли кто станетъ отрицать", говоритъ онъ,—„что вѣчно живая и неизмѣнно развивающаяся педагогика требуетъ, особенно отъ учителей элементарныхъ школъ, большаго вниманія къ себѣ; иначе говоря, если учителя элементарныхъ школъ не хотятъ остановиться на однажды избранныхъ, сплошь и рядомъ весьма ошибочныхъ методическихъ и другихъ пріемахъ преподаванія, то они должны слѣдить за развитіемъ не только методики предметовъ, но даже и науки, которая всегда служила основаніемъ для совершенствованія методикъ обученія и воспитанія... Мы не разумѣемъ здѣсь приготовленія къ урокамъ, на которое только и осуждаютъ учителей городскихъ и другихъ элементарныхъ училищъ, — какъ будто напередъ зная, что ни у одного изъ ихъ учителей не явится желанія хоть немножко расширить тѣ предѣлы методики, которымъ онъ былъ обученъ, напримѣръ, въ учительскомъ институтѣ".

Если есть, дѣйствительно, люди, которые осуждаютъ учителей городскихъ училищъ исключительно на подготовку, будто бы не допуская того, чтобъ эти преподаватели, уча другихъ, учились и сами, то это, разумѣется, весьма прискорбно. Но думаемъ, что не менѣе прискорбно и то, когда на преподавателей элементарныхъ училищъ начинаютъ возлагать непосильное бремя, хотя бы даже и изъ благихъ побужденій. А такія требованія, какъ слѣдить за литературою своего предмета и даже за развитіемъ науки, едва ли могутъ быть приложимы къ преподавателямъ городскихъ училищъ въ полной мѣрѣ. Вѣдь это требованіе на столько обще и растяжимо, что оно одинаково можетъ быть приложено и къ преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній, и даже къ профессорамъ высшихъ. Между тѣмъ всякому понятно, что между преподавателями этихъ учебныхъ заведеній должна быть разница; слѣдовательно, и требованія къ нимъ должны быть предъявлены разныя. Благо той школѣ и той странѣ, гдѣ надъ дѣломъ элементарнаго обученія трудятся такія да-

---

[1]) Педагогическ. Хроника, при журн. *Семья и Школа*—№№ 34, 35 и 36, за 1878 г.

[2]) Тамъ же, стр. 803.

[3]) *Вѣстн. Евр.* январь. 1881 г., стр. 364.

ровитыя и высокообразованныя личности, какъ покойный Ушинскій, гр. Л. Н. Толстой и др., гдѣ находятся люди берущіяся за дѣло элементарнаго обученія послѣ профессуры, въ родѣ А. С. Рачинскаго, Н. И. Ильминскаго и др. Но вотъ эти-то именно люди, составляющіе гордость народной школы, никогда и не предъявляли къ учителямъ элементарныхъ училищъ такихъ несбыточныхъ требованій, чтобы тѣ слѣдили за развитіемъ наукъ и совершенствовали методы обученія.

По нашему мнѣнію, достаточно, если преподаватели городскихъ училищъ будутъ усвоивать то, что̀ дѣлается въ наукѣ общепризнаннымъ, притомъ то, что̀ составляетъ основной элементъ данной науки. Достаточно, если они будутъ усвоивать это въ формѣ болѣе или менѣе популярной, даже въ обработкѣ, примѣненной къ школьному дѣлу. Требовать отъ элементарныхъ учителей болѣе этого, по нашему мнѣнію, не мыслимо и не возможно, какая бы система ни была въ школѣ—предметная или классная. Возьмемъ, для примѣра, родной языкъ, то-есть, главный предметъ элементарнаго училища. Въ наукѣ въ настоящее время господствуетъ сравнительный методъ изученія языковъ. Поэтому, чтобы слѣдить за развитіемъ науки роднаго языка, нужно знать нѣсколько иностранныхъ языковъ; а такъ какъ въ учительскихъ институтахъ иностранные языки не преподаются, то будутъ ли наши учителя предметными, будутъ ли классными—они равно не въ состояніи слѣдить за наукою, не въ состояніи даже читать научныхъ статей. Этимъ и объясняется, что многія статьи Филологическихъ записокъ г. Хованскаго остаются не разрѣзанными въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ одинаково. Притомъ такого рода научныя работы, которыя составляютъ новыя ступени въ наукѣ, отражающіяся на общеобразовательномъ курсѣ этихъ наукъ, вообще очень нечасты.

Такимъ образомъ и здѣсь видно то же перенесеніе на учителей элементарныхъ училищъ чертъ, взятыхъ совсѣмъ изъ другой сферы, то-есть, видно то же смѣшеніе городскихъ училищъ съ учебными заведеніями другихъ разрядовъ.

Намъ остается еще сказать о расширеніи предѣловъ методики,— что̀ требуется отъ учителей городскихъ училищъ, но чего они будто бы сдѣлать не могутъ при классной системѣ.

Вопросъ о методахъ обученія—весьма важный для элементарныхъ училищъ. Правильный выборъ метода и особенно его правильное примѣненіе чрезвычайно трудно и характеризуетъ вполнѣ опытнаго

учителя. „Къ сожалѣнію", говоритъ г. Миропольскій [1]),—„наше время впало въ крайность: прежде школы страдали отъ недостатка методъ, теперь страдаютъ отъ ихъ изобилія. О методахъ нынче говорится и пишется весьма много; то и дѣло являются „новыя методы", „новѣйшія", „современныя" и пр., обѣщающія своимъ послѣдователямъ всѣ блага скораго, легкаго и основательнаго ученія. Еслибъ учитель вздумалъ примѣнять эти новыя методы, въ надеждѣ лучшаго успѣха, то ему приходилось бы чуть не ежемѣсячно мѣнять ходъ обученія, и такой учитель уподобился бы ребенку, который, посадивъ деревцо, поминутно его выдергиваетъ, освѣдомляясь, пустило ли оно ростки отъ корня, и пересаживаетъ его вновь, „по лучшему способу". Г. Миропольскій видитъ причину этого въ томъ, что у насъ часто „смѣшиваютъ методъ съ пріемами преподаванія, съ способомъ примѣненія метода" [2]). Кажется, что всѣ толки о невозможности для классваго учителя слѣдить за развитіемъ методики страдаютъ именно этимъ недостаткомъ: предполагается, что по каждому предмету элементарнаго обученія чуть не ежемѣсячно являются новыя методики, устанавливающія обученіе на новыхъ началахъ. Основныхъ методовъ обученія, обнимающихъ существо раціональной дидактической системы, весьма немного, какъ немного и основныхъ методовъ научныхъ. Поэтому важно основательное знаніе этихъ основныхъ методовъ, на что̀ и должны обратить серьезное вниманіе учительскіе институты. Тогда учителю не надо будетъ тратить много времени „на изученіе разныхъ издѣлій, съ претензіями на новыя методы", такъ какъ ему „легко будетъ опредѣлить достоинство различныхъ методическихъ попытокъ въ области обученія" [3]).

Что же касается до примѣненія методовъ обученія, то классная система не только не препятствуетъ, а напротивъ способствуетъ правильному пользованію ими. Занимаясь въ классѣ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ, учитель привыкаетъ пользоваться методами, смотря по надобности. И въ наукѣ поступательный ходъ одной науки часто зависитъ отъ примѣненія метода другой: напримѣръ, метода физіологіи къ психологіи и т. п. То же самое примѣняется и въ педагогикѣ: напримѣръ, наглядный способъ, употребляющійся преимущественно въ опытныхъ наукахъ, примѣненъ къ такой отвлеченной,

---

[1]) Планъ и основаніе нар. школы, стр. 163.
[2]) Планъ и основаніе нар. школы, стр. 164.
[3]) Планъ и основаніе нар. школы, стр. 165.

по своему существу, наукѣ, какъ ариѳметика. Поэтому и классный учитель, зная хорошо степень развитія своихъ учениковъ, скоро привыкаетъ пользоваться методомъ одного предмета при преподаваніи другаго, данными одного предмета при объясненіи данныхъ другаго. Это и составляетъ, по нашему мнѣнію, несомнѣнное преимущество классной системы, такое преимущество, при которомъ только и возможно ясное, живое и понятное обученіе. Думается даже, что только при этой системѣ обученія и возможна правильная разработка методики предметовъ, болѣе или менѣе осмысленное отношеніе къ дѣлу элементарнаго учителя. Предметный учитель, замыкаясь на своемъ предметѣ, часто не обращаетъ вниманіе даже на то, понятна ли ученикамъ употребляемая имъ терминологія, въ томъ ли смыслѣ употребляютъ ее ученики, въ какомъ слѣдуетъ. Между тѣмъ одно и то же слово часто имѣетъ разное значеніе въ разныхъ наукахъ: например̃ъ, родъ, корень въ грамматикѣ значитъ совсѣмъ не то, что̀ въ естествовѣдѣніи; примѣровъ подобнаго различія словъ, употребляемыхъ въ значеніи терминовъ, можно бы привести весьма много, даже изъ области элементарнаго обученія. Предметному учителю большею частію нѣтъ дѣла до того, въ какомъ смыслѣ употребляется тотъ или другой терминъ другимъ учителемъ, отъ чего въ головахъ учениковъ происходитъ совершенная путаница.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, при какой системѣ обученія легче соблюсти строгую систему преподаванія — при предметной, или при классной. То же нужно сказать и относительно каждаго предмета въ отдѣльности. Поэтому мысль, что легче соблюсти строгую систему преподаванія одного предмета, чѣмъ многихъ,—неправильна. Напротивъ, легче соблюсти строгую систему преподаванія и каждаго предмета при классной системѣ.

Главное отличіе элементарныхъ училищъ заключается въ томъ, что здѣсь при преподаваніи учитель долженъ сообразоваться не только съ свойствомъ преподаваемаго предмета, но и съ природой учащагося: учитель долженъ не только знать свой предметъ, но и изучить способности своихъ учениковъ [1]): „Вся задача педагога въ томъ и состоитъ, чтобы вѣрнѣе опредѣлить ту степень развитія ума, на которой стоятъ его ученики, и умѣть затѣмъ примѣнить методическое обученіе къ уровню этой степени развитія.... Въ этомъ именно от-

[1]) Планъ и основаніе нар. школы, стр. 166.

ношеніи нужно понимать парадоксальное по видимому, но въ сущности весьма вѣрное требованіе, чтобъ учитель учился у своихъ учениковъ, какъ учить ихъ" [1]). Отсюда и понятно, что строгая система преподаванія, сообразная и съ природой учащагося и съ существомъ предмета, возможна только при классной системѣ обученія. Положимъ, что въ училищѣ преподается шесть предметовъ; слѣдовательно, и умственная дѣятельность ученика проявляется въ шести предметахъ, или что̀ тоже, умственная дѣятельность представляетъ сумму числа предметовъ. Ясно, что каждый предметный учитель будетъ хорошо знать только дѣятельность его по одному предмету, то-есть, ему будетъ извѣстно только одно слагаемое, или $^1/_6$ умственной дѣятельности ученика; если учитель преподаетъ въ классѣ два предмета, то онъ будетъ знать $^2/_6$, и т. д.; только классный преподаватель будетъ знать всю его дѣятельность, то-есть, всѣ $^6/_6$. Положимъ, эта формула не можетъ быть приложена вполнѣ къ живому существу, такъ какъ умственная жизнь, въ особенности способность познавательная, при нормальномъ ходѣ развитія, проявляется одинаково во всѣхъ родахъ дѣятельности, въ особенности въ объемѣ элементарнаго обученія; но очевидно, что предметный учитель долженъ быть человѣкомъ болѣе образованнымъ, болѣе тонкимъ наблюдателемъ, болѣе свѣдущимъ въ психологіи вообще и въ психологіи ребенка въ особенности, чѣмъ классный. Намъ извѣстно, что опытный и образованный естествоиспытатель по двумъ-тремъ костямъ опредѣляетъ, къ какому роду и виду принадлежитъ животное; опытный и образованный палеографъ по нѣсколькимъ словамъ и фразамъ, по написанію нѣсколькихъ буквъ можетъ опредѣлить, къ какому вѣку принадлежитъ рукопись. Но всякому извѣстно, что для этого надобно быть именно очень опытнымъ и очень знающимъ человѣкомъ. Понятно, что для учителя, какъ имѣющаго дѣло съ матеріаломъ живымъ и подвижнымъ, требуется еще болѣе такой опытности и такого образованія. Вотъ почему, думаемъ, совершенно правъ Ушинскій, когда онъ совѣтуетъ родителямъ: „Если вы думаете на каждый отдѣльный предметъ взять учителя или учительницу, то лучше уменьшите число предметовъ до возможной степени" [2]). Такимъ образомъ число учителей и число предметовъ, по Ушинскому, должны быть въ обратно-пропорціональномъ отношеніи: чѣмъ больше предметовъ, тѣмъ меньше должно

---

[1]) Тамъ же, стр. 168.

[2]) Родное Слово, книга для учащихъ, стр. 12.

быть преподавателей; чѣмъ больше преподавателей, тѣмъ меньше должно быть предметовъ. Вотъ почему, думаемъ, вовсе не правы тѣ, которые предполагаютъ оправдать необходимость предметной системы для городскихъ училищъ существованіемъ предметной системы въ гимназіяхъ. Въ гимназіи опредѣляются учителями люди, прошедшіе широкій общеобразовательный курсъ и затѣмъ курсъ университетскій. Въ городскіе же учителя поступаютъ окончившіе курсъ въ учительскихъ институтахъ, которые ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть сравниваемы съ университетами [1]). Если преподаватели гимназій остаются педагогами и при предметной системѣ, то учители городскихъ училищъ, не имѣя равнаго имъ образованія, при подобной системѣ скорѣе окажутся „спеціалистами низшаго разбора, а не педагогами".

Устанавливая систему обученія сообразно существу предметовъ, съ одной стороны, и степени развитія учащагося—съ другой, классная система даетъ возможность располагать курсъ учебный концентрически.

Средоточіемъ элементарнаго обученія служитъ личность ученика, его природныя качества, воспріимчивость, запасъ свѣдѣній и развитіе. „Конечно, сначала у каждаго ребенка все это представляетъ очень ограниченный кругъ; но это сфера основная. Чѣмъ дальше движется пріобрѣтеніе познаній и развитіе, тѣмъ шире становятся круги умственнаго кругозора дитяти; параллельно съ этимъ увеличивается кругъ преподаваемыхъ ему предметовъ, причемъ количество преподаваемыхъ предметовъ остается то же, но расширяется область изученія" [2]). Такъ именно и должна быть поставлена система обученія въ городскихъ училищахъ по положенію о нихъ. Въ основаніе системы поставлены учащіеся, такъ какъ отъ числа учениковъ зависитъ число учителей, а отъ числа учителей—число классовъ. Но и число учениковъ, и число учителей не вліяетъ, по смыслу закона, на объемъ курса, такъ какъ и въ одноклассныхъ училищахъ проходится тотъ же курсъ, что̀ и въ другихъ училищахъ. Объемъ курса, какъ вообще въ

[1]) Въ примѣч. къ ст. 31 положенія объ учительскихъ институтахъ говорится, что окончившіе курсъ въ гимназіяхъ, духовныхъ семинаріяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ поступаютъ безъ испытанія. На сколько намъ извѣстно, случаевъ поступленія подобныхъ лицъ въ институты не было, да и впредь, вѣроятно, не будетъ.

[2]) *Миропольскій*, Шк. Осн. н. шк., стр. 156.

училищѣ, такъ и по классамъ зависитъ, отъ степени развитія учащихся. Въ этомъ отношеніи городскимъ училищамъ предоставлена даже такая свобода, которою у насъ не пользуются другія учебныя заведенія. Хотя на прохожденіе полнаго курса училищъ и назначено шесть лѣтъ, но въ ст. 12 оговорено, что сроки пребыванія учениковъ въ классахъ или въ отдѣленіяхъ могутъ быть для способнѣйшихъ изъ нихъ сокращаемы, сообразно оказаннымъ успѣхамъ; слѣдовательно, de facto можетъ быть сокращаема и продолжительность всего курса училищъ, по крайней мѣрѣ, для способнѣйшихъ. Изъ этого очевидно, что средоточіемъ курса сихъ училищъ должна быть личность учащихся, степень ихъ развитія, а не предметы. При этомъ законъ желаетъ предупредить два недостатка школьнаго преподаванія: а) не давать дѣтямъ ученія непосильнаго, то-есть, превышающаго ихъ умственныя силы; б) не задерживать учениковъ напрасно на изученіи имъ извѣстнаго, вполнѣ усвоеннаго ими. И то, и другое условія правильнаго элементарнаго обученія не могутъ быть строго соблюдены при предметной системѣ. Такъ какъ предметные преподаватели являются въ классъ только временемъ, на свои уроки, то обыкновенно весьма долго они не въ состояніи дать даже отзыва объ ученикахъ: при многочисленности учащихся, учитель часто едва успѣваетъ спросить учениковъ по одному, много по два раза въ мѣсяцъ; понятно, что въ преподаваніи предмета онъ можетъ руководствоваться единственно системою предмета. Этимъ и объясняется, что въ училищахъ часто господствуетъ страшная неравномѣрность между учениками одного и того же класса. Въ то время, какъ одни совершенно отстаютъ, не понимаютъ преподаваемыхъ уроковъ, другіе, напротивъ, привыкаютъ къ невнимательности и даже небрежности въ работѣ, такъ какъ для нихъ преподаваніе и ученіе слишкомъ легко дается. Отъ этой-то невнимательности къ силамъ и способностямъ дѣтей часто портятся въ школѣ самыя даровитыя и способнѣйшія дѣти. Что бы не говорили про классную систему въ городскихъ училищахъ, но и въ настоящее время уже замѣтно, что подборъ учащихся въ классахъ всегда въ нихъ ровнѣе. Городскія училища пользуются осмысленно даннымъ имъ правомъ: болѣе даровитыя дѣти, какъ только окажется, что они способны идти съ болѣе взрослыми учениками, переводятся изъ младшаго отдѣленія въ старшее въ теченіе учебнаго года, на что даетъ полное право и возможность концентрически расположенный курсъ; равно, дѣти малоспособныя, видимо затрудняющіяся идти успѣшно за отдѣленіемъ не по недостатку усер-

дія и вниманія, а по недостатку развитія, перечисляются въ младшее отдѣленіе и въ срединѣ года. Вотъ именно этого-то знанія дѣтей, этого умѣнья и навыка распредѣлять ихъ по классамъ не на основаніи рѣдкихъ классныхъ и экзаменныхъ отвѣтовъ, а на постоянномъ наблюденіи и тщательномъ изученіи силъ и способностей дѣтей, и не могутъ дать школѣ предметные учителя.

Концентрическая система преподаванія несомнѣнно весьма полезна; но она годна только въ такомъ случаѣ, когда приноситъ дѣйствительную пользу учащимся въ школѣ дѣтямъ. Концентрическая же система, служащая сама себѣ цѣлью, а не имѣющая въ виду пользу учащихся дѣтей, не служитъ ни къ чему, а потому и не имѣетъ никакихъ преимуществъ предъ поступательною системою. Можно установить концентрическую систему преподаванія и при предметной системѣ, то-есть, собственно написать программы концентрически, но это не поведетъ ни къ чему. Концентрическая система хороша, когда центромъ ея служитъ личность учащагося; когда же центромъ служитъ предметъ, когда даже каждый предметъ долженъ отыскивать свой центръ, то она можетъ повести только къ путаницѣ, такъ какъ въ системѣ окажется нѣсколько центровъ, а концентрическіе круги будутъ имѣть различной величины радіусы. Такая система, не имѣя никакихъ преимуществъ предъ поступательною, будетъ имѣть тотъ существенный недостатокъ, что ученики будутъ проходить одинъ и тотъ же предметъ нѣсколько разъ. Для выбывающихъ изъ училищъ до окончанія курса въ этомъ будетъ еще нѣкоторая польза; но для учащихся и оканчивающихъ курсъ пользы не будетъ никакой. А мы думаемъ, что учебная система должна заботиться не только о слабыхъ и отстающихъ, но и о способныхъ и оканчивающихъ курсъ. Но эту двоякую пользу концентрическая система можетъ приносить только при классной системѣ, какъ единственной, имѣющей центромъ личность учащагося.

Если намъ скажутъ, что и при предметной системѣ можно принять за центръ личность ученика, то мы отвѣтимъ вопросомъ: какого именно ученика? Можно, разумѣется, принять за центръ ученика вообще, имѣя въ виду общія психологическія указанія. Имѣя въ виду этого ученика вообще, можно составить весьма стройныя программы, по какой угодно системѣ. Но то, что̀ гладко на бумагѣ, на дѣлѣ бываетъ часто весьма не гладко. Учитель городскаго училища имѣетъ дѣло не съ ученикомъ вообще, а съ живыми личностями, имѣющими извѣстныя силы и способности, живущими въ извѣстной

обстановкѣ, получающими извѣстныя впечатлѣнія. Ему недостаточно знать ученика вообще, а нужно знать именно вотъ этихъ бѣлоголовыхъ мальчиковъ, которые такъ упрямо смотрятъ ему въ глаза, ожидая отъ него слова живаго и понятнаго имъ. А такъ какъ этихъ именно учениковъ учитель предметный хорошо знать не можетъ, да и психологію-то вообще онъ знаетъ смутно, то ему остается одно — слѣдовать рабски программѣ и учебнику. Если же онъ вздумаетъ дѣйствовать самостоятельно, то напутаетъ еще болѣе. Да и какимъ образомъ онъ можетъ дѣлать правильные концентры, когда ему центръ неизвѣстенъ?

Поэтому думается, что если противникамъ классной системы обученія въ городскихъ училищахъ удастся уничтожить эту систему, то непосредственно за симъ начнется агитація противъ концентраціи курса ихъ. Думаемъ даже, что они тогда будутъ имѣть болѣе прочное основаніе, чѣмъ теперь, такъ какъ концентрическая система дѣйствительно не примѣняется въ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ предметныхъ преподавателей. Что таковы именно будутъ послѣдствія уничтоженія классной системы, на это мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства.

а) Во всѣхъ статьяхъ, направленныхъ противъ классной системы городскихъ училищъ, или совсѣмъ не говорится, или же говорится только мимоходомъ о концентрической системѣ обученія. Это весьма понятно. Такъ какъ „правильная концентрація возможна только при классной системѣ“ [1]), то понятно, что говорить объ этой системѣ значило бы побивать себя. И та, и другая система кладетъ въ основаніе личность учащагося, степень его развитія; поэтому онѣ неразрывно связаны по своей основной идеѣ, другъ друга поддерживаютъ, другъ друга оправдываютъ и объясняютъ. Очевидно, никто изъ противниковъ классной системы не рѣшится публично сказать о возможности концентрической системы при предметныхъ преподавателяхъ.

б) Всѣ противники классной системы признаютъ необходимымъ удержать эту систему для перваго основнаго концентра городскихъ училищъ, то-есть, для 1-го и 2-го годовъ ученія. Такъ, въ совѣщаніи совѣта С.-Петербургскаго учительскаго института съ городскими учителями, между прочимъ постановлено: „Первыя два отдѣленія существующихъ училищъ должны поручиться особому учителю, составляя какъ

---

[1]) *Миропольскій*, Пл. и Осн. нар. шк., стр. 115.

бы приготовительный классъ, котораго можетъ и не быть при городскомъ училищѣ“ [1]). Это и понятно. Предлагать предметную систему для первыхъ двухъ годовъ ученія не рѣшится самый ярый поклонникъ ея: до того она неестественна и непримѣнима здѣсь. Но спрашивается: если мы отдѣлимъ первые два года отъ городскихъ училищъ, то какимъ образомъ во всемъ курсѣ соблюдемъ мы строгую концентрическую систему, когда у насъ училище распадется на два ряда учебныхъ заведеній, поставленныхъ совершенно разно, ведущихъ дѣло по разнымъ системамъ? Не будетъ ли тогда концентрація пустымъ словомъ?

Вотъ почему мы думаемъ, что рѣчь о примѣненіи концентрической системы преподаванія при предметныхъ учителяхъ есть или прискорбное недоразумѣніе, или же намѣренное извращеніе дѣла. На самомъ дѣлѣ хлопочутъ не о концентраціи, а о томъ, чтобы лишить городскія училища ихъ элементарнаго общеобразовательнаго характера и преобразовать ихъ въ среднія учебныя заведенія „съ уменьшеннымъ курсомъ“. Тогда все будетъ въ порядкѣ: будетъ приготовительный классъ, будутъ затѣмъ еще 4 класса съ предметными учителями, все какъ будто маленькая гимназія... Но за чѣмъ нужна намъ эта пародія на среднія учебныя заведенія, понять никакъ нельзя. Ужь если намъ не суждено имѣть общеобразовательное элементарное училище общеевропейскаго типа, то лучше закрыть всѣ городскія и уѣздныя училища вмѣстѣ съ учительскими институтами, предоставить дѣло элементарнаго обученія всецѣло мѣстнымъ городскимъ обществамъ и земскимъ учрежденіямъ, а на освободившіяся средства открывать по уѣзднымъ городамъ прогимназіи и низшіе классы реальныхъ училищъ, увеличивать число учительскихъ семинарій. Тогда, по крайней мѣрѣ, ученики дѣйствительно будутъ учиться въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, ихъ будутъ учить дѣйствительные спеціалисты, люди съ серьезнымъ образованіемъ. Главное же, правительство не будетъ давать образца училищъ неправильно организованныхъ, нигдѣ не существующихъ.

Противники классной системы указываютъ еще на обременительность работы учителей городскихъ училищъ, происходящей именно отъ классной системы. Обременительность учителей видятъ: а) въ слишкомъ большомъ количествѣ уроковъ учителей вообще, и б) въ

---

[1]) *Р. Н. Уч.*, 1882 г., № 3, стр. 208.

раздѣленіи классовъ на отдѣленія и въ происходящей отсюда необходимости разсмотрѣнія массы письменныхъ работъ.

Не будемъ говорить объ обременительности общаго количества уроковъ городскихъ учителей, такъ какъ для всякаго ясна тенденціозность жалобъ подобнаго рода. Самое большое количество уроковъ у городскихъ учителей 22 въ недѣлю (въ двухкласныхъ училищахъ), слѣдовательно, отъ 3 до 4 часовъ въ день; если къ этому прибавить такое же количество рабочихъ часовъ для домашнихъ занятій, то всего будетъ отъ 6 до 8 рабочихъ часовъ въ день, при чемъ промежутокъ между классными и домашними занятіями будетъ до 4 часовъ. Едва ли найдется много профессій, которыя требовали бы меньше ежедневной работы. Если съ этимъ сравнить ту массу труда, которую несутъ преподаватели сельскихъ начальныхъ училищъ, работающіе часто отъ 6 и 7 часовъ утра до 8 часовъ вечера, то положеніе городскихъ учителей можно назвать сравнительно даже легкимъ. Между тѣмъ народъ именно такого труда требуетъ отъ сельскихъ учителей. Если крестьяне говорятъ объ учителѣ: „у насъ, слава Богу, у насъ старается“,—то уже прямо можно догадаться, что учитель бываетъ съ учениками постоянно: онъ присутствуетъ при томъ, какъ дѣти встаютъ и завтракаютъ, и при томъ, какъ они укладываются спать. Вотъ что̀ надобно дѣлать учителю, чтобъ объ немъ сказали: „слава Богу“.

Что касается до количества отдѣленій въ классѣ, то необходимо прежде всего замѣтить, что дѣленіе классовъ на отдѣленія не составляетъ необходимой принадлежности классной системы. Количество отдѣленій въ училищѣ зависитъ отъ числа учителей, а число учителей — отъ числа учащихся. Поэтому если число учащихся потребуетъ шести учителей, то у каждаго учителя будетъ по одному отдѣленію; но это будутъ все-таки классные учителя, и система обученія будетъ классная. Для такого дѣленія училища не можетъ быть никакого препятствія, такъ какъ въ ст. 4 положенія прямо говорится, что по ходатайству земства, городскихъ обществъ, сословій или частныхъ лицъ, содержимыя на ихъ средства городскія училища могутъ быть учреждаемы также въ составѣ пяти или шести классовъ. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы распространить это право и на содержимыя казной училища, если мѣстныя средства позволяютъ содержать дополнительныхъ учителей.

Поэтому раздѣленіе классовъ на отдѣленія зависитъ не отъ классной системы, а отъ чисто практическихъ соображеній. Полагая въ

основаніе системы элементарнаго обученія личность учащагося, справедливо находятъ, что число учителей должно зависѣть отъ числа учащихся. Это чисто педагогическое соображеніе оказывается и весьма практичнымъ. При предметной системѣ назначалось въ уѣздныхъ училищахъ одинаковое количество преподавателей и на 40, и на 200 учениковъ, а потому и обученіе 40 человѣкъ стоило то же, что—200 человѣкъ. Неправильность и ненормальность такого положенія дѣла очевидна. Городскія училища именно и избѣгаютъ этой неправильности, такъ какъ, полагая число преподавателей примѣнительно къ числу учащихся, они даютъ возможность съ большею равномѣрностію и правильностію распредѣлять расходы по училищамъ: гдѣ учащихся больше, тамъ и средствъ на содержаніе училища больше. Въ практическомъ отношеніи это весьма большое удобство, такъ какъ позволяетъ и небольшимъ городамъ имѣть правильно организованное училище, не понижая его курса. Такъ какъ правительство, учреждая городскія училища, имѣло въ виду дать городскимъ обществамъ образецъ правильно организованныхъ училищъ, то очевидно, что такія училища могутъ открывать общества и на свой счетъ, соображаясь съ числомъ учащихся, съ одной стороны, и съ своими средствами матеріальными—съ другой. При тѣхъ различіяхъ, которыя, по числу жителей и по развитію торговли и промышленности, въ дѣйствительности существуютъ между городами Россіи, вопросъ этотъ представляется весьма важнымъ. Къ этому надобно прибавить, что не только въ заштатныхъ городахъ, посадахъ и слободахъ, но и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, вовсе не было уѣздныхъ училищъ. Сюда надобно прибавить еще заводскія поселенія, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма многолюдны. Напримѣръ, въ Ижевскомъ заводѣ, Вятской губерніи, около 20 тысячъ жителей, то-есть, почти столько же, сколько въ самой Вяткѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ нужны училища съ курсомъ городскихъ училищъ. Но если мы будемъ открывать подобныя училища съ предметными учителями, то-есть, будемъ требовать по 5 и 6 учителей на каждое, то у насъ и учителей не хватитъ, да и средствъ на ихъ содержаніе общества и земства не изыщутъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ мы будемъ расходовать на 40 человѣкъ учащихся въ какомъ нибудь маленькомъ уѣздномъ городкѣ до 5 тыс. руб. въ годъ, многія мѣстности, дѣйствительно нуждающіяся въ училищахъ, будутъ оставаться безъ всякихъ средствъ къ образованію своихъ дѣтей. А что мѣстныя общества и земства не будутъ открывать по-

добныхъ дорогихъ училищъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Уѣздныя училища существовали съ 1828 года, но кажется, даже не было примѣровъ открытія такихъ училищъ на мѣстныя средства. Сельскія двухклассныя училища существуютъ всего съ 1869 года, а въ содержаніи ихъ общества значительно участвуютъ. Городскія училища едва только открываются, а еще по смѣтѣ на 1883 годъ дополнительное содержаніе ихъ на мѣстныя средства увеличилось на 15.000 руб. Есть даже уже училища, вполнѣ содержимыя на мѣстныя средства. И это въ то время, когда противъ городскихъ училищъ вообще, а классной системы ихъ въ особенности, идетъ усиленная агитація въ литературѣ, даже (къ стыду нашему) и педагогической.

Переходя за симъ къ числу отдѣленій въ городскихъ училищахъ, прежде всего надобно сказать, что въ этомъ вопросѣ у насъ господствуетъ неясность. Относительно трехклассныхъ училищъ всѣ согласны, что у каждаго изъ учителей этихъ училищъ должно быть по два отдѣленія. Относительно же одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ мнѣнія расходятся. Такъ какъ одноклассныхъ училищъ пока не существуетъ, то будемъ говорить только о двухклассныхъ. Въ ст. 9 положенія говорится, что въ двухклассныхъ училищахъ курсъ перваго класса продолжается четыре года, и учащіеся въ немъ раздѣляются на два послѣдовательныя отдѣленія. Одни понимаютъ эту статью буквально; другіе же думаютъ, что хотя учащіеся и должны раздѣляться на два отдѣленія, но что группъ въ классѣ должно быть четыре. Дѣлается это послѣднее толкованіе на томъ основаніи, что въ ст. 37 говорится объ ежегодномъ пріемѣ учащихся въ училища; если же, говорятъ, принимать ежегодно, то въ первомъ классѣ будетъ 4 группы; при этомъ ст. 9 положенія объясняютъ неточностію редакціи ея.

По нашему мнѣнію, трудно допустить неточность въ ст. 9. Классная система составляетъ отличительный признакъ городскихъ училищъ, а потому допустить неточность въ редактированіи именно въ этихъ статьяхъ мы не имѣемъ никакого права. Затѣмъ, по смыслу всего положенія, надобно заключить, что законодатель не допускалъ болѣе двухъ отдѣленій у одного учителя; поэтому въ одноклассныхъ училищахъ, гдѣ должно быть три отдѣленія, прямо назначенъ учительскій помощникъ. На этомъ основаніи думается, что ст. 9 положенія должна быть понимаема буквально, то-есть, что ученики перваго класса двухкласснаго училища должны быть раздѣлены на два послѣдовательныя отдѣленія. Хотя, напримѣръ, въ швейцар-

скихъ училищахъ ученики раздѣляются на 6 отдѣленій при одномъ учителѣ, но за то и число уроковъ тамъ очень велико. Въ письмахъ Ушинскаго изъ Швейцаріи [1]) помѣщено росписаніе занятій учителя цюрихской школы, изъ котораго видно, что учитель занимается съ учениками отъ 8 часовъ утра до 4 часовъ вечера, съ полуторачасовымъ отдыхомъ на обѣдъ; слѣдовательно, всего онъ занимается 6½ часовъ ежедневно или 39 часовъ въ недѣлю. Вычитая изъ этого времени 4½ часа на занятія по закону Божію, преподаваемаго у насъ особымъ законоучителемъ, найдемъ, что учитель имѣетъ 34½ часа въ недѣлю. У насъ же въ первомъ классѣ двухклассныхъ училищъ назначено 28 часовъ еженедѣльныхъ занятій, изъ которыхъ 6 часовъ на законъ Божій. Такимъ образомъ нашъ учитель будетъ имѣть на 12½ часовъ занятій недѣльныхъ меньше. Правда, и отдѣленій у него будетъ только 4, а не 6, какъ въ Швейцаріи; но и при этомъ условіи, едва ли онъ успѣетъ принести надлежащую пользу ученикамъ. Поэтому, если допустить, что у насъ въ первомъ классѣ двухклассныхъ училищъ должно быть четыре отдѣленія (какъ бы мы ихъ ни назвали, хотя бы и группами), то назначенныхъ уроковъ будетъ мало; надобно будетъ назначить по крайней мѣрѣ по 5 часовъ ежедневно, и сверхъ того, по получасу на пѣніе и гимнастику; и при этомъ условіи нашъ ученикъ будетъ имѣть только по 1 часу занятій ежедневныхъ съ учителемъ, за исключеніемъ закона Божія. Само собою понятно, что тогда прійдется раздѣлить занятія на дообѣденныя и послѣобѣденныя, такъ какъ не возможно маленькихъ дѣтей удерживать за дѣломъ по 5 часовъ сряду, да и учителю необходимо дать временный отдыхъ. Вотъ почему думается, что законъ дѣйствительно разумѣетъ только два отдѣленія въ первомъ классѣ двухкласснаго училища.

Принять такое пониманіе этой статьи не желаютъ потому, что не желаютъ дѣлать пріемъ учащихся черезъ годъ. Но, вопервыхъ, пріемъ можетъ быть и ежегодный, только въ одинъ годъ будутъ приниматься дѣти и неграмотные, въ другой же—только подходящіе къ существующимъ отдѣленіямъ. Вовторыхъ, многіе изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ имѣютъ не болѣе 1000 человѣкъ населенія мужскаго пола. При такомъ числѣ жителей, дѣтей 7 лѣтъ ежегодно можетъ поступить не болѣе 24 человѣкъ, такъ, какъ по вычисленіямъ

[1]) *Ж. М. Н. Пр.* 1863 г. ч. CXIX, стр. 52.

академика Буняковскаго [1]), на одну тысячу населенія мужскаго пола такое именно число приходится семилѣтнихъ; слѣдовательно, если мы введемъ даже обязательное обученіе, то и тогда въ два года къ намъ поступитъ только 48 учащихся; при настоящихъ же условіяхъ едва ли будетъ поступать и половина. Втретьихъ, если мы желаемъ постепенно поднимать курсъ нашей народной школы вообще, но не желаемъ слишкомъ увеличивать свой бюджетъ, то при разбросанности и незначительности нашихъ поселеній, можетъ быть, это для насъ единственное средство. Къ такому, по крайней мѣрѣ, заключенію приходятъ люди, близко стоящіе къ дѣлу народнаго образованія. Такъ съѣздъ учителей Лужскаго уѣзда постановилъ въ три года курса начальныхъ школъ дѣлать только два пріема, чтобы въ школѣ было только два отдѣленія. Мѣстный училищный совѣтъ одобрилъ эту мѣру [2]). Вчетвертыхъ, въ большихъ городахъ слѣдуетъ увеличивать число учителей.

Впрочемъ, у насъ часто и такія затрудненія училищъ, которыя зависятъ не отъ количества отдѣленій въ училищахъ, почему-то приписываются имъ. Такъ г. Н. П—ловъ, жалуясь на обременительность работы учителя, говоритъ, что во второмъ классѣ трехкласснаго училища бываетъ отъ 80 до 100 учащихся [3]). Но очевидно, что затрудненіе здѣсь происходитъ не отъ количества отдѣленій, а отъ числа учащихся въ классѣ. При такомъ количествѣ учащихся въ классѣ, превышающемъ вдвое норму, указанную въ ст. 16 положенія, очевидно, заниматься трудно одному учителю. Поэтому въ такихъ училищахъ слѣдуетъ увеличивать число учителей. И при предметной системѣ съ такимъ числомъ учениковъ въ классѣ не возможно съ успѣхомъ вести дѣло.

Затѣмъ, указываютъ еще на массу письменныхъ работъ, которыя необходимо давать ученикамъ, чтобы занять тѣ отдѣленія, съ которыми преподаватель непосредственно не занимается. Г. Н. П—ловъ насчитываетъ отъ 150—300 работъ письменныхъ, которыя учителю городскаго училища приходится разсматривать ежедневно, вслѣдствіе дѣленія учащихся на отдѣленія [4]). Не говоря уже о томъ, что

---

[1]) *Зап. Имп. Ак. Наукъ*, 1866 г. т. VIII, стр. 126.

[2]) *Журн. М. Н. Пр.* 1881 г. ноябрь, стр. 18—24.

[3]) *Вѣстн. Евр.*, январь 1881 г., стр. 366. Думается, что это число явилось временно, вслѣдствіе преобразованія уѣзднаго училища въ городское.

[4]) *Вѣстн. Евр.*, январь 1881 г., стр. 366.



такой разчетъ сдѣланъ на 100 учениковъ въ классѣ, что̀, какъ сказано выше, противорѣчитъ ст. 16 положенія, г. П—ловъ, очевидно, всѣ самостоятельныя работы учениковъ считаетъ письменными работами, что̀ неправильно. Дѣло въ томъ, что всѣ работы учениковъ должны быть исполняемы, по возможности, въ классѣ; поэтому и самостоятельныя работы не должны состоять исключительно въ письменныхъ работахъ; работы эти могутъ и должны состоять во всемъ томъ, что̀ обыкновенно дается ученикамъ при предметной системѣ на домъ, что̀ обыкновенно называется домашними работами. Правда, по многимъ предметамъ мы не имѣемъ руководствъ, примѣненныхъ къ элементарному курсу; но вѣдь это вопросъ времени; когда классная система обученія утвердится въ городскихъ училищахъ, то безъ сомнѣнія, явятся и руководства, составленныя примѣнительно къ этой системѣ. При такомъ ходѣ занятій въ училищахъ всегда возможно ограничивать количество письменныхъ работъ чисто педагогическими соображеніями, то-есть, давать такихъ работъ столько, сколько ихъ окажется необходимымъ для пріученія ихъ къ связному, толковому и грамотному изложенію мыслей и къ достиженію цѣли, указанной въ программѣ по русскому языку, а не смотрѣть на эти работы, какъ на занятія для провожденія празднаго времени. При такихъ условіяхъ занятій, достаточно будетъ давать одну письменную работу въ день каждому отдѣленію; а при такой работѣ, если число учащихся, согласно ст. 16 положенія, не будетъ болѣе 50 у одного учителя, то всѣхъ письменныхъ работъ будетъ не болѣе 50. Само собою понятно, что работы эти должны даваться сообразно потребности учащихся, а потому въ младшихъ классахъ, гдѣ требуется еще учить учениковъ писать, работъ этихъ будетъ больше. Но такъ какъ работы въ младшихъ классахъ всегда не сложны по содержанію и не велики по объему, то просмотръ ихъ нельзя считать обременительнымъ.

Полагая въ основаніе личность учащихся, классная система, по нашему мнѣнію, представляетъ и болѣе удобствъ для разсмотрѣнія письменныхъ работъ. Такъ какъ число учащихся будетъ всегда больше въ младшихъ классахъ, то просмотръ письменныхъ работъ правильнѣе распредѣляется между преподавателями: съ уменьшеніемъ числа учениковъ будетъ уменьшаться число письменныхъ работъ, но за то онѣ будутъ усложняться и увеличиваться. Такой равномѣрности въ распредѣленіи этого труда между преподавателями предметными соблюсти будетъ уже не возможно. Несомнѣнно, что большин-

ство письменныхъ работъ при предметной системѣ падетъ на учителя русскаго языка, который и будетъ, дѣйствительно, заваленъ ученическими тетрадями, тогда какъ учителя другихъ предметовъ будутъ имѣть весьма мало тетрадей.

Посмотримъ теперь, на сколько практически выполнимо установленіе предметной системы въ городскихъ училищахъ. Министерству народнаго просвѣщенія предоставлено ст. IX Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта вводить предметныхъ учителей въ тѣхъ случаяхъ, когда это признано будетъ имъ полезнымъ. Между тѣмъ противники классной системы хотятъ совсѣмъ не этого. Имъ нужно, вопервыхъ, отдѣлить первые два года ученія въ видѣ приготовительнаго класса; вовторыхъ, въ остальныхъ четырехъ годахъ уничтожить дѣленіе классовъ на отдѣленія и назначить во всѣхъ училищахъ четыре класса. Такимъ образомъ они предполагаютъ всѣ городскія училища преобразовать въ пятиклассныя.

При такихъ условіяхъ потребуется въ каждомъ училищѣ: 1 законоучитель, 1 учитель приготовительнаго класса и 4 учителей предметныхъ, при чемъ у каждаго изъ сихъ учителей будетъ около 24 уроковъ въ недѣлю. При такомъ штатѣ содержаніе каждаго училища обойдется: жалованья законоучителю за 6 уроковъ въ приготовительномъ классѣ и 10 въ остальныхъ, по 30 р. за урокъ [1]), 480 р.; учителю приготовительнаго класса 615 р. [2]); 4 учителямъ предметнымъ, по 615 р. каждому, 2,460 р.; на уроки пѣнія и гимнастику 150 р. и хозяйственные расходы 1,000 р. [3]); всего 4,980 р. Если исключить приготовительный классъ, возложивъ содержаніе на мѣстныя городскія общества, то за исключеніемъ 795 р., содержаніе городскаго училища будетъ стоить 4,185 р., то-есть, почти то же, что̀ теперь стоитъ четырехклассное училище. Хотя не извѣстно, возможно ли увеличить такъ бюджетъ городскихъ училищъ, но нельзя не указать на тѣ практическія неудобства, съ которыми будетъ сопряжено введеніе этой реформы.

Дома городскихъ училищъ только что перестроены городскими обществами, частію даже только строятся вновь. Между тѣмъ ихъ опять прійдется перестраивать заново примѣнительно къ четыремъ и

---

[1]) Сб. пост. по М. Н. Пр., т. 17, стр. 1264.

[2]) По настоящимъ штатамъ: 540 р. жалов. и 75 квартирныхъ.

[3]) Разчеты сдѣланы по штатамъ четырехклассныхъ училищъ.

пяти классамъ. Думается, всѣ директора народныхъ училищъ согласятся, что достигнуть этого будетъ не легко. Не говоримъ уже о томъ, что авторитетъ учебнаго вѣдомства будетъ въ глазахъ городскихъ обществъ значительно расшатанъ, и что городскія общества будутъ бояться новыхъ преобразованій и новыхъ перестроекъ.

Если же не предполагается производить такую ломку городскихъ училищъ, если предполагается сохранить и раздѣленіе классовъ на отдѣленія, то введеніе предметной системы будетъ болѣе возможно, но едва ли оно тогда достигнетъ своей цѣли. Такъ, въ двухклассныхъ училищахъ не возможно будетъ вводить предметную систему совсѣмъ, если оставить первые два года. Если первые два года закрыть и опредѣлить еще особаго учителя рисованія, черченія и чистописанія, то ввести предметную систему будетъ возможно; но эти предметные учителя будутъ имѣть очень много предметовъ; а потому система эта, не имѣя достоинствъ классной и предметной, будетъ имѣть всѣ недостатки той и другой. Приблизительно такой порядокъ былъ у насъ въ уѣздныхъ училищахъ по уставу 1804 г., гдѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ возлагалось на двоихъ учителей. Не смотря на то, что съ 1819 г. въ означенныхъ училищахъ было отмѣнено преподаваніе естествознанія и технологіи, а для закона Божія приглашались лица духовныя [1]), несостоятельность этой системы быстро обнаружилась.

Въ трехклассныхъ училищахъ можно будетъ вводить и предметную систему, но также подъ условіемъ закрытія первыхъ двухъ лѣтъ и назначенія особаго преподавателя черченія и рисованія. При этихъ двухъ условіяхъ здѣсь предметная система можетъ уже отчасти проявить свою силу.

Въ четырехклассныхъ училищахъ она можетъ быть введена, но опять подъ условіемъ закрытія первыхъ двухъ годовъ; можно оставить и первые два года, если назначить особаго учителя рисованія и черченія.

Вполнѣ же эта система можетъ быть примѣнена только въ такихъ училищахъ, въ которыхъ не менѣе 5 учителей.

Введеніе предметной системы въ трехклассныхъ, четырехклассныхъ и пятиклассныхъ училищахъ на указанныхъ условіяхъ возможно и выполнимо, но, по нашему мнѣнію, не желательно.

---

[1]) *Вороновъ*, Ист. статист. обозр. С.-Петерб. уч. округа, стр. 184.

Вопервыхъ, въ училищахъ, если первые два года будутъ закрыты, въ первомъ классѣ всегда будетъ болѣе 50 человѣкъ учащихся, и потому потребуется открытіе параллельныхъ отдѣленій, на что прійдется сыскать средства.

Вовторыхъ, предметная система въ учебныхъ заведеніяхъ можетъ быть полезна, но только въ такомъ случаѣ, когда, сверхъ предметныхъ преподавателей, есть особый начальникъ заведенія, имѣющій весьма небольшое количество уроковъ. Тогда этотъ начальникъ своею дѣятельностію, своимъ авторитетомъ покрываетъ, такъ-сказать, недостатки предметной системы: онъ объединяетъ дѣятельность предметныхъ преподавателей, какъ въ учебномъ, такъ и воспитательномъ отношеніи, направляя ходъ дѣла къ одной разумной цѣли. Поэтому значеніе подобныхъ лицъ въ учебныхъ заведеніяхъ съ предметною системой весьма важно: они придаютъ воспитательный характеръ всему учебному заведенію. Значитъ, и въ городскихъ училищахъ, какъ это было въ уѣздныхъ, прійдется имѣть особаго начальника заведенія. Завѣдывающій училищемъ, имѣющій одинаковое количество уроковъ съ другими преподавателями, можетъ имѣть наблюденіе за внѣшнимъ порядкомъ заведенія, но слѣдить за ходомъ преподаванія, устанавливать единство въ обученіи и воспитаніи за время уроковъ онъ не можетъ. При классной системѣ, гдѣ жизнь и дѣятельность каждаго класса въ рукахъ одного учителя, единство въ преподаваніи достигается легко единствомъ личности учителя, который и отвѣчаетъ вполнѣ за свой классъ. Поэтому въ особомъ начальникѣ здѣсь нѣтъ надобности; одинъ изъ учителей смѣло можетъ исполнять эти обязанности, такъ какъ на немъ лежитъ только объединеніе мѣропріятій, касающихся всего училища; но при предметной системѣ онъ не можетъ оставаться въ такомъ положеніи. На содержаніе отдѣльнаго начальника каждаго училища прійдется опять изыскивать средства.

Втретьихъ, если число отдѣленій въ училищахъ будетъ удержано то же, какое теперь, то предметная система только затруднитъ преподавателей, такъ какъ каждый преподаватель вынужденъ будетъ пріискивать самостоятельную работу именно по своимъ предметамъ, что стѣснитъ его педагогическую дѣятельность.

Намъ остается сказать еще о воспитательномъ значеніи классной системы. Но противники классной системы не рѣшаются касаться этого вопроса, чѣмъ молчаливо признаютъ ея превосходство. Только

г. Н. П—ловъ касается этого предмета [1]); но онъ видитъ недостатокъ ея въ томъ, въ чемъ, по справедливости, надобно видѣть ея достоинство. Онъ боится, что вліяніе умственное и нравственное классныхъ учителей на учениковъ будетъ слишкомъ сильно, что „всѣ, такъ-сказать, идеальныя стремленія учениковъ будутъ запечатлѣны нравственною физіономіей учителя". Такое вліяніе учителя онъ признаетъ вреднымъ, такъ какъ „односторонность человѣка вообще, а сравнительная узкость и даже шаблонная ординарность міровоззрѣнія учителей въ особенности" поведетъ къ одностороннему развитію учениковъ. Односторонность и узкость такого воззрѣнія очевидна уже изъ этого. На этомъ основаніи можно признать вреднымъ вліяніе на дѣтей взрослыхъ вообще, можно признать вреднымъ даже вліяніе семьи, и признать самымъ благотворнымъ уличное и базарное воспитаніе.

Между тѣмъ именно потому, что при классной системѣ обученія нравственное вліяніе учителей на дѣтей будетъ очень сильно, система эта особенно и желательна. Само собою понятно, что это возлагаетъ и на преподавателей учительскихъ институтовъ обязанность воспитать учителей преданныхъ своему святому дѣлу и людей христіански-нравственныхъ.

Между преподавателями сельскихъ начальныхъ училищъ мы въ настоящее время имѣемъ уже много преподавателей, стоящихъ достойно на высотѣ своего призванія, людей преданныхъ своему дѣлу и высоко-нравственныхъ. Простота деревенской жизни, глубоко-религіозный складъ народной жизни имѣетъ воспитательное вліяніе на самихъ преподавателей.

Учителя городскихъ училищъ, вращаясь въ средѣ городскаго общества, менѣе патріархальнаго и менѣе устойчиваго, подвергаются большому соблазну. Учатся въ городскихъ училищахъ дѣти мѣщанъ и мелкихъ торговцевъ, зачастую поставленныхъ въ совершенную невозможность имѣть надзоръ за дѣтьми среди городскаго шума и суеты. Однимъ словомъ, соблазновъ здѣсь и для учителей, и для учениковъ больше. Это и показываетъ, какую важную обязанность принимаютъ на себя учителя городскихъ училищъ и учительскіе институты. Эти послѣдніе должны воспитать людей крѣпкихъ нравственныхъ убѣжденій, людей нравственно стойкихъ. Имъ нѣтъ надобности, да нѣтъ

[1]) *Вѣстн. Евр.*, 1881 г., № 1, стр. 369 и 370.

и времени кроить изъ себя „профессоровъ въ уменьшенномъ видѣ“, а изъ учителей городскихъ училищъ готовить учителей гимназій „съ уменьшеннымъ курсомъ“. Главное ихъ вниманіе должно быть сосредоточено на нравственномъ воспитаніи своихъ питомцевъ. Дай Богъ, чтобъ они исполнили надлежащимъ образомъ это святое дѣло.

С. Нурминскій.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

О религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей. Соч. *Е. Леоновой*. С.-Пб. 1884. Цѣна 2 руб.

Содержаніе книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ названію. Авторъ главнымъ образомъ занимается изложеніемъ общихъ началъ физическаго и духовнаго воспитанія, какъ это дѣлается въ учебникахъ общей педагогики; разсужденія же свои о религіозно-нравственномъ воспитаніи онъ слегка, какъ бы мимоходомъ, присоединяетъ къ тому или другому педагогическому вопросу, и только одна глава, состоящая изъ 17 страницъ (57—74), спеціально посвящена главному предмету.

Естественно ожидать, чтобы вопросы о чувствахъ вообще и о религіозно-нравственномъ чувствѣ въ частности излагались вмѣстѣ въ надлежащей связи; но нашъ авторъ разъединилъ ихъ, при чемъ, на перекоръ существу дѣла, первое поставилъ на двѣнадцатомъ мѣстѣ, а второе на четвертомъ. Впрочемъ, на какомъ бы мѣстѣ ни были поставлены эти статьи, онѣ не принесутъ никакой существенной пользы тѣмъ читателямъ, для которыхъ предназначается эта книга. Статья „О развитіи чувствъ" изложена такъ замысловато и нетолково, что она съ первыхъ же строкъ оттолкнетъ читателя, незнакомаго съ тонкостями психологіи. „Чувства возникаютъ", говорится въ книгѣ на стр. 117,— „изъ непосредственнаго сознанія различій душевныхъ образованій или, выражаясь опредѣленнѣе, изъ взаимнаго противодѣйствія нашихъ душевныхъ процессовъ.... Всѣ представленія, желанія, склонности и т. д. могутъ обращаться въ чувства, становясь какъ предметами чувствъ, такъ и основаніями ихъ, то-есть, тѣмъ, въ отличіе отъ чего чувствуется (непосредственно сознается) какое-либо другое образованіе" и т. п. Статья „О религіозно-нравственномъ воспитаніи" изло-

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

жена нѣсколько толковѣе, но и она не будетъ убѣдительна для читателя. Такъ, прежде всего бросается въ глаза опущеніе мотивовъ возникновенія нравственнаго и религіознаго чувствъ; даже далеко не всѣ представлены практическія правила, которыми нужно руководиться при воспитаніи поименованныхъ чувствъ, и которыя можно найдти почти во всѣхъ курсахъ педагогики; такъ напримѣръ, опущена совмѣстная молитва родителей съ дѣтьми въ домѣ, столь рекомендуемая извѣстною писательницею Неккеръ де-Соссюръ. Мы не находимъ также ни одной ссылки, ни одного примѣра изъ воспитанія дѣтей въ какой либо христіанской семьѣ. Указаніе на такіе примѣры шло бы къ цѣлямъ книги гораздо болѣе, чѣмъ перечень разныхъ безобразныхъ случаевъ изъ воспитательной практики грубыхъ и развращенныхъ родителей. „Среди насъ", говорится на стр. 73,—„встрѣчаются такіе родители, которые посылаютъ дѣтей на кражу, учатъ ихъ обману и хвастовству, напаиваютъ ихъ виномъ для потѣхи, забавляются ихъ сквернословіемъ и срамными выходками, ведутъ черезъ нихъ своды, потворствуютъ ихъ нецѣломудренному поведенію, смущаютъ ихъ на драку другъ съ другомъ, научаютъ ихъ жестоко обращаться не только со скотомъ и со всѣми животными, но и съ людьми и т. п." Не давая, хотя бы вкратцѣ, необходимаго матеріала, авторъ въ поименованной статьѣ многословно распространяется о предметахъ, имѣющихъ только посредственное отношеніе къ цѣли статьи, какъ напримѣръ, о порабощеніи жены мужу. „Кто читалъ Ветхій Завѣтъ", говорится въ книжкѣ на стр. 57,—„тотъ, я думаю, знаетъ, что еще сначала Богъ сотворилъ женщину, какъ равную съ мужчиной, помощницу ему и назначилъ имъ обладаніе всѣми земными тварями. Но вслѣдствіе грѣха Евы, по волѣ Божіей, мужья и поработили себѣ женъ". На стр. 60 по тому же предмету мы читаемъ слѣдующее: „Деспотическое отношеніе къ женамъ образовалось еще въ древнемъ язычествѣ, полномъ всякихъ неправдъ и беззаконій; отъ древности оно унаслѣдовано нашими предками, а отъ предковъ нашихъ перешло и къ намъ, и до сихъ поръ дурное отношеніе не уничтожилось. Мнѣ приходится почти каждый день слышать, что мужъ поколотилъ свою жену, она отправлена въ больницу, но надежды нѣтъ на ея выздоровленіе; мужъ отравилъ свою жену, потому что она не нравилась ему, ему понравилась другая женщина. И вотъ почти каждый день вы можете слышать подобныя извѣстія отъ своихъ знакомыхъ и читать о нихъ въ любой газетѣ".

Недостатки, встрѣчающіеся въ поименованныхъ двухъ статьяхъ,

именно, невполнѣ толковое, ясное объясненіе психическихъ явленій, опущеніе наиболѣе важныхъ педагогическихъ правилъ, совѣтовъ находятся на каждомъ шагу въ другихъ статьяхъ. Для примѣра возьмемъ статью: „Какъ возбудить къ дѣятельности тѣхъ дѣтей, которыя ко всему апатичны". „Иногда кажется" — читаемъ въ этой статьѣ, на стр. 113 — „дитя совершенно здорово, признаковъ слабоумія въ немъ нѣтъ, унылости—тоже; оно добродушно, ласково, деликатно; но ко всему безучастно: какія игрушки, какія картинки ему ни давайте, что ему ни разказывайте, что ни читайте—ничто его не занимаетъ и не трогаетъ". Послѣ того въ книжкѣ ставится вопросъ: „какъ долженъ воспитатель относиться къ этимъ прирожденнымъ особенностямъ?" Не понятно, для чего данъ такой вопросъ. Дѣло идетъ объ апатіи и, слѣдовательно, объ одной особенности, свойственной какому-либо дитяти; а судя по вопросу, нужно предполагать, что авторъ разумѣетъ и добродушіе въ дѣтяхъ, и ласковость, и деликатность, и вмѣстѣ съ тѣмъ безучастіе ихъ къ игрушкамъ, къ картинкамъ и т. д. Отвѣтъ на данный вопросъ въ книжкѣ весьма неутѣшительный для родителей и воспитателей, именно: „Нѣтъ сомнѣнія, что онъ долженъ принимать ихъ, какъ они есть, уже по той простой причинѣ, что онъ (то-есть, воспитатель) ни коимъ образомъ не можетъ ихъ существенно измѣнить". Но къ счастію, самъ авторъ совершенно не раздѣляетъ смысла его, ибо изъ дальнѣйшаго изложенія статьи оказывается, что апатія не есть какой-либо самостоятельный, прирожденный недостатокъ, и что воспитатель можетъ довести апатичныхъ дѣтей до того, что они будутъ любить не только своихъ ближнихъ, свое отечество, но и даже человѣчество. Нельзя не пожалѣть только, что авторъ весьма мало даетъ совѣтовъ, отдѣлываясь всюду научными терминами и пустыми фразами. Такъ напримѣръ, г-жа Леонова говоритъ, что „если апатія зависитъ отъ недостатка живости и впечатлительности, то возможно лишь частное и поверхностное исправленіе"; но чтò такое—частное исправленіе, какъ оно достигается, объ этомъ ни слова. О пробужденіи въ дѣтяхъ интереса вообще и въ частности любви къ отечеству и человѣчеству, нашъ авторъ распростаняется болѣе чѣмъ на двухъ страницахъ, но и здѣсь главное мѣсто занимаютъ разныя, выхваченныя изъ обширныхъ педагогическихъ учебниковъ, фразы, какъ напримѣръ, о накопленіи въ душѣ слѣдовъ представленій, о превращеніи слѣдовъ въ умственный задатокъ, о сліяніи частныхъ интересовъ въ общіе, о развитіи промежуточныхъ процессовъ и разныхъ мелкихъ душевныхъ образованій и т.

д. и т. д. Положеніе, въ которое рекомендуется ставить дѣтей для возбужденія въ нихъ сочувствія къ другимъ, крайне исключительно. Такъ, совѣтуется дѣтямъ исправлять дорогу, или же наблюдать за хозяйственными дѣлами семьи, нуждающейся въ помощи. Рекомендуется также, хотя и косвенно, чтобы дѣти въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ „воспроизводили въ маломъ видѣ общество взрослыхъ". Въ той же части статьи г-жа Леонова въ видѣ примѣра ссылается два раза на англичанъ, какъ на націю, гдѣ порядки, какъ школьные, такъ и общественные, являются наиболѣе благопріятными для развитія характера молодаго поколѣнія. Но что̀ же оказывается: въ первомъ случаѣ, на стр. 115, англичане представляются націей, въ которой, подобно древнимъ грекамъ и римлянамъ, свойственна только любовь къ своему, по словамъ книги, „ограниченному отечеству"; во второмъ же случаѣ, именно на стр. 116, та же нація представляется уже заботящеюся о благѣ человѣчества болѣе французовъ, нѣмцевъ и русскихъ. Въ послѣдней статьѣ своей авторъ многорѣчиво толкуетъ о наказаніяхъ, при чемъ рѣшительно высказывается въ пользу наказаній естественныхъ. Если г-жа Леонова могла и не знать прекрасной статьи г. Мечникова о педагогическомъ значеніи естественныхъ наказаній, ибо таковая статья помѣщена не въ педагогическомъ журналѣ (Вѣстникъ Европы), то она никакъ не должна была оставить безъ вниманія „Курса общей педагогики" профессора Юркевича, въ которомъ этому виду наказаній отведено свое надлежащее мѣсто. Вина нашего автора въ данномъ случаѣ увеличивается еще и тѣмъ что вся книга ея, по крайней мѣрѣ по заглавію, имѣетъ въ виду воспитаніе религіозно-нравственное, а именно для этой сферы духовной жизни наказанія естественныя оказываются мало пригодными.

Въ разсматриваемой книжкѣ, сверхъ того, бросается въ глаза частое уклоненіе отъ предмета въ пользу описанія разныхъ нравственныхъ, религіозныхъ недуговъ современнаго общества, но для чего это нужно въ педагогическомъ сочиненіи—понять трудно. Гигіенисты въ брошюрахъ, посвящаемыхъ описанію тайнаго дѣтскаго порока, иногда картинно изображаютъ удрученное, болѣзненное состояніе лицъ, преданныхъ такому пороку. Они имѣютъ въ виду напугать юныхъ читателей и такимъ образомъ предостеречь ихъ отъ дурныхъ привычекъ, слѣдствія которыхъ имъ неизвѣстны; но какую пользу можетъ принести зрѣлому читателю описаніе, хотя бы картинное, такихъ пороковъ, какъ пьянство, скряжничество и т. д.? Через это читатель не можетъ сдѣлаться ни самъ нравственнѣе, ни увели-

чится запасъ руководящихъ правилъ для надлежащаго воспитанія своихъ дѣтей. Замѣчательно, что въ статьѣ „По какой причинѣ дѣти прибѣгаютъ ко лжи" авторъ много распространяется о такихъ нравственныхъ, религіозныхъ предразсудкахъ, которые почти не свойственны средѣ, для коей написана книга. „Къ сожалѣнію" говорится на стр. 101, — „наше исповѣданіе православной вѣры какъ-то поверхностно, а потому не мѣшаетъ намъ быть легковѣрными и держаться такихъ заблужденій, какихъ не держатся многіе даже изъ невѣрныхъ. Прикрой какую угодно ложь именемъ дорогаго намъ православія, и мы готовы принять ее за святую истину; выдай какую угодно сказку за Божіе откровеніе, мы и ей охотно повѣримъ. Какимъ образомъ у насъ возведены на степень тяжкихъ и не прощенныхъ грѣховъ такія дѣйствія, которыя совершенно невинны и даже полезны, напримѣръ, паренье въ банѣ, лежанье на печи, привитіе предохранительной оспы и т. п.? Какимъ образомъ вошли у насъ въ употребленіе различные наговоры и заговоры, мнимоспасительныя молитвы, особенное почитаніе двѣнадцати пятницъ въ году и т. п.? Это выдумали невѣжды, выдали намъ за святую истину, а мы, не разобравши дѣла, повѣрили".

Но въ книжкѣ г-жи Леоновой встрѣчаются иногда мѣста и цѣлыя страницы довольно назидательныя, какъ напримѣръ, нѣкоторыя страницы изъ отдѣловъ „О развитіи внѣшнихъ чувствъ", „О развитіи дара слова", „О пріученіи дѣтей къ вниманію"; но и на этихъ лучшихъ страницахъ попадаются разнаго рода невѣрности; такъ напримѣръ, на стр. 1 въ статьѣ „О развитіи внѣшнихъ чувствъ" говорится: „Человѣкъ, лишенный хоть одного изъ внѣшнихъ чувствъ, никогда не можетъ достигнуть полнаго умственнаго развитія". Между тѣмъ никто ни изъ физіологовъ, ни изъ психологовъ не приписываютъ никакого значенія обонянію для развитія ума. На той же страницѣ читаемъ: „Чрезъ органъ зрѣнія пріобрѣтаемъ бо́льшую массу представленій, чѣмъ чрезъ какое-нибудь другое чувство; какъ напримѣръ, мы узнаемъ форму предметовъ, цвѣтъ, величину, разстояніе." Смыслъ этого мѣста вполнѣ вѣренъ, такъ какъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ психологовъ, $^{9}/_{10}$ нашихъ знаній пріобрѣтаются при содѣйствіи зрѣнія; но вмѣсто термина „представленіе", здѣсь долженъ быть употребленъ терминъ „ощущеніе", и сверхъ того, изъ числа примѣровъ должны быть уничтожены форма предметовъ и разстояніе, ибо таковыя познаются лишь благодаря разнымъ опытамъ и упражненіямъ, при которыхъ важную роль играетъ осязаніе.

Выразительное чтеніе. Пособіе для учителей и учащихся. *Виктора Острогорскаго*. С.-Пб. 1885. Въ 8-ку стр. 73. Цѣна 50 коп.

Брошюра г. Острогорскаго посвящена вопросу несомнѣнно важному, на который ни общественная жизнь, ни школа до сихъ поръ еще не обращаютъ достаточнаго вниманія, вопросу „о выразительномъ, то-есть, толковомъ и пріятномъ произнесеніи наизусть и чтеніи стиховъ и прозы".

Выразительное чтеніе требуется программами учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ; но опытъ указываетъ, что къ этому требованію преподаватели относятся не строго. Между тѣмъ оно заслуживаетъ лучшаго отношенія: хорошее чтеніе, какъ справедливо указываетъ г. Острогорскій, вырабатываетъ голосъ, исправляетъ произношеніе, заставляетъ читателя вникать въ каждое слово произведенія, развиваетъ анализъ, вполнѣ осмысливаетъ текстъ, даетъ провѣрку первыхъ впечатлѣній, слагающихся иногда подъ вліяніями, чуждыми художественной критики, научаетъ запоминать произведенія не машинально, а помогая памяти ясностью отношеній частей произведенія между собою, развиваетъ чувство, воображеніе, любовь къ поэзіи, открываетъ новую сферу эстетическаго наслажденія въ личной жизни, въ семьѣ и въ обществѣ.

Указавъ на пользу, которую можно ожидать отъ усвоенія привычки къ выразительному чтенію, г. Острогорскій доказываетъ, что такое чтеніе — искусство, которому можно выучиться, и затѣмъ указываетъ на главные пріемы обученія: на пріемы правильной постановки голоса и развитія его гибкости, на пріемы регулированія дыханія при чтеніи, на возможность усовершенствовать произношеніе, на разстановку логическихъ удареній. Брошюра заканчивается разборомъ одного стихотворенія („Море" Жуковскаго) и одной изъ басенъ Крылова („Парнассъ") со стороны выразительнаго ихъ произношенія.

Все, что̀ высказано авторомъ по избранному предмету, вполнѣ достойно симпатіи; потому очень желательно, чтобъ учителя русскаго языка обратили на брошюру его серьезное вниманіе. Нельзя, конечно, требовать, чтобъ они, какъ желаетъ г. Острогорскій, удѣляли классное время на постановку, на развитіе голоса ученика и т. п., но указать преподавателямъ подробнѣе на значеніе выразительнаго чтенія и на методы усвоенія этого искусства — несомнѣнно полезно. Книжка г. Острогорскаго, однако, могла бы быть признана по преимуществу желательнымъ пріобрѣтеніемъ для библіотекъ ученическихъ,

какъ средство къ эстетическому саморазвитію юношества; но къ сожалѣнію, рядомъ съ вполнѣ дѣльными страницами въ ней встрѣчаются иногда разглагольствованія, совсѣмъ не идущія къ дѣлу и совсѣмъ неудобныя для учениковъ. Такими разглагольствованіями особенно изобилуетъ введеніе (хотя они встрѣчаются и въ текстѣ, см. стр. 14-примѣч. 2-е), повѣствуя (стр. 5—8) о томъ, какъ въ младшихъ классахъ „мы душимъ ребятъ сухою и мертвою грамматикой", какъ далѣе, развивъ изъ нихъ „маленькихъ схоластиковъ", мы „пичкаемъ ихъ обрывками теорій словесности и исторіи литературы", какъ „винтъ и преферансъ захватили интеллигентную Россію"—„страну молчанія, страну безглагольныхъ равнинъ" и т. п. Нельзя не пожелать, чтобъ эти строки исчезли изъ книги при второмъ ея изданіи.

Учебникъ русской грамматики для трехъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Смирновскій*. Часть I. Этимологія. Изданіе второе, исправленное. С.-Петербургъ. 1885. Стр. II+96. Цѣна 40 коп.

Въ рецензіи, напечатанной въ майской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1884 г., были указаны недосмотры, замѣченные въ учебникѣ г. Смирновскаго и требующіе исправленія. Указанія эти г. Смирновскій принялъ къ свѣдѣнію только отчасти: онъ перемѣстилъ одно опредѣленіе, два другихъ исправилъ... Рецензія замѣчала между прочимъ: „Трудно представить себѣ, какія свѣдѣнія г. Смирновскій предполагаетъ уже извѣстными дѣтямъ, которыя будутъ пользоваться его учебникомъ". Если г. Смирновскій разсчитываетъ на свѣдѣнія, пріобрѣтенныя учащимися въ приготовительномъ классѣ, слѣдовало сократить учебникъ соотвѣтственно и предупредить о сдѣланномъ предположеніи хотя бы въ предисловіи. На это г. Смирновскій и отвѣтилъ въ предисловіи, что писалъ „отнюдь не для начинающихъ", что его учебникъ долженъ „только служить къ пополненію и систематизаціи" въ 1-мъ и во 2-мъ классахъ гимназій тѣхъ знаній, которыя пріобрѣтены въ классѣ приготовительномъ. На этомъ основаніи онъ позволяетъ себѣ употреблять въ началѣ книги слова, выражающія понятія, съ которыми знакомитъ ученика только въ концѣ ея (ср., напримѣръ, стр. 29 и 50), говоритъ о предложеніи, о частяхъ его, объ управленіи падежами—вовсе не поясняя этихъ понятій.

Рецензія, принимая во вниманіе, что авторъ ввелъ въ учебникъ

почти все, что̀ проходится по грамматикѣ въ классѣ приготовительномъ, правда, выражала еще мнѣніе, что трудъ его много выигралъ бы при небольшой переработкѣ, направленной къ тому, чтобы сдѣлать учебникъ пригоднымъ и для начинающихъ. Это мнѣніе г. Смирновскій оставилъ безъ вниманія. Остается, слѣдовательно, отмѣтить, что книга его отнюдь не пригодна для приготовительнаго класса.

Но нельзя также легко отнестись ко взгляду г. Смирновскаго на другое существенное замѣчаніе рецензіи. Понимая, что „опредѣленія представляютъ собою камень преткновенія для составителей учебниковъ", она не могла одобрить принятаго г. Смирновскимъ обхода этой трудности простымъ пропускомъ опредѣленій.

„Опредѣленія иныхъ частей рѣчи у меня, какъ и въ другихъ учебникахъ, не вполнѣ удовлетворительны", отвѣчаетъ г. Смирновскій (отчего при этомъ указывается только на опредѣленія частей рѣчи—не извѣстно),—„но дать въ младшемъ курсѣ точное, научно-вѣрное и притомъ совершенно понятное опредѣленіе нѣкоторыхъ частей рѣчи—задача, разрѣшеніе которой едва ли возможно. Иногда дать опредѣленіе такъ трудно, что лучше вовсе его не давать, что я и дѣлалъ (не давъ опредѣленія предлога, наклоненія)".

Можетъ быть, иное опредѣленіе и трудно дать дѣтямъ съ научною точностью; можетъ быть, строгое опредѣленіе умѣстно иногда замѣнить поясненіемъ, но нельзя пріучать дѣтей къ терминамъ, не давая этимъ терминамъ никакого содержанія. Особенно это неудобно въ курсѣ, предназначенномъ „для пополненія и систематизаціи элементарныхъ знаній по этимологіи", для учениковъ, которымъ приходится уже примѣнять грамматическія понятія къ латинскому языку и по крайней мѣрѣ къ одному изъ новыхъ иностранныхъ языковъ.

Освободивъ себя отъ систематичности въ изложеніи въ виду пройденнаго въ приготовительномъ классѣ, и отъ полноты изложенія, потому что она представляетъ нѣкоторыя трудности,—написать элементарный курсъ русской этимологіи для I и II класса нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, очевидно, очень легко; но курсы, написанные при этихъ условіяхъ, врядъ ли заслуживаютъ одобренія.

Г. Смирновскому необходимо также обратить вниманіе на сдѣланное рецензіей замѣчаніе по поводу его терминологіи суффиксовъ: терминологія эта, по отзыву практиковъ, дѣйствительно оказывается очень неудобною.

Учебная книга русскаго языка въ школѣ и домѣ. Составилъ *О. Ильмѣневъ.* С.-Пб. 1884 г. Въ 8-ку стр. 320. Ц. 1 р. 25 коп.

Приложенія къ «Учебной книгѣ русскаго языка въ школѣ и домѣ» (для учащихъ), составилъ *О. Ильмѣневъ.* С.-Пб. 1884. Въ 8-ку стр. 68. Ц. 50 к.

Рецензентъ рѣшительно лишенъ возможности опредѣлить, для какихъ школъ и классовъ, для какого возраста и какой степени развитія предназначаетъ г. Ильмѣневъ свою „Учебную книгу", а между тѣмъ такое опредѣленіе служитъ, какъ извѣстно, однимъ изъ главнѣйшихъ основаній при сужденіи о степени пригодности учебника. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что трудъ его „не приноровленъ ни къ планамъ, ни къ программамъ преподаванія русскаго языка, того или другаго учебнаго вѣдомства, такъ какъ эти планы и программы имѣютъ лишь временное и весьма условное значеніе, и то, что сегодня считается годнымъ, завтра можетъ оказаться нецѣлесообразнымъ". Планы и программы, конечно, имѣютъ временное значеніе, но вѣдь и учебники не вѣчны. Далѣе въ томъ же предисловіи авторъ говоритъ, что книгу свою онъ предназначаетъ для дѣтей, „уже перешагнувшихъ первую ступень обученія родному языку", и потому начинаетъ ее съ свѣдѣній изъ элементарной логики и, выражая сожалѣніе, что преподаваніе грамматики завершается въ учебныхъ заведеніяхъ въ младшихъ классахъ, полагаетъ, что этотъ предметъ слѣдуетъ проходить „до выпускнаго класса включительно". На основаніи этого можно было бы думать, что г. Ильмѣневъ составилъ грамматику для старшаго или по крайней мѣрѣ средняго возраста; но въ томъ же предисловіи онъ заявляетъ, что касается „всѣхъ видовъ предложенія въ самой доступной для дѣтскаго пониманія формѣ".

Также трудно понять цѣль г. Ильмѣнева и изъ самой книги. Съ одной стороны онъ, какъ сказано выше, предпосылаетъ грамматикѣ краткую логику, въ этимологіи отводитъ видное мѣсто формамъ языка народныхъ пѣсенъ, объясняетъ, напримѣръ, причастія и дѣепричастія исторически, изъ церковно-славянскаго языка; словообразованіе, ученіе о суффиксахъ и флексіяхъ предпосылаетъ этимологіи, говоритъ въ своей книгѣ о множествѣ предметовъ, едва ли нужныхъ и въ среднихъ классахъ (о полонизмахъ, о софизмахъ, Шатобріанѣ, сатирѣ Кантемира, силлабическомъ стихосложеніи, объ изобрѣтеніи книгопечатанія и пр. и пр.); а съ другой стороны, онъ наводящими вопросами разъясняетъ, что такое имя существительное, и толкуетъ, что единственное число указываетъ одинъ предметъ, а множествен-

ное означаетъ много предметовъ и къ исторіи формъ обращается крайне рѣдко, очевидно считая церковно-славянскій языкъ недоступнымъ „для дѣтскаго пониманія".

Изложеніе г. Ильмѐнева нельзя считать легкимъ и точнымъ. Вотъ примѣры изъ первыхъ трехъ страницъ книги:

„Предметомъ называется все то, что мы можемъ обнимать (курсивъ въ подлинникѣ) помощію нашихъ пяти внѣшнихъ чувствъ..., а также все то, что мы постигаемъ внутреннимъ нашимъ чувствомъ (сердцемъ) и, наконецъ, все то, что можемъ представить себѣ въ умѣ" (стр. 1). Здѣсь какъ бы дается основаніе для тройнаго дѣленія, а между тѣмъ предметы сейчасъ же раздѣляются только на чувственные и умственные.

„Все то, чѣмъ четвероногое животное похоже на человѣка, а также то, чѣмъ оно отличается отъ человѣка, называется признакомъ" (стр. 2). Въ § 1 авторъ не выводилъ опредѣленія, а давалъ его; онъ не долженъ быть удивленъ, если ученикъ на его вопросъ, что такое признакъ вообще? отвѣтитъ: признакъ есть то, чѣмъ четвероногое животное похоже на человѣка.

„Признакъ предмета выражается качествомъ, дѣйствіемъ и состояніемъ" (стр. 3). Ср. на стр. 9: „Содержаніе понятія о деревѣ составляютъ признаки: корень, стволъ, листья или хвои". Что же это—качества, дѣйствія или состоянія?

Изложеніе грамматики нѣсколько лучше; но подавляющая масса матеріала, приведеннаго въ систему чисто внѣшнюю, отсутствіе твердой исторической основы при постоянныхъ ссылкахъ на „старинный" языкъ и „старинныя" формы, нѣкоторыя неудачныя нововведенія, въ родѣ „косвенныхъ предложеній" (§ 208) дѣлаютъ и эту часть книги г. Ильмѐнева непригодною для учениковъ какого бы то ни было возраста, а его „Прибавленіе" (стр. 265—320), заключающее въ себѣ пять статей самаго разнообразнаго содержанія (синонимы, солецизмы и пр., упражненія на букву ѣ, пословицы, поговорки и загадки, стихотворенія), дѣлаютъ изъ „Учебной книги русскаго языка" нѣчто въ родѣ стариннаго письмовника, составленнаго, къ сожалѣнію, гораздо небрежнѣе, нежели наши письмовники XVIII столѣтія (см., напримѣръ, стр. 309 и 310).

Напечатана книга довольно неаккуратно (см., напримѣръ, стр. 143).

„Приложеніе" (для учащихъ) распадается на четыре статьи: (въ первой нѣсколько словъ отъ составителя) авторъ полемизируетъ съ наиболѣе распространенными учебниками и указываетъ достоинства сво-

его собственнаго; во второй говоритъ о практическихъ упражненіяхъ, употребительныхъ при обученіи родному языку; третья заключаетъ въ себѣ 16 упражненій для диктовокъ, ничѣмъ не отличающихся отъ статей, какія обыкновенно входятъ въ хрестоматіи, и наконецъ, четвертая заключаетъ въ себѣ **отгадки загадокъ**, помѣщенныхъ въ „Учебной книгѣ".

Содержательнѣе другихъ статья вторая, но и она не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго или новаго: нельзя же считать новостью рекомендуемый авторомъ „вещественный разборъ" (см. стр. 17 и слѣд.) или такъ-называемое **статарное** чтеніе, при которомъ преподаватель русскаго языка, считавшій себя какимъ-то **всеучителемъ**, дѣлалъ длинныя экскурсіи въ исторію, естествознаніе и проч.

Русскіе писатели для школъ. Подъ редакціею и съ предисловіемъ *Виктора Острогорскаго*. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1884.

В. А. Жуковскій, его жизнь и сочиненія. Составилъ *В. А. Икорниковъ*. Въ 8-ку, стр. IV+71. С.-Пб. 1885. Ц. 40 коп.

Для біографіи Жуковскаго и для характеристики его дѣятельности имѣется у насъ не мало очень хорошихъ матеріаловъ, которыми смѣло можно пользоваться при новомъ трудѣ объ этомъ лицѣ. Къ главнѣйшимъ изъ этихъ матеріаловъ принадлежатъ три монографіи: Плетнева — „О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго" (1853), доктора Зейдлица—„Жизнь и поэзія Жуковскаго" (изданіе профессора Дерптскаго университета Висковатова, 1883) и Загарина (псевдонимъ г. Л. Поливанова) — „Жизнь и сочиненія Жуковскаго" (1883). По однимъ этимъ источникамъ—не говоря уже о большомъ количествѣ статей, опредѣлявшихъ его заслуги русской поэзіи, о его письмахъ, какъ напечатанныхъ, такъ и еще печатающихся, — было не трудно составить особую, на пользу школъ предназначенную книжку, которая удовлетворительно обозрѣвала бы путь жизни и поэзіи, пройденный Жуковскимъ. Г. Икорниковъ слѣдовалъ преимущественно книгамъ Зейдлица и Загарина, но къ сожалѣнію, онъ не совсѣмъ твердо усвоилъ нѣкоторые факты, отчего и впалъ въ ошибки, а главное — дозволилъ себѣ уклоненія въ сужденіяхъ о характерѣ того времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ Жуковскій, и о характерѣ самой дѣятельности поэта. Такъ, напримѣръ, въ главѣ V-й (стр. 28) разказывается, что Жуковскій по выходѣ изъ службы въ соляной конторѣ (въ Москвѣ) проживалъ то въ родовомъ селѣ Мишенскомъ, то въ Кунцовѣ, **подмосковномъ имѣніи** Карамзина. Кунцово ни

когда не принадлежало Карамзину: оно искони принадлежало Нарышкину, а теперь все почти куплено двумя московскими купцами, Солдатенковымъ и Солодовниковымъ. Карамзинъ нанималъ только въ немъ дачу на лѣто, какъ и теперь это дѣлаютъ многіе москвичи. На стр. 31 говорится, что съ 1808 года издателемъ Вѣстника Европы сталъ Жуковскій, такъ какъ Карамзинъ, до того издававшій этотъ журналъ, теперь усердно принялся за „Исторію Государства Россійскаго". Откуда г. Икорниковъ почерпнулъ такое невѣрное свѣдѣніе? Карамзинъ былъ редакторомъ Вѣстника Европы только до 1804 года. Въ послѣдней книжкѣ этого журнала за 1803 годъ онъ положительно объявилъ читателямъ, что этою книжкою заключается его журнальная дѣятельность, и что въ продолженіи журнала онъ не будетъ имѣть никакого участія. Новымъ редакторомъ на 1804 г. былъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, Панкратій Сумароковъ, а съ 1805 г. журналъ поступилъ въ завѣдываніе профессора Московскаго университета Каченовскаго, который съ 1808 г. передалъ редакцію Жуковскому. Причина передачи заключалась во многихъ обязанностяхъ профессора по университету и гимназіи. На стр. 36 читаемъ: „Бородинская битва была единственнымъ сраженіемъ, въ которомъ онъ (Жуковскій) участвовалъ". Въ книгѣ г. Загарина сообщается совершенно другое: „Въ битвахъ ему не пришлось участвовать". Да и самъ поэтъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній заявляетъ, что онъ зналъ бой лишь по слуху. Что же г. Икорниковъ разумѣетъ подъ участіемъ въ битвѣ?

Но фактическія невѣрности менѣе важны, чѣмъ невѣрности въ сужденіяхъ о характерѣ Жуковскаго, какъ человѣка и какъ писателя. Составитель хотѣлъ, по заведенному обычаю, опредѣлить то и другое въ связи съ вѣкомъ, въ которомъ поэтъ жилъ, изъ такъ-называемаго духа времени; пріемъ надлежащій по своему основанію и могущій быть плодовитымъ, но лишь съ условіемъ, чтобы современная поэту эпоха выступала въ толкованіяхъ автора именно такою, какою она была дѣйствительно, съ своими отличительными чертами; въ противномъ случаѣ, вмѣсто надлежащихъ понятій о предметѣ, получатся самовольныя мечтанія. Такъ оно и вышло въ разсматриваемой книгѣ. Романтизмъ, по взгляду составителя, ведетъ свое начало отъ мистицизма: слѣдовательно, прежде всего требовалось объяснить, что такое мистицизмъ. Объясненію этому посвящены двѣ главы (III-я и IV-а), содержаніе которыхъ изложимъ словами самого автора:

„Провозглашеніе Французской республики вызвало въ большин-

ствѣ европейскихъ государствъ реакцію. Императоръ Павелъ, по причинѣ возникшихъ въ иностранныхъ государствахъ зловредныхъ ученій, запретилъ русскимъ выѣздъ за границу. Строго воспрещенъ былъ ввозъ иностранныхъ книгъ. Частныя типографіи были закрыты и въ обѣихъ столицахъ установлена строгая цензура (стр. 17). Такія печальныя обстоятельства удручающимъ образомъ дѣйствовали на общество и невольно отвращали его отъ дѣйствительной жизни, отъ житейскихъ нуждъ и насущныхъ интересовъ. И общество, отчужденное отъ жизни, стало искать себѣ выхода внѣ этой жизни, внѣ окружавшей дѣйствительности. Стремленія людей образованныхъ къ познанію истины, къ общему человѣческому счастію не могли найдти примѣненія, не могли быть удовлетворены здѣсь, на землѣ, въ данной обстановкѣ. И общество создало себѣ новую жизнь—невѣдомый заоблачный міръ, куда и устремились всѣ его помыслы и желанія. Только тамъ, въ этомъ заоблачномъ мірѣ, видѣлось истинное счастье; здѣсь же на землѣ — временное, переходное существованіе, о которомъ не стоитъ заботиться. Стремиться должны люди только къ самоусовершенствованію, чтобы удостоиться будущей, лучшей жизни. Нечего было думать о земныхъ страданіяхъ и несчастіяхъ, объ ихъ облегченіи. Надобно было переносить ихъ терпѣливо, во ожиданіи награды въ будущемъ, въ надеждѣ на безсмертіе.... И вотъ помыслы всего тогдашняго образованнаго общества сосредоточились именно на размышленіи о смерти и безсмертіи. Всѣхъ занимала мысль о таинственномъ загробномъ существованіи. Эту-то таинственность и думали постичь, отыскивая сокровенный смыслъ священнаго писанія, стараясь проникнуть въ область непостижимаго, недосягаемаго человѣческимъ разумомъ (стр. 18). Такое-то душевное настроеніе и называется мистицизмомъ. Возникши въ Германіи, онъ быстро развился и у насъ. Онъ нашелъ здѣсь удобную почву для развитія въ тогдашнемъ угнетенномъ, обособленномъ положеніи общества. Всѣ почти выдающіеся люди того времени—и литераторы, и ученые, и государственные дѣятели, съ большимъ сочувствіемъ и интересомъ отнеслись къ этому ученію. Духомъ же мистицизма проникнуто было и начальство университетскаго благороднаго пансіона. Отличительною чертою школы стало направленіе религіозно-нравственное, мистическое (стр. 19)". На стр. 30 снова утверждается, „что мистики учили самоусовершенствованію, развитію личной добродѣтели, оставляя въ сторонѣ всѣ общественныя и гражданскія добродѣтели".

Въ этой многословной тирадѣ изумительное смѣшеніе временъ, лицъ и направленій. Безъ разбора, въ одну груду сложены здѣсь христіане вообще, мистики, романтики. Общехристіанское понятіе о земномъ существованіи человѣка, какъ о временномъ, переходномъ ъ вѣчности, приписано только мистикамъ. Религіозно-нравственное направленіе не отличено отъ собственно-мистическаго. Возникновеніе насъ послѣдняго пріурочивается къ царствованію Павла I и объясняется нѣкоторыми правительственными распоряженіями: запрещеніемъ поѣздки въ чужіе края и ввоза иностранныхъ книгъ, закрытіемъ частныхъ типографій, строгою цензурой. Трудно понять, кого именно разумѣетъ авторъ подъ мистиками. Конечно, не монаховъ, которые, отрекшись отъ міра, уже тѣмъ самымъ долженствовали думать о небесномъ, а не о земномъ. Полагаемъ, что авторъ именемъ мистика означаетъ масона. Но масонство явилось не при Павлѣ. Оно существовало у насъ гораздо раньше, и объяснять его тѣми причинами, которыя приведены авторомъ, значитъ—вовсе не знать его исторіи. Какъ извѣстно, масоны видѣли въ Павлѣ своего покровителя, а не преслѣдователя. Нѣкоторыя изъ указанныхъ мѣръ правительства были ими ободряемы, потому что они нисколько не сочувствовали французской революціи и постоянно отвергали философію энциклопедистовъ, какъ антихристіанскую, не основанную на Священномъ Писаніи. По характеристикѣ г. Икорникова, состояніе тогдашняго образованнаго общества выходитъ какое-то странное, даже забавное: „Оно" — говоря его словами—„отвратилось отъ житейскихъ нуждъ и насущныхъ интересовъ, всѣ свои помыслы устремило въ невѣдомый заоблачный міръ, на размышленія о смерти и безсмертіи, заботилось единственно о самоусовершенствованіи, оставивъ въ сторонѣ всѣ общественныя и гражданскія добродѣтели". Невольно подумаешь, что всѣ эти образованные люди жили не въ домахъ, а въ какихъ-то монастыряхъ, рѣшительно ничѣмъ не занимаясь, а сложа руки, смотрѣли на небо и помышляли о царствѣ небесномъ. Смѣемъ увѣрить автора, что начертанная его воображеніемъ картина рѣшительно невѣрна. Какъ бы ни назывались тѣ существа, о которыхъ онъ повѣствуетъ, — мистиками, или масонами или романтиками, всѣ они преизрядно заботились о житейскихъ нуждахъ и насущныхъ интересахъ. Они и состояли на государственной службѣ и принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, не забывали и своихъ собственныхъ. Лопухинъ, напримѣръ, Иванъ Владиміровичъ, былъ совѣтникомъ Московской уголовной палаты, потомъ статсъ-секретаремъ и

сенаторомъ, сочинилъ и перевелъ много книгъ, кромѣ того хозяйничалъ въ своемъ имѣніи: развѣ это значитъ чуждаться дѣйствительной жизни? Но этого мало: онъ былъ не прочь отъ вкусныхъ обѣдовъ и хорошихъ напитковъ, любилъ занимать деньги, но очень не любилъ платить долги... Все это должно быть совмѣстно съ помыслами о смерти и безсмертіи. Другой примѣръ — директоръ одного изъ учебно-воспитательныхъ заведеній: похвальная дѣятельность его по управленію этою школой не мѣшала ему нажить себѣ тысячу душъ въ Московской губерніи. О дѣятельности Новикова и говорить нечего: независимо отъ главныхъ заслугъ его просвѣщенію и распространенію книжной торговли, онъ находилъ время основывать, кромѣ училищъ, богадѣльни и аптеки. Развѣ это не насущныя потребности, не земные интересы? Г. Икорниковъ говоритъ лишь о мистикахъ, какъ будто изъ нихъ однихъ состояло тогдашнее общество. Вѣдь были и другіе, тоже образованные люди, но противоположнаго имъ образа мыслей, не раздѣлявшіе ихъ стремленій, даже смѣявшіеся надъ ними. Что жь, и они ничего не дѣлали? Какое странное общество! И напрасно авторъ пытался объяснить характеръ поэзіи Жуковскаго вліяніемъ мистицизма или масонства. Ни тѣмъ, ни другимъ не былъ поэтъ нашъ; онъ былъ просто христіаниномъ, православнымъ, и только въ послѣдніе годы своей жизни, во время пребыванія за границей, подчинился вліянію нѣмецкаго піэтизма, который, впрочемъ, не долженъ быть смѣшиваемъ съ мистицизмомъ. Характеристика поэтической дѣятельности Жуковскаго ближе и вѣрнѣе объясняется его собственною природой, нѣкоторыми печальными обстоятельствами его жизни и наконецъ общимъ отличіемъ всей поэзіи новаго міра, то-есть, христіанской, одна изъ самыхъ звучныхъ струнъ которой, по его собственному выраженію, есть меланхолія.

Учебникъ латинскаго языка для младшихъ классовъ. По руководствамъ *Латмана* составилъ протоіерей *Н. Кувшинскій*. Часть первая. Начальный курсъ. Вятка. 1884. Цѣна 50 коп.

Признавая трудъ г. Кувшинскаго подходящимъ руководствомъ для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій, считаемъ не излишнимъ предложить автору нижеслѣдующія замѣчанія съ тѣмъ, чтобъ онъ воспользовался ими при второмъ изданіи своего учебника.

Стр. 3: „*au* выговаривается такъ, что звукъ *u* (русское у) произносится очень скоро (или за в) aura=аура (или авра)“. Въ такомъ видѣ правило выражено не совсѣмъ удачно: въ русскомъ языкѣ, какъ

извѣстно, нѣтъ ни протяжныхъ, ни скорыхъ звуковъ, потому выраженіе: произносится очень скоро—не точно; кромѣ того, въ словѣ aura звукъ u не произносится какъ в.

Стр. 4. Къ чему слова „nos inducas" въ Молитвѣ Господней поставлены въ кавычкахъ?

Стр. 5. „Въ латинскихъ словахъ нѣкоторые гласные произносятся скоро, другіе нѣсколько растягиваются". Выраженіе: нѣсколько неопредѣленно и требуетъ измѣненія. Мы знаемъ, что для произнесенія долгаго звука требовалось двойное количество времени, употреблявшагося для произнесенія звука краткаго, что̀ одно время выражалось и на письмѣ, черезъ написаніе долгаго a въ видѣ aa.

Стр. 20. „Латинскія слова въ русскомъ языкѣ: секунда, терція, кварталъ, квинта, альбомъ. Произошли отъ латинскихъ словъ: негръ, санитаръ". Замѣчаніе излишнее и, въ добавокъ невѣрное: кварталъ произошло отъ нѣмецкаго: Quartal, а негръ отъ французскаго: nègre. А отчего авторъ не привелъ словъ: алтарь, сенаторъ, ассесоръ, семинарія и массы другихъ?

Стр. 60. „Основа на s сохраняетъ этотъ звукъ въ именительномъ падежѣ ед. числа. Въ косвенныхъ падежахъ это *s* (здѣсь оно находится между двумя гласными) обращается въ r". Правило это изложено невѣрно: *r* есть исконный звукъ основы, что̀ видно изъ словъ производныхъ: morigerari, corporalis, operari и такъ далѣе. Такимъ образомъ, вѣрнѣе было бы выразиться, что конечное *r* основы въ имевит. единственнаго переходитъ въ *s*.

Стр. 74. „Основы третьяго спряженія оканчиваются на o, которое въ разныхъ формахъ переходитъ въ разные гласные". Это совершенно невѣрно: уже Корссенъ, а за нимъ и другіе доказали, что основа такъ-называемаго третьяго спряженія оканчивается на ĕ, происшедшее изъ первоначальнаго ă. Точно также, на стр. 79, сказано невѣрно, будто въ четвертомъ спряженіи, въ настоящемъ времени (обоихъ залоговъ) основа оканчивается въ 1-мъ лицѣ единств. на io, въ 3-мъ л. множ. на iu, въ прочихъ на i, слитное изъ *io*. Не знаемъ, на сколько подобное изложеніе оправдывается требованіями дидактическими, но съ научной точки зрѣнія оно несостоятельно: дѣло въ томъ, что основа глагола audio и ему подобныхъ вездѣ оканчиваются на i, а o въ 1-мъ лицѣ есть остатокъ личнаго окончанія, точно также какъ и *u* въ 3-мъ лицѣ множ., происшедшее изъ первоначальнаго *o*. Звукъ *i* въ прочихъ лицахъ не могъ произойдти изъ *io*, а сохранился отъ основы: audi-s, audi-t, audi-mus и прочіе. Вслѣдствіе того и въ приложенной къ той же

страницѣ схемѣ формы: audiu-nt, audiu-ntur, должны быть измѣнены на audi-unt, audi-untur.

Стр. 101. Для чего въ упражненіяхъ латинское слово gerunt переводится русскимъ: ведутъ, на стр. 102 fuerunt—были? Переводы эти излишни въ виду того, что съ этими глагольными формами ученики уже знакомы. Также напрасно въ скобкахъ поставлена форма millia, которая, какъ доказалъ Лахманнъ, всегда писалась черезъ одно *l*.

Стр. 103. „Напримѣръ, вмѣсто: тысяча восемьсотъ восемьдесятъ второй годъ“ по латыни будетъ: тысячный восьмисотый восьмидесятый второй годъ“. Правило выражено неудачно, такъ какъ послѣднія пять словъ суть не латинскія, а русскія, и потому, нельзя сказать: „по латыни будетъ“.

Стр. 116. Необходимо исправить примѣръ: animalia audiverunt fremitum leonis et fugati sunt.

Стр. 120. Необходимо отмѣтить количество звука i въ словѣ fortuito, тѣмъ болѣе, что обыкновенно оно показывается невѣрно.

Наконецъ, слѣдуетъ рекомендовать автору пересмотрѣть составъ фразъ, предлагаемыхъ имъ для перевода съ русскаго языка на латинскій: нѣкоторыя изъ нихъ странны по своему содержанію, какъ напримѣръ: козы разрушаютъ садъ (стр. 28); неосторожные извощики, вы убиваете цыпленка (стр. 29); воробей больше чѣмъ комаръ, но ястребъ быстрѣе чѣмъ воробей (стр. 72); другія странны по своей формѣ: бѣлые голуби двигали шеи и хвосты (стр. 28); слонъ имѣетъ малые глаза (стр. 30); аисты имѣютъ большія гнѣзда (ibid.); свиньи убиваются (стр. 66); господинъ похваленъ слугами (стр. 105), и другіе. Во всѣхъ учебникахъ, а въ руководствѣ для младшихъ классовъ среднихъ заведеній въ особенности, необходимо обращать преимущественное вниманіе на чистоту и правильность русской рѣчи, которыхъ мы не видимъ въ приведенныхъ примѣрахъ.

Синтаксисъ латинскаго языка. Составилъ *И. Козловскій*. Вильна. 1884. Цѣна 20 к.

Небольшая книжка, въ 65 страницъ малаго формата, заключаетъ въ себѣ не то, что обѣщаетъ своимъ заглавіемъ: вмѣсто полнаго ученія о синтаксическихъ явленіяхъ латинскаго языка, въ ней содержится лишь одинъ—правда, существенно важный—отдѣлъ о предложеніяхъ, изложенный довольно своеобразно, въ порядкѣ, отступающемъ отъ общепринятаго въ другихъ учебникахъ латинской грамматики. Вотъ образчикъ послѣдовательности, въ которой излагаетъ авторъ ученіе

о предложеніяхъ: Главныя предложенія. Придаточныя предложенія. Таблица отношеній временъ между собою. Опредѣлительныя, иначе относительныя предложенія. Сокращеніе. Предложенія мѣста. Предложенія времени: 1) на вопросъ: когда?, 2) на вопросъ послѣ чего?, 3) на вопросъ: съ какого времени?, 4) на вопросъ: прежде чего?, 5) на вопросъ: какъ долго?, 6) на вопросъ: до коихъ поръ? Сокращеніе временныхъ предложеній: a) предложенія съ quum, postquam, b) сокращеніе всѣхъ временныхъ предложеній посредствомъ существительнаго. Дополнительныя предложенія. Еще о всѣхъ трехъ дополнительныхъ предложеніяхъ. Еще другая форма будущаго времени въ винительномъ съ неопредѣленнымъ, и въ вопросительныхъ предложеніяхъ, и т. д.

Изъ этого перечня видно, что общепринятыя въ другихъ грамматикахъ рубрики (ablativus absolutus, accusativus cum infinitivo, nominativus cum infinitivo и т. д.) не нашли себѣ мѣста въ книжкѣ г. Козловскаго, который вмѣсто нихъ вводитъ другія, и вслѣдствіе того разбиваетъ одно и то же грамматическое явленіе на нѣсколько отдѣловъ, какъ напримѣръ, объ употребленіи ut говорится на стр. 4, 6, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 33, 35, 37, 38, 40, 41, 47, 48, 49, 50, 58; объ acc. c. infin. на стр. 20 и слѣд., 28, 32, 57, 61; объ abl. absol стр. 17 и 41 и т. д. Такимъ образомъ, объ одномъ и томъ же грамматическомъ явленіи автору приходится говорить въ разныхъ мѣстахъ, что врядъ ли можетъ быть признано достоинствомъ въ учебной книгѣ. Не принимая общераспространенной классификаціи, авторъ вводитъ новую, отличающуюся значительною своеобразностью: нѣкоторые ея отдѣлы довольно стройны, какъ напримѣръ, отдѣлъ о предложеніяхъ времени, но за то другіе представляются довольно искусственными: особенно видную роль между ними играетъ отдѣлъ сокращеній. Терминомъ этимъ, примѣненіе котораго въ общераспространенныхъ грамматикахъ довольно ограничено, авторъ обозначаетъ длинный рядъ разнообразныхъ грамматическихъ фактовъ, признаваемыхъ имъ за развившіеся изъ другихъ путемъ сокращенія и послѣдующаго за этимъ измѣненія. Въ этомъ авторъ стоитъ на старинной точкѣ зрѣнія, выразившейся въ извѣстномъ трудѣ L. Bos: Ellipses linguae Graecae, и въ настоящее время не прилагаемой въ томъ объемѣ, въ какомъ прилагалась она прежде. Дѣйствительно, что за нужда объяснять черезъ сокращеніе такія предложенія, какъ напримѣръ: Canis sentit adventum lupi, или Alii circumspectabant fugam. Объекты: fugam и adventum авторъ

на стр. 27 принимаетъ за дополнительныя предложенія, сокращенныя посредствомъ (?) существительнаго. Или, на стр. 37 читаемъ: „Послѣдственное предложеніе сокращается посредствомъ нарѣчія, означающаго или превосходную степень или вполнѣ полную (?) мѣру, напримѣръ. Verres Siciliam per triennium ita vexavit ac perdidit, ut ea restitui in antiquum statum nullo modo possit, сокращенно: Verres Siciliam per triennium maxime vexavit ac funditus perdidit". Подобными пріемами сокращенія можно изъ любаго предложенія сдѣлать другое, не имѣющее съ нимъ ни малѣйшаго грамматическаго сходства.

Оригинальные пріемы автора проявляются и въ другомъ, главнымъ образомъ, въ терминологіи. Такъ, времена латинскаго глагола классифицируются авторомъ на два вида: несовершенный, къ которому причисляются fut. simplex, praesens и imperfectum, и совершенный: futurum exactum, perfectum praesens, perfectum historicum и plusquamperfectum. Перечисленный порядокъ зовется авторомъ: хронологическимъ порядкомъ временъ—выраженіе не вполнѣ вразумительное. Классификація эта удерживается авторомъ послѣдовательно, но врядъ ли можетъ быть предпочтена общепринятому дѣленію временъ на главныя и историческія. Объ этомъ можно заключать по слѣдующему объясненію ученія о послѣдовательности временъ, которое даетъ г. Козловскій: „1) Если въ придаточномъ предложеніи выражается дѣйствіе современное дѣйствію того предложенія, отъ котораго оно непосредственно зависитъ, ставится современное время, вида совершеннаго или несовершеннаго, смотря по продолжительности выражаемаго дѣйствія. 2) Если выражается дѣйствіе предшествующее, ставится предшествующее время совершеннаго вида; иногда при futurum ставится предшествующимъ временемъ praesens, хотя оно не совершеннаго вида. 3) Если же выражается будущее время, то-есть, совершающееся послѣ дѣйствія того предложенія, отъ котораго оно непосредственно зависитъ, ставится время совершенное, по periphrastici вида несовершеннаго; только въ предложеніяхъ времени, въ дополнительныхъ съ союзомъ ut и въ предложеніяхъ цѣли periphrasticum не ставится; вмѣсто него ставится сослагательное наклоненіе". Нельзя сказать, чтобъ это объясненіе отличалось ясностью и могло бы было усвоено учениками съ большею легкостью, чѣмъ находящееся хоть бы въ грамматикѣ Эллендта-Зейфферта.

Что касается количества матеріала, заключающагося въ книжкѣ г. Козловскаго, то оно не можетъ быть признано вполнѣ достаточнымъ: авторъ или вовсе не упоминаетъ, или упоминаетъ вскользь о нѣ-

которыхъ явленіяхъ латинской рѣчи существенно важныхъ и характерныхъ, каковы: Oratio obliqua, герундивъ, употребленіе временъ въ письмахъ. Съ другой стороны, онъ вводитъ въ свое изложеніе ненужныя повторенія, какъ напримѣръ, стр. 3: „Если въ повѣствовательномъ предложеніи выражается фактъ или рѣшительное мнѣніе, ставится изъявительное наклоненіе; если выражается предположеніе или возможность, ставится сослагательное". Эта же фраза дословно повторяется тотчасъ же, съ замѣною только слова: „повѣствовательномъ" словомъ: „восклицательномъ", или на стр. 14 объ antequam: „Понятіе будущаго дѣйствія, то-есть, совершающагося послѣ дѣйствія главнаго предложенія, заключается въ самомъ союзѣ; его сказуемое ставится не въ periphrasticum". То же буквально повторяется на стр. 15, гдѣ авторъ говоритъ о dum и quoad.

Объясненія автора, какъ можно судить изъ вышеприведенной выписки о послѣдовательности временъ, не отличаются особенною ясностью и точностью; не всегда они и вѣрны или, по крайней мѣрѣ, безспорны: такъ, на стр. 30 читаемъ: „Неопредѣленное наклоненіе часто употребляется такъ, какъ будто-бы оно было имя существительное". Здѣсь слова какъ будто бы излишни, потому что неопредѣленное наклоненіе въ дѣйствительности есть ни что иное, какъ имя существительное. Стр. 32: „Неопредѣленное наклоненіе опредѣляется нарѣчіемъ, а указывается какъ обыкновенное существительное, напримѣръ: Reddas dulce loqui, reddas ridere decorum". Dulce не есть собственно нарѣчіе, а, подобно decorum, средній родъ имени прилагательнаго". Стр. 44: „Если послѣдствіе признается несомнѣннымъ, это обстоятельство можно выразить двоякимъ образомъ, напримѣръ: Jam tuta tenebam (или certe, profecto, utique tenerem ni (вмѣсто nisi) gens crudelis me ferro invasisset praedamque putasset". Здѣсь черезъ tenebam выражается не столько несомнѣнность послѣдствія, сколько то, что понятіе tuta tenere было до того близко къ осуществленію, что въ умѣ пишущаго и говорящаго представлялось фактомъ, долженствовавшимъ случиться, еслибы не произошло выраженное въ придаточномъ предложеніи обстоятельство". Стр. 47. „Иногда вмѣсто уступительнаго предложенія ставится повелительное или вопросительное, но тогда въ главномъ необходимо поставить tamen, напримѣръ: ut desint vires, tamen est laudanda voluntas". Предложеніе: ut desint vires не есть ни повелительное, ни вопросительное.

Примѣры, приводимые авторомъ, заимствованы большею частью изъ древнихъ авторовъ и весьма нерѣдко изъ поэтовъ, но приводятся имъ, вопервыхъ, безъ указанія источниковъ, что̀ препятствуетъ ихъ

провѣркѣ, и вовторыхъ, съ произвольными измѣненіями, напримѣръ: Me irasci celerem, tamen ut placabilis sim scias (стр. 24). Примѣръ взятъ изъ Horat. epistt. I, 20, 25, гдѣ читаемъ: irasci celerem tamen ut placabilis essem. Или: Vobis non concesserim mediocribus esse poetis (стр. 29). Взято изъ Horat. epist. ad Pisones 379, гдѣ читаемъ: Mediocribus esse poetis non di non homines non concessere columnae. Иногда авторъ считаетъ нужнымъ приводить даже варіанты нѣкоторыхъ чтеній, но совершенно случайно и по причинамъ, для читателя непонятнымъ, напримѣръ, стр. 52: Plus unus Cato fuit (другіе potuit); стр. 56: Praestat ut temperius (другіе temporius) venias; стр. 57 quam quo telum adjici (другіе adigi) posset, и др. Изрѣдка, и тоже по непонятнымъ поводамъ, авторъ считаетъ нужнымъ цитовать авторовъ, изъ коихъ онъ беретъ примѣры, но дѣлаетъ это не всегда умѣло: такъ напримѣръ, не всякій догадается, что Adel. 516 указываетъ на Теренція Adelphi, что Her. 14, 4 (стр. 31) указываетъ на Овидіевыхъ Героинь (Heroides), что сокращеніемъ Pam. (стр. 33) обозначается Pamphilus и т. д.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что книжка напечатана съ значительными ошибками, нерѣдко нарушающими смыслъ, напримѣръ, на стр. 18, 33, 57 и др.

C. Iulii Caesaris commentarii de bello Gallico. Текстъ съ объяснительнымъ словаремъ и приложеніемъ карты Галліи издалъ для употребленія въ гимназіяхъ *М. Блюсъ*. Изданіе второе. М. 1885. Ц. 1 р. 40 к.

Объяснительный словарь къ C. Iulii Caesaris commentarii de bello Gallico составилъ для гимназій *М. Блюсъ*. Съ приложеніемъ карты Галліи. Изданіе второе. М. 1885. Цѣна 1 р.

Вторая изъ вышеприведенныхъ книгъ есть отдѣльный оттискъ словаря, приложеннаго къ первой, которая, сверхъ того, заключаетъ въ себѣ и латинскій текстъ Цезаревыхъ commentarii de bello Gallico.

Трудъ г. Блюса представлялся довольно удовлетворительнымъ уже въ первомъ изданіи. Въ новомъ изданіи авторъ, нынѣ умершій, оставивъ безъ измѣненій текстъ, заимствованный имъ изъ изданія Кранера-Диттенбергера (Берлинъ, 1879), обратилъ особенное вниманіе на словарь, въ которомъ сдѣлалъ не мало исправленій и дополненій: такъ, значительно сокращено число ссылокъ на фразы, заключающіяся въ текстѣ, обращено большее вниманіе на синтаксическое употребленіе словъ, чѣмъ на фразеологическое, сдѣланы измѣненія въ распредѣленіи лексическаго матеріала; такимъ образомъ, и въ новомъ изданіи трудъ г. Блюса заслуживаетъ одобренія.

Остановимся преимущественно на словарѣ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что онъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и комментаріемъ къ тексту, хотя и не можетъ вполнѣ его замѣнить, потому что не сообщаетъ никакихъ указаній относительно грамматическаго строя текста, ограничиваясь лишь частностями его состава: такъ, сверхъ значенія слова, при именахъ собственныхъ сообщаются свѣдѣнія о границахъ извѣстныхъ мѣстностей, біографическія данныя о лицахъ и такъ далѣе; при терминахъ техническихъ даются подробности реальнаго содержанія и тому подобное. Пріемъ этотъ порицанія не заслуживаетъ, такъ какъ избавляетъ учащагося отъ справокъ въ реальномъ словарѣ и сразу даетъ ему понятіе объ извѣстномъ предметѣ, обычаѣ, фактѣ жизни общественной, и въ настоящее время не безъ успѣха прилагается и къ словарямъ другихъ древнихъ авторовъ: для примѣра можно привести извѣстный словарь Аутенрита (Autenrieth) къ Гомеру, пользующійся большою извѣстностью въ Германіи и переведенный на русскій языкъ г. Краузе. Нельзя не пожалѣть, что г. Влюсъ не помѣстилъ, подобно Аутенриту, нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ рисунковъ, значительно уясняющихъ нѣкоторые, преимущественно военные термины, попадающіеся у Цезаря; рисунковъ потребовалось бы немного, такъ что они не оказали бы вліянія на возвышеніе цѣны книги, а между тѣмъ принесли бы существенную пользу. Какъ кажется, и самъ составитель сознавалъ ихъ необходимость, потому что въ двухъ-трехъ мѣстахъ (напримѣръ, s. v. acies, manipulus) далъ схематическія фигуры построенія римскаго войска. Объемъ матеріала, вошедшаго въ словарь, можетъ быть признанъ полнымъ: сравнивъ его съ недавно вышедшимъ первымъ выпускомъ „Lexicon Caesarianum“ Мейзеля (H. Meusel), въ который вошли абсолютно всѣ слова, встрѣчающіяся у Цезаря и во всѣхъ ихъ соединеніяхъ, мы пропусковъ не встрѣтили. Распредѣленіе матеріала, сказывающееся въ группировкѣ значеній, можетъ быть признано удовлетворительнымъ: составитель старается вездѣ указать первоначальное значеніе слова, для чего нерѣдко указываетъ его этимологическое производство (s. v. cliens форму cluo 3 лучше замѣнить формою clueo 2, такъ какъ она встрѣчается несравненно чаще, чѣмъ первая; въ словѣ seditio *d* неправильно отдѣлено отъ se), и затѣмъ старается указать генетическое развитіе его употребленія у Цезаря: значеніе первоначальное предпосылается переносному, и какъ то, такъ и другое, поясняются достаточнымъ количествомъ примѣровъ, а нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе характерные, переводятся при этомъ на русскій языкъ. И эта часть работы г. Влюса можетъ

быть одобрена, какъ исполненная добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла. Кое-гдѣ, конечно, встрѣчаются неточности, недомолвки и тому подобное, но онѣ не на столько важны и не такъ многочисленны, чтобы портить то общее хорошее впечатлѣніе, которое выносится изъ разсмотрѣнія труда г. Блюса. Понятіе объ нихъ можно составить по слѣдующимъ образчикамъ:

S. v. adolescens составитель отличаетъ орѳографію формъ adolescens adi. отъ adulescens subst. врядъ ли справедливо.

S. v. amplius—non amplius quinis milibus переводитъ г. Блюсъ черезъ: „неболѣе 5 миль", не выражая при этомъ дистрибутивнаго смысла числительнаго; его можно было бы передать, сказавъ: „неболѣе, какъ по 5 миль".

S. v. Apollo—этотъ богъ опредѣляется исключительно, какъ богъ врачества, что невѣрно.

S. v. Caesar, претура и пропретура неправильно отнесены къ разряду низшихъ должностей.

Нельзя въ заключеніе не замѣтить, что цѣна книгамъ довольно высока.

Пособія къ чтенію Цезаря. Краткій обзоръ военнаго дѣла. По нѣмецкимъ источникамъ (Кранера, Марквардта и другихъ) съ 16-ю рисунками и 2-мя планами. Составилъ *Г. Г. я.. лъ.* С-Пб. 1882. Ц. 40 к.

Авторъ, заявляя на заглавномъ листѣ своей книжки о томъ, что она составлена по нѣмецкимъ источникамъ, характеризуетъ трудъ свой, какъ компиляцію, сдѣланную на основаніи исключительно пособій, изъ которыхъ на заглавномъ листѣ упомянуты Кранеръ и Марквардтъ, а въ примѣчаніи первомъ, кромѣ того, Ланге, Миллеръ, Рюстовъ и фонъ-Гелеръ. Болѣе вѣрнымъ оказывается заявленное на заглавномъ листѣ, потому что примѣчаніе 1-е буквально переписано изъ Кранера, о чемъ можно заключать изъ того, что появившіяся послѣ труда Кранера новыя изданія Марквардта и фонъ-Гелера, сдѣлавшія безполезными старыя, г. Г—лю неизвѣстны. А при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи его труда оказывается, что онъ есть ни что иное, какъ буквальный, за немногими исключеніями, переводъ экскурса Кранера: „Uebersicht des Kriegswesens bei Caesar", приложеннаго къ изданію Цезаревыхъ Commentarii de bello civili. Болѣе значительное отступленіе отъ Кранера мы замѣчаемъ лишь въ описаніи нѣкоторыхъ стѣнобитныхъ и осадныхъ машинъ (катапультъ, баллистъ, скорпіоновъ и т. п.), взятыхъ г. Г—лемъ буквально изъ введенія къ Корнелію Непоту, изданному г. Лебединскимъ. Кромѣ того, г. Г—лъ

присоединилъ къ тексту нѣсколько рисунковъ этихъ машинъ. Достоинство труда Кранера общепризнано, и потому нѣтъ нужды распространяться о томъ, что вышеназванный экскурсъ составленъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла, и примѣнительно къ потребностямъ учащихся: въ сжатомъ видѣ онъ сообщаетъ все существенно необходимое для знакомства съ военными терминами и описаніями, встрѣчающимися у Цезаря, и можетъ, поэтому, служить весьма полезнымъ пособіемъ, въ которомъ справляющійся ученикъ легко найдетъ потребныя для него объясненія. Недаромъ переведенъ онъ на другіе языки, между прочимъ и на французскій — Baldy и Larroumet. Удобство справокъ г. Г—ль увеличилъ обстоятельнымъ алфавитнымъ указателемъ, въ который вошли даже приведенныя въ книжкѣ цитаты; эта послѣдняя прибавка совершенно излишняя.

Переводъ экскурса Кранера представляется, такимъ образомъ, дѣломъ не безполезнымъ. Исполненъ онъ въ общемъ удовлетворительно и свидѣтельствуетъ о знаніи г. Г—лемъ нѣмецкаго языка. Встрѣчающіяся въ переводѣ и указанныя ниже невѣрности и неточности происходятъ частію отъ незнакомства переводчика съ нѣкоторыми подробностями жизни древнихъ, частію отъ недостаточнаго знакомства съ латинскимъ языкомъ. О послѣднемъ въ особенности свидѣтельствуютъ примѣчанія, гдѣ г. Г — ль счелъ нужнымъ представить русскій переводъ тѣхъ мѣстъ изъ древнихъ авторовъ, которыя приведены въ подлинникѣ въ текстѣ. Переводы эти неточны, далеки отъ оригиналовъ и иногда передаютъ ихъ невѣрно. Вотъ нѣсколько примѣровъ: стр. 25. Sall. Iug. 84. 2: praeterea ex Latio fortissimum quemque, plerosque militia, paucos fama cognitos accire et ambiundo cogere homines emeritis stipendiis secum proficisci. Мѣсто это переведено въ примѣч. 25: „Кромѣ того (онъ велѣлъ) пригласить всѣхъ наихрабрѣйшихъ воиновъ изъ Лаціума, по большей части извѣстныхъ по военной службѣ, а приказать выслужившимъ свое время ветеранамъ отправиться съ нимъ". У Саллюстія рѣчь идетъ о Маріи, который, по достиженіи консульства, призывалъ (accire есть infin. historicus) къ себѣ храбрѣйшихъ изъ латинянъ (socii nominis Latini) и своими ухаживаніями принуждалъ ветерановъ отправляться вмѣстѣ съ нимъ. На стр. 27 слова Вегеція: Habet praeterea legio fabros tignarios structores carpentarios, ferrarios, pictores reliquosque artifices ad hibernorum aedificia fabricanda, ad machinas, turres ligneas ceteraque, quibus vel expugnantur adversariorum civitates vel defenduntur propriae, praeparatos, qui arma, vehicula ceteraque genera tormentorum vel nova

facerent vel quassata repararent etc. Слова эти переведены въ примѣч. 28 слѣдующимъ образомъ: „Кромѣ того, легіонъ заключаетъ въ себѣ плотниковъ, каретниковъ, кузнецовъ, живописцевъ и другихъ художниковъ для постройки зимнихъ квартиръ, людей искусныхъ въ возведеніи деревянныхъ башенъ, наведеніи орудій и во всемъ прочемъ, что служитъ для нападенія на чужія государства и для защиты собственной земли, а сопровождаютъ они войско съ тою цѣлью, чтобы сооружать новыя башни, навѣсы на колесахъ и прочее и починять поврежденныя машины" и т. д. О „наведеніи" орудій подлинникъ не говоритъ ни слова, равно какъ и объ „новыхъ башняхъ" и „навѣсахъ на колесахъ". Вообще, послѣдняя фраза передана крайне неудачно и представляется не переводомъ, а сочиненіемъ переводчика. Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно для того, чтобъ убѣдиться, что представленные г. Г—немъ переводы латинскихъ цитатъ не отличаются ни близостью, ни точностью.

Отъ недостаточнаго знакомства переводчика съ нѣкоторыми подробностями жизни древнихъ произошли неточности въ родѣ слѣдующихъ: на стр. 3, § 1 читаемъ: „Послѣдніе (то-есть, seniores) употреблялись по большей части для 'обороны городовъ". Въ подлинникѣ вѣрнѣе: zur Besatzung der Stadt verwendet, при чемъ, естественно, имѣется въ виду лишь городъ Римъ; подобную же ошибку находимъ на стр. 12, гдѣ cohortes ex ipsa provincia переведено: состоявшія изъ жителей собственно провинцій. Стр. 17: „Въ особенно важныхъ случаяхъ, если положеніе государства было критическое, вмѣсто нихъ (то-есть, консуловъ, проконсуловъ и преторовъ) назначался диктаторъ". Въ подлинникѣ сказано вѣрнѣе: bei besonderer Veranlassung Dictatoren, потому что и при диктаторѣ консулы могли предводительствовать войскомъ, но подчинялись распоряженіямъ диктатора, который, слѣдовательно, назначался не вмѣсто нихъ, но совмѣстно съ ними съ высшею только властью. На стр. 36 Гигинъ невѣрно названъ историкомъ, а фраза подлинника: der römische Lager bildete zu Polybius Zeit ein Quadrat später ein Rechteck—не точно передана: „Во время Поливія римскій лагерь имѣлъ форму квадрата, а впослѣдствіи принялъ видъ прямоугольнаго треугольника".

Отмѣтимъ двѣ странныя цитаты: на стр. 41 Евангеліе отъ Іоанна цитуется: Johan. Evang. 19, 23, а на стр. 14 читаемъ такую странную фразу: „Главнѣйшее описаніе тройнаго строя (acies triplex) находится у Цезаря въ „Комментаріяхъ о междоусобной войнѣ, глава I, отрывокъ 89" (читай: 83). Неужели г. Г—ль, компилирующій по-

собіе для чтенія Цезаря, не знаетъ, что его комментаріи цитуются по книгамъ и главамъ, а не по главамъ и отрывкамъ?

Напечатана книжка довольно исправно; странно только, что почти вездѣ въ греческихъ словахъ, оканчивающихся на сигму (ς), эта последняя имѣетъ видъ ϛ, то-есть, стигмы, или вязи σ съ τ. Изъ болѣе крупныхъ опечатокъ слѣдуетъ отмѣтить на стр. 6 напечатанное antelucani вмѣсто antepilani.

Д. И. Нагуевскій. О Югуртинской войнѣ (de bello Iugurthino) *Саллюстія* Казань. 1884.

Разсматриваемая книжка составляетъ четвертый выпускъ „Учебнаго изданія латинскихъ классиковъ съ русскими примѣчаніями", предпринятаго г. Нагуевскимъ.

Общее впечатлѣніе, которое выноситъ читатель изъ внимательнаго разсмотрѣнія труда г. Нагуевскаго, есть то, что трудъ этотъ не самостоятеленъ, но составленъ на основаніи двухъ-трехъ иностранныхъ пособій. Хотя издатель въ предисловіи и заявляетъ о томъ, что онъ пользовался значительнымъ количествомъ (до 13) комментированныхъ изданій Саллюстія, сверхъ того, нѣкоторыми монографіями и даже рецензіями, однако слѣдовъ этого пользованія мы не замѣчаемъ. Такъ, г. Нагуевскій заявляетъ, что онъ пользовался при просмотрѣ послѣднихъ корректурныхъ листовъ русскимъ переводомъ „Реальнаго Словаря" Любкера и, между прочимъ, на стр. 104 цитуетъ его s. v. musica, позабывая о томъ, что выпускъ этотъ доведенъ только до буквы *D*.

Говоря о томъ, что онъ пользовался изданіемъ Крица (1828 г.), г. Нагуевскій опускаетъ безъ вниманія многія весьма тонкія и мѣткія наблюденія этого ученаго надъ отдѣльными выраженіями и фразами Саллюстія, и т. д. Такимъ образомъ, не видя слѣдовъ пользованія указанными въ предисловіи пособіями, читатель замѣчаетъ болѣе простой способъ составленія г. Нагуевскимъ его комментарія: въ основу его положенъ комментарій Якобса, къ которому сдѣланы нѣкоторые добавленія изъ изданія Лалье и изъ немногихъ другихъ, въ родѣ Дича и Шмальца. То же, что̀ прибавляетъ г. Нагуевскій отъ себя, состоитъ изъ нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ указаній, въ родѣ: tria nomina римскаго гражданина, дѣленіе римскаго легіона на три шеренги и т. д. Отсутствіе самостоятельности замѣчается не только въ комментаріи, но и въ установкѣ текста: своихъ исправленій русскій издатель въ него не внесъ, но принялъ въ основу текстъ Дича (1872 г.) съ незначительными измѣненіями, взятыми изъ изданій

Іордана и Якобса. И при этомъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ странностей, объясняемыхъ чисто компилятивнымъ характеромъ работы: такъ напримѣръ, на стр. 26 Кирена пишется, и въ текстѣ, и въ примѣчаніяхъ въ видѣ Cyrene, а на стр. 85 и 86 то же слово читаемъ въ формѣ Curene; на стр. 9 vaenalia, на стр. 44 venalem, на стр. 56 venalium, на стр. 102 vaenum dati. Не объясняются ли эти противорѣчія, совершенно неумѣстныя въ учебной книгѣ, тѣмъ, что въ одномъ случаѣ у издателя подъ руками былъ одинъ текстъ, а въ другомъ—иной?

Въ ороографіи г. Нагуевскій является, вмѣстѣ съ Дичемъ, значительнымъ новаторомъ и пишетъ постоянно set, pernitiosus, benificium, thensaurus и т. д., но вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ: opportunus (вм. oportunus), coenatos esse (вм. cenatos esse, какъ доказалъ Корссенъ), paulo (вм. paullo), quatuor и т. д. Правда, вопросъ объ ороографіи, которой слѣдуетъ держаться издателю Саллюстія, затруднителенъ и потому различными издателями рѣшается различно: одни, какъ Дичъ, считаютъ возможнымъ проводить архаизмы въ правописаніи довольно широко и послѣдовательно, другіе, оставляя нѣкоторые, констатированные съ достаточною опредѣленностью (какъ напримѣръ, optumus, ingeni, finis (Nom. и Acc. plur.) и т. д.), во всѣхъ остальныхъ словахъ придерживаются общепринятой ороографіи и поступаютъ, какъ кажется, основательнѣе первыхъ. Дѣйствительно, то, что̀ мы знаемъ болѣе или менѣе точно, относится преимущественно, если не исключительно къ эпохѣ Квинтиліана; ороографія же предшествующаго времени извѣстна намъ только въ отдѣльныхъ отрывочныхъ фактахъ. Въ правѣ ли мы поэтому вводить свои собственные соображенія и выводы, особенно въ такой текстъ, который предназначается для употребленія въ школахъ и поэтому долженъ представлять нѣчто положительное, неоспоримое? Если же разъ мы рѣшаемся на подобное новаторство, то думается, необходимо его разъяснить въ комментаріи; это и дѣлаетъ г. Нагуевскій, но весьма непослѣдовательно: такъ, онъ разъясняетъ формы ingeni, oreretur и оставляетъ безъ объясненія формы: thensaurus, set и др.

Объемъ комментарія не великъ и приспособленъ къ потребностямъ учениковъ V-го класса гимназій, гдѣ читается Саллюстій; комментарій содержитъ въ себѣ разъясненія грамматическія, лексикологическія, реальныя, даетъ указанія на конструкцію и способъ перевода. Въ общемъ эти указанія вѣрны, но мѣстами возбуждаютъ недоумѣнія; иныя представляются излишними, и на оборотъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы не находимъ потребныхъ объясненій; страннымъ образомъ иногда объясняется въ серединѣ или концѣ книги такая форма или такое

слово, которыя были пропущены безъ объясненія ранѣе, иногда даются указанія неточныя и небезспорныя, наконецъ, при всей краткости комментарія, въ немъ встрѣчаются ненужныя повторенія. Такъ напримѣръ, примѣчаніе 4-е на стр. 3 повторяется дословно на стр. 88; примѣчаніе на стр. 26 о pleraque повторяется дословно на стр. 103; примѣчаніе 8-е на стр. 47 повторяется на стр. 65, и такъ далѣе. Излишними представляются намъ замѣчанія, въ родѣ: стр. 7 гл. 6, 1: „equitare, iaculari etc. infinitivi historici, употребленные вм. imperfecta indic. для живости описанія", или стр. 35, гл. 29, 2: „Plerisque—corruptis" въ то время какъ многіе, или стр. 39, 18: indignum est. Indic. praes. какъ и въ другихъ выраженіяхъ, напримѣръ, longum est. По русски другое наклоненіе", и такъ далѣе. Съ другой стороны, многія мѣста представляются намъ нуждающимися въ разъясненіи: напримѣръ, гл. 1, 5: aliena ac nihil profutura. Безъ посторонняго указанія ученикъ первое слово переведетъ: чужое, и переведетъ невѣрно; посему ему необходимо указать, что aliena значитъ чуждое, греч. ἀλλότρια; или: гл. 7, 1: neque per vim neque insidiis obprimi posse hominem—необходимо было бы указать на нарушеніе concinnitas въ оборотахъ: per vim и insidiis; ibid. 4, qui tum Romanis imperator erat—не излишне было бы объяснить зависимость Dativ. Romanis; ibid. 5: alterum ex audacia temeritatem quaerere—необходимо было бы указать на значеніе здѣсь слова audacia, а въ главѣ 8, 1, требуетъ объясненія litotes: non mediocrem animum; ibid. 2, слѣдовало бы разъяснить спеціальное значеніе слова praetorium, а въ гл. 9, 2 конструкцію: vincere adgressus est.—Далѣе, въ гл. 1 оставлена безъ объясненія форма inbecilla, тогда какъ въ гл. 66, 3 объясняется форма inermus, въ гл. 111,1 оставленъ безъ объясненія оборотъ: in gratiam habituros, а въ гл. 112, 3 объясняется выраженіе: in potestatem habuisset, и такъ далѣе. — Къ не безспорнымъ замѣчаніямъ относятся объясненія въ родѣ слѣдующихъ: стр. 2, во фразѣ: suam quisque culpam auctores ad negotia transferunt, г. Нагуевскій слово negotia рекомендуетъ переводить черезъ „обстоятельства". Но сл. negotia врядъ ли можетъ имѣть такое значеніе, вслѣдствіе чего Якобсъ объясняетъ гораздо вѣрнѣе черезъ: „die Geschäfte welche nähmlich nach ihrer Meinung die geringe Kraft des Menschen ganz in Anspruch nehmen, und bei der Kürze des Lebens ihm alle Musse zu grösseren und der Forderungen der virtus entsprechenden Dingen rauben". На стр. 5 читаемъ: „Римская nobilitas (чиновное дворянство) имѣла ius imaginum... Первый, кто могъ воспользоваться этимъ правомъ, считался сыномъ hominis novi, то-есть, человѣка новаго въ дворянствѣ. Такимъ homo novus

былъ, напримѣръ, К. Марій и М. Туллій Цицеронъ. Что патриціи (родовое дворянство) пользовались этимъ правомъ, разумѣется само собою; только оно имѣло для нихъ не значеніе дарованнаго права, а наслѣдственной собственности". Послѣдняя фраза представляется несовсѣмъ вразумительною, а ей предшествующая—невѣрною: homo novus назывался не отецъ перваго nobilis въ извѣстномъ семействѣ, но самъ nobilis, достигшій курульныхъ должностей; объ этомъ категорически свидѣтельствуетъ Plut. Cat. Maj. 1, p. 336: Εἰωθότων δὲ τῶν Ῥωμαίων τοὺς ἀπὸ γένους μὲν δόξαν οὐκ ἔχοντας, ἀρχομένους δι' αὐτῶν καινοὺς προσαγορεύειν ἀνθρώπους. И таковыми, въ дѣйствительности были и Марій, и Цицеронъ.—Ibid. къ словамъ Салл.: Scilicet non ceram illam neque figuram tantam vim in sese habere и проч. г. Нагуевскій дѣлаетъ примѣчаніе: „Scilicet (естественно) дополн. arbitrabantur, отъ котораго зависитъ слѣдующій acc. c. inf.". Естественнѣе эту конструкцію приводитъ въ зависимость отъ гл. scire, заключающагося въ scilicet=licet scire. На стр. 33. C. Servilius Glaucia невѣрно назвалъ К. Сервил. Главкомъ.—На стр. 37 г. Нагуевскій упоминаетъ о secessiones plebis и говоритъ, что ихъ было три: 1) 494 in montem Sacrum, 2) 449 in Aventinum et in montem sacrum и 3) 287 in Ianiculum, а на слѣдущей, 39 стр., заявляетъ, что prima secesio заняло не только montem sacrum, но и Aventinum.—На стр. 63, гл. 54 къ словамъ текста „hortatur, ad cetera, quae levia sint, parem animum gerant" г. Нагуевскій дѣлаетъ замѣчаніе: quae levia sunt. Въ orat. obl. глаг. придаточныхъ предложеній ставится въ изъявительномъ въ томъ случаѣ, когда имѣется въ виду придать рѣчи болѣе опредѣленности". Вопервыхъ, издатель позабываетъ, что въ текстѣ у него стоитъ sint, а не sunt, а вовторыхъ, объясненіе indic. въ orat. obl. не точно: здѣсь, если бы стояло sunt, рѣчь не была бы опредѣленнѣе, но писатель обозначилъ бы черезъ indic. лишь то, что онъ фразу: quae levia sunt разсматриваетъ какъ простое описаніе одного понятія: „неважный, незначительный", и потому освобождаетъ ее отъ зависимости отъ главнаго управляющаго глагола (сравн. Zumpt, 547—548).—На стр. 71 страннымъ образомъ 6,720,000 сестерціевъ приравнено 6 милліонамъ руб. Извѣстно, что сестерцій равнялся приблизительно 5—6 копѣйкамъ. Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно для того, чтобы показать, что комментарій г. Нагуевскаго не свободенъ отъ крупныхъ недосмотровъ.

Изданію текста предпослано краткое введеніе, въ которомъ на 9 страницахъ изложены данныя о жизни и сочиненіяхъ Саллюстія и на 4 разказано содержаніе „Югуртинской войны". Введеніе, предназна-

ченное для учащихся, тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о рукописяхъ Саллюстія (что совершенно излишне въ виду полнѣйшаго отсутствія критическихъ указаній въ изданіи г. Нагуевскаго), объ editio princeps и т. д. Оно составлено по извѣстной книгѣ Тейффеля, котораго г. Нагуевскій придерживается до того близко, что переводитъ изъ него даже характеристику Саллюстія, при чемъ не всегда точно и вѣрно передаетъ подлинникъ; такъ, слова Тейффеля: Ist es ihm auch nicht gelungen den hohen Standpunct seines Vorbildes.... zu erreichen, so hat er ihm doch redlich nachgestrebt in Wahrheitsliebe und Unparteilichkeit г. Нагуевскій переводитъ: „Не будучи въ силахъ достигнуть высокаго взгляда (?) своего образца... Саллюстій неуклонно подражалъ ему въ любви къ истинѣ и въ безпристрастномъ изложеніи политической и нравственной стороны жизни своего народа". Выраженіе Тейффеля archaistisches Element г. Нагуевскій переводитъ „архаическимъ оттѣнкомъ" врядъ ли вѣрно, такъ какъ Тейффель указываетъ на то, что архаизмы Саллюстія суть подражательные, что онъ не архаистъ, а архаизаторъ: термины, значительно отличающіеся одинъ отъ другого. Тамъ же, гдѣ г. Нагуевскій отдаляется отъ своего источника, онъ иногда вводитъ фразы неудачныя или данныя невѣрныя: фразу Тейффеля: Wie sein Vorbild bemüht er sich kurz, knapp, gedrängt zu sein, in einem Grade dass er darüber oft dunkel und geschraubt wird г. Нагуевскій перифразируетъ: „Подражая своему образцу, онъ излагаетъ событія кратко, сжато, отрывисто; въ немъ нѣтъ ни одного лишняго слова (?); мысли и понятія (?) быстро смѣняются одна другой (?), вслѣдствіе чего (?) изложеніе страдаетъ нерѣдко темнотою. На стр. IX въ примѣчаніи г. Нагуевскій говоритъ, что villa Barberini и villa Ludovisi извѣстны своими остатками древностей. Вѣрнѣе было бы сказать, что онѣ извѣстны своими собраніями памятников античнаго искусства.

Нѣкоторыя изъ многочисленныхъ опечатокъ исправлены авторомъ на стр. VI, другія же въ родѣ слѣдующихъ: мѣстоимѣніе (стр. 12, 113), компромитирующая (стр. 22), Киринейки (23), Сырты (26), поведѣнію (77), замедлѣнія (88), къ намъ дошли незначительные отрывки (106), obsisterant (109) оставлены безъ исправленія.

Избранныя сочиненія Платона. 1. Апологія Сократа и Критонъ. Греческій текстъ съ рисунками, примѣчаніями и статьей о древне-греческой философіи и Платонѣ. Составилъ *А. О. Поспишилъ*, преподаватель древнихъ языковъ при Кіевской 3-й гимназіи. Кіевъ. 1884, стр. 207 въ 8-ку. Цѣна 1 р. 20 коп.

Первый выпускъ предпринятаго г. Поспишилемъ изданія избранныхъ сочиненій Платона представляетъ собою трудъ, обличаю-

щій знаніе и тщательность составителя. Въ составъ этого выпуска входятъ: 1) очеркъ древне-греческой философіи въ видѣ общаго введенія для всего изданія, 2) греческій текстъ Апологіи Сократа и Критона, съ подстрочными объяснительными примѣчаніями и съ двумя частными введеніями, изъ которыхъ одно предпослано Апологіи, а другое Критону. Очеркъ дѣлится на четыре отдѣла: а) зачатки и главные періоды греческой философіи; б) первый періодъ; в) второй періодъ; г) Сократъ; д) Платонъ. Въ обоихъ частныхъ введеніяхъ излагаются цѣль, содержаніе и драматическая обстановка трактуемаго сочиненія, которому то и другое предшествуютъ.

Форма и содержаніе книги г. Поспишиля указываютъ на нѣмецкое учебное изданіе: Platons Vertheidigungsrede des Socrates und Kriton. Für den Schulgebrauch erklärt von Dr. Christian Cron. Leipzig. 1878, какъ на главный источникъ, которымъ составитель русскаго изданія пользовался съ толкомъ и пониманіемъ дѣла. Придерживаясь общаго плана подлинника, г. Поспишиль отчасти самостоятельно обрабатывалъ данный ему матеріалъ: онъ мѣстами измѣнилъ размѣщеніе его, замѣнилъ простыя ссылки на классическихъ писателей выпискою цѣлаго текста указанныхъ мѣстъ и дополнилъ сообщаемыя свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ, какъ напримѣръ, Platonis Apologia et Crito. Recensuit, prolegomenis et commentariis instruxit Martinus Wohlrab. Lipsiae. 1869. (Bibliotheca graeca virorum doctorum opera recognita et commentariis instructa curantibus Fr. Jacobs et V. Chr. Fr. Rost) и другіе. Вообще составитель обнаруживаетъ знакомство съ иностранною литературой по исторіи древней философіи до Платона включительно. Къ матеріалу подлинника онъ прибавилъ болѣе подробныя свѣдѣнія, какъ напримѣръ, о нѣкоторыхъ предшественникахъ Сократа, объ ученикахъ его, сдѣлавшихся основателями нѣкоторыхъ особыхъ школъ, о позднѣйшемъ развитіи Академіи и т. д. Но за то у Крона нагляднѣе изложены основныя идеи Платоновой философіи, и болѣе генетически сообщено содержаніе Платоновыхъ діалоговъ въ связи съ судьбами и путешествіями родоначальника древней Академіи, изъ чего гораздо яснѣе вытекаютъ историческіе мотивы его бесѣдъ. У г. Поспишиля, напротивъ того, сочиненія Платона разбираются въ видѣ болѣе или менѣе подробнаго перечня, не допускающаго столь свободнаго обзора внутренней связи между ними. Въ томъ же самомъ отношеніи къ подлиннику находятся частныя введенія и комментарій, который, кромѣ другихъ дополненій, особенно приведенныхъ цѣлыхъ цитатъ вмѣсто ссылокъ, вмѣщаетъ въ себѣ и указанія на аналогію греческихъ и русскихъ оборотовъ, какъ на-

примѣръ, стр. 180 s. v. τοιοῦτος и др. Въ виду же синтаксическихъ примѣчаній комментарій г. Поспишиля еще болѣе достигъ бы своей цѣли, если бы помѣщены были ссылки на какую-либо болѣе употребляемую въ нашихъ гимназіяхъ греческую граматтику, чтобъ учащимся дать возможность, познакомиться съ цѣлою группою синтаксическихъ явленій, къ которой принадлежитъ объясненное въ комментаріи мѣсто.

Но какъ бы то ни было, все сообщаемое г. Поспишилемъ, какъ въ статьѣ о древне-греческой философіи и въ частныхъ введеніяхъ, такъ и въ самомъ комментаріи, за исключеніемъ немногихъ и притомъ мелочныхъ вопросовъ, не вызываетъ никакихъ возраженій.

Въ нашихъ гимназіяхъ, какъ извѣстно, читаются отчасти философскія сочиненія классическихъ писателей, изъ Платона, напримѣръ: Апологія, Критонъ, Лахетъ и др., изъ Ксенофонта: Ἀπομνημονεύματα; равнымъ образомъ въ старшихъ классахъ гимназій разбираются и нѣкоторые философскіе діалоги Цицерона. Переводы эти могутъ имѣть тѣмъ большую пользу въ системѣ общаго образованія, чѣмъ полнѣе уясняются и самые пріемы классическихъ разсужденій, чѣмъ понятнѣе дѣлается ихъ историческая зависимость и послѣдовательность. Преподаватели поэтому предпосылаютъ чтенію какого-либо трактата нѣсколько замѣчаній объ общемъ характерѣ, развитіи и значеніи читаемаго автора, дѣлаютъ болѣе или менѣе подробный анализъ изложенныхъ имъ идей, сообщаютъ біографическія свѣдѣнія о немъ. Всѣ эти пріемы, конечно, получатъ болѣе прочное основаніе, если въ рукахъ учащихся будетъ находиться учебное пособіе, содержащее въ себѣ важнѣйшіе моменты философскаго развитія мысли древняго міра. Вотъ почему книга г. Поспишиля можетъ быть привѣтствуема какъ трудъ, которому суждено будетъ пополнить давно ощущаемый пробѣлъ въ нашей педагогической литературѣ. Въ заключеніе нельзя не указать на старинную охоту составителя, уклоняясь безъ всякаго основанія отъ общепринятыхъ русскихъ формъ, подводить греческія имена и названія подъ какую-то простонародную этимологію; такъ напримѣръ, стр. 4: „новопиѳагористы", стр. 6: „пиѳагоринская школа", стр. 7: „исходная точка Пиѳагорина ученія", стр. 14: „Сократовцы, Эпикуровцы", стр. 84: „аподось, эллипсь", стр. 119: „протась" и т. д. Не думаемъ, чтобъ эти формы пріобрѣли право гражданства когда-нибудь въ русскомъ языкѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ СЪ 1882 ПО 1884 ГОДЪ.

Въ прошломъ году Общество исторіи и древностей россійскихъ, состоящее при Московскомъ университетѣ, праздновало восьмидесятилѣтіе своего существованія. Въ засѣданіи, происходившемъ 18-го марта того года, прочитано было нѣсколько рѣчей, изъ которыхъ рѣчь предсѣдателя, почтеннаго нашего историка И. Е. Забѣлина, содержала въ себѣ обозрѣніе плодотворной ученой дѣятельности Общества за означенный продолжительный періодъ времени. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія тогда же отдалъ отчетъ объ этомъ знаменательномъ торжествѣ и познакомилъ читателей съ содержаніемъ рѣчи г. Забѣлина. Въ связи съ празднованіемъ восьмидесятилѣтія Общество предприняло составленіе своей исторіи. Ко времени празднованія окончeнъ былъ печатаніемъ первый выпускъ ея, обнимающій собою первыя восемь лѣтъ существованія Общества (1804—1812 гг.). Этотъ прекрасный трудъ Н. А. Попова, основанный, какъ на документахъ архива Общества, такъ и на документахъ, найденныхъ въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія А. Ѳ. Бычковымъ, подробно и обстоятельно излагаетъ ходъ начальной дѣятельности Общества и различныя затрудненія и невзгоды, пережитыя имъ въ то время, въ связи съ біографіями главныхъ тогдашнихъ дѣятелей Общества; вмѣстѣ съ тѣмъ трудъ этотъ представляетъ чрезвычайно любопытную страницу изъ исторіи нашей умственной жизни въ царствованіе императора Александра I. Надобно надѣяться, что изысканія, столь успѣшно начатыя Н. А. Поповымъ, будутъ продолжаемы въ томъ же характерѣ и касательно дальнѣйшей дѣятельности Общества:

съ нею связано столько крупныхъ именъ въ развитіи русской исторической науки, что отъ дальнѣйшихъ выпусковъ сочиненія г. Попова слѣдуетъ ожидать еще цѣлаго ряда интересныхъ и поучительныхъ очерковъ.

Представляя въ прошломъ году картину дѣятельности старѣйшаго изъ нашихъ историческихъ обществъ за весь продолжительный періодъ его существованія, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія не могъ однако остановиться на болѣе подробномъ обозрѣніи трудовъ Общества за послѣдніе годы. Настоящая статья восполняетъ этотъ пробѣлъ на основаніи двухъ послѣднихъ отчетовъ секретаря Общества Е. В. Барсова за время съ 15-го октября 1881 года по 18-е марта текущаго года.

Въ означенный періодъ времени Общество включило въ свой составъ многихъ ученыхъ и писателей русскихъ и иностранныхъ, трудящихся на пользу русской и славянской исторіи. Такъ, въ число дѣйствительныхъ членовъ избраны: В. В. Антоновичъ, А. П. и Н. П. Барсуковы, Н. П. Боголѣповъ, В. Г. Васильевскій, Е. Е. Замысловскій, В. С. Иконниковъ, М. О. Кояловичъ, М. С. Кудрявцевъ, А. С. Лебедевъ, Л. Н. Майковъ, А. А. Мартыновъ, А. И. Павинскій, Д. А. Ровинскій, П. И. Савваитовъ, М. И. Семевскій, А. И. Тимоѳеевъ и С. Н. Шубинскій; въ число членовъ почетныхъ — архіепископъ Варшавскій и Холмскій Леонтій, Н. Х. Бунге, И. Д. Деляновъ, О. А. Новикова, В. П. Титовъ и графъ С. Д. Шереметевъ; въ число членовъ-соревнователей—И. А. Голышевъ, А. Н. Зерцаловъ и В. И. Холмогоровъ. Кромѣ того, изъ числа иностранныхъ ученыхъ избраны: въ почетные члены—Б. Дудикъ, И. Кукулевичъ-Сакцинскій, Фр. Миклошичъ, Фр. Рачкій и Вл. Томекъ; въ дѣйствительные — М. Бобржинскій, В. Брандль, Г. Витковичъ, Ѳ. Войцеховскій, І. Ганель, М, Гаттала, А. Гиндели, І. Емлеръ, Г. Иречекъ, Л. Лежеръ, С. Любичъ, П. Матковичъ, А. Петрушевичъ, Г. Рольстонъ, А. Рамбо, Ф.-В. Сасинекъ, С. Смолка, Ѳ. Смитикласъ и П. Сретьковичъ; въ члены-соревнователи—Э. Марбо и Г. Точилеску.

Главнѣйшія утраты, которыя Общество понесло въ своемъ составѣ въ теченіе отчетнаго періода, были слѣдующія: скончались почетные члены митрополитъ Московскій Макарій, бывшій предсѣдатель графъ С. Г. Строгановъ и графъ А. С. Уваровъ; дѣйствительные члены: бывшій секретарь Андрей Н. Поповъ, Н. П. Барсовъ, А. Е. Викторовъ, А. А. Котляревскій, А. И. Кошелевъ, А. М. Кубаревъ, И. П. Липранди, П. И. Мельниковъ, Н. Н. Мурзакевичъ, В. А. Пановъ и

Н. П. Розановъ. Памяти нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе близкихъ Обществу, посвящены были рѣчи гг. предсѣдателя и секретаря въ собраніяхъ Общества. Такъ, въ засѣданіи 15-го октября 1881 года предсѣдатель Общества выразилъ общее прискорбіе о преждевременной утратѣ, понесенной Обществомъ въ лицѣ своего секретаря А. Н. Попова, труды котораго для науки вообще, и въ частности для Общества, останутся навсегда незабвенными; а въ засѣданіи 4-го мая 1882 г. Общество, по предложенію Е. В. Барсова, постановило пріобрѣсти оставшіяся въ рукописи ученые труды Попова, которые онъ предъ смертію уложилъ въ особую папку съ надписью: „Сіе моихъ грѣшныхъ рукъ потружденіе и моего грубаго разума снисканіе". Засѣданіе 4-го мая 1882 года посвящено было главнымъ образомъ памяти графа С. Г. Строганова. Едва ли не половина прожитаго Обществомъ времени принадлежитъ предсѣдательству графа Строганова, а это время въ исторіи Общества и составляетъ самый цвѣтущій и достославный его періодъ. Изобразивъ служеніе графа Строганова для Общества, И. Е. Забѣлинъ остановился въ своей рѣчи на уясненіи того нравственнаго вліянія, которое водворено было имъ въ Обществѣ и затѣмъ проходило десятки лѣтъ, можно сказать—проходитъ и нынѣ: „Это вліяніе чувствовалось всѣми учеными и литературными партіями, разнородныхъ направленій и приходовъ, въ глубокомъ почтеніи и уваженіи къ наукѣ, въ неизмѣнномъ стремленіи ставить ея интересы выше всего. По мыслямъ графа Строганова, уважать науку значило прежде всего крѣпко беречь и всячески охранять ученыхъ людей, охранять именно отъ тѣхъ антинаучныхъ напастей и невзгодъ, какими нерѣдко бываютъ одолѣваемы по преимуществу люди науки. Онъ хорошо зналъ цѣну орудію науки. Онъ хорошо понималъ, что истиннаго труженика науки не возможно такъ скоро найдти и такъ легко замѣнить первымъ встрѣчнымъ, какъ объ этомъ думаетъ большинство неопытныхъ доброжелателей науки; онъ хорошо понималъ, что такой труженикъ самъ по себѣ есть дорогое сокровище и общественное, и народное, которое сохранять заповѣдуетъ уже простой здравый смыслъ. Въ этихъ убѣжденіяхъ покойный графъ располагалъ и всѣ отношенія свои къ ученымъ людямъ. Обширная и плодотворная дѣятельность О. М. Бодянскаго во всемъ ея объемѣ была возможна только при неизмѣнной постоянной поддержкѣ и при постоянномъ горячемъ содѣйствіи графа Сергія Григорьевича во всѣхъ случаяхъ, гдѣ чувствовались прямые и непосредственные интересы науки". Въ дополненіе къ этой общей характеристикѣ отношеній графа С. Г. Строга-

нова къ наукѣ и ученымъ людямъ, Е. В. Барсовъ въ своей рѣчи сообщилъ нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ изъ внутренняго отношенія бывшаго предсѣдателя къ Обществу, которое наиболѣе всего скрѣплялось личностью О. М. Бодянскаго. Пользуясь ихъ перепиской, г. Барсовъ сообщилъ, какое участіе принималъ графъ Строгановъ въ образованіи Бодянскаго за границей и какъ слѣдилъ за его учеными занятіями; какъ потомъ относился къ нему какъ секретарю Общества, какое участіе принималъ въ судьбѣ изданія Флетчера, какъ дѣлился съ Бодянскимъ своими семейными и общественными ощущеніями и т. д.

Память митрополита Макарія была почтена въ засѣданіи 30-го ноября 1882 г. также рѣчью Е. В. Барсова. Будучи—сказалъ онъ—свѣтильникомъ церкви, почившій владыка былъ такимъ же свѣтиломъ и въ области исторической науки. Онъ не только самъ непрерывно и неустанно работалъ на поприщѣ русской науки, но и не щадилъ своихъ средствъ, чтобы поощрять развитіе знаній въ нашемъ отечествѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Оставивъ намъ богатство ученыхъ трудовъ своихъ, въ ожиданіи своей кончины онъ позаботился и о томъ, чтобы все оставшееся послѣ него имущество шло на пользу той же науки.

Въ засѣданіи 8-го марта 1883 г. Е. В. Барсовъ представилъ оцѣнку трудовъ по Обществу П. И. Мельникова, который напечаталъ въ Чтеніяхъ Общества весьма много матеріаловъ для исторіи хлыстовской и скопческой ересей, матеріаловъ тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что подлинники, съ которыхъ производилось печатаніе, пропали уже безслѣдно. Въ засѣданіи 11-го октября 1883 года г. же Барсовымъ произнесена была рѣчь о покойномъ археографѣ А. Е. Викторовѣ, въ которой онъ очертилъ его нравственный образъ и указалъ на значеніе его ученыхъ работъ для русской археографіи и литературы; Викторовымъ была напечатана въ Чтеніяхъ 1877 г. (кн. 2-я) весьма важная „Опись ветхостей въ башняхъ и стѣнахъ Московскаго Кремля, Китая-города и Бѣлаго города“.

Наконецъ, въ засѣданіи 18-го марта текущаго года Общество почтило воспоминаніемъ скончавшагося 29-го декабря 1884 года почетнаго члена своего графа А. С. Уварова. „Весь русскій ученый міръ“, сказано въ отчетѣ Е. В. Барсова, — „съ глубокою скорбью отнесся къ его неожиданной кончинѣ. Естественно поэтому и наше Общество приняло участіе во всеобщемъ соболѣзнованіи къ этой великой утратѣ. Секретарь его выразилъ горькія чувства археологовъ

на его могилѣ, а г. предсѣдатель сказалъ свое слово объ общественномъ его значеніи въ публичномъ собраніи московскихъ ученыхъ обществъ въ честь покойнаго графа. Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ и благовременнымъ хотя кратко коснуться значенія его въ исторической наукѣ. Онъ первый раздвинулъ границы русской исторіи за предѣлы письменныхъ памятниковъ и своимъ знаменитымъ трудомъ о каменномъ вѣкѣ въ Россіи возбудилъ всеобщій интересъ къ доисторической археологіи. Онъ первый сдѣлалъ строго научный опытъ объясненія первыхъ страницъ нашей лѣтописи по курганнымъ раскопкамъ и добытымъ въ нихъ вещамъ. Онъ первый внесъ драгоцѣнный вкладъ обстоятельнаго изученія христіанской символики въ отношеніи ея къ древне-русскому имуществу. Поставивъ статую Ипполита, папы Римскаго, въ Русскомъ историческомъ музеѣ, онъ тѣмъ доказалъ не только свое глубокое знакомство съ его ученіемъ, но и съ міросозерцаніемъ русскаго народа, въ которомъ донынѣ живетъ это ученіе. Это былъ просвѣщеннѣйшій человѣкъ нашего времени, съ самымъ широкимъ и разностороннимъ образованіемъ. Онъ не былъ только покровителемъ науки подобно графу Румянцову, но носилъ интересъ ея въ своей душѣ и переживалъ всѣ радованія и горести ученаго. Онъ былъ въ высшей степени гордъ тамъ, гдѣ дѣло касалось чести и достоинства науки, и былъ неузнаваемъ въ скромности и благодушіи тамъ, гдѣ дѣло касалось привлеченія новой ученой силы къ ея задачамъ. Онъ горячо относился къ судьбѣ своихъ ученыхъ сподвижниковъ и съ презрѣніемъ говорилъ о томъ невѣжествѣ, которое не въ силахъ цѣнить ихъ ученыя заслуги и потому не стѣсняется нарушеніемъ ихъ правъ и оскорбленіями. Онъ понималъ и чувствовалъ тяжелое положеніе ученыхъ дѣятелей русской науки и спѣшилъ къ нимъ на помощь своими преміями и вспоможеніями. Да будетъ же ему вѣчная память и въ лѣтописяхъ нашего Общества!"

Обращаемся къ текущей дѣятельности Московскаго историческаго Общества за три послѣдніе года.

Съ 15-го октября 1881 года по 18-е марта 1885 Общество имѣло 21 засѣданіе, въ томъ числѣ одно чрезвычайное и одно торжественное. Чрезвычайное собраніе состоялось для заслушанія Высочайшаго соизволенія на дарованіе казеннаго ежегоднаго вспомоществованія Обществу въ количествѣ 5000 р. въ годъ. Торжественнымъ собраніемъ ознаменована была восьмидесятилѣтняя годовщина Общества, о чемъ уже была рѣчь въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Затѣмъ въ обыкновенныхъ собраніяхъ Общества

происходили сужденія по ученымъ вопросамъ и сношеніямъ, а также по хозяйственнымъ дѣламъ.

Изъ ученыхъ предложеній и докладовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: а) предложеніе И. Е. Забѣлина о неотложной необходимости составить подробный и обстоятельный указатель ко всѣмъ изданіямъ Общества; трудъ этотъ былъ принятъ г. Забѣлинымъ на себя и исполненъ имъ ко дню празднованія восьмидесятилѣтія Общества; б) предложеніе также г. Забѣлина довершить переводъ византійскаго лѣтописца Өеофана, начатый печатаніемъ въ Чтеніяхъ 1858 и 1859 гг.; окончаніе этого перевода возложено было на Ф. А. Терновскаго; в) предложеніе В. О. Ключевскаго издать сочиненія епископа Симона, найденныя въ Псковской семинаріи въ русскомъ переводѣ съ греческихъ оригиналовъ; г) предложеніе А. Н. Шемякина напечатать въ Чтеніяхъ сдѣланный имъ переводъ путешествія въ Россію Вундерера, XVI в.; д) докладъ Е. В. Барсова о вновь найденномъ имъ спискѣ Святославова Изборника, написанномъ въ 1519 г. при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ и архіепископѣ Варлаамѣ, по повелѣнію архимандрита Игнатія, инокомъ Іоной; такъ какъ продолженіе предпринятаго Обществомъ изданія Святославова Изборника по синодальному списку 1073 г. возложено на А. Л. Дювернуа, то Общество просило его принять во вниманіе и вновь открытый списокъ; е) докладъ Е. В. Барсова о буллѣ папы Александра, 1164 г., данной одному французскому монастырю на неприкосновенность его владѣній, и подлинникъ которой пріобрѣтенъ докладчикомъ въ Москвѣ.

Кромѣ того, Е. В. Барсовымъ внесена была на обсужденіе Общества записка о приведеніи въ дѣйствіе § 57 устава, по смыслу коего дѣятельность Общества не должна ограничиваться только засѣданіями и изданіями, но и имѣть предметомъ возбужденіе и поддержаніе историческаго интереса внѣ Общества и поощреніе историческихъ изысканій постороннихъ лицъ; въ виду этого, г. Барсовъ предлагалъ объявлять отъ имени Общества задачи по русской исторіи, и прежде всего наиболѣе доступныя для провинціальныхъ дѣятелей, главнымъ же образомъ по собиранію и обработкѣ мѣстнаго историческаго матеріала; за лучшіе изъ подобныхъ трудовъ могла бы быть присуждаема медаль, предположенная уставомъ для этой цѣли. Предложеніе это было одобрено по своей сущности, но практическое осуществленіе его отложено впредь до приведенія въ порядокъ хозяйственныхъ дѣлъ Общества.

Въ теченіе отчетнаго періода Общества имѣло неоднократные

случаи принимать участіе въ различныхъ торжествахъ ученаго характера, на которыя посылало своихъ представителей или препровождало привѣтственные адресы. Въ 1881 г. оно, по приглашенію Московскаго университета, участвовало въ торжественномъ чествованіи пятидесятилѣтней дѣятельности Н. И. Пирогова, въ 1882 г.—въ торжествѣ пятидесятилѣтія Румянцевскаго музея, въ 1883 г.—въ чествованіи трехсотлѣтней памяти перваго русскаго книгопечатника Ивана Ѳедорова, происходившемъ въ особомъ соединенномъ засѣданіи Московскихъ обществъ историческаго и археологическаго, въ 1884 г.—въ празднованіи пятидесятилѣтія университета св. Владиміра въ Кіевѣ и въ двадцатипятилѣтнемъ юбилеѣ служенія архіепископа Варшавскаго и Холмскаго Леонтія въ епископскомъ санѣ, а въ текущемъ—въ торжественномъ засѣданіи Археографической Коммиссіи по случаю исполнившаго ея пятидесятилѣтія.

Издательская дѣятельность Общества уже съ давнихъ поръ выражается печатаніемъ Чтеній, періодическаго изданія, которое по богатству помѣщенныхъ въ немъ матеріаловъ представляетъ одно изъ важнѣйшихъ пособій для изученія отечественной исторіи. Редакторомъ Чтеній состоитъ секретарь Общества Е. В. Барсовъ. Въ первое же засѣданіе послѣ своего избранія, 30-го октября 1881 г., онъ представилъ свою программу изданія, которая и была утверждена Обществомъ и напечатана въ 3-й книгѣ Чтеній 1881 года. Этою программой положено было возстановить тотъ составъ Чтеній, который былъ принятъ при началѣ ихъ изданія въ 1846 г. О. М. Бодянскимъ, съ небольшими лишь измѣненіями. Постановлено, чтобы Чтенія не были неопредѣленнымъ ученымъ сборникомъ, но въ самой внѣшней формѣ своей ясно отражали бы свои задачи; поэтому Чтенія раздѣлены на пять отдѣловъ: 1) матеріалы историческіе, 2) матеріалы историко-литературные, 3) матеріалы иностранные, 4) изслѣдованія, и 5) смѣсь. Такимъ распредѣленіемъ содержанія Чтеній уничтоженъ особый отдѣлъ первоначальной программы О. М. Бодянскаго: матеріалы славянскіе, но эти послѣдніе положено размѣщать по соотвѣтствующимъ отдѣламъ. Что же касается внутренняго направленія Чтеній, то положено сдѣлать ихъ органомъ исключительно исторіи русской, и притомъ именно древней, въ отличіе отъ тѣхъ періодическихъ изданій историческаго содержанія, которыя имѣютъ въ виду не столько прямые интересы науки, сколько общественную любознательность и потому посвящаются главнымъ об-

разомъ даннымъ новой русской исторіи и даже ближайшаго къ намъ времени.

Въ разсматриваемый періодъ времени издано 14 книгъ Чтеній.

Въ нихъ изъ матеріаловъ историческихъ, относящихся главнымъ образомъ къ древному періоду, помѣщены:

1) Дополненія къ дворцовымъ разрядамъ, по порученію графа Д. Н. Блудова собранныя изъ книгъ и столбцовъ прежде бывшихъ дворцовыхъ приказовъ архива оружейной палаты И. Е. Забѣлинымъ. Часть I (1882 г. кн. 2 и 3; 1883 г. кн. 3 и 4). Изданіе этихъ архивныхъ выписокъ, весьма важныхъ для исторіи быта Московскихъ царей, снабжено предисловіемъ г. Забѣлина, въ которомъ выяснено научно-историческое значеніе этихъ выписокъ, указанъ самый ихъ характеръ, въ какомъ онѣ ведены, опредѣленъ кругъ вѣдомства приказовъ, изъ дѣлъ коихъ они извлечены, и наконецъ, сообщена самая исторія архива оружейной палаты. Въ цѣломъ своемъ составѣ эти матеріалы заключаютъ въ себѣ нѣсколько большихъ томовъ. Въ изданную нынѣ часть I-ю вошло 912 столбцовъ.

2) Древне-русскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство, въ связи съ греческими ихъ оригиналами. Собраны Е. В. Барсовымъ (1883 г. кн. 1). Сюда вошли какъ памятники уже извѣстные, но изданные здѣсь по древнѣйшимъ спискамъ, съ разночтеніями по позднѣйшимъ, такъ и неизвѣстные, впервые появляющіеся въ печати. Изданію предпосланъ историческій очеркъ чиновъ вѣнчанія на царство въ связи съ развитіемъ идеи царя на Руси.

3) Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи, собранные Дм. В. Цвѣтаевымъ. Часть I (1883 г. кн. 3; 1884 г. кн. 3). Богатство собраннаго здѣсь матеріала по предмету, весьма мало у насъ изученному, видно изъ того, что онъ извлеченъ изъ двѣнадцати казенныхъ архивовъ, кромѣ частныхъ рукописныхъ собраній. Каждый памятникъ весьма обстоятельно описанъ въ предисловіи издателя, какъ со стороны его внутренняго содержанія, такъ и со стороны его научнаго значенія. Кромѣ необыкновенной тщательности, собиратель обнаружилъ еще и навыкъ въ пріемахъ изученія своего предмета, и въ оцѣнкѣ его значенія научнаго. Подготовляя къ печати рядъ изслѣдованій по исторіи протестантства въ Россіи, онъ исходитъ изъ самаго вѣрнаго начала, что изученіе всякаго предмета тогда только можно считать прочно поставленнымъ, когда оно основано на непосредственномъ знакомствѣ съ первоисточниками, и когда послѣдніе не только приведены въ извѣстность, но и сведены въ особые, од-

народные по содержанію сборники. Но собиратель не ограничился однимъ изученіемъ первоисточниковъ, доселѣ не изданныхъ; онъ разсмотрѣлъ и источники уже извѣстные, въ связи съ основанною на нихъ литературой. Собранные г. Цвѣтаевымъ памятники распадаются на два отдѣла: одна состоитъ изъ такъ-называемыхъ дѣлъ, грамотъ, уставовъ и вообще актовъ касательно водворенія протестантовъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ, другая—изъ полемическихъ сочиненій противъ протестантства; въ этотъ послѣдній отдѣлъ вошли пять сочиненій (одно — Павла Негребецкаго, два — Сильвестра Медвѣдева, одно—братьевъ Лихудовъ, и одно—чудовскаго монаха Евѳимія), направленныхъ противъ Яна Бѣлободскаго, извѣстнаго литовскаго выходца, искавшаго богословской или философской каѳедры въ открывавшейся въ исходѣ XVII в. въ Москвѣ славяно-греко-латинской академіи, и сочиненіе неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ „Луторскія ереси". Всѣ эти памятники изданы по лучшимъ рукописямъ, съ варіантами и дополненіями позднѣйшихъ полемистовъ, встрѣчающимися въ другихъ спискахъ. Вообще сборникъ г. Цвѣтаева по богатству и значительности содержащагося въ немъ матеріала представляетъ надежную основу для изученія начальныхъ судебъ протестантства въ Россіи.

4) Извѣстіе о похожденіи Степана Степанова сына Пишчевича. Съ предисловіемъ Н. А. Попова (1881 г. кн. 4; 1882 г. кн. 2; 1883 г. кн. 2). Объ этомъ любопытномъ и совершенно новомъ памятникѣ для русской исторіи XVIII в. было уже говорено въ особой статьѣ, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за текущій годъ.

5) Синодикъ и родительскій лѣтописецъ Строгановыхъ, изданный по рукописи Н. С. Тихонравова (1884 г., кн. 1). Это—драгоцѣнный памятникъ, доказывающій, съ какимъ усердіемъ наблюдались родовыя преданія въ старой Руси. Изданіе его снабжено предисловіемъ и историческими примѣчаніями, изъ которыхъ обнаруживается, что составлялъ эти записи, не позже 1604 г., инокъ, вѣроятно—изъ рода Строгановыхъ, принадлежавшій къ братіи Введенскаго монастыря въ Соловычегодскѣ, пользуясь болѣе древними родовыми памятами и записями.

6) Описаніе актовъ архива Н. А. Маркевича, относящихся къ исторіи южно-русскихъ монастырей. Издано Е. В. Барсовымъ по принадлежащей ему рукописи (1884 г. кн. 1). Акты относятся къ 25 монастырямъ, при чемъ большая часть актовъ описана съ бу-

квальными выдержками ихъ содержанія, а нѣкоторые приведены вполнѣ.

7) Описаніе актовъ архива Н. А. Маркевича, относящихся къ исторіи Стародубскихъ скитовъ и ихъ владѣній. Издано также Е. В. Барсовымъ, по рукописи его библіотеки. Это — важные матеріалы для исторіи раскольничьей колонизаціи, которая до сихъ поръ не была еще предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, да и ни одного акта, относящагося къ Стародубью, не было донынѣ извѣстно. Къ описанію приложена карта, составленная въ XVIII в., безъ сомнѣнія, оффиціальнаго происхожденія.

8) Росписной списокъ города Кіева 1677 года. Изданъ Е. В. Барсовымъ по принадлежащей ему рукописи (1884 г. кн. 1). Эта опись Кіевской крѣпости составлена при сдачѣ ея воеводой княземъ Ал. Андр. Голицынымъ вновь назначеннымъ воеводамъ Морозову и Головину; въ ней изчисляются образа, знамена, ключи отъ воротъ, мушкеты, карабины, пищали (при нѣкоторыхъ изъ нихъ означено, кто ихъ лилъ и когда) и пр. Весьма важный актъ этотъ до сихъ поръ не былъ извѣстенъ историкамъ Кіева.

Изъ памятниковъ древне-русской литературы изданы:

1) Изборникъ великаго князя Святослава-Ярославича 1073 года. Первые 23 листа, отпечатанные О. М. Бодянскимъ, съ предисловіемъ Е. В. Барсова и запиской А. Л. Дювернуа (1882 г. кн. 4). Славянскій текстъ этого драгоцѣннаго памятника изданъ буква въ букву параллельно съ греческимъ оригиналомъ статей, переведенныхъ въ Изборникѣ; въ предисловіи подробно изложена исторія попытокъ изданія и изученія этого памятника со времени его открытія К. Ѳ. Калайдовичемъ до нашего времени; въ запискѣ же г. Дювернуа устанавливается взглядъ на происхожденіе этого памятника, и выясняется методъ, которому слѣдовалъ Бодянскій въ его изданіи.

2) Особыя приписки изъ Домострою и 4 снимка разныхъ почерковъ рукописи Домостроя, XV — XVI в., принадлежащей Обществу (1882 г. кн. 1).

3) Вновь открытое слово пресвитера Андрея, бывшаго клирика Московскаго Успенскаго собора, XVI в., съ предисловіемъ Е. В. Барсова (1883 г., кн. 1).

4) Новый списокъ слова Даніила Заточника, XVII в., найденный въ Чудовомъ монастырѣ, съ предисловіемъ Е. В. Барсова (1883 г. кн. 1).

5) Слово полку Игоревѣ въ переводѣ А. С. Пушкина, съ предисловіемъ Е. В. Барсова (1882 г., кн. 2).

6) Опись рукописей, перенесенныхъ изъ библіотеки Іосифова монастыря въ библіотеку Московской духовной академіи, іеромонаха Іосифа. Опись обнимаетъ 236 рукописей разнаго содержанія и снабжена предисловіемъ (1881 г., кн. 3).

7) Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Свято-Троицкой Сергіевской лавры въ библіотеку Троицкой духовной семинаріи въ 1747 году, архимандрита Леонида (1883 г. кн. 1 и 2). Всѣхъ рукописей здѣсь описано 211.

8) Переписка государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева съ московскими учеными, съ предисловіемъ Е. В. Барсова (1882 г. кн. 1). Переписка эта вводитъ въ область и значеніе такъ-называемой Румянцевской эпохи; она раскрываетъ тогдашнее историко-археологическое движеніе, знакомитъ со всѣми тогдашними розысканіями и открытіями древне-русскихъ письменныхъ памятниковъ, съ тогдашнимъ антикварнымъ рынкомъ, цѣнами рукописей и т. п. Отсюда можно видѣть, какъ изготовлялись такія важныя ученыя изданія, какъ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Іоаннъ экзархъ Болгарскій, Софійскій временникъ, Судебники, Древнія россійскія стихотворенія и т. д. (1882 г., кн. 1).

9) Хроника русскаго театра, актера Г. Носова, съ предисловіемъ и новыми розысканіями о началѣ русскаго театра, Е. В. Барсова (1882 г. кн. 2 и 3). Хроника Носова уже была предметомъ особаго этюда на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, изъ котораго видно, что она въ первой своей половинѣ содержитъ въ себѣ много извѣстій сомнительной достовѣрности, а частію и совершенно вымышленныхъ. Но дополнительныя разысканія г. Барсова о началѣ русскаго театра представляютъ много новаго и любопытнаго. Изъ нихъ оказывается, что, кромѣ нѣмецкаго пастора Грегори, во главѣ московскаго театра, въ послѣдній годъ царствованія Алексѣя Михайловича, стоялъ нѣкто Степанъ Чижинскій, бывшій учитель Кіево-братскаго коллегіума, что имъ написана комедія „Давидъ съ Голіаѳомъ" и другія піесы, и что труппа, которую обучалъ Чижинскій, состояла изъ 80 человѣкъ разнаго званія людей, при чемъ каждый обучавшійся получалъ по алтыну въ день.

10) Описаніе Великихъ Четіихъ-Миней Макарія, митрополита Всероссійскаго, составленное А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ, съ предисловіемъ Е. В. Барсова (1884 г. кн. 1). Въ пре-

дисловіи опредѣлено, подъ какими воздѣйствіями слагались и къ какимъ цѣлямъ были направлены Макарьевскія Минеи, указано, чѣмъ различаются между собою дошедшіе до насъ списки ихъ, и объяснено, какъ возникалъ интересъ къ ихъ изученію, и какимъ образомъ трудъ Горскаго и Невоструева поступилъ въ распоряженіе издателя.

11) Посланіе царя Ивана Васильевича къ Александрійскому патріарху Іоакиму съ купцомъ Васильемъ Позняковымъ и хожденіе купца Познякова въ Іерусалимъ и по инымъ святымъ мѣстамъ, 1558 года. Издано И. Е. Забѣлинымъ (1884 г. кн. 2). По выводамъ, основаннымъ на сравнительномъ изученіи этого памятника и изложеннымъ въ предисловіи издателя, оказывается, что извѣстное хожденіе Трифона Коробейникова есть не болѣе, какъ литературный пересказъ хожденія В. Познякова, и такимъ образомъ это послѣднее получаетъ первостепенную важность въ исторіи русской литературы.

12) Описаніе нѣкоторыхъ южно-русскихъ и западно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи Е. В. Барсова, составленное самимъ собирателемъ (1884 г. кн. 2). Рукописи эти суть слѣдующія: а) Псалтырь въ переводѣ доктора Фр. Скорины, списокъ 1543 года; б) Четвероевангеліе, списанное въ 1604 г. дьякомъ Дубевецкимъ, школьнымъ учителемъ; в) сборникъ, писанный на Волыни въ 1614 году; г) Путникъ до граду Іерусалиму іеромонаха Кіевской Рыхловской обители Сильвестра, первой половины XVIII вѣка, на малороссійскомъ языкѣ, доселѣ неизвѣстное произведеніе нашей паломнической литературы.

13) Слово на сошествіе Св. Духа, произнесенное Димитріемъ Ростовскимъ въ Кіевскомъ Кирилловскомъ монастырѣ въ 1693 году. Издано Е. В. Барсовымъ по рукописи, принадлежащей А. А. Титову. Сравнивая это слово, написанное языкомъ, испрещеннымъ польскими и малороссійскими выраженіями, съ позднѣйшими произведеніями св. Димитрія, написанными послѣ его переселенія въ Великороссію, нельзя не удивляться тому, какъ скоро онъ усвоилъ себѣ великорусскую рѣчь и понялъ ея духъ, почему и поученія его, написанныя на великорусскомъ языкѣ, значительно превосходятъ его малорусскія сочиненія простотой, ясностью мыслей и художественостью выраженія.

14) Лексисъ съ толкованіемъ словенскихъ мовъ просто. Изданъ архимандритъ Амфилохіемъ. По соображеніямъ издателя, собиратель этого словаря жилъ въ западно-русскомъ краѣ между поляками

и евреями. Нѣкоторымъ славянскимъ словамъ составитель не сумѣлъ найдти толкованія и потому оставилъ ихъ безъ перевода.

15) Два полемическія сочиненія, XVII в., противъ лютеранъ: а) Благочестивыя святыя соборныя церкве греческаго православія отъ Божественныхъ писаній собранное Игнатіемъ іеромонахомъ, Спасова Новаго монастыря архимандритомъ, на лютеранскій катехизисъ обличеніе; б) Слово на латиновъ и люторовъ, яко въ Московстѣмъ царствіи и во всей Россійстѣй землѣ не подобаетъ имъ костелы или керки еретическихъ вѣръ своихъ ставити. Напечатаны А. С. Лебедевымъ. Первое сочиненіе имѣетъ чисто богословскій характеръ и направлено противъ нѣкоторыхъ пунктовъ изданнаго въ Несвижѣ лютеранскаго катехизиса—объ иконопочитаніи, о почитаніи святыхъ, о клятвѣ, о монашествѣ и о свободной волѣ человѣка; второе сочиненіе отличается не обычномъ у насъ въ полемическихъ произведеніяхъ жизненнымъ характеромъ; оно написано по поводу начавшейся въ Москвѣ постройки каменной лютеранской кирки и превосходно выражаетъ тревоги и опасенія, какія предъ началомъ Петровской реформы испытывали русскіе люди въ виду сильнаго наплыва иноземцевъ и уже начавшихся съ ихъ стороны нравственныхъ и матеріальныхъ захватовъ въ Россіи. Г. Лебедевъ склоненъ думать, что это послѣднее сочиненіе написано или патріархомъ Іоакимомъ, или кѣмъ-нибудь изъ близкихъ ему людей, быть можетъ — тѣмъ же Новоспасскимъ архимандритомъ Игнатіемъ, которому принадлежитъ и обличеніе на катехизисъ. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что еще списокъ „Слова на латиновъ и лютеровъ“ находится въ библіотекѣ Архангельской духовной семинаріи, снабженный слѣдующею записью: „197 году, августа въ 5 день, по указу преосвященнаго Аѳанасія, архіепископа Колмогорскаго и Важескаго, сія книга списана Новоспасскаго монастыря у Игнатія Корсакова его архіерейскимъ иждивеніемъ“.

Въ отдѣлѣ иностранныхъ матеріаловъ напечатаны:

1) Донесеніе Августина Мейрберга императору Леопольду I о своемъ посольствѣ въ Московію. Переводъ съ латинскаго, съ предисловіемъ Е. В. Барсова. Донесеніе это служитъ дополненіемъ къ изданному Обществомъ въ 1873 г. Мейербергову путешествію въ Москву и весьма важно для исторической оцѣнки сего послѣдняго.

2) Путешествіе въ Московію датскаго посланника Іакова Ульфельда въ 1575 году. Издано въ переводѣ съ латинскаго, сдѣланномъ въ прошломъ вѣкѣ, и снабжено предисловіемъ Е. В. Барсова. По

содержанію своему сочиненіе это, до сихъ поръ остававшееся не изданнымъ на русскомъ языкѣ, относится ко времени Ивана Грознаго и сообщаетъ много свѣдѣній о его личности. Переводъ сдѣланъ, вѣроятно, съ какого-то рукописнаго оригинала, ибо снабженъ предисловіемъ котораго нѣтъ въ изданныхъ латинскихъ текстахъ.

3) Лѣтопись византійца Ѳеофана, въ переводѣ В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Печатаніе этого перевода было предпринято Бодянскимъ еще въ 1878 г., но прервано по неизвѣстной причинѣ. Выше было упомянуто, что Общество, по предложенію г. Забѣлина, озаботилось окончаніемъ перевода, начатаго покойнымъ Оболенскимъ. Новый переводчикъ, также уже скончавшійся, Ф. А. Терновскій успѣлъ окончить предложенный ему трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исправить часть перевода Оболенскаго, остававшуюся не напечатанною. Какъ извѣстно, лѣтопись Ѳеофана представляетъ важныя данныя для древней исторіи славянства.

4) Извѣстія Англичанъ о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка, въ переводѣ г. Середонина. Сюда вошли описанія путешествій Ченслера, Дженкинсона, Рандольфа, Бауса и другихъ, помѣщенныя въ сборникѣ Гаклюйта, изданномъ въ 1589 г. и перепечатанномъ съ дополненіями въ 1809.

Отдѣлъ Чтеній, посвященный изслѣдованіямъ, также представляетъ нѣсколько цѣнныхъ научныхъ вкладовъ, а именно:

1) Хлыстовщина и скопчество въ Россіи. Сочиненіе священника Арсенія Рождественскаго (1883 г. кн. 1, 2 и 3). Трудъ этотъ заслуживаетъ вниманія не столько по своей основной мысли, сколько по богатству данныхъ, собранныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ и сведенныхъ въ стройную систему.

2) Великое Зерцало. Изъ исторіи переводной литературѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе П. В. Владимірова (1883 г., кн. 2 и 3). Особая критическая статья объ этомъ любопытномъ изслѣдованіи помѣщена въ настоящей книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3) Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ дружинной Руси, въ связи съ древне-русскою письменностью и живымъ народнымъ пѣснотворчествомъ. Изслѣдованіе Е. В. Барсова. Ч. I. Этотъ въ высшей степени замѣчательный трудъ даетъ много новыхъ данныхъ и открываетъ новыя точки зрѣнія для историческаго и литературнаго объясненія знаменитаго Слова. Когда все изслѣдованіе бу-

детъ отпечатано, оно, безъ сомнѣнія, подвергается обстоятельной критической оцѣнкѣ, которой вполнѣ заслуживаетъ.

4) Русскій рубль XVI—XVIII вѣковъ въ отношеніи къ нынѣшнему. Опытъ опредѣленія мѣновой стоимости стариннаго рубля по хлѣбнымъ цѣнамъ. Изслѣдованіе В. О. Ключевскаго (1884 г. кн. I). Въ этомъ трудѣ авторъ имѣлъ въ виду—посредствомъ сравненія старинныхъ и нынѣшнихъ цѣнъ хлѣба, какъ товара наиболѣе необходимаго, потребность въ которомъ всегда одинакова или, по крайней мѣрѣ, подвержена наименьшимъ колебаніямъ, опредѣлить мѣновое значеніе или рыночную стоимость старинныхъ русскихъ денежныхъ единицъ сравнительно съ нынѣшними, чтобы, помощью выведеннаго такимъ образомъ мѣноваго отношенія первыхъ къ послѣднимъ, можно было съ нѣкоторою точностью объяснить встрѣчаемыя источникахъ цѣны другихъ предметовъ и вообще всякія денежныя суммы, перекладывая ихъ на нынѣшнія русскія деньги. Это отношеніе вычислено авто- по хлѣбнымъ цѣнамъ XVI, XVII и первой половины XVIII вѣка и сведено въ приложенную къ изслѣдованію табличку.

5) О древне-русскихъ ябетникахъ (къ вопросу объ объясненіи Русской Правды). Статья П. Н. Мрочка-Дроздовскаго. Въ этомъ изслѣдованіи авторъ, разсмотрѣвъ свидѣтельства нашей древней письменности и права, приходитъ къ тому заключенію, что ябетникъ былъ не кто иной, какъ княжій приказчикъ; какъ таковой, ябетникъ, соблюдая выгоды своего хозяина-князя, долженъ былъ придумывать и пріискивать средства къ увеличенію княжескаго дохода. Но такъ какъ, далѣе, уголовныя пени были однимъ изъ главныхъ источниковъ этого дохода, то ябетники и должны были стараться о томъ, чтобы преступники не укрывались отъ кары, а потому и оговоръ преступниковъ въ преступленіяхъ лежалъ между прочимъ на обязанности ябетника. Злоупотребленіе этою стороною ябедничества и послужило затѣмъ основаніемъ для извращенія самаго понятія о ябетникѣ, и самый законъ съ теченіемъ времени сталъ преслѣдовать его на ряду со всякими лиходѣями.

6) Кого называло русское законодательство колобягомъ? Изслѣдованіе А. Л. Дюрвернуа. По соображеніямъ изслѣдователя, слово колобягъ, въ этой полногласной формѣ не только усвоенное живою рѣчью древне-русскихъ людей, но и переданное древне-русскою графикой, происходитъ изъ литовскаго языка, гдѣ kalbingas означаетъ словоохотливаго человѣка, говоруна, отъ существительнаго женскаго рода kalbá, рѣчь, говоръ, языкъ. Измѣняя для иноплеменныхъ язычни-

ковъ самыя существенныя черты судебнаго процесса, законодательство Русской Правды тутъ же, въ самомъ текстѣ, отмѣчаетъ и основанія для такихъ отступленій, иронически именуя не крещеную Литву говорунами, сильными въ языкѣ, который былъ мало понятенъ для славянъ. Въ этомъ наименованіи Литвы колобягами выражается и гуманное вниманіе законодателя къ говору языческихъ сосѣдей.

Наконецъ, въ отдѣлѣ смѣси Чтенія представили весьма значительное количество небольшихъ документовъ касательно разныхъ любопытныхъ явленій изъ внутренней жизни русскаго народа, а также нѣсколько частныхъ историческихъ замѣтокъ и разборовъ нѣкоторыхъ важныхъ историческихъ трудовъ, появившихся въ послѣднее время. Количество статей въ этомъ отдѣлѣ на столько велико, что изчисленіе ихъ здѣсь представляется неудобнымъ.

Вообще изъ предложеннаго обзора Чтеній за три послѣдніе года видно, что настоящій редакторъ ихъ сохранилъ за ними тотъ важный интересъ, который былъ приданъ этому изданію предшественниками г. Барсова въ званіи секретаря, и въ особенности О. М. Водянскимъ.

Въ заключеніе настоящаго очерка дѣятельности Московскаго историческаго общества слѣдуетъ упомянуть о содѣйствіи, оказанномъ со стороны Общества ученымъ работамъ другихъ учрежденій и лицъ. Оно выражалось, вопервыхъ, тѣмъ, что Общество, при всей ограниченности своихъ средствъ, высылало безмездно свои изданія въ нѣсколько общественныхъ библіотекъ, которыя служатъ преимущественно для ученыхъ занятій, и вовторыхъ, тѣмъ, что оно ссужало свои рукописи для пользованія нѣкоторымъ ученымъ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1884 ГОДУ.

Въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1884 году состояло штатныхъ преподавателей: по историко-филологическому факультету — ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 4, лекторовъ новыхъ языковъ 4; по физико-математическому—ординарныхъ профессоровъ 13, экстраординарныхъ 9; по юридическому — ординарныхъ профессоровъ 9, экстраординарныхъ 5; по факультету восточныхъ языковъ—ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 4, лекторовъ восточныхъ языковъ 2. Кромѣ того, при университетѣ вообще состоялъ профессоръ богословія. Вообще штатныхъ преподавателей по всѣмъ факультетамъ было: 1 профессоръ богословія, 40 ординарныхъ профессоровъ, 22 экстраординарныхъ и 6 лекторовъ, итого 69 лицъ. Независимо отъ сего при университетѣ состояли два бывшіе доцента по факультету восточныхъ языковъ, оставшіеся по изданіи устава 1884 года за штатомъ. Число приватъ-доцентовъ было слѣдующее: по классической филологіи 5, по русской словесности 2, по русской исторіи 1, по всеобщей исторіи 1, по славянской филологіи 1, по математикѣ 2, по физикѣ 5, по химіи 1, по зоологіи 1, по физіологіи 2, по геологіи 1, по агрономіи 1, по энциклопедіи права, римскому праву, гражданскому судопроизводству, статистикѣ, политической экономіи, судебной медицинѣ, по персидской словесности, санскритской словесности и судебной медицинѣ — по одному, всего 32 приватъ-доцента. За симъ общее число преподавателей всѣхъ разрядовъ и категорій было 103.

Въ теченіе 1884 года факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій 16, физико-математическій 18, юридическій 11, факуль-

тетъ восточныхъ языковъ 12. Въ отношеніи распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія въ продолженіе года никакихъ новыхъ распоряженій въ университетѣ не послѣдовало. Для усиленія учебной дѣятельности слушателей университетскихъ лекцій служили практическія занятія подъ руководствомъ профессоровъ и преподавателей, которыя состояли въ слѣдующемъ. На историко-филологическомъ факультетѣ: Всѣ студенты, избравшіе своею спеціальностію русскую словесность, представляли профессору научныя работы по избранной спеціальности. Подъ руководствомъ профессора Миллера три студента старшихъ курсовъ занимались изученіемъ памятниковъ русской народной словесности, а студентъ Дмитріевъ представилъ первую часть обстоятельнаго изслѣдованія по литературѣ раскола—о сочиненіяхъ протопопа Аввакума. По всеобщей исторіи, подъ руководствомъ профессора Васильевскаго, студенты старшихъ двухъ курсовъ занимались изученіемъ памятника „Ассизы Іерусалимскаго королевства"; представленъ былъ рядъ рефератовъ, вообще весьма удовлетворительно составленныхъ. На II курсѣ студенты разбирали первую часть сочиненія Фюстель-де-Куланжа „Исторія политическихъ учрежденій древней Франціи". Во второй половинѣ года практическія упражненія устроены были подобнымъ же образомъ. Студенты III курса занимались изученіемъ исторіи втораго крестоваго похода, но занятія эти пока ограничивались ознакомленіемъ, подъ руководствомъ профессора, съ источниками для даннаго предмета и постановкой основныхъ критико-историческихъ вопросовъ. По римской словесности, студенты-спеціалисты по древнимъ языкамъ еженедѣльно, сверхъ лекцій, были упражняемы въ чтеніи и толкованіи надписей по сборнику Willmanns Exempla inscriptionum latinarum. Кромѣ того они писали сочиненія на предложенныя темы. По греческой словесности происходили практическія занятія подъ руководствомъ профессора Люгебиля, а подъ руководствомъ профессора Соколова студенты занимались изученіемъ греческихъ надписей. По славянской филологіи практическія занятія заключались въ чтеніи и объясненіи первоначальной русской лѣтописи. Подъ руководствомъ профессора Владиславлева студенты-спеціалисты по философіи занимались чтеніемъ и разборомъ сочиненія Канта „Критика чистаго разума".—На физико-математическомъ факультетѣ: занятія по аналитической химіи происходили подъ личнымъ наблюденіемъ профессора и при содѣйствіи лаборантовъ. Занимались около 70-ти студентовъ, въ три очереди. Студентъ Барбатенко занимался изслѣдованіемъ анилидовъ. По орга-

нической химіи, подъ руководствомъ профессора и лаборанта, занимались: кандидатъ Фаворскій — конденсаціей кротониленовъ и валериленовъ, кандидатъ Колотовъ—дѣйствіемъ оксиментилена на сложные амміаки, кандидатъ Кузнецовъ — работами надъ пинакопомъ, студенты: Хупотскій—дѣйствіемъ хлора на тертамэтиленъ, Кондаковъ—охлореніемъ амиленовъ, Бугаевъ—распаденіемъ псевдоалкоголей, Солонина—изомеризаціей аллиловаго спирта, Волковъ—бромистымъ изобутиломъ, Семеновъ—синтезомъ одного амильнаго спирта, Маріуцца—іодгидриномъ этиленгликона. Практическія занятія въ физическомъ кабинетѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, имѣли своими руководителями профессора, лаборанта и двухъ приватъ-доцентовъ съ четырьмя ихъ помощниками. Общее наблюденіе за занятіями имѣлъ профессоръ Петрушевскій. Въ первое полугодіе, при 26 дняхъ занятій, работали 54 студента и результатовъ записано 264; во второмъ полугодіи, при 40 дняхъ, занимались 90 человѣкъ и результатовъ записано 400. Подъ руководствомъ приватъ-доцента Боргмана студенты занимались абсолютными электрическими и магнитными измѣреніями. Практическія занятія по анатоміи и физіологіи растеній происходили подъ руководствомъ профессора Фаминцына; занятія же по морфологіи и систематикѣ растеній подъ руководствомъ профессоровъ Бекетова (I курсъ) и Гоби (III и IV курсы). Окончившіе курсъ Прейнъ и князь Масальскій приготовили къ печати: первый—статью „Списокъ растеній, собранныхъ въ 1883 году въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Енисейской губерніи", второй — „Очеркъ флоры Друскеникскихъ водъ". Подъ руководствомъ профессора Овсянникова происходили занятія по гистологіи со студентами II курса: въ 1-мъ семестрѣ 52, во 2-мъ—35 студентовъ. Произведены были изслѣдованія: Романовымъ—яичника лягушки, Чаусовымъ—четырехъ-холмія у млекопитающихъ, Трауготомъ—окончанія нервовъ въ сухожиліяхъ у лягушекъ и млекопитающихъ. Подъ руководствомъ профессора Сѣченова, при содѣйствіи двухъ лаборантовъ, происходили практическія занятія по физіологіи, а у приватъ-доцента Введенскаго—по мышечной и нервной физіологіи; занимались 10 студентовъ старшихъ двухъ курсовъ. Въ практическихъ занятіяхъ по зоологіи, вслѣдствіе ограниченности и тѣсноты помѣщенія, участвовали только нѣсколько студентовъ-спеціалистовъ. Въ астрономической обсерваторіи занятія со студентами происходили ежедневно по утрамъ, и въ ясную погоду по вечерамъ. По практической астрономіи произведены были слѣдующія работы: опредѣленіе орбиты планеты (238), опредѣленіе орбиты кометы 1883.

I, опредѣленіе орбиты кометы Вольфа 1884, опредѣленіе орбиты кометы Барнарда 1884. Работы эти произведены 12-ю студентами: изъ нихъ первая обращаетъ на себя вниманіе по полнотѣ и тщательности вычисленій. Сверхъ того, студентъ Ридигеръ произвелъ из-
а ніе хода хронометровъ обсерваторіи, Чеполосовъ—опредѣленіе орбиты одной двойной звѣзды, а 12 студентовъ опредѣлили элементы 1.500 потоковъ падающихъ звѣздъ. Въ минералогическомъ кабинетѣ происходили практическія занятія по кристаллографіи и минералогіи. Магистрантъ Сибирцевъ составилъ отчетъ по изслѣдованію почвъ и сѣрныхъ породъ Арзамасскаго уѣзда; студентъ IV курса Вернадскій занимался искусственнымъ полученіемъ разнаго рода минераловъ и изученіемъ явленій изоморфизма, а пять студентовъ заняты были химическимъ изслѣдованіемъ прѣсноводныхъ известняковъ, пермскихъ и дюливіальныхъ породъ и глауконитовъ Нижегородской губерніи. Въ геологическомъ кабинетѣ практическія занятія происходили ежедневно подъ руководствомъ профессора, приватъ-доцента и консерватора. Нѣсколькими кандидатами приготовлены и напечатаны были слѣдующія работы: Полѣновымъ—предварительный отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ на Уралѣ, Амалицкимъ—о геологическомъ изслѣдованіи Горбатовскаго уѣзда, Фохтомъ—анализъ воды артезіанскаго колодца дома Воронина въ С.-Петербургѣ, Сибирцевымъ — о юрской системѣ Нижегородской губерніи. Въ агрономическомъ кабинетѣ постоянно происходили практическія занятія студентовъ IV курса подъ руководствомъ профессора. Объектомъ большею частію служилъ русскій черноземъ. Особенно выдающіяся работы представлены были кандидатами: Бараковымъ—изслѣдованіе надъ просачиваніемъ чрезъ черноземъ и другія искусственно составленныя почвы растворовъ перегноя, и Мамонтовымъ — опыты надъ теплопроводностію разныхъ почвъ. — На юридическомъ факультетѣ: подъ руководствомъ профессора Янсона и одного изъ приватъ-доцентовъ происходили практическія занятія по уголовной статистикѣ; кромѣ того, студенты занимались разработкой статистическихъ данныхъ относительно русскихъ желѣзныхъ дорогъ, а два студента—разработкой квартирныхъ данныхъ по переписи С.-Петербурга 1881 года. Подъ руководствомъ профессора Фойницкаго происходили еженедѣльно практическія занятія со студентами IV курса по уголовному судопроизводству.—На факультетѣ восточныхъ языковъ студенты, являясь па лекціи, должны предварительно подготовиться надлежащимъ образомъ, то-есть, разобрать и уяснить себѣ, при помощи словарей и грамматикъ, на сколько это

возможно, текстъ переводимаго на лекціи автора, безъ чего профессорская лекція не будетъ имѣть надлежащаго значенія; студентамъ весьма часто приходится переписывать восточные тексты для перевода ихъ на лекціяхъ; для постоянныхъ же практическихъ занятій въ изученіи языковъ арабскаго, персидскаго и монгольскаго, при факультетѣ восточныхъ языковъ состоятъ три преподавателя. Сверхъ исчисленныхъ выше практическихъ занятій, стипендіальныя и переводныя испытанія служили средствомъ контроля надъ занятіями студентовъ.

Для присужденія наградъ медалями, факультетами предложены были слѣдующія темы: историко-филологическимъ факультетомъ — „Африка подъ римскимъ владычествомъ", „Исторія и организація Мизенскаго флота", „Риторы и риторскія школы первыхъ двухъ вѣковъ Римской имперіи", „Еннодій Павійскій и его время" и „Изучить текстъ Беовульфа"; физико-математическимъ—„О положеніи плоскости поляризаціи свѣта относительно направленія колебаній свѣтоваго эфира", „О развитіи сердца и кровеносныхъ сосудовъ у цыпленка"; юридическимъ — „Ученіе Гуго Гроція о правѣ и государствѣ" и „Церковное право по новелламъ Юстиніана"; факультетомъ восточныхъ языковъ—одна по каѳедрѣ турецкой словесности, другая — по исторіи Востока. За представленныя на эти темы сочиненія назначены: на историко-филологическомъ факультетѣ—три золотыя и три серебряныя медали, на физико-математическомъ—двѣ золотыя и двѣ серебряныя медали, на юридическомъ—двѣ золотыя и три серебряныя, и одно сочиненіе удостоено почетнаго отзыва; на факультетѣ восточныхъ языковъ—одна золотая и одна серебряная медаль. Сверхъ того, одинъ студентъ IV курса физико-математическаго факультета представилъ сочиненіе по астрономіи, которое удостоено денежной премія, учрежденной въ память перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей.

Нѣкоторые изъ профессоровъ и преподавателей С.-Петербургскаго университета въ теченіе 1884 года издали въ свѣтъ свои ученые труды, печатали или приготовляли ихъ къ изданію, а другіе участвовали въ повременныхъ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ. Такъ, профессора: В. Г. Рождественскій помѣстилъ въ журналѣ Христіанское Чтеніе „Чтеніе объ исторической достовѣрности и божественномъ характерѣ евангельской исторіи"; В. И. Ламанскій напечаталъ четыре статьи въ Извѣстіяхъ Славянскаго благотворительнаго Общества и одну въ Revue internationale, и прочиталъ въ Филологическомъ Обществѣ записку „О службѣ св. Науму, ученику свв.

Кирилла и Меѳодія, на славянскомъ языкѣ"; О. Ѳ. Миллеръ помѣстилъ нѣсколько статей въ Извѣстіяхъ Славянскаго благотворительнаго Общества, въ Кіевской Старинѣ — "Церковь и византійство" и въ журналѣ Новь — "Екатерина II и энциклопедисты"; А. Н. Веселовскій напечаталъ: въ Запискахъ академіи наукъ — изслѣдованіе "Южно-русскія былины", и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — статьи "Къ вопросу объ источникахъ Сербской Александріи", о диссертаціи г. Сырку "Византійская повѣсть объ убіеніи императора Никифора Фоки", о книгѣ г. Дестуниса "Греческія былины" и о новостяхъ италіанской литературы; М. И. Владиславлевъ приготовлялъ къ печати III томъ Психологіи; И. П. Минаевъ помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія двѣ статьи: "Великій русскій миссіонеръ" и "Русскіе помыслы объ Индіи въ старину"; В. Г. Васильевскій приготовилъ къ изданію для Палестинскаго Общества два греческіе памятника, съ переводомъ на русскій языкъ и съ комментаріями, именно: "Житіе Мелетія Новаго по двумъ редакціямъ XII вѣка" и "Повѣсть объ Іерусалимѣ и Св. Землѣ Епифанія"; сверхъ того, занимался изученіемъ Порфиріевскаго Синайскаго сборника и обнародовалъ изъ него одинъ изъ наиболѣе интересныхъ документовъ въ статьѣ "Обновленіе Терновской патріархіи", помѣщенной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; М. И. Сухомлиновъ издалъ VII томъ "Исторіи Россійской Академіи" и помѣстилъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ нѣсколько статей по исторіи русской литературы; И. В. Ягичъ помѣстилъ нѣсколько ученыхъ работъ въ изданіяхъ академіи наукъ; Е. Е. Замысловскій напечаталъ свое сочиненіе "Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи", и издалъ по порученію Археографической коммиссіи, седьмой выпускъ Лѣтописи ея занятій и протоколовъ съ 1835 по 1840 годъ; К. I. Люгебиль помѣстилъ: въ журналѣ Zeitschrift für Philologie und Paedagogik — статью "Zu Isaios", въ журналѣ Ягича Archiv für slawische Philologie — розысканіе по синтаксическимъ вопросамъ и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — статью о преподаваніи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ; приготовлялъ къ изданію "Греческую христоматію" для среднихъ классовъ гимназій; И. В. Помяловскій напечаталъ: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — рядъ критическихъ статей о книгахъ археологическаго содержанія, въ Трудахъ Общества любителей древней письменности — "Описаніе двухъ литургійныхъ

греческихъ рукописей" и по порученію II отдѣленія академіи наукъ составилъ разборъ перевода Горація А. Фета; И. Е. Троицкій приготовилъ къ печати автобіографію и монастырскій уставъ императора Михаила VIII Палеолога; А. В. Праховъ прочелъ двѣ публичныя лекціи о кіевскихъ древностяхъ въ X, XI и XII вѣковъ на выставкѣ, организованной въ Одессѣ при VI археологическомъ съѣздѣ; В. К. Ернштедтъ напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія нѣсколько статей по греческой палеографіи, эпиграфикѣ и критикѣ; приготовилъ къ печати, вмѣстѣ съ профессоромъ Васильевскимъ, первый томъ Сборника не изданныхъ византійскихъ текстовъ; готовилъ къ печати описаніе греческихъ рукописей Порфиріевой коллекціи и первый выпускъ „Критическихъ и палеографическихъ этюдовъ"; А. Н. Бекетовъ помѣстилъ въ Трудахъ С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей работу „Объ архангельской флорѣ"; А. М. Бутлеровъ производилъ химическія изслѣдованія надъ послѣдовательностію реакцій; Д. И. Менделѣевъ помѣстилъ въ Журналѣ русскаго физико-химическаго общества статьи: а) о расширеніи жидкостей, б) о плотности одноводной сѣрной кислоты, в) о соотношеніи расширенія къ температурѣ абсолютнаго кипѣнія, и началъ печатаніе въ Вѣстникѣ промышленности изслѣдованія подъ заглавіемъ „О зависимости удѣльнаго вѣса растворовъ отъ состава и температуры"; Н. А. Меншуткинъ напечаталъ: а) изслѣдованіе образованія амидовъ кислотъ, б) объ измѣненіи скоростей нѣкоторыхъ реакцій въ зависимости отъ температуры и в) лекціи органической химіи; редактировалъ XVI томъ Журнала Химическаго Общества и, въ сотрудничествѣ съ Д. П. Коноваловымъ, издалъ изслѣдованіе о плотностяхъ пара третичныхъ соединеній; А. С. Фаминцынъ напечаталъ въ изданіяхъ Академіи Наукъ слѣдующіе труды: „Искусственная оболочка изъ кремнекислоты и міэлиновыя образованія", „Строеніе и развитіе оболочки Nerium Oleander" и „Кристаллы и кристаллиты"; Н. П. Вагнеръ работалъ надъ различными зоотомическими вопросами на зоологическихъ станціяхъ въ Неаполѣ и Виллафранкѣ и приготовилъ къ выпуску первый томъ обширнаго сочиненія „О бѣломорскихъ безпозвоночныхъ животныхъ"; Ф. В. Овсянниковъ продолжалъ изслѣдованіе о строеніи яицъ костистыхъ рыбъ, главные результаты котораго сообщены въ засѣданіи Академіи Наукъ и въ зоологическомъ отдѣленіи общества естествоиспытателей; М. Н. Богдановъ напечаталъ 2-й выпускъ „Перечня птицъ Россійской имперіи" и продолжалъ обработку русской фауны; Ѳ. Ѳ. Петру-

шевскій занимался изслѣдованіемъ правильныхъ формъ сыпучихъ тѣлъ и устройствомъ практическаго фотометра для измѣренія разсѣяннаго свѣта въ комнатахъ для классныхъ занятій; результаты напечатаны въ Журналѣ русскаго физико-химическаго Общества; Д. К. Бобылевъ помѣстилъ въ томъ же журналѣ записку „О гироскопическихъ линіяхъ", которая появилась также на французскомъ языкѣ въ Séances de la société française de physique подъ заглавіемъ „Sur les lignes gyroscopiques"; А. А. Иностранцевъ напечаталъ: а) сочиненіе „Геологія. Т. I", б) „Геологическіе очерки Европейской Россіи", в) „Измѣняемость концентраціи и состава минеральныхъ водъ" и г) „Новые артезіанскіе колодцы въ С.-Петербургѣ"; В. В. Докучаевъ занимался изслѣдованіемъ геологіи, рудъ и почвы Нижегородской губерніи, и подъ его редакціей и при его личномъ участіи изданы пять выпусковъ „Отчетовъ по изученію почвы, горныхъ породъ и полезныхъ ископаемыхъ Нижегородской губерніи"; А. В. Совѣтовъ печаталъ отчетъ о своемъ агрономическомъ путешествіи въ южныя губерніи, редактировалъ труды Вольнаго Экономическаго Общества и составилъ для Комитета грамотности популярную брошюру „Краткое наставленіе о разведеніи кормовыхъ травъ"; Ю. В. Сохоцкій занимался приготовленіемъ къ печати втораго тома „Высшей алгебры", въ которомъ будетъ изложена теорія чиселъ; Н. С. Будаевъ составилъ курсъ Механики системы точекъ, для слушателей артиллерійской академіи; С. П. Глазенапъ помѣстилъ въ журналѣ Astronomische Nachrithten статьи: „Occultation de Vénus" и „Observations de sattelites de Jupiter", и приготовилъ къ печати сочиненіе „Нивеллировка Онежскаго озера"; Х. Я. Гоби напечаталъ переводъ сочиненія Баумгартена „О болѣзнетворныхъ микроорганизмахъ", помѣстилъ: въ Трудахъ Общества естествоиспытателей изслѣдованіе о группѣ амёбоидныхъ, предшествующей всѣмъ грибамъ, въ Мемуарахъ академіи наукъ— изслѣдованіе „Исторія развитія новаго грибка изъ семейства головневыхъ", перевелъ сочиненіе Цопфа: „Дробянки-бактеріи", печаталъ переводъ сочиненія Альф. Декандоля „Origine des plantes cultivées" и приготовлялъ къ печати „Очеркъ флоры Новой земли" и „Курсъ микологіи"; А. И. Воейковъ напечаталъ сочиненіе „Климаты земнаго шара"; Ю. Э. Янсонъ издалъ два выпуска Статистическаго Ежегодника С.-Петербурга и окончилъ изданіе результатовъ переписи С.-Петербурга, происходившей въ 1881 году; И. Е. Андреевскій редактировалъ издаваемую юридическимъ факультетомъ Юридическую Библіографію и помѣстилъ въ ней нѣсколько критическихъ

статей; В. И. Сергѣевичъ напечаталъ XLIII томъ Сборника Русскаго историческаго Общества и въ Юридической Библіографіи помѣстилъ нѣсколько критическихъ статей; А. Д. Градовскій сдѣлалъ въ Юридическомъ Обществѣ докладъ „Объ избраніи земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ“, который напечатанъ Вѣстникѣ Европы, и оканчивалъ печатаніемъ первый томъ своего „Курса государственнаго права важнѣйшихъ европейскихъ державъ“; М. И. Горчаковъ помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Славянскаго благотворительнаго Общества статью „Новыя сочиненія по исторіи и этнографіи Босніи и Герцеговины“; Ф. Ф. Мартенсъ помѣстилъ въ Вѣстникѣ Европы двѣ статьи: „Эдинбургскій университетъ и его 300-лѣтній юбилей“ и „Юбилей Бернскаго университета“; въ Берлинѣ печаталъ нѣмецкій, а въ Парижѣ французскій переводъ 2-го тома своего труда „Международное право цивилизованныхъ народовъ“; Н. Л. Дювернуа помѣстилъ нѣсколько критическихъ статей въ Юридической Библіографіи; И. Я. Фойницкій напечаталъ первый томъ курса уголовнаго судопроизводства и приготовлялъ къ печати продолженіе этого изданія; В. А. Лебедевъ окончилъ печатаніе 4-го выпуска своего труда „Финансовое право“ и продолжалъ печатаніе книги „О мѣстныхъ налогахъ“; Н. Д. Сергѣевскій помѣстилъ въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права статью „Смертная казнь въ Россіи въ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка“; Э. Р. Вредонъ напечаталъ нѣсколько критическихъ статей въ Юридической Библіографіи; С. А. Бершадскій подготовилъ изданіе III тома „Документовъ и регестъ къ исторіи Литовскихъ евреевъ“ и предпринялъ собраніе документовъ для „Исторіи Литовскаго статута“; В. П. Васильевъ издалъ: а) 2-ю часть своего труда „Анализъ китайскихъ іероглифовъ“, б) примѣчанія на II томъ Китайской христоматіи; толкованіе на Лунь-юй, в) вторымъ изданіемъ I томъ Китайской христоматіи; К. Ѳ. Голстунскій занимался составленіемъ и подготовленіемъ къ печати монгольско-русскаго лексикона; А. М. Позднѣевъ помѣстилъ: нѣсколько рецензій въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ журналѣ Восточное Обозрѣніе статью „О распространеніи англичанами Священнаго Писанія въ Сибири и Средней Азіи“; И. Н. Березинъ напечаталъ II томъ новаго энциклопедическаго словаря и обработывалъ къ печати собраніе избранныхъ текстовъ турецкихъ нарѣчій Туркестана; В. Д. Смирновъ помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія критическій разборъ сочиненія Радлова „Vergleichende Grammatik der nördlichen Türk-Sprachen“ и печаталъ сочиненіе „Крымское ханство подъ

верховенствомъ Оттоманской Порты"; Д. А. Хвольсонъ окончилъ печатаніе русскаго изданія своего сочиненія „Сборникъ еврейскихъ надписей, содержащій надгробныя надписи изъ Крыма и другихъ мѣстъ, равно какъ и образцы шрифтовъ изъ рукописей IX—XV столѣтій"; баронъ В. Р. Розенъ помѣстилъ: въ Oesterreichische Monatsschrift für den Orient—статью о сочиненіи Мюллера „Jbn Abi Usaibie", въ Мемуарахъ Римской академіи dei Lincei—„Remarques sur la collection Marsiglo à Bologne, suivies de la liste complêts des manusrits arabes de la même collection" и напечаталъ: а) вторую половину выпавшаго на его долю тома изданія арабскаго историка Табари и б) „Les manuscrits persans de l' Institut des langues orientales". Приватъ-доценты: А. И. Незеленовъ помѣстилъ въ Историческомъ Вѣстникѣ статью „Скептическо-матеріалистическое направленіе въ литературѣ Екатерининской эпохи" и приготовилъ къ печати „Разборъ сочиненій Тургенева"; В. И. Семевскій помѣстилъ въ журналѣ Русская Мысль двѣ статьи: „Крестьянскій вопросъ въ царствованіи императора Александра I" и „Крестьянскій вопросъ въ царствованіе императора Николая"; І. А. Шеборъ напечаталъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. статью „Критическія замѣчанія въ комедіи Плавта „Mercator"; П. А. Сырку помѣстилъ въ томъ же журналѣ три статьи: „Значеніе румыновѣдѣнія для славянской науки", „Новый взглядъ на жизнь и дѣятельность Григорія Цамблака" и „Замѣтки о болгарской лѣтописи"; Н. А. Гезехусъ помѣстилъ статьи: въ Журналѣ Физико-Химическаго Общества — „Амперометръ, основанный на электротермическомъ явленіи Пельтье" и въ Repertorium der Physik — „О вліяніи свѣта на электропроводность селена"; И. И. Боргманъ напечаталъ въ Журналѣ Физико-Химическаго Общества статью „Объ измѣненіи продолжительности индуктивныхъ токовъ замыканія и размыканія при введеніи въ цѣпь индуктирующаго тока вѣтви съ другаго индукціоннаго катушкою, параллельною дѣйствующей" и редактировалъ физическую часть того же журнала; О. Д. Хвольсонъ напечаталъ: а) книгу „О метрической системѣ единицъ и о введеніи ея въ Россіи", б) Отчетъ о Вѣнской всемірной электрической выставкѣ и в) „О калибрированіи магазиновъ сопротивленій, построенныхъ Сименсомъ"; А. А. Марковъ помѣстилъ въ Запискахъ Харьковскаго математическаго Общества статью „Опредѣленіе нѣкоторой функціи по условію наименѣе отклоняться отъ нуля" и напечаталъ разсужденіе „О нѣкоторыхъ приложеніяхъ алгебраическихъ непрерывныхъ дробей"; И. Л. Пташицкій помѣстилъ въ Сообщеніяхъ Харьковскаго Математическаго

Общества статью „О разложеніи въ рядъ Маклорена нѣкоторыхъ функцій со многими перемѣнными"; Н. Е. Введенскій напечаталъ сочиненіе „Телефоническія изслѣдованія надъ электрическими явленіями въ мышечныхъ и нервныхъ аппаратахъ" и помѣстилъ въ Мемуарахъ академіи наукъ сообщеніе „Telephonische Erscheinungen bei Vagusreizung"; П. И. Броуновъ помѣстилъ въ Запискахъ академіи наукъ и на нѣмецкомъ языкѣ въ Метеорологическомъ Сборникѣ статью „Годовой ходъ отклоненія температуры отъ нормальной въ европейскихъ циклонахъ" и напечаталъ статью „Европейскія бури и предсказанія ихъ"; Н. М. Коркуновъ приготовилъ къ печати статью „Очеркъ теоріи административной юстиціи"; В. В. Ефимовъ напечаталъ изслѣдованіе „Очерки по исторіи древне-римскаго родства и наслѣдованія"; П. И. Георгіевскій напечаталъ: работу „О международной хлѣбной торговлѣ" и докладъ „Объ обезселеніи Франціи" К. Г. Залеманъ печаталъ въ Litteraturblatt für orientalische Philologie замѣтку о книгѣ „Persischen Studien", готовилъ къ печати изданіе персидскаго словаря Мичери-Джемали и окончилъ переводъ Евангелія отъ Марка на казанско-татарское нарѣчіе.

Изъ числа преподавателей С.-Петербургскаго университета читали публичныя лекціи слѣдующіе: профессора: Праховъ — о кіевскихъ древностяхъ X, XI и XII вѣковъ, Бутлеровъ—о пчеловодствѣ, Глазенапъ — о солнцѣ, лунѣ, планетахъ и о перемѣнныхъ и цвѣтовыхъ звѣздахъ; приватъ-доценты: Незеленовъ—о Лермонтовѣ и его поэзіи, Хвольсонъ — о свѣтовыхъ явленіяхъ и Броуновъ — по метеорологіи. Командированы были съ ученою цѣлію: а) за границу: профессора—Васильевскій, Богдановъ, Смирновъ, Менделѣевъ, Мартенсъ, Минаевъ и Хвольсонъ, астрономъ-наблюдатель Тачаловъ и лаборантъ Введенскій; изъ нихъ: Хвольсонъ—для ознакомленія во Франціи и Испаніи съ древне-еврейскими памятниками, найденными въ Палестинѣ, и съ древне-еврейскими документами, Тачаловъ—для ознакомленія съ новѣйшими успѣхами практической астрономіи и инструментальными усовершенствованіями въ обсерваторіяхъ Германіи и Австріи, Введенскій—для окончанія ученыхъ работъ по физіологической химіи и для производства спеціальныхъ работъ въ лабораторіи Страсбургскаго университета; б) внутри Россіи: профессора—Веселовскій, Совѣтовъ, Докучаевъ, Помяловскій, консерваторы кабинетовъ—Никольскій, Венюковъ и Соколовъ и лаборантъ Михайловъ; изъ нихъ: Веселовскій—для разслѣдованія, согласно желанію археологической коммиссіи, Афросіабова городища близъ Самарканда и ближайшихъ его

окрестностей, Докучаевъ—для производства геологическихъ изслѣдованій въ Нижегородской губерніи, Никольскій—для изслѣдованія доселѣ остававшейся неизвѣстною фауны озера Балхаша, Соколовъ—для геологическихъ изслѣдованій въ губерніяхъ Петербургской, Астраханской и Курляндской, Михайловъ—для научныхъ занятій на зоологической станціи въ Севастополѣ.

Къ 1-му января 1884 года въ С.-Петербургскомъ университетѣ состояло 2,246 студентовъ; въ теченіе 1884 года вновь поступило 669, въ тотъ же срокъ выбыло 633 (до окончанія курса 308, по прослушаніи и окончаніи курса 325). Затѣмъ къ началу 1885 года оставалось на лицо 2,282 студента. Они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 263, на физико-математическомъ—1,307, на юридическомъ—96 и на факультетѣ восточныхъ языковъ—76; б) по курсамъ: на I курсѣ—1,094 студента, на II—539, на III—362, на IV—287; в) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—1,533 (67,18%), другихъ христіанскихъ исповѣданій—497 (21,79%), нехристіанъ—252 (11%); г) по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—1,338 (58,64%), духовнаго званія—183 (8,02%), прочихъ сословій—761 (33,34%). Изъ общаго числа студентовъ стипендіями пользовались 419 лицъ, всего на сумму 96,244 руб. 79 коп., въ томъ числѣ: изъ средствъ государственнаго казначейства—67,570 руб. 80 коп., изъ суммъ постороннихъ вѣдомствъ—17,281 руб. 40 коп., изъ процентовъ пожертвованныхъ капиталовъ—11,392 руб. 59 коп. Отъ платы за право слушанія лекцій освобождено: въ первой половинѣ года: отъ полной—436 студентовъ (19%) и отъ половинной 37 (1,6%); во второй половинѣ года: отъ полной платы—388 студентовъ (17%) и отъ половинной—27 (1,2%). Единовременныя пособія выданы были: 20-ти студентамъ—изъ средствъ казны 620 руб., 70-ти—изъ университетскихъ депозитовъ 1,962 руб. 50 коп. и одному лицу—изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 150 руб., итого 91 студенту 2,597 р. 50 к. Сверхъ того, существующее при университетѣ Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ оказывало пособія въ трехъ видахъ: а) во внесеніи платы за слушаніе лекцій, б) въ долгосрочныхъ и в) въ краткосрочныхъ ссудахъ. Въ теченіе года внесена была плата за 201 студента на сумму 3,325 руб.; плата вносилась, по большей части, въ размѣрѣ 25 руб.; иногда же, смотря по надобности просителя и состоянію кассы,—въ количествѣ 10 руб. и 12 руб. 50 коп. На руки въ долгосрочныя ссуды выдано въ теченіе года

646 ссудъ на 7,259 руб. Размѣръ ссудъ въ исключительныхъ случаяхъ доходилъ до 40 руб., но съ другой стороны понижался, при обиліи прошеній и недостаткѣ средствъ, до 4 руб. Кра́ткосрочныхъ ссудъ, подъ залогъ получаемыхъ стипендій, выдано было 81 на 1,867 руб., которыя въ томъ же году были сполна возвращены.

На основаніи университетскаго устава, утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора: магистры: Е. Замысловскій — русской исторіи, А. Козловъ — философіи, Н. Слугиновъ—физики и И. Канонниковъ—химія; б) въ степени магистра, кандидаты: А. Ждановъ—астрономіи и геодезіи, Д. Коноваловъ—химіи, Н. Введенскій—зоологіи, П. Венюковъ, В. Коленко и А. Соколовъ—минералогіи и геогнозіи; в) въ степени кандидата утверждены—202; г) въ званіи дѣйствительнаго студента—82.

Для приготовленія къ профессорскому званію командированы были за границу: магистръ Ждановъ — по астрономіи и магистръ Жуковскій—по персидской словесности; кандидаты: Введенскій—по философіи, Регель—по всеобщей исторіи, Сазоновичъ—по русской словесности, Аршеневскій — по уголовному праву. Изъ числа сихъ лицъ одинъ получалъ содержаніе отъ университета, прочіе же—изъ суммъ центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія. Съ цѣлію приготовленія къ экзамену на степень магистра, оставлено было при университетѣ 40 кандидатовъ (историко-филологическаго факультета—9, физико-математическаго—16, юридическаго—13, факультета восточныхъ языковъ—2). Изъ нихъ 2 пользовались содержаніемъ изъ суммъ центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія, 10 изъ средствъ университета, 6 изъ процентовъ съ пожертвованнаго на этотъ предметъ П. П. Демидовымъ капитала и 22 не пользовались содержаніемъ. Размѣръ годовой стипендіи — 600 руб.

Денежныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи. На содержаніе университета по финансовой смѣтѣ ассигновано было изъ суммъ государственнаго казначейства всего 359.261 руб., въ томъ числѣ: на содержаніе личнаго состава университета 204.482 р., на хозяйственные расходы и на учебныя пособія 81.150 руб., на стипендіи и пособія студентамъ университета 73.689 руб. Платы со студентовъ за право слушанія лекцій осталось отъ 1883 года 23.247 руб. 38½ коп., въ теченіе 1884 года поступило 86.527 руб. 78 коп., въ теченіе года израсходовано 84.358 руб. 34 коп., и затѣмъ къ 1-му января 1885 года имѣлось въ остаткѣ 25.416 руб,

82½ коп. Главнѣйшіе расходы изъ сбора за слушаніе лекцій были слѣдующіе: на вознагражденіе профессоровъ и преподавателей сверхъ штата, а также на вознагражденіе приватъ-доцентовъ за чтеніе лекцій 25.863 руб., на жалованье не преподавателямъ сверхъ штата, на выдачу пособій и тому под. 14.821 руб., на медицинскую часть. освѣщеніе, отопленіе и ремонтъ зданій и другіе расходы 12.525 р., на библіотеку, кабинеты и лабараторіи 10.026 руб., на ученыя путешествія и командировки 6.050 руб.

Составъ и дѣятельность состоящихъ при С.-Петербургскомъ университетѣ ученыхъ обществъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Филологическое Общество составляли предсѣдатель, дѣлопроизводитель и члены—всѣ профессора историко-филологическаго факультета и факультета восточныхъ языковъ и 45 лицъ не принадлежащихъ къ университетскому сословію. Общество имѣло 7 засѣданій, на которыхъ были сдѣланы сообщенія: В. Ламанскимъ — о кипрской хроникѣ Леонтія Махеры, о сочиненіи персидскаго путешественника Nassiri-Khosran „Sefer-Name" и о сербскихъ и хорватскихъ поселеніяхъ въ Италіи; В. Васильевскимъ—о вновь изданныхъ письмахъ Льва Византійскаго и Симеона Болгарскаго; С. Бершадскимъ — о книгѣ Сапунова „Витебская старина", К. Люгебилемъ — о способѣ преподаванія древнихъ языковъ, А. Гаркави — о Новгородскомъ словарѣ XIII вѣка, І. Сениговымъ — о первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода, и другія.

Общество естествоиспытателей. Общее число членовъ Общества въ 1884 году возрасло съ 295 до 317, при чемъ наибольшее число избраній приходится на долю Крымскаго комитета. Общихъ собраній было три, на которыхъ выслушаны были сообщенія: И. Бородина — о новѣйшей теоріи происхожденія и развитія организмовъ нэгели, М. Богданова — объ орнитологическомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ и С. Герценштейна — замѣчанія о фаунѣ Мурманскаго берега. Отдѣленіе ботаники имѣло 7 обыкновенныхъ засѣданій и сверхъ того одно, соединенное съ членами международнаго ботаническаго конгресса; на этихъ засѣданіяхъ, не считая сообщеній посторонниxъ членовъ конгресса, было сдѣлано 15-ю лицами 16 оригинальныхъ сообщеній и 3 реферата. Отдѣленіе зоологіи имѣло 6 засѣданій, на которыхъ 11-ю лицами сдѣлано 14 сообщеній. Наконецъ отдѣленіе геологіи и минералогіи собиралось 6 разъ, при чемъ выслушано 16 сообщеній и одинъ рефератъ. Въ лѣтніе мѣсяцы нѣкоторые члены совершили ученыя экскурсіи, именно: А. Антоновъ —

въ Бѣлозерскій и Тихвинскій уѣзды Новгородской губерніи, А. Никольскій—на озеро Болхашъ, С. Герценштейнъ—на Мурманскій берегъ для изслѣдованія фауны, В. Михайловъ — на Севастопольскую біологическую станцію для изслѣдованія животныхъ пигментовъ, Н. Бородинъ — на Уралъ для опытовъ искусственнаго оплодотворенія осетровыхъ рыбъ, К. Фохтъ — въ Олонецкую губернію въ области развитія порфиритовъ, Левинсонъ-Лессингъ изслѣдовалъ положеніе окрестностей Ялгубы Олонецкой губерніи, Н. Соколовъ изучалъ песчаныя образованія въ степяхъ Астраханской губерніи, В. Полѣновъ изслѣдовалъ кристаллическія породы, развитыя въ дачѣ Нижне-Тагильскихъ заводовъ; В. Амалицкій изслѣдовалъ пестрыя породы и дилювій въ Ардатовскомъ уѣздѣ; Н. Сибирцевъ занимался изученіемъ юрской системы въ Нижегородской губерніи, В. Докучаевъ, въ сотрудничествѣ съ пятью лицами, изслѣдовалъ въ геологическомъ и почвенномъ отношеніи четыре уѣзда Нижегородской губерніи, М. Курилинъ произвелъ въ Павловскѣ пять публичныхъ ботаническихъ экскурсій. Общество выпустило въ свѣтъ 2-й выпускъ XIV тома и 1-й выпускъ XV тома своихъ трудовъ.

Физико-химическое Общество. Въ отдѣленіи химіи бюро составляли: предсѣдатель Общества, дѣлопроизводитель, его товарищъ, казначей и библіотекарь. Число членовъ отдѣленія возрасло до 178. Очередныхъ засѣданій было 9 и въ нихъ заслушано 102 научныхъ сообщенія. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, отдѣленіе постоянно обмѣнивалось корреспонденціями или рефератами съ химическими обществами въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ и съ редакціей Итальянской Химической газеты въ Палермо. Бюро отдѣленія состояло изъ предсѣдателя, дѣлопроизводителя казначея. Число членовъ было 113. Число сообщеній, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ отдѣленія — болѣе 50-ти. Отдѣленіе по прежнему поддерживало сношенія съ иностранными физическими обществами, главнымъ образомъ, а въ 1884 году къ этимъ обществамъ присоединилась Филадельфія академія естественныхъ наукъ. Общество издало въ 1884 г. XVI томъ своего журнала объемомъ въ 112 печатныхъ листовъ. Химическая часть этого тома заключаетъ 60 оригинальныхъ изслѣдованій и многочисленные рефераты, касающіеся успѣховъ всѣхъ отдѣловъ химіи; число оригинальныхъ статей по физикѣ 47.

Юридическое Общество. Бюро Общества составляли предсѣдатель, помощникъ его, казначей и секретарь. Общество раздѣляется

на три отдѣленія: гражданское, уголовное и административное; каждое изъ нихъ имѣетъ своего предсѣдательствующаго. Оно имѣло членовъ: 1 почетнаго, 314 дѣйствительныхъ и 12 членовъ-сотрудниковъ. Въ теченіе года было четыре общихъ собраній Общества, въ томъ числѣ одно годовое. Въ засѣданіяхъ отдѣленій были выслушаны слѣдующіе доклады и сообщенія: В. Люстиха — обезпеченіе судьбы незаконнорожденныхъ дѣтей, К. Арсеньева—о разлученіи супруговъ, А. Казиміра—объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, М. Новосельскаго — о приданомъ, І. Карницкаго — объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по германскимъ законодательствамъ, Н. Сергѣевскаго — о смертной казни и ея формахъ, Н. Муравьева — о задачахъ прокурорскаго надзора, И. Фойницкаго — о вѣдомствѣ присяжныхъ засѣдателей въ отношеніи территоріальномъ, М. Красовскаго—о недостаткахъ нынѣшняго устройства мировыхъ судебныхъ установленій въ отношеніи уголовной юстиціи, К. Анцыферова — по вопросу объ организаціи мировой юстиціи, А. Лихачова — о предпологаемыхъ антропологическою италіанскою школою преобразованіяхъ по уголовному судопроизводству, А. Градовскаго—о порядкѣ выбора гласныхъ отъ сельскихъ избирательныхъ съѣздовъ, К. Арсеньева — о всесословности въ сельскомъ обществѣ и волости, А. Языкова — о преобразованіи волостнаго суда. Сверхъ того, уголовное отдѣленіе приступило къ разсмотрѣнію переданнаго Обществу изъ министерства юстиціи проекта уголовнаго положенія о посягательствахъ противъ личности. Денежныя средства Общества, къ началу 1885 года простирались до 6.329 руб. 95 коп., въ томъ числѣ 800 руб. неприкосновеннаго капитала, образовавшагося изъ единовременныхъ сторублевыхъ взносовъ членовъ Общества.

Н. И. КОСТОМАРОВЪ.

(некрологъ).

7-го апрѣля текущаго года скончался послѣ продолжительной болѣзни одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ историковъ—Николай Ивановичъ Костомаровъ.

Онъ родился 4-го мая 1817 года съ слободѣ Юрасовкѣ, Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи, въ помѣщичьемъ семействѣ. Отецъ его былъ великорусскаго происхожденія, а мать—малороссіанка. Когда мальчику исполнилось десять лѣтъ, отецъ помѣстилъ его въ пансіонъ француза Ге въ Москвѣ; но вскорѣ послѣдовавшая трагическая смерть отца (онъ былъ убитъ своими дворовыми) была причиной, что мать Николая Ивановича перевела сына поближе къ себѣ, въ Воронежъ, въ частный пансіонъ, который содержали два учителя мѣстной гимназіи. Изъ этого пансіона Костомаровъ перешелъ въ самую гимназію, кончилъ въ ней курсъ въ 1833 году и затѣмъ поступилъ въ Харьковскій университетъ по 1-му отдѣленію философскаго факультета, соотвѣтствовавшему нынѣшнему факультету историко-филологическому. Въ немъ Костомаровъ и кончилъ курсъ въ 1836 году дѣйствительнымъ студентомъ, а вслѣдъ затѣмъ пріобрѣлъ по экзамену степень кандидата.

Между профессорами словеснаго отдѣленія, которыхъ Костомарову пришлось слушать въ Харьковѣ, было нѣсколько лицъ замѣчательныхъ—латинистъ Кронебергъ, эллинистъ Валицкій, историкъ Лунинъ. Преподаваніе этого послѣдняго не осталось, по видимому, безъ вліянія на Костомарова. Бывшій питомецъ Дерптскаго профессорскаго института, потомъ довершившій свое ученое образованіе за границей, Лунинъ обладалъ обширными свѣдѣніями и читалъ очень подробный, самостоятельно обработанный курсъ всеобщей исторіи, „Лунинъ",

говоритъ одинъ изъ его позднѣйшихъ слушателей,—„принадлежалъ къ школѣ живописцевъ-историковъ, возникшей подъ вліяніемъ романовъ Вальтеръ-Скотта, котораго онъ называлъ „абботсфордскимъ чародѣемъ“, и котораго, кажется, принималъ за образецъ при изображеніи феодальной жизни и рыцарства—блистательнѣйшія изъ его лекцій, на которыя собирались толпы слушателей. Но крайности школы, представителемъ которой во Франціи былъ баронъ де-Барантъ, Лунинъ умѣлъ избѣжать и являлся столь же искуснымъ прагматикомъ, какъ и живописцемъ. Изложеніе его лекцій было блестящее, языкъ отличался изяществомъ“ [1]). Такой преподаватель естественно долженъ былъ производить сильное впечатлѣніе на своихъ слушателей, и тѣмъ болѣе на Костомарова, который роднился съ нимъ и свойствомъ своихъ собственныхъ дарованій.

Кромѣ того, въ бытность Костомарова въ Харьковскомъ университетѣ, большое значеніе имѣлъ въ мѣстной средѣ еще одинъ изъ его профессоровъ—П. П. Гулакъ-Артемовскій, читавшій русскую исторію. Собственно какъ ученый и преподаватель, онъ былъ не выше посредственности и не умѣлъ заинтересовать слушателей своимъ предметомъ. Но самъ по себѣ онъ былъ человѣкъ очень способный, писалъ стихи русскіе и малороссійскіе и былъ отличный знатокъ малороссійскаго быта. Костомаровъ находился съ нимъ въ ближайшихъ сношеніяхъ, такъ какъ во время студенчества жилъ у него пенсіонеромъ. Слѣдуя его примѣру, Костомаровъ сталъ также писать стихи на малороссійскомъ языкѣ и въ то же время сталъ заниматься изученіемъ народной словесности и вообще малороссійской этнографіи.

По выходѣ изъ университета Костомаровъ поступилъ было въ военную службу, но очень скоро покинулъ ее и поселился въ Харьковѣ съ цѣлью готовиться къ магистерскому экзамену. Сперва, вѣроятно, подъ вліяніемъ изученія произведеній народнаго творчества, онъ думалъ избрать предметомъ своихъ спеціальныхъ занятій русскую словесность, но потомъ обратился къ отечественной исторіи,

Въ то время въ нашей литературѣ начинало обнаруживаться стремленіе разработывать не только исторію государства, но и исторію внутренней народной жизни. Сдѣланная въ этомъ смыслѣ попытка Полеваго хотя и была не удачна, но для науки не прошла безслѣдно:

---

[1]) *М. Де-Пуле*, Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій—*Вѣстникъ Европы* 1874 г., январь, стр. 88—89.

она пробудила новые научные интересы. Какъ Полевой ссылался въ своихъ трудахъ на примѣръ французскихъ историковъ, образовавшихся подъ вліяніемъ романовъ В. Скотта, такъ и профессоръ Лунинъ указывалъ на то, что великій англійскій романистъ далъ новое направленіе историческому изслѣдованію. Направленіе это заключалось въ разработкѣ идеи народности, въ ученіи о преобладающемъ значеніи племенныхъ расъ въ историческомъ развитіи. Въ разныхъ славянскихъ литературахъ эти идеи нашли себѣ особенное сочувствіе. Не чужды имъ были и тѣ наблюдатели народнаго быта, которые явились въ то время въ разныхъ концахъ Россіи, между прочимъ и въ Малороссіи. Вліяніе этихъ идей сказалось уже на первыхъ произведеніяхъ Костомарова; руководимый ими, онъ избралъ предметомъ для своей магистерской диссертаціи историческое событіе, имѣвшее огромное значеніе не только въ его внѣшней судьбѣ, но и во внутренней жизни южно- и западно-русскаго народа и отразившееся въ его устной словесности. Молодой магистрандъ написалъ книгу „О причинахъ и характерѣ уніи въ западной Россіи". Диссертація была уже напечатана, но защищеніе на публичномъ диспутѣ было признано не удобнымъ. Костомарову было однако разрѣшено представить другую диссертацію, и темой для нея онъ избралъ также вопросъ, тѣсно связанный съ идеей народности. Это было замѣчательное изслѣдованіе—„Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи", мало оцѣненное по своимъ достоинствамъ во время своего появленія, но и донынѣ не потерявшее цѣны, не смотря на огромные успѣхи, сдѣланные наукой въ изученіи народнаго творчества. Магистерскій диспутъ Костомарова состоялся 12-го января 1844 года.

Трудъ этотъ открылъ Костомарову путь къ ученой службѣ: въ 1845 г. онъ поступилъ учителемъ исторіи въ Ровенскую гимназію, вслѣдъ затѣмъ перешелъ на такую же должность въ Кіевъ, а въ 1846 г. утвержденъ былъ адъюнктъ-профессоромъ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра. Однако преподаваніе его здѣсь было непродолжительно; памятникомъ его осталась только небольшая книжка о славянской миѳологіи, составленная изъ читанныхъ имъ лекцій и вышедшая въ 1847 году. Въ томъ же году онъ подвергся аресту по по обвиненію въ намѣреніи составить украино-славянское общество; это обстоятельство прервало преподавательскую дѣятельность Костомарова, который былъ перемѣщенъ на службу по гражданскому вѣдомству въ Саратовъ, гдѣ и прожилъ около девяти лѣтъ. Здѣсь онъ занимался по статистическому комитету и въ то же время продожалъ

свои занятія по части исторіи и этнографіи. Собранныя имъ въ это время русскія народныя пѣсни были впослѣдствіи напечатаны въ изданіи Н. С. Тихонравова: Лѣтописи русской литературы и древности. Въ кругу историческихъ занятій Костомаровъ останавливался преимущественно на судьбахъ южной Руси и казачества. Плодомъ этихъ работъ была обширная монографія о Богданѣ Хмельницкомъ, которая появилась въ печати въ 1857 году и сразу доставила автору громкую извѣстность. Въ томъ же году Костомаровъ получилъ возможность съѣздить за границу, гдѣ провелъ восемь мѣсяцевъ, а затѣмъ опять возвратился въ Саратовъ и занялъ здѣсь должность дѣлопроизводителя въ мѣстномъ комитетѣ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ 1859 году С.-Петербургскій университетъ избралъ Николая Ивановича на каѳедру русской исторіи. Вслѣдъ затѣмъ съ Костомарова, уже переселившагося въ Петербургъ, Высочайшею волею снято было запрещеніе служить по ученой части, и въ ноябрѣ 1859 года Николай Ивановичъ открылъ первый свой курсъ. Его вступительная лекція, посвященная развитію идеи о народной исторіи, произвела сильное впечатлѣніе на слушателей; чрезвычайный успѣхъ его поддерживался и дальнѣйшими чтеніями, на которыя собирались не только студенты университета, но и большое число постороннихъ лицъ. Первый курсъ, читанный Костомаровымъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, былъ посвященъ сперва обзору источниковъ древняго періода русской исторіи, а затѣмъ—очерку древней исторіи южной Руси; въ теченіе втораго курса профессоръ излагалъ исторію Новгорода и Пскова. Оригинальная постановка многихъ основныхъ историческихъ вопросовъ, живость и увлекательность изложенія составляли отличительныя черты его преподаванія и много содѣйствовали возбужденію интереса къ русской исторіи въ молодомъ поколѣніи.

Но и этотъ второй періодъ профессорской дѣятельности Костомарова продолжался недолго—только до мая 1862 года. Послѣ того онъ сосредоточился вполнѣ на учено-литературныхъ трудахъ и издалъ длинный рядъ ихъ. Въ числѣ ихъ были, какъ отдѣльныя статьи и замѣтки по разнымъ вопросамъ русской исторіи, такъ и большія монографіи. Въ основу нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ легли его чтенія въ С.-Петербургскомъ университетѣ; таковы: „Лекціи по русской исторіи: обзоръ источниковъ", „Черты изъ южно-русской исторіи", „Сѣверно-русскія народоправства"; другіе же труды составляли продолженіе прежнихъ работъ Костомарова по исторіи южной Руси или касались такихъ періодовъ прошлаго, когда

русскій народъ приходилъ въ ближайшее соприкосновеніе и вступилъ въ борьбу съ поляками; таковы: „Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII вѣка“, „Руина“, „Мазепа“, „Мазепинцы“, „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ и пр. Не поименовывая здѣсь всѣхъ многочисленныхъ сочиненій Костомарова, замѣтимъ только, что особенно богатый вкладъ въ исторіографію составляютъ его изслѣдованія и монографіи о судьбахъ южной Руси въ періодъ казачества. Этимъ временемъ Костомаровъ занимался съ особенною любовью, для уразумѣнія его произвелъ много архивныхъ разысканій и разъяснилъ въ немъ много темныхъ эпизодовъ и подробностей, облекая притомъ разказъ свой въ живую, занимательную и общедоступную форму. Въ послѣдніе годы жизни Костомаровъ занимался также переработкой своей диссертаціи объ историческомъ значеніи народной поэзіи, ограничивъ притомъ ея содержаніе одною южнорусскою народною словесностью и значительно дополнивъ свой прежній трудъ по новымъ матеріаламъ.

Кромѣ этихъ главныхъ своихъ сочиненій, Костомаровъ издалъ еще, въ нѣсколькихъ выпускахъ, „Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“ и разные другіе этюды по исторіи московскаго и петербургскаго періодовъ. Большая часть его сочиненій собрана въ 15 томахъ „Изслѣдованій и монографій“. Кромѣ того, по званію члена археографической коммиссіи, онъ редактировалъ одиннадцать томовъ „Актовъ южной и западной Россіи“. Наконецъ, ему же принадлежатъ и нѣсколько историческихъ повѣстей изъ быта старинной Руси.

Многообразная ученая и литературная дѣятельность даровитаго и трудолюбиваго историка неоднократно была обсуждаема съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣній. Уже по этому самому можно сказать, что окончательный безпристрастный приговоръ произнесетъ о ней только будущее. Но несомнѣнно, навсегда въ русской исторической литературѣ останется имя Костомарова, какъ блестящаго историка-живописца и повѣствователя, умѣвшаго яркими и художественными чертами изображать движенія народной жизни и мастерски рисовать историческія лица.

Это первое. Вовторыхъ же, каждый съ нами согласится, что епизодическая композиція была въ высшей степени драматичною, епирремагическая же, разбивавшая дѣйствіе на параллельныя сцены,— въ высшей степени недраматичною композиціей. Отсюда понятно, почему трагедія, будучи драматичною, воспользовалась первою, комедія, будучи не драматичною—сравнимъ сказанное нами въ нашей статьѣ „о синтагмахъ", стр. 9 сл.—послѣднею. Но недраматичною была одна только іонійская комедія; миѳологическая комедія, пародируя трагедію, должна была быть одною съ нею композиція; бытовая комедія, подобно позднѣйшей, такъ-называемой новой комедіи Менандра, однимъ только драматизмомъ и брала. Поэтому мы видимъ, что самая не драматичная комедія Аристофана „Ирена" вся состоитъ изъ однихъ только сизигій, и что, напротивъ, самая драматичная, „Лизистрата", за исключеніемъ трехъ обязательныхъ сизигій, состояла изъ однихъ только епизодій. Поэтому мы пріурочиваемъ епизодическую композицію также и къ дорійской комедіи.

„А епирремагическую іонійской трагедіи?" спросятъ насъ. Мы, дѣйствительно, того мнѣнія. О трагедіяхъ Фриниха—а о немъ только можетъ быть рѣчь—мы вообще знаемъ весьма мало, но между прочимъ знаемъ, что въ одной изъ нихъ, въ „Финикіанкахъ", дѣйствовало два хора, хоръ финикіанокъ и хоръ σύνθωκοι. Это прямо напоминаетъ намъ іонійскую комедію—„Лизистрату", „Каллигенію" и т. п. Мы видѣли въ гл. XVII-й, что двойственность хора была настоящею причиной епирремагической композиціи.

Втретьихъ, мы должны напомнить читателю сказанное нами на стр. 27: „Если при разборѣ, какъ трагедій, такъ и комедій, окажется, что трагедія, будучи вообще составлена на схему епизодической композиціи, заимствовала и форму композиціи епирремагической, и точно также комедія, будучи вообще составлена на схему епирремагической композиціи, заимствовала и форму композиціи епизодической, то будетъ доказано, что различіе обѣихъ композицій не имѣетъ ничего общаго съ различіемъ трагедій и комедій, а что оно находится въ тѣсной зависимости отъ болѣе общаго различія между доризмомъ и іонизмомъ". Разборъ комедій и трагедій далъ ожидаемый результатъ; поэтому мы остаемся при нашемъ выводѣ.

Конечно, можно возразить: дѣло объясняется гораздо проще, трагедія заимствовала отчасти свою композицію у комедіи, и на оборотъ. Но намъ кажется, что при полной отчужденности комедіи отъ тра-

15

гедіи это является, если не невозможнымъ, то по крайней мѣрѣ, весьма невѣроятнымъ.

Наше предположеніе, напротивъ, имѣетъ всѣ шансы вѣроятности. Мы видѣли, что тѣ же поэты писали и дорійскія, и іонійскія комедіи; мало того, нерѣдко даже комедіи, принадлежащія іонійскому стилю, заимствовали нѣкоторыя особенности дорійскаго (такъ и въ сказочной комедіи „Птицы" мы встрѣчаемъ голоднаго Геркулеса) и на оборотъ (такъ во многихъ комедіяхъ дорійскаго стиля встрѣчаются разные политическіе намеки, составляющіе, обыкновенно, особенность тенденціозной комедіи). А если оба стиля заимствовали другъ у друга содержаніе, то нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что они и въ формальномъ отношеніи находились въ нѣкоторой зависимости другъ отъ друга. Что это могло случиться, можетъ отрицать только тотъ, кто никогда не видалъ Пропилей.

Ѳ. Зѣлинскій.

DE LIVI ANDRONICI ET CN. NAEVI FABULIS.

L. S.

Livii ac Naevii carminum epicorum pariter atque Ennii librorum reliquiae cum nuper essent editae a nobis, haud absurdum visum est illorum, ut antiquissimorum graecanicae artis inter Romanos auctorum, etiam scaenica retractari scripta. Quod consilium eo magis probatum iri doctis confidimus, quod O. Ribbeckius in hac potissimum parte sylloges, qua fabularum latinarum praeter Plautum et Terentium ac Senecam complexus est fragmenta, non ea est versatus cura, quam exigebat rei ut difficultas ita gravitas. Atque id vel maxime ad numeros pertinet, qui quamquam minime sunt saturnii, tam duri interdum apud eum sunt et inconcinni, ut haud dissimiles sint

versibu' quos olim Faunei vatesque canebant.

Addita sunt Livii ac Naevii verbis testimonia scriptorum, qui eis utuntur, nec non commentarius, quo et lectionis varietas quae dicitur notaretur et quae ad illustranda ac disponenda fragmenta pertinere existimarem afferrentur.

Atque critica eadem plane ratione ac via instituta, quam in Ennii Luciliique scriptorum reliquiis tractandis tenuimus. — Veluti orthographiam secuti sumus non cascam illam qua saec. a. Chr. n. III homines Romani usi (nam tali pacto scribi debuit ut puta mastigoporus, Aigistus, Lucurgus, comotria, corolaria, Tarentila), sed eam fere, quae Augusti et successorum eius tempore obtinuit, quo quidem maxime excultam fuisse constat linguam latinam. Archaismi igitur in hac parte ibi tantum a nobis admissi, ubi certis sive auctorum veterum sive codicum firmarentur testimoniis. Sed his dum utimur, semper ca-

vendum, ne medii aevi barbariem cum antiquissima sermonis latini confundamus memoria. Velut quod apud Keilium gr. lat. IV, 559 legitur comoediae Naevianae titulus clamidaria, non chlamydaria, quis ignorat a monachis innumeris locis pro *y* repositam *i*, *h* autem modo additam, ubi non oportebat, modo subtractam? Itaque in his ut in aliis pluribus multum a Ribbeckii exemplo discessimus.

Praeterea propter metricas rationes ubi oportebat et *s* finale subtractum a nobis neglecta librorum scriptura et *est* orbatum littera initiali.

Ex libris scriptis Nonii grammatici, cuius opera maior pars Livii et Naevii fragmentorum est servata, tres potissimum a nobis sunt adhibiti, Lugdunensis prior (L), Harleianus (H), Guelferbitanus (G). Nota quae est M nostrae significantur coniecturae.—Ceterum in varietate lectionis, quae dicitur, adferenda minora quaedam ac leviora sunt omissa. In Nonio usi sumus paginis editionis Mercerianae, in Festo vel Paulo Muellerianae, in reliquis grammaticis Putschianae. Etiam Muelleri in Varrone appositae paragraphi. Novae latinitatis thesaurus auctorum classicorum ab A. Maio ex codicibus Vaticanis editorum octava continetur parte.

Omissa quaedam a nobis, interpositis significatur lineolis, at librariorum neglegentia hausta vel utique supplenda, punctis; quae ubi versibus sunt addita, singulis semipedes singuli indicantur.

LIVII ANDRONICI.

Tragoediae.

I. Achilles.

ní malos imitábo, tum tu prétium pro noxá dabis.

II.

cf. inc. fab. frgm. VI.

II. Aiax mastigophorus.

I.

virtúti laus praestátur, set multo ócius
senió tabescit quám gelu.

II.

mirúm videtur, quód sit factum iám diu?

III.

scholion adscr. ad Plauti captiv. III, 4, 82 'hortamenta absunt. Aiacem, hunc quom vides, ipsum vides' hortamenta flagella quibus aurigae utuntur, cum equos hortantur. Aiax mastigophorus.

III. Equus troianus.

dá mihí hásce opés, quás petó, quás precór,
pórrigé, ópitulá!

IV. Aegisthus.

I.

iamne óculos specie laétavere optábili?

II.

nam ut Pérgama
accénsa et praeda pér participes aéquiter
partitast.

III.

tum autém lascivum Nérei simúm pecus
ludéns ad cantum clássum lustratur vias.

IV.

nemo haéce vostrum rúminetur múlieri!

V.

sollémnitusque deó dicat laudés lubens.

VI.

in sedes cónlocat se régias,
Clyteméstra iuxtim; tértias natae óccupant.

VII.

ipsús se in terram saúcius fligit cadens.

VIII.

quin, quód parere méa vos maiestás procat,
tolerátis animis témploque hanc dedúcitis?

IX.

cf. et inc. fab. frgm. VIII.

V. Hermiona.

óbsecra tu, Anchíale, matri néquid tuae advorsús fuat.

VI. Andromeda.

cónfluges ubí conventu cámpum totum inúmigant.

[VII. Danae].

versus qui ap. Non. 473, 31 s. v. minitas legitur Livii Danaae adscriptus, a nobis Naevii reliquiis additus (frgm. IX).

VIII. Ino.

Terent. Maur. 1931 sqq.:

Livius ille vetus Graio cognomine suae
inserit Inoni versus puto tale docimen.
praemisso heroo subiungit namque miuron,
hymnum quando chorus festo canit ore Triviae:
'set iam purpureo suras include cothurno,
balteus et revocet volucres in pectore sinus,
pressaque iam gravida crepitent tibi terga pharetra,
derige odorisequos ad certa cubilia canes.'

IX. Tereus.

I.

raréntor venio.

II.

égo puerulum ínterea ancillae súbdam lactentém meae,
né fame perbítat.

III.

crédito,
cum íllo Philomela éx voluntate númquam limavít caput.

IV.

nímí' pol inprudénter servos praéstolaras.

Ex incertis fabulis.

I.

Varro d. l. lat. VII, 3 nec mirum quom non modo Epimenides—sed etiam Teucer Livii post annos XV (XII cd. Florentinus) ab suis qui sit ignoretur.

II.

sed qui sunt hí qui ascendunt áltum ocrim?

III.

namque Taénari celsós ocris.

IV.

haut út quem Chiro in Pélio docuít ocri.

V.

quinquértionem praéco in medium próvocat.

VI.

florem ánculabant Líberi ex carchésiis.

VII.

quó Castalia pér struices sáxeas lapsu áccidit.

VIII.

púeri, quem ego nefréndem olim alui, lácteam immulgéns opem?

IX.

múlier, quisquis és, te volumus.

Comoediae.

I. Gladiolus.

púlicesne an címices an pédes? respondé mihi.

II. Ludius.

córruit quasi íctus scena taúrus, haut multó secus.

[III. Virgo].

conf. Naev. Lycurg. III.

Falso adscripta.

lepu' tútes et pulméntum quaeris?

CN. NAEVI.

Tragoediae.

I. Iphigenia.

pásso velo vícinum aquiloni hánc in portum fér foras.

II. Hector proficiscens.

I.

laétus sum laudári me abs te, páter, a laudató viro.

II.

túnc ipsos adóriam, nequi hinc Spártam referat núntium.

III. Equus troianus.

I.

sí sciens falló.

II.

numquam hódie effugies quín mea moriarís manu.

III.

sero sapiunt.

IV. Hesiona.

né mihi gerere mórem videar língua, verum língula.

V. Danae.

I.

contémpla placide fórmam et faciem vírginis.

II.

desúbito famam tóllunt, siquam sólam videre ín via.

III.

eam núnc probris scis ésse inventam cónpotem?

IV.

quín ut quisquest méritus, praesens prétium pro noxá ferat.

V.

éxcidit orátionis ómnis confidéntia.

VI.

auri vívo fonte lávere me meminí manum.

VII.

quam quondam fúlmine icit Iúppiter.

VIII.

mánubias suppétias prome!

IX.

etiam mínitas? mitte ea, quaé mea sunt magi' quám tua.

X.

indigne éxigor patria ínnocens.

XI.

suo sónitu claro fúlgorivit Iúppiter.

XII.

omnés formidant hómines eius valéntiam.

VI. Lycurgus.

I.

tuós qui celsos términos tutánt..

II.

líberi,
quacúmque incedunt, ómnis arvas ópterunt.

III.

ornaménto incedunt gnóbilei.

IV.

alté iubatos ángues inlaesáe gerunt.

V.

suavisonúm melos.

VI.

vos, quí regalis córporis custódias
agitátis, ite actútum in frundiferós locos,
ingénio arbusta ut náta sunt, non óbsitu.

VII.

dúcite
eó cum argutis línguis mutas quádrupedes.

VIII.

alís in alios sáltus illicite ílico,
ubi bípedes volucres líno linquont lúmina.

IX.

laté longeque Thráces nostros férvere.

X.

pérgite,
thyrsígerae Bacchae cómmodo cum schémate.

XI.

ut ín venatu vítulantis éx suis
lucís nos mittat poénis laceratós feris.

XII.

ígnoteis iterís sumu'. tute scís?

XIII.

sine férro, manibus, pécua ut, ad mortém meant.

XIV.

díc quo pacto eúm potiti sítis, pugnan án dolis?

XV.

námque ludere út laetantis ínter sese vídimus
própter amnem, aquám creterris súmere ex fonte...

XVI.

pállis patagiís crocotis málacis mortuálibus.

XVII.

.....risi egomet cássabundum íre ébrium.

XVIII.

diabathra in pedibús habebat, érat amictus épicroco.

XIX.

cáve sis tuam conténdas iram cóntra cum ira Líberi.

XX.

ne ille mei ferét ingenui aeque ánimi acrem acrimóniam!

XXI.

síc quasi amnis cíta ruit, sed támen in fluxu fléctitur.

XXII.

óderunt di hominés iniuros.—égone an ille iniúre facimus?

XXIII.

vós, qui astatis óbstinati.

XXIV.

...ut vídeam Vulcani ópera haec flammis fíeri flora.

XXV.

iam sólis aestu cándor cum liquésceret.

XXVI.

iam víres duplicat flámmae advenientís timos.

XXVII.

proinde húc Dryante régem prognatúm patre
Lycúrgum cette!

XXVIII. XXIX.

praeterea v. inc. fab. II; III.

Fabulae praetextatae.

I. Romulus.

(Alimonium Romuli et Remi.)

I.

Donat. in Ter. ad. IV, 1, 21 nam falsum est quod dicitur intervenisse lupam Naevianae fabulae alimonio Remi et Romuli, dum in theatro ageretur.

II.

Varro VII, 54 quae in Romulo Naevius appellat 'casca' (casca Hermannus, asta cd. Florent.), ab Oscis.

III.

Varro VII, 107 apud Naevium — in Romulo consponsus (ita Neukirchius coll. VI, 70; sponsus v.), contra sponsum rogatus.

II. Clastidium.

I.

Varro VII, 107 apud Naevium in Clastidio: vitulantes; a Vitula.

II.

vita ínsepulta laétus in patriám redux.

Ex incertis fabulis.

I.

dubií faventem pér fretum introcúrrimus.

II.

vos, quís adcolitis Hístrum fluvium atque álgidam.

III.

quam númquam vobis Gráis atque bárbaris.

IV.

odí summussos. proínde aperte díce, quid sit quód times.

V.

..male parta mále dilabuntúr..

VI.

trionum hic ést moderator rústicus.

VII.

in móntes, ubi se vénti frangebánt loci.

VIII.

struíx malorum.

Comoediae.

I. Acontizomenos.

I.

acóntizomenos fábulast primé proba.

II.

huius aútem gnatus dícitur geminum álterum
falso óccidisse.

III.

noctu ínterfecit.

II. Agitatoria.

I.

quasi dédita opera quae égo volo ea tu nón vis, quae ego
nolo éa cupis.

II.

'áge ne tibi med ádvorsari dícas, hunc unúm diem
dómi meae servós sinam ego illos ésse'.—'tax pax'.—'póstea
cúrrenteis ego íllos vendam, nísi tu pretio víceris'.

III.

........ego semper plúri' feci
potióremque habui líbertatem múlto quam pecúniam.

IV.

nimió plus arte cólligor. cur re ínquaesita cólligor?

V.

secu' si úmquam quicquam féci, carnificém cedo!

VI.

'eho,
an vícimus?'—'vicístis'.—'volop est. quó modo?'—'dicám tibi'.

VII.

Charis. 204 atque pro et—Cn. Naevius in agitatoria; sed et in Tarentilla.

III. Agrypnuntes.

I.

siquidem vís loqui,
non pérdocere, núlla longe prómicanda orátiost.

II.

nam in scaénam vos noctúrnos coepit praédatores tóllere.

IV. Apella.

I.

cui caépe edundod óculus alter prófluit.

II.

út illum di perdánt, qui primus hólitor caepam prótulit!

V. Ariolus.

I.

sicuti de Naevio quoque accepimus, fabulas eum in carcere duas scripsisse, ariolum et Leontem — unde post a tribunis plebis exemptus est, cum in his quas supra dixi fabulis delicta sua et petulantias dictorum, quibus multos ante laeserat, diluisset.

II.

deprándi utei leóni si obdas óreas.

III.

quis here ápud te?' — 'Praenestíni et Lanvini hóspites.' —
'suópte utrosque décuit acceptós cibo,
altrís inanem vúlvulam madidám dari,
altrís nuces in prólubium profúndier'.

VI. Astrologa.

hác tibí próspica, hác déspicá...

VII. Carbonaria.

tíbi servi multi ápud mensam astant: ílle ipse astat,
quándo edit.

VIII. Chlamydaria.

néque ammodum a puerís abscessit néque ammodum
adulescéntulust.

IX. Colax.

I.

quid décimas partes? quántum mi alieni fuit,
pollúxi tibi iam públicando épulo Hérculis
[decimas].

II.

ét volo et vereór et facere in prólubiost.

III.

ubi vídi exanimabíliter timidus pédibus protinam mé dedi.

IV.

et me ásseri
laudés ago, cum vótis multastí meis,
quod praéter quam vellem aúdebam, hoc mi
ultro annuis.

V.

cf. inc. fab. XVIII.

X. Commotria.

Varro VII, 54 in Menaechmis 'inter ancillas sedere iubeas, lanam carere;' idem hoc est verbum in Commotria (ita Turnebus, Cosmetria Bothius, cemetria Florent.) Naevii.

XI. Corollaria.

I.

ultró meretur,
quam óbrem ametur: íta dapsiliter suós amicos álit
et auget.

II.

nólo ego
hanc ádeo efflictim amáre, diu vivát volo,
ut míhi prodesse póssit.

III.

....útinam nasum ábstulisset mórdicus!

IV.

númne nunc vis té moneam unum, sí videtur, quíppiam?

V.

ŝt, tace, cave vérbum faxis!

VI.

nímis homo formídulosust.

VII.

......'quid 'salve'? áttattattat áttatae'.—
'rivális, salve! quíd istuc vero te ádvertisti tám cito?

VIII.

haec démolite.

IX.

Varro VII, 60 (Plautus) in mercatore: 'non tibi istuc magi' dividiaest quam mi hodie fuit'. hoc itidem in corollaria Naevius. dividia ab dividendo dicta, quod divisio distractio est doloris.

X.

Charis. 177 confestim—Naevius in Tarentilla et in corollaria.

XI.

Charis. 213 'trit' Naevius in corollaria. significat autem, ut ait Plautus in quadam (Curcul. II, 3, 16), crepitum polentarium, id est peditum.

[XII.]

[dívidiae mihí fuerunt tám desiduo afuísse te.]

XII. Dementes.

animaé pauxillulum ín med abitat...

XIII. Demetrius.

Varro VII, 107 apud Naevium — in Demetrio persibum (ita M, persibus v.) a 'perite'. itaque sub hoc glosema 'callide' subscribunt.

[XIV. Diobolaria].

[myropola áffatim
mi únguentum largítus est, quo mé venustarém..]

XV. Dolus.

Varro VII, 107 Naevius — in Dolo 'caperrata fronte', a caprae fronte.

XVI. Figulus.

Charisius 186 nimis. Naevius — in Figulo 'nimis avarus' (ut puto nimis avaru's).

XVII. Fretum.

equidem hércle opinor praéficast; nam mórtuum
collaúdat.

XVIII. Glaucoma.

quód de obsonió stilo mihi in manum pupugit meam.

XIX. Gymnasticus.

I.

áge utrumst melius: vírginemne an víduam uxorem
dúcere?—
virginem, si mústast.

II.

edepól, Cupido, cúm tam sis pausíllus, nimi'
multúm vales.

III.

hómines, pecua béluasque.

IV.

sáxa silvas lápides montes díssicis, dispúlveras.

V.

pol haút parasitorum áliorum hic simil ést homo.

VI.

in álto navem déstitui iubet áncheris.

VII.

át enim tu nimís spisse atque tárde incedis...

VIII.

atqui meís bonis
ómnibus ego te hérem faciam.

XX. Lampadio.

Varro VII, 107 apud Naevium in Lampadione 'protinam' a 'protinus', continuitatem significans. — cf. et Ribbeck. adnot. ad inc. inc. pall. com. auct. rel. LXXIX.

XXI. Leo.

cf. ariol. I.

[XXII. Lydus].

cf. inc. fáb. XIII.

XXIII. Nagido.

Varro VII, 107 apud Naevium — in Nagidone: clucidatus (ita Scaliger, caudacus cd. Florentin.), suavis, tametsi a magistris accepimus: mansuetum.

[XXIV. Nautae].

Fest. 310 et in nautis (Naevius) [vocat Neptuno v]estem consec [ratam supparum].

XXV. Nervularia.

.praecisum omásum pernam cállum gliris glándia.

XXVI. Pellex.

desím socru tuo, frátri patruelí meo?

XXVII. Personata.

Festus p. 217 personata fabula quaedam Naevi 'inscribitur, quam putant quidam primam (primum v.) actam a personatis histrionibus. sed cum post multos annos comoedi et tragoedi personis uti coeperint, veri similius est eam fabulam propter inopiam comoedorum actam novam per Atellanos, qui proprie vocantur personati, quia ius est eis non cogi in scena ponere personam, quod ceteris histrionibus pati necesse est.

[XXVIII. Philemporos].

[sculpóneis batuénda huic latera súnt probo.]

XXIX. Proiectus.

populús patit:
tú non patias?

II.

'quid moras?' — 'quid imperas?'

XXX. Quadrigemini.

suo labóri is nullus párcuit.

XXXI. Stalagmus.

nisi iám deo meo própitio meus ést homo.

XXXII. Stigmatia.

Varro VII, 107 apud Naevium — in stigmatia: praebia a praebendo (ita v., proebia vel proebra a prohibendo Scaliger), ut sit tutus, quod sint remedia in collo pueris.

XXXIII. Tabellaria.

1.

quí habet uxorém sine dote, pánnum positum in
púrpurast.

II.

dótem ad nos nullam áttulas.

XXXIV. Tarentilla.

I.

quae ego in theatro hic meís probavi plaúsibus,
ea núnc audere quémquam regem rúmpere?
quantó libertatem hánc hic superat sérvitus!

II.

quási pila ludéns datatim dát se et communém facit.
álii adnutat, álii adnictat, álium amat, aliúm tenet.
álibi manus est óccupata, álium percellít pede,

ánulum álii dat spectandum, sáviis alium invocat,
cum álio cantat, át tamen alii dúcit digito lítteras.

III.

oleil iamne audént mecum unad ápparere?...

IV.

facéte et defricáte.

V.

útrubi cenatúris estis, hícine an in triclínio?

VI.

attáttatae,
cáve cadas, amábo.

VII.

vereor sério.

VIII.

quá pro confidéntiá
rúsus verbum cúm eo facerem?

IX.

ubi isti dúo adulescentés habent,
qui hic árte parta pátria peregre pródigunt?

X.

sálvi et fortunáti sitis dúo duum nostrúm patres!

XI.

prímum ad virtutem út redeatis, ábeatis ab ignávia,
dómi patres patriam út colatis pótius quam peregrí probra.

XII.

númquam quisquam amíco amanti amíca nimi' siét fidelis,
néc nimis siét morigera nóto quisquam!

XIII.

Varro d. l. l. VII, 108 apud Naevium — in Tarentilla 'pellucidum' (ita O. Ribbeckius, pacuidum cd. Florent.), ab luce, illustre.

XIV.

confestim; cf. coroll. X.

XV.

atque; cf. agitator. VII.

XXXIV. Technicus.

Varro d. l. l. VII, 108 apud Naevium — in technico 'confictant'; conficto a confingere (ita O. Ribbeckius, a conficto convenire cdd.) dictum.

XXXVI. Testicularia.

ímmo quos scicidimus concidam átque abiciam.

XXXVII. Triphallus.

I.

sin úmquam quicquam fílium rescívero
argéntum amoris caúsa sumpse mútuum;
extémpulo illo té ducam, ubi non déspuas.

II.

deos quaéso ut adimant ét patrem et matrém meos.

XXXVIII. Tunicularia.

I.

Theódotum appelles, qui áris compitálibus
sedéns in cella círcumtectus tégetibus
larés ludentis péni pinxit búbulo.

II.

éxbolas quassánt.

III.

eius nóctem nauco dúcere.

Ex incertis fabulis.

I.

patí necessest múlta mortalés mala.

II.

non hércle apludast hódie quam tu néquior.

III.

circúmvenire video ferme iniúria.

IV.

ingúrgitavit úsque ad imum gútturem.

V.

an nátast sponsa praégnas? vel ai vél nega.

VI.

eu méa puella! e spe équidem id successit tibi.

VII.

etiám qui res magnás manu per géssit glorióse,
cuius fácta viva núnc vigent, qui apud géntes solu' praéstat,
eum suús pater cum pállio ab amíca abduxit úno.

VIII.

dictátor ubi currum ínsidet, pervéhitur usque ad óppidum.

IX.

tantum íbi molae crepitúm faciebant, tíntinneibant cóm-
pedes.

X.

mare ínterbibere.

XI.

vagus ést et lustro.

XII.

líbera linguá loquemur lúdis Liberálibus.

XIII.

'cédo rem publicám qui vestram tántam amistis tám cito?'—
'próveniebant óratores nóvei, stulti adulescéntuli'.

XIV.

néminem vidí qui numero sciret, qum scitóst opus.

XV.

'péssimorum péssime, audax!'—'gáneo, lustro, áleo!'

XVI.

'quid si taceat?' — 'dúm eum videat, tám sciat quid scriptúm siet'.

XVII.

sónticam esse opórtet causam, quam ób rem perdas múlierem.

XVIII.

vérum scapulae plús an collus hábeat calli, néscio.

XIX.

et qui fuerit persivus carpenti adstratio.

XX.

cócus edit Neptúnum Venerem Cérerem.

XXI.

mérùla sanderácinod ore.

XXII.

Fronto ep. ad M. Caesarem II, 10 (pg. 27 ed. Naber.) haec enim olim incommoda (assentatio et perfidia) regibus solis fieri solebant; at enim nunc adfatim sunt qui et regum filiis, ut Naevius ait,

linguis faveant adque adnutent et subserviant.

XXIII.

Fronto epist. ad M. Caesarem II, 2 (pg. 27 ed. Naber.) sed istae litterae ad me tuae — non satis proloqui possum ut animum meum gaudio in altum sustulerint, desiderio flagrantissimo incitaverint. postremo, quod ait Naevius,

ánimum amore cápitali conpléverunt.

XXIV.

depúvit me miseram ád necem.

XXV.

petimine pórcino qui méruerat.

XXVI.

bibit ámphora.

XXVII.

nunc prímulum
amásco.

XXVIII.

Varro VI, 70 qui idem ut faciat obligatur sponsu, consponsus. hoc Naevius significat cum ait: consponsi.

XXIX.

obsequium Plautum et Naevium prius dixisse quam Terentium testatur Donatus ad Andr. I, 1, 41.

XXX.

Fest. 242 penitam offam Naevius appellat absegmen carnis cum coda. antiqui autem offam vocabant abscisum globi forma ut manu glomeratam pultem. — cf. id. 230 penem antiqui caudam vocabant. a qua antiquitate etiam nunc offa porcina cum cauda in cenis puris offa penita vocatur.

XXXI.

Festus 210 Pisatem (ita Lindemannus, Pisalitem cd., Pisatilem Paulus 211) appellat Naevius Pantaleontem tyrannum, id est Pisis oriundum, cum alioqui inde profecti nunc Pisani dicantur.—Paul. 211 Pisatilem Naevius dixit e Pisis oriundum.

XXXVII

Paulus 62 concipillavisti (ita M, concipilavisti v.) dictum a Naevio pro corripuisti et involasti.

XXXIII.

Festus 36 buttubatta (ita M, butubatta v.) Naevius pro nugatoriis posuit, hoc est nullius dignationis.

XXXIV.

cf. testim. ad Lycurg. XXIV.

XXXV.

Terent. prol. Andriae, ubi excusat Andriam a se contaminando compositam ex Andria et Perinthia Menandri 18 sqq.:

qui cum hunc accusant, Naevium, Plautum, Ennium
accusant, quos his noster auctores habet.

XXXVI.

Mar. Victorin. 2524 quod vero ad clausulas, id est minuscula cola, pertinet, quot genera versuum sunt, totidem eorum membra pro clausulis poni possunt. et solent in canticis magis quam diverbiis, quae ex trimetro magis subsistunt, collocari et praecipue apud Plautum et Naevium et Afranium. nam hi maxime ex omnibus membris versuum, hoc est colis ab his separatis, licenter usi reperiuntur in clausulis.

Dubia.

vaél quae sperat sé nupturam iám vere adulescéntulo,
éa licet senile tractet détritum rutábulum?

Falso adscripta.

I. Andromacha.

quod tú, mi gnate, quaéso ut in pectús tuum
demíttas, tamquam in físcinam vindémitor.

II. Lupus.

Véiens rex regém salvere iúbet Albanum Amúlium
cómiter seném sapientem. nón redhostis?—mí malest.

TESTIMONIA AUCTORUM.

Livius.

I. Achilles.

Non. 365, 25 pretium, poenae exitum. Livius Achille. — id. 473, 22 imitat—Livius Achille.

II. Aiax mastigophorus.

I Non. 207, 23 gelu neutri generis. Titus Livius in aiace mastigho foro (ita cd. Urbinas 308; Titus Livius pisi adtacematico foro libri non interpolati; recte docti Titus Livius Aiace mastigophoro; illud pisis tamen quid sibi velit aut unde sit ortum non comparet). II Non. 127, 16 iamdiu pro olim. Livius Aiace.

III. Equus Troianus.

Non. 475, 10 opitula. Livius equo troiano.

IV. Aegisthus.

I Non. 132, 32 laetare et laetiscere laetificare et laetum fieri. Livius Aegistho. — id. 386, 23 species dicitur effigies, facies. L. Aeg.

II Non. 512, 32 aequiter. Livius Aegistho.

III Non. 335, 21 lustrare est circumire—Livius Aegistho.—id. 158, 29 pecus non solum quadrupes animal, verum omnia animalia pecudes dicuntur—Livius Aegistho: tum—pecus.

IV Non. 166, 29 ruminare dictum in memoriam revocare — Livius Aegistho.

V Non. 176, 13 sollemnitus pro sollemniter. Lucilius Aegistho (Livius vulgo, Accius Vrbinas 308, liber interpolatus).

VI Non. 127, 30 iuxtim pro iuxta. Livius Aegistho.

VII Non. 110, 29 fligi, affligi. Livius Aegistho.

VIII Non. 23, 25 procacitas a procando, id est poscendo dicitur — Livius Aegistho.

V. Hermiona.

Non. 111, 12 fuam, sim vel fiam—Livius Hermiona.

VI. Andromeda.

Non. 62, 20 confluges, loca in quae rivi diversi confluant. Livius Andromeda.

VII. Ino.

cf. commentarium.

VIII. Tereus.

I Non. 515, 29 rarenter—Livius Tereo.

II Non. 153, 26 pervitere, perire—Livius Tereo.

III Non. 334, 7 limare etiam dicitur coniungere—Livius Tereo.

IV Non. 475, 32 prestolat pro prestolatur—Livius Tereo.

Ex incertis fabulis.

II—IV Festus p. 181 ocrem antiqui, ut Ateius Philologus in libro glossematorum refert, montem confragosum vocabant, ut aput Livium.

V Festus p. 257 quinquertium. Livius quoque ipsos athletas sic nominat: quinquertiones e. q. s.—Paul. p. 256 ipsos quoque athletas Livius quinquertiones appellat.

VI Paulus p. 11 anclare haurire a graeco descendit. Livius: florem e. q. s.—thes. nov. latin. VIII, 26 anclo—haurire—unde Livius.

VII Fest. p. 310 struices antiqui dicebant extructiones omnium rerum—Livius.

VIII Paulus pg. 163 alii dicunt nefrendes infantes esse nondum frendentes, id est frangentes. Livius: quem e. q. s.—Festus 162 Ateius . . . . ndentes id est . . . . ri quem ego ne . . . . sopem. reliqua perierunt.—ex Paulo petitus versus legitur in thesauro nov. latin. VIII, 214 et 378, quo loco Naevio tribuitur.

IX Non. 197, 31 cuis et generi feminino attribui posse veterum auctoritas voluit. Livius.

I. Gladiolus.

Festus p. 210 pedes autem pro pediculis—Livius in gladiolo.

II. Ludius.

Fest. 330 scenam genus [fuisse ferri] manifestum est, sed utrum securis an dolabra sit ambigitur. quam Cincius in libro qui est de verbis priscis dolabram ait pontificiam. Lyvius (ita cd. teste H. Keilio mus. Rhenan. VI, 625) in Lydio.

Falso adscripta.

v. commentarium.

Naevius.

I. Iphigenia.

Non. 370, 25 passum extensum patens—Naevius in Iphigenia.

II. Hector proficiscens.

I Cicero tuscul. IV, 31, 67 aliter enim Naevianus ille gaudet Hector: laetus e. q. s. aliter ille apud Trabeam.—idem versus refertur ab eo epist. ad fam. XV, 6, respicitur ibid. V, 12, nec non a Seneca ep. XVII, 2 et Symmacho ep. I, 3; IX, 110, qui eum traxerunt a Cicerone.

II Priscian. 801 adorior et adorio—Naevius in Hectore proficiscente: tunc e. q. s.

III. Equus troianus.

I Cic. epist. ad fam. VII, 1, 2 cum narretur ludis a. u. 699 actas esse Clytaemestram et equum troianum et Aesopum actorem, cum iurare

coepisset, voce defectum in verbis si sciens fallo, recte O. Ribbeckius dixit haec referenda videri ad ius iurandum Sinonis, quo Priamo et Troianis illusit.

II Macrob. saturn. VI, 1, 38 Vergilius (ecl. 3, 49) numquam hodie effugies; veniam quocumque vocaris. Naevius in equo troiano.

III Cicero ep. ad fam. VII, 16 in equo troiano scis in extremo „sero sapiunt". — Festus 343 „sero sapiunt Phryges" proverbium est natum a Troianis, qui decimo denique anno velle coeperant Helenam quaeque cum ea erant rapta reddere Achivis. — haec rectius Naevio tribuuntur a doctis quam Livio, cuius fabularum versus numquam citantur a Cicerone.

IV. Hesiona.

Gellius X, 25 admonendum lingulam veteres dixisse gladiolum oblongum in speciem linguae factum, cuius meminit Naevius in tragoedia Hesiona. versum Naevi apposui. — Varro VII, 107 multa apud poetas reliqua esse verba, quorum origines possint dici, non dubito, ut apud Naevium in Hesiona (omissus a librariis versus Naevii); enimvero gladii lingula a lingua.

V. Danae.

I Non. 470, 1 contempla—Naevius Danae.

II Non. 306, 7 fama est rursus infamia—Naevius.—idem 518, 1 desubito—Naevius Danae.

III Non. 456, 25 compotem in bonam partem solum accipi putatur, cum et in mala positum sit—Naevius Danae.

IV Non. 366, 4 pretium pro praemio—Naevius Danae.

V Non. 262, 25 confidentia, constantia—Naevius in Danae.

VI Non. 504, 1 lavit pro lavat—Naevius Danae.

VII Non. 124, 14 icit significat percutit, ab ictu—Naevius Danae.

VIII Non. 138, 17 manubias, manus exuvias—Naevius Danae.

IX Non. 473, 31 minitas pro minaris. Livius (Naevius ed. Aldina) Danae.

X Non. 291, 5 exigere est excludere—Naevius Danae.

XI Non. 110, 17 fulgorivit, fulgorem fecit vel fulmine afflavit. Naevius Danae.

XII Non. 186, 23 valentia fortitudo. Naevius Danae.

VI. Lycurgus.

I Non. 476, 9 tutant—Naevius Lycurgo.

II Non. 192, 29 arva—feminino—Naevius Lycurgo.

III Festus 174 nobilem antiqui pro noto ponebant, et quidem per g (c *cd.*)—Naevius in Lycurgo. (ita M, levius in virgo cd.).

IV Non. 191, 16 angues masculino genere—Naevius Lycurgo.

V Non. 213, 10 melos genere neutro. Naevius Lycurgo.

VI. Non. 323, 1 ingenium veteres dixerunt et pro sua sponte vel natura. Naevius Lycurgo.

VII Non. 9, 24 mutus onomatopoeia est incertae vocis, quasi mugitus; nam mutus sonus est proprie, qui intellectum non habet. Naevius Lycurgo.

VIII Non. 6, 17 illicere est proprie illaqueare. Naevius Lycurgo.

IX Non. 503, 19 fervit—fervere facit ut spernit spernere—Naevius Lycurgo.

X Non. 225, 1 schema—neutro. Naevius Lycurgo.

XI Non. 14, 19 vitulantes veteres gaudentes dixerunt — Naevius Lycurgo.

XII Non. 124, 27 ignote, id est inscie. Naevius Lycurgo.—id. 485, 5 iteris positum pro itineris—Naevius Lycurgo.—Priscian. 695 quamvis antiqui hoc iter iteris et hoc itiner itineris dixerint—Naevius in Lycurgo.—ex Prisciano sunt ducta quae leguntur thes. nov. lat. pg. 127; 194; ubi perperam Plauti nomen pro Naevii positum.

XIII Non. 159, 7 pecua et pecuda — veteres dixerunt. Naevius Lycurgo.

XIV Non. 481, 28 sic potior illam rem pro illa re potior—Naevius Lycurgo.

XV Non. 547, 28 creterra est quam nunc situlam vocant. Naevius Lycurgo.—quaedam ex Naevii verbis etiam servata 84, 14, ubi post 'colustra' excidit 'creterra' glosa.

XVI Non. 540, 5 patagium, aureus clavus, qui pretiosis vestibus immitti solet—Naevius Lycurgo.—id. 548, 26 caltulam et crocotulam, utrumque a generibus florum translatum, a calta et a croco—N. Lycurgo.

XVII. XVIII Varro VII, 53 apud Naevium: risi e. q. s. cassabundum a cadendo. idem: diabathra—epicroco. utrumque vocabulum Graecum.—ad L y c u r g u m rettulit Scaliger.

XIX Non. 259, 5 contendere significat comparare—Naevius Lycurgo.

XX Non. 73, 17 acrimonia est animi vivacitas. Naevius Lycurgo.

XXI Non. 191, 34 amnem feminino—Naevius Lycurgo.

XXII Non. 124, 30 iniure (ita M, iniurie vulgo) dictum pro iniuriose. Naevius Lycurgo,

XXIII Fest. 193 obstinato, obfirmato, perseveranti—Naevius Lycurgo.

XXIV Non. 109, 25 fimbriae sunt omnis extremitas. Naevius .... flora florida (Naevius—florida add. a Mercero). Naevius Lycurgo.

XXV Non. 334, 32 liquidum rursus significat molle et fluxum—Naevius Lycurgo.

XXVI Non. 487, 8 vapor et vapos et timor et timos—Naevius Lycurgo.

XXVII Non. 84, 32 cette significat dicite vel date, ab eo quod est cedo. Naevius Lycurgo.

II. Clastidium.

II. Varro VII, 78 nam ut signa quae non habent caput aut aliam quam partem nihilominus in reliquis membris eorum esse possunt analogiae: sic in vocabulis casuum possunt item fieri, ac reponi quod aberit, ubi patietur natura et consuetudo, quod nonnumquam apud poetas invenimus factum, ut in hoc apud Naevium in Clastidio.

Ex incertis fabulis.

I. Non. 205, 27 fretum — masculini — Naevius.

II. III. Cic. orat, 45, 152 nobis ne si cupiamus quidem distrahere voces conceditur; indicant — omnes poetae praeter eos qui ut versum facerent saepe hiabant, ut Naevius: vos — algidam, et ibidem: quam e. q. s.

IV. Paulus 299 summussi dicebantur murmuratores. Naevius odi, inquit, summussos—sit.—Fest. 298 ....ssi dicebantur........ Naevius odi inquit........ inde aperte dice....... times.

V. Paulus 222 partus et pro nascendo ponitur et pro parato. Naevius. — Cic. philipp. II, 27, 66 sed ut est apud poetam nescio quem: male e. q. s. — schol. ad Hor. III, 24, 61 sq. indignoque pecuniam heredi properat. scilicet improbae crescunt divitiae — ut: male p. m. d.

VI. Isid. orig. XII, 1 hunc (bovem) Latini trionem vocant. Naev.

VII. Isid. orig. XIV, 8, 27 confrages, loca in quae undique venti concurrunt ac sese frangunt, ut Naevius ait: in montes e. q. s. — ex

Isidoro petita schol. Lucani VI, 126 habet haec: confraga sunt loca, in quibus undique venti concurrunt. ut Naevius ait: in m. — frangebant.

VIII. Serv. in aen. IV, 267 extruis a struice—Naevius nominativo singulari.

I. Acontizomenos.

I. Charis. 188 prime Naevius in acontizomeno.

II. Charis. 179 falso N. in a.

III. Charis. 185 noctu diuque Sallustius historiarum secundo — at vero Titinius in barbato: noctu diusque ait. N. i. a. (acotizomenos cd.).

II. Agitatoria.

I. Char. 177 dedita opera — vim adverbii retinet. Naevius in agitatoria.

II. Char. 213 tax pax N. in ag.

III. Char. 188 pluris N. in ag.

IV. Char. 187 nimio pro nimis. N. in ag.

V. Char. 195 secus pro aliter. N. in ag.

VI. Char. 213 tax pax N. in ag. — eho idem in eadem.

III. Agrypnuntes.

I. Non. 65, 3 promicare extendere et porro iacere, unde emicare. Naevius agrypnuntibus.

II. Non. 150, 22 praedatores (ita M, praemiatores nocturni v.) praedones. Naevius amnagremnuntius.

IV. Apella.

I. Prisc. 681 frequentior tamen usus hoc cepe protulit. Naevius in Apella (appella cdd.). — thes. nov. lat. VIII, 133 hoc cepe — unde Naevius.

II. Prisc. 681 hae cepae — quamvis antiquissimi in a quoque singulare feminino genere hoc recte protulisse inveniantur. Naevius in Apella (appella cdd.). — anonym. Bernensis apud Hagenum anecdot. Helvetic. 106 Naevius: illum — cepam.

V. Ariolus.

II. Fest. 182 oreae, freni, quod ori inseruntur. — Naevius in hariolo.

III. Macrob. saturn. III, 18, 6 nux haec Abellana seu Praenestina — inde scilicet Praenestinae nuces. est et illud apud Naevium in fabula ariolo.

VI. Astrologa.

I. Non. 155, 25 prospica et despica, intenta et contempta. Naevius astrologa (ita vel astiologa O. Ribbeckius; cdd. assitogiola; etiam alia sunt praesto velut aretalogo): ac sibi e. q. s. potest ergo prospicus et despicus dici.

VII. Carbonaria.

I. Prisc. 893 vetustissimi tamen etiam 'edo' 'edis' dicebant correpta prima syllaba. Naevius in carbonaria: tibi e. q. s. non potest enim in hoc iambo paenultima syllaba longa esse, ut intellegatur praeteritum, ne sit scazon.

VIII. Chlamydaria.

I. Inc. auct. explan. in Donat. (gramm. lat. IV, 559) admodum — quaesitum est num pro valde usque dicamus. et in usu fuit — apud Naevium in clamidaria.

IX. Colax.

I. Prisc. 874 polluceo polluxi — Naevius in colace.

II. Non 64, 10 prolubium (proluvium cdd.) — Naevius colace.

III. Non. 376, 12 nonnulli veterum pro eo quod protinus est protinam vel protinis converterunt — Naevius in colace.

IX. Non. 462, 32 multare, cum sit condemnare, positum est pro augere, voti compotem reddere. Naevius colace.

XI. Corollaria.

I. Charis. 178 dapsiliter Naevius in corollaria.

II. Charis. 178 efflictim Naevius in corollaria: nolo e. q. s.; ubi Probus: usque donicum effligatur.

III. Char. 184 mordicus — Naevius in c.

IV. Char. 192 quippiam N. in c.

V. Char. 214 'st' (ita Fabricius, it cd.) N. in c.

VI. Char. 186 nimis Naevius — in c.

VII. Char. 214 attattattat attatae N. in c.

VIII. Diomed. 395 demolio — N. in c. 'haec d.' inquit.

XII. Fulgent. 565 desiduo dicitur diuturne unde et Varro in corollaria ait: dividiae e. q. s.; cf. frgm. IX.

XII. Dementes.

Diomed. 335 iterativa sive frequentativa est verborum qualitas quae assiduam in agendo vim habet — velut — 'exerceo' — dicimus: hoc iteratur hoc pacto: 'exercito' — id est 'assidue exerceo' — item 'adeo' 'adis'. hoc iteramus 'adito' 'aditas' dictitantes, ut Ennius 'ad eum aditavere'. item 'abeo' et 'abito' dicimus, ut apud Naevium in dementibus: animae pauxillulum in me habitat (ita M; cdd. item dictitantes ut Ennius: ad eum aditavere. item habeo et habito dicimus e. q. s. item adeo adis. hoc iteramus adito aditas).

[XIV. Diobolaria.]

Fulgent. 565 myropolae dicuntur qui unguenta vendunt, ut sunt pigmentarii. unde et Naevius in diobolaria ait: myropola e. q. s. affatim dicitur abundanter, venustare vero exhilarare est.

XVII. Fretum.

Varro VII, 70 praefica dicta, ut Aurelius scribit, mulier ad luctum quae conduceretur, quae ante domum mortui laudes eius caneret — quibus testimonium est quod fretum est Naevii: haec quidem e. q. s. Paulus 223 praeficae dicuntur mulieres ad lamentandum mortuum conductae, quae dant ceteris modum plangendi, quasi in hoc ipsum praefectae. Naevius: haec quidem e. q. s.

XVIII. Glaucoma.

Priscian. 894 pungo pupugi vel punxi — Naevius in glaucoma (glauconia quidam libri).

XIX. Gymnasticus.

I. Non. 136, 7 mustum non solum vinum, verum novellum quidquid est recti dicitur. Naevius gymnastico.

II. Non. 421, 25 cupido — cum masculino deum ipsum — N. g.

III. Non. 159, 5 pecua et pecuda, ita ut pecora, veteres dixerunt. N. g.

IV. Non. 95, 27 dispulverare est dissolvere N. g.

V. Non. 224, 25 simile est pro similis est. pro masculino positum neutrum. Titinius — N. g.

VI. Non. 280, 1 destitui est desolari. destitui rursum statui. N. g. (gymastico, m. 2 gyminastico H).

VII. Non. 392, 15 spissum significat tardum — N. g.

VIII. Non. 486, 31 herem pro heredem. N. g. (geminastico Bamberg.).

XXV. Nervularia.

Non. 151, 1, praecisum et omasum partes carnis et viscerum. Naevius nervularia (nervolaria Ritschelius, herularia *H L*, erularia *G*).

XXVI. Pellex.

Non. 223, 21 socrus et masculino genere veteres dici posse voluerunt. Naevius pellice (ita Bothius, pellico libri).

[XXVIII. Philemporos.]

Fulgent. 562 sculponeas (ita docti, isculponeas v.) dici voluerunt cestus plumbo ligatos. unde et Naevius Philemporo comoedia ait: isculponeis e. q. s.

XXIX. Proiectus.

I. II. Diomed. 395 item patio Naevius in proiecto (prolecto M; protecto edd. vet.): p. p., inquit, tu n. p. moro item Naevius in eodem.

XXX. Quadrigemini.

Non. 153, 22 parcuit pepercit. Naevius quadrigeminis.

XXXI. Stalagmo.

Donat. in Terent. Phorm. I, 2, 24 deo irato meo: videtur — addidisse meo, ne esset ἀρμφίβολον, cui diceret 'irato deo'. Naevius in Stalagmo docti, nisi iam *M*, libri stalagmonisa deo vel simil.).

XXXIII. Tabellaria.

I. Non. 218, 22 pannus — neutro. Novius (Nevius cd. Vrbinas 308) tabellaria.

II. Diomed. 376 quamquam et id perfectum, quod est 'attuli', ex alio verbo proficisci reperimus apud veteres, ex eo quod est attulo (ita Parisin. alter m. sec., attollo v.), ut Naevius in tabellaria (Novius Bothius).

huius fabulae utrum Naevius sit auctor an Novius non satis constat. conferenda tamen quae sunt adscripta ad inc. fab. testimon. XXVII.

XXXIV. Tarentilla.

I. Charis. 192 quanti, cum interrogamus nec emimus; quanto, cum emptam rem quaerimus. atqui Cato—Naevius in Tarentilla.

II. Isid. origin. I, 25 Ennius de quadam impudica: quasi — litteras. — Paulus 29 adnictat, saepe et leviter oculo annuit. Naevius in Tarentilla:' alii — tenet. — ex Paulo ductum h. v. habet thesaur. nov. latin. VIII, 54, ubi Livio, et 372, 376, ubi Plauto adscribitur. — etiam in glosis Amplonianis 254 legitur: adnicitare, id est cum palpebris innuere — Plautus: alii adnutat, alii adnicitat.

III. Charis. 213 oiei (ita Bothius, ei ei v.). Naevius in Tarentilla.

IV. Char. 178 defricate. N. in T.

V. Char. 198 utrubi. N. in T.

VI. Char. 213 oiei. N. in T. — attattatae (atattatae cd.): idem in eadem.

VII. Char. 195 serio pro vere. N. in T.

VIII. Char. 193 rursus negant dici debere, sed rursum, ut iterum. Maro tamen rursus (aen. II, 401). [idem apud Naevium] inveni. nam is in Tarentilla.

IX. Chac. 189 peregre pro peregri. N. in T.

X. Charis. 102 duum — N. in T.

XI. Charis. 189 peregri cum in loco est — N. in T.

XII. Char. 186 nimis. N. in T.

XXXVI. Testicularia.

Prisc. 890 scindo scidi. vetustissimi tamen etiam scicidi proferebant Naevius in testicularia.

XXXVII. Triphallus.

I. Gellius II, 19, 2 qui factum aliquod occultius aut inopinatum insperatumque cognoscit, is dicitur proprie 'rescire' — Naevius in triphallo ita scripsit: si e. q. s.

II. Donat. in Terent. adelph. IV, 1, 5 moriatur scilicet. set (v. et) hoc adversus servum non (omiss. v.) debet dicere, ne indecorum adulescentis personae sit haec ita dixisse, quamvis eiusmodi adulescentes

inducant comici, ut Naevius in triphallo. ita Bothius, libri tribaselo, tribascelo vel sim.; tribacelo (ab eo quod sit τριβάκηλος vult ductum) Ribbeckius.

XXXVIII. Tunicularia.

I. Fest. 230 penem antiqui codam vocabant—dictum est forsitan a pendendo. Naevius (neut' c d.) in tunicularia.

II. Varro VII, 108 apud Naevium—in tunicularia: exbolas e. q. s.

III. Festus 166 naucum ait Ateius Philologus poni pro nugis — N. in t.

Ex incertis libris.

I. Hieronymus ad Heliodorum epist. 3 in epitaph. Nepotiani: Naevius poeta pati, inquit, e. q. s.

II. Paulus 10 apluda est genus minutissimae paleae frumenti sive panici, de qua Naevius.—thesaur. novae latin. VIII, 54 appluda sorbitiuncula ex paleis facta. Naevius.

III. Varro VII, 92 apud Naevium: circumvenire e. q. s. ferme dicitur quod nunc fere.

IV. Non. 207,20 guttur—masculino—Naevius.

V. Priscian. 875 aio—imperativus in i terminans — Naevius: an e q. s. — id. 906 aio — imperativo in i terminante. sic enim Probus de dubio perfecto tractans ostendit Naevium protulisse: an e. q. s. — idem infra eodem versu usus, quo demonstraret a in ai breve. — Diomed. 370 dictum est ai, ut Naevius alicubi: an e. q. s.

VI. Varro VII, 93 euax—ut apud Ennium — apud Naevium (ita docti; apud Ennium v.). cf. comment. in Enn. pg. 246.

VII. Gell. VII, 8 Scipionem istum, verone an falso incertum, fama tamen, cum esset adulescens, haud sincera fuisse, et propemodum constitisse hosce versus a Cn. Naevio in eum scriptos esse.

VIII. Varro V, 153 in circo primo unde mittuntur equi, nunc dicuntur carceres, Naevius oppidum appellat. carceres dicti, quod coercentur equi—quod ad muri speciem pinnis turribusque carceres olim fuerunt, scripsit poeta: dictator e. q. s.

IV. Festus 364 tintinnire (titinire libri quidam) est apud Naevium hoc modo: tantum e. q. s.—Paulus 365 tintinnire et tintinnabant Naevius dixit pro sonitu tintinnabuli.

X Isidor. origin. V, 26 praepositionem inter pro e ponebant antiqui. Naevius.

XI. thes. nov. lat. VIII, 313 hic lustro—ille qui vagus est et nihil agit, nisi fora lustrat, unde Naevius de quodam: vagus, inquit, est et lustro.

XII. Paulus 116 Liberalia Liberi festa—Naevius.

XIII. Cic. Cat. mai. 7,20 quodsi legere aut audire voletis externa, maximas res publicas ab adulescentibus labefactatas, a senibus sustentatas et restitutas reperietis: cedo—cito? sic enim percontantur, ut est in Naevii poetae libro (ludo pars librorum meliorum). respondentur et alia et hoc in primis: proveniebant e. q. s.

XIV. Festus 170 numero—apud Naevium - i. e.: nimium sciret.

XV. Paulus 29 aleonem, aleatorem. Naevius. — thes. nov. lat. VIII, 30 hic aleo—Naevius.

XVI. Festus 360 at antiqui „tam“ etiam pro tamen usi sunt, ut Naevius: quid e. q. s.

XVII. Festus 290 sonticum morbum in XII significare ait Aelius Stilo certum cum iusta causa, quem non nulli putant esse, qui noceat, quod sontes significat nocentes. Naevius.—Paulus 291 sonticum iustum. Naevius.

XVIII. Nonius 225 collus masculino—Naevius cor (colace Iunius e codice quodam in terpol., corollaria alii minus bene, cum numquam alias hac fabula utatur Nonius).

XIX. Festus 217 persibus (ita Scaliger, cd. persicus) peracutum significare videtur ut—Naevius.

XX. Paulus 58 cocum et pistorem apud antiquos eundem fuisse accepimus. Naevius: cocus, inquit, edit e. q. s. significat per Cererem panem, per Neptunum pisces, per Venerem olera.—idem fragmentum legitur thes. nov. lat. VIII, 131, ubi Ennio adscribitur.

XXI. Festus 325 sanderacam [ait esse genus coloris] quod Graeci sandycem appellant]. Naevius: meru[la sanderacino ore].—Paulus 324 sandaraca genus coloris. Naevius: m. e. q. s.

XIV. thes. nov. latin. VIII, 175 depuvire (depuire v.) verberare. Naevius.

XXV. Fest. 209 petimina in umeris iumentorum ulcera — vulgo appellant — eo nomine autem et inter duos armos suis quod est aut pectus solitum appellari testatur Naevius in descriptione suillae cum ait.

XXVI. Paulus 34 bilbit factum est a similitudine sonitus qui fit in vase. Naevius: bilbit amphora, inquit.—ex Paulo affert Naevi verba thes. nov. lat. VIII, 67.

XXVII. Diomed. 334 amo veteres inchoativo modo amasco dixerunt — Naevius. — cum in Parisinis libris sit Nevios, in Monacensi solo Nevius, non est improbabile restituendum Novii atellanarum auctoris nomen, sicut visum O. Ribbeckio. quamquam illud opinioni eius adversatur, quod nusquam alias, si libris scriptis fides, Novii fabulis usus est Diomedes, at sexies Naevii.

Dubia.

Fest. 262 rutabulum est quo rustici in proruendo igne utuntur panis coquendi gratia. Novius in pico—Navius obscenam viri partem describens: vel quae — rutabulum. Naevii nomen a plerisque repositum; at ab Augustino Novii; idque rectius ideo quod dem error invenitur in eiusdem Festi codice pg. 270 s. l. redhostire, cf. falso adscr. II. — ceterum post versum pici Noviani apparet excidisse lemma quo indicaretur rutabulum dictum interdum pro membro virili.

False adscripta.

Andromache.

Serv. in Verg. georg. I, 266 fiscina. Naevius in Andromacha. — haec a tragica pompa cum sint alienissima, iure suo a Bothio ad Novium auctorem et genus atellanum sunt relata. nam hoc haud raro res mythicae tractabantur, velut eiusdem Novii Phoenissis.

Lupus.

Fest. 270 redhostire referre gratiam. Navius in lupo. Novius Augustinus, al. Naevius. fuit ex fabulis haud dubie Atellanis, cui saepius generi bestiarum nomina sunt inscripta. — dictum de hoc fragmento pluribus vitae Ennii pg. 84.

COMMENTARIUS.

in Livium et Naevium.

Livius.

Livius Andronicus Tarentinus cui alii per errorem Titi addunt praenomen, quod est historici, alii Lucii, quod ex gentili nomine suspi-

ceris ortum, primum a. 240 a. Chr. in scaenam dedit fabulam ex graeco conversam novaeque litterarum Latinarum initium fecit aetati. Idem saturnio usus metro et odysseam transtulit et hymnos quosdam in laudem deorum composuit.—In comoediis Menandrum et Philemonem ac Diphilum et qui horum vestigia legere est secutus perinde ac post eum Naevius, Plautus, Caecilius, Terentius. In tragoediis idem cum Naevio videtur usus esse maxime fabulis eorum qui post Sophoclis et Euripidis mortem scaenam illustrarunt Atticam assumptis haud raro argumentis, quae iam ab Aeschylo vel Sophocle vel Euripide essent tractata, atque ita immutatis ut aequalium adaptarentur iudiciis.

Tragoediae.

Tam pauca extant Livii tragoediarum fragmenta, ut iudicium de eis ferri vix possit. Fuisse eum hominem non mediocris spiritus vel inde apparet, quod primus ausus est carmina Latina Graecorum ad exemplum conformare et hanc viam ita probavit Romanis, nemo ut iam sit ausus eam deserere.—Ceterum scripta eius aliquanto duriora fuisse Naevianis concludas ex eo, quod Cicero, vir antiquissimorum poetarum latinorum amantissimus, cum saepe Naevii laudet fabulas, Livii neque comoediis umquam utitur et tragoedias testatur non esse satis dignas quae iterum legantur (Brut. 18, 71).

Tragicorum latinorum, qui libera republica fuerunt, fabularum reliquias explicare ac disponere conatus est Otto Ribbeckius libro a. 1875 Lipsiae edito, de cuius virtiitibus vitiisque dictum est in vita Ennii pg. 83 sqq.—Eo nos haud raro utemur, non minus tamen saepe in diversas abituri sententias. Nam ut omittam Ribbeckium interdum ratiuncularum argutiolarumque amore et hariolandi studio labi nimio, fragmentorum Livii et Naevii carminum tanta est et paucitas et aliquando obscuritas, ut dubia multa in eis insint, quaedam etiam tam perplexa, quae vix umquam expediri posse videantur.

Nos in explicandis reliquiis hisce cum priorum commenta tum proprium iudicium secuti, quo consuleretur brevitati, in rebus minutioribus aliquando auctorum quos sequeremur nomina adscribere supersedimus, neque saepe aggressi sumus aliorum doctorum diversas a nobis confutare opiniones.

Multae autem et Livii et posteriorum tempore tragicorum fabulae pertinent ad bellum Troianum et ea quae hoc sive praecesserunt sive insecuta sunt. Cuius rei non haec modo fuit causa quod ab ipsis tra-

gicis Graecis argumenta illa, quae Homeri et cyclicorum auctoritate essent consecrata, multum sunt tractata, sed quod Romani ultro ad eadem ferebantur, partim studio rerum bellicarum, partim propter Aeneae memoriam, a quo genus se ducere existimabant.

I. Achilles.

Describebatur tragoedia Livii, sicut Achille Aristarchi Enniano, rixa Achillis et Agamemnonis; id quod apparet versu unico qui restat collato cum Il. I, 291 sqq.; 240 sqq.—ceterum pro ni, quod a nobis restitutum est, in codicibus legitur utroque loco si. nec vero illud aret exemplis, bis a Nonio corruptam lectionem in uno exhiberi exemplo. cf. Enn. tragoed. 195 sq; 362.—pro malos pg. 365 cdd. habent malas, 473 males (excepto Bambergensi, in quo etiam malas).—Tu om. libri 365.—id. ibid. dabit.

II. Aiax mastigophorus.

Hac fabula quin Sophoclem potissimum secutus sit Livius, non videtur posse dubitari.

II.

virtuti laus praestatur, sed multo ocius senio tabescit quam gelu. cdd. habent praestatur virtuti laus gelu (genu G) set (sed G, H) multo ocius venio (vento m. 1 H) tabescit.—illud senio, quod pro virium defectu positum, ut saepe, Turnebi opera est restitutum.—quam a nobis additum nec non gelu in locum suum revocatum. nam oportebat a Nonio hoc vocabulum nominativo poni casu vel accusativo, cum aliter non posset intellegi esse id neutri generis.—conferendi autem Aiacis Sophoclei vv. 1266 sq.

φεῦ· τοῦ θανόντος ὡς ταχεῖά τις βροτοῖς
χάρις διαρρεῖ καὶ προδοῦσ' ἁλίσκεται.

III.

dicit Tyndarus apud Plautum Aristophontem Aiaci furenti praeter hortamenta (quibus usus is, cum vesania perculsus porcos trucidaret et oves) esse simillimum. vetus tamen Camerarii cd. ibi habet ornamenta.—Livii a Plauto respici fabulam satis est probabile.

III. Equus troianus.

Huius fabulae argumentum (quod etiam a Naevio tractatum) ex ipso titulo satis apparet. reliqua incerta, neque quo spectet fragmen-

tum unicum quod restat comparet. fortasse verba fuere Agamemnonis auxilium Minervae ad Troiam tandem aliquando capiendam implorantis.—sunt autem, ut puto, cretici tetrametri asynartetorum licentia iugati. quam qui non admiserit, eum oportet cum Ribbeckii ed. priore ita dividere verba:

dá mihí
hásce opés, quás petó, quás precór, pórrigé,
ópitulá. ..

cet. pro porrige, quod vulgo receptum est, cdd. habent corrige.

IV. Aegisthus.

Idem fere argumentum, quod Aeschyli et Senecae Agamemnonis, et in huius quidem fabula inveniuntur quaedam quae mirifice congruant cum fragmentis Aegisthi II et III. sed ea cum Ribbeckio cave credas petita e Livio, cuius tragoedias omnino non legerat philosophus, antiquissimorum poetarum contemptor superbissimus. sed fortasse ab Accio in Aegistho quaedam ex cognomini Livii carmine sunt ducta et per hunc propagata ad Senecam.

I.

haec ad reditum Agamemnonis troiana praeda magnificum et civium studia visere regem gestientium videntur pertinere.

pro laetavere, quod de coniectura scripsi, cdd. Nonii 386 habent laetaviri, 32 laetavisti.

II. III.

Eurybates apud Sen. Agam. 442 sq.; 470 sq. de reditu Graecorum post Troiam eversam:

ut Pergamum omne dorica cecidit face,
divisa praedast.—
tum qui iacente reciprocus ludit salo
tumidumque pando transilit dorso mare
tyrrhenus omni piscis exultat freto
agitatque gyros et comes lateri adnatat,
antire naves laetus et rursus sequi.
nunc prima tangens rostra lascivit chorus,
millesimam nunc ambit et lustrat ratem.

libri praedam; praeda Iunius.—autem om. cdd. 335.—Nerei simum Bentinus, nereis simum libri 335, rei simum 158. — classum G, L, item m. 2 H; classem idem m. 1.—ceterum classum genetivus non videtur inveniri praeter hunc locum.—vias add. M.—lustrari pro lustrare etiam Plautus dixit Pseuduli IV, 7, 6.

IV.

recte h. v. videtur Agamemnoni adscribere Ribbeckius, vetanti ne memoria patriae malorum in mentem revocetur Cassandrae captivae, cuius amore tenebatur.—haece M, haec v.—vostrum N. Heinsius, voster cdd.

V.

dicta haec de Agamemnone grates agente dis immortalibus propter felicem reditum; cf. Sen. Agam. 839 sqq.—pro deo dicat, quod prolatum a viro docto in Zarnckii actis litterariis a. 1872 pg. 472 sqq., cdd. fere habent adeo ditati (adconditali L).—laudes M, laudet cdd.

VI. VII.

haec item ad Agamemnonem spectare manifestum, qui inter epulas fraude uxoris est interceptus. — Clytemestra; usitata forma apud antiquissimos Romanorum pariter ac novissimos. — ipsus Bothius ipse cdd.

VIII.

verba Aegisthi Electram ex templo quo confugerat protrahi iubentis.—mea vos maiestas procat Bothius, v. mai. mea pr. cdd.; quo admisso minus erit elegans arsis quintae solutio. — animis add. M.

V. Hermiona.

Pyrrus Achillis filius cum post captam Troiam Andromacham quae prius Hectoris uxor fuerat rapuisset et ex ea Amphialum sive ut in Livii fabula scriptum est Anchialum genuisset, mox Hermionam, Menelai filiam, Oresti, cui nupserat, abductam matrimonio sibi iunxit. propter quod ab Oreste Delphis est occisus. cf. Hygin. fab. 123. scripsere de Hermiona etiam Sophocles et Pacuvius tragoedias.—sed Livianae quae fuerit compositio plane incertum, excepto quod Anchia-

lum apparet rogari a matre, ut Pyrri consilium inflectat.—pro tu—fuat cdd. habent te—fuas; idem Anciale.

VI. Andromeda.

De Andromeda etiam Ennius Acciusque scripserunt tragoedias. versum unicum, qui restat, ad diluvium a Neptuno Aethiopum terrae, quorum regina Nereidas laeserat, immissam spectare manifestum.—confluges in lemmate Nonii habent L, H, confluge G; in verbis Livii hic conflugae, confluge L, confluges, mutatum in confluge, H.—conventu Iunius, conventum cdd.—ceterum pro ubi nescio an scribendum sit fluvii, ut statuatur confluges idem esse quod confluentes et Nonium, ut saepe, errasse.—confluges a fluendo deduci ut a fruendo fruges recte dicit Bergkius op. philol. I, 348.

VIII. Ino.

Haec ex cantico Liviano liberius transformata a Caesio Basso, Neroniani temporis grammatico, qui plura metra insolentiora ex antiquissimorum poetarum latinorum libris elicere sibi visus est, olim intellexere docti. cf. quaest. Naevian. pg. XLV.

versus autem Livii qui dicuntur ex Terentiano petitos etiam affert Marius Victorinus pg. 25, 11 sq., apud quem recte scriptum est sed pro et, quod fertur apud Terentianum.—pro derige unus liber bonus Victorini dirige. — eiusdem auctoritate grammatici confirmantur illa quae sunt in pectore, ad certa, cum quidam coniecerint scribendum in pectora, ad caeca.—cum v. 1 comparari potest aen. I, 337 purpureoque alte suras vincire cothurno.

IX. Tereus.

Duplex fuit de Tereo fabula. alteram Ovidius metam. VI, 412 sqq., illam quae minus fuit vulgata, ut recte iudicavit Ribbeckius, secutus est Livius. habes eam apud Hyginum cap. 45. — de Tereo et Accius tragoediam scripsit.

Tereus Thracum rex, qui Procnen Pandionis Athenarum regis duxerat filiam, ementitus coniugem mortuam avexerat Philomelam sororem eius ac stupratam dederat Lynceo regi servandam. sed id per Lethusam uxorem huius patefactum Procnae. quo cognito ita sorores facinus sunt ultae, ut Tereo Ityn filium epulandum ponerent. quas cum Tereus insequeretur a poenas expetendas, deorum misericordia omnes mutati in aves.

I.

rarenter venio; verba Lethusae ad Procnen.

II.

verba Procnae Ityn infantem tradíturae nutrici, ut tota vacet amicae.—puerulum M, puerum cdd.—lactentem Bongarsius, laetantem cdd.—lactens est qui lacte utitur vel habet lac, lactans qui nutrit lacte.

III.

verba Lethusae affirmantis Philomelam coactam coisse cum Tereo.—pro illo cdd. illos; porro pro Philomela ex, quod de coniectura scripsi, L, G soli mea, H m. 1 solim ex, m. 2 soli mea; solim ex etiam Genevensis.—limare caput saepius apud Plautum invenitur.

IV.

haec quo pertineant prorsus incertum.—pro servos, quod Scriverii est, cdd. servus. dicitur et aliquem praestolari et alicui.

Ex incertis fabulis.

IV.

haut ut quem Chiro in Pelio docuit ocri.

illud docuit explet anapaestum; nam saec. III a. Chr. 'it' in perfecti indicativo etiamtum erat anceps. unde in inscriptionibus aliquando scribitur per 'ei'.—similiter apud Naevium Dan. frg. V excidit pro cretico positum. — ceterum Livii verba ad Achillis fabulam videntur pertinuisse, ut Nestoris sint verba exprobrantis Achilli quod ira abripiatur, cum disciplina sit usus Chironis, sapientissimi ac mitissimi senis.

V.

provocat Ribbeckius, vocat cd.

VI.

anculabant Scaliger, anclabant cdd.

VII.

haec nescio an verba sint Clytaemestrae recusantis Orestem Aegistho tradere necandum. illud pueri additum a me vestigia secuto codicis Festi. nam quod a Paulo omissum illud, nihil ad rem, cum constet

illi saepius truncata exempla, quibus usus est Festus, in initio, ut in ipsa pg. 163 s. l. neminis.—olim de coniectura add. M ad fulciendum metrum

Comoediae.

Iocosi argumenti fabulas Livianas et Naevianas omnes translatas ex nova Atticorum comoedia notum. et inveniuntur in reliquiis huius satis multae inscriptiones haud dissimiles. — Quo tamen iudicio in eligendis exemplaribus graecis, qua ratione in vertendis usi sint Livius Naeviusque propter paucitatem fragmentorum prorsus incertum est, excepto quod hunc maiore quam illum fuisse libertate in tractanda materia atque adeo antiquae Atticorum comoediae adinstar inseruisse fabulis quibus res publicae et principes Romanorum viri perstringerentur satis constat.—Idem sicut Plautus, Ennius, Terentius haud raro contaminandi usus artificio ex duabus fabulis graecis concinnavit unam.

Ceterum non improbabile est comoedias eius quasdam retractatas a Plauto atque ita effectum, ut nonnullae cognomines utriusque poetae ferrentur fabulae.

I. Gladiolus.

confert Duentzerus ἐγχειρίδιον Menandri Philemonis Sophili comoedias.—idem sublititer v. qui restat intellexit pertinere ad irridendum militem, de strage inter hostes edita qui gloriaretur. cf. mil. Plaut. v. 42 sqq.—illud pedes (pediculi) priorem habet longam.

II. Ludius.

confert Ribbeckius γόητας Aristomenis, πλάνον Amphidis.—taurus add. M.

Falso adscripta.

lepu' túte's et pulméntum quaeris?

haec vereor ne iniuria tribuantur Livio. videamus quid sit rei.

apud Vopiscum vitae Numeriani 13, 3 sq. leguntur haec: dixisse autem dicebat Diocletianum, cum Aprum percussisset 'gloriare, Aper.

Aeneae magni dextra cadis'.

quod ego miror de homine militari, quamvis plurimos plus quam militares vel graece vel latine vel comicorum

usurpare dicta vel talium poetarum. ipsi denique comici plerumque sic milites inducunt ut eos faciant vetera dicta usurpare nam et 'lepus tute es, pulmamentum quaeris?' Livii Andronici dictum est, multa alia quae Plautus Caeciliusque posuerunt.

in his plures insunt errores. ac primum quidem apparet post illud 'plurimos' quaedam intercepta, et haec fere scripta a Vopisco 'quamvis plurimos sciam memorare neminem saepius quam militares' e. q. s.—praeterea reponendum vel aliorum (alium Eyssenhardtius) poetarum.

ex eis autem quae secuntur conclusere docti verba 'lepus tute es, pulpamentum quaeris?' quibus Thraso miles utitur Terentii eunuchi III, 1, 36, assumpta ex Livii Andronici comoedia quadam. sed enim abhorret a probabilitate Terentium, maioris in transferendis fabulis Graecorum artis et curae auctorem diligentissimum, aliquid assumpsisse a Livio, poeta casco et prisco, quem numquam memorat, cum Naevii, Plauti, Ennii fabularum idem iniciat mentionem. at si recte scripsere docti in loco Vopisci 'multaque alia quae', etiam Plautus Caeciliusque multa ex eodem in sua carmina recepere, quamquam ne a Plauto quidem comoediae umquam tanguntur Livii, quae aliquanto minus videntur placuisse Romanis quam tragoediae. nam a solo Festo bis citantur (pg. 210; 330), numquam ab alio auctore, nec a Cicerone, homine antiquitatis amantissimo, neque a Nonio, qui tragoediis illius saepius utitur.

fugit autem doctos Vopiscum loco quo comicos memorat non iam agere de poetarum lectione frequenti militibus, sed eorundem de studio afferendi dicta vetera qualiacumque, sicut Diocletianus dum occidit Aprum usus est verbis quae tribus saeculis ante erant prolata.

quae cum ita sint, apparet Vopiscum errore nescio quo adductum Terentii verba illa, quae huius tempore fuisse pervulgata docent Gnathonis parasitae respondentis militi illa 'tuum obsecro ne hoc dictum erat? vetu' credidi', habuisse pro Livianis; quem quidem existimo memoria lapsum ex Terentii commentis, quae plurima tum ferebantur, traxisse et Livii nomen et ea quae de Plauto et Caecilio memorat. cumque post illud 'dictum est' aperte hiet oratio, equidem ita conicio lacunam supplendam: nam et 'lepus tute es, pulpamentum quaeris' Livii Andronici dictum est vetus et multa alia quae Plautus Caeciliusque posuerunt.

ceterum cum asyndeton parum placeat, quod Bembini codicis Terentii

ac Vopisci librorum asseritur testimonio, sed videtur venisse a correctoribus, ut metro consuleretur, Bentlei a nobis recepta est coniectura.— illud tute's Bembino firmatur, in quo prius fuerat idem quod vulgo fertur tute es.

Naevius.

Cn. Naevius Campanus quinque annis post Livium primum docuit fabulam conversam ex Graeco. Idem primus de regibus vel ducibus Romanorum scripsit praetextatas. Praeterea saturnio metro bellum Punicum primum est persecutus. De cuius indole plura dicta in vita Ennii pg. 86 sq. — Quamquam certum ab omni parte de eo iudicium propter paucitatem versuum qui extant non magis potest ferri quam de Livio, tamen aliquanto melius in tragoediis comoediisque quam in carmine epico videtur ei res cessisse. Nec vero id mirum, cum in fabulis scribendis Romanorum sui saeculi, qui miro litterarum graecarum studio tenebantur, secutus sit impetus, in libris de bello Punico cascae horridaeque aetatis, quae Marti magis quam Musis vacarat, torporem.— ceterum Thaliae quam Melpomenae videtur fuisse studiosior. certe aliquanto plures comoediae eius memorantur quam tragoediae.

Pro Naevio saepe scriptum Nevius, neque raro nomen eius confusum cum Novii, Livii, Laevii, aliquando etiam cum Ennii.

Tragoediae.

I. Iphigenia.

Hac fabula non Tauricam, ut videtur Ribbeckio, Iphigeniam, sed eam quae Aulin est arcessita, ut pro Graecorum salute offerretur Dianae, perscriptam certo constat. quo enim pacto potuit Graeciae portus, quem petebat illa, vicinus dici Tauridi?—itaque verba sunt illa Dianae, iubentis donatam salute Iphigeniam nave in ponti Euxini oram ultimam avehi, cum frequentior fama obtinuerit eam per auras ablatam.

velo docti, vel hoc cdd. — Aquilonei hanc in portum M (in portum iam Mercerus), aquilone hortum cdd.—fer foras, ex angustiis freti Euboici.

II. Hector proficiscens.

Hectoris post Troiam placandae Minervae causa aliquantisper revisam discessus ad bellum redintegrandum hac fabula describebatur

(cf. Il. l. VI). Hectorem tragoediam Astydamas scripserat, qua etiam celeberrimum illud Hectoris cum Andromache colloquium est tractatum, ut similis cum Naeviana argumenti eam fuisse appareat.

I. verba Hectoris valedicentis patri, qui de virtute filii gloriatus erat.

II. eiusdem verba Hectoris; cum quibus conferri possunt Il. VI, 526 sqq.—tunc, si Minerva iram in Troianos abdicarit, — adoriam M, adoriant v.—nequi Hermannus, nequis cdd.

III. Equus Troianus.

cf. Livii fabula cognominis.

I. si sciens fallo; cf. de Sinonis iure iurando aen. II, 153 sqq.

II. mea moriaris manu O. Ribbeckius; mea manu moriare cdd.

III. illud Phryges ex prioribus Naevii verbis additum, postquam dictum eius in proverbium abiit, et Ciceronis testimonio probatur et ratione metrica. videtur autem esse anapaesticus numerus.

IV. Hesione.

Aesionam a Naevio inscriptam probabile reddidit Buechelerus ea re, quod Varro initio lemmatum alphabeti ordine descriptorum locavit fabulam illam VII, 107, et quidem ante eiusdem auctoris Clastidium. et invenitur idem nomen per ae scriptum corp. inscr. lat. II, 2223.— ita scaena a Romanis dicta σκηνή. et quamquam alias spiritus asper adest nomini illi, fuit tamen Esionia terra in Lydia prope Sardes. notumque etiam alias in graecis verbis spiritum variasse.

argumentum fabulae fuit Hesiona a Laomedonte patre propter Neptuni iram perfidia meritam obiecta monstro marino et Herculis beneficio servata. cui cum Laomedon promissa non praestaret, expugnata est Troia, rex interfectus, Hesione Telamoni tradita.

versu unico qui restat verba Herculis contineri videntur Ribbeckio, qui usum eis post tempus frustra tritum cum Laomedonte tergiversante et promissa detrectante haud improbabiliter coniecit.—ne mihi O. Muellerus, sine mihi cdd.

V. Danae.

Quaeritur quo inscripta nomine a Naevio fuerit haec fabula. nam „Danaen", graeca finali, usus huius aetatis, qualis Plautinis commonstratur libris, respuebat; neque „Danaa" potuit dici, cum latina lingua

non ferat 'a' geminatam. codicibus hic illic traditum „Danea"; sed propius abest a vero inscriptam fuisse antiquitus „Danam". nam quae graece interdum Δανᾶ, latine Dana potuit dici.

scripserat Acrisium tragoediam Sophocles, Danaen Euripides. nec tamen constat, quod exemplum secutus sit Naevius.—argumentum sat notum.

I.

verba, ut Ribbeckio videtur, Iovis ad Mercurium aspecta Danae.—contempla Ribbeckius, contemplo cdd.

II.

verba ut puto nutricis ad Danaen, cupientem egredi domo ad videndos Iovem et Mercurium, qui urbem erant ingressi.—videmus cdd. pg. 306.

III.

haec de Danae dicta, cum corrupta esset a Iove. — eam nunc probris scis esse inventam conpotem M; cdd. eam nunc e. i. propriis (vel propris) conpotem; probris iam Ribbeckius. — probris conpotem; Accius: magnis conpotem et multis malis.

IV.

verba Acrisii poenas minitantis adultero.

V.

verba Danaes desperantis se patri posse probare innocentiam suam.—excidit, longa finali; cf. Liv. trag. inc. lib. IV cum comment.

VI.

eiusdem narratio de Iove imbris aurei specie ad se penetrante, de qua re se ante somnio dicit monitam (de somnio etiam cogitavit Ribbeckius). — auri Delrio, vivo M; cdd. animi iubeo. me add. Grotius.

VII.

verba Acrisii irridentis filiam et calamitatis quam Semelae attulerat Iuppiter commonentis. — quam Delrio; quae cdd. — quondam Iunius, quandam cdd.

VIII.

verba Danaes, Iovis auxilium invocantis. — manubiae, fulmina Iovis; cf. Fest. pg. 129.—suppetias M, subpetat cdd.

IX.

haec Livio ascripta in Nonii libris; sed cum numquam alias memoretur huius poetae Danae, at Naevii decies citetur a Nonio, ego secutus sum ed. Aldinam, in qua hoc fragmentum tribuitur Naevio. — apparet autem quam bene huic versui conveniat cum eis quae praecedunt. nam aperte sunt verba Acrisii. — quae mea sunt magi' quam tua vel quae tua sunt minu' quam mea M.; cdd. quae tua sunt magis quam mea.

X.

verba Danaes.

XI.

haec de signo divinitus misso ad Danaes innocentiam confirmandam dicta.

XII,

haec de Iove videntur esse dicta. Amoris potius vires describi putat Ribbeckius.—homines Vossius, hominis cdd.—eius monosyllabum.

VI. Lycurgus.

Lycurgus, Dryantis filius, rex Thracum cum insidiatus esset Baccho ad Indos expeditionem facienti eiusque comitibus, gravissimis affectus est poenis. memorat rem iam Homerus (Il. VI, 130 sqq.). de supplicio eius alii alia tradiderunt. — scripserant de Lycurgo tetralogiam Aeschylus eiusque aequalis Polyphradmon. Naevius tamen quem auctorum secutus sit, prorsus incertum.

I—VI.

verba satellitis missi a statione, quae fines regni tutabatur, et de adventu Bacchi eiusque agminis referentis.

II.

Liberi Mercerus (sed adiectivo potius hic locus), libro II cdd.—quacumque Vossius, quaque cdd.

III.

gnobili Scaliger, nobili ignobiles cd.

IV.

iubatos Iunius, iugatos cdd.—illaesae Bothius, in sese v.

V.

suavisonum Vossius, suave summum cdd.

VI—IX.

verba Lycurgi, imperantis satellitibus, ut captos adducant ex silvis cum duce bacchantes.

VI.

regalis m. 2 H, regari prius idem, regali L, G. — agitatis H ta punctis notato, agitis L, G.—frondiferos H m. 2. — lucos; ita operarum errore, ut puto, Nonii editores Basilienses. certe in H, L locos legitur.—arbusta H m. 1, arbusto rel. cdd.—ut nata Aem. Baehrensius, vineta cdd. (ubi nata Scaliger).—obsitu H, obstutas L, G; et ita m. 2 pro varia lectione H.

ut, si recte habet, positum pro ubi; cf. comm. in Ennium pg. 182; 243. ita Graeci ἵνα.

VII.

iubet Lycurgus boves etiam agi in silvas, ut sacrificii obiecta specie alliciantur bacchantes.—miro autem prorsus et singulari invento Ribbeckius quadrupedum nomine intellegit Bacchi comites, quos manibus pedibusque vinctos et ob id quadrupedes dictos iubeat rex ad se adduci!—idem frgm. IX bipedes volucres eosdem voluit intellegi, dictos scilicet propter agilitatem incessus morumque levitatem! talia nisi qui ipse legerit haud facile crediderit posse excogitari. — pro ducite cd. Bamberg. habet ducito.—cum Mercerus, tum libri.

VIII.

iubet Lycurgus bacchantes in saltus remotissimos et arborum corona densissimos ac propterea aucupum artibus aptissimos illici, ut ibi circumveniantur velut aves.

alis (accusativ.) in alios M, alis sublimen alios fere cdd.; in quibus illud sublimen, quod prorsus est ineptum, haud dubie ortum ex alis ubi in, per errorem praecepto ubi, quod statim sequitur.

quod genus vitii frequentissimum est in libris Nonii.—ilico add. M; quod vel de tempore vel de loco poterit intellegi. — linquont M, linquant v.

IX.

idem rex iubet confinia silvis loca obiri a militibus, nequis forte possit fuga se surripere.—Thraces Bothius, trans cdd.—late longeque fervere dictum ut apud Lucretium legiones per loca campi fervere, et fervere cum videas classem lateque vagari.

X—XIII.

scaena ad Bacchum eiusque comites translata. — commodo (i. e. apto) cum schemate M (bacchico c. sch. v.); cdd. modo bachico cum schemate. in isdem pro Bacchae brehcae.

XI.

verba Bacchi vel unius ex bacchantium numero, insidias timentis Lycurgi.—in venatu; dum venamur; venari de bacchantibus etiam Accius dixit: quanta in venando affecti est laetitudine!—vitulantis; cf. Clastid. I.—lucis Mercerus, locis cdd. — laceratos vel laceratas M, decoratus (decoratis m. 1 H) libri; cf. Pacuv.: nam te in tenebrica saepe lacerabo fame.

XII.

verba ut puto ipsius Bacchi ad satellites regios, simulantis se nescire iter. — ignoteis scripsi ad iuvandum metrum, cum in libris Prisciani, item Non. 485, 5 sit ignoti, eiusd. 124, 27 ignotae vel ignote. — admittendum quippe duxi apud Naevium et is in nominativo pluralis numeri secundae, quae finalis usque ad exitum liberae reipublicae invenitur in inscriptionibus, et adeo *d* in ablativo singularis, sicut constat eum in carmine de bello punico dixisse Troiad. Plautus quidem quatenus *d* paragogica, quae vocatur, sit usus etiamnunc inter doctos dubitatur, neque res est facilis ad discernendum. quod cum ita sit, ne in Naevio quidem *d* illa utendum duxi nisi raro et cunctanter.

XIII.

bacchantium agmen hortante duce tradit se militibus Lycurgi nulla vi temptata eosque sequitur ad regem. hinc vox satellitis patientiam eorum mirantis. — sine ferro, manibus, pecua ut Bergkius (pecua iam Mercerus); sine f. pecora m. ut cdd.

XIV — XXIII.

dum ad regiam contendunt captivi cum custodibus, Bacchus duci horum signa divinitatis dat haut dubia. ideo hic conterritus obsecrat regem, sed frustra, ut ab omni in deum eiusque comites abstineat violentia, cf. Ov. metam. III, 572 — 733.

XIV.

eum, Bacchum. — sitis add. Ribbeckius. — pugnan Bothius, pugna cdd.

XV.

namque ludere ut Vossius, nam ut ludere G, H, L. — sese Vossius, se cdd. — propter Iunius, praeter cdd. — aquam creterris sumere ex fonte Ribbeckius; libri 547, 28 creterris sumere aquam ex ponte vel sim. (ex fonte m. 1 H); 84, 14 haec tantum servata: sumere aquam ex fonte.

XVI.

ad Baccharum cultum haec spectare manifestum. — mortalibus libri Non. 548, 26.

XVII. XVIII.

haec egregio acumine vidit Scaliger ex Lycurgo sumpta et quidem pertinere ad Bacchum. — cet. cf. Ovid. metam. III, 608 sqq.

XVIII.

haec ad Bacchum recte rettulere omnes. — pedibus v., pecudibu^s cdd. — in pedibús habebat. statuit Corssenus de pronunt. ling. lat. II, 498 finalem 'bus' in dativis et ablativis ortam ex 'bhjas', sicut et 'bis' in nobis, vobis, et aliquando haut dubie productam. quam nos rem in medio relinquemus, servatis tamen exemplis duobus, quae apud Naevium reperiuntur antiquitus tradita, quamvis facile sit ea mutare. nam hoc loco scribi potuit: ín pedibus diábathra habebat. neque enim licet ita scandere: díabathra in pedíbus habebat, quoniam vocabulorum in tribrachum exeuntium numquam adhibentur finales ad solvendam arsin.

XX.

ille, Bacchus. — feret ingenui aeque M, feri ingenii vel ingeni atque cdd.—feret iambicum, ut in Tarentillae II amat. — feret pro perferet.

XXI.

sic Ribbeckius, sed cdd. — cita ruit M, cis rapit cdd. — inflexu id., corr. Mercerus. — dicit satelles perinde rei cognitae condicione ad mitiora debere converti Lycurgum ac fluvius non eundem semper teneat cursum.

XXII.

catalecticus tetrameter trochaicus non poterit servari nisi scripseris:
'óderunt di hominés iniustos'. — 'égone an ille iniurie
fácimus?'

sed cum in codicibus sit homines iniuriose, potius erat cum Bothio scribi iniuros, itemque iniure pro iniurie oportebat restitui. — iniurus etiam ap. Plautum Pers. III, 3, 4 reperitur.

dicit vero Lycurgus Bacchum potius iniuriarum auctorem, intratis contra ius gentium Thracae finibus.

XXIII.

verba Lycurgi ut videtur ad satellites cunctantes manus Baccho inicere.

XXIV.

verba Bacchi ut videtur incendium parantis Lycurgi regiae.

XXV.

fortasse in narratione nuntii de incendio Lycurgi aedium haec fuere posita.—soli H m. 1.—illud candor (calor alter Bernensis) non intellego; fortasse aestu caldo. — quum Mercerus, cui cdd.

XXVI.

verba unius eorum qui ex incendio profugerant. — iam vires M; iam ibi nos v. — flammae add. M. — in fine habent libri timos pavos. pavos quod Nonii lemmate non agnoscitur ex praecedente vel insequente vapos ortum.

XXVII.

sunt verba Bacchi comitum, Lycurgum ad supplicium exposcentium. — proinde huc Dryante Ribbeckius (proin Dryante Iunius), proin dustriant te cdd.

Fabulae praetextatae.

I. Romulus.

II cf. Varro VII, 28 'cascum' significat 'vetus'. eius origo sabina, quae usque radices in oscam linguam egit.

III. cf. ex inc. comoed. XXVIII, quod fragmentum ad Romulum referunt nonnulli.

II. Clastidium.

hac fabula describebatur splendididissima victoria, quam a. 222 M. Claudius Marcellus ad Clastidium de Gallis rettulit, interfecto rege eorum Viridumaro.

I. vitulantes; hoc partic. etiam Ennius usus in tragoediis. — de Vitula dea cf. Macrob. III, 2.

II. illa vita insepulta corrupta. — redux; apparet ex verbis Varronianis Ciceronis tempore non fuisse in usu huius adiectivi nominativum.

Ex incertis fabulis.

I.

faventem; furentem Quicheratus.

II. III.

fortasse ad Lycurgum fabulam haec pertinuere.

II.

quis Ritschelius, qui Cicero. cf. comment. ad Lycurg. XII.— algidam; sequebantur fortasse haec: Haemi oram. Horat. c. I, 12, 6 gelidove in Haemo.

III.

Grais atque barbaris M; Grais atque barbari Ritschelius, quem sequendum duxi, cum hiatus talis, qualem Cicero testatur admissum a Naevio, facultatem nullam videam. — ceterum conferenda quae dixit Ritschelius nov. excurs. Plautin. pg. 113 sq. — demonstratum a nobis in vita Ennii pg. 20 sqq. iam antiquo admodum tempore interpolationibus saevitum in vetustissimos poetas Latinos. praeterea ipse Cicero queritur ep. ad Q. fratr. III, 5, quod mendosi admodum sua aetate ferantur codices scriptorum latinorum.

IV.

quod add. Vrsinus.

VI.

est add. Ribbeckius. — hic iungendum cum rusticus.

VII.

ubi se venti frangebant loci Bergkius opusc. philol. I, 348; ubi venti frangebant locum Isidor., locum om. schol. Lucani.

Comoediae.

I. Acontizomenos.

fuit ἀκοντιζόμενος Dionysii comici, ἀκοντιζομένη Antiphanis.

I.

cd. acontizomenus; sed in titulis graecis Romani graecas servant finales, nisi nomina sint vel olim in linguam latinam translata vel propria. ita Terentii fertur 'hautontimorumenos'.

II.

huius monosyllabum; cf. Dan. frgm. XII.

III.

cd. sulpicii noctu interfecit. illud Sulpicii recte ad Sallustii verba quae praecedunt videntur rettulisse docti. fuit qui coniceret súpplicem noctu ínterfecit.

II. Agitatoria.

I.

quae ego nolo v., quod ego nolo cd.

II.

med Bergkius, me cd.; saepe med, ted, sed accusativos apud Plautum inveniri notum. — domi meae M, servos Bothius, de-meo sequor cd. — tax pax, pro quo male in excerptis ex Iulio Romano, quae Keilius Charis. ed. pg. 238 prompsit, legitur tux pax, non est gratulantis interiectio, ut ibi dictum, sed approbantis. — currentes ego illos vendam, nisi tu pretio viceris. 'ego illos' nescio an e superioribus irrepserit. — pretio add. Gulielmius.

sensus autem verborum hic esse videtur, ut dominus hominum aegre ferentium condicionem servilem, in quam casu inciderant, respondeat patrono eorum vel amico, se eos per unum diem velut familiares domi suae habiturum, deinde ad conservos remissurum, et si fuga sibi consulant venditurum, nisi pretio soluto redimantur.

III.

recte si habet lectio vulgata, apparet a Naevio, sicut apud Terentium saepius factum, septenarium iambicum (vel octonarium trochaicum) cum iambico octonario iunctum. ceterum cum grammatici haud raro in afferendis scaenicorum antiquissimorum verbis neglegentiores sint circa metra, nescio an Bothio sit assentiendum, qui trimetros effinxit tales:

sémper pluris féci potiorémque ego
libértatem habui múlto quam pecúniam.

primi autem semipedis defectus commode poterit suppleri addito n a m, sicut visum et Ribbeckio.

IV.

p l u s add. M. ita Char. 184 affert m u l t o propter Ciceronis exemplum tale: m u l t o p l u r a d i x i s s e p u t a r e t u r.—c o l l i g o r. c u r Bothius, c o l l i g o b e u r punctis tribus supra alterum *o* additis cd.—a r t e c o l l i g o r; cf. Plaut. Epidic. 677 a g e t u a r t e c o l l i g a.

V.

s e c u s per euphemismum pro m a l e, ut saepe.

VI.

„eho,
an vicimus?" — „vicistis". — „volop est. quomodo?" —
„dicam tibi".

„e h o extra versum positum, ut apud Plautum trin. 933 sq.:

eho,
an etiam Arabiast in Ponto?

ac similia apud scaenicos inveniuntur multa; ideoque etiam Tarentill. VI a t t a t t a t a e seorsum posuimus. — v o l o p (v o l u p); cf. Ritschel. opusc. II, 450. — e s t a Bothio additum. — d i c a m t i b i ut longioris responsi prooemium etiam apud Plautum invenitur.

III. Agrypnuntes.

I.

nulla M, multa v.; at Bothius: non perdocere multa, haud longe prom. oratiost.

II.

in scenam M, in scena v. — in scenam tollere idest in publicum efferre. — praedatores M; praemiatores, quod ideo falsum, quia neque in iambicis metris neque in trochaicis a Romanis *i* vel *u* vocalis mutata in consonam, v.

IV. Apella.

I.

edundod oculus ad hiatum vitandum scripsit Buechelerus; alii edundo ocellus. ceterum pro edundo pars librorum edendo.

II.

ut illum di perdant C. F. W. Muellerus, ut illum dii ferant vel differant vel similia cdd. Prisciani.—ut om. anon. Bern., apud quem et illam legitur et deferunt. — primus Bothius, primum v.

V, Ariolus.

fuere μάντεις Alexidis, οἰωνιστής Antiphanis, ἀγύρτης Philemonis, δεισιδαίμων Menandri.

II,

alii hariolum inscribunt nota varietate librorum.—utei (pro ut) Buechelerus, autem cd.—leoni si—oreas Vrsinus, leonis—oreat cd.—deprandis, prandii expers, ieiunus.

III.

notum est antiquitus fuisse simultates inter Romanos et Praenestinos; de qua re etiam ex Plauto constat.

Lanvini M, Lanuvini cdd. — altris bis M, Geppertus, Roeperus, alteris cdd.—vulvulam M, Geppertus, bulbam libri meliores; quidam bullam. volvam suillam statim post partum iniucundam ad edendum testatur Plin. hist. nat. XI, 37, 84. — in prolubium M, in proclivi v.—profundier Scriverius, profundere cdd.

VI. Astrologus.

I.

numeri cretici.—cdd. ac sibi pr. ac d.; corr. Bothius.

VII. Carbonaria.

etiam sub Plauti nomine ferebatur carbonaria.

I.

pars librorum adstant, adstat.

VIII. Chlamydaria.

néque admodum a puerís abscessit, néque admodum adulescéntulust.

hic versus scandi non potest nisi admodum prima efferatur correpta.—et statuunt viri rei metricae Plautinae studiosi posse corripi syllabam posit. longam, si praecedat breve monosyll. vel elidendo curtatum disyll. priore brevi.—cet. fortasse Naevii tempore propter frequentiam usus pro ammodum pronuntiatum amodum prima brevi, sicut aperio, operio, oportet alia quaedam propter eandem causam corripuere primam. ita et Lucilius et Lucretius dixere coruptum; cf. d. r. m. pg. 360.—nec vero est improbabile maiorem latere corruptelam, cum praesertim versus ille constet testimonio auctoris seri et incerti.—adulescentulust Ribbeckius, adolescentulus est codex. in quo et abscesit legitur.

IX. Colax.

fuit κόλαξ Menandri, quam et Plautus vertit fabulam; cf. Ter. eun prol. 25.

I.

recte videtur statuere Ribbeckius contineri hisce responsum parasiti ad militem, qui velut alteri Herculi polluctam i. e. decimam partem bonorum ab illo sibi offerri voluerit; qualem reddere solebant huic deo ad expiandum siquid per malas artes fecissent lucri. — dicit igitur parasitus se iam polluctae instar publice epulum instituisse in honorem Herculis novi et huic insumpsisse, quidquid alieni (id est sive iniuria parti sive mutuo sumpti) sibi fuerit.

quid; plures libri qui (at sequitur *d*). — mi Hermannus add. — alienum Bongarsianus. — polluxi tibi iam Hermannus, polluxit

tibia cdd. — Herculi Bambergens.—tibi, omissis reliciuis Bothius.— decimas ut vocabulum ex eis quae praecedunt repetitum seclusit M.

II.

vereor producta finali, ut saepius apud Plautum. — quantum ad sententiam, cf. Aristoph. ran. 1425 ποθεῖ μέν, ἐχθαίρει δέ, βούλεται δ'ἔχειν.

III.

cdd. timedus vel tamedus.—pedibus me dedi; comica elocutio; cf. comm. in Ennium pg. 223 sq.

IV.

me ex seq. v. add. M.—multasti M, me multatis cdd.—audebam Mercerus, audiebam v. — mi Ribbeckius, mihi cdd. — ultro add. M.—annuis Quicheratius, ennius libri. —est autem oratio servi propter libertatem donatam grates agentis.

XI. Corollaria.

στεφανοπώλιδες fabula fuit Eubuli.

I.

et auget add. M.

II.

hanc accusativus subiecti.

III.

si integra sunt verba, post nasum admissus hiatus, ut saepius in tetrametro trochaico apud Plautum.

IV.

numne nunc vis te moneam unum, si videtur, quippiam M. num non vis e. q. s. Putschius, haud dubie ex cd. Caucheniano; num quippiam Neapolitanus.

V.

st tace Hauptius, setale ed. (st, tale Fabricius).

VI.

formidolosust Bothius, formidulosus est cd.

VI.

sensus horum verborum videtur hic esse, ut deprensus in osculando (cf. Plaut. mil. 1334 sq.) subito conversis in se oculis rivalis iubeat eum salvere, hic salutem datam respuat, eamque iterum deinde reddat ille. — attattattat attatae, ut apud Plautum plerumque attatae, rem inopinatam subito cognoscentis est interiectio. — istuc M, istud cd.

XII. Dementes.

quod Ribbeckius scripsit „animae pauxillulum in me habet" apparet hic ut saepius parum accurate tractatum auctoris qui affert verba Naevii locum. nec enim Diomedes de principalibus verborum formis agit, sed de frequentativis. quorum quidem exempla ex poetis petita, quibus deinceps utitur, non sunt nisi ea, quae a vulgi usu sint aliena, ut „adito", „abito", „inito", „abito", „hieto". at „habitandi" verbo usos esse Romanos vel adeo „habendi" quo demonstraretur nullo hercule opus erat documento. — ceterum sensus in hunc fere modum poterit suppleri;

quód fuit animaé pauxillulum ín med, abitat iám diu.

[XIV. Diobolaria].

cum Fulgentius sit quidem homo fidei levissimae, sed hic illic afferat quorum memoriam aliquam ex lectione antiquiorum auctorum hauserit, quae adscribit Naevio addenda duxi, non tamen sine uncis. — ceterum ex Plauto diobolares memorat Varro VII, 64. — pro mi v. legitur mihi.

XV. Dolus.

habet Florentinus caperrata, non quod v. fertur caperata; et produci secundam in hoc verbo confirmatur Varronis Eumenidum versu, qui legitur ap. Non. 8, 32. quod cum ita sit, aut bacchiacis numeris illa constare ita: capérrata fróntei aut post caperata aliquid intercidisse statuendum.

XVII. Fretum.

pro illis quae sunt quibus testimonium est quod fretum est Naevii coniecerunt alii alia, nihil tamen quisquam quod memoria esset dignum. — equidem cum olim extiterit fretum comoedia, quam alii affirmarent esse Plauti, alii negarent (cf. Gell. n. att. III, 3, 7),

cur eadem non et Naevio potuerit adscribi minime intellego, sicut et carbonaria et colax utriusque feruntur poetae. — illud autem quod fretum est prorsus ex more dictum Varronis, velut habes VII, 46 Ennii versum sic citatum: et quod est; cf. ib. 15; 28.—neque erat cur Ritschelius parergon pg. 130 freti inscriptionem vocaret in suspicionem. notum quippe vulgo, a tenuissimis haud raro momentis rerum ductos titulos fabularum, veluti trinummi Plautinae.

illud equidem de coniectura scripsi ad numeros restituendos. nimis enim incondite ferebatur haec quidem hercle, quo admisso priorem in hercle correptam a Naevio statuas necesse est; quod admitti posse iure negant Ritschel. proleg. trinum. pg. 127 et Bentleius ad eunuch. V, 8, 43.

pro illo nam apud Paulum fertur quae sic. — apparet autem irrideri feminam, quae hominem vita functum vel probrosum vel ineptum nimiis efferret laudibus.

XVIII. Glaucoma.

I.

quod; fortasse quo.—opsinio quid. libri. — meam add. M.— duriores cum sint numeri, licet vitio careant, nescio an sit scribendum:

quód de obsonió stilo ille mi ín manum pepigít meam.

ceterum glaucomam feminino genere etiam Plautus dixit. et multa talia apud antiquissimos Romanos.

XIX. Gymnasticus.

cum antiquissimi Romani saepius ad emolliendos consonarum nexus, qui in lingua latina aut numquam invenirentur aut raro, interposuerint vocales (veluti dixere minam, Aesculapium, Alcumaeonem, Tecumessam, drachumam), Ritschelius hanc fabulam „guminasticum“ inscribi voluit, cuius formae bis in Nonii libris qui solus hanc comoediam memorat vestigia extant. sane etiam Ciceronis aetate Catullus 64, 60; 63 tali usus nec minus Varro d. r. r. I, 55, 4.—ceterum pro gymnastico aliquotiens in Nonii libris legitur gemnastico.

de argumento parum constat. inducitur homo ad nuptias ineundas paratus et mox amoris vim expertus (I, II, III, IV), praeterea parasitus (V) et senex quidam, qui amanti, nisi fallor, promittit se omnia sua ei legaturum (VIII).

I.

age vel da add. M.—virginem ducere om. mediis L.—quantum ad rem, conf. Plaut. Stich. 118 sq. age tu dic altera: utra condiciost pensior, virginemne an viduam habere?

II.

tam sis pauxillus Bothius, tam pausillus sis cdd.

III. IV.

de Amoris potentia haec videntur esse dicta.—dissicis, ita saepe scriptum pro disicere.

haut v., aut cdd.—simil est Ribbeckius, simile est Nonius.—hic add. Ribbeckius.—simil; cf. debil Ennianum (ann. 341) et quae dicta sunt ad h. l.—illud homo ex Titinii qui praecedit versu ubi abundat huc revocavit Ribbeckius.

VI.

destitui iubet ancoris cd. Vrbinas 308; relicui iubet destitui ancoris; in alto destitui ancoris navem iubet Bothius.

VIII.

atqui M, atque v.—meis monosyllabum, ut saepe, etiamsi illud atque servaveris.—omnibus longa finali; cf. dicta ad Lycurg. XVIII. hoc tamen loco facile reponere omnibus te ego herem faciam. — herem H. m. 1, heredem rell.

XXIII. Nagido.

Nagidonis nomen haud dubie corruptum; certe alias inveniri non memini.—Ναγιδεὺς incola urbis in confiniis Ciliciae et Pamphyliae positae; cuius mentionem latere posse in illo Nagidone putat Ribbeckius.—notandum autem Varronem in lemmatis, ut alias interdum, ita hoc loco alphabeti sequi ordinem, non ut possit reponi cum Scaligero in agone, cum praecesserit Lampadio fabula.

clucidatus; cf. Paul. 55 clucidatum dulce et suave dicebatur; id. 98 glucidatum suave et iucundum. Graeci enim γλυκὺν dulcem dicunt. illud haesit ex antiqua orthographia. nam ad Pyrrhi bellum *c* apud Romanos et pro *g* ponebatur.

[XXIV. Nautae].

supplementa Vrsini satis incerta, ut ne de nomine quidem fabulae constet.

XXV. Nervularia.

fuit et Nervolaria Plauti.

I.

callum v., gallus cdd.—gliris glandia v., glifis (clifis L) grandia cdd.

XXVI. Pellex.

fuit παλλακή Menandri, Diphili, Alexidis.

desim Bothius, desine v.; ita ap. Non. pg. 151 bis pien pro piem.—socru M, socri cdd.—patrueli Mercerus, patrui cdd.

[XXVIII. Philemporos.]

sculponeae non recte explicatae a Fulgentio. cf. interpret. ad Plaut. Casin. 386. — latera sunt probe M, sunt latera probe v.

XXIX. Proiectus.

comparat cum proiecti titulo Ribbeckius cistellariae Plautinae I, 2, 4 sq. parvolam pueram proiectam ex angiportu sustuli.

I.

patit edd. vet.; patitur v.—tu patias alter Paris., tu potior Monacens.

II.

quid imperas v.; quia imperas vel quam peras cdd.

XXX. Quadrigemini.

labori iş M, laboris cdd.; labori v.

XXXI. Stalagmus.

Stalagmus servi nomen in captivis Plauti.—de initio frgm. huius dictum in testimoniis.—meus est homo M, meus homo est v.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXXIX.

1885.

ІЮНЬ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.


Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.


1885.

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го я).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXXIX.

1885.

ІЮНЬ.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан. № 78.

5.



Екатерининскій кан., д. № 78.
2628

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

4. (28-го февраля 1885 года). **Объ обязательномъ обученіи русскому языку въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа для всѣхъ русскихъ подданныхъ,**

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ отмѣну Высочайшаго повелѣнія 27-го февраля 1864 года, Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы обученіе русскому языку въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, было обязательно для всѣхъ русскихъ подданныхъ, и чтобы всѣ, желающіе получить право на обученіе публичное и домашнее, не исключая иностранцевъ и иностранокъ, подвергались испытанію изъ русскаго языка на основаніи общаго закона, съ назначеніемъ для приведенія въ исполненіе сей послѣдней мѣры по отношенію къ домашнимъ и начальнымъ учительницамъ годичнаго срока.

5. (5-го марта 1885 года). **О порядкѣ назначенія учителей и учительницъ въ начальныя училища царства Польскаго и объ языкѣ преподаванія въ сихъ заведеніяхъ.**

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, о порядкѣ назначенія учителей и учительницъ въ начальныя училища царства Польскаго и объ языкѣ преподаванія въ сихъ заведеніяхъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о порядкѣ назначенія учителей и учительницъ въ начальныя училища губерній царства Польскаго и объ языкѣ преподаванія въ сихъ заведеніяхъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей Высочайшаго указа 30-го августа (11-го сентября) 1864 года о начальныхъ училищахъ въ царствѣ Польскомъ, постановить слѣдующія правила:

1) Учители начальныхъ городскихъ, гминныхъ и сельскихъ училищъ назначаются непосредственно начальниками учебныхъ дирекцій, преимущественно изъ числа лицъ, окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, а за недостаткомъ такихъ кандидатовъ — изъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на званіе учителя начальнаго училища. Учительницы упомянутыхъ училищъ назначаются тѣмъ же порядкомъ, по преимуществу изъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на званіе учительницы начальнаго училища, при чемъ не имѣющія такихъ свидѣтельствъ, предварительно назначенія, подвергаются надлежащему испытанію со стороны начальниковъ учебныхъ дирекцій.

2) Во всѣхъ указанныхъ въ предыдущей статьѣ училищахъ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ закона Божія иностранныхъ исповѣданій и природнаго языка учащихся, которые могутъ быть преподаваемы также и на семъ послѣднемъ языкѣ. Возникающія на практикѣ сомнѣнія относительно того, какой именно языкъ долженъ быть признанъ языкомъ преподаванія двухъ означенныхъ предметовъ, разрѣшаются попечителемъ учебнаго округа, по соглашенію съ Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ отдѣльныхъ училищахъ, упомянутыхъ въ статьѣ 29-й Высочайшаго указа 30-го августа (11-го сентября) 1864 года, преподаваніе производится на общемъ основаніи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ председателями и членами.

6. (12-го марта 1885 года). О правахъ по воинской повинности воспитанниковъ двухкласснаго училища графовъ Бобринскихъ въ м. Смѣлѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ по воинской

повинности воспитанниковъ двухклассаго училища графовъ Бобринскихъ, въ м. Смѣлѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ по воинской повинности воспитанниковъ двухклассаго училища графовъ Бобринскихъ, въ м. Смѣлѣ, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе приложенія къ примѣчанію 4 при статьѣ 53 устава о воинской повинности (св. зак, т. IV кн. I по продолж. 1879 года), постановить:

1) Двухклассное частное училище, состоящее при рафинадномъ заводѣ графовъ Бобринскихъ въ м. Смѣлѣ (Кіевской губерніи), причисляется, для окончившихъ въ немъ полный курсъ ученія, къ третьему разряду учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности. Воспитанники, вышедшіе изъ означеннаго училища ранѣе окончанія въ немъ полнаго курса, пользуются правами окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ четвертаго разряда, если пробыли въ училищѣ не менѣе двухъ лѣтъ и получили отъ него свидѣтельство о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ.

2) Въ отношеніи производства испытаній и выдачѣ свидѣтельствъ объ окончаніи курса въ упомянутомъ учебномъ заведеніи, или о знаніи учившимися въ немъ предметовъ, преподаваемыхъ въ народныхъ училищахъ, примѣняется порядокъ, установленный для сельскихъ двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

7. (12-го марта 1885 года). Объ учрежденіи Западно-Сибирскаго учебнаго округа.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи Западно-Сибирскаго учебнаго округа, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.



Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи Западно-Сибирскаго учебнаго округа, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить Западно-Сибирскій учебный округъ, со включеніемъ въ составъ онаго губерній Тобольской и Томской и областей Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской.

II. Управленіе Западно-Сибирскимъ округомъ подчинить дѣйствію изданныхъ для другихъ учебныхъ округовъ общихъ правилъ, отмѣнивъ въ отношеніи перечисленныхъ въ ст. I губерній и областей силу Высочайше утвержденнаго 12-го апрѣля 1859 г. положенія объ управленіи гражданскими учебными заведеніями Западной Сибири.

III. Проектъ штата Западно-Сибирскаго учебнаго округа поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію и, по воспослѣдованіи онаго, ввести штатъ этотъ въ дѣйствіе съ 1-го іюля 1885 года.

IV. Потребный въ нынѣшнемъ году на содержаніе управленія вновь учреждаемаго учебнаго округа (кромѣ попечителя) расходъ въ размѣрѣ одиннадцати тысячъ ста двадцати пяти рублей покрыть на счетъ кредита, назначеннаго для сего къ условному отпуску по § 4 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія; съ будущаго же 1886 года вносить въ подлежащія подраздѣленія финансовыхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, на тотъ же предметъ, по двадцать двѣ тысячи двѣсти пятьдесятъ рублей въ годъ.

V. Должности: главнаго инспектора училищъ Западной Сибири, секретаря при немъ, помощника секретаря и архитектора упразднить съ 1-го іюля 1885 года. Лицъ, занимающихъ эти должности, если не получатъ другаго назначенія, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Въ Гатчинѣ. 12-го марта 1885 г. ***„Быть по сему".***

ШТАТЪ

Западно-Сибирскаго учебнаго округа.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ. Одному. Жалованья.	Столовыхъ.	Всего.	Классы и разряды. По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
		Рубли.					
Попечитель	1	По особ. Высоч.		по.	IV	IV	По особымъ правиламъ Высочайше утвержд. 26 Апрѣля 1863 года.
Окружныхъ инспекторовъ	2	1000	1000	4000	V	V	По учебной службѣ.
Правитель канцеляріи	1	1000	1000	2000	VI	VI	II, 2 ст.
Столоначальниковъ	2	500	500	2000	VIII	VIII	VI
Помощниковъ столоначальниковъ	2	375	375	1500	IX	IX	VII
Бухгалтеръ	1	500	500	1000	VIII	VIII	VI
Журналистъ-архиваріусъ	1	375	375	750	IX	IX	VII
Архитекторъ	1	600	600	1200	VIII	IX	VII
Секретарь попечительнаго совѣта	—	—	—	400			
На расходы по испытательному комитету	—	—	—	1500			
На наемъ писцовъ	—	—	—	1400			
На канцелярскіе расходы и наемъ сторожей и разсыльныхъ	—	—	—	2000			
На наемъ помѣщенія, отопленіе, освѣщеніе и другіе расходы	—	—	—	1500			
На разъѣзды для осмотра учебныхъ заведеній	—	—	—	3000			
Итого	11	—	—	22250			

Примѣчанія:

1-е. Чинамъ канцеляріи попечителя и архитектору могутъ быть отводимы казенныя квартиры, если для этого окажутся свободныя помѣщенія въ зданіяхъ учебнаго вѣдомства; при неимѣніи же казенныхъ квартиръ, имъ могутъ быть назначаемы квартирныя деньги изъ спеціальныхъ суммъ учебныхъ заведеній, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія.

2-е. При командировкахъ по дѣламъ службы, архитектору производятся прогонныя, суточныя и квартирныя деньги, на общемъ основаніи.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

8. (9-го апрѣля 1885 года). Объ усиленіи инспекціи въ Харьковскомъ учебномъ округѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ усиленіи инспекціи въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ усиленіи инспекціи въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, мнѣніемъ положилъ:

1) Усилить управленіе Харьковскаго учебнаго округа учрежденіемъ двухъ новыхъ должностей окружныхъ инспекторовъ, съ присвоеніемъ имъ, а равно существующей уже въ семъ округѣ должности окружнаго инспектора, годоваго оклада содержанія, въ размѣрѣ одной тысячи девятисотъ семидесяти восьми рублей восьмидесяти восьми копѣекъ (въ томъ числѣ 857 руб. 76 коп. жалованья, 800 руб. столовыхъ и 321 руб. 12 коп. квартирныхъ денегъ), и съ распространеніемъ на вновь учреждаемыя должности служебныхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ вообще окружнымъ инспекторамъ.

2) Потребный на осуществленіе указанныхъ мѣръ ежегодный расходъ, въ количествѣ четырехъ тысячъ двухсотъ сорока шести рублей сорока одной копѣйки въ годъ, вносить, начиная съ 1-го января 1886 года, въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія; въ текущемъ же году обратить его на кредитъ, назначенный на сей предметъ къ условному отпуску по § 4 ст. 1 дѣйствующей смѣты того же министерства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

9. (9-го апрѣля 1885 года). Объ учрежденіи при нѣкоторыхъ дирекціяхъ народныхъ училищъ вторыхъ должностей инспекторовъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при нѣкоторыхъ дирекціяхъ народныхъ училищъ вторыхъ должностей инспекторовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ. Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при нѣкоторыхъ дирекціяхъ народныхъ училищъ вторыхъ должностей инспекторовъ, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить, съ 1-го іюля 1885 года, при дирекціяхъ народныхъ училищъ: Кутаисской, Эриванско-Елисаветпольской и Тифлисской, Кавказскаго учебнаго округа, должности вторыхъ инспекторовъ народныхъ училищъ, съ присвоеніемъ имъ окладовъ содержанія и служебныхъ правъ и преимуществъ, установленныхъ для такихъ же должностей въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія (Высоч. утвержд. 25 мая 1874 г. мн. госуд. совѣта).

2) Потребные на содержаніе упомянутыхъ должностей во второмъ полугодіи нынѣшняго года три тысячи руб. покрыть на счетъ кредита, назначеннаго для сего къ условному отпуску по ст. 1 § 11 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія; съ будущаго же года вносить въ подлежащія подраздѣленія смѣтъ того



же министерства на настоящую потребность по шести тысячъ рублей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

8-го мая 1885 года (№ 7). Продолженъ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію, доценту Императорскаго университета св. Владиміра, коллежскому совѣтнику Суханову—до 15-го августа 1885 года.

Командированъ за границу, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Вышнеградскій—на полтора мѣсяца (Высочайшее повелѣніе 1-го апрѣля 1885 года).

Командированы съ ученою цѣлію въ Россіи и за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Розенбергъ и экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Любовичъ—на лѣтнее вакаціонное время 1885 года; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Струве—съ 20-го іюня по 20-е ноября 1885 года; за границу: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра: заслуженный, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эргардтъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ Вецъ; статскіе совѣтники: Гейбель и Чирьевъ и коллежскій совѣтникъ Эйхельманъ; Дерптскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мейеръ и Варшавскаго, статскій совѣтникъ Будиловичъ; экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра: статскій совѣтникъ Борнгауптъ и коллежскій ассесоръ Кулаковскій и Казанскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левшинъ и лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Кулаковскій—на лѣтнее вакаціонное время 1885 года; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ягичъ—съ 15-го іюня 1885 года на три мѣсяца; доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ Кохъ—съ 10-го іюня по 12-е сентября 1885 года; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ Гротъ и прозекторъ Императорскаго Казанскаго университета Маліевъ—на

лѣтнее вакаціонное время 1885 года и двадцать восемь дней; исправляющій должность доцента Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ Мазингъ—на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и двадцать девять дней; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Васильевъ—на три съ половиною мѣсяца; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ Цитовичъ—съ 15-го мая по 30-е августа 1885 года; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія коллежскій ассесоръ Ефимовъ; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Любимовъ; ординаторы факультетскихъ клиникъ сего университета: хирургической, лѣкарь Кандаратскій и акушерской, лѣкарь Рясенцевъ и хранитель зоологическаго музея Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ Зографъ—на четыре мѣсяца, съ зачетомъ Ефимову въ настоящую командировку разрѣшеннаго ему мѣсячнаго отпуска за границу; лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій ассессоръ Павловъ—на четыре мѣсяца и пять дней; исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета Вѣховъ — съ 20-го іюня 1885 года по 20-е февраля 1886 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ славянской филологіи Гротъ—на одинъ годъ, съ 30-го мая 1885 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Вавшавскаго университета, надворный совѣтникъ Блокъ—съ 18-го іюня 1885 года по 1-е сентября 1886 года.

Продолженъ срокъ отпуска за границу, преподавателю гимназіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, надворному совѣтнику Ивановскому—по 15-е августа 1885 года, по болѣзни.

Уволены въ отпускъ въ Россіи: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Маакъ—на три мѣсяца, по болѣзни; попечители учебныхъ округовъ: Кіевскаго, тайный совѣтникъ Голубцовъ, Московскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ никъ графъ Капнистъ и Казанскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Масленниковъ—на два мѣсяца; Голубцовъ во внутреннія губерніи, съ 10-го іюля 1885 года, по болѣзни, графъ Капнистъ въ Полтавскую губернію, и Масленниковъ, съ 15-го іюня 1885 года, въ Москву и Смоленскую губернію.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

6. (17-го апрѣля 1885 года). **Положеніе о стипендіи Высочайшаго Имени Государя Императора Александра III при Владимірской мужской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 6-го іюня 1883 года, въ ознаменованіе торжества священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, учреждается при Владимірской мужской гимназіи одна стипендія Высочайшаго Имени Государя Императора Александра III, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго для этой цѣли Владимірскимъ губернскимъ земствомъ капитала въ четыре тысячи рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 5% билетахъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіатъ избирается Владимірскою губернскою земскою управою изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи, которые, по удостовѣренію педагогическаго совѣта, отличаются хорошими успѣхами въ наукахъ, прилежаніемъ и поведеніемъ.

§ 4. Ученикъ, удостоенный стипендіи, получаетъ ее по полугодно, въ мартѣ и сентябрѣ, и пользуется ею во все продолженіе ученія въ гимназіи; но въ началѣ каждаго учебнаго года начальствомъ гимназіи представляется губернской управѣ свидѣтельство объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата, съ заключеніемъ педагогическаго совѣта, соображаясь съ которыми, губернская управа рѣшаетъ вопросъ о правѣ стипендіата на продолженіе стипендіи.

§ 5. Оставленіе ученика на второй годъ въ томъ же классѣ по безуспѣшности, происходящей отъ лѣни, небрежности и нерадѣнія, лишаетъ его права на стипендію; если же оставленіе на второй годъ было слѣдствіемъ продолжительной болѣзни или другихъ, лично отъ ученика независящихъ обстоятельствъ, то губернской земской управѣ предоставляется право рѣшать этотъ вопросъ въ окончательной формѣ и сообщать свое рѣшеніе педагогическому совѣту.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

7. (18-го апрѣля 1884 года). **Положеніе о стипендіи имени бывшаго директора Томской мужской гимназіи и училищъ Томской губерніи, статскаго совѣтника Бориса Ивановича Сциборскаго при Томской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ семьсотъ рублей, собраннаго по подпискѣ гражданами города Томска, учреждается при Томской мужской гимназіи одна стипендія, съ наименованіемъ оной „стипендія бывшаго директора Томской гимназіи и училищъ Томской губерніи, Бориса Ивановича Сциборскаго".

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Томской гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. На хозяйственный комитетъ гимназіи возлагается обязанность слѣдить, чтобы обезпечивающія стипендію облигаціи, въ случаѣ выхода въ тиражъ, своевременно были обмѣниваемы на другія правительственныя процентныя бумаги.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала употребляются на плату за право ученія одного изъ бѣдныхъ учениковъ Томской гимназіи и на пріобрѣтеніе для него учебныхъ пособій.

§ 5. Стипендіей можетъ пользоваться ученикъ Томской гимназіи, начиная со II класса, отличающійся хорошими успѣхами и отличнымъ поведеніемъ.

§ 6. Стипендіатъ, оказавшій по своей винѣ неудовлетворительные успѣхи или замѣченный въ неодобрительномъ поведеніи и оставленный вслѣдствіе этого на другой годъ въ классѣ, лишается права на стипендію, которая предоставляется другому достойному ученику.

§ 7. Выборъ стипендіата, а равно и лишеніе его стипендіи принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.



§ 9. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіи присоединяются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

8. (22-го апрѣля 1885 года). Правила о стипендіи имени покойной жены статскаго совѣтника Анны Петровны Макѣевой, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, изъ процентовъ съ завѣщаннаго г-жею Макѣевою капитала въ 6,000 руб. и обращеннаго затѣмъ въ билеты восточнаго займа на сумму въ 6,300 руб.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Стипендія присвоивается наименованіе: „стипендія имени покойной жены статскаго совѣтника Анны Петровны Макѣевой".

§ 2. Размѣръ стипендіи триста пятнадцать руб. въ годъ.

§ 3. Стипендія, согласно волѣ завѣщательницы, назначается одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ медицинскаго факультета изъ потомственныхъ дворянъ или изъ купцовъ города Москвы.

§ 4. Стипендія назначается, согласно существующимъ на сей предметъ правиламъ, избранному факультетомъ студенту правленіемъ университета, съ утвержденія г. попечителя Московскаго учебнаго округа.

§ 5. Стипендіатъ, не оказывающій успѣховъ или же замѣченный въ чемъ-либо предосудительномъ, лишается стипендіи.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки отъ процентовъ должны присоединяться къ основному капиталу, съ цѣлію увеличенія впослѣдствіи размѣра стипендіи.

9. (22-го апрѣля 1885 года). Правила о стипендіи имени тайнаго совѣтника Николая Ефимовича Андреевскаго, бывшаго Костромскаго губернатора, учреждаемой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, изъ процентовъ съ капитала въ 6,000 руб., пожертвованнаго фабрикантами Кинешемскаго уѣзда Костромской губерніи, билетами восточнаго займа.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Стипендія, по волѣ жертвователей, именуется: „стипендія имени тайнаго совѣтника Николая Ефимовича Андреевскаго, бывшаго Костромскаго губернатора".

§ 2. Размѣръ стипендіи триста руб. въ годъ.

§ 3. Стипендія назначается студенту юридическаго факультета.

§ 4. Кандидата на стипендію избираетъ при своей жизни тайный совѣтникъ Николай Ефимовичъ Андреевскій, а послѣ его смерти то лицо, которому онъ передастъ это право; если такого распоряженія не сдѣлаетъ, то назначеніе стипендіата будетъ зависѣть отъ правленія университета.

§ 5. Распорядитель назначеніемъ стипендіи предварительно назначенія ея избранному кандидату сносится съ начальствомъ Московскаго университета для полученія свѣдѣній объ успѣхахъ и благонадежномъ поведеніи кандидата. Въ случаѣ неблагопріятнаго отзыва объ избранномъ кандидатѣ, стипендія не должна назначаться таковому.

§ 6. Когда стипендія сдѣлается свободною, университетъ извѣщаетъ объ этомъ распорядителя назначеніемъ оной для избранія кандидата.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки отъ процентовъ, присоединяются къ основному капиталу для увеличенія впослѣдствіи размѣра стипендіи.

10. (26-го апрѣля 1885 года). **Положеніе о стипендіи Высочайшаго Имени Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, учрежденной при Владимірской земской женской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 6 іюля 1883 года, въ ознаменованіе торжества Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, учреждена при Владимірской земской женской гимназіи одна стипендія Высочайшаго Имени Императрицы Маріи Θеодоровны, на счетъ процентовъ съ капитала въ четыре тысячи рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью Владимірскимъ губернскимъ земствомъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 5% билетахъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ

§ 3. Стипендіатка избирается попечительнымъ совѣтомъ Владимірской женской гимназіи, изъ бѣднѣйшихъ учениц гимназіи, ко-

торыя, по удостовѣренію педагогическаго совѣта, отличаются хорошими успѣхами въ наукахъ, прилежаніемъ и поведеніемъ.

§ 4. Ученица, удостоенная стипендіи, получаетъ ее по полугодно въ Мартѣ и Сентябрѣ и пользуется ею во все продолженіе ученія въ гимназіи, но въ началѣ каждаго новаго учебнаго года представляется попечительному совѣту свидѣтельство объ успѣхахъ ея и поведеніи, сообразуясь съ которыми, попечительный совѣтъ рѣшаетъ вопросъ о правѣ стипендіатки на продолженіе ей стипендіи.

§ 5. Оставленіе ученицы на второй годъ въ томъ же классѣ по безуспѣшности, происходящей отъ лѣни, небрежности и нерадѣнія, лишаетъ ее права на стипендію, по постановленію о семъ педагогическаго совѣта гимназіи; если же оставленіе на второй годъ было слѣдствіемъ продолжительной болѣзни или другихъ, лично отъ ученицы независящихъ, обстоятельствъ то предоставляется право рѣшать этотъ вопросъ въ окончательной формѣ совѣту попечительному и сообщать свое рѣшеніе къ свѣдѣнію педагогическаго совѣта.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

11. (29-го апрѣля 1885 года). Правила о стипендіи имени покойнаго ординарнаго профессора Московскаго университета Владиміра Николаевича Никольскаго.

(Утверждены министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 5000 руб., завѣщаннаго титулярнымъ совѣтникомъ Ѳедоромъ Николаевичемъ Никольскимъ, учреждается при Императорскомъ Московскомъ университетѣ стипендія, которая именуется „стипендія имени покойнаго ординарнаго профессора Московскаго университета Владиміра Николаевича Никольскаго".

§ 2. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ получаемыхъ съ капитала процентовъ, составляющихъ въ настоящее время сумму 250 рублей въ годъ.

§ 3. Стипендія, согласно волѣ завѣщателя, назначается одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ юридическаго факультета, достойно и успѣшно проходящихъ университетскій курсъ.

§ 4. Стипендія назначается избранному на нее юридическимъ факультетомъ студенту, согласно существующимъ на сей предметъ правиламъ.

§ 5. Если по какому-либо случаю образуются остатки отъ процентовъ съ капитала, то таковые должны быть причисляемы къ капиталу, съ цѣлію увеличенія впослѣдствіи размѣра стипендіи.

12. (29-го апрѣля 1885 года). Правила о стипендіи имени покойнаго коллежскаго совѣтника Алексѣя Петровича Рѣщикова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 4000 руб., завѣщаннаго дѣвицею изъ дворянъ Маріею Петровною Ширяевою учреждается при Императорскомъ Московкомъ университетѣ стипендія, коей присвоивается наименованіе „стипендія имени покойнаго коллежскаго со вѣтника Алексѣя Петровича Рѣщикова".

§ 2. Размѣръ стипендіи двѣсти рублей въ годъ.

§ 3. Стипендія назначается студенту медицинскаго факультета, недостаточнаго состоянія, отличнаго по успѣхамъ и поведенію, согласно дѣйствующимъ о назначеніи стипендій общимъ правиламъ.

§ 4. Свободные остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ оному.

13. (10-го мая 1885 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о взиманіи сбора при увеличеніи содержанія со всѣхъ лицъ, пользующихся правами государственной службы, изъ какого бы источника ни производилось имъ содержаніе.

Въ дополненіе Высочайше утвержденнаго 15-го мая 1879 года мнѣнія государственнаго совѣта о взиманіи сбора при увеличеніи содержанія (законъ 9-го іюня 1873 г.) со всѣхъ лицъ, пользующихся правами государственной службы, изъ какого бы источника ни производилось имъ содержаніе,—журналомъ соединенныхъ департаментовъ государственной экономіи и законовъ, Высочайше утвержденнымъ 25-го декабря 1884 г., постановлено, между прочимъ:

Пунк. 2. За правильность поступленія сбора при увеличеніи содержанія по службѣ лицамъ, пользующимся правами государственной службы и получающимъ содержаніе изъ земскихъ сборовъ, суммъ государственнаго банка, городскихъ и общественныхъ доходовъ или же изъ спеціальныхъ средствъ разныхъ вѣдомствъ, отвѣтствуютъ тѣ

учрежденія, въ которыхъ упомянутыя лица состоятъ на службѣ (п. II, прилож. къ ст. 619 уст. о пошл., Св. зак. Т. V, по продол. 1876 г.)

Пунк. 3. Означенныя выше учрежденія обязаны сообщать въ мѣстныя контрольныя палаты, въ срокъ и по формѣ, установленной государственнымъ контролемъ, полугодовыя отчетныя свѣдѣнія, какъ о всѣхъ перемѣнахъ въ размѣрахъ содержанія состоящихъ въ нихъ на службѣ лицъ, пользующихся правами государственной службы, такъ и о произведенныхъ съ этихъ лицъ вычетахъ въ пользу казны.

При обсужденіи способовъ исполненія приведеннаго высочайшаго повелѣнія, государственный контроль прежде всего обратилъ вниманіе на то, что Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 15-го мая 1883 г., между прочимъ, слагаются всѣ недоборы по указанное число въ сборѣ при увеличеніи содержанія, при чемъ тѣ удержанія въ сборъ, срокъ уплаты коихъ наступитъ послѣ 15-го мая 1883 г., подлежатъ взысканію. Такимъ образомъ, для повѣрки тѣхъ взносовъ, которые должны были состояться послѣ указаннаго срока, государственному контролю необходимо имѣть свѣдѣнія о перемѣнахъ въ личномъ составѣ управленій и въ окладахъ содержанія служащихъ съ правами государственной службы за нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе.

Въ этихъ видахъ, отчетность по означенному сбору должна начаться съ 1-го января 1883 г., и съ этого срока помянутыя учрежденія должны доставлять въ учрежденія государственнаго контроля:

1) Единовременно, вѣдомость, по прилагаемой формѣ, о перемѣнахъ какъ въ личномъ составѣ служащихъ въ управленіи съ правами государственной службы, такъ и въ окладахъ ихъ содержанія, за время съ 1-го января 1883, по 1-е января 1885 г., съ указаніемъ суммъ причитающихся казнѣ удержаній изъ содержанія, съ приложеніемъ копій съ постановленій объ опредѣленіи на службу или увеличеніи содержанія и подлинныхъ квитанцій казначействъ въ полученіи денегъ.

2) По истеченіи каждаго полугодія, начиная съ 1 января 1885 г. не позднѣе 20 числа слѣдующаго за отчетнымъ полугодіемъ мѣсяца, указанные въ п. 1 вѣдомость и документы.

Сообщая о вышеизложенномъ, статсъ-секретарь Сольскій проситъ меня о примѣненіи изложенныхъ правилъ отчетности по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство сдѣлать по сему предмету зависящее распоряженіе по ввѣренному вамъ, милостивый государь, учебному округу.

ВѢДОМОСТЬ

об изменѣніяхъ, какъ въ личномъ составѣ служащихъ въ NN городской управѣ и пользующихся правами государственной службы, такъ и въ окладахъ ихъ содержанія съ 1-го января 1883 по 1-е января 1885.

№ По порядку.	Наименованіе должностей и лицъ.	Обозначеніе перемѣны въ составѣ служащихъ или въ окладѣ содержанія.	Прежній годовой окладъ.	Новый годовой окладъ.	Причитается удержать.	Удержано.	Перечень квитанцій казначейства въ полученіи денегъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
1	Городской секретарь титулярный совѣтникъ Николай Соловьевъ.	Опредѣленъ на должность 20-го мая 1883 г.	—	2400	200	200	5-го іюня, 10-го іюля, 6-го августа за №№ 101, 180 и 129.	Титулярный совѣтникъ Соловьевъ опредѣленъ на должность секретаря изъ отставки.
		Ему же увеличено содержаніе съ 1-го января 1884 г. на 600 руб.	2400	3000	150	150	5-го февраля, 7-го марта и 10-го апрѣля за №№ 000.	
2	Докторъ городской больницы, статскій совѣтникъ Иванъ Изотовъ.	Опредѣленъ на должность 15-го мая 1883 г.	2000	2600	150	150	10-го іюня, 6-го іюля и 2-го августа за №№ 000.	Статскій совѣтникъ Изотовъ ранѣе служилъ въ медицинскомъ департаментѣ и получалъ 2000 руб.

14. (13-го мая 1885 года). Положеніе о стипендіи высочайшаго имени, государя императора Александра III-го при Симферопольской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи высочайшаго повелѣнія 8-го мая 1885 г., въ ознаменованіе торжества Священнаго Коронованія Его Императорскаго Величества, учреждается при Симферопольской мужской гимназіи одна стипендія Высочайшаго Имени „Государя Императора Александра III на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго для сей цѣли обществомъ вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ этой гимназіи капитала въ одну тысячу рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетѣ втораго восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала употребляются на плату за ученіе одного ученика Симферопольской гимназіи.

§ 4. Въ стипендіаты избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназіи одинъ изъ лучшихъ и бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи I и II класса и утверждается общимъ собраніемъ общества; избранный такимъ образомъ ученикъ носитъ названіе стипендіата имени государя императора Александра III.

§ 5. Въ случаѣ если избранный ученикъ, по какимъ-либо причинамъ, выбудетъ изъ гимназіи до окончанія курса, то изъ тѣхъ же классовъ выбирается въ стипендіаты другой ученикъ.

§ 6. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала полностію выдаются тому стипендіату, который окончитъ полный курсъ ученія въ гимназіи.

§ 7. Въ случаѣ закрытія общества вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ гимназіи, окончательное утвержденіе стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназіи.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(28-го апрѣля 1885 года) утверждены: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ивановъ—деканомъ историко-филологическаго факультета

сего университета, съ 25-го марта 1885 г.; прозекторъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ Любимовъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ патологической анатоміи, съ 18-го марта 1885 г.; директоръ Холмской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Барсовъ—инспекторомъ Императорскаго Варшавскаго университета, съ 16-го марта 1885 г.; исправляющій должность инспектора Калишской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Царевскій—директоромъ Холмской мужской гимназіи, съ 8-го апрѣля 1885 г.; инспекторъ Павлоградской прогимназіи, преобразованной изъ четырехклассной въ шестиклассную коллежскій совѣтникъ Коропачинскій—директоромъ сей прогимназіи, съ 8-го апрѣля 1885 г.; дѣйствительный статскій совѣтникъ Ковалевъ-Рунскій, капитаны 1-го ранга: Голенищевъ и Снѣтовъ, коллежскій совѣтникъ Киберъ, надворный совѣтникъ Косаковъ, лейтенантъ князь Маврокордато, мировой судья Соболевъ и священникъ Еланскій — членами попечительства Николаевскаго Александровскаго реальнаго училища, на три года; исправляющіе должность помощниковъ дѣлопроизводителей департамента народнаго просвѣщенія, коллежскіе регистраторы: Бычковъ и Янковскій—въ сихъ должностяхъ, первый—съ 9-го и послѣдній—съ 10-го апрѣля 1885 года.

Назначенъ ординарный профессоръ Казанской духовной академіи, докторъ богословія, статскій совѣтникъ Бердниковъ—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по каѳедрѣ церковнаго права, съ 7-го апрѣля 1885 г., съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Перемѣщенъ директоръ Ровенскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Дзюблевскій-Дзюбенко—директоромъ Кременчугскаго Александровскаго реальнаго училища, съ 8-го апрѣля 1885 года.

Опредѣлены вновь на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: бывшій директоръ народныхъ училищъ Тульской губерніи Михаилъ Павловъ—съ утвержденіемъ директоромъ Ровенскаго реальнаго училища, съ 8-го апрѣля 1885 г.; изъ отставныхъ, статскій совѣтникъ Сциборскій—съ утвержденіемъ директоромъ Череповской учительской семинаріи, съ 7-го апрѣля 1885 г.; изъ отставныхъ, статскіе совѣтники: Казанскій и Яковлевъ и бывшій учитель Тульскаго реальнаго училища Николай Ме-

дишъ—причисленные къ сему министерству, первый—съ 20-го марта и послѣдніе двое съ 9-го апрѣля 1885 года.

Причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Франгуловъ, съ 29-го марта 1885 г., съ увольненіемъ отъ настоящей должности и съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя Московскаго учебнаго округа.

Командированъ съ ученою цѣлію, ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Бодуэнъ-де-Куртенэ—на полтора мѣсяца, во время лѣтняго вакаціоннаго времени 1885 г., въ Виленскую, Ковенскую и Сувалкскую губерніи.

Уволены въ отпускъ: въ Россіи: на три недѣли, директоръ Днмидовскаго юридическаго лицея въ Ярославлѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кремлевъ, въ С.-Петербургъ, по болѣзни; съ 2-го іюня по 13-е августа 1885 года, начальникъ Лодзинской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Маркіановичъ—въ Гродненскую и Могилевскую губерніи, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года: директоры гимназій: Казанской третьей, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иноземцевъ—въ Лифляндскую и Тверскую губерніи, по болѣзни, и Московской четвертой, статскій совѣтникъ Новоселовъ—въ разныя губерніи; на четыре мѣсяца: учитель Вѣрненской мужской гимназіи Сапуновъ—въ разныя губерніи, и классная надзирательница Вѣрненской женской гимназіи Тарчевская—въ С.-Петербургъ; въ Россіи и за границу: на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и пятнадцать дней, инспекторъ Тульской гимназіи, статскій совѣтникъ Гайчманъ, по болѣзни; за границу: на двадцать-пять дней, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Шрейеръ; на пять недѣль во время лѣтняго вакаціоннаго времени 1885 года, астрономъ-наблюдатель Императорскаго Дерптскаго университета Гартвигъ; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года: ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Валь; ординарные профессоры Императорскихъ университетввъ: Московскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Столѣтовъ; Харьковскаго: статскіе совѣтники: Дитятинъ и Гаттенбергеръ: Варшавскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Симоненко; Дерптскаго: дѣйствительные статскіе совѣтники: Мейеръ и Фогель, статскіе

совѣтники: Бруннеръ, Розенбергъ, Эммингаусъ, Гаусманъ и Лёшке, и неимѣющіе чиновъ: Томма, Мукке и Рунге: экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, статскій совѣтникъ Залѣсскій и Московскаго, надворный совѣтникъ Соколовъ; временно-исполняющій обязанности профессора Императорскаго Харьковскаго университета Шерцль; прозекторъ Императорскаго Дерптскаго университета, надворный совѣтникъ Викчемскій; доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Мазингъ; лекторъ Императорскаго Казанскаго университета Бергъ; помощникъ библіотекаря Императорскаго Дерптскаго университета Шлютеръ; приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго — надворный совѣтникъ Пономаревъ и Новороссійскаго Меликовъ; учитель верховой ѣзды Императорскаго Дерптскаго университета фонъ-Блокъ; директоръ Рижскаго политехническаго училища Кизерицкій: профессоры сего училища: надворный совѣтникъ фонъ-Книрimъ; коллежскій секретарь Оствальдъ; не имѣющіе чиновъ: Ловисъ, Моль, Бекъ, Гренбергъ, Вольфъ, Мальхеръ, Глазенапъ, Томсъ, Пфуль, Лангъ и Кохъ; доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Хлюдзинскій; директоры мужскихъ гимназій: Варшавскихъ: II — статскій совѣтникъ Троицкій и IV — статскій совѣтникъ Веденяпинъ; Люблинской—статскій совѣтникъ Сѣнгалевичъ; Плоцкой—Федышскій и Холмской—статскій совѣтникъ Царевскій; исполняющій обязанности инспектора Ярославской гимназіи, учитель сей гимназіи Дрейеръ; учители гимназій С.-Петербургскихъ: Ларинской — Ольшевскій и Коисовичъ и Введенской—Влашимскій; Гуревича въ С.-Петербургѣ—Пташицкій; Императорской Николаевской Царскосельской—Гильдебрандъ; Московской первой—надворные совѣтники Мстнаричъ и Гавелька; Астраханской — Фуксъ; Дерптской — Байеръ; Митавской—Крузе; Прилукской—статскій совѣтникъ Ежовскій; Орловской—статскій совѣтникъ Помянъ; Варшавскихъ мужскихъ: I—Бушъ и VI: Ржига и Бобрукъ и Холмской мужской—Кубіевичъ; исправляющій должность учителя Царицынской Александровской гимназіи фонъ-Лоше; директоръ главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ Петербургѣ Фризендорфъ; учители сего училища: Бонжуръ, Фремонъ, Тюрель, Ѳ. Миллеръ, Давыдовъ, Гулеко, Вилліамсъ, Вороновичъ, Гольманъ, Аккерманъ и Глевеке; старшіе учители гимназій: Дерптской—коллежскій совѣтникъ Вейнеръ и не имѣющій чина Гол-

ланъ; Митавской—коллежскій совѣтникъ Гижицкій; титулярные совѣтники: Вейнекъ и Шпонгольцъ и не имѣющій чина Фредеркингъ; учители частныхъ женскихъ гимназій: княгини Оболенской въ С.-Петербургѣ Фидлеръ и г-жи Ващенко-Захарченко въ Кіевѣ, статскій совѣтникъ Андріевскій; учительницы Варшавской I женской гимназіи: Брендель и Кенигъ; воспитательница сей гимназіи Плесцова; инспекторъ Пятигорской прогимназіи, статскій совѣтникъ Лопатинскій; надзирательница Замостской женской прогимназіи Гаврилова; классная дама сей прогимназіи Юрьева; исполняющій обязанности инспектора мужскаго училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской св. Петра и Павла церкви въ Москвѣ, учитель сего училища Кремеръ; учители реальныхъ училищъ: Костромскаго—коллежскій совѣтникъ Фарванья; Новозыбскаго—Неръ, Ейскаго—Сукупъ; Тифлисскаго — коллежскій ассессоръ князь Микеладзе; Дерптскаго—Христіани; Рижскаго—надворный совѣтникъ Реймерсъ, Вальтеръ и Вассеръ и Митавскаго—Шове; инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, коллежскій совѣтникъ Карповъ и наставникъ Волчанской учительской семинаріи Поповъ, изъ нихъ по болѣзни: Шлютеръ, Троицкій, Веденяпинъ, Сѣнгалевичъ, Фединскій, Царевскій, Крузе, Бушъ, Кубіевичъ, Вейнеръ, Гижицкій, Брендель, Кенигъ, Плесцова, Гаврилова, Юрьева, Вальтеръ, Карпова и Поповъ; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и восемь дней: учитель Харьковской второй гимназіи, коллежскій ассессоръ Шено и учитель Острожской прогимназіи Шармаркевичъ; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и десять дней: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ Первольфъ; экстраординарный профессоръ сего университета, статскій совѣтникъ Зиловъ; старшій учитель Либавской Николаевской гимназіи, надворный совѣтникъ Шенъ; учители сей гимназіи, надворный совѣтникъ Гессъ и Желобовскій, всѣ по болѣзни; на двѣ недѣли нынѣ и затѣмъ на лѣтнее вакаціонное время 1885 года: инспекторъ-руководитель Холмской учительской семинаріи Левшинъ; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и четырнадцать дней: директоръ Радомской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Смородиновъ; учитель Московской третьей гимназіи Черный и надзирательница Петроковской женской гимназіи Фрибесъ; изъ нихъ первый и послѣдняя по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и пятнадцать дней: директоръ Варшавской VI мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ

Стефановичъ и классная надзирательница Рижской женской Ломоносовской гимназіи Александрова, послѣдняя по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и двадцать дней: главная воспитательница Холмскаго Маріинскаго женскаго училища Нолле, по болѣзни; на двадцать восемь дней и лѣтнее вакаціонное время 1885 года: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ и старшій учитель Рижскаго городскаго шестикл契снаго женскаго училища, коллежскій совѣтникъ Люцельшвабъ, первый по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и двадцать восемь дней: временный преподаватель Импраторскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лямбль; директоръ Тамбовской гимназіи, статскій совѣтникъ Тихій; почетный директоръ Варшавскаго музея изящныхъ искусствъ, управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи каммергера Ляхницкій и главная воспитательница Варшавской III женской гимназіи Черская, всѣ по болѣзни; съ 8-го мая по 1-е сентября 1885 года, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ Тауберъ; на четыре мѣсяца: почетный попечитель Херсонской гимназіи Маврокордато.

Отчислены отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: дѣйствительный статскій совѣтникъ Вегнеръ, съ 10-го апрѣля 1885 года, за состояніемъ его директоромъ С.-Петербургскаго коммерческаго училища, и коллежскій ассессоръ Луніакъ, съ 1-го января 1885 года, по случаю назначенія его приватъ-доцентомъ Императорскаго Казанскаго университета.

Уволены согласно прошеніямъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ—отъ должности декана историко-филологическаго факультета сего университета, съ 25-го марта 1885 года; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петровъ—отъ службы, съ 17-го марта 1885 года.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: попечительницѣ Ташлинскаго сельскаго училища, Оренбургской губерніи и уѣзда, фрейлинѣ Ея Императорскаго Величества Тимашевой—за заслуги на пользу народнаго образованія; въ званіи каммергера двора Его Императорскаго Величества, стат-



скому совѣтнику Арапову; супругѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ильминской; дочери статскаго совѣтника Раевской; діакону Симбирскаго каѳедральнаго собора Смирнову: діакону церкви Всѣхъ Святыхъ въ гор. Симбирскѣ Андріанову; Казанскому первой гильдіи купцу Щетинскому; симбирскимъ купцамъ: Шатрову, Сахарову и Булычеву—за пожертвованія ихъ на устройство домовой церкви при Симбирской центральной чувашской школѣ; попечительницѣ Путивльской женской прогимназіи, супругѣ статскаго совѣтника Терещенка—за пожертвованіе въ пользу означенной прогимназіи; вдовѣ коллежскаго ассессора Богушевской—за пожертвованіе въ пользу Покровскаго начальнаго народнаго училища, Костромской губерніи и уѣзда.

Исключены изъ списковъ умершіе: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ археографической коммиссіи сего министерства, дѣйствительный статскій совѣтникъ Костомаровъ и директоръ Череповской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Коленко.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. Составилъ В. П. Авенаріусъ. Съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина, работы Л. А. Сѣрякова и съ рисунками А. В. Прохорова и П. Н. Каразина. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1885. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для наградъ учащимся.

— Книгу: „Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Составилъ Ѳ. Бычковъ. Изданіе 10-е, исправленное. С.-Пб. 1885. Цѣна 1 руб. 35 коп.“—одобрить въ качествѣ весьма полезнаго учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Составилъ И. Вере-

щагинъ. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. С.-Пб. 1885. Цѣна 80 коп." — рекомендовать какъ весьма полезное пособіе всѣмъ низшимъ и среднимъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ анатоміи и физіологія человѣка и животныхъ, съ краткимъ очеркомъ жизнедѣятельности растеній. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ (съ 83 рисунками въ текстѣ). Составилъ П. А. Аникіевъ. Изданіе 3-е, исправленное. С.-Пб. 1885. Цѣна 1 руб. 50 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ.

— Книгу: „Объясненіе символа вѣры, молитвъ и заповѣдей съ подготовительными къ сему разказами изъ священной исторіи и съ краткимъ ученіемъ о Богослуженіи православной церкви. Составилъ законоучитель 7-й и 8-й С.-Петербургскихъ гимназій протоіерей Григорій Чельцовъ. Изданіе 9-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1884. Цѣна 20 коп."—на основаніи опредѣленія учебнаго комитета, утвержденнаго оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, допустить въ качествѣ учебнаго руководства въ начальныхъ училищахъ и соотвѣтствующихъ имъ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Пятизначныя таблицы логариѳмовъ чиселъ и тригонометрическихъ величинъ, съ прибавленіемъ логариѳмовъ Гаусса, натуральныхъ тригонометрическихъ величинъ и нѣкоторыхъ другихъ таблицъ. Составилъ Е. Пржевальскій, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища. Изданіе 3-е, стереотипное. Москва. 1883. Цѣна 75 коп".—одобрить какъ пособіе по алгебрѣ и тригонометріи для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Синтаксическій задачникъ. Составили Барсовъ и Кременецкая. Изданіе 3-е. Екатеринодаръ. 1885. Цѣна 50 коп."— одобрить какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „И. Поддубнаго Общій учебный атласъ Россіи. Второе изданіе, дополненное. С.-Пб. 1884. Цѣна 1 руб."—одобрить въ видѣ учебнаго пособія для гимназій, мужскихъ и женскихъ, и для учительскихъ институтовъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Обученіе церковно-славянской грамотѣ въ начальныхъ народныхъ училищахъ (когда она преподается послѣ русской грамоты) съ объяснительными замѣчаніями для народнымъ учителей и съ текстомъ для славянскаго чтенія. Составилъ Н. Ильминскій. Изданіе А. Сердобольскаго. Казань, 1885. Цѣна 20 коп."—одобрить какъ руководство при обученіи чтенію церковно-славянскихъ книгъ въ начальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Начатки грамматики, руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Составилъ Д. Тихомировъ. Цѣна 15 коп. Москва. 1885." — одобрить для употребленія въ видѣ руководства въ начальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Государственное ученіе Филарета, митрополита Московскаго. В. Н. Изданіе второе, дополненное. Москва. 1885." — одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, а также для библіотекъ городскихъ и народныхъ училищъ, а равно рекомендовать для учительскихъ и ученическихъ библіотекъ учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Книгу: „Какъ водить пчелъ" (изд. Импер. Вольнаго Экономическаго Общества) С.-Пб. 1885. Цѣна 10 коп."—рекомендовать для пріобрѣтенія въ библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ на имя г. попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе въ Новгородской мужской гимназіи, съ начала будущаго 1885—1886 учебнаго года, въ приготовительномъ классѣ съ 20 руб. до двадцати шести руб. и въ основныхъ классахъ съ 30 до сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ на имя г. управляющаго Варшавскимъ учебнымъ округомъ, разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе въ Грубешовской прогимназіи, съ начала будущаго 1885—86 учебнаго года, въ приготовительномъ классѣ съ 6-ти до десяти руб. и въ остальныхъ классахъ съ 10-ти до шестнадцати руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ на имя управляющаго Одесскимъ учебнымъ округомъ, разрѣшилъ взимать, съ начала 1885—86 учебнаго года, въ Елисаветградской гимназіи плату за ученіе въ приготовительномъ классѣ по тридцати руб. и въ основныхъ классахъ по шестидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— 14-го минувшаго марта послѣдовало открытіе одноклассного начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ дер. Николаевкѣ, Троицкаго уѣзда, Оренбургской губерніи, при 15 учащихся, а 1-го минувшаго апрѣля—открытіе инородческаго, для татаръ, начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ дер. Байгончекъ, Перекопскаго уѣзда, Таврической губерніи, при 25 учащихся.

О ДЕВЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІЙ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

учрежденныхъ

при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

На соисканіи учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія премій Императора Петра Великаго, къ 1-му ноября 1884 года, представлено въ ученый комитетъ: а) по разряду гимназій отъ 5-и авторовъ десять печатныхъ сочиненій и б) для народнаго чтенія отъ 4-хъ авторовъ одиннадцать сочиненій, въ томъ числѣ 4 печатныхъ и 7 рукописей. Для разсмотрѣнія всѣхъ этихъ сочиненій, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія учреждены были двѣ коммиссіи: первая — по разряду гимназій, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета В. Х. Лемоніуса, изъ слѣдующихъ лицъ: И. В. Помяловскаго, Ф. Ф. Гельбке, П. В. Никитина и І. В. Фарника; вторую — подъ предсѣдательствомъ члена особаго отдѣла ученаго комитета по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, А. Н. Майкова, составляли: К. К. Сентъ-Илеръ, А. И. Теодоровичъ, А. В. Совѣтовъ и И. П. Лебедевъ.

Заключенія коммиссій, разсматривавшихъ представленныя на соисканіе премій сочиненія, вмѣстѣ съ подробными отзывами объ этихъ сочиненіяхъ, по обсужденіи оныхъ въ ученомъ комитетѣ и особомъ отдѣлѣ его, были представлены на благоусмотрѣніе г. министра народнаго просвѣщенія, и его высокопревосходительствомъ разрѣшено:

1) Экстраординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института А. Д. Вейсману за со-

ставленный имъ „Греческо-русскій словарь. Изданіе второе, дополненное и исправленное. С.-Пб. 1882" — выдать большую премію въ 2,000 рублей.

2) Директору С.-Петербургской седьмой гимназіи Августу Гофману за его изданія: а) „Рѣчь Цицерона о назначеніи Кнея Помпея полководцемъ, съ объясненіями. Третіе изданіе, исправленное. С.-Пб. 1885" и б) „Рѣчь Цицерона въ защиту Секста Росція Америйскаго, съ объясненіями. С.-Пб. 1881"—выдать малую премію въ 500 руб.

3) Священнику Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, с. Лобанова А. И. Успенскому за его сочиненіе „Пчеловодство-Самоучитель. Изданіе 2-е. Тула. 1882" — выдать малую премію въ 500 руб.

4) Прочія сочиненія, представленныя на этотъ разъ на соисканіе премій, отъ присужденія премій устранить.

Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателей коммиссій: В. Х. Лемоніуса и А. Н. Майкова, и членовъ: И. В. Помяловскаго, Ф. Ф. Гельбке, П. В. Никитина, І. В. Фарника, К. К. Сенъ-Илера, А. И. Теодоровича, В. А. Совѣтова и И. П. Лебедева, занимавшихся разсмотрѣніемъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, выдать имъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали [1]).

Объявленіе отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

На соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначены:

по разряду гимназій:

Къ 1-му ноября 1885 года — группа „языки нѣмецкій и французскій", съ предпочтительнымъ правомъ на премію систематической грамматики нѣмецкаго языка.

На 1886-й годъ — группа „математика, математическая географія и физика", съ предпочтительнымъ правомъ на премію сочиненій по по математической географіи.

---

[1]) Подробныя рецензіи премированныхъ трудовъ будутъ напечатаны въ іюльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*.



На 1887-й годъ — группа „всеобщая географія для низшихъ четырехъ классовъ гимназій и прогимназій и всеобщая исторія", съ предпочтительнымъ правомъ на премію исторіи среднихъ вѣковъ и новой.

На 1888-й годъ — группа „русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словестностью и логика", съ предпочтительнымъ правомъ на премію сочиненій по логикѣ.

На 1888-й годъ — группа „языки латинскій и граческій, съ предпочтительнымъ правомъ на премію русско-латинскаго словаря.

По разряду народныхъ народныхъ училищъ:

На 1886-й годъ — сочиненія, касающіяся ремеселъ, фабричной, заводской и торговой промышленности, а также сельско-строительнаго искусства.

ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ РОССІЕЙ И ЧЕРНОГОРІЕЙ ПРИ ВЛАДЫКАХЪ.

(По новымъ документамъ).

Около двухъ столѣтій Россія находится не только въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Черногоріей, но и въ такой тѣсной связи съ нею, какой не имѣетъ ни съ какимъ другимъ государствомъ. Уже одна давность и непрерывность говорятъ въ пользу того, что связь эта основана на прочныхъ началахъ. И затѣмъ является вопросъ: что жь это за начала, на которыхъ держатся наши сношенія съ Черногоріей? Въ исторіи этихъ сношеній мы замѣчаемъ рядъ колебаній или охлажденія, какъ напримѣръ, при императрицѣ Екатеринѣ II, при Александрѣ I и въ началѣ царствованія Александра II. Это показываетъ, что колебались самыя начала, на которыхъ держались наши отношенія. Судя по открытымъ заявленіямъ съ той и другой стороны, главною основою служатъ единоплеменность и единовѣріе. Но эти основы никогда не подвергались никакимъ колебаніямъ ни въ Черногоріи, ни въ Россіи. Слѣдовательно, причины колебаній были другаго рода, и кромѣ указанныхъ, были еще и другія основы взаимной связи.

Даже самый поверхностный взглядъ на исторію и характеръ этихъ сношеній обнаруживаетъ, что важную роль въ нихъ играетъ именно политическій интересъ. А всматриваясь глубже, мы замѣчаемъ, что Черногорія, сохранившая до XVIII столѣтія свою народность и вѣру, боролась уже не изъ за нихъ, а изъ-за политической самостоятельности, которой угрожали не столько Турція, сколько Венеція, а по-

томъ Австрія. Поэтому въ ихъ владыкахъ вы прежде всего видите политиковъ, а не духовныхъ сановниковъ. Покровительство Россіи имъ нужно было не столько для поддержанія вѣры и народности, сколько для защиты ихъ политической самостоятельности. Помощь же Черногоріи со стороны Россіи оказывалась также главнымъ образомъ изъ расчетовъ политическихъ: Петръ Великій нашелъ въ ней средство дѣлать диверсію силамъ Турціи, на случай войны съ нею. Однажды Россія воспользовалась черногорцами и противъ французовъ. А какъ скоро мы достигали своей цѣли, мы тотчасъ же забывали о нихъ.

Со стороны Черногоріи такихъ колебаній не было: она обращалась къ помощи другой державы только тогда, когда Россія отворачивалась отъ нея, она надѣялась всегда получить помощь безъ всякихъ съ своей стороны уступокъ въ пользу ея, кромѣ готовности служить ей съ оружіемъ въ рукахъ противъ общаго непріятеля, и Россіи конечно ничего больше и не нужно было. Въ то время какъ прежде Венеція, а послѣ Австрія считали своимъ интересомъ обрѣзать Черногорію, ослабить ее во всѣхъ отношеніяхъ, интересъ Россіи былъ напротивъ въ томъ, чтобъ она была обширнѣе и сильнѣе. На этомъ и основана привязанность Черногоріи къ Россіи: ее вяжетъ съ нами не вѣра только и народность, но и обоюдность политическихъ интересовъ. И на сколько эта обоюдность интересовъ будетъ существовать, до тѣхъ поръ не можетъ и не должна прерываться связь Черногоріи съ Россіей.

Однако понятіе объ этомъ обоюдномъ интересѣ покуда, мнѣ кажется, не выяснено, не получило опредѣленности, и потому колебанія въ нашихъ сношеніяхъ какъ бывали прежде, такъ возможны и теперь. Уясненію дѣла можетъ въ значительной степени помочь только исторія нашихъ сношеній, и не фактическая только ихъ сторона, а изслѣдованіе, такъ сказать, духа и характера этихъ сношеній, внутреннихъ побужденій и цѣли управлявшихъ ими.

Для уясненія вопроса пока не имѣется достаточно данныхъ. Данныя эти хранятся въ документахъ, которые принадлежатъ государственнымъ архивамъ и держатся въ тайнѣ. Что касается Россіи, то часть ихъ, приблизительно до половины настоящаго столѣтія, находящаяся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, открыта для науки и понемногу выходитъ въ свѣтъ. Но есть документы въ Австріи и особенно во Франціи, о которыхъ до сихъ поръ никому ничего не извѣстно. На Цетиньи также

находилось много документовъ, изъ которыхъ кое-что было дано Милаковичу для составленія „Исторіи Черногоріи". Ссылаясь на нихъ, онъ между прочимъ говоритъ, что владыка Петръ II представилъ въ его распоряженіе только ничтожную часть и документы, не имѣющіе большого значенія; а все важное было скрыто имъ и заперто въ двухъ ящикахъ. Гдѣ все это находится теперь, мнѣ не извѣстно. Часть, безъ сомнѣнія, сохранилась и находится во дворцѣ у князя: но часть, видимо, брошенная безъ всякаго призрѣнія, растаскана приватными лицами или изчезла безслѣдно.

Мнѣ удалось получить одну тетрадку, содержащую въ себѣ документы относительно посылки въ Россію владыкою Петромъ I архимандрита С. Вукотича въ 1798 г. и графа Н. Давидовича въ 1799 г., которые уясняютъ весьма многое въ сношеніяхъ того времени Россіи съ Черногоріей. Братья М. и Ж. Драговичи опубликовали уже часть документовъ относительно того же предмета, найдя ихъ въ Московскомъ архивѣ. Имѣющіеся же въ моихъ рукахъ документы яснѣе выставляютъ задушевную мысль владыки Петра I и потому представляютъ большой интересъ, не смотря на то, что главная часть относительно упомянутыхъ двухъ посольствъ уже напечатана.

Кромѣ того, на Цетиньи же нашлись три диплома венеціанскихъ, данныхъ владыкѣ Даніилу. Извлеченіе изъ нихъ также напечатано въ исторіи Милаковича; но одни извлеченія эти далеко не даютъ такого ясмаго понятія объ отношеніяхъ Венеціи къ Черногоріи, какое представляютъ эти документы въ цѣломъ своемъ составѣ. Съ этою цѣлью я рѣшился эти немногіе документы обнародовать; но печатать всѣ ихъ цѣликомъ было бы излишне, а напечатать только отрывки, пополняющіе недостающее, имѣетъ то неудобство, что тогда привелось бы во всякомъ случаѣ давать объясненія, къ чему они должны относиться, какъ дополненіе. Поэтому я рѣшился связать ихъ съ тѣмъ, что недавно извлечено изъ Московскаго архива, какъ матеріалъ, и по возможности вывести изъ того руководящую идею, которою управлялись въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ представители Черногоріи и Россіи. Пробѣлъ къ этому, мы надѣемся, скоро будетъ пополненъ напечатаніемъ процесса аббата Дольчи, всѣ документы относительно котораго находятся въ рукахъ гг. Драговичей.

Цѣль нашей статьи, связавши въ одно цѣлое и приведя въ нѣкоторую систему данныя, уже имѣющіяся, показать возможность лучше видѣть, чего недостаетъ и сообразно съ тѣмъ куда направить новыя изысканія.

I.

При владыкахъ Даніилѣ, Савѣ и Василіѣ (1711—1784).

Три грамоты Венеціанской республики, касающіяся сношеній ея съ Черногоріей относятся ко времени владыки Черногорскаго Даніила, когда уже завязаны были сношенія съ Россіей. Грамоты эти въ извлеченіяхъ напечатаны въ „Исторіи Черногоріи“ Д. Милаковича, и читая ихъ, вы ничего не можете видѣть, какъ только то, что владыка обращался къ Венеціи въ одно и то же время съ просьбой о помощи и съ предложеніемъ взаимнаго содѣйствія съ своей стороны противъ общаго врага — Турціи, выговаривая за то себѣ и своему народу возстановленіе нѣкоторыхъ правъ, отнятыхъ у него частію турками, а частію самою Венеціей. Судя по извлеченіямъ, это договоръ, по которому заключается союзъ оборонительный и наступательный противъ Турціи между Венеціей и Черногоріей, какъ между равными. И вотъ чего въ силу договора владыка добился отъ Венеціи: 1) дозволенія совершать богослуженіе по православному обряду въ церкви св. Луки въ Которѣ, подъ условіями однако и съ ограниченіями, какія найдетъ необходимыми тамошній намѣстникъ (proveditore); 2) освобожденія отъ пошлинъ черногорскихъ произведеній на базарахъ, подчиненныхъ Венеціи, и наконецъ 3) выговорена плата черногорскимъ главарямъ, обязанность которыхъ быть всегда готовыми для обороны страны противъ непріятеля, то-есть, противъ турокъ, а также выговорено снабженіе на этотъ предметъ черногорцевъ извѣстнымъ количествомъ оружія и всякой боевой муниціи и продовольствіемъ. Владыка однако, по замѣчанію Милаковича, не былъ вполнѣ доволенъ этимъ, потому что онъ не только не получилъ духовной юрисдикціи въ Боккѣ, но и вообще не была вполнѣ обезпечена свобода богослуженія православному населенію этой провинціи. Въ сущности же, это было не что иное, какъ наемъ черногорцевъ на службу Венеціи за плату и безъ всякихъ уступокъ со стороны послѣдней въ пользу черногорскаго народа и его верховнаго, независимаго представителя, митрополита.

Церковь св. Луки была православная, и ту не давали православнымъ въ полное распоряженіе, а подъ какими-то условіями, и безъ сомнѣнія, стѣснительными (мы ихъ не знаемъ). Не только владыка Черногорскій не получилъ духовной юрисдикціи въ Боккѣ, но еще и черногорцы ставились подъ юрисдикцію венеціанскую.

Въ упомянутой грамотѣ, данной венеціанскимъ дожемъ Іоанномъ Корнеліо на имя главнаго правителя Далмаціи и Албаніи Ангело Эмо, въ самомъ концѣ говорится: „Предоставляя право и власть судить самимъ (черногорцамъ) уголовныя и гражданскія распри, я сохраняю за обвиняемыми право обращаться (съ жалобой) къ экстраординарному представителю въ Которѣ". Этого заключенія Милаковичъ не приводитъ и тѣмъ скрываетъ истинный смыслъ и характеръ этого договора, читая который цѣликомъ, вы ясно видите, что это были отношенія между сувереномъ и вассаломъ. Это ясно видно изъ самаго приступа: „Преданность и вѣрность, оказанныя черногорскимъ народомъ нашему величеству (allo signorio nostro) въ прежнее время, а также твердость и храбрость его, показанныя по потребностямъ республики, дѣлами настоящаго времени подтверждаютъ его приверженность власти нашей республики (sua deditione al dominio della republica nostra). Соизволяя поэтому съ дружественною готовностью на просьбы, которыя отъ имени упомянутыхъ коммунъ поданы намъ вашими посланниками (ambasciatori) въ меморіалѣ, сенатъ, относясь съ особенною любовію къ возлюбленнѣйшимъ подданнымъ (sudditi) и всегда готовый содѣйствовать всему тому, что можетъ служить къ ихъ удовлетворенію и выгодамъ, рѣшилъ согласиться на всѣ 12 пунктовъ и другія поданныя притомъ прошенія".

Еще опредѣленнѣе, не оставляя уже никакого сомнѣнія, показываетъ эти отношенія грамота того же венеціанскаго дожа Іоанна Корнелія, иначе Джіованни Корнаро, отъ 1718 года. Ее-то изъ всѣхъ трехъ экземпляровъ, какъ самую важную и характерную, мы и приводимъ цѣликомъ въ оригиналѣ.

«Ioannes Cornelius Dei Gratia Dux Venetiarum et Universis et Singulis Rappresentantibus et Ministris Nostris ad quos hae nostrae pervenerint et earum executio spectat vel spectare poterit significamus vobis hodie in Consilio Nostro Rogatorum captam fuisse tenoris.

«Che fatti venir nel Consilio Nostro gl'Interprati de Monsignor Danilo Vescovo di Cettine e Scanderia, cioe li due capi del commune di Fiumara e quattro dell' altro commune di Cernizza tra loro letto e data in

Послѣ титула слѣдуетъ:

Призвавши въ нашъ Совѣтъ посланниковъ монсиньора Данінла епископа Цетинья и Скандеріи, именно двоихъ главарей изъ коммуны (нахіи) Рѣцкой и четверыхъ изъ другой коммуны Цермницкой, прочитать и дать имъ въ копія слѣдующее. Монсиньоръ епископъ! Къ великой заслугѣ, которую вы имѣете передъ нашимъ государствомъ вслѣдствіе засвидѣтельствованной храбрости и вѣрности, показанныхъ вами въ прошлую войну, какъ мы объ томъ вполнѣ из-

copia quanto segue. Monsignor Vescovo! Al molto merito da Voi acquistatosi con la Signoria Nostra le prove distinte di valore e di fede palesate nella decorsa campagna, come siamo stati et intiero informati dal nostro Proveditore Generale Mocenigo e nell' haver insinuato ai popoli amati del Montenero la rassegnatione et il Vassallagio al Dominio Nostro aggiungete in presente nuovi speziosi gradi col memoriale ultimamente portatoci a Vostro nome ratificondoci con svisceratezza impegno della vostra deditione al publico Dominio. Aggradendo pienamente la clemenza publica gl'atti del fervore e zelo che vi accompagnano, non menoche la divotione e fede con che rassegnano pure alla Signoria Nostra, col mezzo dell' opra vostra le ipopolationi della Fiumara e di Cernizza dovemo assicurarvi in tutti gl' incontri della costanza del publico affetto e predilezione. Nel mentre pero dal Senato si accoglie con affettuosa paterna dispositione le istanze, che ci portate, non solo per quello riguarda le Vostre particolari ricerche ma per tutto ciò ancora può ridondar in sodisfazione e vantaggio dei due communi della Fiumara e Cernizza, venimo in deliberatione d'assentire all' esscrcitio della Vostra giurisdictione ecclesiastica nei paesi e luoghi venuti nella presente guerra sotto il Duco della Respublica e l'uso libero del rito grecoserviano, accordandovi stessamente la facoltà di spoter ristaurar le chiese, che fossero pregiudicate, et errigerne di nuove ancora in ogni luogo pur alla medesima Vostra giurisdictione soggetto. Vi assicuriamo in oltre, che succedendo per avventura che restasse invaso il Montenero dall' armi ottomane (il che Dio non permettera attesa la Divina sua protezzione, da cui

вѣщены нашимъ генеральнымъ проведиторомъ Мочениго, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ съ вашей стороны въ возлюбленномъ намъ черногорскомъ народѣ духа преданности и подчиненности (vassallaggio) нашей власти, въ настоящее время вы приносите намъ новые высшіе знаки того меморіаломъ, теперь поданнымъ намъ отъ вашего имени, въ которомъ съ искренностью подтверждаете намъ обязательность вашей преданности власти республики. Подтверждая вполнѣ благонаклонность республики по отношенію къ дѣламъ горячаго усердія, которое вами въ томъ руководило, вмѣстѣ съ преданностью и вѣрностью, которыя съ самоотверженіемъ показаны по отношенію къ нашему величеству (signorio) вашею дѣятельностію, мы должны увѣрить народъ Рѣки и Цермeницы въ постоянствѣ любви и расположенія къ нему республики, въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Такъ какъ сенатъ въ своемъ сердечно - отеческомъ расположеніи принимаетъ въ уваженіе ваше прошеніе не только относительно того, объ чемъ вы спеціально просите, но и относительно всего, что можетъ служить для удовлетворенія и пользы коммунъ Рѣки и Цермницы, мы даемъ наше согласіе на отправленіе вашей церковной юрисдикціи въ странахъ и мѣстахъ, которыя послѣ прошлой войны вступили подъ власть дожа республики, и на свободное совершеніе греко-сербскаго богослуженія, предоставляя также вамъ право возобновлять церкви, которыя были разрушены, и строить новыя во всякомъ мѣстѣ, подлежащемъ вашей юрисдикціи. Сверхъ того увѣряемъ васъ, что, если бы по несчастію турки напали на Черную гору (чего не допуститъ Богъ по Своему боже-

devesi sperar anzi promosse maggiori e piu considerabili acquisti in quelle parti a confusione e freno diquella Barbara Gente). Voi con (далѣе на сгибѣ прервано и нельзя разобрать, но смыслъ понятенъ), egualmente da Noi considerato e occolto e riceverete sempre marche sincere della publica predilezione. Divenendo poi al primo dei punti che riguardano le ricerchi dei due communi predetti Assentimo che li dodeci capi che dirigono li communi medesimi habbino a godere il mensual assegnamonto loro vita durante di ducati cinque da esser loco corrisposti della Camera di Cattaro; che habiano, in secondo, l'uso libero del loro rito serviano. Per il terzo dei capitoli concorremo ad accordar à qualunque persona dei due communi predetti l'essentione de datij per le robbe, che nate in quei communi sarano tradotte in altre parti dello stato nostro e ciò col fondamento di quanto è stabilito con il decreto 13 marzo 1717. con altri communi del Montenero. Per quell' attiene al' quarto et ultimo dei capitoli. Decretiamo il providimento di sedeci bandiere con quatrocento schiopi et altre tante spade all' Albanese, cosi che assicurato voi da tali e si chiare testimonianze della particolar cordialita con che siete stato accolto e riguardato, siamo altresi certi che sollecitando unitamente con li capi dei communi sudetti il ritorno alle proprie case, che rispetto alla presente avanzato staggione tanto preme forete comprender ancora a quei amatissimi sudditi la partial dispositione degl' animi nostro verso i loro riguardi e fermezza nostra nel prottegerli a presservatione e diffesa delle loro vite e sostanze. Ben certi d'haver à ripportar da voi e dalla costanza della lor fede in ogn' incontro i maggiori vantaggi. Quare auctoritate su-

ственному промыслу, отъ котораго вы напротивъ можете надѣяться на большій успѣхъ и болѣе значительныя пріобрѣтенія на этой сторонѣ — для смущенія и обузданія этого варварскаго народа), вы будете съ......... нами цѣнимы и принимаемы, и получите отъ насъ искренніе знаки расположенія республики. — Обращаясь къ 1-му изъ пунктовъ, находящихся въ прошеніи двухъ вышеупомянутыхъ общинъ, мы опредѣляемъ 12-ти князьямъ, управляющимъ тѣми общинами, мѣсячное жалованье по 5 дукатовъ каждому пожизненно, которые будутъ имъ выдаваться изъ катарской камеры; а по второму даемъ свободное отправленіе ихъ греко-сербскаго богослуженія. По третьему пункту освобождаемъ отъ пошлинъ ихъ мѣстныя произведенія при переносѣ изъ одного края нашего государства въ другой, и то на основаніи постановленія декретомъ 13-го марта 1717 г. съ другими общинами Черной Горы. Относительно 4-го и послѣдняго пункта мы приказали доставить 16 знаменъ и 400 ружей и столько же албанскихъ шпагъ (ятагановъ или хандгаровъ). После этихъ столь ясныхъ доказательствъ особенной любви, съ какою мы васъ принимаемъ и относимся къ вамъ, мы увѣрены также, что вы, вмѣстѣ съ главарями обѣихъ вышепоименованныхъ общинъ, спѣшащихъ воротиться домой и понуждаемыхъ къ тому наступившимъ уже рабочимъ временемъ,—постараетесь внушить нашимъ прелюбезнымъ подданнымъ объ особенномъ нашемъ расположеніи къ нимъ и о постоянствѣ нашего покровительства для охраненія и защиты ихъ жизни и имущества. Мы твердо увѣрены, что отъ васъ и отъ ихъ постоянства въ вѣрности при всевозможныхъ обстоятельствахъ, — мы будемъ имѣть величайшую пользу.

pradicti consilij mandamus vobis ut ita exequi faciatis. Dato in Nostro Ducali Palatio. Die XII maii. Ind. X.. M. D. C. C. XVIII.

По этому властію вышеупомянутаго Совѣта поручаемъ вамъ къ исполненію.

Изъ этого ясно видно, къ чему стремилась Венеція по отношенію къ черногорцамъ. Она стремилась къ подчиненію ихъ своей власти, такъ чтобъ они сами не замѣтили, какъ окажутся въ ея рукахъ, подобно Боккѣ и Приморію. Мы не знаемъ содержанія того прошенія и тѣхъ 12 пунктовъ, на которые ссылается дипломъ; но довольно того, что самъ владыка отправляется въ Венецію, какъ проситель, вмѣстѣ съ другими черногорскими главарями. По всѣмъ вѣроятіямъ, о подданствѣ тамъ не было рѣчи, хотя и говорилось о преданности и вѣрной службѣ за оказываемую народу милость въ видѣ снабженія его оружіемъ и боевыми припасами, а также деньгами, допущеніемъ свободной торговли и т. п. Но въ Венеціи эти выраженія приняты, какъ выраженіе вассальныхъ и подданническихъ отношеній. Съ какимъ тактомъ все это представляется какъ бы проистекающимъ изъ иниціативы самого владыки и его народа, за что разсыпаются имъ самыя лестныя похвалы и обѣщаются всевозможныя блага! И не малѣйшаго намека на то, что владыка въ то время имѣлъ уже сношенія съ Россіей, съ которою и заключенъ договоръ. Какъ предупредительно стараются скорѣе отпустить черногорцевъ домой, чтобъ не упустить весенняго времени! А въ сущности въ томъ была потребность самой Венеціи, которая въ то же лѣто предприняла экспедицію противъ Ульцина, занятаго въ то время турками. Но венеціанскій флотъ ничего не могъ сдѣлать вслѣдствіе бури; а черногорцы, разоривъ и сжегши часть города, должны были также удалиться Обѣщая свободу своимъ подданнымъ православнаго исповѣданія и допуская между ними церковную юрисдикцію Черногорскаго владыки, она въ 1720 г. совершенно изъяла изъ-подъ этой юрисдикціи Маины, Поборы и Браичи и тѣмъ совершенно оттѣснила черногорцевъ отъ моря; а между тѣмъ, по словамъ Милаковича, въ продолженіе 30 лѣтъ постоянно выдавала имъ денежную субсидію.

Одновременно и по тому же поводу завязываются сношенія между Россіей и Черногоріей; но какая разница въ характерѣ этихъ отношеній! Совершенно братски, безъ всякаго посягательства на свободу и самостоятельность черногорскаго народа, съ уваженіемъ напоминая славу и великую роль его прежнихъ кралей и князей, Петръ Великій призываетъ черногорцевъ возобновить славу своихъ предковъ

и соединенными силами ударить на общаго непріятеля за вѣру и отечество, за свою честь и славу, за свободу и независимость свою и своихъ потомковъ. Не обѣщая много, онъ указываетъ, что прежде всего ихъ наградитъ за то Богъ: „А затѣмъ" —продолжаетъ его письмо— „будетъ милость и отъ насъ: не только вознаграждены будутъ всѣ издержки, но и каждый получитъ по своей заслугѣ и по желанію; такъ какъ для себя мы не оставляемъ иной славы, какъ только быть въ состояніи освободить отъ ига невѣрныхъ христіанскіе народы, находящіеся на вашей сторонѣ, возобновить православныя церкви и воздвигнуть святой крестъ". Для этой цѣли онъ обѣщаетъ отдать послѣднюю копѣйку и лично стать во главѣ своего войска, горящаго нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ своей вѣры и испытаннаго въ бояхъ, а конечною цѣлью ставитъ прогнаніе турокъ въ ихъ прежнее отечество, въ пустыни Аравіи. Въ этомъ слышится тонъ увѣренности, которая совершенно умѣстна въ Петрѣ, въ то время побѣдившемъ подъ Полтавой Карла XII, перваго полководца своего времени; но по отношенію къ черногорцамъ онъ не больше какъ братъ по языку и по вѣрѣ и его естественный союзникъ въ борьбѣ съ общимъ непріятелемъ.

Надежды Петра не оправдались: онъ не только не могъ освободить христіанъ, но и самъ попалъ въ бѣду, отъ которой едва избавился, а также навлекъ гибель и на своего единственнаго союзника, на черногорскій народъ. Считая себя причиною того, Петръ спѣшитъ съ утѣшеніемъ пострадавшему народу. Прежде всего онъ заявляетъ, что ему вполнѣ извѣстно, какъ на Черногорію напало огромное войско, какъ притомъ много было изрублено въ куски и отведено въ плѣнъ, съ преданіемъ огню и разоренію церквей и монастырей, и вслѣдствіе того, въ изъявленіе своего христіанскаго состраданія, онъ немедленно велѣлъ во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ православнаго царства вознести молитвы къ Богу за пострадавшихъ за Христову вѣру, да получатъ они награду мучениковъ. Обращаясь затѣмъ къ оставшимся въ живыхъ доблестнымъ воинамъ и воздавъ имъ должную публичную похвалу, онъ съ прискорбіемъ заявляетъ, что вслѣдствіе истощенія Россіи продолжительною войной съ еретическимъ королемъ Швеціи, онъ не можетъ вознаградить ихъ сообразно съ ихъ заслугами и жертвами, а только, чтобы сколько-нибудь выразить свою признательность, посылаетъ 160 золотыхъ медалей со своимъ изображеніемъ и 5,000 рублей для раздачи наиболѣе пострадавшимъ и еще 5,000 рублей въ распоряженіе владыки на покрытіе хоть

части военныхъ издержекъ, а сверхъ всего, ассигнуетъ на каждые три года по 500 рублей въ Цетинскій монастырь. „Мы теперь въ мирѣ съ турками и будемъ вѣрно хранить этотъ миръ"—говоритъ онъ въ заключеніе,—„но если они снова поднимутся противъ насъ и нашего царства, намъ будетъ желательно, чтобы вы, какъ народъ, связанный съ нами вѣрой и народностью, опять притекли на помощь нашему оружію. И обѣщаемъ вамъ наше благорасположеніе и вознагражденіе за все, а также не оставятъ васъ наши милости и послѣ" [1]).

Но какую діаметральную противоположность всему этому представляетъ договоръ, составленный М. Милорадовичемъ—какъ говорится въ немъ —„на збору црногорскому не Цетинѣ, апрѣля 16-го 1712 г.". Здѣсь нѣтъ никакихъ смягченій и окольныхъ выраженій, встрѣчаемыхъ въ венеціанскихъ грамотахъ, гдѣ цѣль держать Черногорію подъ своею властью и себѣ на услуги замаскирована словами—„преданность и вѣрность нашему господству, вассальность" и т. п.; здѣсь говорится отъ имени Русскаго царя, какъ отъ ихъ прямого и единственнаго повелителя. Вотъ эти характерныя мѣста, которыя мы беремъ изъ оригинала, хранящагося въ митрополіи:

Указавъ на „вѣрне службе юнаках и храбріех и вѣрніех витезовиx црьногорскіех, кои наипрьви почеше воевать за благочестиваго царя Петра"—упомянутый договоръ продолжается такъ: „За то видетьи ми такову пих прьву и садашню верну службу, допущавамо им свапу слободу да су своевластни, да немаю над собомь господара токмо цара; а другу маншу господу и офиціере да имаю от своіех племенах и от своего отечьства, а от друге земле и от другаго племена да нема никада медью нима ни воеводе, ни кнеза, ни капетана, ни никаквога старіега, токмо цара по царскому закону и суду, а по духовному митрополита, како смо их тако и нашли, и тако им е било и код Ива Црноевича; и духовни пастирь и архіереи от них племена и отачаства, и воиводе, и кнезови, и капетани и сваки офиціери да имаю бити от них отачаства, а изь друге стране никако. То имь допущисмо сь заклетвомь". „Да су либери и франци" ото всякихъ податей и работъ, „нако [2]) с мачемь и пушкомь [3]), да су вояци царевн, другога

[1]) Всѣ эти мѣста мы беремъ изъ италіанскаго перевода «Исторіи Черногоріи» *Милаковича*.

[2]) Только кромѣ какъ.

[3]) Ружье.

измета [1]), да нечине никаква". „Кои би треговину носіо прозь ону землю, кою би богь допустіо цару Петру владати, да нема ніедань црноѓорацъ царине [2]) давать, ни никаква данна, ни никакву трьговину ни на малу, ни на велю, него имь допущуемо да су и от тога либери и франци. Све имь допущуемо"; только не допускается мѣшаться въ церковныя имущества и вообще церковныя дѣла, подлежащія вѣдѣнію митрополита. И наконецъ „да су волни и слободни у сваки градь с мачемь о пасу шетати и съ свіемь своимь оружіемь да су волни прѣдь свакога господара слободни изисти; а они да су вазда готови с оружіемь у руци за цара воевать на свою Крайну, о своему харчу; теке да имь дава царь прахь и олово и кому узманка мачь и пушка и то нима да се да кадь буде рать, а кадь е миръ да не ищу нища у цара, ни царь от нихь да не ище нища ни други кои господарь. И ако бихь у кое вріеме царь звао на другу краину воевать да ихь силомь нема тьерать, како би ктіо тко от свое воле пошао за послужить цару: онь да дава царь свy храну [3]), и сваки начинь [4]) воиничьсѣи. Тако се ово писмо учини, да не буде никогда пометнуто, него потврьдьено сь заклетвомь".

Глухо здѣсь упоминается о жалованіи офицерамъ и другимъ воинскимъ чинамъ; говорится только: „и да има свакому официру плата от цара—воевода воеводску, а кнезь кнежеску, капетанъ капетаньску и сваки офиціерь свою, како у наиболъега крала", но не говорится, ни сколько всякій будетъ получать, ни за какое время, то-есть, военное только или и за мирное.

Это форменный договоръ, въ которомъ означены только общія начала взаимныхъ сношеній, заключающіяся главнымъ образомъ не столько въ признаніи суверенства Русскаго царя, сколько въ устраненіи всякаго другаго суверенства. Поэтому и признается полнѣйшая внутренняя свобода, ни однимъ намекомъ не допускающая вмѣшательства во что-бы-то-ни было со стороны русскаго правительства Въ этомъ заключается весь смыслъ договора, и есть къ тому полное основаніе.

Въ то время, какъ Россіи въ лицѣ Черногоріи нуженъ былъ только союзникъ на случай войны съ Турціей, Венеція шла прямо на то,

---

[1]) Работа.

[2]) Таможенная пошлина.

[3]) Пищу.

[4]) Принадлежности.

чтобы поставить свою власть въ Черногоріи навсегда, какъ она и поставила ее въ Боккѣ и Приморьи, отнявъ при томъ часть территоріи черногорскаго владыки.

Черногоріи нечего было бояться Россіи; поэтому народъ черногорскій добровольно и безъ страха становится подъ покровительство Русскаго царя, гласно признавая его суверенство надъ собою. Но Венеція достигла этой цѣли прежде Россіи, какъ бы противъ воли черногорцевъ, незамѣтно для нихъ самихъ, какъ ни мудры были черногорскіе владыки, и какъ ни остерегались они венеціанскихъ сѣтей.

Огромное пространство, отдѣляющее Россію отъ Черногоріи, на сколько обезпечивало послѣдней независимость противъ первой, на столько же затрудняло и ихъ взаимную помощь; тогда какъ Венеція одною ногой стояла уже на измученномъ тѣлѣ Черногоріи, а другою готовилась стать ей на голову. И въ это время, какъ бы для спасенія ея, является Петръ Великій.

Геніальный умъ его не могъ не предвидѣть, къ чему шла Венеція, и этимъ объясняется заключеніе упомянутаго договора. Но что онъ въ дѣйствительности не покушался на „самовластіе" Черногоріи, какъ стоитъ въ договорѣ, а имѣлъ въ виду только устраненіе отъ этого другаго, доказываетъ его письмо, написанное послѣ договора, которое мы цитировали выше. Не подданныхъ себѣ искалъ его великій духъ, чтобъ эксплоатировать ихъ или удовлетворять своему самовластію, а вѣрнаго союзника, съ которымъ тѣснѣе, чѣмъ всякій договоръ, связывала бы общность интересовъ. Его дальновидный умъ не ошибся, остановившись на Черногоріи, которая составляла клинъ, могущій во всякое время, при помощи извнѣ, начать свое разрушающее дѣйствіе не только противъ Турціи, но и противъ всякой другой сосѣдней державы. Говоря о безпошлинной торговлѣ въ землѣ, „которою Богъ допустилъ бы царю Петру овладѣть", составитель договора, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду не Турцію, которой Черногоріи нечего было продавать, а сосѣднее Адріатическое приморье. Это была его завѣтная мысль, которую, можетъ быть, подсказали ему и поддерживали окружающіе его выходцы изъ Далмаціи и Герцеговины. Но осуществить ее онъ былъ не въ состояніи, потому что имѣлъ много дѣла ближе; а послѣдующіе за нимъ правители о томъ совершенно забыли. Забыли бы они и Черногорію, еслибъ она сама о себѣ не напоминала, и еслибы не нуждались въ ней при всякой войнѣ съ Турціей.

Венеція, поставивъ губернатора въ Черногоріи, котораго держала на своемъ жалованьи, и опредѣливъ постоянную плату также другимъ чиновникамъ, въ принципѣ и фактически поставила Черногорію въ зависимость отъ себя, и владыкамъ ея приводится защищать свою свободу не противъ одной Турціи, но и противъ Венеціи. Владыка Василій, начиная со времени своего соправительства съ дядею Саввой и до смерти, боролся противъ злыхъ умысловъ своей лукавой сосѣдки. Даже смерть его въ Петербургѣ, въ 1766 году, молва приписываетъ отравленію какимъ-то венеціанскимъ агентомъ, подобно тому какъ владыку Виссаріона въ 1687 году венеціанцы отравили на Цетинье, гдѣ были приняты имъ, какъ дорогіе гости. Этимъ характеризуются отношенія Черногоріи къ Венеціи.

А связи съ Россіей между тѣмъ ограничиваются только сборомъ милостыни и постоянною выдачею тѣхъ 500 рублей, которыя ассигновалъ Черногоріи Петръ Великій; да и тѣ получались неаккуратно, и полученіе притомъ сопряжено было всегда съ большими хлопотами, а иногда изъ-за того приводилось терпѣть и оскорбленія. Такъ, напримѣръ, владыка Петръ I, по капризу всесильнаго екатерининскаго любимца, въ 24 часа былъ выгнанъ изъ Петербурга и изъ Россіи. И не смотря на то, Черногорія не переставала льнуть къ Россіи. И тотъ же самый владыка Петръ I, вынесшій отъ Россіи, кромѣ упомянутаго выше, еще массу болѣе тяжелыхъ обидъ и оскорбленій, на смертномъ одрѣ завѣщалъ своему народу держаться союза съ нею и предавалъ проклятію всякаго, кто дѣйствовалъ бы въ противномъ духѣ. На чемъ же основывалась эта привязанность Черногоріи къ Россіи, и не была ли она только личною привязанностью ея владыкъ, которые въ томъ находили свои личныя выгоды?

Народъ черногорскій при владыкахъ представлялъ такую сплошную, компактную массу, что стоящіе во главѣ его предводители и всякая власть составляли съ нимъ нераздѣльное цѣлое. Мало того, что они были люди выборные, но и выборъ производился сплошною массой, которая не была подѣлена ни по сословіямъ, ни по имущественному цензу. Существовало только раздѣленіе на племена и роды, между которыми также было полнѣйшее правовое равенство. Разница была только въ томъ, что одни были многочисленнѣе и сильнѣе, другіе—слабѣе. И во внутренней жизни племени никогда власть не была исключительно въ рукахъ одного рода, а переходила отъ одного къ другому по заслугѣ. Это видно и на выборѣ владыкъ до конца XVII столѣтія, которые были изъ различныхъ племенъ: изъ Команъ,

изъ Цермницы, изъ Баицъ, изъ Очиничей (оба близъ Цетинья), съ Нѣгушей былъ одинъ изъ Вельего края, а послѣ изъ Ераковичей (Петровичи). Съ XVIII столѣтіемъ достоинство владыки остается, правда, исключительно въ домѣ Петровичей по той простой причинѣ, что болѣе осложненныя внѣшнія отношенія потребовали особенной подготовки, а всякій владыка, естественно, прежде всего подготовлялъ своего родственника; но надо отдать полную справедливость и честь всѣмъ владыкамъ изъ того дома. Впрочемъ, еслибъ они того не заслуживали, то не могли бы и держаться на своемъ тяжкомъ постѣ. Примѣръ тому мы видимъ на владыкѣ Саввѣ, которому вслѣдствіе его слабости поставили соправителя, его племянника Василія, сдѣлавшагося потомъ настоящимъ владыкой, тогда какъ Савва долженъ былъ отправиться на покой въ монастырь Станевичи. А по смерти Василія хотя и снова вступилъ въ управленіе Савва, но народъ не оказывалъ ему никакого почтенія и потому легко далъ себя увлечь Степану Малому; а въ то же время готовъ былъ и его заступникъ, который былъ любимъ народомъ. Поэтому всѣ симпатіи и антипатіи Черногорскихъ владыкъ не были ихъ личныя, а цѣлаго народа, и любовь къ Россіи была также глубоко народна, какъ и ненависть противъ исконнаго врага — Турціи. Черногорскій народъ въ пѣснѣ и преданіи увѣковѣчилъ въ своей памяти имена Петра Великаго и Елисаветы. Дальше, однако, симпатіи, которая можетъ подвинуть и на дѣло, народъ никогда не идетъ. Чувствуя надъ собою постоянную опасность быть подавленнымъ своимъ непріятелемъ, народъ съ вѣрою смотрѣлъ на единоплеменныхъ и единовѣрныхъ Русскихъ царей, отъ которыхъ ожидалъ себѣ всякаго блага, будучи не въ состояніи рѣшить, въ чемъ состоитъ это благо. Это онъ предоставилъ своимъ владыкамъ съ полною вѣрою въ нихъ, и потому владыки являлись вполнѣ народными представителями, преслѣдуя не свои какія-нибудь личныя цѣли, а интересъ своего народа.

Еслибъ они были узкіе эгоисты, они могли бы отлично жить съ Венеціей и постепенно обратить къ ней симпатіи своего народа; но это были идеалисты, которымъ благо народное и чистое, славное имя въ потомствѣ были выше всѣхъ благъ временныхъ, матеріальныхъ. Во имя этого идеала они и стремились приблизиться къ Россіи, отъ которой единой ожидали его осуществленія. Вотъ почему въ сношеніяхъ съ Россіей они отрекались отъ всякаго личнаго интереса и во имя одушевлявшаго ихъ идеала жертвовали своимъ личнымъ самолюбіемъ, унижаясь до роли простыхъ просителей, обивающихъ пороги

сильныхъ русскихъ вельможъ, и прощая всевозможныя обиды и оскорбленія. Это были не только великіе люди, но люди святые, мученики идеи.

Въ чемъ же состоитъ этотъ идеалъ?

При владыкѣ Даніилѣ, какъ мы уже видѣли, черногорскій народъ призналъ надъ собою верховную власть Русскаго царя. Но въ подобныхъ отношеніяхъ, какъ мы видѣли, стояла Черногорія и къ венеціанскому дожу. При владыкѣ Василіи эти отношенія выясняются нѣсколько больше: рядомъ съ признаніемъ суверенства Россіи, идетъ опровержение всякаго права на то со стороны Оттоманской имперіи, какъ и со стороны Венеціи. И на одно изъ прошеній владыки Василія, отъ 22-го апрѣля 1753 года, со стороны Русской императрицы послѣдовало такое рѣшеніе: „что оной черногорскій принципатъ (княжество) никому не подвластенъ, какъ токмо ея императорскому величеству самодержицѣ Всероссійской, и чтобы сей принципатъ въ титулѣ ея императорскаго величества включенъ былъ; то. хотя ея императорское величество сіе его представленіе милостивѣйше принять изволила, однакожъ, на какомъ основаніи и за что оной черногорскій народъ ея императорскому величеству совершенно подвластнымъ быть хочетъ, о томъ обождано будетъ формальное сего народа прошеніе".

М. Драговичъ [1]), изъ брошюры котораго мы беремъ это мѣсто, дѣлаетъ при томъ замѣчаніе: „Относительно формальнаго прошенія черногорскаго народа о желаніи его быть присоединеннымъ къ Всероссійской имперіи, я не могъ найти никакихъ извѣстій". Но въ той же самой брошюрѣ (стр. 53) находится прошеніе владыки, въ которомъ между прочимъ говорится ясно: „Мы дали формальное представленіе отъ всего общества народа черногорскаго, въ которомъ всеподданнѣйше предложено о включеніи въ титулъ вашего императорскаго величества и о снабженіи высокомонаршею милостію вольное наше черногорское княжество. Но нынѣшняго времени обстоятельства оному нашему прошенію препятствуютъ; а между тѣмъ оный народъ къ послѣдней крайности приходитъ и болѣе

[1]) *Марка Драговича,* Митрополитъ Черногорскій Василій Петровичъ и его сношенія съ Россіей. С.-Пб. 1882 года, стр. 23. Считаемъ долгомъ при этомъ замѣтить, что упомянутая брошюра вмѣстѣ съ другими статьями того же автора и брата его Живка (оба черногорцы) въ русскихъ журналахъ составляютъ богатый вкладъ въ исторію Черногоріи XVIII вѣка и особенно сношеній ея съ Россіей.

уже никакъ не можетъ столь часты кровопролитія отъ Порты Оттоманской, а отъ Венеціанской республики всегдашняго злоухищренія претерпѣвать безъ вашего вспомоществованія и общаго всѣхъ согласія и союза любви и другихъ окрестныхъ христіанъ, которые всѣ смотрятъ на то, что̀ воспослѣдуетъ черногорцамъ при ихъ вольности". А въ другомъ мѣстѣ (стр. 42) русскій посолъ въ Цареградѣ Обрѣсковъ ссылается на письмо владыки Василія, въ которомъ тотъ увѣдомляетъ его, что „по пріѣздѣ его (владыки) въ Черногорію все первенствующее и начальствующее общество черногорское предъ портретомъ ея императорскаго величества въ вѣрности ея императорскому величеству присягали". И наконецъ, онъ „для учрежденія въ черногорскомъ народѣ добраго порядка проситъ объ опредѣленіи ежегоднаго пансіона на тысячъ до 15 рублей, и чтобы, сверхъ того, кто-либо отсюда (тоесть, изъ Россіи) отправленъ былъ въ ихъ резиденціи" (тамъ же, стр. 56).

Дѣло со стороны черногорскаго народа ясное и рѣшенное. Еще больше это подтверждается исторіею Степана Малаго, который хоть на короткое время былъ государемъ Черногоріи подъ ложнымъ именемъ русскаго царя Петра III. Но осуществленіе этого должно было отложить само русское правительство вслѣдствіе „нынѣшняго времени обстоятельствъ", упоминаемыхъ въ прошеніи владыки Василія. Это подняло бы противъ Россіи не только Турцію, но и Венецію и Австрію. Идея эта, однако, не погибла, а продолжала зрѣть и развиваться въ послѣдующихъ сношеніяхъ Россіи съ Черногоріей.

Изъ всего, приведеннаго выше, мы можемъ до нѣкоторой степени видѣть, къ чему вели всѣ сношенія съ Россіей при двухъ владыкахъ. Посмотримъ теперь, куда они зашли при третьемъ.

II.

Время владыки Петра I (1784—1830).

Стараясь по возможности уловить и выяснить идею, руководившую Черногоріей въ сношеніяхъ съ Россіей, мы однако не сдѣлали того же самаго по отношенію къ этой послѣдней. Впрочемъ тутъ, кромѣ Петра Великаго, никто, кажется, и не задавался никакими высокими идеями. Императрица Елизавета открыла на своей обширной территоріи прибѣжище всюду гонимому сербскому православному народу, имѣя въ виду заселеніе южныхъ предѣловъ Россіи;

оказывая милости черногорскому владыкѣ Василію, императрица руководилась больше личнымъ добродушіемъ и чувствомъ благоговѣнія передъ завѣтами своего отца, чѣмъ какими-либо высшими соображеніями. По заведенному порядку, владыка Василій отправился поздравить съ восшествіемъ на престолъ и императрицу Екатерину II и былъ ею хорошо принятъ; онъ однако умеръ въ Петербургѣ, не дождавшись никакихъ результатовъ. Владыка съ надлежащею почестью похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ; спутники его съ честью отправлены назадъ въ Черногорію, при чемъ въ грамотѣ царицы черногорскому народу стоитъ увѣреніе въ милостивомъ ея расположеніи къ нему и высказана надежда, что черногорцы постараются заслужить то своимъ усердіемъ, вѣрностью и т. д. Вторичное управленіе Черногоріи владыкою Савой ознаменовалось появленіемъ самозванца, не столько конечно опаснаго Россіи, сколько Турціи и Венеціи, которые и постарались съ нимъ покончить; тѣмъ не менѣе это событіе произвело непріятное впечатлѣніе на русское правительство, которое и дало это почувствовать Черногоріи, когда въ Россію прибылъ будущій владыка, въ то время архимандритъ, Петръ Нѣгошъ для обычнаго полученія царской милости. Ему ничего не дали, и еще послана была записка, полная несправедливыхъ упрековъ черногорскому народу, который будто бы во время турецкой войны не только не показалъ себя достойнымъ „о пользѣ его попеченія, но паче въ буйствѣ и невѣжествѣ своемъ, примѣняясь къ нѣкоему презрительному самозванцу и бродягѣ, всячески учинилъ себя недостойнымъ высочайшаго покровительства государыни императрицы". Потомъ ему не дали пропуска въ Россію для посвященія въ митрополиты; а когда онъ явился туда, какъ владыка, Потемкинъ прогналъ его по личному капризу. Говорятъ, Екатерина сожалѣла о томъ и посылала вернуть владыку; но онъ самъ не пожелалъ вернуться.

Одна возможность подобнаго случая ясно показываетъ, что тутъ нѣтъ никакой идеи и высшаго руководящаго начала, а управляютъ всѣмъ личные инстинкты—расположеніе или нерасположеніе къ тому или другому, и не только одной царицы, но и ея любимцевъ.

Доказательствомъ служитъ и то, что Черногорія во все время царствованія Екатерины не получила ни копѣйки изъ той субсидіи, которая опредѣлялась грамотами Петра Великаго и Елизаветы и не была отмѣнена и самою Екатериной. Даже, начавши войну съ Турціей при участіи Австріи и призывая манифестомъ черногорцевъ тоже под-

няться, Екатерина послала только лично митрополиту части мощей въ ящичкѣ, украшенномъ драгоцѣнными каменьями (по другимъ — панагію), и никакой другой помощи, безъ которой они рѣшительно ничего не могли сдѣлать. Впослѣдствіи только Австрійскій императоръ Іосифъ II послалъ имъ разнаго рода боевыхъ припасовъ съ двумя пушками и немного денегъ, и съ этимъ владыка Петръ, послѣ заключенія Россіей и Австріей мира съ Турціей, долженъ былъ вступить въ новую войну одинъ противъ грознаго въ то время скадарскаго визиря Махмуда-паши Бушатліи. Благодаря только этой небольшой австрійской помощи, черногорцы въ 1796 г. одержали двѣ блистательныхъ побѣды подъ Мартиничами и Крусами: въ послѣдней погибъ и Махмудъ-паша. Владыка тотчасъ же шлетъ пословъ въ Россію съ увѣдомленіемъ о побѣдѣ и съ трофеями въ отдаръ императрицѣ за посланную ею святыню; но Екатерину это извѣстіе не застало въ живыхъ, а посланныхъ принялъ новый царь Павелъ, принялъ милостиво и въ награду послалъ митрополиту орденъ Александра Невскаго.

Императоръ Павелъ относился къ Черногоріи иначе: проникнутый самъ рыцарскимъ духомъ, онъ не могъ не любить черногорцевъ за ихъ геройство; а въ то же время Черногоріи предстояло непремѣнно играть роль въ общеевропейской войнѣ, такъ какъ французы перекинулись со своими завоеваніями и на Адріатическое море.

Не знаемъ, какъ бы отнесся къ этому и что̀ бы предпринялъ самъ императоръ Павелъ; но его предупредила Черногорія. Въ 1797 г. французы заняли Венецію, и вслѣдствіе того, зависѣвшія отъ нея Бокка и Приморье рѣшились предаться Австріи, которая однако и сама не въ состояніи была ничего сдѣлать безъ чьей-либо помощи, а призвала къ тому Черногорію, предоставивъ въ полное распоряженіе владыки посланное въ Бокку свое войско.

Но владыка, вѣрный идеѣ, вошедшей уже въ традицію, въ виду начавшейся путаницы въ политическихъ дѣлахъ, прежде всего обращается къ Россіи, отдаваясь въ полное ея распоряженіе и прося покровительства и помощи. Онъ отправлялъ съ этою цѣлью въ Россію два посольства одно за другимъ, въ 1798 и 1799 гг.

Императоръ Павелъ весьма благосклонно принялъ первое посольство и отвѣтилъ грамотою, въ которой даетъ полное увѣреніе, что не дастъ черногорскій народъ въ обиду никому, и что для того немедленно посланъ будетъ флотъ въ Средиземное море, и въ то же время ассигнуется постоянная ежегодная субсидія въ 1000 цеки-

новъ для введенія въ Черногоріи лучшаго порядка и всего, что спо спѣшествовало бы развитію народнаго благосостоянія. Второе посольство было также хорошо принято. Годъ спустя, на русскій престолъ вступилъ новый императоръ Александръ, который подтвердилъ все, что было сдѣлано и обѣщано Черногоріи его покойнымъ отцомъ.

Эти два посольства были архимандрита Савы Вукотича и Николая Петровича Давидовича, который въ относящихся къ нему актахъ называется Черноевичемъ воеводой или графомъ. Оба они отправились съ особенно важными секретными порученіями къ русскому двору и потому документы, относящіеся къ нимъ, представляютъ большой интересъ; такъ какъ лучше всего бросаютъ свѣтъ на занимающій насъ вопросъ о характерѣ и конечной цѣли сношеній между Россіей и Черногоріей. Матеріалъ для этого имѣется готовый, вынесенный на свѣтъ изъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ Ж. Драговичемъ и помѣщенный имъ въ двухъ статейкахъ въ Русской Старинѣ (1882 г., тт. XXXIII и XXXV) и мы могли бы довольствоваться только имъ; но въ Цетинскомъ монастырѣ нашлась цѣлая тетрадь, содержащая въ себѣ всѣ документы, которыми снабжены были оба упомянутые посланника, и ими пополняется и еще больше уясняется то, что найдено въ московскомъ архивѣ. Такъ въ напечатанномъ изъ прошенія къ императору Вукотича сдѣлано только сжатое извлеченіе изъ того, о чемъ просилось, а въ имѣющемся у насъ наказѣ опредѣлено и то, какъ проситель долженъ поступить въ случаѣ отказа; есть и другія характерныя мѣста, не попавшія въ извлеченіе. Въ наказѣ Давидовичу также многое не вошло въ поданный имъ проектъ, а иное представлено иначе. Считая положительно необходимымъ опубликовать изъ этого матеріала то, что прямо относится къ нашему вопросу, мы думаемъ, что не будетъ излишне за-одно помѣстить и все, чего вообще недостаетъ въ напечатанномъ уже, хотя бы это прямо и не относилось къ дѣлу. Поэтому прежде всего приступаемъ къ изложенію имѣющихся у насъ документовъ.

Они состоятъ изъ наказовъ отправляющимся и изъ писемъ императору и разнымъ лицамъ при императорскомъ дворѣ. Начнемъ съ заглавія, какое придано этимъ документамъ.

На первомъ стоитъ такъ: „Инструкція, учиненная при консисторіи Петра Митрополита Черногорскаго, Скандарійскаго и Приморскаго съ согласіемъ Обще-народнаго Черногорскаго Совѣта священно-архимандриту Савѣ Вукотичу для предпріятія путишествія ему во Всероссійскую Имперію. маія 19-го числа 1798 г.“. А на второмъ:

„Полномочное наставленіе, данное съ согласіемъ Общаго Національнаго Черногорскаго Публичнаго Собранія, достойному и вѣрному ходатаю и соотечественнику нашему Оберъ-воеводѣ Графу Николаю Черноевичу Давидовичу; при митрополитанской кавтедралной резиденціи, для вящшаго изысканія явнаго покровительства отъ Всероссійскаго Императорскаго Двора. Сентября 10 дня, 1799 г.".

Подписи подъ всѣми документами одного митрополита съ означеніемъ титула или просто: „М. Петръ Петровичъ Негошъ", иногда со скрѣпой: „У производства дѣлъ Всероссійской Имперіи дьяконъ Алексѣй" или еще иначе: „въ производствѣ писменныхъ тайныхъ дѣлъ отъ Рос. Имп. дьякъ А.". А подъ письмомъ императору владыка подписывается такъ: „Вашего Имп. священнѣйшаго Величества всепокорнѣйшій и всенижайшій слуга и богомолецъ М. П. П. Негошъ за себя и за все черногорское и берганское національное собраніе".

Самое дѣло внутри текста характеризуется такъ: „послать съ велико-важнымъ по секрету интересомъ къ Его И. В". или „всеобщій императорскій интересъ". А поводъ заключается въ особенныхъ политическихъ обстоятельствахъ: „и по причинѣ превратныхъ сего времене обстоятельствъ". Не присвоивая себѣ власти рѣшающей по формѣ, митрополитъ является здѣсь только какъ бы представителемъ народа, выразителемъ его воли и рѣшеній по существу дѣла, оставаясь конечно его душою и иниціаторомъ. Потому очень интересны его письма, хотя и къ придворнымъ людямъ, но къ которымъ онъ относится, какъ къ своимъ добрымъ знакомымъ и друзьямъ. Изъ нихъ можно видѣть то душевное настроеніе владыки, подъ впечатлѣніемъ котораго развивалась его внѣшняя, политическая дѣятельность. Таково письмо его императорскому духовнику (имени не означено), которое мы и позволимъ себѣ привести цѣликомъ:

Ваше Высокопреподобіе, о Христѣ возлюбленный Братъ.

Возвожду внутренными моего сердца очима взоръ ко всевышнему и неисповѣдимому его промыслу, прославляя неизреченное человѣколюбіе къ намъ провидѣнія и всещедрую благость божескую, что престолъ священныя Русскія Имперіи паки воспріялъ верхъ первобытнаго своего существа, преукрашенный всерадостнѣйшимъ возшествіемъ торжественно Его И. В. на оный, есть всеобщее благополучіе нашего блаженства и слава, отъ многихъ лѣтъ вожеланная; понеже промыслъ верховнѣйшаго правителя на сіе предѣломъ преду

ставлено, не точію воздвигнуть и прославить, но и умножить во время потребное потребнаго ей, и оградить еще миромъ окрестъ, и вожделѣнныя тишины покоемъ и радостію.

Покровенная нынѣ чрезвычайнымъ мракомъ полуденно-западная часть Европы, который разсипавъ мрачніе повсюду свѣты, претытельно стремится бурливость своихъ волнъ быстро-текущихъ прозрачныхъ сердецъ привлечь во храмъ покрове своего любосластія; но мы будучи по несчастному жребію къ тѣмъ мѣстамъ прикосновенны, гдѣ гнѣздящійся мракъ прелести воспріялъ свое внезапу обиталище. Ободряя себе надеждою сѣверныхъ силъ священныхъ россійскихъ горызонтовъ, отъ которыхъ сіетъ молніено-лучная немерцающая и лучезарная аурора, осѣняющая неукоснительнимъ ея блистаніемъ еще отъ временъ безсмертнаго славнаго императора Петра перваго на народъ здѣ заключенный.

Превратность сего непостояннаго времене сугубо въ такомъ случаѣ ободрительно возбудила съ надеждою простерть опыть моего къ вамъ прошенія. Вручителя сего священно-архимандрита Саву Вукотича всепокорнѣше прошу возможнымъ вашимъ и могущественнымъ пособіемъ о представленіи онаго къ Его И. В. воспріять посредственное ходатайство, кое присвояя собранному удовольствію. При взаимномъ же и священномъ жертво-приношеніи по мѣрѣ силъ нашихъ обязанъ моею истинностію пребыть навсегда таковымъ

Вашего Высокопреподобія, Милостиваго моего Государя, всепокорнѣйшій слуга Петръ Цетровичъ Нѣгошъ. Митрополитъ Черныя Горы, Скандеріи и Приморья.

Мая 19, 1798 г.

Какъ ни тяжело добраться до смысла всего, что̀ говорится въ этомъ письмѣ, вслѣдствіе напыщенности и какого-то особеннаго скованнаго языка, изъ него однако намъ видно, что переворотъ во Франціи и особенно ея антирелигіозное направленіе, готовое вмѣстѣ съ завоеваніями французовъ охватить собою всю Европу, сильно озабочивали владыку; противодѣйствія этому онъ ожидалъ только отъ Россіи, которую единственно считалъ достаточно сильною и православно-вѣрующею, чтобы противостать такой силѣ. Это видно и во всѣхъ другихъ его письмахъ. Видя, какъ быстро и неожиданно совершались и развивались политическія событія, владыка чувствовалъ себя въ крайнемъ затрудненьи и недоумѣньи, какъ поступить и съ кѣмъ дер-

жаться. Вслѣдствіе того, что Россія недавно въ союзѣ съ Австріей воевала противъ Турціи, онъ дѣйствуетъ въ духѣ этого союза, и когда жители Бокки обратились къ нему за совѣтомъ, какъ имъ поступить теперь, когда Венеція находится въ рукахъ французовъ, онъ посовѣтовалъ имъ стать подъ покровительство Австріи; въ этомъ смыслѣ было составлено и письмо Австрійскому императору отъ общества Будвы съ подписью владыки. Въ концѣ его однако стоитъ такое добавленіе: „И, покуда будемъ приняты подъ покровительство Его Импер. В., мы избираемъ своимъ покровителемъ, защитникомъ и правителемъ Петра Петровича, славнаго архіепископа и митрополита Черногоріи".

Съ Турціей онъ также старается поддержать миръ, потому что такъ внушается ему Россіей. Но сосѣдняя ему Албанія не признаетъ султана и никакого закона. Куда ни посмотришь, всюду неопредѣленность, отовсюду грозитъ опасность, а онъ не имѣетъ никакихъ средствъ и не знаетъ, какъ отнесется къ дѣлу Россія; между прочимъ ему очевидно, что и Россія, стоя слишкомъ далеко отъ театра событій, можетъ заблуждаться на счетъ ихъ. Поэтому, чтобы разъяснить положеніе, онъ пишетъ вице-канцлеру, графу В. П. Кочубею: „Что же принадлежитъ до смежныхъ намъ сосѣдей, которые ежечасно, а паче отъ стороны турецкихъ городовъ на черногорскіе и бердскіе пограничвіе селенія безпрерывно буйственные производятъ нападенія и тѣмъ самымъ причиняютъ великое разореніе, убійство и грабительство, что мы со стороны нашей сохраняя опасно и наблюдая союзъ аліатственной дружбы между обоима имперіями, и потому принуждены продолжать съ терпѣніемъ оное несносное нападеніе; но какъ по видимому намъ предмету, что турки не отступаютъ отъ своихъ предпріятій, своеволно и развратно пребываютъ, понеже они и законному ихъ государю султану не повинуются и ниже о томъ никакого понатія и зависимости не имѣютъ. Для чего въ оправданіе нашей невинности оборонною рукою съ надеждою всероссійской защити и помощи оружіемъ нашимъ себе обранять; но за неимѣніемъ здѣсь къ тому супротивленію пороха и свинцу понеже подъ великимъ штрафомъ запрещенно какъ турецкихъ мѣстахъ намъ прикосновенныхъ, а паче въ станѣ новыхъ сосѣдей аустрійцевъ. Сіе же все происходитъ потому предлогу, что Черногорскіе и Бердскіе области приверженность имѣютъ къ священному тому престолу, и дабы тѣмъ запрещеннымъ угнетеніемъ отторгнуть насъ отъ участія и единенія рессійской державы".

Въ томъ же смыслѣ и духѣ составлено и письмо императору Павлу, отправленное съ Вукотичемъ. Вотъ оно тоже цѣликомъ:

Всеавгустѣйшій Государь, Ваше Императорское Священнѣйшее Величество!

При шумѣ восклицанія всеобщія радости, когда судба благоволеніемъ своимъ предопредѣлила вѣнчать діадимою верхъ достоинства вашего И. В. и утвердить при томъ залогомъ благодати господней священнѣйшимъ миропомазаніемъ, о возшествіи на прародительскій императорскій вашъ престолъ, здѣшнее общество единогласно принося жертву благодаренія верховнѣйшему правителю богу; о ниспосланіи вамъ силъ къ прохожденію служенія въ славу имени его возложенному безотлагательно предпріяли опытъ дерзновенія чрезъ посредство всероссійскаго имераторскаго посланника, находящагося въ Константинополи, въ прошломъ годѣ сентября отъ 3-го числа всеусерднѣйшее принесть вашему И. В. поздравленіе. Понеже милости милосердія и человѣколюбіе отъ всещедрыхъ нѣдръ блаженно-почившихъ вашего И. В. прародителей обилно проливаемое на народъ черногорскій, запечатлѣны оніе неотъемлемую вовѣки къ себѣ приверженность, и похваля ревностнѣйшіе сихъ народовъ подвиги и труди высокомонаршими ихъ засвидѣтельствовать благоволили грамматами.

Нынѣ же, будучи сила австрійскаго оружія внезапу распростершись покрыла мѣста владѣнія бывшей венеціанской республики, даже и до самыхъ предѣловъ Черныя Горы; какъ повидимому намъ предмету употребляетъ всѣ возможніе мѣры разнообразними способы и происки соединить къ своему владѣнію и народъ здѣ обитающій.

Того ради поднося сіе во изъявленіе вашему И. В. всеподданнѣйше представляемъ, что по данному предковъ нашихъ клятвенному обѣту на вѣрность и службу высокославному престолу всероссійскому, которой доселѣ наблюдая въ непоколебимомъ и безпорочномъ исполненіи, избѣгая при томъ вѣроломства, предварительно припадая къ освященнымъ стопамъ вашего И. В., единогласно просимъ отеческаго призрѣнія и высокомонаршей благопокровительствуемой съ милостію протекціи.

Простры, всепресвѣтлѣйшій монархъ императоръ, скиптромъ скиптродержавную и всесильную десницу; пріимы купнародно отъ лица всего народа глубочайшее наше прошеніе; услишь вопль сте-

нанія озлобленныхъ младенцевъ, извлеци исподъ ига агаринскаго славеносербскій родъ, заключенный во узахъ вѣроломныхъ магометанъ. Онъ благоговѣетъ къ освященному лицу твоему. Напитай алчущія люды благочестія злакомъ, воздвигни долу падшихъ скиптромъ державы твоея, привлецы чрезъ то на себе безсмертную славу; соберы порфирою силъ твоихъ расточенныхъ воедино; распростры парусъ милосердія твоего и соедини сердца наша въ синамы росскими, пролей гнѣвъ твой на языкъ агарянскій и возврати плѣненіе людей своихъ; возгласи трубою повелѣнія твоего, и се потрясутся пленицы константинопольскія" [1]).

Нельзя не удивляться, что скоро опредѣлились отношенія къ новой сосѣдкѣ, которая оказалась нисколько не лучше старой. Владыка не обманывался на счетъ Австріи и вслѣдствіе того еще сильнѣе стремился къ Россіи.

Изъ прошенія черногорскаго народа императору, извлеченіе изъ котораго напечатано, мы приведемъ одно только мѣсто, показывающее, чего собственно добивался онъ отъ Россіи.

Изложивъ положеніе Черногоріи, прошеніе резюмируетъ желаніе народа такъ: „А посему и просимъ, дабы высочайшимъ вашего И. В. благоволеніемъ и милостію повелѣно было сіе наше прошеніе принять и о причисленіи насъ Черныя Горы и Бердъ подъ высочайшую протекцію, помощь и защиту; присовокупить въ единодержаніе владычества вашего, также и государственними утвердить правами и правилами духовными, военными и гражданскими; съ преподаваніемъ откритія наукъ полезныхъ и училищъ; со статами; и со утвержденіемъ пошлинныхъ зборовъ, которые спомоществовать полнымъ изобиліемъ, когда будутъ существовать строгости и права, и съ равномѣрнымъ же проискомъ рудокопныхъ металловъ, коихъ повидимому предмету изобильность не оскудѣваетъ. О присилки же сѣмо отъ имени вашего И. В. кого заблагоразсудитъ ваша високо-монаршая верховнѣйшая власть, для вящшаго обозрѣнія и совершенной вѣрности съ полномочнимъ вашего священнѣйшаго величества наставленіемъ, и о томъ учинить милостивѣйшее благоразсмотрѣніе и опредѣленіе".

Прошеніе это долженъ былъ подать и подалъ архимандритъ С. Вукотичъ, которому сверхъ того дана была и особенная инструкція. Одни изъ пунктовъ ея относятся лично къ посланнику и показы-

[1]) Обычный конецъ письма не приводимъ.

ваютъ заботу составителя, чтобъ съ полномочіемъ не вышло какого злоупотребленія; а другіе указываютъ ему, чего добиваться. Мы приведемъ только то, чего нельзя видѣть изъ напечатаннаго извлеченія. Послѣ общаго изложенія задачи посланнаго, ему вмѣняется въ обязанность слѣдующее:

1) „Имѣйте вы по должности своего чина и по соразмѣрности вашего званія честно и благопорядочно въ пути всегда поступать.

2) „Въ постороннія дѣла ни съ кимъ не входить и въ свои никого изъ постороннихъ не принимать; ниже оныя, кромѣ гдѣ принадлежитъ, никому не открывать.

3) „Въ дорогѣ безъ великой причини либо нужды незадерживаться; но какъ скорѣе возможно къ назначенному мѣсту безъ остановки поспѣшать.

4) „Въ журналъ вносить, какого мѣсяца и числа въ коемъ либо городѣ и мѣстѣ прибылъ и изъ онаго отъехалъ, означая, сколко гдѣ и за какою необходимостью остановку имѣлъ".

5) „Искать тотчасъ представленья императору.

6) Нынѣшнія обстоятельства и состояніе народа высочайшему двору въ точности представить; а потому неукоснительной резолюціи просить.

7) „Естли высочайшему двору невозможно будетъ въ семъ времени по прошенію нашему учинить, въ такомъ случаѣ просить, дабы благоволенно было отправить къ симъ мѣстамъ одного офицера съ флагомъ государственнаго императорскаго герба съ надлежащимъ наставленіемъ, которое могло бы при самой нужной необходимости и утѣсненію совершенною защитою намъ послужить, равномѣрно же и со вспомоществованіемъ хотя невеликой суммы денегъ, и военной самонужнѣйшей аммуниціи чрезъ Неаполь: пороху, свинцу и бумаги; вамъ же въ томъ мѣстѣ ожидать тогда другаго повелѣнія".

8) „Написать въ защиту Черногоріи Римскому императору и Портѣ Отоманской, а также своимъ посланникамъ, чтобъ черезъ нихъ поддерживать постоянную связь съ Россіей.

9) „Если будетъ успѣхъ во всемъ, то просить послать портреты царя и всей фамиліи.

10) „Просить послать обычную милостыню на содержанье церквей, если можно, за 6 лѣтъ впередъ, а также мура, книгъ и церковной утвари и одеждъ.

11) „А ежели паче чаянія высочайшій всероссійскій императорскій дворъ впредь не соблаговолитъ принять народъ сей черногорскій и бердскій подъ явное и неотверженное покровительство, то съ крайнымъ неудовольствіемъ и оскорбленіемъ дозволяется вамъ отъ имени народа цѣлаго во огражденіе нашей невинности просить конечнаго навсегда отрѣшенія понеже никакими мѣрами не можемъ болѣе при нынѣшнихъ превратныхъ обстоятельствахъ безъ оной высочайшей протекціи себе содержать, и по обѣту отъ предковъ нашихъ ко всероссійскимъ самодержцамъ данному на вѣрность и услуги продолжать отнынѣ впредь силъ не имѣемъ". Посланному за дѣйствіе противно наказу угрожается „церковнымъ по правиламъ безотвѣтнымъ истязаніемъ".

Пункты, относящіеся къ посланному, показываютъ, что составители наказа допускали возможность, если не злоупотребленія съ его стороны, то недоразумѣнія, и особенно строго запрещается входить въ сношенія съ посторонними лицами, чтобы сохранить тайну и устранить всякое постороннее вмѣшательство. Но это не направлено лично противъ архимандрита Вукотича, которому въ то же время просятъ дать золотой крестъ на золотой же цѣпочкѣ „въ знакъ высокомонаршаго благоговѣнія" и просьба была исполнена.

Въ остальномъ видна боязнь, чтобы дѣло не затянулось, такъ какъ обстоятельства не терпятъ, и потому требуется отвѣтъ немедленный. Положеніе дѣлъ казалось составителямъ такимъ критическимъ, что въ случаѣ замедленія со стороны Россіи, Черногорія сію же минуту должна будетъ искать другого покровительства. По этому поручается „просить конечнаго отрѣшенія"; далѣе протянута какая-то черта, какъ будто хотѣлось что-то сказать еще рѣшительнѣе, но остановилась рука, хотя изъ слѣдующаго затѣмъ ясно видно, что тогда Черногорія объявляетъ себя безсильною выполнить свои старые обѣты на вѣрность и службу Россіи.

Изъ этого никакъ нельзя усматривать, чтобы Черногорія впередъ рѣшилась дѣйствовать съ кѣмъ-либо другимъ или вообще колебалась въ преданности Россіи. Какъ она относилась къ Австріи, мы видимъ изъ самого прошенія; о союзѣ съ Франціей, которая низвергала государей и рушила религію, также не могло быть и помысла въ то время. О Россіи же въ Черногоріи думали гораздо больше, чѣмъ Россія о ней.

Но въ случаѣ отказа со стороны Россіи въ требуемомъ, Черногоріи безъ всякаго предвзятаго плана ничего не оставалось, какъ

отдаться кому-нибудь другому, будь это Австрія или Франція,—все равно. Въ такомъ положеніи Черногорія бывала не разъ, и оно возможно всегда.

Возвращеніе посольства однако ободрило черногорцевъ своими результатами въ такой степени, что они отправляютъ тотчасъ же новое посольство и уже не съ одними просьбами, а съ цѣлымъ планомъ дѣйствій; посылается притомъ человѣкъ, видимо, съ познаніями и опытностію, который, по словамъ владыки (письмо къ гр. Кочубею) „здѣсь довольно оказалъ дѣятельностію хорошихъ примѣровъ, услугъ и вѣрности, относящихся до пользы всероссійской имперіи", и который съ особеннымъ удареніемъ составителями наказа называется нашимъ соотечественникомъ" [1]).

Ему дается не простая инструкція, которою бы въ то же время опредѣлялась поведеніе и тѣсно ограничивалась его дѣятельность, а и полномочное наставленіе, выданное также изъ консисторіи митрополита „при публичномъ національномъ здѣшнемъ собраніи, въ правленіи верхняго суда". Въ началѣ дѣлается ссылка на инструкцію данную Вукотичу, по которой онъ долженъ былъ „изыскивать отъ высочайшаго двора явнаго покровительства съ открытіемъ публичной провинціи законнымъ порядкомъ, зависимую отъ того же священнаго престола, дабы подъ онымъ защищать себе могли отъ противныхъ неминуемыхъ неудобствъ"; а потомъ поручается письменно благодарить императора за оказанныя уже милости и въ знакъ „всенижайшаго усердствованія" поднести „12 военно-плѣнныхъ знаменъ, равно и саблю Магмутъ визира албанскаго и планъ, снятой вами, генеральнаго положенія старыхъ и новыхъ границъ. О доставленіе пристойнымъ и публичнымъ образомъ къ высокославной въ присутствіе Его Величества особѣ". Въ письмѣ къ гр. Кочубею владыка придаетъ, видимо, особенное значеніе тому, чтобы знамена и сабли „публичнымъ образомъ съ тріумфомъ при конвои представить".

Наставленіе состоитъ изъ 21 пункта или „артикула". Въ напечатанномъ прошеніи и планѣ Давидовича можно найдти даже больше того, что заключается въ наказѣ; но въ имѣющемся у насъ наставленіи есть статьи, не имѣющіяся въ напечатанномъ планѣ или изло-

---

[1]) Онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, изъ той же фамиліи, изъ которой были попъ Томо Давидовичъ и братъ, первые вошедшіе въ Жаблакъ при владыкѣ Петрѣ II; они родомъ съ Вранины, куда, можетъ быть, переселились изъ Зеты.

женныя полнѣе и нѣсколько иначе. Ихъ только мы и воспроизведемъ. Вотъ эти пункты:

3) „Обстоятельно представить по какимъ мѣстамъ границы наши были, какъ въ письменныхъ документахъ бывшаго владѣтельнаго принца господина Ивана Черноевича находится, и какимъ образомъ венеціане въ непродолжительномъ времени отцѣпили отъ насъ Гербальскую-комунитадъ и другіе три комуна Манни, Браичи и Побори, по той причинѣ, что имѣя мы прежде прикосновеніе къ берегамъ Адріатическаго моря, и имѣя приверженность къ всероссійской имперіи, дабы тѣмъ прекратить и возбранить удобной путь имѣть съ тою имперіею свободное сношеніе; и что помянутой принцъ въ своихъ нужныхъ и тѣсныхъ обстоятельствахъ, не получивши отъ сосѣдственныхъ державъ противъ турецкаго султана Мегмеда помощи, принужденъ былъ Конавлянскій уѣздъ за небольшую сумму денегъ заложить рагузской республикѣ, о чемъ и нынѣшнія жители канавленскія памятуя свидѣтельствуютъ".

5) „Во время паденія республики Венеціанской въ 797 г. мы защищая городъ Будву, предохранили сію Бокескую провинцію двократно отъ французовъ, а въ послѣднюю россійской и Римскаго цесаря съ портою Оттоманскою войну не малую услугу и помощь австрійскому двору показали; наипаче же разбитіемъ албанскаго визиря, которой по договору съ французами намѣренъ былъ къ дунайскимъ берегамъ слѣдовать и, соединивши свои силы съ французскими и Посканчи-Оглу-бега видинскаго силами, дальше простирати ихъ намѣренія; не могли мы ожидать со стороны австрійскаго двора никаковаго неблагодарствія; кольмы же паче утѣсненія, какъ напротивъ того находящійся въ Боккѣ генералъ баронъ Томазъ Броди съ нами поступалъ в разсужденіи нашихъ границъ и монастырей и какимъ зло-коварнымъ умысломъ и прещеніемъ старался насъ всячески отъ россійской привязанности отторгнуть; тому вы очевиднымъ свидѣтелемъ были; о чемъ высочайшему двору и донести можете, также и порученіе вамъ копіи съ разныхъ писемъ, гдѣ принадлежитъ, къ болшому вѣроятію представить".

13) „Паче всего отъ имени цѣлаго народа всенижайше просить и наивящше вамъ употребить стараніе, дабы Бокеская провинція съ Черною Горою соединенна и явнымъ императорскимъ покровительствомъ снабженна была; съ чего весма не малая полза россійскому государству вознослѣдовать можетъ, поелику во оной провинціи болѣе

трехъ сотъ кводрыхъ купеческихъ судовъ [1]) находится, и народъ восточнаго исповѣданія вчетверо превосходитъ число римскаго, къ мореплаванію-же и военной службѣ отъ природы весма благоспособной; а если, паче чаянія, сего невозможно будетъ учинить, то по крайней мѣрѣ маленькой городокъ Будву и Паштровичи присовокупить къ старымъ нашимъ границамъ, отъ коихъ выточную копію имѣете, и сочиненной вами планъ Черныя горы, Зетты и Приморья представить можете; по коимъ имѣютъ быть границы вособновлены".

Въ проектѣ Давидовича вмѣсто Будвы указана гавань Трасте (недалеко отъ входа въ Бокку), въ томъ случаѣ, еслибы нельзя было присоединить къ Черногоріи цѣлую Бокку.

Наконецъ весьма важенъ и слѣдующій пунктъ, не вошедшій въ изложеніи Давидовича:

15) „Естли при благополучномъ окончаніи французской войны воспослѣдуетъ между аліатственными потентатами постановленіе мирнаго трактата, въ томъ вамъ приложить наивящшее стараніе подать письменно, гдѣ принадлежитъ, въ силу сего артикула и просить, дабы Черногорская и Берганская нація оговорена была въ томъ мирномъ трактатѣ, что оная имѣетъ быть на всегда подъ явнымъ покровительствомъ высоко-славной россійской державы; а чтобъ она снабдѣнна была защищеніемъ государственнаго флага, со открытіемъ публичнаго правительства и со учрежденіемъ основательныхъ правъ соразмѣрныхъ той имперіи и сихъ мѣстъ, которые со стороны нашей почитаемы имѣютъ быть за свето-непоколебиміе и вѣчніе, отъ чего самою современностію не малая произрастетъ россійскому государству полза".

Передъ нами теперь весь матеріалъ, чтобы судить о томъ, къ чему стремилась Черногорія. Додадимъ къ тому еще немного отъ того, что̀ напечатано Ж. Драговичемъ.

Къ проекту Давидовича присоединена цѣлая реляція всѣхъ военныхъ заслугъ Черногоріи съ 1711 г. до 1799 г., и тутъ же высказана жалоба на интриги австрійскаго генерала Броди. По поводу этой жалобы и перехваченной переписки Броди съ австрійскимъ же консуломъ въ Занте и другихъ его неблаговидныхъ поступковъ адмиралъ русскаго флота, стоявшаго въ Корфу, Ѳ. Ѳ. Ушаковъ написалъ ему довольно рѣзкое письмо въ повелительномъ духѣ, которое заключаетъ такъ: „Долгомъ почелъ откровенно объясниться вашему превосходительству и просить

[1]) Большія суда вмѣстимостью больше 12 тоннъ.

таковые напрасные затѣи и замыслы оставить и поступать съ мѣстами и народами, подъ протекціею и покровительствомъ всемилостивѣйшаго государя моего императора состоящими, съ искреннимъ благопріятствомъ". Это было еще 12-го іюля 1799 г. Слѣдовательно, Черногорія объявлена уже подъ явною протекціей Россіи еще раньше втораго посольства, отправленнаго послѣ 10-го сентября того же года, и русскій флагъ, развѣвающійся въ водахъ Адріатики, уже оказываетъ помощь.

Зачѣмъ же опять повторяется просьба о явной протекціи и въ наказѣ второму посланнику? Здѣсь разница въ томъ, что просятъ объявить эту протекцію навсегда, притомъ оговорить это и въ мирномъ трактатѣ, который былъ бы заключенъ между Россіей и другими державами, такъ какъ въ прежнія времена Черногорія при заключеніи трактатовъ постоянно забывалась. Составители прошенія хорошо понимали, что покуда Черногорія не упоминается въ трактатѣ, она игнорируется, такъ-сказать, какъ нѣчто самостоятельное и представляется личному расположенію державы, связанной съ нею какими-либо выгодами или дружбой. Это было бы признаніе и узаконеніе ея самостоятельнаго существованія, хотя бы и подъ протекціей другой сильнѣйшей державы. Въ этомъ видѣнъ вѣрный политическій взглядъ Черногоріи.

Но что значатъ фразы въ первомъ прошеніи: „присовокупить въ единодержавіе владычества вашего", и къ чему требуется посылка отъ Русскаго императора особаго человѣка съ полномочнымъ наставленіемъ, и въ чемъ наставлять? По всѣмъ вѣроятіямъ, такой человѣкъ нуженъ былъ для утвержденія новаго порядка „государственными правами и правилами" и т. д., какъ говорится въ прошеніи, для установленія пошлинъ, введенія науки, изслѣдованія природныхъ богатствъ страны.

Да, Черногорія въ то время представляла собою нѣчто странное въ Европѣ: нѣтъ ровно никакихъ государственныхъ учрежденій и никакой власти, кромѣ владыки, который однако былъ только духовное лицо, во многія дѣла свѣтскаго характера не имѣвшее и права вмѣшиваться. Самое участіе его въ войнѣ въ глазахъ Европы было чѣмъ-то незаконнымъ. Это была страна безъ опредѣленныхъ границъ, народъ, тоже не имѣющій постояннаго опредѣленнаго числа, притомъ не связанный между собою никакими другими узами, кромѣ народности и вѣры; однимъ словомъ, это не была политическая

единица, какъ и смотрѣла на Черногорію вся Европа, и какъ понимали ее и сами ея владыки, которые о ней думали и печаловались.

Первою попыткою къ выходу изъ такого положенія было учрежденіе „губернадурства". Но „губернадуръ", какъ чиновникъ, состоящій на жалованьи другой державы, да еще такой, какъ Венеція, злѣйшая непріятельница черногорской вѣры и народности, не могъ имѣть популярности въ народѣ, а потомъ по справедливости потерялъ довѣріе и владыки. Хорошо было бы имѣть такого „губернадура" своего собственнаго; но кто же бы платилъ ему жалованье, когда не было съ народа никакихъ сборовъ, и призналъ ли бы его народъ? По духу Черногорія подходила ближе всего къ республикѣ; отчего же она не конституировалась на республиканскихъ началахъ, имѣя передъ собою республики Венеціанскую и Дубровникъ? Но это были республики исключительно торгово-аристократическія, масса же народу была тамъ совершенно исключена не только изъ участія въ равноправности, но и вообще не имѣла никакихъ правъ, которыми обладали только богатые и знатные горожане и земскіе властели. Это не были собственно республики, а олигархіи, притомъ исключительно городскія. Такой примѣръ не могъ ни понравиться свободному черногорцу, ни сообразоваться съ его естественнымъ характеромъ и положеніемъ. Въ Черногоріи не было ни торговцевъ, ни аристократіи, а былъ только пастухъ и земледѣлецъ по занятію, а по званію вѣчный воинъ, и въ томъ не было различія между первымъ, начиная съ владыки, и послѣднимъ; послѣдняго впрочемъ и не было; попадалъ въ послѣдніе только трусъ или никуда негодный человѣкъ. Въ этомъ отношеніи черногорецъ стоялъ несравненно выше своихъ сосѣдей — и венеціанца, и дубровчанина: въ его бытѣ было больше, такъ сказать, естественной законности и правды. Но у тѣхъ было просвѣщеніе, которое и ставило ихъ несравненно выше черногорца, и давало имъ силу. У нихъ была внутреняя организація, основанная на строго опредѣленныхъ отношеніяхъ и связи каждой составной единицы и дававшая всякому дѣйствію ихъ стройность, единство и силу, тогда какъ у черногорца внутреняя связь, державшаяся единственно па природномъ инстинктѣ, такъ легко уступала давленію его же инстинкта, направленному въ противоположную сторону, что не могло установиться прочнаго единства даже въ одномъ племени. Всѣ усилія владыкъ стремились прежде всего къ поддержанію этого единства; но стремленія ихъ были напрасны.

Какъ всѣ добродѣтели, держащіяся только на природномъ инстинктѣ, а не вошедшія въ убѣжденіе, пріобрѣтенное путемъ науки и размышленія, въ высшемъ человѣческомъ смыслѣ составляютъ нуль, такъ было и съ добродѣтелями черногорскими. Честный, справедливый, храбрый и крѣпкій до совершенной невозможности быть побѣжденнымъ силою, отъ природы весьма даровитый, онъ постоянно уменьшался въ числѣ и терялъ земли, а его братья, перешедшіе подъ власть Венеціи, дѣлались такими негодяями, что служили орудіемъ противъ своего прежняго отечества. Къ сожалѣнію, всѣ такъ-называемые культуртрегеры и благоустроители подносятъ всякому новому народу, ставшему въ ихъ зависимость, прежде всего развратъ, а потомъ уже науку, которая, вслѣдствіе того, и является на службу не добродѣтели, а политическимъ цѣлямъ людей, захватившихъ въ свои руки власть надъ народомъ. Такую миссію выполняла Венеція по отношенію къ пріадріатическимъ славянамъ, и то же самое готовила она и для Черногоріи. Одаренные природнымъ умомъ, посвященные отчасти и въ европейскую науку, владыки ея понимали такое положеніе и потому всячески боролись не только противъ политическаго, но и противъ культурнаго вліянія Венеціи.

Какъ умный черногорецъ смотрѣлъ тогда на Венецію, прекрасно характеризовано въ „Горскомъ Вѣнцѣ". Воевода Дражка, который посыланъ былъ владыкою Даніиломъ по политическимъ дѣламъ въ Венецію, воротившись оттуда, разказываетъ своимъ, что̀ онъ тамъ видѣлъ и что̀ узналъ.

Страшная жадность къ богатству, роскошь, толпы голыхъ нищихъ, вѣчно праздныхъ или таскающихъ на носилкахъ богатыхъ женщинъ, которыя не въ состояніи ходить своими ногами отъ ожирѣнія и лѣни; тѣснота и смрадъ въ узкихъ улицахъ среди многоэтажныхъ домовъ, безсмысленная суетня; объ юначествѣ нечего и говорить: они захватили коварствомъ въ свои руки „соколовъ-далматинцевъ да храбрыхъ хорватовъ" и съ помощью ихъ собираютъ богатства, отнимая чужія земли и города; суды немногимъ лучше турецкихъ; вмѣсто того, чтобы просто убить человѣка за совершенное имъ преступленіе, они его подвергаютъ разнымъ мукамъ, и тысячи томятся въ темницахъ и въ тяжкихъ работахъ, прикованные желѣзными цѣпями. „Глядя на ихъ темницы", говоритъ Дражко,—„я вижу, что они совсѣмъ забыли Бога, и не можетъ ихъ царство удержаться, а должно перейдти въ лучшія руки. Отъ сыщиковъ и шпіоновъ всякій дрожитъ, боясь своей собственной тѣни. Тамъ, если двое говорятъ на улицѣ, третій на-

ставитъ ухо и подслушиваетъ, да тотчасъ бѣжитъ въ судъ и сказываетъ, что они говорили, а кое-что и прибавитъ, и прикраситъ; а судъ тотчасъ тѣхъ двоихъ ухватитъ, да потомъ и мучитъ на галерахъ. Оттого они совсѣмъ пропадаютъ; между собою не вѣрятъ одинъ другому. Какъ велика Венеція изъ конца въ конецъ, а нѣтъ въ ней ни одного человѣка, который не считалъ бы всякаго другаго за тайнаго сыщика и шпіона". Вотъ что представлялось тамъ воеводѣ Дражку.

Владыки видѣли еще больше того; а въ то же время они сознавали, что сами по себѣ не въ состояніи выдержать борьбы съ Венеціей. Единственный выходъ изъ такого положенія они нашли въ союзѣ и покровительствѣ Россіи, которой, какъ я замѣтилъ выше, имъ нечего было бояться, что она будетъ ихъ угнетать, такъ какъ оградой противъ того была отдаленность. Поэтому владыки смѣло идутъ на встрѣчу Россіи, совершенно отдаваясь въ ея руки. Но отказаться вполнѣ отъ всякой самостоятельности они вовсе не хотѣли.

Нѣсколько темныя фразы: „присовокупить насъ въ единодержавіе владычества вашего, также и государственными утвердить правами и правилами духовными, военными и гражданскими" и т. д. ясно указываютъ на желаніе получить государственное устройство со всѣми его учрежденіями. Владыка, считая себя въ такомъ дѣлѣ не подготовленнымъ и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ неспособнымъ и некомпетентнымъ, какъ лицо духовное, по понятіямъ черногорцевъ, не призванное къ свѣтской власти, проситъ Россію послать человѣка, который могъ бы быть облеченъ свѣтскою властью, и въ преданности котораго Россіи былъ бы увѣренъ ея государь. Тогда только Черногорія и могла быть включена въ какой бы то ни было европейскій трактатъ, какъ политическая единица, и для этого, ставя себя подъ протекцію Россіи, она желаетъ явиться тамъ „снабдѣнною защищеніемъ государственнаго флага" и съ опредѣленными отношеніями къ Россіи, какъ страна, имѣющая свое правительство, „со открытіемъ публичнаго правительства (своего) и со учрежденіемъ основательныхъ правъ соразмѣрныхъ этой имперіи (Россіи) и сихъ мѣстъ (Черногоріи)", то-есть, проситъ дать ей право голоса въ общей, совокупной политикѣ, сообразно съ ея размѣрами, силами и важностью положенія.

Такія отношенія въ то время нигдѣ не существовали, и потому такая идея была новою, неудобопонятною; да и у самихъ владыкъ она не успѣла принять опредѣленной формы, поэтому и выражалась всегда туманно. Имъ она навѣяна была естественнымъ положеніемъ ихъ

страны, а выработать для нея опредѣленныя формы и осуществить ее они надѣялись при содѣйствіи Россіи, которой отдавались, обѣщая на вѣчныя времена вѣрность и готовность служить по первому призыву, какъ то было и прежде.

Въ наше время это уже не новость. Полное осуществленіе такихъ отношеній мы видимъ въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, гдѣ подъ сильную руку первоначальнаго союза, избравшаго своимъ политическимъ центромъ Вашингтонъ, то и дѣло присоединяются новыя территоріи, отказываясь отъ самостоятельности въ дѣлѣ общихъ политическихъ основъ и вопросовъ внутреннихъ и внѣшнихъ и сохраняя совершенную независимость въ дѣлахъ, касающихся исключительно только ихъ территоріи. Но ближе къ тому идеалу, который носился у черногорскихъ владыкъ,—нынѣшняя Германія, гдѣ подъ суверенною властью императора продолжаютъ свое существованіе короли, герцоги, князья и т. д. Но въ то время, когда въ цѣлой Европѣ царилъ внутренній абсолютизмъ, вызвавшій своею разнузданностію реакцію въ людяхъ философской мысли и увѣнчавшійся во Франціи, его фокусѣ, ужасами революціи, тотъ же духъ переносился и на отношенія внѣшнія, международныя. Сильный не могъ довольствоваться одною протекціей надъ слабымъ, имѣя его всегда добровольно готовымъ на вѣрную службу; нужно было непремѣнно обезличить слабаго, воспользовавшись аттрибутами его самостоятельности, его именемъ и титуломъ для украшенія своего собственнаго герба.

Не удивительно послѣ того, что Потемкинъ, человѣкъ безъ европейскаго образованія, на Черногорскаго митрополита, хотя онъ и владѣтельное лицо, смотрѣлъ, какъ на простаго монаха, на одного изъ русскихъ архіереевъ, которыхъ онъ никогда особенно не честилъ. Не удивляемся ему, если даже Екатерина, эта вполнѣ европейски образованная и чрезвычайно тонкаго, проницательнаго ума женщина, смотрѣла на Черногорскаго владыку немного лучше, чѣмъ ея любимецъ, съ бо́льшимъ уваженіемъ и тактомъ, чѣмъ онъ, относясь только къ его духовному сану, который она не могла не уважать, какъ царица православнаго русскаго народа, всегда преданнаго своей вѣрѣ и глубоко уважавшаго ея представителей. Волею Петра Великаго втиснутая въ систему европейскихъ государствъ, Россія между ними и искала себѣ союзниковъ въ войнѣ съ Турціей, не придавая почти никакого значенія маленькой Черногоріи, гдѣ не было даже съ кѣмъ сноситься, такъ какъ не было государя съ извѣстнымъ титуломъ, а былъ только народъ и его духовный владыка

Въ такомъ положеніи она могла только приказывать. И посмотрите, какъ она адресуетъ манифестъ, которымъ призываетъ Черногорію поднять оружіе противъ турокъ въ 1788 году:

„Священнымъ митрополитамъ и другимъ церковнымъ сановникамъ и всему клиру, достопочтеннымъ и любезнѣйшимъ намъ губернаторамъ, главарямъ, воеводамъ, князьямъ, дворянамъ, а также всѣмъ славнымъ и храбрымъ жителямъ Черной Горы и живущимъ въ другихъ мѣстахъ соплеменникамъ наша императорская милость и благоволѣніе".

Екатеринѣ хорошо было извѣстно, что въ Черногоріи одинъ только владыка, къ которому всегда и обращались Русскіе государи, когда относились къ народу и его остальнымъ представителямъ послѣ него. Употребивъ титулъ митрополита во множественномъ числѣ, манифестъ Екатерины, такъ сказать, обезличилъ его. Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на дѣло императоръ Павелъ. Для него Черногорія представляла собою то же самое, что орденъ Мальтійскихъ рыцарей, которыхъ онъ былъ великимъ магистромъ. Поэтому никто лучше его не относился къ Черногоріи послѣ Петра Великаго. И идеалъ владыкъ никѣмъ не могъ быть лучше осуществленъ, какъ имъ. Прежде всего онъ былъ человѣкъ искренній и, выступая противъ Франціи, онъ считалъ это своимъ призваніемъ и долгомъ, чтобы поддержать поколебавшіяся основы религіи и самодержавія, не разчитывая, подобно своей предшественницѣ, на славу и прославленіе современными льстецами въ Европѣ. Потомъ его возмутила нечестность австрійской политики и вообще лицемѣрность тогдашнихъ европейскихъ правителей, какъ и меркантильный духъ Англіи, и онъ потому склонился къ Бонапарту, въ которомъ видѣлъ великій умъ и характеръ, въ головѣ котораго предполагалъ великіе планы, къ которымъ онъ и самъ былъ наклоненъ. Но смерть, прекратившая жизнь императора Павла, остановила и развитіе его плановъ, бывшихъ только въ зародышѣ и, измѣнивъ всѣ отношенія Россіи, дала, можетъ быть, совершенно иное направленіе всей ея послѣдующей исторіи, которое не могло не отразиться и на всемъ ея внутреннемъ состояніи.

Для Черногоріи это было, можно сказать, положительнымъ несчастіемъ. Если владыка Петръ въ началѣ только сожалѣлъ умершаго императора, сдѣлавшаго для него весьма многое своимъ добрымъ истинно братскимъ отношеніемъ къ черногорскому народу, то впослѣдствіи ему привелось оплакивать его слезами горькими, кровавыми.

Правительство Александра I, составленное изъ элементовъ самыхъ

противоположныхъ, прежде всего отличается безхарактерностью, внутреннимъ антагонизмомъ, борьбою, такъ-сказать, съ самимъ собою, взаимнымъ недовѣріемъ и подозрительностью. При такихъ условіяхъ нельзя ожидать опредѣленнаго направленія въ политикѣ внутренней и внѣшней, нечего искать самостоятельности. Это была политика вѣчнаго колебанія, подъ вліяніемъ различныхъ вѣяній то съ той, то съ другой стороны. Великая драма, развязкой которой было уничтоженіе многочисленной арміи Наполеона на поляхъ Россіи, среди разоренныхъ и обращенныхъ въ пепелъ городовъ и селеній, съ апоѳеозой Александра въ Парижѣ, имѣла свой финалъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ интересы Россіи были пожертвованы пустой славѣ, которою европейскіе льстецы щедро вѣнчали ея императора. О черногорцахъ, которые играли такую важную роль въ этой борьбѣ, особенно въ началѣ, не могло тутъ быть и помина.

Это было тѣмъ несправедливѣе, что Черногорія, отказавшись отъ своихъ имѣющихъ основаніе предубѣжденій противъ Австріи, помогала ей чисто по приказанію Русскаго императора и дѣйствовала противъ французовъ, которые во всякомъ случаѣ показали себя по отношенію къ Черногоріи и населенію Бокки лучше, чѣмъ австрійцы. Кромѣ, того и Россія, и Австрія въ Боккѣ и Далмаціи, пустившись въ войну противъ французовъ, не могли имѣть никакого успѣха безъ помощи черногорцевъ и бокелей; безъ нихъ, этихъ голыхъ и голодныхъ, двѣ сильныя державы не смѣли бы тамъ ничего начать. Австрія не въ состояніи была держаться въ Боккѣ, отнятой у французовъ и для этого призванъ былъ владыка Петръ. Принужденный въ 1807 г. вслѣдствіе постановленія Тильзитскаго мира и по требованію Русскаго императора сдать Бокку обратно французамъ въ 1812 году, когда вся почти Европа, подъ знаменами Наполеона, пошла на Россію, онъ снова поднялся и, поддерживаемый нѣсколькими англійскими судами, выгналъ французовъ изъ Бокки и сталъ ея единымъ повелителемъ, перенесъ въ Которъ и свою резиденцію съ Цетинья, думая, что наконецъ завѣтная мечта достигнута. Онъ снова стоялъ на морѣ, воротивъ часть старой Зеты. Ему однако суждено было терпѣть удары, и отъ того именно, кому больше всего былъ преданъ и кому оказалъ ничѣмъ невознагражденныя заслуги, жертвуя не только собою лично, но и всѣмъ, что̀ было ему свято и дорого. 20-го мая 1814 г. императоръ Александръ написалъ владыкѣ Черногорскому изъ Парижа слѣдующее: „Приглашаю васъ, ваше преосвященство, для общей пользы не только не препятствовать австрійскимъ

войскамъ въ занятіи крѣпостей и возвратиться съ храбрыми вашими черногорцами въ предѣлы ваши; но и употребить вліяніе ваше къ склоненію жителей Бокки да Каттаро непрекословно повиноваться постановленію союзныхъ державъ". И онъ повиновался. Врядъ ли возможна какая-либо бо́льшая несправедливость.

Во время всей кампаніи отъ французовъ были нѣсколько разъ дѣлаемы владыкѣ предложенія, весьма лестныя для владыки, а въ то же время господство французовъ въ Боккѣ и Далмаціи было бы гораздо благотворнѣе въ культурномъ отношеніи, чѣмъ господство Австріи, и отъ него не могло быть особенной опасности для славянской народности и православной вѣры. Владыка Петръ во всякомъ случаѣ и предпочелъ бы союзъ съ Франціей союзу съ Австріей; но его связала Россія, которой онъ не хотѣлъ измѣнить и не могъ въ силу его идеальнаго понятія о предназначеньи Россіи. Кому же, какъ не ей, ближе всего взять подъ свою протекцію страну, связанную съ нею народностью, вѣрою и взаимностью интересовъ? Идеалъ владыки былъ и остался въ Россіи, и онъ остался вѣренъ ей при самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ, которыя всякаго другого моглй толкнуть совершенно въ противную сторону. Вѣрность его доказана всею его дѣятельностію и послѣдними словами на смертномъ одрѣ. За его высокій характеръ, за его всепрощающее сердце, до такой степени, что это казалось совершенно непонятнымъ, невозможнымъ для простаго смертнаго, народъ еще при жизни сталъ почитать его святымъ и бояться не только его клятвы, но и укора, боясь, что изъ-за того можетъ постигнуть кара Божія.

И на этого человѣка вдругъ возводятъ обвиненіе въ измѣнѣ, въ нерадѣньи о народѣ и церкви, зовутъ его на какой-то судъ, который угрожаетъ ему лишеніемъ сана и заточеніемъ, а его враги, олицетвореніе низости и ничтожества, похваляются связать его и связаннымъ отправить въ Сибирв.

Это дѣло относится къ 1803 году, слѣдовательно, раньше открытія военныхъ дѣйствій противъ французовъ, о которыхъ мы уже говорили, не останавливаясь на этомъ печальномъ случаѣ, чтобы не прерывать нити событій политическаго характера. Но мы не можемъ совсѣмъ пропустить его, потому что въ немъ опредѣлился, на извѣстное время, характеръ отношеній Россіи къ Черногоріи. Все дѣло это изложено вполнѣ обстоятельно съ присовокупленіемъ новыхъ документовъ и новыхъ открытій въ интригѣ въ статьѣ г. Жмакина: „Россія и Черногорія въ началѣ XIX вѣка" (Древняя и Новая Россія,

мартъ, 1881 г.). Поэтому намъ нѣтъ надобности въ его изложеніи, и мы можемъ изъ него сдѣлать прямо выводъ объ отношеніяхъ, на сколько они высказались въ этомъ дѣлѣ.

Въ этой статьѣ однако ничего не говорится о главномъ, о тайныхъ сношеніяхъ владыки съ Франціей, послужившихъ поводомъ къ обвиненію его въ измѣнѣ Россіи.

Мы скажемъ: да, онъ сносился. На это есть указаніе у одного французскаго писателя того времени Vialla de Sommières. Онъ говоритъ слѣдующее: „Я не могъ разобрать, каковы могли быть въ то время наши сношенія съ Черногоріей; въ 1803 г. встрѣчаю одного высшаго кавалерійскаго офицера, по имени Félix de Laprade, который лично зналъ владыку или князя епископа Петра I и пользовался его уваженіемъ и дружбой. Феликсъ-де-Лапрадъ находился въ Гагѣ (въ Голландіи), когда владыка послалъ къ нему своего племянника съ депешами. Владыка приглашалъ французскаго офицера прибыть для принятія команды надъ всѣми черногорскими войсками для дѣйствія противъ войскъ пограничныхъ государствъ еслибъ они пришли нарушить миръ. Онъ уполномочивалъ въ тоже время г. де-Лапрада сообщить консулу о его готовности предоставить всѣ черногорскія силы въ распоряженіе Франціи". Такое расположеніе владыки авторъ объясняетъ успѣхами французскаго оружія и отношеніями къ Австріи и Россіи, а далѣе приводятся слова владыки при одномъ свиданіи: „Муки, которыя я испыталъ отъ губернатора Броди, истерзали мою душу; онѣ принудили меня съ моимъ народомъ предаться Россіи, и съ того момента донынѣ я сталъ совершенно русскимъ" [1]).

Припомнимъ, какъ владыка еще въ 1798 году, въ наказѣ С. Вукотичу настаивалъ добиться отъ Россіи, какъ можно скорѣе, рѣшительнаго отвѣта, и въ заключеніе, еслибы не получилось желаемое, поручилъ въ огражденіе себя сказать, что отнынѣ мы „по обѣту отъ предковъ нашихъ ко всероссійскимъ самодержцамъ данному на вѣрность и услуги продолжати впредь силъ не имѣемъ" и потому „просить конечнаго навсегда отрѣшенія". Императоръ Павелъ отсрочилъ этотъ моментъ, давъ ему нѣкоторую защиту противъ австрійцевъ, но по смерти его, послѣдовавшей вскорѣ затѣмъ, императоръ Александръ совершенно бросилъ Черногорію; Австрія продолжала дѣлать ей всевозможныя

---

[1]) La France au Monténegro, par *Cyrille*, стр. 19—20.

притѣсненія. Поэтому владыкѣ ничего не оставалось, какъ обратиться къ Франціи; но это отнюдь не былъ союзъ противъ Россіи, а только огражденіе противъ нападенія своихъ сосѣдей, главнымъ образомъ противъ Австріи, съ которою раздружился еще императоръ Павелъ, понявшій также, что лучше быть въ союзѣ съ Франціей. Слѣдовательно, измѣны противъ Россіи тутъ не было ровно никакой.

Кромѣ того, русское правительство не имѣло никакихъ правъ на самостоятельнаго владѣтеля, какимъ былъ Черногорскій владыка, и потому прибѣгнули къ подлогу, то-есть, рѣшились обвинить его отъ имени святѣйшаго синода въ измѣнѣ церкви, въ неисполненіи своихъ духовныхъ обязанностей.

Тѣмъ не менѣе владыка, отстоявши по отношенію къ синоду свою самостоятельность, отдался на судъ императора, который, пославъ своихъ довѣренныхъ людей для разузнанія дѣла, убѣдился черезъ нихъ въ его невинности и въ знакъ этого признанія послалъ ему высочайшую награду—бѣлый клобукъ съ алмазнымъ крестомъ; тѣмъ не менѣе субсидія Черногоріи была прекращена на все время царствованія Александра, покуда не вступилъ на престолъ Николай.

Это служитъ очевиднымъ знакомъ, что русское правительство совершенно исключило Черногорію изъ своихъ заботъ и видовъ. Вслѣдствіе чего же произошла такая перемѣна? При Александрѣ въ первые годы была выдана субсидія и, прекращенная за время упомянутаго процесса съ 1803 г., потомъ выдана сполна до 1807 г., а затѣмъ дѣйствія Черногоріи были таковы, что заслуживали гораздо больше обычной субсидіи, тѣмъ болѣе, что черногорцы были во всемъ безусловно послушны волѣ Русскаго царя, и заслуги ихъ были дѣйствительно неизмѣримы, и этимъ заслугамъ соотвѣтствовали только ихъ страданія и жертвы, оставившія глубокіе слѣды на долгое время и послѣ.

Не можемъ мы искать этому объясненія въ чувствѣ оскорбленнаго самолюбія со стороны русскаго правительства. Это было бы слишкомъ мелко и недостойно со стороны великой державы. Но тутъ есть выраженія, которыя, судя по дѣйствіямъ тогдашняго русскаго правительства, идутъ совершенно въ разрѣзъ съ его взглядами, убѣжденіями и планами относительно Черногоріи.

Въ отвѣтѣ святѣйшему синоду есть слѣдующія весьма знаменательнаго смысла мѣста:

„Мы, народъ черногорскій и бердскій, не состоимъ въ подданствѣ Россійской имперіи, но только подъ ея мораль-

нымъ покровительствомъ. И если мы оказываемъ приверженность, вѣрность и усердіе въ русскому двору, то это единственно только по единовѣрію и по единоплеменности. Мы и на будущее время и на вѣчно будемъ относиться съ такимъ-же усердіемъ къ русскому двору, кромѣ разумѣется того случая, если сама Россія оттолкнетъ насъ отъ себя, чего мы впрочемъ никогда не ожидаемъ. Мы, народъ черногорскій и бердскій, до тѣхъ поръ пока на Руси будетъ православная вѣра, останемся на вѣки вѣрными и усердными къ Россіи, по съ тѣмъ условіемъ, что мы вовсе не желаемъ вступить въ подданство Россіи, въ какомъ находятся къ ней населяющіе её народы. Пріобрѣтенную нашими прародителями свободу мы будемъ защищать до самой послѣдней степени и готовы скорѣе умереть съ мечемъ въ рукахъ, нежели поддаться постыдному рабству одной силы. Мы никогда не были въ подданствѣ Россійскаго императора. Мы отдали себя только подъ покровительство Россіи, и то по особымъ договорамъ, не изъ-за какихъ нибудь привиллегій, и единственно по усердію къ благочестію. А васъ мы имѣемъ честь самымъ положительнѣйшимъ образомъ увѣрить въ нашемъ усердіи къ русскому двору. Если бы сосѣди наши (то-есть, австрійцы) начали войну съ Россіей (чего избави, Боже), то мы непремѣнно въ это время и съ своей стороны устроили-бы диверсію и ратовали бы противъ русскихъ непріятелей до послѣдней капли крови, какъ то дѣлали и наши прародители. А во всякомъ другомъ отношеніи мы не сознаемъ за собою никакихъ обязанностей къ Россіи"... Русское правительство очевидно понимало свои отношенія совсѣмъ иначе, и послѣ этого объясненія со стороны Черногоріи у него какъ бы спала повязка съ глазъ; равнымъ образомъ, дѣйствія русскаго правительства открыли глаза и черногорцамъ.

Разница въ томъ, что Черногорія, не смотря на нанесенную ей обиду, осталась вѣрна завѣту своихъ предковъ, служа Россіи и послѣ того вѣрой и правдой, какъ будто между ними ничего и не бывало, какъ и слѣдуетъ въ дѣлахъ великой важности; Россія же не выдержала своей роли и, участвуя въ заключенныхъ тогда трактатахъ, на которыхъ была первенствующею державой, не сдѣлала ничего въ пользу Черногоріи, не потому что не могла, а потому что не умѣла понять свою собственную выгоду.

И въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлавъ ничего для Черногоріи и отдавъ ее совершенно въ руки Австріи, не сдѣлали ли мы въ то же время чего самимъ себѣ больше, чѣмъ ей? Развѣ, оставивъ Бокку за Чер-

ногоріей, мы не были бы въ ней, какъ у себя дома, не требуя отъ черногорцевъ и бокелей, чтобъ они были нашими подданными? Развѣ пришлось бы въ послѣднюю войну отдать Австріи двѣ такія важныя провинціи, какъ Боснія и Герцеговина, если бы Черногорія въ то время имѣла море и вообще была бы сильнѣе, чѣмъ какою ее застала тогдашняя война?

Наша политика по отношенію къ юго-славянамъ какая-то лихорадочная: то мы осыпаемъ ихъ своими благодѣяніями и стараемся всячески привязать къ себѣ, то вдругъ отталкиваемъ и отнимаемъ даже то, что обязаны давать въ силу обѣщаній, закрѣпленныхъ грамотами. Сравните по царствованіямъ, какъ мѣнялись наши отношенія къ нимъ: Петръ Великій открываетъ въ нихъ себѣ союзниковъ; затѣмъ ихъ забываютъ; Елизавета снова благодѣтельствуетъ имъ; Екатерина II опять отталкиваетъ ихъ и оскорбляетъ; Павелъ возвращаетъ имъ всѣ милости; Александръ I гнѣвается и предаетъ ихъ суду; Николай I снова обращается къ нимъ со своими милостями; позже — опять новая размолвка. Но какая рѣзкая разница между нами и маленькою, дикою Черногоріей! Въ полтораста почти лѣтъ сношеній съ Россіей при самыхъ тяжелыхъ искушеніяхъ ни одного противорѣчія, ни малѣйшаго уклоненія отъ однажды принятаго направленія, которое достигаетъ наибольшей опредѣленности въ политикѣ владыки Петра I. Онъ былъ настоящій носитель черногорскаго идеала; притомъ въ немъ заканчивается цѣлый періодъ черногорской политики и въ немъ же заключается начало второго. Онъ былъ послѣдній правитель Черногоріи, вся дѣятельность котораго вполнѣ сообразовалась съ волею народа, и который во всемъ совершенно сливался со своимъ народомъ, будучи только его лучшимъ представителемъ, истолкователемъ его мысли и желаній, какъ во внутренней жизни, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Никогда не было розни съ народомъ, исключая борьбы противъ невѣжества и дикихъ инстинктовъ.

Мы уже видѣли, въ чемъ состояла внѣшняя политика этого владыки, которая была вполнѣ народная, потомъ что народъ и владыка одинаково не любили венеціанцевъ и потомъ ихъ наслѣдниковъ австрійцевъ и напротивъ всецѣло преданы были Россіи. Это доказано не словомъ только, но и дѣломъ. Поэтому крайне несправедливо было повѣрить какому-нибудь интригану, явившемуся лжесвидѣтелемъ противъ такого непоколебимо вѣрнаго и честнаго человѣка, какимъ былъ Петръ.

Ища помощи отъ Россіи и ставя себя подъ ея покровительство, владыка Петръ I однако поручаетъ своему посланному, въ случаѣ отказа Россіи въ помощи, объявить прямо и откровенно, что Черногорія тогда не можетъ остаться ей вѣрною, то-есть, не въ состояніи оказать никакихъ услугъ по той простой причинѣ, что не имѣетъ никакихъ средствъ, ибо совершенно стѣснена Турціей и Австріей, и поневолѣ должна будетъ искать помощи у другаго, можетъ быть, у тѣхъ же французовъ, противъ которыхъ она потомъ дѣйствовала, получивъ помощь и опору отъ Россіи.

Французы уже во время кампаніи предлагали владыкѣ сдѣлаться церковнымъ главою не только Боккіи, но и всей Далмаціи и Герцеговины; но онъ не принялъ этого предложенія, вопервыхъ, потому что никогда не измѣнилъ бы Россіи, и, вовторыхъ, потому, что не былъ на столько самолюбивымъ и честолюбивымъ человѣкомъ. Онъ даже тяготился и тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое занималъ въ Черногоріи, совмѣщая въ своемъ лицѣ владыку духовнаго и свѣтскаго, и потому искалъ выхода изъ того положенія. Онъ видѣлъ, что невозможно въ одномъ лицѣ совмѣстить церковную и свѣтскую власть безъ ущерба для той или другой. Считая себя главою церкви, онъ все время думалъ о томъ, кому бы предоставить свѣтскую власть. И въ этомъ вопросѣ онъ никакъ не хотѣлъ обойдти Россію. Онъ имѣлъ уже изъ Россіи оффиціальное лицо съ 1793 г. діакона Алексѣя, который положительно все скрѣплялъ, какъ русскій представитель. Канцелярскій языкъ при немъ былъ русскій не только въ письмахъ и актахъ, предназначаемыхъ для русскихъ, но и въ наставленіяхъ своимъ посланнымъ, для нихъ лично, хотя это были сербы и не должны были представлять ихъ кому-либо изъ русскихъ. Онъ однако не перестаетъ добиваться отъ русскаго правительства, чтобы прислали какое-либо довѣренное лицо, которое было бы облечено властью для заведенія государственнаго порядка. Гувернадуръ именно для того и былъ въ Черногоріи, но онъ былъ сначала венеціанскій чиновникъ, а потомъ сталъ австрійскимъ; владыкѣ же требовался русскій человѣкъ, хотя бы и не русскій по происхожденію, но пользующійся довѣріемъ русскаго правительства.

Вотъ съ этою-то цѣлью и отправленъ былъ Николай Давидовичъ, которому данъ титулъ оберъ-воеводы и прозвище Черноевича и который рекомендуется притомъ, какъ человѣкъ преданный Россіи и уже оказавшій ей много услугъ. Не даромъ ему дано было и такое широкое полномочіе, что онъ развиваетъ не только цѣлый планъ

военныхъ дѣйствій, но и предлагаетъ учрежденіе „военныхъ и гражданскихъ заведеній и распорядковъ къ общему благоустройству, образованіе гвардіи „изъ присоединяющихся къ намъ нашихъ же соотечественниковъ, бывшихъ въ венеціанской службѣ офицеровъ и прочихъ чиновъ, знающихъ военную службу“, для чего требуется 10,000 ружей со штыками и столько же лядунокъ, „артиллерійскихъ орудій 12, 6 и трехъ фунтовыхъ пушекъ, каждаго сорта по 10, и мортировъ 10 же“. Требуется двѣ типографіи—гражданская и церковная; и на все устройство 80000 червонныхъ. Это замыслы уже чисто реформаторскіе, осуществленіе которыхъ владыка возлагалъ на Давидовича, котораго считалъ человѣкомъ къ тому способнымъ и призваннымъ, только бы признала его и Россія.

Вотъ почему владыка и пишетъ ему въ Россію: „Также постарайтесь быть назначеннымъ по новелѣнію его императорскаго величества въ своемъ отечествѣ званіемъ, соотвѣтствующимъ вашему чину. Таковое на васъ возложенное со стороны императора достоинство послужитъ особливо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ не малымъ выгодамъ и общей пользѣ“.

Попорченныя отношенія съ Россіей, потомъ война, а послѣ войны внутреннее разореніе и разстройство не дали осуществиться этому плану; но планъ съ этого времени уже существовалъ и не забывался. Завести государственные порядки вмѣсто патріахально-племеннаго устройства было завѣтною мыслію всѣхъ владыкъ Черногорскихъ, начиная съ Данііла; достаточно ясно это опредѣлилось при владыкѣ Василія, который для этого просилъ у Россіи 15,000 червонцевъ; а владыка Петръ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ уже прямо поставить свѣтскаго правителя, облеченнаго высшею властью, въ лицѣ Давидовича, которому въ этихъ видахъ и придано прозвище владѣтельнаго дома Черноевичей.

И не было ли поэтому признаніе Россіею такого намѣренія владыки истинною причиною того, что императоръ Александръ такъ круто повернулъ противъ него, осмѣлившагося мечтать создать самостоятельную политическую единицу изъ страны, которая считалась уже просто за русскую провинцію? И архимандритъ С. Вукотичъ не послужилъ ли только орудіемъ, не будучи вовсе иниціаторомъ дѣла? Главнымъ дѣятелемъ тутъ является высокопоставленное лицо — русскій посланникъ въ Вѣнѣ Д. П. Татищевъ. Онъ постоянно сносится съ Вукотичемъ и заключаетъ съ нимъ формальное условіе относительно удаленія митрополита Петра и потомъ является въ синодъ, гдѣ подъ

его диктовку, такъ сказать, составляется извѣстное письмо противъ владыки. Но кто кого прежде нашелъ: Вукотичъ Татищева, или наоборотъ?

Это все вопросы, на которые, можетъ быть, найдется отвѣтъ, хотя не прямой, въ новыхъ документахъ; для насъ же и изъ того, что̀ извѣстно, ясно видно, что представителямъ русской дипломатіи въ то время самостоятельность Черногоріи не нравилась, и стремленіе къ ней, такъ настойчиво выраженное въ отвѣтѣ черногорскаго народа русскому синоду, поразило нашихъ дипломатовъ своею неожиданностію. Будучи однако не въ состояніи ни остановить это стремленіе, ни обвинить владыку, и удовлетворившись одною только жертвой, осужденіемъ секретаря его Дольчи, замореннаго послѣ въ темницѣ, русская дипломатія уклонилась отъ дѣйствій въ пользу Черногоріи.

Императоръ Николай, по вступленіи на престолъ, измѣнилъ свои отношенія къ Черногоріи и выслалъ ей положенную сумму за всѣ 17 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ она не получалась. Старый владыка однако не дождался этого. За нѣсколько часовъ до смерти, онъ, не имѣя дровъ, чтобъ отопить свою спальню, пришелъ погрѣться у огня въ кухнѣ; сидѣлъ здѣсь, разговаривая съ собравшимся народомъ, поручая строго исполнить свое завѣщаніе, которое онъ въ то же утро продиктовалъ секретарю своему Симу Милютиновичу, затѣмъ воротился на кровать, легъ и, продолжая разговаривать, безъ всякой боли и страданій постепенно скончался, будто заснулъ, на 81 году своей жизни.

Его преемникъ Петръ II былъ человѣкъ совершенно другаго закала; да и обстоятельства измѣнились. Вмѣсто внѣшнихъ войнъ, всѣ правительства Европы озабочены были своими внутренними дѣлами, борьбою съ революціоннымъ настроеніемъ народовъ, которое давало себя знать сначала отдѣльными вспышками, покуда наконецъ не охватило общее пламя въ 1848 г. Пользуясь этимъ, могла и Черногорія вполнѣ отдаться своему внутреннему устройству, и этому была посвящена вся дѣятельность новаго владыки. При немъ Черногорія начинаетъ принимать облики государственной жизни, идея которой зародилась еще у предшествовавшаго владыки. Правленіе Петра II составляетъ уже переходъ къ свѣтской державѣ, которая и провозглашена была его преемникомъ Даніиломъ съ согласія и подъ протекціей императора Николая.

Такимъ измѣненіемъ внутренняго порядка Черногоріи положенъ

конецъ, въ сношеніяхъ ея съ Россіей, тому весьма важному недоразумѣнію, которое, какъ мы видѣли, постоянно существовало между обѣими странами и ни чѣмъ не могло быть устранено, какъ провозглашеніемъ Черногоріи независимымъ ни отъ кого свѣтскимъ государствомъ.

Съ этихъ поръ между Черногоріей и европейскими правительствами стоитъ посредствующая инстанція, которую послѣднія не могутъ обходить, какъ обходили при владыкахъ,—князь. Съ нимъ или черезъ него чужія правительства имѣютъ право заводить связи и сношенія въ Черногоріи и не смѣютъ уже прямо апеллировать къ народу, какъ то сдѣлано было правительствомъ Александра I. Да и напрасны были бы обращенія къ народу. Прежде владыки, какъ они умны ни были, постоянно должны были сообразоваться съ народными симпатіями и антипатіями; теперь князь самъ ведетъ свой народъ, куда хочетъ. Въ 1856 году, когда князь Даніилъ отправился искать помощи у Наполеона III и тѣмъ порвалъ связи съ Россіей, въ Черногоріи никому и въ голову не пришло не только протестовать противъ такого отношенія, которымъ нарушалось одно изъ самыхъ глубокихъ убѣжденій народа, что безъ Россіи нѣтъ спасенія Черногоріи. Наполеонъ однако въ то время не могъ помочь, потому что было поздно, но обѣщалъ при ближайшемъ случаѣ сдѣлать все, что можетъ.

Въ 1858 г., оставленный свѣтомъ, Даніилъ, благодаря единственно своей энергіи, которая пробудила силу и въ народѣ, заснувшую во время предшествовавшаго мирнаго правленія, одержалъ блестящую побѣду надъ турками на Граховцѣ. Ею однако не была побѣждена окончательно Турція, а только вызвана на отмщеніе. Въ эту критическую минуту Черногорію спасло заступничество Франціи, къ которой присоединилась и Россія.

Съ наступленіемъ новаго періода существенное измѣненіе должно было произойдти и въ отношеніяхъ Черногоріи къ Россіи. При владыкахъ главными факторами въ жизни Черногоріи были вѣра и народность, потому что на нихъ только и держалось ея обособленное, самостоятельное существованіе; только это не допускало ей слиться ни съ Турціей, ни съ Венеціей или Австріей. Сдѣлавшись же княжествомъ свѣтскимъ, Черногорія руководится уже политическими интересами, которые могутъ иногда стоять и противъ интересовъ религіозно-народныхъ. Такое столкновеніе политики съ религіей и народностью у насъ въ Россіи было во время Петра Великаго. Точно

также, когда во имя православія и народности русское правительство при Александрѣ I сдѣлало покушеніе на свободу Черногоріи, въ ея предстателѣ владыкѣ Петрѣ пришли въ столкновеніе оба эти начала, но онъ отдалъ преимущество политическому элементу свободы и тѣмъ спасъ индивидуальность своего народа и страны, не успѣвшихъ еще сдѣлаться чисто политическимъ тѣломъ.

П. Ровинскій.

АНДРЕЙ КРИТСКІЙ ВЪ ЛЕГЕНДѢ О КРОВОСМѢСИТЕЛѢ И СКАЗАНІЕ ОБЪ АПОСТОЛѢ АНДРЕѢ.

Южно-славянскія и русскія повѣсти о кровосмѣсителѣ не разъ обращали на себя вниманіе изслѣдователей, въ послѣдній разъ—Диддрихса [1]; не разъ указываемы были по этому поводу и западныя параллели того же сказанія, съ тѣми же именами: Іуды и (папы) Григорія; русскіе рукописные и народные варіанты прибавляютъ къ нимъ еще имя Андрея Критскаго—очевидно, не самостоятельно: ихъ оригиналъ могъ существовать на славянскомъ югѣ и предполагаетъ, съ своей стороны, болѣе древнюю греческую легенду. Ни этой легенды, ни ея южно-славянскаго пересказа мы не знаемъ.

Повѣсть Буслаевскаго сборника (XVII вѣка) [2]) разказываетъ слѣдующее: „Вѣ градъ, і в томъ градѣ бы нѣкій купецъ, именемъ Поуливачъ. Іде из ложьницы своея і слышавъ той купецъ птицъ, зовыми голуби, два глаголюще между собою: „будетъ у господина нашего радость: жена его ему родить сына, і нарекутъ іме ему Андрей, і той отрокъ убиетъ отца своего, а матерь свою себѣ въ жену возметъ, і 300 дѣвицъ-старицъ растлитъ блудомъ“. Испуганный отецъ велитъ бабкѣ убить ребенка, какъ только онъ родится; та говоритъ о томъ матери. Когда мальчикъ родился, его окрестили, нарекли Андреемъ и, по приказанію матери, распоровъ животъ, пустили въ

---

[1]) *Victor Diederichs*, Russiche Verwandte der Legende von Gregor auf dem Stein und der Sage von Judas Ischariot, въ *Russ. Rev.* 1880 г., IX Jahrg., IX Heft, p. 119—146.

[2]) Памятн. старинн. русск. литер., II, p. 415—417.

море на доскѣ, къ которой привязали пояскомъ. Волны принесли его къ берегу, къ монастырю „Пресвятыя Богородицы Неопалимые купины"; черница, пришедшая по воду, находитъ его; его взяли въ обитель, зашили животъ, вскормили козьимъ молокомъ, обучили грамотѣ. Пятнадцати лѣтъ отъ роду онъ, по наущенію діавола, растлѣваетъ всѣхъ монахинь, числомъ 300, а вмѣстѣ и игуменью. Покаявшись взаимно, онѣ изгоняютъ Андрея, который, пойдя „во градъ Критъ", нанимается въ услуженіе къ своему отцу, имъ неузнанному: онъ долженъ стеречь виноградникъ и стрѣлять по всякому татю. Однажды самъ хозяинъ отправился туда, желая искусить своего сторожа: тотъ, принявъ его за вора, убилъ его; признавъ, схоронилъ подъ яблоней, въ чемъ и признался своей госпожѣ, на которой по нѣкоторомъ времени женился. Въ брачную ночь происходитъ страшное признаніе: по рубцу на животѣ жена узнаетъ въ Андреѣ своего сына. „І вскочилъ Андрей вскорѣ со одра своего і рече: О горе мнѣ окаянному, яко чрезъ законъ согрѣшихъ пача всѣхъ человѣкъ". Мать посылаетъ его „во градъ Критъ" къ своему духовному отцу; Андрей убиваетъ его, когда тотъ не разрѣшилъ ему грѣхи. Такъ поступаетъ онъ со вторымъ и третьимъ: никто не хочетъ отпустить его, хотя Андрей говоритъ имъ: „Христосъ приде в миръ призвати грѣшныхъ на покаяние; ты же, іерей, не хощеши простити мя во грѣсѣхъ моихъ; рече во Еуанели: Аще свяжете на земли, будете связаны на небеси; аще разрѣшите на земли, будете разрѣшены на небесѣхъ". Тогда Андрей рѣшается пойти къ епископу Крита: „той мя пріиметъ на покаяніе, прозорливъ бо есть, да иметъ мя простити, і богобоязливъ. Аще не имать мя простити, пойду въ далную страну къ царю во орду и вздвигну рать велику, и городъ Критъ зажгу, а людей въ плѣнъ возму, а епископа убью". Но епископъ, увидя „Андрея укрѣплена мужествомъ, яко хощетъ сосудъ быти ізбранный", принимаетъ его любовно и, услышавъ отъ него повѣсть о его невольномъ грѣхопаденіи, велитъ посадить его въ погребъ, давъ ему бумаги и чернила, и „повелѣ желѣзною цѣпью покрыти ево і запечатать в погребѣ, і даде заповѣдь 30 лѣтъ, і како исполнится тотъ погребъ земли, і станетъ земля на верху погреба, тогда будетъ от грѣховъ своихъ. А матери ево епископъ ноздри прорѣза і замкнулъ замкомъ, а ключь того замка повелѣ вергнуть в море, а богатство іхъ повелѣ епискупъ раздати нищимъ. І повелѣ епискупъ Андреевоі матери по міру ходить і Господа Бога Спаса нашего Іисуса Христа славить і милости просити о своемъ согрѣшеніи; и рече епискупъ:

тогда прощана будетъ, какъ (ключъ) того замка опять із моря выдетъ. Андрей же пребывъ въ погребѣ, моляся Богу о своемъ согрѣшеніи і приводя душу свою во многие притчи, і коряше себе, і сложи канонъ, і еже поется в великій постъ пятыя недѣли в четвертокъ". По прошествіи тридцати лѣтъ ключъ, брошенный въ море епископомъ, найденъ въ рыбѣ, купленной для его трапезы; имъ отомкнутъ замокъ, привѣшенный къ носу Андреевой матери, которую епископъ постригаетъ въ иноческій чинъ, а самъ идетъ къ погребу. „Андрей же сѣдяше на верху погреба, дописываетъ девятую пѣснь канона великаго; і тогда епискупъ восхвали Бога і Господа нашего Іисуса Христа, яко сподобися Андрей прияти прощение грѣховъ своихъ, і постриже епискупъ Андрея во иноческій чинъ, і принесе епискупъ канонъ той, что сложилъ Андрей, в церковь, і прочьте ево всѣмъ людемъ в слухъ, на коеждомъ тропари метанія і поклоновъ положить людемъ всѣмъ повелѣ, і тако епискупъ похваля Бога вельми Господа нашего Іисуса Христа". Призвавъ Андрея, епискупъ проситъ его пробыть въ его монастырѣ три дня, а на четвертый придти и похоронить его—что онъ и дѣлаетъ („в церкви Спасовѣ"), послѣ чего самъ правитъ критскою епископіею въ теченіи 30-ти лѣтъ.

Легенда эта, примѣшивающая къ типу кровосмѣсителя черты сказанія о преслѣдуемомъ мальчикѣ, достигающемъ роковаго назначенія [1]) и старой сказки о кающемся разбойникѣ [2]), кончаетъ упоминаніемъ „покаяннаго канона", дѣйствительно сложеннаго Андреемъ Критскимъ, и, будто бы, въ заключенія, въ которомъ онъ искупилъ свои невольныя прегрѣшенія. Отвлеченный, объективный грѣшникъ канона коритъ себя во всѣхъ возможныхъ преступленіяхъ: V 2. Τὸν Ρουβὶμ μιμούμενος ὁ τάλας ἐγὼ ἔπραξα ἄθεσμον καὶ παράνομον βουλὴν κατά Θεοῦ ὑψίστου, μιάνας κοίτην ἐμὴν, ὡς τοῦ πατρὸς ἐκεῖνος; VII, 7: Ἀκήκοας τοῦ Ἀβεσσαλώμ, πῶς τῆς φύσεως ἀντεξανέστη, ἔγνως τὰς ἐναγεῖς αὐτοῦ πράξεις, αἷς ἐξύβρισε τὴν κοίτην Δαβὶδ τοῦ πατρός· ἀλλ' αὐτὴ ἐμιμήσω τὰς αὐτοῦ ἐμπαθεῖς καὶ φιληδόνους ὁρμάς. 14. Τὸν Ἀχαὰβ παρεζήλωσας τοῖς μιάσμασι, ψυχή μου, οἴμοι γέγονας σαρκικῶν μολυσμάτων καταγώγιον καὶ σκεῦος αἰσχρὸν τῶν παθῶν· ἀλλ' ἐκ βάθους σου στέναξον καὶ λέγε Θεῷ τὰς ἁμαρτίας σου и т. д. [3]). Эти общія самообличенія грѣшника въ канонѣ Андрея Критскаго списатель легенды могъ легко перенесть

---

[1]) *Romania*, № 22: Dit de l'empereur Constant.
[2]) Разысканія, X, стр. 378—81.
[3]) *Diederichs*, l. c., p. 135, прим. 20.

на самого автора, который такимъ образомъ выходилъ къ святости изъ бездны грѣха путемъ долгаго, непомѣрнаго искуса. Его мать — такая же невольная грѣшница и также спасается: и къ ней могъ быть приложенъ тотъ же легендарный пріемъ, отожествившій ее съ святою, бывшею грѣшницею—Маріей Египетскою. Такъ, въ одномъ малорусскомъ пересказѣ [1]), начало котораго также отзывается упоминаніемъ—церковнаго канона.

„О то, що співають у церкви на поклонахъ: „преподобная мати Марія, моли Бога о насъ“, и „преподобный отче Андріе моли Бога о насъ“,—до то Марія була мати того Андрея, и потімъ стала его й жінкою“. Марія не любила своего мужа, а любила другаго; мужа она отравила, хотѣла убить и сына: лишь подъ этимъ условіемъ любовникъ обѣщалъ взять её за себя. И вотъ она разрѣзала Андрею животъ и въ коробкѣ пустила по рѣкѣ. Дочь огородника нашла ту коробку, а мальчика принесла домой и вылѣчила. Когда онъ выросъ огородникъ хочетъ сдѣлать его своимъ зятемъ; между тѣмъ случилось вотъ что: однажды Андрей заблудился въ лѣсу на охотѣ и вышелъ къ какому-то селу, гдѣ нанялся въ услуженіе къ своей, неузнанной имъ матери. Ея полюбовникъ не женился на ней: коли дитяти своего не пожалѣла, и меня изведетъ! Красавецъ-работникъ приглянулся Марьѣ, и они поженились. Когда взаимное признаніе совершилось „Андрей за разъ сказавъ, щобъ его спустили въ старый колодязь, де не було воды, да тамъ и живъ, нічого не івъ пьятнадцать годъ; а Марія пійшла въ пустиню, да тамъ и вмерла, нічого не ївши сімъ годъ. Якъ пійшли въ той колодязь, де живъ Андрей, да такъ якъ живый сидить собі надъ проскурочкою, згорнувъ руки и очи закрывъ, нежывый! Чрезъ те ёго й назвали „Крицькимъ“, що вінъ у колодязі крывсь пьятнадцать годъ безъ хліба! А Марію черезъ те называли Ягипецкою, що вона жила въ Ягипті у пустинсімъ годъ, да тамъ і вмерла, да іі левы загребли“.

Съ этимъ пересказомъ ср. № 30 (Марія Египетская) у Драгоманова, Малороссійскіе народныя преданія и разказы, и тамъ же примѣчаніе издателя. Другая легенда, напечатанная въ томъ же сборникѣ подъ № 29, интересна намъ лишь по имени дѣйствующаго лица, поставленному въ скобкахъ при заглавіи: (Андрій Первозванный); замѣна одного Андрея другимъ вполнѣ мыслима на почвѣ на-

[1]) Труды этногр.-стат. экспед. въ зап. русск. край и т. д. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собр. *П. П. Чубинскимъ*, I, стр. 182—183.

роднаго пересказа, но въ самомъ текстѣ разказа нѣтъ собственнаго имени. Общее содержаніе варіанта такое: отцу и матери снится сонъ, открывающій имъ роковую судьбу ихъ сына; мальчику распороли животъ и въ бочкѣ спустили въ море, гдѣ его выловили матросы. Позднѣе онъ нанимается сторожить сады къ своему отцу, котораго убиваетъ, какъ въ Буслаевской легендѣ; женится на матери, но когда она открываетъ ему, что она—его мать, убиваетъ ее и двухъ поповъ, не хотѣвшихъ отпустить его грѣхи. Третій налагаетъ на него эпитимію: посадить на горѣ головню отъ яблони, утромъ и вечеромъ взбираться туда ползкомъ, нося во рту воду, и поливать головню. Когда она примется и выростетъ дерево, и на немъ поспѣютъ яблоки, тогда потряси его: коли яблоки осыпятся, тогда грѣхи твои будутъ прощены. Черезъ двадцать пять лѣтъ чудо совершается: только два яблока остались на деревѣ, когда потрясъ имъ грѣшникъ; очевидно, грѣхи относительно отца и матери. Этотъ мотивъ легенды о „кающемся разбойникѣ“, повліявшей и на Буслаевскую повѣсть, переходитъ непосредственно въ другой, уже намъ извѣстной: еще не всѣ грѣхи прощены (два яблока, оставшіяся на деревѣ), и вотъ священникъ велитъ посадить грѣшника въ погребъ, который засыпанъ землей, а ключи отъ него брошены въ море. Черезъ тридцать лѣтъ они найдены въ щукѣ; когда открыли погребъ, „він уже тамъ вмер, свічка над ним горить. Тоді ёму все простилось, и він пресвятивсь“.

Мы указали выше на покаянный канонъ Андрея Критскаго и на возможное вліяніе, какое онъ оказалъ на внесеніе имени Андрея въ сказаніе о Кровосмѣсителѣ. Но кто же тотъ епископъ Крита, о которомъ Андрей въ Буслаевской повѣсти говоритъ, что онъ прозорливъ, богобоязливъ—и проститъ его? Легче всего представить себѣ въ этой роли—автора покаяннаго канона, знавшаго чудесную, спасительную силу покаянія, то-есть, Андрея Критскаго. Къ нему могла примкнуть легенда о страшномъ грѣшникѣ, въ началѣ епископъ могъ быть его руководителемъ и лишь впослѣдствіи передалъ ему свое собственное имя; въ прототипѣ нашихъ пересказовъ безыменный Кровосмѣситель приходилъ къ Андрею Критскому и былъ принятъ имъ, когда другіе духовники отвергли его, испуганные неотмолимостью его грѣха.

Это апріорное построеніе подтверждается для меня CII-мъ разказомъ изъ Libro de los Enxemplos; дѣйствующія лица: св. Андрей, юноша-христіанинъ, говорящій ему на духу, что его мать, позарив-

шись на его красоту, совлекла его къ грѣху, но не успѣвъ въ этомъ, обвинила передъ судьей, будто онъ самъ хотѣлъ учинить ей насиліе. Какъ ему быть? На судѣ онъ никогда не покажетъ противъ своей матери. И онъ дѣйствительно молчитъ, когда мать повторяетъ свои обвиненія. Судья присуждаетъ невиннаго бросить въ рѣку въ засмоленномъ мѣшкѣ, тогда какъ святой обличаетъ грѣшную мать, тутъ же пораженную молніей.

Приведемъ текстъ испанской повѣсти:

Un mancebo cristiano dijo en secrepto á san Andrés: „Mi madre, veyéndome fermoso, tentóme que durmiese con ella, é yo non queriendo en ninguna manera consentir, fué al juez é dió querela de mi que la quisiera forzar. Ruega a Dios que yo non muera tan injustamente, ca si fuere acusado, yo callaré; mas quiero perder la vida que disfamar á mi madre tan feamente. E(l) mancebo fué llamado á juicio et sant Andrés fué con él: la madre acusábalo fuertemente que la quisiera forzar. E preguntado el mancebo muchas veces si la cosa pasara asi, nunca respondió. Estonce dijo sant Andrés á lla madre: „oh mas cruel que todas las mujeres, que por tu lujuria quieres que muera un fijo solo que tienes!". Ella dijo al juez: „Señor, despues que mi fijo quiso facer esta maldad é non pudo, allegóse á este home". El juez con muy gran saña mandó que metiesen aquel mancebo en saco empezgado de pez e de betumme e lo lanzasen en un rio. E mandó poner en la cárcel á sant Andrés fasta que pensase qué tormento le darie en que muriese; é sant Andrés echóse en oracion, é vino un trueno tan fuerte, que spantó á todos é un tan gran terremoto que derribaba á cuantos alli estaban, é cayó un rayo del cielo, é quemó la mujer é tornóla en carbon; é todos rogando al apóstol que non peresciesen, rogó por ellos, é cesaron todos los timores e'spantos; estonce el juez é todos los de su casa creyron el la fe de Jesu Cristo.

Источникомъ испанскаго enxemplo были „Virtutes Andreae" у псевдо-Авдія, пріурочившія къ апостолу Андрею то, чтò Прохорово житіе апостола Іоанна сообщило о его чудѣ на Патмосѣ. Мѣсто дѣйствія городъ Каръ, дѣйствующія лица — Прокліана и ея сынъ Сосипатръ, преслѣдуемый любовью матери и увлекаемый проповѣдью Іоанна, который, провидя казни дьявола противъ юноши, поддерживаетъ его своими наставленіями. Подъ чужими именами онъ разказываетъ ему, что съ нимъ самимъ приключится: какая-то мать, по имени 'Απάτη, послѣ напрасныхъ усилій склонить къ любви сына своего, 'Απατώμενος, будто бы обвинила его передъ судьей въ томъ,

что онъ хотѣлъ на нее посягнуть; невинный юноша приговоренъ къ смерти, но Господь не попустилъ его погибнуть и наказалъ виновныхъ. Эта притча оправдывается на дѣлѣ: Прокліана обвиняетъ Сосипатра въ посягательствѣ на нее, Іоанна въ наущеніи къ грѣху. Проконсулъ велитъ зашить обоихъ въ мѣшки, наполненныя змѣями и ехиднами; но по молитвѣ апостола содрогнулась земля, такъ что всѣ попадали; у проконсула отсохла правая рука, откинутая въ повелительномъ жестѣ, у Прокліаны обѣ руки застыли въ томъ положеніи, въ какомъ находились, одна протянутая къ верху, другая къ низу; глаза скосились. И проконсулъ, и Прокліана каются, исцѣлены и принимаютъ крещеніе [1]).

„Virtutes Andreae" переносятъ этотъ разказъ на апостола Андрея; мѣсто дѣйствія Амазія; имя юноши Димитрій; злая мать сохнетъ и умираетъ [2]).

Испанскій enxemplo отдалился отъ своего источника: нѣтъ ни собственныхъ, ни географическихъ именъ; осталось — имя святаго Андрея въ легендѣ о грѣшной матери, посягавшей на кровосмѣшеніе. Этотъ обобщенный типъ легенды могъ быть первымъ поводомъ внести имя святаго Андрея въ ту особую повѣсть о кровосмѣсителѣ, которая въ нашихъ разсказахъ отличена именемъ Андрея Критскаго — но и Первозваннаго, то-есть, апостола (Драгомановскій варіантъ). Почему вспомнился именно Критскій святой—на это указано было выше; аналогія съ апокрифомъ объ апостолѣ Андреѣ дѣлаетъ вѣроятной высказанную нами догадку, что въ оригиналѣ русскихъ легендъ это имя носилъ не грѣшникъ, а тотъ, кто вывелъ его на „спасеный путь".

А. Веселовскій.

---

[1]) *Lipsius*, Die apocryphen Apostolgeschichten u. Apostellegenden I p. 391—393.

[2]) l. c. p. 558.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса [1]).

Sécrets d'état de Venise. Par *Vl. Lamansky*. St.-Pétersbourg. 1884.

XVII.

Обильные матеріалы собраны В. И. Ламанскимъ въ архивахъ Венеціи для характеристики подчиненныхъ ей грековъ.

Въ разсматриваемый періодъ ей подвластна была значительная часть греческихъ областей, а именно: островъ Критъ (Candia) до 1669 г., островъ Кипръ до 1571 г., островъ Тиносъ въ Архипелагѣ, островъ Чериго у береговъ Мореи, острова Корфу, Кефалонія, Закинѳъ и нѣкоторые другіе; до 1540 г. республикѣ принадлежала и значительная часть Мореи. По вычисленію г. Ламанскаго, въ первой половинѣ XVI в. Венеціи подчинены были до 500,000 грековъ (552), тогда какъ число ея славянскихъ подданныхъ въ означенный періодъ не превышало 60,000 или 70,000 душъ (ib.). Лишь съ конца XVII вѣка, послѣ потери острова Крита и благодаря расширенію венеціанскихъ владѣній во внутренней Далмаціи, численное отношеніе греческихъ и славянскихъ подданныхъ республики значительно измѣнилось въ обратномъ смыслѣ (ib).

Важность для республики ея греческихъ владѣній въ сравненія не только со славянскими, но и съ собственно италіанскими, въ XVI вѣкѣ лучше всего можно видѣть изъ числа военныхъ галеръ, снаря-

---

[1]) *Окончаніе*. См. майскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

жаемыхъ тогда то въ греческихъ, то въ славянскихъ, то въ италіанскихъ ея владѣніяхъ. Изъ сорока такихъ галеръ, снаряженныхъ въ 1513 г. по опредѣленію сената, приходилось 12 на островъ Критъ, 1 на островъ Наксосъ (Nixia), 1 на острова Закинѳъ и Кефалонію, 1 на Наполи-ди-Романія въ Мореѣ, 2 на островъ Корфу, слѣдовательно 17 на области греческія; затѣмъ 1 галера снаряжалась въ Которѣ, 1 въ Сплѣтѣ и Трогирѣ, 1 въ Шибеникѣ, 1 въ Корчулѣ, 1 въ Фарѣ, 2 въ Задрѣ, 1 въ Каподистріи, 1 въ Брачѣ, 1 въ Пагѣ, Црѣсѣ и Осерѣ, то-есть, 10 въ Далмаціи, Кварнерахъ и Истріи, а наконецъ 13 въ собственной Венеціи (555).

И такъ, греческія области снаряжали чуть не половину судовъ венеціанскаго военнаго флота! Если къ нимъ прибавить еще флотилію острова Кипра, который легко могъ снарядить дюжину галеръ, то получилось бы 29 греческихъ галеръ на 52 общаго ихъ числа; но правительство венеціанское предпочитало брать съ острова Кипра дань галетами, быть можетъ, умышленно избѣгая развитія кипрскаго флота.

Если мы обратимся отъ судовъ венеціанскаго военнаго флота къ его экипажу, то и здѣсь встрѣтимъ то же преобладаніе греческаго элемента надъ славянскимъ и италіанскимъ. Блестящую характеристику греческихъ и славянскихъ моряковъ XVI вѣка представилъ венеціанскій адмиралъ Христофоръ да Канале († 1562 г.) въ своемъ сочиненіи Della milizia maritima libri IV, выдержки изъ котораго мы находимъ на страницахъ 831—833 сборника г. Ламанскаго во французскомъ переводѣ, въ русскомъ же — въ Славянскомъ Сборникѣ 1875 года на стр. 580—583. По мнѣнію этого адмирала, греки представляютъ лучшій матеріалъ для флотскихъ экипажей: за ними слѣдуютъ славяне, которые въ свою очередь во многомъ превосходятъ де моряковъ италіанскихъ.

Всѣ эти достоинства и заслуги не могли однако обезпечить грековъ отъ фискальнаго, національнаго и религіознаго гнета венеціанскихъ чиновниковъ, которые смотрѣли обыкновенно на свою службу въ греческихъ областяхъ какъ на „кормленіе", какъ на средство поправить свое состояніе разными административными и торгашескими спекуляціями (597). Этимъ и объясняется главнѣйше предпочтеніе греками ига турецкаго венеціанскому, бывшее причиною утраты республикою многихъ греческихъ областей, какъ-то: Мореи, Кипра, Крита и другихъ острововъ Архипелага и Іоническаго моря.

Первое мѣсто между греческими владѣніями республики занималъ

островъ Критъ (Candia). Самъ сенатъ назвалъ въ 1539 г. флотилію этого острова, состоявшую изъ 26 галеръ, „нервомъ и основаніемъ венеціанскаго военнаго флота" (557). По свидѣтельству критскаго губернатора (proveditore) Фоскарини, въ 1577 г. на островѣ Критѣ насчитывалось 26,793 лицъ, обязанныхъ службою на галерахъ, такъ что островъ этотъ могъ одинъ снарядить до 50 галеръ (560). Не удивительно, что при такой важности для Венеціи острова Крита, въ ея архивахъ сохранилось множество матеріаловъ для изображенія его положенія и отношеній въ XV—XVII вѣкахъ. Часть этого матеріала издана г. Ламанскимъ и составляетъ одно изъ украшеній его сборника. Воспользуемся и мы этимъ матеріаломъ для нѣкотораго освѣщенія острова Крита, этого главнаго очага греческой жизни въ республикѣ.

По донесенію Фоскарини, въ 1577 году жители острова Крита раздѣлялись въ тотъ періодъ времени на пять общественныхъ классовъ: 1) нобили венеціанскаго происхожденія, 2) нобили-критяне, 3) нобили привиллегированные или древніе, иначе arcondoromei, 4) горожане (cittadini) и 5) поселяне (contadini). Нобили первой группы происходили отъ древнихъ венеціанскихъ колонистовъ, поселенныхъ на островѣ Критѣ при первоначальномъ его занятіи, съ надѣломъ земельными участками на феодальныхъ правахъ, именно съ обязательствомъ поставлять извѣстное число стратіотовъ (кавалеристовъ) и защищать островъ. Эти участки могли быть продаваемы, даримы, вообще отчуждаемы, но не иначе, какъ венеціанцамъ же, съ перенесеніемъ на нихъ связанныхъ съ надѣломъ обязанностей. Тѣмъ не менѣе, значительное число такихъ феодовъ перешло въ руки греческія, ибо нобили венеціанскаго происхожденія, не довѣряя прочности своего положенія на островѣ Критѣ, охотно перепродавали свои феоды даже въ томъ случаѣ, если они доставляли 10—20% дохода. Сверхъ того, греческій языкъ сдѣлалъ большія завоеванія въ семейномъ употребленіи даже такихъ нобилей, которые остались при латинскомъ обрядѣ (631). Черезъ покупку феодовъ и незнатные люди могли стать критскими нобилями, при чемъ они пріобрѣтали всѣ права нобилей венеціанскихъ (632). Что касается нобилей привилегированныхъ или архонторомеевъ, то они происходили отъ древнихъ византійскихъ знатныхъ родовъ, получившихъ при занятіи острова Крита венеціанцами 34 помѣстья (cavallerie). Они жили главнѣйше въ Ретимскомъ и Канейскомъ округахъ; наибольшею храбростію славились въ ихъ средѣ сфакіоты (632). Въ случаѣ опасности, они

отправляли женъ и дѣтей въ горы, по которымъ они ходили съ легкостію сернъ (633).

Въ средѣ горожанъ, по сообщенію того же Фоскарини, было много иноземцевъ и инородцевъ. Такъ въ городѣ Кандіи изъ 1700 жителей (не считая гарнизона) большую часть составляли кипріоты, до 700 было евреевъ и много италіанскихъ купцовъ, въ городѣ Канеѣ жило много неаполитанцевъ и малоазійцевъ (632). Что касается гарнизоновъ, то ихъ насчитывалось при Фоскарини въ городѣ Кандіи 1500 человѣкъ, въ Канеѣ 600 человѣкъ, въ Ретимо 300 человѣкъ (ib). Между нобилями и горожанами мало было взаимнаго довѣрія, такъ какъ послѣдніе считали первыхъ виновниками дороговизны (ib.). И чиновники допускали въ отношеніи къ горожанамъ разнаго рода несправедливости. Такъ, отправляясь на экзекуцію, они считали себя въ правѣ отнять у перваго встрѣчнаго мѣщанина лошадь и ѣхать на ней по своему назначенію (635).

Поселяне наконецъ, по словамъ Фоскарини, не имѣя собственной земли, брали ее въ пользованіе отъ помѣщиковъ (cavallieri) на разныхъ условіяхъ, напримѣръ, изъ денежнаго оброка, изъ части сбора, то на большее, то на меньшее число лѣтъ, при чемъ они поступали тогда и подъ юрисдикцію своихъ помѣщиковъ (634). Хотя положеніе этихъ критскихъ поселянъ было нѣсколько лучше общественнаго положенія париковъ кипрскихъ, но все же во многихъ отношеніяхъ они могутъ быть поставлены въ рядъ. Помѣщики обмѣривали и обвѣшивали своихъ оброчныхъ крестьянъ, обсчитывали ихъ на деньгахъ, вымогали куръ, свиней и т. п. (634). Не удивительно, что поселяне нерѣдко возставали противъ помѣщиковъ: такъ въ Ретимскомъ округѣ крестьяне, по наущенію-де своихъ поповъ, взбунтовались въ 1561 г. противъ своихъ помѣщиковъ и разграбили дома, особенно болѣе ненавистныхъ между ними (635) [1]).

Что касается религіозныхъ отношеній острова Крита, то, по Фоскарини, одни держались тамъ греческаго, другіе латинскаго вѣроисповѣданій, но въ обоихъ случаяхъ не обнаруживали особеннаго усердія въ исполненіи религіозныхъ обязанностей. Впрочемъ, латинскій обрядъ, извѣстный собственно лишь въ городахъ, съ каждымъ днемъ терялъ на островѣ Критѣ почву, такъ какъ многія франкскія фамиліи переходили съ латинскаго обряда въ греческій, вслѣдствіе отсутствія

[1]) Въ 1568 г. Совѣтъ X предписалъ Критскимъ властямъ устранить притѣсненія нобилями контадиновъ (043).

на островѣ латинскихъ костеловъ, кромѣ города Кандіи, гдѣ находились два небольшіе костела (635).

Въ отношеніи іерархическомъ островъ Критъ былъ подчиненъ въ 1577 г. одному архіепископу, получавшему 6000 дукатовъ доходовъ, и шести епископамъ, съ доходами отъ 1500 до 2000 дукатовъ. Сверхъ того, въ Боргоньони (Borgognoni) находилось аббатство, съ 8000 дукатовъ дохода. Греческіе монастыри св. Екатерины на Синаѣ (Cattarina de Sinai) и Ретинскій (da Retines) получали — первый 4000 дукатовъ, второй же 2000 дукатовъ; меньшіе же монастыри отъ 1000 до 1500 дукатовъ. И патріархъ Константинопольскій получалъ въ то время съ острова Крита 1000 дукатовъ въ годъ (641).

Въ экономическомъ отношеніи островъ Критъ стоялъ, по донесенію Фоскарини, довольно низко. Онъ производилъ хлѣба въ не достаточномъ для мѣстнаго населенія количествѣ, такъ что ежегодно необходимо было ввезти до 30,000 или 40,000 мѣръ (stara) для предупрежденія голода. А между тѣмъ въ прежніе годы, по словамъ Фоскарини, критскій хлѣбъ вывозили и въ Венецію. Причиною такого упадка хлѣбопашества были-де отчасти бунты поселянъ, вызвавшіе запрещеніе засѣвать нѣкоторыя плодородныя мѣстности, отчасти такъ-называемая сирійская роса, нерѣдко отравлявшая посѣвы въ маѣ мѣсяцѣ, отчасти знойные южные вѣтры, сожигавшіе хлѣба и виноградники. Но всего болѣе способствовало де упадку хлѣбопашества развитіе виподѣлія, доставлявшаго бо́льшій доходъ съ земли, а затѣмъ недостатокъ рабочаго скота и запустѣніе критскаго приморья вслѣдствіе опасностей отъ пиратовъ (638). Кромѣ вина, Критъ производилъ много деревяннаго масла; шелководство же было тутъ въ упадкѣ (639).

Торговля острова Крита, по Фоскарини, была въ тотъ періодъ времени не особенно значительна. Лишь вино вывозилось отсюда въ большомъ количествѣ въ Александрію, Константинополь, а также въ Португалію, Англію и даже въ Индію (640). Въ Константинополь вывозилось сверхъ того ежегодно до 300 боченковъ (botte) лимоннаго соку (ib). Прекрасные кипарисовые лѣса, покрывавшіе прежде горы острова Крита, особенно сфакіатскаго округа, были уже тогда въ значительной степени вырублены и употреблены въ топливо при изготовленіи салами, соленой рыбы, выдѣлкѣ кожи и тому подобнаго (640).

Образованіе было при Фоскарини на островѣ Критѣ въ сильномъ пренебреженіи: лишь по городамъ можно было находить учителей для обученія дѣтей (641).

Кромѣ городовъ, на островѣ Критѣ находилось тогда 16 замковъ

(castelli), выстроенныхъ, по преданію, Генуэзцами, во время ихъ войны съ Венеціанцами. Въ XVI вѣкѣ замки эти не имѣли особеннаго значенія (ib). Деревень (casali) было при Фоскарини на островѣ Критѣ 1020. Общая цифра населенія не превышала 219,000 душъ, между которыми 55,645 годились къ военной и инымъ видамъ государственной службы (gente di fattion), остальные же были къ ней неспособны (gente inutile, 641). Для службы на галерахъ годны были 26,693 человѣкъ; затѣмъ 35,349 несли повинности при государственныхъ заводахъ (hanno obligo in angaria alle fabbriche), а 10,691 записаны были для службы гарнизонной (nelle ordonanze, 641).

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ Фоскарини о соціально-экономическомъ положеніи острова Крита въ XVI вѣкѣ, мы приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ доклада критскихъ помѣщиковъ венеціанскому сенату въ 1515 году о парикіи, ея видахъ и политической необходимости. По словамъ этихъ помѣщиковъ, парикія была установлена на островѣ Критѣ мудрѣйшими государями и императорами по двумъ причинамъ: 1) по безплодію (?) этого острова и 2) по необходимости защищать его отъ непріятелей. Не будь тутъ париковъ, никто не захотѣлъ бы де хозяйничать въ мѣстностяхъ столь безплодныхъ, да еще приморскихъ, слѣдовательно угрожаемыхъ пиратами. Глубокая древность критской парикіи доказывается де тѣмъ, что уже Аристотель въ своей политикѣ упоминаетъ критскихъ париковъ. Въ 1393 г. князь А. Венеріо (можетъ быть, Veniero?) съ совѣтниками прикрѣпили-де париковъ къ тѣмъ феодамъ, которымъ они принадлежали и въ XVI вѣкѣ. Потому то и сенатъ венеціанскій опредѣлилъ де, что парики никоимъ образомъ не должны быть отпускаемы на волю, развѣ за особыя заслуги предъ государствомъ (635). По времени прикрѣпленія париковъ къ феодамъ необходимо де различать: а) париковъ первоначальныхъ (parici originarei), занесенныхъ въ кадастровыя книги для записи феодовъ и б) париковъ неприписанныхъ (villani agrafi), которые не внесены въ эти книги, но стали париками уже по присоединеніи острова Крита къ Венеціи. Столѣтняя или двухсотлѣтняя давность сдѣлала-де и послѣднихъ полными париками, хотя венеціанскій аппелляціонный судъ сорока разсматриваетъ этихъ „аграфовъ" какъ отличный отъ париковъ классъ населенія. Между тѣмъ положеніе критскихъ париковъ далеко-де не такъ ужь дурно, какъ на островѣ Кипрѣ: въ сравненіи съ париками кипрскими, парики критскіе могутъ де считаться людьми вполнѣ свободными. На этомъ основаніи критская знать ходатайствовала предъ сенатомъ объ изданіи постановленія, по которому 60-лѣтнее

безпрепятственное обладаніе парикомъ создавало бы въ пользу помѣщика давность, коей не могли бы болѣе нарушить и венеціанскіе суды (036)·

Довольно обстоятельную характеристику экономическаго положенія разныхъ частей острова Крита мы находимъ еще въ отчетѣ синдиковъ Емо и Базадонны (Emo et Basadonna) въ 1566 году. Констатируя фактъ, что островъ Критъ страдаетъ отъ гнета венеціанскихъ чиновниковъ, совершенно отчуждающихъ де чувства населенія отъ метрополіи, синдики обозрѣваютъ затѣмъ отдѣльныя части этого острова, а именно округа: а) Восточный, б) Кандійскій, в) Ретимскій и г) Канейскій. Восточная часть острова самая де бѣдная, хотя почва тутъ очень плодородна и мѣстность изобилуетъ хлѣбомъ, деревяннымъ масломъ, шелкомъ, медомъ и виномъ. Причиной бѣдности являются де купцы, закупающіе на корню хлѣбъ, масло и тому подобное по самымъ ничтожнымъ цѣнамъ, напримѣръ по 5 перперовъ за мѣру, вмѣсто обычныхъ 14 перперовъ (643). Сверхъ того, поселяне этой мѣстности обременены де постоемъ множества солдатъ, налогами въ пользу помѣщиковъ и старшинъ, обязательствомъ поставлять въ городъ хлѣбъ по ничтожной цѣнѣ и тому подобное (644).

Съ запада къ означенной мѣстности примыкаетъ де округъ Кандійскій (Аргирокастронъ), съ городомъ Кандіей и 8 замками, которые находятся въ завѣдываніи—годъ венеціанскихъ, а годъ критскихъ нобилей. Не смотря на свое плодородіе и обиліе вина, вывозимаго въ Турцію, эта часть острова не можетъ де прокормить лежащаго въ ней города Кандіи долѣе шести мѣсяцевъ (644).

Далѣе къ западу лежитъ де округъ Ретимскій, изобилующій виномъ, вывозимымъ въ Англію, затѣмъ шелкомъ, зерновымъ хлѣбомъ и деревяннымъ масломъ. Жители этого округа большею частью искусные стрѣлки и храбрые воины, но благодаря угнетенію нобилей очень подозрительны (644).

Наконецъ, крайнюю западную часть острова Крита составляетъ округъ Канейскій, изобилующій виномъ и масломъ. Населеніе этого округа не испытываетъ де столь сильнаго гнета, какъ индѣ, но по временамъ и оно оглашаетъ воздухъ безконечными воплями (645).

Интересно, что, по сообщенію критскаго дуки Талеопетра, на островѣ Критѣ еще въ 1561 г. были мѣстности, совершенно не подчиненныя правительству, не допускавшія въ свою среду ни помѣщиковъ, ни кастеляновъ, ни другихъ чиновниковъ, а пребывавшія въ необузданной свободѣ (647), какъ нѣкоторые клефтскіе притоны въ гре-

ческихъ горахъ Турціи. Въ 1568 г. совѣтъ X возложилъ на критскія власти принятіе мѣръ для обузданія насилій и грабежей, производимыхъ сфакіотами (043). По донесенію же Фоскарини въ 1577 г., многіе критяне, вынувшіе жребій на службу на галерахъ, убѣгали въ горы или выставляли замѣстителей съ платою по 15—20 дукатовъ каждому (561).

Расходы на укрѣпленіе замковъ покрывались то обязательными, то добровольными складками мѣстныхъ жителей. Такъ въ 1532 г. критскіе владѣльцы феодовъ израсходовали 24,000 дукатовъ на укрѣпленія города Кандіи и обязаны были собрать для этой цѣли еще 6000 дукатовъ (605).

Не смотря на все это, венеціанское правительство относилось очень небрежно къ своимъ правительственнымъ обязанностямъ на островѣ Критѣ. Изъ донесеній его собственныхъ сановниковъ мы узнаемъ, что управленіе велось здѣсь самымъ неудовлетворительнымъ образомъ. Бывшій критскій дука Гритти въ донесеніи сенату 1555 г. самъ удостовѣряетъ, что портъ города Кандіи въ теченіе шести лѣтъ не былъ очищаемъ, а замокъ надъ нимъ очень нуждался въ ремонтѣ (стр. 605). По свидѣтельству же бывшаго дуки Крита Талеапетры въ 1561 г., прибрежныя мѣстности острова, вслѣдствіе отсутствія крейсеровъ, до того страдали отъ пиратовъ, что жители явно выражали свое недовольство венеціанскимъ управленіемъ и предпочтеніе къ турецкому, доставлявшему большую безопасность. По этой причинѣ Талеапетра предложилъ правительству сторожить и лѣтомъ этотъ островъ посредствомъ флотиліи изъ четырехъ галеръ (560). Чины городской полиціи, которыхъ, напримѣръ, въ гор. Кандіи въ 1561 г. было 80, вмѣсто охраны общественной безопасности караулили одно казначейство, да составляли свиту капитана (647).

Не удивительно, что критяне были недовольны этимъ узко фискальнымъ, небрежнымъ и пристрастнымъ управленіемъ и не переставали протестовать противъ него на словахъ и на дѣлѣ. Такъ въ 1490 г. критская депутація принесла сенату жалобу на злоупотребленія властей, назначаемыхъ центральнымъ правительствомъ и его органами на островѣ Критѣ (06). Въ 1494 году совѣтъ X сдѣлалъ выговоръ критскому правительству за то, что оно цѣлый годъ не выплачивало жалованья критскимъ артиллеристамъ, служившимъ въ Наполи-ди-Романія (606). Въ 1582 г. сфакіоты ходили въ Константинополь жаловаться на притѣсненія венеціанскихъ чиновниковъ и своихъ помѣщиковъ и просить помощи (643).

Сами венеціанскіе синдики 1566 года признавали необходимымъ произвести на островѣ Критѣ цѣлый рядъ реформъ, для устраненія безпорядковъ и злоупотребленій въ мѣстномъ управленіи, а именно: переформировать совершенно разстроенную мѣстную кавалерію, покарать грабежи и злоупотребленія венеціанскихъ капитановъ и кастеляновъ, воспретить помѣщикамъ закупку у париковъ по произвольной цѣнѣ ихъ полевыхъ сборовъ и другіе виды вымогательства и притѣсненія крестьянъ, регулировать цѣны для закупки у поселянъ купцами хлѣба на корню и т. п. (624). Синдикъ Базадона признавалъ сверхъ того необходимымъ возвращеніе поселянамъ ихъ древней свободы, но считалъ ректоровъ неспособными къ проведенію этой реформы, ибо они были окружены мелкими чиновниками, зависимыми отъ помѣщиковъ, а потому не допускавшими челобитчиковъ къ ректорамъ (624). Вмѣстѣ съ тѣмъ синдики требовали безусловнаго воспрещенія административнымъ органамъ вести торговлю (647).

Всѣ эти совѣты и проекты оставались однако „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“, не смотря на грозное memento mori въ 1571 г. въ видѣ утраты острова Кипра. Не удивительно, что въ критическія минуты венеціанцы не могли расчитывать не только на самоотверженность, но даже на вѣрность критянъ. Въ 1664 г. правительство признало даже необходимымъ замѣнить въ критскихъ гарнизонахъ солдатъ мѣстнаго происхожденіями пришлыми (145). Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдовавшая вслѣдъ затѣмъ утрата острова Крита въ значительной степени обусловлена была предпочтеніемъ, какое оказывали критяне игу турецкому передъ венеціанскимъ.

XVIII.

Не менѣе важныхъ данныхъ находимъ мы въ сборникѣ г. Ламанскаго и для характеристики экономическо-общественнаго положенія острова Кипра въ XVI вѣкѣ.

Такъ изъ донесенія кипрскаго совѣтника Заие (Zane) отъ 1559 г. мы узнаемъ, что въ то время было на островѣ Кипрѣ, по приблизительному разчету, до 170,000 душъ населенія, которое раздѣлялось на три класса: а) бароновъ, феодальныхъ владѣльцевъ, кавалеровъ, нобилей, б) купцовъ и мѣщанъ и в) поселянъ (622). Кипрская знать состояла изъ выходцевъ греческихъ (изъ Константинополя), французскихъ, испанскихъ, италіанскихъ; она сохраняла обычаи франкскіе, выдѣляла себя отъ ненавистныхъ грековъ подъ именемъ кипріотовъ

и была очень предана венеціанскому правительству (629). Въ сословіи кипрскихъ феодальныхъ владѣльцевъ дѣйствовалъ законъ первородства, по которому старшій сынъ наслѣдовалъ всѣ помѣстья и доходы съ нихъ, тогда какъ остальныя дѣти должны были содержаться государственной службой, пособіями отъ венеціанскаго правительства (66 человѣкъ получали ежегодно по 50 дукатовъ), а равно разными почетными должностями. Маіоратные владѣльцы, хотя получали до 100,000 дукатовъ въ годъ дохода [1]), однако были большею частію въ долгахъ вслѣдствіе мотовства. Они обязаны были поставлять за свои помѣстья по 2, 3, 4 стратіота (кавалериста), но обыкновенно уклонялись отъ исполненія этой повинности, такъ что на смотрѣ оказывалось всего 103 такихъ стратіотовъ, тогда какъ при прежнихъ королахъ они поставляли-де отъ 500 до 800 всадниковъ (623—624). Упадокъ мѣстной кавалеріи объясняется и тѣмъ, что между кипрскими нобилями распространился обычай ѣздить на мулахъ, что, по мнѣнію Зане, слѣдовало бы воспретить [2]), какъ въ Испаніи и индѣ, тѣмъ болѣе, что на островѣ Кипрѣ имѣется очень хорошая порода лошадей, цѣною по 300 дукатовъ и больше. Сверхъ того желательно бы де запретить ихъ вывозъ съ острова, какъ это сдѣлано въ Неаполѣ, Тунисѣ и Турціи (624).

Кипрскіе горожане, по сообщеніямъ того же Зане, раздѣлялись тогда на а) купцовъ и б) разночинцевъ (popolari). Первые составляли классъ не многочисленный, но денежный, такъ какъ имущество ихъ состояло въ капиталахъ, а не землѣ. Что касается разночинцевъ, то они были отчасти туземцы, отчасти же переселенцы съ востока: тѣ занимались пряжей, тканіемъ сукна, бархата и т. п. и были очень бѣдны; эти же (армяне, копты и др.) посредничали въ торговлѣ Кипра шелкомъ и иными статьями съ Сиріей, Караманіей и прочими восточными странами (623). Кипрскіе, наконецъ, поселяне подраздѣлялись на свободныхъ и париковъ; послѣдніе обязаны были обрабатывать землю своихъ патроновъ и нести разныя другія денежныя и натуральныя повинности въ ихъ пользу (622).

По мнѣнію Зане, кипрская парикія установлена была не венеціан-

---

[1]) По свидѣтельству Дуодо (Duodo), въ 1561 г. между кипрскими баронами были такіе, которые получали по 3000—4000 дукатовъ дохода (619).

[2]) То же совѣтовалъ правительству и кипрскій дука С. Михаель въ 1550 г., въ видахъ охраны кипрской породы лошадей, какъ матеріала для кавалеріи (стр. 616).



скимъ правительствомъ или кипрскими королями, а въ силу добровольнаго обязательства, принятаго на себя жителями острова еще тогда, когда за 1300 лѣтъ передъ тѣмъ киприоты просили въ Константинополѣ защиты отъ пиратовъ и получили ее въ видѣ кавалерійскаго отряда (stratia) и извѣстнаго числа знатныхъ людей, съ дукой во главѣ, для управленія островомъ. Въ замѣнъ того поселяне приняли-де на себя обязанности париковъ, а горожане—извѣстные денежные налоги (622). Впослѣдствіи впрочемъ, съ разрѣшенія венеціанскаго правительства, многіе парики выкупились, съ уплатою по 50 дукатовъ за каждаго (623).

Въ іерархическомъ отношеніи островъ Кипръ подчиняется-де 12 епископамъ, изъ коихъ 4 италіанца, 4 грека для живущихъ по греческому обряду (alla greca) и 4 восточника для коптовъ, армянъ, якобитовъ и маронитовъ, съ немногими несторіанами и индіанами (indiani). Во главѣ этого духовенства стоитъ де архіепископъ Никосійскій, носящій титулъ папскаго легата (629).

На островѣ Кипрѣ засѣвалось тогда, по Зане, ежегодно 200,000 мѣръ (moza) пшеницы, 200,000 ячменя, а сверхъ того хлопчатникъ (gottoni), сахарный тростникъ (zucchari) и разныя плодовыя деревья, которыя однако сильно страдали отъ саранчи, топора и мирта (624). Природа острова Кипра особенно благопріятствуетъ-де росту озимыхъ посѣвовъ, если только передъ сѣвбой почва можетъ быть орошена рѣчной водою за скудостію дождевой. И яровые хлѣба растутъ де здѣсь превосходно при достаточномъ орошеніи. Вообще, доходы этого королевства главнѣйше зависятъ де отъ воды (625).

Для правильнаго фискальнаго обложенія кипріотовъ, по мнѣнію Зане, необходимо каждые пять лѣтъ производить перепись плодовыхъ деревъ, скотины, годныхъ къ службѣ людей; на дѣлѣ же это производилось иногда черезъ 10, 15, 20, 30 лѣтъ (626).

Хотя венеціанскому правительству принадлежала половина земли на островѣ Кипрѣ, однако оно получало съ него, по свѣдѣніямъ Зане, не болѣе 70,000 дукатовъ въ годъ, тогда какъ частные владѣльцы получали со своей половины 150—200 тысячъ дукатовъ и болѣе [1]). Если же засѣять всю годную для хлѣбопашества почву на островѣ Кипрѣ, примѣрно до 300,000 мѣръ пшеницы, то можно бы

[1]) Нѣсколько позже Селиму II предложена была извѣстнымъ евреемъ Іосифомъ Наси († 1579 г.) 200—250 тысячъ дукатовъ аренды съ острова Кипра (*Іонфъ* у *Ersch* und *Gruber*, Encyclopedie, 86 т. стр. 171).

де собрать ея до 2.500,000 мѣръ, считая самъ 8, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ получается самъ 15 и даже самъ 30. Такъ какъ для собственнаго продовольствія острова Кипра считалось достаточнымъ отъ 800,000 до 1 милліона мѣръ пшеницы, то весьма значительное ея количество могло бы идти на вывозъ въ Венецію (628). Что касается деревяннаго масла, то по Зане одинъ карпасскій (Carpasso) округъ могъ бы производить его на весь островъ Кипръ, а пожалуй и на часть Венеціи, ибо тамъ имѣются де цѣлые лѣса маслинъ (629).

Глубокій упадокъ острова Кипра подъ венеціанскимъ управленіемъ констатированъ самимъ Зане, который съ удивленіемъ и грустью напоминаетъ то время, когда Кипрскіе короли имѣли флотилію изъ ста и болѣе кораблей, брали Александрію и многіе другіе города Египта и Сиріи, когда кипрскіе матросы импонировали даже Александру Македонскому. При Зане островъ Кипръ не имѣлъ ни одной своей галеры, хотя онъ и обладалъ еще довольно многочисленнымъ торговымъ флотомъ, который поддерживалъ сношенія съ Египтомъ, Сиріей, Караманіей, Анатоліей и другими землями (563). Охрана острова возложена была тогда на двѣ венеціанскія галеры и 600 кавалеристовъ [1]). Впослѣдствіи число галеръ было увеличено до 4, съ придачей двухъ фрегатовъ. Что касается названныхъ кавалеристовъ (стратіотовъ), то, получая очень недостаточное жалованье (по 18 дукатовъ въ годъ, да по 30 мѣръ земли), они принуждены были усердно заниматься хлѣбопашествомъ и очень не охотно оставляли свои полевыя работы для исполненія полицейскихъ обязанностей. Оттого-то островъ Кипръ не имѣлъ должной охраны, особенно отъ пиратовъ (616).

Изъ напечатанныхъ въ сборникѣ г. Ламанскаго выписокъ изъ официальныхъ документовъ о кипрскихъ парикахъ (014—033) мы видимъ, что первоначально венеціанское правительство всячески покровительствовало помѣщикамъ въ ихъ отношеніяхъ къ оброчникамъ; но позже изъ опасенія турокъ все болѣе склонялось на сторону послѣднихъ, хотя до полной ихъ эманципаціи оно додумалось лишь наканунѣ завоеванія острова турками. Такъ въ 1494 г. совѣтъ X призналъ кипрскихъ париковъ главною оброчною статьею острова Кипра, выразилъ недовольствіе на то, что многіе помѣщики освобождали своихъ париковъ за плату 40, 30, 25 и менѣе дукатовъ съ

[1]) По *Цинкейзену* II, 926, правильная охрана острова Кипра въ 1570 году состояла изъ 2000 пѣхотинцевъ и 1000 кавалеристовъ.

душ, и запретилъ это на будущее время безъ особаго разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ совѣта X (014).

Съ цѣлью лишить париковъ собственной организаціи, запрещено было затѣмъ поставлять въ деревнѣ болѣе 1—2 судей или присяжныхъ изъ поселянъ, а равно болѣе 1—3 поповъ (015). Никосійская Свято-Софійская церковь лишена была стараго права признавать свободными подкинутыхъ въ ея ограду дѣтей, если послѣ торжественнаго оглашенія въ церкви о подкидышѣ окажется, что онъ происходитъ отъ париковъ (015).

Въ 1506 г. совѣтъ X опять поставилъ на видъ властямъ о. Кипра, что парики составляютъ главный источникъ доходовъ съ государственныхъ имуществъ, и что вообще съ париковъ получается двѣ трети доходовъ казны съ этого острова (021). На этомъ, конечно, основаніи совѣтъ X отмѣнилъ въ 1507 г. распоряженія кипрскихъ властей о порядкѣ освобожденія париковъ и возвратилъ освобожденныхъ въ прежнее рабство (022). Первый случай болѣе благопріятнаго взгляда правительства на этихъ париковъ мы встрѣчаемъ въ 1516 г., когда венеціанскому ректору предоставлено было освобождать ежегодно до 200 париковъ изъ общаго числа (26,000—27,000 въ казенныхъ деревняхъ острова), за плату не менѣе 50 дук. съ каждаго. Это распоряженіе вызвано было частымъ побѣгомъ париковъ на о. Родосъ, съ цѣлью освободиться отъ рабскаго состоянія (023). Въ 1552 году совѣтъ X приказалъ кипрскимъ властямъ обратить серьезное вниманіе на положеніе париковъ, которые были тогда доведены разными вымогательствами и жестокостями до такого отчаянія, что одинъ изъ нихъ рѣшился въ Константинополѣ на самоубійство, изъ опасенія попасть въ прежнее рабство (024).

Однако дѣйствительныхъ мѣръ для улучшенія положенія кипрскихъ париковъ не было принято, ибо и въ 1561 г. Дуодо доносилъ своему правительству о истязаніяхъ париковъ помѣщиками, которые при малѣйшемъ ослушаніи заковываютъ де ихъ въ кандалы и держатъ въ нихъ по 4, 6, 8 дней (025).

Не удивительно, что кипріоты въ томъ же 1561 году обращались къ султану съ просьбою о занятіи ихъ острова (025) и что они бунтовали противъ Венеціи, напримѣръ, въ 1566 г. по случаю недостатка хлѣба (029). Сношенія кипріотовъ съ турками казались венеціанскому правительству столь опасными, что Дуодо, въ своемъ донесеніи 1561 г., предложилъ пресѣчь вывозъ изъ о. Кипра соколовъ на султанскую охоту, чтобы лишить турокъ благовиднаго предлога

посѣщать островъ Кипръ (619). Въ 1568 году совѣтъ X приказалъ схватить на островѣ Кипрѣ тѣхъ христіанъ, евреевъ и кипріотовъ-потурченцевъ, которые, по доносу изъ Константинополя, находились въ предательскихъ сношеніяхъ съ турками (031). Въ 1570 году венеціанское правительство получило отъ константинопольскаго баила донесеніе отъ 12-го января, въ которомъ сообщалось о прибытіи въ Константинополь нѣкоего Изепо (Isepo), доставившаго турецкому адмиралу подробнѣйшія свѣдѣнія объ о. Кипрѣ, а равно о томъ, что когда при обсужденіи въ турецкомъ военномъ совѣтѣ похода на этотъ островъ указано было на общее желаніе мѣстныхъ поселянъ получить отъ турокъ свободу, то Изепо сослался на вѣроятность освобожденія передъ войною париковъ самимъ венеціанскимъ правительствомъ, которое въ такомъ случаѣ могло бы найдти въ мѣстномъ христіанскомъ населеніи содѣйствіе противъ турокъ (033—034). И дѣйствительно, въ виду этой войны совѣтъ X въ засѣданіи 15-го февраля 1570 г. единогласно опредѣлилъ внушить кипрскимъ нобилямъ, что для спасенія острова они должны даровать крайне недовольнымъ своимъ положеніемъ парикамъ свободу или по крайней мѣрѣ какія-нибудь уступки и права. То же предписано было ректору сдѣлать въ казенной части острова, со ссылкою на Господа Бога, которому такая мѣра будетъ де угодна (032).

Но было уже поздно! Столѣтнія угнетенія не забываются въ одинъ день, особенно если новый поворотъ происходитъ подъ давленіемъ необходимости, которая можетъ миновать, а съ нею и филантропизмъ кулаковъ. Парики перешли на сторону турокъ и не мало облегчили имъ въ 1571 г. завоеваніе острова.

XIX.

Сверхъ острововъ Крита и Кипра, имѣются въ сборникѣ г. Ламанскаго матеріалы для характеристики положенія въ XV—XVI вѣкахъ и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе значительныхъ острововъ Архипелага и Іоническаго моря.

Изъ донесенія, напримѣръ, одного канейскаго совѣтника въ 1563 г. мы узнаемъ, что подчиненные туркамъ мелкіе острова Архипелага (Киклады) управляемы были въ то время тремя способами: одни управлялись сами собой, платя лишь дань (харачъ) султану и не вѣдая иныхъ господъ: въ такомъ положеніи находились два-три малонаселенные островка; другіе имѣли особыхъ владѣтелей, платив-

шихъ дань султану, какъ Кеа (Zia), Сифносъ (Sifano), Андросъ (Andre); третьи наконецъ подчинены были дукѣ наксосскому (Nixia), который носилъ титулъ „duca di Archipelago“ и по званію считался первымъ дукой христіанства (il primo duca di christianità). Онъ владѣлъ 16-ю островами, изъ коихъ важнѣйшіе были: Наксосъ, Санторини (Santherini), Милосъ, Сира (Sira) и Паросъ. Дука получалъ съ нихъ 9,000—10,000 дук. дохода, съ котораго выплачивалъ султану дани 4,000 дук. Онъ происходилъ изъ фамиліи Креспа (у Цинкейзена Crispo II, 224, 773) и былъ тогда уже дряхлый 70-тилѣтній старикъ. Хотя онъ носилъ довольно пышный титулъ, но на дѣлѣ во всемъ исполнялъ волю султана и его пашей, на взятки которымъ издерживалъ бо́льшую часть своихъ доходовъ. Жилъ онъ очень бѣдно и жалко: это была скорѣе тѣнь дука, хотя по природѣ Іоаннъ III Криспо былъ очень честолюбивъ (654). Онъ умеръ годъ спустя (1564 г.), послѣ очень продолжительнаго княженія (съ 1518 г. См. Hopf у Ersch u. Gruber Encycl. т. 86, стр. 166, 171). Его наслѣдникъ Яковъ IV прокняжилъ лишь два года (1564—1566, ib. 171) и былъ затѣмъ засаженъ въ семибашенный замокъ въ Константинополѣ. Послѣднимъ наксосскимъ дукой былъ вышепоименованный уже португальскій еврей Іосифъ Наси († 1579 г. ib. 172).

Одинъ изъ кикладскихъ острововъ, Тиносъ (Tine), принадлежалъ и въ XVI вѣкѣ Венеціи. По словамъ того же канейскаго совѣтника, это былъ самый красивый, богатый и населенный изъ острововъ Архипелага, за исключеніемъ Хіоса, который по значенію и богатствамъ далеко оставилъ за собою всѣ сосѣдніе острова. По срединѣ о. Тиноса находился замокъ, расположенный въ столь сильной и защищенной мѣстности, что могъ бы считаться тогда неприступнымъ, еслибы достроена была незначительная недостающая часть вала (cortina, 651). Окружность о. Тиноса измѣрялась въ 60 миль (итальянскихъ). Число жителей простиралось до 9,000, изъ коихъ значительная часть говорила по итальянски и придерживалась латинскаго обряда, что̀ не могло не казаться самому совѣтнику удивительнымъ въ мѣстности, расположенной чуть не въ срединѣ греческой территоріи. И въ другихъ отношеніяхъ тиносцы мало отличались отъ итальянцевъ. Людей, годныхъ къ службѣ (gente da fatti, utl), насчитывалось на о. Тиносѣ до 2,000. Они были столь храбры, что пиратскія фусты рѣдко осмѣливались приставать къ берегамъ этого острова. А между тѣмъ во внутреннихъ сношеніяхъ эти бравые люди были такъ спокойны, что и старики не могли запомнить между

ними смертоубійства: даже до драки дѣло доходило лишь въ рѣдкихъ случаяхъ! Канейскій совѣтникъ признавалъ тиносцевъ образцовыми подданными Венеціи [1]), заслуживающими величайшаго вниманія со стороны послѣдней, какъ залогъ успѣховъ на отдаленномъ и почти утраченномъ ею тогда Архипелагѣ (652). Сверхъ того о. Тиносъ считался единственнымъ убѣжищемъ рабовъ, уходившихъ изъ пиратскихъ фустъ и галеръ. Ежегодно сюда спасались сотни бѣглыхъ невольниковъ (652) [2]).

Особенное значеніе для Венеціи о. Тиноса опредѣлялось и его расположеніемъ между четырьмя воротами или дорогами, по одной изъ коихъ непремѣнно долженъ былъ пройдти турецкій флотъ, направляясь изъ Архипелага на западъ. Понятно, что съ о. Тиноса этотъ флотъ немедленно могъ быть открытъ. По мнѣнію совѣтника, имѣя на этомъ островѣ одинъ фрегатъ, правительство всегда можетъ получать на о. Кандіи самыя свѣжія новости (653) [3]), тѣмъ болѣе, что отъ о. Тиноса всего 70 миль до о. Хіоса, гдѣ сосредоточивались тогда всѣ новости изъ Константинополя (ib.). Частныхъ барокъ тиносцы не держали изъ опасенія, что онѣ будутъ захвачены пиратами (ib.). Однако на этомъ островѣ было много людей, обязанныхъ матросской службой за пользованіе казенною землею (ib.).

Наксосскій дука (Іоаннъ III) имѣлъ большую охоту занять о. Тиносъ и не переставалъ убѣждать его жителей въ преимуществахъ его подданныхъ передъ венеціанцами относительно закупки хлѣба, выкупа невольниковъ и т. п. По мнѣнію совѣтника, это должно служить венеціанцамъ еще однимъ мотивомъ къ самому дружелюбному обращенію съ тиносцами, ибо въ случаѣ измѣны ихъ не помогли бы де республикѣ ни замокъ, ни нѣсколько десятковъ венеціанскихъ солдатъ. А между тѣмъ тиносская цитадель единственная де на всемъ Архипелагѣ и можетъ быть названа ключемъ всего этого моря (655).

При всемъ томъ о. Тиносъ находился тогда (1563 г.) въ довольно плачевномъ положеніи. Уже 30 лѣтъ на немъ не было синдиковъ, которые могли бы выслушать жалобы мѣстнаго населенія.

[1]) То же удостовѣряетъ Фоскарини въ 1577 г. (642).

[2]) Фоскарини свидѣтельствуетъ, что тиносцы, не взирая на разрѣшеніе, принимали бѣглыхъ изъ Турціи невольниковъ (642).

[3]) Фоскарини также признаетъ о. Тиносъ и Чериго источниками самыхъ частыхъ и вѣрныхъ свѣдѣній изъ Мореи и Константинополя (642).



Главная бѣда заключалась, по словамъ совѣтника, въ слѣдующемъ. О. Тиносъ былъ раздѣленъ въ экономическомъ отношеніи на двѣ части: одна изъ нихъ давно уже была уступлена совѣтомъ X знатной венеціанской фамиліи Лоредановъ, которая потомъ перепродала ее мѣстнымъ горожанамъ Скутони (Scutoni); другая же принадлежала непосредственно синьоріи. Доходъ послѣдней отъ засѣваемыхъ на ней бобовъ, ячменя, пшеницы и иныхъ зерновыхъ хлѣбовъ, а равно отъ культуры виноградниковъ, простирался до 800 дук. въ годъ, при сходныхъ цѣнахъ. По закону, эта вторая половина земли должна была отдаваться въ аренду съ торговъ, съ тѣмъ, чтобы изъ ея доходовъ выплачиваемо было жалованье ректору и прочимъ чиновникамъ на островѣ. На дѣлѣ однако ректоры забрали эту землю въ свое пользованіе за самую ничтожную арендную плату. И такъ какъ на о. Тиносѣ производилось хлѣба едва на полъ-года (657), то ректоры имѣли возможность продавать свой хлѣбъ по самымъ безбожнымъ цѣнамъ (658). Сверхъ того, тиносцы очень тяготились десятиной (zemoro) въ натурѣ за обрабатываемыя ими земли и предпочитали выплачивать ее деньгами, что, по мнѣнію совѣтника, было бы выгодно и для правительства, убыточно же единственно ректорамъ-торгашамъ (658). Нѣкоторымъ извиненіемъ послѣднихъ служило впрочемъ то, что они получали очень малое жалованье, всего 7 дук. въ мѣсяцъ (659).

Справедливость сообщеній канейскаго совѣтника подтверждается, между прочимъ, жалобою тиносцевъ венеціанскому сенату 1518 года, въ которой они заявляютъ, что со времени подчиненія республикѣ постоянно страдаютъ отъ злоупотребленій ректоровъ и совсѣмъ обѣднѣли (08). Ректоры захватили де въ свои руки торговлю, разоряя тѣмъ жителей (09); они присвоили де себѣ право назначать кастеляновъ, баиловъ, писарей и констаблей въ пожизненную службу, вмѣсто того, чтобы по стародавнему обычаю назначать ихъ на годичный лишь срокъ (ib.); они пользуются-де для своихъ частныхъ услугъ чинами мѣстной стражи (guardia, 010). А между тѣмъ жалобы на злоупотребленія ректоровъ очень затруднены де отдаленностію острова Тиноса не только отъ Венеціи, но и отъ Кандіи, отстоящей на 300 миль (ib.).

И изъ данныхъ, сообщенныхъ Фоскарини въ 1577 году, мы видимъ, что островъ Тиносъ не особенно благоденствовалъ подъ венеціанскимъ управленіемъ. Даже число его жителей въ періодъ вре-

мени отъ 1563 по 1577 годъ ниспало съ 9,000 до 5,785, между которыми годныхъ въ государственную службу было всего 1,653, вмѣсто 2,000 въ 1563 году (642, ср. 652).

XX.

Въ томъ же донесеніи канейскаго совѣтника въ 1563 году, изъ котораго заимствована большая часть вышеприведенныхъ данныхъ объ островѣ Тиносѣ, имѣются довольно обстоятельныя свѣдѣнія и объ островѣ Чериго (Kythira).

Островъ этотъ, читаемъ мы здѣсь, лежитъ у входа въ Архипелагъ, въ 70—80 миляхъ отъ Крита и вблизи Мореи. Отсюда открывается де прекраснѣйшій видъ на весь Левантъ. Съ мыса святаго Георгія можно де видѣть всѣ корабли, входящіе въ Архипелагъ или выходящіе изъ него. Ни одна фуста, ни одна пиратская барка не можетъ де пройдти здѣсь днемъ незамѣченною. Съ другаго мыса острова Чериго видны де всѣ корабли, идущіе съ запада въ направленіи къ острову Криту или обратно (660). Вотъ почему островъ Чериго можетъ де быть названъ маякомъ или окомъ острова Крита, безъ котораго послѣдній не могъ бы имѣть никакихъ свѣдѣній о движеніяхъ турецкаго флота. Съ острова Чериго можно де сосчитать всѣ проплывающіе паруса и въ одну ночь сообщить о нихъ острову Криту. Въ прошлую войну (1538—39 годовъ) венеціанскій флотъ былъ де однажды спасенъ единственно благодаря своевременному сообщенію съ острова Чериго о движеніяхъ турецкой эскадры (661).

Островъ Чериго имѣетъ де 65 миль въ окружности и послѣ опустошеній войны (1538 — 1539 годовъ) на немъ насчитывается едва 3,000 жителей, изъ коихъ всего 600 годны къ службѣ (661).

Земля на островѣ Чериго раздѣляется де на двѣ части: $^{11}|_{24}$ принадлежитъ синьоріи; а $^{13}|_{24}$ фамиліи Веніеровъ. Съ казенной части получается де въ годъ до 500 дукатовъ, которые издерживаются на управленіе, съ придачей еще 2,600 дукатовъ въ годъ изъ критскихъ доходовъ на содержаніе военнаго отряда (661—662).

На островѣ Чериго имѣется де крѣпостца, расположенная на горѣ, въ одной милѣ отъ морскаго берега. Она имѣетъ 340 шаговъ въ окружности. Несмотря на сильную позицію, крѣпостца эта не можетъ де считаться вполнѣ надежной, ибо надъ нею господствуютъ двѣ сосѣднія горы. Подъ замкомъ находится де портъ, который могъ бы вмѣстить вполнѣ безопасно до ста кораблей (662), еслибы взо-

рвать часть сосѣдней скалы и затопить съ моря одну галеру (664) Устройство этого порта было бы де очень полезно для венеціанскаго военнаго флота, который въ настоящее время не имѣетъ де на протяженіи 500 миль отъ Канеи до Корфу надежнаго убѣжища. Да и для торговыхъ кораблей это было бы де очень важно, ибо теперь въ случаѣ бури они не имѣютъ де убѣжища отъ Канеи до Занте, такъ какъ портъ св. Николая Влемонскаго на томъ же островѣ Чериго не по пути идущимъ кораблямъ и не безопасенъ отъ корсаровъ. При существованіи хорошаго порта островъ Чериго сталъ бы де болѣе населеннымъ и получилъ бы такое же торговое значеніе, какъ островъ Закинѳъ, ибо островъ Чериго очень близокъ къ торговымъ городамъ Мореи: Наполи-ди-Романія, Миссинѣ, Мальвазіи (662—663). Крѣпостца на островѣ Чериго лишена де самыхъ существенныхъ предметовъ—хлѣба и воды. Вообще, этотъ островъ страдаетъ де отъ голодовки: такъ въ 1562 году мѣстная морская стража лишь съ трудомъ могла де удержать жителей отъ бѣгства съ семействами въ Турцію для пропитанія. Чтобы предохранить жителей отъ такихъ кризисовъ, необходимо де устроить на островѣ Чериго хлѣбный магазинъ по крайней мѣрѣ въ 500 мѣръ (stara) пшеницы (664).

Еслибы непріятель захватилъ островъ Чериго, то съ какими-нибудь четырьмя галерами онъ могъ бы пресѣчь всѣ мореходныя сношенія Венеціи съ Архипелагомъ и Критомъ. Турки уже оцѣнили де важность этого пункта. Это тѣмъ опаснѣе, что разстояніе острова Чериго отъ Мореи очень невелико: всего 18 миль, въ одномъ же мѣстѣ—лишь 8 миль, то-есть, полдня пути (665).

Въ прошлую турецкую войну (1538—1539 годахъ) былъ-де разрушенъ замокъ св. Димитрія, послѣ чего пиратъ Гавріилъ Рансъ, явившись съ 38 фустами, увелъ въ неволю 6,000 жителей, сдавшихся ему безъ сопротивленія. Оставшіеся жители этой части острова изъ страха отъ пиратовъ спятъ де лѣтомъ въ лѣсахъ. Необходимо де возстановить въ этой мѣстности замокъ для прикрытія жителей, но не на прежнемъ мѣстѣ, а миль на семь отъ моря, въ Селери (Seleri), гдѣ имѣется и вода, и камень, при чемъ въ расходахъ сооруженія, конечно, примутъ де участіе и Веньеры. Тогда многія семейства, убѣжавшія въ Турцію, возвратятся де въ отечество (667). Вмѣстѣ съ этимъ возрастутъ де и доходы съ острова Чериго, состоящіе въ третинѣ сборовъ съ земли: теперь ея получается де не болѣе 1,500 мѣръ (misure) пшеницы, а можетъ получаться до 6,000 мѣръ (667).

Напрасно де держитъ Венеція на островѣ Чериго кавалерійскій отрядъ въ 20 человѣкъ: они стоятъ до 800 дукатовъ въ годъ и не приносятъ ни малѣйшей пользы, ибо ѣзда на лошадяхъ почти невозможна на этомъ гористомъ, каменистомъ и изрѣзанномъ ущельями островѣ. Достаточно де держать тутъ 100—150 стрѣлковъ (archibusieri). Съ тѣхъ поръ, какъ ихъ завели, не слышно-де болѣе о причаливаніи пиратскихъ фустъ (668).

Лѣтъ 14 спустя, въ 1577 году, судя по отчету Фоскарини, положеніе этого „фонаря Архипелага" (lanterna dell' Archipelago, 641) не измѣнилось къ лучшему: вмѣсто 3,000 жителей мы находимъ здѣсь лишь 2,405 душъ, изъ коихъ 792 признавались годными къ службѣ (utili, ib.). Не смотря на то, жители все еще оставались вѣрны Венеціи (ib.).

XXI.

Переходимъ къ островамъ Іоническаго моря: Закинѳу или Занте, Кефалоніи, Корфу.

По донесенію синдиковъ 1576 года, островъ Закинѳъ имѣетъ 60 миль въ окружности. Треть этого острова занята была тогда виноградниками и оливковыми рощами, хлѣбопашество же находилось въ упадкѣ. Многія прекрасныя равнины были пустынны по недостатку орошенія. Предпочтеніе жителей къ винодѣлію (изюмъ) объясняется де тѣмъ, что оно доставляло большій доходъ, именно 25—30 дукатовъ съ такого участка земли, который подъ пшеницею давалъ едва 3—4 дукатовъ (648). На островѣ Закинѳѣ насчитывалось тогда до 18,000 обрабатываемыхъ участковъ земли (campi, che si colteuano), изъ коихъ 10,400 были засѣваемы хлѣбными злаками, 1,200 находились подъ культурой изюма и 5,800 были посвящены собственно винодѣлію (ib.). Жителей тутъ было до 8,800 душъ; между ними 3,200 признавались годными къ службѣ (da fatti). Къ этому слѣдуетъ еще прибавить 6,100 жителей въ городѣ съ замкомъ, въ томъ числѣ 2,000 годныхъ къ службѣ (ib.).

На островѣ Закинѳѣ правительство набирало стрѣлковъ для своей арміи. Такъ въ 1543 году сенатъ велѣлъ губернатору навербовать изъ закинѳянъ 400 стрѣлковъ (archibusieri) въ возрастѣ отъ 16 до 40 лѣтъ (553). Годились закинѳяне и въ кавалеристы, какъ видно изъ приказа въ 1514 году произвести наборъ стратіотовъ въ Наполи-ди-Романія, Закинѳѣ, Кефалоніи и индѣ (554).

Разстройство въ финансовомъ управленіи острова Закинеа видно изъ донесенія его губернатора Контарини въ 1502 году. „У меня надрывается сердце", говоритъ онъ,—„отъ ежедневныхъ воплей у моего забора и воротъ: денегъ, денегъ, г. губернаторъ" (608)! Вопли эти издаваемы были голодавшими служилими Венеціи, которымъ жалованье по цѣлымъ мѣсяцамъ не было выплачиваемо за неприсылкой денегъ.

Не смотря на все это, закинеяне, по свидѣтельству—быть можетъ нѣсколько оптимистическому—губернатора Паскваліго въ 1608 году были очень преданы Венеціи. Если же горожане нерѣдко совершали преступленія, то это происходило, по его словамъ, отъ близости острова Закинеа къ турецкому материку, гдѣ его жители находили-де радушный пріемъ, особенно благодаря своему искусству въ сушеніи изюма, составлявшаго прежде спеціальность іоническихъ острововъ, но теперь изготовляемаго де и въ Мореѣ, даже турками (650).

Изъ іоническихъ острововъ, Кефалонія, по донесенію тѣхъ же синдиковъ 1576 года, отстоитъ отъ Закинеа на 12 миль и имѣетъ 160 миль въ окружности. На немъ насчитывалось тогда до 202 поселковъ (ville d'ogni sorta). Не смотря на гористую и каменистую почву, островъ этотъ былъ очень плодороденъ и могъ бы доставлять хлѣбъ даже на вывозъ. Населенія насчитывалось тутъ 19,000, въ томъ числѣ 4,300 годныхъ къ службѣ: остальные были женщины, дѣти, старики. Хлѣба здѣсь производилось до 70,000 мѣръ (stara), вина 800 бочекъ (botte), изюма 400 мѣръ (miara!), деревяннаго масла 300 бочекъ, сыра 150 мѣръ (miara); сверхъ того получались тутъ ленъ, медъ, манна, хлопчатникъ и множество различнаго скота. Казна получала съ этого острова до 11,000 дукатовъ въ годъ; обыкновенныхъ расходовъ по управленію было 8,000 дукатовъ, остальное обращалось на расходы экстраординарные (649).

Въ отношеніи нравственномъ кефалонцы не пользовались, кажется, особеннымъ довѣріемъ Венеціи. Брагадинъ, напримѣръ, жалуется въ своемъ донесеніи 1620 г. на ихъ высокомѣріе и гордость, достигавшія нерѣдко такихъ размѣровъ, что скорѣе напоминали мятежъ, чѣмъ послушаніе властямъ. Вообще же кефалонцы отличаются-де языкомъ собачьимъ и кусливымъ (lingua canina e mordace, 651).

Но первое мѣсто между іоническими островами занималъ тогда о. Корфу. По исчисленію синдиковъ 1576 г., онъ имѣетъ 90 миль въ окружности. На немъ находилось тогда 78 поселковъ (ville) съ

9970 душъ населенія, въ томъ числѣ 2936 годныхъ къ службѣ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить жителей города Корфу, въ кремлѣ (fortezza) котораго жило 250 ч. (не считая гарнизона), въ томъ числѣ 78 годныхъ къ службѣ, въ предмѣстьяхъ же—7,300 ч., изъ коихъ 2229 считались годными къ службѣ. Слѣдовательно, на о. Корфу было тогда 17,517 ч. населенія, въ числѣ которыхъ 5243 годились къ службѣ (da fatti, 649).

О. Корфу имѣетъ-де равнинный характеръ; лишь кой-гдѣ встрѣчаются скалистыя мѣстности. Почва плодородна и урожаи были бы де очень обильны—при хорошей обработкѣ земли. Къ сожалѣнію, по скудости жителей большая часть земли не обрабатывается де, почему и хлѣба мѣстнаго производства хватаетъ-де едва на четверть года: остальное количество ввозится съ материка, бо́льшею частью изъ Турціи, а отчасти и изъ Апуліи (649). За то о. Корфу производитъ де много вина, даже на вывозъ. Деревяннаго масла тутъ получается до 6000 бочекъ въ годъ. Несмотря на недостатокъ хлѣба, на о. Корфу разводится де много скота (Ib.). Благодаря близости отъ материка—всего 12 миль—, оттуда ежедневно приплываютъ многія барки (Ib.). На о. Корфу содержится-де отрядъ изъ 500 пѣхотинцевъ; но они плохо обучены, ибо венеціанскіе офицеры мало свѣдущи въ военномъ дѣлѣ (Ib.). Корфіоты, подобно закинѳянамъ и кефалонцамъ, кажутся-де очень вѣрными синьоріи, ибо никогда (?) не имѣли другаго государя (Ib.).

Нѣсколько скептичнѣе отнесся къ корфіотамъ губернаторъ Паскваліго въ своемъ донесеніи 1608 г. По его наблюденіямъ, корфіоты-горожане хоть бѣдны, но горды; никогда не присоединяются де они къ свитѣ ректора и въ его дворецъ являются лишь по дѣламъ. Свое высокомѣріе они основываютъ де на важности своей крѣпости и на разныхъ привилегіяхъ отъ венеціанскаго правительства (650).

Наблюденіе Паскваліго подтверждаются и донесеніемъ Веньера въ 1624 г. По его словамъ, корфіоты находятся въ самомъ тѣсномъ единеніи между собою. Съ властями они говорятъ де съ такой свободой, что нельзя не подивиться. Вообще же, по природѣ они лукавы де очень смѣтливы; они слѣдятъ за самомалѣйшими дѣйствіями своихъ общественныхъ представителей, и при малѣйшемъ нарушеніи своихъ правъ, корфіоты немедленно подымаютъ шумъ, грозятъ послами, открытіемъ взятокъ или иныхъ грѣшковъ властей предержащихъ и большею частью успѣваютъ запугать ихъ этими способами. Въ настоящее время они довольно де зажиточны. Наиболѣе вліятельные

ихъ люди живутъ не по деревнямъ, а въ городѣ, въ совершенной праздности. При каждомъ удобномъ случаѣ они созываютъ де соборики (conclave) старшинъ (primati) и передаютъ ихъ рѣшенія правительственному совѣту, который бо́льшею части утверждаетъ эти рѣшенія (650). Недовѣрчивое отношеніе корфіотовъ къ венеціанской администраціи вполнѣ оправдывалось, конечно, ея эксплоататорскимъ духомъ. Это подтверждаетъ и жалоба корфіотовъ сенату въ 1547 г. на бремя налоговъ (angarie), благодаря которому бѣжавшіе на островъ Корфу изъ Турціи греческіе невольники предпочли де возвратиться въ неволю, лишь бы избавиться отъ этихъ налоговъ (013)!

Вообще, положеніе грековъ какъ Архипелага, такъ и Іоническихъ островокъ въ XVI вѣкѣ значительно ухудшилось. Они обѣднѣли отъ денежнаго гнета венеціанскихъ чиновниковъ и постоянныхъ нападеній пиратовъ берберійскихъ, левантскихъ, тосканскихъ, мальтійскихъ, мессинскихъ, албанскихъ и славянскихъ (592). Венеціанскій сенатъ очень хорошо зналъ объ этомъ упадкѣ греческихъ владѣній республики, но не хотѣлъ или не могъ отказаться отъ рутинной системы управленія, пуще всего опасаясь нововведеній. Да едва ли впрочемъ Венеція и желала искренно нравственнаго и матеріальнаго подъема греческихъ подданныхъ. Эксплоатація ихъ все же содѣйствовала обогащенію членовъ венеціанской олигархіи и избавляла казну отъ лишнихъ затратъ на эти области. Лишь наканунѣ турецкихъ войнъ и для предупрежденія бунтовъ греческаго населенія принимаемы были нѣкоторыя мѣры для его успокоенія (597); по минованіи же опасности все возвращалось въ обычную колею.

Не удивительно, что греки ненавидѣли Венецію и, по словамъ фратра Феликса Фабри, были главною причиною передачи туркамъ чуть не всей Греціи (792). Но при этомъ греки руководились, по его же словамъ, не одними экономическими, но и нѣкоторыми нравственными соображеніями, особенно ненавистью къ римско-католической церкви: Invidia maxima contra ecclesiam romanam exardescunt Graeci, quare etiam Turcis totam quasi Graeciam tradiderunt, se et provinciam perdentes propter ecclesiam latinam (ib). Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію тогдашняго состоянія Греческой церкви, на основаніи изданныхъ В. И. Ламанскимъ документальныхъ данныхъ.

XXII.

Разорванные издавна на нѣсколько частей въ политическомъ отношеніи, греки не были лишены извѣстнаго національнаго единства,

общественной организаціи и духовнаго средоточія: они имѣли національную церковь, которая въ тѣ начальные вѣка греческой исторіи замѣняла имъ до извѣстной степени и государство, и школу, и литературу. Глава этой церкви, патріархъ Константинопольскій, былъ общепризнаннымъ представителемъ всего греческаго племени. Въ этомъ отношеніи грекъ Григорій Малакса, написавшій въ 1570 г. очень замѣчательную записку о причинахъ недовѣрія грековъ къ латинянамъ и ихъ преданности туркамъ (083 сл.), былъ совершенно правъ, когда называлъ въ ней патріарха главою греческой націи: capo di tutta la nation greca (088). Понятно, что венеціанское правительство, озабоченное возможно скорой романизаціей грековъ какъ въ религіозномъ, такъ и въ національномъ отношеніи, не могло не видѣть въ патріархѣ своего главнаго и опаснѣйшаго противника въ греческихъ областяхъ. Въ 1461 г. совѣтъ X прямо заявилъ, что считаетъ его приверженцевъ на островѣ Критѣ друзьями и благопріятелями султана (048). Въ 1466 г. тотъ же совѣтъ велѣлъ удалить изъ острова Крита отца и братьевъ Цареградскаго патріарха и запретилъ сношенія съ нимъ византійскихъ подданныхъ (052). Въ 1486 г. Десять выразили свое неудовольствіе навпактскому губернатору за допущеніе въ его округъ патріарха и предписали, въ случаѣ вторичнаго прибытія послѣдняго, удалить его подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ (054).

Столь же недовѣрчиво относилась Венеція и къ митрополитамъ греческимъ. Въ 1559 г. баилъ Кавалли донесъ своему правительству изъ Константинополя, что, по сообщенію наксосскаго дуки, греческій митрополитъ Θеофанъ (Theone) явно возбуждаетъ грековъ противъ франковъ, говоря, что не годится столь многочисленнымъ и мужественнымъ грекамъ, къ позору ихъ религіи, подчиняться столь малочисленнымъ франкамъ (065).

Особенно подозрительна была синьорія къ ускользающимъ отъ ея наблюденія и вліянія греческимъ епископамъ въ Турціи, почему совѣтъ X запретилъ даже въ 1509 г. допускать къ совершенію требъ на островъ Критъ тѣхъ поповъ (papates), которые были рукоположены въ турецкихъ владѣніяхъ, подъ угрозою немедленнаго изгнанія. Съ тѣмъ вмѣстѣ критскимъ властямъ предписано было наблюдать, чтобы „попы“ не особенно размножались на островѣ (059).

Изъ послѣдняго видно, что низшее греческое духовенство внушало большой страхъ республикѣ. Венеціанцамъ не нравилось уже то обстоятельство, что, по сообщенію Суріано (Suriano) въ 1583 г., на

всемъ Левантѣ не было ни одного „попа" изъ сербовъ или какой другой народности, а все греки (573). О высокомъ вліяніи „поповъ" свидѣтельствуетъ Фоскарини въ донесеніи 1577 г.: по его словамъ, жители Крита питали величайшее уваженіе къ своимъ попамъ, не смотря на поборы послѣднихъ. Болѣе того, онъ называетъ „поповъ" обладателями воли тѣхъ народовъ (pappates sono padroni della volontà de quei popoli, 635).

О враждебномъ къ Венеціи настроеніи греческихъ „поповъ" заявляетъ самъ совѣтъ X въ приказѣ кипрскому правительству 1487 г.: „православные попы (pappates non catholici) всегда были главными виновниками, попустителями и покровителями всѣхъ возстаній противъ республики" (055). Они считались зачинщиками и ретимскаго бунта 1461 г. (045), за исключеніемъ впрочемъ одного попа, Іоанна Лима, донесшаго объ этомъ заговорѣ правительству и за то получившаго въ 1463 г. наслѣдственную въ мужской линіи пенсію въ 1,000 перперовъ (050).

Фоскарини въ донесеніи 1577 г. съ грустью вспоминаетъ о добромъ старомъ времени, когда правительство не разрѣшало держать въ поселкѣ (per casale) болѣе одного или двухъ поповъ, при чемъ всѣ кандидаты священства подвергались еще предварительному испытанію въ Венеціи у (латинскаго) епископа, при участіи каноников и съ разрѣшенія критскаго дуки (635), что впослѣдствіи было-де отмѣнено или само вышло изъ обычая (ib.).

Дѣйствительно, въ тотъ періодъ времени, на который ссылается Фоскарини, венеціанское правительство не особенно стѣснялось въ преслѣдованіи греческихъ „поповъ". Въ 1461 г., напримѣръ, совѣтъ X велѣлъ изгнать изъ о. Крита протопопа Петра Занхаропуло за сношенія съ цареградскимъ патріархомъ и нерасположеніе къ латинству и Венеціи (045—048); тогда же предписано было изгнать поселившихся на о. Критѣ греческихъ бѣглецовъ изъ Константинополя и Мореи, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званія, въ особенности же „поповъ" и монаховъ греческихъ (046). Подобные перебѣжчики греческіе были тогда терпимы правительствомъ лишь на о. Корфу и мѣстностяхъ, расположенныхъ поближе къ Венеціи (047). Впрочемъ, въ 1462 г. совѣтъ X предписалъ изгнать и изъ о. Корфу греческихъ поповъ, бѣжавшихъ туда изъ Константинополя и Мореи за послѣдніе десять лѣтъ (049). Вѣроятно, это вызвало сильный протестъ со стороны корфіотовъ, такъ какъ въ слѣдующемъ 1463 году совѣтъ высказался передъ папскимъ легатомъ противъ введенія ка-

кихъ-либо новшествъ въ отношеніи къ греческимъ попамъ и монахамъ на о. Корфу, признавая это опаснымъ съ политической точки зрѣнія (051).

Съ наибольшею энергіей дѣйствовала Венеція противъ греческой церкви на о. Критѣ. Въ 1461 г. совѣтъ X прямо выразилъ его властямъ свое желаніе, чтобы на этомъ островѣ богослуженіе совершалось лишь по латинскому обряду и чтобы коварный и схизматическій обрядъ греческій былъ по возможности искорененъ: nos... facere vellemus, ut in tota ista insula nostra catholice officiaretur, et perfidus ac schismaticus ritus Graecorum, ut fieri posset, extirparetur (048).

Положимъ, на о. Критѣ могли дѣйствовать въ этомъ случаѣ и политическія соображенія; но что, какъ не слѣпой латинскій фанатизмъ, побуждало республику воспрещать греческое богослуженіе въ стѣнахъ самой Венеціи? А это мы видимъ, напримѣръ, въ указѣ совѣта X 1416 г., коимъ воспрещено было греческому попу Арсенію служить по греческому обряду хотя бы въ частномъ лишь домѣ въ Венеціи, подъ угрозою пятилѣтняго изгнанія его, какъ и всякаго другаго грека, который осмѣлился бы это сдѣлать (043). Указъ этотъ повторенъ былъ въ 1430 г. въ примѣненіи къ двумъ греческимъ попамъ, которые однако не вполнѣ ему повиновались, такъ что попъ Михаилъ изъ Негропонта дѣйствительно подвергся пятилѣтнему изгнанію (ib.). Въ 1479 г. совѣтъ X отказалъ въ разрѣшеніи соорудить въ Венеціи греческую церковь хотя бы съ уніатскимъ (?) обрядомъ (secundum latinum ritum), мотивируя этотъ отказъ тѣмъ, что 4/5 этихъ грековъ схизматики и потому не хотятъ посѣщать латинскихъ костеловъ, а равно тѣмъ, что періодически повторяющееся сборище 400—500 венеціанскихъ грековъ въ одномъ мѣстѣ было бы не безопасно для республики (053). Лишь въ 1511 г., подъ давленіемъ тяжелыхъ политическихъ обстоятельствъ, принужденъ былъ совѣтъ X разрѣшить по просьбѣ греческихъ страціотовъ республики, покупку въ Венеціи мѣста и постройку на немъ греческой церкви св. Георгія для богослуженія по греческому обряду, вмѣсто очень тѣсной часовни св. Власія. По словамъ просителей, въ часовнѣ этой латинское и греческое богослуженіе были до того перемѣшаны, что Господь Богъ не могъ де и услышать ихъ молитвъ (062).

Между тѣмъ желаніе венеціанскаго правительства обратить грековъ въ папизмъ или по крайней мѣрѣ въ унію лишь очень медленно приближалось къ исполненію. Оно успѣло, правда, создать для



грековъ латинскую іерархію, именовавъ, по соглашенію съ папою, многочисленныхъ латинскихъ епископовъ для греческихъ островов, съ подчиненіемъ ихъ либо венеціанскому патріарху, либо особому латино-цареградскому патріарху (in partibus infidelium), между которыми нерѣдко возникали пререканія изъ-за грековъ (051, 057). Нѣкоторая часть греческаго клира и міра формально приняла унію, но въ душѣ они питали глубокую ненависть къ папизму. По сообщенію Фоскарини изъ о. Крита въ 1577 г., завѣщанная кардиналомъ Виссаріономъ Петраркою сумма, для ежегодной раздачи 300 дук. 16 греческимъ попамъ-уніатамъ, была дѣйствительно раздаваема, но получавшіе ее попы на самомъ дѣлѣ и понятія де не имѣли о римскомъ католицизмѣ (635). Въ томъ же донесеніи Фоскарини жалуется на упорство грековъ-кандіотовъ въ своемъ церковномъ обрядѣ, сообщая между прочимъ, что они считали анаѳематизованными тѣ церкви, въ которыхъ совершена была латинская месса. Въ гор. Канеѣ исконная ненависть грековъ къ франкамъ возгорѣлась де съ новой силой съ тѣхъ поръ, какъ мѣстный губернаторъ велѣлъ бить грековъ, не ставшихъ на колѣни во время выноса въ великую пятницу литинской монстранціи въ уличной процессіи. Греки жаловались де на это своему патріарху и успокоились лишь тогда, когда имъ было объявлено, что они могутъ и впредь оставаться при своемъ церковномъ обрядѣ (635). Адмиралъ Суріано въ донесеніи 1583 г. сообщаетъ, что, по словамъ венеціанскихъ капитановъ, въ Греціи невозможно было найдти въ городѣ латинскаго капитана (573) и что грека никакъ нельзя довести до согласія исповѣдываться у латинскаго ксендза (ib.)!

Но всего краснорѣчивѣе изображена преданность грековъ православію и отвращеніе отъ папизма въ запискѣ грека Малаксы, поданной венеціанскому правительству въ 1570 г. „Нѣтъ въ мірѣ народа, говоритъ онъ, столь усерднаго къ своей религіи, какъ греки; ничего они такъ не страшатся, какъ необходимости оставить обряды греческіе и принять латинскіе, въ случаѣ подчиненія какому либо христіанскому государю" (083). Зная, что Венеція очень предана римской церкви, греки опасаются де потерять подъ ея господствомъ свои обряды и перейдти на латинскіе; а между тѣмъ можно де навѣрное утверждать, что скорѣе они согласятся умереть, чѣмъ измѣнить своей религіи. Вотъ почему де по занятіи Андреемъ Доріо Мореи высшее греческое духовевство бѣжало въ Константинополь и убѣждало народъ помогать туркамъ, а не венеціанцамъ (085).

Въ этомъ случаѣ греческіе іерархи ни мало не заблуждались на счетъ преимущества ига турецкаго передъ венеціанскимъ. Подтвержденіемъ можетъ служить донесеніе венеціанскаго баила Кавалли изъ Филиппополя въ 1558 г., въ которомъ сообщается между прочимъ, что султанъ, по внушенію пашей, разрѣшилъ сербскому патріарху (въ Печѣ?) взимать за требоисправленіе не только съ грековъ (православныхъ), но и съ латинянъ (папистовъ), которыхъ въ его епархіи насчитывается до 4,000, на сумму до 1,500 цехиновъ въ годъ, вслѣдствіе чего всѣ эти бѣдняки-папищаки должны будутъ перейдти въ православіе (064).

Съ половины XVI в. венеціанское правительство замѣтивъ предпочтеніе грековъ къ туркамъ и опасность народныхъ волненій, особенно въ военное время, начало хотя по виду сдерживать фанатизмъ латинскаго духовенства и ретивость его въ совращеніи грековъ въ папизмъ прямо или черезъ унію. Всего раньше сознано было это требованіе государственной безопасности въ отношеніи къ кипріотамъ. Въ 1547 г. совѣтъ X предписалъ своимъ властямъ на о. Кипрѣ воспротивиться новшествамъ, вводимымъ латинскими епископами, для предупрежденія возникающаго отсюда соблазна между греками. Вмѣстѣ съ тѣмъ викарію Кипрскаго архіепископа внушено было воздерживаться впредь отъ именованія грековъ въ публичныхъ актахъ „мерзкими еретиками, потоптавшими святой крестъ, отрекшимися отъ вѣры и поработившими себя діаволу“ (063). Въ 1565 г. совѣтъ X постановилъ не настаивать на о. Кипрѣ на прочтеніи греческими епископами въ ихъ церквахъ опредѣленій Тридентскаго собора, такъ какъ это вызываетъ протесты (065). Года черезъ два (1567) аналогичное распоряженіе было сдѣлано и относительно епископа солійскаго (di Solia), при чемъ обращено было вниманіе на то обстоятельство, что хотя греческая церковь во многомъ отлична отъ римской, однако она была де терпима старыми венеціанцами, которые предоставили грекамъ въ венеціанскихъ владѣніяхъ жить по ихъ собственнымъ обрядамъ, не исключая даже гор. Венеціи. Отъ нарушенія этихъ обрядовъ могутъ де произойдти большіе соблазны (066). Въ слѣдующемъ 1568 г. совѣтъ X предписалъ своему послу въ Римѣ заявить папѣ, что на всемъ востокѣ возникло бы сильное волненіе, еслибы сдѣлана была попытка измѣнить исконные обряды греческой церкви, которые терпѣлись прежде и папами, и святыми соборами, особенно тридентскимъ. Это волненіе было бы де очень опасно при нынѣшнихъ турецкихъ смутахъ (068). Около того же времени (1569 г.)

венеціанское правительство внушило критскимъ властямъ не заводить никакихъ новшествъ въ греческой церкви, которая можетъ де оставаться въ венеціанскихъ владѣніяхъ при своихъ обрядахъ и старыхъ убѣжденіяхъ (069). То же предписано было тогда и властямъ о. Корфу, при чемъ тамошнему латинскому архіепископу запрещено было вмѣшиваться въ дѣла тѣхъ грековъ, которые не признаютъ уніи и съ давнихъ временъ пользуются правомъ жить въ венеціанскихъ владѣніяхъ по своимъ обрядамъ (1Ђ).

Источникомъ такой вѣротерпимости были, конечно, политическія замѣшательства того времени на востокѣ, приведшія къ турецкой войнѣ и къ утратѣ Венеціей о. Кипра въ 1571 г. Это событіе было грознымъ memento mori и для прочихъ венеціанскихъ владѣній на греческихъ водахъ. Потерявъ Кипръ, республика тѣмъ сильнѣе стала дорожить о. Критомъ и для сохраненія его должна была во многомъ измѣнить свою традиціонную политику въ отношеніи греческой церкви.

Въ 1573 г. совѣтъ X строжайше запретилъ латинскому епископу въ г. Канеѣ вводить какія-либо новшества, направленныя противъ греческой церкви (071). Въ 1576 г. критскимъ властямъ предписано было устранить причины такихъ народныхъ волненій, какъ произошедшее въ гор. Канеѣ, вслѣдствіе отказа грековъ колѣнопреклоняться передъ латинскими монстранціями на уличныхъ процессіяхъ (073). Въ 1578 г. тѣмъ же властямъ внушено не мѣшать грекамъ въ исполненіи ихъ религіозныхъ обрядовъ, ибо синьорія сообщила де уже и папѣ, и Тридентскому собору о необходимости терпѣть обряды греческой церкви въ видахъ сохраненія венеціанскихъ владѣній на Востокѣ (074).

Въ 1596 г. правительство заставило одного латинскаго проповѣдника въ гор. Венеціи, въ костелѣ свв. Іоанна и Павла, заявить публично съ каѳедры, что онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить грековъ въ предшествовавшей проповѣди, поставивъ ихъ на одну доску съ лютеранами и прочими врагами католической вѣры (076).

Съ того критическаго въ лѣтописяхъ Венеціи 1570 года измѣнились отношенія республики и къ Цареградскому патріарху. По совѣту вышеназваннаго Григорія Малаксы, венеціанское правительство отправило патріарху секретное письмо съ просьбою поддержать своимъ вліяніемъ республику въ войнѣ съ султаномъ, обѣщая въ такомъ случаѣ сохранить въ новопріобрѣтенной странѣ всѣ обряды и древнія установленія греческой церкви, а равно власть надъ нею патріарха

и поставленныхъ имъ митрополитовъ. Для бо́льшаго обезпеченія патріарха, обязательства въ отношеніи къ нему республики формулированы были въ документѣ, отправленномъ на руки Московскаго царя (del serenissimo imperator di Moscovia, 077), котораго участіе въ войнѣ, по просьбѣ патріарха, было бы де очень желательно (077).

Въ самомъ дѣлѣ, по внушенію патріарха или по другимъ побужденіямъ многіе греки приняли тогда сторону республики и жестоко поплатились потомъ за это: такъ Патраскій митрополитъ Германъ съ племянникомъ были въ куски изрублены турками; архіепископъ родосскій съ двумя знатными греками города, а равно митрополитъ Наксосскій посажены были на колъ; архіепископъ Метелинскій казненъ вмѣстѣ съ четырьмя священниками: одному мальвазійскому архіепископу, поднявшему противъ турокъ 25,000 майносцевъ въ Мореѣ, удалось бѣжать въ Италію вмѣстѣ съ братомъ, гдѣ республика назначила имъ пенсію по 500 дук. первому и 200 дук. второму (088—089). Архіепископъ этотъ (Макарій) умеръ въ Италіи въ 1585 г., а оставшіеся майносцы были жестоко наказаны турками за сочувствіе франкамъ (Гопфъ у Ersch und Gruber Encycl. т. 86, стр. 173).

Въ 1572 г. совѣтъ X вновь сообщилъ патріарху Цареградскому о своемъ расположеніи къ „благороднѣйшей и любезнѣйшей“ націи греческой и о необходимости поднять ее противъ турецкаго ига (083). Замѣчательно, что почти въ то же время (1573 г.) предписано было критскимъ властямъ утопить или инымъ секретнымъ способомъ спровадить того греческаго попа, который убѣждалъ критянъ держаться своей вѣры и преданій, въ надеждѣ на спасеніе при помощи турокъ, при чемъ онъ ссылался де на примѣръ острова Кипра (070)...

Въ 1577 г. Фоскарини въ донесеніи изъ острова Крита, указавъ на большой авторитетъ между греками Цареградскаго патріарха, совѣтовалъ расположить его къ республикѣ нѣкоторымъ денежнымъ пособіемъ (636). И дѣйствительно, съ 1578 г. мы находимъ слѣды венеціанскихъ ему подаяній. Такъ въ означенномъ году предписано было баилу сдѣлать патріарху подарокъ не свыше 100 цекиновъ (074). Въ 1581 г. тотъ же баилъ передалъ ему 500 цекиновъ венеціанской милостыни (elemosina), вмѣсто разрѣшенія на сборъ для патріарха приношеній въ греческихъ владѣніяхъ республики (075).

Въ XVII вѣкѣ, вмѣстѣ съ утратой острова Крита и перенесеніемъ центра тяжести колоніальныхъ владѣній республики съ обла-

стей греческихъ на славянскія, въ Венеціи замѣтно усиленіе латинскаго фанатизма, въ связи быть можетъ съ общеевропейскимъ іезуитско-реакціоннымъ направленіемъ этого вѣка. Мы видимъ это, между прочимъ, изъ жалобы, поданной въ 1722 г. святѣйшему синоду греческимъ архимандритомъ Герасимомъ Фокою, который былъ до 1718 г. настоятелемъ греческой церкви въ городѣ Венеціи, но потомъ удаленъ за опущеніе при богослуженіи имени римскаго папы и другія продерзости (092). Въ жалобѣ этой мы читаемъ между прочимъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ ренегатъ Мелетій, митрополитъ Филадельфійскій, съ нѣкоторыми попами перешелъ въ латинство, сенатъ постановилъ, что въ греческой церкви города Венеціи могутъ служить лишь тѣ попы, которые признаютъ латинскіе догматы (значитъ—уніаты). Такіе попы явились, но греки перестали посѣщать свою церковь и скитались, какъ овцы безъ пастыря. Когда я прибылъ въ Венецію изъ отечественнаго своего острова Кефалоніи, они упросили меня взять на себя попеченіе объ ихъ церкви. Я согласился, но перестал поминать папу, сталъ миропомазывать миромъ изъ Цареграда, а не изъ Рима, словомъ, служилъ два года по греческому обряду и всѣ греки собрались вокругъ меня. Тогда попы-уніаты, приверженцы отступника Мелетія, подали на меня доносъ венеціанскому правительству, утверждая, между прочимъ, что я признавалъ блаженными патріарха Фотія и императора Андроника; убѣждалъ при исповѣди отрѣчься отъ латинскихъ заблужденій; отрицалъ непогрѣшимость папы и его власть надъ вселенскими соборами; признавалъ идолопоклонниками тѣхъ, которые называютъ его верховнымъ епископомъ; утверждалъ, что латиняне въ ученіи о Св. Духѣ наклоняются къ ереси Македонія; совратилъ въ греческую церковь одного турка, вопреки венеціанскимъ законамъ и т. п. Доносчики подтвердили всѣ эти обвиненія присягою передъ сенатомъ, послѣ чего я осужденъ на вѣчное изгнаніе" (092—093).

И такъ, унія сдѣлала въ XVII вѣкѣ нѣкоторые успѣхи между греками, особенно въ средѣ духовенства. Быть можетъ, со временемъ она пустила бы корни и между мірянами, но тому помѣшали главнымъ образомъ три обстоятельства: 1) утрата острова Крита и прочихъ владѣній республики на Востокѣ; 2) упадокъ самой Венеціи въ отношеніи политическомъ и экономическомъ, и 3) постепенное усиленіе Москвы, которая освѣжила надежды восточныхъ христіанъ и поддержала ихъ религіозный духъ.

Какъ бы то ни было, греки, подобно западнымъ и южнымъ сла-

вянамъ, обязаны своимъ національнымъ сохраненіемъ главнѣйше своей національной церкви. Она давала организацію народнымъ силамъ и поддерживала духовное общеніе между разорванными географически и политически членами греческаго народнаго тѣла, да и не одного греческаго, а и всего восточно-христіанскаго, или по крайней мѣрѣ греко-славянскаго міра. Единство послѣдняго то сознавалось, то чувствовалось давно и многими. Оно выразилось, между прочимъ, въ титулѣ охридскихъ патріарховъ, напримѣръ, Аѳанасія въ 1595 г.: Аѳанасій, Божіею милостію архіепископъ первой Юстиніаны Охридской, Болгаріи, Сербіи, Албаніи, Валахіи, Литвы, патріархъ Россіи и прочая (500).

При такомъ всемірно-историческомъ значеніи греческой церкви, понятно, почему ее ненавидѣли всѣ представители западной образованности, кромѣ нѣсколькихъ блестящихъ исключеній, въ родѣ Фридриха II (387 сл.), парижскихъ богослововъ XIII вѣка (389), Виклефа (391 сл.), Гуса и его послѣдователей (394 сл.) и немногихъ другихъ противниковъ папства, въ пылу борьбы съ нимъ (385 сл.). Не эти, однако, отрывочные голоса характеризуютъ европейскій взглядъ на греческую церковь, а совокупность явленій западной исторической жизни за тысячелѣтній періодъ существованія латинскаго раскола въ нѣдрахъ христіанства.

Монахъ Фабри былъ почти правъ, утверждая, что для покоренія Западомъ Востока необходимо уничтожить православіе (792): благодареніе Богу, оно уцѣлѣло, а съ нимъ и условія духовной свободы греко-славянскаго міра.

XXIII.

Гораздо меньше находимъ мы въ сборникѣ г. Ламанскаго свѣдѣній объ Албаніи. Да это и понятно: въ XV—XVI вѣкахъ Венеція не имѣла владѣній въ собственной Албаніи. Она пользовалась тогда албанцами какъ матеріаломъ для сухопутныхъ и морскихъ своихъ силъ, и въ этомъ отношеніи очень ими дорожила. Кипрскій намѣстникъ Михаель въ 1550 г., сообщая о грабежахъ и убійствахъ, производимыхъ на островѣ Кипрѣ албанцами-стратіотами въ числѣ 200 человѣкъ, вслѣдствіе неимѣнія средствъ къ жизни за невыдачей имъ жалованья, все-таки признаетъ, что это народъ бравый, почему и необходимо де либо дать имъ приличное содержаніе, либо убрать съ острова Кипра (616). И въ донесеніи синдика А. Джустиніани

въ 1576 г. за албанскими солдатами на островѣ Корфу признается полное преимущество передъ италіанскими (615). Но особенно лестный отзывъ объ албанцахъ-солдатахъ находимъ мы въ донесеніи Ник. Донато въ 1599 г. По его мнѣнію, это лучшіе солдаты для употребленія противъ ускоковъ не только по враждѣ къ послѣднимъ, но и потому, что албанцы прекрасные стрѣлки, смѣлы, очень бдительны на стражѣ, всегда хорошо одѣты и крѣпкаго здоровья; въ болѣзни они обнаруживаютъ де невѣроятное самообладаніе, на войнѣ же идутъ въ огонь безъ оглядки. Правда, они не сохраняютъ порядка въ битвѣ, но вѣдь безпорядокъ и сохраняетъ де характеристику дѣлъ съ ускоками. Трудно только удержать албанцевъ отъ мародерства: изъ-за добычи они покидаютъ и непріятеля, и побѣду. Вообще же, это народъ смышленый, угрюмый и гордый по природѣ, но способный къ дисциплинѣ (549). Національная гордость албанцевъ выразилась и въ томъ, что, по свидѣтельству навплійскаго баила Джустиніано въ 1525 г., многіе изъ нихъ не охотно служили подъ командою не-албанцевъ, тогда какъ греки въ свою очередь не хотѣли де служить подъ албанцами (549). И для флота албанцы представляли прекрасный матеріалъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ губернаторъ острова Корфу Суріано въ 1583 г. въ донесеніи правительству, гдѣ онъ хвалитъ албанцевъ-матросовъ, какъ людей храбрыхъ и надежныхъ, и порицаетъ только ихъ неэкономность, страсть къ картамъ и волокитство, изъ-за чего они часто де голодаютъ, израсходовавъ жалованье на карты и дѣвокъ (565).

Сверхъ сухопутныхъ и морскихъ солдатъ, Албанія поставляла еще пиратовъ. Особенно знамениты были въ этомъ отношеніи тимаріоты (химерцы?). По свидѣтельству Суріано въ 1583 г., они дѣлали много бѣды, нападая въ вооруженныхъ баркахъ на турецкіе корабли и разоряя прибрежныя селенія Албаніи вплодь до Валлоны. Нерѣдко они переплывали де и на островъ Корфу, отъ котораго жили въ разстояніи 40 миль, забирали скотъ, товары, разбивали корабли и барки, за исключеніемъ, однако, собственно корфіотскихъ. Въ 1582 г. тимаріоты, при содѣйствіи нѣкоторыхъ корфіотовъ, ограбили де даже венеціанскій лазаретъ на островѣ Корфу и увезли съ собой много товаровъ и плѣнниковъ (603).

Венеціанское правительство хорошо понимало значеніе албанцевъ, и тогда уже вѣроятно на половину совращенныхъ въ папизмъ и столь многочисленныхъ, что въ 1595 г. признавалось возможнымъ въ три-четыре дня составить въ одной только части Албаніи трид-

цати-тысячный отрядъ (497). Тѣмъ не менѣе Венеція не рѣшалась воспользоваться этою возможностію, опасаясь столкновенія съ Турціею, которая была гораздо сильнѣе республики, особенно въ войнѣ сухопутной. Вотъ почему ея правительство отклонило тогда (1595 г.) предложеніе албанцевъ присоединиться къ Венеціи, если имъ удастся отбиться при ея помощи отъ турокъ (495 сл.). Въ слѣдующемъ (1596) году албанцы, чрезъ посредство ахридскаго архіепископа, вторично выразили Венеціи готовность отложиться къ ней отъ турокъ, при содѣйствіи 2000—3000-наго венеціанскаго отряда, но и на этотъ разъ республика не рѣшилась ломать изъ-за Албаніи миръ съ турками (498). Тогда албанцы вступили въ сношенія съ испанцами (497 сл.) и даже съ папою (497), при чемъ посредниками служили корчульскій епископъ и будванинъ Пелеса (Pelessa). Папа не прочь былъ присоединить къ Священной области сѣверно-албанскіе города: Олгунъ (Dulcigno), Скадръ (Scutari) и друг. (494). Онъ прислалъ даже 500 дук. для раздачи албанскимъ главарямъ, которые условились напасть ночью на турецкій гарнизонъ (20 чел.) въ Скадрѣ, перерѣзать его и затѣмъ передать городъ 300 папскимъ солдатамъ; Олгунъ же предположено было занять съ морской стороны, при содѣйствіи одного подкупленнаго за 300 дук. потурченца (497). Изъ этихъ затѣй ничего не вышло, быть можетъ и потому, что венеціанцы предостерегли во время турокъ, какъ это рѣшено было сдѣлать въ отношеніи къ испанцамъ (495): республика боялась предоставить имъ область столь плодородную, населенную и воинственную (ib.). Такимъ образомъ, западныя державы парализовали свои дѣйствія взаимными интригами въ Албаніи!

Едва ли могли располагать къ нимъ албанцевъ и такія дѣйствія, какъ случившееся вслѣдъ за упомянутыми событіями (въ 1596 г.) прибытіе къ албанскимъ берегамъ неаполитанскихъ кораблей, захватъ ими мѣстныхъ жителей и продажа послѣднихъ въ невольники по 120 дук. за каждаго, несмотря на всѣ ихъ протесты и ссылки на свое христіанство (502).

Вполнѣ основательное недовѣріе албанцевъ къ западнымъ христіанамъ, особенно же къ венеціанцамъ, очень ясно выражено и въ перехваченномъ послѣдними письмѣ изъ Парижа молодаго албанскаго патріота Георгія Владагони (Vladagoni) въ 1647 г. До меня дошелъ слухъ, говоритъ онъ, что албанцы усерднѣйше просятъ у венеціанцевъ оружія, съ цѣлію возстать противъ турокъ и отдаться подъ власть республики; но имъ слѣдовало бы очень этого остере-

гаться, если они не желаютъ наложить на свои шеи еще болѣе тяжелое иго. Албанцы ни за что не должны де вводить венеціанцевъ въ свои города, а наоборотъ, избирать своихъ же людей въ градоначальники и управители. Въ противномъ случаѣ они станутъ де, на подобіе далматинцевъ и прочихъ подданныхъ республики, людьми безъ имени и чести. Италіанцы вѣдь перелукавятъ ихъ (090).

Вѣроятно, такъ думалъ не одинъ Владагони, но всѣ лучшіе люди старой Албаніи, почему страна эта и осталась подъ турками, не смотря на всѣ соблазны и прелести сначала венеціанскаго, а потомъ австрійскаго господства.

XXIV.

Второе за греками мѣсто между инородцами республики занимали впрочемъ не албанцы, а славяне. Число ихъ и въ XVI вѣкѣ было столь значительно въ самой Венеціи, что одна изъ ея улицъ носила уже тогда названіе славянской (Riva dei Schiavoni); и одна венеціанская тюрьма съ 1448 г. называлась славянскою (carcere Slavo, 682). Въ 1574 году при встрѣчѣ въ Венеціи Французскаго короля Генриха III снаряжена была прекрасная и огромная галера съ 400 матросами-славянами (429). Матросы эти набирались, конечно, главнымъ образомъ въ венеціанской Далмаціи, въ которой, по донесенію синдика Ляндо въ 1580 г., насчитывались 60,778 жителей (552). Положимъ, число это очень не велико въ сравненіи съ 400,000 греческихъ жителей острововъ Крита и Кипра; но все таки далматинцы, населявшіе преимущественно важные приморскіе пункты, доставляли не малый контингентъ для сухопутныхъ и морскихъ силъ республики.

Въ числѣ венеціанскихъ владѣній Далмаціи находились болѣе или менѣе значительные города: Задръ, Сплѣтъ, Шибеникъ, Нинъ, Которъ, а также цѣлый архипелагъ острововъ, число которыхъ, по счисленію Геліяна въ 1510 г,, восходило до 300—большихъ и малыхъ (308). Мы видѣли выше, что въ 1513 г. республика снаряжала въ своей Далмаціи съ Кварнерами и Истріей десять галеръ изъ 40 (555). Не удивительно, что государственные люди Венеціи чрезвычайно дорожили далматинскими ея владѣніями, называя ихъ „нервомъ ея силъ“, условіемъ ея морскаго господства, безопасности государства, спасенія Италіи (551).

Торговое и фискальное значеніе Далмаціи всего лучше видно изъ

коммерческихъ оборотовъ хотя бы Сплѣтскаго порта (scala di Spalatro). Портъ этотъ сооруженъ былъ по мысли венеціанскаго еврея Михаила Родигеца (Rodigez) послѣ 1577 г., съ цѣлію отвлечь отъ Дубровника грузы, направляемые по Неретванскому заливу (golfo di Narenta) въ Боснію, Сербію, Македонію, Өракію, Валахію, Молдавію и, наоборотъ, идущіе оттуда въ Италію. Чтобы обезопасить этотъ торговый путь отъ ускоковъ, организовано было правильное караванное сообщеніе Сараева со Сплѣтомъ, гдѣ устроены были обширные таможни, лазареты, магазины, охраняемые городскими стѣнами и сторожевыми башнями. Благодаря этимъ мѣрамъ, въ Сплѣтъ стали направляться караваны даже съ персидскими и индійскими товарами, напримѣръ, шелкомъ, ароматами, коврами, не говоря уже о воскѣ, кожахъ, камлотъ (cambelotti), тканяхъ и т. п., въ обмѣнъ за которые изъ Венеціи вывозились сукна, шелковыя ткани, золотыя и серебряныя издѣлія, сахаръ, стекло и т. п. (513 сл.).

Еще важнѣе для республики былъ живой товаръ, получаемый ею изъ Далмаціи, въ видѣ моряковъ и солдатъ арміи и флота. Далматинцы наполняли военныя венеціанскія галеры; изъ нихъ же набиралась венеціанская пѣхота, ибо далматинцы были хорошіе стрѣлки и имѣли навыкъ ходить по скаламъ, какъ по равнинѣ (551). Николай Донато въ 1599 г. признаетъ далматинцевъ равно годными какъ къ морской, такъ и къ сухопутной военной службѣ, пѣшей и конной, называя ихъ при этомъ прекрасными гребцами, отличными стрѣлками и вообще бравыми малыми (552, ср. 549).

Правительству республики тѣмъ выгоднѣе было набирать своихъ галеотовъ въ Далмаціи, что они и жалованья получали меньше италіанскихъ, именно по три лиры въ мѣсяцъ, вмѣсто пяти лиръ, уплачиваемыхъ тогда галеотамъ изъ самой Венеціи (въ 1524 г. 556). Охотно принимались въ морскую службу и далматинскіе бандиты, получавшіе помилованіе по выслугѣ во флотѣ опредѣленнаго срока (556).

Сверхъ далматинскихъ славянъ, служили въ венеціанскомъ флотѣ и ихъ соплеменники изъ Угріи и Турціи, какъ это видно между прочимъ изъ поименнаго списка 161 матросовъ галеры Дуодо (Duodo), которая въ 1484 г. вмѣстѣ съ капитаномъ передана была непріятелю (557). Въ 1539 г. изданъ былъ указъ сената о наборѣ въ солдаты возможно большаго числа моряковъ, которые въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ перебѣжали изъ Турціи (557). Съ другой стороны, далматинскіе матросы и капитаны служили не въ венеціанскомъ

лишь флотѣ, но и въ испанскомъ, французскомъ, голландскомъ, даже англійскомъ, гдѣ упоминается напримѣръ въ 1553—1554 годахъ капитанъ Иванъ Бериславичъ (552).

Не смотря на всю важность для Венеціи далматинскихъ ея владѣній, республика обращалась съ ними довольно безпощадно и хищнически. Геліанъ имѣлъ основаніе въ своей вышеупомянутой рѣчи къ Угорскому королю и чинамъ его государства въ 1510 г. называть венеціанское управленіе въ Далмаціи „до невѣроятности жестокимъ“ (311). Этимъ объясняется отчасти и постоянное недовольство далматинцевъ венеціанскимъ управленіемъ (436), вызывавшее со стороны синьоріи цѣлый рядъ предохранительныхъ и репрессивныхъ мѣръ, особенно въ періодъ войнъ ея съ Угріей и Турціей (437 сл.).

Очень опаснымъ казалось Венеціи расположеніе далматинскихъ племичей къ Угріи, которая къ тому же присваивала себѣ старыя права на Далмацію, упоминаемыя и въ рѣчи Геліана 1510 г. Онъ говоритъ, что Венеція получила Далмацію лишь во временное владѣніе, какъ залогъ за ссуду ею угорскому королю 30,000 дук. (308). Венеціанцы не отрицали этого факта, но основывали свои права на Далмацію на значительныхъ денежныхъ затратахъ, сдѣланныхъ на нее республикою въ теченіе долголѣтняго въ ней управленія (312). Мотивы такой аннексіи не имѣли однако особенной силы въ глазахъ угорскаго правительства до тѣхъ поръ, пока оно было въ силахъ дѣйствовать наступательно на югѣ, особенно при Матвѣѣ Корвинѣ. Республика слѣдила тогда съ величайшимъ подозрѣніемъ за угорскими агитаціями въ Далмаціи и столь недовѣрчиво относилась къ своимъ далматинскимъ подданнымъ, что въ 1458 г. правительство запретило пускать въ задрскую цитадель кого-либо изъ мѣстныхъ или пришлыхъ гражданъ и гражданокъ далматинскаго или угорскаго происхожденія (170). Тогда же предписано было не принимать въ задрскій гарнизонъ тѣхъ солдатъ, которые родились въ Задрѣ или имѣютъ въ немъ родныхъ, особенно если они славянскаго происхожденія (171). Въ 1466 г. состоялось распоряженіе выслать въ Задръ отрядъ изъ 30 артиллеристовъ, но отнюдь не Славянъ или Угровъ, Нѣмцевъ или Босняковъ, а изъ областей неподозрительныхъ (de terris non suspectis, 180). Въ 1458 году въ Задрѣ воспрещены были всѣ собранія и сходки какъ мѣстныхъ горожанъ, такъ и племичей, безъ разрѣшенія ректора (172). Безъ его вѣдома никто не имѣлъ права отправиться изъ Задра въ

Угрію, Боснію и иныя подозрительныя мѣстности (ib). Въ задрскомъ мужскомъ францисканскомъ монастырѣ воспрещено было въ 1474 и 1476 годахъ поставлять въ провинціалы, пріоры или гвардіаны иностранныхъ подданныхъ (187); въ женскій же задрскій монастырь указомъ 1458 года совершенно прегражденъ былъ доступъ иноземкамъ (173). Тогда же постановлено не назначать въ Задрѣ въ чиновники ни Нѣмцевъ, ни Угровъ, ни Босняковъ (ib); приказано (въ 1459 г.) строжайше охранять городскія ворота въ Задрѣ, Шибеникѣ, Сплѣтѣ и Трогирѣ (174); ректору сплѣтскому внушено (въ 1573 г.) особенно остерегаться поличанъ и клишанъ (182), вѣроятно, въ виду слуховъ о присягѣ поличанъ угорскому королю (186). Въ тѣхъ же видахъ предписано было въ 1473 г. укрѣпить Омишъ (Almissa) и Старый Градъ (186), а въ 1484 г. Вранью (Avrana) и Нинъ (Nona, 192).

Но главнымъ политическимъ орудіемъ венеціанцевъ въ Далмаціи была поддержка розни между властельскимъ и мѣщанскимъ или крестьянскимъ сословіями, развившейся здѣсь давно, по образцу угорскихъ отношеній. Далматинская знать, сложившаяся по типу и при соучастіи знати угорской, всегда тяготѣла къ Угріи, а впослѣдствіи къ Австріи (496). На островѣ Коркѣ произошелъ даже въ 1462 года формальный мятежъ противъ Венеціи въ пользу Угріи нобилей, подъ предводительствомъ Франконановъ, которые были тогда изгнаны съ 20 важнѣйшими сообщиками изъ венеціанскихъ владѣній (194—196). Въ 1480 г. задрскій племичъ Фридрихъ Вертолашичъ (De Bertolatiis) увѣрялъ угорскаго посла въ Римѣ, что задряне и вообще далматинцы не любятъ венеціанскаго господства и что явись къ нимъ угорскій король съ войскомъ, всѣ были бы рады его прибытію и сказали бы: благословенъ грядый во имя Господне (181).

Что задрскій племичъ не имѣлъ права утверждать это о всѣхъ далматинцахъ, а единственно о своемъ сословіи, это видно между прочимъ изъ прошенія корчульскихъ плебеевъ (populares) о назначеніи имъ ректора по избранію венеціанскаго большаго совѣта, а не корчульскихъ племичей, какъ они сами того бы желали (176). Еще нагляднѣе выразилась сословная рознь далматинцевъ въ крестьянскихъ бунтахъ противъ племичей, напримѣръ, въ 1511—1512 гг. на островахъ Фарѣ, Чресѣ, Осорѣ, а равно въ городахъ Шибеникѣ, Задрѣ, Сплѣтѣ (429). Положимъ, въ тѣ тревожные годы сильно палъ въ Далмаціи и венеціанскій авторитетъ, какъ о томъ свидѣтель-

ствуетъ шибеницкій ректоръ Эмиліанъ въ своей жалобѣ сенату 11 августа 1511 г. (443); но быть можетъ, для поддержанія авторитета синьоріи и вызваны были ею возстанія черни противъ далматинской знати. Въ этомъ отношеніи очень характерно выраженіе венеціанскаго посла въ Угріи Паскваличо въ 1602 г.: „самъ Богъ даровалъ Венеціи эти раздоры между далматинскою знатью и плебеями" (430)!

Не лишено вѣроятности предположеніе г. Ламанскаго о политической связи крестьянскихъ бунтовъ въ Далмаціи, съ одной стороны, и Угріи—съ другой, въ десятыхъ годахъ XVI в. (430). Какъ ни странною кажется на первый взглядъ связь олигархической—не только дома, но и на Востокѣ—Венеціи съ демократическими элементами угро-хорватскихъ областей, но подобныя противорѣчія возможны тамъ, гдѣ политики руководятся оппортунизмомъ, а не принципами. Такъ и папство, при всемъ своемъ аристократизмѣ и консерватизмѣ, нерѣдко подаетъ руку самымъ краснымъ революціонерамъ, если надѣется этимъ способомъ повредить какому-либо опасному противнику.

XXV.

Отправляясь въ 1869 году въ Венецію, г. Ламанскій, по его собственнымъ словамъ въ началѣ предисловія, хотѣлъ первоначально сосредочить свое вниманіе на ускокахъ; но потомъ задача его постепенно такъ расширилась, что они остались уже на второмъ или даже третьемъ планѣ.

Первое упоминаніе объ ускокахъ въ сборникѣ находится въ документѣ 1565 г. (74), а послѣдніе — 1621 г. (115), но большая часть свѣдѣній объ нихъ относится къ 1595—1597 годамъ. Мы видимъ здѣсь, что ускокамъ пришлось быть игрушкой въ рукахъ Венеціи, Австріи, Рима и даже Испаніи, какъ это вообще слѣдуетъ сказать о старыхъ хорватахъ и далматинцахъ, за изъятіемъ развѣ дубровчанъ.

Сила ускоковъ заключалась въ постоянномъ приливѣ къ нимъ бѣглецовъ изъ Босніи и Герцеговины, а отчасти и въ содѣйствіи мѣстнаго сербскаго населенія. О содѣйствіи этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и далматинскій губернаторъ Суріано (въ донесеніи своемъ 1583 г.)., объясняя его отчасти страхомъ далматинцевъ передъ ускоками, отчасти же расположеніемъ первыхъ къ послѣднимъ (602).

Отъ соединеннаго дѣйствія обоихъ этихъ мотивовъ ускоки заняли въ Далмаціи такое вліятельное положеніе, что, по словамъ одного венеціанскаго администратора конца XVI вѣка, одинъ ускокъ имѣлъ тутъ болѣе авторитета, чѣмъ всѣ венеціанскіе чиновники (091)!.. То же явствуетъ изъ жалобъ турецкаго посла въ Венеціи 4-го и 15-го февраля 1595 г., въ которыхъ основательно говорится, между прочимъ, что ускоки не могли бы доходить изъ Сеня до Неретвы и Макарски, еслибы на протяженіи 500 (итал.) миль своего перехода черезъ венеціанскія владѣнія они не получали активной или хоть пассивной помощи отъ венеціанскихъ подданныхъ, которые въ торговыхъ интересахъ закрываютъ-де глаза на грабительскіе набѣги ускоковъ и на дѣлежъ ими добычи на островахъ Брачѣ и Гелсѣ (Gelsa, 490). То же подтверждаетъ и подробное описаніе (на 502 стр.) сначала занятія ускоками турецкой крѣпости Клиша, а затѣмъ отобранія ея турками въ 1596 г. Въ обоихъ случаяхъ сплѣтчане оказывали сами дѣятельное содѣйствіе ускокамъ, несмотря на запрещеніе венеціанскаго правительства. Одинъ изъ сплѣтскихъ граждань (Иванъ Альберти) былъ даже комендантомъ этой занятой ускоками крѣпости (502). При осадѣ ея турками, Клишъ держался бы не дольше 40 дней, еслибы въ самую критическую минуту на выручку не явились туда по горнымъ тропинкамъ 600 далматинцевъ съ мѣшками муки и т. п. И потомъ, когда противъ осаждающей турецкой арміи выступилъ, по приказу австрійскаго правительства, хорватскій генералъ Ленковичъ, то главную силу его составляли примкнувшія къ отряду далматинцы (508). Правда, все это не спасло Клиша отъ турокъ, однако свидѣтельствуетъ о родственныхъ связяхъ ускоковъ съ далматинскими сербами. Если тѣмъ не менѣе далматинецъ Найчиновичъ въ запискѣ объ усмиреніи ускоковъ рекомендовалъ (въ 1592 г.) венеціанскому правительству направлять противъ нихъ не албанцевъ, плохо-де владѣющихъ ружьемъ, ни италіанцевъ, не выносящихъ долго морской болѣзни, а именно далматинцевъ и хорватовъ, которые ненавидятъ-де ускоковъ за навлекаемыя ими бѣдствія отъ турокъ (550 сл.); то это слѣдуетъ объяснять не столько враждою между далматинцами и ускоками, сколько, вопервыхъ, извѣстною слѣпою вѣрностію славянъ своему знамени, хотя бы на немъ красовался хищный венеціанскій левъ, и вовторыхъ,—вѣроисповѣднымъ различіемъ между православными большею частію ускоками и латинскими далматинцами и хорватами. Еслибы дѣйствительно Венеціи удалось поселить ненависть къ ускокамъ во всемъ мѣстномъ населеніи, то

едва-ли могли бы они столь долго выдерживать борьбу съ ними республики, веденную и деньгами (74), и убійствомъ изъ-за угла (115), и снаряженіемъ цѣлыхъ экспедицій для разрушенія ускоцкихъ притоновъ въ Сенѣ, Рѣкѣ, Вакрѣ, Винодолѣ, каковы, напр., двѣ экспедиціи энергичнаго венеціанскаго генерала Альмово Тьеполо въ 1595 и 1597 годахъ (490, 492). Какъ ни рѣшительны казались успѣхи первой экспедиціи Тьеполо (490), все же изъ необходимости повторить ее черезъ два года (442) мы можемъ заключать о ея недостаточности для искорененія ускоковъ, поддерживаемыхъ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ.

Но сверхъ этой мѣстной помощи, пользовались по временамъ ускоки услугами и съ другихъ сторонъ. Даромъ, что они вели жизнь пиратовъ, обиравшихъ то одиночныхъ людей (97), то цѣлые корабли —венеціанскіе (501), французскіе, англійскіе (491), или даже цѣлыя области, напр., Неретванскую въ Босніи (491), парализуя торговыя сообщенія странъ западныхъ съ восточными (514). Это не мѣшало нѣкоторымъ христіанскимъ государствамъ поддерживать изподтишка славянскихъ пиратовъ, въ видахъ нанесенія убытковъ то Венеціи, то Турціи. Такъ, Австрія подъ рукой поощряла ускоковъ (492) и покушалась даже для спасенія ихъ на жизнь Альмово Тьеполо (493), который и умеръ, вѣроятно, отъ австрійскаго яда во время сборовъ въ экспедицію противъ ускоковъ въ 1597 году (492). Въ 1595 году испанцы посылали въ Дубровникъ особую баржу для найма въ свой флотъ 200 ускоковъ, съ платою по 7 дукатовъ въ мѣсяцъ каждому (500). Къ ускокамъ убѣгали иной разъ для пиратскихъ похожденій и нѣкоторые знатные италіанцы, какъ напримѣръ, разгульный и задолжалый сынъ одного неаполитанскаго маркиза (Ib.). Но всего замѣчательнѣе, что и папы, напримѣръ, Климентъ VIII въ 1596 г., помогали подчасъ ускокамъ деньгами и совѣтами (502 сл.), при чемъ латинскіе ксендзы становились ихъ руководителями и вдохновителями (512)!

Эти связи съ Австріей, Италіей, Римомъ и погубили впослѣдствіи ускоковъ, переведя ихъ изъ Приморья въ такъ-называемыя Ускоцкія горы, а изъ православія въ папизмъ черезъ унію.

XXVI.

Изрѣдка встрѣчается въ документахъ сборника, а чаще въ этюдахъ г. Ламанскаго, упоминаніе и о послѣднемъ, тогда (въ XV—XVI вѣкахъ) едва замѣтномъ, а съ начала XVIII вѣка уже пер-

венствующемъ факторѣ восточнаго вопроса — Москвѣ. Мы не будемъ приводить здѣсь эти упоминанія, уже собранныя и разсмотрѣнныя въ особой статьѣ г. Лаппы-Данилевскаго, которая была помѣщена на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія въ прошломъ году, и ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями по этому поводу.

Въ одномъ изъ этюдовъ своего сборника (379 сл.) г. Ламанскій подробно разбираетъ взводимыя Западомъ на Россію обвиненія, долженствующія объяснить или даже оправдать его исконную ненависть къ ней, въ родѣ, напримѣръ, русскаго правительственнаго абсолютизма, стремленія овладѣть Чернымъ моремъ, закрѣпощенія народныхъ массъ и т. п. Изъ разсмотрѣнія этихъ обвиненій оказывается, что ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ самой легкой критики. Въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло Западу до русскаго самодержавія, которое ни мало на него не распространяется, а существуетъ для русскаго народа, представляя для него самую національную и наиболѣе соотвѣтствующую историческому возрасту форму правленія? Стремленіе Россіи къ Черному морю не только законно и естественно, но и въ высшей степени благодѣтельно для человѣчества, ибо лишь Россія уничтожила тутъ постыдный торгъ бѣлыми невольниками, который отсюда распространялся въ Константинополь и на все побережье Средиземнаго моря. Что касается закрѣпощенія крестьянъ, то оно явилось въ Россіи позже, чѣмъ въ западной Европѣ, и въ настоящее время уничтожено „по манію царя", такъ что, по справедливому замѣчанію г. Ламанскаго, теперешнее положеніе крестьянства русскаго, благодаря общинѣ и надѣлу бывшихъ крѣпостныхъ землею, значительно лучше западнаго, напримѣръ, англійскаго.

Причина вражды Запада къ Россіи коренится, значитъ, не въ этомъ, а въ чемъ-то другомъ, именно въ различіи, а отчасти и противоположности религіознаго, политическаго, экономическаго и общественнаго строя міра греко-славянскаго, съ одной стороны, а латино-нѣмецкаго, съ другой. Это культурное различіе обусловило ихъ тысячелѣтній антагонизмъ, составляющій содержаніе и смыслъ и самаго восточнаго вопроса. Въ этой великой борьбѣ главную роль пришлось играть съ восточной стороны греко-славянской церкви (384 слл.), а впослѣдствіи—Русскому государству. Въ этомъ и заключается главнѣйше всемірно-историческое значеніе первой и втораго.

Оставляя теперь книгу, которая своими документами и изслѣдованіями открываетъ возможность освѣтить столько темныхъ прежде

точекъ въ исторіи восточнаго вопроса, мы пожелаемъ автору счастливаго продолженія его блестящихъ разысканій въ этой области со стороны какъ фактической, такъ и выводной, оставаясь въ увѣренности, что впредь и „руки" его будутъ „яковли", какъ „голосъ".

А. Будиловичъ.

Новое изслѣдованіе о славянской миѳологіи.

А. С. Фаминцынъ. Божества древнихъ Славянъ. Выпускъ I. С.-Петербургъ. 1884 г.

Изъ предисловія мы узнаемъ, что г. Фаминцынъ поставилъ себѣ задачей изслѣдовать вопросъ о пѣснопѣніи древнихъ языческихъ славянъ и занимается этою задачей уже нѣсколько лѣтъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью „подмѣтить общія черты (въ пѣсняхъ и напѣвахъ славянъ), отыскать и выдѣлить изъ массы пѣсенъ, нынѣ распѣваемыхъ народомъ въ разныхъ концахъ Славянскихъ земель, тѣ изъ нихъ, въ которыхъ уцѣлѣли такія черты, очистить тексты и напѣвы ихъ отъ присущихъ имъ чуждыхъ, постороннихъ составныхъ частей, отъ наслоеній позднѣйшихъ временъ, и, извлекши, отпрепаровавъ, такъ сказать, изъ этихъ текстовъ и напѣвовъ основные, общеславянскіе ихъ элементы, по возможности, возстановить, возсоздать изъ нихъ, хотя приблизительно, типъ древнѣйшей, общеславянской народной пѣсни" (стр. 2).

Чтобы рѣшить эту любопытную задачу, автору пришлось ознакомиться съ религіознымъ міровоззрѣніемъ славянъ, въ виду того, что „большинство древнѣйшихъ, сохранившихся до нашего времени, пѣсенъ принадлежатъ къ числу обрядныхъ, которыя находятся, разумѣется, въ тѣснѣйшей связи съ унаслѣдованными народомъ изъ глубокой старины религіозными вѣрованіями и обрядами". Плодомъ занятій автора славянскою миѳологіей было то, что онъ добылъ, по его словамъ, желанный ключъ къ уразумѣнію религіознаго міросозерцанія славянина-язычника, а слѣдовательно и ключъ къ уразумѣнію древне-славянской пѣсни. На открытіе этого ключа г. Фаминцына навело поразившее его заклинаніе симбирскаго искателя клада: „Матушка, красное солнце! Матушка святая вода! Покажи рабу Божію поклажу!" „Въ этомъ словѣ", говоритъ авторъ,—„простолюдинъ выразилъ основное положеніе, основную мысль религіознаго сознанія всего много-

милліоннаго славянства и даже всего арійскаго племени вообще". Очевидно, этотъ ключъ подходитъ ко многимъ дверямъ и не только славянскимъ и арійскимъ, но и многихъ другихъ племенъ. Культъ неба, солнца и небесной влаги—„вотъ", по мнѣнію г. Фаминцына,—„общій фундаментъ, на которомъ въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій воздвигались зданія разнообразнѣйшихъ вѣроученій, вотъ зародышъ, изъ котораго возникли и розраслись родословныя дерева всѣхъ миѳологій народовъ арійской семьи, въ томъ числѣ, разумѣется, и славянъ". Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ, была ли миѳологія природы единственнымъ фундаментомъ разнообразнѣйшихъ арійскихъ вѣроученій, но намъ казалось бы, что этотъ ключъ не предстояло надобности искать въ симбирскомъ заговорѣ: ключъ г. Фаминцына былъ хорошо извѣстенъ и въ европейской, и въ русской наукѣ о миѳахъ, и даже успѣлъ раздвоиться на два ключа: солярный, въ школѣ Макса Мюллера и его послѣдователей, и метеорологическій, въ школѣ Куна и его адептовъ. Обоими ключами отмыкалъ, и иногда весьма удачно, поэтическія воззрѣнія славянъ на природу покойный Аѳанасьевъ. Новинкой въ трудѣ г. Фаминцына является поэтому не этотъ основной взглядъ на происхожденіе славянскихъ вѣрованій, а „попытка внести свѣтъ въ темный міръ славянской миѳологіи при помощи фактовъ, хотя и давно уже всѣмъ извѣстныхъ, но получающихъ, на основаніи сдѣланныхъ имъ сближеній и сравненій съ религіозными воззрѣніями древнихъ народовъ, въ особенности пелазговъ и древнихъ италійцевъ—иную окраску, иное значеніе". Такое сравненіе открываетъ, по его мнѣнію, новый горизонтъ въ области изученія славянскихъ древностей. Религія пелазговъ и древнихъ италійцевъ въ основныхъ своихъ положеніяхъ представляетъ весьма много общихъ чертъ съ религіею древнихъ славянъ". Впрочемъ авторъ сейчасъ же прибавляетъ, что, „не ограничиваясь сравненіемъ религіи славянъ съ религіей пелазговъ, и древнѣйшихъ грековъ и италійцевъ, онъ старался отыскивать корни многихъ вѣрованій древнихъ славянъ въ религіозномъ міровоззрѣніи древнихъ аріевъ Ирана и Индіи".... Но, съ цѣлью не слишкомъ распространяться и разбрасываться въ своемъ изслѣдованіи онъ съ намѣреніемъ совершенно воздержался отъ проведенія параллелей со сродными явленіями въ миѳологіи другихъ новѣйшихъ европейскихъ народовъ, за исключеніемъ народовъ литовскаго племени, наиболѣе близко родственнаго славянскому и представляющаго съ послѣднимъ много общихъ чертъ".

Такимъ образомъ и методъ г. Фаминцына—тотъ же, что у другихъ современныхъ изслѣдователей миѳологіи, то-есть, сравнительный. Конечно, не мы поставимъ въ упрекъ автору, что онъ воздержался отъ слишкомъ обильныхъ параллелей. Матеріалъ, представляемый вѣрованіями и обрядами всѣхъ народовъ индо-европейской семьи, такъ громаденъ, что приведеніе слишкомъ обильныхъ аналогій подавило бы славянскій матеріалъ до такой степени, что для читателя типическія черты славянскихъ вѣрованій расплылись бы въ самыя смутныя очертанія. Такое смутное (даже при усердномъ изученіи) представленіе о поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу получаетъ, напримѣръ, читатель отъ извѣстной книги Аѳанасьева. Конечно, никто не посѣтуетъ на автора и за то, что, оставляя почти въ тѣни обильный матеріалъ, представляемый нѣмецкою миѳологіей, онъ поставилъ на главный планъ изученіе вѣрованій пелазговъ и италійцевъ. Русскіе читатели, даже незнакомые въ источникѣ съ трудами германскихъ миѳологовъ—Гримма, Вольфа, Куна, Мангардта, Шварца и другихъ—найдутъ въ трудѣ Аѳанасьева обильныя указанія на то, какія аналогіи представляютъ германскія народныя вѣрованія со славянскими. Поэтому болѣе пристальное изученіе миѳологіи греческой и италійской можетъ быть только желательно и служить подспорьемъ при изученіи славянскихъ вѣрованій, лишь бы только болѣе широкое пользованіе этимъ матеріаломъ дѣйствительно приводило къ важнымъ результатамъ и носило вполнѣ научный характеръ.

Въ томъ же предисловіи авторъ заявляетъ, что, уклоняясь отъ всякой полемики въ сочиненіи, онъ „слѣдовалъ иному пути, чѣмъ тѣ ученые, которые, признавая исторію народнаго суевѣрія въ Европѣ „немыслимой безъ углубленія въ христіанскіе источники“, относятся съ полнымъ скептицизмомъ не только къ народнымъ языческимъ преданіямъ, но и ко многимъ сочиненіямъ и даже историческимъ памятникамъ, способнымъ въ значительной степени разъяснить разные вопросы изъ области славянской миѳологіи“. Расходясь съ учеными этого направленія, г. Фаминцынъ поясняетъ, что „огульное отверженіе всѣхъ данныхъ заключающихся въ сочиненіяхъ, составленныхъ безъ вполнѣ строгой критики, въ памятникахъ, только заподозрѣнныхъ въ подложности“, приводитъ къ неодобрительнымъ (съ точки зрѣнія г. Фаминцына) результатамъ, въ родѣ того, что Ярило — искаженіе образа св. Юрія, или что Волосъ произошелъ изъ св. Власія. Мы воздержимся отъ квалификаціи этихъ результатовъ, но

не можемъ не замѣтить, что г. Фаминцынъ слишкомъ строгъ къ представителямъ этого направленія. Неудачныя заключенія могутъ быть у ученыхъ самаго различнаго направленія; но ни одинъ серьезный ученый не станетъ пользоваться источникомъ заподозрѣннымъ въ подложности, если только онъ предварительно окончательно не опровергнетъ этой подложности. Что же касается огульнаго осужденія всѣхъ данныхъ, заключающихся въ сочиненіяхъ, составленныхъ безъ вполнѣ строгой критики, то г. Фаминцыну слѣдовало бы прямо назвать и сочиненія такого рода, и авторовъ, огульно ихъ забраковывающихъ, такъ какъ иначе его обвиненіе является загадочнымъ.

Познакомившись въ общихъ чертахъ со взглядомъ автора на основы религіознаго міровоззрѣнія славянъ и съ его отношеніемъ къ направленію нѣкоторыхъ изъ выдающихся современныхъ ученыхъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію содержанія его труда и наблюденію его научныхъ пріемовъ.

Во введеніи авторъ дѣлаетъ полезный для читателя очеркъ раннихъ извѣстій о славянахъ и ихъ разселеніи въ Европѣ, затѣмъ приступаетъ къ изслѣдованію о божествахъ славянъ, предварительно излагая свѣдѣнія объ этихъ божествахъ, имѣющіяся въ сочиненіяхъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей. О божествахъ южныхъ славянъ, по мнѣнію г. Фаминцына, говорятъ уже Страбонъ и Титъ Ливій. Первый упоминаетъ у италійскихъ венетовъ, жившихъ близъ Адріатическаго моря, святилище Тимаво, посвященное Діомеду, и двѣ священныя рощи, посвященныя — одна Герѣ Аргивской, другая — Артемидѣ Этолійской. Второй — говоритъ о старинномъ храмѣ Юноны въ венетскомъ городѣ Патавіи. У венетовъ же былъ богъ, называемый въ надписяхъ Belenus или Belinus, то-есть, по г. Фаминцыну, Бѣленъ или Бѣлинъ. Все это по отношенію къ италійскимъ венетамъ очень интересно, но г. Фаминцынъ позабылъ доказать, что венеты были славяне, ибо ссылка на Гильфердинга еще не есть доказательство. Въ сохранившихся же древнихъ свидѣтельствахъ о венетахъ или энетахъ (Ἐνετοί) или генетахъ (Ἑνετοί) едва ли можно найдти какія-нибудь несомнѣнныя указанія на славянство этого народа. Изъ того, что, по Полибію, энеты говорили не по кельтски, еще не слѣдуетъ, что они говорили по славянски. Происхожденіе ихъ и родство было сомнительно и для древнихъ, которые, подобно многимъ современнымъ этнографамъ, склонны приводить народы въ родство на основаніи нѣкотораго созвучія именъ.

Такъ Страбонъ производитъ (IV, 4 § 1) энетовъ, венетовъ отъ гальскихъ венетовъ, Ливій (I, 1) отъ пафлагонскихъ (малоазіатскихъ) генетовъ, которыхъ предводитель Антеноръ вывелъ колонію на берегъ Адріатики. Можно отмѣтить также, что сами адріатическіе генеты вѣрили въ свое азіатское происхожденіе, считая себя Мидянами, и утверждали, что Діомедъ былъ гостемъ у Антенора и умеръ въ Генеціи (отсюда и культъ Діомеда). Далѣе мы знаемъ, что венеты отличались значительною культурностью, рано примкнули къ римлянамъ, имѣли много городовъ, писали буквами, по видимому, этрусскаго пошиба. Просматривая всѣ свидѣтельства древнихъ объ адріатическихъ венетахъ, мы не найдемъ въ этомъ народѣ ни одной несомнѣнно славянской черты и все славянство ихъ сводится къ тому, что ихъ имя созвучно съ именемъ венедовъ, вендовъ, которыхъ сосѣди называли славянъ. Но на такомъ же основаніи можно отождествлять, напримѣръ, кавказскихъ иберовъ съ испанскими, кавказскихъ албанцевъ съ албанцами (арнаутами), съ жителями или албанскихъ горъ въ Лаціумѣ или города Албаны, упоминаемаго на юго-западѣ счастливой Аравіи (Arabia Felix у Птолем. VI, 7, 36), и также считать ассирійскаго бога Беля за славянскаго Бѣлъ-Бога, особенно если ассирійское имя написать чрезъ ѣ (срав. Belenus=Бѣленъ). Спрашивается: обогатится ли славянская миѳологія отъ внесенія въ нее какихъ-то божествъ какого-то сомнительнаго народа?

Едва ли обогатиться она и изъ того, что сообщается о поклоненіи богамъ у древнихъ чеховъ въ такихъ источникахъ, какъ Краледворская и Зеленогорская рукописи. Какъ бы ни радѣлъ ученый объ обогащеніи славянской миѳологіи, едва ли онъ вправѣ въ настоящее время съ легкимъ сердцемъ черпать матеріалъ въ этихъ памятникахъ, подложность которыхъ уже для многихъ спеціалистовъ несомнѣнна. Въ отечествѣ этихъ произведеній уже спорятъ о томъ, кто былъ ихъ авторъ—Ганка или Свобода: г. Вашехъ [1]) стоитъ за Ганку, покойный Шембера намекалъ на Свободу; въ Пражскомъ музеѣ дѣлали химическіе анализы матеріала рукописи и т. д. Положимъ, что вопросъ еще окончательно не уясненъ; положимъ, что являются голоса и въ защиту этихъ памятниковъ, но все-таки научная осторожность предписываетъ воздерживаться отъ какихъ-нибудь выводовъ о славянской миѳологіи на основаніи Краледворской и Зеленогорской

---

[1]) Filologický důkaz že rukopis Kralodvorský a Zelenohorský též zlomek evangelia sv. Iana jsou podvržená díla Václava Hanky (1879).

рукописей, пока sub judice lis est. Въ самомъ дѣлѣ, въ какое положеніе будетъ поставленъ изслѣдователь языческихъ вѣрованій чеховъ, если окажется, что онъ искалъ ихъ въ произведеніи начала XIX вѣка?

Далѣе авторъ приводитъ перечень польскихъ боговъ и богинь по Длугошу, Бѣльскому, Стрыйковскому, Прокошу, не указывая читателю, насколько прочно существованіе такихъ боговъ, какъ Погода, Похвистъ, Trzy Potrzy (три, по три) и друг. Нѣкоторые предполагаютъ, что Погода явилась у Длугоша изъ желанія объяснить Подагу Гельмольда (Chron. Slavor. c. 84), а имя Похвистъ произошло изъ простаго (вовсе не миѳологическаго) прилагательнаго качественнаго, и что, какъ собственное, оно не древнѣе польскаго хрониста (XV в.) [1]. Но г. Фаминцынъ объявилъ въ предисловіи, что оставляетъ въ сторонѣ соображенія и объясненія, съ которыми съ своей точки зрѣнія не можетъ согласиться и не будетъ входить съ авторами ихъ въ полемику. „Полемика“, по его мнѣнію,—„составляла бы лишь ненужный балластъ въ трудѣ, имѣющемъ задачею не опроверженіе чужихъ мнѣній, а посильную попытку внести свѣтъ въ темный міръ славянской миѳологіи“ (стр. 4). Мы думаемъ, что полемика не необходима абсолютно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о томъ или другомъ взглядѣ на положительные и всѣмъ извѣстные факты, о томъ или иномъ пониманіи историческаго достовѣрнаго свидѣтельства; но едва ли можно уклоняться отъ нея въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ считаетъ, напримѣръ, надежнымъ источникомъ такой памятникъ, который другими, на основаніи тѣхъ или иныхъ соображеній, считается не заслуживающимъ вѣры. Едва ли довѣрчивое пользованіе подобными источниками можетъ внести свѣтъ въ темный міръ славянской миѳологіи.

За очеркомъ свидѣтельствъ о божествахъ балтійскихъ славянъ, авторъ даетъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій о божествахъ восточныхъ славянъ (стр. 29—38). Не останавливаясь на разборѣ отдѣльныхъ свидѣтельствъ, замѣтимъ только, что едва ли достаточно обосновано существованіе русскаго бога Трояна. Но мы имѣли уже случай говорить въ другомъ мѣстѣ о миѳологіи Слова о Полку Игоревѣ и не будемъ возвращаться къ этому вопросу.

Вторая глава (Жертвенные обряды) представляетъ полезный для читателя сводъ извѣстій о культѣ древнихъ славянъ, при чемъ, къ

---

[1]) Таковъ былъ взглядъ покойнаго *А. А. Котляревскаго.* См. Отчетъ о 10-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова. 1868, стр. 80.



сожалѣнію, на ряду съ хорошими источниками снова является Краледворская рукопись (стр. 46). По поводу свидѣтельства Льва Діакона о томъ, что воины Святослава погружали въ струи Дуная младенцевъ и пѣтуховъ по совершеніи погребенія воиновъ, павшихъ въ битвѣ, отмѣтимъ, что намъ кажется вѣроятнымъ предположеніе Котляревскаго, что потопленіе младенцевъ не составляло обряда наравнѣ съ потопленіемъ пѣтуховъ, и что воины Святослава топили младенцевъ, оставшихся сиротами, только потому, что во время похода они составляли обузу и неудобно было съ ними возиться.

Глава III-я представляетъ краткій и для неподготовленнаго читателя небезполезный очеркъ основъ религіознаго міровоззрѣнія аріевъ Ирана и Индіи, древнѣйшихъ грековъ и пелазговъ, древнихъ италійцевъ и народовъ Литовскаго племени (стр. 63—121). Для иранцевъ, индійцевъ главнымъ пособіемъ автору служила „Древняя исторія" Дункера. Къ сожалѣнію, будучи, по видимому, мало знакомъ съ религіей индійцевъ и иранцевъ, авторъ нерѣдко вводитъ читателя въ заблужденіе. Такъ, онъ полагаетъ (на стр. 64), что въ Авестѣ сообщаются климатическія данныя о прародинѣ аріевъ (то-есть, общихъ предковъ позднѣйшихъ иранцевъ и индійцевъ), между тѣмъ какъ подъ Айрьянемъ Ваеджо Авесты разумѣется древнѣйшее (если только не миѳическое) мѣстопребываніе иранцевъ. Предположеніе автора что, быть можетъ, въ нашихъ колядкахъ теремъ, въ который чрезъ три окошка въ одно время свѣтятъ солнце, луна и звѣзды, представляетъ воспоминаніе о садѣ иранскаго Іимы, освѣщаемомъ одновременно тѣми же свѣтилами,—совершенно невѣроятно. Ошибочно далѣе, что Dyaus въ Ригведѣ обозначаетъ не только небо, но и воздухъ. Основа div (именит. падежъ Dyaus) кромѣ неба значитъ еще свѣтъ, день; ошибочно, что греч. θεός восходитъ къ тому же корню, какъ Dyaus. Божество, которое носитъ въ Авестѣ названіе Apanm napât, авторъ, по переводу Шпигеля, переводитъ Пупъ водъ (стр. 68). Но если Шпигель такъ понималъ это имя въ 1863 году, то въ 1873 [1]) онъ сомнѣвается въ точномъ значеніи названія napât, ибо послѣднее могло бы значить внукъ, потомокъ, и такъ понимаютъ это слово всѣ другіе иранисты, что̀ согласно и съ значеніемъ ведійскаго божества сына водъ (apâm napât).

Вообще не совсѣмъ безопасно пользоваться для религіи Авесты сочиненіями, вышедшими болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, такъ

[1]) См. Erânische Alterthumskunde II B., p. 51.

какъ движеніе въ этой области науки очень быстрое, по крайней мѣрѣ по прогрессу въ пониманіи языка священной книги зороастровой религіи.

Если (на стр. 70) авторъ сообщаетъ, что богъ Индра несется на колесницѣ, запряженной рыжими или булаными конями или лисицами, то упоминаніе послѣднихъ упряжныхъ животныхъ, на которыхъ будто бы ѣздитъ Индра, основано не на ошибкѣ непосредственнаго источника, изъ котораго авторъ добылъ это свѣдѣніе, а на невѣрномъ переводѣ нѣмецкаго слова Füchse, которое, прилагаясь къ лошади, обозначаетъ лошадь рыжей масти. Не мѣшало бы также правильнѣе передавать иностранныя названія. Такъ имя индійской троицы Тримурти (Trimûrti) авторъ постоянно искажаетъ въ Тримутри.

Для слѣдующаго очерка религіозныхъ вѣрованій грековъ и италійцевъ пособіями автору служили сочиненія Преллера и Велькера. Не отрицая значенія для своего времени трудовъ этихъ ученыхъ, можно замѣтить однако, что еслибъ авторъ былъ знакомъ съ болѣе новыми работами по классической миѳологіи (напримѣръ, съ трудами Рошера) онъ, быть можетъ, воздержался бы отъ истолкованія Гермеса, какъ олицетвореніе дождевой влаги (на стр. 79). Разсмотрѣніе италійскихъ божествъ приводитъ г. Фаминцына къ слѣдующему соображенію: „При разсмотрѣніи славянскихъ божествъ и сличеніи какъ природы, такъ и наименованій ихъ съ божествами прочихъ древнихъ народовъ, намъ не разъ придется останавливаться на аналогіяхъ, всегда поразительныхъ, между явленіями изъ религіозной жизни славянскихъ и древне-италійскихъ народовъ, преимущественно сабиновъ, которые и независимо отъ миѳологіи своей, въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ народной своей жизни обнаруживаютъ замѣчательное сходство съ народами славянскими" (стр. 90). Для обнаруженія этого замѣчательнаго сходства авторъ указываетъ на древнюю легенду о колонизаціи сабиновъ и связанную съ этою легендой номенклатуру сабинскихъ поколѣній. Одну партію сабинцевъ, по легендѣ, велъ священный быкъ Марса: эта партія получила названіе сафиновъ или самнитовъ, а основанный ею городъ названъ Bovianum; вторая партія, предводительствуемая дроздомъ (Picus), назвалась впослѣдствіи пицентами; третья отъ своего предводителя волка (hirpus) получила названіе гирпиновъ. Г. Фаминцыну пришла идея сравнить названія сабинскихъ родовъ съ народными названіями, встрѣчающимися у славянъ, и онъ открылъ разительную аналогію.

Такъ названіе Samnites означаетъ копьеносцевъ и можетъ быть приравнено къ имени славянскихъ велетовъ. На вопросъ, откуда авторъ знаетъ нарицательное значеніе имени велеты, отвѣта впрочемъ мы не нашли. Авторъ ссылается на слѣдующую позже статью „Велесъ". Городъ Bovianum (бычій) соотвѣтствуетъ по имени славянскому городу Волыни, ибо авторъ думаетъ, что послѣднее имя происходитъ отъ слова волъ. Кампанцы и луканцы, то-есть, обитатели полей и лѣсовъ, напоминаютъ лучанъ, древлянъ, полянъ. Названіе Бреттіи, „если принять происхожденіе этого имени отъ одного корня съ греч. βρέμω— шумлю, бушую, свирѣпствую и серб. врети—кипѣть... соотвѣтствовало бы названію балтійско-славянскаго племени лютичей (лютый = свирѣпый)". Далѣе—марсы находятъ себѣ аналогію въ имени славянскаго поколѣнія бѣлиновъ, такъ какъ Марсъ—свѣтлый, сіяющій, соотвѣтствуетъ славянскому Бѣлбогу или Бѣлину [1]), гирпины— соотвѣтствуетъ по имени славянскимъ вильцамъ (волчкамъ), сабины, которыхъ имя, по домыслу Феста, произошло отъ славленія боговъ, аналогичны по названію славянамъ (отъ слава), при чемъ припоминаются и славянскіе (!) энеты въ связи съ греч. αἰνετός—достохвальный, славный. Мы не будемъ останавливаться на потокѣ дальнѣйшихъ словопроизводствъ г. Фаминцына; но не можемъ не сознаться, что, вопервыхъ, съ такими научными пріемами не трудно найдти столь же разительныя аналогіи между народными названіями славянъ и любыми другими народными названіями (напримѣръ, американскихъ краснокожихъ), и что вовторыхъ, словопроизводства автора обнаруживаютъ въ немъ полное незнакомство съ лингвистикой, ибо единственнымъ мотивомъ для сопоставленій словъ ему служитъ нѣкоторое сходство въ звукахъ, а къ какимъ печальнымъ ошибкамъ можетъ привесть сопоставленіе словъ единственно на основаніи этого мотива, объ этомъ распространяться здѣсь было бы неумѣстно. Странно, что при томъ уваженіи, съ которымъ люди какой-нибудь научной спеціальности обыкновенно относятся къ другимъ научнымъ отраслямъ, лингвистика считается такой областью, въ которой можно разгуливать всѣмъ и каждому. Едва ли какой-нибудь спеціалистъ по исторіи станетъ смѣло разсуждать по химіи или предлагать домыслы и соображенія по физіологіи. Но нерѣдко онъ смѣло строитъ всякія словопроизводства, не подозрѣвая, что лингвистика есть наука, требующая, какъ и всякая другая, серіознаго изученія, и что нельзя съ

---

[1]) О *славянствѣ* Бѣлина см. выше.

видомъ знатока разсуждать въ ея области, если имѣешь только тѣ свѣдѣнія, что, напримѣръ, согласный *р* близокъ къ *л*, *т* къ *д*, и что гласные могутъ переходить одинъ въ другой.

Въ концѣ своихъ печальныхъ словопроизводствъ и поисковъ за разительными аналогіями между славянами и сабинами г. Фаминцынъ впрочемъ утѣшаетъ насъ заявленіемъ: „Будучи далекъ отъ мысли, на основаніи приведенныхъ сближеній, которыя пока (только пока?) могутъ показаться только случайными, дѣлать какіе-нибудь выводы или хотя-бы предположенія о болѣе близкомъ соотношеніи или родствѣ сабиновъ со славянами, я, однако счелъ необходимымъ отмѣтить бросившіяся мнѣ въ глаза, приведенныя на предыдущихъ страницахъ общія черты и тѣмъ впередъ подробнѣе мотивировать сдѣланныя мною ниже сближенія между нѣкоторыми божествами древнихъ славянъ и древнихъ италійцевъ и римлянъ вообще, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и представленіяхъ которыхъ нерѣдко проглядываютъ весьма древнія черты, повторяющіяся и въ религіи славянъ язычниковъ и имѣющія, вслѣдствіе того, очевидно одну общую точку исхода" (стр. 96).

И такъ, сопоставленія славянскихъ и сабинскихъ родовыхъ названій пригодятся автору впослѣдствіи и мы будемъ также впослѣдствіи имѣть случай поговорить объ этомъ вопросѣ. Теперь же послѣдуемъ за авторомъ къ его системѣ славянской миѳологіи, составляющей главную часть всего выпуска.

Авторъ начинаетъ съ божествъ небесныхъ и разсматриваетъ ихъ у славянъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ. Первый отдѣлъ посвященъ единому верховному небесному богу, причемъ авторъ, начиная съ южныхъ славянъ, разсматриваетъ имена этого божества. „Верховный небесный богъ у южныхъ славянъ носилъ общее всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ имя Вогъ, ср. bagha—добрые духи въ Иранѣ, Baga—одинъ изъ представителей небеснаго свѣта у индусовъ". Здѣсь мы не совсѣмъ понимаемъ г. Фаминцына. Отмѣчая имя Богъ особымъ, крупнымъ шрифтомъ, какъ онъ далѣе отмѣчаетъ собственныя имена разныхъ боговъ у славянскихъ народовъ (Святовитъ, Руевитъ, Сварогъ и т. д.), онъ заставляетъ думать, что имя богъ было собственнымъ именемъ небеснаго верховнаго бога, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что названіе богъ было нарицательное, родовое (ср. Черно-богъ, Дажьбогъ, Стри-богъ и т. п.), прилагавшееся къ каждому богу. Такое же нарицательное значеніе имѣло это имя у иранцевъ: въ зендавестѣ оно прилагается къ Агурамаздѣ, къ мѣсяцу, къ водному бо-

жеству; въ древне-персидскихъ клинописныхъ текстахъ говорится объ Аурамаздѣ и другихъ богахъ (aniyâ bagâha), въ Ригъ-ведѣ имя Bhaga (не Baga, какъ читается у г. Фаминцына) означаетъ подателя, сопровождаетъ часто имя бога Савитара, но является и собственнымъ именемъ какого-то бога, сына Адити, подателя благъ. Для исторіи этого имени слѣдовало бы указать, что оно является обозначеніемъ божества вообще только у арійцевъ (то-есть, индійцевъ и иранцевъ) и у славянъ, между тѣмъ, какъ ближайшіе родственники и сосѣди славянъ, литовцы, не имѣютъ этого слова въ этомъ значеніи, а называютъ бога diewas (ср. древ. инд. deva). Послѣднее имя напротивъ у иранцевъ (въ формѣ daêva въ Авестѣ) и у славянъ (въ формѣ дивъ) обозначаетъ не свѣтлаго бога, а силы демоническія (ср. болгарск. дивы, самодивы); впрочемъ г. Фаминцынъ (на слѣд. 125 стр.) усвоиваетъ южнымъ славянамъ имя Дый или Дій, которое онъ считаетъ древнимъ индоевропейскимъ наслѣдіемъ. По его мнѣнію, оно только на первый взглядъ можетъ показаться скорѣе литературнымъ, чѣмъ народнымъ. Прочтя эти слова, мы ожидали найдти у автора какой-нибудь доводъ противъ нелитературнаго происхожденія Дія, но онъ только приводитъ извѣстныя книжныя мѣста, гдѣ встрѣчается это имя, и отъ полемики съ тѣми учеными, которые справедливо считаютъ это, яко бы славянское, имя искаженіемъ родительнаго падежа Διός, по обыкновенію уклоняется.

Во главѣ боговъ у балтійскихъ славянъ авторъ ставитъ Святовита, значеніе котораго старается уяснить сравненіемъ съ греческимъ Геракломъ. Признаемся, что такое сравненіе въ сущности ничего не уясняетъ, потому что съ такимъ же правомъ и съ такимъ же результатомъ можно сравнить Святовита и съ другими божественными типами другихъ индоевропейскихъ (и даже семитскихъ) народовъ. Но, допуская аналогію между Святовитомъ и Геракломъ, мы уже совѣмъ не можемъ согласиться съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что Святовитъ, по древне-индійской традиціи,—снабженъ четырьмя головами (стр. 132). Какимъ образомъ древне-индійская традиція могла зайдти къ балтійскимъ славянамъ? Или, быть можетъ, у автора здѣсь просто неточное выраженіе? Затѣмъ, на той же страницѣ находимъ ужасное словопроизводство: авторъ дѣлитъ имя Святовитъ пополамъ и во второй половинѣ—витъ — находитъ славянское (sic) слово витязь!! Чтобъ это словопроизводство имѣло нѣкоторые шансы на успѣхъ, авторъ долженъ былъ бы доказать вопервыхъ, что имя Святовитъ (сравн. домовитъ, имовитъ, родовитъ, плодовитъ,

сановитъ, даровитъ и т. д. и т. д.) сложное, вовторыхъ, что слово витязь (церков.-славян. витѧѕь, которое зашло къ славянамъ отъ скандинавскихъ викинговъ, есть славянское, втретьихъ, что оно могло въ сложеніи получить форму витъ. Все это авторъ позабылъ доказать. Очевидно, онъ полагаетъ, что нѣкоторое созвучіе въ двухъ словахъ двухъ разныхъ языковъ есть достаточное доказательство ихъ родства, потому что смѣло сопоставляетъ сабинское названіе жреца Cupencus съ словомъ кобьникъ, производнымъ отъ кобь (стр. 134). Такой же странный способъ доказательства прилагается нѣсколько далѣе (стр. 140) къ вопросу о небесномъ верховномъ богѣ у поляковъ-язычниковъ. Существованіе этого представленія „подтверждается преданіемъ (сообщаемымъ, замѣтимъ мы, такимъ чистымъ источникомъ, какъ Прокошъ), по которому люди весною прислушивались къ пѣнію кукушки, полагая, что высшій владыка вселенной превращался въ кукушку и предвѣщалъ имъ срокъ жизни". Кто бы могъ думать, что извѣстное всюду въ Европѣ гаданіе о числѣ лѣтъ жизни по кукованію кукушки можетъ служить доказательствомъ существованія у того или иного народа представленія о небесномъ верховномъ богѣ вселенной? Впрочемъ, самъ г. Фаминцынъ, приводя это доказательство, дѣлаетъ ученое примѣчаніе, которое, какъ будто, его опровергаетъ: „Это преданіе, говоритъ онъ, можетъ быть навѣяно (на кого? на Прокоша?) древнегреческой легендой о посѣщеніи Геры Зевесомъ [1]), во время весеннихъ бурь и ливней, въ образѣ кукушки". Мы не спрашиваемъ: какимъ путемъ древнегреческое преданіе было навѣяно на Прокоша или на поляковъ-язычниковъ, но если авторъ предполагаетъ, что оно навѣяно, то какимъ же образомъ оно можетъ служить доказательствомъ существованія у поляковъ-язычниковъ представленія о небесномъ верховномъ богѣ вселенной? Очевидно, здѣсь какая-то особая логика.

Послѣ того, что̀ профессоръ Ягичъ писалъ о Сварогѣ, мы не будемъ вести пренія о томъ, существовало ли божество съ этимъ именемъ у русскихъ славянъ. Отмѣтимъ только нѣкоторыя этимологическія комбинаціи г. Фаминцына. Съ одной стороны, онъ повторяетъ старое и никуда негодное сопоставленіе имени Сварогъ съ санскритскими словами svar, (свѣтъ, солнце, небо) и svarga (небо) [2]), съ другой—

[1]) Эта форма вм. Зевсъ, Зевсомъ—постоянно встрѣчается у автора.

[2]) Если мы скажемъ, что сопоставленію противорѣчитъ присутствіе въ *Сварогъ* гласн. *а* и согласн. *g*, не говоря уже о несоотвѣтствіи суффикса, то едва ли это будетъ понятно г. Фаминцыну.



прибавляетъ совершенно новое и неожиданное сопоставленіе имени Сварогъ съ названіемъ горы Соракте (Soracte. Sauracte) въ Этруріи. За подробностями этой лингвистической выкладки авторъ отсылаетъ къ статьѣ о Сварожичѣ-Солнцѣ, и мы за нимъ послѣдуемъ. Здѣсь (на стр. 180) мы читаемъ: имя Соракте (Савракте, Сваракте)—[откуда эти двѣ формы получились у автора?] происходитъ отъ слова svar (= блестѣть). Окончаніе -acte можетъ быть приравнено славянскому окончанію агъ или огъ: Сварагъ или Сварогъ. Желательно знать, что̀ отвѣтилъ бы г. Фаминцынъ, еслибъ его спросили, знаетъ ли онъ, на какомъ языкѣ собственное имя Soracte имѣло нарицательное значеніе, какое племя назвало такъ извѣстную гору въ Италіи? Ибо если это названіе этрусское, а не латинское, то едва ли бы и г. Фаминцынъ сталъ сопоставлять его съ русскимъ. Вовторыхъ, почему онъ думаетъ, что окончаніе acte можетъ быть приравнено къ славянскому -агъ? Вѣдь не все, что̀ покажется одному возможнымъ, должно казаться таковымъ же и другимъ. Но, вступивъ разъ на привлекательную этимологическую почву, авторъ не покидаетъ ее такъ скоро. „Корень свар или савр", — говоритъ онъ, „былъ извѣстенъ славянамъ, особенно южнымъ и западнымъ, что̀ доказывается многочисленными географическими названіями въ южной и западной полосѣ славянскихъ земель, произведенными отъ этого корня". Затѣмъ слѣдуетъ наборъ по разнымъ географическимъ словарямъ топографическихъ названій, начинающихся со сходныхъ съ корнемъ свар звуковъ, причемъ для большаго сходства авторъ устанавливаетъ потребные ad hoc фонетическіе законы. Такъ въ имени Sausal (въ Штиріи) буква (sic) *r* замѣщена *s*, имя Sausice=Solsice (почему это?), сюда же отнесено и Sausedowits, въ Чехіи (авторъ не знаетъ, что soused по чешски значитъ сосѣдъ), и Sausenberg въ Прусской Силезіи, и Сура, Суражъ, Сурово, Савруха и множество другихъ именъ въ разныхъ славянскихъ земляхъ. Если спросить себя, почему авторъ беретъ, напримѣръ, названіе Саварку (Кіевской губерніи), а не упоминаетъ какое-нибудь село Савельево, которое не противорѣчитъ по звукамъ фонетическимъ законамъ автора, то отвѣтъ, конечно, будетъ тотъ, что авторъ догадывается, что имя Савельево происходитъ отъ имени Савелій, а происхожденіе имени Саварка и всѣхъ другихъ, приводимыхъ въ его перечнѣ, ему неизвѣстно. Вышеприведенныя географическія названія имѣли цѣлью показать, что корень свар распространенъ въ топографической номенклатурѣ славянъ; но авторъ пытается далѣе удовлетворить справедливому

требованію профессора Ягича, чтобы, для доказательства существованія бога Сварога, полное имя его обнаружилось въ географическомъ названіи. Казалось бы, что этому требованію удовлетворить трудно, такъ какъ этимологически отъ Сварогъ можно произвести лишь: Свароговъ, Сварожій, Сварожскій, пожалуй Сварожный. Но для г. Фаминцына такой трудности не существуетъ: онъ сейчасъ высыпаетъ: Saurken, Swaroczin Soraceva, Sausak, Swaroczim, Soregh, Sauréggen, Saurachberg! (Excusez du peu!).

Если мы спросимъ: какими лингвистическими законами подтверждаются эти словопроизводства, то образчикомъ могутъ служить слѣдующіе: въ имени Sausak второе *s* вышло, по мнѣнію автора, изъ *r*, то-есть, Sausak=Саурак. Авторъ припомнилъ, что въ латинскомъ языкѣ есть переходъ *s* между гласными въ *r* и смѣло приписываетъ такой же переходъ языку другаго народа; или: Saurachberg=Сварах(г)ова, гора при чемъ звукъ *г* перешелъ по какому-то никому неизвѣстному закону въ х. Но что, еслибъ нѣмцы отвоевали у славянъ этотъ слѣдъ Сварогова культа и объявили, что Saurach нѣмецкое слово, и обозначаетъ то растеніе, которое иначе называется Surach, Saur dorn, Creuts-dorn (rhamnus)? [1]). А между тѣмъ эта Сварах(г)ова гора, въ сообществѣ другихъ столь же очевидныхъ слѣдовъ Сварога, въ родѣ этрусской горы Соракте, Soragna (въ сѣверной Италіи), Soragno (въ Тессинскомъ кантонѣ, въ Швейцаріи), Soraga (въ Тиролѣ)—по мнѣнію автора, прямо подтверждаютъ существованіе бога Сварога у славянъ юго-западныхъ (стр. 182). Но оставимъ пока этимологическія комбинаціи г. Фаминцына и возвратимся къ его изложенію системы славянской миѳологіи.

Разсмотрѣвъ имена верховнаго бога, авторъ говоритъ о воззрѣніяхъ славянъ на небо (стр. 147), на солнце (стр. 155—166), причемъ приводитъ многіе стихи изъ пѣсенъ разныхъ славянскихъ народовъ и выдержки изъ народныхъ заговоровъ, съ цѣлью уяснить отношеніе славянъ къ небу и солнцу. Выдержки такого рода придаютъ интересъ изложенію и обнаруживаютъ въ авторѣ знакомство съ славянской народной лирикой. На такихъ страницахъ читатель отдыхаетъ, съ одной стороны, отъ прискорбныхъ словопроизводствъ, съ другой—отъ списковъ географическихъ названій, которыми злоупотребляетъ авторъ для доказательства распространенности культа того

[1]) *Saurach*, heisst im Allemanischen Dialecte die Berber-beer-Staude oder Surach, Creuts-Dorn—vom säuerlichen Geshmack der Beere. Saur-Dorn, spina acida *см.* *Frisch*, Teutsch-Lateinisches Wörterbuch 1741 sub voce.



или иного славянскаго божества. Послѣ краткаго отдыха, мы опять встрѣчаемся (въ отдѣлѣ олицетворенія солнца) съ божествами адріатическихъ генетовъ, которые, по принятому, но не доказанному авторомъ, мнѣнію Гильфердинга, были славяне; затѣмъ со словопроизводствами, въ родѣ сопоставленія имени Юпитера Anxur съ греч. глаголомъ ἀνξηραίνω=высушиваю (стр. 168), имени венетскаго бога Bajas съ глаголомъ бајати, который будто бы означалъ свѣтить; далѣе съ цѣлымъ потокомъ топографическихъ названій, которыя должны доказать существованіе у западныхъ славянъ культа солнечнаго бога Ясоня или Хасоня (?). При этомъ мы не безъ удивленія узнаемъ, что у скиѳовъ солнце представлялось свѣтлымъ конемъ, который быстро пробѣгаетъ небесныя пространства, разливая изъ своихъ глазъ, ноздрей, съ блестящей гривы и такого же хвоста, свѣтъ и тепло. Положимъ, что авторъ (стр. 173 примѣч.) нашелъ это любопытное указаніе у Аѳанасьева, но не мѣшало бы уяснить первый источникъ, чтобъ показать, кому принадлежитъ πρῶτον ψεῦδος. Въ извѣстіяхъ древнихъ писателей о скиѳахъ мы подобнаго свѣдѣнія не нашли.

Познакомившись съ этимологическими пріемами автора, мы уже не удивляемся далѣе, встрѣчая сопоставленіе названія славянскихъ праздниковъ Субботокъ, чешскихъ Соботокъ, съ именемъ древняго ѳракійско-фригійскаго солнечнаго бога Сабація (Σαβάζιος), производство имени бога Радегоста отъ слова реть=ярость, начинающійся гнѣвъ (стр. 186), имени Поревита—отъ слова поронъ—мѣсто, гдѣ рѣка скрывается подъ землею, омутъ, поронути=нырнуть, погрузиться (стр. 187), сопоставленіе имени Яровита съ названіемъ древне-италійскаго героя-бога Garanus (стр. 188). Послѣднее—горше первыхъ: авторъ увидѣлъ, что по старочешскому правописанію пишется garo вмѣсто jaro, gary вмѣсто jary, и подумалъ, что здѣсь буква *g* имѣетъ фонетическое значеніе, такъ что звукъ *g* въ этихъ словахъ древнѣе j!! На основаніи этого открытія, а также поразительныхъ аналогій между названіями и природою боговъ народовъ сабинскаго племени и славянъ западныхъ, въ особенности сѣверозападныхъ (Semo Sancus и Святовитъ, Sauracte и Сварогъ, Apollo Soranus и Радегастъ-Сварожичъ, Garanus и Яровитъ, Jupiter Anxur и Припекало), авторъ дѣлаетъ нѣсколько смѣлое (что и самъ допускаетъ) предположеніе: нельзя ли объяснить, загадочное слово zalsesure, встрѣчающееся въ надписи на пиценской статуѣ (Juve, то-есть, Jovi zalsesure) чешскимъ глаголомъ zaležeti—полагаться, и переводить надпись такъ: „На Юпитера полагается"? (стр. 190 примѣч.). Это

блестящее предположеніе должно особенно радовать тѣхъ чеховъ, которые обезкуражены возникающими сомнѣніями въ подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей, такъ какъ, въ возмѣщеніе этой національной утраты, они пріобрѣтаютъ въ пиценской надписи наидревнѣйшій образчикъ чешскаго языка.

Переходя къ восточнымъ славянамъ, г. Фаминцынъ посвящаетъ нѣсколько страницъ солнечному богу Хорсу. Быть можетъ, не зная существующее въ литературѣ мнѣніе объ иранскомъ происхожденіи имени этого божества (срав. авестійское hvar° Xšaeto = Солнце-царь, персидское Xoršîd—солнце, осетинское хор, хур), авторъ отыскиваетъ производство этого слова по всей западной Европѣ и конечно счастливо находитъ. „Въ древней Умбрійской надписи (на Игувинскихъ таблицахъ) встрѣчается эпитетъ Марса—Hurio или новѣе: Horso, именно въ дательномъ падежѣ: Marte Horse, представляющій разительное сходство со славянскимъ названіемъ Хорсъ, Дажь богъ" (стр. 199). Остается опредѣлить на основаніи географическихъ названій, какъ далеко и въ какихъ мѣстахъ было распространено это имя и затѣмъ, на основаніи этимологіи, уяснить его первоначальное значеніе. Первый вопросъ рѣшается весьма удачно. „Направляясь отъ Адріатическаго моря" говоритъ авторъ,—„на сѣверъ, къ Скандинавіи, встрѣчаемъ многочисленныя названія деревень, мѣстечекъ, округовъ, рѣкъ, горъ, производныя отъ Hors, Hörs, Hers, Hirs или Hros, Hras, Hrus". Слѣдуетъ наборъ соотвѣтствующихъ топографическихъ названій въ Хорватіи, Штиріи, Чехіи, Моравіи, Силезіи, Австріи, Саксоніи etc., въ родѣ: Horsdorf, Hrozinko, Herschdorf и т. п. Затѣмъ констатируется, что подобныя же названія встрѣчаются въ Баваріи, Виртембергѣ, Даніи, Нидерландахъ, Бельгіи, Англіи, Шотландіи, Франціи. „На англійскомъ языкѣ конь и нынѣ называется horse, — слѣдовательно. слово хорсъ, столь распространенное между юго-западными и западными славянскими народами и германцами, скандинавами, англосаксами и другими значитъ конь; отсюда заключаемъ, что Хорсъ Марсъ= конь Марсъ" (стр. 201). Это слѣдовательно особенно хорошо: изъ того, что въ англійскомъ языкѣ horse значитъ конь, дѣлается два заключенія: одно (умалчиваемое авторомъ), что и слоги: hörs, hers, hirs, hros, hras, hrus, которые онъ нашелъ въ европейскихъ топографическихъ названіяхъ, означаютъ конь, и другое, — что во всѣхъ, перечисленныхъ авторомъ, странахъ (Хорватіи, Чехіи, Штиріи, Моравіи, Силезіи, Австріи, Саксоніи, Баваріи, Пруссіи, Даніи и т. д.) употребляли для топографическихъ названій англійское названіе коня. Мы знаемъ,

что название коня, соотвѣтствующее англійскому horse, звучало у древнихъ скандинавовъ hross, у древнихъ верхнихъ германцевъ hros, ros, ors, у современныхъ нѣмцевъ Ross, у славянъ же этого слова совсѣмъ не было (если не считать заимствованное съ нѣмецкаго чешское oř), но всѣ эти народы, очевидно, страдали пристрастіемъ къ англійскому языку и ради англоманіи употребляли англійскую форму для топографическихъ названій. Мало того, русскимъ славянамъ она такъ полюбилась, что они, сдѣлавъ маленькую скидку, отбросивъ букву х, утилизировали это иноземное (англійское) слово для названія ряда мѣстностей напримѣръ: Орсъ или Орскъ (Оренбургской губерніи), Орса и Орша (Могилевской губерніи), Оршинъ-Вознесенскій монастырь (въ Тверской губерніи), которыя, по мнѣнію автора (стр. 204), могутъ быть отнесены сюда же. Этимъ однако не ограничиваются чудесныя свойства разсматриваемаго слова: авторъ высказываетъ предположеніе, не происходитъ ли отъ названія Hors (Hers) или Hros имя хорватовъ или хроватовъ (стр. 206), а также названіе Руси (Ῥῶς.) (стр. 207). „Прибавлю", говоритъ авторъ,—„что мадьяры слово русскій называютъ Оросъ (Orosz): Оросъ = Хросъ. Отсюда можно было бы вывести, что „Оросъ" (= Хръсъ) или „Русскій", имѣетъ значеніе „конскій", вѣроятно, въ смыслѣ солнечный" (стр. 208). Мало того, слово Хорсъ даетъ автору поводъ еще къ одному удивительному научному открытію: „Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, по словамъ Аѳанасьева, совершается слѣдующій обрядъ: въ заговѣнье передъ Петровками два или три человѣка, избранные представлять русалку, покрываются парусомъ и передній держитъ передъ собою лошадиный черепъ, на который надѣта упряжная сбруя, а кто нибудь идетъ сзади и погоняетъ эту такъ называемую русалку. Это названіе, которое, конечно, нельзя въ данномъ случаѣ понимать въ обыкновенномъ, новѣйшемъ его значеніи, въ смыслѣ водной нимфы, есть ничто иное, какъ женская форма отъ хръсъ = хръсалка, русалка, то-есть, та самая кобылка, которую водили у насъ въ старину на святкахъ, встрѣчая и чествуя возрожденіе солнца" (стр. 211). Кто бы могъ подумать, что англійское слово horse (конь) можетъ получить такое капитальное значеніе для исторіи культуры столькихъ европейскихъ древнихъ и новыхъ народовъ? Оно объясняетъ имя и умбрійскаго Марса, и славянскаго Хорса, и множество топографическихъ названій на пространствѣ отъ Англіи до Сибири, и названія хорватовъ, и Россіи, и нашей русалки! Столь же чревато послѣдствіями имя Дажь-богъ. Не подозрѣвая, что церковно-славянской формѣ

Даждь-богъ должно необходимо соотвѣтствовать русская Дажь-богъ, г. Фаминцынъ отвергаетъ этимологію профессора Ягича [1]), въ виду того, что она, по его мнѣнію, оставляетъ неразрѣшеннымъ вопросъ, „почему въ лѣтописяхъ стоитъ форма „Дажь богъ", безъ *д*". Дѣлая вопросомъ то, что для всякаго, хоть немного знакомаго съ фонетикой древне-русскаго языка, не представляетъ вопроса, авторъ объявляетъ имя Дажь богъ заимствованнымъ отъ скандинавовъ, у которыхъ день называется Dagr. „Отъ Dag = собственно день, естественно можетъ произойдти Дажій богъ (дневной богъ, богъ дня) или сокращенно— Дажь-богъ". Въ Кіевѣ", думаетъ г. Фаминцынъ,—„это имя могло попасть отъ балтійскихъ славянъ, заимствовавшихъ его у скандинавовъ по сосѣдству. Положимъ, что у балтійскихъ славянъ имя Дажь богъ не засвидѣтельствовано ни однимъ памятникомъ. Но для г. Фаминцына послѣднее обстоятельство не представляетъ затрудненія: у балтійскихъ славянъ была богиня По-дага, которая „можетъ служить самой подходящей дамой для кавалера Дажь-богъ (не Даждь бога), ибо частица „По" нерѣдко приставляется къ именамъ божествъ" (стр. 216). Впрочемъ г. Фаминцынъ остороженъ: „Разумѣется", говоритъ онъ (стр. 217),—„одинъ только фактъ почитанія богини Подаги въ Плунѣ (въ землѣ Вагровъ) не можетъ служить доказательствомъ тому, что здѣсь же почитался и Дажь богъ; но присутствіе въ данномъ мѣстѣ одноименной Дажь-богу богини невольно останавливаетъ на себѣ наше вниманіе, и мы невольно начинаемъ свои поиски для открытія Дажь-бога съ Плуна или ближайшихъ его окрестностей. Опять обращаемся къ географическимъ названіямъ. И что же? въ сосѣднемъ съ землею Вагровъ, герцогствѣ Мекленбургскомъ, неподалеку отъ Балтійскаго моря, находимъ не какую нибудь деревню, село или мѣстечко, подъ именемъ искомаго бога, а цѣлую Дажью область, Дажье озеро, Дажій лѣсъ и еще рядъ менѣе важныхъ Дажьихъ мѣстъ". Слѣдуетъ списокъ: Daschow, Dassow, Dassow Land, Dassower See, Dersenow, Datze, Datzebach. При этомъ авторъ употребляетъ новый лингвистическій пріемъ, который, конечно, можетъ привести къ удивительнымъ открытіямъ. Доселѣ, добираясь до первоначальнаго вида или значенія какого-нибудь слова, лингвисты искали его древнѣйшую форму въ памятникахъ. Оказывается, что слѣдуетъ поступать какъ разъ на оборотъ: исходить изъ новѣйшей формы. Такъ, напри-

---

[1]) Профессоръ Ягичъ считаетъ правильнымъ производство имени Даждь-богъ отъ повелительнаго *даждь* и существительнаго *богъ*.

мѣръ, нынѣйшій Daschow и Dassow записанъ въ 1219 году въ формѣ Dartsowe, Dartschowe, Дажій лѣсъ, въ 1188 году,—Silva Dartzchowe, Dassower See—въ 1336 году—Stagnum Dartzowense и т. д. (см. стр. 217); но это объясняется г. Фаминцинымъ тѣмъ, что „писатели минувшихъ вѣковъ тщетно изощрялись въ составленіи изъ латинскихъ буквъ славянскаго звука *ж*". Очевидно, этотъ славянскій звукъ имъ казался такъ страненъ, что они слышали въ немъ rtz. Весьма правдоподобно!

Такъ же правдоподобно и легко разрѣшаетъ авторъ тайну имени лѣтописнаго Симарьгла или Сима Рьгла, которое представляло до сихъ поръ crux для миѳологовъ. „Полагаю", говоритъ онъ (стр. 227),— „наиболѣе правильнымъ изъ всѣхъ чтеній этого загадочнаго имени будетъ Сима Ерьгла (или Сема Ерьгла). Замѣнивъ буквы ь ı буквой ы, а замѣщеніе, при перепискѣ, буквы ы двумя буквами ь ı очевидно весьма легко могло случиться — мы получимъ Сима Ерыла (или Сема Ерыла), то-есть, винит. пад. отъ Симъ (или Семъ) Ерылъ или Ерыло". Получивъ эти формы, мы легко разрѣшимъ вопросъ о значеніи имени: Ерыло = Ярило, и Симъ (или Семъ) объясняется древне-сабинскимъ Semo, что̀ означало генія или полубога. И такъ, восклицаетъ г. Фаминцынъ, — „несправедливо заподозрѣнный, отрицаемый, коренной русскій богъ Ярило спасенъ для славянской миѳологіи!" Надѣемся, что восторгъ г. Фаминцына по поводу спасеннаго Ярилы раздѣлятъ съ нимъ не только миѳологи, но и лингвисты, и палеографы. Миѳологи узнаютъ съ восхищеніемъ, что нашъ Ярилъ (или Ерылъ по г. Фаминцыну), носилъ еще другое сабинское имя Semo и что онъ же былъ извѣстенъ въ глубокой древности, за много вѣковъ до христіанства, въ Сициліи въ формѣ Ἥρυλλος (стр. 228); лингвисты узнаютъ первоначальное значеніе цѣлаго ряда именъ, какъ то: Ἥρα, Ἡρακλῆς (=Ярославъ), Herennius, Feronia и друг., палеографы—узнаютъ новый палеографическій законъ, въ силу котораго писцы, встрѣчая какое нибудь знакомое или родное имъ по звукамъ слово искажаютъ его на иностранный и неудобопроизносимый манеръ, дѣлая, напримѣръ, изъ Ерыла форму Ерьгла.

Однако мы замѣчаемъ, что уже достаточно познакомились съ научными пріемами г. Фаминцына, и не имѣемъ возможности слѣдить дальше за цѣлымъ рядомъ этимологическихъ комбинацій, которыя примѣнены имъ къ разъясненію и обогащенію славянской миѳологіи. Мы должны оставить въ сторонѣ и его безконечные списки топографическихъ названій (напримѣръ, географическія имена, въ которыхъ

звучитъ, по его мнѣнію, имя бога Тура [1]) (стр. 233), или бога Лада (стр. 254), и друг.). Чтобы слѣдить шагъ за шагомъ, слѣдовало бы написать книгу такихъ же, если не большихъ, размѣровъ, какъ книга г. Фаминцына. Впрочемъ, и рецензія такихъ объемовъ привела бы насъ въ сущности къ тому же выводу, къ которому мы приходимъ и теперь. Для насъ ясно, что г. Фаминцынъ, несомнѣнно питая большую любовь къ миѳологіи и обладая нѣкоторою начитанностью по этой части, все же, предпринявъ разсматриваемый нами трудъ, взялся не за свое дѣло. Желаніе возсоздать славянскую миѳологію увлекло его къ лингвистическимъ разысканіямъ, для которыхъ у него нѣтъ ни малѣйшей подготовки. Мы увѣрены, что еслибъ авторъ познакомился съ лингвистическимъ методомъ, онъ самъ пришелъ бы въ ужасъ, прочитавъ снова тѣ (къ сожалѣнію, многочисленныя) страницы своей книги, которыя онъ наполнилъ своими невозможными словопроизводствами. Съ другой стороны, то же увлеченіе миѳологіей подкупило его при оцѣнкѣ достоинства того или иного источника и лишило его необходимой изслѣдователю критической осмотрительности. Въ томъ и другомъ отношеніи трудъ автора есть шагъ назадъ, по сравненію съ извѣстнымъ сочиненіемъ Аѳанасьева, который былъ гораздо осторожнѣе его въ лингвистическихъ комбинаціяхъ и разборчивѣе (хотя не всегда) въ пользованіи источниками. Пробѣгая книгу г. Фаминцына, мы нерѣдко испытывали сожалѣніе, что столько прилежнаго труда положено авторомъ на задачу, которая превосходитъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, его подготовку.

Всев. Миллеръ.

Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. *И. Недешева*. Варшава. 1884.

Существуетъ нѣсколько взглядовъ на бѣлорусское нарѣчіе и на его отношеніе къ нарѣчіямъ великорусскому и малорусскому. Глубокій знатокъ русскаго языка В. И. Даль считаетъ его однимъ изъ трехъ нарѣчій великорусскаго языка (Толковый словарь, введеніе); А. А. Потебня полагаетъ, что оно должно быть признаваемо за часть южно-великорусскаго нарѣчія (Два изслѣдованія о звукахъ рус-

---

[1]) Другіе видѣли въ этихъ именахъ (Турія рѣка, Туровъ, Турій и т. п.) названіе *тура*—дикаго быка.

скаго языка, стр. 52); Миклошичъ разсматриваетъ данныя бѣлорусскихъ говоровъ вмѣстѣ съ данными говоровъ малорусскихъ (Vergleichende Grammatik der Slav. Sprachen, passim) и, слѣдовательно, видитъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи часть нарѣчія малорусскаго; Огоновскій ставитъ бѣлорусское нарѣчіе въ число говоровъ малорусскаго языка, на одну доску съ говорами червонорусскимъ, южно- и сѣверно-малорусскимъ (Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache, SS. 20—21); наконецъ, нѣкто Александръ Ельскій заявляетъ, что бѣлорусское нарѣчіе есть языкъ средній между языками великорусскимъ и польскимъ, что сближенное нѣкогда жизнью и культомъ криве-кривейтовъ (?!) съ литовскимъ языкомъ, оно приняло и усвоило себѣ много литовскихъ словъ, и что бѣлоруссы не въ состояніи понимать русскаго литературнаго языка (газета Kraj, 1885 года, №№ 5—6, статья „O gwarze białoruskiej"). Въ виду такого разногласія въ мнѣніяхъ, изслѣдователю бѣлорусскаго нарѣчія необходимо прежде всего рѣшить вопросъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ это нарѣчіе стоитъ къ другимъ русскимъ нарѣчіямъ. По нашему мнѣнію, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ, и даже легко, сопоставленіемъ главныхъ особенностей бѣлорусскаго нарѣчія съ главными особенностями нарѣчій сѣверно- и южно-великорусскаго и малорусскаго. Но г. Недешевъ не сдѣлалъ этого. Мнѣнія Миклошича и Огоновскаго, по видимому, остались ему неизвѣстны, и онъ не разобралъ ихъ, коснувшись только, почти мимоходомъ, вопроса объ отношеніи бѣлорусскаго нарѣчія къ нарѣчію южно-великорусскому.

Современные бѣлорусскіе говоры, подобно говорамъ сѣверно-великорусскимъ, по своимъ отличительнымъ чертамъ представляютъ нѣкоторое разнообразіе. Они мало изслѣдованы, но тѣмъ не менѣе въ нихъ можно отличить по меньшей мѣрѣ двѣ группы, изъ которыхъ одна, бо̀льшая, не знаетъ взаимной мѣны *ц* и *ч*, между тѣмъ какъ другая мѣняетъ эти звуки. Къ послѣдней принадлежатъ говоры ржевскій, Тверской губерніи, и себежскій, Витебской. Въ древности бѣлорусскіе говоры также болѣе или менѣе отличались другъ отъ друга. Задача автора состояла, между прочимъ, въ опредѣленіи этихъ говоровъ и указаніи ихъ характеристическихъ особенностей, для чего онъ имѣлъ достаточный матеріалъ въ грамотахъ и актахъ XIII—XV вѣковъ. Онъ могъ даже прослѣдить по документамъ исторію одного изъ нихъ, смоленско-полоцкаго, но почему-то не захотѣлъ воспользоваться тѣмъ, что̀ имѣлъ подъ руками. У г. Недешева мы не находимъ изслѣдованія ни о взаимныхъ отношеніяхъ бѣлорусскихъ говоровъ, ни о

связи древнихъ говоровъ съ современными, ни наконецъ о принадлежности того или другаго говора тому или другому изъ русскихъ племенъ, перечисленныхъ въ Начальной лѣтописи. Впрочемъ, однажды (стр. 10), въ примѣчаніи, онъ высказываетъ мнѣніе о принадлежности древняго псковскаго говора къ числу бѣлорусскихъ говоровъ, мнѣніе, какъ намъ кажется, недостаточно обоснованное. Наши свѣдѣнія о древнемъ псковскомъ говорѣ такъ незначительны, что мы не можемъ сказать о немъ ничего рѣшительнаго, кромѣ того, что, по особенностямъ своего консонантизма, онъ довольно рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ древнихъ и новыхъ русскихъ говоровъ.

Сузивъ предметъ своего труда, г. Недешевъ не воспользовался всѣмъ матеріаломъ, могущимъ имѣть значеніе для изслѣдователя бѣлорусскаго нарѣчія, и не отнесся критически къ тому, что̂ у него было подъ руками. Почти всѣ данныя, имъ приведенныя, почерпнуты имъ изъ западно-русскихъ грамотъ и актовъ, источника, конечно, важнаго, но по своему однообразію дающаго меньше, чѣмъ можно ожидать. Между тѣмъ, не говоря уже о западно-русской Четьѣ 1489 года, оставшейся автору почти совсѣмъ неизвѣстною, онъ не ознакомился даже съ языкомъ западно-русскихъ печатныхъ изданій XVI вѣка—Библіи Скорины 1517—1519 годовъ, лютеранскаго Катехизиса 1562 года, Литовскаго Статута 1588 года, въ которыхъ изслѣдователь можетъ найдти много интереснаго и важнаго, и изъ которыхъ Литовскій Статутъ кажется намъ заслуживающимъ наибольшаго вниманія. Отдѣльныя книги Библіи Скорины и экземпляры Статута не составляютъ рѣдкости и находятся почти во всѣхъ большихъ книгохранилищахъ нашихъ; понятно, г. Недешевъ могъ легко найдти ихъ для просмотра. Грамоты и акты, которыми воспользовался онъ, извѣстны ему исключительно по печатнымъ изданіямъ въ „Актахъ Западной Россіи", въ „Актахъ Южной и Западной Россіи", въ „Бѣлорусскомъ Архивѣ", въ „Русско-ливонскихъ Актахъ" и друг. Нѣкоторые изъ этихъ сборниковъ изданы на столько хорошо, что ими можетъ пользоваться какъ историкъ, такъ и лингвистъ. Таковъ прекрасный трудъ академика Куника „Русско-ливонскіе Акты". Но другіе, и въ числѣ ихъ тѣ, которыми г. Недешевъ пользовался всего чаще, не отличаются точностью и могутъ быть употребляемы лингвистами не иначе, какъ съ большою осторожностью. Сверхъ того, въ нихъ значительное число документовъ издано не по подлинникамъ, а по копіямъ, внесеннымъ въ такъ-называемую Литовскую метрику,

въ актовыя книги, въ другіе документы. Конечно, никакъ нельзя ручаться, что эти копіи сохранили всѣ мелочи правописанія подлинниковъ, и что въ нихъ нѣтъ ничего внесеннаго ихъ послѣдними переписчиками. Поэтому необходимо обращать вниманіе на то, въ подлинникѣ или въ копіи сохранился документъ, и не видѣть въ данныхъ документа, находящихся въ его копіи, непремѣнно данныхъ его подлинника. Наконецъ, изслѣдователь долженъ имѣть въ виду, что въ западно-русскихъ памятникахъ нерѣдко встрѣчаются въ однихъ—малоруссизмы, въ другихъ—полонизмы, въ третьихъ—особенности церковно-славянскаго языка, въ четвертыхъ—тѣ и другія вмѣстѣ. Онъ долженъ, по мѣрѣ возможности, выдѣлить особенности, несомнѣнно принадлежащія бѣлорусскому нарѣчію, и въ своемъ трудѣ принимать въ соображеніе только несомнѣнныя данныя.

Что̀ же мы видимъ у г. Недешева? Приводя данныя бѣлорусскаго нарѣчія XV вѣка, онъ цитуетъ, между прочимъ, извѣстную запись о Ржевской дани (стр. 11, 17), посольскія рѣчи князя Александра Литовскаго (стр. 11, 14), посольскія рѣчи короля Казимира (стр. 32). Эти памятники относятся къ XV вѣку, но сохранились въ копіяхъ, внесенныхъ въ Литовскую метрику въ XVI вѣкѣ; поэтому на заключающіяся въ нихъ особенности мы имѣемъ право смотрѣть только какъ на данныя XVI вѣка. При указаніи особенностей бѣлорусскаго нарѣчія въ XVII вѣкѣ, онъ не разъ ссылается на посланія Іоанна Вишенскаго. Хотя списокъ ихъ, бывшій въ рукахъ издателей 2-го тома „Актовъ Южной и Западной Россіи“, кажется, сдѣланъ въ Бѣлоруссіи, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что ихъ подлинникъ писанъ на смѣси церковно-славянскаго и малорусскаго языковъ. Поэтому нѣтъ возможности относить непремѣнно на счетъ бѣлорусскаго нарѣчія находящіяся въ спискѣ посланій и приводимыя г. Недешевымъ формы на *я* вмѣсто *е*: начинаня душеносное, огненное скаканя, злое сумнѣня (стр. 15), формы на *и* вмѣсто *ѣ*: въ дороги, въ одежди (стр. 20), формы съ *в* вмѣсто *л*: ковпакъ, мовчить, товчетъ (стр. 35) и т. п.; они всѣ могутъ принадлежать малорусскому языку. Огромное большинство бѣлорусскихъ памятниковъ имѣетъ въ своемъ языкѣ то или другое количество полонизмовъ. Авторъ очень часто принимаетъ полонизмы за особенности бѣлорусскаго нарѣчія и въ качествѣ этихъ послѣднихъ указываетъ, напримѣръ, на *я,а* въ мянуютъ (стр. 14), мяновалъ, гнядого, подмятане, частовалъ (стр. 15), чарнякъ (стр. 16), язда, вянокъ (стр. 19), ведущія свое начало изъ польскаго языка: сравни польск. mianować, gniady,

podmiatać, częstować, czarny, jazda, wianek. Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣшеніе польскаго элемента съ бѣлорусскимъ вполнѣ естественно и извинительно, но въ нѣкоторыхъ оно указываетъ или на нѣсколько небрежное отношеніе автора къ дѣлу, или на незнаніе имъ польскаго языка. Только тѣмъ или другимъ можетъ быть объяснено отнесеніе имъ *ц* въ такихъ несомнѣнныхъ полонизмахъ, какъ полцеляця, цетревя, плоценко, чверць и т. п., къ числу бѣлорусскихъ особенностей.

Авторъ предпринялъ обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ, и потому мы не имѣемъ права указывать на упущеніе имъ нѣкоторыхъ мелкихъ особенностей, какъ бы интересны они ни были. Но мы думаемъ, что онъ едва ли имѣлъ основаніе причислить къ мелочамъ и потому опустить замѣну *а*, *я* черезъ *е*, встрѣчающуюся часто и въ западнорусскихъ грамотахъ XV вѣка и позже, и въ Четьѣ 1489 года: светого, наметь, везати и т. п. (наши „Очерки изъ исторіи русскаго языка“, стр. 103), замѣну жж черезъ здч, ждч, являющуюся, напримѣръ, въ грамотѣ 1497 года: выѣздчій (по Литовской метрикѣ; Акты Западной Россіи, I, № 146) [1]): формы мѣстн. ед. на *у*, нерѣдкія въ грамотахъ, напримѣръ, въ грамотѣ Витовта 1383 года: у Полотск*у* (Акты Западной Россіи, I, № 6); формы множественнаго числа мѣстоименія весь: всихъ, всимъ, всими, также нерѣдкія въ грамотахъ, напримѣръ, въ той же грамотѣ: всими лѣсы, всими пожитки, всимъ потомкомъ; формы 1 л. множественнаго числа на мо въ родѣ есмо, чинимо, слюбуемо. Мы полагаемъ, что г. Недешевъ долженъ былъ отнестись съ большимъ вниманіемъ къ *о* изъ неударяемаго *е* (стр. 22) и остановиться долѣе на этомъ важномъ явленіи (о немъ см. нашу замѣтку „Къ исторіи русскихъ акающихъ говоровъ“, Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1884 года, № 3) и что ему слѣдовало привести примѣры формъ мѣстн. п. множествен ч. на охъ и на ехъ (стр. 45).

Нѣкоторыя замѣчанія и объясненія г. Недешева кажутся намъ неосновательными. Мы не понимаемъ, почему онъ считаетъ аканье

---

[1]) Еслибы г. Недешевъ былъ знакомъ съ языкомъ Литовскаго Статута, онъ нашелъ бы въ немъ не мало случаевъ употребленія *ждч* вмѣсто *жж*, *жджс*: *приеждчые* 1, *приеждчаючи* 13, *приеждчають* 19, *наеждчалъ* 58, *зъеждчатисе* 73 и др. Сравни соврем. бѣлорусск. рославльск. *дожчичикъ* (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, 1884 года, № 3, стр. 56).



бѣлоруссовъ за результатъ „стремленія къ сохраненію равновѣсія неударенныхъ слоговъ" (стр. 9). Неужели онъ полагаетъ, что въ сѣверо-великорусскомъ хорошо неударяемые слоги не находятся въ равновѣсіи, и что для возстановленія его требуется переходъ неударяемаго открытаго *о* въ *а*? Точно также не понимаемъ, какъ можно опираться на такія данныя, какъ имена *А*лгердъ, *А*нофрей. Написаніе перваго имени находится въ тѣсной связи съ произношеніемъ его въ XIV вѣкѣ литовцами, намъ неизвѣстнымъ, и видѣть въ немъ отраженіе бѣлорусскаго аканья нѣтъ основанія; написаніе втораго не рѣдкость въ нашихъ старыхъ памятникахъ и также едва ли имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ аканью. Сравн. Анофрия въ синодальномъ Евангеліи XIII—XIV вѣковъ, № 401, Ануфрия въ синодальномъ Евангеліи 1358 года, № 69. Мы не можемъ согласиться съ авторомъ, что аканье тольминскихъ и цирклянскихъ словинцевъ [1]) не болѣе, какъ „похоже" на аканье русскихъ (стр. 10). Хотя у словинцевъ перешло въ *а* не только не ударяемое, но и ударяемое краткое *о*, тѣмъ не менѣе ихъ аканье имѣетъ своимъ основаніемъ открытое произношеніе древняго *о*, — то же, что̀ и русское аканье, и такимъ образомъ представляетъ много общаго съ этимъ послѣднимъ [2]). Форма одинова („не одинова посылалъ") не есть форма родительнаго единственнаго, какъ, кажется, думаетъ г. Недешевъ (стр. 12), а представляетъ особое нарѣчное образованіе; сравни съ нею современное сѣверно-великорусское однова́ и въ духовной св. Кирилла Бѣлозерскаго 1427 года однова̀ (Акты Историческіе, I, № 82). Форма сяя („сяя моя продажа") не должна быть считаема за происшедшую отъ сея (?!), какъ говоритъ авторъ (стр. 14); она не что иное, какъ новая членная форма именительнаго п. единственн. женск. рода мѣстоименія сь, состоящая изъ ся-я; сравни формы именительнаго единственнаго женскаго рода тая и вин. единственнаго женскаго рода сюю, нерѣдко въ западно-русскихъ памятникахъ. Прилагательное княжацкій (стр. 15) не то же, что̀ княжец-

---

[1]) Цирклянскій говоръ недавно подробно описанъ профессоромъ *Бодуэномъ-де-Куртенэ* въ *Archiv für Slavische Philologie*, т. VII.

[2]) Быть можетъ, съ словинскимъ аканьемъ вполнѣ тожественно муромское аканье. По свидѣтельству покойнаго Колосова, нѣсколько старыхъ муромскихъ семей имѣютъ особое нарѣчіе и постоянно замѣняютъ *о* черезъ *а*, такъ что у нихъ слышится *май*, *кашка*, *дамъ* вмѣсто *мой*, *кошка*, *домъ* (Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи—*Записки Академіи Наукъ*, т. XXX), стр. 7.

кій; оно происходитъ отъ княжа, княжати. Форма ручаемъ (ib.) есть творительный единственнаго къ именительному единственнаго ручай, а не къ ручей; сравни древне-русское ручай („надъ ручаемъ", „на ручай", Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 53, 114) и современное малорусское ручай. Нарѣчія доколя, оттуля, доселя, кромя и т. п. имѣютъ древнее конечное *а*, вѣроятно, тожественное съ конечнымъ *а* въ формахъ родительнаго единственнаго и существовавшее раньше, чѣмъ началось бѣлорусское аканье, вслѣдствіе чего это *а* не можетъ быть объясняемо изъ *ѣ*, какъ дѣлаетъ авторъ (стр. 18—19). Сравн. съ ними современныя малорусскія відкіля, відсіля и т. п., великорусское окромя, польское kromia („kroma boga naszego; Флоріанская Псалтырь, изданіе Неринга, стр. 15). Въ формахъ ишолъ, отышолъ, узышло, знайшолъ не слѣдуетъ, какъ дѣлается у автора (стр. 26, 22, 23), видѣть приставку гласнаго *и* и переходъ *о* въ *ы*. Форма ишолъ образовалась отъ ис-шолъ (изъ чего получилось также ищолъ); форма отышолъ изъ отъ-ишолъ. Причастныя формы на мши въ родѣ вземши, вынемши, перенемши не могутъ быть объясняемы изъ формъ на вши (стр. 52); они архаизмы, и *м* въ нихъ принадлежитъ корню; сравн. церковно-славянское възьмъ, възьмъши (корень ьм).

Не смотря на всѣ свои недостатки и погрѣшности, трудъ г. Недешева явленіе пріятное. Бѣлорусское нарѣчіе, представляющее много интереснаго и по своимъ памятникамъ восходящее къ началу XIII вѣка, до сихъ поръ почти не обращало на себя вниманія изслѣдователей, и намъ извѣстны о немъ только небольшой трудъ Аппеля „О бѣлорусскомъ нарѣчіи" въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ 1880 года и указанная выше, не научная и мало содержательная статья Ельскаго. Благодаря г. Недешеву, исторія бѣлорусскаго нарѣчія, хотя и не совсѣмъ вѣрно и полно, освѣтилась, и свѣдущій читатель, могущій отдѣлить пшеницу отъ плевелъ, поблагодаритъ автора за подборъ фактическаго матеріала.

А. Соболевскій.

Ключевскій, В. Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему. Опытъ опредѣленія мѣновой стоимости стариннаго рубля по хлѣбнымъ цѣнамъ. Москва. 1884.

Въ нашихъ историческихъ источникахъ сохранилось не мало извѣстій, рисующихъ экономическую жизнь русскаго народа въ прошлые

вѣка. „Къ сожалѣнію", говоритъ авторъ названаго выше сочиненія,— „лучшихъ изъ этихъ извѣстій, въ которыхъ точно обозначены старыя русскія цѣны предметовъ, мы не умѣемъ прочитать, какъ слѣдуетъ. Напримѣръ, въ извѣстіи, что такой-то русскій землевладѣлецъ XVI вѣка бралъ съ своихъ крестьянъ оброка по три рубля съ выти, скрывается указаніе на стоимость земли, труда, капитала, на условія поземельной аренды, настроеніе рынка и на многое другое, что̀ мы желали бы знать о русскомъ обществѣ того времени; только мы не понимаемъ ни того, что̀ такое выть въ данномъ случаѣ, ни того, что̀ значилъ рубль на рынкѣ во всѣхъ случаяхъ, о которыхъ намъ говорятъ извѣстія XVI вѣка. Подобныя извѣстія—исторіографическія загадки, шифрованное письмо, ключъ къ которому потерянъ. Пока не будетъ найденъ этотъ ключъ, значительный запасъ такихъ извѣстій, сохранившійся въ источникахъ, остается заманчивымъ, но недоступнымъ, то-есть, безполезнымъ для науки матеріаломъ. Поискать не самый ключь, а путь, которымъ можно найдти его—вотъ задача предлагаемаго метрологическаго опыта". Путь этотъ, по мнѣнію автора, состоитъ въ „оцѣнкѣ мѣновой стоимости стариннаго рубля сравнительно съ нынѣшнимъ или, говоря проще, въ опредѣленіи того, во сколько разъ большее количество хозяйственныхъ благъ можно было пріобрѣсти на старинный рубль сравнительно съ нынѣшнимъ.... Вполнѣ точная оцѣнка", продолжаетъ авторъ, — „должна быть основана на всей совокупности хозяйственныхъ благъ, пріобрѣтаемыхъ за деньги. При невозможности взять въ разчетъ всю ихъ совокупность, мы ограничиваемся цѣнами хлѣба, какъ предмета, вѣрнѣе другихъ выражающаго мѣновое значеніе денежной единицы" (стр. 1 и 23).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ не ограничивается однако опредѣленіемъ одной мѣновой стоимости рубля по отношенію къ хлѣбу и значительно расширяетъ свою задачу. Не смотря на нѣкоторую сбивчивость изложенія и неточность терминологіи автора, употребляющаго вмѣсто принятаго въ политической экономіи выраженія „мѣновая цѣнность" другое „мѣновая стоимость", можно, впрочемъ, догадаться уже изъ приведенныхъ словъ, что г. Ключевскій желаетъ узнать не только покупательную силу рубля относительно хлѣба въ разные періоды, но и отыскать на основаніи тѣхъ пропорцій, въ какихъ обмѣнивались въ разное время хлѣбъ и эта денежная единица, мѣру цѣнности для всѣхъ товаровъ вообще. Сообщая, напримѣръ, что четверть хлѣба стоила въ 1674 г. 65 коп., а въ 1882 г. 8 руб. 40 коп.,

и что фунтъ чая, по свидѣтельству Кильбургера, стоилъ въ означенномъ году 30 коп, — авторъ изъ этихъ фактовъ прежде всего выводитъ, что рыночное отношеніе копѣйки, а слѣдовательно, и рубля, измѣнилось съ того времени въ 12,9 разъ, то-есть, во столько разъ, во сколько 65 коп. меньше 840 коп., а вовторыхъ, на основаніи этого отношенія. опредѣляетъ цѣну чая, помножая 30 коп. на 12,9, и путемъ такого расчета приходитъ къ заключенію, что цѣна фунта чаю того времени равнялась нынѣшнимъ 3 руб. 87 коп., слѣдовательно, была выше нынѣшней, если только Кильбургеръ покупалъ простой черный чай, а не какой-либо изъ высшихъ сортовъ.

Прежде чѣмъ судить, на сколько авторомъ разрѣшены эти два совершенно различные вопроса, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, на сколько они вообще разрѣшимы. Опредѣленіе рыночнаго отношенія какой-либо денежной единицы по отношенію къ одному извѣстному товару, напр., ко ржи, въ разные годы, очевидно, не представляетъ затрудненія: оно достигается простымъ дѣленіемъ одной цѣны на другую; частное покажетъ, во сколько разъ измѣнилось мѣновое отношеніе этой единицы къ взятому товару. Въ приведенномъ примѣрѣ это частное будетъ 12,9, изъ чего слѣдуетъ, что въ 1882 г. на 12,9 рублей можно было купить столько же ржи, сколько въ 1674 г. на 1 рубль; но такое опредѣленіе само по себѣ не имѣетъ экономическаго значенія.

Перемѣна въ цѣнѣ ржи могла произойдти и отъ измѣненія въ стоимости ея производства, и отъ измѣненія качества денежной единицы, если—какъ это имѣло мѣсто у насъ—была введена въ обращеніе монета съ прежнимъ названіемъ, но гораздо легче вѣсомъ или съ значительно пониженной пробою, наконецъ отъ паденія цѣнности самого металла, принятаго за валюту. По однимъ перемѣнамъ въ цѣнахъ хлѣба, когда сравниваются періоды другъ отъ друга отдаленные, нельзя узнать, отъ какой изъ этихъ причинъ произошла перемѣна въ цѣнахъ, и никакимъ образомъ нельзя заключать повысилась или понизилась мѣновая цѣнность рубля вообще, и если авторъ утверждаетъ на основаніи одной этой перемѣны, что хлѣбъ вздорожалъ (стр. 41, 51), то въ одинаковой степени было бы справедливо полагать, что онъ подешевѣлъ, или что цѣнность его осталась неизмѣнною. Цѣнность, какъ извѣстно, есть мѣновое отношеніе двухъ предметовъ, обыкновенно измѣряемое третьимъ—денежною единицей, и не прибѣгая къ сопоставленію цѣны хлѣба съ цѣною дру-

гаго какого-либо товара въ тотъ или другой періодъ путемъ лиш сравненія его съ мѣрою цѣнности — рублемъ опредѣлить колебані цѣнности его нельзя.

Пользуясь приведеннымъ примѣромъ, мы, на основаніи сообщае мыхъ авторомъ фактовъ, можемъ лишь сказать, что въ 1674 год четверть ржи равна была по цѣнности 2,1 фунта чая, а въ 1882 г. принимая цѣну фунта чая въ этомъ году въ 2 рубля, она равнялас 4,2 фунтамъ его, то-есть, что рожь по оцѣнкѣ на чай возросла вдвое Но этотъ выводъ, очевидно, не находится ни въ какой связи съ цѣн ностью денегъ въ эти два періода ни по отношенію ко ржи, ни по отношенію къ другимъ товарамъ.

Между тѣмъ авторъ, на основаніи рыночнаго отношенія рубля къ четверти хлѣба въ 1882 г. и въ ранніе періоды, опредѣляетъ не только цѣнность хлѣба, но и цѣнность другихъ товаровъ. Этотъ пріемъ представляется намъ также неправильнымъ. Мѣновая цѣнность рубля, въ высшей степени измѣнчивая сама по себѣ въ зависимости отъ матеріала, изъ какого онъ дѣлается, не могла измѣняться въ одинаковой пропорціи по отношенію къ другимъ товарамъ, и что она дѣйствительно измѣнялась въ различныхъ пропорціяхъ, это видно изъ данныхъ, приводимыхъ самимъ авторомъ. За одинъ рубль мы получаемъ теперь перцу въ 2,9 разъ менѣе чѣмъ въ концѣ XVI в., сахару въ 2,7 раза, писчей бумаги въ 30,5, солонины въ 21 разъ и т. д. (стр. 37, 39), а хлѣба въ 74 раза менѣе.

Очевидно, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что покупательная сила рубля по отношенію, напримѣръ, къ писчей бумагѣ стала въ 74 раза менѣе. Между тѣмъ авторъ основываетъ на этомъ, противорѣчащемъ имъ же приводимымъ даннымъ, предположеніи всѣ свои расчеты о вздорожаніи или удешевленіи различныхъ товаровъ.

Приведемъ примѣръ. Стопа бумаги стоила въ концѣ XVI вѣка 40 коп., а теперь 13 руб. Чтобы опредѣлить мѣновую цѣнность рубля къ бумагѣ тогда и теперь, авторъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: на копѣйку въ концѣ XVI вѣка можно было купить хлѣба въ 74 раза больше, чѣмъ теперь, а на 40 коп. столько же, сколько теперь на 2.960 коп. Раздѣляя эту послѣднюю цифру на 13 руб., узнаемъ, что бумага подешевѣла въ 2,2. Но на копѣйку въ то время можно купить въ 21 разъ больше мяса-солонины. Разсуждая, по примѣру автора, мы могли бы на основаніи этой цифры заключить, что бумага вздорожала на 0,6 прежней цѣны. Такихъ

вычисленій можно сдѣлать столько, сколько существуетъ товаровъ, и результаты ихъ были бы для каждаго случая различны. Мы узнали бы, что по отношенію къ однимъ товарамъ бумага вздорожала, по отношенію къ другимъ подешевѣла, но утверждать, что она подорожала или подешевѣла вообще, по сравненію со всѣми товарами, мы не имѣли бы никакого основанія. Авторъ взялъ цѣны хлѣба, вѣроятно, въ виду предположенія Адама Смита, что цѣнность этого товара, сильно измѣняясь изъ года въ годъ, мало измѣняется изъ столѣтія въ столѣтіе. Но предположеніе это, какъ извѣстно, оказалось невѣрнымъ: стоимость производства хлѣба съ размноженіемъ населенія поднимается, а отъ земледѣльческихъ улучшеній въ самой ли странѣ или въ другихъ земляхъ падаетъ, и вообще на столько измѣнчива, что служить вполнѣ надежною мѣрою цѣнности, которымъ можетъ быть только товаръ, производимый при одинаковомъ сочетаніи условій труда и капитала, она не можетъ.

Исходя изъ невѣрныхъ положеній, авторъ необходимо долженъ былъ придти и къ ошибочнымъ заключеніямъ. Многочисленныя изслѣдованія исторіи цѣнъ показали, что, по мѣрѣ размноженія населенія, съ одной стороны, и по мѣрѣ развитія знаній, промышленной дѣятельности и улучшенія путей сообщенія—съ другой, то-есть, по мѣрѣ увеличенія производительности труда и капитала, становятся дороже предметы добывающей промышленности, въ производствѣ которыхъ наибольшее участіе принимаютъ даровыя силы природы, и напротивъ, дешевле продукты обработывающей промышленности, а равнымъ образомъ привозные предметы роскоши. По вычисленіямъ же г. Ключевскаго оказывается, что вздорожалъ у насъ одинъ хлѣбъ (что̀ хотя вѣрно, но авторомъ не доказано), а всѣ остальные продукты подешевѣли: скотъ съ конца XVI вѣка подешевѣлъ въ 1,6 раза, домашняя птица, мясо, продукты пчеловодства и огородничества, „какъ и другіе туземные предметы продовольствія и домашняго хозяйства, кромѣ хлѣба“, съ конца того же вѣка подешевѣли ровно вдвое, колоніальные и мануфактурные товары, большая часть которыхъ предметы роскоши, подешевѣли въ 5½ разъ. Относительно цѣнности труда, опредѣлить которую особенно было бы важно, авторъ колеблется. Сравнивая вознагражденіе (110 коп. въ годъ), какое получали чернорабочіе Корниліева-Комельскаго монастыря, съ годовою платою теперешняго сельскаго рабочаго въ Вологодской губерніи, равняющеюся 67 руб. 50 коп., онъ находитъ, что средняя плата чернорабочаго въ то время была въ 61 разъ меньше зара-

ботка нынѣшняго, а при помощи изложеннаго выше пріема узнаетъ что „трудъ теперь нисколько не дешевле, чѣмъ онъ былъ въ XVI вѣкѣ напротивъ, сталъ повидимому даже нѣсколько дороже" (стр. 41) Чтобы видѣть, какъ шатки вообще основанія для подобныхъ вычисленій, мы сопоставимъ цѣны на трудъ съ цѣнами на хлѣбъ. За 110 коп. рабочій XVI вѣка могъ получить, при цѣнѣ четверти ржи въ 25 коп. (стр. 35), четыре съ половиною четверти, а теперешній рабочій за 67 руб. 50 коп. получаетъ, при цѣнѣ ржи въ 9 рублей за четверть, 7,4 четвертей, то-есть, трудъ подорожалъ не „нѣсколько", а болѣе чѣмъ въ 1½ раза. Но авторъ относитъ 25-ти-копѣечную цѣну ржи къ дорогимъ, и уменьшая ее вдвое, мы узнаемъ, что теперь трудъ сталъ дороже въ 3 раза. Но пока намъ неизвѣстна стоимость всѣхъ предметовъ потребленія рабочаго того времени и настоящаго, всѣ подобныя вычисленія не будутъ имѣть никакого значенія. Значительную часть своего заработка современный рабочій употребляетъ на покупку одежды и обуви, которыя тогда приготовлялись дома.

Авторъ не касается, противъ ожиданія, на какое даютъ право первыя, приведенныя выше, строки его сочиненія, цѣнъ на земли. Но пользуясь его пріемами, не трудно доказать, что и арендная цѣна на землю въ Россіи въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій сильно подешевѣла. Это впрочемъ понятно и безъ особыхъ объясненій: аренда не могла въ концѣ XV вѣка возрасти въ 100 разъ, то-есть, въ той пропорціи, въ какой, по выводамъ автора, упала рыночная цѣнность рубля, и крестьянинъ, арендующій землю, платитъ теперь въ переводѣ на хлѣбъ за землю меньше, чѣмъ прежде. Въ дѣйствительности объ удешевленіи арендныхъ цѣнъ при увеличеніи населенія, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

По видимому, и самъ г. Ключевскій не придаетъ особаго значенія своимъ мнѣніямъ относительно взаимнаго отношенія мѣновой цѣнности товаровъ въ разные періоды, не безъ основанія опасаясь, что не только „его выводы, но и самые пріемы изслѣдованія" могутъ показаться „подозрительными и неудачными" (стр. 71).

Онъ предлагаетъ читателю сосредоточить вниманіе на „главныхъ выводахъ" его „опыта" относительно вѣса четверти и размѣра хлѣбныхъ цѣнъ въ сравниваемые періоды.

Выводы эти таковы.

I. Въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка наиболѣе распространенными торговыми мѣрами хлѣба у насъ служили четверти московская въ центральныхъ и южныхъ областяхъ Московскаго государства

и новгородская на сѣверѣ. Первая вмѣщала въ себѣ 4 древне-русскихъ или $4^1/_2$ нынѣшнихъ пуда ржи, то-есть, была фунта на 4 больше половины нынѣшней торговой четверти ржи вѣсомъ въ 9 пудовъ 5 фунтовъ; вторая четверть была въ $1^1/_2$ раза больше первой, то-есть, вѣсила 7 нынѣшнихъ пудовъ ржи. Съ половины XVII вѣка, если не раньше, та и другая четверть удвоилась.

II. Опредѣляя по цѣнамъ хлѣба мѣновое отношеніе стараго московскаго, потомъ всероссійскаго рубля къ нынѣшнему кредитному, авторъ утверждаетъ, что приблизительно

рубль	1500 года	стоилъ не менѣе	100 нынѣшнихъ.
„	1501—1550	равнялся	63—83
„	1551—1600	„	60—74
„	1601—1612	„	12
„	1613—1636	„	14
„	1651—1700	„	17
„	1701—1725	„	9
„	1730—1740	„	10
„	1741—1750	„	9

Изслѣдованіе вѣса русскихъ хлѣбныхъ мѣръ, въ виду скудости точныхъ извѣстій и крайняго разнообразія ихъ вмѣстимости не только въ разное время, но и въ разныхъ мѣстахъ въ одинъ опредѣленный періодъ, представляетъ значительныя трудности.

Наиболѣе употребительныя хлѣбныя мѣры въ Московской Руси XVI—XVII вѣковъ были: бочка, кадь или оковъ, зобница, коробья, рогожа или мѣшокъ, мѣра, четверикъ, наконецъ, четверть. Всѣ эти мѣры находились въ опредѣленномъ отношеніи къ четверти: бочка, кадь или оковъ заключали по четыре четверти, равно какъ и псковская зобница XV и XVI вѣковъ, новгородская коробья равнялась половинѣ бочки или кади. Но сама четверть была не одинакова въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена; клейменой мѣры ея (посуды) нигдѣ не сохранилось, и опредѣленіе вмѣстимости четверти возможно лишь чрезъ вѣсъ входившаго въ нее хлѣба. А такъ какъ въ древней Россіи не было въ обыкновеніи измѣрять количество хлѣба вѣсомъ и переводить мѣры сыпучихъ тѣлъ на мѣры вѣса, то для опредѣленія емкости четверти въ той или другой мѣстности, въ то или другое время, остается идти путемъ догадокъ на основаніи косвенныхъ указаній, часто даже очень неясныхъ намековъ. Нужно сказать, что г. Ключевскому удалось преодолѣть эти трудности, и его выводы относительно вмѣстимости четверти можно признать достаточно об-

основанными, тѣмъ болѣе, что они совпадаютъ съ выводами и другихъ метрологовъ. Можно развѣ замѣтить, что мнѣніе его о времени замѣны прежней четверти новою удвоенною основывается на довольно шаткихъ данныхъ. Прямыхъ извѣстій объ этой мѣрѣ нѣтъ; приходится анализировать различныя косвенныя данныя. Важнѣйшее изъ нихъ даетъ сохранившаяся въ дѣлахъ Сибирскаго приказа смѣта хлѣбныхъ запасовъ, собранныхъ съ казенныхъ пашенъ Томскаго уѣзда въ 1642 году. Изъ этой смѣты видно, что сотница (копна въ 100 сноповъ) озимой ржи дала 2 четверти хлѣба съ очень мелкою дробью. Изъ хозяйственныхъ же книгъ по вотчинѣ извѣстнаго боярина Б. И. Морозова узнаемъ, что въ 1659—1661 гг. въ его арзамасскихъ и курмышскихъ деревняхъ изъ сотницы ржи вымолачивали не больше четверти зерна, чаще гораздо менѣе, иногда только по осминѣ. То же и съ овсомъ: изъ сотницы сноповъ томскаго казеннаго овса намолачивали 2½ четверти, а у Морозова копна давала лишь четверть зерна, иногда нѣсколько болѣе, иногда немного менѣе. Такимъ образомъ, копна того и другаго хлѣба въ 1642 году давала вдвое больше четвертей зерна, чѣмъ въ 1659—1661 гг. „Какъ ни различны могли быть копны по качеству колоса или зерна, замѣчаетъ авторъ, такая значительная и однообразная разница заставляетъ догадываться, что она происходила не отъ измѣнчивости умолота, а отъ неодинаковой хлѣбной мѣры: въ 1642 г. копна давала вдвое больше четвертей зерна, потому что четверть тогда была вдвое меньше, чѣмъ въ 1659 году“. Нѣкоторымъ потвержденіемъ этой догадки, по мнѣнію автора, можетъ служить указаніе одной духовной 1548 г., изъ которой видно, что въ XVI в. въ московскихъ областяхъ изъ копны овса получалось умолоту по 3 четверти московскихъ, то-есть, немного больше, чѣмъ изъ сотницы томскаго овса 1642 г. Но предполагая даже, что умолотъ зерна былъ одинаковъ, что снопы вязались повсюду однихъ размѣровъ, можно объяснять указанную разницу, быть можетъ, тѣмъ, что „сотница“ у Морозова не заключала въ себѣ полной сотни сноповъ подобно тому, какъ его „боярская дворовая“ четверть была меньше четверти московской „таможенной“ на 1,1 четверика. Что же касается до копны, обозначенной въ духовной, то не ясно, заключала ли она въ себѣ сотню сноповъ или болѣе. Во всякомъ случаѣ, къ концу XVII в. вошла въ употребленіе 8 пудовая четверть вмѣсто прежней 4 пудовой.

Опредѣливъ вмѣстимость четверти, авторъ переходитъ къ глав-

нѣйшей задачѣ своего „опыта“ къ опредѣленію мѣноваго отношенія рубля въ разное время по цѣнамъ четверти хлѣба.

Поставивъ себѣ цѣлію сравненіе не отдѣльныхъ какихъ-либо моментовъ, а такихъ продолжительныхъ періодовъ, какъ столѣтія, авторъ прежде всего долженъ былъ установить основныя или такъ-называемыя въ статистикѣ среднія цѣны для каждаго изъ сравниваемыхъ періодовъ. Установленіе этихъ среднихъ, даже при такой точной регистраціи цѣнъ, какая ведется въ настоящее время, представляетъ большія затрудненія вслѣдствіе ихъ крайняго непостоянства и измѣнчивости. Въ древней Россіи, когда каждая мѣстность при отсутствіи хорошихъ сообщеній питалась своимъ хлѣбомъ, колебанія хлѣбныхъ цѣнъ были гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь, а свѣдѣнія о нихъ въ высшей степени случайны: въ большинствѣ источниковъ мы находимъ записи объ исключительно дешевыхъ или необыкновенно дорогихъ цѣнахъ, возбуждавшихъ вниманіе современниковъ; обыкновенныхъ цѣнъ записано мало. Выводить изъ такого запаса случайныхъ величинъ, обусловливавшихся исключительными обстоятельствами, среднія величины, какъ бы ни были продолжительны періоды, опредѣлять на основаніи ихъ основныя цѣны, въ которыхъ бы выражалось дѣйствіе коренныхъ, постоянныхъ условій хлѣбнаго рынка, значитъ, по удачному выраженію автора, „играть средними“. Когда одно извѣстіе говоритъ о дорогой цѣнѣ ржи въ Поонежьѣ 1549 г., а другое отмѣчаетъ еще болѣе дорогую дорогобужскую цѣну 87 лѣтъ спустя, или когда сообщается, что въ одно и то же время въ Москвѣ рожь стоила 4—5 денегъ, а въ Бѣлоозерьѣ 84, то тутъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо среднихъ. Между тѣмъ авторъ, самъ сознавая непригодность этихъ свѣдѣній для вывода среднихъ цѣнъ по цѣлымъ столѣтіямъ, на такихъ-то случайныхъ данныхъ и основалъ всѣ свои сопоставленія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ему попадались для одного извѣстнаго періода цѣны крайне дешевыя и крайне дорогія, какъ напримѣръ, для XVI в., онъ сопоставляетъ съ современными цѣнами тѣ и другія, отъ чего впрочемъ пріемъ его не выигрываетъ въ научности.

Даже и при опредѣленіи современныхъ цѣнъ, когда научный пріемъ вывода среднихъ могъ бы быть примѣненъ, авторъ не пользуется имъ. Въ послѣдніе годы правительствомъ, земствами, думами и другими органами болѣе или менѣе правильно записываются цѣны на хлѣбъ, и установленіе среднихъ не представило бы трудностей. Между тѣмъ авторъ для сравненія съ старинными цѣнами беретъ

исключительно хлѣбныя цѣны, существовавшія въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ 1882 г. Цѣны эти онъ извлекаетъ изъ изданія департамента земледѣлія и сельской промышленности: „1882 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи“. Но ихъ нельзя считать средними даже для этихъ трехъ мѣсяцевъ, такъ какъ свѣдѣнія, изъ которыхъ они выведены, доставлены немногими случайными корреспондентами и изъ весьма различныхъ районовъ каждой губерніи.

Еще менѣе они могутъ считаться средними для всего года и уже совсѣмъ нельзя ихъ признать такими для современнаго десятилѣтія или двадцатилѣтія, отличавшагося, какъ извѣстно, чрезвычайными колебаніями цѣнъ. Цѣны одного извѣстнаго момента можно было бы принять за типическія, еслибъ они совпадали съ средними, но такое совпаденіе представляетъ, какъ извѣстно, чрезвычайно рѣдкую случайность, и имѣла ли мѣсто такая случайность у насъ въ 1882 г., авторъ не поясняетъ.

Послѣ всего сказаннаго мы, кажется, имѣемъ право сказать, что авторъ сравниваетъ не типическія цѣны, а совершенно случайныя цѣны различныхъ моментовъ, и если, тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ ихъ „основными“ для взятыхъ періодовъ, то конечно, такое утвержденіе нельзя не признать произвольнымъ. Сопоставленія такихъ цѣнъ не пригодны ни для какихъ цѣлей и всего менѣе для опредѣленія мѣноваго отношенія стариннаго рубля къ нынѣшнему: принимая случайную цѣну ржи въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ въ $22^1/_2$ коп. (стр. 35) за типическую, мы приходимъ къ заключенію, что мѣновая цѣнность рубля по сравненію съ современнымъ была выше въ 37 разъ ($840 : 22^1/_2 = 37$), а принимая за типическую цѣну четверти ржи въ 1589 г. въ Новгородѣ, мы узнаемъ, что эта цѣнность была выше лишь въ 11 разъ (900 [1]) : 80 = 11), наконецъ, складывая обѣ современныя цѣны ржи и обѣ цѣны XVI в. въ названныхъ мѣстностяхъ, мы чрезъ дѣленіе (согласно пріему автора) первыхъ на послѣднія узнаемъ, что на рубль въ то время можно было купить въ 16 разъ болѣе хлѣба, чѣмъ теперь. Какое же изъ этихъ отношеній ближе къ истинѣ, и имѣетъ ли значеніе какое-либо изъ нихъ, въ виду такихъ рѣзкихъ различій въ цѣнахъ?

Не меньшее недоумѣніе возбуждаютъ другіе пріемы автора. Принимая за основаніе вычисленій хлѣбныя цѣны, казалось бы, слѣдовало

1) Цѣна четверти ржи была въ 1882 г. въ Московской губерніи 8 р. 40 к., въ Новгородской 9 руб.

брать цѣны одного какого-либо хлѣба, именно ржи, какъ наиболѣе употребляемаго продукта и наименѣе подвергающагося колебаніямъ въ цѣнѣ въ продолженіе столѣтій. Но г. Ключевскій беретъ „среднюю" цѣну четверти не ржи, а хлѣба вообще, то-есть, ржи, пшеницы, ячменя и овса вмѣстѣ. Этотъ пріемъ еще менѣе дѣлаетъ вѣроятными принимаемыя имъ основныя цѣны, такъ какъ такой выводъ среднихъ возможенъ былъ бы лишь при условіи, еслибъ отношеніе цѣнъ названныхъ хлѣбовъ оставалось постоянно одинаковымъ и если бы число записей цѣнъ въ обоихъ случаяхъ было для каждаго хлѣба одно и то же, чего въ данномъ случаѣ нѣтъ.

Совершенно понятно, что, пользуясь такими пріемами, авторъ долженъ былъ придти и къ невѣрнымъ заключеніямъ относительно мѣновой цѣнности рубля. Изъ обширной историко-статистической литературы по вопросу о хлѣбныхъ цѣнахъ извѣстно, что цѣны эти, сильно колеблясь въ теченіе небольшихъ періодовъ времени, измѣняются довольно медленно, въ продолженіи столѣтій. По изслѣдованіямъ же автора оказывается, что цѣна хлѣба въ концѣ XV вѣка въ Россіи была въ 100 разъ ниже нынѣшней, въ концѣ XVI в. — въ 60 — 74 раза, въ первой половинѣ XVII столѣтія она вдругъ повышается и ниже нынѣшней лишь въ 12 разъ, а въ первой половинѣ XVIII вѣка въ 9 разъ [1]), то-есть, цѣны повышались такими скач-

[1]) Отношенія эти выведены слѣдующимъ способомъ: въ извѣстной окладной книгѣ 1500 г. хлѣбный оброкъ, какой платили въ казну оброчные крестьяне, иногда замѣняется денежнымъ. Авторъ, предполагая почему-то, что казна при оцѣнкѣ оброка сообразовалась съ хлѣбными цѣнами, существовавшими въ Новгородѣ, на основаніи этой книги и цѣны Департамента составляетъ для 1550 г. слѣдующую таблицу:

Рожь . . .	900	: 6 $^2/_3$	= 135
Пшеница .	1,200	: 9 $^1/_3$	= 128
Ячмень . .	635	. 4 $^2/_3$	= 136
Овесъ. . .	930	: 3 $^1/_3$	= 117

Первая колонна цифръ показывеетъ средніе (?) цѣны четверти хлѣба въ 1882 г. въ Новгородской губерніи (но Вотская пятина занимала только уголъ этой губерніи), вторая колонна показываетъ вотскія цѣны количества хлѣба «приблизительно равняющагося нынѣшней торговой четверти» въ новгородкахъ, принятыхъ авторомъ равными нынѣшнимъ копѣйкамъ, и, наконецъ третья колонна образовалась изъ знаменателей отношеній, показывающихъ во сколько разъ, по сравненію тѣхъ и другихъ цѣнъ, московскій рубль конца XV в. стоилъ на рынкѣ дороже нынѣшняго. Средній знаменатель 129 и далъ автору основаніе утверждать, что московскій рубль конца XV в. по хлѣбнымъ цѣнамъ равнялся 130 нынѣшнимъ. Тѣмъ же способомъ вычислены и другія отношенія.

ками, какъ нигдѣ, что̀ могло бы случиться развѣ лишь въ томъ случаѣ, если бы происходили такіе же̇ скачки въ условіяхъ производства хлѣба или въ уменьшеніи вѣса монеты, чего однакожь не было. Система хозяйства въ центральной Россіи теперь почти та же, что̀ и въ XVI в., а изъ фунта серебра въ настоящее время выдѣлывается лишь въ $3^{2}/_{3}$ болѣе рублей, чѣмъ въ концѣ XVI вѣка, и въ продолженіе трехъ столѣтій уменьшеніе вѣса шло постепенно.

Задача, поставленная авторомъ, остается не рѣшенною. Да она едва ли и можетъ быть рѣшена, пока не будутъ установлены дѣйствительно среднія цѣны для каждаго періода, и не вычислено паденіе цѣнности серебра. Чтобы показать яснѣе, въ чемъ здѣсь заключаются затрудненія, сдѣлаемъ слѣдующій разчетъ.

Средняя цѣна четверти ржи въ Москвѣ въ послѣднее десятилѣтіе можетъ быть принята приблизительно въ 8 руб. или 6 руб. 20 коп. серебряныхъ. При Иванѣ Грозномъ изъ фунта серебра выдѣлывалось 6 руб., то-есть, тогдашній рубль заключалъ въ себѣ столько же серебра, сколько теперь 3,66 рубля, такъ какъ изъ фунта серебра теперь вычеканивается 22 руб. Слѣдовательно, если бы всѣ остальныя условія оставались неизмѣнными, то мѣновая цѣнность рубля при Иванѣ Грозномъ была бы выше въ 3,66 разъ, цѣна четверти ржи должна была быть 1 руб. 69 коп. Но такихъ цѣнъ совсѣмъ не встрѣчается въ источникахъ; высшая цѣна, какой достигала четверть ржи, была 84 коп. (въ Бѣлозерскомъ краю въ 1587 г.); въ Москвѣ же она продавалась значительно дешевле въ четыре раза и даже иногда по 4—5 денегъ, то-есть, въ 18 разъ дешевле. Очевидно, что, кромѣ измѣненія въ вѣсѣ и пробѣ рубля, вліяли на цѣнность его и другія причины. Главнѣйшая изъ этихъ причинъ заключается въ пониженіи цѣнности самого серебра, то-есть, теперь на фунтъ серебра можно получить въ обмѣнъ меньше другихъ товаровъ, чѣмъ въ XVI в. Но на сколько упала цѣнность серебра, этого нельзя опредѣлить по цѣнамъ одного хлѣба, и притомъ цѣнамъ случайнымъ; для этого необходимо взять рыночное отношеніе серебра, какъ товара, въ оба сравниваемые періоды, ко всѣмъ товарамъ или, по крайней мѣрѣ, къ продуктамъ первой необходимости, равно какъ и къ труду, необходимому для ихъ производства. А для того нужно знать среднія цѣны этихъ предметовъ, установить которыя однакожь при отсутствіи свѣдѣній представляется невозможнымъ. Если предположить, что серебро подешевѣло съ конца XVI вѣка вдвое — для чего впрочемъ имѣются лишь весьма шаткія основанія,—то средняя

цѣна четверти ржи въ концѣ XVI в. должна была равняться 84—85 коп. (169 : 2 [1]); но быть можетъ дѣйствительно серебро подешевѣло въ нѣсколько большей пропорціи. Затѣмъ повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ и, слѣдовательно, паденіе мѣновой цѣнности рубля по отношенію къ хлѣбу могло произойдти отъ уменьшенія производительности почвы и вообще отъ измѣненія условій въ самомъ производствѣ хлѣба. Пока не будутъ выяснены всѣ эти вліянія, всякія предположенія объ измѣненіи мѣновой цѣнности рубля будутъ лишены твердыхъ основаній.

Не считая возможнымъ согласиться съ выводами автора, мы не можемъ однакожъ не признать, что авторъ не пожалѣлъ труда для изученія вопроса, и если онъ пришелъ къ результатамъ, которые нельзя назвать удовлетворительными, то это объясняется главнымъ образомъ свойствомъ самой задачи, въ сущности едва ли и разрѣшимой.

П. С—мій.

Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. Archäologische Untersuchungen von *W. Helbig* (Гомеровскій эпосъ, объясненный по памятникамъ. Археологическія изслѣдованія *В. Гельбига*). Leipzig. 1884.

Заглавіе книги, выписанное нами выше, можетъ ввести въ заблужденіе читателя. Можно съ перваго раза подумать, что книга эта объяснитъ намъ гомеровскій эпосъ, да притомъ по памятникамъ, современнымъ той эпохѣ, которой принадлежитъ этотъ эпосъ. Вмѣсто того читатель находитъ въ этой книгѣ объясненіе только нѣкоторыхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ гомеровскомъ эпосѣ, притомъ предметовъ, такъ-сказать, обыденныхъ, не составляющихъ сути эпоса, какъ-то: построекъ, кораблей, платья, нарядовъ, оружія, инструментовъ, посуды и т. п. Изслѣдованію этихъ предметовъ предпослано нѣсколько главъ объ источникахъ, подъ которыми авторъ разумѣетъ всѣ тѣ памятники искусства, какіе были добыты посредствомъ

---

[1]) Флетчеръ свидѣтельствуетъ, что въ 1588 г. рожь дѣйствительно продавали въ Московіи по 78 денегъ (копѣекъ) за четверть (*Ключевскій*, стр. 33). Изъ «опыта» трудно понять, почему г. Ключевскій принялъ среднюю цѣну четверти ржи въ Москвѣ въ концѣ XVI в. въ 22½ коп. Кстати замѣтимъ, что вычисленія дѣлаются имъ не вездѣ тщательно. Такъ, сообщая, что въ 1549 г крестьяне поморской Шунгской волости заняли полторы коробьи ржи съ условіемъ платить «на четыре пятое зерно», авторъ полагаетъ, что они платили не 20, а 25% (стр. 30).



раскопокъ и относятся частью къ эпохѣ, предшествовавшей гомеровскому времени, частью же къ эпохѣ, непосредственно слѣдовавшей за гомеровскимъ временемъ, какъ-то: памятники, добытые раскопками Шлимана въ равнинѣ Троянской и въ Микенахъ [1]), также памятники, добытые на островѣ Ѳерѣ, островѣ Родосѣ, въ Аѳинахъ у Дипила (Δίπυλον); затѣмъ памятники, найденные въ разныхъ мѣстахъ Италіи и Сициліи (въ Цере, Пренесте, Кумахъ, Болоньи и т. д.).

Въ отдѣлѣ объ источникахъ авторъ посвящаетъ отдѣльныя главы изслѣдованію промышленности финикіанъ, а также характеристикѣ искусства греческаго и италійскаго въ древнѣйшій періодъ его существованія, наконецъ, краткому очерку древнѣйшихъ произведеній техники, найденныхъ въ средней Европѣ. Особенно останавливается онъ на промышленности финикіанъ. Финикіане, по мнѣнію автора, были не только купцами, сбывавшими чужія произведенія (напримѣръ, египетскія и ассирійскія) въ греческія земли, но и самостоятельными производителями. Отъ нихъ и черезъ нихъ древнѣйшіе греки позаимствовали много въ области искусства и техники. Поэтому для объясненія гомеровскаго эпоса привлекаются авторомъ и памятники искусства финикійскаго, египетскаго и ассирійскаго. Въ концѣ книги приложено нѣсколько экскурсовъ археологическаго и историческаго содержанія, мало имѣющихъ отношенія къ гомеровскому эпосу. Книга содержитъ въ себѣ 120 рисунковъ въ текстѣ и два рисунка, отдѣльно приложенныхъ.

Цѣль изслѣдованія автора—дать болѣе точное и правильное понятіе о степени культуры гомеровской эпохи и, въ особенности, выставить въ наиболѣе рѣзкой формѣ отличіе этой культуры отъ культуры классическаго періода и тѣмъ самымъ, по возможности, исправить тѣ ложныя представленія, съ какими обыкновенно современный читатель приступаетъ къ чтенію Гомера.

Результаты, къ которымъ пришелъ авторъ, резюмируются имъ слѣдующимъ образомъ (стр. 316 и слѣд.):

„Если мы“, говоритъ авторъ, — „соединимъ въ одно всѣ отдѣльные результаты, добытые нами, то намъ представится картина переходнаго состоянія, въ которой различныя направленія (культурныя) идутъ рядомъ, не сливаясь между собою. Съ одной стороны, мы находимъ еще нѣсколько остатковъ варварскаго состоянія. Чистоплот-

---

[1]) Замѣтимъ, что авторъ памятники Троянскіе и Микенскіе относитъ къ эпохѣ, предшествовавшей гомеровскимъ пѣснямъ.



ность по отношенію къ тѣлу и жилищу оставляетъ еще многаго желать; вслѣдствіе того и тонкость обонянія, кажется, еще мало была развита. Точно также и пища отличалась первобытною простотой. Она состоитъ обыкновенно изъ мяса домашняго скота и изъ хлѣба. О домашнихъ птицахъ и объ овощахъ нигдѣ въ эпосѣ не упоминается. Рыба, которая въ началѣ V столѣтія въ Сиракузахъ и вскорѣ затѣмъ въ Аѳинахъ и въ другихъ эллинскихъ городахъ считалась лакомымъ блюдомъ, была еще въ пренебреженіи. Только подъ вліяніемъ страшнаго голода спутники Одиссея на островѣ Геліоса или же Менелая, во время своего невольнаго пребыванія на египетскомъ берегу, прибѣгаютъ къ рыбной пищѣ, чтобы поддержать свою жизнь. Относительно укрѣпленія городовъ греки гомеровскаго періода опять впали въ состояніе варварства: они не укрѣпляли своихъ городовъ такъ, какъ это дѣлали ихъ предки до переселенія дорянъ, посредствомъ каменныхъ стѣнъ, а окружали ихъ только землянымъ валомъ и палисадами [1]).

Въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ этими первобытными особенностями быта являются тѣ разнообразныя утонченности, которыя проникли въ греческую жизнь, благодаря вліянію болѣе высшей культуры востока [2]). Платье, наряды, куафюра волосъ и бороды носятъ на себѣ восточный отпечатокъ. Изъ юго-западной Азіи заимствованъ обычай украшать стѣны инкрустаціей изъ металлической бляхи, слоновой кости и смальта [3]), а также обычай обильно употреблять сильно пахучія благовонія. Самыя драгоцѣнныя платья и сосуды, находившіеся въ домахъ царей, ввезены финикійцами, а произведенія самихъ грековъ всѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ, зависятъ отъ восточныхъ образцовъ. Если бы современный читатель Го-

---

[1]) По мнѣнію автора, гомеровскія пѣсни принадлежатъ эпохѣ, слѣдовавшей за переселеніемъ дорянъ. Микенскія древности, открытыя Шлиманомъ, вслѣдствіе своей роскошности, относятся авторомъ къ эпохѣ, предшествовавшей окончательному покоренію Пелопоннеса дорянами, совершившемуся въ X вѣкѣ до Р. Х. (стр. 53).

[2]) То-есть, финикіанъ, ассиріанъ и египтянъ, особенно же первыхъ, какъ имѣвшихъ непосредственныя сношенія съ греками, жившими у моря, въ Малой Азіи, на островахъ и въ восточной части Греціи, по берегамъ Пелопоннеса, особенно восточнымъ.

[3]) Или шмальты, то-есть, искусственно приготовленной массы или сплава, какимъ былъ иногда κύανος, упоминаемый у Гомера (стр. 79 и слѣд.). Этотъ сплавъ былъ имитаціей настоящаго κύανος (то-есть, лазуреваго камня), а потому и назывался тѣмъ же самымъ именемъ.



мера вдругъ по волшебному мановенію очутился въ залѣ іоническаго царя въ то время, когда бы передъ многочисленнымъ собраніемъ пѣвецъ пѣлъ какую-нибудь новую пѣснь, то пестрая роскошь цвѣтовъ и вся внѣшность въ строго установленномъ стилѣ, какая представилась бы его взорамъ, произвела бы на него такое впечатлѣніе, какъ будто онъ находится не въ греческомъ собраніи, а въ Ниневіи при дворѣ Санхериба или въ Тирѣ во дворцѣ царя Хирама [1]).

Точно также и военное дѣло носитъ на себѣ слѣды восточнаго вліянія. Какъ у египтянъ и народовъ передней Азіи, такъ и у грековъ знатные воины отправляются въ бой на колесницахъ, и рѣшеніе битвы преимущественно зависитъ отъ колесницъ. Однако, тогдашніе іоняне въ отношеніи способа защиты тѣла сдѣлали шагъ впередъ, принявъ вооруженіе, очень близко подходившее къ позднѣйшему вооруженію гоплитовъ. Впрочемъ, это вооруженіе, на сколько мы знаемъ, составляетъ единственный продуктъ тогдашней техники, которымъ греки гомеровскаго періода рѣзко отличались отъ восточныхъ народовъ" [2]).

Дальнѣйшая характеристика гомеровскаго времени дается авторомъ уже не на основаніи памятниковъ древняго искусства и техники, а на основаніи самаго Гомера, и потому, на самомъ дѣлѣ, не можетъ быть отнесена къ тѣмъ результатамъ, которые добыты на основаніи этихъ памятниковъ. Памятники тутъ не при чемъ, такъ какъ ихъ сфера не идетъ дальше оружія, инструментовъ, сосудовъ или же рисунковъ платья, повозокъ, кораблей и т. п. Археологу приходится выйдти изъ своего круга и пояснять эпосъ гомеровскій не по фрагментарнымъ памятникамъ, а изъ него же самого. Ему приходится самыя крупныя черты для своей характеристики искать не въ случайно уцѣлѣвшихъ памятникахъ разныхъ временъ и народовъ, а въ самихъ пѣсняхъ Гомера. Еслибъ авторъ ограничился одними

---

[1]) То же самое почти говоритъ авторъ на стр. 194—195, гдѣ онъ, сообщая краткій обзоръ изслѣдованій своихъ о платьѣ и нарядахъ гомеровскаго времени, предостерегаетъ читателя не воображать себѣ героевъ и героинь гомеровскихъ по образу фигуръ, представленныхъ на фризѣ Пароенона.

[2]) Авторъ разумѣетъ здѣсь панцырь и поножи, особенно же послѣдніе. Въ то время, какъ азіатскіе народы прикрывали свое тѣло щитомъ и шлемомъ, греки гомеровскіе являются въ болѣе усовершенствованномъ вооруженіи, съ мѣдными латами, съ мѣдными поножами, съ болѣе крѣпкимъ щитомъ и т. п. Авторъ, впрочемъ, не рѣшаетъ, сами ли греки выдумали это вооруженіе или заимствовали ихъ отъ карійцевъ (стр. 247 и слѣд.).

только памятниками, изъ которыхъ только небольшая доля можетъ быть отнесена къ гомеровской эпохѣ, то ему пришлось бы весьма мало сказать о жизни и культурѣ грековъ этой эпохи. Поэтому не удивительно, что авторъ въ общемъ обзорѣ своихъ результатовъ обращается больше къ Гомеру, чѣмъ къ памятникамъ. Даже замѣтку свою о примитивномъ состояніи гомеровскихъ грековъ, о ихъ нечистоплотности, о слабомъ развитіи ихъ обонянія и вкуса, о простотѣ ихъ пищи и т. п. онъ могъ извлечь только изъ Гомера, а никакъ не изъ памятниковъ, добытыхъ изъ нѣдръ земли. Еще менѣе могли ему помочь памятники, когда ему въ своей характеристикѣ пришлось коснуться самаго главнаго, а именно духовной жизни грековъ гомеровскаго періода. Тутъ авторъ долженъ былъ всецѣло обратиться къ Гомеру, оставивъ въ сторонѣ всѣ памятники египетскіе, ассирійскіе, финикійскіе и т. п. Такъ какъ эта часть характеристики автора не представляетъ ничего новаго, то мы сообщимъ изъ нея только самое существенное, притомъ въ наиболѣе краткой формѣ.

Если во внѣшней жизни видны слѣды вліянія востока, то въ области духовной, въ воззрѣніяхъ, въ образѣ мыслей и чувствованій эллинское направленіе, по выраженію автора, является почти во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ развитымъ въ эпосѣ. Къ этимъ чертамъ эллинизма авторъ относитъ отвращеніе ко всему нестройному (Abneigung gegen alles Planlose), затѣмъ страстное восхищеніе физическою красотой, какъ мужскою, такъ и женскою (хотя это обожаніе красоты было болѣе отвлеченно и не дѣйствовало на нравы), наконецъ, вообще соблюденіе во всемъ извѣстной мѣры и достоинства. Боги и герои представляются въ эпосѣ въ образахъ отчетливыхъ, пластичныхъ, исполненныхъ надлежащей мѣры, словомъ—въ образахъ классическихъ въ высшемъ значеніи этого слова. Если встрѣчаются нѣсколько чудовищныхъ образовъ, въ родѣ сторукаго Бріарея, гигантовъ Ота и Ефіалта или же Скиллы съ шестью головами и двѣнадцатью ногами, то они отчасти заимствованы съ востока [1]). Словомъ, авторъ видитъ въ эпосѣ всѣ задатки классицизма. Составители эпоса обнаруживаютъ большое дарованіе въ сферѣ пластическаго искусства. Но конечно, современные эпосу греки не были еще въ состояніи тѣ образы, какіе были созданы ихъ поэзіей, выразить соотвѣтствующимъ образомъ на металлѣ, камнѣ и глинѣ. Прошло болѣе ста лѣтъ прежде

---

[1]) Авторъ могъ бы прибавить еще циклоповъ, лестригоновъ, химеру, кентавровъ и т. п.



чѣмъ греческое искусство оказалось въ состояніи представить подобный же циклъ образовъ, какой былъ созданъ поэтомъ, воспѣвшимъ щитъ Ахиллеса. Еще болѣе времени прошло, пока искусство достигло той отчетливой индивидуализаціи, которою отличается эпосъ въ изображеніи главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ. Могучая сила Зевса, какъ она наглядно представляется въ стихахъ Иліады[1]), получила соотвѣтствующее выраженіе только въ олимпійской статуѣ Фидія. Другіе же образы эпоса, какъ напримѣръ, смѣшной и безобразный Ѳерситъ или Еврибатъ (Od. 19, 246), или же образы сельскіе, идиллическіе, какъ напримѣръ, описаніе грота Калипсо или бухты Форкина, являются представленными въ искусствѣ только во времена Александра Великаго и діадоховъ.

Таковы результаты археологическихъ изслѣдованій автора, какъ онъ самъ ихъ излагаетъ, результаты незначительные, особенно если имѣть въ виду только то, что̀ имъ дается на основаніи памятниковъ. Впрочемъ, такова судьба многихъ археологическихъ изслѣдованій, основанныхъ на памятникахъ. Къ нимъ можно примѣнить извѣстное выраженіе Гомера (Jl, 19, 222): много соломы повалено серпомъ, а жатва небольшая. Памятники вещественные сами по себѣ могутъ служить только иллюстраціей къ памятникамъ письменнымъ. По нимъ можно составить себѣ прежде всего нѣкоторое понятіе о техникѣ и искусствѣ тѣхъ народовъ, которымъ они принадлежатъ, затѣмъ отчасти и о внѣшней ихъ обстановкѣ. Но они мало даютъ намъ понятія о жизни и нравахъ этихъ народовъ, особенно когда такихъ памятниковъ сохранилось немного, и когда еще сомнительно, принадлежитъ ли то малое, что̀ сохранилось, тому народу и времени, къ которому его относятъ. Не будь эпоса гомеровскаго, навѣрно всѣ эти троянскія и микенскія древности остались бы загадкой для насъ и дали бы намъ о той эпохѣ, которой онѣ принадлежатъ, понятіе, весьма мало или совершенно не похожее на то, какое даетъ намъ Гомеръ.

Впрочемъ, мы не станемъ слишкомъ налегать на скудость общихъ результатовъ, къ какимъ пришелъ авторъ на основаніи памятниковъ, и которые въ сущности мало объясняютъ эпосъ и мало могутъ измѣнить наше представленіе объ эпохѣ, изображаемой въ эпосѣ. Если не требовать отъ книги того, что̀ она обѣщаетъ, то въ ней найдется нѣсколько интересныхъ и новыхъ данныхъ,

---

[1]) Il. 1, 528—530.

касающихся объясненія нѣкоторыхъ предметовъ, упоминаемыхъ у Гомера. Мы говоримъ нѣсколько, потому что многое изъ того, что̀ говорится у автора, не составляетъ новости въ наукѣ. Во многихъ случаяхъ авторъ только подтверждаетъ прежнія объясненія, напримѣръ, эпитета βαθύζωνος и т. п. Многое же у Гомера по прежнему остается мало или совсѣмъ необъяснимымъ, какъ-то: внутреннее устройство гомеровскаго корабля, форма и употребленіе нѣкоторыхъ вещей туалета, напримѣръ, κάλυκες, различіе между πόρπη и περόνη и т. п.

Мы укажемъ на тѣ объясненія, которыя показались намъ у Гельбига отчасти новыми, отчасти же и болѣе правдоподобными, чѣмъ прежнія объясненія другихъ ученыхъ.

Въ отдѣлѣ о платьяхъ авторъ, основываясь на памятникахъ, говоритъ, что гомеровскіе греки носили обыкновенно короткій хитонъ, а что длинный хитонъ употреблялся только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ платье парадное и праздничное. Такъ на памятникахъ и старые, и молодые изображаются одѣтыми въ длинные хитоны при жертвоприношеніяхъ, свадьбахъ, похоронахъ, торжественныхъ играхъ и т. п.; особенно же являются въ такихъ хитонахъ люди старшаго возраста и знатнаго сословія: цари, судьи, жрецы и т. п. Точно также изображаются въ длинныхъ хитонахъ киѳареды, авлеты, возницы, какъ лица, соприкосновенныя съ праздниками. Въ обыденной жизни обыкновеннымъ платьемъ былъ короткій хитонъ, который надѣвали не только молодые, но и старшіе, особенно когда они отправлялись на войну, охоту, въ поле на работу, или когда они занимались тѣлесными упражненіями, вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось не стѣснять тѣла въ его движеніяхъ. Затѣмъ, на основаніи тѣхъ же памятниковъ авторъ говоритъ, что покрой платья былъ строго установленный (conventionell), архаистическій и не представлялъ той свободы и разнообразія въ драпировкѣ, какую мы видимъ на памятникахъ классическаго искусства.

„Греческіе памятники искусства", говоритъ онъ на стр. 129, — „ближе всего стоящіе къ временамъ происхожденія эпоса (какъ, напримѣръ, рисунки на вазахъ дипилскихъ и древнѣйшія скульптурныя работы) представляютъ форму платья въ строгомъ стилѣ. Короткій мужской хитонъ прилегаетъ къ тѣлу плотно, почти какъ трико (tricotartig). Точно также прилегаетъ плотно и верхняя часть длиннаго хитона, какъ мужскаго, такъ и женскаго, между тѣмъ какъ нижняя часть его обыкновенно падаетъ вертикально, безъ складокъ. Только

нѣкоторые рисунки на халкидскихъ вазахъ представляютъ и эту часть хитона (то-есть, нижнюю) нѣсколько суженною и плотнѣе прилегающею къ тѣлу, подобно дамскимъ платьямъ извѣстнаго покроя въ наше время. Верхнее платье является также на этихъ памятникахъ плотно облегающимъ тѣло, безъ складокъ". Впрочемъ, авторъ допускаетъ и для гомеровскаго времени существованіе складокъ на хитонахъ (eine conventionelle Fältelung), однако только для льняныхъ (стр. 131). Согласно съ этими данными, авторъ даетъ и новое толкованіе эпитету τανύπεπλος; прилагаемому богинямъ и женщинамъ знатнаго рода. Обыкновенно переводятъ этотъ эпитетъ: одѣтая въ длинный пеплосъ или платье. Авторъ полагаетъ, что этотъ переводъ не передаетъ настоящаго значенія эпитета, и придерживаясь кореннаго значенія глагола τανύειν, переводитъ это слово слѣдующимъ образомъ: натягивающая пеплосъ или одѣтая въ плотно натянутый пеплосъ (или, какъ мы сказали бы, стараясь яснѣе передать мысль автора: одѣтая въ плотно прилегающій, гладкій пеплосъ, безъ складокъ). Въ подтвержденіе этого своего толкованія, кромѣ свидѣтельства памятниковъ, онъ приводитъ еще всѣ гомеровскіе эпитеты, сложенные со словомъ τανύω: τανύπτερος (τανυπτέρυξ, τανυσίπτερος), τανύγλωσσος, τανύπους, τανύφυλλος, τανύφλοιος. Первый эпитетъ употребляется о птицахъ, притомъ иногда о птицахъ, не имѣющихъ длинныхъ крыльевъ, и значитъ собственно: простирающій крылья; второй употребляется о воронахъ (высовывающая, вытягивающая языкъ); третій объ овцахъ (вытягивающія свои ноги на ходу); четвертый о маслинѣ (der blätterstreckende Oehlbaum, простирающая листья свои жесткіе, гладкіе); наконецъ, послѣдній — о корновомъ деревѣ или дернѣ (натягивающій кору, съ гладкой корой). Точно также и стрѣлы, по мнѣнію автора, называются у Гомера τανυγλώχινες ὀϊστοί, какъ высовывающіяся изъ колчана своими остріями. Нельзя не согласиться, что авторъ послѣдователенъ въ своихъ объясненіяхъ; но нельзя не замѣтить также, что подобная однообразная послѣдовательность не встрѣчается ни въ какомъ языкѣ, какъ организмѣ живомъ и подвижномъ. Всякому извѣстно, что одно и то же слово въ различныхъ сочетаніяхъ получаетъ и различное значеніе. Такъ, тотъ же глаголъ τανύειν, который значитъ тянуть, натягивать, простирать, вытягивать, въ сложеніи съ различными словами, въ однихъ случаяхъ служитъ для выраженія напряженія, въ другихъ просто для означенія длины. Въ томъ же греческомъ языкѣ, при томъ въ произведеніяхъ сравнительно древнихъ, встрѣчаются выраже-

статья г. Латышева.

№ 2.

ΕΤΡΟΠΠΩΙΜ
ΕΤΑΝΠΟΘΟΔ
ΡΔΙΣΙΜΝΑΣΗΗΣ
ΞΑΜΑΖΙΝΕΝ
ΜΝΑΘΕΝΤΑΑ
ΚΤΩΝ ΤΡΙΠΟΙ
ΕΡΑΣΤΑΣΜΑΤ
ΝΟΜΟΦΥΛΑ
ΣΓΑΝΙΕΡΩΤ
ΠΙΚΑΘΕΡΑΤΠ
ΘΡΕΑΤΑΣΚΑ
ΕΞ ΔΠΣ ΚΑ
ΟΝΠΑΡΑΤΩΝ
ΣΚΕΥΑΞΕΙΔΕ
ΨΕΙΤΑΙΔΕΑΙΕ
ΑΙΤΩΝΘΥΟΜΕ
ΑΚΑΙΑΠΟΤΩΝ
ΕΞ Τ ΕΞΕΙΜΕΝ
ΩΝΑΝΑΠΟΔΟΣΘ
ΑΤΑΝΣΥΝΓΡΑΦΑ
ΥΡΟΥΣΑΝΔΩΣΕΙΑΠ
ΝΠΑΡΑΧΡΗΜΑΠΑΣΑ
ΕΠΙΔΕΚΑΤΟΝΤΩΙΘ
ΕΝΟΝ ΕΠΡΙΑΤΟ
ΚΑΘΥΓΑΤΗΡΜΟΣΧ
ΔΡΑΧΜΑΝ ΗΗΗ
ΙΔΕΚΑΤΟΥΔΡΑΧΜΑΝ

нія, какъ, напримѣръ, τανόθριξ (у Гесіода о козѣ), τανύσφυρος (въ гимнѣ къ Деметрѣ), τανυέθειρα (у Пиндара), которыя едва ли бы и авторъ сталъ переводить: натягивающій волоса, лодыжки или съ волосами гладко натянутыми и т. п. Отъ понятія „натянутый, вытянутый, простертый" до понятія „длинный"—всего одинъ шагъ. Поэтому мы не полагаемъ, чтобъ авторъ былъ вполнѣ правъ, слишкомъ напирая на значеніи натягивать въ словѣ τανύπεπλος и толкуя этотъ эпитетъ въ томъ смыслѣ, что имъ выражалась не длина платья, а такъ-сказать, его натянутость, гладкость. Этотъ эпитетъ, по нашему мнѣнію, въ сущности не разнится ничѣмъ отъ эпитета ἑλκεσίπεπλος, волочащая платье свое,—эпитета, прилагаемаго къ троянкамъ. Оба они употребляются о женщинахъ и служатъ для означенія длиннаго платья. Τανύπεπλος, по нашему мнѣнію, не значитъ: натягивающая платье, а просто тянущая, то-есть, то же самое, что волочащая платье. Впрочемъ, это возраженіе не касается еще сущности изслѣдованій автора о вопросѣ гомеровскаго платья. Платье могло волочиться по землѣ или быть длинно и все-таки плотно прилегать къ тѣлу, особенно въ плечахъ, и падать безъ складокъ. Гораздо болѣе существенное возраженіе можно было бы сдѣлать противъ того положенія его, что длинный хитонъ, какъ платье обыденное, не былъ въ употребленіи ни у какого племени греческаго, а употреблялся только какъ платье парадное и праздничное, притомъ одинаково у всѣхъ племенъ, какъ у іонянъ, такъ и у дорянъ и др. Еслибъ это было такъ, то непонятно было бы, почему у Гомера однимъ только іонянамъ придается эпитетъ ἑλκεχίτωνες, то-есть, волочащіе хитоны свои или въ длинныхъ хитонахъ (Il. 13, 685 и hym. in Apoll. 147). Если бы всѣ греки носили обыкновенно короткій хитонъ и только въ исключительныхъ случаяхъ длинный, то было бы не только странно, но и нелѣпо выдѣлять іонянъ и характеризовать ихъ по тому платью, какое они не всегда носили. Поэтому намъ кажется мало убѣдительнымъ и совсѣмъ неудачнымъ предположеніе аво ра, будто этотъ эпитетъ приложенъ іонянамъ или аѳинянамъ не подъ впечатлѣніемъ обыденной ихъ жизни, а потому, что поэтъ въ этомъ случаѣ представилъ себѣ аѳинскихъ старшинъ или же и аѳинянъ во время праздника (стр. 121 начало). Въ вышеприведенномъ мѣстѣ Иліады поэтъ, какъ нарочно, прилагаетъ эпитетъ ἑλκεχίτωνες къ іонянамъ не при описаніи праздника (какъ напримѣръ, въ гимнѣ къ Аполлону), а при описаніи битвы у кораблей въ самый разгаръ ея. Ясно, что онъ могъ сдѣлать это только въ такомъ случаѣ, когда іоняне постоянно выдѣ-

лялись своею одеждою въ остальной массѣ грековъ, а не только по праздникамъ щеголяли въ длинныхъ хитонахъ, когда и остальные греки являлись въ подобныхъ же хитонахъ. Точно также намъ кажется мало убѣдительнымъ то предположеніе автора, что хитоны въ гомеровскія времена прилегали плотно къ тѣлу, не только мужскіе, но и женскіе, и что если на послѣднихъ были складки на груди, то они были небольшія и не мѣшали прилегать хитону плотно, подобно трико. Этому предположенію противорѣчитъ, вопервыхъ, эпитетъ βαθύκολπος, прилагаемый у Гомера къ женщинамъ (обыкновенно троянкамъ [1]), нимфамъ), такъ какъ κόλπος или выпуклость на груди женскаго хитона могла только тогда образоваться, когда хитонъ, хотя и низко подпоясывался, однако не плотно прилегалъ къ тѣлу, подобно трико. Вовторыхъ, этому предположенію противорѣчитъ одно мѣсто въ Одиссеѣ (XV, 465 и слѣд.), гдѣ разказывается, что женщина, находившаяся въ услуженіи у отца Эвмеева, бѣжала съ купцами финикійскими и при этомъ унесла съ собою три кубка, спрятавъ ихъ ὑπὸ κόλπῳ, въ выпуклости хитона. Если женщина могла въ грудной части хитона спрятать три кубка, да притомъ гомеровскихъ, то часть эта или κόλπος должна была быть довольно обширна и не могла плотно прилегать къ тѣлу. Конечно, авторъ находитъ и въ этомъ случаѣ средство вывернуться изъ затрудненія. Онъ полагаетъ, что женскій хитонъ имѣлъ разрѣзъ на груди, и что вышеупомянутая женщина могла спрятать кубки, разстегнувъ воротъ и вытянувъ рубаху изъ-подъ пояса, и такимъ образомъ устроить достаточное помѣщеніе для нихъ (стр. 138). Хотя предположеніе автора вѣроятно, но оно все-таки ничего не доказываетъ. Если бы женскіе хитоны плотно прилегали къ тѣлу, то было бы совершенно непонятно, какимъ образомъ поэтъ могъ женщинамъ своего времени придавать эпитетъ βαθύκολπος. Вѣдь эпитеты даются не по случайнымъ дѣйствіямъ, а по признакамъ постояннымъ. Затѣмъ, если бы женщинамъ гомеровскимъ постоянно пришлось образовать свой κόλπος такимъ образомъ, какъ это дѣлаетъ вышеназванная женщина по объясненію автора, то это было бы во многихъ отношеніяхъ неудобно. Имъ бы пришлось слишкомъ обнажать свое тѣло.

Въ отдѣлѣ о косметикѣ (подъ которой разумѣется все, относя-

[1]) По мнѣнію автора, хотя этотъ эпитетъ прилагается къ троянкамъ, однако онъ можетъ быть отнесенъ и къ гречанкамъ; такъ какъ въ эпосѣ не дѣлается никакого различія между обычаями греческими и троянскими (стр. 135).

щееся къ убору, какъ-то: куафюра волосъ на головѣ и бородѣ, благовонныя масла, бритвы и т. п.) авторъ сообщаетъ намъ нѣсколько новыхъ данныхъ. Такъ, онъ, на основаніи архаическихъ памятниковъ, полагаетъ, что гомеровскіе герои брили волосы на верхней губѣ, но отпускали ихъ на головѣ, щекахъ и подбородкѣ. Впрочемъ, авторъ и въ этомъ отношеніи не допускаетъ для гомеровской эпохи той свободы, какая представляется на памятникахъ классическаго періода. Онъ полагаетъ, что гомеровскіе греки въ отношеніи куафюры также придерживались строго установленнаго принципа (conventionelles Princip), какъ и въ отношеніи одежды. Такъ, они подбривали или подрѣзывали бороду, придавая ей видъ клинообразный; а волосы свои хотя и отпускали, однако не давали имъ рости свободно, но распредѣляли ихъ прядями или локонами, на которые накладывали спирали для того, чтобы эти локоны отдѣлялись и не спутывались, или же причесывали свои волосы такъ, что они сзади оканчивались косичкой или же спереди и сзади представляли завитокъ въ видѣ рога и т. п. Всѣ эти мелочи и подробности, конечно, не могутъ существенно измѣнить представленій нашихъ о той эпохѣ, которая изображается въ пѣсняхъ Гомера. Картина того времени мало измѣнится, будемъ ли мы представлять себѣ Ахиллеса, Одиссея, Агамемнона, Аякса, Гектора и др. съ выбритыми усами, съ клинообразною бородкой, съ волосами, расчесанными на косички или локоны, и т. п.

Но все же мы должны сказать, что подобныя археологическія изслѣдованія могутъ служить для поясненія нѣкоторыхъ частностей у Гомера. Такъ, благодаря этимъ изслѣдованіямъ, нѣкоторыя мѣста у Гомера получаютъ болѣе удовлетворительное объясненіе. Такъ въ XI пѣснѣ въ стихѣ 385 Иліады встрѣчается выраженіе, употребленное Діомедомъ о Парисѣ: κέρᾳ ἀγλαέ (Τοξότα, λωβητήρ, κέρᾳ ἀγλαέ, παρθενοπῖπα). Это выраженіе обыкновенно толкуется такъ: красующійся, тщеславящійся или же славный лукомъ своимъ. Противъ того объясненія справедливо замѣчаетъ авторъ, что если принять здѣсь κέρας въ значеніи лука, то тогда это выраженіе было бы только повтореніемъ уже употребленнаго Діомедомъ прозвища τοξότα. Выраженіе это получаетъ настоящій смыслъ, если принять здѣсь κέρας въ значеніи волоса или локона, завитаго въ формѣ рога. Объ этомъ значеніи слова κέρας упоминается уже въ древнихъ лексиконахъ и въ схоліяхъ къ Иліадѣ 24, 81. Поэтому κέρᾳ ἀγλαέ значитъ не красующійся лукомъ, а красующійся своимъ завиткомъ, своею прической. Въ подтвержденіе своего объясненія авторъ приводитъ еще рисунокъ на

одной глиняной ручкѣ, представляющей мужское лицо въ профилѣ съ двумя завитками на головѣ, спереди и сзади, а также съ завиткомъ, идущимъ по щекѣ и похожимъ на еврейскій пейсъ. Къ сожалѣнію, этотъ отломокъ припадлежитъ не извѣстно какому времени и народу. Самъ авторъ говоритъ, что онъ купилъ его отъ какого-то торгаша въ Чивита-Веккіи, который опять утверждалъ, что онъ пріобрѣлъ его отъ какого-то греческаго капитана. Притомъ, смотря на рисунокъ, нельзя положительно сказать, что̀ означаютъ эти завитки: концы ли волосъ или же концы шляпы, или шлема съ нащечникомъ.

Точно также и другое мѣсто въ Иліадѣ (XVII, 52, см. стр. 166 и отд.), хотя и не получаетъ новаго толкованія, однако становится болѣе нагляднымъ при помощи памятниковъ. Въ этомъ мѣстѣ разказывается, какъ троянецъ Евфорбъ былъ сраженъ копьемъ Менелая, и какъ при этомъ обагрились кровью волосы его и локоны (или косы), которые сдерживались или перехватывались золотомъ и серебромъ: πλοχμοί θ' οἳ χρυσῷ τε καὶ ἀργύρῳ ἐσφήκωντο. Памятники показываютъ намъ наглядно эти перехваты изъ золота и серебра. Они имѣли видъ спиралей или спиралеобразныхъ колецъ, которыя накладывались на локоны или косы для того, чтобъ отдѣлить ихъ и не дать имъ спутаться, а также для того, чтобъ ихъ украсить. Мы, однако, сомнѣваемся, чтобъ этотъ обычай былъ распространенъ между греками, какъ это, кажется, желаетъ представить намъ авторъ. Изъ самихъ тѣхъ мѣстъ, которыя приводятся авторомъ, можно заключить, что у грековъ однѣ только женщины пользовались этимъ украшеніемъ. Такъ въ Иліадѣ II, 872 говорится, очевидно, съ порицаніемъ объ Амфимахѣ, предводителѣ карійцевъ, что онъ даже на войну шелъ, имѣя золото (въ волосахъ), подобно дѣвицѣ. Замѣтимъ, что въ эпосѣ съ этимъ украшеніемъ волосъ являются не цари и князья греческіе, а предводители малоазіатскихъ народовъ, троянцевъ и карійцевъ. Еслибъ и у грековъ мужчины (хотя бы только знатные и богатые) украшали свои локоны металлическими перехватами, то вопервыхъ, поэтъ не преминулъ бы упомянуть объ этомъ при описаніи внѣшности греческихъ царей и князей, если не въ Иліадѣ, то по крайней мѣрѣ въ Одиссеѣ, гдѣ они являются въ своемъ домашнемъ быту, во время пировъ, празднествъ и т. п., а вовторыхъ, онъ не имѣлъ бы повода отмѣчать это украшеніе, какъ особенность нѣкоторыхъ предводителей не греческаго происхожденія. Вообще намъ кажется, что авторъ заходитъ далеко, слишкомъ обобщая отдѣльные случаи и слишкомъ

подводя подъ одинъ уровень не только грековъ и троянцевъ, но и разныя племена греческаго народа. При всемъ сходствѣ ихъ культуры, существовали, однако, и нѣкоторыя особенности въ ихъ одеждѣ, нарядахъ, куафюрѣ и т. п. Еслибы не было этихъ особенностей, то не было бы никакой причины называть, напримѣръ, однихъ только Іонянъ ἑλκεχίτωνες (волочащими хитоны свои), ни упоминать особо о головномъ украшеніи предводителей троянскихъ.

Въ отдѣлѣ объ украшеніяхъ или вещахъ преимущественно дамскаго туалета (стр. 180 и слѣд.) авторъ съ помощью рисунковъ даетъ наглядное представленіе о формѣ ожерелій, пряжекъ, серегъ и т. п. Весьма вѣрно опредѣляетъ онъ различіе между ὅρμοι и ἴσθμιον, впрочемъ не столько на основаніи памятниковъ, сколько на основаніи Гомера и его древнихъ толкователей. Ὅρμοι было ожерелье длинное, падавшее на грудь, подобно нашимъ бусамъ, и состояло обыкновенно изъ янтарныхъ шариковъ или кусковъ, связанныхъ золотомъ; ἴσθμιον было ожерелье кольцеобразное, обхватывавшее шею въ видѣ нашихъ ленточекъ (стр. 183—4). Новое и довольно правдоподобное объясненіе даетъ авторъ того вида серегъ, которыя у Гомера названы ἕρματα τρίγληνα μορόεντα. Сближая съ типомъ серегъ, впрочемъ найденныхъ въ Италіи и относящихся къ V вѣку до Р. Х., онъ полагаетъ, что это были серьги съ тремя шариками, имѣвшими видъ глазнаго яблока, изъ которыхъ каждый былъ украшенъ пирамидой изъ мелкихъ шариковъ, напоминающихъ собою тутовыя ягодки. Въ этомъ объясненіи эпитетъ μορόεντα получаетъ болѣе правильное толкованіе, такъ какъ окончаніе εις (или ο-εις) можетъ означать только обиліе чего-либо, и слѣдовательно, если производить μορόεις отъ μόρον, то оно можетъ значить только: обильный или усѣянный тутовыми ягодками. Конечно, о нѣкоторыхъ предметахъ женскаго туалета и авторъ не можетъ дать удовлетворительныхъ объясненій. Такъ по прежнему остается темнымъ, какіе предметы обозначались словами: ἕλικες и κάλυκες, о которыхъ въ схоліяхъ, древнихъ лексиконахъ и у Евстаѳія даются самыя разнообразныя толкованія. На основаніи двухъ мѣстъ въ гимнѣ Венерѣ (hymn. hom. in Ven. 86 и слѣд. и 162 и слѣд.), гдѣ ἕλικες и κάλυκες при описаніи туалета богини разъ упоминаются рядомъ съ ὅρμοι, а другой разъ между πόρπαι и ὅρμοι, авторъ полагаетъ, что ихъ слѣдуетъ принимать не за головныя украшенія, а за украшенія на груди, каковыми были πόρπαι и ὅρμοι. Ἕλικες были, вѣроятно, спиралеобразныя застежки или брошки, которыя прикалывались на груди

и, подобно πόρπαι, служили частью для застегиванія, частью для украшенія. Точно также и κάλυκες, вѣроятно, были тоже брошки или булавки, головка которыхъ представляла собою чашечку цвѣтка (стр. 141 и слѣд.).

Въ отдѣлѣ о вооруженіи (195 и слѣд.) авторъ даетъ намъ рисунки шлемовъ, щитовъ, мечей, ножей, поясовъ и т. п. И здѣсь мы находимъ нѣсколько интересныхъ замѣтокъ, частью исправляющихъ прежнія представленія о подобнаго рода предметахъ, частью дѣлающихъ ихъ болѣе наглядными. Одна изъ такихъ замѣтокъ касается объясненія эпитета τετραφάληρος, который обыкновенно принимается за одно съ эпитетомъ τετράφαλος, прилагаемомъ къ шлему о четырехъ гребняхъ. Авторъ совершенно вѣрно замѣчаетъ (стр. 214 и слѣд.), что φάλος и φάλαρα не одно и то же и что въ Иліадѣ (V. 743 и XI. 41) одинъ и тотъ же щитъ называется ἀμφίφαλος съ двойнымъ гребнемъ и τετραφάληρος. Придерживаясь кореннаго значенія слова φάλαρον, онъ вполнѣ вѣрно объясняетъ этотъ эпитетъ слѣдующимъ образомъ: шлемъ съ четырьмя выпуклостями или шишками (mit vier Buckeln). Эти выпуклости или шишки служили частью для украшенія шлема, частью для того, чтобы сдѣлать его устойчивѣе противъ ударовъ меча и копья. Онѣ могли быть выбиты изнутри при ковкѣ шлема или же могли состоять изъ выпуклыхъ металлическихъ шляпокъ, снаружи прикрѣпленныхъ къ шлему. Въ подтвержденіе своего объясненія авторъ приводитъ и то, что на нѣкоторыхъ шлемахъ или же рисункахъ ихъ (правда не греческаго происхожденія и не очень древняго времени) находятся такія выпуклости или шишки, числомъ 2, 4, 6. Замѣтимъ впрочемъ, что уже древніе принимали слово φάλαρα въ значеніи щитковъ или круглыхъ бляхъ, прикрѣпленныхъ къ наружной части шлема. Такъ, кромѣ схолій къ Иліадѣ XVI. 105 (гдѣ φάλαρα объясняются посредствомъ τὰ κατὰ μέσον τῆς περικεφαλαίας μικρὰ ἀσπιδίσκια ἅτινα κόσμου χάριν ἐπιτίθενται), мы можемъ привести еще толкованіе Гесихія: φάλαρα—ἀστραγαλίσκος ὁ ἐπὶ τῆς περικεφαλαίας. (ἀστραγαλίσκος у Гесихія можетъ означать только то, что ἀσπιδίσκιον въ схоліяхъ, то-есть выпуклость или шишку на шлемѣ, имѣвшую видъ игральной кости или щитка).

Въ томъ же отдѣлѣ авторъ даетъ болѣе наглядное объясненіе гомеровскому выраженію: ξίφος ἀργυρόηλον (меча съ серебрянными гвоздями (стр. 238 и слѣд.). Конечно, уже и прежде лучшіе толкователи полагали, что гвозди, которыми былъ украшенъ мечъ, не могли быть ни въ какомъ случаѣ на клинкѣ, точно также не могли

они быть и на ножнахъ, такъ какъ нерѣдко мечъ обозначается этимъ эпитетомъ самъ по себѣ, безъ ноженъ, и такъ какъ еслибы ножны были украшены серебряными гвоздями, то безъ сомнѣнія, онѣ назывались бы этимъ эпитетомъ, а не мечемъ. Поэтому и прежде искали эти украшенія на рукояткѣ меча, но не вполнѣ ясно представляли себѣ, какимъ образомъ и для чего эти серебряные гвозди были прикрѣплены къ рукояткѣ, которая тоже была металлическая (изъ мѣди или бронзы). Авторъ наглядно объясняетъ, какъ способъ прикрѣпленія ихъ, такъ и ихъ цѣлесообразность. По мнѣнію автора, это были гвозди, которыми клинокъ прикрѣплялся къ рукояткѣ. Древніе клинки имѣютъ въ верхней части своей, которою они вставлялись въ рукоятку, нѣсколько отверстій. Эти отверстія явно были предназначены для пропущенія гвоздей, которые должны были скрѣпить рукоятку съ клинкомъ. На дорогихъ мечахъ такіе гвозди были серебряные. Они служили для скрѣпы и въ то же время для украшенія меча.

Въ отдѣлѣ объ инструментахъ (стр. 251 и слѣд.) авторъ даетъ намъ нѣсколько рисунковъ древнѣйшихъ топоровъ и сѣкиръ, которыми очень наглядно поясняется возможность употребленія этого орудія при состязаніи въ стрѣльбѣ изъ лука. Въ Одиссеѣ (XXI, 75, 120, 420) разказывается, какъ извѣстно, о состязаніи, предложенномъ Пенелопою женихамъ: поставивъ 12 сѣкиръ одну за другой, прострѣлить изъ лука черезъ всѣ. Подобная стрѣльба возможна была только тогда, когда сѣкиры представляли такое отверстіе, черезъ которое стрѣла, пущенная изъ лука, могла пролетѣть. Такое отверстіе (притомъ въ верхней части) представляетъ: 1) сѣкира двойная, схожая съ римскою bipennis; 2) топоръ, рисунокъ котораго представляется на одной метопѣ, найденной у Селинунта. Этотъ топоръ имѣетъ въ верхней части своей нѣчто въ родѣ рукоятки или полукруглой скобки, представляющей отверстіе вполнѣ достаточное для пролета стрѣлы. Замѣтимъ, что авторъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ иныхъ, пользуется изслѣдованіями другихъ ученыхъ. Такъ въ данномъ случаѣ на топоръ перваго рода указалъ Гебэль, на топоръ втораго рода Муррей.

Въ статьѣ о чашахъ и кубкахъ (стр. 260 и слѣд.) новое находимъ мы у автора относительно того кубка, о формѣ котораго и древніе и новые толкователи не были согласны между собою. Я разумѣю δέπας ἀμφικύπελλον. По мнѣнію автора, δέπας, κύπελλον, δέπας ἀμφικύπελλον и ἄλεισον суть синонимы и означаютъ одинъ и тотъ же

бокалъ (простой) съ двумя ушками или ручками. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, авторъ указываетъ на то, что въ Одиссеѣ (3, 40 и слѣд.) тотъ же кубокъ дважды названъ δέπας, разъ δέπας ἀμφικύπελλον и дважды ἄλεισον, а въ 22-й книгѣ той же Одиссеи одинъ и тотъ же кубокъ разъ названъ ἄλεισον ἄμφωτον (9 ст.), другой разъ δέπας (17 ст.). Конечно такое безразличное употребленіе нѣскольких словъ для обозначенія одного и того же предмета не можетъ еще служить прочнымъ доказательствомъ мнѣнія автора. Очень можетъ быть, что всѣ эти слова, первоначально означавшія сосуды разной формы и величины, впослѣдствіи утратили свое первоначальное значеніе и потому стали безразлично употребляться поэтами. Можетъ быть однако и то, что всѣ эти слова принадлежали не одному, а разнымъ діалектамъ, и потому могли употребляться и объ одномъ предметѣ. По крайней мѣрѣ о словѣ κύπελλον сохранилась замѣтка Атенея (XI стр. 483), что этимъ именемъ Кипрійцы называли чашу съ двумя ушками (ποτήριον δίωτον), а критяне съ двумя и четырьмя (δίωτον καὶ τετράωτον). То же самое говоритъ о кипрійцахъ и Евстаѳій къ Одиссеѣ XV, 120. Чтобъ еще болѣе подтвердить свое мнѣніе о томъ, что δέπας ἀμφικύπελλον была чаша съ двумя ручками, авторъ предлагаетъ совершенно новое этимологическое объясненіе слова κύπελλον. По его мнѣнію, κύπελλον происходитъ не отъ корня κυπ (κύπη, по Гесихію= τρώγλη, углубленіе, нора; латинское cupa чанъ, бочка), а отъ корня καπ (латинское capere, capulus, capis). Отъ этого корня κυπ произошло, съ перемѣною *a* въ *υ*, какъ въ эолическомъ діалектѣ, κύπη, и съ прибавленіемъ суффикса ελη κυπ-έλη (ср. для перехода гласныхъ τέσσαρες—πίσσυρες, πρό—πρύτανις, а для суффикса νεφ-έλη).

Отъ этого κυπέλη, что̀ означало ручку, произошло прилагательное κυπελ-ιος, κύπελλος, (ср. φύλλον, folium, ἄλλος alius) снабженный ручкою, а отъ него ἀμφικύπελλος снабженный съ обѣихъ сторонъ ручкой. Авторъ сближаетъ κυπέλη съ κώπη (рукоятка) и поясняетъ возможность подобнаго перехода гласныхъ указаніемъ на слова: ἀμύμων μῶμος. Противъ этой этимологіи можно замѣтить то, что она сближаетъ разнородное. Κώπη относится къ κύπη или κυπέλη вовсе не такъ, какъ μῶμος къ ἀμύμων. Въ κυπέλη или, вѣрнѣе сказать, κύπελλον *υ* короткое, между тѣмъ какъ въ ἀμύμων оно долгое. Поэтому весьма сомнительно, чтобы κυπέλη, сочиненное авторомъ, и κώπη могли произойдти отъ одного и того же корня καπ съ *a* короткимъ. Кромѣ того замѣтимъ, что еслибы κύπελλον было прилагательное и въ соединеніи съ δέπας означало бы кубокъ съ р у ч к о ю, то непонятно было бы,

какимъ образомъ впослѣдствіи оно стало означать кубокъ вообще безъ всякихъ ручекъ. У Гесихія, напр., мы читаемъ, что κύπελλον былъ видъ кубка или чаши безъ ручекъ (κύπελλον εἶδος ποτηρίου ἀώτου). Словомъ, вопросъ о δέπας ἀμφικύπελλον остается по прежнему не вполнѣ рѣшеннымъ и единственное, что можно сказать противъ обыкновеннаго объясненія, принимающаго это выраженіе въ значеніи двойнаго кубка, это то, что цѣль и употребленіе подобнаго кубка для гомеровскихъ временъ были бы совершенно непонятны. Гомеровскіе греки не пили за столомъ два или нѣсколько сортовъ винъ и не наливали вино изъ бутылокъ, а черпали его изъ кратера или общей объемистой чаши, въ которой вино смѣшивалось съ опредѣленнымъ количествомъ воды. Впрочемъ на основаніи нѣкоторыхъ рисунковъ, сообщаемыхъ самимъ авторомъ, можно отчасти отстоять и древнее толкованіе, хотя и въ другомъ смыслѣ. На стр. 275 авторъ, съ цѣлью объяснить значеніе слова πυθμένες (о чемъ ниже), даетъ рисунки двухъ бронзовыхъ или мѣдныхъ бокаловъ, найденныхъ въ Цере (Caere), правда относящихся къ VI вѣку. Рисунки этихъ бокаловъ представляютъ нѣчто весьма похожее на двойной кубокъ, то-есть, кубокъ, покоящійся на подставкѣ или ножкѣ, имѣющей тоже видъ кубка, только опрокинутаго и болѣе узкаго и длиннаго. Можетъ быть, это сходство подставки или ножки съ формою кубка и дало поводъ къ тому, что кубокъ съ подобною подставкой былъ названъ ἀμφικύπελλον (кубкомъ или чашей съ обѣихъ сторонъ имѣющимъ углубленіе). Замѣтимъ, что гомеровскіе бокалы или чаши были почтенныхъ размѣровъ, дѣлались изъ металла и потому нуждались въ подставкахъ или ножкахъ болѣе широкихъ и солидныхъ, чѣмъ наши стеклянные бокалы и рюмки (разумѣется, такіе только гомеровскіе бокалы, у которыхъ были ножки). Такъ, напримѣръ, кубокъ Нестора былъ такъ тяжелъ, что его, съ виномъ, одинъ только Несторъ могъ легко поднять со стола. Этому кубку Нестора авторъ, между прочимъ, отводитъ особую главу, стараясь объяснить устройство его во всѣхъ подробностяхъ (стр. 272 и слѣд.). Кубокъ этотъ описывается въ Иліадѣ, XI, 632 ст. и слѣд. такимъ образомъ „Онъ былъ украшенъ (буквально: пронизанъ) золотыми гвоздями. У него было четыре ушка (или ручки). Вокругъ каждаго изъ нихъ паслись два или по два золотыхъ голубя (т. е. были изображены сидящими). А подъ нимъ (то-есть, кубкомъ) были два πυθμένες". Мы нарочно не перевели послѣдняго слова, такъ какъ оно и есть спорное; уже древніе толковали его двояко: одни принимали его въ значеніи „дна", другіе въ

значеніи „подпоры". Авторъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ вѣрно принимаетъ его въ значеніи подпоры. Онъ справедливо замѣчаетъ, что, если принимать въ данномъ мѣстѣ слово πυθμήν въ значеніи дна, то было бы совершенно непонятно, для чего и какимъ образомъ могли быть два дна подъ кубкомъ, какъ сказано у Гомера. Затѣмъ авторъ указываетъ на три экземпляра древнѣйшихъ кубковъ, наглядно показывающихъ существованіе подобныхъ подпоръ и назначеніе ихъ. На этихъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ найденъ въ Микенахъ, а два въ Цере, идутъ (на первомъ) отъ ручекъ, а (на вторыхъ) отъ дна кубка къ основанію ножки двѣ подпоры (съ каждой стороны по одной), явно служившія для того, чтобы придать кубку болѣе устойчивости, а также для того, чтобы болѣе скрѣпить его съ ножкой. Микенскій кубокъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что ушки его украшены голубями, по одному съ каждой стороны. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ еще заключать, что кубокъ Нестора былъ совершенно похожъ на кубокъ микенскій. Судя по описанію Гомера, въ которомъ говорится, что подпоры были подъ кубкомъ (ὑπό), можно скорѣе предположить, что кубокъ Нестора, по крайней мѣрѣ относительно подпоръ, былъ болѣе похожъ на церетанскіе кубки, въ которыхъ подпоры помѣщены подъ дномъ кубка и идутъ отъ этого дна къ основанію ножки, между тѣмъ какъ на микенскомъ кубкѣ они находятся съ боковъ кубка, соединяя основаніе ножки съ ушками кубка и подпирая послѣднія.

Въ отдѣлѣ объ искусствѣ или, спеціальнѣе, объ орнаментикѣ и орнаментахъ (стр. 279 и слѣд.) авторъ посвящаетъ отдѣльную статью описанію щита Ахиллесова (стр. 291 и слѣд.). Совершенно вѣрно замѣчаетъ онъ, что это описаніе есть чисто произведеніе фантазіи поэта, обличающее въ немъ большое искусство. Намъ кажется, что авторъ и въ другихъ случаяхъ могъ бы также удѣлить больше фантазіи поэта, а не искать вездѣ и повсюду опредѣленныхъ произведеній искусства, на основаніи которыхъ будто бы поэты эпическіе создавали свои описанія и образы. Такъ, напримѣръ, авторъ полагаетъ, что поэтъ, описавшій такъ подробно сказочный дворецъ Алкиноя (Од. VII, 86 и слѣд.), въ которомъ стѣны были мѣдныя, карнизъ изъ лазореваго камня, двери золотыя, косяки серебряные и т. п., безъ сомнѣнія, видѣлъ нѣчто подобное въ дѣйствительности (стр. 79). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 285) авторъ, говоря о фигурахъ, украшавшихъ ремень или портупею Иракла (Од. XI, 610), сомнѣвается, чтобы медвѣди были изображены на немъ, только на томъ основаніи, что

этотъ звѣрь въ качествѣ декоративной фигуры не встрѣчается ни на одномъ восточномъ, греческомъ и италійскомъ произведеніи архаическаго стиля, и высказываетъ предположеніе, что медвѣди, можетъ быть, попали въ число декоративныхъ фигуръ только потому, что на какомъ-нибудь ремнѣ, который видѣлъ поэтъ, оттиски звѣрей не вполнѣ ясно были сдѣланы, такъ что онъ могъ принять ихъ за медвѣдей. Намъ кажется, что фантазія поэта въ этомъ случаѣ, какъ и въ иныхъ, руководилась не опредѣленными предметами искусства, а совершенно иными мотивами.

Въ заключеніе скажемъ, что книга Гельбига хотя и не особенно много поясняетъ эпосъ Гомера, однако проливаетъ новый свѣтъ на нѣкоторые предметы гомеровскаго быта и въ то же время знакомитъ читателя съ многочисленною археологическою литературой и съ многими частностями, хотя и не относящимися прямо къ Гомеру, но дающими понятіе о техникѣ и внѣшней культурѣ древнѣйшихъ грековъ и италійцевъ и о тѣхъ вліяніяхъ, которыя испытала эта культура со стороны болѣе развитыхъ восточныхъ народовъ, напримѣръ финикійцевъ, ассирійцевъ и египтянъ. Трудъ Гельбига во всякомъ случаѣ не только интересенъ, но и полезенъ для филолога.

Съ нимъ не мѣшало бы познакомиться также тѣмъ изъ нашихъ классиковъ, которые при объясненіи реалій Гомера слишкомъ довѣрчиво обращаются къ рисункамъ, помѣщеннымъ въ словарчикѣ гомеровскомъ Аутенрита, рисункамъ, отчасти сочиненнымъ и вымышленнымъ, отчасти же, хотя и древнимъ, но иногда безъ всякаго разбора привлекаемымъ къ объясненію гомеровскихъ предметовъ и потому дающимъ о нихъ нерѣдко самое неподходящее представленіе (како вы напримѣръ рисунки къ слову: ὅρμος, πυϑμήν, ἀμφικύπελλον, τετραφάληρος, κρήδεμνον).

А. Вейсманъ.

Николай Спаѳарій.

Notice biographique et bibliographique sur Nicolas Spatar Milescu, ambassadeur du tsar Alexis Mihajlović en Chine. Par *Émile Picot*. Paris. 1883.

Личности, подобныя спаѳарію Николаю Милеску обыкновенно забываются, и о нихъ вспоминаютъ только въ исключительныхъ случаяхъ, по поводу какихъ-либо обстоятельствъ. Такъ жестока къ нимъ народная память не потому, что они заслуживаютъ забвенія, а по-

тому, что они нигдѣ не имѣютъ почвы, нигдѣ не чувствуютъ себя дома, вездѣ являются пришельцами, чужими; они обыкновенно останавливаются тамъ, гдѣ имъ хорошо и выгодно, но нигдѣ, можно сказать, не роднятся съ мѣстомъ, съ мѣстными интересами, а слѣдовательно, не могутъ и прикрѣпляться къ нимъ. Невольно припоминаются при этомъ слова поэта:

Acel ce' șĭ vinde țara ișĭ perde neamul seŭ! [1]).

Исключеніе изъ этого составляютъ духовныя лица; духовенство, по своему основному принципу, болѣе всѣхъ космополитично; оно принадлежитъ всему міру и никому въ отдѣльности; и если оно связано съ тою или другою страной, съ тѣмъ или другимъ народомъ, то потому, что все въ мірѣ ограничено пространствомъ и временемъ. Личности, подобныя спаѳарію Николаю, не всегда однако должны быть отвѣтственны за свое скитальничество; ихъ создаютъ время и среда, въ которыхъ они живутъ и вращаются; они, по своему воспитанію, образованію и нравственнымъ понятіямъ, становятся выше или ниже той среды, изъ которой вышли, и въ силу того, не всегда въ ней они терпимы и возможны, являются здѣсь лишними, а слѣдовательно, и ненужными. Такіе скитальцы или авантюристы были довольно обычнымъ явленіемъ въ средніе вѣка въ тѣхъ государствахъ или у тѣхъ народовъ, политическое и экономическое благосостояніе которыхъ было слишкомъ шатко. Одною изъ такихъ странъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ была Молдавія, родина спаѳарія Николая Милеску, извѣстнаго въ Россіи подъ именемъ Николая Спаѳарія.

Николай Милеску былъ для своего времени человѣкъ выдающійся и замѣчательный, главнымъ образомъ, по своему образованію, какъ большею частію бывали авантюристы одинаковаго съ нимъ общественнаго положенія. Кромѣ того, онъ игралъ немаловажную роль въ современной международной политикѣ не только въ Россіи, гдѣ— нужно полагать — и окончилъ свою жизнь, но и на своей родинѣ, затѣмъ въ Константинополѣ и отчасти въ Польшѣ и Пруссіи, куда онъ попалъ волей-неволей. Но благодаря тому, что онъ долженъ былъ проводить жизнь свою въ разныхъ государствахъ, среди самыхъ различныхъ обстоятельствъ, личность его осталась во многихъ своихъ чертахъ совершенно темною и трудно объяснимою. Къ тому же, многосторонняя его дѣятельность еще мало разъяснена въ исторической

---

[1]) *Alexandri*, Despot-Vodă. Bucurescĭ. 1880, p. 149.

наукѣ. Матеріалъ, касающійся жизни и дѣятельности Н. Милеску, остается до настоящаго времени не только не разработаннымъ, но даже и не разобраннымъ. Ни единственныя до послѣдняго времени румынскія монографіи о немъ профессора Хышдеу [1]), ни интересная статья г. Кедрова [2]) далеко не исчерпываютъ всей жизни и дѣятельности спаѳарія Николая. Его біографъ долженъ обладать обширною эрудиціей и, въ особенности, основательнымъ знакомствомъ съ исторіей и литературой румыновъ, славянства и востока. Въ виду этого, нельзя не цѣнить даже и небольшія замѣтки по біографіи Н. Милеску, разъясняющія ту или другую сторону его жизни или дѣятельности. Вотъ почему должно порадоваться небольшой, но очень содержательной статьѣ профессора Э. Пико, помѣщенной въ „Mélanges orientaux", изданныхъ профессорами Парижской школы живыхъ восточныхъ языковъ по случаю VI международнаго съѣзда оріенталистовъ въ Лейденѣ (въ сентябрѣ 1883 г.) [3]). Замѣтка эта выпущена и отдѣльною брошюрой. Въ трудѣ подъ такимъ скромнымъ названіемъ г. Пико вкратцѣ сгруппировалъ все, за весьма небольшими исключеніями, что̀ сдѣлано и извѣстно о Н. Милеску въ румынской, греческой и русской литературахъ. Это—первая полная, хотя краткая, его біографія, полная, на сколько то возможно въ настоящее время. Главными пособіями г. Пико при составленіи его замѣтки служили монографія профессора Хышдеу (въ Traianŭ) и статья Кедрова, которыми онъ воспользовался весьма добросовѣстно. Но кромѣ этого, не представляя самостоятельной разработки, онъ указалъ и на все почти сдѣланное и обнародованное до этихъ трудовъ и послѣ нихъ, пользуясь при этомъ указаніями академика А. Ѳ. Бычкова. Не могъ воспользоваться г. Пико только „Библіологическимъ словаремъ" П. М. Строева, и новѣйшимъ третьимъ изданіемъ „Обзора русской духовной литературы" архіепископа Филарета (С.-Пб. 1884 г., стр. 56—57); неизвѣстными ему остались еще нѣкоторыя письма спаѳарія Николая, которыми, впрочемъ, не пользовались и предшественники г. Пико, напримѣръ, въ Русскомъ Архивѣ (1867 г., кн. 2, стр. 308—309), о трехъ арапчикахъ и о ка-

[1]) *Satirulŭ*, 1866, №№ 12—14; *Traianŭ*, II (1870 г.), №№ 7—9, 11, 12 и 13.

[2]) *Ж. М. Н. Пр.* 1876, январь, стр. 1—31; статья эта осталась не оконченною, за смертью автора.

[3]) Mélanges orientaux. Textes et traductions, publiés par les professeurs de l'école speciale des langues orientales vivantes à l'occasion du sixième congrès international des orientalistes, réuni à Leyde (Septembre 1883), p. 431—492.



кихъ-то армянскихъ переводахъ, вѣроятно, дѣловыхъ бумагахъ. За то г. Пико воспользовался свѣдѣніями о Н. Милеску, которыя находятся въ молдавской лѣтописи Іоанна Некульчи [1]). Кромѣ того, о Н. Милеску должны быть извѣстія и въ другомъ сочиненіи того же автора, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ неизвѣстномъ, въ современномъ сказаніи о Петрѣ Великомъ въ Молдавіи и о Димитріѣ Кантемирѣ въ Россіи [2]). Затѣмъ, существуютъ еще и китайскія свѣдѣнія о Н. Милеску въ цѣлой запискѣ, на которую до настоящаго времени никто изъ занимавшихся сношеніями между русскими и китайцами, не обратилъ вниманія, хотя часть этихъ свѣдѣній уже давно напечатана профессоромъ В. П. Васильевымъ [3]). Эта записка начинается офиціальными документами о пріѣздѣ, пребываніи и выѣздѣ Н. Милеску изъ Китая, затѣмъ описывается самое пребываніе его въ Пекинѣ и его сношенія съ правительствомъ богдыхана. Эта послѣдняя часть записки наиболѣе интересна, представляя намъ взглядъ китайцевъ, какъ на русскаго посла, такъ и на его дѣло и на Россію. Приводимъ здѣсь изъ этой записки одно извлеченіе, которое вмѣстѣ представляетъ кое-какія разницы съ русскими, уже извѣстными свѣдѣніями, а именно грамоту Московскаго царя къ богдыхану. По китайской запискѣ, русскій посолъ называется просто Никулай [4]); онъ пріѣхалъ въ Пекинъ 25-го числа 2-й луны, въ 15-й годъ правленія Элхэтайфинъ (Канъси), а этотъ годъ соотвѣтствуетъ нашему 1676; 5-го числа 5-й луны представлена была богдыхану грамота бѣлаго царя въ слѣдующихъ словахъ:

---

[1]) Мѣсто о Н. Милеску въ лѣтописи см. у *Когълничану*: Летопісіціле цѣрії Молдовії. II. Јашії. 1845, р. 209—211; изд. 2-е. Бucurescї, 1872, t. II, p. 190—191.

[2]) Протоколы засѣданій археографической коммиссіи 1835—1840 гг. Вып. I. С.-Пб. 1885, стр. 145.

[3]) Маньчжурская христоматія. С.-Пб. 1863, стр. 80—120. О существованіи этихъ свѣдѣній сообщилъ мнѣ профессоръ И. П. Минаевъ. Затѣмъ мы обратились къ профессору Васильеву, который указалъ намъ на свою „Маньчжурскую христоматію“ и сообщилъ, что большая часть искомыхъ нами свѣдѣній находится въ рукописи библіотеки С.-Петербургскаго университета, № 13834 и въ *Сахалянскомъ журналѣ* по рукописи той же библіотеки (ч. 1-я). По нашему предложенію, студентъ факультета восточныхъ языковъ того же университета, А. О. Ивановскій, любезно принялъ на себя переводъ этихъ свѣдѣній на русскій языкъ. Трудъ его въ цѣлости явится въ печати въ одномъ изъ спеціальныхъ журналовъ.

[4]) Только разъ встрѣчается его имя вѣрно. Кромѣ того, оно употребляется еще и въ формѣ Микулай.

«Божіею милостію (*буквально*: принявъ любовь владыки неба), грамота А-лэк-сяо Ми-ха-эл-о-вэй-сы, правящаго Московскимъ царствомъ, Великою и Малою Россіей и Бѣлою Россіей (Бѣлое Русское государство) и прочими восточными, западными и сѣверными мѣстами. Довожу до свѣдѣнія (даньцзибурэнгэ) общаго владыки всѣхъ государствъ, величайшаго царя Срединнаго царства: отъ моего прапрадѣда Ау-гус-то-сы-саря, обще управляющаго всѣми государствами за 1600 слишкомъ лѣтъ до нынѣ, затѣмъ прапрадѣдовъ Рурику, Уладимирь, Сивэйядос-ла-вэ іопь (юпь) цзо, Спріѣ, Ивановасилій (Ивана Васильевича) Віѣ, и отъ его сына царя Дэодоро Ивановэйцы, и преемственно до моего отца царя Михайлъ Дэоторовэйцы, отцы и дѣды во всѣхъ государствахъ были весьма знамениты и Уладимиро Сэфуладицзо въ государствѣ Хэра-си-я прославились подъ именемъ замѣчательныхъ богатырей. Мое русское государство согласно этому изъ рода въ родъ преемственно перешло (ко мнѣ). Владѣтели находящихся вокругъ нашего царства гирисытяно (христіанскихъ) государствъ и (владѣтели) Турецкаго и прочихъ царствъ жили во взаимномъ согласіи съ моими предками, среди нихъ также владѣтели нѣкоторыхъ государствъ получили пользу и помощь отъ моихъ предковъ. Только; такъ какъ мое здѣшнее (царство) весьма удалено отъ Срединнаго царства, (то) наши дѣды отцы и не могли отправлять взадъ и впередъ другъ къ другу пословъ, и (поэтому) словъ отправленныхъ изъ (вашего) Срединнаго царства грамотъ мое царство не понимаетъ. Не знаю, что̀ представить и что̀ приходится по сердцу великому царю Срединнаго царства. Поэтому, поручивъ грамоту къ великому царю Срединнаго царства моему приближенному вельможѣ (фучжури амбань) Никулай Ха-бэ-ры-эл-о-вэй-сы (Николаю Гавриловичу), отправилъ его посланникомъ представить (ее) великому царю Срединнаго царства и спросить о (его царскомъ) здравіи. Желаю услышать, какія вещи приходятся по сердцу и цѣнятся высоко великимъ царемъ Срединнаго царства. Если исполнится мое желаніе, то согласно съ дѣйствіями относительно владѣтелей, находящихся кругомъ (Россіи) государствъ царя Римскаго Кесаря (Сэйсар Ромао) и прочихъ, (а также) царемъ Персидскаго царства и проч., взаимно сблизившись съ великимъ царемъ Срединнаго царства, посредствомъ сношеній черезъ пословъ, что ни пожелалъ бы (великій царь) изъ находящагося внутри нашего царства, пошлетъ ли онъ грамату или отправитъ посла, я по мѣрѣ силъ и возможности постараюсь удовлетворить желанію великаго царя Срединнаго царства. Такъ какъ прежде мои предки искони не ѣздили въ Срединное царство, то не знаемъ правилъ представленія и дарованія (полученія) грамотъ Срединнаго царства. Поэтому въ случаѣ если мы не выяснивъ (себѣ) во всѣхъ подробностяхъ, изъ чего (то-есть, какъ) великій царь Срединнаго государства правитъ (своимъ) царствомъ, (въ чемъ либо) не согласовались (поступили несогласно) съ узаконеніями, то да освободитъ (великій царь насъ) отъ обвиненія (въ этомъ) и поскорѣе отправитъ обратно отправленнаго мною посла, обращаясь съ нимъ по закону, какъ слѣдуетъ. Великій царь Срединнаго государства не отправитъ ли съ посломъ нашего государства своего и не укажетъ ли намъ правила, какъ должно писать и величать въ грамотахъ великаго царя Срединнаго государства? Если по милости Божіей (когда смилуется владыка неба) прибудетъ посланникъ, то я прикажу встрѣтить (его) на границѣ со всѣми

церемоніями и провожать людямъ (его въ Москву) и (такимъ образомъ) доставлю въ городъ, мою резиденцію. Я, выказавъ чувство искренней дружбы, приму и также поскорѣе отошлю обратно отправленнаго (вами) посла. Тогда) отселѣ впредь буду писать согласно указанному величанія (то-есть, почетные титулы) великаго царя Срединнаго царства въ моихъ грамотахъ. Я теперь молюсь всемогущему небесному Владыкѣ, чтобы великій царь Срединнаго царства жилъ многіе и многіе годы (*буквально:* тысячу тысячъ лѣтъ). Эту грамоту отправилъ я изъ города Москвы, гдѣ я пишу, во 2-й лунѣ 7180 года отъ сотворенія міра» [1]).

Затѣмъ китайскія извѣстія содержатъ въ себѣ свѣдѣнія о переговорахъ спаѳарія Николая съ китайскими властями. Какъ извѣстно, переговоры эти кончились безуспѣшно [2]).

Къ своей статьѣ г. Пико присоединилъ приложенія, гдѣ приводитъ мѣсто о Н. Милеску изъ лѣтописи Некульчи на румынскомъ языкѣ съ параллельнымъ французскимъ переводомъ, и затѣмъ представляетъ перечень 18 литературныхъ трудовъ Н. Милеску съ приведеніемъ ихъ полныхъ заглавій въ подлинникѣ и переводѣ и съ библіографическими замѣчаніями и указаніями. Но при этомъ авторъ не объясняетъ, почему онъ не включилъ въ этотъ перечень еще двухъ сочиненій Н. Милеску, которыя указаны уже у г. Кедрова [3]), а именно: „Избраніе на престолъ Михаила Ѳеодоровича“ [4]) и „Родословная великихъ князей и государей царей Россійскихъ, которые родословились со окрестными великими государи“ [5]). Кромѣ того, г. Пико при обозрѣніи литературной дѣятельности Н. Милеску допускаетъ иногда и неточности; такъ напримѣръ, онъ говоритъ, что Н. Милеску „appartient en même temps à l'histoire littéraire de la Moldavie (?), de la Grèce, de la Russie et de la Chine“(?), или же утверждаетъ, что Милеску „rédigea ensuite une Arithmétique... Sous un titre qui indiquait une simple manuel de l' art du calcul, il avait, en s'inspirant des petits traités en usage dans les écoles grecques, rédigé une sorte d'encyclopédie mathématique, religieuse et philosophique...“. Между тѣмъ г. Кедровъ, спеціально изучившій

---

[1]) Ср. Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами, *Бантыша-Каменскаго*. Изд. *Флоринскимъ*. Казань. 1882, стр. 24.

[2]) О посольствѣ Н. Спаѳарія въ Китай см. въ предисловіи *Ю. В. Арсеньева* къ изданному имъ Путешествію чрезъ Сибирь до границъ Китая русскаго посланника Н. Спаѳарія въ 1675 году (С.-Пб. 1882).

[3]) *Ж. М. Н. Пр.* 1876, янв., стр. 4.

[4]) Дополненія къ акт. историческ., т. VI, № 43, IX—XI, XVI и XXV.

[5]) Ibid., VI, № 43, XXV.

это произведеніе Н. Милеску, прямо говоритъ, что оно „не заключаетъ въ себѣ свѣдѣній по ариѳметикѣ“ [1]). Впрочемъ, говоря вообще, допущенные г. Пико промахи гораздо извинительнѣе, чѣмъ многочисленыя оншибки о Н. Милеску въ новомъ изданіи „Обзора“ епископа Филарета (стр. 248—249). Здѣсь кстати будетъ замѣтить, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ г. Пико, что показанная имъ въ числѣ трудовъ спаѳарія Николая „Книга въ лицахъ и съ реченіемъ, сочиненная Макаріемъ патріархомъ Антіохійскимъ“ есть, по всей вѣроятности, сдѣланный Макаріемъ арабскій переводъ первой части исторіи, составленной Дороѳеемъ Монемвасійскимъ [2]). Г. Пико довольно осторожно и даже слегка касается спорныхъ вопросовъ о жизни и дѣятельности Н. Милеску и того, что̀ говоритъ о нихъ отрицательная критика. Впрочемъ, это отчасти и не зависѣло отъ автора. Не вдаваясь въ особенныя подробности, коснемся здѣсь только одного вопроса, имѣющаго, по нашему разумѣнію, не маловажное значеніе, какъ въ румынской, такъ и въ русской литературѣ; это спорный вопросъ: принадлежитъ ли Николаю Милеску отрывокъ анонимной румынской хроники о завоеваніи римлянами Дакіи и о влахахъ, или нѣтъ?

Этотъ отрывокъ изданъ уже два раза въ Букурештѣ въ 1858 и 1872 годахъ [3]). Изъ содержанія отрывка видно, что оно составляетъ только часть цѣлой исторіи румыновъ, по всей вѣроятности, до времени жизни автора, то-есть, до XVII в., какъ весьма основательно доказалъ профессоръ Букурештскаго университета В. Уреки, противникъ въ этомъ вопросѣ г. Хышдеу [4]). Къ вѣскому доказательству г. Уреки, къ указанію на время изданія сочиненія Топелтина [5]) если только это не позднѣйшая вставка, прибавимъ еще два, упущенныя критикомъ изъ виду, а именно: указаніе на кальвинизмъ

---

[1]) *Ж. М. Н. Пр.* 1876 г., январь, стр. 17—18.

[2]) Baron *V. Rosen*, Notices sommaires des manuscrits arabes du musée asiatique Spb. 1881, p. 429—135.

[3]) Въ первый разъ книгопродавцемъ Іоаннидомъ въ 1-мъ томѣ «Istoria Moldo-Romănieĭ», заключающемъ въ себѣ старыя румынскія хроники, найденныя въ рукописяхъ въ валашскихъ монастыряхъ Козіи и Сербънештъ, и во второй разъ М. Кагълничану въ 1-мъ томѣ 2-го изданія „Румынскихъ хроникъ“ (Cronicele Romăniei séu letopisitele Moldavieĭ si Valachieĭ. Bucurescĭ. 1872), съ небольшими измѣненіями и съ поясненіемъ, что хроника приписывается Н. Милеску.

[4]) O cronică anonimă въ журналѣ *Г. Точилеску*: *Revista pentru istorie, archeologie si filologie*, An. II. Vol. I, fasc. 1 (Bucur. 1884), p. 72—75.

[5]) Oriens et occidens Transylvanorum(?). Lyon. 1667.

венгерскихъ магнатовъ и властей [1]) и на путешествіе Юрія Бранковича съ своимъ братомъ митрополитомъ Саввой [2]), совершенное въ 1668 г. [3]). Извѣстно, что кальвинизмъ въ Венгріи сталъ падать съ 1690 г.; но до 1665 г. онъ былъ въ полной силѣ. На основаніи этихъ данныхъ, можно предположить съ большею вѣроятностію, что хроника написана въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ XVII столѣтія [4]), и несомнѣнно въ Валахіи. Авторъ ея—въ новое время, первый изъ румыновъ—является представителемъ теоріи о непрерывномъ существованіи римлянъ на сѣверѣ отъ Дуная до появленія, въ исторіи здѣшнихъ краевъ, румынской націи, которая по его мнѣнію, должна считаться прямою преемницей римлянъ по крови и по языку, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ и на Балканскомъ полуостровѣ [5]). Изъ хроники не видно, гдѣ авторъ ея родился: въ Молдавіи, Валахіи или Трансильваніи, такъ какъ на всѣхъ румыновъ онъ смотритъ одинаково, только какъ на румыновъ; лишь въ одномъ мѣстѣ онъ прямо указываетъ, что жилъ или, по крайней мѣрѣ, пробылъ нѣкоторое время въ Молдавіи [6]), а что онъ писалъ свою хронику въ Валахіи, видно изъ множества указаній [7]). Для своего времени онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ румынскихъ ученыхъ, если не самый видный; онъ прекрасно знакомъ съ историческою и географическою литературой, а также съ изящною словестностью и, конечно, съ Священнымъ Писаніемъ и философіей; весьма часто къ приводимымъ имъ авторамъ онъ относится критически; весьма хорошо для своего времени, и даже до нѣкоторой степени для нашего, онъ понимаетъ значеніе лѣтописи, грамотъ и народной поэзіи, какъ историческаго матеріала [8]). Изъ его хроники прямо можно заключить, что онъ основательно зналъ языки греческій, латинскій, италіанскій, славянскій и русскій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ прекрасный знатокъ румыновъ, на которыхъ смотритъ

---

[1]) „Но кромѣ этихъ, большая часть ихъ (венгровъ) боярства собственно румыны и происходятъ отъ Румыновъ; только власти этой страны еще и нынѣ кальвинисты, и они (Румыны), служа при дворѣ, приняли кальвинизмъ и такимъ образомъ всѣ они, называются венграми; они, перемѣнивъ вѣру, перемѣнили и имя румынское" (edit. *Jonid.*, p. 343; ed. *Kogălniceanu*, I, p.109).

[2]) Ibid., p. 371; et ibid., p. 123

[3]) Ср. *Picot*, p. 477.

[4]) Ср. *Urechia*, op. c., p. 75.

[5]) Edit. *Ioanid.*, p. 361—365, 347; edit. *Kogalniceanu*, I, p. 118—120.

[6]) *Ioan.*, p. 341; *Kogaln.*, p. 108; ср. *Urechia*, op. c., p. 74—75.

[7]) Ср. *Urechia*, op. c., p. 67—72.

[8]) Ср. *Urechia*, op, c., p. 75—77.

весьма здраво, не впадая въ крайности; свѣдѣнія его о куцовлахахъ [1]) можно считать самыми важными изъ существующихъ до нынѣ [2]). Не менѣе хорошо знаетъ онъ, какъ православный, весь православный востокъ и въ томъ числѣ Россію. Вотъ въ общихъ чертахъ характеръ хроники и ея автора.

Но кто былъ этотъ авторъ? Первый возбудилъ, на сколько намъ извѣстно, этотъ вопросъ г. Хыщдеу; онъ считаетъ авторомъ хроники спаѳарія Николая Милеску, не найдя другаго лица, болѣе достойнаго для такого дѣла, въ румынской литературѣ [3]). Однимъ изъ главныхъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія г. Хыщдеу считаетъ между прочимъ одно изъ русскихъ сочиненій Н. Милеску, напечатанное Н. А. Полевымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1841 г., т. II, стр. 383—400, именно предисловіе къ Хрисмологіону или, вѣрнѣе, посвященіе этой книги царю Алексѣю Михайловичу. По мнѣнію г. Хыщдеу, „цѣлыя мѣста (въ этомъ посвященіи) математически доказываютъ тожественность автора обоихъ сочиненій" [4]). На это тожество указываетъ и г. Пико (р. 477). И дѣйствительно, авторъ этого трактата-посвященія оказывается не менѣе начитаннымъ и даже ученымъ, чѣмъ авторъ хроники; и здѣсь постоянные ссылки на авторовъ и почти одни и тѣ же пріемы изложенія, какъ напримѣръ:

Хроника.

Къ скріе Бонфиніе къ зікꙋ алци, аꙋ дін' кꙋвънтꙋлꙋ галікꙋ, адикъте францꙋзескꙋ, че зикꙋ Валаскос Италіанилорꙋ адікъте Фрънчилоръ, аꙋ мъкаръ алтъ причинъ фіе кꙋм ле аꙋ зисꙋ, ꙗръ еі тотꙋ аша сънтꙋ..... ꙗр кꙋм Галіан ꙟпъратꙋ съи фіе ръдикатꙋ пе тоцй, кꙋм ꙋній аꙋ зісꙋ, кꙋм май сꙋсꙋ амꙋ арътатꙋ, къ врънд дін' Міссіа ши дін' алте локꙋрі мꙋлте дін' Елада, съ гонаскъ пе Готій, карій копринсесе ачел-

Посвященіе.

Наипаче же въ немъ (Ѳеодосіѣ Великомъ) благочестіе процвѣте, понеже честь идольскую въ конецъ нижложи и ихъ капища до основанія разори, яко Ѳеодоритъ пишетъ, яко Константинъ великій, яко мудрый, вначалѣ показа и возбрани токмо не быти чести при капищи идольстемъ, но раззори Ѳеодосій и отъ основанія искорени. И святый Августинъ пишетъ о томъ, яко болѣе молитвами, нежели браньми побѣждаше,

---

[1]) Ed. *Ioanid*. p. 337—340; edit. *Kogalniceanu* I, p. 107—108.

[2]) Ср. *Urechia*, op. c, p. 80—81.

[3]) Ср. *Urechia*, op. c., p. 80—81.

[4]) *Columna lui Traianu* 1872, № 31/131, p 275.

ле цинȣтȣрі, аȣ къчї се лесиъ-дождȣисе де а пȣтѣ цинѣ пе Дакїа, кȣм зичѣ челȣ Іоанȣ Замоски. Ꙗр пентрȣ ꙟпресȣрара ачелорȣ Готй........ Къ атъта де ла Траꙗнȣ пънъ ла ачелȣ Галїанȣ....... дȣпре кȣм зиче Карїонȣ (Ed. Joanid., p. 335—336; ed. Kogălnicaenu, I, p. 06). Къ асеменѣ ера ша елȣ (Галіанȣ) кȣ Неронȣ ши кȣ Домицїанȣ ши ꙟн' алте хлъпїї, скрїȣ историїле (Joan. p. 336; Kog., p. 106).

и яко Клавдіанъ творецъ, аще и Еллинъ бѣ, обаче сіи стихи къ нему написа...... Таже Августинъ пишетъ: (Русскій Вѣстникъ 1841, т. II(№ 5), стр. 395).

Но при всемъ этомъ, принимая во вниманіе даже и различныя обстоятельства, при которыхъ Н. Милеску могъ находиться въ Валахіи и находился въ Россіи, все-таки видно различіе, и довольно разительное, въ изложеніи обоихъ сочиненій. Между тѣмъ какъ авторъ хроники является человѣкомъ совершенно спокойнымъ, здраво мыслящимъ даже при критическомъ отношеніи къ приводимымъ имъ писателямъ, авторъ посвященія какъ будто запальчивъ и тенденціозенъ: онъ даже великихъ людей, какъ Александръ Великій и другихъ, разсматриваетъ только съ точки зрѣнія смиренія и гордости и сильно осуждаетъ ихъ, главнымъ образомъ, съ нравственной точки зрѣнія; онъ склоненъ къ лести и сильно напираетъ на кротость и милость царя, имѣя, можетъ быть, въ виду жестокость, проявленную къ нему кѣмъ-нибудь прежде, или какое-либо другое печальное обстоятельство изъ прошлой своей жизни. Но съ этимъ различіемъ еще можно было бы помириться; можно было бы предполагать, что тяжелыя обстоятельства жизни Н. Милеску сильно повліяли на него. Наконецъ, можно было бы думать, что сравненіе только двухъ его произведеній еще не можетъ рѣшить спорнаго вопроса, а нужно принять во вниманіе и другія его сочиненія. Но г. Хыштеу не только указываетъ, но, кажется намъ, уже черезчуръ напираетъ на два сравниваемыя имъ сочиненія, какъ на имѣющія разительное сходство, повторяющія одни и тѣ же цѣлыя мѣста. Къ сожалѣнію, такихъ собственно мѣстъ не оказывается. Но если споръ еще возможенъ на почвѣ сравненія, то на почвѣ хронологической, которая играетъ въ данномъ случаѣ весьма важную и даже рѣшающую роль,

онъ рѣшительно не возможенъ. Въ тотъ именно годъ, когда была напечатана книжка Топелтина въ Ліонѣ, то-есть, въ 1667 году, нашъ спаѳарій Н. Милеску издаетъ свой „Enchiridion orientalis" [1]) въ Гальмѣ, въ Швеціи. Слѣдовательно, въ это время онъ не могъ быть въ Валахіи, гдѣ, несомнѣнно, написана хроника. А думать, что Н. Милеску могъ возвратиться изъ Россіи въ Валахію и здѣсь уже послѣ того написать хронику, невозможно потому, что тогда онъ объ Югрѣ не писалъ бы только со словъ Юрія Бранковича, а могъ бы смѣло сослаться на самого себя. Остается предположить, что Н. Милеску возвратился въ 1668 г. въ Валахію, гдѣ онъ могъ написать хронику, но только по прошествіи этого года, судя потому, что онъ видѣлся съ Юріемъ Бранковичемъ, ѣздившимъ въ Россію вмѣстѣ съ своимъ братомъ, митрополитомъ Саввой II, въ 1668 году (p. 448, 477). Нужно полагать, что Н. Милеску имѣлъ довольно хорошія свѣдѣнія о Россіи еще до пріѣзда своего сюда, и что онъ собралъ ихъ частію на своей родинѣ, а частію въ Германіи и Швеціи. Слѣдовательно, хроника могла быть написана въ 1669—1671 годахъ. Матеріалъ для ея написанія авторъ могъ собрать, какъ на своей родинѣ, такъ и во время своего странствованія по чужимъ землямъ, гдѣ онъ могъ лучше познакомиться съ историческими произведеніями, на которыя ссылается. Имѣя въ виду, что Н. Милеску былъ долгое время въ странствіяхъ, можно легко себѣ объяснить тѣ отрывочныя и не полныя, встрѣчаемыя въ хроникѣ, свѣдѣнія объ извѣстныхъ молдаванахъ, какъ Іоаннъ Раковица и лѣтописецъ Уреки, о которыхъ онъ долженъ былъ знать и говорить больше [2]); онъ могъ и не знать многаго изъ того, что за время его странствія произошло въ Молдавіи. Въ виду всего сказаннаго, мы считаемъ вполнѣ достовѣрнымъ, что хроника написана нашимъ спаѳаріемъ Н. Милеску.

Отрицательная критика возбуждена, собственно говоря, благодаря слишкомъ упорному утвержденію г. Хышдеу, что авторъ хроники былъ, несомнѣнно, молдаванинъ, чего изъ хроники нельзя выводить. По видимому, г. Хышдеу сдѣлалъ свое заключеніе не на основаніи тщательнаго разбора хроники, а на основаніи бросающейся

---

[1]) Полное его заглавіе слѣдующее: Enchiridion orientalis, sive Stella orientalis; id est sensus Ecclesiae orientalis, scilicet graecae, de transsubstantione corporis Domini aliisque controversiis, a Nicolae Spatario Moldavolacone, barone et olim generali Walachiae, conscriptum. Holmiae, anno 1667, mens. febr.".

[2]) Ср. *Urechia*, op. c., p. 75—76.

въ глаза учености ея автора и отчасти на основаніи его указанія, что онъ былъ въ Молдавіи [1]). Прежде всего выразилъ сомнѣніе въ вѣрности заключенія г. Хыждеу издатель молдавскихъ лѣтописей М. Когълничеану при второмъ ихъ изданіи; онъ замѣтилъ, что „читатель убѣдится, что составитель отрывка—Румынъ изъ-за Алюты" (Олта) [2]), то-есть, изъ Малой Валахіи. Но помѣстивъ уже этотъ отрывокъ въ числѣ молдавскихъ лѣтописей, онъ тѣмъ самымъ призналъ мнѣніе г. Хыждеу достойнымъ вѣроятія. Только недавно г. Уреки, который открылъ полный списокъ хроники (1781 г.), озаглавленный „Історія църи Ромънещї динтрȣ їнчепȣть" (Исторія Румынской земли съ самаго начала), выступилъ рѣшительно противъ г. Хыждеу, отрицая принадлежность хроники спаѳарію Н. Милеску, не смотря на то, что онъ зналъ трудъ г. Пико; онъ называетъ нашу хронику анонимною [3]). Впервые разобравъ нашу хронику довольно внимательно и весьма основательно доказавъ, что изъ нея не видно, чтобъ авторъ ея былъ молдаваниномъ, онъ однако не привелъ никакихъ вѣскихъ данныхъ противъ того, что хроника принадлежитъ Н. Милеску, и даже нѣсколько запуталъ вопросъ. Такимъ образомъ, и послѣ этого можно утверждать, что хроника, названная г. Уреки анонимною, могла быть написана только нашимъ спаѳаріемъ Николаемъ Милеску.

П. Сырку.

Новый русскій библіографическій журналъ.

Библіографъ. Вѣстникъ литературы, науки и искусства, ежемѣсячный журналъ, изд. подъ редакціею *Н. Лисовскаго*. С.-Пб. 1884 г. № 1, 1885 г. №№1—4.

Подъ этимъ заглавіемъ сталъ выходить въ Петербургѣ съ конца прошлаго года журналъ, посвященный библіографіи, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ настоящее время вышло уже нѣсколько нумеровъ его, такъ что въ главномъ онъ уже опредѣлился, и есть возможность судить объ этомъ изданіи.

Первый нумеръ открывается статьей редактора, изъ которой виденъ взглядъ его на библіографію. „Предметъ библіографіи, „говоритъ

---

[1]) Ср. *Picot*, p. 433.
[2]) Cronicele RomânieĬ. I. Buc. 1872, p. XIX, nota.
[3]) Op. c., p. 65—82.



онъ,—„составляетъ книговѣдѣніе, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Сюда принадлежатъ вообще всякія розысканія о литературныхъ и художественныхъ древностяхъ, исторія книгопечатанія, описаніе и исторія библіотекъ, исторія книжно-торговой и издательской дѣятельности, извѣстія о писателяхъ и художникахъ, библіографахъ, типографахъ, книгопродавцахъ и т. п. Наконецъ сюда же можно отнести розысканія о произведеніяхъ, почему либо не бывшихъ въ печати, описаніе старинныхъ рукописей, различныхъ авторовъ, объясненіе анонимовъ и псевдонимовъ". Этимъ взглядомъ на библіографію опредѣляется отчасти и программа новаго журнала; она заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) постановленія и распоряженія правительства по дѣламъ печати; постановленія и распоряженія, касающіяся вообще литературы, наукъ и искусствъ; 2) отзывы и рецензіи: а) о книгахъ русскихъ, а также, болѣе замѣчательныхъ иностранныхъ; б) о драматическихъ и музыкальныхъ произведеніяхъ, а также объ исполненіи ихъ на сценѣ; в) о картинахъ и прочихъ произведеніяхъ искусства; г) обзоръ русскихъ періодическихъ изданій; 3) обзоръ книжно-торговаго дѣла въ его современномъ состояніи; статистика книгопечатанія и періодическихъ изданій; торговля произведеніями искусства; библіотечное дѣло и обзоръ современнаго положенія искусства и театра въ особенности; театральная статистика; 4) историческіе матеріалы; описаніе старинныхъ рѣдкихъ книгъ, рукописей и произведеній искусства; матеріалы для исторіи литературы и искусства; театральная старина; 5) біографіи и некрологи дѣятелей литературы, науки и искусства; 6) разныя замѣтки и извѣстія, относящіяся къ литературѣ, наукѣ и искусству; 7) библіографическая лѣтопись: списокъ вновь выходящихъ книгъ и періодическихъ изданій; указатели содержанія различныхъ періодическихъ изданій; библіографическіе указатели по различнымъ предметамъ знанія и проч.

Каждая книжка журнала состоитъ изъ двухъ частей: одна изъ нихъ справочная: она соотвѣтствуетъ первому и седьмому отдѣламъ програмны; другая часть журнала заключаетъ въ себѣ сообщенія по всѣмъ прочимъ отдѣламъ.

Прямое назначеніе библіографіи состоитъ, конечно, въ томъ, чтобы дать возможность оріентироваться въ необозримой области печатнаго матеріала, возростающаго съ каждымъ днемъ и подавляющаго своею массою: это главное, и для удовлетворенія этой насущной потребности у насъ въ послѣднее время не было надлежащаго изданія. Новый журналъ своею справочною частію какъ разъ отвѣчаетъ этой потреб-

ности. Но нельзя не сдѣлать нѣсколькихъ замѣчаній касательно исполненія справочной части въ Библіографѣ. Каталогъ новыхъ книгъ, вышедшихъ на русскомъ языкѣ, полонъ, на сколько это возможно; изъ книгъ же иностранныхъ редакція обѣщаетъ указывать только важнѣйшія и такимъ образомъ вводить въ него произвольный выборъ, лишающій списокъ значенія. Русскія книги распредѣлены по рубрикамъ, которыхъ насчитывается двадцать; но самое распредѣленіе сдѣлано какъ-то необдуманно: такъ, подъ рубрикой богословіе соединены статьи по исторіи церкви, описаніе (sic) ересей и расколовъ въ Россіи, путешествія къ св. мѣстамъ, букварь, церковная археологія и проч. Такъ какъ списокъ книгъ помѣщается журналомъ ежемѣсячно, то-есть, чрезъ сроки весьма короткіе, то нѣкоторыя рубрики его оказываются очень скудными, содержатъ въ себѣ всего одно или два сочиненія. Редакторъ находитъ нужнымъ, чтобы систематическіе каталоги новыхъ книгъ „выходили своевременно, то-есть, за болѣе короткіе промежутки времени и безъ большихъ запаздываній. Послѣдовательное изданіе такого труда изъ года въ годъ составило бы въ будущемъ весьма цѣльный вкладъ въ библіографію, служа ключемъ ко всей нашей литературѣ" (Библіографъ 1884 г., № 1, стр. 4). Но едва ли будетъ удобно пользоваться такимъ ключемъ, а удобство тутъ первое дѣло: такъ какъ журналъ выходитъ 12 разъ въ году, то уже по прошествіи одного года получится 240 рубрикъ, въ которыхъ и надо будетъ рыться каждый разъ для наведенія какой-нибудь справки.

Еще менѣе удовлетворителенъ другой отдѣлъ „Библіографической лѣтописи", указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ. Здѣсь, кромѣ дробности дѣленія и невѣрности въ распредѣленіи статей по рубрикамъ, еще больше неполноты и случайности. Въ этомъ указателѣ редакція намѣрена „на первое время указывать статьи преимущественно историческія и въ особенности матеріалы для исторіи русской литературы. Со временемъ же указатель будетъ расширенъ и кромѣ историческихъ статей въ него войдутъ также статьи по разнымъ другимъ отраслямъ знанія" (Библіографъ, 1885 г., № 2, стр. 21). Къ указателю журнальныхъ статей еще болѣе примѣнимо сдѣланное выше замѣчаніе о помѣсячномъ распредѣленіи такихъ списковъ. Мы думаемъ, что по крайней мѣрѣ для журнальныхъ статей было бы полезнѣе давать систематическіе перечни ихъ за цѣлый годъ, а не ежемѣсячно.

Что касается перваго отдѣла журнала, то содержанію его редак-

торъ старается придать возможное разнообразіе, но не все помѣщенное тамъ имѣетъ одинаково близкое отношеніе къ дѣлу. Такія статьи, какъ матеріалы для жизнеописаній русскихъ музыкальныхъ дѣятелей, и въ особенности, какъ письма Державина, могутъ считаться и нѣкоторою роскошью въ изданіи, которое посвящается главнымъ образомъ библіографіи современной литературы. Напротивъ того, въ отдѣлѣ отзывовъ и рецензій, если уже онъ введенъ въ журналѣ, желательно видѣть болѣе полноты; между тѣмъ здѣсь больше всего оказывается случайности и неопредѣленности, да и помѣщенныя рецензіи многорѣчивы и не довольно содержательны. Въ нихъ желательно видѣть не столько голословныя похвалы, сколько указаніе на содержаніе разбираемыхъ сочиненій; а то кому могутъ быть полезны такіе, напримѣръ, отзывы, какъ отзывъ объ „Исторіи русской словесности" г. Порфирьева: „онъ (г. Порфирьевъ) доказалъ, что принадлежитъ къ числу весьма добросовѣстныхъ и серьезныхъ ученыхъ", или слѣдующее прорицаніе: „трудъ г. Порфирьева, безъ сомнѣнія, будетъ у насъ однимъ изъ самыхъ обширныхъ курсовъ исторіи русской словесности".

Прямое отношеніе къ дѣлу имѣетъ очень интересная статья: „Статистика періодическихъ изданій въ Россіи". Вообще въ библіографіи слѣдовало бы обращать больше вниманія на статистику книжнаго дѣла. Для примѣра вспомнимъ превосходный трудъ Шторха и Аделунга: „Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія съ 1802 по 1806 года" (С.-Пб. 1810). Составители его взяли себѣ за образецъ Allgemeines Repertorium der Litteratur. „Польза, симъ сочиненіемъ приносимая", говорятъ они въ предисловіи,—„весьма велика. Историкъ литературы легко усматриваетъ изъ онаго состояніе каждой особенной науки и всей литературы въ теченіе каждаго изъ сихъ періодовъ. Онъ удобно можетъ сравнивать одинъ періодъ съ другимъ и черезъ сравненіе сіе видѣть приращеніе или ущербъ литературы по той или другой части или также и вообще. Ученый, занимающійся особенною какою наукою, или желающій писать о какомъ-нибудь предметѣ, находитъ здѣсь означенными всѣ книги и особенныя сочиненія, которыя о сей наукѣ или о семъ предметѣ въ свѣтъ вышли, и онъ можетъ надѣяться знать навѣрное все то, что другіе писатели издали прежде него о сей наукѣ или о семъ предметѣ. Не упоминаемъ о мелкихъ другихъ выводахъ, каковые могутъ доставить подобныя обозрѣнія литератору, книгопродавцу, библіотекарю и даже гражданину, дѣлами занимающемуся, и государственному человѣку". Нельзя не признать такой

взглядъ совершенно вѣрнымъ, и трудъ Аделунга и Шторха нельзя не считать образцовымъ. Въ концѣ его дѣлаются выводы, въ высшей степени цѣнные и интересные; напримѣръ, мы узнаемъ, что за пятилѣтіе, съ 1801 по 1806 г. въ Россіи было напечатано на русскомъ языкѣ 1,304 сочиненій, въ томъ числѣ 756 оригинальныхъ и 548 переводовъ. Наибольшее число сочиненій приходится на богословіе 213 и на романы 210, затѣмъ на разные роды словесности, кромѣ романовъ, 205. По всѣмъ остальнымъ отдѣламъ цифры значительно менѣе, не доходитъ даже и до сотни. Переводы дѣлались съ девяти языковъ, которые по числу сочиненій располагаются въ такомъ порядкѣ: съ французскаго 262, съ нѣмецкаго 194, съ англійскаго 24, съ греческаго 22, съ латинскаго 20 и т. д. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какъ интересны и полезны подобные выводы, сами собою вытекающіе изъ труда, составленнаго по строго обдуманной системѣ.

Вполнѣ умѣстны въ библіографическомъ журналѣ статьи въ родѣ помѣщенной въ № 1 Библіографа о псевдонимахъ и анонимахъ въ русской литературѣ. Изъ нея видно, что трудовъ по этой части у насъ еще очень мало, и что главнѣйшіе изъ нихъ принадлежатъ Г. Н. Геннади и В. И. Саитову.

Новый журналъ не есть первый у насъ въ этомъ родѣ. До него существовалъ цѣлый рядъ изданій, посвященныхъ библіографіи: Библіографическіе листы (1825—1826), Библіографическія Записки (1858—1861), Книжный Вѣстникъ (1860—1867), Книжникъ (1865—1866), Библіографъ (1869), Указатель по дѣламъ печати (1872—1878), Россійская Библіографія (1879—1882). Всѣ они просуществовали очень не долго, не смотря на общепризнанную ихъ полезность и даже необходимость. Причину такой недолговѣчности г. Лисовскій видитъ въ томъ, что издатели библіографическихъ журналовъ „понимали задачи подобнаго журнала довольно различно и, сообразно съ этимъ, заключали программу своихъ изданій въ очень узкія рамки". Намъ кажется, что это не совсѣмъ вѣрно. Программа, напримѣръ, ближайшаго предшественника журнала г. Лисовскаго—Россійской Библіографіи г. Э. Гартье, мало чѣмъ отличалась отъ программы г. Лисовскаго. Постоянныя неудачи привели нѣкоторыхъ къ убѣжденію въ невозможности у насъ издавать библіографическій журналъ. Г. Лисовскій не раздѣляетъ такого мнѣнія. Главнѣйшую причину неуспѣха своихъ предшественниковъ онъ объясняетъ денежными затрудненіями и главнымъ образомъ не-

расчетливостью издателей. Судить объ этомъ трудно; но вѣрно то, что успѣхъ всякаго литературнаго предпріятія, даже при наилучшемъ веденіи его, зависитъ отъ спроса на такое изданіе со стороны публики. Есть ли у насъ спросъ на библіографическій журналъ—это, кажется намъ, еще не вполнѣ доказано. Спѣшимъ однако прибавить, что мы сами горячо желаемъ, чтобы такое изданіе пріобрѣло у насъ прочное существованіе, и первые порадуемся, если г. Лисовскій успѣетъ достигнуть этого.

Указывая въ нашемъ отзывѣ на слабыя стороны новаго журнала, мы все-таки считаемъ долгомъ сказать, что онъ ведется съ большимъ усердіемъ и, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ успѣха, какъ по этой причинѣ, такъ и по цѣли своей.

К. О—й.

Новые иностранные критическіе журналы.

Въ сѣверной половинѣ Европы дѣло ученой критики давно уже поставлено на прочныхъ основаніяхъ: не говоря о прекрасно составляемыхъ критико-библіографическихъ отдѣлахъ въ спеціальныхъ журналахъ, каковы напримѣръ, Germania, Zeitschrift für deutsche Philologie, Romania, Historische Zeitschrift, не говоря про старый прекрасный журналъ Gött. Gelehrten-Anzeiger, всѣмъ извѣстны два солидные критическіе органа, выходящіе въ Англіи — Atheneum и Academy, лейпцигскій Literarisch. Centralblatt, замѣтно начавшій падать съ упроченіемъ берлинскаго Literaturblatt и много послужившее исторіографіи и филологіи Revue critique d'histoire et de litterature, издаваемое въ Парижѣ. Несравненно въ худшемъ положеніи была южная половина Европы и особенно Италія. Критическіе отдѣлы въ журналѣ Питрэ и въ Rivista di filologia romanza слишкомъ спеціальны и не полны: такіе же отдѣлы въ общихъ журналахъ (Nuova Autologia и др.) могутъ еще менѣе претендовать на полноту, а Bibliofilo вѣренъ своему заглавію и, доставляя интересное чтеніе библіоманамъ и любителямъ курьезовъ, вовсе не заботится о томъ, чтобы сообщать ученымъ отзывы о вновь выходящихъ книгахъ.

Наконецъ прошлымъ лѣтомъ въ Италіи появился спеціальный критическій журналъ подъ названіемъ Rivista critica della Letteratura Italiana, редакція котораго имѣетъ два отдѣленія: въ Римѣ



и во Флоренціи. Редакторами его состоятъ: Г. Casini, S. Morpurgo и A. Zenatti. Между постоянными сотрудниками не мало именъ, пользующихся громкою извѣстностью; таковъ G. Carducci, знаменитый поэтъ и профессоръ италіанской литературы въ Болонскомъ университетѣ, Monaci, профессоръ Римскаго университета, одинъ изъ основателей вышеупомянутой: Rivista di Filologia Romanza, оріенталистъ Teza и другіе. Въ передовой статьѣ перваго нумера, который появился въ іюлѣ прошлаго года, редакція объявляетъ, что въ виду сильнаго развитія италіанской науки по исторіи литературы становится труднымъ услѣдить даже спеціалисту за тѣмъ, что́ выходитъ новаго. Цѣль зараждающагося органа, вопервыхъ, извѣщать во-время о появленіи новыхъ трудовъ, вовторыхъ, ограждать читателей отъ пріобрѣтенія книгъ безполезныхъ и компилятивныхъ, а главное дѣло—направлять критикой, по возможности объективною, ходъ многообѣщающей италіанской науки. Принявъ въ образецъ нѣмецкіе журналы этого рода, редакція полагаетъ, что серьезная критическая статья, кромѣ указаній на достоинства и недостатки оцѣниваемой книги, должна заключать въ себѣ, по возможности, и дополненія къ разбираемому изслѣдованію. Каждый нумеръ журнала долженъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: критическаго, библіографическаго и хроники, въ которой сообщаются, между прочимъ, извѣстія о приготовляющихся къ изданію трудахъ.

Первый нумеръ заключаетъ въ себѣ очень серьезный и обстоятельный разборъ седьмаго тома „Исторіи италіанской литературы“ Вартоли, и это, дѣйствительно, разборъ вполнѣ объективный, заключающій въ себѣ нѣсколько необходимыхъ исправленій и дополненій, впрочемъ не такого мелочно-фактическаго характера, какъ то принято въ нѣмецкихъ журналахъ. Авторъ этой статьи—Francesco Torraca—извѣстенъ между прочимъ своею книжкой: Gl'imitatori stranieri di Jacopo Sannazaro (2-е изд. 1882 г.) и рядомъ статей о неаполитанской литературѣ, собранныхъ въ прошломъ году въ книгѣ: Studj di Storia leteraria napoletana. Livorno, Vigo. Вторая статья одного изъ редакторовъ Casini о только что появившемся большомъ учебникѣ исторіи италіанской литературы Cappelletti. Референтъ разбираетъ автора съ италіанскою горячностью и увлеченіемъ слѣдящаго шагъ за шагомъ за каждымъ фактомъ, который тотъ сообщаетъ въ первыхъ пяти главахъ, указывая на беззастѣнчивое заимствованіе иногда безъ обозначенія источниковъ и даже безъ надлежащаго пониманія ихъ. Въ концѣ онъ заявляетъ, что притязанія автора смѣшны и даже

хуже, чѣмъ смѣшны, что онъ не только не въ состояніи написать порядочный учебникъ, но и вообще не умѣетъ писать по италіански. Нѣмецкій журналъ въ пробномъ нумерѣ не дозволилъ бы себѣ такихъ рѣзкостей, но и то сказать, въ Германіи едва ли было бы возможно появленіе книги съ такими крупными промахами. Затѣмъ слѣдуетъ разборъ книги Cesareo: „Saggi di critica, сборника его статей по литературѣ древней, средневѣковой и новой, написанный Mazzoni. Разборъ кончается такими словами: „Cesareo обладаетъ живымъ умомъ и образованіемъ, если не глубокимъ, то достаточно широкимъ; но у него еще нѣтъ терпѣнія для того, чтобы производить изысканія, сравнивать и взвѣшивать, что необходимо для солидной цѣнности критическихъ этюдовъ". Опять-таки слѣдуетъ сказать, что въ нѣмецкомъ критическомъ журналѣ, референтъ едва ли позволилъ бы себѣ такую беззастѣнчивую оцѣнку, но въ извиненіе слѣдуетъ сослаться на сравнительную молодость италіанской науки.

Затѣмъ идутъ три статьи о трехъ изданіяхъ литературныхъ памятниковъ, а именно статья Morpurgo о книгѣ: „A. Cappelli et S. Ferrari, Rime edite ed inedite di Antonio Commelli detto il Pistoia (Livorno. Vigo, 1884) статья Setti о новомъ изданіи Леопарди и статья Casini о первыхъ восьми выпускахъ Дантовской Libreria, всѣ три основательныя критическія статьи, съ нѣмецкою солидностью выправляющія текстъ изданій.

Затѣмъ идутъ четыре статьи скорѣе библіографическаго, нежели критическаго характера, въ томъ числѣ двѣ объ иностранныхъ книгахъ, и наконецъ слѣдуетъ около страницы хроники подъ заглавіемъ Appunti et Notizie. Въ другихъ нумерахъ, начиная со втораго, послѣ нея помѣщается списокъ вновь вышедшихъ книгъ, а передъ нею отдѣлъ сообщеній или смѣси (comunicazioni). Кромѣ того, начиная съ одного изъ послѣдующихъ нумеровъ, библіографическія статьи дѣлаются меньше по объему, и отдѣлъ библіографіи рѣзче отличается отъ отдѣла критики.

Журналъ выходитъ разъ въ мѣсяцъ. Теперь онъ вступилъ уже во второй годъ своего существованія и ведется съ одинаковою энергіей и искусствомъ, и надо надѣяться, будетъ имѣть заслуженный успѣхъ. По поводу этого полезнаго изданія не можемъ не вспомнить о русскомъ критическомъ журналѣ, существованіе котораго было такъ непродолжительно: разумѣемъ Критическое Обозрѣніе, издававшееся въ Москвѣ профессорами В. Миллеромъ и Ковалевскимъ. Оно было значительно шире по программѣ, тщательно редактировалось и

было богато сотрудниками. Отчего же оно погибло, если италіанскій критическій журналъ можетъ продержаться и укрѣпиться, не смотря на ограниченность своей программы? Положимъ, что въ Италіи образованныхъ людей, имѣющихъ нѣкоторый интересъ къ наукѣ, гораздо больше, чѣмъ у насъ; но эти люди едва ли будутъ поддерживать журналъ, издаваемый учеными нѣмецкой школы, антипатичной большой италіанской публикѣ. Rivista critica должна разчитывать не на нее, а на десятки, много сотни учителей иного направленія, не зараженныхъ самодовольствомъ и чудачествомъ старыхъ италіанскихъ профессоровъ, которые не подозрѣвали, что нѣмецкая наука можетъ дать дѣльныя изслѣдованія объ италіанской литературѣ. И такъ, число подписчиковъ у италіанскаго журнала, даже съ прибавкою подписчиковъ заграничныхъ, не можетъ много превышать числа подписчиковъ Критическаго Обозрѣнія; а все же этотъ журналъ можетъ существовать. Причина та, что въ немъ не проявляются широкія русскія замашки. Онъ даетъ всего 12 нумеровъ въ годъ, а не 52; онъ не приметъ на свои страницы критической статьи, которой объемъ будетъ равняться цѣлому изслѣдованію, и по всей вѣроятности, онъ ничего не платитъ своимъ сотрудникамъ.

Изъ статей наиболѣе содержательныхъ въ полученныхъ здѣсь семи нумерахъ италіанскаго журнала отмѣтимъ статью Casini о книгѣ B. Wiese: Poesie edite ed inedite di Leonardo Giustiniani, которая представляетъ результатъ чрезвычайно серьезныхъ работъ надъ языкомъ и метромъ текста, и въ которой италіанскій ученый оказывается много сильнѣе своего нѣмецкаго собрата. Это—тотъ же Wiese, который писалъ очень дѣльное изслѣдованіе о текстѣ двухъ италіанскихъ произведеній Брунттто Латини (см. о немъ большую рецензію въ Litteratur-Zeitung № 1-й за 1884 г.). Затѣмъ мы считаемъ нужнымъ отмѣтить превосходную статью одного изъ редакторовъ Morpurgo о книгѣ Gaspary „Geschichte der Italianicheu Litteratur", помѣщенную въ № 4. Референтъ, отдавая должное трудолюбію автора и композиціи книги и даже выражая въ концѣ настойчивое желаніе, чтобы книга нѣмецкаго ученаго была переведена на италіанскій языкъ, указываетъ заимствованія, сдѣланныя авторомъ, и многіе важные пробѣлы.

Меньше всего погрѣшаетъ излишнею скромностью и узкостью задачи только что появившійся (1-го мая 1885 года) австрійскій критическій журналъ, подъ названіемъ Allgemeine Oesterreichische Literaturzeitung, Literarisches Centralorgan für die Oester.-Ungar. Monarchie, подъ главною редакціей Зингера

(J. Singer). Мѣсто его появленія, разумѣется, Вѣна; онъ будетъ выходить, судя по первому нумеру, довольно большими тетрадями три раза въ мѣсяцъ; цѣна за 36 нумеровъ назначена сравнительно очень умѣренная—10 гульденовъ. Въ первой статьѣ, которая еще въ мартѣ была разослана въ видѣ окружного письма къ желательнымъ сотрудникамъ журнала, редакція заявляетъ, что своимъ изданіемъ она не только намѣрена пополнить давно чувствуемый пробѣлъ въ центральномъ критическомъ органѣ для ученыхъ и писателей Австріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдуетъ ту же культурную задачу, которую будто бы исполняетъ и сама Австро-Венгерская монархія — быть связующимъ звеномъ между востокомъ и западомъ Европы, задачу, ради которой новый журналъ будетъ оказывать особое вниманіе выдающимся ученымъ и литературнымъ произведеніямъ не нѣмецкихъ племенъ, входящихъ въ составъ имперіи, а въ то же время не будетъ оставлять въ пренебреженіи и умственныхъ произведеній другихъ странъ не австрійскихъ и не нѣмецкихъ. Въ разборахъ книгъ редакція по возможности намѣрена твердо держаться принципа — съ точки зрѣнія частнаго факта указывать на общій успѣхъ науки и культуры.

Въ № 1-мъ разбору отдѣльныхъ сочиненій предшествуютъ двѣ статьи общаго характера, которыя были бы, пожалуй, умѣстнѣе въ большомъ журналѣ или въ научномъ фельетонѣ большой газеты: статья Людовига Саломона: Die Anfänge des deutschen Zeitungswesens, и статья: Braun Wiesbaden: der Vorleser Friedrich's der Grossen. Кромѣ того, между разборами книгъ по исторіи и праву, мы встрѣчаемъ опять-таки самостоятельную статью извѣстнаго популярнаго и бойкаго писателя Henne am Rhyn: „Что такое Будда? что такое Нирвана?“ Въ этомъ нумерѣ спеціальности расположены въ такомъ порядкѣ: философія, исторія, богословіе, государственныя науки и юриспруденція, географія и этнографія, филологія и педагогика, свѣтская литература (Weltliteratur единственный отдѣлъ, заключающій въ себѣ три статьи); искусство, медицина (о современной хирургической литературѣ статья Нуссбаума), математика и естественныя науки (двѣ статьи), техника и военное дѣло (двѣ статьи) и Varia. Затѣмъ слѣдуетъ обозрѣніе журналовъ, раздѣленныхъ на спеціальности, и списокъ вновь вышедшихъ книгъ, заключающій въ себѣ, не въ примѣръ прочимъ критическимъ журналамъ, не однѣ только сочиненія, присланныя въ редакцію; поэтому списокъ этотъ очень длиненъ и долженъ быть разбитъ по отдѣламъ на нѣсколько

нумеровъ. Въ заключеніе слѣдуетъ длинный списокъ сотрудниковъ изъ всѣхъ странъ Европы. Одна изъ статей, именно по филологіи, написана по французски (авторъ-извѣстный бельгійскій оріенталистъ Harlez).

Мысль издавать такой критическій органъ, который посредничалъ бы между востокомъ и западомъ Европы, конечно, очень удачна. Только мысль эту слѣдовало бы приводить въ исполненіе болѣе скромнымъ и болѣе практическимъ способомъ: такъ какъ языки западной Европы извѣстны ученому востоку ея, языки же восточной Европы (славянскіе, венгерскій, ново-греческій) извѣстны только у себя дома, а между тѣмъ на этихъ языкахъ появляется въ послѣднее время много ученыхъ и литературныхъ трудовъ, о которыхъ было бы полезно знать на западѣ, то и въ критико-біографическомъ органѣ, издаваемомъ именно въ Вѣнѣ, казалось бы, всего умѣстнѣе давать отчеты о книгахъ и большихъ статьяхъ чешскихъ, польскихъ, венгерскихъ и пр. Но редакція понимаетъ свою задачу гораздо шире, или лучше сказать, она одновременно ставитъ себѣ двѣ задачи: обозрѣвать все, что̀ дѣлается на западѣ, и въ то же время оказывать вниманіе всему серьезному, что̀ появляется на востокѣ. Если она успѣетъ исполнить ихъ обѣ, можно будетъ отъ души порадоваться. Судя по № 1-му, можно только сказать, что журналъ обѣщаетъ быть интереснымъ и будетъ давать статьи блестящія и хорошо написанныя.

А. К—въ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Дюгамель. Методика ариѳметики и алгебры или различные способы рѣшенія задачъ и изложенія пріемовъ преподаванія низшей ариѳметики и элементарной алгебры. Переводъ съ французскаго. Изданіе второе. С.-Пб. 1885. Стр. II + VIII + II + 216 въ 12-ю д. л. Цѣна 75 коп., съ пересылкой, 1 руб.

Дюгамель. Методика геометріи или различные пріемы рѣшенія геометрическихъ задачъ и изложеніе способовъ измѣренія геометрическихъ величинъ. Переводъ съ французскаго. Изданіе второе. С.-Пб. 1885. Стр. II + 209 + II въ 12-ю д. л. Цѣна 70 коп., съ пересылкой, 1 руб.

Обширное сочиненіе извѣстнаго французскаго ученаго Дюгамеля: „Des méthodes dans les sciences de raisonnement“ пользуется въ средѣ математиковъ-педагоговъ такою громкою, вполнѣ заслуженною репутаціей и уже оказало, въ свое двадцатилѣтнее существованіе, такую громадную пользу дѣлу преподаванія математики, что всякая попытка познакомить съ нимъ русскую публику, путемъ перевода хотя бы даже только отрывковъ, заслуживаетъ уже сочувствія. Первая мысль о передачѣ на русскій языкъ сочиненія Дюгамеля принадлежитъ г. П. Хлѣбникову, издавшему въ 1867 году переводъ первой изъ пяти частей Des méthodes etc., заключающей въ себѣ изложеніе общихъ методовъ изслѣдованія. Находящійся предъ нами трудъ неизвѣстнаго переводчика, появившійся сравнительно въ короткое время уже во 2-мъ изданіи, служитъ продолженіемъ работы г. Хлѣбникова, такъ какъ представляетъ собою переводъ довольно значительныхъ

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

отрывковъ изъ 2-й части сочиненія Дюгамеля, именно переводъ первыхъ 173 параграфовъ и 158 послѣднихъ (§§ 265—422). Переводъ первой серіи параграфовъ издатель выдѣлилъ въ особый томикъ, озаглавленный не существующимъ въ оригиналѣ и нѣсколько широковѣщательнымъ названіемъ: „Методика ариѳметики и геометріи или различные способы" и т. д.; переводъ второй серіи параграфовъ составляетъ тоже отдѣльный томикъ, озаглавленный: „Методика геометріи или различные пріемы" и т. д. Такое отступленіе отъ оригинала, допущенное лишь въ настоящемъ изданіи, переводчикъ оправдываетъ желаніемъ точнѣе опредѣлить содержаніе каждой книжки въ отдѣльности, хотя, говоря по правдѣ, въ первой изъ нихъ рѣчь идетъ совсѣмъ не о „пріемахъ преподаванія низшей ариѳметики", а затрогиваются даже такіе предметы, какъ предѣлы перемѣнныхъ величинъ (§§ 68—71). Вторая часть сочиненія Дюгамеля посвящена „приложенію общихъ методовъ къ наукѣ о числахъ и къ наукѣ о пространствѣ" (Application des méthodes à la science des nombres et à la science de l'étendue) и состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ первый названъ: „Наука о числахъ" (Science des nombres), второй—„Наука о пространствѣ" (Science de l'étendue). Русскій переводчикъ выпустилъ изъ перваго отдѣла главы XXII — XXXII, вѣроятно—потому, что содержаніе ихъ нѣсколько выступаетъ изъ предѣловъ гимназической программы. Отдѣлъ „Наука о пространствѣ" переведенъ безъ пропусковъ; онъ-то и названъ методикой геометріи. Укажемъ еще на одно—оно же и послѣднее—отступленіе. Первая глава оригинала—Objet et données des sciences mathématiques pures—состоитъ изъ 18 параграфовъ. Нашъ переводчикъ, разбивъ одинъ томъ оригинала на два, принужденъ былъ нарушить цѣлость и этой главы: небольшое вступленіе и первые четыре параграфа онъ помѣстилъ въ первомъ своемъ томикѣ, а всѣ остальные 14 отнесъ ко второму, такъ что въ методикѣ ариѳметики и алгебры образовался перерывъ между §§ 4 и 19; въ методикѣ же геометріи произошелъ перерывъ между §§ 18 и 265. §§ 5—18 отнесены ко второму томику по той причинѣ, что въ нихъ говорится о „первыхъ данныхъ въ наукѣ о пространствѣ".

О содержаніи разсматриваемыхъ книжекъ мы не видимъ надобности распространяться, такъ какъ оно опредѣлено, хотя и не вполнѣ точно, заголовками томиковъ. О качествахъ же перевода можно сказать слѣдующее. На переводчикѣ лежитъ, конечно, обязанность, прежде всего, вѣрно передать мысли избраннаго имъ автора. Сред-

ства къ исполненію этой обязанности—весьма разнообразны, но нашъ переводчикъ избралъ изъ нихъ, къ сожалѣнію, самое ненадежное, а именно буквальную передачу оригинала, чуть не изъ буквы въ букву. Легко угадать происшедшія отъ того послѣдствія: русскій переводъ не только не даетъ понятія объ изящной простотѣ оригинала, не только теменъ мѣстами для читателя, незнакомаго съ французскимъ математическимъ языкомъ, но даже кое-гдѣ влагаетъ въ уста почтеннаго автора такія нелѣпости, въ которыхъ тотъ нисколько не повиненъ. Подкрѣпимъ наши слова доказательствами.

Эластическая фраза подлинника: „La science d'une chose est l'ensemble des lois de cette chose" въ переводѣ превратилась въ слѣдующую рѣжущую ухо: „Наука вещи есть совокупность законовъ этой вещи" (стр. II, т. 1). Еще страннѣе звучитъ выраженіе: „переходъ отъ вещей 1-й задачи къ вещамъ 2-й или отъ вещей 2-й къ вещамъ 1-й" (стр. VI, т. 1). Въ подлинникѣ справедливо утверждается: „Enfin il est évident que si on prend une même fraction de chacune des parties d'une quantité, on a pris cette même fraction de la quantité". Въ переводѣ читаемъ: „Наконецъ ясно, что, отнимая по одинаковой дроби отъ каждой изъ частей количества, мы отнимаемъ туже (ту же) дробь отъ всего количества" (стр. 44, т. 1). Отъ перевода глагола prendre словомъ „отнять" произошла замѣна умноженія на дробь дѣйствіемъ вычитанія дроби, а въ результатѣ получилась грубѣйшая ошибка, вѣрнѣе сказать, нелѣпость, ибо всякій понимаетъ, что отъ описываемой операціи убыль выразится дробью, повторенною столько разъ, на сколько частей было разбито данное количество. На стр. 45 перевода та же нелѣпость повторена еще разъ и въ худшей формѣ: „Отнимая по одинаковой дроби отъ нѣсколькихъ количествъ, сложенныхъ между собою или взятыхъ однѣ изъ другихъ, мы отнимаемъ туже (ту же) самую дробь отъ количества, которое бы получилось отъ сложенія или вычитанія данныхъ количествъ".

Французскія выраженія: „les termes en x et y", „les polynômes en x et y" — вполнѣ правильны и понятны; соотвѣтственныя же имъ русскія, употребленныя въ переводѣ на стр. 149 и 150 т. I „члены въ x и y", „многочлены въ x и y" не имѣютъ никакого смысла.

Въ одномъ мѣстѣ, по поводу обобщенія задачи о двухъ двигающихся точкахъ, авторъ говоритъ: „Sans faire le dénombrement complet de toutes les combinaisons des données, qui conduisent à des calculs différents, on juge facilement de la peine qu'il faudrait prendre

pour avoir les solutions de tous ces cas divers, qui par leur réunion formeraient la solution complète du problème proposé". Въ русскомъ переводѣ сохранено всякое слово оригинала, но дѣльной мысли автора приданъ оттѣнокъ какой-то слащавой вялости (стр. 165, т. I): „Не дѣлая полнаго перечисленія всѣхъ комбинацій данныхъ (данныхъ комбинацій или данныхъ величинъ?), приводящихъ къ различнымъ вычисленіямъ, мы легко можемъ посудить о трудѣ, при которомъ только и можно получить рѣшенія всѣхъ этихъ (?) различныхъ случаевъ, составляющихъ своею совокупностью полное рѣшеніе предложенной задачи".

Чтобы не отступить отъ буквы оригинала, переводчикъ удержалъ даже ссылки автора (стр. 87, т. I), въ двухъ мѣстахъ, на анализъ и методъ Кондильяка, о которыхъ русскому читателю легко можетъ быть и не извѣстно. Наконецъ, переведена даже фраза: fin de la deuxième partie, не имѣющая никакого отношенія къ разсматриваемымъ томикамъ.

Попадаются, однако, и такія выраженія въ переводѣ, уродливость которыхъ произошла совсѣмъ не отъ раболѣпства передъ авторомъ. Такъ, напримѣръ, причину неловкихъ фразъ перевода: „нѣкоторая темность въ умѣ" (стр. 195, т. I), „малѣйшая темность по этому предмету" (стр. 200, т. I), „вопросы, обсужденные древними" (стр. 174, т. II). Слѣдуетъ искать, конечно, не въ словахъ подлинника: obscurité и traitées. Это не галлицизмъ: „принимая BF = CH, оба треугольника... будутъ равны..." (стр. 28, т. II), представляющій буквальный переводъ словъ автора: „prenant BF = CH, les deux triangles... seront égaux...

По счастію, промаховъ и неловкостей, подобныхъ указаннымъ, немного въ разсматриваемыхъ нами книжкахъ, которыя, говоря вообще, читаются безъ особаго труда людьми, знакомыми съ математикой, а для нихъ-то именно, преимущественно же для преподавателей и составителей руководствъ, онѣ и предназначаются. Кромѣ того, нельзя не признать, что какъ въ „Методикѣ ариѳметики и алгебры", такъ и въ „Методикѣ геометріи", благодаря, конечно, талантливости автора, весьма обстоятельно изложены методы математическихъ доказательствъ, намѣчена строгая послѣдовательность теоремъ, и разъяснены всѣ важнѣйшія опредѣленія и основныя научныя понятія.

Собраніе ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ съ краткими методическими замѣчаніями. Составилъ для повторительнаго курса въ старшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній *И. Гердъ*. Въ 8-ку, 47 стр. Цѣна 25 коп.

Въ небольшой книжкѣ г. Герда заключается лишь 358 примѣровъ и задачъ, предназначенныхъ для упражненія учениковъ старшаго возраста, при повтореніи послѣдними курса ариѳметики. Авторъ говоритъ (стр. 9), что „не стремился къ тому, чтобы набрать побольше задачъ, а на оборотъ, имѣя въ виду недостаточность времени (,) обыкновенно отводимаго на повторительный курсъ, старался въ наименьшемъ числѣ провести задачи на всѣ ариѳметическія правила, не упуская изъ виду различныхъ оттѣнковъ, при чемъ нѣсколько дольше останавливался только на тѣхъ частяхъ, которыя обыкновенно труднѣе даются ученикамъ". На нѣкоторые отдѣлы ариѳметики „помѣщено всего только по одной или по двѣ задачи, съ единственною цѣлью показать мѣсто и характеръ задачи".

Присутствіе въ книжкѣ нѣкоторыхъ задачъ не можетъ быть объяснено, однако, и этими соображеніями автора. Таковы, напримѣръ, задачи:

№ 39. Частное двухъ чиселъ 1. Найти ихъ разность".

№ 40. „Сумма и частное двухъ чиселъ 1. Найти эти числа".

№ 90. „Какое единичное отношеніе между пудомъ и фунтомъ, фунтомъ и золотникомъ, саженью и футомъ, вершкомъ и дюймомъ, и т. д.".

№ 95. „320 футовъ (фунтовъ) превратить въ пуды".

Такихъ задачъ, не имѣющихъ рѣшительно никакого значенія въ „повторительномъ курсѣ" ариѳметики, впрочемъ, немного въ книжкѣ г. Герда. Если даже исключить изъ нея и упражненія подъ №№ 181, 187 (на непрерывныя дроби), №№ 37, 38, 298 (на рѣшенія неопредѣленныхъ уравненій), какъ неумѣстныя въ сборникѣ ариѳметическихъ задачъ, то все-таки останется порядочный запасъ такихъ, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ правильно намѣченной цѣли автора.

На всѣ 358 №№ „примѣровъ и задачъ" въ концѣ книжки приложены „отвѣты". Между этими послѣдними попадаются, однако, или невѣрные (частію вслѣдствіе опечатокъ, которыя не оговорены), или неполные. Такъ, напримѣръ, ошибочные отвѣты даны на задачи подъ №№ 133, 141, 259. На задачу № 298 приведена въ „отвѣтахъ" только одна система чиселъ, вмѣсто нѣсколькихъ, и даже не сказано, что эта задача неопредѣленна. Встрѣчаются недосмотры и другаго рода.

Напримѣръ, въ задачѣ № 202 предлагается рѣшить систему трехъ пропорцій, неправильно названныхъ непрерывными. Въ задачѣ № 256 несправедливо утверждается, что воздухъ состоитъ изъ азота, кислорода и „углерода". Въ „Краткія методическія замѣчанія", небезполезныя, въ особенности, для учителей, начинающихъ свою карьеру, вкрались галлицизмы (стр. 3): „раздѣливъ сумму всѣхъ цифръ...., при вѣрномъ сложеніи остатки должны получиться равные"; „умножая многозначное число на 11, въ произведеніи крайнія цифры останутся безъ перемѣны".

Руководство геометріи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ преподаватель Константиновскаго военнаго училища полковникъ *В. Беренсъ*. Изданіе второе, преобразованное согласно программамъ учебныхъ заведеній министерствъ военнаго и народнаго просвѣщенія. Съ 344 чертежами въ текстѣ. С.-Петербургъ. 1884. Цѣна 1 р. 50 к. Стр. VIII+256.

Названная книга есть второе изданіе „Начальной геометріи" того же автора (1872 года), значительно исправленное и достаточно приспособленное къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Содержаніе ея и порядокъ распредѣленія частей ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ большинства другихъ учебниковъ геометріи, находящихся въ употребленіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; она подраздѣлена на семь отдѣловъ: прямолинейныя фигуры, окружности и круги, пропорціональность линій и подобіе фигуръ, площади и измѣреніе окружности, прямыя линіи и плоскости (?) въ пространствѣ, многогранники, круглыя тѣла; затѣмъ въ концѣ книги предложены 247 теоремъ и задачъ для упражненій.

Начиная со второго отдѣла, не встрѣчается важныхъ промаховъ; хотя редакціонныхъ и корректурныхъ недосмотровъ не мало, но они не существенны. Теоремы изложены правильно, удобопонятно и расположены въ надлежащей системѣ. Заслуживаютъ упоминанія нѣкоторыя особенности въ доказательствахъ теоремъ. Напримѣръ, теорема о зависимости между угломъ образуемымъ касательною и хордою и соотвѣтствующимъ ему центральнымъ угломъ (стр. 79) предпослана теоремѣ о такой же зависимости между угломъ, вписаннымъ въ кругѣ, и соотвѣтствующимъ центральнымъ угломъ; такой порядокъ упрощаетъ доказательство послѣдней теоремы, освобождая отъ необходимости разсматривать три различныхъ случая. Отдѣлъ о круглыхъ тѣлахъ начатъ (стр. 207) съ изложенія нѣкоторыхъ общихъ свойствъ поверхностей вращенія; это доставило автору возможность не доказывать,

въ видѣ отдѣльныхъ теоремъ, существованія такихъ же свойствъ прямого конуса, прямого цилиндра и шара, а разсматривать эти свойства, какъ частные случаи общаго. Теорема о томъ, что „двѣ хорды круга, проведенныя изъ одной точки окружности въ концы діаметра, взаимно перпендикулярны", а также обратная теорема (стр. 41), изложены на первыхъ страницахъ отдѣла объ окружности. И тому подобное.

Многія теоремы и задачи, которыя дозволительно считать не обязательными въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній, напечатаны мелкимъ шрифтомъ. Но и эти дополнительныя теоремы изложены на столько кратко и просто, что не представятъ затрудненій для учащихся, а потому, вѣроятно, не будутъ пропущены наиболѣе любознательными учениками и послужатъ къ расширенію и упроченію ихъ геометрическихъ свѣдѣній.

Что касается перваго отдѣла книги, то онъ по своей обработкѣ значительно уступаетъ всѣмъ остальнымъ отдѣламъ.

Для ознакомленія съ разнаго рода промахами и недосмотрами автора, достаточно указать слѣдующія:

1) На стр. 2 сказано: „Вещественнымъ образомъ прямую линію можетъ представить шнуръ, веревка и тому подобное, натянутые за свои концы. Чтобы изобразить прямую линію на бумагѣ, или на доскѣ, кладутъ на нее (?) линейку и по краю линейки чертятъ линію карандашемъ, грифелемъ или мѣломъ. Если линейка была вѣрна, то начерченная линія будетъ прямая". При этомъ не упомянуто, что ни одна изъ линій, обозначаемыхъ подобными способами, не будетъ прямою и не будетъ вообще линіей, въ строгомъ геометрическомъ смыслѣ.

2) На стр. 3: „Если между двумя точками провести прямую линію и еще какія-нибудь другія ломанныя или кривыя линіи, то прямую будемъ считать короче всякой другой линіи". Не говоря уже о крайне неудачномъ выраженіи этого свойства прямой линіи, сказанное авторомъ не выдерживаетъ критики, вопервыхъ, потому что оно имѣетъ видъ какъ бы условнаго допущенія („будемъ считать"), а не неотъемлемаго свойства прямой. Вовторыхъ, опредѣленіе прямой линіи было уже дано авторомъ на предшествовавшей страницѣ, и оно вполнѣ достаточно для отличія такой линіи отъ всякой другой, а потому всѣ остальныя ея свойства должны уже вытекать, какъ слѣдствіе, изъ главнаго свойства, то-есть, изъ принятаго за опредѣленіе этой линіи; соблюденіе такого требованія логики обязательно въ осо-

бенности въ столь строгой наукѣ какъ геометрія. Втретьихъ, на сейчасъ сказанномъ допущеніи, о сравнительной длинѣ прямой, авторъ основываетъ доказательства нѣкоторыхъ теоремъ, напримѣръ (стр. 13), о томъ, что перпендикуляръ короче наклонной; между тѣмъ не было бы никакаго затрудненія поступить обратно, то-есть, доказать эту теорему независимо отъ упомянутаго допущенія, которое затѣмъ уже будетъ ея слѣдствіемъ. Вчетвертыхъ, прежде чѣмъ говорить о длинѣ кривой линіи, слѣдовало бы дать понятіе о такой длинѣ, какъ о предѣлѣ, къ которому приближаются длины ломанныхъ линій, вписанной въ данной кривой и около нея описанной, по мѣрѣ приближенія разности этихъ длинъ къ нулю.

3) Первая изъ перечисленныхъ авторомъ аксіомъ (то-есть, что „между двумя величинами, сравнимыми между собою, можетъ быть только одно изъ трехъ отношеній: или одна величина равна другой, или первая величина больше второй, или наконецъ, первая величина меньше второй") могла бы быть исключена, безъ всякаго ущерба.

4) На стр. 5 говорится объ откладываніи данныхъ длинъ на неопредѣленной прямой, а между тѣмъ о возможности продолжать прямую линію и о ея безпредѣльности не упомянуто.

5) На стр. 6: „Бока угла могутъ имѣть опредѣленную величину". Это замѣчаніе не только совершенно излишне, но даже можетъ препятствовать ученикамъ составить правильное понятіе о величинѣ угла, какъ о независящей отъ длины боковъ.

6) О томъ (стр. 6), что если изъ точки A опустить перпендикуляръ AD на прямую BC и изъ той же точки возстановить перпендикуляръ AE къ AD, то линіи AE и BC не встрѣтятся между собою, а всякая другая линія AF, проведенная чрезъ ту же точку A, пересѣчетъ линію BC,—сказано: „Точнаго доказательства этой истины до сихъ поръ еще не существуетъ". Слѣдовало бы (вмѣсто словъ: до сихъ поръ еще не существуетъ), сказать что истина эта должна быть отнесена къ числу такъ-называемыхъ постулатовъ, то-есть, принимаемыхъ за аксіому, вслѣдствіе ихъ очевидности, и не подлежащихъ доказательству.

7) Вслѣдъ за вышеприведенными строками, на той же страницѣ напечатано: „Теорема. Наклонная и перпендикуляръ, проведенные къ прямой изъ разныхъ ея точекъ, встрѣчаются". Конечно, авторъ не даетъ доказательства этой истины; на этомъ основаніи дозволительно предполагать, что не соотвѣтствующее названіе „теорема" приведено имъ съ цѣлью побудить учащихся къ открытію доказатель-

ства Эвклидова постулата. По всей вѣроятности, авторъ не имѣлъ въ виду такой антипедагогической цѣли, но во всякомъ случаѣ употребленіе названія „теорема" здѣсь крайне неумѣстно.

8) Стр. 22: „Теорема. Сумма двухъ угловъ треугольника менѣе двухъ прямыхъ, а сумма трехъ угловъ равна двумъ прямымъ угламъ". Первая часть этой теоремы совершенно излишня, такъ какъ она уже заключается во второй ея части.

9) Стр. 26: „Для равенства треугольниковъ необходимо равенство трехъ ихъ частей, между которыми должно быть хотя по одной равной сторонѣ". Между тѣмъ можно перечислить множество признаковъ равенства треугольниковъ, при чемъ не будетъ упоминаться о равенствѣ сторонъ; напримѣръ, треугольники равны, если имѣютъ равныя высоты и равные углы при основаніи, и т. п.

10) Стр. 27: Въ число признаковъ равенства прямоугольныхъ треугольниковъ включенъ слѣдующій: „если имѣютъ по три равныя стороны".

11) Стр. 38: „Двѣ дуги BC и B′C′ одной окружности или двухъ равныхъ окружностей, будутъ равны между собою, если при совмѣщеніи окружностей, концы дугъ могутъ совмѣщаться". Если BC и B′C′ дуги одной окружности, то какія же окружности будемъ совмѣщать?

12) Стр. 67: Говоря о случаѣ, когда отношеніе линій A и B равно $\sqrt{2}$, сказано: „Точнаго отношенія величинъ A и B въ этомъ случаѣ найти нельзя". Между тѣмъ, согласно предположенію, $\sqrt{2}$ есть искомое отношеніе, не приблизительное, а точное; слѣдовало сказать, что точное отношеніе A: B не можетъ быть выражено соизмѣримымъ числомъ.

13) На стр. 76, неравенство отношенія между дугами круга отношенію стягивающихъ ихъ хордъ приведено какъ слѣдствіе теоремы о пропорціональности центральныхъ угловъ соотвѣтствующимъ дугамъ; между тѣмъ употребленное авторомъ доказательство упомянутаго неравенства вовсе не основывается на такой пропорціональности.

14) Стр. 89: „Для подобія треугольниковъ нужно однимъ условіемъ меньше, чѣмъ для ихъ равенства". Замѣчаніе это справедливо лишь для того случая подобія треугольниковъ, когда два угла одного треугольника равны двумъ угламъ другого.

15) Стр. 94. Третью пропорціональную къ линіямъ *b* и *c* ав-

торъ разсматриваетъ какъ первый членъ пропорціи $\frac{x}{b}=\frac{b}{c}$. Правильнѣе было бы разсматривать эту линію x, какъ третью пропорціональную къ c и b, а третьею пропорціональною къ b и c будетъ послѣдній членъ пропорціи $\frac{b}{c}=\frac{c}{x}$.

16) Когда говорится объ отношеніи окружности къ діаметру (стр. 137), то не упомянуто о меціевомъ отношеніи, которое слѣдовало бы сдѣлать извѣстнымъ ученикамъ.

17) Въ главѣ о правильныхъ многогранникахъ (стр. 206) доказано, что такихъ многогранниковъ можетъ быть только пять родовъ. Это вполнѣ справедливо, но слѣдовало бы упомянуть, что въ каждомъ изъ этихъ родовъ имѣется по одному виду выпуклыхъ правильныхъ многогранниковъ, и сверхъ того, есть еще четыре вида звѣздообразныхъ: три додекаедра и одинъ икосаедръ.

Къ книгѣ не приложенъ списокъ опечатокъ; между тѣмъ ихъ не мало, и нѣкоторыя могутъ даже препятствовать пониманію текста. Напримѣръ: на стр. 13 сказано: „соединивъ точку A съ точкою E прямою BC", вмѣсто—„прямой BC"; на стр. 74 напечатано:

$$\frac{17}{10} < aa' < \frac{18}{10}a' \text{ вмѣсто } \frac{17}{10}a' < a' < \frac{18}{10}a';$$

на стр. 96 напечатано: $c = a^2 + b^2$ вмѣсто $c^2 = a^2 + b^2$; на стр. 201 „объемъ $EABC$" вмѣсто „объемъ $EADC$"; на стр. 228 „описанной въ полуокружности" вмѣсто „вписанной въ полуокружности", и т. п.

Что касается до помѣщенныхъ въ концѣ книги теоремъ и задачъ для упражненій, то нельзя сказать, чтобы подборъ ихъ былъ неудовлетворительный; напротивъ того, онѣ составляютъ весьма полезное приложеніе къ учебнику, и упражненія эти не только будутъ способствовать укрѣпленію геометрическихъ свѣдѣній въ памяти учащихся, но и пріучать учениковъ къ практическому пользованію геометріей, къ разнороднымъ геометрическимъ соображеніямъ. Тѣмъ не менѣе редакція этихъ теоремъ и задачъ не достаточно тщательна, такъ что онѣ требуютъ не малыхъ поправокъ. А именно:

1) Нѣкоторыя изъ этихъ теоремъ и задачъ могутъ быть, безъ всякаго ущерба, исключены изъ книги: онѣ безполезны, по своей очевидности (напримѣръ, 5-я, 6-я, 242-я, 243-я), другія же были изложены въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ (напримѣръ, 7-я, вторая половина 229-й).

2) Задача 101-я: „Около даннаго круга описать многоугольникъ подобный данному“ — возможна лишь въ томъ случаѣ, когда внутри даннаго многоугольника можетъ быть вписанъ кругъ; поэтому слѣдовало бы предложить вопросъ: всегда ли эта задача возможна?

3) Въ теоремѣ 131-й есть опечатка, совершенно извращающая смыслъ: вмѣсто произведенія AP.AQ напечатано AB.AQ.

4) Теорема 187-я (—„всякая плоскость, перпендикулярная къ одному изъ реберъ прямого трегранного угла, даетъ въ сѣченіи прямоугольный треугольникъ“) не справедлива. Упомянутая плоскость, какъ параллельная одной изъ граней даннаго трегранного угла, не доставитъ никакого сомкнутаго сѣченія. Вѣроятно, авторъ подразумѣвалъ не сѣченіе прямого трегранного угла, а сѣченіе тетраедра имѣющаго такой уголъ.

5) Задача 218-я: „Данъ тетраедръ SABC. Чрезъ середину E ребра SB проводимъ плоскости: DEF параллельную основанію ABC, EGH параллельную грани SAC и плоскость EDH; чрезъ это тетраедръ разложится на двѣ равномѣрныя между собою призмы и на два равномѣрные между собою тетраедра. *Сдѣлавъ подобное разложеніе съ пирамидой SDEF и продолжая такимъ образомъ далѣе неопредѣленно*, найти объемъ тетраедра SABC“. Смыслъ заданія остается неизвѣстнымъ, такъ какъ непонятны напечатанныя курсивомъ строки. Можно предполагать, что авторъ имѣлъ въ виду выводъ общей формулы объема тетраедра, основываясь на томъ, что по мѣрѣ все большаго и большаго подраздѣленія остающихся тетраедровъ, объемъ всего тетраедра приближается къ суммѣ объемовъ призмъ; во всякомъ случаѣ, автору надлежало выразить свою мысль яснѣе.

Начальная алгебра. Составилъ *Е. Пржевальскій*, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Москва. 1885. Въ 8-ку, стр. IV+368. Цѣна 1 р. 25 коп.

По полнотѣ содержанія, серьезности обработки и обилію учебнаго матеріала, „Начальная Алгебра“, составленная г. Пржевальскимъ, занимаетъ весьма видное мѣсто въ средѣ нашихъ оригинальныхъ учебниковъ. Въ отношеніи содержанія она значительно превосходитъ требованія программъ не только гимназической, но и реальныхъ училищъ. Объ обиліи учебнаго матеріала свидѣтельствуетъ присутствіе въ книгѣ г. Пржевальскаго слѣдующихъ статей: Гармоническая пропорція (§§ 126 — 128); О пропорціональности (§§ 129 — 138);

Объ извлеченіи квадратныхъ и кубическихъ корней въ томъ случаѣ, когда нѣсколько первыхъ цифръ корня уже извѣстны (§§ 234 и 249); О дѣйствіяхъ надъ ирраціональными числами (§§ 253—256); О среднемъ ариѳметическомъ и среднемъ геометрическомъ нѣсколькихъ чиселъ (§§ 289—292); Рѣшеніе уравненія $ax^2+bx+c=o$ въ случаѣ *a* очень малаго (§ 307); о дѣйствіяхъ надъ количествами, имѣющими несоизмѣримыхъ показателей (§ 322); о нѣкоторыхъ видахъ фигурныхъ чиселъ (§§ 357 и 358); объ отысканіи общаго члена при возвышеніи въ степень какого бы ни было многочлена (§ 399); Извлеченіе корня (n—ой степени) изъ многочлена (§ 400); Объ алгебраическихъ значеніяхъ корней второй, третьей и четвертой степени (—ней); О рѣшеніи полныхъ уравненій третьей и четвертой степеней съ однимъ неизвѣстнымъ (§§ 413 и 415). Всѣ эти статьи, за исключеніемъ трактующей о фигурныхъ числахъ и нѣкоторыхъ другихъ, относящихся къ курсу реальныхъ училищъ, напечатаны мелкимъ шрифтомъ, въ отличіе отъ текста, обязательнаго для учениковъ гимназій.

При всей однако заботливости автора о полнотѣ содержанія и обстоятельности изложенія, въ книгѣ г. Пржевальскаго встрѣчаются недомолвки и кое-какія опущенія. Такъ, въ прекрасно изложенномъ вообще отдѣлѣ X (неопредѣленныя уравненія) не упомянуто, что одни и тѣ же искомыя цѣлыя числа могутъ получаться въ видѣ различныхъ формулъ, напримѣръ, 5t—3 и 17—5t. Въ § 384 авторъ обстоятельно доказалъ, что всякая періодическая непрерывная дробь есть корень квадратнаго уравненія, но не пояснилъ своего доказательства ни однимъ численнымъ примѣромъ. Въ статьѣ о рѣшеніи полныхъ уравненій 3-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ тоже не приведено ни одного численнаго примѣра. Въ статьѣ „соединеніе" опущены такъ-называемыя размѣщенія и сочетанія съ повтореніями. Въ статьѣ о предѣлахъ разобраны лишь тѣ теоремы, которыя касаются перемѣнныхъ величинъ, связанныхъ между собою однимъ изъ первыхъ четырехъ дѣйствій.

Къ этимъ упущеніямъ слѣдуетъ еще причислить неточность нѣкоторыхъ опредѣленій и промахи лингвистическаго характера.

„Процентомъ", говоритъ авторъ на стр. 278,—„называется прибыль или убыль, получаемая съ каждыхъ ста рублей какого-нибудь капитала; въ болѣе общемъ смыслѣ, процентомъ называется прибыль или убыль на каждую сотню какихъ-либо предметовъ". Ни то, ни другое опредѣленіе нельзя назвать вполнѣ точнымъ. Если, напримѣръ, тор-

говецъ получилъ на 100 руб. всего лишь 75 коп. прибыли, то это еще не значитъ, что онъ пріобрѣлъ 75°/₀. Число 15°/₀ не успѣвающихъ не означаетъ ни умершихъ, ни разбѣжавшихся 15 учениковъ.

Размѣщеніями, по словамъ автора, „называются соединенія изъ опредѣленнаго числа элементовъ, взятыхъ изъ данныхъ, въ опредѣленномъ порядкѣ" (стр. 303). Помимо своей шероховатости, это опредѣленіе не вѣрно, ибо авторъ разумѣетъ подъ размѣщеніями такія формы соединеній опредѣленнаго числа элементовъ, которыя различаются между собою не только входящими элементами, но и порядкомъ послѣднихъ.

Величины постоянныя и перемѣнныя авторъ опредѣляетъ въ § 416 и въ § 421. Вѣрное опредѣленіе сдѣлано лишь въ одномъ послѣднемъ.

Опредѣленіе „ряда" (§ 430) дано неточное и непонятное.

На стр. 346 читаемъ: „Рядъ положительныхъ членовъ будетъ сходящійся, если въ немъ, начиная съ нѣкотораго члена, предѣлъ отношенія какого-либо члена къ своему предыдущему будетъ менѣе единицы". Слово „будетъ" употреблено здѣсь дважды и оба раза некстати, слово же „какого-либо" непремѣнно слѣдуетъ замѣнить словомъ „всякаго".

Неправильныя выраженія и галлицизмы, которыми такъ обилуютъ первые выпуски трудовъ почтеннаго автора, въ разсматриваемомъ изданіи попадаются лишь изрѣдка. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ.

На стр. 23 употреблена не русская фраза:... „сокративъ $+a$ за $-a$".

На стр. 68 и 135: цѣлыя количества „подводятся подъ общій знаменатель" (вм. приводятся къ общему знаменателю).

На стр. 94 и др.: „всѣ члены... множатся даннымъ количествомъ" (вм. на данное количество).

На стр. 119 сказано:..., „данную систему можно разложить на два отдѣльныхъ уравненій..."; было бы правильнѣе сказать: „данныя три уравненія можно замѣнить двумя независимыми одно отъ другаго"...

На стр. 283 употребленъ галлицизмъ: „положивъ $x=0$, множитель.., будетъ менѣе настоящаго", вмѣсто: „при $x=0$, множитель.... уменьшится".

Неправильное употребленіе частицы *не* встрѣчается на стр. 75, 132, 279, 316 и др.

Изъ погрѣшностей, не лишенныхъ нѣкотораго значенія, отмѣтимъ слѣдующія:

На стр. 158 напечатано $n+1$ и $m+1$, вмѣсто n и m,

На стр. 358, въ одномъ мѣстѣ ошибочно поставленъ множитель q.

Къ погрѣшностямъ относимъ и обмолвку на стр. 297, на которой сказано: „поставимъ вмѣсто m остальную часть дроби", вмѣсто: „поставимъ $m+$остальная часть дроби, вмѣсто m".

Не оговоренныя опечатки попадаются на стр. 85, 163, 170, 211, 221, 247 и мн. др.

Алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. *Ф. Покатиловъ*, учитель математики Тифлисскаго реальнаго училища. Выпускъ I. Уравненіе. С.-Петербургъ. 1884. Стр. 218. Цѣна 80 коп.

Содержаніе книги: уравненія 1-й и 2-й степени. Хотя въ заглавіи значится, что это „Алгебра, выпускъ 1-й", однако о дѣйствіяхъ надъ количествами одночленными и многочленными, раціональными и ирраціональными, вещественными и мнимыми ничего въ книгѣ не сказано и они предполагаются уже извѣстными читателямъ.

Этотъ отрывокъ курса алгебры имѣетъ нѣкоторыя существенныя достоинства, изъ которыхъ главныя—ясность и полнота изложенія многихъ главъ книги и малое количество такъ-называемыхъ ошибокъ или научныхъ промаховъ. Вообще качества этого изданнаго отдѣла или части курса начальной алгебры таковы, что онъ представляетъ какъ бы дословныя записки преподаннаго въ классѣ, со всѣми повтореніями и деталями разсужденій и выводовъ. Разсматриваемая съ такой точки зрѣнія, книга свидѣтельствуетъ, что авторъ ея излагалъ свой предметъ ученикамъ правильно и удобопонятно, хотя иногда и утомлялъ ихъ разъясненіями о вполнѣ очевидныхъ истинахъ. Такъ напримѣръ, относительно права переносить члены уравненія изъ одной части въ другую, говорится слѣдующее число разъ:

1) На стр. 2: „если 2x, увеличенное 10, равно 60, то одно 2x меньше 60 на 10, то-есть, $2x = 60 - 10$".

2) На стр. 4 подобное же разсужденіе при рѣшеніи задачи 4, и затѣмъ выводъ: „Отсюда мы можемъ заключить, что извѣстные члены можно переносить изъ одной части уравненія въ другую", и т. д.

3) Затѣмъ на стр. 5: „Перенесемъ 100 во вторую часть уравненія, будемъ имѣть $\frac{1}{2}x = 105 - 100$. Возможность перенесенія 100 во вторую часть уравненія доказывается разсужденіемъ: $\frac{1}{2}$ x, увеличенное 100, равняется 105; слѣдовательно $\frac{1}{2}$ x меньше 105 на 100; то-есть, $\frac{1}{2}x = 105 -$

100. Но эту возможность перенесенія 100 во вторую часть уравненія можно доказать совершенно иначе, основываясь на истинѣ, что если отъ равныхъ величинъ отнять одну и ту же величину, то получатся равныя величины. Если отъ равныхъ ($^1/_2$ x + 100) и 105 отнять одно и тоже 100, то получимъ равные $^1/_2$ x и (105 — 100), $^1/_2$ x = 105 — 100".

4) На той же страницѣ, въ задачѣ 6-й, повторяется такое же разсужденіе о перенесеніи члена, занимающее 10 строкъ.

5) На стр. 7. въ пяти строкахъ сказано о перенесеніи неизвѣстнаго члена изъ одной части въ другую.

6) На стр. 8, разсужденіе о перенесеніи членовъ занимаетъ 21 строку.

7) На стр. 10 и 11, разсужденіе относительно перенесенія членовъ занимаетъ 16 строкъ.

8) На стр. 61: „Рѣшеніе уравненій 1-й степени съ одною неизвѣстною основывается на двухъ слѣдующихъ положеніяхъ: 1 положеніе. Можно придать одно и тоже количество къ обѣимъ частямъ уравненія и при этомъ не измѣнится значеніе неизвѣстнаго, обращающее уравненіе въ тожество... Докажемъ справедливость этого положенія". Доказательство этой справедливости занимаетъ 23 строки.

Итого, не менѣе 106 строкъ для разъясненія возможности перенесенія членовъ изъ одной части въ другую.

Такого же рода примѣры повтореній можно было бы привести и относительно другихъ, столь же очевидныхъ и элементарныхъ истинъ, а именно: объ умноженіи членовъ уравненія на одно и то же число, о сложеніи и вычитаніи уравненій и т. п. Что касается до детальнаго изложенія такъ-называемыхъ выводовъ, то-есть, до производства различныхъ преобразованій и вообще дѣйствій, то достаточно указать, что на стр. 53 подстановка числа—1,4 вмѣсто *m* въ произведеніе 106,3 *m* напечатана такимъ образомъ:

$$\begin{array}{r} -\ 106{,}3 \\ \times\quad 1{,}4 \\ \hline 425{,}2 \\ 1063 \\ \hline -148{,}82 \end{array}$$

Слѣдуетъ однако прибавить, что выкладка эта помѣщена въ подстрочномъ примѣчаніи.

На подставку въ уравненіе $\frac{20}{x+1} = \frac{15}{x} + 2$ его корней $x_1 = \frac{3 + \sqrt{-111}}{4}$

и $x_2 = \frac{3-\sqrt{-111}}{4}$, для повѣрки рѣшенія, употреблено 8 строкъ преобразованій, а между тѣмъ отъ формулы

$$\frac{[60+2\,(3\pm\sqrt{-111})]\;(7\pm\sqrt{-111})}{(3\pm\sqrt{-111})\;(7\pm\sqrt{-111})}$$

сдѣланъ непосредственный переходъ къ формулѣ:

$$\frac{80\;(3\pm\sqrt{-111})}{(7\pm\sqrt{-111})\;(3\pm\sqrt{-111})}$$

и вообще преобразованія комплексныхъ выраженій и дѣйствія надъ ними производятся безъ всякихъ разъясненій, то-есть, эти преобразованія и дѣйствія предполагаются уже вполнѣ извѣстными читателямъ, хотя тѣмъ же читателямъ авторъ считаетъ необходимымъ повторять и разъяснять самыя очевидныя и элементарныя правила и осуществлять въ неизмѣнно-строгой послѣдовательности и безъ всякаго пропуска или сокращенія всѣ детали преобразованій.

Въ началѣ отзыва объ этой книгѣ было сказано, что въ ней мало ошибокъ или научныхъ промаховъ; однако, хотя ошибокъ дѣйствительно мало въ количественномъ отношеніи, но онѣ все-таки есть и по своему качеству довольно существенны. Такъ напримѣръ, на стр. 129, говоря объ уравненіяхъ, въ которыхъ неизвѣстное находится подъ знакомъ корня, авторъ приводитъ первымъ примѣромъ такихъ уравненій слѣдующее:

$$1-x=\sqrt{x^2-3}$$

и получаетъ единственное рѣшеніе $x=2$, которое не удовлетворяетъ данному уравненію.

Но, вопервыхъ, начинать съ такого примѣра, въ которомъ получается рѣшеніе неудовлетворяющее заданію, едва ли цѣлесообразно; особенно же замѣчательно здѣсь то обстоятельство, что данное уравненіе имѣетъ рѣшеніе, а именно $x=-\infty$, котораго не замѣчаетъ авторъ, и на которое слѣдовало бы обратить вниманіе учениковъ, такъ какъ оно соотвѣтствуютъ случаю, когда коеффиціентъ у квадрата неизвѣстнаго въ квадратномъ уравненіи равенъ нулю. Между тѣмъ, въ главѣ объ изслѣдованіи квадратныхъ уравненій авторъ не упоминаетъ ни о случаѣ равенства нулю коеффиціента у x^2, ни о нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ случаяхъ.

Не выдерживаетъ критики, и притомъ не можетъ быть понято

учениками, разсужденіе на стр. 66 и 67 о томъ, что если всѣ члены уравненія приводимъ къ общему наименьшему кратному знаменателю, то въ полученномъ уравненіи

$$\frac{A'-B'}{n}=0$$

числитель и знаменатель дроби $\frac{A'-B'}{n}$ не будутъ имѣть „говоря вообще" (по словамъ автора) общихъ множителей, а слѣдовательно, и та величина неизвѣстнаго, которая обращаетъ $A'-B'$ въ нуль, не можетъ обращать n въ нуль и на оборотъ. Вопервыхъ, не понятно, въ какомъ смыслѣ авторъ употребляетъ слова: „говоря вообще", а вовторыхъ, его разсужденіе невѣрно (напримѣръ, уравненіе $\frac{3}{x-1}-\frac{2}{x+1}=\frac{4}{x^2-1}$ приводится къ виду $\frac{x+1}{x^2-1}=0$, гдѣ числитель и знаменатель имѣютъ общій корень $x=-1$).

Нѣтъ надобности указывать менѣе значительные промахи; но нельзя не упомянуть о многихъ важныхъ опечаткахъ, списокъ которыхъ въ книгѣ не приложенъ. Авторъ исправилъ карандашемъ многія изъ опечатокъ; но едва ли можно ожидать, что такое исправленіе сдѣлано во всѣхъ экземплярахъ книги. Притомъ даже въ экземплярѣ, представленномъ на разсмотрѣніе Комитета, не всѣ опечатки исправлены упомянутымъ способомъ; такъ, напримѣръ, на стр. 2 напечатано $x=58000:{}^{29}/_{25}=7000$, вмѣсто 70000; на стр. 8-й вмѣсто $10(9-x)+x$ напечатано $10x(9-x)+x$ и т. д. Изданіе нельзя признать удовлетворительнымъ въ типографскомъ отношеніи; такъ, напримѣръ, члены, въ которыхъ неизвѣстное число имѣетъ дробный коэффиціентъ, напечатаны такъ, что буква x помѣщена въ знаменателѣ дроби ($1^1/_{2x}$ вмѣсто $1^1/_2\,x$, $^2/_{5x}$ вмѣсто $^2/_5\,x$ и т. п.) и такой способъ печатать вездѣ въ книгѣ, гдѣ имѣются таковые члены.

Нельзя также признать удачными нѣкоторые термины, употребляемые авторомъ; такъ, например, неизвѣстно, что̀ онъ подразумѣваетъ подъ абсолютными и относительными числами и подъ абсолютными и относительными одночленами и многочленами.

Прямолинейная тригонометрія и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Составилъ *Е. Пржевальскій*, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Москва. 1884. Стр. II + 242. Цѣна 1 р. 25 к.

Новое изданіе поименованнаго учебника отличается отъ предыдущаго, главнымъ образомъ, числомъ задачъ и ихъ расположеніемъ.

Тригонометрическія задачи, число которыхъ теперь доведено уже до 1491 (въ прежнемъ изданіи было 770 №№), въ настоящемъ изданіи образуютъ одно „собраніе", помѣщенное въ концѣ книги и подраздѣленное на 13 отдѣловъ, соотвѣтствующихъ теоретическимъ отдѣламъ книги. Кромѣ того, отдѣлы VI и IX пополнены примѣрами вычисленій по пятизначнымъ тригонометрическимъ таблицамъ, изданнымъ авторомъ. Книга г. Пржевальскаго, въ настоящемъ ея видѣ, принадлежитъ къ числу самыхъ полныхъ учебниковъ по тригонометріи, существующихъ на русскомъ языкѣ. Въ ней изложенъ не только курсъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній—онъ напечатанъ особымъ крупнымъ шрифтомъ, — но сообщаются, между прочимъ, и такія свѣдѣнія, какъ: опредѣленіе значеній $\sin\frac{a}{3}$ и $\cos\frac{a}{3}$ по даннымъ $\sin a$ и $\cos a$; суммированіе нѣкоторыхъ тригонометрическихъ рядовъ; нахожденіе логариѳмовъ синуса и тангенса угловъ, близкихъ къ нулю, и логариѳмовъ косинуса и котангенса угловъ, близкихъ къ прямому; рѣшеніе уравненій 2-й и 3-й степеней съ однимъ неизвѣстнымъ при помощи тригонометріи; введеніе тригонометрическихъ величинъ въ мнимыя выраженія; изложеніе теоремы Моавра; разложеніе синуса, косинуса и тангенса въ ряды; рѣшеніе двучленныхъ уравненій и круговыя функціи.

На помѣщеніе этихъ свѣдѣній въ учебникѣ г. Пржевальскаго не только нельзя сѣтовать, но даже можно пожалѣть, почему трудолюбивый авторъ не пополнилъ ихъ еще статейкой объ опредѣленіи maximum и minimum хотя бы простѣйшихъ тригонометрическихъ выраженій.

Разсматриваемое сочиненіе, написанное яснымъ и точнымъ языкомъ, по справедливости названо исправленнымъ; тѣмъ не менѣе, и въ новомъ его изданіи попадаются, правда — въ незначительномъ числѣ, галлицизмы и недосмотры, унаслѣдованные отъ прежнихъ изданій книги. Такъ, на стр. 15 читаемъ: „...повернувъ одинъ изъ боковъ угла въ ту или другую сторону..., бока угла сохраняютъ тоже (то же) направленіе". Или, на стр. 118: „...поднявъ другой конецъ нити..., нить займетъ вертикальное положеніе..." На стр. 124 и 125 не понятно, въ описаніи буссоли Шмалькалдера, что желалъ выразить авторъ словами: „подписи (градусныхъ дѣленій отъ 0 до 360°) расположены къ западу" и видѣть ихъ можно чрезъ призму „въ обратномъ порядкѣ".

Книга г. Пржевальскаго издана весьма опрятно, можно сказать— даже щеголевато, не смотря на умѣренность продажной цѣны. Изъ

десятка незначительныхъ опечатокъ (на стр. 22, 36, 60, 127 и др.), не оговоренныхъ авторомъ, отмѣтимъ слѣдующія: на стр. 43 пропущенъ множитель 2 предъ tg2a; на стр. 149, въ одной изъ формулъ, вмѣсто двойнаго знака, поставленъ только одинъ знакъ сложенія.

Прямолинейная тригонометрія. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ присоединеніемъ краткаго понятія о нивеллированіи и съемкѣ плановъ, а также задачъ для оканчивающихъ курсъ. *А. Веребрюсова*, учителя Екатеринодарской гимназіи. Харьковъ. 1884. Стр. 61. Цѣна 50 к.

Тригонометрія г. Веребрюсова представляетъ самостоятельный и зрѣло обдуманный трудъ, а потому имѣетъ важныя достоинства; это достаточно полный курсъ, изложенный весьма сжато; всѣ части его изобилуютъ искусно подобранными примѣрами для упражненій, которые, по своему разнообразію и многочисленности (ихъ 402), могутъ съ успѣхомъ замѣнить сборникъ тригонометрическихъ задачъ, доставляя учащемуся достаточный матеріалъ для навыка въ преобразованіяхъ формулъ и въ ихъ различныхъ примѣненіяхъ къ практическимъ вопросамъ. Нѣкоторыя задачи заслуживаютъ особеннаго вниманія. Напримѣръ, на стр. 46 указанъ весьма удобный способъ приближеннаго построенія стороны правильнаго n угольника при $n > 6$. Слѣдуетъ однако сказать, что отсутствіе чертежа можетъ затруднить учениковъ въ пониманіи этого способа. Притомъ не вѣрно, что способъ этотъ примѣнимъ только для $n > 6$; при $n = 6$ получится также надлежащее рѣшеніе, и притомъ уже не приближенное, а точное.

Содержаніе книги и порядокъ распредѣленія ея частей слѣдующій: понятіе о тригонометрическихъ линіяхъ, ихъ взаимныя соотношенія и знаки; соотношенія между сторонами и углами треугольника; тригонометрическія линіи суммы и разностей, кратныхъ и дробныхъ угловъ; преобразованія тригонометрическихъ выраженій; продолженіе главы о соотношеніяхъ между сторонами и углами треугольника; вычисленіе тригонометрическихъ линій; рѣшеніе треугольниковъ; о нивеллированіи и съемкѣ плановъ; задачи для оканчивающихъ курсъ.

Представляя весьма полезное руководство для повторительнаго курса, тригонометрія г. Веребрюсова не вполнѣ удобна для начинающихъ изучать этотъ предметъ. Значительная сжатость изложенія препятствуетъ этому учебнику быть столь же простымъ и удобопонятнымъ, какъ, напримѣръ, тригонометріи гг. Г. Тиме, А. Дмитріева и нѣкоторыя другія руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

Курсъ тригонометріи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ

курсъ элеметарный, долженъ имѣть главною и почти исключительною цѣлью рѣшеніе прямолинейныхъ треугольниковъ. Различныя преобразованія тригонометрическихъ формулъ, понятіе о составленіи тригонометрическихъ таблицъ и другіе подобные вопросы должны занимать въ такомъ курсѣ мѣсто второстепенное, то-есть, эти статьи должны быть развиты лишь на столько, на сколько то необходимо для сознательнаго пользованія тригонометрическими формулами и таблицами при рѣшеніи треугольниковъ и при несложныхъ практическихъ задачахъ, сводящихся на такое рѣшеніе. Между тѣмъ, судя по объему, данному параграфамъ о рѣшеніи треугольниковъ, отдѣлъ этотъ не составляетъ главнѣйшей части руководства г. Веребрюсова. При выводѣ формулъ, выражающихъ соотношенія между сторонами и углами треугольника, авторъ не останавливаетъ вниманія читателей на основныхъ или наиболѣе употребительныхъ формулахъ. Формулъ этихъ онъ по большей части не выражаетъ словами, какъ это принято въ другихъ учебникахъ, для облегченія ихъ запоминанія. Одной изъ такихъ общеупотребительныхъ формулъ, а именно:

$$\frac{a+b}{a-b} = \frac{\operatorname{tg}\frac{A+B}{2}}{\operatorname{tg}\frac{A-B}{2}}$$

вовсе нѣтъ въ его курсѣ, а для рѣшенія треугольника по двумъ сторонамъ и заключающемуся между ними углу приведены слѣдующія двѣ формулы:

$$c. \operatorname{Sin}\frac{A-B}{2} = (a-b)\cos\frac{C}{2}$$

$$c. \cos\frac{A-B}{2} = (a+b)\operatorname{Sin}\frac{C}{2}.$$

Указываемый авторомъ способъ рѣшенія по этимъ формуламъ мало по существу отличается отъ общепринятаго, но требуетъ, для опредѣленія угловъ A и B, отыскиванія четырехъ логариѳмовъ $\left(\operatorname{Sin}\frac{A-B}{2}, \cos\frac{A-B}{2}, \cos\frac{C}{2}, \operatorname{Sin}\frac{C}{2}\right)$, вмѣсто двухъ $\left(\operatorname{tg}\frac{A-B}{2}, \operatorname{tg}\frac{A+B}{2}\right)$; притомъ ученику предстоитъ удержать въ памяти двѣ формулы, вмѣсто одной, превосходящей каждую изъ нихъ простотою своей конструкціи.

Тѣ изъ учениковъ, которые рѣшатъ всѣ или большую часть задачъ, относящихся до различныхъ преобразованій формулъ, предшествующихъ главѣ о рѣшеніяхъ треугольниковъ, не затруднятся этими послѣдними рѣшеніями; притомъ, имѣющіяся въ учебникѣ

задачи, относящіяся до рѣшенія треугольниковъ, доставятъ достаточную практику для пріобрѣтенія навыка въ такихъ рѣшеніяхъ; но въ такомъ случаѣ руководство г. Веребрюсова принесетъ пользу ученикамъ, главнымъ образомъ, какъ сборникъ задачъ, а не какъ учебникъ.

Что касается мелкихъ недосмотровъ, неудачныхъ выраженій и т. п., то ихъ въ книгѣ не мало, и для примѣра достаточно указать нѣкоторыя, замѣченныя на первыхъ 4 страницахъ.

Авторъ опредѣляетъ тригонометрію такъ: „Тригонометрія занимается разрѣшеніемъ треугольниковъ или опредѣленіемъ по даннымъ тремъ частямъ остальныхъ трехъ". Но, не говоря уже о неудачномъ выраженіи „занимается разрѣшеніемъ", должно такое опредѣленіе тригонометріи признать не полнымъ, ибо указаніе способовъ рѣшенія треугольниковъ есть, правда, одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ тригонометріи, но не исчерпываетъ всего содержанія этой науки.

Въ томъ же § 1 сказано: „Геометрія не можетъ опредѣлять угловъ вычисленіемъ. Въ тригонометріи же достигаютъ этого при помощи тригонометрическихъ линій, которыя составляютъ пропорціи со сторонами треугольника". Замѣчаніе это неудачно, потому что и въ элементарной геометріи имѣются теоремы, служащія во многихъ случаяхъ для опредѣленія угловъ вычисленіемъ, напримѣръ, угловъ правильныхъ многоугольниковъ, угловъ, писанныхъ въ кругѣ по даннымъ центральнымъ, и т. п. Еще неудачнѣе утвержденіе, что тригонометрическія линіи составляютъ пропорціи со сторонами треугольника; не понятно даже, о какихъ пропорціяхъ хотѣлъ сказать авторъ: въ подобныхъ треугольникахъ сходственныя тригонометрическія линіи равны между собою, а если рѣчь идетъ объ одномъ треугольникѣ, то въ немъ пропорціональность сторонамъ имѣетъ мѣсто только для синусовъ противолежащихъ угловъ, а не вообще для тригонометрическихъ линій.

Въ § 6 рѣшено уравненіе $\sin x + \cos x = {}^1/_5$ и получены корни: $\sin x = 0,8$ и $\sin x = -0,8$. Это ошибка, ибо второй корень $= -0,6$. Притомъ ученику еще не извѣстно значеніе отрицательнаго синуса, такъ какъ о знакахъ тригонометрическихъ линій говорится далѣе, въ § 9.

Основы прямолинейной тригонометріи въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ штатный преподаватель С.-Петербургской 1-й военной гимназіи *В. Баулеръ*. С.-Пб. 1879 г. Стр. 70 въ 8-ку. Цѣна 75 коп

Небольшая книжка г. Баулера содержитъ въ себѣ введеніе, главы I, II и III, сборникъ задачъ (300 №№) и два приложенія. Собственно

„Основы прямолинейной тригонометріи“ изложены въ 22 параграфахъ, занимающихъ всего лишь 42 страницы (съ 7-й по 49-ю). Въ первыхъ 12 параграфахъ, подведенныхъ подъ единственную въ книгѣ рубрику „Предварительныя понятія“ (глава I), говорится о мѣрѣ угловъ и опредѣляются тригонометрическіе термины. Изложенію способовъ рѣшенія прямоугольныхъ и косоугольныхъ треугольниковъ посвящена глава II (стр. 26—41), состоящая изъ шести параграфовъ (§§ 13—18). Глава III, трактующая о „формулахъ, служащихъ для составленія таблицъ угловыхъ чиселъ“, еще короче: въ ней всего лишь семь страницъ. Остальная часть книжки г. Баулера (стр. 50—70) занята сборникомъ задачъ и Приложеніями, изъ которыхъ въ первомъ, состоящемъ изъ 20 строкъ, дается опредѣленіе никому ненужнаго термина „модуль треугольника“, а во второмъ, на трехъ страницахъ, показано „разложеніе синуса и косинуса въ рядъ“ (sic!) по способу неопредѣленныхъ коеффиціентовъ. Обработка перечисленнаго матеріала находится, конечно, въ соотвѣтствіи съ размѣрами книжки. Понимая тригонометрію въ самомъ узкомъ смыслѣ (стр. 5), авторъ изложилъ въ упомянутыхъ выше шести параграфахъ (гл. II) лишь существенно необходимое для рѣшенія простѣйшихъ вопросовъ, относящихся къ прямолинейнымъ треугольникамъ. (Впрочемъ, въ отдѣлѣ задачъ, сравнительно лучшемъ въ книгѣ, встрѣчаются указанія на рѣшеніе нѣкоторыхъ болѣе сложныхъ вопросовъ). Стремясь къ краткости, авторъ пожертвовалъ даже знаками séc. и cosèc., подъ тѣмъ не совсѣмъ основательнымъ предлогомъ, будто „они не употребляются въ вычисленіяхъ“ (стр. 12). Объ обобщеніяхъ тригонометрическихъ формулъ и т. п., разумѣется, нѣтъ и помину въ разсматриваемой книжкѣ. Самый важный недостатокъ послѣдней заключается, однако, не въ излишней краткости и не въ многочисленныхъ недомолвкахъ, а въ доведенной до крайней степени корректурной неисправности. Какъ велика эта неисправность—можно видѣть по слѣдующимъ образчикамъ, взятымъ на выдержку. На стр. 10 напечатано: $x=57^0\ 19'\ 29''$, 42, вмѣсто $57^0\ 17'\ 44''$, 8. На стр. 15: $\mathrm{Cos}\ \pi=1$; $\mathrm{Cos}\ \frac{3\pi}{2}=$; $\mathrm{tng}\ \frac{3\pi}{2}$ и $\mathrm{Cotg}\ \frac{3\pi}{2}=\mathrm{o}$. На стр. 48: $\mathrm{Sin}\ a > \frac{a}{2}\left(1-\frac{a^2}{4}\right)$ и $\mathrm{Sin}\ a > a - a^3$, что не согласно съ выводами автора; $1-\mathrm{Sin}\ a$, вмѣсто $1-\frac{\mathrm{Sin}\ a}{a}$. И т. д., и т. д. Переносы въ формулахъ, а иногда и виды формулъ, допущены непозволительные, какъ, напримѣръ, на стр. 25, 27, 53. О множествѣ мелкихъ опечатокъ (стр. 8, 9, 11, 12,

14, 15, 27, 30, 31, 34 и др.) нечего и говорить: ими кишитъ книга г. Баулера. Не къ достоинствамъ книги мы относимъ и замѣну въ ней прочно установившихся терминовъ новыми, изобрѣтенными авторомъ. Такъ, „круговая мѣра угла" названа въ разсматриваемомъ сочиненіи „математическимъ угломъ", „тригонометрическая величина"— „угловымъ числомъ". Такое нововведеніе, ничѣмъ не оправдываемое, разрѣшилось страннымъ результатомъ: въ книжкѣ г. Баулера, названной „Основы прямолинейной тригонометріи", существительное „тригонометрія" употреблено всего лишь одинъ разъ, и то по неизбѣжной необходимости (въ опредѣленіи, стр. 5), а прилагательное „тригонометрическій"—совсѣмъ ни разу.

Сборникъ задачъ по коммерческой ариѳметикѣ. Для коммерческихъ и реальныхъ училищъ. Составилъ по программѣ министерства народнаго просвѣщенія *Н. Васильевъ-Яковлевъ*. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1884. Стр. IV+144 въ 8-ку. Цѣна 75 к.

Новое изданіе книги г. Васильева-Яковлева является въ значительно улучшенномъ видѣ противъ прежняго: оно полнѣе, опрятнѣе и дешевле перваго изданія. Не считая вновь составленныхъ 70 задачъ, въ этомъ изданіи отдѣлъ „курсовыхъ и вексельныхъ вычисленій" почти совершенно переработанъ и добавлены подотдѣлы—„учетъ долгосрочныхъ векселей и рентъ" и „вычисленіе специальныхъ текущихъ счетовъ". Число отдѣловъ (семь) удержано прежнее: монетныя, курсовыя и вексельныя вычисленія, вычисленія фондовъ и акцій, банковыя, товарныя, вычисленія аваріи и страхованія и, наконецъ, приложенія, въ которыя вошли, между прочимъ, задачи на вычисленіе средняго срока уплаты и обмѣнъ векселей (№№ 736—770). Задачи расположены въ каждомъ отдѣлѣ соотвѣтственно возрастающей ихъ трудности, редактированы ясно и снабжены, гдѣ нужно, не только поясненіями, но даже и указаніями на пріемы рѣшеній. Въ концѣ книги приложены четыре образца текущихъ счетовъ: одинъ съ такъ-называемыми красными процентными числами, два съ процентами для дѐбета и крѐдита и одинъ — спеціальныхъ счетовъ; кромѣ того, представленъ образецъ сложной калькуляціи на заграничный товаръ, и дано „объясненіе иностраннымъ словъ, встрѣчающихся въ книгѣ" (французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ). Это послѣднее, однако, не безукоризненно: въ немъ есть такія общеизвѣстныя слова, какъ für, vin, Herr и т. п., и нѣтъ такихъ, какъ invoice, bought, gross, brown, shipped и др., часто встрѣчающихся въ сборникѣ. Кромѣ того, въ

этомъ „объясненіи“, равно какъ и въ задачѣ № 620 (стр. 105), напечатано not of charges, вмѣсто note of charges; shipping переведено просто „нагрузка“, тогда какъ слѣдовало: погруженіе въ корабль. Вообще же говоря, книга г. Васильева-Яковлева прокорректирована довольно исправно.

Учебный атласъ всеобщей географіи *А. Линберга*. Москва. 1884. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ 1872 году г. Линбергъ издалъ учебный атласъ всеобщей географіи, состоящій изъ 32 картъ, съ приложеніемъ большаго числа рисунковъ, цѣною въ 3 р. 50 к. Изданіе это было повторено, съ нѣкоторыми дополненіями, въ 1874 году. Не смотря на многочисленныя и безусловныя достоинства, атласъ этотъ не распространенъ между учащимися, чему препятствуетъ главнѣйшимъ образомъ сравнительно высокая цѣна его и большой форматъ. Въ прошедшемъ 1884 году г. Линбергъ издалъ новый учебный атласъ болѣе приспособленный и по цѣнѣ, и по формату къ школьному употребленію. Атласъ этотъ, напечатанный подобно прежнему въ Лейпцигѣ, въ типографіи Брокгауза, состоитъ изъ слѣдующихъ 23-хъ таблицъ: 1) Плоскошарія; 2) Австралія и Полинезія; 3) карта Африки; 4) карта Южной Америки; 5) Сѣверной Америки; 6) карта Азіи; 7) Замѣчательнѣйшія высоты земнаго шара; 8) карта Европы; 9) Испанія и Португалія; 10) Франція; 11) Италія; 12) Великобританія и Ирландія; Колоніи англичанъ во всѣхъ частяхъ свѣта; 13) Швеція, Норвегія и Данія, Швейцарія; 14) Германія; 15) Австро-Венгрія; 16) Балканскій полуостровъ; 17) карта Европейской Россіи; 18) Сѣверная Россія; 19) Южная, западная и внутренняя Россія; 20) Восточная Россія; 21) Кавказъ, Туркестанъ; 22) Сибирь; 23) Палестина и карта теплыхъ и холодныхъ морскихъ теченій, вѣтровъ и количества падающихъ дождей.

Въ этомъ изданіи впервые осуществлено, предъявляемое уже нѣсколько разъ картографамъ, предложеніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы карты отдѣльныхъ материковъ изображались на 10-ти градусныхъ сѣткахъ, а карты государствъ Европы и Россіи на сѣткахъ 5-ти градусныхъ. Съ удовольствіемъ также отмѣчаемъ и другое нововведеніе г. Линберга, именно: на картахъ Германіи и Австро-Венгріи онъ употребляетъ двойныя названія, нѣмецкое и славянское, тѣхъ городовъ и рѣкъ, которые имѣютъ таковыя, при чемъ одно названіе написано крупнымъ

шрифтомъ, другое же въ скобкахъ мелкимъ. Жаль только, что въ этомъ отношеніи недостаетъ необходимаго однообразія: въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣмецкое названіе обозначено крупнымъ шрифтомъ, а славянское — мелкимъ въ скобкахъ, въ другихъ же — на оборотъ. Такъ, для примѣра: Кенигсбергъ — крупнымъ, Королевецъ — мелкимъ; Бранденбургъ—мелкимъ, а Браниборъ — крупнымъ, или Лейпцигъ—крупнымъ, Липскъ — въ скобкахъ мелкимъ, Братиславъ — крупнымъ, Бреславль—мелкимъ. Точно также нельзя не пожалѣть, что нѣкоторые города остались при одномъ нѣмецкомъ названіи, какъ напримѣръ, Дрезденъ, Магдебургъ, Шверинъ, Любекъ и т. д. Всѣ карты отличаются изяществомъ колорита, отчетливостью графическихъ знаковъ и рельефа странъ; особенно же выдѣляются карты, предназначаемыя для III класса (съ 9-й до 16-й включительно), то-есть, карты европейскихъ государствъ, и сверхъ того, таблица 7-я, представляющая высоты земнаго шара. Къ поименованнымъ картамъ г. Линбергъ примѣнилъ изреченіе Гумбольдта, что „лучшая карта та, на которой болѣе бѣлыхъ мѣстъ". Таблица 17-я, представляющая Европейскую Россію съ подраздѣленіями на губерніи, и таблица 19-я, изображающая южную, западную и внутреннюю Россію, представляются менѣе наглядными по причинѣ многочисленныхъ названій, притомъ напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ; но и эти карты при надлежащемъ дневномъ свѣтѣ можно читать безъ большаго затрудненія. Вообще атласъ г. Линберга составляетъ отрадное явленіе; но для обезпеченія полнаго успѣха составителю необходимо прибавить къ своему труду карты или же картоны климатическіе, этнографическіе и вѣроисповѣдные, если не для всей Европы, то по крайней мѣрѣ для Россіи; необходимо также придержаться для всѣхъ картъ какого-либо одного меридіана, Ферроскаго или Гринвичскаго, а меридіанъ Пулковскій ставить въ русскихъ картахъ въ скобкахъ или въ рамкахъ. На 13-й таблицѣ, на картонѣ, озаглавленномъ Швеція, Норвегія и Данія, должны быть исключены или, по крайней мѣрѣ, окрашены другою краскою Финляндія, Прибалтійскій край и сѣверный берегъ Пруссіи, въ настоящемъ же видѣ эти послѣднія страны представляются какъ бы политически соединенными съ Скандинавіей.

Въ атласѣ встрѣчаются нѣкоторыя неточности; но количество ихъ не велико сравнительно съ первымъ изданіемъ подобнаго же атласа г. Ильина, въ которомъ было найдено до 250 важныхъ промаховъ. Отмѣтимъ главнѣйшіе недостатки въ надеждѣ, что при будущемъ изданіи они будутъ устранены. На таблицѣ полушарій, въ Австраліи

должна бы быть представлена рѣка Муррей, въ дѣйствительности же къ устью Муррея приставленъ притокъ этой рѣки Дарлингъ. На таблицѣ 6-й „Азія“ неточно обозначены верховья рр. Евфрата, Аракса и Сунгари; не на мѣстѣ поставлены гг. Ширасъ и Сингапуръ. На таблицѣ 8-й „Европа“ невѣрно обозначены верховья Вислы, не поименованы рѣка Торнео и Бѣлое озеро; занесенъ г. Бердичевъ, но нѣтъ Чернигова, и т. п. На таблицѣ 10-й, на картонѣ „Нидерланды и Бельгія“ не проведены градусы, хотя на всѣхъ другихъ картахъ они проведены. Тамъ же Тріеръ, вмѣсто Триръ. На таблицѣ 13-й, на картонѣ „Швеція, Норвегія и Данія“ изображены многіе города сопредѣльныхъ Балтійскому морю странъ; между такими городами есть неважные, какъ напримѣръ, Перновъ, между тѣмъ опущенъ г. Либава. На таблицѣ 17-й Чудское озеро соединено рѣками съ Рижскимъ заливомъ, на таблицѣ же 18-й оно разъединено. На послѣдней же таблицѣ р. Югъ обозначена менѣе рѣзкою чертою, чѣмъ притокъ ея Луза, а р. Вишера показана вытекающею изъ озера Синдорскаго. Тѣ же неточности повторяются и на таблицѣ 20-й; онѣ встрѣчаются и въ большомъ атласѣ г. Линберга и видимо заимствованы изъ атласа Штилера. На таблицѣ 22-й по р. Сунгари стоитъ Киринъ, вмѣсто Гиринъ.

Курсъ общей ботаники. Растенія цвѣтковыя. *Н. Е. Цабель.* Москва. 1886. 130 стран. Цѣна 75 коп.

Въ извѣстномъ отношеніи этотъ учебникъ представляетъ очень пріятное явленіе. Большею частію учебники не пишутся, а составляются, то-есть, опредѣленная рамка наполняется свѣдѣніями, почерпаемыми изъ другихъ учебниковъ и обширныхъ руководствъ по тому же предмету. Между тѣмъ книга г. Цабеля очевидно написана, то-есть, авторъ далъ опредѣленную форму матеріалу, которымъ самъ онъ вполнѣ обладаетъ. Точно также, большая часть учебниковъ составляется преподавателями, изъ которыхъ иные едва стоятъ въ уровень со своею книгою, то-есть, едва имѣютъ столько свѣдѣній, сколько требуется для ихъ книги; отъ этого происходятъ неизбѣжныя ошибки и неточности. Книга г. Цабеля, очевидно, написана человѣкомъ, котораго познанія въ ботаникѣ очень обширны и точны; онъ сдѣлалъ изъ нихъ лишь выборку для той цѣли, которую себѣ поставилъ. Поэтому въ его книгѣ нѣтъ ни чего-нибудь прямо лишняго, ни чего-нибудь прямо недостающаго, а равно нѣтъ ни научныхъ промаховъ, ни той путаницы, которая иногда едва замѣтна, но для опытнаго

глаза сейчасъ обнаруживаетъ недостаточное знакомство съ предметомъ.

Такую книгу слѣдуетъ, поэтому, разбирать только съ двухъ сторонъ: вопервыхъ, со стороны выбора и распредѣленія учебнаго матеріала; вовторыхъ, со стороны изложенія, то-есть, правильности языка и ясности слога.

Въ первомъ отношеніи разсматриваемый учебникъ представляетъ большое своеобразіе и заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ попытка изложить элементарное содержаніе ботаники въ новомъ порядкѣ. Вообще говоря, авторъ принялъ порядокъ не систематическій, а методическій; онъ построилъ все изложеніе на описаніи 43 видовъ растеній, при чемъ отъ описанія видовъ переходитъ къ разъясненію общихъ понятій. Но виды онъ выбралъ не тѣ, какіе обыкновенно употребляютъ другіе составители, въ описаніи ихъ не держится однообразной мѣрки и въ порядкѣ объясненія общихъ вопросовъ и терминовъ допустилъ свободу и разнообразіе, позволившія ему оживить каждую страницу изложеніемъ какихъ-нибудь существенныхъ положеній. Онъ начинаетъ съ чернотала, одного изъ видовъ ивы, и по этому случаю тотчасъ же начинаетъ говорить о ростѣ деревьевъ и о вліяніи климата на этотъ ростъ. Также точно, по случаю жгучей крапивы (№ 3) объясняется строеніе волосковъ и главныя черты ученія о клѣточкахъ; по случаю гречихи (№ 4) говорится о крахмалѣ; по случаю піона (№ 5) излагается метаморфоза листовыхъ органовъ, и т. д. Однимъ словомъ, растенія выбраны для самаго удобнаго повода къ общимъ ученіямъ, и общія ученія всегда примыкаютъ къ описанію такого растенія, которое ихъ напоминаетъ и поясняетъ собою. Во многихъ случаяхъ этотъ подборъ очень удаченъ и можетъ послужить образцомъ для приверженцевъ методическаго пріема преподаванія. Самыя описанія избранныхъ видовъ сдѣланы то подробнѣе, то короче, смотря по надобности, по тому, что̀ требуется извлечь изъ описанія отдѣльнаго вида.

Всѣ эти пріемы, конечно, заслуживаютъ одобренія. Въ предисловіи авторъ указываетъ на нихъ слѣдующимъ образомъ:

„При составленіи предлагаемаго учебника", говоритъ онъ,—„я руководствовался цѣлью: воспользоваться отдѣльными представителями растительныхъ группъ для того, чтобы не только ознакомить учащагося съ тѣми морфологическими измѣненіями, которымъ подвергаются отдѣльные органы, но дать одновременно и ясное понятіе о жизни растеній и о законахъ, которымъ подчиняются, какъ построеніе (строеніе?) разныхъ органовъ, такъ и приспособленія (приспособ-

леніе?) ихъ къ потребностямъ живаго растенія. Я желалъ также избѣжать скуки, наводимой однимъ органографическимъ описаніемъ растеній" (стр. IV).

Дѣйствительно, по содержанію этотъ учебникъ представляетъ непрерывный, равномѣрный интересъ, и на маломъ пространствѣ 130 страницъ въ немъ изложено очень много и очень разнообразныхъ предметовъ, входящихъ въ кругъ ботаники; конечно, на основаніи этого авторъ назвалъ свою книгу „Курсомъ общей ботаники".

Замѣтимъ, однако, что, не смотря на свою свободу отъ общепринятыхъ и затверженныхъ пріемовъ, авторъ все же не ушелъ отъ односторонности; именно, онъ построилъ всю свою книгу на отдѣльныхъ видахъ, тогда какъ ничто не мѣшало ему перейдти въ частяхъ или въ концѣ къ болѣе систематическому изложенію. Приверженцы методическихъ пріемовъ должны вообще помнить, что ихъ метода вовсе не противорѣчитъ системѣ и должна непремѣнно къ ней приводить. Между тѣмъ они какъ будто задаются мыслью, что въ ихъ книгѣ не должно быть ничего систематическаго, и потому изгоняютъ систему и тамъ, гдѣ она сама напрашивается. Напримѣръ, когда дано понятіе о подраздѣленіяхъ растительнаго царства, о семействахъ и т. д., не естественно ли представить потомъ всю совокупность дѣленій въ видѣ таблицы? Поборники наглядности, однако же, очень хлопочутъ только о наглядномъ изученіи растеній, но наглядное изображеніе отношеній между понятіями имъ кажется лишнимъ и ненужнымъ, и потому такой таблицы нѣтъ у г. Цабеля, какъ и у большинства другихъ. Въ этомъ случаѣ, да и во множествѣ другихъ случаевъ, преподаваніе, очевидно, уклоняется отъ своей прямой выгоды и цѣли; систематическое изложеніе есть не выдумка ученыхъ, а неизбѣжное требованіе ума, желающаго видѣть всѣ частности въ связи, полнотѣ и порядкѣ; поэтому для учащагося оно можетъ чрезвычайно облегчать усвоеніе познаній и необходимо для полнаго ихъ уясненія. Безъ сомнѣнія, превосходно начинать изученіе ботаники съ разсмотрѣнія какого-нибудь одного растенія, но оканчивать изученіе, въ какихъ бы размѣрахъ оно ни производилось, конечно, слѣдуетъ общими положеніями и понятіями, опредѣленными сколь возможно строже и полнѣе. Вообще скажемъ, что преподаваніе требуетъ гораздо болѣе свободы въ пріемахъ, чѣмъ то обыкновенно допускается. Нужно идти на встрѣчу естественнымъ требованіямъ ума, а не вести его все время по одной колеѣ.

Что касается до выбора матеріала въ книгѣ г. Цабеля, то во-

обще этотъ выборъ нужно признать очень хорошимъ. Не смотря на малый объемъ, матеріалъ этотъ очень великъ, какъ видно уже по множеству терминовъ, испещряющихъ каждую страницу книги. Можетъ быть, нѣкоторые предметы слѣдовало бы болѣе развить, или вовсе опустить, избѣгая слишкомъ большой сложности; такъ, напримѣръ, объясненіе, что такое корпускулы (стр. 117), подвѣсъ или суспензоръ (стр. 127), проэмбрій (стр. 127) и т. д., то-есть, все касающееся развитія зародыша, по краткости и сухости изложенія, едва ли будетъ ясно и интересно учащимся. Вопросы о развитіи справедливо возбуждаютъ величайшее вниманіе ученыхъ; но учащіеся вовсе не приготовлены къ такому вниманію и въ учебникѣ г. Цабеля не найдутъ этой подготовки. Другое дѣло, еслибы тотъ же предметъ былъ изложенъ подробно и поясненъ рисунками; но этого не допускаютъ размѣры учебника. Такое замѣчаніе можно сдѣлать и относительно другихъ частностей; число ихъ вообще нѣсколько велико сравнительно съ размѣромъ изложенія.

Переходимъ теперь къ способу изложенія, и прежде всего замѣтимъ, что книга не содержитъ въ себѣ ни одного рисунка: недостатокъ важный, такъ какъ рисунки самые простые могутъ объяснить больше самыхъ сложныхъ описаній. Въ предисловіи авторъ пишетъ: „Если предлагаемый учебникъ будетъ одобренъ лицами, компетентными въ дѣлѣ преподаванія, то мною будетъ изданъ атласъ рисунковъ, необходимыхъ для полнаго уясненія текста" (стр. III). При нынѣшней дешевизнѣ этого дѣла, лучше было бы, однако, помѣстить рисунки въ текстѣ, такъ какъ это великое удобство для учащихся.

Языкъ учебника г. Цабеля отличается сжатостію и точностію, свойствами, привычными для натуралистовъ, и, разумѣется, составляющими большое достоинство въ учебникѣ. Къ сожалѣнію, встрѣчаются неправильности, не важныя, но все же не желательныя въ учебникѣ. Напримѣръ:

„То(,)что у дикорастущихъ породъ вызывается продолжительными и сильными морозами, человѣкъ достигаетъ иногда искуственно" (стр. 2, 3).

„Если насыпать на войлокъ сѣмена, то черезъ нѣсколько дней у насъ будетъ вся постройка обросшая зеленью" (стр. 3).

Авторъ употребляетъ слова: отмирать вмѣсто умирать, выполнять вмѣсто наполнять, наслойный вмѣсто слоистый и т. д Слово отмирать есть, конечно, переводъ нѣмецкаго absterben, какъ выполнять есть переводъ ausfüllen. Между тѣмъ глагола „отмирать"

по русски не существуетъ, а глаголъ „выполнять“ существуетъ, но имѣетъ не то значеніе, именно есть синонимъ слова исполнять.

Неправильно также склоненіе слова кочень на страницахъ 30 и 31; формы: кочна, кочны, кочнами не существуютъ.

Всѣ такія неправильности, однако же, легко исправимы и не могутъ быть помѣхою при обученіи. Сюда же должно отнести опечатки, хотя нерѣдко встрѣчающіяся, но относящіяся къ буквеннымъ, и потому не искажающія смысла.

Учебникъ минералогіи. Вѣнскаго профессора *Г. Чермака*. Часть общая. Переводъ и изданіе адъюнкта горнаго института горнаго инженера *Г. Лебедева*. С.-Пб. 1884. 379 стр. Цѣна 3 р. 50 к.

Книга Чермака есть одна изъ тѣхъ удивительныхъ компиляцій, которыя появляются только въ Германіи и представляютъ изложеніе предмета не только всестороннее и заключающее въ себѣ самыя послѣднія изслѣдованія, но и доведенное до самаго отчетливаго и сжатаго вида. Не удивительно поэтому, что переводъ книги Чермака изданъ съ пособіемъ отъ горнаго ученаго комитета, на предварительное одобреніе котораго былъ представляемъ. Переводчикъ объясняетъ, что къ своему труду онъ былъ побужденъ „совершеннымъ недостаткомъ руководствъ по минералогіи на русскомъ языкѣ для высшихъ учебныхъ заведеній“. Переводъ заключаетъ однако одно существенное отступленіе отъ подлинника: вмѣсто системы, которой держался Чермакъ, введена система американскаго минералога Дэна, на томъ основаніи, что по этой системѣ излагается курсъ минералогіи въ горномъ институтѣ, и что по ней расположены минеральныя коллекціи его музеевъ.

Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что переводъ сдѣланъ съ очевиднымъ знаніемъ дѣла, хотя и можетъ дать поводъ къ мелкимъ стилистическимъ замѣчаніямъ. Есть изрѣдка и другія неисправности, опечатки, недостатокъ буквъ въ рисункахъ, и т. п. Но эти мелочи не могутъ умалить существенной пользы книги.

Руководство къ методическому обученію неорганической химіи Д-ра *Ф. Вилбранда*. Перевелъ съ 4-го нѣмецкаго изданія *Д. Елисафовъ*. Преподаватель химіи и химической технологіи Петровскаго Ростовскаго - на Дону—реальнаго училища. Съ 58 рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ. 1884. VIII+232 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Книга г. Вилбранда весьма значительно отличается отъ другихъ учебниковъ химіи, въ особенности употребляемыхъ у насъ, отличается

какъ по распредѣленію матеріала, такъ въ особенности по крайне своеобразному методу изложенія. Для характеристики послѣдняго позволимъ себѣ выписать часть предисловія, въ которомъ авторъ пишетъ (выписываемъ переводъ г. Елисафова, измѣнивъ одну фразу, см. ниже): „Если только цѣль преподаванія химіи—содѣйствовать всестороннему развитію и образованію духовной жизни ученика, то оно должно быть разчитано, по возможности, на умственное сотрудничество послѣдняго. Недостаточно сообщить извѣстное количество систематически расположенныхъ фактовъ, необходимо еще методическое развитіе даннаго матеріала. Всего лучше, по моему мнѣнію, идти съ учениками по тому пути, какой вообще избираютъ при химическихъ изслѣдованіяхъ, именно: исходя отъ какого-нибудь опредѣленнаго явленія, изслѣдуютъ по возможности всѣ окружающія условія, составляютъ то или другое воззрѣніе на причину этого явленія и затѣмъ провѣряютъ его всестороннимъ примѣненіемъ правилъ и пособій индуктивнаго изслѣдованія, при чемъ составленный взглядъ или отбрасывается, или видоизмѣняется, или же развивается дальше. При изслѣдованіи должно исходить отъ общеизвѣстнаго; въ изложеніи ни одинъ опытъ не долженъ являться чѣмъ-то не ожиданнымъ, а напротивъ долженъ вытекать какъ необходимое слѣдствіе разъ принятой точки зрѣнія (?), способствуя такимъ образомъ разрѣшенію какого-нибудь сомнѣнія, составленію новаго взгляда, расширенію нашихъ знаній о веществѣ или явленіи...

„Въ попыткахъ объяснить явленія должны быть допущены и промахи... Главная цѣль, къ которой я стремился,—это представить въ нѣкоторомъ родѣ *пособіе къ индуктивному мышленію, познакомить съ методами и средствами опытнаго изслѣдованія, съ условіями вѣрности, прочности индуктивныхъ выводовъ, съ важнѣйшими источниками ошибокъ, пріучить къ тщательной осмотрительности при наблюденіяхъ и крайней осторожности при выработкѣ собственнаго воззрѣнія или принятія чужаго*. Если удастся достигнуть этой цѣли, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что преподаваніе химіи займетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ ряду образовательныхъ средствъ.

„Вслѣдствіе принятаго въ этомъ руководствѣ аналитическаго метода, нѣкоторыя соединенія одного и того же элемента приходилось разсматривать отдѣльно, не въ связи; отъ этого страдаетъ цѣльность въ распредѣленіи матеріала. Въ виду этого я счелъ необходимымъ расположить матеріалъ въ систематическомъ порядкѣ во второмъ курсѣ

и здѣсь съ одной стороны кое-что добавить, съ другой—привести дальнѣйшія данныя къ указаннымъ въ первомъ курсѣ гипотезамъ. Второй курсъ служитъ такимъ образомъ повторительнымъ и требуетъ значительно меньше времени, нежели первый".

Въ этихъ словахъ автора съ достаточною ясностью высказана основная мысль, руководившая имъ при составленіи учебника. Строгая послѣдовательность въ фактахъ, которые не сообщаются въ видѣ готоваго матеріала, а на глазахъ учащихся мало по малу выростаютъ, какъ единственно возможныя слѣдствія, различно подобранныхъ и тщательно изслѣдованныхъ опытовъ,—и самостоятельная умственная работа учащихся—вотъ цѣль автора. Интересно сопоставить все это со сказаннымъ въ учебныхъ планахъ предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, а именно: „При преподаваніи (химіи) необходимо соблюдать пріемъ постепеннаго ознакомленія учениковъ съ новымъ для него рядомъ понятій и явленій; въ основѣ преподаванія долженъ лежать опытъ, а изъ опытовъ надлежитъ постепенно выводить важнѣйшія положенія науки. При опытахъ слѣдуетъ обращать вниманіе учениковъ главнымъ образомъ, на явленія и пріучать изъ наблюденныхъ явленій дѣлать соотвѣтственные выводы".

Цѣль, которую поставилъ себѣ авторъ, достигнута имъ вполнѣ; въ его книгѣ находимъ дѣйствительное осуществленіе тѣхъ мыслей, дѣйствительно строго проведена та система, удержанъ тотъ путь, на которые онъ указываетъ въ предисловіи. Вотъ способъ, которымъ онъ пользовался при этомъ.

Въ первомъ изъ двухъ курсовъ, на которые раздѣлена книга, изслѣдованъ рядъ тѣлъ, большею частью встрѣчаемыхъ въ природѣ, а именно: воздухъ, вода, сѣра, купоросное масло, поваренная соль, уголь, известняки, селитра, поташъ и сода, роговая соль, англійская соль, фосфоръ, желѣзный купоросъ, пиролюзитъ, песокъ и глина. Надъ каждымъ изъ этихъ тѣлъ сперва производится одинъ опытъ; отыскиваются возможныя объясненія непосредственно наблюдаемаго результата, и затѣмъ, путемъ дальнѣйшихъ опытовъ и различныхъ умозаключеній, пользуясь, конечно, уже раньше добытыми выводами, опредѣляется, на которомъ изъ возможныхъ объясненій слѣдуетъ остановиться. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ невѣрная гипотеза, почему-либо сначала представляющаяся особенно правдоподобною, удерживается довольно долго. Такимъ путемъ, шагъ за шагомъ, истина не преподносится, какъ нѣчто готовое, но выводится изъ опытовъ, уве-

личивается число фактовъ, обнаруживаются законы, расширяется кругозоръ учащихся. Къ этому слѣдуетъ прибавить большое число задачъ, отчасти довольно трудныхъ, рѣшеніе которыхъ требуетъ много самостоятельной работы, для которой, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи, „ученики должны охватить весь запасъ своихъ свѣдѣній и пустить его въ оборотъ".

Второй курсъ (стр. 129—226) содержитъ въ себѣ въ обычной формѣ систематическое изложеніе фактовъ.

Обращаясь къ замѣченнымъ нами промахамъ, остановимся сперва на тѣхъ изъ нихъ, которые, находясь въ оригиналѣ, безъ измѣненій перешли въ русскій переводъ.

Начнемъ съ указанія на нѣкоторыя мелочи.

На стр. 100 читаемъ:

Рѣшить слѣдующія уравненія:

а. $FeO+O$

б. $FeSO^4+O$ и такъ далѣе.

Очевидно, что неудобно назвать уравненіемъ такой символически выраженный вопросъ. Подобное же встрѣчается и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

На стр. 132 читаемъ: „Хлоръ, бромъ, іодъ и фторъ соединяются съ равнымъ объемомъ водорода". Учащійся можетъ легко подумать, что это относится къ брому и іоду, когда они находятся въ жидкомъ или твердомъ состояніи.

На стр. 214 и 216 даны формулы никкелеваго и кобальтоваго блесковъ $NiAsS$ и $CoAsS$ вмѣсто NiS^2NiAs^2 и CoS^2CoAs^2.

Подробнѣе остановимся на единственномъ промахѣ, который намъ кажется болѣе существеннымъ: это — крайняя непослѣдовательность въ употребленіи названія „кислота". Кислоты, какъ извѣстно, характеризуются содержаніемъ водорода, способнаго замѣщаться металломъ или сложнымъ металлоподобнымъ радикаломъ. Высшіе окислы, представляющіе ангидриды кислотъ, кислотами ни въ какомъ случаѣ называться не должны. Только для одного углекислаго газа существуетъ нѣкоторый поводъ сохранить названіе „углекислота", потому что оно сдѣлалось общеупотребительнымъ. Въ разсматриваемомъ учебникѣ, въ огромномъ числѣ мѣстъ, ангидриды названы кислотами, и вообще въ этой части номенклатуры замѣтно такое колебаніе, что выработка правильнаго взгляда на кислоту должна для ученика крайне

затрудниться. Сказанное относится въ особенности къ сѣрнистому газу SO^2 и къ углекислому CO^2.

На стр. 18 впервые ученики знакомятся съ SO^2 и здѣсь это соединеніе, безо всякой необходимости, названо „сѣрнистою кислотою". Тамъ же сказано, что она состоитъ изъ сѣры и кислорода; а дальше ученики узнаютъ, что кислота должна содержать водородъ! Названіе „сѣрнистая кислота" повторяется въ весьма многихъ мѣстахъ (стр. 22, 30, 36, 37 и т. д.). Интересно, что въ двухъ мѣстахъ (стр. 22 и 30) переводчикъ назвалъ это соединеніе сѣрнистымъ газомъ, хотя на тѣхъ же страницахъ попадается и названіе „сѣрнистая кислота". Во второй части, стр. 146—147, SO^2 правильно названъ только сѣрнистымъ ангидридомъ и сѣрнистымъ газомъ.

Въ „Основахъ Химіи" Д. И. Менделѣева употреблены эти же два названія; въ учебникѣ химіи Роско (переводъ Густавсона) SO^2 названъ сѣрнистымъ ангидридомъ и двуокисью сѣры; въ химіи г. С. Ковалевскаго—сѣрнистымъ ангидридомъ.

Углекислый газъ, CO^2, упоминается впервые на стр. 61 подъ названіемъ „угольной кислоты"! Это же названіе повторяется на стр. 69 и многихъ другихъ. На стр. 79 читаемъ: „Вправѣ ли мы соединеніе CO^2 называть угольною кислотою?"—„Соединеніе CO^2 не есть, слѣдовательно, настоящая кислота"... „Во всякомъ случаѣ правильнѣе соединеніе, названное угольною кислотою, разсматривать какъ безводную угольную кислоту или какъ ангидридъ угольной кислоты". Очевидно, что это не только „правильнѣе", но абсолютно необходимо. И однако на этотъ разъ и во второмъ курсѣ (стр. 173) сохранено названіе „угольная кислота" для вещества, не обладающаго ни однимъ изъ характеристическихъ свойствъ кислоты. Въ „Основахъ Химіи", въ текстѣ, употребляется только названіе „углекислый газъ", но въ надписяхъ, помѣщенныхъ на каждой страницѣ, находимъ названіе „углекислота", которое, какъ вошедшее во всеобщее употребленіе, съ оговоркою могло бы быть допущено. Угольною же кислотою въ „Основахъ Химіи" названъ только гипотетическій гидратъ. Въ Химіи Роско CO^2 названъ двуокисью углерода и углекислымъ газомъ; въ Химіи г. Ковалевскаго—углекислотою.

Сказанное о сѣрнистомъ и углекисломъ газахъ относится еще къ цѣлому ряду соединеній, неправильно названныхъ кислотами, что нерѣдко приводитъ къ явнымъ противорѣчіямъ.

На стр. 108, 110 и другихъ кремнеземъ SiO^2 названъ кремневою

кислотой, и мы читаемъ: „песокъ разсматривается какъ ангидридъ кремневой кислоты"; а нѣсколько дальше: „кремневая кислота встрѣчается въ природѣ... какъ песокъ"... Та же путаница повторяется и во второмъ курсѣ на стр. 178. На стр. 167 соединенie As^2O^3 названо мышьяковистою кислотою, „ангидридъ" поставлено въ скобкахъ; на стр. 169 на оборотъ Sb^2O^3 названо окисью сурьмы, а въ скобкахъ помѣщено невѣрное названie „сурьмянистая кислота".

На стр. 170 Bi^2O^5 безо всякихъ оговорокъ названа висмутовою кислотою, на стр. 179 SnO^2—оловянною кислотою и т. д. и т. д.

Неустойчивость въ опредѣленiяхъ кислотъ отражается и на опредѣленiяхъ другихъ соединенiй, главнымъ образомъ солей.

На стр. 71 читаемъ: „Соединенie сѣрной кислоты съ известью, сѣрноизвестковая соль".... Сѣрная кислота и известь даютъ сѣрноизвестковую соль и воду. Подобное же см. и на стр. 77.

Нѣкоторое колебанie замѣчается и въ названiяхъ солей: иногда употреблены старыя, давно всѣми оставленныя названiя.

Обращаемся къ переводу г. Елисафова, содержащему въ себѣ, къ сожалѣнiю, нѣсколько неточностей и промаховъ, которыхъ при болѣе тщательномъ редактированiи легко было бы избѣгнуть. Единственное, почти, отступленie отъ оригинала нельзя признать удачнымъ: пропущены заглавiя надъ отдѣльными параграфами перваго курса.

Приведемъ нѣсколько образчиковъ неудачно переведенныхъ мѣстъ.

Важнѣйшую фразу въ предисловiи, profession de foi автора, „Fehlgriffe in der Hypothese duerfen nicht erspart bleiben" (мы выше перевели ее словами: „въ попыткахъ объяснить явленiя должны быть допущены и промахи") г. Елисафовъ переводитъ такъ: „Слабыя мѣста, промахи въ гипотезахъ, скрывать не слѣдуетъ".

На стр. 8 читаемъ: „Свойства соединенiя ни въ какомъ случаѣ не представляютъ средины въ сравненiи со свойствами составляющихъ его частей"... Въ оригиналѣ значится „keineswegs", чтò не тожественно съ „niemals". На стр. 12 описанъ опытъ достиженiя наибольшей плотности воды въ такомъ видѣ, какъ онъ произойдти не можетъ. Въ расширяющейся стеклянной оболочкѣ эта плотность не достигается при 4°, какъ сказано въ переводѣ. Въ оригиналѣ читаемъ „etwa 4°".

На стр. 14 три раза повторяется, что „1000 сен." газа вѣсятъ

столько то. Должно быть „1000 куб. сен.“. Въ оригиналѣ вѣрно ccm.

На стр. 21 говорится, что въ присутствіи металла выдѣленіе кислорода „невозможно“; въ оригиналѣ гораздо лучше: „невѣроятно“ (unwahrscheinlich).

На стр. 99 сказано, что окись азота растворима въ желѣзномъ купоросѣ, и подобное на стр. 150: „сѣрноватисто-натровая соль... растворястъ хлористое серебро“.

На стр. 119—121 помѣщенъ списокъ элементовъ, ихъ знаковъ и атомныхъ вѣсовъ. Въ оригиналѣ они распредѣлены по алфавиту (стр. 122); переводчикъ не потрудился сдѣлать перестановку, вслѣдствіе чего является такой порядокъ: алюминій, сурьма, мышьякъ, барій, бериллій, свинецъ и т. д., и теряется всякая возможность быстро отыскать требуемый элементъ. Далѣе сказано, что весьма рѣдкіе элементы напечатаны мелкимъ шрифтомъ. Оказывается, что свинецъ, олово, цинкъ, мѣдь, ртуть, серебро, золото, никкель, іодъ принадлежатъ къ весьма рѣдкимъ веществамъ. Это произошло отъ того, что въ оригиналѣ три шрифта и названія весьма рѣдкихъ веществъ (церъ, дидимъ, ніобій, танталъ, торій, ванадій, цирконій и т. под.) напечатаны наиболѣе мелкимъ шрифтомъ.

На стр. 139 сказано, что кислородъ образуетъ почти $1/2$ всей „земной поверхности“; въ оригиналѣ: „der gesammten festen Erdmasse“.

На стр. 142: „Вода есть всеобщій растворитель“; можно подумать, что въ ней всѣ вещества растворяются. Въ оригиналѣ: „das allgemeinste Loesungsmittel“.

На стр. 214 и переводчикъ, неизвѣстно почему, пропустилъ въ спискѣ рудъ никкеля волосистый колчеданъ.

Списокъ неудачно переведенныхъ мѣстъ можно было бы еще значительно увеличить.

Промаховъ чисто редакторскихъ также не мало.

На стр. 11 читаемъ: „По вкусу и по растворимости въ ней мыла оказывается мягкой“.

На стр. 12: „Ледъ плаваетъ по водѣ, удѣльный вѣсъ его меньше (чего?)...“

На стр. 22: „По раствореніи, металлъ является въ видѣ мѣднаго, желѣзнаго и цинковаго купороса“ и подобное во многихъ мѣстахъ.

На стр. 29 читаемъ: „Спрашивается, есть ли возможность, на основаніи принятаго воззрѣнія, объяснить безъ натяжки этотъ процессъ, находящійся, по видимому, въ совершенномъ противорѣчіи" (съ чѣмъ?).

Хотя списокъ опечатокъ приложенъ къ книгѣ, однако нѣкоторыя важныя въ него не вошли.

На стр. 66 напечатано, что петролеумъ состоитъ изъ водорода и кислорода (должно быть: углерода).

На стр. 94 напечатано: „см. VIII, 2" вмѣсто: „см. VIII, 12".

На стр. 109: „ангидриду" вмѣсто: „гидрату".

На стр. 129: „лучшіе изученные" вмѣсто: „наилучше изученные".

На стр. 142 пропущено слово „кислоты", и то же самое повторяется на стр. 145.

Во второмъ курсѣ элементы распредѣлены на группы, соотвѣтствующія, хотя къ сожалѣнію не вполнѣ, системѣ Д. И. Менделѣева имя котораго ни разу не упоминается въ книгѣ. О системѣ Д. И Менделѣева также не упомянуто, что для русской книги не можетъ не считаться крупнѣйшимъ недостаткомъ.

На основанія „Учебныхъ плановъ" слѣдуетъ въ концѣ учебнаго курса въ VI классѣ удѣлить 15—20 уроковъ на ознакомленіе съ органическими веществами. Въ руководство Вильбранда органическая химія вовсе не входитъ.

Книга Вильбранда обладаетъ совершенно исключительными, прекрасными качествами, и нельзя не пожелать, чтобъ его методъ преподаванія химіи, хотя бы въ видѣ опыта, былъ введенъ и у насъ.

Сборникъ игръ и занятій для семьи и школы. Составилъ *Вал. Висковатовъ*. Изданіе второе, исправленное и дополненное статьей о собираніи минераловъ. Съ 345 рисунками въ печати. С.-Пб. 1884. XIV+657 стр. Цѣна 3 руб.

Большая часть этой книги посвящена такимъ играмъ и занятіямъ, которыя имѣютъ связь съ изученіемъ природы. Сюда относятся первые два отдѣла, занимающіе 390 страницъ; но кромѣ того, въ концѣ (стр. 631 — 657) есть еще статья, не вошедшая въ общее подраздѣленіе и почему-то не попавшая даже въ оглавленіе; она озаглавлена Собираніе минераловъ и дѣйствительно была необходима, чтобы пополнить кругъ занятій по естественной исторіи, распространить

его на минеральное царство, на которое въ первомъ и второмъ отдѣлѣ было обращено недостаточно вниманія.

Первый отдѣлъ (стр. 1 — 247), подъ заглавіемъ: занятія естественно-историческія, содержитъ въ себѣ статьи: маленькій садовникъ; уходъ за комнатными растеніями; собираніе растеній; прирученіе птицъ; уходъ за птицами; собираніе насѣкомыхъ и т. п. Второй отдѣлъ (стр. 274 — 390), подъ заглавіемъ физическія и химическія забавы содержитъ въ себѣ описаніе маленькихъ механическихъ, электрическихъ и магнитныхъ опытовъ, а также наставленіе, какъ добывать кристаллы.

При этомъ богатствѣ содержанія, книга представляетъ и довольно удовлетворительное изложеніе, простое, ясное и грамотное, безъ грубыхъ научныхъ промаховъ. Легкіе недостатки, конечно, попадаются, но такъ какъ это не учебникъ, то къ нимъ нельзя относиться съ большою строгостью. Какъ примѣры неисправностей, можно привести рисунки на стр. 293 и 310. На первомъ изображенъ извѣстный опытъ съ ведромъ, повѣшеннымъ на палку, другой конецъ которой лежитъ на столѣ. Вопервыхъ, опытъ здѣсь напрасно усложненъ другою палкою; вовторыхъ, онъ всего поразительнѣе, когда палка не лежитъ на столѣ, а удерживается на краю его однимъ треніемъ. Къ рисунку на стр. 310 самъ составитель дѣлаетъ примѣчаніе въ выноскѣ, что этотъ рисунокъ не совсѣмъ вѣренъ.

Описаніе опытовъ и приборовъ всегда дѣло трудное, даже очень трудное, если задаться требованіемъ полной точности. Поэтому мы не будемъ останавливаться на неудовлетворительности описаній, которую легко найдти не только въ разбираемой книгѣ, но и въ лучшихъ курсахъ физики.

Гораздо важнѣе указать на неправильность нѣкоторыхъ общихъ мыслей; ея можно легко избѣжать, такъ какъ эти мысли безъ всякаго ущерба могутъ быть опущены.

На стр. 248 говорится:

„Когда людямъ бываетъ холодно, они все тѣснѣе и тѣснѣе прижимаются другъ къ другу. Въ толпѣ же, напротивъ того, они стараются быть подальше другъ отъ друга. Имъ душно, они требуютъ больше мѣста. То же самое бываетъ и съ отдѣльными частицами воздуха: въ теплѣ воздухъ расширяется, частицы его отдаляются другъ отъ друга" (стр. 248). Такія вещи нельзя говорить серьез-

нымъ тономъ; только въ шутку можно позволить себѣ такое смѣшеніе понятій.

Нельзя одобрить и слѣдующихъ соображеній:

„Въ твердой земной корѣ, подобно тому какъ и въ мірѣ растеній и животныхъ, совершается своя особая жизнь".

„Какъ на растеніяхъ образуются цвѣты и плоды, постепенно измѣняясь, какъ растенія и животныя постепенно увеличиваются въ объемѣ, растутъ; такъ точно въ горахъ и ущельяхъ, скалахъ и пещерахъ постепенно образуются, растутъ и видоизмѣняются минералы, съ тою только разницею, что растеніямъ и животнымъ на это нужно недѣли, мѣсяцы и годы, а минераламъ цѣлыя столѣтія" (стр. 631, 632).

Такое представленіе какой-то минеральной жизни совершенно невѣрно, совершенно противорѣчитъ существенному различію, существующему между живою и мертвою природою, міромъ органическимъ и неорганическимъ. Въ прошломъ столѣтіи Линней пустилъ въ ходъ краткую формулу: Lapides crescunt, vegetabilia crescunt et vivunt, animalia crescunt, vivunt et sentiunt, и долго держалось мнѣніе, что камни незамѣтно растутъ. Но теперь общія понятія о естественныхъ тѣлахъ установились иначе и утвердились незыблемо, хотя, какъ и всѣ очень отвлеченныя понятія, въ умахъ большинства имѣютъ очень неясный и неточный смыслъ. Нѣтъ въ природѣ различія болѣе важнаго и глубокаго, какъ различіе между организмами и мертвыми тѣлами. Минералы не растутъ и не развиваются; они существуютъ въ земной корѣ уже образовавшіеся, готовые, и непрерывное ихъ измѣненіе одно — разрушеніе.

Но повторяемъ, къ книгѣ, которую мы разбираемъ, нѣтъ надобности прилагать слишкомъ строгія требованія. Между тѣмъ она въ другихъ отношеніяхъ можетъ быть и очень пріятна, и очень полезна для учащихся.

Играмъ посвященъ третій отдѣлъ „Сборника". Сюда вошли прежде всего гимнастическія несложныя упражненія; затѣмъ слѣдуютъ игры подвижныя безъ орудій, въ числѣ 34; игры въ прятки, жмурки и игры въ сумеркахъ, въ числѣ 25; игры въ мячъ—15; игры палками, деревяшками, метанье и бросанье въ цѣль и пр.—17; игры шариками — 11; игры камешками, кружками и пр. — 5; игры шарами—4; катанье на конькахъ; купанье и плаваніе; игры домашнія, въ числѣ 6; игры въ шашки и шахматы — 7. Всего рекомендо-

вано до 128 игръ. Русскія, распространенныя игры вошли въ книгу, но едва ли не большее мѣсто занимаютъ игры иностранныя, особенно нѣмецкія. Эти послѣднія взяты, очевидно, изъ книги Вагнера „Illustrirtes Spielbuch für Knaben", весьма распространенной у нѣмцевъ, ибо уже существуетъ 8-е изданіе. Во всякомъ случаѣ всѣ игры болѣе или менѣе удобопримѣнимы, занимательны, а объясненіе употребленія ихъ изложено понятно; въ нѣкоторыхъ случаяхъ словесное объясненіе дополняется соотвѣтствующими ясными рисунками; такъ, къ гимнастическимъ упражненіямъ приложено 20 рисунковъ, къ играмъ домашнимъ—13 р.; къ играмъ въ шашки и въ шахматы—4. Сверхъ того, дано 15 шахматныхъ задачъ съ рѣшеніями.

Въ концѣ книги помѣщены задачи, числомъ 69, разчитанныя на возбужденіе остроумія въ ученикахъ. Задачи эти ариѳметическія и геометрическія, въ родѣ слѣдующихъ: Задача 27—„Летѣло стадо гусей одинъ гусь впереди и два назади, одинъ назади, два впереди, одинъ между двумя и три въ рядъ. Сколько ихъ было?"—Зад. 40—„Нѣкто купилъ себѣ участокъ земли, образующій квадратъ. Себѣ онъ взялъ четвертую часть, а остальное отдалъ своимъ четыремъ сыновьямъ съ тѣмъ, чтобъ они раздѣлили его по-ровну. Какъ произвести имъ это дѣленіе?"—Къ геометрическимъ задачамъ приложены соотвѣтствующіе рисунки. Нѣкоторыя изъ такихъ задачъ, особенно геометрическихъ, находятся въ вышеупомянутой нѣмецкой книгѣ подъ заглавіемъ: „Belustigungen aus der Rechenkunst und Formenlehre". На всѣ задачи приложены отвѣты. Этотъ отдѣлъ имѣетъ одинаковыя съ предшествующимъ достоинства.

П. Костычевъ. Общедоступное руководство къ земледѣлію. С.-Пб. 1884. Въ 8-ку 220 стр., съ политипажами въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе книги г. Костычева слѣдующее: 1-й отдѣлъ—Жизнь растеній; 2-й отдѣлъ—О свойствахъ и распознаваніи почвъ; 3-й отдѣлъ—Обработка почвъ; 4-й отдѣлъ—Объ удобреніи почвъ; 5-й отдѣлъ—Разведеніе растеній.

Что касается до плана и содержанія книги вообще, то слѣдуетъ замѣтить, что распредѣленіе въ ней предметовъ изложенія, какъ это явствуетъ изъ вышеприведеннаго перечисленія отдѣловъ ея, мало разнится отъ общепринятыхъ дѣленій, напримѣръ, въ сочиненіи Ад. Майера о земледѣльческой химіи или въ извѣстной книгѣ Розенберга-Липинскаго о практическомъ земледѣліи. Однако же

нельзя не обратить вниманія на то, что г. Костычевъ, желая сообщить необходимыя для земледѣльца понятія о естественныхъ наукахъ, ограничился при этомъ почти исключительно однимъ разсмотрѣніемъ жизни растенія и свойствъ почвъ, упустивъ изъ виду столь важное для сельскаго хозяина понятіе объ образованіи почвъ посредствомъ вывѣтриванія и пр. Вообще замѣчается не мало подобныхъ опущеній. Такъ, напримѣръ,—чтобы остановиться на нѣкоторыхъ частностяхъ, — г. Костычевъ, говоря (на стр. 180) о пользѣ удобренія известью, не упоминаетъ о важномъ практическомъ значеніи его для уничтоженія „кислаго гумуса", то-есть, для скорѣйшаго превращенія этого вреднаго для растительности вещества въ углекислоту. На стр. 218 не разъясняется, въ какихъ случаяхъ выгоднѣе косить хлѣбъ, и когда выгоднѣе жать его серпомъ и т. д.

Что же касается до правильности или точности въ изложеніи, то приведемъ нѣсколько примѣровъ погрѣшностей противъ того и другаго требованія. На стр. 3 заявляется, что изъ долголѣтняго опыта сельскихъ хозяевъ „составился рядъ правилъ о томъ, какъ надо обращаться съ землею, чтобы она давала урожаи какъ можно лучше. Собраніе такихъ правилъ составляетъ науку о земледѣліи". Никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что наука о земледѣліи не представляетъ ничего другаго, какъ одно лишь собраніе такихъ правилъ. Въ параллель съ подобнымъ узкимъ и неправильнымъ взглядомъ на науку о земледѣліи, можно было бы, пожалуй, съ полнымъ правомъ назвать медицину наукою, состоящею изъ одного лишь собранія рецептовъ!

На стр. 46 и слѣдующихъ г. Костычевъ говоритъ о такъ-называемомъ питательномъ пескѣ, въ который превращаются растворенныя въ водѣ вещества; самое же превращеніе называетъ поглощеніемъ, а способность къ тому почвы — поглотительною ея способностью. Извѣстно, что споръ объ этой послѣдней способности почвы велся въ теченіе долгаго времени съ ожесточеніемъ, и что, преимущественно, благодаря авторитету Либиха, поглощеніе почвою питательныхъ для растенія веществъ долго считалось механическимъ процессомъ, между тѣмъ какъ нынѣ признается, что тутъ проявляется главнѣйшимъ образомъ химическое дѣйствіе. Относительно же предполагаемаго питательнаго песка, о которомъ говоритъ неоднократно г. Костычевъ, слѣдуетъ замѣтить,

что избранное для него названіе нельзя признать удачнымъ, такъ какъ мало подготовленный читатель невольно соединитъ съ нимъ понятіе объ обыкновенномъ пескѣ.

Говоря (на стр. 165—166) о зеленомъ удобреніи, то-есть, о запахиваніи въ землю нарочно для того посѣянной травы, г. Костычевъ отсовѣтываетъ его употребленіе, при чемъ не упоминаетъ о важнѣйшей выгодѣ онаго, состоящей въ томъ, что для зеленаго удобренія сѣются преимущественно растенія съ глубокими корнями, черпающими пищу изъ подпочвы, вслѣдствіе чего почва обогащается такими питательными веществами, которыя иначе пропадали бы даромъ. Между тѣмъ г. Костычевъ, въ другомъ мѣстѣ (на стр. 189), въ числѣ выгодъ, доставляемыхъ плодосмѣннымъ хозяйствомъ, называетъ и воздѣлываніе такихъ кормовыхъ травъ (какъ, напримѣръ, люцерны), которыя отличаются своими глубоко уходящими въ землю корнями, берущими пищу отчасти изъ подпочвы.

Неточности въ выраженіи въ разбираемой книгѣ довольно многочисленны.

На стр. 11 сказано, что по отцвѣтаніи цвѣтка завязываются сѣмена; слѣдуетъ сказать — плоды. Вслѣдъ затѣмъ значится: „Наши сельскохозяйственныя растенія, принесши спѣлыя сѣмена, умираютъ". Это дѣйствительно случается съ большинствомъ полевыхъ растеній; однако же изъ этого изъяты многолѣтнія растенія, приносящія сѣмена нѣсколько лѣтъ сряду.

На стр. 31 сказано, что въ стручья и зерна собирается все, что прежде было въ стебляхъ и листьяхъ. Это, конечно, не совсѣмъ точно.

На слѣдующей страницѣ говорится о поляхъ, оставляемыхъ въ залежь или залогъ. Вмѣсто послѣдняго слова чаще употребляется перелогъ.

На стр. 38 значится: „мѣлъ или известнякъ". Это не одно и то же.

На стр. 154 значится, что отъ разныхъ домашнихъ животныхъ, вмѣстѣ взятыхъ, изъ 10 пудовъ корма (безъ воды) получается 23 пуда навоза. Слѣдовало бы сказать: изъ 10 пудовъ корма и подстилки.

На стр. 167 говорится о хозяинѣ, „который нанимаетъ лугà на скосъ, и потомъ навозъ, полученный изъ чужаго сѣна, вывозитъ на свои поля". Правильнѣе было бы сказать, что навозъ, въ такомъ случаѣ, получается съ чужой земли, а не изъ чужаго сѣна. Коль скоро

хозяинъ нанялъ лугъ на скосъ, то сѣно, съ него получаемое, не чужое, а составляетъ его собственность.

На стр. 174 значится, что костяныя удобренія приготовляются, между прочимъ, изъ особенныхъ камней—фосфоритовъ. Это, конечно, не точно.

На стр. 184 сказано: „Если вывозить на поля одну торфяную или болотную землю, то нужно ея до 10 куб. саженъ". Слѣдовало прибавить — на десятину.

На стр. 189 сказано: „Послѣ кормовыхъ травъ земля остается почти въ такомъ состояніи, какъ будто ее удобряли навозомъ; вся разница состоитъ въ томъ только, что навозъ въ землѣ быстрѣе перепрѣваетъ..." Это не совсѣмъ такъ; между перегнивающими корнями кормовыхъ травъ и соломою, вошедшею въ навозъ, есть еще разница въ составѣ веществъ.

На стр. 197 говорится о томъ, что на земляхъ не бѣдныхъ надо сѣять больше, а вслѣдъ затѣмъ сказано, что если земля очень богата, то слѣдуетъ сѣять порѣже. Здѣсь замѣчается явное противорѣчіе.

На стр. 217 сказано, что у корнеплодныхъ растеній „въ клубни и корни осенью собирается все, что есть полезнаго въ стебляхъ и листьяхъ". Это не такъ: часть означенныхъ полезныхъ веществъ поступаетъ въ сѣмена.

На стр. 218 значится, что при косьбѣ травы или хлѣбныхъ растеній работаютъ при помощи серповъ или косъ. Однако же снятіе хлѣба серпомъ никогда не называется косьбою.

Можно упомянуть еще о нѣкоторыхъ неловкостяхъ въ выраженіи и шероховатостяхъ въ слогѣ.

Такъ, напримѣръ, на стр. 13 значится: „Въ каждомъ сѣмени мы всегда найдемъ однѣ и тѣ же особенности". Какія же могутъ быть особенности, когда онѣ постоянно однѣ и тѣ же и встрѣчаются всегда и въ каждомъ сѣмени?

На стр. 27 и 200, вмѣсто тихо и тише, слѣдуетъ сказать: медленно и медленнѣе.

На стр. 29—30 говорится о мужскомъ и женскомъ началѣ цвѣтка. Такое выраженіе положительно не можетъ быть допущено въ общедоступномъ руководствѣ.

На стр. 61—62 двукратное употребленіе словъ „кромѣ того" очень не умѣстно.

На стр. 116 значится: „Оставляя землю въ покоѣ, хозяинъ дѣлаетъ похоже на то, какъ если бы онъ усталой отъ работы лошади давалъ только отдыхать, не кормивши ее".

На стр. 133: „Увеличивать количество пищи для растеній въ землѣ можетъ не одинъ только навозъ, а вообще все, чтò дѣлается изъ растеній".

На стр. 214 отличается своимъ особенно плохимъ слогомъ предложеніе, отъ словъ: „При такомъ переходѣ" до словъ: „пропадаютъ безъ пользы".

Такія замѣчанія могутъ казаться мелочными; однако же нельзя не признать, что чѣмъ популярнѣе книга, тѣмъ правильнѣе и яснѣе долженъ быть ея слогъ. Но г. Костычевъ слишкомъ часто грѣшитъ противъ этого.

Нѣкоторыя фразы поражаютъ читателя своею наивностью. Такъ, напримѣръ, на стр. 193 сказано: „Для посѣва какого бы то ни было хозяйственнаго растенія нужна такая подготовка земли, какая для этого растенія всего лучше".

Наконецъ, остается замѣтить, что въ книгѣ г. Костычева встрѣчается очень много опечатокъ, иногда искажающихъ смыслъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 35, вмѣсто словъ „по виду", должно быть „по вкусу"; на стр. 41: съ, вмѣсто ея; на стр. 56: должно быть примѣшаны, вмѣсто примѣнимы; на стр. 97 должно быть на новяхъ, вмѣсто на поляхъ. Особенно много опечатокъ замѣчается на стр. 40, 63, 92, 173 и 189. Къ опечаткамъ же, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ отнести невѣрный разчетъ въ слѣдующей фразѣ (на стр. 191): „У кого есть 100 рублей, тому при расходѣ по два рубля денегъ хватитъ на двадцать мѣсяцевъ". — Страницы 78—80 совершенно перепутаны, такъ что трудно опредѣлить, чтò куда относится.

Основанія педагогики. *А. Мальцева.* С.-Петербургъ, 1885. 167 стр. Цѣна 75 коп.

Книга г. Мальцева видимо предназначается служить руководствомъ при преподаваніи педагогики въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ этотъ предметъ существуетъ. Всего курса педагогики, опредѣляемаго офиціальными программами, книга не обнимаетъ; такъ, въ ней нѣтъ ни дидактики, ни методики, равно какъ опущенъ вопросъ о физическомъ воспитаніи. Можно думать, что авторъ предполагаетъ издать дидактику и методику въ особой книгѣ; свѣдѣнія же о физическомъ

воспитаніи нашимъ авторомъ опущены въ томъ предположеніи, что онѣ сообщаются на урокахъ естествовѣдѣнія. Но предположеніе этого рода только отчасти вѣрно. Дѣйствительно, въ учительскихъ семинаріяхъ, а можетъ быть, и въ городскихъ учительскихъ институтахъ, гигіеническія указанія, касающіяся ухода за тѣломъ человѣка, пріурочиваются къ естественной исторіи, но въ женскихъ гимназіяхъ или, точнѣе говоря въ педагогическомъ классѣ гимназій, вопросъ о физическомъ воспитаніи по программѣ отнесенъ прямо къ педагогикѣ.

На первыхъ десяти страницахъ, въ видѣ вступленія, авторъ толково и убѣдительно разъясняетъ слѣдующіе пять вопросовъ: 1) „Въ чемъ состояла воспитательная дѣятельность у народовъ первобытныхъ, и въ чемъ она состоитъ теперь у народовъ образованныхъ. 2) Чѣмъ отличается воспитаніе человѣка отъ воспитанія другихъ организмовъ. 3) Необходимость: а) воспитательной дѣятельности и б) науки о воспитаніи. 4) Различіе между дѣятельностью воспитателя и дѣятельностью учителя и качества, требуемыя отъ учителя-воспитателя съ умственной и нравственной стороны. 5) Свѣдѣнія, необходимыя для тѣхъ, кто занимается воспитаніемъ". Далѣе въ учебникѣ слѣдуетъ наиболѣе обширная глава, посвященная вопросамъ изъ области психологіи. Она занимаетъ около 112 страницъ. Объясненія душевныхъ процессовъ, за незначительными исключеніями, вѣрны, хотя и не всегда просто изложены. Педагогическіе выводы, дѣлаемые на основаніи ихъ, вполнѣ правильны. Въ отдѣлѣ „Познавательная способность души" укажемъ на двѣ особенности, служащія къ невыгодѣ учебника. Такъ, обзору внѣшнихъ чувствъ дано столько же мѣста, сколько и описанію болѣе высшихъ психическихъ отправленій, какъ-то: памяти, воображенію, разсудку и т. д. Внѣшнія чувства самъ авторъ называетъ какъ бы дверьми и окнами души. Но не должно ли казаться страннымъ, что дверьми и окнами авторъ занимается больше, чѣмъ самымъ зданіемъ. Замѣчательно также, что авторъ, вдаваясь въ различныя, часто спеціально-физіологическія подробности въ отправленіи всѣхъ, даже низшихъ чувствъ, не нашелъ нужнымъ болѣе рельефно въ одномъ цѣльномъ параграфѣ охарактеризовать идеальную сторону зрѣнія и слуха. Впрочемъ, практическіе совѣты о „воспитаніи органовъ внѣшнихъ чувствъ" не страдаютъ излишествомъ; но среди ихъ бросается въ глаза одно мѣсто, преувеличивающее значеніе этихъ чувствъ, именно авторъ говоритъ: „Человѣкъ, лишенный хоть одного изъ внѣшнихъ

чувствъ, никогда не можетъ достигнуть полнаго умственнаго развитія". По поводу этого мѣста не безполезно припомнить дѣвицу Лауру Бриджманъ, владѣвшую только чувствомъ осязанія, между тѣмъ какъ образованіе ея доведено было до такой степени, что она могла исправлять обязанности учительницы Бостонскаго института слѣпыхъ, въ которомъ воспитывалась. Примѣръ этотъ доказываетъ, что неимѣніе даже высшихъ чувствъ не препятствуетъ къ достиженію нѣкоторой степени образованія; какъ же можно настаивать на томъ, что безъ такого чувства, какъ, напримѣръ, обоняніе, нельзя достигнуть полнаго умственнаго развитія. Далѣе, авторъ не удѣлилъ въ ряду высшихъ душевныхъ отправленій особаго мѣста вниманію или внимательности, а упоминаетъ объ этой силѣ только вскользь, въ двухъ-трехъ мѣстахъ. Между тѣмъ этотъ предметъ на столько важенъ, что ему можно было бы посвятить въ книжкѣ двѣ или три страницы, взявъ таковыя изъ главы о внѣшнихъ чувствахъ. Воспитателямъ и учителямъ ранѣе всего и болѣе всего приходится имѣть дѣло съ этою душевною силою дитяти, и послѣ памяти ни на какой способности педагоги не въ состояніи измѣрить своихъ успѣховъ, какъ именно на этой силѣ. О важности этой силы для умственной и нравственной стороны человѣка нечего и распространяться. „Вся моя жизнь", говоритъ Н. И. Пироговъ,—„сложилась бы другимъ образомъ, еслибы при моемъ воспитаніи сумѣли развить и хорошо направить мою внимательность. Недостатка въ этой способности у меня не было, была, и не въ малой степени, и разносторонность ума, но и то, и другое были такъ мало культивированы, что я легко дѣлался односторонникомъ, не умѣя обращаться съ моею внимательностью и направлять ее, какъ слѣдуетъ".

Въ послѣднихъ двухъ психологическихъ отдѣлахъ, именно „о чувствованіяхъ и волѣ", главное мѣсто отводится описанію душевныхъ процессовъ, а педагогическіе правила и совѣты даются вкратцѣ и въ небольшомъ числѣ. Также точно сдѣлано и въ первомъ психическомъ отдѣлѣ; но такое единообразіе не составляетъ достоинства книги. Трудъ воспитателей и учителей при умственномъ развитіи дѣтей часто облегчается самими же дѣтьми, которыя въ данномъ случаѣ являются какъ бы помощниками ихъ; при воспитаніи же чувствъ и воли, такая помощь со стороны дѣтей бываетъ рѣдко, и въ этой сферѣ они являются уже не помощниками своихъ наставниковъ, а скорѣе врагами ихъ; на основаніи этого мы не ставимъ

автору въ большой недостатокъ, что онъ скупо даетъ совѣты и наставленія по поводу развитія памяти, воображенія и дара слова, тѣмъ болѣе, что такого рода наставленія могутъ до нѣкоторой степени вомѣститься въ отдѣлахъ дидактики и методики; но скупость въ такихъ совѣтахъ при воспитаніи чувствъ и воли составляетъ уже важный недостатокъ. Особенно же бросается въ глаза пренебреженіе автора къ педагогической практикѣ въ отдѣлѣ „о волѣ". Такъ, въ параграфѣ „О привычкѣ" (стр. 110) читатель не только напрасно будетъ искать какихъ-либо указаній на счетъ отученія отъ дурныхъ привычекъ, но даже не найдетъ перечня тѣхъ привычекъ, которыя наиболѣе прививаются къ дѣтямъ, и которыя облегчаютъ родителямъ и наставникамъ воспитательное дѣло. Мы не думаемъ, чтобы такого рода матеріалъ былъ маловаженъ даже и для всякаго, основательно знающаго психологію и логику. Также полагаемъ, что онъ не можетъ повредить научности и серьезности руководства. По крайней мѣрѣ въ распространенномъ въ протестантской Германіи учебникѣ Вильгельма Шрадера „Erzieuhngs-und Unterrichtslehre", предназначаемомъ для преподавателей гимназій и реальныхъ училищъ, подобнаго рода матеріалъ занимаетъ весьма почетное мѣсто.

Собственно педагогическій отдѣлъ въ книгѣ занимаетъ 32 страницы. Содержаніе его слѣдующее: „Воспитаніе домашнее и общественное. Типъ такъ-называемой домашней школы. Фребелевскій „дѣтскій садъ" и Фребелевскіе „дары". Дѣтскія игры и игрушки. Деревня и городъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Цѣль воспитанія. Воспитательныя средства. Общее понятіе о нихъ и виды: 1) примѣръ, 2) наставленіе, 3) предостереженіе и 4) совѣтъ. Похвала и порицаніе, обѣщаніе и угроза и ихъ воспитательное значеніе. Наказанія. Награды. Опредѣленіе педагогики, какъ науки и искусства. Части педагогики". Затрогиваемые въ этомъ отдѣлѣ вопросы разрѣшаются правильно, научно, хотя мѣстами не съ такою подробностью, какъ это было бы желательно. Въ противорѣчіи съ педагогическою практикою стоитъ только мнѣніе автора о недопущеніи никакихъ вещественныхъ наградъ для учениковъ. Такого идеальнаго мнѣнія держатся впрочемъ многіе авторитетные педагогическіе писатели.

Вообще трудъ г. Мальцева представляетъ со стороны содержанія много интереснаго и назидательнаго; языкъ вполнѣ литературный, если не принимать во вниманіе употребленія такихъ словъ,

какъ „пасовать“, „реализовать“, „абстрагированіе“, „детерминерованіе“, „культиваціи“ и т. п. Къ концу книги приложенъ перечень выдающихся сочиненій на русскомъ языкѣ по всѣмъ отдѣламъ педагогики и, сверхъ того, по психологіи и логикѣ; поименованы также около десяти сочиненій на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1884 ГОДУ.

30-го апрѣля текущаго года состоялось годичное засѣданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, и въ немъ товарищъ секретаря Д. Н. Анучинъ прочелъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества за время съ 1-го марта прошлаго года по вышеозначенное число. Сообщаемъ извлеченіе изъ этого отчета.

Минувшій годъ—сказалъ г. Анучинъ—былъ чернымъ годомъ въ жизни Московскаго Археологическаго Общества. 29-го декабря оно лишилось своего основателя графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. Кончинѣ графа предшествовала продолжительная болѣзнь, которая не позволила ему, въ теченіе всего года, принимать живое, непосредственное участіе въ трудахъ Общества. Осенью 1884 года, когда графъ вернулся съ юга Россіи, товарищъ предсѣдателя Общества В. Е. Румянцевъ долго откладывалъ назначеніе засѣданія, въ надеждѣ, что графъ въ состояніи будетъ открыть его самъ; но надеждѣ этой не суждено было осуществиться. Засѣданіе было открыто безъ него, довольно поздно, именно 3-го декабря 1884 года. Послѣдовавшая затѣмъ кончина графа, произведшая тяжкое впечатлѣніе на Общество, вызвала естественно нѣкоторый перерывъ въ дѣятельности послѣдняго. Въ экстраординарномъ засѣданіи 14-го января 1885 года рѣшено было почтить память покойнаго предсѣдателя, по истеченіи сорока дней со дня его кончины, особымъ торжественнымъ собраніемъ, съ участіемъ другихъ ученыхъ обществъ Москвы; такое собраніе и

состоялось 28-го февраля, въ день рожденія покойнаго, въ залѣ Политехническаго музея. При этомъ случаѣ многосторонняя научная дѣятельность покойнаго была охарактеризована въ рѣчахъ В. Е. Румянцева, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, Н. В. Никитина, В. И. Сизова, А. К. Жизневскаго, А. А. Титова и Д. Н. Анучина. Кромѣ того, было прочитано письмо барона Ѳ. А. Бюлера и телеграмма изъ Петербурга, отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, извѣщавшая, что это послѣднее установило медаль имени графа А. С. Уварова для награжденія ею за лучшее сочиненіе по археологіи.

Неблагопріятнымъ условіемъ для дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества въ истекшемъ году была также болѣзнь его секретаря И. Д. Мансветова, который, начиная съ весны 1884 года, не могъ ни присутствовать въ засѣданіяхъ, ни вести переписку по его дѣламъ, хотя и продолжалъ держать корректуры печатавшихся трудовъ Общества. Такимъ образомъ обязанности предсѣдателя и секретаря исполняли ихъ товарищи: предсѣдателя — В. Е. Румянцевъ, секретаря — Д. Н. Анучинъ. Библіотекаремъ и хранителемъ музея Общества состоялъ В. И. Сизовъ, который занимался приведеніемъ въ систематическій порядокъ принадлежащихъ Обществу книгъ и составленіемъ новаго каталога. Обязанности казначея Общества исправлялъ по прежнему К. А. Дубинкинъ.

Въ теченіе года вновь избраны въ дѣйствительные члены—В. Д. Левшинъ, въ дѣйствительные и почетные — графиня П. С. Уварова, въ члены-корреспонденты—гг. Моджули и герцогъ Кастромедіано.

Въ истекшемъ году Общество лишилось, кромѣ своего предсѣдателя, еще слѣдующихъ членовъ: А. А. Авдѣева, М. В. Малахова, Н. И. Костомарова, епископа Порфирія, Брыкина, Ѳ. А. Терновскаго, А. М. Раевской и Г. Е. Щуровскаго.

А. А. Авдѣевъ получилъ широкую извѣстность построенными по его планамъ и рисункамъ севастопольскими храмами, именно пирамидальнымъ храмомъ Севастопольскаго военнаго кладбища и соборомъ св. Владиміра надъ могилами адмираловъ. Но кромѣ того, А. А. Авдѣевъ былъ вообще большой знатокъ и любитель искусства, какъ классическаго, съ которымъ онъ могъ познакомиться наглядно во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ въ Италію, такъ и византійскаго, которое онъ изучалъ особенно по своей спеціальности, какъ архитекторъ. Въ то же время это былъ большой любитель археологіи, занимавшійся нѣкогда раскопками, вмѣстѣ съ П. М. Леонтьевымъ, на

берегахъ Танаиса и принимавшимъ участіе въ археологическихъ съѣздахъ, дѣлавшій сообщенія на нихъ и вообще глубоко интересовавшійся изученіемъ древностей. А. А. Авдѣевъ скончался 18-го марта 1885 года въ Петербургѣ; онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Археологическаго Общества съ 1874 года.

Дѣятельность Г. Е. Щуровскаго, заслуженнаго профессора Московскаго университета, касалась археологіи лишь по стольку, по скольку послѣдняя имѣетъ связь съ геологіей и палеонтологіей. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе 1877—1880 годовъ, Г. Е. Щуровскій напечаталъ нѣсколько статей, представляющихъ значительный интересъ для археологіи, какъ напримѣръ, статья по вопросу, были ли въ древнія времена лѣса въ южной Россіи, инструкція для изслѣдованія костеносныхъ пещеръ и обзоръ новѣйшихъ изслѣдованій о нефритѣ. Въ 1883 году Г. Е. Щуровскій принималъ участіе въ коммиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Н. В. Никитина, для провѣрки опасности, угрожающей древнимъ церквамъ села Коломенскаго и Дьякова отъ грунтовыхъ и рѣчныхъ водъ; на этотъ вопросъ обратилъ вниманіе Московскаго Археологическаго Общества И. У. Палимпсестовъ, и коммиссіей были представлены соображенія о мѣрахъ къ устраненію угрожающихъ опасностей, препровожденныя затѣмъ, для зависящихъ распоряженій, въ дворцовую контору, въ вѣдѣніи которой находятся церкви села Коломенскаго.

Ф. А. Терновскій докторъ богословія, бывшій профессоръ Кіевской духовной академіи и профессоръ университета св. Владиміра, былъ однимъ изъ талантливѣйшихъ преподавателей византійской и церковной исторіи и пріобрѣлъ почтенную извѣстность нѣсколькими солидными трудами въ этой области.

М. В. Малаховъ былъ еще молодой человѣкъ, но уже успѣлъ обратить на себя вниманіе своими изслѣдованіями по доисторической археологіи. Въ качествѣ члена и хранителя музея Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, онъ совершилъ экспедицію на Уралъ, въ Пермскую губернію, и собралъ тамъ интересныя данныя о древнихъ стоянкахъ, городищахъ и курганахъ. Проживая затѣмъ въ мѣстечкѣ Друскеникахъ, онъ открылъ стоянку каменнаго вѣка на берегу Нѣмана и описалъ ее въ нѣсколькихъ статьяхъ, изъ коихъ одна была послана имъ, не задолго до смерти, въ Московское Археологическое Общество и имѣетъ быть напечатана въ его трудахъ.

А. М. Раевская была извѣстна какъ большая любительница археологіи, обогатившая, между прочимъ, почти всѣ русскіе музеи пре-

красно сдѣланными слѣпками съ замѣчательныхъ доисторическихъ древностей, русскихъ и иностранныхъ.

Наконецъ, Н. И. Костомаровъ на столько извѣстенъ своими трудами по русской исторіи и древностямъ, что говорить о значеніи его утраты для русской науки было бы совершенно излишнимъ; членомъ Московскаго Археологическаго Общества онъ состоялъ почти съ самаго его основанія, именно съ апрѣля 1866 года.

Въ минувшемъ году Общество имѣло семь засѣданій, изъ коихъ одно—годовое, 1-го марта 1884 года, — одно соединенное съ Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ, Обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи и Обществомъ архитектурнымъ— для чествованія памяти графа А. С. Уварова, четыре обыкновенныхъ и одно экстраординарное для обсужденія подробностей упомянутаго выше соединеннаго засѣданія.

Прошлымъ лѣтомъ В. И. Сизовъ, при содѣйствіи В. К. Трутовскаго, производилъ по порученію Общества раскопки на мѣстѣ древнихъ городищъ близъ Цымлянской станицы на Дону, гдѣ, какъ надо полагать, находился въ X вѣкѣ городъ, имѣвшій сношенія съ таврическимъ Херсонесомъ, а затѣмъ одинъ изъ позднѣйшихъ городовъ татарскихъ. Результаты раскопокъ г. Сизова были доложены имъ на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ, въ августѣ 1884 года, и затѣмъ въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Археологическаго Общества. По вопросу о значеніи этихъ раскопокъ и о мѣстонахожденіи Саркела, высказался также Д. И. Иловайскій. В. И. Сизовъ сдѣлалъ еще сообщеніе о своихъ раскопкахъ древняго кладбища у с. Біа-Сала̀, въ 10 верстахъ къ югу отъ Бахчисарая, гдѣ оказались могилы довольно поздняго времени, можетъ быть, по мнѣнію г. Сизова, даже XVIII вѣка, но черепа изъ коихъ представляютъ слѣды искусственной деформаціи, по поводу которой были высказаны замѣчанія Д. Н. Анучинымъ.

В. Ѳ. Миллеръ сообщилъ объ археологической экскурсіи, совершенной имъ лѣтомъ 1883 года, въ горскія области Кабарды, именно въ нѣкоторые аулы, расположенные по рѣкамъ Тереку, Чегему и Баксану, при чемъ ознакомилъ Общество съ древними, можетъ быть — аланскими, могильниками этихъ мѣстностей, со способами погребенія въ нихъ и съ находимыми въ нихъ вещами, въ томъ числѣ монетами VII вѣка по Р. Хр.

В. Е. Румянцевъ представилъ Обществу одну икону конца XVII вѣка, любопытную по изображеннымъ на ней костюмамъ и обстановкѣ

того времени. Икона эта, полученная отъ члена Общества протоіерея Свирѣлина, изъ Переяславля, была реставрирована по указаніямъ В. Е. Румянцова иконописцемъ Дикаревымъ.

М. В. Никольскій сдѣлалъ два сообщенія по предмету ассиріологіи, при чемъ въ одномъ изъ нихъ познакомилъ Общество съ системою клинообразныхъ знаковъ, ея происхожденіемъ и съ характеристикой языка того народа, который изобрѣлъ эти знаки, а въ другомъ сообщилъ обстоятельныя данныя о древнихъ ассирійскихъ вѣсахъ и мѣрахъ.

А. В. Орѣшниковъ сообщилъ о жизни и трудахъ покойнаго Фр. Ленормана и сдѣлалъ очеркъ главныхъ его сочиненій, относящихся къ исторіи и археологіи Востока.

С. А. Усовъ сдѣлалъ сообщеніе о древнемъ знамени-хоругви, хранящемся въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, что̀ на Устьѣ, близъ Ростова, при чемъ представилъ его описаніе и фотографическій съ него снимокъ и высказалъ мнѣніе, что знамя это дано не Сапѣгою, въ охрану монастыря, какъ гласитъ преданіе, а по всей вѣроятности, княземъ М. В. Скопинымъ-Шуйскимъ, какъ даръ за благословеніе св. Иринарха, жившаго въ томъ монастырѣ и пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ.

Кромѣ того, въ Общество поступили и были отчасти доложены слѣдующія сообщенія и статьи: графа А. А. Бобринскаго—„Описаніе раскопокъ кургановъ близъ мѣстечка Смѣлы, Кіевской губерніи", съ приложеніемъ многихъ рисунковъ и фотографій; Тобольскаго вице-губернатора А. И. Дмитріева-Мамонова—„Альбомъ фотографическихъ изображеній кургановъ по р. Иртышу и найденныхъ въ нихъ предметовъ", съ описаніемъ одной раскопки; г. Соловьева, изъ Тюмени,—„О находкахъ предметовъ каменнаго періода въ окрестностяхъ Тюмени, въ 1883 году", большая статья, съ 16 таблицами плановъ и фотографій; барона Д. О. Шеппинга—обширное собраніе матеріаловъ для археологическаго словаря; А. Н. Минха, А. С. Гацисскаго и Д. И. Прозоровскаго — также матеріалы для археологическаго словаря; И. Ѳ. Токмакова — о курганахъ въ Тамбовской губерніи; А. А. Титова — описаніе старой Вознесенской церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ, обреченной на сломку, съ приложеніемъ двухъ фотографій; М. В. Малахова—статья „Стоянка доисторическаго человѣка на берегу Нѣмана"; П. С. Ефименка — свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ въ Харьковской губерніи; А. М. Сементовскаго — свѣдѣнія о бездѣдовскихъ и устьянскихъ курганахъ; Д. И. Прозоровскаго — статья:

„Шестокрылъ"; А. Н. Минха — статья: „Народное сказаніе о Кудеярѣ въ Саратовской губерніи", съ 2-мя рисунками; князя А. М. Дондукова-Корсакова—статья: „Романовъ и Борисовъ крестъ"; г. В. Ястребова—„О глиняной чашѣ, найденной въ м. Сѣдневкѣ, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи".

Почти всѣ эти статьи, цѣликомъ или въ извлеченіи, будутъ напечатаны въ трудахъ Общества, для которыхъ въ теченіе истекшаго года, были уже отпечатаны: протоколы засѣданій Общества съ конца 1882 по начало 1884 года и отчетъ за 1883—1884 годъ; статьи графа А. С. Уварова, „Булава или перначъ", „Къ исторіи Московскаго Успенскаго собора" и „О Мцхетскомъ могильникѣ"; графа А. А. Бобринскаго; „О раскопкахъ кургановъ близъ м. Смѣлы"; Н. О. Бурачкова—„Нѣсколько замѣчаній о медаляхъ Аспруга и Рескуприса"; А. И. Кельсіева — „Подмосковныя раскопки 1883 г. при дер. Митиной, Московской губерніи и уѣзда"; Г. Н. Потанина — „Памятники древности въ сѣверо-западной Монголіи"; В. Л. Бернштама—„Раскопки въ Псковской губерніи"; г. Бочарникова — „Свѣдѣнія о памятникахъ древности въ Зарайскѣ и его окрестностяхъ" и друг.; Рютимейра — „Объ остаткахъ животныхъ, находимыхъ въ такъ-называемыхъ костищахъ, на Уралѣ"; (переводная статья) Д. Н. Анучина—„Къ вопросу о составленіи легенды для археологической карты Россіи" (по доисторической археологіи).

Эта послѣдняя статья была доложена на Одесскомъ археологическомъ съѣздѣ и, согласно сдѣланному на немъ постановленію, разослана всѣмъ членамъ Московскаго Археологическаго Общества съ просьбою прислать замѣчанія и дополненія къ ней. Въ настоящее время Обществомъ полученъ уже цѣлый рядъ такихъ отвѣтовъ и замѣчаній.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, состоящая при Обществѣ коммиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ занималась обсужденіемъ вопросовъ касательно реставраціи или сломки древнихъ церквей, причемъ наибольшее содѣйствіе въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ было оказываемо В. Е. Румянцевымъ и Н. В. Никитинымъ. Здѣсь кстати отмѣтить нѣсколько фактовъ истекшаго года, заслуживающихъ вниманія и сочувствія всѣхъ интересующихся русскими древностями. 28-го сентября прошлаго года происходило торжество освященія возстановленнаго храма св. Григорія Богослова и открытіе возстановленныхъ княжихъ теремовъ въ Ростовскомъ кремлѣ. Реставраціей этихъ замѣчательныхъ памятниковъ древности Ростовъ обязанъ,

въ значительной степени, содѣйствію Ярославскаго губернатора В. Д. Лёвшина и усиліямъ А. А. Титова, И. А. Шлякова и И. А. Рулева. Въ томъ же Ростовѣ, въ Успенскомъ соборѣ, подъ помостомъ, въ южномъ придѣлѣ св. Леонтія, были произведены раскопки, при чемъ открытъ древній придѣльный храмъ, который положено возстановить въ первоначальномъ видѣ; въ Мурманскомъ монастырѣ, надъ древнею деревянною церковью преподобнаго Лазаря, сооруженною въ XIV в., поставленъ, согласно желанію Московскаго Археологическаго Общества, каменный футляръ въ видѣ часовни, благодаря содѣйствію вытегорскаго исправника Н. А. Ханенева и усердію А. Н. Русанова. Во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ были открыты, какъ извѣстно, замѣчательныя древнія фрески, окончены всѣ работы по ихъ реставраціи, и 4-го ноября прошлаго года происходило освѣщеніе и открытіе богослуженія во вновь отдѣланномъ храмѣ.

Общество получило въ истекшемъ году многія пожертвованія книгами, между прочимъ отъ Ѳ. Е. Орлова—экземпляръ роскошнаго изданія Д. А. Ровинскаго „Русскія народныя картинки", а также нѣсколько старинныхъ вещей, особенно отъ члена Общества И. А. Голышева. Кромѣ того, Общество пріобрѣло отъ священника Романовской станицы области войска Донскаго, о. Михаила Наумова, за 225 рублей, нѣсколько замѣчательныхъ древнихъ золотыхъ вещей, вырытыхъ неподалеку отъ станицы изъ могилы.

Новую попытку совмѣстной дѣятельности въ археологическихъ цѣляхъ предприняли члены Московскаго Археологическаго Общества Н. М. Турбинъ, А. В. Орѣшниковъ и А. М. Подшиваловъ; имъ принадлежитъ иниціатива основанія при этомъ Обществѣ нумизматическаго кружка. Пригласивъ къ участію многихъ лицъ, занимающихся нумизматикой, упомянутыя лица устроили уже нѣсколько засѣданій въ помѣщеніи Московскаго Археологическаго Общества и имѣютъ въ виду, если окажется достаточно силъ, организовать при немъ особое нумизматическое отдѣленіе. Нельзя не порадоваться такому расширенію дѣятельности въ средѣ Московскаго Археологическаго Общества, и нельзя не выразить искренняго пожеланія, чтобы подъ его эгидой нумизматическія занятія получили въ Россіи новый толчокъ и болѣе правильную организацію.

Осиротѣвъ по кончинѣ своего незабвеннаго предсѣдателя, графа А. С. Уварова, Московское Археологическое Общество можетъ утѣшать себя только увѣренностью, что въ немъ будетъ продолжать жить духъ покойнаго, духъ ревностнаго служенія на пользу археологической наукѣ

во всѣхъ ея отрасляхъ. Покойный графъ оставилъ Общество не брошеннымъ, такъ-сказать, на произволъ судьбы; онъ приложилъ всѣ старанія къ его обезпеченію и въ духовномъ, и въ матеріальномъ отношеніи; въ духовномъ — къ числу членовъ Общества привлечены имъ почти всѣ, имѣющіяся на лицо, силы Москвы по разнымъ отраслямъ археологической науки; въ матеріальномъ—Общество имѣетъ собственный домъ и значительную ежегодную субсидію въ 5,000 рублей. Средства для развитія дѣятельности Общества такимъ образомъ обезпечены, и отъ иниціативы его членовъ будетъ зависѣть ея большая или меньшая успѣшность и плодотворность. Общество пожелало почтить дорогую память покойнаго изданіемъ особаго сборника. Часть этого сборника уже отпечатана, и окончаніе его, по всей вѣроятности, не замедлится. Затѣмъ Обществу предстоитъ сдѣлать изданіе новаго X-го тома своихъ трудовъ, печатанныхъ подъ заглавіемъ Древностей, для котораго уже отпечатанъ рядъ статей, и въ который должно войдти еще нѣсколько изъ имѣющихся въ портфелѣ Общества, а равно вновь присланные матеріалы для археологическаго словаря. Въ Древностяхъ же должны найдти себѣ наиболѣе подходящее мѣсто и тѣ изъ статей графа Уварова, которыя были имъ закончены, но которыя онъ не успѣлъ отпечатать и издать при жизни. Обществу же предстоитъ изданіе Трудовъ V-го Тифлисскаго археологическаго съѣзда, для каковой цѣли ему уже давно передано около 1,200 рублей. Наконецъ, слѣдуя примѣру, показанному графомъ Уваровымъ, Обществу предстоитъ, намѣтить рядъ желательныхъ изслѣдованій и раскопокъ, въ цѣляхъ собранія новаго археологическаго матеріала или разъясненія тѣхъ или другихъ темныхъ вопросовъ русской исторіи, и по мѣрѣ возможности постараться достигнуть ихъ осуществленія.

Состоявшееся въ засѣданіи 30-го апрѣля избраніе графини П. С. Уваровой предсѣдательницею Московскаго Археологическаго Общества даетъ твердое основаніе къ тому, что въ немъ будутъ свято хранимы высокія научныя традиціи знаменитаго русскаго археолога, въ трудахъ котораго она давно уже была дѣятельною помощницею.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I.

ВАРШАВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1883—1884 УЧЕБНОМЪ ГОДУ.

Общее число преподавателей разныхъ наименованій въ Варшавскомъ университетѣ было 75, а именно: ординарныхъ профессоровъ 31, экстраординарныхъ 12, доцентовъ 12, временныхъ преподавателей 3, приватъ-доцентовъ 2, лекторовъ 5, астрономъ-наблюдатель 1 и прозекторовъ 3.

Нѣкоторыя каѳедры не имѣли штатныхъ преподавателей; таковы: на историко-филологическомъ факультетѣ — исторіи всеобщей литературы, на физико-математическомъ — физической географіи, на юридическомъ — а) гражданскаго судопроизводства, б) судебной медицины и психіатріи, на медицинскомъ — а) фармаціи съ фармакогнозіей, б) судебной медицины и в) факультетской терапевтической клиники. Преподаваніе по названнымъ каѳедрамъ производилось при помощи наличныхъ преподавателей по другимъ каѳедрамъ, съ особымъ вознагражденіемъ. Сверхъ того, чтеніе лекцій по нѣкоторымъ обширнымъ предметамъ, которые не могли быть изложены въ надлежащей полнотѣ штатными преподавателями, производилось слѣдующимъ образомъ: по физико-математическому факультету — а) профессору по каѳедрѣ математики и доценту при той же каѳедрѣ поручено было чтеніе лекцій по нѣкоторымъ отдѣламъ математики, сверхъ читаемыхъ имъ лекцій по утвержденной факультетомъ программѣ; б) младшему астроному-наблюдателю поручено было въ 1-мъ полугодіи, въ помощь профессору по каѳедрѣ астрономіи, чтеніе лекцій по сферической астрономіи и отдѣлъ по теоретической астроно-

міи — объ опредѣленіи орбитъ изъ наблюденій; в) приватъ-доценту Баранецкому поручено было упражненіе студентовъ въ математическомъ анализѣ; г) доценту по каѳедрѣ технической химіи Гемиліану — чтеніе, въ помощь профессору, лекцій по органической химіи; по медицинскому факультету — а) приватъ-доценту Пастернацкому поручено было, въ помощь доценту по каѳедрѣ психіатріи, чтеніе лекцій по нервнымъ болѣзнямъ; б) доценту по каѳедрѣ технической химіи Гемиліану, въ помощь преподавателю общей химіи — чтеніе фармацевтамъ химическаго анализа; в) профессору Скворцову поручено было чтеніе особаго курса для фармацевтовъ „о подачѣ медицинской помощи въ случаяхъ, требующихъ безотлагательнаго пособія".

Нѣкоторые изъ преподавателей и другихъ служащихъ въ университетѣ лицъ занимались разработкой научныхъ вопросовъ и выпустили въ свѣтъ рядъ ученыхъ трудовъ, изданныхъ какъ отдѣльно, такъ и помѣщенныхъ въ отечественныхъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ. Такъ, профессоры: Никитскій помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью „Отношеніе Новгородскаго владыки къ нѣмецкому купечеству по новымъ даннымъ"; Струве выпустилъ 6-е изданіе своей „Элементарной логики" и напечаталъ статьи: въ журналѣ Klozy — „Метафизика пессимизма", а въ Wiek Biblioteka Warzawska — „О теоріи наказаній по Канту"; Павинскій издалъ II томъ сочиненія „Polska XVI wieku pod względem geograficzno-historycznym" и I-й томъ „Iana Ostroroga żywot i pismo o naprawie rzeczy pospolitej"; Первольфъ напечаталъ отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границею въ 1882 г.; Мѣржинскій издалъ „Переводъ Корнелія Непота, съ историческими объясненіями"; Будиловичъ напечаталъ „Учебникъ церковнославянской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній" и помѣстилъ: въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ — критическій разборъ сочиненія Кочановскаго „Неизданный Дубровницкій поэтъ Антонъ Глегевичъ", въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — критическій разборъ сочиненія Засадкевича „Мелетій Смотрицкій какъ филологъ" и некрологъ В. В. Макушева и въ Сборникѣ имени В. И. Ламанскаго — „Полузабытый стародалматинскій панславистъ Еронимъ Кованьинъ"; Смирновъ издавалъ Русскій Филилологическій Вѣстникъ; Гротъ помѣстилъ: въ Сборникѣ имени В. И. Ламанскаго — „Новые труды по исторіи Венгріи", въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — вступительную лекцію въ Варшавскомъ университетѣ, въ Извѣстіяхъ Географическаго Об-

щества — „О пути мадьяръ съ Урала въ Лебедію“; Карѣевъ издалъ II-й томъ своего сочиненія „Основные вопросы философіи исторіи“ и помѣстилъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ — статью „Общество и организмъ“, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „Введеніе въ курсъ новой исторіи“, актовую рѣчь „О современномъ значеніи философіи исторіи“ и отчетъ о заграничной командировкѣ; Сонинъ напечаталъ въ Acta mathematica статью „Sur la généralisation d'une formule d'Abel“; Вржесніовскій напечаталъ польскій переводъ сочиненія Teckly „Основанія практической біологіи“ и нѣсколько популярныхъ статей; Егоровъ помѣстилъ въ Comtes rendus de l'academie des sciences сообщеніе по химіи; Потылицынъ напечаталъ 2-мъ изданіемъ „Начальный курсъ химіи“ и помѣстилъ въ Журналѣ Русскаго Химическаго Общества двѣ статьи: „О составѣ водъ, сопровождающихъ нефть“ и „О скоростяхъ реакцій“; Трейдосевичъ помѣстилъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — отчетъ о геологической экскурсіи въ южныя губерніи царства Польскаго и въ Физіографическомъ Сборникѣ — „О третичныхъ образованіяхъ Люблинской губерніи“, съ картою этихъ образованій; Ганинъ, Ришави и Лагоріо сдѣлали на съѣздѣ естествоиспытателей въ Одессѣ нѣсколько сообщеній, помѣщенныхъ въ протоколахъ съѣзда“; Будизинскій помѣстилъ въ Gazeta Sądowa статью „О преступленіяхъ въ особенности“ и нѣсколько мелкихъ статей; Кашница напечаталъ статью „Нѣсколько словъ о значеніи политическихъ партій“; Миклешевскій помѣстилъ: въ Gazeta Sądowa Warszawska — „Jurisprudencja Senatu rzadzącego“, „Przegląd bibliograficzy“ и „Josef Wieczorkowski. Nekrolog“ и въ Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права — „Замѣчанія на 14, 19, 22, 23, 27, 31, 32 статьи проекта уложенія о наказаніяхъ“; Окольскій напечаталъ III-й томъ сочиненія „Wyklad prawa administracyjnego“; Зигель помѣстилъ въ Сборникѣ имени В. И. Ламанскаго — „Историческій очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправленія въ Чехіи и Польшѣ“ и въ Юридическомъ Вѣстникѣ — некрологъ Мацѣевскаго; Траутфеттеръ напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Къ вопросу о современномъ состояніи дерматологіи въ Россіи“; Гойеръ помѣщалъ въ двухъ германскихъ медицинскихъ изданіяхъ „рефераты изъ русскихъ и польскихъ сочиненій по анатоміи, гистологіи и эмбріологіи“ Навроцкій напечаталъ: въ Hoffman и Schwalbe Iahresbericht — рефераты и въ Gazeta lekarska — „John Magon“; Ефремовскій помѣстилъ въ Протоколахъ VII съѣзда натуралистовъ и врачей статью „О грыжахъ Литтре и кишечностѣнныхъ грыжахъ“;

Чаусовъ напечаталъ въ Arhiv für Anatomie und Physiologie статью „Resultate der makro- und mikroscopischen Untersuchungen über die tiefen Muskeln des vorderen Dammes beim Manne und über das Verhalten der Wenen zu ihnen" и ту же статью на русскомъ языкѣ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ; Шалфеевъ помѣстилъ въ Журналѣ Русскаго Физическаго и Химическаго Общества статью „Объ удѣльныхъ объемахъ въ тѣлахъ жидкихъ и твердыхъ"; Скворцовъ напечаталъ: въ Врачебныхъ Вѣдомостяхъ — „О расширеніи преподаванія гигіены въ университетахъ и о введеніи ея въ программы другихъ заведеній", „О предметѣ и задачахъ гигіены", „Гигіена и наше современное общество", въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „Гигіена на всероссійской художественно-промышленной выставкѣ въ Москвѣ", въ Русской Медицинѣ — „Проектъ реформы медицинскаго образованія въ Россіи"; Тауберъ помѣстилъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ двѣ статьи: „Osteomyelitis multiplex. Exarticulatio famoris" и „Къ вопросу о физіологической связи между щитовидной железою и селезенкой", и перевелъ на русскій языкъ сочиненіе Тилло „Руководство къ топографической анатоміи въ присоединеніи къ хирургіи"; Доценты: Вержбовскій напечаталъ: „Christophori Varsevicii Opuscula inedita" и „Iakob Sobieski w 1683 г." и помѣстилъ въ Университететскихъ Извѣстіяхъ вступительную лекцію „О римской литературѣ въ вѣкъ Августа"; Гемиліанъ помѣстилъ въ Журналѣ Русскаго Физико-Химическаго Общества статью „Дифенилпараксилилметанъ и продукты его разложенія"; Пленсковскій напечаталъ въ Библіотекѣ медицинскихъ наукъ свое сочиненіе „Психіатрія, ч. II 2"; Нейгабауеръ помѣстилъ статьи: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „О древнихъ хирургическихъ и гиніатрическихъ инструментахъ, найденныхъ въ развалинахъ Помпеи и Геркулапумѣ" и нѣсколько статей въ Gazeta lekarska и въ Centralblatt für Gynäkologie. Приватъ-доценты: Баранецкій напечаталъ свой трудъ „Ариѳметика, теоретическій курсъ"; Пастернацкій помѣстилъ въ Архивѣ психіатріи, неврологіи и психопатологіи двѣ статьи: „Прогрессивный параличъ умалишенныхъ" и „Къ вопросу о призрѣніи нашихъ душевныхъ больныхъ". Преподаватель Лемблъ напечаталъ: въ Gazeta lekarska — „Врожденное сообщеніе желудочковъ сердца" и „Мнѣніе о диссертаціи Павинскаго „Объ аритміи сердца" и въ Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten — „Исторія ясновидящей, какъ прибавленіе къ изученію порэнкефаліи". Лекторъ Пржиборовскій помѣстилъ въ Biblioteka Warzawska статью по исторіи польскаго права. Хранители

кабинетовъ: Тачановскій напечаталъ нѣсколько статей въ заграничныхъ изданіяхъ; Валецкій помѣстилъ въ Физіографическомъ Сборникѣ „Описаніе пресмыкающихся Лаборанты. Слюсарскій напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Матеріалы къ многоножкамъ (Myriopoda) Привислинскаго края"; Майзель помѣстилъ статьи: въ Hoffman u. Schwalbe Jahresbericht — рефераты изъ русскихъ и польскихъ сочиненій по анатоміи, гистологіи и эмбріологіи. Ординаторы: Пацановскій, Габшевичъ, Хельмонскій, Руппертъ и Яновскій печатали статьи въ Gazeta lekarska. Помощникъ прозектора Эльзенбергъ издалъ полный переводъ сочиненія А. Турньера о сифилисѣ и бракѣ.

Командированы были съ ученою цѣлію: заграницу — 7 профессоровъ и 2 доцента, во внутреннія губерніи — 16 профессоровъ, послѣдніе — на VI археологическій съѣздъ, на международный конгрессъ ботаниковъ и выставку, на 50-тилѣтній юбилей университета св. Владиміра, и одинъ изъ нихъ, съ студентами-естественниками старшихъ двухъ курсовъ, — въ южную часть Привислинскаго края для производства геологическихъ изслѣдованій.

Въ началѣ 1883—84 учебнаго года въ Варшавскомъ университетѣ было 1,209 студентовъ, именно: на историко-филологическомъ факультетѣ 38, на физико-математическомъ 151 (математиковъ 101, естественниковъ 50), на юридическомъ—431, на медицинскомъ—589. Сверхъ студентовъ, находилось: фармацевтовъ 1-го курса 68, фармацевтоъ 2-го курса 29, вольнослушателей—13. Итого обучались 1,329 лицъ. Въ теченіе года поступило 75, въ томъ числѣ принято изъ числа уволенныхъ за участіе въ безпорядкахъ 45 и вновь принято 30. Въ теченіе года выбыло 53, изъ нихъ по болѣзни и домашнимъ обстоятельствамъ—13, уволено за невзносъ платы—38, умерло—2. За симъ къ концу учебнаго года оставалось на лицо: а) студентовъ—1,240, въ томъ числѣ на историко-филологическомъ факультетѣ—50, на физико-математическомъ—151 (математиковъ 98, естественниковъ 53), на юридическомъ—441, на медицинскомъ—598; б) фармацевтовъ 1-го курса—64, в) фармацевтовъ 2-го курса—39, г) вольнослушателей—8. Всѣхъ же учащихся было—1,351. Результаты переходныхъ и окончательныхъ испытаній были слѣдующіе: а) выдержали переходныя испытанія: на историко-филологическомъ факультетѣ—18, на физико-математическомъ—135, на юридическомъ—121, на медицинскомъ—314; б) выдержали окончательное испытаніе: на историко-филологическомъ факультетѣ—10, на физико-мате-

матическомъ—16, на юридическомъ — 50, на медицинскомъ—48%. Вообще выдержавшихъ испытанія, какъ переходныя, такъ и окончательныя, съ удовлетворительнымъ успѣхомъ, немного болѣе 59% (59,03). Фармацевтовъ 1-го курса выдержали испытанія 44%. Студенты пользовались воспособленіями трояка го рода: стипендіями, освобожденіемъ отъ платы за право слушанія лекцій и единовременными пособіями. Стипендіи выданы были: въ первомъ полугодіи 183 и во второмъ—176 студентамъ, всего на сумму 37,493 руб. 20 коп. Размѣръ стипендій былъ отъ 50 руб. включительно. На единовременныя пособія употреблено было 7,843 руб., именно: а) изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія 500 руб. 10-ти окончившимъ медицинскій курсъ стипендіатамъ, б) изъ процентовъ капитала доктора Жуковскаго 630 руб., в) изъ остатка суммы по записи барона Роставецкаго 154 руб. 13-ти студентамъ, г) изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи комитета вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ университета, и другихъ суммъ 5,384 р., д) изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи главнаго начальника края — 655 руб. 36-ти студентамъ и е) изъ суммъ, въ распоряженіи начальства округа — 520 руб. 18-ти лицамъ. Помощь, оказанная студентамъ по освобожденію отъ платы за слушаніе лекцій или по внесенію за нихъ таковой, простиралась на сумму 6,508 руб. 50 к. Такимъ образомъ, всѣми вышеупомянутыми способами, на вспомоществованіе недостаточнымъ студентамъ въ теченіе года израсходовано всего 51,844 руб. 60 коп.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ приняты были слѣдующія мѣры: На историко-филологическомъ факультетѣ мѣры эти состояли въ практическихъ занятіяхъ профессоровъ со студентами и письменныхъ работахъ послѣднихъ. Практическія занятія (родъ семинарій) производились по всѣмъ почти главнымъ предметамъ старшихъ двухъ курсовъ; что касается письменныхъ упражненій, то, по установленнымъ правиламъ, каждый студентъ обязательно долженъ представить одну письменную курсовую работу; не представившій оной не допускается къ переходнымъ, ни къ окончательнымъ испытаніямъ. За лучшія изъ курсовыхъ работъ студентамъ назначались денежныя преміи. На физико-математическомъ факультѣ отъ студентовъ не требуются обязательныя письменныя работы, на томъ основаніи, что студенты-математики младшихъ курсовъ слушаютъ только общіе курсы наукъ и недостаточно подготовлены для самостоятельныхъ разработокъ, а студенты старшихъ курсовъ и безъ того

обременены спеціальными занятіями по многосложнымъ и труднымъ предметамъ; тѣмъ не менѣе, по примѣру прежнихъ лѣтъ, для студентовъ-математиковъ были установлены обязательныя практическія занятія по астрономіи, механикѣ и математикѣ. Занятія въ обсерваторіи состояли въ томъ, что, по мѣрѣ теоретическаго усвоенія студентами свѣдѣній изъ практической астрономіи, обсерваторія доставляла имъ возможность практическаго ихъ примѣненія, какъ по обращенію съ инструментами, такъ и по производству наблюденій, для чего назначалось время для практическихъ занятій студентовъ: по два часа въ недѣлю для III курса днемъ, и по одному вечеру въ недѣлю для IV курса. Студенты-естественники почти все свободное отъ лекціонныхъ занятій время проводили въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, занимаясь тамъ практическими наблюденіями и изслѣдованіями. Результатомъ этихъ занятій хотя и являются время отъ времени замѣчательныя работы, но назначать годичные сроки для такого рода работъ нѣтъ возможности, потому что изслѣдованія могутъ продолжаться и нѣсколько лѣтъ, пока представится возможность сдѣлать опредѣленныя изъ нихъ заключенія. Эти наблюденія и изслѣдованія студентовъ-естественниковъ состояли въ слѣдующемъ: въ физическомъ кабинетѣ студенты старшихъ двухъ курсовъ еженедѣльно по три часа и вечеромъ въ свободное время упражнялись въ пользованіи основными методами; съ осени два студента занимались экспериментальнымъ изслѣдованіемъ проэлектричества, антиэлектричества и пьероэлектричества. Въ зоотомическомъ кабинетѣ студенты старшихъ двухъ курсовъ занимались сравнительною анатоміей, а студенты I курса— анатоміей человѣка по препаратамъ кабинета. въ ботаническомъ кабинетѣ студенты II, III и IV курсовъ занимались изслѣдованіями водорослей, мховъ и сосудистыхъ споровыхъ растеній. Въ ботанической лабораторіи студенты II курса занимались практически анатоміей растеній и знакомились съ методами микроскопическаго изслѣдованія; студенты III курса знакомились съ экспериментальными методами химо-физіологіи. Въ химической лабораторіи студенты младшихъ двухъ курсовъ занимались практически аналитическою химіей. Въ лабораторіи технической химіи студенты старшихъ двухъ курсовъ занимались аналитическимъ изслѣдованіемъ техническихъ продуктовъ и препаратовъ. Въ минералогическомъ кабинетѣ студенты-естественники всѣхъ курсовъ и студенты-медики I курса занимались упражненіями надъ кристаллографическими моделями и опредѣленіемъ минераловъ. Шесть студентовъ-естественниковъ спеціально занимались измѣреніемъ

кристалловъ, два студента—изслѣдованіемъ силикатовъ и горныхъ породъ въ химическомъ и микроскопическомъ отношеніяхъ, а одинъ студентъ спеціально работалъ надъ опредѣленіемъ минераловъ посредствомъ паятельной трубки. На юридическомъ факультетѣ мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ главнымъ образомъ состояли, подобно историко-филологическому факультету, въ письменныхъ упражненіяхъ студентовъ. По принятымъ правиламъ, каждый изъ студентовъ обязательно избираетъ одинъ изъ факультетскихъ предметовъ его курса и въ теченіе года представляетъ по этому вопросу письменную работу на тему, одобренную преподавателемъ. Независимо отъ этихъ курсовыхъ работъ, нѣкоторыми студентами представлялись еще сочиненія на медали и денежныя преміи. На медицинскомъ факультетѣ всѣ внѣлекціонныя занятія студентовъ состоятъ, какъ и на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета, въ практической ихъ дѣятельности въ кабинетахъ, лабораторіяхъ и клиникахъ, проявившейся въ 1883—1884 учебномъ году въ слѣдующемъ родѣ занятій: въ анатомическомъ кабинетѣ студенты занимались практически анатоміей и приготовленіемъ препаратовъ, какъ для кабинета, такъ и для лекцій профессора. Въ кабинетѣ оперативной хирургіи студенты IV курса упражнялись въ операціяхъ на трупахъ и на живыхъ животныхъ, и два студента V курса приготовляли препараты для кабинета. Въ лабораторіи медицинской химіи студенты II курса занимались качественнымъ и отчасти количественнымъ анализомъ, а нѣсколько студентовъ II и III курсовъ занимались спеціальными изслѣдованіями на заданныя темы. Во вновь устроенной гигіенической лабораторіи нѣсколько студентовъ, подъ руководствомъ профессора, занимались, по четыре часа въ недѣлю, въ свободное отъ лекцій время, изслѣдованіями воздуха, воды и разныхъ съѣстныхъ припасовъ. Въ гистологической лабораторіи 48 студентовъ упражнялись въ употребленіи микроскопа и 18 студентовъ занимались самостоятельными научными изслѣдованіями. Въ діагностическомъ клиническомъ отдѣленіи студенты III курса упражнялись въ перкуссіи и аускультаціи, а также въ химическомъ и микроскопическомъ изслѣдованіи мочи и мокроты. Въ факультетской терапевтической клиникѣ занимались студенты IV курса, имѣя каждый среднимъ числомъ отъ двухъ до трехъ больныхъ подъ собственнымъ наблюденіемъ и представляя завѣдывающему клиникой исторіи болѣзней. Въ устроенной при этой клиникѣ лабораторіи студенты занимались химическими и микроскопическими изслѣдованіями и упражнялись въ пріемахъ электротерапіи; кромѣ

того, производились патолого-анатомическія вскрытія. Въ хирургической факультетской клиникѣ занятія студентовъ IV курса состояли въ наблюденіи больныхъ и веденіи подробной исторіи болѣзней. При операціяхъ студентъ помогалъ профессору и пріобрѣталъ навыкъ въ оперативныхъ пріемахъ. Перевязка ранъ, язвъ и всѣ хирургическія манипуляціи студенты производили подъ наблюденіемъ профессора или ординатора клиники. Новѣйшія наблюденія и способъ лѣченія хирургическихъ больныхъ были излагаемы студентамъ и примѣняемы на больныхъ. Въ терапевтической госпитальной клиникѣ каждый студентъ V курса имѣлъ не менѣе двухъ больныхъ для ухода за ними, а нѣкоторые имѣли ихъ по три и четыре. Уходъ за больными заключался какъ въ непосредственномъ изслѣдованіи и наблюденіи больныхъ студентами, такъ и въ веденіи ими химическихъ и микроскопическихъ выдѣленій и отдѣленій больныхъ (мочи, рвотной массы, испражненій и проч.). Эти наблюденія и изслѣдованія производились при непосредственномъ руководствѣ профессора и четырехъ его ординаторовъ. Какъ результаты своихъ занятій въ клиникѣ, студенты должны были представлять въ теченіе года не менѣе двухъ исторій болѣзней. Въ хирургической госпитальной клиникѣ студенты V курса занимались изслѣдованіемъ и наблюденіемъ больныхъ, присутствовали при наложеніи повязокъ и операціяхъ, изъ которыхъ менѣе сложныя производили сами. Каждый изъ студентовъ принялъ и наблюдалъ двухъ больныхъ, нѣкоторые— трехъ. Въ клиникѣ накожныхъ и венерическихъ болѣзней каждый изъ студентовъ подалъ одну исторію болѣзни. Кромѣ того, они упражнялись въ клиникѣ въ изслѣдованіи больныхъ вообще, а въ частности эндоскопомъ и ларингоскопомъ. Въ клиникѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней студенты-медики V и студенты IV курса знакомились со всѣми интересными припадками сумасшествія, какъ въ случаяхъ отказа отъ пищи, такъ и притворства конскриптовъ или подсудимыхъ, присланныхъ въ больницу на испытаніе. Въ судебно-медицинскомъ клиническомъ отдѣленіи произведено въ присутствіи студентовъ 46 судебно-медицинскихъ вскрытій, о которыхъ ими и составлены протоколы. Кромѣ того, студенты занимались изслѣдованіемъ крови и другихъ вещественныхъ доказательствъ. Для болѣе правильной организаціи практической дѣятельности студентовъ въ 1883—1884 году отпущено изъ спеціальныхъ средствъ университета 12,000 руб. на пріобрѣтеніе потребныхъ снарядовъ, инструментовъ, приборовъ и книгъ; привлечены къ надвору за практическими занятіями студентовъ помощники прозекторовъ, сверхштатные ординаторы и лабо-

ранты; учреждены должности сверхштатныхъ лаборантовъ при химической лабораторіи, ботанической, гигіенической, кабинетахъ ботаническомъ и оперативной хирургіи. Способами же контроля за занятіями студентовъ служили, какъ и прежде, переходныя и окончательныя испытанія, наблюденіе преподавателей за исполненіемъ студентами письменныхъ работъ, за ихъ практическими занятіями въ учебновспомогательныхъ учрежденіяхъ и, наконецъ, наблюденіе инспекціи за аккуратнымъ посѣщеніемъ студентами лекцій.

Для соисканія наградъ медалями предложены были факультетами слѣдующія темы: историко-филологическимъ—„Первый аѳинскій союзъ" и „Историко-критическое объясненіе актовъ, относящихся къ сношеніямъ Руси съ Цареградомъ и изданныхъ Миклошичемъ и Миллеромъ въ Acta Patriarchatus Constantinopolitani"; физико-математическимъ — „О развитіи циклоновъ" и „Систематическій очеркъ мховъ окрестностей города Варшавы"; юридическимъ—„Современное раздѣленіе властей въ теоріи и на практикѣ", „Развитіе современныхъ законодательствъ о дѣтскомъ трудѣ на фабрикахъ и заводахъ", „Критическій обзоръ развитія понятій объ обществѣ и о наукахъ общественныхъ" и „Гминные суды въ Царствѣ Польскомъ въ сравненіи съ соотвѣтственными имъ учрежденіями въ важнѣйшихъ государствахъ Европы"; медицинскимъ—„О вліяніи солей щелочныхъ металловъ на броженіе" и „О превращеніи крахмала въ сахаръ". За представленныя на эти темы сочиненія удостоены: золотой медали—1 студентъ историко-филологическаго факультета, 2 физико-математическаго, 3 юридическаго и 1 медицинскаго; серебряной медали—2 студента юридическаго факультета и 1 медицинскаго; почетнаго отзыва—3 студента юридическаго факультета и 1 историко-филологическаго. Сверхъ того, за представленныя сочиненія на избранныя самими студентами и одобренныя профессорами темы получили денежныя премія: на историко-филологическомъ факультетѣ—20 студентовъ, въ размѣрѣ отъ 10 до 35 руб. включительно; на физико-математическомъ—1 студентъ, въ 75 руб.; на юридическомъ—2 студента, въ 50 и 35 руб.; на медицинскомъ—4 студента, въ размѣрѣ отъ 20 до 40 руб. включительно. Наконецъ, 12 студентовъ старшихъ двухъ курсовъ физикоматематическаго факультета получили каждый по 16 руб. 67 коп. на экскурсію въ южную часть Привислинскаго края.

По заявленію ректора, поведеніе студентовъ въ стѣнахъ и въ учрежденіяхъ университета было вообще весьма хорошее, и только

къ одному студенту пришлось примѣнить дисциплинарныя правила о взысканіяхъ за его неудовлетворительное поведеніе.

Въ Варшавскомъ университетѣ учебно-вспомогательныхъ учрежденій имѣется: кабинетовъ 23, лабораторій 13. Въ нихъ къ 1884—1885 году числилось 175,485 предметовъ на сумму 268,982 руб. Въ астрономической обсерваторіи считалось 4,228 предметовъ на 39,658 руб. Въ университетской библіотекѣ находилось: книгъ русскихъ и иностранныхъ 185,245 названій въ 335,509 томахъ и выпускахъ; періодическихъ изданій—4,896 названій въ 31,907 томахъ и выпускахъ; рукописей—1,307 названій; картъ, рисунковъ, атласовъ и и проч.—6,298 названій,—всего на сумму 240,148 руб. Въ студентской читальнѣ находилось: книгъ, періодическихъ изданій и атласовъ 7,744 названія на сумму 11,934 руб. Въ шести состоящихъ при университетѣ клиникахъ числилось 4,175 предметовъ на общую сумму 22,233 руб.

II.

УСТРОЙСТВО И ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА ПРИ СИМБИРСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧУВАШСКОЙ ШКОЛѢ.

20-го января текущаго года состоялось освященіе домовой церкви при Симбирской центральной чувашской школѣ.

Мысль о постройкѣ храма при школѣ возникла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но приведена въ исполненіе только теперь, послѣ немалыхъ усилій и заботъ. Еще въ 1876 году, вслѣдствіе ходатайства бывшаго попечителя Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестакова, министерство народнаго просвѣщенія признало необходимость постройки храма, а святѣйшій синодъ, сочувствуя этой мысли, безплатно выслалъ полный кругъ богослужебныхъ книгъ и два напрестольныя Евангелія въ бархатномъ окладѣ; по обстоятельствамъ, дѣло это не могло быть тогда же окончено, такъ какъ требовалось не мало средствъ для этого, а школа таковыхъ не имѣла. Приходилось ожидать болѣе благопріятнаго времени, постепенно приготовляясь къ задуманному дѣлу и приводя по частямъ въ исполненіе то, что было по силамъ и возможно. Такъ, въ 1877 году, въ видахъ болѣе успѣшнаго хода въ религіозно-нравственномъ образованіи чувашъ, было испрошено разрѣшеніе у мѣстнаго преосвященнаго совершать все-

нощное бдѣніе наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней и за этою службой читать и пѣть нѣкоторыя молитвы и церковныя пѣснопѣнія на чувашскомъ языкѣ, что̀ и производилось въ зданіи чувашской школы. Черезъ это разрѣшеніе стало возможно всенощное бдѣніе слушать у себя дома, хотя и не всегда, за неимѣніемъ своего священника. Къ литургіи воспитанники, по прежнему, ходили въ приходскую церковь, довольно далеко отстоящую отъ школьныхъ помѣщеній.

Между тѣмъ число воспитанниковъ въ школѣ все увеличивалось. Въ 1878 году, было открыто женское отдѣленіе. Въ 1881 году, въ надеждѣ на сочувствіе и помощь добрыхъ людей, составлены были проектъ и смѣта на приспособленіе каменнаго флигеля школы и на пристройку къ нему подъ помѣщеніе храма.

Наконецъ въ 1883 году, по полученіи разрѣшенія у г. министра народнаго просвѣщенія и у епархіальнаго преосвященнаго Варсонофія, приступлено было къ постройкѣ храма на частныя средства. Совѣтъ Православнаго миссіонерскаго общества отнесся очень сочувственно къ начатому дѣлу; по распоряженію его, въ сентябрѣ 1883 года, симбирскій епархіальный комитетъ выдалъ единовременное пособіе, въ тысячу рублей, на устройство храма при центральной чувашской школѣ. Одновременно съ этимъ, начали поступать доброхотныя пожертвованія. Всѣхъ пожертвованій, кромѣ 1000 рублей пособія отъ миссіонерскаго общества, поступило 2609 руб. Но такъ какъ этого было все-таки недостаточно, то инспекторъ чувашскихъ школъ Яковлевъ, для уплаты различнымъ лицамъ, производившимъ по устройству храма работы и доставлявшимъ строительные матеріалы, занялъ 1600 руб. въ Симбирскомъ обществѣ взаимнаго кредита.

Въ сентябрѣ же 1883 года, попечитель Казанскаго учебнаго округа П. Н. Масленниковъ осмотрѣлъ Симбирскую чувашскую школу и обратилъ вниманіе на строющійся храмъ. При этомъ была составлена подробная записка о состояніи школы, съ краткимъ очеркомъ ея возникновенія и постепеннаго развитія, а также свѣдѣнія объ устройствѣ помѣщенія для домовой церкви. Записка эта была представлена г. министру, который, вошелъ съ всеподданѣйшимъ ходатайствомъ о назначеніи 3502 руб. на окончательное устройство домовой церкви при Симбирской центральной школѣ и о выдачѣ 1600 руб. инспектору Яковлеву въ уплату долга въ Симбирскомъ обществѣ взаимнаго кредита, на что̀ и послѣдовало, 31-го марта 1884 г., Высочайшее соизволеніе Государя Императора. Такимъ образомъ явилась къ исходу

1884 года возможность окончить устройство храма при Симбирской чувашской школѣ.

Домовой храмъ устроенъ въ отдѣльно стоящемъ каменномъ флигелѣ. Иконостасъ дубовый, простой, въ старинномъ русскомъ стилѣ. Вся обстановка церкви соотвѣствуетъ по простотѣ общему духу и назначенію школы. Преосвященный Варсонофій назначилъ освященіе вновь устроеннаго храма на 20-е января текущаго года. Наканунѣ торжества, по прибытіи помощника попечителя Казанскаго учебнаго округа М. А. Малиновскаго, въ новомъ храмѣ была отслужена всенощная. Службу совершали три священника: протоіерей села Бурундукъ А. И. Баратынскій, извѣстный знатокъ чувашскаго языка и народности, многоуважаемый дѣятель по народному, а въ частности по инородческому образованію въ Буинскомъ уѣздѣ; соборный священникъ о. Медвѣдковъ, законоучитель школы, и о. Кильдюшевскій, постоянно, въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, совершавшій всенощную въ школѣ, до постройки храма. Читали воспитанники, пѣли два хора— одинъ изъ мальчиковъ, а другой изъ дѣвочекъ; нѣкоторыя молитвы и пѣснопѣнія были исполнены на чувашскомъ языкѣ. Во время службы присутствовали М. А. Малиновскій, который прочиталъ шестопсалміе, директоръ народныхъ училищъ Симбирской губерніи И. Н. Ульяновъ, директоръ гимназіи Ѳ. М. Керенскій, инспекторъ чувашскихъ школъ И. Я. Яковлевъ, инспекторъ Симбирскаго городскаго училища Г. Я. Кокурошниковъ, всѣ наставники и воспитанники (98) и воспитанницы (27) школы, чуваши — родители и родные нѣкоторыхъ питомцевъ, изъ коихъ иные прибыли издалека, и бывшіе воспитанники школы, между ними нынѣ священникъ А. В. Рекѣевъ.

20-го января освященіе, литургію и молебенъ совершилъ преосвященный Варсонофій въ сослуженіи каѳедральнаго протоіерея П. И. Юстинова, ректора духовной семинаріи Н. И. Охотина, протоіереевъ А. И. Баратынскаго и И. А. Анаксагорова и священниковъ А. И. Кильдюшевскаго и П. Я. Арсеньева. За литургіей, кромѣ лицъ бывшихъ наканунѣ за всенощной, присутствовали: Симбирскій губернаторъ Н. П. Долгово-Сабуровъ, вице-губернаторъ В. А. Тройницкій, управляющій удѣльною конторою А. Ѳ. Бѣлокрысенко, директоръ кадетскаго корпуса Н. А. Якубовичъ, предсѣдатель Симбирской уѣздной земской управы князь Н. Н. Ухтомскій, Симбирскій городской голова Н. Д. Маляхинскій, бывшій директоръ классической гимназіи И. В. Вишневскій, директоръ ремесленнаго графа Орлова Давыдова училища В. С. Ивановъ и завѣдывающій приономъ мастер-

скими И. В. Рыкачевъ, инспектора: гимназіи И. Я. Христофоровъ и народныхъ училищъ А. А. Красевъ, нѣкоторые изъ преподавателей кадетскаго корпуса и духовной семинаріи, изъ благотворителей и благотворительницъ и другія лица. Было также нѣсколько чувашъ и чувашекъ, нарочно пріѣхавшихъ изъ деревень къ освященію. На правомъ клиросѣ пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, а на лѣвомъ хоръ воспитанниковъ школы. За литургіей пропѣли, на чувашскомъ языкѣ, изобразительные псалмы 102-й и 145-й, Блаженны, Вѣрую и Отче нашъ. Послѣ запричастнаго стиха, законоучителемъ школы о. Медвѣдковымъ сказано было нижеслѣдующее слово:

> О Іисусѣ Христѣ всяко созданіе составляемо растетъ въ церковь святую о Господѣ. О немъ же и вы созидаетеся въ жилище Божіе Духомъ (Ефес. 2, 21, 22.)

Исполнилось наконецъ, воспитатели и юные питомцы, наше общее желанье: нынѣ Господь избралъ и освятилъ домъ сей, да будетъ имя Его здѣсь даже до вѣка, и отнынѣ будутъ очи Его и сердце его здѣсь вся дни (2 Пар. 7, 16).

Благодареніе Господу, благоволившему своею благодатію создать и освятить храмъ сей. Да благословитъ Господь всѣхъ содѣйствовавшихъ и нравственно, и вещественно и потрудившихся лично въ созданіи и устроеніи сего дома Божія, да воздастъ Господь всѣмъ имъ милостями своими!

Нѣсколько лѣтъ прожило наше заведеніе, правда—въ добромъ общеніи съ ближайшими къ нему храмами, но все же не имѣя своего храма. Отселѣ же оно будетъ имѣть у себя свой храмъ и жить въ непосредственномъ единеніи съ храмомъ. Что можетъ быть лучше и плодотворнѣе этого единенія? Храмъ молитвы въ домѣ воспитанія и обученія — это и есть высшій, священнѣйшій и надежнѣйшій всякихъ другихъ средствъ залогъ обновленія и преуспѣянія нашего заведенія, наглядный символъ того единенія вѣры и знанія, истины и добра, той полноты и цѣльности, которыя составляютъ идеалъ всякаго образованія и воспитанія, къ достиженію которыхъ и должна стремиться всякая школа. О значеніи этого единенія дома обученія съ храмомъ молитвы въ дѣлѣ воспитанія мы сочли благовременнымъ предложить нѣсколько размышленій благочестивому вниманію всѣхъ прибывшихъ на наше торжество, и особенно вниманію вашему, юные питомцы и будущіе учители, чтобъ утвердить въ вашихъ умахъ и сердцахъ усердіе и благоговѣніе къ нашей новой дорогой святынѣ, къ сему святому мѣсту молитвы и благодати въ особенности.

Какъ и сколько ни опредѣляли различные мыслители задачу воспитанія вообще, а лучше того опредѣленія цѣли воспитанія и обученія, какое далъ великій учитель и апостолъ христіанства Павелъ, нельзя признать и найдти ни одного: да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ (2 Тим. 3, 17). Это значитъ, что обученіе и воспитаніе

должно приготовить изъ младенца и отрока человѣка совершеннаго, то-есть, цѣльнаго, полнаго, на все доброе, способнаго, а не односторонняго, раздвоеннаго, то-есть, съ одной стороны хорошаго, съ другой—дурнаго, къ одному способнаго, а къ другому нѣтъ, напримѣръ, умомъ остраго и развитаго, а сердцемъ черстваго или волею слабаго. Понятно само собою, что такого цѣльнаго и совершеннаго человѣка ни школа, ни практика жизни не могутъ воспитать и выработать, потому что ни та, ни другая порознь, ни обѣ вмѣстѣ не обнимаютъ всего человѣка, не развиваютъ и не воспитываютъ въ человѣкѣ той третьей силы, которая служитъ связующимъ звеномъ между умомъ и волею. И потому человѣчество издревле усиливалось найдти средства къ развитію и воспитанію въ своихъ дѣтяхъ не однихъ только разума и воли, но и сердца, какъ связующаго то и другое звено. Средства эти издревле полагались и находились главнымъ образомъ въ религіи, какъ естественной области сердечной вѣры. Уже эти общія соображенія убѣждаютъ, что религія вообще въ дѣлѣ образованія и воспитанія человѣческаго должна имѣть существенное и не замѣнимое ничѣмъ значеніе въ ряду образовательныхъ и воспитательныхъ средствъ. Религіозное образованіе и воспитаніе должно составить одну изъ существенныхъ обязанностей учителей и воспитателей и одну изъ необходимыхъ заботъ учениковъ и воспитанниковъ.

Но если религія должна быть коренною основой образованія и воспитанія, то понятно само собою, что и храмъ долженъ быть существенною и необходимою принадлежностію школы. Нужно ли разъяснять, что ни въ одной школѣ, какъ бы прекрасно ни была она устроена, религіозныя истины и особенно религіозный духъ и религіозная настроенность не могутъ быть раскрыты и привиты воспитанникамъ въ полной силѣ? И это естественно и необходимо: религія не есть система только истинъ и знаній, которую можно было бы разъяснить наглядными пособіями; религія прежде всего есть вѣра, то-есть, извѣстная сердечная настроенность, по которой человѣкъ и мыслитъ, и желаетъ, и стремится къ чему-то другому—невидимому и неосязаемому, чего, слѣдовательно, нельзя показать и доказать; затѣмъ религія есть сила Божія во спасеніе, и правда, и миръ, и радость о Дусѣ Святѣ!... А какая школа и какими средствами можетъ развить и укрѣпить въ душѣ человѣка эту силу, сообщить ей эту правду, этотъ миръ и эту радость? Только въ храмѣ само собою возникаетъ и развивается эта настроенность сердечная или вѣра, подъ вліяніемъ и при помощи всей совокупности тѣхъ священнодѣйствій, которыя не показываются, а совершаются здѣсь. Только въ храмѣ религія дѣйствительно сама собою, безъ особенныхъ пріемовъ и усилій со стороны служителей ея, является силою Божіею во спасеніе всякому вѣрующему и источникомъ мира и радости, потому что здѣсь, и только здѣсь, на дѣлѣ, а не на словахъ, совершаются тѣ священнодѣйствія, чрезъ которыя подаются вѣрующимъ всѣ божественныя силы; здѣсь, и только здѣсь, на живыхъ лицахъ бываютъ видимы и такъ-сказать осязаемы тѣ правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ, которые дѣйствительно посѣщаютъ душу вѣрующаго христіанина, и которыхъ никакими словами нельзя выразить и изобразить. Въ самомъ дѣлѣ, тогда ли вы поймете миръ и радость христіанскіе, когда вамъ о нихъ говорятъ только, или тогда, когда вы во-очію видите ихъ на лицѣ молящагося христіанина, а еще болѣе—когда испытываете на себѣ въ своемъ сердцѣ? Поймете ли и

усвоите ли высочайшія истины христіанства—любви и единодушія такъ ясно и живо въ школѣ, какъ бы хорошо вамъ ни объясняли ихъ, какъ когда вы видите на дѣлѣ соединенныхъ единымъ духомъ любви христіанъ, молящихся въ храмѣ! Во храмѣ всѣ едиными устами и единымъ сердцемъ славятъ Бога, и всѣ безъ различія отъ единой чаши причащаются. И такъ, храмъ подлинно, истинно и дѣйствительно есть училище вѣры и благочестія, какъ издревле называли его, есть подлинно и дѣйствительно залогъ и источникъ нравственнаго возрожденія и возрастанія. Поймемъ это серьезно, признаемъ искренно и воздадимъ поэтому славу Богу, что Онъ даровалъ намъ этотъ залогъ.

Если вообще безъ храма школа и школьное образованіе не могутъ достигать надлежащаго религіозно-нравственнаго просвѣщенія и воспитанія, то школа съ характеромъ миссіонерскимъ, имѣющая своею задачею приготовленіе такихъ людей, которые впослѣдствіи могли бы стать дѣятельными распространителями христіанскаго просвѣщенія среди своихъ единоплеменниковъ-чувашъ, могли бы послужить дѣлу умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія ихъ, школа, которая должна служить средоточіемъ и вмѣстѣ образцомъ для другихъ съ подобнымъ же характеромъ чувашскихъ школъ, въ которыя поступаютъ учителями ея воспитанники, не можетъ, такъ-сказать, и шагу ступить безъ храма.

Какими, въ самомъ дѣлѣ, средствами школа можетъ серьезно развить и укрѣпить въ своихъ питомцахъ, будущихъ учителяхъ религіи, долженствующихъ имѣть религіозно-нравственное воздѣйствіе и на взрослыхъ инородцевъ, любовь и уваженіе къ христіанской религіи и Русской православной церкви, утвердить ихъ въ добрыхъ христіанскихъ навыкахъ и привести къ живому сознанію важности христіанскаго просвѣщенія? Какъ мало въ этомъ отношеніи достигаютъ всѣ наши классные уроки, всѣ наши школьныя правила! Да это и естественно, потому что въ школѣ религія является все-таки какъ одинъ изъ школьныхъ предметовъ; въ школѣ религіозныя упражненія и обряды часто теряютъ, такъ-сказать, религіозный характеръ и получаютъ смыслъ и значеніе школьныхъ дѣйствій и правилъ, обязательныхъ только въ извѣстное время; только при помощи храма, чрезъ возможно частное, и притомъ живое, разумное и дѣятельное участіе въ священнодѣйствіяхъ храма, въ пѣснопѣніяхъ и молитвахъ можетъ образоваться въ душѣ живая религіозная настроенность и воспитаться любовь и уваженіе къ уставамъ и обрядамъ Русской православной церкви и живое сознаніе важности христіанскаго просвѣщенія и искреннее расположеніе и стремленіе къ нему. Но для этого необходимо, чтобы, на сколько возможно, евангельское ученіе было возвѣщаемо и церковное богослуженіе совершаемо на родномъ, понятномъ для инородцевъ языкѣ; только подъ этимъ условіемъ возможно сознательное, живое и сердечное общеніе съ храмомъ. Признаемъ же искренно и съ убѣжденіемъ все величіе милости Божіей къ намъ, даровавшей намъ отнынѣ жить и учиться подъ сѣнію храма и прославлять языкомъ своимъ Спасителя, пришедшаго спасти не однихъ погибшихъ чадъ дома Израилева, но всѣхъ людей безъ различія племенъ, нарѣчій и языковъ, и тѣмъ съ большимъ усердіемъ и благоговѣніемъ будемъ прибѣгать подъ эту сѣнь святыни!

Храмъ нашъ посвященъ воспоминанію величайшаго событія въ церкви Христовой—сошествія Святаго Духа на апостоловъ. Это соотношеніе имѣетъ для

насъ особенное значеніе. День сошествія Святаго Духа былъ днемъ рожденія церкви Христовой; въ этотъ день ясно обнаружилось какъ то, что христіанство есть религія всеобщая, назначенная для всѣхъ народовъ и для всѣхъ странъ міра, такъ и то, что проповѣдь евангельская и богослуженіе христіанское должны совершаться на всѣхъ языкахъ міра. Первымъ дѣйствіемъ Святаго Духа было то, что апостолы и бывшіе съ ними вѣрующіе всѣ начали глаголати величія Божія на всѣхъ языкахъ тогдашняго міра, такъ что іудеи и пришельцы, то-есть, обращенные въ еврейскую вѣру инородцы, собравшіеся ко дню пятидесятницы въ Іерусалимъ изъ всѣхъ странъ міра, услышавъ каждый собственное нарѣчіе, въ которомъ родился, изумлялись и недоумѣвали. Что убо хощетъ сіе быти? спрашивали они. Что это въ самомъ дѣлѣ значитъ, что новорожденная церковь въ лицѣ своихъ представителей молится и славословитъ величіе Божіе на всѣхъ языкахъ міра; первымъ дѣйствіемъ ея духовной жизни, первымъ, такъ-сказать, вздохомъ служитъ молитва и славословіе Богу на всѣхъ языкахъ? Это значитъ, что языки, которыми говорили исполненные Святаго Духа, предозначили, по выраженію блаженнаго Августина, церковь, имѣвшую говорить языками всѣхъ народовъ; это значитъ, что всяко колѣно поклонится и всякъ языкъ исповѣстъ, яко Господь есть Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца (Филип. 2, 14). Съ другой стороны, сошествіе Святаго Духа на апостоловъ есть такое событіе, которое указываетъ на источное начало христіанскаго образованія, раскрываетъ духъ и сущность его и показываетъ главныя цѣли, къ которымъ должно быть направлено истинное образованіе. По смыслу всего вѣроученія христіанскаго, Духъ Святый—третіе лицо Пресвятыя Троицы,—по вознесеніи на небо Христа Спасителя, преимущественно предъ другими лицами Пресвятой Троицы, наставляетъ вѣрующихъ на всякую истину (Іоан. 16, 13). Онъ есть духъ истины и утѣшитель, ниспосланный отъ Бога Отца, по обѣтованію и заслугамъ Единороднаго Сына Божія; Онъ есть жизни податель, сообщающій христіанамъ животворящую благодать, которая возрождаетъ насъ въ жизнь духовную и служитъ для возрожденной души тѣмъ, чѣмъ служитъ воздухъ для тѣла. Только Духъ Божій можетъ подать божественный свѣтъ и жизнь еще неразвитымъ душамъ, очистивъ ихъ отъ всякія скверны. Да будетъ же поэтому это величайшее и священное событіе—сошествіе Святаго Духа—путеводною звѣздою для васъ, юные питомцы и будущіе учители! Постарайтесь, какъ можно чаще, воспоминать объ этомъ событіи и въ немъ находить для себя утѣшеніе и успокоеніе въ борьбѣ съ трудностями ученія и просвѣщенія. Признайте отселѣ своимъ особеннымъ долгомъ изучить подробно и основательно преподаваемое вамъ въ школѣ и храмѣ Христово ученіе, такъ чтобы, переступивъ порогъ этого заведенія, вы могли принести въ инородческую семью, которая ходитъ еще во тьмѣ, просвѣщенный знаніемъ истины умъ, сердце, наученное любить все истинное и святое, волю, направленную къ добру,—могли бы своимъ примѣромъ, своимъ облагораживающимъ вліяніемъ, своимъ словомъ пробудить въ ней, семьѣ, дремлющія силы духа и возбуждать расположеніе и стремленіе къ принятію Христовой вѣры и вступленію въ церковь православную. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ могущественнымъ средствомъ для васъ можетъ служить пріобрѣтеніе въ семъ храмѣ навыка и умѣнья къ церковному пѣнію, которое производитъ неотразимое и благотворное впечатлѣніе на душу человѣческую.

Помолимся же усердно, братіе и юные питомцы, да будетъ для насъ сей освященный храмъ источникомъ и залогомъ вѣдѣнія и благочестія, крѣпости и силы, отрады и утѣшенія, мира и спасенія. Призри, Боже милосердый, на мѣсто сіе святое и услыши ны здѣ, вонь же аще день призовемъ Тя! Да будутъ, Господи, очи Твои отверсты на храмъ сей день и нощь! Да просвѣтится здѣсь и отсюда свѣтъ Твой на вся человѣки, на человѣки, которые еще и донынѣ ходятъ во тьмѣ заблужденій, находясь подъ вліяніемъ язычества и магометанства!

Послѣ совершенія молебна, было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, св. синоду, преосвященному Варсонофію, министру народнаго просвѣщенія, оберъ-прокурору св. синода, министру внутреннихъ дѣлъ графу Д. А. Толстому, впервые одобрившему мысль объ устройствѣ церкви, попечителю Казанскаго учебнаго округа, всѣмъ благотворителямъ и благотворительницамъ, начальствующимъ, учащимъ и учащимся.

По окончаніи службы, разосланы были извѣстительно-благодарственныя телеграммы лицамъ, оказавшимъ живое сочувствіе къ Симбирской центральной чувашской школѣ и дѣятельное участіе къ построенію домовой ея церкви, именно—министру народнаго просвѣщенія, оберъ-прокурору святѣйшаго синода, министру внутреннихъ дѣлъ и попечителю Казанскаго учебнаго округа, и на эти телеграммы М. А. Малиновскимъ были получены сочувственные отвѣты, а равно привѣтствія по телеграфу отъ предводителя дворянства Цивильскаго и Ядринскаго уѣздовъ Арцыбашева и членовъ Цивильскаго училищнаго совѣта Богородицкаго и Верцеліуса, и отъ директора Казанской учительской школы Н. И. Ильминскаго. Кромѣ того, инспекторомъ Яковлевымъ получены были весьма сочувственныя письма отъ разныхъ лицъ и отъ бывшихъ воспитанниковъ Симбирской центральной чувашской школы.

Въ четвергъ 24-го января М. А. Малиновскій осмотрѣлъ всѣ зданія школы и вновь построенный инспекторомъ домъ, въ которомъ помѣщаются спальни воспитанниковъ и учебныя мастерскія, и произвелъ испытанія воспитанникамъ и воспитанницамъ по Закону Божію, русскому языку, исторіи, географіи, пѣнію и проч.

Въ продолженіе семи дней, во вновь освященномъ храмѣ ежедневно совершалось всенощное бдѣніе и литургія, а въ родительскую субботу, 26-го января, въ день, установленный для поминовенія усопшихъ православною церковью, по мысли г. Малиновскаго, послѣ литургіи была отслужена панихида вселенская по усопшимъ православнымъ христіанамъ и отошедшимъ отъ міра сего бывшимъ воспи-

тателямъ, воспитанникамъ и воспитанницамъ школы. Въ воскресенье 27-го января, послѣ литургіи былъ совершенъ благодарственный Господу Богу молебенъ, а по окончаніи онаго провозглашено многолѣтіе Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, святѣйшему синоду, преосвященному Варсонофію, всѣмъ сочувственно содѣйствовавшимъ устроенію храма, благотворителямъ, благотворительницамъ, начальствующимъ и учащимъ, имена коихъ записаны въ церкви, для вѣчнаго поминовенія, а также учащимся.

Устройство настоящаго храма въ Симбирской центральной чувашской школѣ, которая приготовляетъ учителей и учительницъ въ начальныя народныя чувашскія училища, составляетъ весьма важное событіе въ дѣлѣ образованія инородцевъ-чувашъ; важное по тѣмъ ожидаемымъ результатамъ, которые, при помощи Божіей, будутъ неоспоримо благотворны для церкви и государства. Богъ дастъ, можетъ быть, цѣлыя тысячи чувашъ воспитаются подъ сѣнью нынѣ освященнаго храма, цѣлыя тысячи будутъ молиться въ немъ, и прежніе язычествующіе чуваши достойно станутъ въ ряды православныхъ дѣтей святой Россіи.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Май 1885.

I.

Политическія событія привели у насъ опять къ перемѣнѣ главы министерства народнаго просвѣщенія. Но въ самомъ министерствѣ не произошло никакого измѣненія, составъ высшаго персонала остался тотъ же, и Гоблэ, по видимому, будетъ продолжать традиціи своего предшественника. По случаю годичнаго собранія ученыхъ обществъ онъ сказалъ рѣчь, въ которой старался засвидѣтельствовать сочувствіе правительства къ частной ученой дѣятельности; личный же свой взглядъ на педагогическую сторону дѣла онъ еще не имѣлъ случая высказать.

Вопросъ, наиболѣе занимающій теперь нашихъ преподавателей, это вопросъ объ экзаменѣ на степень баккалавра; Парижскій словесный факультетъ на запросъ объ измѣненіи этого экзамена высказался за сохраненіе его, но въ значительно упрощенномъ видѣ, такъ чтобы по письменнымъ работамъ отъ молодыхъ людей требовалась только диссертація по философіи на французскомъ языкѣ и переводъ съ латинскаго на французскій же языкъ, для избѣжанія весьма частыхъ недоразумѣній въ томъ случаѣ, когда экзаменующійся совершенно не извѣстенъ экзаменатору; всѣ являющіеся на испытаніи должны представлять отмѣтки, полученныя ими въ послѣднихъ двухъ классахъ лицея, чтобъ экзаменаторы безъ затрудненія могли судить о степени развитія экзаменующихся, а факультеты—о сравнительномъ достоинствѣ различныхъ лицеевъ учебнаго округа. Кромѣ упрощенія экзамена на степень баккалавра, факультетъ требуетъ учрежденія другаго болѣе строгаго испытанія для молодыхъ людей, намѣревающихся искать степени магистра

(licencié). Наконецъ, выражено желаніе, чтобы молодые люди являлись на испытаніе всегда въ предѣлахъ того учебнаго округа, въ которомъ они проживаютъ.

Годичный съѣздъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ, происходившій, по обыкновенію въ Сорбоннѣ на Пасхѣ, былъ въ нынѣшнемъ году не особенно интересенъ. Многіе жалуются, что это учрежденіе клонится къ упадку. Очень много ученыхъ пріѣзжаетъ, конечно, въ Парижъ, пользуясь значительною уступкой съ платы, дѣлаемою желѣзнодорожными компаніями, но засѣданія посѣщаютъ они не очень усердно. Между тѣмъ наши провинціальныя ученыя общества (ихъ насчитывается до 300) весьма трудолюбивы, и изданія ихъ представляютъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній. Иностранцамъ трудно пользоваться этими изданіями. Въ виду того, одинъ почтенный ученый, г. де-Ластери возымѣлъ счастливую мысль напечатать библіографію историческихъ и археологическихъ трудовъ, изданныхъ провинціальными учеными обществами. Первая книжка этого изданія была представлена на съѣздъ 1885 г. Ластери соблюдалъ въ ней алфавитный порядокъ, бралъ одинъ департаментъ за другимъ и въ каждомъ изъ нихъ разработывалъ соотвѣтствующія общества; кромѣ того, о каждомъ обществѣ сообщаются историческія свѣдѣнія. Это изданіе окажетъ большія услуги историкамъ и археологамъ. Впрочемъ послѣднія сочиненія провинціальныхъ ученыхъ обществъ уже разобраны въ Répertoire des travaux historiques, издаваемомъ въ Парижѣ подъ покровительствомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Кромѣ вопроса объ экзаменѣ на степень баккалавра, сильно занимаетъ теперь наше учебное вѣдомство вопросъ о дисциплинѣ на публичныхъ лекціяхъ. Въ сущности лекціи въ Сорбоннѣ открыты для лицъ обоего пола. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ были учреждены лекціи исключительно для студентовъ, но рядомъ съ ними существуютъ и публичныя лекціи; всякій можетъ прійдти слушать ихъ, не записавъ своей фамиліи и не представивъ никакого удостовѣренія о своей личности. Этого рода свобода имѣетъ и свои неудобства. Изъ публичныхъ лекцій Сорбонны особенно славятся лекціи профессора философіи Каро. Каро состоитъ членомъ французской академіи, сотрудникомъ Revue des deux Mondes и Journal des savants; благодаря своему краснорѣчію, это самый популярный профессоръ Сорбонны. Множество дамъ слушаетъ его лекціи, на которыя собирается столь же много народу, какъ и на проповѣди нѣкоторыхъ проповѣдниковъ. Но недавно Каро, въ качествѣ директора Французской

академіи, долженъ былъ сказать рѣчь на могилѣ одного изъ умершихъ академиковъ, именно—Эдмонда Абу. Онъ высказалъ по поводу религіозныхъ убѣжденій Абу свои мнѣнія—не во вкусѣ нѣкоторыхъ студентовъ Латинскаго квартала. Недѣлю спустя эти студенты, юристы и медики, совершенно чуждые философскимъ занятіямъ, наполнили аудиторію Каро задолго до прихода обычныхъ его слушателей, встрѣтили профессора свистками и такъ шумѣли, что мѣшали ему говорить. Послѣ двухъ или трехъ шумныхъ приступовъ, во время которыхъ Каро обнаружилъ много краснорѣчія и сохранилъ свое достоинство, онъ долженъ былъ отказаться отъ чтенія, и лекціи были закрыты по распоряженію университетской власти. Онѣ возобновились послѣ Пасхи; но на этотъ разъ деканъ распорядился, чтобы слушатели брали входныя карточки въ Сорбоннѣ, а женщины и совсѣмъ не были допускаемы, на лекціи. По этому поводу возникъ вопросъ: не слѣдуетъ ли принять мѣры противъ возможнаго повторенія подобныхъ происшествій, компрометирующихъ достоинство преподаванія. Лекціи могутъ быть публичными въ смыслѣ свободнаго доступа для всякаго, но только для слушанія ихъ, а не для неприличныхъ выходокъ. Университетской власти необходимо имѣть средство, воспрещающее входъ въ залу лицамъ, случайно туда попадающимъ для освистыванія профессора. Требуютъ, чтобы впредь никто не допускался къ посѣщенію лекцій безъ предъявленія карточки при входѣ. Если лицо, предъявившее карточку, нарушаетъ спокойствіе, оно лишается ея и немедленно подвергается удаленію изъ аудиторіи. Но мѣра эта трудно примѣнима въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, гдѣ иностранцы бываютъ большею частію проѣздомъ, на нѣсколько недѣль, и стараются побывать на лекціяхъ извѣстныхъ профессоровъ, и было бы печально, еслибъ иностранцы были свидѣтелями подобныхъ неприличныхъ сценъ, не терпимыхъ ни въ одномъ европейскомъ городѣ.

Я вамъ писалъ въ послѣднемъ мартѣ мѣсяцѣ о представленіи, сдѣланномъ Французскою коллегіей, кандидатовъ для замѣщенія трехъ свободныхъ каѳедръ: по латинской филологіи, по персидскимъ нарѣчіямъ и по литературамъ славянскимъ. Избраніе состоялось согласно желанію коллегіи и академіи. Послѣ пасхальныхъ вакацій, новоназначенные профессоры Авэ, Дарместеттеръ и Лежеръ открыли свои лекціи; произошло еще небывалое событіе въ исторіи коллегіи—одновременное открытіе лекцій по тремъ новымъ предметамъ. Авэ объясняетъ отрывки изъ Эннія и исторію фонетики латинскаго языка. Дарместеттеръ читаетъ о персидской эпопеѣ и объясняетъ Шахъ-Нахме,

Лежеръ излагаетъ этнографію славянскихъ народовъ и общую исторію ихъ цивилизаціи, а также объясняетъ славянскую хрестоматію Воскресенскаго. Французы начинаютъ, кажется, серьезно интересоваться изученіемъ славянскаго міра; болѣе двухъ сотъ слушателей присутствовало на вступительной лекціи по этому предмету. Лекція эта издана брошюрой подъ заглавіемъ: „Славяне въ XIX вѣкѣ" (Les Slaves au XIX siècle). Лекція Дарместеттера появится вскорѣ въ издаваемой книгопродавцемъ Леру „Восточной библіотекѣ".

II.

Неутомимый Элизе Реклю издалъ въ свѣтъ X-й томъ своей „Новой всеобщей географіи". Томъ этотъ посвященъ нильскому бассейну; авторъ описываетъ въ немъ Египетскій Суданъ, Эѳіопію, Нубію и собственно Египетъ. Эта книга появилась кстати, когда всеобщее вниманіе обращено на страны, въ ней описываемыя. Къ книгѣ приложено 3 раскрашенныя карты, и сверхъ того, въ текстъ помѣщено 11 картъ. Реклю воспользовался сообщеніями, которыя сдѣланы ему нѣкоторыми учеными, какъ, напримѣръ, Масперо, Эрнестомъ Дежарденомъ, Дюверье. Европейцы, живущіе въ Египтѣ, снабдили его также драгоцѣнными свѣдѣніями. Реклю теперь 55 лѣтъ, и при его бодрости можно надѣяться на благополучное окончаніе великолѣпнаго памятника, сооружаемаго имъ географической наукѣ.

Эрнестъ Дежарденъ, имя котораго я только что упомянулъ, напечаталъ наконецъ третій томъ своего огромнаго сочиненія: „Географія Римской Галліи". Первый томъ появился въ 1876 г., а второй въ 1878; въ этомъ второмъ томѣ авторъ разсматриваетъ завоеваніе Галліи Цезаремъ; въ только что вышедшемъ третьемъ онъ объясняетъ, какъ завоеваніе, начатое оружіемъ, окончилось упроченіемъ римскихъ учрежденій. Этотъ періодъ объединенія и организаціи длился до конца IV вѣка. Въ 4-мъ и послѣднемъ томѣ своего труда Дежарденъ представитъ сѣть римскихъ путей сообщенія и подробную топографію; къ книгѣ будетъ приложена большая общая карта, составленная авторомъ вмѣстѣ съ Лоньономъ. Только что изданный томъ замѣчателенъ по богатству и подробности свѣдѣній. Дежарденъ особенно много пользовался эпиграфическими текстами, а знаетъ онъ ихъ лучше, чѣмъ кто-либо другой; въ настоящее время онъ замѣняетъ во Французской коллегіи знаменитаго эпиграфиста Леона Ренье. Къ его новой книгѣ приложено нѣсколько фак-

симиле съ надписей и медалей и изображенія памятниковъ галло-римскихъ и кельтскихъ, между прочимъ знаменитаго гальскаго престола, хранящійся въ музеѣ Клюни и четырехугольнаго дома въ Нимѣ (maison carré de Nimes). Было бы весьма желательно видѣть въ близкомъ будущемъ послѣдній томъ монументальнаго сочиненія Дежардена.

Изъ диссертацій на степень доктора, представленныхъ въ Парижскій словесный факультетъ, наиболѣе оригинальна по своему содержанію написанная Полемъ Реньо—„О санскритской риторикѣ". Только еще во второй разъ со времени диссертаціи Бергеня о ведійской религіи, представляется въ Сорбонну диссертація, касающаяся изученія индійскаго міра. Предметъ, разработанный Реньо (онъ состоитъ профессоромъ факультета въ Ліонѣ) въ обширной его книгѣ въ 400 страницъ, имѣетъ большое значеніе по своей новизнѣ; автора упрекали за недостаточно точное распредѣленіе матеріала въ его трудѣ, но всѣ признали богатство сообщаемыхъ имъ свѣдѣній интересъ еще неизвѣстныхъ текстовъ, имъ изданныхъ. У индѣйцевъ не было трактата по риторикѣ столь строготехническаго, какъ напримѣръ, трактатъ Аристотеля, и взглядъ ихъ на литературную технику сильно отличался отъ идей, распространенныхъ въ европейскихъ литературахъ. Трудъ Реньо есть только опытъ, но опытъ плодотворный, долженствующій вызвать собою много другихъ сочиненій. Автору его принадлежитъ честь основанія въ провинціи преподаванія санскритскаго языка, и пока онъ единственный его представитель. Къ диссертаціи Реньо приложена подробная библіографія и нѣсколько не изданныхъ еще текстовъ.

Гастонъ Парисъ, профессоръ средневѣковой французской литературы во Французской коллегіи, одинъ изъ лучшихъ нашихъ ученыхъ, и одинъ изъ основателей Revue Critique, играющаго столь видную роль во французской наукѣ, а также журнала Romania, работаетъ надъ обширною исторіей французской литературы, издаваемою академіей надписей, членомъ которой Г. Парисъ состоитъ. Большая часть его сочиненій разбросана по разнымъ сборникамъ, и теперь по прошествіи 20 лѣтъ трудно найдти ихъ. Въ книгѣ, озаглавленной „Поэзія въ средніе вѣка" (Poésie du Moyen âge), Парисъ вздумалъ соединить главныя изъ своихъ статей. Это вступительныя лекціи, читанныя имъ во Французской коллегіи, а также чтенія его въ академіи. Авторъ говоритъ о происхожденіи французской литературы, о „Chanson de Roland", о „Pélerinage de Charlemagne à Jérusalem", о „легендѣ

объ Ангелѣ и Отшельникѣ", о „Наукѣ любви" и вообще объ Овидіи и его подражателяхъ въ средневѣковой французской литературѣ; кромѣ того, въ книгѣ помѣщена статья о П. Парисѣ отцѣ автора, бывшемъ его предшественникѣ во Французской коллегіи и много способствовавшемъ развитію вкуса къ изученію нашей старинной литературы. Всѣ эти статьи одинаково замѣчательны, читаются съ интересомъ и полезны для справокъ, а одна изъ нихъ имѣетъ и значеніе современнаго историческаго документа. Въ декабрѣ 1870 г., когда нѣмцы собирались бомбардировать Парижъ, министръ народнаго просвѣщенія Жюль Симонъ приказалъ открыть лекціи во Французской коллегіи въ обычное время. Конечно, это были дни, мало удобные для занятія чистою наукой. Парисъ выбралъ предметомъ своихъ чтеній „Пѣснь о Роландѣ", эту по преимуществу патріотическую поэму; другою темой его чтеній была французская народность. Понятно, съ какимъ интересомъ изучалась тогда поэма, въ которой прославляется одно изъ героическихъ въ нашей исторіи пораженій нашей націи. Книга Париса будетъ, конечно, способствовать распространенію во Франціи занятій, до сихъ поръ не получившихъ должнаго значенія, и которыя еще до сихъ поръ кажутся нѣкоторымъ излишними, напримѣръ, Брюнетьеру, критику Revue de deux mondes.

Одинъ изъ лучшихъ учениковъ Гастона Париса, Ванъ-Гамель, профессоръ романской филологіи въ Грёнингенскомъ университетѣ въ Голландіи, только что напечаталъ весьма важные памятники нашей средневѣковой литературы: „Li Romans de Carité" и „Miserere", произведенія поэта конца XII вѣка, котораго звали renclus de Molliens. Это памятники почти не изданные, такъ какъ они теперь впервые вышли въ свѣтъ въ критическомъ изданіи. Для своего изданія Ванъ-Гамель сличилъ пятьдесятъ списковъ; онъ описываетъ ихъ въ дѣльномъ введеніи, занимающемъ собою около двухсотъ страницъ, и тутъ же дѣлаетъ разборъ поэмъ и даетъ свѣдѣнія о жизни поэта. Это былъ священникъ на сѣверѣ Франціи, ведшій чисто отшельническую жизнь. „Li Roman de Carité"—поэма поучительная, нравственная и сатирическая. Авторъ доказываетъ, что милосердіе исчезло изъ этого міра, и вотъ онъ отправляется въ путь, желая найдти его; сначала посѣщаетъ Римъ, но не находитъ милосердія ни у папы, ни у кардиналовъ; переходитъ въ Тосканскую область, въ Апулію, Польшу, Венгрію, Грецію, Константинополь, идетъ въ Святую Землю, въ Англію, въ Брабантъ; онъ исходилъ всю Францію и долженъ былъ сознаться, что нигдѣ не встрѣтилъ милосердія, что оно навсегда оста-

вило землю. Поэма „Miserere“ представляетъ длинный перечень человѣческихъ грѣховъ и цѣлую серію нравственныхъ поученій. Къ обѣимъ поэмамъ приложенъ весьма подробный словоуказатель, очень облегчающій чтеніе ихъ. Это превосходное изданіе посвящено Гастону Парису. Ванъ-Гамель, какъ я уже сказалъ, голландскаго происхожденія; въ своемъ предисловіи онъ выражаетъ свое уваженіе своимъ французскимъ учителямъ Г. Парису, П. Мейеру, Дж. Дарместеттеру, и щедрости французскаго правительства, принимающаго безплатно иностранцевъ въ свои школы и печатающаго ихъ произведенія на свой счетъ.

Я уже не разъ писалъ вамъ о тщательныхъ работахъ Поля Альбера, бывшаго профессора новой французской литературы во Французской коллегіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ умеръ, оставивъ нѣкоторое число не оконченныхъ рукописей; его сынъ привелъ ихъ въ порядокъ и издалъ въ нѣсколькихъ книгахъ. Недавно вышедшая книга его о французской литературѣ XIX вѣка (La Littérature française au XIX siècle) заключаетъ въ себѣ лекціи, читанныя П. Альберомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ не во Французской коллегіи, но публично, и преимущественно для женщинъ. Лекціи эти не имѣютъ полной законченности, но каждая сама по себѣ представляетъ нѣчто цѣлое и даетъ точное понятіе о разбираемомъ въ ней писателѣ. Прежде всего надо было познакомить слушательницъ съ сочиненіями писателей, прочесть которыхъ цѣликомъ у нихъ не хватило бы ни храбрости, ни времени—съ Гизо, Тьеромъ, Мишле, Жоффруа, Кузеномъ, Вильменомъ, Ламенэ, Беранже и другими, или съ писателями, которыхъ не даютъ для чтенія молодымъ дѣвушкамъ, каковы Бальзакъ, Александръ Дюма, Жоржъ Зандъ, Стендаль, Мериме. Поль Альберъ сумѣлъ подойдти къ этимъ писателямъ съ большимъ тактомъ и осторожностью; онъ былъ любимѣйшимъ профессоромъ среди женщинъ. Онѣ читаютъ съ удовольствіемъ и пользой его посмертныя лекціи, въ которыхъ и люди болѣе серьезные найдутъ много любопытныхъ подробностей.

Для женщинъ и свѣтскихъ людей написана также новая книга Мерлэ: „Литературные этюды о великихъ греческихъ классикахъ“ (Etudes littéraires sur les grands classiques grecs) въ томъ же родѣ, какъ и книга его о латинскихъ классикахъ, о которой я вамъ сообщалъ въ свое время. Программы женскихъ гимназій требуютъ нѣкотораго знанія греческой и латинской литературы, но знанія древнихъ языковъ не требуютъ. Мерлэ сдѣлалъ выборку изъ лучшихъ

французскихъ переводовъ (а ихъ множество) замѣчательнѣйшихъ греческихъ поэтовъ и прозаиковъ отъ Гомера до Лукіана; отрывкамъ предшествуютъ литературныя и библіографическія замѣтки. Мысль составить сборникъ очень счастливая, а исполненіе весьма удачно.

Вреаль давно трудится надъ составленіемъ обширнаго этимологическаго словаря латинскаго языка, предназначеннаго замѣнить собою словарь Ваничка. Пока этотъ большой трудъ не конченъ, Бреаль издалъ сокращенный словарь для школьнаго употребленія (Dictionnaire étymologique latin, par M. Breal et A. Bailly). Сотрудникъ Бреаля— профессоръ Орлеанскаго лицея, авторъ прекрасной греческой грамматики и руководства къ изученію корнесловія греческаго и латинскаго. Въ своемъ трудѣ составители старались не только по возможности обозначить корни словъ, но также дать исторію смысла каждаго слова; случается въ самомъ дѣлѣ весьма часто, что наиупотребительный смыслъ слова отступаетъ отъ своего первоначальнаго значенія; Вреаль и Балльи пролили новый свѣтъ на эту сторону дѣла, приведя множество любопытныхъ примѣровъ; такъ слово laetus не значило первоначально веселый, но тучный, плодоносный (говоря о землѣ). По соприкосновенію латыни съ другими языками индо-европейскаго семейства авторы должны были ввести для сравненія языки санскритскій, греческій, англійскій, нѣмецкій и литовскій. Этотъ почтенный трудъ несомнѣнно разовьетъ желаніе заниматься классическою филологіей въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Я когда-то сообщалъ вамъ о руководствѣ къ исторіи религій Тиле, профессора исторіи религіи въ Лейденскомъ университетѣ. Эта полезная книга вышла теперь вторымъ изданіемъ; первое разошлось въ три года. Авторъ сдѣлалъ много измѣненій; онъ исправилъ многія главы, между прочимъ и ту, въ которой говорится о древней халдейской или аккадійской, а также объ индѣйскихъ религіяхъ, внесъ также серьезныя измѣненія касательно маздеизма и славянской миѳологіи. Эта послѣдняя глава была сличена авторомъ съ недавно вышедшимъ трудомъ Лежера о славянской миѳологіи, напечатаннымъ въ Парижѣ въ 1882 г. И все же глава эта наиболѣе слабая. Въ библіографіи авторъ указываетъ въ числѣ источниковъ на книгу англичанина Ральстона „Пѣсни русскаго народа“ (The songs of the russian people), и что́ уже совершенно не кстати—на его же сочиненіе о Крыловѣ и его басняхъ. Очевидно, лейденскій профессоръ принялъ русскаго баснописца за какого-то первобытнаго народнаго пѣвца.

Другое гораздо болѣе замѣчательное сочиненіе по исторіи религій

издается уже много лѣтъ А. Ревиллемъ, профессоромъ Французской коллегіи. Все это огромное сочиненіе составитъ десять или двѣнадцать томовъ. Три тома уже вышли: первая часть заключаетъ въ себѣ введеніе, а два тома посвящены религіямъ не цивилизованныхъ народовъ. Четвертый, только что появившійся, посвященъ религіямъ Мексики, центральной Америки и Перу. Ревилль смотритъ на эти религіи, какъ на совершенно самобытныя, и энергично отрицаетъ теоріи, желающія произвести ихъ отъ религій стараго свѣта. Правда, между религіями новаго и стараго свѣта есть много общаго, но Ревилль не допускаетъ, чтобъ это сходство было дѣломъ исторической передачи. Онъ держится того мнѣнія, что человѣкъ, одинъ и тотъ же, и что всюду, гдѣ люди группируются, вездѣ являются одни и тѣ же явленія. Въ этой книгѣ онъ не изучаетъ религій, но даетъ блестящую картину цивилизаціи, посреди которой онѣ получили развитіе. Эта цивилизація была очень сильна, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ она была даже выше нашей цивилизаціи, Сочиненіе Ревилля есть вкладъ не только въ исторію религій, но и во всеобщую исторію. Первые томы этого важнаго труда переведены на англійскій языкъ. Ревилль вызванъ былъ въ Англію для нѣсколькихъ чтеній по наукѣ, въ которой онъ признанъ знатокомъ и самымъ блестящимъ ея представителемъ.

Членъ Французской академіи Камиллъ Руссе, написавшій извѣстное сочиненіе объ исторіи Крымской войны, издалъ книгу весьма любопытную для исторіи Франціи XIX вѣка: „Одинъ изъ министровъ реставраціи, маркизъ де-Клермонъ-Тоннерръ“ (Un ministre de la restauration, le marquis de Clermont Tonnerre). Книга эта есть извлеченіе изъ мемуаровъ, оставленныхъ маркизомъ Клермонъ-Тоннеромъ, бывшимъ пэромъ Франціи, морскимъ и военнымъ министромъ во время реставраціи; удалившись отъ дѣлъ послѣ 1830 г., Клермонъ-Тоннеръ умеръ въ 1865 г., девяноста лѣтъ отъ роду; онъ служилъ въ чинѣ офицера въ арміи во время революціи и имперіи и состоялъ при особѣ Іосифа, короля Неаполитанскаго и послѣ Испанскаго. Первая часть его біографіи заключаетъ въ себѣ любопытныя подробности объ этой эпохѣ героической и легендарной; но какъ и большая часть офицеровъ того времени, Клермонъ-Тоннеръ оставался вѣренъ законной монархіи, которая и сумѣла хорошо вознаградить его за это. Въ 1822 г. онъ былъ назначенъ морскимъ министромъ, а въ 1824—военнымъ: тогда онъ снарядилъ экспедицію, окончившуюся покореніемъ Алжира; онъ побуждалъ Карла X рѣшится на эту экс-

педицію, ему же принадлежитъ и ея планъ. Правда, что планъ этотъ приведенъ въ исполненіе другими, но первая заслуга осталась за старымъ полковникомъ арміи Наполеона I. Удалившись въ свое имѣніе послѣ паденія Бурбоновъ, прежній министръ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни литературнымъ трудамъ; онъ напечаталъ переводъ Исократа, весьма одобряемый эллинистами. Эта благородная и интересная личность освѣщена Руссе съ присущимъ ему талантомъ.

Еще въ прошломъ году я писалъ вамъ объ интересномъ путешествіи „Изъ Москвы въ Бактріану" (De Moskou en Bactriane) Габріеля Бонвало, посланнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскимъ правительствомъ въ среднюю Азію. Бонвало имѣетъ всѣ качества истиннаго изслѣдователя; книга его, напечатанная въ прошломъ году, имѣла настоящій успѣхъ. Теперь вышло новое его сочиненіе: „Изъ Когистана къ Каспію" (Du Kohistan à la Kaspienne). Онъ посѣтилъ Самаркандъ и голодную степь, Когистанъ, долину Чакталъ, проѣхалъ вдоль теченія Аму-Дарьи, посѣтилъ Хиву и Усть-Уртъ. Бонвало—серьезный путешественникъ; во время своихъ поѣздокъ онъ достаточно изучилъ русскій языкъ и мѣстныя нарѣчія, чтобы составить себѣ болѣе точное понятіе о нравахъ населенія; онъ неутомимъ и не пренебрегаетъ никакими подробностями, могущими заинтересовать французскаго читателя. Онъ говоритъ съ большою похвалой о русскихъ, съ которыми былъ въ сношеніяхъ, особенно о генералахъ Кауфманнѣ, Колпаковскомъ и Ивановѣ, и восхищается способностью русскихъ ассимилировать племена средней Азіи. Его книга вошла въ составъ превосходной коллекціи путешествій книгопродавца Плона. Въ томъ же собраніи появилось сочиненіе „Кавказъ и Персія" (Le Caucase et la Perse), Орсоля. Орсоль—только туристъ, не знакомый ни съ русскимъ, ни съ персидскимъ языкомъ, но умный наблюдатель и пріятный разкащикъ. Впрочемъ онъ посѣтилъ малоизвѣстныя части Кавказа—Ани, Эчміадзинъ; его впечатлѣнія интересны въ чтеніи и любопытны для вашихъ соотечественниковъ. Еще надо отмѣтить въ той же коллекціи книгу Поля Мелона „Изъ Палермо въ Тунисъ" (De Palerme à Tunis). Мелонъ занимался преимущественно организаціей французскихъ школъ въ Тунисѣ и сообщаетъ много любопытнаго по этому вопросу.

Ксенополь, профессоръ Ясскаго университета, только что издалъ въ свѣтъ на французскомъ языкѣ книгу, озаглавленную такъ: „Историческая загадка. Румыны въ средніе вѣка" (Une enigme historique.



Les Roumains au moyen age), ученый трудъ, вполнѣ стоющій вниманія. Нынѣшніе румыны считаются потомками римскихъ поселенцевъ, пришедшихъ въ Дакію во II вѣкѣ христіанской эры. Надо ли предполагать, что они всегда оставались въ этой провинціи, или временно покидали ее, съ тѣмъ, чтобы снова вернуться туда? Это вопросъ тѣмъ болѣе важный, что онъ примѣнимъ и къ современной политикѣ; извѣстно, что и теперь еще мадьяры считаютъ себя ранѣе румынъ пришедшими въ Дакію и смотрятъ на нихъ, какъ на переселенцевъ. Этотъ же взглядъ поддерживалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, иРесслеръ, извѣстный австрійскій ученый; Ксенополь опровергаетъ его и, какъ мнѣ кажется, весьма основательно. Онъ говоритъ, что ничѣмъ не доказано, чтобы румыны покидали когда-нибудь свою страну или возвращались въ нее. Указываетъ онъ и на то, что еслибы даже румыны дѣйствительно уходили на югъ отъ Балканъ, то въ такомъ случаѣ они принесли бы въ свою страну богослуженіе на греческомъ языкѣ, а не на славянскомъ. Кромѣ того, самый языкъ нынѣшнихъ румынъ Македоніи весьма не схожъ съ языкомъ ихъ задунайскихъ братьевъ. Доводы Ксенополя были бы еще болѣе убѣдительны, еслибы самъ онъ былъ болѣе свѣдущъ въ славянской филологіи. Къ сожалѣнію, онъ недостаточно знаетъ этотъ предметъ. Впрочемъ ему не трудно было разрушить систему Ресслера. Правда, что валахи или румыны какъ бы преданы забвенію въ первый періодъ среднихъ вѣковъ. Но это происходитъ отъ того, что они были народомъ мирнымъ, главнымъ образомъ земледѣльческимъ. Небольшое число историческихъ свидѣтельствъ не доказываетъ еще, что они вовсе не существовали. Диссертація Ксенополя вообще представляетъ собою весьма ученый трудъ и будетъ читаться съ интересомъ, особенно въ восточной Европѣ.

Въ одномъ изъ моихъ послѣднихъ писемъ я сообщалъ вамъ о появленіи послѣдняго сочиненія „Марка Монье, профессора Женевскаго университета: „Исторія европейской литературы. Отъ Данте до Лютера“ (Historie littéraire de l' Europe. De Dante à Luther). Съ сожалѣніемъ извѣщаю васъ о кончинѣ этого отличнаго профессора: Маркъ Монье хотя и долгое время жилъ въ Швейцаріи, но происхожденія онъ былъ французскаго; онъ былъ неутомимымъ труженикомъ и хорошимъ знатокомъ италіанской литературы. Лѣтопись умственной жизни въ Италіи, которую онъ печаталъ ежемѣсячно въ Bibliothèque Universelle, издаваемой въ Лозаннѣ, по истинѣ образцовая. Онъ также хорошо зналъ и Германію и далъ намъ пе-

реводъ Фауста, лучшій изъ всѣхъ, у насъ имѣющихся. Большая часть его статей относится къ исторіи современной Италіи. Болѣе другихъ обратила на себя вниманіе книга его подъ заглавіемъ: „Отжившая ли страна Италія?" (L' Italie est-elle la terre des morts?). Ему же мы обязаны остроумными литературными этюдами о предкахъ Фигаро (Les Aïeux de Figaro) и о женевскихъ поэтахъ. Во время его кончины Французская академія увѣнчала его послѣднее произведеніе, назначивъ автору премію въ 2000 франковъ. Монье было только 56 лѣтъ; трудно замѣнить его въ Женевскомъ университетѣ: число слушателей его было около ста человѣкъ.

Л. Л-ръ.

НЕКРОЛОГЪ.

I.

К. Д. Кавелинъ.

Все болѣе и болѣе рѣдѣютъ ряды ученыхъ и литературныхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ: 3-го мая скончался Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Мы, ученики его, помнимъ, какое благотворное дѣйствіе производили на насъ его лекціи, какъ жадно слушали мы его толкованія событій русской исторіи, и потому намъ нужно помянуть его. Когда въ 1847 году поступилъ я въ Московскій университетъ, Кавелинъ былъ уже три года профессоромъ; онъ родился въ 1818 году, кончилъ курсъ по юридическому факультету въ 1839 году, получивъ золотую медаль за разсужденіе: „О римскомъ владѣніи". Защитивъ въ 1843 году диссертацію: „Основныя начала русскаго судопроизводства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до учрежденія о губерніяхъ", онъ получилъ степень магистра и тогда же былъ назначенъ адъюнктомъ; предметомъ его преподаванія опредѣлена была исторія русскаго права. Зная прежніе курсы Кавелина лишь по запискамъ слушателей, я могу говорить съ полнымъ знаніемъ дѣла лишь о курсѣ, который онъ читалъ намъ. Курсъ свой профессоръ начиналъ общимъ взглядомъ (который былъ напечатанъ въ видѣ статьи „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи" въ Современникѣ 1847 года). Этотъ общій взглядъ производилъ въ свое время необыкновенно сильное впечатлѣніе: въ немъ была попытка построить всю русскую исторію на основаніи развитія трехъ началъ—родоваго, вотчиннаго и государственнаго, а въ основѣ всего положено было постепенное развитіе личности и освобожденіе

ея отъ формъ родоваго быта. Попытка смѣлая, тогда казавшаяся намъ вполнѣ удовлетворительною и вызвавшая многихъ къ самодѣятельности. Она вызвала критику Самарина и послужила основою ученой дѣятельности Б. Н. Чичерина. Этого одного достаточно, чтобъ указать значеніе попытки Кавелина. Впослѣдствіи въ критикѣ на разсужденіе Соловьева „Исторія родовыхъ отношеній между князьями Рюрикова дома" (Современникъ 1848 года) Кавелинъ далѣе развилъ свои мысли. За введеніемъ слѣдовало въ его курсѣ значительное для тогдашняго времени изложеніе древняго быта славянъ, сколько по первоисточникамъ, столько же по путешественникамъ у турецкихъ славянъ (Ами Буэ и т. д.). Дальнѣйшее изложеніе по обстоятельствамъ было сокращено: два мѣсяца Кавелинъ не читалъ лекцій и представлялъ только общій обзоръ государственной исторіи Россіи до Петра Великаго. Въ прежніе годы Кавелинъ останавливался и на исторіи гражданскаго и уголовнаго права. Рядомъ съ догматическимъ курсомъ Кавелинъ велъ экзегетическое толкованіе источниковъ: съ нашимъ курсомъ прочитана была „Русская Правда". Трудно представить себѣ то обаяніе, которое производилъ тогда этотъ еще столь молодой профессоръ своимъ изящнымъ изложеніемъ, своимъ необыкновенно скромнымъ, но чрезвычайно пріятнымъ видомъ. Мы были послѣдніе слушатели Кавелина въ Московскомъ университетѣ: грустная исторія заставила оставить каѳедру его и П. Г. Рѣдкина, который тоже принадлежалъ къ числу любимыхъ профессоровъ; самъ Грановскій едва не оставилъ университета. Впрочемъ, не зная вполнѣ точно этой исторіи, я не рѣшаюсь говорить о ней подробно. Какъ бы то ни было, Кавелинъ очутился въ 1848 году въ Петербургѣ, гдѣ служилъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, былъ секретаремъ въ отдѣленіи этнографіи Географическаго общества и редакторомъ первыхъ выпусковъ „Этнографическаго сборника". Къ этой эпохѣ его жизни, начавшейся замѣчательною статьей о книгѣ Терещенка (Современникъ 1848 года), въ которой развито было многое, входившее въ лекціи, читанныя нашему курсу, относится его дѣятельность по русской этнографіи, чрезвычайно живая и плодотворная. Вспомнимъ, что Кавелинъ воодушевилъ Аѳанасьева, одного изъ близкихъ и любимыхъ его учениковъ. Въ 1858 году Кавелинъ преподавалъ законовѣдѣніе покойному Государю Наслѣднику Цесаревичу и въ томъ же году занялъ каѳедру гражданскаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ, которую покинулъ въ 1861 году. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ преподавалъ гражданское право въ военно-юридической академіи. Не

стану входить въ разборъ его произведеній по этой каѳедрѣ, но скажу только, что Кавелинъ принадлежалъ къ числу поборниковъ освобожденія крестьянъ съ землею, что онъ постоянно стоялъ за сельскую общину и написалъ по этому вопросу не одну замѣчательную статью. Въ послѣдніе годы онъ занялся вопросами философскими, написалъ два сочиненія: одно — о психологіи, другое — объ этикѣ. Сочиненія эти стремятся примирить непримиримое, и потому, не смотря на всю прелесть изложенія, успѣха имѣть не могли; на полѣ позитивизма не можетъ возрости идеализма; ему нужна другая почва, и исторія души человѣческой не есть полный отвѣтъ на всѣ пытанія мыслящаго ума. Благодушная, изящная натура Кавелина сказалась и въ этихъ примирительныхъ попыткахъ, какъ и во всей его дѣятельности. Кавелинъ, надѣюсь, еще дождется полной оцѣнки, которая объяснитъ и то, почему его большія способности принесли далеко не тотъ плодъ, котораго можно бы отъ нихъ ожидать. Мы же имѣли въ виду лишь выразить искреннюю глубокую благодарность за то хорошее, что вынесли изъ его лекцій.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

II.

И. С. Якимовъ.

16-го мая С.-Петербургская духовная академія понесла тяжелую утрату: въ три часа утра скончался одинъ изъ лучшихъ ея профессоровъ, Иванъ Степановичъ Якимовъ. Покойный былъ сынъ причетника села Верхосунья, Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи. Среднее образованіе онъ получилъ въ Вятской духовной семинаріи. Въ 1867 году онъ, какъ даровитый воспитанникъ, не окончивъ полнаго семинарскаго курса, изъ пятаго класса или, по прежнимъ порядкамъ, изъ перваго курса богословія, на казенный счетъ былъ посланъ въ Петербугскую академію для высшаго образованія. Съ этого времени судьба его навсегда связывается съ судьбою академіи, которой онъ принадлежалъ всѣмъ своимъ существомъ. Еще будучи студентомъ, онъ выдавался особенными познаніями въ экзегетикѣ и обратилъ на себя вниманіе бывшаго въ то время профессоромъ Св. Писанія М. А. Голубева. По окончаніи академическаго курса въ 1871 году, Яки-

мовъ былъ оставленъ при академіи и допущенъ къ чтенію лекцій по своему любимому предмету, Священному Писанію ветхаго завѣта, въ качествѣ приватъ-доцента. 28-го апрѣля 1874 года онъ, послѣ публичной защиты магистерской диссертаціи, былъ утвержденъ въ степени магистра, а 28-го мая того же года избранъ совѣтомъ академіи на должность доцента. Съ 15-го августа 1876 г. по 15-е августа 1877 г. онъ находился въ заграничной командировкѣ, съ цѣлью ознакомленія съ состояніемъ своей науки въ европейскихъ университетахъ. 31-го октября 1883 года, совѣтомъ академіи онъ былъ избранъ на должность экстраординарнаго профессора, въ каковой и состоялъ до своей смерти. Изъ учено-литературныхъ трудовъ покойнаго замѣчательны: его магистерская диссертація, подъ заглавіемъ, „Отношеніе перевода 70-ти толковниковъ къ еврейскому масоретскому тексту въ книгѣ пророка Іереміи"; „Толкованіе на книгу пророка Іереміи"; „Неповрежденность книги пророка Іереміи"; „Критическія изслѣдованія текста славянскаго перевода въ его зависимости отъ греческаго перевода 70-ти толковниковъ"; „Гдѣ находился рай"; „Ветхозавѣтныя священныя книги и вавилонско-ассирійскіе памятники клинообразнаго письма; „Толкованіе на XXVII главъ книги пророка Исаіи"; „Опыты соглашенія библейскихъ свидѣтельствъ съ показаніями памятниковъ клинообразнаго письма"; „Когда пророчествовалъ Авдія?"; „Древне-еврейская поэзія". Указанные труды были выпущены или отдѣльными книгами, или же помѣщались въ Христіанскомъ Чтеніи, и только послѣдняя статья была помѣщена въ изданіи Корша: „Всеобщая литература". Кромѣ того, покойный состоялъ сотрудникомъ Церковнаго Вѣстника, гдѣ имъ было помѣщено много мелкихъ статей разнообразнаго содержанія. Труды покойнаго отличались эрудиціей и основательностію. Онъ внимательно слѣдилъ за движеніемъ экзегетической науки въ западной Европѣ и въ своихъ трудахъ постоянно стоялъ на высотѣ научныхъ требованій. При разнообразныхъ направленіяхъ западно-европейской экзегетики, не всегда согласныхъ съ духомъ христіанства, и при неустойчивости русской экзегетической науки, ему пришлось много потрудиться надъ проведеніемъ правильнаго пути среди дебрей различныхъ гипотезъ. Но будучи истиннымъ сыномъ православной церкви и глубоковѣрующимъ христіаниномъ, онъ не заблудился въ этихъ дебряхъ и въ пониманіи Священнаго Писанія всегда являлся вѣрнымъ православному воззрѣнію, такъ что совмѣщалъ въ своемъ лицѣ и глубокаго ученаго, и истиннаго христіанина.

XXXII. Stigmatia.

quantumvis speciosa Scaligeri sit coniectura, qui proebia vel proebra reponi voluit, tamen ne mutarem lectionem traditam effectum est Pauli lemmate (pg. 235) praebia remedia. quamquam apud Festum 238 sane videtur esse restituendum: proebia rursus Verrius vocari ait ea remedia—ea vocari ait proebia, quod mala prohibeant. ibi utroque loco cd. praedia.

XXXIII. Tabellaria.

I.

apparet haec tali fere modo supplenda:

pulchram et candidam
qui habet uxorem sine dote e. q. s.

de relativi usu liberiore videnda quae sunt dicta in vita Enni pg. 210.

II.

attollas alter Parisinus.

XXXIV. Tarentilla.

in Tarentilla quin primae fuerint partes puellae formosae et lascivae non potest dubitari. eam aliquando vero amore captam probabile est adulescentis, qui cum amico Tarentum venerat, ut urbis luxuriosissimae frueretur deliciis, sed rupta fide desertam postquam patres advenere ad reducendos domum filios. cf. II, XII, IX—XI.

I.

haec verba male intellecta a Momseno et Ribbeckio. qui, cum ferretur antiquitus:

quae ego in theatro hic meis probavi plausibus,
ea non audere quemquam regem rumpere,

existimarunt opponi libertatem eam dicendi, qua apud Orientis reges fruerentur poetae comici, austeritati Romanorum qui nollent quemquam in scaena vehementius arripi. at fraudi fuit eis accusativi cum infinitivo iuncti addita non particula usus, de quo dixit Lachmannus ad Lucr. I, 16. etenim non audere nihil est nisi exclamatio indignantis, quod nemo audeat. itaque si recte habet lectio tradita, in-

dignatus est Naevius quod nullus rex vellet insectari comoedias suas; quod ineptum esse facile apparet. scribendum cum Bothio:

ea nunc audere quemquam regem rumpere?

regis autem nomine oblique perstringit aedilem vel alium magistratum nescio quem, qui propter dicta liberius se arripuerit ac voluerit castigari vel fabulas suas a scaena arceri.—ultimo item versu communi Romanorum libertati opponit illiberalitatem qua a theatris studeant quidam secludi omnem licentiam verborum.—ceterum illa meis—plausibus corrupta; certe mihi expedire non contigit.

II.

descriptio lepidissima puellae lascivientis.

v. 1. quasi pila M, quasi (quid. libri quae) in choro pila v.—datatim, i. e. invicem dans et accipiens.—2 ita Paulus; apud Isidor. in fine add. alii annuit vel sim.; glosariorum varietas lectionis non digna quae memoretur. — 3 alium percellit pede M (percellit iam Daccrius), alii pervellit pedem cdd.—nota hiatum admissum post caesuram.—4 anulum alii dat spectandum Bothius, alii dat anulum (anolum Guelferbian.) expectandum cdd. meliores.—saviis M, et a labris v.—5 alii ducit M, aliis dat cdd.

III.

verba ut videtur Tarentillae querentis, quod adulescentuli secum una in publicum prodeundo ora in se hominum convertant.

oiei. Bothius conf. Plaut. mil. 1406, ubi item est disyllabum; ei ei cd.—iamne M, etiamne Keilius, etia am se. cd.—id. in e um; mecum Fabricius.—unad M, una v.

IV.

haec verba vel ad puellam vel ad adulescentes pertinere manifestum.—defricatus, tersus, elegans.

V.

cenaturis Ritschelius, cenaturi v.—ceterum mollior erit pes quintus, si legatur hicne.

VI.

attattatae, hic subito metu conterriti interiectio.— amabo v., ambo cd.

VII. VIII.

videntur haec esse unius ex adulescentibus, poenas metuentis a patre, quo invito Tarentum discesserat.

VIII.

rusus Keilius, usus cd.—cum eo fuerim facere id.; corr. Keilius.

IX.

verba unius sive ex patribus duobus, qui Tarentum venerant ad filios secum abstrahendos, sive ex servis eorum.—habent pro habitant.—arte M, ante v.

X.

salutatio patrum per filios.—cd. furtunati.

XI.

quaerentibus post mutuam altercationem quid vellent fieri ad reconciliationem ineundam respondet unus ex patribus.

redeatis Fabricius, reductis cd.—abeatis; altius latere vitium soluta insolenter nimis antepaenultima arsi fit probabile.—domi—probra Ribbeckius, domos—probro cd.

XII.

verba Tarentillae desertae.

siet Fabricius, fiet v.—siet M, erit cd.—morigera v., morigeret cd.—nota id., noto M.—quisquam etiam apud Plaut. et Ter. pro feminino genere invenitur positum.

XXXVI. Testicularia.

fabula argumenti obscaeni. cf. et frgm. inc. XXXI.

I.

scicidimus obscaene dictum; cet. sciscidimus cd. Regius, quidam scicidi minus.—concidam M, conscindam v. — significat is qui verba facit se eos, quibus ipse cum sodalibus usus sit in rem veneream, nullo iam loco habiturum, sed verberibus affectos expulsurum.—quantum ad abiciendi verbum, cf. Ter. ad. IV, 7, 25 sq. quae (psaltria) quantum potest aliquo abiciendast.

XXXVII. Triphallus.

argumenti obscaeni. fuit et Varronis satura menippea τρίφαλλος, περὶ ἀρρενότητος.

I.

sin M, si cdd.; umquam si Carrio; sicumquam (ut sicubi) Bergkius; set si umquam Hertzius.—sumpse Fruterius, sumpsisse libri.—extempulo Fruterius, qui dicit a se inventum in membranis; extemplo cdd. noti.—v. 3 de capistro molentium in pistrinis ori adfixo interpretatur Ioann. Frid. Gronovius.—ceterum non abhorret a vero errasse Gellium in explicando eo quod est rescivero dictumque id pro rursus scivero, quamquam testatur ille aliter ac memoraverat usurpatum resciendi verbum apud eos qui diligenter locuti sint se non invenisse.

II.

cur Bothium secutus hunc versum triphallo adscriberem haec futi causa, quod priore fragmento inducitur pater cum servo a filii partibus stante litigans, cum verbis a Donato allatis describatur adulescens servi conscientia innisus et cum eo omnia communicans.

XXXVIII. Tunicularia.

I.

Theodorum Bothius; notum id pictoris nomen ex Plinio.—adpelles Bothius, compellas cd.—aris Scaliger, aras cd.—aris compitalibus dativus, suspensus a pinxit.—circumtectus O. Mueller, circumtectuas cd.; circumtecta Scaliger.—videtur autem his versibus commendari Theodotus a Naevio eis qui picturam sibi vellent confici.

II.

ecbolas O. Mueller.

III.

nauci Bothius sine causa.—olim demonstratum est a nobis ad illa quae sunt nauci, flocci ducere, facere non semper addi non, sed omissa negatione harum elocutionum vim eandem quam addita.

Ex incertis fabulis.

I.

mortales (est punctis notato) cd. antiquissimus Guilelmi Libri; mortalem v.—quantum ad sententiam cf. Philem. inc. fab. XLV τὸν ζῶντ' ἀνάγκη πόλλ' ἔχειν ἐστὶν κακά.

II.

n. h. est hodie apluda nequior quam tu thesaurus.—hodie, hoc tempore.

III. circumveniri (potius circumvenirei) videor Ribbeckius non male.

V.

an est nata cdd. Diomedis.—pars librorum praegnans, pregnans, prignans, simil.—vel secundum om. Paris. alter Diomed.—cet. confert Ribbeckius Plauti rud. 430 vel tu mi aias vel neges.

VI.

eu Ribbeckius, heu cdd.—e add. Ribbeckius. — equidem M, quidem v.—successit O. Muellerus, succenset Florent.

VII.

per gessit gloriose Ribbeckius, saepe g. gl. cdd.—cum pallio ab am. abd. uno Klussmannus, c. p. uno ab am. abd. v.—non opus est reponi palliod, cum hiatus post quartam septenarii iamb. arsin satis sit frequens.—ceterum pro amica meliores libri amico.

VIII.

curru Ribbeckius.—insidet Fleckeisenus, insidit cdd.—dictatores ludorum faciendorum causa saepius creabantur.

IX.

tintinneibant M, tintinnabant vel titinnabant apographa libri Farnesiani.—agitur de servo ad molas relegato. cf. Enn pancratiastae III.

X.

mare interbibere; comica elocutio de ἀδυνάτῳ.

XIII.

librum de fabula dici haud infrequens. at illud ludo si scriptum est a Cicerone, potuit esse Lydus, ut servi nomine fabula haec fuerit inscripta, sicut Stichus Plauti.—ceterum quam incredibilia de hoc fragmento commentus sit Ribbeckius qui id ascribit Lupo fabulae praetextatae, qua de Romuli et Remi infantia actum sibi persuasit, vitae Ennii pg. 84 sq. memoravimus.—qui facile potuit meliora doceri, si Ciceronis verba respexisset. is enim ad externam civitatem (graecam scilicet) versus Naevii pertinere testatur. quamquam a Naevio, qui saepe sui temporis res tangit, oblique perstrictum rerum romanarum statum, qualis fuit post proelium ad Trasimennum lacum vel ad Cannas, valde est probabile.

quod v. 1 positum est, Arminii Koechlii est inventum. nam in libris habetur cedo qui vestram rem publicam tantam amisistis tam cito?—provenientur, mutatum in provenient Parisin.—novei Ribbeckius, novi et vel novi cdd.; novei hic monosyllabum, ut alias cave; ita apud Catullum Ravidus disyllabum.

XIV.

qum scitost opus vel qum quo scito opust M, quique scit id est opus cd.; scito iam Scaliger, opust Ribbeckius.

XV.

altercatio mutua. — pro lustro Pauli cd. Guelferbitanus habet lurco.

XVI.

quodsi unus Vaticanus.—eum add. M.—quod unus Vatican.—siet Bothius, sit cdd.

XVIII.

verum M; quamquam potest ante utrum desse syllaba, cum ex inscriptione fabulae truncata hic mancum fuisse librum archetypum Nonii appareat. aptum erit ut puta at utrum, sed utrum.—angulus pro ancollus L.—habeat calli Hermannus, calli habeat cdd.

XIX.

haec pessime corrupta. possunt multa fingi, velut:

ecqui (ita Ribbeckius) non fuerit persivus, cum capiendast ratio vitae?

neque enim certum adest remedium. — illud sivus, persivus habere i longam Plauti versu, quem etiam affert Festus, fit probabile. nam ita scribendus est:

nil deconciliáris ibus, nisi qui persibúm sapis.

ibi qui ut fortasse etiam in Naevii verbis est adverbium. spondeum autem, non iambum, in quinto pede trimetri poni, si is constet fine verbi duarum vel plurium syllabarum, ratio flagitat metrica poetarum latinorum.

XX.

Cererem Venerem thesaurus.

XXI.

sandaracinod M ad hiatum vitandum; quamquam apparet potuisse etiam omitti quaedam. Paulus sandaracino.

XXII.

et Maius; aut cd. — ceterum male illa regum filiis adiecta Naevii verbis a Ribbeckio, qui parum accurate legit locum Frontonis.— versus autem poetae quomodo sit supplendus, prorsum incertum est.

XXIII.

compleverunt brevi paenultima, ut saepe apud poetas latinos.

XXIV.

hoc ut alia quaedam in thesauro illo ex Festo ductum probabile fit Pauli verbis (pg. 70): depuvere, caedere. Lucilius: palmisque misellam depuviit me. — ceterum de coniectura scripsi depuviit; nam fertur depuit; cf. quae sunt adscripta in editione nostra ad Lucil. inc. libr. frgm. LX.

XXV.

porcino Dalecampus, piscino cd. — de parasito haec videntur dicta, quem conicit Ribbeckius ridicule scriptum a Naevio et ipsum meruisse armis, h. e. petimine inter armos suis posito.

XXVI.

cum in glosis Philoxeni et bilbit inveniatur et bilibit, utrum bilbit amphora scribendum sit apud N. an bilibit plane incertum.

XXVII.

cdd. primolum. nunc amasco primulum Forcellinus uno versu.— cet. cf. Plauti mil. 1004 hercle vero haec iam adlubescit primulum, Palaestrio.

XXXI.

Pantaleo ille immanis fuit tyrannus, quem tradit Heraclides politiarum cap. 6 (hist. Gr. II, 213 ed. Mueller.) missos ad se legatos testibus privasse eisque vesci coegisse. itaque Ribbeckius coniecit in testicularia eius factam mentionem.

XXXVI.

illud ex omnibus ad maxime pertinet.—hoc est add. Keilius.

Dubia.

v. 1 vae! quae sperat se nupturam iam vere adulescentulo. ita M (adolescentulo iam Vrsinus; nupturam viridulo adulescentulo Ribbeckius); vel q. s. se n. viri adulescentulos cd.—v. 2 detritum M, retritum v.

Falso adscripta.

Andromacha.

in fiscinam vindemitor Bothius, vindemiator in fiscinam Servius.

Lupus.

cd. habet vel veiens regem saltant vibae albanum mulium comitem senem sapientem contra redhostis menalust. — salvere iubet Vrsinus (iubeo Scalig., fortasse recte); salutat (ita iam Scal.) Viba (quod Etruscum est nomen) Buechelerus.—Amulium et comiter Scal. — relicua nos correximus. — quantum ad rem, videtur atellanis, quod proprium Romanorum comoediae fuit genus, Amulius, qui Romulum et Remum iussit exponi, perinde esse irrisus atque ultimus Veientium rex.

ЭПИГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

V.

Халкидонскія надписи.

Греческое литературное общество въ Константинополѣ (ὁ ἐν Κ/πόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος), получивъ отъ Распорядительнаго комитета недавно бывшаго въ Одессѣ VI-го археологическаго съѣзда приглашеніе принять участіе въ съѣздѣ, командировало въ Одессу въ качествѣ своего представителя молодаго греческаго ученаго г. Пападопуло-Керамевса (Ἀ. Παπαδόπουλος Κεραμεύς), состоящаго библіотекаремъ при обществѣ. Въ числѣ матеріаловъ для сообщеній, сдѣланныхъ на съѣздѣ г. Пападопуломъ, находилось нѣсколько вновь найденныхъ надписей изъ г. Халкидона, которыя онъ, послѣ краткаго ихъ объясненія въ одномъ изъ засѣданій съѣзда, съ величайшею любезностью предоставилъ мнѣ для изданія въ виду того, что самъ онъ, скопировавъ эти надписи почти предъ самымъ отъѣздомъ въ Одессу, не имѣлъ времени вполнѣ обработать ихъ для помѣщенія въ трудахъ съѣзда. Г. Пападопуло передалъ мнѣ какъ свои копіи документовъ вмѣстѣ съ эстампажами, такъ и краткія къ нимъ замѣчанія, которыя просилъ напечатать безъ измѣненій. Любезное предложеніе г. Пападопула было тѣмъ болѣе мнѣ пріятно, что открытые имъ эпиграфическіе памятники, какъ оказалось, представляютъ для меня лично разносторонній интересъ: съ одной стороны, въ одномъ изъ нихъ оказались новыя данныя для Халкидонскаго календаря, возстановленію котораго была посвящена одна глава въ моей диссертаціи „О нѣкоторыхъ эолическихъ и дорическихъ календаряхъ", и поправки къ изданной тамъ же надписи о продажѣ жречества Асклипія; съ другой стороны, они содержатъ въ

себѣ кое что новое относительно государственнаго устройства Халкидона, о которомъ мнѣ не разъ приходилось говорить въ статьѣ о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго [1]); наконецъ, говоря вообще, новые халкидонскіе документы представляются важною находкою для всякаго изслѣдователя греческихъ религіозныхъ древностей, такъ какъ заключаютъ въ себѣ не безынтересныя дополненія къ нашимъ свѣдѣніямъ о существовавшемъ у грековъ оригинальномъ обычаѣ продажи жреческихъ мѣстъ.

Вотъ замѣчанія г. Пападопула къ найденнымъ имъ двумъ документамъ о продажѣ жречествъ:

„En 1880 M. Cumanudis a publié dans l' 'Αθήναιον (t. VII p. 207—210) une inscription en dialecte dorique, transportée de l' Asie Mineure à Athènes; la provenance exacte du marbre ne lui était pas connue, et en se basant sur une autre inscription du même genre, il avait supposé qu'elle avait pu être trouvée à Erythrées. C'est M. Dittenberger (Hermes v. XVI p. 164—176) qui, dans une critique très savante, a préjugé que ce marbre provenait peut-être de Chalcédoine. Je communique ici deux inscriptions du même genre, dont la provenance certaine confirme déjà sans aucune hésitation l'opinion du savant épigraphiste Allemand. Je les ai copiées et estampées sur deux marbres découverts il y a quelques années par le savant professeur grec, M. Matthée Paranicas, et conservées dans une maison privée à Cadikeuf.

„Voici le texte de la première inscription: [2])

„Marbre blanc; hauteur 0,45 m.; largeur 0,46—0,26. Les 18 premières lignes sont tracées en petites lettres de 10 à 11 mm., et les 5 dernières — en grandes lettres de 20 mm.; les quelques compléments que j'ai donnés, sont basés en plusieurs endroits sur diverses phrases analogues du texte donné par MM. Cumanudis et Dittenberger.

---

[1]) *Журн. М. Н. Пр.* іюнь 1884, отд. кл. филологіи.

[2]) Эпиграфическій текстъ см. въ приложеніи № 1. Копія г. Пападопула тщательно провѣрена мною по эстампажу, который впрочемъ оказался не особенно удачнымъ отчасти потому, что камень, по видимому, значительно истертъ, а отчасти и потому, что бумага эстампажа нѣсколько пострадала въ дорогѣ. Нѣкоторыя буквы въ началѣ и концѣ строкъ совсѣмъ не видны на эстампажѣ. Я счелъ себя однако не вправѣ исключать ихъ изъ текста или отмѣчать пунктиромъ, такъ какъ въ копіи г. Пападопула онѣ показаны совершенно ясными. Справа и снизу сохранились отчасти края камня. Для сбереженія мѣста я не даю здѣсь транскрипціи г. Пападопула и отмѣчу всѣ ея варіанты ниже, при моей собственной транскрипціи.



„Cette inscription nous fait connaître le culte d'Hercule, d'Ammon, des Cabires et de Iupiter Βουλαῖος à Chalcédoine. Les lignes 7 et 8 ont une analogie frappante avec les ll. 17—21 de l'inscription conservée à Athènes. Je crois que les lettres MA doivent être complétées en Μαχάνοο, nom de mois qu'on a lu au singulier en Μαχανε[ύς]. Ne pourrait on pas prendre le dernier E pour un H? Ici nous trouvons aussi le mois 'Απελλαῖος qui n'est pas cité encore dans le calendrier de Chalcédoine. La ligne 10 nous autorise à corriger le complément de M. Dittenberger [ἢ προθῆι] en [ἐν βουλᾶι] d'après la phrase analogue de notre inscription. Signalons encore l'expression: γραφθῆναι εἰς σανίδα κοῖλα γράμματα et le mot βουλεῖον. Pour les mots πόθοδος, ἱερωτεία et προαισιμνᾶν voir les notes de MM. Dittenberger et Latyschev.

„2. Marbre blanc, h. 0,62, l. 0,32 [1]).

„Ligne 2: τὰν πόθοδ[ον...]—L. 3:[...ὅς δέ κα πρ]οαισιμνάσῃ ἢ ε[ἴπῃ κτλ.]. L. 5: [...προαισι]μναθέντα ἄ[κυρα ἔστω].—L. 8: νομοφύλα[κες], cf. C. I. Gr. № 3794. — L. 9: τὰν ἱερωτ[είαν]. — L. 10: [... α]ἴ? τινα θεραπ...— L. 15: [λη]ψειται δὲ...—L. 17: καὶ ἀπὸ τῶν θ[υομένων].—L. 18: ἕξει μὲν [τὰν ἱερωτείαν...]—L. 23—24: 'Επρίατο [τὰν ἱερωτείαν] 'Αριστονίκα θυγάτηρ Μόσχ[ου].—L. 26: [κ]αὶ τοῦ ἐπιδεκάτου δραχμᾶν..."

Этимъ оканчиваются замѣчанія г. Пападопула.

Первый изъ вновь найденныхъ документовъ займетъ видное мѣсто въ недлинномъ пока ряду эпиграфическихъ памятниковъ, относящихся къ продажѣ жречествъ и позволяющихъ намъ ближе познакомиться съ однимъ изъ интереснѣйшихъ обычаевъ, относящихся къ богослужебнымъ установленіямъ древнихъ Еллиновъ. Извѣстно, что въ сохранившихся литературныхъ произведеніяхъ древнихъ есть только одно упоминаніе объ этомъ обычаѣ, именно у Діонисія Аликарнасскаго въ Р. арх. II, 21, да и то сдѣланное лишь мимоходомъ и не заключающее въ себѣ поэтому ничего существенно-важнаго для ближайшаго съ нимъ ознакомленія [2]). Съ небольшимъ полвѣка тому

---

[1]) Эпиграфическій текстъ см. въ приложеніи № 2. Подобно тексту № 1-го, онъ дается по копіи г. Пападопула, провѣренной по эстампажу. Г. Пападопуло сообщилъ мнѣ лично, что камень обломанъ со всѣхъ сторонъ кромѣ нижней и части лѣвой стороны внизу, начиная отъ строки 22-й.

[2]) „Τῶν ἄλλων φαύλως πως καὶ ἀπερισκέπτως ὡς ἐπὶ πολὺ ποιουμένων τὰς αἱρέσεις [hoc dixit p. καταστάσεις. Boeckh] τῶν ἐπιστησομένων τοῖς ἱεροῖς, καὶ τῶν μὲν ἀργυρίου τὸ τίμιον ἀποκηρύττειν ἀξιούντων, τῶν δὲ κλήρῳ διαιρούντων τοὺς ἱερεῖς, ἐκεῖνος [т. е. 'Ρωμύλος] οὔτε ὠνητὰς χρημάτων ἐποίησε τὰς ἱερωσύνας οὔτε κλήρῳ μεριστάς".

назадъ найденъ былъ эпиграфическій памятникъ, представившій документальное подтвержденіе существованія этого обычая на родинѣ Діонисія, въ Аликарнассѣ, именно постановленіе о продажѣ жречества Артемиды Пергэйской, къ которому мы еще вернемся ниже; и такъ какъ этотъ памятникъ до послѣдняго времени былъ единственнымъ въ своемъ родѣ, то ученые держались мнѣнія, что этотъ способъ замѣщенія жреческихъ вакансій былъ рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ [1]), существовавшимъ быть можетъ только въ Аликарнассѣ и потому подавшимъ поводъ къ замѣчанію Діонисія [2]); однако смыслъ словъ послѣдняго врядъ ли допускаетъ такое толкованіе и скорѣе заставляетъ думать о довольно широкомъ распространеніи этого обычая. И дѣйствительно, въ послѣдніе годы одна за другою открываются надписи, свидѣтельствующія, что этотъ способъ замѣщенія жречествъ былъ въ ходу во многихъ городахъ Малой Азіи, въ ихъ колоніяхъ и на островахъ Эгейскаго моря; до сихъ поръ не открыто, на сколько мнѣ извѣстно, ни одного подобнаго документа въ городахъ собственной Еллады, но это не значитъ, конечно, что этотъ способъ былъ тамъ вовсе неизвѣстенъ: быть можетъ, что такое открытіе и будетъ сдѣлано рано или поздно. Нельзя не согласиться съ справедливостью воззрѣнія знаменитаго Бёка [3]), который находитъ этотъ обычай очень вреднымъ и безчестнымъ (multo damnosior et prorsus inhonesta consuetudo) и сравниваетъ съ распространившеюся въ средніе вѣка симоніею; и причины его развитія врядъ ли были какія нибудь другія кромѣ тѣхъ чисто матеріальныхъ, на которыя указываетъ г. Rayet: санъ жреца доставлялъ лицамъ, которыя были имъ облечены, много доходовъ, какъ денежныхъ, такъ и натурою; поэтому неудивительно, что нѣкоторые города, заботясь объ увеличеніи своего бюджета, заставляли платить за нихъ пропорціональную сумму и такимъ образомъ дѣлали жреческій санъ чисто продажнымъ [4]).

---

[1]) *K. Fr. Hermann*, Gottesd. Alt. § 34 въ концѣ: „Kauf oder Versteigerung mag jedoch fortwährend unter die Ausnahmen gehört haben" съ примѣч. 24, въ которомъ сдѣлана ссылка на ук. м. Діонисія и на аликарнасскій документъ. Ср. *Schömann*, Griech. Alt. II[3] стр. 425.

[2]) *Бёкъ*, на котораго ссылается *Германъ* въ указанномъ мѣстѣ — Ср. зам. *Rayet* въ *Revue archéol*. н. с., т. 33 (1877) стр. 121: „On pouvait croire que c'était là un usage particulier à la patrie de Denys".

При первомъ изданіи аликарнасскаго документа въ Index lect. aestiv. Berol. 1830, теперь въ Gesamm. kl. Schriften т. IV стр. 337.

[4]) Указ. ст. и стр. „Que les sacerdoces pussent être mis en vente et trouver des enchérisseurs, cela s'explique par les nombreux bénéfices que procuraient ces

Мнѣ извѣстны слѣдующіе документы, относящіеся къ продажѣ жречествъ:

1) Аликарнасскій (вышеупомянутый) C. I. Gr. n° 2656=Dittenberger, Sylloge inscr. Gr. n° 371. Постановленіе совѣта и народа о продажѣ жречества вновь установленнаго культа Артемиды Пергэйской; оно предписываетъ нѣкоторыя условія происхожденія, которымъ должна удовлетворять покупательница, и подробно опредѣляетъ ея

---

dignités à ceux qui en étaient revêtus. Ainsi nous voyons par l'inscription d'Halicarnasse, par un fragment de loi de Milet publié par moi dans la *Revue archéologique* (Août 1874, p. 106 [=*Dittenb.* Syll. inscr. gr. n° 376]), et par plusieurs autres textes, que le prêtre prélevait dans tous les sacrifices publics et particuliers une part des chairs des victimes, part toujours minutieusement indiquée, et souvent considérable; parfois il restait propriétaire de la peau, dont la revente devait être très fructueuse; il recevait de plus, pour la célébration des fêtes publiques, une allocation donnée par l'Etat. Il était donc naturel, sinon conforme au sentiment religieux tel que nous le comprenons aujourd'hui, que certaines villes, soucieuses d'accroître les recettes de leur budget, eussent songé à faire acheter ces bénéfices par le payement d'une somme proportionnelle à leur importance, et que par suite elles aient fait des sacerdoces des charges vénales". О доходахъ жрецовъ ср. *J. Martha*, Les sacerdoces Athén. гл. IX стр. 115—128. Цѣна жречествъ въ сохранившихся документахъ въ высшей степени разнообразна и едва ли опредѣлялась какими либо другими соображеніями, кромѣ степени доходности культа; если бы она была назначаема, напримѣръ, соотвѣтственно важности культа, то мы бы ожидали, что дороже всего будетъ стоить жречество главныхъ общегреческихъ боговъ, какъ Зевса, Иры, Аполлона, Аѳины, или мѣстныхъ боговъ каждаго государства; между тѣмъ на дѣлѣ мы вовсе этого не видимъ: напримѣръ, въ ерменейскомъ документѣ самая высшая изъ сохранившихся цѣнъ, 4610 др., назначена за жречество Ермія Рыночнаго, а дешевле всѣхъ стóитъ жречество Земли, всего 10 др. (въ большинствѣ случаевъ цѣна колеблется между 500 и 100 др.), между тѣмъ какъ за жречество Διὸς Φημίου καὶ 'Αθηνᾶς Φημίας (вмѣстѣ) заплачено всего 140 др., Διὸς 'Αποτροπαίου καὶ 'Αθηνᾶς 'Αποτροπαίας—въ одномъ случаѣ 52, въ другомъ случаѣ 150 др., Διος Βασιλέως—230 др., "Ηρας Τελείας—въ одномъ случаѣ больше 50 др., въ другомъ—251 др. и т. д. Замѣчательно, что жречества одного и того же божества, почитавшагося подъ разными эпитетами или въ разныхъ мѣстахъ, оцѣниваются далеко не одинаково; именно этотъ фактъ, мнѣ кажется, больше всего свидѣтельствуетъ въ пользу того, что цѣна назначалась пропорціонально количеству дохода жреца; такъ, напримѣръ, жречество 'Απόλλωνος Καυκασέως καὶ 'Αρτέμιδος Καυ[κασίδ]ος καὶ 'Απόλλωνος Λυκείου καὶ 'Απ. Δηλίου καὶ ποταμοῦ 'Αλέοντος (вмѣстѣ) стоитъ 225 др., 'Απόλλωνος ἐγ Κοίλοις—810 др., 'Απ. 'Εναγωνίου—230 др. 'Απ. ἐν Σαβηρίδαις 150 др., 'Αφροδίτης (съ несохранившимся эпитетомъ или названіемъ мѣста культа)—130 др., 'Αφρ. τῆς ἐν 'Εμβάτωι—2040 др., 'Αφρ. Πανδήμου—200 др., 'Αφρ. Πυθοχρήστου—300 и 130 др. и т. д.

обязанности, права и привилегіи. Что культъ Артемиды Пергэйской былъ введенъ въ Аликарнассѣ только предъ изданіемъ этого постановленія, а не существовалъ въ немъ раньше, это доказывается тѣмъ, что жрицѣ вмѣняется въ обязанность построить богинѣ святилище и сокровищницу. По мнѣнію Бёка, документъ древнѣе времени Августа.

2) Косскій, Bulletin de corresp. hell. VII стр. 479. Остатки 38 строкъ, столь плохо сохранившихся, что издатель документа, г. Dubois, отказался отъ всякой попытки его возстановленія, замѣтивъ только, что „nous avons sous les yeux un décret réglant quelque opération qui intéressait les finances d'un temple". Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что декретъ относится къ продажѣ жречества какой-либо богини и въ срединѣ сохранившейся части (строки 8—20) заключаетъ постановленіе о личности покупательницы и о срокахъ взноса должныхъ за жречество денегъ, хотя съ полною увѣренностью трудно возстановить и эти строки, не говоря уже объ остальныхъ [1]).

3) Халкидонскій, изд. Э. Курціусомъ въ Monatsber. d. Berl. Akademie 1877 г., стр. 474, по присланной изъ Константинополя копіи. Не вполнѣ сохранившійся декретъ о продажѣ жречества 12-ти боговъ; камень обломанъ снизу и попорченъ по бокамъ, такъ что сохранились только части 11-ти строкъ.

4) Халкидонское постановленіе о продажѣ жречества Асклипія: Ἀθήναιον т. VII стр. 207. Журн. М. Н. Просв. іюнь 1882, отд.

---

[1]) Сравненіе съ халкидонскимъ документомъ № 4 позволяетъ думать, что строки 8—20 могли быть изложены приблизительно слѣдующимъ образомъ:

. . . ἁ δὲ π]ριαμέν[α]
ἔστω ὑγ[ιής . . . . μὴ] νεωτέρα
ἐτῶν δεκα[τετ]τ[άρων?, κ]αταβολὰς
δὲ ποιησεῖτα[ι τ]οῦ [ἀργυρίου] τὰν μὲν
πρᾶταν ἐν [τῶι ...τ.. μηνὶ ἐπὶ] τοῦ ἐν[εσ]-
τῶτος μονάρχ[ου τῆ δεῖνι ἐξ εἰ]κάδος, τὰ[ν]
δὲ δευτέραν [τῆ δεῖνι ἐπ]ὶ δέκα
τοῦ Γεραιστίου [μηνὸς ἐπὶ τοῦ] ἐνεστῶτος
μονάρχου . . . . ας αἰ [δέ]
κα μὴ καταβά[ληι πᾶσαν τὰν τιμὰ]ν ἐ[ν]
τῶι γεγραμμέ[νωι χρόνωι, κελευόντω]ν τοὶ
προστάται καὶ τ[οὶ ἱεροταμίαι?] λ[ύ]σα[σ]-
θαι διπλάσιον . . .

Ср. еще стр. 27—28: Αἰ δέ τίς κα παιδ[ὶ ὠνῆτα]ι, ἐξέστω
[τ]ῶι κυρίωι τᾶς [πριαμένας] ῥηζ. . .

кл. филол. = О нѣкоторыхъ эолическихъ и дорическихъ календаряхъ стр. 194. Dittenberger, Syll. n° 369. Не буду напоминать здѣсь о его содержаніи, такъ какъ ниже придется неоднократно привлекать его для сравненія.

5 и 6) Халкидонскіе декреты, вновь издаваемые здѣсь.

7) Каллатійскій (изъ г. Κάλλατις, нынѣ Мангалія на западномъ берегу Чернаго моря) декретъ, изданный въ Archäol.-epigr. Mittheilungen aus Oesterreich т. VI (1882) стр. 8 по копіи Точилеску съ возстановленіями Гомперца. 17 строкъ, отчасти попорченныхъ, заключаютъ въ себѣ постановленіе о продажѣ жречества τῶν μυστῶν θεῶν τῶν ἐν [Σαμοθρᾴ]κῃ съ изложеніемъ главныхъ обязанностей и привилегій жреца; въ концѣ постановленія, подобно тому, какъ въ Халкидонскихъ документахъ, названо лицо, купившее жреческій санъ, и отмѣчена уплаченная имъ сумма.

8) Синопскій, недавно изданный г. Мордтманомъ въ приложеніи къ 15-му тому Сборника Константинопольскаго литературнаго общества, стр. 46. Въ виду рѣдкости этого изданія въ Россіи и интереса документа считаю нелишнимъ привести его цѣликомъ въ примѣчаніи [1]).

---

[1]) Отъ документа сохранились 2 фрагмента, изъ которыхъ большій обломанъ справа, а меньшій, содержащій части строкъ 12—15, обломанъ со всѣхъ сторонъ. Копія Ланарà, по которой документъ изданъ г. Мордтманомъ, оказывается кое гдѣ не безукоризненною и тѣмъ затрудняетъ полное возстановленіе документа. Въ предлагаемой здѣсь попыткѣ возстановленія довольно многое принадлежитъ мнѣ.

'Αγαθῆι τύχηι. 'Επὶ τοῖς[δε ἐπράθη ἡ ἱερητεία τοῦ]
Ποσειδῶνος 'Ελικωνίου· ὁ [πριάμενος ἱερητεύσει]
μέχρι βίου λαμβάνωμ π[ᾶν τὸ τοῖς ἄλλοις ἱερεῦσι?]
μεμερισμένομ, παρέξει [δὲ . . . . τοῖς]
δημοσίοις πάντα καὶ λήψ[εται γέρεα ἀπὸ τῶμ μὲν]
δημοσίαι θυομένων δέ[ρμα . . . .]
πρότμησιγ, γλῶσσαν, τῶν δὲ [ἰδιωτικῶν λήψεται?]
πρότμησιν ἢ ὠμοπλάτην καὶ στ[εφανηφορήσει?]
ἀπὸ δωδεκάτης τοῦ Ταυρεῶνος ἕ[ως . . . . . .
κ]αὶ ἐν τῶι Ποσειδεῶνι μηνὶ ἀπὸ δ[. . . . . . ἕ-
ω]ς τεσσαρεσκαιδεκάτης· ὑπά[ρξει δὲ τῶι πριαμενωι
ἀνθ]ινὸς στέφανος ἐν ἅπασ[ι] τοῖς ἀγῶσι, [οἷς ἡ πόλις
τίθη]τι καὶ ταῖς τιμουχίαι[ς·] ἔσται δὲ κα[ὶ . . . . .
. . . . .]τιας ἀτελὴς σω. /ΤΙΤΑΩΙΣ αὐτοῦ[. . . .
πο]ήσ[ε]ι δὲ καὶ τὰ συν[τετ]αγμέν[α] ἐκ τοῦ [προτέρου?
μ]ερισμοῦ ἢ ὕπογος [ἔσται . . . .
. . . . . ΕΙΣΓΙ

Всѣ перечисленные до сихъ поръ документы принадлежатъ къ разряду народныхъ постановленій; два слѣдующіе существенно отличаются отъ нихъ по своему характеру, представляя собою списки проданныхъ жречествъ.

9) Еривеейскій документъ, Μουσεῖον καὶ βιβλ. τῆς ἐν Σμύρνῃ εὐαγγελ. σχολῆς περ. 1 (1875) стр. 103 № 108=O. Rayet въ Revue archéol. т. 33 стр. 107 сл.=Dittenberger, Syll. 370. Документъ вырѣзанъ на трехъ сторонахъ одного большаго камня и заключаетъ въ себѣ въ общей сложности 165 строкъ, попорченныхъ сверху, снизу (за исключеніемъ 3-й стороны, гдѣ конецъ сохранился) и кое гдѣ по бокамъ; онъ относится приблизительно къ 270—260 годамъ до Р. Хр. и представляетъ собою списокъ всѣхъ жречествъ, проданныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (сколькихъ именно, опредѣлить нельзя). Количество проданныхъ жречествъ свыше 50, а количество упоминаемыхъ боговъ доходитъ до 30 (такъ какъ жречества нѣкоторыхъ боговъ упоминаются по два раза и кромѣ того одни и тѣ же божества съ разными прозвищами имѣютъ отдѣльные культы и отдѣльныхъ жрецовъ, какъ напр. Ζεὺς Φήμιος, Ἀποτροπαῖος, Βασιλεύς; Ἑρμῆς Ἀγοραῖος, Πύλιος, Ἁρματεύς и т. д.); между ними встрѣчаются всѣ главныя божества греческой миѳологіи, кромѣ того нѣсколько мѣстныхъ (напр. ποταμὸς Ἀλέων) и обоготворенный царь Александръ. Между способами замѣщенія жречествъ различаются πράσεις, ἐπιπράσεις и διασυστάσεις; съ суммы, за которую было продано каждое жречество, взыскивалась въ казну опредѣленная пошлина ἐπώνιον, какъ и при другихъ продажахъ.

10) Не менѣе, если не болѣе, оригинальнымъ представляется эпиграфическій памятникъ, найденный въ самое недавнее время въ окрестностяхъ Кизика и еще не изданный; полученіемъ его копіи мы обязаны любезности г. доктора I. Г. Мордтмана, который сообщилъ при этомъ, что камень найденъ „au village d'Αφθόνη dans l'île de Προκόννησοι ou plutôt à l'endroit Τετραγῶτον à 1 h. de distance du vil-

В копіи Ланара въ началѣ стр. 12-й стоитъ . . ΜΟΙΝΟΣ, въ началѣ стр. 15-й — ΙΩΗΣΣΙ. Г. Мордтманъ въ стр. 13—16 предложилъ слѣдующее возстановленіе: ἔ]σται δὲ κα[ὶ τῆς στρα]τιᾶς ἀτελὴς σώματι τῶι [ἑ]αυτοῦ. [π]ω[λ]ήσ[ε]ι δὲ καὶ τὰ συν[ειλε]γμέν[α δέρματα] ἐκ τοῦ μερισμοῦ и т. д. Мое возстановленіе послѣдней фразы ближе подходитъ къ буквамъ копіи Ланара (въ частности для слова δέρματα нѣтъ мѣста на камнѣ), хотя за полную достовѣрность его поручиться также не могу. Судя по характеру письма и нѣкоторымъ особенностямъ орѳографіи, документъ не позднѣе III вѣка до Р. Хр.



'lage', что копія его сообщена Константинопольскому литературному обществу однимъ изъ его членовъ, докторомъ Лимніемъ (Λήμνιος), и будетъ напечатана въ ближайшемъ бюллетенѣ Археологической коммиссіи общества. Отъ камня сохранилась продолговатая, обломанная, по видимому, со всѣхъ сторонъ, полоса съ остатками 33-хъ строкъ, изъ которыхъ, впрочемъ, 23-я и 24-я совершенно испорчены; въ каждой строкѣ осталось, среднимъ числомъ, по 10—12 буквъ (больше всего въ стр. 13-й, именно 16 буквъ), что̀ составляетъ около трети первоначальнаго ихъ количества. Однако не смотря на то, что отъ документа сохранился такой незначительный обломокъ, общій смыслъ его можетъ быть опредѣленъ вполнѣ точно: это списокъ жрецовъ, получившихъ этотъ санъ покупкою, съ опредѣленіемъ суммы ежедневнаго жалованья каждаго изъ нихъ. Не считая себя въ правѣ воспользоваться любезностью г. Мордтмана для того, чтобы присвоить себѣ честь перваго изданія документа, я позволяю себѣ привести изъ него только одну вторую статью, по которой можно познакомиться и съ остальными.

Стр. 5. [Τῶι] πριαμένωι τ[οῦ . . . .
τὴν] ἱερωσύνην [τὰ μὲν ἄλλα εἶναι
πάν]τα καθότι καὶ [τοῖς ἄλλοις ἱερεῦσιν,
λα]μβάνειν δὲ αὐ[τὸν παρὰ τοῦ ταμί-
ου] ὀβολὸν τῆς ἡμέρ[ας. . .

Съ слѣдующей строки начинается уже новая статья; всего на камнѣ сохранилось ихъ пять, и всѣ онѣ изложены въ одной и той же стереотипной формѣ (чѣмъ и объясняется возможность ихъ возстановленія), такъ что разница является только въ величинѣ жалованья (1 оволъ показанъ еще въ первой статьѣ, а въ остальныхъ трехъ—по 4 ов.); въ четвертой статьѣ есть какое-то особое прибавленіе, смыслъ котораго возстановить не возможно; изъ именъ боговъ сохранилось только одно—Γῆς Ἀγορ[αίας] въ статьѣ четвертой и, можетъ быть, Ποσε(ι)δῶ[νος] въ концѣ обломка. Я не буду здѣсь пускаться въ догадки относительно причинъ, вызвавшихъ назначеніе жалованья жрецамъ, такъ какъ это увлекло бы меня далеко въ сторону, и ограничиваюсь только констатированіемъ факта.

Перечисленные документы, какъ справедливо замѣтилъ уже профессоръ Диттенбергеръ [1]), даютъ намъ совершенно иное представле-

[1]) *Hermes* т. XVI стр. 164.

ніе о древности и распространенности обычая продажи жречествъ, нежели какое можно было бы вывести изъ единичнаго намека поздняго писателя. Мы видимъ, что онъ былъ распространенъ какъ въ дорическихъ, такъ и въ іоническихъ городахъ Малой Азіи и ихъ колоніяхъ, и что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, въ Ериѳрахъ, уже въ III в. до Р. Хр. былъ возведенъ въ систему и вполнѣ правильно организованъ; мы имѣемъ, конечно, право думать, что въ Ериѳрахъ рядомъ съ этимъ способомъ замѣщенія жречествъ оставались въ употребленіи и другіе, болѣе древніе и болѣе соотвѣтствующіе, по нашимъ понятіямъ, святости религіи (какъ наслѣдственность и выборъ по жребію), но все-таки изъ большаго количества жречествъ, проданныхъ и перепроданныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и изъ правильной организаціи продажи необходимо заключить, что продажа была тогда наиболѣе распространеннымъ способомъ замѣщенія жречествъ въ Ериѳрахъ и примѣнялась не только къ вновь вводимымъ культамъ (каковы, напримѣръ, Πυθόχρηστοι или культъ царя Александра), но и къ существовавшимъ издревле. Въ другихъ мѣстностяхъ, изъ которыхъ сохранились документы, по видимому, не существовало правильной, разъ навсегда установленной организаціи продажи жречествъ, какую мы видимъ въ Ериѳрахъ; замѣщеніе каждой свободной жреческой вакансіи происходило по особому постановленію совѣта и народа, при чемъ каждый разъ съ большею или меньшею подробностью опредѣлялись условія, которымъ долженъ былъ удовлетворять новый жрецъ, его права, обязанности и привилегіи. Что касается до цѣны жречества, то она или вовсе не опредѣлялась въ народномъ постановленіи, или, быть можетъ, опредѣлялся только minimum, съ котораго начинался торгъ, и въ результатѣ жречество оставалось за предложившимъ наибольшую цѣну; такъ заставляетъ, по крайней мѣрѣ, думать тотъ фактъ, что во всѣхъ четырехъ документахъ, въ которыхъ сохранилось обозначеніе суммы жречества (трехъ халкидонскихъ и каллатійскомъ), оно поставлено внизу, отдѣльно отъ постановленія и послѣ поименованія лица, купившаго жречество; къ сожалѣнію ни въ одномъ изъ трехъ халкидонскихъ документовъ не сохранилось начало, такъ что и нельзя сказать навѣрное, было ли назначено minimum цѣны въ самомъ постановленіи[1]).

---

[1]) Каллатійскій документъ показанъ у издателя обломаннымъ сверху; но сравнивая его верхнія строки съ первыми строками халкидонской надписи № 3, начало которой несомнѣнно сохранилось, можно думать, что вверху каллатій-



На подробностяхъ относительно обязанностей, правъ и привилегій жрецовъ мы не будемъ здѣсь останавливаться, въ виду того, что между ними не замѣчается такихъ, которыя принадлежали бы спеціально лицамъ, получившимъ жреческій санъ посредствомъ покупки, а не другимъ способомъ (въ кизикскомъ документѣ такіе жрецы прямо приравниваются къ остальнымъ во всѣхъ отношеніяхъ), если, конечно, они не были связаны неразрывно съ этимъ способомъ, какъ напримѣръ, обязанность вносить плату въ опредѣленные сроки, вступленіе въ должность не раньше внесенія платы и т. п. Замѣтимъ только, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это подробное перечисленіе правъ и обязанностей жрецовъ въ постановленіяхъ возбуждаетъ недоумѣніе. Само собою разумѣется, что при введеніи каждаго новаго государственнаго культа необходимо было опредѣлять подробности относительно времени, мѣста и способовъ служенія божеству, относительно роли жреца или жрицы и т. д.; такія мелочныя опредѣленія встрѣчаются, напримѣръ, въ аликарнасскомъ декретѣ и кажутся въ немъ необходимыми и совершенно естественными; съ другой стороны, при каждомъ случаѣ продажи жречества такого божества, культъ котораго уже существовалъ раньше въ государствѣ, должны были опредѣляться многія такія частности, которыя не могли быть предначертаны разъ навсегда вслѣдствіе того, что при каждомъ отдѣльномъ случаѣ онѣ были различны; таковы были, напримѣръ, опредѣленія относительно цѣны жречества, сроковъ и способовъ уплаты денегъ новымъ жрецомъ, времени вступленія его въ должность и т. д. Но кромѣ такихъ частностей, варіировавшихся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ нѣсколькихъ декретахъ (именно халкидонскихъ, синопскомъ и каллатійскомъ) встрѣчаются такія постановленія относительно условій происхожденія покупателя, относительно его обязанностей и привилегій, наконецъ относительно самаго богослуженія, которыя должны были быть тѣсно связаны съ культомъ и не мѣняться съ каждой перемѣной жреца; вотъ такія-то постановленія и кажутся намъ излишними въ документахъ и возбуждаютъ недоумѣніе, зачѣмъ они повторяются съ такими подробностями (хотя для

скаго документа ничего не пропало, то-есть, что первая изъ сохранившихся его строкъ была и первоначально первою и должна быть возстановлена такъ: [Ἀγαθῇ τύχ]ῃ. Ὁ πριάμενος τὴν ἱερω[σύνην и т. д. (Остатки 9 строкъ, сохранившихся на камнѣ въ особомъ столбцѣ слѣва отъ декрета о продажѣ жречества, очевидно, къ нему не относятся и составляютъ конецъ другаго декрета).

насъ и драгоцѣнными). Къ числу такихъ кажущихся излишними подробностей мы относимъ, напримѣръ, въ документѣ № 4 постановленія о томъ, чтобы новый жрецъ увѣнчивался въ праздничные дни, участвовалъ въ общественныхъ обѣдахъ, заботился о чистотѣ и благолѣпіи храма и находившагося при немъ портика; затѣмъ о томъ, что купить жречество можетъ только полноправный гражданинъ для себя или для сына. Что въ этомъ документѣ рѣчь идетъ не о вновь введенномъ культѣ, а о существовавшемъ ранѣе, это очевидно изъ упоминанія о храмѣ и портикѣ Асклипія, какъ уже существующихъ. Такія же подробности встрѣтимъ мы и въ новыхъ документахъ, а между тѣмъ по крайней мѣрѣ первый изъ нихъ также относится несомнѣнно къ существовавшему уже ранѣе культу, такъ какъ въ немъ упоминается прежній жрецъ (ὁ πρότερον ἱερεύς). Не говоримъ здѣсь о документѣ № 3, такъ какъ въ немъ нѣтъ прямыхъ указаній на то, что культъ 12-ти боговъ существовалъ въ Халкидонѣ ранѣе изданія этого документа; но каллатійская надпись также несомнѣнно относится къ существовавшему ранѣе культу (упоминается προυπάρχων ἱέρεως), а между тѣмъ въ ней встрѣчаются подробныя опредѣленія относительно дня празднества, объ увѣнчаніи жреца мистами въ день жертвоприношенія и т. п. Нѣчто подобное читатели могутъ найдти и въ синопской надписи. Такія опредѣленія, повторяемъ, кажутся намъ излишними въ документахъ; но указавъ на фактъ, мы воздерживаемся отъ объясненія его причинъ, такъ какъ при незначительномъ количествѣ извѣстныхъ до сихъ поръ документовъ трудно придти къ основательнымъ выводамъ, а положенія чисто гипотетическаго характера только утомили бы читателей.

Обращаясь, послѣ этихъ общихъ замѣчаній, къ ближайшему ознакомленію съ новыми халкидонскими документами, мы должны прежде всего посвятить наше вниманіе встрѣчающимся въ первомъ изъ нихъ знакамъ для обозначенія чиселъ, такъ какъ потомъ придется не разъ имѣть съ ними дѣло. Что въ документѣ примѣнена древнѣйшая система обозначенія чиселъ, а не позднѣйшая буквенная, это очевидно съ перваго взгляда, какъ очевидно и то, что эта система кое въ чемъ отличается отъ наиболѣе извѣстной намъ—аттической. Въ надписи встрѣчаются слѣдующіе знаки: Μ|Χ| Χ Η Ψ Π C T I. Изъ ихъ числа Ψ вовсе не имѣетъ мѣста въ аттической системѣ, а C и T, судя по занимаемымъ ими мѣстамъ, должны имѣть другое значеніе (въ аттической системѣ C=$^1/_2$ обола, а T=$^1/_4$ обола). Извѣстно, что, кромѣ

аттической системы обозначенія чиселъ, употреблявшейся и во многихъ другихъ городахъ, существовали также различныя мѣстныя системы, основанныя, правда, на одномъ принципѣ съ аттическою, но отличавшіяся отъ нея примѣненіемъ тѣхъ или другихъ знаковъ; такъ напримѣръ, знаки, употребленные для обозначенія чиселъ въ орхоменской надписи C. I. Gr. n°1569, значительно разнятся какъ отъ аттическихъ, такъ, съ другой стороны, напримѣръ, отъ керкирскихъ, аргосскихъ, тризинскихъ или ерміонскихъ [1]). Изъ числа встрѣчающихся въ нашемъ документѣ знаковъ M|X|XHП, безъ сомнѣнія, имѣютъ то же значеніе, что̀ и въ аттической и другихъ системахъ (между прочимъ изъ строки 20-й очевидно, что знакъ |X| обозначаетъ большее число, нежели X, такъ какъ предшествуетъ ему); въ такомъ случаѣ знакъ Ψ, стоящій въ стр. 21-й послѣ H (=100), долженъ обозначать или 10 или 1 (едва ли 50, такъ какъ при условіи П=5 мы должны ожидать для 50 сложнаго знака, состоящаго изъ П съ вписаннымъ знакомъ, обозначающимъ 10). Чтобы рѣшить навѣрное, которое изъ этихъ двухъ чиселъ обозначалось посредствомъ Ψ, необходимо обратить вниманіе на остальные 3 знака, именно CTI; изъ нихъ C въ стр. 22-й стоитъ послѣ П и, стало быть, обозначаетъ число меньшее пяти; но съ другой стороны, изъ строкъ 5, 6, 7 и 23-й видно, что число, обозначаемое знакомъ C, больше тѣхъ, которыя обозначаются посредствомъ T и I; такъ какъ изъ цѣлыхъ чиселъ, меньшихъ пяти особымъ знакомъ обозначается только единица, то мы безъ колебанія можемъ признать, что C=1 (то-есть, обозначаетъ 1 драхму, такъ какъ счетъ въ документѣ идетъ на драхмы); въ такомъ случаѣ для Ψ не остается другаго числа, кромѣ 10, а T и I будутъ обозначать подраздѣленія драхмы. Выведенное нами значеніе C=1 находитъ для себя подтвержденіе въ тризинской надписи Le Bas-Foucart, n° 157 *a*,

---

[1]) Керкира—C. I. Gr. 1838; Аргосъ—*Le Bas-Foucart*, Még. et Pélop. 115 *a*; Тризина—ibid. 157 *a*; Ерміона—ibid. 159 *h* и *i*. О различныхъ системахъ обозначенія чиселъ ср. *Franz*, Elem. epigr. gr. стр. 347 сл., и замѣчанія Бёка и Фукара къ указаннымъ надписямъ. Интересно замѣчаніе послѣдняго ученаго къ надписи 159 *i*: «L'intérêt de ce document consiste dans les signes employés pour marquer les chiffres; en les comparant à ceux de l'inscription précedente et à ceux de Trézène (n° 157*a*) et d' Argos (n° 115*a*), on voit que la notation variait non seulement dans les villes d' un même pays, mais encore dans une même ville». Справедливость этого замѣчанія подтверждается нашимъ новымъ документомъ n° 2: въ немъ встрѣчаются знаки Δ и Σ, не имѣющіе мѣста въ системѣ, употребляющейся въ первомъ документѣ.



а съ Ψ=10 можно сравнить употребленіе того же знака, только въ перевернутомъ видѣ, въ керкирской надписи, C. I. Gr. 1838, и ерміонской, Le Bas-Foucart 159 *h*. Что касается до остальныхъ двухъ знаковъ, то относительно I не можетъ быть, кажется, никакого сомнѣнія въ томъ, что имъ обозначается 1 оволъ; по крайней мѣрѣ такое значеніе имѣетъ этотъ знакъ и въ Аттикѣ, и на Керкирѣ, и въ двухъ названныхъ пелопоннисскихъ городахъ. Тогда для T останется только обозначеніе величины меньшей 1 драхмы и бо́льшей 1 овола, то-есть, стало быть, суммы нѣсколькихъ оволовъ и именно вѣроятнѣе всего 3-хъ (T=τριόβολον). Въ стр. 5-й послѣ I поставлено еще два двоеточія; обозначаютъ ли они дроби овола или просто служатъ для интерпункціи (подобно точкамъ въ стр. 21—23),—рѣшить не беремся. Такимъ образомъ мы получили слѣдующія значенія цифровыхъ знаковъ въ 1-й надписи:

M=10000 (драхмъ)	Π=5 (драхмъ)
|X|= 5000 „	C=1 „
X= 1000 „	T=½ „ =3 овола.
H= 100 „	I=1 оволъ
Ψ= 10 „	::=?

Во 2-мъ документѣ мы затрудняемся съ увѣренностью объяснить соединеніе знаковъ ΔΠΣ въ строкѣ 12-й: Δ здѣсь едва ли имѣетъ другое значеніе, кромѣ 10, то-есть, соотвѣтствуетъ знаку Ψ въ 1-мъ документѣ; а что касается до знака Σ, то по всей вѣроятности, онъ=C перваго документа, то-есть, обозначаетъ 1 драхму; правда, намъ неизвѣстны другіе примѣры такого значенія Σ, но принять его за обозначеніе 1 статира, какъ въ нѣкоторыхъ документахъ изъ собственной Еллады, препятствуютъ строки 26-я и 27-я, изъ которыхъ видно, что счетъ въ документѣ идетъ на драхмы. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ въ нашихъ документахъ новый примѣръ употребленія разныхъ системъ обозначенія чиселъ въ одномъ и томъ же городѣ, и притомъ въ документахъ едва ли отстоящихъ одинъ отъ другаго на значительный промежутокъ времени.

Коснувшись такимъ образомъ вопроса о времени документовъ, мы кстати и покончимъ съ нимъ здѣсь же, тѣмъ болѣе, что говорить о немъ много не придется: кромѣ характера письма, употребленія приписной іоты, да развѣ еще примѣненія древнѣйшей системы обозначенія чиселъ, въ надписяхъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, которыя могли бы способствовать точнѣйшему опредѣленію ихъ вре-

мени. Внѣшніе признаки письма въ данномъ случаѣ являются также весьма ненадежнымъ критеріемъ, такъ какъ изъ Халкидона пока извѣстно слишкомъ незначительное количество памятниковъ для того, чтобы можно было составить себѣ опредѣленное понятіе о послѣдовательныхъ видоизмѣненіяхъ письма въ этомъ городѣ и пріурочить ихъ къ разнымъ эпохамъ, да и изъ этого небольшаго числа мы только одинъ документъ—№ 4 вышеприведеннаго списка [1])—видѣли собственными глазами и три новые знаемъ по эстампажамъ. По общему впечатлѣнію мы склонны отнести первый документъ приблизительно ко II в. до Р. Хр., а второй считать нѣсколько моложе перваго: общій характеръ письма, такъ-сказать, почеркъ, въ нихъ очень схожъ, но нѣкоторыя буквы 2-го документа имѣютъ болѣе новыя формы, какъ напримѣръ, Α съ ломаннымъ поперечникомъ, Μ съ почти вертикальными боковыми чертами, Π съ горизонтальною чертой выходящею за вертикальныя и съ болѣе длинной правой вертикальною чертою, Σ съ почти параллельными верхней и нижней чертами и т. под.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію частностей перваго декрета. При первомъ взглядѣ онъ представляется весьма легко читающимся и удобопонятнымъ; но при ближайшемъ ознакомленіи съ его содержаніемъ обнаруживаются нѣкоторыя трудности, происходящія главнымъ образомъ отъ того, что документъ не сохранился въ цѣлости, и представляющіяся пока непреодолимыми, по крайней мѣрѣ для насъ. Содержаніе документа удобнѣе всего разсмотрѣть по отдѣльнымъ пунктамъ или параграфамъ, на которые оно распадается; обозначеніе параграфовъ начнемъ, разумѣется, съ единицы, хотя начало документа и не сохранилось.

§ 1, стр. 1—9, ... τὰν δαμοσι[οργίαν? . . . .
. . . . .] τῶν ἱερείων ἐν τῶ[ι αὐτῶι?] χρόνωι· ἱε[ρεῖ τοῦ
δεῖνος ἀ]πὸ τᾶς μνᾶς Τ. Ἱερεῖ Ἑρμᾶ ἀπὸ τᾶς μνᾶς [Τ?
ἱερεῖ Ἄμ]μωνος ἀπὸ τᾶς μνᾶς Τ. Ἱερεῖ Ἡρακλεῖος
[ἀπὸ τᾶ]ς μνᾶς CII:: Ἱερεῖ θεῶν Σαμοθραικίων
[ἀπὸ τ]ᾶς μνᾶς CCCII. Ἱερεῖ Διὸς Βουλαίου ἀπὸ τᾶς

[1]) Замѣтимъ кстати, что въ настоящее время мы считаемъ возможнымъ отнести этотъ документъ къ еще болѣе древнему времени, нежели прежде (см. О календ. стр. 194), и именно считать его никакъ не позднѣе III в. до Р. Хр.; во всякомъ случаѣ онъ древнѣе тѣхъ, которые составляютъ предметъ настоящей статьи.



[ἱερωτ]είας CCTI. Τοῦ δὲ λοιποῦ τὸ ἥμισον τοῦ Μα-[χανεί]ου, τὸ δὲ λοιπὸν τοῦ Ἀπελλαίου τοῦ ἐπὶ Ὀλυμπι-[οδώρου] [1]).

Именно эти первыя строки представляются наиболѣе затруднительными для пониманія вслѣдствіе того, что начало параграфа не сохранилось на камнѣ. Мы видимъ въ нихъ постановленіе, чтобы были уплачены жрецамъ различныхъ боговъ извѣстныя суммы въ видѣ процентовъ, а именно:

жрецу неизвѣстнаго божества 3 овола съ мины;
жрецу Ермія 3 овола (?) съ мины;
жрецу Аммона 3 овола съ мины;
жрецу Иракла 1 драхма 2 овола съ мины;
жрецу боговъ Самоѳракійскихъ 3 драхмы 2 овола съ мины;
жрецу Зевса Совѣтнаго 2 драхмы 4 овола съ жречества.

Конецъ параграфа гласитъ: „остальной суммы половину (должно внести) въ (мѣсяцѣ) Маханіѣ, а остальное въ (мѣсяцѣ) Апеллэѣ при (эпонимѣ) Олимпі[одорѣ]". Совершенно подобное опредѣленіе имѣемъ мы въ халкидонскомъ же документѣ № 4 [2]); тамъ подобные сроки назначены для взноса новымъ жрецомъ той суммы, за которую имъ куплено жречество; принимая ихъ здѣсь въ томъ же смыслѣ— что во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ вѣроятно,—мы должны будемъ принять, что и предыдущія опредѣленія также относятся къ новопоставленному жрецу, то-есть, что онъ же долженъ былъ сдѣлать процентные взносы жрецамъ другихъ божествъ, и что эти взносы составляли часть той суммы, за которую имъ было куплено жречество, такъ что только остатокъ поступалъ въ государственную казну и былъ разложенъ на два срока [3]). При такомъ пониманіи возникаетъ однако

[1]) Возстановленія принадлежатъ г. Пападопулу за исключеніемъ начала стр. 8-й, гдѣ онъ дополнилъ Μα[χάν]ου, и начала стр. 9, оставленнаго имъ безъ дополненія; въ стр. 2-й г. Пападопуло возстановилъ ἐν τῶ[ι ἑκάστωι] χρόνωι, принимая, вѣроятно, χρόνος въ новогреческомъ значеніи (= ἐνιαυτός).

[2]) Строки 17—21: Τᾶς δὲ τιμᾶς καταβαλεῖ [τὸ ἥμι]σσον καὶ ἑκατοστὰν καὶ τριακο[στὰν ἐν] τῶι Πεταγειτνίωι μηνὶ π[ρ]ὸ τᾶς δε[κάτας, τὸ δ]ὲ ἥμισσον ἐν τῶι Διονυσίωι πρὸ [τᾶς δεκάτ]ας.

[3]) Что въ качествѣ подлежащаго во всемъ этомъ параграфѣ долженъ подразумѣваться ὁ πριάμενος τὰν ἱερωτείαν, это видно между прочимъ изъ стр. 13-й, гдѣ по отношенію къ нему употреблено указательное мѣстоименіе: ἀναθέ[τω δὲ α]ὐτὸν ὁ βασιλεύς.



нѣсколько вопросовъ, на которые нельзя дать достаточно правдоподобныхъ отвѣтовъ: 1) остается неизвѣстною причина, по которой новопоставленный жрецъ долженъ былъ платить проценты жрецамъ другихъ божествъ; 2) почему проценты назначены только жрецамъ шести божествъ, а не всѣхъ почитавшихся въ Халкидонѣ? 3) чѣмъ обусловливается разница процентной платы, и притомъ довольно значительная? 4) почему всѣмъ остальнымъ жрецамъ плата опредѣлена въ видѣ % съ мины, а жрецу Зевса Совѣтнаго — съ (суммы) жречества, при чемъ процентное отношеніе становилось несравненно меньшимъ, такъ какъ стоимость жречества была не менѣе 60 минъ (стр. 20). Вотъ вопросы, которые невольно представляются уму, но для отвѣта на которые документъ, къ сожалѣнію, не даетъ ничего положительнаго.

Мы до сихъ поръ не касались вопроса, который можетъ быть не разъ уже мысленно задавали намъ читатели: о продажѣ жречества какого божества состоялось это постановленіе? Къ сожалѣнію, и этотъ вопросъ приходится оставить безъ удовлетворительнаго отвѣта. Ниже, въ стр. 11-й, мы увидимъ опредѣленіе, по которому штрафныя деньги, взысканныя съ нарушителей постановленія, должны были поступать въ священную казну Иракла; по аналогіи со множествомъ другихъ документовъ (между прочимъ съ прежде найденнымъ халкидонскимъ) мы имѣли бы полное право заключить, что въ документѣ идетъ рѣчь о продажѣ жречества Иракла, такъ какъ обыкновенно штрафы поступали или въ казну главнаго божества извѣстнаго города, или того божества, интересы котораго прямо или косвенно страдали отъ нарушенія даннаго постановленія; но такому заключенію препятствуетъ находящееся въ строкѣ 4-й упоминаніе о жрецѣ Иракла, который, стало быть, не былъ идентиченъ съ новопоставленнымъ. Итакъ, остается выбирать между тремя предположеніями: 1) что штрафныя деньги въ данномъ случаѣ должны были поступать въ казну не того божества, жречество котораго продавалось; или 2) что мы невѣрно поняли стр. 1—9 и процентная плата жрецамъ должна была взноситься не новопоставленнымъ, а кѣмъ либо другимъ, и въ числѣ получателей ея былъ записанъ и новопоставленный жрецъ Иракла, или наконецъ 3) что въ Халкидонѣ было два культа Иракла и въ строкѣ 4-й упомянутъ жрецъ не того Иракла, который названъ въ строкѣ 9-й. Послѣднее предположеніе не можетъ быть принято, потому что въ такомъ случаѣ эти два Иракла навѣрное были бы различены какими-нибудь прозвищами или эпитетами; противъ втораго, по нашему

разумѣнію, особенно сильно говорятъ строки 7—9, въ которыхъ разложенъ на два срока взносъ остатка цѣны жречества; стало быть, приходится пока помириться на первомъ, хотя и безъ возможности объяснить причины, какъ сдѣланнаго въ данномъ случаѣ отступленія отъ всеобщаго обычая, такъ и поступленія штрафныхъ денегъ въ казну Иракла, а не какого нибудь-другаго божества.

Обратимся теперь отъ не объяснимаго къ объяснимому, взглянемъ на тѣ положительныя данныя, которыя намъ сообщаетъ разбираемый параграфъ. Въ этомъ отношеніи интересны: 1) данныя для ознакомленія съ мѣстными халкидонскими культами, уже отмѣченныя г. Пападопуломъ, 2) дополненіе къ нашимъ свѣдѣніямъ о календарѣ Мегаръ и ихъ колоній. Въ нашемъ сочиненіи о календаряхъ мы посвятили особую главу разбору бывшаго въ нашемъ распоряженіи матеріала для изученія этого календаря и постарались дать по возможности полное его возстановленіе. Намъ было извѣстно 11 названій мѣсяцевъ, въ числѣ которыхъ не было именно названія Ἀπελλαῖος, а форма единственнаго имени, начинающагося съ буквъ ΜΑ, была, собственно говоря, еще не констатирована: въ лексиконѣ Папія въ числѣ византійскихъ мѣсяцевъ записанъ, очевидно—въ испорченной формѣ, мѣсяцъ Machamos, а въ халкидонскомъ документѣ о продажѣ жречества Асклипія къ тому же названію относятся буквы ΜΑΧΑΝΕ. Имѣя въ виду извѣстное изъ керкирскаго календаря названіе Μαχανεύς, какъ издатель календарныхъ замѣтокъ Папія Брѣкеръ, такъ и издатели халкидонскаго документа Куманудисъ и Диттенбергеръ, а вмѣстѣ съ ними и пишущій эти строки, принимали въ календарѣ Мегаръ съ колоніями названіе мѣсяца въ той же формѣ Μαχανεύς. Теперь изъ новаго документа оказывается, что по крайней мѣрѣ въ Халкидонѣ это названіе употреблялось въ формѣ 2-го склоненія, которая, кажется намъ, не можетъ быть иная, какъ Μαχάνειος [1]).

На послѣднее оставшееся свободнымъ мѣсто въ календарѣ Ме-

---

[1]) По поводу предположенной г. Пападопуломъ формы Μαχάνης и высказаннаго въ связи съ этимъ предположеніемъ вопроса, не стоитъ ли въ халкидонскомъ документѣ № 4 буква Η въ концѣ строки въ названіи мѣсяца, мы еще разъ провѣрили находящійся у насъ эстампажъ этого документа и убѣдились, что буква Ε не подлежитъ сомнѣнію. Форма Μαχάνης невѣроятна уже потому, что названія на -ης (кромѣ весьма сомнительнаго Ламійскаго Γεόστης) вообще неизвѣстны въ греческой миѳологіи. Возстановленіе Μα[χανεί]ου въ новомъ документѣ и по количеству буквъ болѣе вѣроятно, нежели Μα[χάν]ου; къ этой же формѣ Μαχάνειος ближе всего подходитъ и Папіева форма Machamos, испорченная изъ Machanios.



гаръ и ихъ колоній мы на стр. 154 нашей книги предложили или Ἑρμαῖος или, еще скорѣе, Δάλιος, обусловливая возможность существованія послѣдняго слѣдующими соображеніями: „Извѣстно изъ Ѳеогнида, что мегаряне посылали екатомвы къ Дилосскому празднику въ началѣ весны (то-есть, конечно, къ дню рожденія Аполлона, 7-го Ѳаргиліона) и пѣли пэаны при алтарѣ Аполлона. Въ настоящее время есть и положительное эпиграфическое свидѣтельство о существованіи въ Мегарахъ культа и состязаній въ честь Дилосскаго бога. На дорическихъ спорадахъ (Родосѣ, Косѣ и Калимнѣ), поддерживавшихъ живыя религіозныя сношенія съ Дилосомъ, Δάλιος также входилъ въ составъ календарей и... приходился, вѣроятно, именно весною одновременно съ Ѳаргиліономъ. Все это очень сильно говоритъ въ пользу предположенія, что этотъ мѣсяцъ существовалъ и въ Мегарахъ съ ихъ колоніями". Вновь узнанное нами названіе Ἀπελλαῖος, по видимому, свидѣтельствуетъ объ ошибочности нашей догадки, но только, по видимому; въ сущности же оно вполнѣ подтверждаетъ справедливость приведенныхъ соображеній, такъ какъ къ этому названію можно примѣнить ихъ съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ къ названію Δάλιος.

Начало года по календарю Мегаръ и ихъ колоній до сихъ поръ не было извѣстно съ достовѣрностью. К.-Ф. Германъ, комментируя календарныя замѣтки Папія, лишь предположительно отнесъ начало года къ первому новолунію послѣ весенняго равноденствія (ср. наше соч. о календ. стр. 132); теперь это предположеніе оказывается несостоятельнымъ, по крайней мѣрѣ для Халкидона, и вотъ почему: на основаніи тѣхъ данныхъ для опредѣленія порядка мѣсяцевъ въ разсматриваемомъ календарѣ, которыя изложены нами въ книгѣ о календаряхъ, мѣсяцъ Маханій приходился глубокою осенью, соотвѣтствуя приблизительно нашимъ ноябрю—декабрю, а Апеллэй — чрезъ полгода отъ него, соотвѣтствуя маю—іюню; по смыслу стр. 7—8 нашего документа оба эти мѣсяца приходились при одномъ и томъ же эпонимѣ, а это возможно только въ такомъ случаѣ, если годъ начинался съ перваго новолунія послѣ лѣтняго солнцестоянія или послѣ осенняго равноденствія; если бы годъ начинался зимою или весною, то мѣсяцъ Апеллэй пришелся бы уже въ новомъ году, эпонимъ котораго заранѣе, конечно, не былъ извѣстенъ. Если выбирать между двумя пунктами, съ которыхъ могъ начинаться годъ въ Халкидонѣ, то болѣе вѣроятія окажется въ пользу втораго, такъ какъ съ него начинался годъ, если не во всѣхъ южно-дорическихъ календаряхъ, то по крайней мѣрѣ въ большинствѣ ихъ.

§ 2, стр. 9—12 Ἀφελέσθαι δὲ μηθενὶ ἐξεῖμεν τὰν ἱερωτείαν·
[ὃς δέ κ]α εἴπῃ ἢ προαισιμνάσῃ ἢ ἐ[ν β]ουλᾶι ἢ ἐν δάμωι, ὀ-
[φειλέτω] δραχμὰς Μ ἱερὰς τοῦ Ἡρακλεῖος καὶ τὰ
[προαισ]ιμναθέντα ἢ ῥηθέντα ἄκυρα ἔστω [1]).

Запрещеніе, подъ угрозой огромнаго штрафа, вносить или пускать на голоса въ совѣтѣ или народномъ собраніи предложеніе объ отнятіи жреческаго сана у купившаго его лица; по своей ясности оно не требуетъ никакихъ комментаріевъ, тѣмъ болѣе, что уже встрѣтилось въ документѣ № 4 (стр. 13—17) почти въ томъ же видѣ, за исключеніемъ только послѣдней прибавки καὶ τὰ — ἔστω. Замѣтимъ только вмѣстѣ съ г. Пападопуломъ, что на основаніи этой фразы необходимо возстановить и въ № 4, въ стр. 13 — 14, [ἐν βωλᾶι] вмѣсто предложеннаго Диттенбергеромъ дополненія [ἢ προθῆι], а можетъ быть — добавимъ—и въ стр. 16-й [μυρ]ίας вмѣсто [χιλ]ίας; во всякомъ случаѣ это послѣднее возстановленіе не можетъ теперь считаться несомнѣннымъ. Существующія данныя относительно должностной дѣятельности эсимпатовъ въ Мегарахъ и ихъ колоніяхъ собраны нами въ статьѣ о государственномъ устройствѣ Херсониса [2]).

§ 3, стр. 12—14. Ἀναθέ-
[τω δὲ α]ὐτὸν ὁ βασιλεύς, ἐπεί κα τὰν τιμὰν δῶι· τὸ δὲ
[ἀνάλω]μα δώσει ὁ πριάμενος τὰν ἱερωτείαν [3]).

Эти строки заключаютъ въ себѣ блистательное подтвержденіе остроумной догадки, предложенной Диттенбергеромъ по поводу документа № 4. Дѣло въ томъ, что въ немъ есть точь въ точь такое же опредѣленіе, только выраженное въ менѣе ясной формѣ: ἐπ[εὶ] δέ κα τὰν τιμὰν πᾶσαν κα[ταβάλη]ι, ἀ[ν]τεθησεῖται· τὸ δὲ ἀνάλωμα [τὸ εἰς τὰ]ν ἄνθεσιν παρέξει αὐτὸς ἑαυτ[ῶι]. Объясняя эту тираду, Диттенбергеръ очень осторожно высказалъ предположеніе, что слова ἄνθεσις, ἀντιθέναι обозначаютъ какой-нибудь символическій обрядъ, имѣвшій

---

[1]) Намъ принадлежитъ возстановленіе начала стр. 11-й и чтеніе ἐξεῖμεν (у г. Пападопула ἔξει μέν).

[2]) *Журн. М. Н. Пр.* іюнь 1884, отд. кл. фил., стр. 49 сл. Замѣтимъ, что въ новомъ документѣ имѣется на лицо и оригинальное правописаніе чрезъ ι, о которомъ см. тамъ же стр. 50 прим. 2. Въ самое послѣднее время эсимнаты встрѣтились въ Селимврійской надписи, изданной г. *Мордтманомъ* въ *Arch.-epigr. Mittheil. aus Oesterreich*, т. VIII, вып. 2, стр. 204 n° 10.

[3]) Нами возстановлено начало строки 13-й.

мѣсто при вступленіи въ должность новаго жреца, въ родѣ, напримѣръ, торжественнаго возведенія его на почетное сѣдалище, присвоенное ему въ качествѣ insigne его сана [1]). Съ этимъ объясненіемъ, которое намъ казалось весьма правдоподобнымъ [2]), не согласился Рёль [3]), предложившій понимать фразу документа такимъ образомъ: „der Kaufpreis soll im Tempel als Eigenthum des Gottes aufgestellt werden". Теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что объясненіе Диттенбергера— единственно вѣрное, такъ какъ ἄνθεσις, очевидно, относится къ самому новопоставленному жрецу, а не къ его деньгамъ, и представляетъ собою дѣйствительно особый обрядъ; а такъ какъ при исполненіи его главную роль играетъ ὁ βασιλεύς, извѣстный магистратъ Мегаръ и ихъ колоній, то разсматриваемая фраза документа является вмѣстѣ съ тѣмъ важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу выясненнаго Фукаромъ религіознаго характера должности βασιλεύς'а [4]). Такимъ образомъ этотъ обрядъ по смыслу является чѣмъ то въ родѣ нашего „рукоположенія".

§ 4, стр. 14—17: Γρά-
[φας δὲ κα]ὶ εἰς σανίδα κοῖλα γράμματα καὶ ε[ἰ]ς στάλαν,
[σταοάτω] τὰν μὲν στάλαν πρὸ τοῦ ἱεροῦ, τὰν δὲ σα-

§ 5, стр. 17—18. [νίδα εἰς] τὸ βουλεῖον. Ἄρξει δὲ αὐτῶι τᾶς ποθόδου
[ἀφ'οὗ ὁ πρ]ότερον ἱερεὺς οὐκ ἐλάζετο [5]).

Строки 14-я—17-я заключаютъ въ себѣ обычное опредѣленіе о мѣрахъ къ обнародованію и сохраненію постановленія. Въ немъ замѣчательно требованіе приготовить два экземпляра декрета, изъ которыхъ одинъ былъ бы выставленъ во всеобщее свѣдѣніе предъ храмомъ, а другой, на деревянной доскѣ, хранился бы въ зданіи совѣта.

---

[1]) *Hermes*, т. XVI, стр. 175.

[2]) О календ., стр. 150.

[3]) *Bursian's* Jahresbericht, т. XXXVI, стр. 100.

[4]) Ср. нашу ст. о госуд. устр. Херсониса въ *Ж. М. Н. Пр.* іюнь 1884, отд. кл. фил. стр. 56 сл., и ст. *Д. Н. Королькова* тамъ же, сентябрь 1883, стр. 63. Существованіе βασιλεύς'а въ Халкидонѣ до сихъ поръ было извѣстно только изъ C. I. Gr. 3794.

[5]) Г. Пападопуло возстановилъ γρα[φῆν]αι εἰς —— στάλαν·/[στᾶσα]ι и т. д. Но 1) трудно думать, чтобъ эти опредѣленія были выражены такъ отрывочно и не были соединены ни съ предыдущимъ (поср. δὲ), ни между собою (поср. καί); 2) въ такомъ случаѣ осталось бы неизвѣстнымъ, кто долженъ былъ вырѣзать документъ; что эта обязанность возлагалась на новопоставленнаго жреца, видно уже изъ того, что въ слѣдующемъ § опять употреблено указат. мѣстоименіе αὐτῷ, а не существительное. Транскрипція 18-й строки у г. Пападопула совсѣмъ нѣтъ.

Послѣднее требованіе обусловлено, безъ сомнѣнія, желаніемъ совѣта всегда имѣть, такъ-сказать, подъ руками документъ, въ которомъ, вслѣдствіе заключающихся въ немъ важныхъ опредѣленій, не разъ могли понадобиться справки. Оригинальное выраженіе χοῖλα γράμματα намъ нигдѣ еще не попадалось въ надписяхъ; слово βουλεῖον также очень рѣдко.

Опредѣленіе, заключающееся въ § 5, весьма интересно потому, что окончательно рѣшаетъ вопросъ, какъ слѣдуетъ понимать совершенно подобное же выраженіе въ докум. № 4, стр. 27: [τᾶ]ς δὲ ποθόδου ἄρξει μεὶς Μαχάνε[ιος]. Диттенбергеръ, объясняя эту фразу при первой обработкѣ документа [1]), принялъ πόθοδος въ значеніи доходовъ, соединенныхъ съ должностью жреца, и предположилъ, что жрецъ начиналъ пользоваться доходами по должности съ начала мѣсяца, непосредственно слѣдовавшаго за тѣмъ, въ которомъ онъ внесъ вторую половину платы, то-есть, Діонисія. Такимъ образомъ по его объясненію Маханій слѣдовалъ непосредственно за Діонисіемъ, а между тѣмъ по лексикону Папія въ Византіи Маханій стоялъ за мѣсяцъ впереди Діонисія. Для того, чтобы согласить показаніе халкидонскаго документа съ Папіемъ, мы сочли возможнымъ принять здѣсь πόθοδος въ значеніи „приступа новаго жреца къ совершенію священнодѣйствій или, иначе говоря, фактическаго вступленія его въ должность" [2]). При вторичномъ объясненіи документа [3]) почтенный галльскій профессоръ остался при своемъ мнѣніи относительно значенія πόθοδος и нашелъ средство согласовать его съ нашимъ опредѣленіемъ порядка мѣсяцевъ въ Византіи и Халкидонѣ: „De reditibus cum sacerdotio coniunctis intellexeram, nequedum me eius interpretationis paenitet, etsi postea L[atyschev] aliam sagaciter sane excogitatam protulit... Neque quae L. docuit de mense Machaneo mihi huic interpretationi obstare videntur. Nempe mensium Machanei, Petagitnii et decem primorum Dionysii dierum reditus asservantur ut deinde sacerdos recens institutus eos accipiat". Это послѣднее объясненіе теперь вполнѣ подтверждается, такъ какъ въ фразѣ новаго документа πόθοδος нельзя иначе понимать, какъ въ смыслѣ дохода: онъ долженъ былъ поступать въ

---

[1]) *Hermes*, XVI, стр. 176.

[2]) О календ., стр. 151 сл. Моё объясненіе принялъ *Bischoff*, De fastis Graecorum antiquioribus (Leipz. Studien т. VII), стр. 375.

[3]) Sylloge inscr. Graec. n° 369, nota 18.



пользу новаго жреца, начиная съ того момента, когда его пересталъ получать прежній жрецъ [1]).

Этимъ параграфомъ оканчивается народное опредѣленіе о продажѣ жречества; далѣе прибавлено, какъ и въ документѣ № 4, подробное обозначеніе цѣны, за которую новый жрецъ пріобрѣлъ этотъ санъ. Разница та, что въ документѣ № 4 обозначенъ просто итогъ платы вмѣстѣ съ двумя взносами, а въ новомъ всѣ взносы обозначены отдѣльно. Къ сожалѣнію, нашъ камень обломанъ внизу не только слѣва, но и справа, такъ что вполнѣ достовѣрное возстановленіе этихъ строкъ невозможно.

Стр. 19. ['Επρία]το τὰν ἱερωτεία Μενέ[μαχος
. . . .]λου δραχμᾶν |X|X[HHH.
Τριακο]στὰ HHΨ· δυοκαιεβδομη[κοστὰ καὶ
ἐνακατ]ιασταὶ τρεῖς HΠC[CCT . . . . .
. . . . .] καρύκειον CCT. . . .

Итакъ, кромѣ цѣны жречества, здѣсь записаны еще по меньшей мѣрѣ четыре отдѣльные взноса, причины взысканія которыхъ, конечно, не могутъ быть опредѣлены съ точностью; взносы эти, по видимому, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлялись различно: въ документѣ № 4, кромѣ цѣны жречества, отмѣчены только 2 взноса ($^1/_{100}$ и $^1/_{30}$), а въ другомъ новомъ документѣ—только одинъ ($^1/_{10}$). Въ строкѣ 21-й мы возстановили [τριακο]στά, вопервыхъ, по аналогіи съ документомъ № 4, вовторыхъ, потому, что это слово—единственное, которое подходитъ по количеству буквъ и по величинѣ взноса: если бы возстановить, напримѣръ, [τεσσαρακο]στά, то цѣна жречества равнялась бы 8400 др. и была бы изображена знаками |X|XXXHHHH, которыхъ слишкомъ много для недостающей части строки; возстановляя же [πεντηκο]στά и выше, мы получимъ цѣну жречества свыше 10000 драхмъ, стало быть, такую, которая не могла быть изображена знаками, на-

[1]) Довольно рѣдкій глаголъ λάζομαι въ данномъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Напротивъ того, нашъ документъ даетъ право съ полною увѣренностью возстановить этотъ же глаголъ и въ документѣ n° 3:

стр. 2. [Τύχαι ἀγ]αθᾶι· 'Ο πριάμενος τὰν ἱερωτε[ίαν
τῶν θεῶ]ν τῶν δυώδεκα ἱερωτεύσει [διὰ
βίου, λαζ]όμενος τῶν θυομένων πάν[των
τὰ] δέρματα κτλ.

Въ изданной Курціусомъ копіи стоитъ ΔΑΣΟΜΕΝΟΣ, а въ болѣе точной копіи г. Мордтмана, показанной мнѣ г. Пападопуломъ,—только ΞΟΜΕΝΟΣ.

ходящимися на камнѣ. Точно также чисто математическими соображеніями руководствовались мы при возстановленіи строкъ 21—22: именно, $^1/_{72}$ доля 6300 составляетъ $87^1/_2$,—число, для изображенія котораго нужны слѣдующіе 8 знаковъ: |Δ|ΨΨΨΠССТ; очевидно, что такое количество знаковъ не могло стоять на камнѣ въ концѣ 21-й строки, и стало быть, необходимо принять, что въ стр. 22-й показано число, представляющее собою сумму этого взноса ($^1/_{72}$) и слѣдующаго, который обозначенъ дробью, имѣющею въ числителѣ 3 и въ знаменателѣ сотни; подставляя въ знаменатель послѣдовательно всѣ сотни, начиная съ 200, мы нашли, что только сумма $^1/_{72}+^3/_{900}$ подходитъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ уже $^1/_{72}+^3/_{800}$ даютъ болѣе 110 драхмъ: число не подходящее къ сохранившимся на камнѣ знакамъ. Καρύχειον обозначаетъ, конечно, плату глашатаю; но въ какомъ именно случаѣ понадобились услуги этого послѣдняго—навѣрное опредѣлить нельзя.

Отъ втораго документа сохранилась, къ сожалѣнію, столь незначительная часть, что о полномъ его возстановленіи нечего и думать. Тѣмъ не менѣе этихъ остатковъ достаточно для того, чтобы опредѣлить не только общее содержаніе документа, но отчасти и связь и послѣдовательность отдѣльныхъ частей его. Это опять декретъ о продажѣ жречества, на этотъ разъ какого-то женскаго божества, какъ видно изъ того, что покупательницею является женщина или, вѣрнѣе сказать, дѣвица (стр. 25); какое это было божество, навѣрное сказать нельзя; строка 7-я, для которой невольно напрашивается на языкъ возстановленіе [ἱ]ερᾶς τᾶς Ματ[ρὸς τῶν θεῶν], не можетъ дать окончательнаго рѣшенія этого вопроса послѣ тѣхъ сомнѣній, которыя высказаны по поводу аналогичнаго упоминанія Иракла въ первомъ документѣ (см. выше стр. 313). Относительно различныхъ опредѣленій, заключавшихся въ документѣ, можно замѣтить слѣдующее: Въ строкѣ 2-й по какому-то поводу шла рѣчь о доходѣ жрицы: ......ε τὰν πόθοδ[ον...]. Въ строкахъ 3—8 заключается уже извѣстное изъ двухъ вышеразобранныхъ документовъ запрещеніе предлагать отнятіе жреческаго сана у новопоставленной жрицы, выраженное впрочемъ нѣсколько иначе и подробнѣе; связь мыслей въ этихъ строкахъ можетъ быть возстановлена лишь приблизительно: [... ὃς δέ κα εἴπῃ ἢ προαἰσιμνάσῃ ἢ [ἐν βουλᾷ ἢ ἐν δάμῳ — —]αμασινεν[— — — τὰ μὲν ῥηθέντα ἢ προαισι]μναθέντα ἄ[κυρα ἔστω .... — ὃς δέ κα τού]των τι ποι[ήσῃ, ἀποτεισάτω δραχμὰς (столько-то), ἱ]ερᾶς τᾶς Ματ[ρὸς τῶν θεῶν, εἰσπραττόντων δὲ τοὶ]

νομοφύλα[κες] и т. д. Существованіе трехъ номофилаковъ въ числѣ халкидонскихъ магистратовъ было уже давно извѣстно изъ C. I. Gr. 3794, хотя о должностныхъ ихъ функціяхъ въ этомъ городѣ мы ровно ничего не знали [1]); теперь, если вѣрно предлагаемое нами возстановленіе, мы знакомимся по крайней мѣрѣ съ одною изъ этихъ функцій, состоявшею въ взыскиваніи штрафовъ съ нарушителей народныхъ опредѣленій и такимъ образомъ какъ нельзя болѣе подходившею къ званію „стражей закона". Содержаніе строкъ 9-й—13-й опредѣлить трудно. Въ стр. 14-й на новопоставленную жрицу возлагается обязанность что-то построить или устроить (...κατα]σκευάξει δὲ...), можетъ быть—храмъ, часовню или сокровищницу богини [2]), а въ стр. 15-й—17-й, по видимому, идетъ рѣчь о натуральныхъ доходахъ жрицы, то-есть, о тѣхъ частяхъ жертвенныхъ животныхъ, которыя шли въ ея пользу при каждомъ жертвоприношеніи: ...λα]ψεῖται δὲ ἁ ἱέ[ρεια—— κ]αὶ τῶν θυομέ[νων —— τά δέρματ?]α καὶ ἀ..ὸ τῶν θ ——. Части, поступавшія въ пользу жрецовъ, въ разныхъ случаяхъ были различны [3]), такъ что въ данномъ случаѣ нельзя предложить съ увѣренностью ни одного возстановленія. Съ строки 18-й начинаются опредѣленія, касающіяся цѣны жречества, изъ которыхъ впрочемъ первая часть не можетъ быть возстановлена съ достаточною достовѣрностью; можно разобрать: ἐξεῖμε[ν— —] κ[αὶ τὰν] ὠνὰν ἀποδόσθ[αι — —]ων[...κ]ατὰ τὰν συγγραφὰ[ν — —]ν τὰ[ν κ]υροῦσαν? Болѣе прочныя возстановленія могутъ быть предложены для второй части этихъ опредѣленій, благодаря тому, что на камнѣ сохранилось значительно больше буквъ:

стр. 21-я—24-я: δώσει ἁ π[ριαμένα τὰν ἱε-
ρ]ωσ[εία]ν παραχρῆμα πᾶσα[ν τὰν τιμάν, ἐν]
οἷς καὶ τὸ ἐπιδέκατον τῶι θ[ησαυρῶι? τὸ αἰ]-
εὶ γινόμενον.

Этими словами оканчивается народное постановленіе. Въ заключительныхъ строкахъ названо лицо, купившее жречество, показана цѣна послѣдняго и величина десятипроцентнаго взноса:

---

[1]) См. о нихъ *Ж. М. Н. Пр.* іюнь 1884, отд. кл. фил. стр. 70.

[2]) Ср. въ аликарнасскомъ документѣ n° 1 строки 28—30 по возстановленію Диттенбергера (Syll. n° 371): κατ(α)σκευᾶτα(ι) δὲ ἡ ἱέρεια καὶ τὸ ἱερὸν οὗ ἂν βούληται· κατασκευασάτω δὲ καὶ θησαυρὸν τῆι (θ)εῶι κτλ.

[3]) См. *Диттенбергеръ* Syll. n° 371, 373, 376, 378, 379 и др. Ср. *Martha*, Les sacerdoces Athéniens стр. 120 сл.

стр. 24-я—27-я. 'Επρίατο' [τὰν ἱερωτεἰαν]
'Αριστονίκα, θυγάτηρ Μοσχ[ίωνος τοῦ γραμμ?]-
ατ[ε]ῖος δραχμᾶν ΗΗΗ[............
κ]αὶ τοῦ ἐπιδεκάτου δραχμᾶ[ν ΔΔΔ?.....

Намъ уже приходилось упомянуть, что процентный взносъ опредѣленъ здѣсь иначе, нежели въ двухъ другихъ халкидонскихъ документахъ; причины этихъ постоянныхъ измѣненій опредѣлить съ достовѣрностью, конечно, невозможно.

Таковы два новыя халкидонскія постановленія о продажѣ жречествъ; не смотря на печальное состояніе, въ которомъ они дошли до насъ, и на происходящую отъ этого невозможность удовлетворительно объяснить всѣ ихъ частности, они все-таки заключаютъ въ себѣ не мало интереснаго, какъ относительно оригинальнаго обычая продажи жречествъ, такъ и относительно государственнаго устройства и религіозной жизни Халкидона вообще, и потому имѣютъ полное право на наше вниманіе.

Третій эпиграфическій памятникъ, сообщенный намъ г. Пападопуломъ, принадлежитъ къ разряду анаѳиматическихъ.

„Marbre blanc trouvé à Chalcédoine; hauteur 0,21; largeur 0,47".

(См. эпиграфическій текстъ въ приложеніи № 3).

Г. Пападопуло замѣчаетъ къ своей копіи: „L. 3, les lettres ΣΑΣΤΟΥ ΣΕΒΑΣΤΟΥΚΑΙΣ ont été gravées sur d' autres mots, dont aucune trace n'est pas lisible; de même l. 4 ΣΙΩΝΔΙΣΙ".

Αὖλος 'Οκτάιος........
βασιλεύσας, τετράκις προφη[τεύσας..............................,]
ἱερατεύσας τοῦ Σεβαστοῦ Καίσαρος δίς,[ἀγωνοθετήσας τῆς.....ετηρί]-
δ[ο]ς ἕξ, 'Αχ[τ]ίων δίς, παίδων δίς, ἱερατεύ[σας.................,]
βασιλεύων τὸ πέμπ[τον ὑπὲρ ἑατοῦ]
καὶ τῶν καθ' ἑατὸν πά[ντων ἀνέθηκεν]
ἥρωσι.......[1]).

Чтеніе 4-й строки остается подъ сомнѣніемъ: при предлагаемомъ нами возстановленіи приходится принять числительное количественное ἕξ въ значеніи ἑξάκις, а если читать ἑξάκ[ι]ς, тогда неизвѣстно, что дѣлать съ буквами ΙΩΝΔΙΣΙ; чтеніе г. Пападопула ἑξακ(ο)σίων во всякомъ

[1]) Въ бумагахъ г. Пападопула нѣтъ транскрипціи этой надписи.

случаѣ кажется намъ невѣроятнымъ. Неясность чтенія происходитъ, очевидно, отъ того, что въ выскобленномъ пространствѣ (rasura) между вновь вырѣзанными буквами остались слѣды прежнихъ; эстампажъ, къ сожалѣнію, здѣсь нисколько не помогаетъ, такъ какъ все начало 4-й строки до слова παίδων на немъ очень неясно.

Документъ представляетъ собою надпись на пьедесталѣ какого-то посвященнаго героямъ дара, сдѣланнаго государственнымъ дѣятелемъ Авломъ Октавіемъ [1]); для насъ интересенъ въ особенности его cursus honorum по нѣкоторымъ новымъ даннымъ относительно государственной, общественной и религіозной жизни Халкидона, которыя онъ сообщаетъ, не смотря на значительное повреждeніе надписи. Такъ относительно должности βασιλεύς'а, о которой намъ уже приходилось упоминать въ этой статьѣ при объясненіи перваго документа, мы узнаемъ теперь, что она могла быть замѣщаема нѣсколько разъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Существованіе должности „пророка" (προφήτας) въ Халкидонѣ было уже извѣстно изъ C. I. Gr. 3794, и значеніе ея было вѣрно опредѣлено Бёкомъ въ комментаріи къ этому документу; теперь новая надпись сообщаетъ намъ, что προφήτας, подобно другимъ государственнымъ чиновникамъ, смѣнялся ежегодно. Далѣе, мы впервые узнаемъ о существованіи въ Халкидонѣ спеціальнаго культа Августа съ ежегодно смѣнявшимися жрецами. Актійскія игры были, какъ извѣстно, учреждены въ Никополѣ въ память Актійской побѣды; но кромѣ Никополя, подъ тѣмъ же названіемъ праздновались мѣстныя игры въ разныхъ греческихъ городахъ [2]), къ числу которыхъ теперь присоединится и Халкидонъ въ случаѣ, если предложенное мною чтеніе 4-й строки будетъ признано вѣрнымъ. Дѣтскія игры (ἀγὼν παίδων) въ Халкидонѣ лишь на этихъ дняхъ, можно сказать, сдѣлались извѣстны изъ одной поздней (не ранѣе начала III в. по Р. Хр. надписи изъ карійскаго города Афродисіады [3]): она поставлена въ честь одного атлета, одержавшаго побѣды на многихъ играхъ въ разныхъ городахъ, въ томъ числѣ ἐν Χαλκη[δόν]ι παίδων δόλιχον. Теперь нашъ новый памятникъ подтверждаетъ существованіе этихъ

---

[1]) Форма Ὀκτάιος вм. Ὀκτάουιος встрѣчалась уже неоднократно въ надписяхъ; ср. о ней замѣчанія *Диттенбергера* въ *Hermes* т. VI стр. 305 и *Моммзена* въ Ephem. epigr. I стр. 286.

[2]) Напр. въ Александріи и Антіохіи C. I. Gr. 5804, въ Іераполѣ ibid. 3910, въ Тирѣ C. I. Att. III, 129 и др.

[3]) *Bulletin de corr. hell.* IX (1885, Янв. вып.) стр. 68.

игръ въ Халкидонѣ и доказываетъ, что онѣ были учреждены не позднѣе I вѣка по Р. Хр., къ которому принадлежитъ нашъ документъ: упоминаніе о культѣ Августа и объ Актійскихъ играхъ (если послѣднее вѣрно), самое имя Октавія и наконецъ форма ἑατῶν [1]) доказываютъ, что документъ не древнѣе времени Августа, но и не слишкомъ моложе его, такъ что скорѣе всего можно отнести его къ первой половинѣ I вѣка по Р. Хр.

В. Латышевъ.

---

[1]) Объ этой формѣ ср. мои замѣчанія въ *Журн. М. Н. Пр.*, мартъ 1881, отд. кл. фил. стр. 159, и *А. В. Никитскаго* тамъ же, августъ 1884, отд. кл. ф. стр. 13.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ ОБЪ ЕЛЕВСИНІИ.

Завѣдующій елевсинскими раскопками ефоръ Филій, объясняя одну изъ найденныхъ въ Елевсинѣ надписей [1]), дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: Πλὴν τοῦ ὑπὸ τῇ ἀκροπόλει Ἐλευσινίου ἄλλο γνωστὸν δὲν ἔχομεν [2]). Та же мысль, хотя не такъ прямо и рѣшительно, была высказана и В. Диттенбергеромъ при объясненіи надписи о начаткахъ плодовъ, приносившихся елевсинскимъ божествамъ и героямъ [3]). Нельзя не замѣтить, что германскій ученый, не соглашаясь въ указанномъ мѣстѣ съ мнѣніемъ П. Фукара о томъ, что и храмъ Димитры въ Елевсинѣ назывался иногда Елевсиніемъ, приписываетъ Фукару болѣе, чѣмъ у него сказано. Диттенбергеръ говоритъ: „Templum quod Eleusine erat ipsum quoque Eleusinium vocari solitum F(oucart) Aristidis testimonio comprobare studet". Но въ словахъ Фукара, къ которымъ относится это замѣчаніе, нѣтъ того старанія доказать общность имени Елевсинія храму великихъ богинь, находившемуся въ Аѳинахъ, и храму елевсинскому, какое видитъ у него Диттенбергеръ. Фукаръ указываетъ лишь на тотъ фактъ, что въ одномъ мѣстѣ у оратора Аристида [4]) Елевсиніемъ названъ храмъ Димитры въ Елевсинѣ, а не аѳинскій ея храмъ [5]). Взглядъ ефора Филія и

---

[1]) Ἐφημ. ἀρχαιολ. 1883, σελ. 2—6.

[2]) Ibid. σελ. 18.

[3]) *Dittenberger*, Syll. inscr. Graec. p. 26.

[4]) Arist. Eleus. p. 421 ed. *Dind.* Τὸ δὲ μέγιστον καὶ θειότατον, μόνην γὰρ ταύτην πανήγυριν εἰς οἶκος συλλαβὼν εἶχε καὶ ταὐτὸν ἦν τῆς πόλεως πλήρωμα καὶ τοῦ Ἐλευσινίου.

[5]) *Bullet. de Corr. hell.* 1880, p. 137.

Диттенбергера на имя „Елевсиній“, какъ на принадлежащее исключительно аѳинскому храму Димитры подъ акрополемъ, невѣренъ. Этотъ взглядъ опровергается не только приводимыми Фукаромъ словами Аристида, но и эпиграфическими данными. Въ надписи, содержащей постановленія о томъ, чтобы ефивы сопровождали „святыни“ Димитры изъ Елевсина въ Аѳины и обратно, къ имени 'Ελευσίνιον присоединены слова „τὸ ὑπὸ τῇ πόλει“ [1]). Еслибъ Елевсиніемъ назывался исключительно только храмъ Димитры, находившійся подъ аѳинскимъ акрополемъ, то зачѣмъ было-бы прибавлять τὸ ὑπὸ τῇ πόλει? Признавъ вѣрнымъ тотъ взглядъ, что Елевсиніемъ называли только аѳинскій храмъ Димитры, слѣдовало бы видѣть въ этихъ словахъ не опредѣленіе Елевсинія для отличія его отъ другаго храма, носившаго то же имя, а указаніе мѣста, гдѣ онъ находится. Но при той распространенности и извѣстности, какими пользовались елевсинскія мистеріи не только въ Греціи, но и въ другихъ странахъ древняго міра, едва ли была для грековъ надобность обозначать, гдѣ находится тотъ храмъ, въ которомъ происходили посвященія въ эти мистеріи [2]) и засѣданія священнаго совѣта послѣ мистерій [3]). Притомъ, если даже допустить, что такое указаніе для кого-нибудь потребовалось, то выраженіе ὑπὸ τῇ πόλει не удовлетворяетъ этой цѣли по своей неопредѣленности. Оно вызываетъ новый вопросъ: а съ какой стороны у подошвы акрополя находится этотъ храмъ? Кому это не было извѣстно, тому безполезно было бы такое общее указаніе „подъ акрополемъ“. Очевидно, что это прибавленіе вызвано иными соображеніями—необходимостью отличать въ оффиціальномъ постановленіи данный храмъ отъ другаго, съ которымъ онъ могъ быть смѣшанъ.

Та-же цѣль видна въ прибавленіи къ имени 'Ελευσίνιον словъ: τὸ ἐν ἄστει. Въ одной надписи [4]), гдѣ 'Ελευσίνιον встрѣчается восемь разъ, всякій разъ прибавляется къ нему: τὸ ἐν ἄστει. Для указанія мѣста было бы достаточно только разъ сказать, что этотъ храмъ находится въ Аѳинахъ.

У авторовъ, на сколько я могъ прослѣдить, 'Ελευσίνιον употребляется безъ всякаго опредѣленія въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ связи рѣчи видно, что говорится объ аѳинскомъ, а не объ елевсинскомъ Елевсиніи,

---

[1]) *Dittenberger*, Syll. inscr. Graec. n° 387, ll. 11. 39.

[2]) *Dittenberger*, Syll. inscr. Graec. n° 384. l. 125.

[3]) Andoc. περὶ μυστηρ. 111.

[4]) 'Εφημ. ἀρχ. 1883. III, стр. 114 B (ll. 26. 30. 32. 35. 47. 58. 59. 67), cf. Schol. ad Arist. Plut. 621: εἰς 'Ασκληπιοῦ· τὸν ἐν ἄστει λέγει 'Ασκληπιόν, δύο γάρ εἰσιν, ὁ μὲν ἐν ἄστει, ὁ δὲ ἐν Πειραεῖ“.



когда, слѣдовательно, нѣтъ необходимости точнѣе опредѣлять, какой Елевсиній нужно разумѣть. Такъ, у Плутарха читаемъ [1]): 'Αλλ' οὐχ ὁρῶμεν, ὥσπερ τὸν Παρθενῶνα καὶ τὸ 'Ελευσίνιον, καὶ τὸ Θησεῖον ἅπαντας προσκυνοῦντας. Упоминаніе рядомъ съ Елевсиніемъ Пареенона и храма Ѳисея служитъ указаніемъ, что рѣчь идетъ объ аѳинскомъ Елевсиніи. Андокидъ нѣсколько разъ употребляетъ 'Ελευσίνιον безъ всякаго опредѣленія [2]); но ходъ дѣйствій, происходящихъ въ Аѳинахъ [3]), устраняетъ необходимость обозначать, какой Елевсиній разумѣетъ подъ этимъ словомъ авторъ.

Явная необходимость опредѣленія, о какомъ Елевсиніи идетъ рѣчь, приводитъ къ тому заключенію, что хотя Елевсиніемъ обыкновенно назывался храмъ Димитры, находившійся въ Аѳинахъ подъ акрополемъ, но это имя не принадлежало ему исключительно; оно, не говоря уже о лаконскомъ Елевсиніи [4]), могло обозначать и храмъ Димитры въ Елевсинѣ.

Что касается до того, гдѣ находился аѳинскій Елевсиній, то едва ли какой-нибудь другой вопросъ въ области топографіи древней эллады вызвалъ столько несогласныхъ мнѣній среди ученыхъ, какъ вопросъ о мѣстонахожденіи Елевсинія.

К. Питтакисъ въ статьѣ „Περὶ τοῦ ἐν 'Αθήναις 'Ελευσινίου" писалъ слѣдующее [5]): Πρὸς ἀνατολὰς τοῦ ναοῦ Διὸς τοῦ 'Ολυμπίου ἐν αὐτῇ τῇ κοίτῃ τοῦ 'Ιλισσοῦ ὑπάρχει μέχρι τοῦδε νῆσος, τὴν ὁποίαν ἡ φιλοκαλία τῶν 'Ελλήνων εὑροῦσα ἐσχηματισμένην παρὰ τῆς φύσεως κατὰ τοὺς ἐνδοξοτέρους χρόνους τῆς 'Αθηναικῆς εὐκλείας ἐκαλλώπισεν... ἐν δὲ αὐτῇ τῇ νήσῳ ἦν τὸ 'Ελευσίνιον συστηθὲν παρ' αὐτῆς τῆς Δήμητρος καὶ τῶν 'Αθηναίων χάριν 'Ηρακλέους, ἔνθα οἱ ξένοι κατὰ κέλευσμα τοῦ Εὐμόλπου αὐτοῦ, τοῦ θέντος μυστήρια, ἐμυοῦντο.

Того же мнѣнія, по видимому, держится авторъ статьи, помѣщенной въ сборникѣ Dilettanti [6]). Но предполагать, что аѳинскій Елевсиній

[1]) Plut. περὶ φυγῆς c. 18.

[2]) Andoc. περὶ μυστηρίων c. 111. 116. 132; cf. Thucyd. II, c. 17; Pollux. VIII. 12.

[3]) Andoc. περὶ μυστηρ. 111: ἐπειδὴ γὰρ ἤλθομεν 'Ελευσινόθεν καὶ ἡ ἔνδειξις ἐγεγένητο κτλ.

[4]) Paus. III. 207.

[5]) 'Εφημ. ἀρχαιολ. 1854. φυλλ. 38. σελ. 1221.

[6]) Alterthümer von Attica. Uebers. von Dr. *C. Wagner*. Darmstadt. 1829. p. 45: „Alle Aspiranten versammelten sich an den Ufern des Jlissus und wurden nach mancherlei Reinigungsgebräuchen und Opfern in das Eleusinion oder den heiligen Bezirk eingelassen".

находился вблизи Илисса, невозможно въ виду яснаго указанія надписи, что онъ былъ подъ акрополемъ [1]).

Съ этимъ эпиграфическимъ указаніемъ вполнѣ согласуются слова Климента Александрійскаго [2]): Τί δαὶ 'Εριχθόνιος; οὐχὶ ἐν τῷ νεῷ τῆς Πολιάδος κεκήδευται; 'Ιμμάραδος δὲ ὁ Εὐμόλπου καὶ Δαείρας οὐχὶ ἐν τῷ περιβόλῳ τοῦ 'Ελευσινίου τοῦ ὑπὸ τῇ ἀκροπόλει [3]).

Эти данныя совершенно подрываютъ высказанное Ленорманомъ предположеніе о томъ, что построенная изъ развалинъ гимназіи Адріана и Елевсинія церковь Παναγία Γοργώπικο [4]) находится на мѣстѣ послѣдняго. Правда, несомнѣнно, что часть камней, употребленныхъ на постройку Елевсинія, пошла на сооруженіе этой церкви. Въ настоящее время надъ южными дверьми Горгопико находится фризъ съ изображеніемъ аттрибутовъ культа елевсинскихъ богинь [5]). Фризъ съ подобными изображеніями я видѣлъ среди развалинъ пропилей Аппія Клавдія въ Елевсинѣ [6]). Однако изъ того, что нѣкоторые камни, составлявшіе стѣны Елевсинія, были употреблены на постройку храма Горгопико, нельзя еще выводить заключеніе, что Елевсиній находился на мѣстѣ этого храма. Камни эти, при ихъ незначительныхъ размѣрахъ, легко могли быть перенесены изъ другаго мѣста. Ленорманъ, которому указанное выше мѣсто Климента Александрійскаго не могло быть не извѣстно, упустилъ изъ виду, что παναγία Γοργώπικο не находится ὑπὸ τῇ πόλει.

Къ мнѣнію Ленормана присоединился и Рангависъ [7]), державшійся прежде другаго взгляда [8]).

Съ какой же стороны „подъ акрополемъ" нужно искать Елевсиній? Ликъ помѣщалъ Елевсиній на восточномъ его склонѣ [9]). Такіе

---

[1]) *Dittenberger*, Syll. inscr. graec. n° 377, ll. 11. 37.

[2]) Clem. Alex. προτρ. p. 13 Sylb.

[3]) Cf. Arnob. adv. gent. VI. 6.

[4]) *Lenormant*. Rech. arch. à Eleusis. p. 481. О разныхъ начертаніяхъ имени Γοργώπικο см. *A. Mommsen*. Athenae christ. p. 126.

[5]) Изд. у *Stuart*. Ant. of Athens. t. I. ch. I. pl. II. Ср. *Lenorm*. Rech. à El. 53—55.

[6]) Рисунокъ и описаніе у *Ленормана* Rech. à Eleus. p. 397—39; cf. ibid. p. 53—55.

[7]) 'Ραγκαβῆ Λόγος ἐκφωνηθεὶς κατὰ τὴν ἐπέτειον ἑορτὴν τοῦ 'Οθωνείου πανεπιστημίου καθιδρύσεως. 'Αθῆναι, 1861. Къ сожалѣнію, я не могъ достать этой брошюры въ Аѳинской національной библіотекѣ. Указанія на нее см. *Lenorm*. Rech. à Eleusis, p. 401.

[8]) *Bullet. d. Inst.* 1850. p. 136.

[9]) The topography of Athens. London. 1841. 296—300.

ученые, какъ Веттихеръ [1]), Гергардъ [2]), А. Моммзенъ [3]), Виламовичъ [4]), Г. Смитъ [5]) стали на сторонѣ этого мнѣнія. Но если помѣстить Елевсиній на восточномъ склонѣ акрополя, то онъ далеко отстоялъ бы отъ Пеласгика, сравнительно съ размѣрами окружности акрополя, а изъ надписи о „начаткахъ", посвящавшихся елевсинскимъ божествамъ, слѣдуетъ несомнѣнный, кажется, выводъ, что Елевсиній былъ вблизи Пеласгика. Чѣмъ, если не близостью Елевсинія къ Пеласгику, объяснить этотъ, по видимому, странный, рѣзкій переходъ, ту кажущуюся непослѣдовательность, съ какою вслѣдъ за постановленіемъ о жертвахъ елевсинскимъ богинямъ и героямъ вдругъ предписывается: Τὸν δὲ βασ[ι]λέα ὁρίσαι τὰ ἱερὰ τὰ ἐν τ[ῶ]ι Πελαργικῶι καὶ τὸ λοιπὸν μὴ ἐνἰδρύεσθαι βωμοὺς ἐν τῶι Πελαργικῶι ἄνευ τῆς βουλῆς καὶ τοῦ δήμου, μηδὲ τοὺς λίθους τέμνειν ἐκ τοῦ Πελαργικοῦ μηδὲ γῆν ἐχσάγειν μηδὲ λίθους [6]). Фукаръ объясняетъ упоминаніе въ этой надписи о Пеласгикѣ тѣмъ предположеніемъ, что дельфійскому оракулу былъ сдѣланъ вопросъ вмѣстѣ и о начаткахъ, и о Пеласгикѣ [7]).

Но такое объясненіе, не рѣшая дѣла, только отодвигаетъ недоумѣніе дальше: какъ же возникала, чѣмъ обусловливалась связь между этими вопросами? Отвѣтъ ясенъ—близостью Елевсинія къ Пеласгику. Хотя Елевсиній былъ окруженъ оградой [8]), все-таки, при ломкѣ и вывозѣ камней изъ Пеласгика, разрушеніе, принимая постепенно большіе и большіе размѣры, могло коснуться и его. Потому-то постановленіемъ, относящимся къ елевсинскому культу, воспрещается порча Пеласгика.

Близость Елевсинія къ Пеласгику помогаетъ опредѣлить положеніе перваго, такъ какъ мѣсто, гдѣ находился Пеласгикъ, можетъ быть опредѣлено съ надлежащею точностью. При этомъ нужно смотрѣть на Пеласгикъ не какъ на цѣлую стѣну, выстроенную пеласгами для защиты акрополя [9]), а какъ на отдѣльный, опредѣленный

---

[1]) III Supplementb. des *Philologus.* S. 289. ff.

[2]) *Rhein. Mus.* XVIII. S. 301.

[3]) Heortologie. S. 190. Anm., cf. S. 249. Anm.

[4]) Aus Kydathen. S. 128. Цит. изъ Dorpat. Progr. S. 17.

[5]) Dictionary of greek and roman Geography. *Ed. W. Smith.* London. 1854. vid. tab. ad p. 273.

[6]) *Bullet. de Corr. hellén.* 1882. p. 227, ll. 54—57.

[7]) Ibid. p. 254.

[8]) Clem. Alex. Προτρ. p. 13 Sylb.

[9]) Herod. V. 64. cf. Schol. ad. Arist. Λυσιστρ. v. 1153. Marm. Par. l. 60.

пунктъ этой стѣны, за которымъ съ теченіемъ времени κατ' ἐξοχὴν установилось названіе Пеласгика. Къ такому взгляду приводятъ слова Лукіана въ его діалогѣ „Рыбакъ", гдѣ Паррисіадъ говоритъ: „Эге, какъ наполнился людьми всходъ (на акрополь), какъ рвутся они, лишь только услышали про двѣ мины: одни возлѣ Пеласгика, другіе возлѣ Асклипіея, а еще больше подлѣ Ареопага, нѣкоторые у гроба Тала, а иные, приставивъ лѣстницы, взбираются даже къ Анакію". Тутъ Пеласгикъ представляется такимъ же отдѣльнымъ пунктомъ, какъ и Асклипіей, и Анакій, и гробъ Тала [2]). Положеніе Пеласгика ближе опредѣляется у того же Лукіана въ слѣдующихъ словахъ [3]): Πὰν.... τὸ ὑπὸ τῇ ἀκροπόλει σπήλαιον τοῦτο ἀπολαβόμενος οἰκεῖ μικρὸν ὑπὲρ τοῦ Πελασγικοῦ.

Итакъ, Пеласгикъ лежалъ ниже пещеры Пана на сѣверномъ склонѣ акрополя; на этой же сторонѣ акрополя нужно искать и Елевсиній, а не на восточной. Не только по этимъ соображеніямъ, но и на основаніи другихъ данныхъ, не можетъ быть признано вѣрнымъ предположеніе Лика о томъ, что находящаяся на восточномъ склонѣ акрополя пещера была „adyton of Eleusinium", гдѣ, по его мнѣнію, происходили засѣданія священнаго совѣта по окончаніи мистерій [4]). Пещера эта, лежащая приблизительно на $^3/_4$ высоты восточнаго склона акрополя, представляетъ теперь внутри глубокій, покрытый пескомъ скатъ въ направленіи къ западу. На сколько можно въ настоящее время прослѣдить, она не носитъ слѣдовъ искусственной обработки, которую необходимо ожидать, если бы тамъ находилось „adyton" Елевсинія. Пробираться къ этой пещерѣ теперь нужно почти ползкомъ. Допустивъ, въ крайнемъ случаѣ, что члены священнаго совѣта такимъ образомъ проникали туда для исполненія своего священнаго долга, не возможно согласовать съ положеніемъ этой пещеры разказъ Филострата о томъ, что панаѳинейская процессія обходила кругомъ Елевсиній [5]). Обходъ вокругъ этой пещеры, которая, какъ adyton, должна бы находиться внутри ограды Елевсинія, для цѣлой процессіи, въ которой участвовали и всадники, и старики, невозможенъ.

---

[1]) Lucian. Ἁλιεύς. 42.

[2]) Cf. *Bullet. de Corr. hell.* 1880. p. 243; *Wachsmuth.* S. 290.

[3] Lucian. Δὶς κατηγορούμ. c. 9.

[4]) The Topography of Athens. I². 297. cf. ibid. Pl. III.

[5]) Philostr. Βίοι σοφ. II. 1. 5.

Съ предположеніемъ о томъ, что Елевсиній находился на сѣверной сторонѣ у подошвы акрополя, вполнѣ согласуются слова Ксенофонта въ Ἱππαρχικός [1]. Елевсиній представленъ у него какъ пунктъ, до котораго аѳинскіе всадники совершаютъ свой торжественный маршъ, начиная отъ Гермовъ, прямо, не объѣзжая акрополя кругомъ, а это было бы необходимо, еслибъ Елевсиній лежалъ на южной его сторонѣ. Согласуется съ этимъ и Филостратово описаніе панаѳинейской процессіи [2]. Поэтому я не могу согласиться съ мнѣніемъ Лешке, который помѣщаетъ Елевсиній на южной сторонѣ Акрополя [3]. Кромѣ явнаго несогласія съ словами Ксенофонта и Филострата, въ связи съ этимъ необходимо допустить, что панаѳинейская процессія, если только она не обходила акрополь кругомъ, отъ востока къ западу, измѣняла свое направленіе, обойдя Елевсиній. Лешке такъ и дѣлаетъ, понимая выраженіе παραμεῖψαι Πελασγικόν въ смыслѣ „перемѣнить направленіе къ Пеласгику“ [4]. Но такъ какъ въ этихъ словахъ Πελασγικόν является прямымъ дополненіемъ къ глаголу παραμεῖψαι, то едва ли можно такъ понимать ихъ. Παραμεῖψαι Πελασγικόν, по моему, означаетъ „пройти мимо Пеласгика“.

Къ мнѣнію Лешке очень близокъ взглядъ автора статьи „Athen“, помѣщенной въ сборникѣ Баумейстера „Denkmäler des classischen Alterthums“, гдѣ высказано предположеніе, что Елевсиній примыкалъ съ южной или юго-западной стороны къ Одеону Ирода Аттика [5].

Для полноты обзора мнѣній ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о томъ, гдѣ находился Елевсиній, остается упомянуть, что Преллеръ помѣщалъ его на сѣверо-западномъ склонѣ акрополя [6], Вахсмутъ — на сѣверо-восточномъ [7], Бурсіанъ [8] колеблется между сѣверо-восточнымъ и юго-западнымъ склономъ. Но Вахсмутъ помѣщаетъ Елев-

---

[1]) Xenoph. Ἱππαρχ. III. 2. ἐπειδὰν δὲ πάλιν πρὸς τοῖς Ἑρμαῖς γένωνται περιεληλακότες, ἐντεῦθεν καλόν μοι δοκεῖ εἶναι κατὰ φυλὰς εἰς τάχος ἀνιέναι τοὺς ἵππους μέχρι τοῦ Ἐλευσινίου. cf. Schol. ad Arist. Ἱππεῖς, v. 566.

[2]) Philostr. Βίοι σοφ. II. 1. 5.

[3]) Dorp. progr. 1883. Die Enneakrunosepisode bei Pausanias. S. 13. cf. ibid. S. 14.

[4]) Ibid. S. 13: «Bei ihm (Eleusinion) tritt das Schiff in veränderter Richtung den Weg zur Station an, in der es bis zur nächsten Festfeier aufbewahrt wurde».

[5]) Denkm. des class. Alterthums. S. 198. cf. 187.

[6]) *Pauly*. R. E. III. 89.

[7]) *C. Wachsmuth*. Die Stadt Athen. S. 302.

[8]) Geogr. von Griech. Leipzig. 1862. p. 296, Anm. 2.

синій далеко отъ Пеласгика (ср. стр. 7—8), Преллеръ — слишкомъ близко, а изъ разказа Филострата видно, что между тѣмъ и другимъ все-таки было нѣкоторое разстояніе, хотя и небольшое (Phil. βίοι σοφ. l. c.).

Соображенія, почему нельзя искать Елевсинія на южномъ склонѣ акрополя, я высказалъ при разборѣ мнѣнія г. Лешке.

Приведенныя мною спорадически въ этомъ очеркѣ данныя заставляютъ меня думать, что Елевсиній находился на сѣверномъ склонѣ акрополя (сравн. Foucart, Bulletin de Corr. hell. 1882, p. 237), приблизительно на срединѣ его протяженія, вблизи того мѣста, гдѣ теперь стоитъ церковь Ἅγιος Σωτήρ. (См. Atlas von Athen. E. Curtius und J. A. Kaupert. Berlin. 1878. Bl. III).

Н. Новосадскій.

КЪ ВОПРОСУ О КУЛЬТѢ ИЗИДЫ ВЪ ГРЕЦІИ.

Введеніе культа Изиды, притомъ не въ видѣ позволенія только иностранцамъ поклоняться на чужбинѣ своей родной богинѣ, а проникновеніе этого культа въ религію древнихъ грековъ и посвященіе служенію Изиды лицъ изъ среды самихъ грековъ [1]), представляетъ очень важный и интересный фактъ въ исторіи развитія древне-греческихъ религіозныхъ вѣрованій. Что побудило грековъ, сурово обвинявшихъ Сократа за то, что онъ καινὰ δαιμόνια εἰσάγει, спустя незначительный для жизни цѣлаго народа промежутокъ времени вводить служеніе чужимъ богамъ? Быть можетъ, несоотвѣтствіе ихъ новымъ идеаламъ тѣхъ представленій, какія соединялись съ ихъ древними родными богами? Но въ такомъ случаѣ гораздо проще и естественнѣе было бы эллинамъ измѣнить примѣнительно къ новымъ нравственнымъ и умственнымъ потребностямъ неудовлетворявшія ихъ черты въ образахъ родныхъ боговъ. Проще и естественнѣе было бы это потому, что въ ученіи древнихъ грековъ объ ихъ богахъ находились основы для видоизмѣненія типа того или другаго божества и даже для сліянія одного божества съ другимъ [2]). Такъ напримѣръ, Ζεὺς Σωτήρ, Ζεὺς φίλιος, Ζεὺς ξένιος, Ζεὺς ἀγοραῖος, Ζεὺς Μουσαγέτης, Ζεὺς Τρεφώνιος, Ζεὺς Μειλίχιος κτλ.—это не одни имена только, но и различные образы, различныя представленія объ одномъ и томъ же божествѣ. То же замѣчается и во многихъ другихъ божествахъ. Всего проще было бы изъ этихъ многихъ представленій взять и установить то, которое наиболѣе соотвѣтствовало въ данное время нравственнымъ и умствен-

---

[1]) Plut. De Iside. c. 35. C. I. A. III. 923.
[2]) Cf. Iulian. Orat. V. 159.

нымъ требованіямъ эллиновъ. Но не такимъ путемъ пошли они въ IV вѣкѣ до Р. Хр. въ процессѣ дальнѣйшаго развитія своихъ религіозныхъ вѣрованій. Они стали искать обновленія и поддержки своей религіи не въ ней самой, а внѣ ея. Этотъ фактъ служитъ выраженіемъ ослабленія вліянія родной религіи на умы эллиновъ. Всякая религія сильна, пока она имѣетъ могучее живое дѣйствіе на народъ исключительно по самой сущности своей, какъ предъявляющая права свои на высшее и полное выраженіе истины, а такое выраженіе можетъ быть только въ одной, а не во многихъ различныхъ формахъ.

Нельзя не замѣтить, что упадокъ, ослабленіе вліянія родной религіи на умы эллиновъ обнаруживается одновременно съ упадкомъ ихъ политическаго могущества [1]). Вмѣстѣ съ введеніемъ культа чужихъ боговъ въ Греціи начинаютъ распространяться въ ней и различныя общества, какъ религіознаго, такъ и политическаго характера [2]).

Для опредѣленія времени проникновенія культа Изиды въ Аттику важное значеніе имѣетъ надпись, помѣщенная въ сборникѣ Диттенбергера „Sylloge Inscriptionum Graecarum" подъ № 355 [3]). Изъ этой надписи видно, что еще до архонтства Никократа (333 г. до Р. Хр.) былъ построенъ въ Пиреѣ храмъ Изиды. Надпись эта найдена въ Пиреѣ.

При происходившихъ въ разное время въ Аѳинахъ археологическихъ раскопкахъ, а также при разрытіяхъ почвы, не имѣвшихъ научнаго значенія, найдены надписи, указывающія на значительное распространеніе культа Изиды въ этомъ городѣ.

На сѣверномъ склонѣ акрополя найдена надпись съ посвященіемъ Серапису и Изидѣ [4]). Надпись съ посвященіемъ Изидѣ-Справедливости (δικαιοσύνῃ) найдена вблизи башни Андроника [5]). Когда копали ровъ для фундамента аѳинскаго собора, то открыли надпись [6]), въ которой упоминается канефора Сераписа и Изиды. Нѣсколько выше аѳинскаго театра найдена была надпись, относящаяся къ первой половинѣ втораго вѣка по Р. Хр. [7]). Въ этой надписи говорится о постановкѣ статуи Афродиты въ храмѣ другой богини, имя которой въ надписи не сохранилось. Бекъ высказалъ весьма вѣроятное пред-

---

[1]) Cf. Paus. I. 18. 4.

[2]) Cf. *O. Lüders*. Dionys. Künstler, S. 13.

[3]) = C. I. A. II, n° 168.=*Foucart*. Des associations religieuses, p. 187.

[4]) *Rangabé*, Antiq. hell. 2361 = Ἐφημ. ἀρχαιολ. 1813.

[5]) C. I. A. III. 203.

[6]) C. I. A. III. 923 = *Rangabé*, Antiquités helléniques. n° 1057.

[7]) C. I. Gr. 481.

положеніе, что эта другая богиня была Изида, имѣвшая святилище на южномъ склонѣ акрополя. У. Келеръ, упомянувъ въ своей статьѣ „Der Südabhang der Akropolis zu Athen“ объ этой надписи, пишетъ слѣдующее [1]): „Aus der Vergleichung des mit den Götternamen versehenen Monumentes mit den übrigen am Südabhange der Burg gemachten Funden scheint sich mir zu ergeben, dass... bei dem Tempel (der Aphrodite Pandemos) und vielleicht innerhalb des dazu gehörigen Temenos eine Cultstätte der Nymphen und, in der späteren Zeit, ein Heiligthum der Isis sich befanden“. К. Питтакисъ свидѣтельствуетъ [2]), что на мѣстѣ мечети, называемой χολοῦμνα, найдено было посвященіе Ὀσίριδι καὶ θεοῖς Αἰγυπτίοις.

Культъ Изиды получилъ широкое распространеніе въ древней Греціи. Павсаній упоминаетъ о храмахъ Изиды въ ахейскомъ городѣ Вурѣ (ἡ Βοῦρα) [3]), въ Фокидѣ, въ разстояніи сорока стадій отъ Тиѳорейскаго храма Асклипія Ἀρχαγέτας [4]), въ Мегарахъ [5]), въ Фліунтѣ [6]) и два священныхъ участка (τέμενος) Изиды въ Коринѳѣ, при входѣ на коринѳскій акрополь, изъ которыхъ одинъ былъ посвященъ Изидѣ Πελαγία, а другой—Изидѣ Αἰγυπτία [7]).

О культѣ Изиды на нѣкоторыхъ островахъ есть эпиграфическія указанія. Такъ, въ одной самосской надписи упоминается ἱερεὺς Ἴσιος [8]). Надпись, найденная на Дилосѣ, указываетъ, что на этомъ островѣ было Ἰσίειον — святилище Изиды [9]). На распространенность почитанія Изиды въ Греціи указываетъ множество статуй и барельефовъ, представляющихъ женщинъ въ костюмѣ Изидиныхъ жрицъ. Къ нимъ относятся находящіеся въ Аѳинскомъ центральномъ музеѣ барельефы Александры, жены какого-то Ктита [10]), Софіи, дочери Агапита [11]), Амариллиды, дочери Антипатра [12]), Парѳеноны [13]) и нѣкоторые другіе

---

[1]) *Mittheil d. D. A. Inst.* II, стр. 249.

[2]) L'Ancienne Athènes. p. 503.

[3]) Paus. VII. 25. 9.

[4]) Id. X. 32. 12.

[5]) Id. I. 41. 3.

[6]) Id. II. 13. 7.

[7]) Id. II. 4. 6.

[8]) *Dittenb.* Syll. inscr. Graec. n° 393. l. 6.

[9]) *Dittenb.* Sylloge inscr. Graec. n° 367. l. 230.

[10]) У *Л. Зибеля* Katalog der Sculpturen zu Athen, помѣщ. подъ № 447. Надпись: Ἀλεξάνδρα (Ἀλεξάνδρου?) Ὀῆθεν Κτήτου γυνή.

[11]) *Sybel.* n° 451.

[12]) Ibid. n°. 461.

[13]) Ibid. n° 468.

барельефы и статуи, помѣщенные въ акропольскомъ музеѣ въ Аѳинахъ [1]).

Кромѣ этихъ данныхъ, на громадное распространеніе культа Изиды въ Греціи указываютъ слова Плутарха [2]): Ἶσιν δὲ καὶ τοὺς περὶ αὐτὴν θεοὺς ἔχουσι καὶ γινώσκουσιν ἅπαντες, ἐνίους μὲν οὐ πάλαι τοῖς παρ' Αἰγυπτίων ὀνόμασι καλεῖν μεμαθηκότες, ἑκάστου δὲ τὴν δύναμιν ἐξ ἀρχῆς ἐπιστάμενοι καὶ τιμῶντες.

Какое же представленіе соединяли древніе греки съ этою богиней? Главнымъ источникомъ по этому вопросу служитъ намъ сочиненіе Плутарха Περὶ Ἴσιδος καὶ Ὀσίριδος. Оно указываетъ, какъ различны, какъ многочисленны были представленія грековъ объ Изидѣ. Они отожествляли ее и съ Тиѳидой [3]), и съ Селеной [4]), и съ Аѳиной [5]), и съ Персефоной [6]). На близость представленій объ Изидѣ и Персефонѣ указываетъ и то обстоятельство, что Изидѣ была посвящена курица; она же была аттрибутомъ и Персефоны, какъ это видно изъ терракоты, находящейся въ Британскомъ музеѣ, которая представляетъ Персефону съ двумя курицами въ рукѣ [7]). Изиду отожествляли также съ Герой [8]). Въ ученіи Антиклида Изида представлялась дочерью Прометея и супругой Діониса [9]). Даже въ египетскихъ именахъ Изиды, приводимыхъ Плутархомъ, нѣтъ единства. Плутархъ говоритъ, что египтяне называли ее и Μούθ, и Ἄθυρι, и Μεθύερ [10]).

Всего болѣе тѣ черты, которыя приписывали Изидѣ, приближались къ чертамъ Димитры. На это указываетъ Геродотъ [11]); съ этимъ согласны указанія другихъ авторовъ [12]). Сходство египетскихъ представленій объ Изидѣ съ представленіями древнихъ грековъ о Димитрѣ

---

[1]) Ibid. n°n° 6262. 6414. 6443. Я упоминаю только тѣ барельефы и статуи въ костюмѣ Изиды, которые имѣлъ возможность самъ видѣть.

[2]) Plut. De Iside c. 66. a.

[3]) Ibid. c. 34 b.

[4]) Ibid. c. 52 c. cf. c. 43 b. cf. Diod. I. 25.

[5]) Ibid. c. 9 b. cf. 62 a.

[6]) Ibid. c. 27.

[7]) *Arch. Zeit.* 1870. 77. *E. Curtius.* Vid. Foerster. Der Raub und die Rückkehr der Persephone. S. 109. Cf. ibid. S. 127.

[8]) Diod. I. 25.

[9]) Plut. De Iside. c. 37.

[10]) Ibid. c. 56.

[11]) Herod. II. 59.

[12]) Diod. I. 13: Τὴν δὲ Ἶσιν ἔγγιστά πως Δήμητρα (μεθερμηνευομένην εἶναι). Cf. ibid. I. 96. V. 69. Apollod. II. 1. 3. Clem. Alex. Strom. I. c. 21.

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

Высочайшие приказы.

Министерския распоряжения.

СТРАН.

Приказы министра народнаго просвѣщенія.

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣления особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщения.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Критика и библіографія.

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.



ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Въ приложеніи:

В. А. Надлеръ. Двадцатипятилѣтіе царствованія императора Александра II.

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1994




3 2044 022 672 034



